

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ

Биобиблиографический
словарь

М-Я

2

«МУЗА ПУШКИНА
БЫЛА ВСКОРМЛЕНА
И ВОСПИТАНА ТВОРЕНИЯМИ
ПРЕДШЕСТВОВАВШИХ
ПОЭТОВ.

СКАЖЕМ БОЛЕЕ:
ОНА ПРИНЯЛА ИХ
В СЕБЯ,
КАК СВОЕ ЗАКОННОЕ
ДОСТОЯНИЕ,
И ВОЗВРАТИЛА ИХ
МИРУ
В НОВОМ,
ПРЕОБРАЖЕННОМ ВИДЕ».

В. Г. Белинский

«НЕЛЬЗЯ СМОТРЕТЬ
НА СЛОВАРЬ
ТОЛЬКО КАК НА СОБРАНИЕ
ОТДЕЛЬНЫХ
СТАТЕЙ И СПРАВОК.
В ЦЕЛОМ
СЛОВАРЬ ПИСАТЕЛЕЙ
И УЧЕНЫХ
ЕСТЬ РЕГИСТРАЦИЯ
ДУХОВНЫХ СИЛ СТРАНЫ,
И ИМЕННО,
КОГДА ВЕЛИКО ЧИСЛО
ВНОСИМЫХ
В НЕГО ДЕЯТЕЛЕЙ,
ОН ДАЕТ
ПРОЧНУЮ ОСНОВУ
ДЛЯ УСТАНОВЛЕНИЯ
ВСЯКОГО РОДА
ВЫВОДОВ...»

С. А. Венгеров

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ

Библиографический
словарь

М-Я

2

Под редакцией
П. А. НИКОЛАЕВА

Москва
«Просвещение»
1990

**ББК 016:83
Р89**

Редакционная коллегия: Б. Ф. ЕГОРОВ, Ю. В. МАНН, П. А. НИКОЛАЕВ (ответственный редактор), А. Г. СОКОЛОВ, Л. В. ЧЕРНЕЦ

**ISBN 5-09-003934-8 (ч. 2)
ISBN 5-09-003933-X**

© - Николаев П. А., 1990

МАЙКОВ, Аполлон Николаевич [23.V (4. VI). 1821, Москва — 8.(20).III. 1897, Петербург] — поэт. Родился в семье известного живописца, позднее академика императорской Академии Художеств, — Николая Аполлоновича Майкова (1796—1873). Детство поэта прошло в Москве и в подмосковном имении, но дальнейшая его судьба связана с Петербургом, куда семья переселилась в 1834 г. Первоначальное образование М. и его брат Валерян (1823—1847), в будущем видный литературный критик, получили дома, в основном под руководством друга их отца литератора — В. А. Солоницына. Историю словесности братьям преподавал тогда еще мало кому известный писатель И. А. Гончаров, вспоминая позднее, что дом Майковых «кипел жизнью, людьми, приносившими сюда неистощимое содержание из сферы мысли, науки, искусств» (Гончаров И. А. <Н. А. Майков. Некролог> // — Голос.—1873.—№ 238.—29 авг.). Майковы вместе с членами их домашнего кружка (В. Г. Бенедиктовым, И. А. Гончаровым, П. П. Свинным и др.) «выпускали» рукописный журнал («Подснежник») и альманах («Лунные ночи»), куда включались первые опыты юного М. В те годы он под влиянием отца увлекался живописью, а под воздействием друзей дома и матери (Евгения Петровна, урожденной Гусятниковой, 1803—1880), позднее выступавшей в печати с повестями и стихотворениями, пробовал силы в поэзии.

В 1837 г. М. поступил на юридический факультет Петербургского университета, но литературных занятий не оставлял; не раскрывая своего авторства, напечатал несколько стихотворений («Одесский альманах на 1840 год»; «Библиотека для чтения» и «Отечественные записки» за 1841 г.). Теперь его поэтические занятия поощрялись уже не только друзьями дома: на М. обратили внимание университетские профессора, в особенности П. А. Плетнев, многие годы опекающий поэта и знакомивший крупнейших литераторов, в частности Жуковского и Гоголя, с его произведениями.

В начале 1842 г. вышел в свет первый поэтический сборник М. В литературных кругах особый интерес вызвал открывавший его раздел «В антологическом роде» — цикл стихотворений, близких жанру элегии и одновременно ориентированных на античную эпигرامму. Исключительно высокую оценку антологической лирике М. дал В. Г. Белинский, утверждавший, что «эллиское созерцание составляет основной элемент таланта» поэта, и восхищавшийся пластичностью и грациозностью образов, «виртуозностию отделки» стиха, «поэтическим, полным жизни и определенности языком» (Собр. соч.: В 9 т.—М., 1979.—Т. 4.—С. 344—346). Хотя Белинский и

другие рецензенты сочли удачными далеко не все стихотворения, сборнику сопутствовал громкий успех, выдвинувший М. в число лучших отечественных поэтов. «Кажется,— замечал Плетнев,— я читал идеи Дельвига, переданные стихами Пушкина» (Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым.—Спб., 1896.—Т. 1.—С. 483).

Подобно антологической лирике Пушкина, стихотворения М. тяготеют к фрагменту, лишённому действия и воссоздающему статические, пластичные образы: «мирно уснувших двух нимф» («Эхо и молчание», 1840), «ваханку молодую» («Ваханка», 1841), «домик наш укромной» («Прощание с деревней», 1841), «вместительный <...> кубок» («Барельеф», 1842). М. отказался от традиционной для «подражаний древним» любовной тематики, предпочитая описательную, в особенности пейзажную лирику. Природа для поэта полна скрытого смысла («все думу тайную в душе моей питает»); населенная мифологическими существами — «дриадами, увенчанными дубовыми листьями», «толпою легкокрылой» нимф, фавнами «с хмелем на челе» — природа одухотворяется, психологизируется и как бы отождествляется с прекрасным миром языческой древности. Однако разлитый в этом мире идиллический покой, гармоническая уравновешенность уже недостижимы и чужды поэту: «Я втайне бы страдал и жаждал бы порой / И бури, и тревог, и воли дорогой, / Чтоб дух мой крепнуть мог в борении мятежном...» («Раздумье», 1841; ср. со стихотворением Дельвига «Тихая жизнь»). Испытав, очевидно, влияние Лермонтова, М. создал нетрадиционный для антологической лирики образ мятущегося, рефлексиирующего поэта.

Закончив университет первым кандидатом (1841), М. определился на службу в министерство финансов. Однако вскоре он получил от Николая I пособие для путешествия за границу. Большую часть времени он провел в Италии, занимаясь поэзией и живописью, побывал в Париже, где слушал лекции по изобразительному искусству и литературе, посетил Дрезден и Прагу. Вернувшись в 1844 г. в Россию, М., не располагавший значительным состоянием, вынужден был искать службу. Сначала он получил место в Румянцевском музее (тогда находившемся в Петербурге), затем перешел в петербургский комитет иностранной цензуры.

Впечатления от Италии нашли отражение во втором сборнике стихотворений М. «Очерки Рима» (Спб., 1847). Как бы оправдывая надежды Белинского, хотевшего видеть его не только «антологическим», но и «современным поэтом» (статья «Русская литература в 1842 г.»; Собр. соч.: В 9 т.—М., 1979.—Т. 5.—С. 207), М. рисовал рядом — и чаще всего по контрасту — с величественными руинами и роскошной природой «классического» Рима убогий быт бедняков и будничные уличные сценки (см. стихотворения

«Нищий», «Капуцин», оба — в 1844 г.). Вместе с тем М. был далек от установки на прозаичность: «пестрая толпа вдоль улиц тесных, ребенок «с чернокудрявой, смуглой головой», «разутый капуцин <...> в истертом рубище» — все эти картины, наделенные под его пером экзотическим колоритом, эстетизировались, получали мощный поэтический заряд. Хотя в новом сборнике стихотворений лексика и ритмика стали разнообразнее, кардинальных изменений поэтики не произошло: М. по-прежнему опирался на традиционный элегический словарь («дух суровый и угрюмый», «мятежных чувств избыток»); как и ранее, в цикле преобладала пейзажная лирика и статичные зарисовки; сохранялась и непреодолимая дистанция между поэтом и изображаемым миром: притягательная простота и естественность итальянской жизни, подобно древней идиллии в антологических стихотворениях, были недоступны поэту, не способному жить «...без размышлений, / Без тоски, без думы роковой» («Fortunata», 1845).

Вернувшись из заграницы, М. погрузился в литературную жизнь Петербурга, стал постоянным сотрудником ведущих периодических изданий — «Отечественных записок», «Финского вестника», «Современника»; выступал с критическими статьями о литературе и изобразительном искусстве (в частности разбирал работы Айвазовского, Ф. П. Толстого, Федотова), отстаивая эстетические принципы «натуральной школы». Поэтика «школы» оказала воздействие и на его собственную творческую практику: М. написал ряд прозаических произведений, близких жанру физиологического очерка («Завещание дяди племяннику», 1847; «Старушка. Отрывки из записок праздного человека», 1848; и др.) и поместил в «Петербургском сборнике» (Спб., 1846) поэму «Машенька», в которой высмеивал «плаксивый тон» элегий, ориентируясь в основном на разговорную лексику и интонацию, иронизировал над романтическими штампами, рисуя по преимуществу прозаическую действительность. «Уменьше представлять жизнь в ее истине», — так в рецензии на «Петербургский сборник» Белинский характеризовал новую грань дарования поэта (Собр. соч. — М., 1982. — Т. 8. — С. 148). Доброжелательно откликнулся Белинский и на изданную ранее поэму М. «Две судьбы» (Спб., 1845), в которой также ощутимо воздействие «натуральной школы», обогащенное вместе с тем традициями Лермонтова: в центре поэмы — герой печоринского склада, наделенный типичными, по отзыву Герцена (см.: Собр. соч.: В 30 т. — М., 1954. — Т. 2. — С. 411), чертами мыслящего дворянина 40 гг., но в финале показанный духовно деградировавшим, опустившимся обывателем.

В 40 гг. М. сблизился с кружком Белинского, в частности — с Тургеневым и Некрасовым, изредка посещал «пятницы» М. В. Петрашевского, поддерживая самые тесные контакты

с Ф. М. Достоевским и А. Н. Плещеевым (позднее следственная комиссия по делу петрашевцев допрашивала М.; за ним был установлен секретный надзор). Однако в полной мере идей утопического социализма поэт не разделял. Уже тогда зародился его сочувственный интерес к идеям славянофильского толка, получившим с 50 гг. решительный перевес в системе взглядов М. «Только та форма, — писал он о государственном строе, — которая выработана историей, и есть лучшая» (письмо к А. В. Никитенко — цитируется по кн.: Ямпольский И. Г. Поэты и прозаики. — Л., 1986. — С. 136). Идеализация «патриархально-монархической формы» правления, подъем патриотических чувств, возбужденных началом Крымской войны, привели М. к примирению с николаевским режимом и созданию верноподданических произведений (посвященное Николаю I стих. «Коляска», при жизни М. не печаталось; сборник стих. «1854-й год». — Спб., <1855>), вызвавших нападки не только врагов, но и друзей поэта. Н. Ф. Щербина, например, в своих эпиграммах прямо называл его «хамелеоном» и «льстивым рабом». Однако после поражения России в войне М. изменил свое отношение к николаевскому царствованию («Это была моя глупость, но не подлость», — говорил он, по свидетельству Я. П. Полонского // Голос минувшего. — 1919. — № 1/4. — С. 107), и, как писала близко знавшая М. мемуаристка, «наступила его лучшая пора» (Штакеншнейдер Е. А. Дневник и записки. — М.; Л., 1934. — С. 48): возросла популярность поэта, он с успехом выступал на публичных литературных чтениях, печатался в крупнейших журналах. Но к середине 60 гг. М. вновь и теперь уже окончательно перешел на консервативные позиции: он страстно осуждал радикально настроенную молодежь, солидаризировался с Катковым в оценке польского восстания и национальной политики России.

В основу мировоззрения М. в зрелые годы легли почвеннические идеи, сблизившие его с Ап. Григорьевым, Н. Н. Страховым и Достоевским (тесную дружбу с которым поэт пронес через всю жизнь). Разделяя идею избранности русского народа, М. стал одним из заметных участников панславистского движения: историческую роль России он видел в объединении всех славянских народов, в первую очередь — в освобождении славян из-под турецкого владычества. О России в связи со «славянским вопросом» он писал Достоевскому: «... раз увидав ее в этом свете, поймешь ее <...> и безусловно ей отдашься, ибо получаешь цель деятельности, осязательную, живую, историческую...» (Достоевский Ф. М. Статьи и материалы. — М.; Л. — Сб. 2, 1924. — С. 341). Искусство, по мысли поэта, призвано углублять национальное самосознание и прежде всего — историческую память народа. Судьба славян стала поэтому предметом постоянных поэтических раздумий М.

Во многих произведениях 50—80 гг. — в небольшой поэме «Клермонтский собор», в циклах стихотворений «Из славянского мира», «Дома», «Отзывы истории» — М. обращался к прошлому и к его отголоскам в настоящем, к нравственным идеалам народа. Поэтизируя эти идеалы, М. никогда, однако, не забывал глаза на противоречивость национального характера, но «в диком мраке и глуши» его привлекали прежде всего «светлые мгновенья» (стихотворение «Дорог мне, перед иконой...», 1868).

Стремясь в духовном мире простонародья обрести нравственно-психологическую опору, М. ориентировал свою художественную систему на фольклорную поэтику, на традиции древнерусской словесности, считая литературную архаику живым «поэтическим фондом в душе русского народа» (письмо М. П. Погодину от 18. X. 1869, ЦГАЛИ). Перу М. принадлежали вольные переводы и стилизации белорусских и сербских народных песен, поэтическое переложение «Слова о полку Игореве» («Заря», — 1870. — № 1), заслужившее репутацию одного из лучших произведений поэта. В своем оригинальном творчестве М. опирался на культуру, имевшую многовековую традицию. Так, создавая драматическую поэму о раскольниках «Странник» (1864), он, по его собственному признанию, почерпнул основные образы и картины из «рукописной раскольниковой литературы», и, будучи «увлечен этими поэтическими красотоми, попытался воспроизвести их <...> в новой, нынешней форме поэзии» («Предисловие к «Страннику»» // М а й к о в А. Н. Избранные произведения. — Л., 1977. — С. 847).

Поэт осознавал свой творческий путь как неустанное духовное восхождение и самосовершенствование: «В чем счастье?.. / В жизненном пути, / Куда твой долг велит — иди, / Врагов не знать, преград не мерить, / Любить, надеяться и — верить» («В чем счастье?...», 1889). Вместе с тем его эволюция была связана и с изменением политических убеждений, соотносилась с литературным и общественным движением эпохи. Ни одно из произведений М. так четко не проясняет контуры его развития, как трагедия «Два мира», созревшая долгие годы и позволяющая говорить о поразительной целостности поэтического пути М. «Римские сцены», «Олинф и Эсфирь» (1841), лирическая драма «Три смерти» (1857) и ее вторая часть «Смерть Люция» (1863) и, наконец, обе редакции поэмы «Два мира» (1872, 1881) — это вехи работы М. над возникающим еще в конце 30 гг. поэтическим замыслом, посвященным эпохе раннего христианства в его столкновении с язычеством. Если на начальных этапах работы поэта более всего привлекала античность, эпоха распада Римской империи, то позднее авторский интерес переместился к христианству, его драматическому противостоянию язычеству. Поэма «Два мира», за

которую М. была присуждена Пушкинская премия Академии наук (1882), вызвала в литературных кругах и восторженные, и пренебрежительные отзывы. Однако по мере появления в печати различных редакций этого многолетнего труда М. вырос в глазах современников в крупнейшего русского художника — «объективного», тяготеющего к эпической масштабности поэта, творчество которого «всегда будет звучать в потомстве как могучий, стройный и весьма сложный заключительный аккорд пушкинского периода русской поэзии» (Голенищев-Кутузов А. А. Некролог // Журнал министерства народного просвещения. — 1897. — № 4. — Отд. IV. — С. 53).

Соч.: Избранные произведения / Вступ. ст. Ф. Я. Прийм. Сост., подготовка текста и примеч. Л. С. Гейро. — Л., 1977; Письма к Ф. М. Достоевскому / Вступ. ст. и публикация Н. Т. Ашимбаева (1867—1878) // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1982. — Л., 1984. Лит.: Покровская Е. Достоевский и петрашевцы // Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы / Под ред. А. С. Долиннина — Пб., 1922; Перцов П. П. Литературные воспоминания. 1890—1902. — М.: Л., 1933; Ямпольский И. Г. Из архива А. Н. Майкова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1974 год. — Л., 1976; Ямпольский И. Г. Из архива А. Н. Майкова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1976 год. — Л., 1978; Ямпольский И. Г. Стихотворение А. Н. Майкова «Кояляска» // Ямпольский И. Поэты и прозаики. — Л., 1986.

О. Е. Майорова

МАЙКОВ, Валериан Николаевич [28.VIII (9.IX). 1823, Москва — 15(27).VII. 1847, окрестности Петербурга] — литературный критик, публицист. Родился в семье известного художника, академика живописи Н. А. Майкова. Старший брат М. — Аполлон — талантливый поэт и критик. Младший брат — Леонид — этнограф, литературовед, с 1893 г. вице-президент российской Академии наук. В 40 гг. дом Майковых — один из центров литературной жизни Петербурга. В их изящно убранной гостиной всегда можно было «встретить тогдашних корифеев литературы; многие являлись с рукописями и читали свои произведения. Вечер кончался ужином, приправленным интересной одушевленной беседой» (Григорovich Д. В. Литературные воспоминания. — Л., 1961. — С. 118). Завсегдатаями были И. С. Тургенев, И. А. Гончаров, Ф. М. Достоевский, М. Е. Салтыков и мн. др. Домашняя атмосфера способствовала раннему становлению М. как ученого и критика.

М. — выпускник юридического факультета Петербургского университета. После недолгой службы (1842) и поездки за границу (1843) он в 1844 г. сближается с М. В. Петрашевским и принимает деятельное участие в составлении первого выпуска «Карманного словаря иностранных слов, вошедших в состав русского языка» (апрель 1845 г.). Одушевленный мыслью о том, что «единственный для России путь к развитию — усвоение европейской цивилизации» (М а й к о в В. Литературная критика. — С. 40), М. стремится ввести в интеллектуальный обиход соотечествен-

ников понятия, выработанные передовой западной наукой: «анализ и синтез»; «утопия», «демократия» и мн. др. Словарь получил одобрительный отзыв В. Г. Белинского. М.— один из первых вкладчиков в фонд библиотеки запрещенных книг Петрашевского, куда входили сочинения социалистов-утопистов, новейших политико-экономов, философов (напр., О. Конта, Л. Фейербаха). Однако с зимы 1846 г., из-за личной неприязни к Петрашевскому, он прекращает посещение «пятниц» и создает собственный кружок, куда вошли В. А. Милютин, М. Е. Салтыков, Р. П. Штрандман. До начала 1847 г. М. часто бывает на квартире у бр. Бекеговых, где собирается социалистически настроенная молодежь. С 1845 г. он берет на себя фактическое руководство журналом «Финский вестник». Однако из-за расхождения в финансовых вопросах с издателем Ф. К. Дершау М. вскоре покидает редакцию. В «Финском вестнике» были опубликованы первая часть статьи М. «Общественные науки в России», рецензии на сочинения И. С. Тургенева, В. Ф. Одоевского и др. Весной 1846 г. М. по рекомендации Тургенева приглашен к заведованию отделом критики и библиографии в журнале «Отечественные записки» на место ушедшего Белинского. Пятнадцать месяцев работы в авторитетнейшем журнале эпохи — кульминационный момент творческой биографии М. Здесь он опубликовал свои важнейшие статьи и рецензии («Стихотворения Кольцова», «Нечто о русской литературе в 1846 году», «Петербургские вершины, описанные Я. Бутковым» и мн. др.). Летом 1847 г. М. начинает одновременно сотрудничать в обновленном «Современнике» Н. А. Некрасова и Белинского. Однако неожиданная смерть (от инсульта после купания в жаркую погоду) обрывает эту богатую возможностями литературную судьбу. Современники сохранили о М. воспоминания как о человеке незаурядном во всех отношениях: по уму, таланту, душевной щедрости и такту. Несмотря на короткую жизнь, он оставил заметный след в истории русской общественно-литературной мысли.

М., наряду с Белинским, — один из ведущих критиков «натуральной школы», в борьбе с классицизмом и романтизмом прокладывавший русло реализму. Вступив на литературное поприще в годы, когда перед «натуральной школой» встала задача обновления проблематики и поэтики, он сумел идейно возглавить новый этап ее существования (1846—1849), стать истинным преемником Белинского, именно потому, что спорил с ним, утверждая более современный — «аналитический» — метод критики.

Взаимоотношения науки и искусства — стержень всех литературно-критических работ М. Критика для него никогда не была самоцелью, в ней виделся способ «заманить» читателя «в сети интереса к науке» (С. 8). Новейшие социально-экономические учения (французских социали-

стов-утопистов, историков эпохи Реставрации, английских политико-экономов, позитивизм О. Конта), критически осмысленные, легли в основу эстетической программы М. С особой силой стимулировали его мысль антропологизм Л. Фейербаха и социальная теория Ш. Фурье. Антропологизм утверждал, что «созерцаемое, осязаемое» бытие первично; разум, мышление, идеи — только производное от него. Вместе с Фейербахом М. отказывается от рационализма Г. В. Ф. Гегеля. Увлеченный борьбой с «отвлеченностью» и «мистикой», он, однако, недооценивает преимуществ гегелевской диалектики — в этом причина большинства просчетов молодого критика. Так, диалектический метод Белинского М. именует «дуализмом», считает отступлением от правил «строгой логики» и противопоставляет ему «радикализм», т. е. объяснение всех явлений действительности одним началом. Итак, эстетика М. заряжена антирационалистическим пафосом. Художественность, чуждая заранее заданной тенденциозности, объявляется подлинной сущностью искусства. В художественности М. видит непосредственное проявление неискаженной, гармоничной человеческой природы, которая является частью природы окружающей и может быть воспринята только с помощью «коренных человеческих страстей» (по выражению Фурье). Отсюда понятен его интерес к психологии: она для М. и главный предмет художественного исследования (анализ человеческой природы), и фундамент критического метода (который должен строиться на «первичном» основании). Отправной точкой «радикализма» М., всех его теоретических и конкретных суждений становится антропологическое учение о неизменной, «благой» человеческой природе. Таким образом, «мерой всех вещей» объявляется единичная человеческая личность.

Хотя разум и лишается претензии на первичность, привисти современное общество в соответствие с «законными требованиями» человеческой природы может только его детище — наука. Но такая наука, которая не становится целью сама для себя, а служит практическому достижению идеала, «утопии» — обеспечению условий человеческого счастья. Последнее понимается как беспрепятственное удовлетворение потребностей человеческой природы. Значит, все упирается в вопросы материального изобилия и справедливого распределения общественных богатств. Здесь причина публицистической ориентации критики М., тесного переплетения вопросов искусства с политико-экономическими и социологическими.

Мысль молодого критика движется в основном по пути, проторенному Белинским. Анализ действительности как первая задача литературы, союз искусства и науки, взгляд на литературу как орудие социального преобразования жизни — все это роднит обоих литераторов. Однако в конкретных суждениях Белинского (напр., о Н. В. Го-

голе) М. усматривает лишь выражение эстетических «симпатий», а не строго научные, доказательные «объяснения». Свою задачу он видит во внесении «твердых, математически доказанных начал» (С. 70) в критический метод «натуральной школы». «Дуализм» Белинского — причина того, что ее деятельность до сих пор «бессознательна и смутна». Настоящий анализ должен исходить из одного начала — понятия о человеческой природе. Положительное следствие «критической реформы» М. — провозглашение психологизма главным достоинством и первой задачей современного искусства, направленного на исследование природы человека. Именно с этих позиций высоко оценивает критик творчество молодого Достоевского. Кроме того, М. выступил против иллюстративной, дидактической тенденции в «натуральной школе». Опираясь на учение Фейербаха, он обосновывает свободу художественного творчества от заранее заданной идеи. Отрицательно его метафизический антропологизм сказался в первую очередь на решении вопроса о народности и великих людях. По мнению критика, «народная особенность» — удаление от общечеловеческого идеала и потому является не достоинством, а недостатком. Гений же — это своеобразный «человекобог», борющийся с «национальными» пороками во имя «общечеловеческих» добродетелей. Поэтому называть А. В. Кольцова народным поэтом — значит только принижать его. «Гуманический космополитизм» и «радикализм» М. были раскритикованы Белинским в статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года».

С первых же строк своей программной статьи «Стихотворения Кольцова» М. заявляет о «необходимости поднять спор о самых основных эстетических вопросах» (С. 70). Разграничивая вслед за Белинским, литературу на художественную, ученую и беллетристическую сферы, он стремится научно обосновать эту классификацию путем выявления специфики художественного. С этой целью все явления действительности разделяются им на «занимательные» и «симпатические». «Занимает» нас «новое, неизвестное, непонятное», возбуждающее бесстрастную работу ума. «Симпатию» (любовь, сочувствие) вызывает то, в чем мы «нашли самих себя» (С. 91). Ведь «каждый из нас познает и объясняет себе все единственно по сравнению с самим собою» (С. 89). Так впервые в России эстетическая теория строится на базе индивидуальной психологии. Точкой отсчета становится не «абсолютный дух», не объективные потребности среды, а воспринимающий субъект. «Занимательное» относится к сфере науки, «симпатическое» — к сфере искусства.

«Натуральность» художественной формы, ее «тождественность» с формами действительности М. обосновывает тем, что изображением несуществующей жизни и людей неспособно пробудить

«симпатию». Следовательно, специфический момент художественности следует искать в художественной идее, которая в корне отличается от «идеи дидактической». Она не что иное, как «чувство тождества... общения какой бы то ни было действительности с человеком» (С. 105), живая любовь или негодование по отношению к предмету изображения. Как всякое чувство, художественная идея возникает бессознательно. Размышляя о романах В. Скотта, М. замечает, что у великого художника сила творчества всегда подавляет ум. Поэтому его произведения чужда рационалистической односторонности. У посредственного же таланта ум всегда берет верх над творчеством, и потому пристрастие, односторонность взгляда сказываются в его сочинениях «самым неприятным образом» (С. 204). М. верен здесь фейербаховской мысли о гении как носителе непосредственного чувственного знания. Подлинная художественность, по М., не безыдейна, она сама источник идей. Выдвинутые ею идеи, в отличие от привнесенных извне, всегда истинны и плодотворны, потому что рождены «естественно». Так М. снимает противоречие между художественностью и идейностью, полезностью искусства. Объясняет, почему идеи, живущие в великих художественных творениях Гоголя, дали направление русской литературе 40 гг., формируют новый призыв «натуральной школы».

Дидактическое же, научное произведение только тогда имеет достоинство, «когда заключает в себе строго доказательство идеи» (С. 102). Разбору научной, особенно исторической, литературы критик уделяет большое внимание. Особо волнует его проблема историзма, основа которого, — пишет М. в статье «Краткое начертание истории русской литературы, составленное В. Аскочским», — в идее «развития внутренней жизни народа». Значение литературного произведения, помимо прочих критериев, определяется степенью его влияния на общество, успехом у современников. Так, по мнению М., к оценке произведений прошлого следует применять исторический подход, выясняющий, насколько они послужили делу общественного прогресса.

Беллетристика, «смешанная форма», представляется критику полем соприкосновения науки и искусства. Пусть беллетрист не художник, но он занимает «такое же почетное место в литературе, как художник и ученый» (С. 197). Сознательным проводником передовых идей, целенаправленным воспитателем общества может стать именно беллетрист. Руководящая роль критики обретает смысл только в применении к ней. И если М. «предубежден против всякого дидактизма» (С. 254) в «истинном» искусстве, то беллетристу, по его мнению, просто-таки необходима верная «дидактическая идея», наука. Именно она отличит его от заурядного дагерротиписта. Лучшим беллетристом современности М. считал А. И. Герцена.

Несмотря на, казалось бы, безграничное доверие к «природе» и «художественности», М. тем не менее считает «совершеннейшей формой человеческого познания» науку и, противореча себе, объясняет недостаточную плодотворность кольцовского «гения» его отчужденностью от передовых умственных движений эпохи. Основные методы научного исследования — анализ и синтез — М. переносит на литературу. С необходимостью детального изучения общества и человеческой природы связывает конкретные задачи «натуральной школы»: социальный и психологический анализ. Образец первого — произведение Гоголя, второго — произведения Достоевского 40 гг. Однако «анализ есть все-таки односторонность» (С. 339), только в сочетании с синтезом он может породить «истинные, полные понятия». Поэтому отрицательное, критическое направление (Гоголя и «натуральную школу») следует дополнить положительным идеалом, воплощение которого критик видит пока только в творчестве Кольцова. Идеал этот определяется утопически-антропологическими симпатиями М.: «Свежесте лица, крепкая, крутая грудь, хороший аппетит, веселость и бодрость духа, социальность, счастливая любовь, выгодный труд, исполняемый не поневоле...» (С. 80). Конечная цель науки и эстетического идеала совпадают в мировоззрении критика. Причем содержание идеала в искусстве полностью определяется научными предпосылками. Так метафизичность мышления (М. не учитывает диалектики свободы и необходимости) замыкает рассуждения критика в логический круг, заставляет его, помимо собственного желания, фактически подчинить искусство научным целям.

Несмотря на несовершенство метода, эстетическая теория М. — важный вклад в развитие русской критической мысли. Отталкиваясь от достижений Белинского, он расширил теоретическую базу формирующегося реализма, теснее связывая искусство с конечными целями общественного прогресса. Многие положения М. (о природе прекрасного, предмете, специфике и задачах искусства) были развиты Н. Г. Чернышевским, Н. А. Добролюбовым, Достоевским, народнической критикой. Размышления М. о психологии искусства, о бессознательном характере творчества нашли продолжение в трудах русских психологов, в частности В. М. Бехтерева, Л. С. Выготского. Высокое понятие о художественности, защита свободы творчества от внешней тенденциозности, отношение к человеческой личности как единственно подлинной ценности бытия — все это способствовало расцвету русского реализма второй половины XIX в.

Соч.: Соч.: В 2 т. — Киев, 1901; Литературная критика / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. Ю. С. Сорокина. — Л., 1985.

Лит.: Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. — М., 1982. — Т. 8. — С. 182—221; Скабичевский А. М. Соч.: В 2 т. — Спб., 1890. — Т. 1. — С. 351—395; Арсеньев К. К. Кри-

тические этюды по русской литературе. — Спб., 1888. — Т. 2. — С. 244—293; Мухин А. А. Премии Белинского // Исторический вестник. — 1891. — № 4. — С. 186—203; Усачева Т. И. Петрашевцы и литературно-общественное движение 40-х годов XIX века. — Саратов, 1965; Манин Ю. В. Валерий Майков и его отношение к «наследству» // Русская философская эстетика. — М., 1969; Он же. Утверждение критического реализма. Натуральная школа // Развитие реализма в русской литературе. — М., 1972. — Т. 1. О. А. Богданов

МАКСИМОВ, Сергей Васильевич, псевдоним — *Прозжий*, *С. В.*, *Почетный академик* [25.IX(7.X)1831, посад Парфентьев Кологривского у. Костромской губ. — 3(16).VI.1901, Петербург] — очеркист-этнограф. Отец М., почтмейстер, дружил с ссыльным П. А. Катениным. М. учился в Посадском народном училище и Костромской гимназии, где был одним из лучших учеников. В 1850 г. М. поступил в Московский университет. В Москве состоялись первые литературные знакомства. А. Н. Майков указывал на сильное нравственное влияние А. Ф. Писемского: «...его трезвый взгляд на жизнь и искусство сильно действовали на Вас, еще юношу. Он, кажется, первый и указал Вам на изучение жизни русского народа, найдя в Вас и нужную для того подготовку, меткий взгляд и разумную наблюдательность» (Максимов С. В. Год на Севере. — Архангельск, 1984. — С. 9). В 1852 г., переехав в Петербург, поступил в медико-хирургическую академию (не окончил, учился до 1855 г.). В начале 50 гг. М. вошел в кружок «молодой редакции» журнала «Москвитянин», где особенно сблизился с А. Н. Островским. Их сближал огромный интерес к живому, меткому народному слову, неподдельная страсть к народной поэзии. Впоследствии, когда Островский порвал с «Москвитянином», а Максимов переехал из Москвы в Петербург, их дружеские отношения не прекратились. Живя в Петербурге, М. участвовал в издании сочинений А. Н. Островского, бывал в Шелькове. Его воспоминания об А. Н. Островском (впервые опубли. в журнале «Русская мысль» (1897. — № 1, 3, 5; 1898. — № 1, 4); при подготовке издания «Драматические сочинения А. Н. Островского, Н. Я. Соловьева, П. М. Неvejeва (Спб., 1909. — Т. 1) они были переработаны и дополнены; опубли. также в книге «А. Н. Островский в воспоминаниях современников». — М., 1966) — редкий материал, художественно воссоздающий наименее известный период жизни драматурга, его окружение. Легкий слог, поэтичность делают мемуары поистине ценным документом. При создании воспоминаний М. пользовался рукописями И. Ф. Горбунова (впоследствии опубликованы) и материалами Н. Барсукова (вошедшими в XI том книги «Жизнь и труды М. П. Погодина». — Спб., 1897).

Начал печататься в Петербурге. В 1852 г. М. познакомился с А. В. Старчевским, издававшим «Справочный энциклопедический словарь», для которого М. получил заказ на ряд статей;

среди них — заметка о В. И. Дале. Успешный литературный дебют М.— очерк «Крестяньские посылки в Костромской губернии» — открыл серию произведений, посвященных народному быту Верхнего Поволжья и привлек внимание публики. писателей «натуральной школы» (высоко оценен И. С. Тургеневым; см. его отзыв об очерке «Сергач».— Полн. собр. соч.— Т. 25.— С. 217). Тургенев отмечал верность и меткость наблюдений, высокому художественности изложения, напутствовал его «хождения в народ». Очерки о пешем путешествии М. в 1855 г. по Владимирской, Вятской, Нижегородской губ. (побывал на Макарьевской ярмарке), Среднему Поволжью, явившиеся первым опытом изучения народной жизни, составили книгу «Лесная глушь» (Т. 1—2.— Спб., 1871), этнографические зарисовки которой — небольшие рассказы о незаметных людских судьбах — складываются в самостоятельное повествование о жизни целой России. «...Его книга должна быть настольной книгой для всех исследователей русской народности, наравне с трудами Даля, Мельникова, Якушкина и др.» (Салтыков-Щедрин и М. Е. Собр. соч.: В 20 т.— М., 1970.— Т. 9.— С. 436—440). Очерки обеспечили М. репутацию, позволившую ему участвовать в «литературной экспедиции» в 1856 г.— командировке Морского министерства для описания жизни народов в районах Белого моря, Ледовитого океана, Печоры. После того как большинство приглашенных литераторов выбрали все «благоприятные по климатическим условиям и по густоте и разнообразию населения местности, оставались свободными лишь негостеприимные, суровые и холодные страны севера» (Максимов в С. В. Литературные путешествия.— М., 1986). Материалы поездки легли в основу книги «Год на Севере» (Спб., 1859). Глубокое понимание русской жизни и природы — вот главное, в чем «заключался секрет его силы и той поразительной верности, с какой он описывал быт русского крестьянина и простую... речь... русского человека», — писал Н. В. Шелгунов о книге (Русское слово.— 1866.— Февраль.— С. 13). Это одна из крупнейших работ по этнографии Севера России в XIX в. Ей присуждена Малая золотая медаль Русского географического общества. Тем не менее «Год на Севере» — не этнографический дневник. За конкретными описаниями нравов и быта отчетливо проступает сквозная авторская мысль о высоком значении свободы личности, о ее влиянии на духовный строй народа. Сочинение М. открыло тему Севера в русской литературе, в нем самобытно запечатлен драматический процесс превращения России из полупатриархального государства в современную, промышленную державу. Тема Русского Севера М. был верен всю жизнь. В 1865—1866 гг. в книгоиздательстве «Общественная польза» вышло более десяти его книг «для народа», внутренние связанных с впечатлениями «литературной экспедиции»: «Голод и зима в на

Новой Земле», «Ледяное царство и мертвая земля», «Край крещеного света» и др.— подробно разработанные сюжеты и картины, наброски которых читатель находил в книге «Год на Севере», увлекающие живыми, наглядными подробностями, описанием собственного опыта существования в суровом краю. 60 гг.— время интенсивной литературной деятельности М. Он сближается с редакцией журнала «Искра», с В. С. и Н. С. Курочкиными, Д. Д. Минаяевым. После каждой поездки (на Амур в 1860—1861 гг., на р. Урал и Каспий в 1862—1863 гг., по Смоленщине и Белоруссии в 1867—1868 гг.) М. помещал в газетах и журналах художественные отчеты об увиденном, а затем составлял сборники очерков, объединенных общей идеей. Его очерки «Ссылные и тюрьмы» (Спб., 1862), отпечатанные с грифом «секретно» в издательстве министерства внутренних дел в 1869 г., вошли впоследствии в книгу «Сибирь и каторга» (Спб., 1871). В них собран обширный материал по этнографии, истории и статистике тюремной жизни России. Известные М. Е. Салтыкову-Щедрину, они стали одним из литературных источников его рассказа «Испорченные дети» (1869). Л. Н. Толстой из книги «Сибирь и каторга» заимствовал сюжет для рассказа «За что?»; А. П. Чехов обращался к очеркам, готовясь к поездке на Сахалин; Н. А. Некрасов изучал материалы М. при работе над поэмами «Кому на Руси жить хорошо» и «Русские женщины». Ту же тему продолжал сборники «На Востоке» (1864), «Рассказы из жизни старообрядцев» (Спб., 1865). Описанию странствующего люда в России посвящена книга М. «Бродячая Русь Христа ради» (Спб., 1877); земледельческое хозяйство и торговля изображены в книге «Куль хлеба и его похождения» (Спб., 1873; Л., 1987). Знаток простонародной речи, истории русского языка и старинной письменности, М. увлекся объяснением малопонятных ходячих выражений и в 80 гг. в «Новостях», «Новом времени», «Осколках» опубликовал заметки-истолкования речений, из которых родилась книга «Крылатые слова» (Спб., 1890; последнее изд.— М., 1955). Это первое исследование идиом русского языка, содержащее богатый этнографический материал. В течение 30 лет (с 70 гг.) М.— бессменный редактор «Ведомостей Спб. градоначальной и городской полиции». В 1900 г. он избран почетным членом Российской Академии наук по отделению русского языка и словесности. В конце жизни М. говорил о себе: «Я в самом деле странствовал долго, забирался далеко, видел много и написал много. В деревню я унес свою любознательность, изучал беспомощную нищету, ласковую и любящую меня с малых лет» (см.: К а с т о р с к и й В. Писатели-костромичи.— Кострома, 1958.— С. 83—98).

Соч.: Максимов С. В. Собр. соч. Т. 1—6, 8—20. / Вступ. ст. П. В. Быкова.— 4-е изд.— Спб., 1908—1913; Письма Максимова — Д. И. Завалишину // Щукинский сб.— М., 1912.—

Вып. 10; Письма Максимова — А. Н. Островскому. Ненданные письма к А. Н. Островскому. — М.: Л., 1932; Письма Максимова — А. Ф. Писемскому // А. Ф. Писемский. Письма. — М.: Л., 1936; Бульня. Побирушки и погорельцы // Русский очерк. — М., 1986. — Т. 1. — С. 387—416; Воспоминания об И. Ф. Горбунове // Максимов С. В. Литературные путешествия / Сост., вступ. ст. и коммент. Ю. В. Лебедева. — М., 1986; Максимов С. В. Куль хлеба. Рассказы и очерки / Сост., вступ. ст. и примеч. А. Н. Мартьяновой. — Л., 1987; Соч.: В 2 т. — М., 1987.

Лит.: Скабичевский А. М. История новейшей русской литературы, 1903. — С. 222.

Е. Н. Пенская

МАМИН, Дмитрий Наркисович, псевдоним — *Д. Сибиряк* (известен как *Д. Н. Мамин-Сибиряк*) [25.X (6.XI).1852, Виснимо-Шайтанский завод Верхоуртского у. Пермской губ. — 2(15).XI.1912, Петербург] — прозаик, драматург. Родился в семье заводского священника. С 1866 по 1868 г. учился в Екатеринбургском духовном училище, а затем до 1872 г. в Пермской духовной семинарии. В 1872 г. М. едет в Петербург, где поступает на ветеринарное отделение Медико-хирургической академии. В поисках заработка он с 1874 г. становится репортером, поставляя в газеты отчеты о заседаниях научных обществ. В 1876 г., не кончив курса в академии, М. поступает на юридический факультет Петербургского университета, но через год из-за болезни вынужден вернуться на Урал, где он живет, по большей части в Екатеринбурге, до 1891 г., зарабатывая частными уроками и литературным трудом. В 1891 г. М. переезжает в Петербург. Здесь, а также в Царском Селе под Петербургом он прожил до самой смерти.

Будучи студентом, М. начинает свой путь в литературе. В газетах и журналах, рассчитанных на массового читателя («Русский мир», «Сын отечества», «Кругозор»), он печатает рассказы из жизни Урала, а в 1876 г. в «Журнале русских и переводных романов и путешествий» роман «В водовороте страстей». Это незрелое юношеское произведение и ранние рассказы («Красная шапка», «Старцы», «Тайны зеленого леса» и др.) успеха не имели, и в 80 гг. М. фактически заново вступил в литературу, составив себе имя романами и очерками из жизни Урала. Первый из этой серии романов — «Приваловские миллионы» — был напечатан в журнале «Дело» в 1883 г., затем последовали «Горное гнездо» («Отечественные записки», 1884), «Жилка» («Дикое счастье») («Вестник Европы», 1884) «Три конца» («Русская мысль», 1890), «Золото» («Северный вестник», 1892), «Хлеб» («Русская мысль», 1895).

Главная тема уральских романов писателя — власть капитала над душами отдельных людей и над судьбами целых социальных слоев. Капитал, воплощенный в деньгах, в золоте, в земельных угодьях, в заводах, является движущей пружиной сюжета романов. Недаром два из них носят названия «Приваловские миллионы» и «Золото». Жажда наживы определяет поведение большинства персонажей, как в верхах, так и в низах общества. Стрателы, живущие на грани нищеты, мечтают о внезапном обогащении, но в

тех редких случаях, когда им выпадает счастье найти золотonosную жилу, богатство не идет впрок: оно или просачивается сквозь пальцы в беспробудной гульбе (история отца Окси в романе «Золото»), или, попав в руки трезвого человека, крепкого хозяина, раздается как ржавчина моральных устоев семьи. Последняя ситуация описана в романе «Дикое счастье».

В романе «Горное гнездо» борьба за лучшее место у заводского «пирога» составляет основу сюжета. Все свои душевные силы и подчас незаурядные дарования участники интриги направляют на то, чтобы завоевать симпатии ничтожного человека, фабриканта Лаптева, проживающего за границей прибыль от заводов, основанных его предками (имеется в виду семья Демидовых). Лаптеву нет никакого дела до тяжелой участи рабочих, не только подвергающихся нещадной эксплуатации на его заводах, но и обманным путем лишенных своих наделов земли. Эпиграфом к роману писатель взял строки из стихотворения Н. А. Некрасова «Забывтая деревня»: «Вот приедет барин, барин нас рассудит». Надежды рабочих на то, что Лаптев защитит их от притеснений заводской администрации, оказываются тщетными.

Не таков Привалов. Он чувствует историческую вину своих предков, построивших заводы на отнятых у башкир землях и разбогатевших благодаря угнетению рабочих. Он стремится отвоевать у опекунов принадлежащие ему заводы не для того, чтобы стать богатым человеком, а чтобы вернуть башкирам и рабочим исторический долг. Однако наивные попытки Привалова остановить процесс, в результате которого «на заводах в недалеком будущем выработается настоящий безземельный пролетариат, который будет похоже всякого крепостного права» (Собр. соч.: В 10 т. — Т II. — С. 194), идут вразрез с ходом истории и поэтому обречены на провал. Привалов и сам видел, что «его идея в этом стройном и могучем хоре себялюбивых интересов, безжалостной эксплуатации, организованного обмана и какой-то органической подлости жалко терялась, как последний крик утопающего» (II, 329). Еще более утопично стремление другого молодого героя этого романа — Лоскутова «переместить центр тяжести с экономических интересов на нравственные силы» (II, 201). Но все-таки эти герои думают о народе и проявляют готовность помочь ему по мере своих сил. В «Приваловских миллионах» продолжена также важная для демократической литературы 60—70 гг. тема передовой русской женщины, отдающей себя служению народу. Надежда Бахарева вынуждена порвать с семьей (она дочь богатого золотопромышленника), чтобы иметь возможность на деле следовать своим убеждениям.

В «Горном гнезде» подобных персонажей нет. Это роман без положительного героя. Единственный человек, не захваченный духом наживы и

карьеризма, инспектор заводских школ Прозоров, к тому моменту, когда начинается действие романа, уже безнадежно спился и утратил способность к какому-либо протесту.

Для романов М. характерна широта замысла. Так, роман «Приваловские миллионы» должен был стать заключительной частью трилогии. Писатель намеревался показать три поколения уральских заводчиков на фоне трех исторических эпох: XVIII в., включая восстание Пугачева, расцвет крепостничества в первой половине XIX в. и послереформенное время. М. хотел, по его собственному признанию, «в исторической последовательности очертить преемственное развитие типов уральских заводчиков» (X, 197). Частично осуществлением этого плана стала история отца Привалова и его деда по материнской линии. Герои «Горного гнезда» должны были продолжить свое существование в романе, действие которого переносилось в столицу. Хотя и не в полном объеме сюжет этот реализован в романе «На улице» («Русская мысль», 1886), не вполне удавшемся писателю произведении, возникшем из слияния двух разных замыслов.

В романах «Три конца» и «Золото» показан бедный приисковый и заводской люд, жизнь которого не изменила к лучшему даже отмена крепостного права: «...Хотя прежней каторжной и военно-горной крепости уже не существовало, но ее заменила целая система невидимых нитей, которыми жизнь промыслового населения была опутана еще крепче» (VIII, 63). В романе «Золото» старатели оказались в полной экономической зависимости от компании, возникшей на месте казенного прииска. М. рисует широкую картину жизни разных слоев приискового населения, пришедшего в необычайное движение в связи с выделением участка для свободной добычи золота. Золотая лихорадка разрушает семьи, ломает судьбы, развязывает темные инстинкты, прямо ведет к преступлениям.

В романе «Три конца», сопоставляя времена до и после реформы 1861 г., писатель показывает, что соединение буржуазных методов эксплуатации с пережитками крепостничества сделало невыносимой жизнь рабочих. Но вместе с тем принесенной реформой раскрепощение личности сделало возможным организованное выступление рабочих против эксплуататоров и даже победу в стачке над администрацией завода.

Несмотря на увлеченность жизнью Урала, М. ни в коем случае не является узкообластным писателем, произведения которого представляют главным образом этнографический интерес. На достаточно специфическом уральском материале он ставит проблемы, важные для всей страны, вступившей в эпоху капиталистического развития. В отличие от народников М. трезво оценивает реальную расстановку экономических и социальных сил. Он видит и убедительно показывает в своих романах, что капитализм в России — свер-

шившийся факт. Однако сближение в 1892—1895 гг. с журналом «Русское богатство», где М. напечатал роман «Падающие звезды», цикл рассказов «Детские тени» и очерки «Медовые реки», и дружеские отношения с Н. К. Михайловским, С. Н. Кривенко, С. Н. Южаковым приводят к уступкам народнической идеологии.

Писательские интересы М. не ограничивались уральской тематикой. В романе «Именинник» («Наблюдатель», 1887) изображен тип «лишнего человека» последней четверти века. Герой романа Сажин, прототипом которого был пермский земский деятель Д. Д. Смышляев, разочаровавшись в результатах общественной деятельности в рамках земских учреждений, отходит от борьбы. Утратив смысл жизни, он кончает самоубийством.

О жизни петербургских репортеров рассказывает роман «Четырнадцать из жизни Пепко» («Русское богатство», 1894), содержащий значительный автобиографический материал. Роман написан М. по воспоминаниям юности, его герои — представители литературной богемы, многие из них имеют реальных прототипов. Оригинальная форма романа, сложившаяся из отдельных очерков, объединенных героем-повествователем. Пепко выступает своеобразным двойником главного героя, начинающего писателя Василия Попова. Он олицетворяет активное начало его личности, но в то же время заземляет высокие стремления Попова, пишущего «идейный роман» и погрязшего в работе для мелких журнальчиков, рассчитанных на мещанский вкус.

Последним из серии уральских романов М. был «Хлеб» («Русская мысль», 1895). В нем писатель изобразил судьбу большого края в эпоху утверждения капитализма. В центре сюжета семья Колобовых, приезжающих в Зауралье, чтобы завоевать хлебный рынок. На примере судьбы Галактиона Колобова, энергичного человека, искренно желающего процветания краю, М. показывает гибельную для человеческой души власть капитала. Неуклонно расширяя дело, приобретая все большее влияние, Галактион ощущает внутреннее опустошение и кончает самоубийством. «Хлеб» — одно из вершинных достижений социологического романа М. Писатель выступил со своими романами в тот период, когда в русской литературе стали преобладающими малые жанры. В 80—90 гг. он поддержал и сохранил традицию русского реалистического романа, идущую от А. Ф. Писемского («Тысяча душ»), Ф. М. Решетникова («Горнорабочие»), П. И. Мельникова-Печерского («В лесах» и «На горах»).

Романы М. не без оснований сравнивали с романами Э. Золя. И дело не только в том, что при создании некоторых образов (в частности, Сергея Привалова в «Приваловских миллионах» и Лаптева в «Горном гнезде») писатель отдал дань теории биологической наследственности, подчеркнув признаки вырождения в характерах

этих героев. Интерес к социальным процессам вел его, как и Золя, к созданию романа с коллективным героем, представляющим целый пласт жизни. Неслучайна и перекличка М. с Золя в поэтике названий романов: «Золото» и «Хлеб» у русского писателя, «Деньги» и «Земля» у французского. Подобно З., М. с большими подробностями и знанием дела описывал тот или иной род профессиональной деятельности: в «Приваловских миллионах» и «Горном гнезде» — это горнозаводское производство, в «Золоте» — золотопромышленное дело, в повести «Охонины брови» («Русская мысль», 1892) — горнодобывающее.

М. много работал в жанре очерка, продолжая традиции В. А. Слепцова, Г. И. Успенского, М. Е. Салтыкова-Щедрина и др. С художественно-публицистических очерков «От Урала до Москвы» («Русские ведомости», 1881—1882) началась его литературная деятельность 80 гг. Кроме путевых очерков «От Зауралья до Волги» (1885), «По Зауралью», его перу принадлежит исторический очерк «Город Екатеринбург» и цикл писем «С Урала» (1884).

В русской литературе 80—90 гг. творчество М. объективно противостояло народническим иллюзиям о возможности некапиталистического развития России. Обратившись вслед за Решетниковым к изображению жизни рабочих, он показал, что постоянно развивающаяся заводская промышленность — это реальность современной русской жизни. Более того, рассказы М. подрывали веру в якобы извечную нравственность и правоту крестьянского «мира». Писатель видел, сколько темного и злобно-звериного просыпалось в мужиках, когда кто-то посягал на их собственность, будь то всего лишь репка в огороде (в «Летних» рассказан случай, как крестьянин за репку убил голодного беглого).

Однако крестьянская масса в рассказах М. не однолика. Писателя одинаково интересуют и тихие, незаметные мужички, олицетворяющие горькую судьбу бесправного народа («Говорок»), и незаурядные личности, своеобразные бунтари, выломившиеся из крестьянского «мира» («Озорник»). М. показывал не только долготерпение народа, но и его способность к активному протесту. В исторической повести «Охонины брови» он обратился к эпохе Пугачевского восстания. Сам Пугачев не появляется на страницах произведения. Писатель рисует рядовых участников движения, представителей разных слоев народа, вовлеченных в борьбу против притеснителей — дворян и чиновников, администрации и владельцев горных заводов, верхушки духовенства.

В 1888—1889 гг. вышли два тома «Уральских рассказов» М. (в 1899 г. переизданы в 3 т., в 1905 г. вышел 4-й т.). Первый том включал рассказы «В худых душах», «На шихане», «Башка», «Родительская кровь», «Гроза», «Поправка доктора Осокина», «Летные», «Первые студенты», второй том — «Бойцы», «Из уральской старины»,

«Лес», «Отрава», «Золотуха». Писатель достигал широкого эпического размаха в изображении жизни Урала, рисуя картины труда и быта сплавщиков («Бойцы»), старателей («Золотуха», «Отрава»), крестьян («Летные»), раскрывая гармоничные отношения простого человека с природой («Лес»), опираясь на фольклорные традиции. Однако поэзия труда омрачена социальным гнетом, уродующим души тружеников и ломающим их судьбы. Теме революционного подвига посвящен рассказ «В худых душах». Его герои, дети священника, под влиянием идей 60 гг. становятся участниками революционного движения, попадают в ссылку. Домой они возвращаются безнадежно больными.

Перу М. принадлежит пьеса «Золотопромышленники» («На золотом дне») («Наблюдетель», 1887; премьера состоялась в том же году в Екатеринбурге и в Театре Ф. А. Корша в Москве).

Интерес М. к этнографическим изысканиям (в 1889 г. он получил от Общества любителей российской словесности свидетельство о «праве собирания песен и других произведений народной словесности»), а также общее для многих писателей в 80—90 гг. тяготение к условным жанрам, позволяющим в обобщенной форме ставить важные нравственные проблемы, нашли выражение в написании легенд, вышедших отдельной книжкой в 1898 г. Первая из них «Баймаган» (1886; напечатана в сб. Общества любителей российской словесности в 1891 г.) утверждает преимущество чистой совести перед неправедно нажитым богатством и бескорыстной любви бедняков перед купленной за большой калым любовью дочери богача. О роли искусства в жизни общества и о предназначении поэта говорит легенда «Лебедь Хантыгая» (1891; напечатана в 1892 г. в сб. «Русские ведомости» в пользу голодающих). Идея бессмертной силы любви, противостоящей безумству войн, лежит в основе легенды «Майя» («Московская газета», 1892).

Особую страницу творчества М. составляют рассказы и сказки для детей. Первый же опубликованный им детский рассказ «Емеля-охотник» (1884) был отмечен в 1884 г. премией Фребелевского педагогического общества. За рассказ «Зимовье на Студеной» («Мир божий», 1892) писатель получил в 1892 г. золотую медаль Санкт-Петербургского комитета грамотности. В 90 гг. М. активно сотрудничает в журнале «Детское чтение», где им напечатано более шестидесяти произведений для детей. Многие его рассказы и сказки выходили также отдельными сборниками. Это «Сказки и рассказы для детей младшего возраста» (1895), «Аленушкины сказки» (1896), «Зарницы» (1897), «Рассказы и сказки в двух частях» (1897, 1898), «По Уралу» (1899).

Прелесть художественного мира, созданного писателем в сказках, — в мудром добром взгляде на природу и «меньших братьев». Трогательны в своих повседневных житейских заботах, в по-

стоянной борьбе за существование Козявочка, Комар Комарович, Муха, старый Воробей, Ворона. Читая рассказы и сказки М., дети получают ненавязчивый урок доброты, учатся сочувствовать всему живому и бережно относиться к природе. Пример этого им подают простые люди: старик Елеска, увидящий в своей собаке настоящего друга, сторож на рыбацкой стоянке Тарас, спасший раненого лебедя, Емеля-охотник, пожалевший маленького олененка, которого он долго выслеживал, чтобы добыть мяса больному внуку.

Воспитание души ребенка М. не мыслил в отрыве от жестокой правды жизни. Поэтому, в отличие от многих детских писателей, он не отказывается от трагических финалов. Гибелью обоих героев — пса Музгарки и его хозяина старика Елески заканчивается рассказ «Зимовье на Студеной», умирают маленькие герои рассказов «Вертел» и «Кормилец» (сб. «По Уралу»). Даже в произведениях для самых маленьких показана гибель Канарейки, попавшей из комнатного телла на улицу, и старого Воробья, изнемогшего в борьбе с жизненными невзгодами. Писатель не скрывал от детей темных сторон жизни, проявляя социальную несправедливости. Обманут купцами и брошен на произвол судьбы сторож Елеска, обречены на тяжелый изнурительный труд дети из бедных семей.

Творчество М. неровно. Неудачи были у него не только в ранний период. Они связаны с попытками писателя воплотить свои недостаточно отчетливые социальные идеалы (роман-притча «Без названия», 1894) или с влиянием народнических догм (роман «Падающие звезды», цикл рассказов «Около господ»). Не стали событием в литературе и его романы для юношества «Весенние грозы» (1893) и «Ранние всходы» (1896).

В 900 гг. М. постепенно отходит от литературной деятельности. Не только болезнь была тому причиной. Живя в Петербурге и Царском Селе, писатель был оторван от той живой народной стихии, которая питала его творчество. Новыми сферами действительности он не овладел в такой степени, чтобы они могли стать материалом его произведений. В последние годы жизни М. продолжали выходить переиздания его произведений, в особенности детских рассказов и сказок. Незадолго до смерти писателя литературная общественность отметила его 60-летний юбилей.

Соч. Собр. соч.: В 12 т. / Вступ. ст. Е. А. Боголюбова. — Свердловск, 1948—1951; Собр. соч.: В 10 т. / Вступ. ст. Ф. Гладкова, А. Груздева. — М., 1958.

Лит.: Крестьянская Д. Мамин-Сибиряк как детский писатель. — Свердловск, 1952; К и т а й н и к М. Г. Д. Н. Мамин-Сибиряк и народное творчество. — Свердловск, 1955; Груздев А. Д. Мамин-Сибиряк. Критико-биографический очерк. — М., 1958; Д. Н. Мамин-Сибиряк в воспоминаниях современников. — Свердловск, 1962; Д е р г а ч е в И. Д. Н. Мамин-Сибиряк. Личность. Творчество. — Свердловск, 1981.

И. П. Видуэлка

МАНДЕЛЬШТАМ, Осип Эмильевич [3(15).I. 1891, Варшава — 27.XII (по другим данным —

середина ноября). 1938, около Владивостока] — поэт, прозаик, критик, переводчик. Отец — купец первой гильдии. Детство провел в Петербурге. Окончил Тенишевское училище (1907), учился в Сорбонне (1907—1908), Гейдельбергском (1909—1910) и Петербургском (с 1911 г.; не окончил) университетах. Основная сфера студенческих интересов — романская филология. В молодости пережил увлечение революционными идеями, преимущественно эсеровского толка, и даже пытался вступить в боевую организацию партии, но не был принят.

В гимназии испытал сильное влияние своего учителя русской литературы Вл. В. Гиппиуса, одного из поэтов, тесно связанных с ранним русским декадентством. Ранние стихи М. находятся под явным влиянием поэзии символизма. В письме к Гиппиусу из Парижа он писал: «...Вам будет понятно мое увлечение музыкой жизни, которую я нашел у некоторых французских поэтов, и Брюсовым из русских. В последнем меня пленила гениальная смелость отрицания... Кроме Верлена, я написал о Роденбахе и Сологубе и собираюсь писать о Гамсуне» (Стихотворения. — С. 254). В 1909 г. во время заседания «Поэтической академии» («Общество ревнителей художественного слова») знакомится с Вяч. И. Ивановым и в 1909—1911 гг. постоянно посещает его вечера, переписывается, посылает ему свои ранние стихи. В конце 1910 г. З. Н. Гиппиус рекомендует подборку стихотворений М. В. Я. Брюсову, однако тот отвергает эти стихи. Литературный дебют М. состоялся на страницах журнала «Аполлон» (1910. — № 9), бывшего в те годы органом символистов.

В стихотворениях этого периода (1908—1912), сохранившихся до наших дней, очень сильно выражены принципы, близкие к концепциям русского символизма, однако не в религиозном его плане, близком Вяч. Иванову и другим «младшим» символистам, а в духе, более всего переключавшемся со многими идеями Ф. К. Сологуба. Таково, напр., определяющее для этого этапа творчества М. представление о вселенной как о «мировой туманной боли», «бедной земле» и т. п. Однако уже в этих стихотворениях с явным заимствованными идеями чувствовалось мастерство молодого поэта, умение владеть поэтическим словом, использовать широкие музыкальные возможности русского стиха, особенно ямба (чем, в частности, вызвана полемика с Вяч. Ивановым о ямбе в одном из писем 1909 г.). Еще один поэт русского символизма, интересующий в это время М. — И. Ф. Анненский, которого он называет «великим».

Из поэтов-классиков для М. особенно значим Ф. И. Тютчев, причем не только как образец поэта-символиста (в этом качестве он более всего воспринимался учителями М.), но и как учитель стиха, отсылки к поэзии которого явны во многих стихотворениях (форма четверостишия четырех-

стопного ямба с опоясывающей рифмой; название «Sifentium»; многочисленные перефразировки тютчевских стихов).

Еще в Париже М. познакомился с Н. С. Гумилевым, в марте 1911 г.— с А. А. Ахматовой. С конца 1911 г. входит в кружок «Цех поэтов», а с 1912 г. примыкает к акмеизму, становясь одним из шестерых членов этого литературного направления. По словам Н. С. Гумилева, зафиксированным Л. Я. Гинзбург, «его литературным покаянием были стихи «Нет, не луна, а светлый циферблат...» (Г и н з б у р г Л. О лирике.— С. 358). С этого времени для М. начинается период борьбы за принципиально другое представление о мире, чем то, которое отразилось в его ранних стихотворениях. При этом многие его произведения приобретают характер литературных манифестов, противопоставляющих своеобразную мандельштамовскую интерпретацию акмеизма эстетическим концепциям русских символистов. Это было поддержано также статьей «Утро акмеизма», написанной в 1912 или 1913 г. и первоначально предполагавшейся к напечатанию в качестве акмеистического манифеста, но отвергнутой другими лидерами направления и поэтому опубликованной лишь в 1919 г.

Основной пафос статьи и стихотворных «манифестов» М. можно представить по некоторым положениям «Утра акмеизма»: «Для акмеистов сознательный смысл слова, Логос, такая же прекрасная форма, как музыка для символистов» (Слово и культура.— С. 169); «Мы вводим готику в отношения слов» (Там же); «Для того, чтобы успешно строить, первое условие — истинный пиетет к трем измерениям пространства — смотреть на них не как на обузу и на несчастную случайность, а как на богом данный дворец» (Там же.— С. 170); «Любите существование вещи больше самой вещи и свое бытие больше самих себя» (Там же.— С. 172); «Доказывать и доказывать без конца: принимать в искусстве что-нибудь на веру недостойно художника, легко и скучно» (Там же).

Однако, провозглашая эти тезисы, М. далеко не ограничивался в своей поэзии переложением их на язык поэзии. В стихотворениях 1912—1915 гг. он начинает строить собственную систему поэтического смысла, в которой особую роль приобретает не «пиетет к трем измерениям пространства», а сопряжение этих трех измерений с четвертым — со временем. История и история культуры для М. становятся непременным контекстом большинства стихотворений, причем даже там, где речь идет о воссоздании «вечных образов» культуры. М. не является пассивным воспроизводителем картин, уже созданных другими художниками. Романы Диккенса, песни Оссиана, соборы Парижской Богоматери и св. Софии в Константинополе, музыка Баха, зодчество Захарова и Вороникина, даже лента кинематографической мелодрамы предстают в его поэзии

сгущенными символами огромной жизненной силы. С особой отчетливостью выявилось это в стихотворении «Петербургские строфы», где повседневная реальность начала XX в. сопрягается с пушкинским временем и Евгений из «Медного всадника» оказывается современником поэта, и в стихотворении «Бессонница. Гомер. Тугие паруса...», в котором в неразрывном единстве сосуществуют образы гомеровских поэм и сегодняшняя действительность.

Таким образом, в творчестве М. создается особое рода поле, в котором приобретают особое значение попадающие туда приметы места и времени, становясь знаками иной культуры, и восстановить по этим знакам историко-культурную ориентацию читатель должен, пользуясь собственным запасом знаний и представлений о том или ином этапе развития человеческой истории. Поэтому современные исследователи определяют поэзию М. как «потенциальную культурную парадигму», т. е. любое стихотворение предстает как текст, потенциально заключающий в себе огромное богатство знаний и представлений о данном этапе развития человечества. В читательском восприятии этот текст должен разворачиваться, наполняясь реальным содержанием в зависимости от уровня читательских знаний об этих словах-знаках и о тех культурных сферах, с которыми они связаны. И чем активнее становится насыщение лишь названных примет времени реальным содержанием, тем больший круг значений начинает охватывать стихотворение. При этом в восприятии вовлекается множество литературных ассоциаций и цитат из самых различных поэтов, расширяющих круг читательских представлений о смысловой наполненности того или иного стихотворения почти до бесконечности.

Этому процессу способствовало также сближение поэзии М. с его прозаическими произведениями — статьями о литературе («Франсуа Виллон», «Заметки о Шенье», рецензии) и историко-культурными эссе («О собеседнике», «Петр Чаадаев»), в которых отчетливо просматривалось его стремление не просто проанализировать далеко отстоящее от автора явление, а осмыслить его значение для современности вообще и для конкретного преломления этой современности в душе поэта. Стихотворения и проза поясняли друг друга и в равной мере позволяли разворачивать поэтический смысл, используя все новые и новые ассоциации.

Входя в акмеизм своим стремлением представить реальность с ее плотью, весом, осязательными объемами, М. в то же время понимал его не столько как изображение естественного предметного мира, «живой розы», в отличие от символического значения той же розы у предшествующего поколения поэтов, сколько как отталкивание от символизма, осознание несовершенства смысловой структуры поэтического слова у символистов.

Поэтому в своих позднейших размышлениях о судьбе акмеизма в русской поэзии М. основное внимание уделял не анализу его положительных идеалов, а формулировал представление о нем как о течении, которое принесло с собой «ряд новых вкусовых ощущений, гораздо более ценных, чем идеи, а главным образом вкус к целостному словесному представлению, образу, в новом органическом понимании» (Слово и культура.— С. 261).

В 1915—1916 гг. М. приходит к представлению о поэзии как носителнице прежде всего нового слова, которое предстает как средоточие разнонаправленных тенденций языка, как равнодействующая приложенных к нему сил — собственно языковых, культурных, исторических, социальных и т. п. Это вырабатывающееся представление получило поэтическую разработку в стихотворениях второй книги стихов М. "Tristia" (1922), куда вошли стихи 1915—1921 гг., а теоретическое осмысление — в статьях самого начала 20 гг. («Слово и культура», «О природе слова»). Из такого представления проистекало стремление уйти от плотности и вещественности ранних стихов, сделать поэтическую речь гораздо более метафорически насыщенной и свободно ассоциативной, передоверить многие связи звуковой стороне стиха. Типичным образцом такого построения стихотворения является «На розвальнях, уложенных соломой...» (1916), в котором сложное сцепление ассоциаций связывает воедино московские прогулки поэта с М. И. Цветаевой, историю царевича Дмитрия и все дальнейшие события Смутного времени (через отождествление Марины Цветаевой и Марины Мнишек, поддерживаемое и стихами Цветаевой), а также предсмертный увоз царевича Алексея Петровича из Москвы в Петербург. И все эти определяющиеся лишь по отдельным словам и ситуациям темы скрепляются воедино центральной строфой стихотворения: «Не три свечи горечи, а три встречи.— / Одну из них сам бог благословил, / Четвертой не бывать, а Рим далече,— / И никогда он Рима не любил», в которой известная формула средневекового Московского царства: «Два Рима пали, третий — Москва — стоит, а четвертому Риму не бывать», — соединяясь с представлением о Москве как аналоге Италии (в другом стихотворении того же времени: «Успенье нежное — Флоренция в Москве», соборы — «с... итальянской и русской душой»), становится средоточием единого в своей противоречивости образа средневековой Руси, увиденной через пейзажи современной Москвы и через женское очарование.

В стихотворениях этих лет формируется то представление о поэтическом слове, которое несколько позже будет определено так: «Не требуют от поэзии сугубой вещности, конкретности, материальности... Разве вещь хозяин слова? Слово — Психей. Живое слово не обозначает предмета, а свободно выбирает, как бы для жилья,

ту или иную предметную значимость, вещьность, милое тело» (Слово и культура.— С. 42). Это повлекло за собой пересмотр концепции акмеизма и формальное расхождение М. с «Цехом поэтов» и акмеизмом как направлением.

Явственно ощущавшееся уже в стихах «Камня» скептическое отношение поэта к «жесткой порфире» государства позволило ему в предвоенные годы осознать близкий кризис государственной машины России, основанной на подавлении отдельного человека, превращении его лишь в «строительный материал» для государства. На некоторое время вдохновений ура-патристическими лозунгами первых месяцев мировой войны, М. пишет несколько стихотворений, посвященных военным событиям, но уже в 1916 г. создает стихотворение «Зверинец», начинающееся строками о мире и всем своим образным строем утверждающее идею всечеловеческого единства. Как и большинство русских интеллигентов, М. приветствовал Февральскую революцию, однако к событиям Октября поначалу отнесся скептически, что отразилось в ряде стихотворений конца 1917 г. Но уже к маю 1918 г. он заявил о своем принятии революции стихотворением «Прославим, братья, сумерки свободы...» (первоначальное название «Гимн»), исполненным смысловой амбивалентности, но в то же время максимально решительно утверждающим необходимость «попробовать», уйти от своего прошлого.

В стихах 20 и 30 гг. М. активизирует диалог с собственным временем, в них особое значение приобретает социальное начало, открытость авторского голоса. В 1938 г. М. был незаконно репрессирован; реабилитирован посмертно.

Соч.: Стихотворения / Вступ. ст. А. Л. Дымина.— Л., 1974; Слово и культура / Вступ. ст. М. Я. Полякова.— М., 1987. Лит.: Г н и з б у р г Л. О лирике.— 2-е изд.— Л., 1974; Русская литература конца XIX — начала XX в. 1908—1917.— М., 1972. Н. А. Богомолов

МАРКЕВИЧ, Болеслав Михайлович [1822, Петербург — 6(18).XI.1884, там же] — прозаик, публицист, критик. По происхождению дворянин. Получил хорошее домашнее образование, проведя детские годы в Киеве и Волынской губ. В 1836 г., переселившись с родителями в Одессу, поступил в 5-й класс гимназии при Ришельевском лицее. В 1838 г. М. стал студентом юридического отделения лицея, хотя его, по собственному признанию, всегда «влекло единственно к чисто словесным наукам» (Из прожитых дней // Полн. собр. соч.— Спб., 1885.— Т. 11.— С. 372); он с ранних лет сочинял стихи (Там же.— С. 342) и еще до окончания лицея (1841) помещал в «Одесском вестнике» литературно-критические статьи и переводы с французского (см.: М и х н е в и ч И. Соркалетие Ришельевского лицея.— Одесса, 1857.— С. 192).

Службу М. начал в Петербурге, затем переехал в Москву (1848), получив должность при-

существующего в аукционной камере и чиновника особых поручений при военном генерал-губернаторе А. А. Закревском. В эти годы ему удалось попасть в аристократические салоны обеих столиц, снискав там немалый успех. Он «был замечательно красив» (Панаева А. Я. (Головачева). Воспоминания.— М., 1972.— С. 99), умел развлечь общество, в особенности дамское, «своим умом, остроумиями, анекдотами и пением» (Загоскин С. М. Воспоминания // Исторический вестник.— 1900.— № 7.— С. 50), обладал незаурядным драматическим талантом (его исполнение роли Чацкого на любительской сцене осталось в памяти многих мемуаристов), а «особый дар чтения» (Валуев П. А. Дневник // Русская старина.— 1891.— № 8.— С. 288) открыл ему дорогу в императорский дворец: в интимном кружке государыни Марии Александровны М. не раз с успехом декламировал произведения писателей-современников. Со многими из них — с И. С. Тургеневым, Ф. И. Тютчевым, П. А. Вяземским, А. Н. Майковым, А. В. Сухово-Кобылиным, позднее с Ф. М. Достоевским, Н. С. Лесковым, Я. П. Полонским — он завязал личные контакты, а с А. К. Толстым поддерживал дружбу до конца жизни поэта.

М. успешно продвигался и по службе. Возвратившись в 1853 г. в Петербург, он получил место в Государственной канцелярии (1854—1860), с 1863 г. — в министерстве внутренних дел (чиновник особых поручений при министре), с 1866 г. — в министерстве народного просвещения (чиновник особых поручений, затем — член особого комитета по рассмотрению книг для народного чтения и член совета министра). Тогда же М. был пожалован званием камергера, и постепенно его социальная роль существенно изменилась. Светский балагур, ловелас, актер-любитель уступил место влиятельному чиновнику, завоевавшему «значение в обществе» (Скалковский К. Воспоминания молодости.— Спб., 1906.— С. 264) благодаря исключительной осведомленности во внутривнутриполитических делах, обширным связям, постоянным контактам с верхушкой петербургской бюрократии, а главное — с М. Н. Катковым, чью политическую программу М. не только полностью разделял, называя себя его «учеником» (Письмо к М. Н. Каткову от 25 дек. 1864 г. // ОР ГБЛ.— Ф. 120.— Карт. 7.— Ед. хр. 28 — Л. 8 об.), но и всемерно поддерживал. Он часто выполнял роль посредника между Катковым и министрами (П. А. Валуевым, Д. А. Толстым), улаживал возникающие между ними недоразумения, служил для Каткова неиссякаемым источником сведений о закулисной жизни высшей бюрократии, императорского двора, петербургской знати. Частные письма М. к Каткову (избегавших из опасения перлюстрации обычной почтовой связи, иногда даже шифрованных информацией) с небольшими редакционными добавлениями и в извлечениях печатались

нередко как анонимные корреспонденции в газете «Московские ведомости». Для изданий Каткова М. писал и специально. В своих статьях, заметках, фельетонных циклах («Современные прогулки по Невскому проспекту», 60 гг.; «С берегов Невы», 70—80 гг.) он полемизировал с либеральной и революционно-демократической прессой: критиковал известных государственных деятелей, противников Каткова; поддерживал националистические идеи редактора «Московских ведомостей» и инспирированную им реформу образования; откликнулся на заметные явления литературной жизни. Хотя М. выступал анонимно или под псевдонимами, современники не заблуждались обычно относительно его авторства, отзываясь о выступлениях М. то с иронией: «Око его проникает повсюду...» — (Вседневная жизнь // Голос.— 1866.— № 279.— 9 окт.), то с негодованием: «юрлудствующий фискал» (Московские заметки // Голос.— 1878.— № 280.— 10 окт.).

М.-прозаик — яркий пример особого типа литератора, и одаренного, и хорошо образованного, но безоговорочно подчинившего свое перо решению конкретных политических задач. «Обществу нужен практический совет, правдивый анализ» (Письма М. к А. К. Толстому, П. К. Щербальскому и др.— Спб., 1888.— С. 219) — эта позиция определила своеобразие его романов, гладко написанных, занимательных, не чуждых духу аналитизма и психологизма (М. явно ориентировался на открытия И. С. Тургенева и Л. Н. Толстого), но представляющих собой лишь иллюстрацию катковских идей. Так, самое известное произведение М. — романная трилогия «Четверть века назад» (1878), «Перелом» (1880—1881), «Бездна» (1883—1884; роман не завершен) и по сей день сохраняет интерес благодаря выразительным картинам жизни старого барства, колоритным зарисовкам русского общества 60—80 гг. Но влияние Каткова сказывается здесь во всем — и в общей трактовке роли дворянства в России, и даже в мелочах: в угоду катковской англomanии близкие автору герои получают английское по духу воспитание. А. К. Толстой, считавший роман М. «Марина из Алого Рога» (1873) «очаровательным», все же упрекал автора «в чрезмерном обилии чужих суждений: «Вы больше доверия должны питать к самому себе...» (Толстой А. К. Собр. соч.: В 4 т.— М., 1964.— Т. 4.— С. 415, 417).

Литературной и общественной позицией М. обусловлена судьба его произведений, становившихся сразу после появления объектом идейных столкновений. На них обрушивалась либеральная и народническая критика, обвиняя М. в «заказных помыслах и чувствах» (<Михайловский Н. К.> Дневник читателя // Северный вестник.— 1886.— № 10.— С. 167), а в защиту раздавались голоса из охранительного лагеря. Так, К. Н. Леонтьев поставил М. в один ряд с

автором «Войны и мира», рассматривая обоих как консервативно настроенных художников, великодушных «напоминателей забытого» (Леонтьев К. Н. Восток, Россия и славянство.— М., 1885.— Т. 2.— С. 215). Однако в далеких от общественной борьбы кругах романы М. пользовались колоссальным успехом. При жизни автора их переводили на иностранные языки и читали в самых разных слоях общества — от царской семьи до рядовых посетителей публичных библиотек, что не в последнюю очередь объяснялось обилием персонажей, «списанных с живых лиц» (Буренин В. П. Литературные очерки // Новое время.— 1881.— № 1954.— 7 авг.) и легко узнававшихся современниками (А. А. Закревский, П. А. Валуев, М. Т. Лорис-Меликов, И. С. Тургенев и др.). «Вступив в литературу очень поздно, уже с седыми волосами, он принес с собою громадный жизненный опыт, массу типов, впечатлений и наблюдений <...>» («А в се-ен к о В. Г.») Из литературных воспоминаний // Новое время.— 1900.— № 8710.— 25 мая). Насыщенные этим материалом произведения М. и по сей день сохраняют документальную ценность.

«Чиновник-литератор», как окрестили М. рецензенты, вызывал у большинства современников устойчиво ироническое отношение (не случайно он послужил прототипом нескольких сатирических персонажей, в том числе *Ladistas'a* в «Нови» Тургенева), а в сознание следующих поколений он вошел как «старомодно-светский шаркун и враль» (Амфитеатов А. В. Собр. соч.— Спб., 1914.— Т. XXII.— С. 334), «кразмазня» и «московский фронт» (Чехов в А. П. Полн. собр. соч. и писем. Сочинения.— М., 1987.— Т. 16.— С. 81). Репутация М. особенно пострадала в последние годы его жизни. В 1875 г. он способствовал в силу своего служебного положения переходу аренды «Санкт-Петербургских ведомостей» от В. Ф. Корша, дававшего газете либеральное направление, к Ф. П. Баймакову, сформировавшему новую, консервативную по духу редакцию. При этом М. был обвинен в получении крупной взятки и, хотя он доказывал свою невиновность, утверждая, что деньги были получены им как будущим сотрудником газеты (недатируванное письмо М. к Каткову // ОРЛ ГБЛ.— Ф. 120.— Ед. хр. 34.— Л. 119—125.— Копия), тем не менее вынужден был уйти со службы. Для него закрылись страницы катковских изданий, и он уехал в Галич, где числился директором тюремного отделения. Лишь через два года М. вернулся в Петербург и, реабилитированный Катковым, полностью посвятил себя литературному труду. «Опять новеллы он кропает в «Вестник», / В «Ведомостях московских» сеет сор...» (Буренин В. П. Стрелы. Стихотворения.— Спб., 1881.— С. 52). В 1879 г. М. оказался в центре нового скандала. Преклоняясь перед талантом Тургенева, М. неоднократно высту-

пал, однако, с резкой критикой поздних произведений писателя (Русский вестник.— 1874.— № 5; Голос.— 1877.— 6 и 9 янв., 5, 17, 27 февр., 26 мая). Когда Тургенев напечатал свое предисловие к мемуарам эмигранта И. Я. Павловского, М. выступил в «Московских ведомостях» со статьей «С берегов Невы» (1879.— № 313.— 9 дек.), обвиняя Тургенева в заискивании и «кувыркании» перед «нигилистами», в «зуде популярничанья», что вызвало решительный отпор со стороны Тургенева (Письмо М. М. Стасюлевичу // Вестник Европы.— 1880.— № 3) и со стороны литераторов самой разной ориентации, в частности — Д. Д. Минаева: «Не дается боле слава / Бедной музе Болеслава, / И она, владыя в детство, / Избрала плохое средство / Отличиться перед росом / Обстоятельным доносом» (Поэты «Искры».— Л., 1955.— Т. 2.— С. 337).

Литературная деятельность М. была разнообразна. В молодости он писал романы и водевили, позднее выступал как литературный и театральный критик, автор повестей, новелл, мемуарных очерков. Но в историю литературы вошел лишь как тенденциозный беллетрист, сотрудник Каткова, враг Тургенева. Бурная жизнь писателя, широкий круг общения и небезыскусственное творчество, вероятно, еще будут изучены как одно из характерных явлений литературной жизни прошлого века.

Соч.: Полн. собр. соч.: В 11 т.— Спб., 1885; Полн. собр. соч.: В 11 т.— М., 1912; Собрание материалов о направлении различных отраслей русской словесности за последнее десятилетие и отечественной журналистики за 1863 и 1864 гг.— Спб., 1865 (М. принадлежит обзор драматургии). Лит.: (Флеров С. В.) Болеслав Михайлович Маркевич // Русский вестник.— 1886.— № 3—4; Телпидский М. В. Н. А. Некрасов в апреле 1866 года // Русская литература.— 1972.— № 1.— С. 102—104; Батюто А. И. Антинигилистический роман 60—70-х гг. // История русской литературы. Расцвет реализма.— Л., 1982.— Т. 3; Хворостьянова Е. В. Эпиграмма Д. Д. Минаева на Б. М. Маркевича: Анализ одного стихотворения.— Л., 1985.

О. Е. Майорова

МАЧТЕТ, Григорий Александрович [3(15).IX.1852, Луцк Волынской губ.— 14(26).VIII.1901, Ялта] — беллетрист, публицист. Сын провинциального чиновника (потомка англичанина, служившего в шведской армии и взятого в плен под Полтавой). Рано осиротевший и познавший нужду, М. не смог получить систематического образования: за неблагонадежность он был исключен сначала из Немировской гимназии (1865), затем — из Каменец-Подольской (1868). Его обвиняли в сочувствии польскому восстанию и, как он вспоминал позднее, в «устройстве сборищ товарищей для совместного чтения и обсуждения сочинений Добролюбова и иных запрещенных книг» (цит. по кн.: Тунакова К. С. Н. Г. Чернышевский о Г. А. Мачтете // Народ — герой русской литературы. Сб. ст.— Казань, 1966.— С. 151). Добившись права держать экзамен на звание уездного учителя, с 1870 г. М. препода-

вал историю и географию в Могилевском, позднее — в Каменец-Подольском училищах, где сблизился с революционно настроенными сослуживцами, вел пропаганду среди учащихся. Тогда же он вошел в кружок «американцев», отрицавших личную собственность, считавших «честным средством заработка» только физический труд и мечтавших «покрыть земледельческими коммунами чуть не весь мир», причем начать с Северной Америки, представлявшейся им самой свободной страной (Дебогорий-Мокрыевич Вл. Воспоминания. — 3-е изд. — Спб., 1906. — С. 71, 72). М. был одним из трех членов кружка, отправившихся в 1872 г. в Новый Свет осуществлять задуманное.

Эта поездка нашла позднее отражение во многих произведениях М.: его герои, не знакомые «с условиями новой жизни и языком страны» (Блудный сын. Повесть. — 2-е изд. — М., 1895. — С. 155), «вооруженные только массой розовых теоретических выкладок» (Два мира. Рассказ // Полн. собр. соч. — Спб., 1911. — Т. 2. — С. 11), терпели жестокие лишения, выполняли самую тяжелую работу и в итоге расставались со многими своими надеждами. Сходный путь прошел в Америке и М. Собственная биография всегда была для него ближайшим источником творчества. Полная внезапных перемен, насыщенная исключительными событиями, испытаниями и приключениями, при всей ее незаурядности, судьба М. была типичной во многом для революционной молодежи 70 гг., что придавало его произведениям актуальное звучание и обеспечивало читательское признание.

Вернувшись в Россию в октябре 1873 г. и находясь под негласным полицейским надзором, М. жил в Петербурге, в Волинской губ., ненадолго выезжал за границу. В 1876 г. он был арестован за участие в подготовке побега двух политических заключенных, видных революционеров-народников С. Ф. Ковалика и П. И. Войнарского. Больше года М. просидел в Петропавловской крепости, а в 1877 г. был выслан под надзор полиции в г. Шенкурск Архангельской губ. М. пытался бежать, но его задержали и должны были отправить в Восточную Сибирь, откуда он уже не надеялся вернуться: «Моя ссылка в Якутскую область есть своего рода смерть...» — писал М. сестре (ЦГАЛИ). Однако благодаря хлопотам друзей последовало высочайшее разрешение смягчить его судьбу: в 1879 г. М. выслали в Западную Сибирь, в г. Тюкалинск Тобольской губ., откуда его по прошению перевели в 1880 г. в г. Ишим, где М. был повенчан с «государственной преступницей» Е. П. Медведевой, бывшей цюрихской студенткой, судившейся по т. н. «процессу пятидесяти». Жена М. тяжело болела, и, чтобы поддержать семью, он соглашался на любую работу: был подвальным при складе местного купца, давал уроки (хотя администрация ему в этом препятствовала),

служил в Ишимском окружном по крестьянским делам присутствии. «Внешние стороны образа жизни и поведения М. заслуживают одобрения, — доносил окружной исправник тобольскому губернатору, — но убеждения и идеи его, судя по отношению его к полиции, доказывают, что он враждебно смотрит на существующий порядок управления, не может хладнокровно выносить лишения <...> и не желает подчиняться участи» (см.: Мачет Г. А. Избранное. — М., 1958. — С. 16). По воспоминаниям друзей М. был пылким и впечатлительным человеком, действительно, не способным примириться с судьбой оторванного от общественной жизни ссыльного. В Сибири он много писал, посылая свои произведения в Петербург и сотрудничая в местной печати; кроме того, продолжал подпольную деятельность: в его переписке с Ф. В. Волховским, товарищем по тюкалинской ссылке, были обнаружены внесенные специальными чернилами сведения об арестах в Томске, Тюмени, Казани. У М. был немедленно произведен обыск, а срок его ссылки продлен на три года.

Писать М. начал еще в Америке, дебютировал в печати очерками из североамериканской жизни, появившимися в середине 70 гг. по преимуществу в газете «Неделя». «Написанные нервною, торопливою рукою» («Голыц в В. А.» // Русские ведомости. — 1889. — № 139. — 22 мая), эти очерки даже в нач. XX в. вызывали высокую оценку критики ((Кранихфельд Вл.) // Современный мир. — 1911. — № 8. — С. 342—344), привлекая свежестью непосредственных наблюдений, яркими зарисовками быта, простой стили и, главное — позицией автора, восхищенного трудолюбием и демократизмом, «духом гражданства, чувством собственного достоинства» американцев (В школе // Полн. собр. соч. — Спб., 1911. — Т. 1. — С. 125). Показательно, что одно из первых произведений М. («Путевые картины. Германия») появилось в крупнейшем демократическом журнале — «Отечественных записках» (1875) — и обратило на начинающего автора внимание Некрасова; свое знакомство с «великим поэтом, разбудившим наши сердца и затеплившим в них святые искры любви и веры» (Избранное. — М., 1958. — С. 515), М. описал позднее в рассказе «Первый гононар» (1890).

Годы ссылки дали М. богатый материал для следующей группы его произведений — сибирских рассказов (1880—1885), напечатанных в газете «Неделя», в журналах «Наблюдатель», «Отечественные записки» и представляющих собой, по общему мнению критиков и литературоведов, лучшее, что создал писатель. Посвященные жизни ссыльных («Хроника одного дня в местах не столь отдаленных»), крестьянству и чиновничеству («Мирское дело», «Мы победили», «Сон одного заседателя» и др.), стилистически разноплановые — одни тяготеют к бытовому очерку,

другие к гротесковой сказке — эти произведения объединены, однако, сквозным мотивом: крестьянский «мир», община, живущая по справедливому патриархальным законам, противопоставлена «цивилизации», чиновникам-обывателям, несущим гибель «мировой правде». Это противостояние даже при самых лучших намерениях обеих сторон чревато, в глазах автора, трагическими столкновениями (рассказ «Вторая правда», 1883). Хотя М. несколько идеализировал общину, он не закрывал глаза на мрачные стороны крестьянской жизни, однако — вполне в духе народнической мысли — оправдывал их «вековой обидой», десятилетиями бесправия и забитости (эта мысль получила развитие и в позднем рассказе М. «Новый доктор», 1900). Поэтизация нравственных норм патриархального мира ощутима также в повести «И один в поле воин (Роман честного человека)», начатой еще в ссылке и появившейся в «Северном вестнике» в 1886 г. (№ 4—5; первоначальное название «Из невозвратного прошлого»). Остросюжетный рассказ о предреформенной жизни украинского села ведется от лица крестьянина, превратившегося в панского холуя и истово ненавидящего простой люд; явное несовпадение авторской позиции и точки зрения повествователя создает эффект полной объективности М. в оценке крестьянской жизни: даже откровенный недоброжелатель не может затуманить ее светлых сторон.

Произведения 80 гг. принесли М. успех и помогли ему по возвращении из Сибири (1885) утвердиться как профессиональному литератору. О нем начали много писать, причем сильные стороны его дарования критика усматривала в умении «проникать в душу простого человека», в «искренности настроения», в защите высоких общественных идеалов (Н.-ъ. Библиографические заметки // Русские ведомости.—1891.— № 104.— 16 апр.). М. стал постоянным сотрудником ведущих либеральных изданий — «Русской мысли» и «Русских ведомостей», сблизился с крупнейшими писателями демократической ориентации (Г. И. Успенским, Н. К. Михайловским, Н. Н. Златовратским, П. В. Засодимским, А. И. Эртелем, В. Г. Короленко); благодаря романтической приподнятости стиля М. его нередко воспринимали как «спутника» Короленко.

Отдельную страницу творческой биографии М. составляют его поэтические опыты, к которым он относился чрезвычайно придирчиво, почти не выступая с ними в печати (лишь в 1890 г. в «Газете Гатцука» он поместил стихотворения «Пловец», «Там и здесь» — № 1, 3; 12 и 28 янв.). Однако одному из его произведений суждена была долгая жизнь. В 1876 г. после похорон революционера-народника П. Ф. Чернышова он написал стихотворение «Последнее прощанье» («Замучен тяжелой неволей...»), получившее вскоре широкую известность. Анонимно опубликованное тогда же за границей, в журнале «Вперед», оно

долгое время приписывалось П. Л. Лаврову, и лишь относительно недавно было доказано авторство М. (см. примечания В. Г. Титовой к этому стихотворению // Избранное.— М., 1958.— С. 589—594).

«Заряд революционной энергии, устремленность «вперед, в будущее, которое представлялось автору прекрасным» (Бессонов Б. Л. Повесть в переходной ситуации 1880-х годов // Русская повесть XIX века. История и проблематика жанра.— Л., 1973.— С. 488), определяли общую тональность всего творчества М. И все же писатель заметно эволюционировал. В конце 80 гг. он пережил глубокий духовный кризис, связанный с событиями личного плана (смерть жены, 1886) и с жизнью русской интеллигенции тех лет. Сравнительно с 70 гг. изменились и взгляды народников, и общественный климат в целом: «Вечно бегущие волны жизни унесли старые культы и смыслы с знамен их выцветшие уже, полинявшие надписи: «идеал», «прогресс», «человечество» и т. д.» (Человек с планом. Повесть // Мачтет Г. А. Силуэты.— М., 1888, [т. 1].— С. 223). Стремлением противодействовать апатии и скептицизму объясняется отчасти патетическое звучание и воинственная публицистичность позднего творчества М., вызывавшего резкие упреки за «крайности розового оптимизма» (Северный вестник.— 1888.— № 4.— II пагинация.— С. 112), за нервный тон, преувеличения. Произведения М. конца 80—90 гг. действительно страдали известной прямолинейностью и мелодраматизмом, однако и в этот период у него бывали художественные удачи, прежде всего — в области сатиры. В 1896 г. появился памфлет М. «Иван (Опыт краткой монографии)», где нарисован портрет русского простолоудина, «добродушного», «верного», храброго, но «голодного» и «босого», «существа неприхотливого и некультурного» (Почин. Сб. Общества любителей российской словесности на 1896 год.— М., 1896.— С. 543), а по контрасту с ним — образ дворянина, редко способного помочь мужику. Раскрывая этот социальный антагонизм, М. вводил в свою «монографию» известных литературных героев — Онегина, Печорина, Чичикова, Рахметова, символизирующих разные стадии развития русского общества. Масштабный охват социальных и культурных процессов, едкая ирония автора свидетельствуют об ориентации на Салтыкова-Щедрина, которого, по словам сына М., писатель ставил «на одно из первых мест среди своих духовных учителей» (М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников.— М., 1975.— Т. I. С. 113). В том же стиле выдержаны и фельетоны М., печатавшиеся в конце 90 гг. в житомирской газете «Вольнь». Рисуя быт и нравы условного города Чин-чи-на-по-чи-та-й, М. высмеивал «горячий патриотический стиль» реакционеров, агрессивность обывателя, рассуждающих о «цивилизующем значении кафе-шантана» (Послед-

ние рассказы и письма из Гонулулу.— Житомир, 1902.— С. 12, 25).

В зрелые годы М., лишенный права жить в Петербурге, скитался по разным городам (Тверь, Одесса, Киев, Москва, Зарайск, Житомир). Обремененный семьей (во втором браке у него было двое детей), М. постоянно нуждался; ему приходилось служить и лишь свободное время посвящать литературным занятиям. Он часто перетомлялся и, как признавался, покидая Житомир, где в течение нескольких лет (с 1896 по 1900 г.) занимал должность акцизного чиновника, служба требовала от него «громздного нервного напряжения» (Новости дня.— 1900.— № 6295.— 28 нояб.). В 1900 г. М. удалось перебраться в Петербург, где он надеялся осуществить накопившиеся творческие замыслы, но силы его были подорваны и, находясь в Ялте на отдыхе, он внезапно скончался. Размышляя о судьбе М., Н. К. Михайловский писал в некрологической заметке: «...его жизнь с гимназической скамьи и почти до самого последнего времени была целым рядом приключений», но «никакие невзгоды не отлучили» М. «от идеалов молодости» (М и х а й л о в с к и й Н. К. Последние сочинения.— СПб., 1905.— Т. II.— С. 55).

Соч.: Полн. собр. соч.: В 12 т.— Киев, 1902; Полн. собр. соч.: В 10 т. / Под ред. и с критико-биограф. очерком Д. П. Сильчевского.— СПб., 1911—1913; Мы победили.— В тундре и в тайге. // Русские повести XIX века 70—90-х годов / Примеч. и биограф. справка А. И. Батото.— М., 1957.— Т. I; Избранное / Вступ. ст. Т. Г. Мачтет-Юркевич; Примеч. В. Г. Титовой.— М., 1958.

Лит.: Надсон С. Я. Роман Г. Мачтета «Из невозвратного прошлого» // Надсон С. Я. Литературные очерки (1883—1886).— СПб., 1887; Арсеньев К. К. Современные русские беллетристы (Г. А. Мачтет, М. Н. Альбов, А. П. Чехов) // Вестник Европы.— 1888.— № 7; Физиков В. М. Г. А. Мачтет в сибирской ссылке // Уч. зап. Омского ГПИ.— Омск, 1968.— Вып. 36; Меламед Е. На острове Гонулулу... // Волянской губернии // Альманах библиофила.— М., 1980.— Вып. IX.

О. Е. Майорова

МАЯКОВСКИЙ, Владимир Владимирович [7 (19).VII.1893, с. Багдади, Грузия — 14.IV.1930, Москва] — поэт. «Я — поэт. Этим и интересен. Об этом и пишу. Об остальном — только если это отстоялось словом» — так начинает М. автобиографию «Я сам». В слове М. «отстоялась» не только судьба поэта и жизнь его «страны-подростка», в поэзии М. уже на пороге XX в. — будь то специфика образного видения или суть миропонимания — зазвучал голос человека его эпохи, преломившись «космовидение» и новое мышление, ставшие теперь реальностью и насущной потребностью нашего столетия.

М. родился в небольшом селении Багдади вблизи г. Кутаиси. Отец — Владимир Константинович Маяковский — лесничий, умный, веселый человек, снискавший любовь и уважение крестьян. После переименования в 1940 г. с. Багдади в поселок Маяковский многие из его ста-

рожилов были убеждены, что сделано это в честь В. К. Маяковского. Бабушка поэта по отцу происходила из рода известного в прошлом веке писателя Г. П. Данилевского, имевшего общие корни в родословной Н. В. Гоголя и А. С. Пушкина. Мать М. — Александра Алексеевна, урожденная Павленко, посвятила себя воспитанию детей. Их в семье было трое. Детские годы М. прошли среди величественной, привольной природы Кавказа. С малых лет впитал М. так поражающую потом его современников широту и щедрость земли Грузии, чеканную напевность ее языка, искренний и горячий нрав ее народа. Вспоминая детство, М. напишет впоследствии: «Я знаю: / глупость — здемы и рай! Но если / пелось про это, / должно быть, / Грузию, радостный край, / подразумевали поэты». В 1902 г. М. поступает в Кутанскую гимназию, принимает участие в революционных событиях 1905 г. «В гимназической церкви, — писал М. сестре Людмиле в Москву, — мы пели Марсельезу». Революция входила в его душу ритмом, гулом песен и митингов, мечтами о России. «Приехала сестра из Москвы, — вспоминал М. в автобиографии. — Восторженная. Тайком дала мне длинные бумажки... Это была революция. Это было стихами. Стихи и революция как-то объединились в голове». В 1906 г. после внезапной смерти отца семья Маяковских переезжает в Москву. Чтение марксистской литературы, работа в социал-демократическом кружке оттеснили занятия М. в гимназии на второй план, а в начале 1908 г. он решил полностью отдать себя партийной работе и живописи. Учеба в Строгановском училище, прерываемая арестами 1908—1909 гг., участие в подпольном большевистском движении завершились «так называемой дилеммой»: «Что я могу противопоставить навалившейся на меня эстетике старья? Разве революция не потребует от меня серьезной школы?.. Я прервал партийную работу. Я сел учиться». Этому решению предшествовали «11 бутырских месяцев» одиночной тюремной камеры. «Важнейшее для меня время, — как скажет о нем М. в автобиографии. — После трех лет теории и практики — бросился на беллетристику. Перечел все новейшее. Символисты — Белый, Бальмонт. Разобрала формальная новизна. Но было чудно. Темы, образы не моей жизни. Попробовал сам писать так же хорошо, но про другое. Оказалось, так же про другое — нельзя. Вышло холодно и ревлаксиво... Исписал таким целую тетрадку. Спасибо надзирателям — при выходе отобрали. А то б еще напечатал!» Тетрадку эту М. уже после революции разыскивал в тюремных архивах, а 1909 г. считал началом своей литературной работы. Выход М. из тюрьмы был в полном смысле выходом в искусство. В 1910 г. он поступает в студию художника П. Келина, где начинает готовиться к экзаменам в Училище живописи. Ученик В. Серова, Келин привлек

М. приверженностью классическому реализму, противостоящему кубизму и другим модным течениям, шедшим с Запада. В 1911 г. М. поступает в Московское училище живописи, ваяния и зодчества. Псевдоакадемическая, рутинная атмосфера училища, исключающая возможность поиска самостоятельного пути в искусстве, и, с другой стороны, бунт «левых» учеников, кубистов М. Ларионова, Н. Гончаровой, И. Машкова обусловили сложность и неоднозначность формирования у М. представлений о целях и идеалах творчества, отождествление им эстетического бунта в искусстве с бунтом революционным. Социальная и художественная ситуация России 1910 г. ставила перед М. очередную дилемму: старая жизнь, старое искусство — «рассадник духовного филистерства» и новая жизнь, новое искусство. М. выбрал футуризм как творчество будущего во всех сферах бытия. «Хочу делать социалистическое искусство» — так определял поэт цель своей жизни уже в 1910 г. После «сотни томительных дней» Бутырской тюрьмы М. необычайно привлек размах его старшего друга по Училищу Давида Бурлюка, так говорившего о задачах русских футуристов: «Мы пойдем на улицы Москвы, в гущу народа и станем втроем читать стихи... Мы, революционеры искусства, обязаны выступить с проповедью нового искусства по всем крупным городам России... Мы должны и можем делать феноменальные явления и в искусстве, и в жизни. Возьмем мир за бороду и будем трясти... обалдим весь земной шар и повернем в обратную сторону... Все человечество — наше — и никаких разговоров!» Со всей бескомпромиссностью молодости бросался М. в новое искусство, веря, что, выкинув из поэзии «слова с чужими брюхами», он принесет в жизнь новое настроение, противоположенное группировкам «художественно-обособленных сект вроде символистов, мистиков, которые дают друг друга своей туберкулезной безнадёжностью». Основной тон ранних выступлений М. — критическая направленность против прошлого и современного, прежде всего символистского, искусства, «ненависть к искусству вчерашнего дня, к невращению, культивированной краской, стихом, рампой». Поэтический язык воспринимался М. как главный и непосредственный генератор социальной, жизненной энергии, отсюда его приверженность «самовитому слову», слову «вне смысла и жизненных польз», отсюда же главное противоречие его ранних статей — отрицание искусства «вчерашнего дня» разворачивается в них по двум противоположным линиям: с позиций «чистой формы» «чистого искусства» и с позиций подлинно революционных преобразований. Утверждения вроде «писатель только выгибает искусную вазу, а влит в нее вино или помой — безразлично» сочетаются с борьбой против «позорного и дряхлого» новаторства, не утверждающего демократические принципы твор-

чества. Так же внутренне противоречивы первые стихотворения М. 1912—1913 гг., напечатанные в сборниках «Пощечина общественному вкусу», «Садок судей», «Дохлая луна» и никак не соответствующие «сильному», «веселому» искусству, подчеркнуто оптимистично декларируемому в манифестах футуристов и самим М. Стихотворения эти («Ночь», «Утро», «Уличное», «Адище города», «За женщиной» и др.) вводят в поэтический мир, лишенный привычных связей. Ключом к его пониманию является ощущение боли, бессмысленности существования. Нарушение нормальных связей человека и мира порождает состояние душевной смуты, абсурдности бытия, действительность утрачивает реальные очертания, становясь мотивировкой всеобщего отчуждения, словно бы саморазвивающимся показом тех или иных фрагментов городской жизни. Неопровержимая материальность среды при полнейшей, сюрреалистической парадоксальности ситуаций (напр.: «Лысый фонарь сладострастно снимает с улицы черный чулок») воздействует на читателя как бы помимо автора, помимо лирического «я». Метафора М. отходит от традиционного принципа параллелизма, развернутой аналогии. Чувство неприкаянности человека поэт стремится объективировать, показав страдания самой природы, самого города: «А там, под вывеской, где сельди из Керчи — / сбитый старикашка шарил очки / и заплакал, когда в вечереющем смерче / трамвай с разбега взметнул зрачки. / В дырах небоскребов, где горела руда / и железо поездов громоздило лаз — крикнул аэроплан и упал туда, / где у раненого солнца вытекал глаз». И только в стихотворении «А вы могли бы?» открыто зазвучит голос поэта — человека, способного жить, любить, творить в этом «адище города».

Начиная с цикла «Я» в поэзии М. прорисовываются контуры лирического героя, мучительно и напряженно стремящегося осознать себя. Этот цикл и примыкающее к нему стихотворение «От усталости» образуют своеобразную космогонию, всеобщую страдательную связь всего сущего. Ее основные действующие лица — Человек, Солнце, Земля, Луна, Время, Бог. В сознании поэта человек и мироздание — два единопородных существа, разделяющих бытие и состояние друг друга: «Земля! / Дай исцелуя твою лысеющую / голову лохмотьями губ моих в пятна чужих позолот. / Дымом волос над пожарами глаз из олова / дай обовью я впалые груди болот. / Ты! Нас — двое, / ораненных, загнанных ланями... Сестра моя!» Даже бог не выдерживает этого безбожного бытия: «Я вижу, Христос из иконы бежал...»

В лирике М. 1913—1914 гг. проступают и другие типы лирического «я». Так, стихотворение «Кофта фата» связано с анархически-бунтарскими настроениями, присутствующими модернизму. Лирический герой наслаждается своей ролью «свободного художника» на «Парнасе мира»: «Я

сошью себе черные штаны из бархата голоса моего. / Желтую кофту из трех аршин заката. / По Невскому мира, по ложенным полосам его, / профланирую шагом Дон Жуана и фата...» Пластика словесного изображения утверждает идею самоценности творчества, абсолютной этической и эстетической «незаинтересованности» художника, причем антиэстетизм и аморализм лирического героя выступают чаще всего как форма отрицания буржуазной эстетики и этики («Я люблю смотреть, как умирают дети»). Однако гораздо более перспективным для творчества М. оказался лирический герой, резко противопоставивший себя обывательскому сознанию, буржуазным нормам бытия. В стихотворениях «Нате!», «Вам!», «Ничего не понимают», «Вот как я сделался собакой», «Чудовищные похороны» и др. реальное историческое содержание — предельное обострение потребности личности во внутренней независимости от посягающей заедающей среды связано с приемом «остранения», «освобождения от роли», сознательным стремлением лирического героя быть «чужим» в чуждом ему мире. При этом поэт использует характерное качество гротеска — сочетание правдоподобия и фантастики, как бы обнажающее истинное положение вещей, раскрывающее подлинное, трагическое содержание привычных ситуаций.

Летом 1913 г. М. работает над своим первым крупным произведением — трагедией, своеобразным драматургическим вариантом ранней лирики. Обращение М. к драматургическому жанру было закономерно, энергия драматического действия накапливалась уже в его ранних стихотворениях, являющихся по сути «маленькими трагедиями». Трагедия «Владимир Маяковский» должна была разрешить основные противоречия раннего творчества поэта — отрицание капитализма и утверждение «красоты» его индустриальной мощи, презрение к «стоглавой вше» толпы и тоску по человеку. В прологе трагедии декларируется выход из этих противоречий — ее герой — Поэт Владимир Маяковский — намерен принести себя в искупительную жертву людям, силой своего искусства избавив их от страданий. М. был режиссером, художником, актером, игравшим самого себя, свое лирическое «я» в пьесе. Своеобразие лирической природы трагедии в свое время очень точно определили современники поэта: «Трагедия называлась «Владимир Маяковский». Заглавие скрывало гениально простое открытие, что поэт не автор, но — предмет лирики, от первого лица обращающийся к миру. Заглавие было не именем сочинителя, а фамилией содержания» (Б. Пастернак); «Поэт разложил себя на сцене, держит себя в руке, как игрок держит карты... Игра идет на любовь. Игра проиграна» (В. Шкловский). В нем — Владимире Маяковском — замыкаются в общей катастрофе два исходных противоречия искусства и жизни: индустриальная «красота» бессильна спасти капиталистическую

цивилизацию, люди — «бедные крысы» — не понимают поэта и безраздельно подчинены власти плоти, пошлости, страха. Пьеса, однако, не содержит традиционной трагедийной развязки, драматизм финала определяет не гибель главного героя, а его невозможность действовать, трагическое предстает как нравственная вина художника перед городом и миром. Мотив нравственной вины лирического героя и его искупительной жертвы получает свое дальнейшее развитие в поэмах «Облако в штанах», «Война и мир», «Человек», а в послеоктябрьском творчестве М. трансформируется в тему долга, осознанного как ответственность художника перед духовным и природным многообразием бытия в целом: «Поэт / всегда / должник вселенной, / платящий / на горе / проценты и пени. / Я / в долгу / перед Бродвейской лампой, / перед вами, / багдадские небеса, / перед Красной Армией, / перед вишнями Японии — / перед всем, / про что / не успел написать» («Разговор с фининспектором о поэзии»).

С декабря 1913 по март 1914 г. М. предпринимает поездки по семнадцати городам России, задуманные как турне футуристов. Говоря о новых задачах нового искусства, М. связывал их с изменением самой жизни, на улицах и площадях хотел он «словами простыми как мычание» открыть свою душу, кричащую о катастрофичности и безумии буржуазной действительности: «Это взвело на Голгофу аудиторий Петрограда, Москвы, Одессы, Киева, и не было ни одного, который не кричал бы: «Распи, распи его!» Вот что писал М. вскоре после начала первой мировой войны: «Вдумайтесь только во всю злобу, в весь ужас нашего существования: живет десяток мечтателей, какой-то дьявольской интуицией провидит, что сегодняшний покой — только бесмысленный завтрак на подоженном пороховом погребе...»

В первые месяцы войны М. работает над текстами для народных лубков в духе официальной гражданственности и патриотизма, пишет статьи для газеты «Новь». Однако лирика М. этого периода опять выступает в противоречие с его теоретическими высказываниями. В стихотворениях «Мама и убитый немцами вечер», «Война объявлена», «Я и Наполеон» идея защиты отечества противостоят не только подступившие к сердцу поэта страдания и муки жертв войны, но и открытый протест всему буржуазному обществу, губящему человека теперь еще и на империалистической войне. В «Гимнах», опубликованных в 1915 г. в журнале «Новый сатирикон», М. издевается над всеми основными «столпами» современного мира. Гротескная гиперболизация «Гимнов» напоминает раблезианскую логику построения художественного образа, когда все идеологические уродства поставлены в ряд уродств телесных («желудок в панаме») либо ситуационных нелепостей. Двуплановое содержание этих

произведений обусловлено не столько маскировкой политической сатиры, сколько характерным для раннего М. приемом издательской клоунады (аналогичным примером могут служить «взорные» оды Сумарокова, «Похвала глупости» Э. Роттердамского). Сатирический пафос «Гимна судьбе», «Гимна ученому», «Гимна здоровью», «Гимна обеду», «Гимна взятке», «Гимна критику» предполагал переход этой художественной доминанты от гневной иронии до грустного юмора и горькой шутки автора над самим собой в стихотворениях «Теплое слово кое-каким порокам», «Себе, любимому...», «Ко всему», «Надоело», «Дешевая распродажа». Трагикомическая тональность этих стихотворений связана с тем, что их лирический герой, романтически прекрасный и в то же время беззащитный и одинокий, ощущает свою огромность и неприкаянность в этом мире, преждевременность и мучительность своего бытия: «Грядущие люди! / Кто вы? / Вот — я, / весь боль и ушиб. / Вам завещаю / я сад фруктовый / моей великой души».

Догадкой об этой нарушенной, но исконно гуманной связи человека и мироздания исполнено стихотворение «Послушайте!»: «...Ведь, если звезды зажигают — / значит — это кому-нибудь нужно?» Искренняя, трогательно-доверительная интонация этого стихотворения связана с поиском М. морально-психологической опоры в реальном мире, глубине единой и взаимосообразной сути человека и природы, напоминающей о высоких началах добра, нравственности, красоты, которые в конечном счете должны победить в жизни.

Одним из высших проявлений универсальной связи человека и мира в творчестве М. является любовная лирика. Внутренний закон лирического рода — познание жизни через любовь — способен органично включать в себя эпический тип художественного мышления, целостное, концептуальное осмысление мира. Именно поэтому ощущение творческой зрелости было необходимым для М. условием постановки главных тем его творчества — любви и революции. В главе автобиографии «Начало 14-го года» поэт напишет: «Чувствую мастерство. Могу овладеть темой. Вплотную. Ставило вопрос о теме. О революционной. Думаю над «Облаком в штанах». Осмысление трагедии «украденной любви» усугубляется в поэме до понимания сути причин постигшего человека горя, движение конфликта, развитие сюжета определяют кризисные узлы самой предреволюционной действительности, раскрытые М. в монологах лирического героя — «четыре криках» четырех частей поэмы: «Долой вашу любовь!», «Долой ваше искусство!», «Долой ваш строй!», «Долой вашу религию!» Сознание лирического героя «Облака» отражает предельно острое и драматичное ощущение двойственности бытия — психологической близости революции и, казалось бы, абсолютной несовместимости ее идеалов с наличной буржуазной дей-

ствительностью. В поэме эта двойственность разрешается созданием образа «положительно прекрасного человека» — лирического героя и утверждением искусства как непосредственно революционного действия («Как вы смеете называться поэтом / и, sereneкий, чирихать, как перепел! / Сегодня / надо / кастетом / кроитья миру в черепе!»). В лирическом герое «Облака» не только своеобразно сочетаются основные типы авторского сознания ранней поэтической системы М., но и фокусируется концепция «нового человека», которую в каждую новую эпоху выдвигает вновь формирующаяся прогрессивная социальная группа. «Тринадцатый апостолом» считал героя «Облака» М., так же первоначально называлась поэма, однако заглавие это не было пропущено цензурой. ярко выраженная жертвенность, индивидуализм лирического «я» оказывается верностью интересам новой духовной общности — пролетариату. В ходе русской революции 1905 г. Горький писал: «Коллективная психология в наши дни должна быть наиболее интересна и близка всякому мыслящему человеку». Главную роль в становлении этой психологии играла, по мнению писателя, «историческая и политическая юность русского народа, русского пролетариата». И хотя развязка поэмы не содержит какого-либо традиционного разрешения коллизии, поскольку все главные мотивы конфликта — буржуазная мораль, строй, искусство, религия — сохраняют пока свое господство, герой «Облака» в финале полон оптимистического ощущения своей силы, красоты, молодости: «Эй, вы! / Небо! / Снимите шляпу! / Я иду!..», «Мир огромив мощью голоса, / иду — красивый, / двадцатидвухлетний». Мотив дороги, возникающий в прологе и заключительных строках «Облака», связывает индивидуальную судьбу героя с широким мировым пространством и бесконечно углубляет перспективу произведения. Мироздание не представляется больше М. царством абсурда и хаоса, залог разрешения мучительного противоречия между буржуазной действительностью и революционным грядущим — в высочайшем напряжении духа лирического героя поэмы, мужественной воле его исторического предвидения и пророчества, эмоционально предощущения в себе гармонии и гуманности грядущей жизни. «Ему действительно надо было «мир огроить мощью голоса», — пишет о М. Л. Тимофеев. — Его стих действительно должен был стать криком, превращенным в определенную эстетическую, художественно функционирующую категорию». Уже в «Облаке» проявляются основы тех новых принципов стиха, которые сделали поэзию М. новаторским явлением и в области формы. М. освободил стих от обязательных канонов размера, акцентируя смысловую ударность и усиливая внимание к содержанию неожиданной рифмовкой. Он не только ввел в язык поэмы «корявый говор миллионов»,

но и сдвинул слово с мертвой точки описывания, доведя до предела его эмоциональную емкость.

В течение осени — зимы 1915 г. М. работал над новой поэмой «Флейта-позвоночник», продолжившей, вслед за «Облаком», трактовку любви как знамения и знамения нового мира и человека. В октябре 1915 г. М. был призван на военную службу. «Теперь идти на фронт не хочу, — пишет он в автобиографии. — Притворился чертеником. Ночью учусь у какого-то инженера чертить...» В этом же году М. знакомится с Горьким, читает ему главы «Облака в штанах», глубоко потрясшие писателя. Чтение это состоялось в июле 1915 г. на даче Горького в Мустамяках, под Петроградом. С возникновения в 1915 г. горьковской «Летописи» все внимание М. привлечено к этому журналу. Сотрудничество в «Летописи», встречи, беседы с Горьким во многом определили направление идейного и художественного развития М. в предреволюционные годы, непосредственно сказались в его работе над двумя большими поэмами — «Война и мир», «Человек». В 1916 г. издательство «Парус», руководимое Горьким, издало первый сборник стихов М. «Простое как мычание», а в 1917 г. — поэму «Война и мир».

События первой империалистической войны, невиданный, поистине мировой масштаб всеобщего страдания сделали для М. проблему «войны и мира» частью проблемы «человек и вселенная». Человек, мыслящий и чувствующий в масштабах вселенной, и вселенная, сопереживающая каждому движению сердца человека, — таков характер поэтического преломления М. традиционной проблематики личности и среды, вобравший в себя высочайшее духовное стремление человечества к обретению своей подлинной, «природной» сути, своего истинного места и предназначения в мироздании. Уже в первых стихотворениях М. о войне определился характерный для всего его последующего творчества ракурс планеты-организма. В поэме «Война и мир» все сущее — живые соучастники «кровавых игр», где государства — гладиаторы, земля — арена, вселенная — зритель. И вновь оптимистическую, как и в «Облаке», — несмотря ни на что — тональность «Войны и мира» определяет ощущение истонченного состояния мира, объединяющего человечество для больших и гуманных целей. По воспоминаниям современников, М. испытывал в эти годы сильное влияние идей русского мыслителя Н. Федорова, предвещавшего начало космической эры, «восстановление родства» земли и космоса. Предчувствие грядущих революционных потрясений вселяло уверенность в скором осуществлении этих предсказаний, и хотя картина, нарисованная поэтом в IV части поэмы, явно идилична, М. верно предугадал генеральную линию мирового развития, неуклонно влекущую человечество к гармоничной целостности бытия.

Моральный образ будущего, существующий в психологии поэта, обусловил его уверенность в том, что человек «свободный, / ору о ком я, / ...придет он, / верьте мне, / верьте!».

Это пророчество, уверенно звучащее в заключительных строках «Войны и мира», сталкивается с, казалось бы, прямо противоположной концепцией поэмы «Человек», над которой М. работал накануне падения самодержавия, в 1916 — нач. 1917 г. Поэма эта обозначила своеобразный предел мировоззренческой эволюции раннего М., глубоко неудовлетворенного буржуазным характером Февральской революции. Человек — «свободный, «настоящий», предсказываемый в дооктябрьском творчестве М., приходит на Землю, но она, «океанная», «логово банкиров, вельможей и дождей», оковывает его, противопоставляя «океану любви» «золоторот» денег. Страстно сопротивляющийся и страдающий герой поэмы оказывается не в состоянии изменить законы бытия: «Встряхивают революции царств тельца, / меняет погонщиков человеческий табун, / но тебя, / некорюванного сердце владыца, / ни один не трогает бунт!» Неразрешимое в границах буржуазного строя противоречие между духовной свободой, неотделимой от сущности человека, и его порабощенностью в реальной действительности, породило специфическую мифологизацию идейно-художественной концепции «Человека». Помещая лирического героя поэмы — Маяковского — в центр евангельской легенды, поэт трансформирует религиозную теоцентрическую модель мира в антропоцентрическую и философски обобщает историю всего человечества. В самом конце поэмы строки, характерно озаглавленные «Последнее», пронизаны ощущением неизбежного, близкого краха старого мира. Человек вновь, как и в «Облаке в штанах», выходит на просторы вселенной, откуда ясно видно, что «Тысячью церквей / подо мной / затынул и тянет мир: / «Со святыми упокой!».

Весной 1917 г. в «Новой жизни», газете, организованной Горьким, М. напечатал поэтохронику «Революция», затем «Сказочку о Красной Шапочке», разоблачавшую кадетов, памфлет «К ответу» и в августе III часть поэмы «Война и мир». На этом сотрудничество М. в газете, политическая позиция которой становилась все более чуждой ему, закончилось. В сентябре М. выступает в Москве в Политехническом музее с докладом «Большевики искусства», название которого прямо говорило об ориентации поэта в период подготовки Октябрьской революции. Вернувшись в Петроград, М. пишет двустихие «Ешь ананасы, рябчиков жуй, / день твой последний приходит, буржуй», ставшее его любимейшим стихом, поскольку, по свидетельству петроградских газет первых дней Октября, напевая эти строки, матросы шли на штурм Зимнего.

Характер творчества М. после Октябрьской революции определяют его слова: «Моя революция.

Пошел в Смольный. Работал. Все, что приходилось». В эти годы М. стремится дать «...героическое, этическое и сатирическое изображение нашей эпохи». Агитатор, лирик, трибун, он работает в «Окнах РОСТА», создает поэмы «150 000 000», «Люблю», «Про это», «Владимир Ильич Ленин», «Хорошо!», «Во весь голос», пьесы «Мистерия-буфф», «Клоп», «Баня». В послереволюционный период М. утверждает поэзию нового типа, сочетающую широчайший социально-исторический, философский, нравственный ракурс художественного познания мира с лирически страстным и откровенным рассказом человека «о времени и о себе».

Соч.: Я! — М., 1913; Владимир Маяковский. Трагедия в двух действиях с прологом и эпилогом. — М., 1914; Облако в штанах. Тетраптих. — Пг., 1915; Флейта-позвоночник. — Пг., 1916; Простое как мычание. — Пг., 1916; Война и мир — Пг., 1917; Человек. Вещь — М., 1918; Полн. собр. соч.: В 12 т. — М., 1932—1938; Полн. собр. соч.: В 2 т. — М., 1939—1949; Полн. собр. соч.: В 13 т. — М., 1955—1961.

Лит.: Маяковскому. Сб. воспоминаний и статей. — Л., 1940; Винокур Г. О. Маяковский — новатор языка. — М., 1943; Новое о Маяковском. Сб. материалов. В 2 т. — М., 1958; Штокмар М. П. Рифма Маяковского. — М., 1958; Катанян В. А. Маяковский. Литературная хроника. — М., 1961; Паперный Э. С. Поэтический образ у Маяковского. — М., 1961; Тимофеева В. В. Язык поэта и время. Поэтический язык Маяковского. — М.; Л., 1962; Маяковский в воспоминаниях современников. — М., 1963; Наумов Е. И. В. В. Маяковский. Семинарий. — Л., 1963; Эвентов И. С. Маяковский в Петрограде — Ленинграде. — Л., 1963; Душкин В. Д. Радость, мастером ковровая. Очерки творчества В. В. Маяковского. — М., 1964; Метченко А. И. Маяковский. Очерк творчества. — М., 1964; Тимофеева Л. И. Советская литература. Метод. стиль. Поэтика. — М., 1964; Маяковская Я. Л. В. О Владимире Маяковском. Из воспоминаний сестры. — М., 1965; Альфонсов В. Н. Слова и краски. Очерки из истории творческих связей поэтов и художников. — М.; Л., 1966; Маяковский в воспоминаниях родных и друзей. — М., 1968; Катаев В. П. Святой колодец. Трава забвенья. — М., 1969; Перцов В. О. Маяковский. Жизнь и творчество: В 3 т. — М., 1969—1972; Харджиев Н. И., Тренин В. В. Поэтическая культура Маяковского. — М., 1970; Петросов К. Г. Поэзия Маяковского. Лекции спец. курса для студентов-филологов. — Коломна, 1971; Поэт и социализм. К эстетике В. В. Маяковского. — М., 1971; Ивлева Д. Д. Ритмика Маяковского и традиции русского классического стиха. — Рига, 1973; Владимиров С. В. Молдавский Д. М. Вл. Маяковский. Биография. — Л., 1974; Черемин Г. С. Путь Маяковского к Октябрю. — М., 1975; Владимиров С. В. Об эстетических взглядах Маяковского. — Л., 1976; Советские поэты о Маяковском. Сб. стихов и высказываний. — М., 1976; Семья Маяковского в письмах. Переписка 1892—1906 гг. — М., 1978; Тренин В. В. В мастерской стиха Маяковского. — М., 1978; Пицкель Ф. Н. Маяковский: художественное постижение мира. — М., 1979; Субботин А. С. О поэзии и поэтике (О творчестве В. В. Маяковского и С. А. Есенина). — Свердловск, 1979; Машиниц-Веров И. М. Во весь голос. О поэмах Маяковского. — Куйбышев, 1980; Мелик-Нубаров С. О. «Я знаю слов набат...» Творчество В. В. Маяковского. — М., 1980; Спивак Р. С. Дооктябрьская лирика В. В. Маяковского. — Пермь, 1980; Барштейн А. И. Анализ литературного произведения: на материале стихотворений С. Есенина и В. Маяковского. — Шауляй, 1981; Волков-Ланнит Л. Ф. Вижу Маяковского. — М., 1981; Гончаров Б. П. Поэтика Маяковского. Лирический герой послеоктябрьской поэзии и пути его художественного утверждения. — М., 1983; Михайлов А. А. «Я знаю силу слов...» (Традиции Маяковского — вчера и сегодня). — М., 1983; Никольская Л. Н. Человек и время в художественной концепции В. В. Маяковского. — Львов, 1983; Слово о Маяковском (В. В. Маяковский и советская поэзия). — М., 1983; Альфонсов В. Н. Нам слово нужно для жизни. — Л., 1984; Бабуров Г. В.

Маяковский встречает век двадцать первый: Статьи, воспоминания. — Тбилиси, 1984; Маяковский в современном мире: Статьи, исследования, материалы и воспоминания. — Л., 1984; Эвентов И. С. Три поэта: В. Маяковский, Д. Бедный, С. Есенин. — Л., 1984; Маяковский и современность. — М., 1985; Петросов К. Г. Творчество В. В. Маяковского. — М., 1985; Маяковская Я. А. Детство и юность Владимира Маяковского. Из воспоминаний матери. — М., 1986. И. Ю. Искрицкая

МЕЙ, Лев Александрович [13(25).II.1822, Москва — 16(28).V.1862, Петербург] — поэт. Из обедневших дворян обрусевшей немецкой фамилии. Отец М., отставной офицер, рано умер. В 1831 г. М. поступил в Московский дворянский институт, откуда через пять лет был переведен в Царскосельский лицей. По окончании лицея (1841) служил в канцелярии московского генерал-губернатора до января 1849 г. Писал стихи с раннего детства. В 1840 и 1845 гг. опубликовал пять стихотворений; систематически печатался с 1849 г., преимущественно в журнале «Москвитянин»: стихотворения, переводы, переложение «Слова о полку Игореве» (1850), рассказы, рецензии, драма «Царская невеста» (1849). В 1850 г. вошел в «Молодая редакция» журнала, заведовал отделами русской словесности и иностранной литературы. У М. П. Погодина встречался с виднейшими славянофилами, тесно сблизился с кружком, группировавшимся вокруг А. Н. Островского и затем А. А. Григорьева, где культивировалась прежде всего русская народная песня. С осени 1850 г. жил в смоленском имении тестя. В 1852 г. стал инспектором 2-й Московской гимназии, откуда ушел, столкнувшись с косностью казенной педагогике.

С 1853 г. в Петербурге. До 1861 г. числился без жалованья в Археографической комиссии, но штатного места не получил. Бедствовал, пытаясь жить литературным трудом, брал всякую работу: переводы, компиляции, мелкие статьи. Сблизился с «Библиотекой для чтения», редактор которой А. В. Старчевский привлекал свежие литературные силы; в 1854—1859 гг. М. печатал в этом журнале стихи и прозу, некоторое время вел отдел журналистики, составлял справочные энциклопедические статьи. Печатался и в др. журналах независимо от их ориентации: «Отечественных записках», «Сыне Отечества», «Искре», «Народном чтении», разных еженедельниках, два перевода поместил в «Современнике». Не занимая радикальных общественных позиций, М. находил общий язык с многими литераторами. Его петербургское окружение составляли А. Ф. Писемский, Я. П. Полонский, И. А. Гончаров, И. С. Тургенев, А. Н. Майков, М. Л. Михайлов, Н. Г. Чернышевский, С. В. Максимов и др. М. уделял большое внимание начинающим поэтам, ввел в литературу В. С. Курочкина.

В 1858 г. М., Ап. Григорьев и др. составили кружок меценатствующего гр. Г. А. Кушелева-Безбородко, основателя «Русского слова» (1859); вначале М. помогал Григорьеву как со-

редактору (наряду с Полонским) журнала, с изменением направления журнала продолжал в нем печататься.

В 1857 г. М. выпустил сборник «Стихотворения», прозвучавший несвоевременно в новой общественной атмосфере; в 1861 г.— первую книгу «Стихотворений и переводов» («Былины и песни»), второй не последовало. Начатое в 1862 г. трехтомное собрание сочинений М. было завершено в 1863 г., после его смерти: нездоровый богемный образ жизни оказался для него губительным.

Оригинальных стихотворений М., включая миниатюры (акrostихи «Левь Мей», экспромты, буримы и т. д.), насчитывается чуть более 160, из них непосредственно от лица автора написано около половины, остальные — вариации фольклорных, исторических, библейских и антологических тем.

В поэзии М. выражались официально-патриотические настроения: в связи с Крымской войной, 50-летием лица. Но он всегда осуждал деспотизм и произвол, подавление свободологии. Его «Вечевой колокол» (1840) впервые был напечатан за границей А. И. Герценом в 1857 г. С надеждой ждавший реформ («Греза», 1860 ?), М. встретил их с энтузиазмом как благословенное возрождение, пробуждение России, искупление старых «грехов» («Отроковица», «Спать пора!», «Огоньки», 1861). Однако понимание свободы у М. не было социально определенным: цена «смелости дум» и «борьбу с невзгодой гордую» (Полн. собр. соч.— Т. I.— С. 240), он отвергал «рецепты» оздоровления общества («Н. С. Курочкину», 1861). Идиллически обрисована им «жизнь беспечных дикарей» (Т. I.—С. 188) в отрывке «Гвангани» (1840) из неоконченной поэмы «Колумб». Идея национальной независимости утверждается на разном материале: древнерусском («Песня про боярина Евпатия Коловрата», 1859; «Александр Невский», 1861), итальянском («Помпеи», 1861), отчасти библейском.

Личная свобода, воля прославляется в символично-аллегорических образах стихотворений «Малиновке» (1857), «Сумерки», (1858), «Канарейка», «Мимоза» (оба — 1859). Без внутренней свободы, по М., нет поэта. Образ поэта, певца — один из основных в его лирике. Это человек одухотворенный, вдохновенный свыше, но по-земному ранним («Лунатик», 1840), его труд даже при создании радостных стихов сравнивается с родовыми муками («Он весел, он поет, и песня так вольна...», 1859). Страдая от цензурного насилия над мыслью («О господи, пошли долготерпенье!..», 1855?), М. приветствовал начало духовного раскрепощения общества, гордился тем, что уберет талант «свободного певца», хотя бы и слагающего «песни красоте» («Не верю, господи, чтоб ты меня забыл...», 1857).

Лирика М. отражает его уравновешенный, не

склонный к резкости и крайностям характер. Любимые стихи с 1844 г. посвящены С. Г. Полянской, ставшей женой поэта в 1850 г. В них любовь неотрывна от тревог и переживаний, но лирический герой не впадает в отчаяние; он чист перед возлюбленной, спутницей жизни, может упрекнуть ее, но и старается душевно поддержать («Я не обманывал тебя...», «Милый друг мой! румянцем заката...», 1861). Несостоявшаяся любовь и несчастный, неравный брак — тема лишь стилизаций фольклора, не только русского («Баркарола», 1850).

М. редко писал чисто пейзажные стихотворения, не был и натурфилософом, но природа играет у него огромную роль как проявление многоцветья жизни, яркого, хотя не всегда отрадного. Образы растений, птиц, животных, весны, освежающей грозы, ветра, облаков, звезд и месяца, волн-барашков обычно воплощают настроение лирического героя, иносказательно выражают в каждом случае вполне определенную мысль. Лишь в больших стихотворениях описательные части сравнительно самоценны: «Октавы (Елене Григорьевне Полянской)» (1844), «Деревня» (1848—1859), «Церера» (1858) и др. Особенно заметен во всем творчестве М. от «Октав» и «Забытых ямбов» (1844) до «Дыма» (1861) и «Мороза» (1862) мотив мороза, холода, как правило, ассоциирующийся с жизненными невзгодами (М. часто буквально мерз в своей бедной квартире). Вместе с тем у М., особенно в античном цикле, есть собственно описательные стихотворения о произведениях искусства, где он стремится к словесной изобразительности.

В лирике М. часто говорится об ушедшем, невозвратимом, но живо сохраняющемся в памяти: «Октавы (Софье Григорьевне Полянской)» (1844), «Секстина» (1851), «Арашка» (1858), «Знаешь ли, Юленька...» (1860), «Ау-ау!» (1861), «Чуру» (1859) и др.

В 1857 г. («Убей меня, боже всеисильный...») и 1859—1860 гг., когда пошатнулось здоровье поэта, он не раз заявлял о буквально понятом бессмертии, воскресении («Над гробом», «Когда она, на миг, вся вспыхнет предо мною...», «Памяти Гейне», «Покойным»). Разговор с мертвыми у М. сродни фольклорной традиции («Песня», 1855, где рассказ ведется от лица женщины, вышедшей в лесу к могиле самоубийцы). В стилизациях он использовал привычные образы народной фантазии: домового, русалки, оборотня, лешего и др., сближая их даже с новейшей жизнью («чугунка» в «Лешем», 1861). Меньше субъективности в обработках древнерусских книжных источников, хотя берутся эпизоды из очень далекого прошлого, близкие к легендам. М. перелагает их стихами с минимальным домыслом, приводя и сами источники: знаток старины, он снабжал свои повествовательные и драматические произведения, а также переводы предисловиями и комментариями.

Библейско-евангельские сюжеты о Моисее, Иове, Самсоне, Юдифи, Сауле, Давиде, Христе влекли М. как выражение общечеловеческих ситуаций. Его лиро-эпические произведения этого плана часто содержат неожиданный дидактический вывод применительно к поэту или к современной России; напр., финал «Эндровской прорицательницы» (1857) намекает на бесславный конец Николая I, а в «Отроковице» (1861) с воскресенной Иисусом дочерью Иаира сравнивается подымающаяся «божий волею» (Т. 1.—С. 133) Россия, в которой начались реформы. Тринадцать «Еврейских песен» (1849—1860), переложения «Песни песней», — гармоничная любовная лирика, синтезирующая восточный и русский колорит. Есть у М. и стихи собственно религиозного, христианского содержания.

В поэзии М. отчетливы две стилевые линии. К первой, возвышенно-субъективной, относятся статуарные описания, многие переложения и стилизации, романсные и песенные стихи (из стихотворений М. семь называются «Песня» и несколько включают это слово в заглавие, но не всегда в прямом смысле; к текстам М. обращались М. И. Глинка, П. И. Чайковский, А. П. Бородин, Н. А. Римский-Корсаков, М. П. Мусоргский, С. В. Рахманинов и др. композиторы). Вторая линия, более бесыскусственная и объективированная, начинается в автобиографических стихах, очень непосредственных и интимно-доверительных, и приводит к появлению в стихотворениях 1861—1862 гг. картин жизни простых людей («Дым», «Тройка», «На бегу»). У М. нередки прозаизмы: «Какая у тебя противная собака!» («Чуру»), «Ох, холодно!.. Жаль, градусника нету...» («Дым»); он вводит в стихотворения прямую речь и диалог, сугубо разговорные уменьшительные имена (Катя, Наташа, Юленька, Люба, Сашенька), клички животных. Но стилевые линии, особенно вторая, не выдерживаются строго, высокий стиль соединяется с нейтральным и сниженным: «О ты, чье имя мрет на трепетных устах, / Чьи электрически-ореховые кося / Трещат и искрятся, скользая из рук в лопатках, / Ты, душечка моя, ответь мне на вопросы...» (набросок рубежа 40—50 гг.; «Стихотворения». — М., — 1985. — С. 33). Или: «Твердят им мелочность и гордость свысока, / Что жизнь юдольная ничтожна и низка, / И вообще, внизу, узка у жизни тропка. / О, трубы!.. Не понять не зябшим, что есть топка...» («Дым»). Гладкость, гармоничность речи одних стихотворений сменяется в других сбивчивой интонацией с оговорами, оговорками; отсюда частые многоточия, риторические вопросы и восклицания (необязательно патетические). Наряду с архаизмами М. вводил ситуативные неологизмы, предвосхищая позднейшую поэзию: *олиствиться, опрозрачить, окорняться, крупнопягодный, труднотесные* и т. д.; был придирчив к синтаксису, изгонял причастия и особенно деепричастия.

Двойственны у М. и стиховые средства. Он имел славу искуснейшего версификатора и обращался к редким формам: вольту трехсложникам, рифмованному гекзаметру, пеону, стилизации народного «лада», полиметрии и др., на фоне тогдашнего резкого упрощения строфики писал описными четверостишиями, различными пятистишиями и более длинными, изощренными строфами, в т. ч. цепными, первым в России освоил сложную форму секстины («Секстина», 1851), был очень изобретателен в рифме (правда, больше в шутовой составной). Но, как и в лексике, в стихе М. бывал едва ли не намеренно небрежен, оставлял незарифмованные строки, нарушал правило чередования клаузул, отступал от основной рифмовки и размера; не считал нужным непременно воспроизводить стих оригинала и предпочитал передавать античный белый стих рифмованным.

Переводческая работа в период культурного роста демократического читателя имела особое значение. Переводы М. лексически точны, хотя и не всегда. Владая тремя древними и пятью новейшими европейскими языками, он проделывал кропотливую лингвистическую работу. «Филологические исследования были его самым любимым занятием...» — свидетельствовал С. В. Максимов в воспоминаниях «Лев Александрович Мей» (М а к с и м о в С. В. Литературные путешествия. — М., 1986. — С. 73). Больше всего М. переводил Анакреона, Г. Гейне, П. Беранже, а также мн. др. поэтов, фольклорные произведения разных народов. В области драматургии он пробовал переводить В. Шекспира и Ф. Шиллера.

Собственные драмы М. — «Царская невеста» (1849), «Сервилия» (1854) и «Псковитянка» (1860) — в отличие от исторической драматургии 30—40 гг. основаны на изображении быта и поведения людей императорского Рима и Руси XVI в., острых психологических ситуаций, а не политических коллизий. В «Сервилии» философия стоиков противопоставлена приспособленчеству, порожденному эпохой упадка; идеализируются ранние христиане. Ответственность за тиранию возложена главным образом не на Нерона (как и в поэме «Цветы», написанной в 1854 или 1855), а на временщика Тигеллина, что, возможно, было скрытым выпадом против высших царских чиновников. Две пьесы из эпохи Ивана Грозного — важная веха в развитии этой тематики и жанра историко-бытовой драмы — предвосхищают исторические пьесы А. Н. Островского и А. К. Толстого. В трактовке фигуры Грозного М. следовал «государственной» школе С. М. Соловьева, стремясь вместе с тем понять царя как человека, наделенного сильными страстями. В основе сюжета «Царской невесты» — трагическая судьба третьей жены Ивана Грозного Марфы Собакиной (описанная Н. М. Карамзиным). В концепции русского национального характера М., отходя от фольклора, разо-

шелся с близкими ему славянофилами, отверг идею подчинения личности патриархальным традициям семьи, общества, государства, показал трагическое противоречие между пробуждавшейся личностью русской женщины и сковывающими ее установлениями; герои одержимы всепоглощающим чувством. В «Псковитянке» сюжет и проблематика шире. Здесь и рассказ о разгроме Новгорода царем и опричниками, и массовая сцена псковского вече с участием всех городских слоев, и показ вооруженного сопротивления царским войскам, и активное участие в действии исторических персонажей, прежде всего самого Ивана Грозного. Пьесы М., как и ранние исторические «песни», не лишены романтической психологизации и мелодраматизма, но в основном удачно воспроизводят исторический и национальный колорит, естественную речь в гибких ритмах белого 5-стопного ямба. «Псковитянка» и «Царская невеста» стали литературной основой одноименных опер Н. А. Римского-Корсакова.

Забытая проза М. — очерки бытовых, дорожных, охотничьих впечатлений; рассказы о примечательных людях и судьбах представителей низших сословий: «Кирилыч» (1855), «Софья» (1856), «Батя» (1861), где показан уже уходящий патриархальный мир беситростных отношений, в т. ч. между помещиком и крестьянином, без жестокостей крепостников; изложено бытующих в народе историй о чудесном и таинственном («Парельщик», «На паперти», 1859); рассказы о маньяках «Гривенник» и «Чубук» (1860). В этой прозе, как правило, заметен личный опыт наблюдательного автора и в то же время достоверно отражено не близкое ему сознание персонажей и рассказчиков, передана живая разговорная речь со всей ее социальной характерностью, словно синхронно зафиксированные диалоги собеседников.

Соч.: Полн. собр. соч.: В 2 т. / Вступ. ст. П. В. Быкова. 4-е изд. — Спб., 1911: Стихотворения и драмы / Вступ. ст. С. А. Рейсера. — Л., 1947; Избр. произв. / Вступ. ст. Г. М. Фридендера. — 3-е изд. — М.: Л., 1962; Стихотворения / Вступ. ст. К. К. Бухмейер. — М., 1985.
Лит.: Добролюбов Н. А. Стихотворения Л. Мея // Собр. соч. — М.: Л., 1962. — Т. 2. — С. 160—164; Григорьев А. А. «Псковитянка», драма Л. Мея // Время. — 1861. — № 4; Зотов В. Р. Лев Александрович Мея и его значение в русской литературе // Мея Л. А. Лирические стихотворения. — Спб., 1887. — С. I—LXVI; Быков П. В. Библиография сочинений Л. А. Мея // Там же. — С. LXXVII—LXXXVI; Уманская М. М. Русская историческая драматургия 60-х годов XIX века // Уч. зап. Саратовского государственного педагогического института. — Вольск, 1958. — Вып. 35. — С. 271—335.
С. И. Кормилон

МЕЛЬНИКОВ, Павел Иванович, псевдоним Андрей Печерский [25.X.(6.XI).1818, Нижний Новгород — 1(13).II.1883, там же] — прозаик. Родился в небогатой дворянской семье. Детство провел в уездном городе Семенове. Впечатления от родного Заволжья, богатого традициями народной поэзии и быта, оказали решающее влия-

ние на мирозерцание будущего писателя. В 1834 г. М. поступил на словесный факультет Казанского университета, в 1837 г. закончил его со званием кандидата; в студенческие годы увлекался творчеством Пушкина и Гоголя, статьями Белинского. Готовился к научной работе в университете и поездке за границу, но за какую-то провинность (что именно произошло — биографы умалчивают) был выслан в Пермь преподавателем истории и статистики. В 1839 г. переведен в Нижний Новгород, где и провел большую часть жизни. С юности М. интересовался современным экономическим положением страны и одновременно — ее историей: «Страх люблю я эти предания, этот разговор древности с новейшими веками...» (Полн. собр. соч. — Т. 12. — С. 196). Но хотя круг интересов писателя сложился рано, свой путь в литературе он нашел далеко не сразу.

Первое произведение М. — «Дорожные записки на пути из Тамбовской губернии в Сибирь» («Отечественные записки», 1839—1841). В 1840 г. появился рассказ писателя «О том, кто такой был Елпидифор Перфильевич и какие приготовления делались в городе Чернограде к его именинам» («Литературная газета») — слабое подражание Гоголю. После этой неудачи М. 12 лет не принимался за беллетристику.

В 1841 г. М. получил звание члена-корреспондента Археологической комиссии. В 1845—1850 гг. был редактором неофициальной части «Нижегородских губернских ведомостей», где публиковал многочисленные исторические и этнографические материалы, собранные им самим. С 1847 г. служил чиновником особых поручений при нижегородском генерал-губернаторе, с 1850 г. — в Министерстве внутренних дел, преимущественно по делам раскола. К государственной службе относился необыкновенно ревностно, был «административным донкихотом», чем вызвал недовольство начальства и осуждение обществу. Был известен как жестокий разоритель скитов и даже стал «героем» раскольничьего фольклора (о нем сложились песни и легенды — например, будто М. заключил союз с дьяволом и стал видеть сквозь стены). Однако, досконально изучив раскол, М. изменил свое отношение к нему. В «Отчете о современном состоянии раскола» (1854) он возложил ответственность за раскол на низкий нравственный уровень православного духовенства, а после смерти Николая I одним из первых выступил за веротерпимость (составленная для великого князя Константина «Записка о русском расколе», 1857; «Письма о расколе», 1862). М. заявил, что 200-летнее преследование старообрядцев было «совершенно излишне и даже вредно» («Северная пчела». — 1862. — № 142).

По своим убеждениям М. всю жизнь оставался либералом, сторонником просвещения и реформ. К революционному движению относился скептически — считал, что оно не соответствует

истинным нуждам страны; однако очень уважал А. И. Герцена.

По настойчивым советам В. И. Даля, с которым был в близких отношениях, М. возобновил свою литературную деятельность и в 1852 г. опубликовал рассказ «Красильниковы» («Москвитини»), обличавший деспотизм и невежество купеческой среды. В 1857—1859 гг. вышли (преимущественно в «Русском вестнике») повести и рассказы М. «Дедушка Поликарп», «Полярков», «Непременный», «Медвежий угол», «Именинный пирог», «Старые годы», «Бабушкины рассказы», темами которых были чиновный карьеризм и казнокрадство, жестокое притеснение крестьян, ужасы крепостного права. Для этих произведений, по форме близких к нравоописательному очерку (что сближает М. с «натуральной школой»), характерны яркие речевые характеристики персонажей и колоритные картины быта. К М. сразу пришел успех. Н. Г. Чернышевский причислил его «к даровитейшим нашим рассказчикам», а по силе обличения сближал с Салтыковым-Щедриным (Полн. собр. соч.— М., 1948.— Т. 4.— С. 736), чем М. гордился. Н. А. Добролюбов также назвал М. и Салтыкова-Щедрина крупнейшими сатириками 50 гг. (Полн. собр. соч.— М., 1941.— Т. 5.— С. 375). Н. А. Некрасов находил его «к даровитейшим нашим рассказчикам» (Полн. собр. соч. и писем.— М., 1952.— Т. 8.— С. 355). Отдельное издание рассказов М. в 1858 г. запретила цензура. Повесть «Гриша» (1861) оказалась слабее предшествующих; однако она любопытна разнообразными портретами старообрядцев. Один из них, развязный старец Варлаам, любитель выпить и погулять, близок пушкинскому Варлааму («Борис Годунов»). Это позволило М. П. Мусоргскому в его известной опере использовать черты мельниковского Варлаама и приведенную в повести песню «Как во городе то было во Казани».

В 1866 г. М. вышел в отставку, переселился в Москву и всецело отдался литературной работе. С 1868 г.— постоянный сотрудник «Русского вестника», хотя Каткова не любил и печатался у него по материальным соображениям (большая семья писателя жила на его жалованье). Литературные контакты М. немногочисленны: встречался с А. Ф. Писемским, А. Н. Майковым, К. Н. Бестужевым-Рюминым; Н. А. Некрасова знал, но относился к нему холодно. Один раз видел А. П. Чехова и угадал в нем большой талант. В «московский» период М. создал ряд исторических трудов (наиболее известна «Княжна Тараканова и принцесса Владимирская», 1867) и начал свое главное, итоговое произведение — романную дилогию «В лесах» (1871—1874) и «На горах» (1875—1881). Заключительные главы М. диктовал жене, будучи уже тяжело больным. Перед смертью он задумал несколько исторических романов (один — из жизни XVII в.). Последние 10 лет прожил в Нижнем Новгороде,

уезжая летом в свое имение, где с увлечением занимался садоводством.

Дилогия М. повествует о старообрядческом Заволжье середины XIX в., обычаях местного населения, скитах и тайных сектах. В центре романов — жизнь нескольких купеческих семей в переломный исторический момент, когда торговое сословие обрело в русском обществе реальную силу. Судьбы персонажей так или иначе связаны с проникновением в патриархальную среду денежных отношений. Сразу в нескольких сюжетных линиях раскрывается власть алчности и стяжательства: сначала привлекательный Алексей Лохматый в погоне за наживой теряет все человеческое, губит полюбившую его Настю; Гаврила Залетов продает единственную дочь богатому старику. Показана в дилогии и жестокость религиозного фанатизма, который ломает судьбы Манефы и ее дочери Фленушки, заставляя их отказаться от счастливой любви. Не случайно Катков выбрасывал из романов М. абзацы и целые главы.

Однако в последнем произведении М. на первый план впервые выступают не темные стороны русской жизни, а ее поэтические черты. Подобно А. Н. Островскому, М. находит в купеческой среде не только предрассудки и меркантильные интересы, но и верность здравым устоям народной нравственности. Главные герои романов — Потап Максимыч Чапурин, его дочь Настя, Фленушка, Петр Самоквасов и Дуня Смолокурова — в сложных жизненных ситуациях проявляют великодушие, чувство долга, преданность своей семье. Автор предлагает яркую концепцию национального характера, которая немаловажна без удали, предприимчивости, добродушного озорства и не имеет ничего общего с обломовщиной. Персонажи М. верны традициям народной культуры, которая в изображении писателя обладает неповторимым своеобразием и значительной эстетической ценностью. На страницах романов эти традиции присутствуют в качестве разнообразных бытовых обычаев, сложных правил поведения, многоцветных одежд, затейливых интерьеров и особенностей речи героев.

Образы персонажей, язык и стиль дилогии во многом определяются глубоким проникновением фольклорной эстетики в привычный для XIX в. жанр романа. М. привлекает исключительно богатый этнографический и фольклорный материал (сказки, песни, легенды, плачи, пословицы, приметы, поверья, описания обрядов и традиционных празднеств), реконструирует мотивы славянской языческой мифологии. Создавая портреты героев, автор широко пользуется народно-поэтическими типами добра молодца и красной девицы, добиваясь почти лубочной яркости красок.

Выявив в полной мере оригинальность таланта М., романы «В лесах» и «На горах» принесли писателю популярность. Сам П. М. Третьяков

заказал И. Н. Крамскому его портрет для своей галереи. Однако в критике преобладали общие характеристики: отмечались общирность и свежесть материала дилогии, спокойная эпичность авторской манеры; подробного исследования творчество писателя не получило.

Дилогия М. прочно вошла в состав классики. М. Горький в повести «В людях» назвал роман «В лесах» «славной русской поэмой», а позднее призвал молодых авторов учиться у М., наряду с Н. С. Лесковым, чистоте и богатству языка (Собр. соч.: В 30 т. — М., 1955. — Т. 29. — С. 212). Образы и мотивы М. сказались в творчестве В. Г. Короленко, их влияние на свои произведения признавал П. П. Бажов, считавший писателя близкой себе натурой (Собр. соч.: В 3 т. — М., 1952. — Т. 3. — С. 287). Дилогия М. вдохновила художника М. В. Нестерова на создание картин «В лесах», «На горах», «Великий постриг», «За Волгой», «Соловей поет». Впечатления от романа «В лесах» отразились в опере Н. А. Римского-Корсакова «Сказание о граде Китеже и деде Февронии».

Для современного читателя романы М. интересны не только в эстетическом, но и в познавательном отношении. Они запечатлели горячую любовь писателя к наследию отечественной культуры, которое значимо и ценно по сей день.

Соч.: Полн. собр. соч.: В 14 т. — Спб. — М., 1897—1898; Собр. соч.: В 8 т. — М., 1976.

Лит.: Художественное изучение раскола // «Русский вестник». — 1874. — Т. 109. — № 1; Измайлов А. А. Выписатель зыскующих града // Ежемесячное приложение к «Ниве». — 1908. — № 11; Невзоров Н. Павел Иванович Мельников (Андрей Печерский), его жизнь и литературное значение. — Казань, 1883; Соколова В. Ф. П. И. Мельников (Андрей Печерский). — Горький, 1981. С. В. Шешунова

МЕРЕЖКОВСКИЙ, Дмитрий Сергеевич [2(14). VIII.1866, Петербург — 9.XII.1941, Париж] — писатель, литературовед, философ. Родился в семье дворцового служащего — столоначальника придворной конторы. Младший из шести сыновей (в семье было еще три дочери). Воспитывался в классической гимназии, был замкнут, застенчив, с товарищами сходился трудно. В гимназии начал писать стихи. В 1880 г. познакомился с Ф. М. Достоевским и С. Я. Надсоном. Последнего, вспоминал в автобиографии, «полюбил как брата». Первое стихотворение напечатал в 1881 г. в сборнике «Отклик». В 1888 г. вышла первая книга стихов М., очень близких по своей тональности поэзии Надсона (Стихотворения. 1883—1887. — Пб.).

В 1884 г. поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета, увлекался позитивной философией — Спенсером, Контом, Миллем, Дарвиным. «Но с детства религиозный, смутно чувствовал ее недостаточность, искал...» (Автобиография). Эти искания, носившие откровенно религиозный характер, а затем интерес к новейшей французской лите-

ратуре определили пути дальнейшего идейно-творческого развития М. В 1889 г. он в Тифлисе познакомился с Э. Гиппиус, которая вышла за него замуж. С тех пор жизнь и творчество их становятся нераздельными.

В 90 гг. М. сходитесь с сотрудниками журнала «Северный вестник», вокруг редакции которого начинает формироваться первая группа русских символистов. В 1892 г. выходит второй сборник стихов М. — «Символы (Песни и поэмы)». Стихи этого сборника, как и стихотворения первой книги, холодны, рассудочны, лишены художественной эмоциональности. Основной пафос их составляют мотивы одиночества, усталости души, равнодушия к жизни, добру и злу («И хочу, но не в силах любить я людей: / Я чужой среди них...»).

Лирика М. не занимает большого места в поэзии начала века. Он известен прежде всего как прозаик, драматург, критик, автор работ о А. С. Пушкине, Н. В. Гоголе, Л. Н. Толстом, Ф. М. Достоевском, Н. А. Некрасове, Ф. И. Тютчеве и как автор эстетического манифеста русского символизма, основные принципы которого изложил в 1892 г. в публичных литературных лекциях, а затем в книге «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» (1893). Обосновывая их, М. пытался объяснить учение символизма не столько со стороны эстетической, сколько религиозной (Автобиография). В этой работе М. символизм впервые пытался осознать себя как идейно-художественное направление, обладающее определенными мировоззренческими, а не только эстетическими качествами. М. утверждал, что русская литература находится на грани кризиса, в который завела ее гражданская тенденциозность, наследование традиций революционной демократии. Основу же искусства, утверждал М., составляет религиозное чувство, предчувствие «божественного идеализма». В книге «О причинах упадка...» М. обозначил три элемента будущей русской литературы: мистическое содержание, символизация и «расширение художественной впечатлительности в духе изощренного импрессионизма».

В 90 же гг. М. начал писать самое значительное свое прозаическое произведение — трилогию «Христос и Антихрист», в которой хотел выразить свои философские взгляды на историю и грядущие судьбы человечества (Ч. I — «Отверженный» [«Смерть богов» («Юлиан Отступник»), 1896; Ч. II — «Воскресшие боги» («Леонардо да Винчи»), 1901; Ч. III — «Антихрист (Петр и Алексей)», 1905). Исторический материал и проблематика романов, как и литературно-критических исследований М., были откровенно подчинены доказательству узкой философско-мистической схемы. М. считал, что в мировой жизни существует полярность, в ней всегда борются и борются две правды — небесная и зем-

ная, дух и плоть, Христос и Антихрист. Первая проявляется в стремлении духа к самоотречению и слиянию с богом, вторая — в стремлении человека к самоутверждению, владычеству индивидуальной воли. В ходе истории эти два потока в предвести будущей гармонии могут разделиться, но дух постоянно устремлен к их высшему слиянию, которое станет венцом исторической завершенности. На таких антитезах и строились романы М. Заостряя их, он обращается к поворотным эпохам человеческой истории, когда столкновение противостоящих сил проявляется с драматической напряженностью.

На аналогичных оппозициях строятся и литературно-критические работы М., самая значительная из которых — исследование «Л. Толстой и Достоевский. Жизнь и творчество» (Т. I — «Жизнь и творчество Л. Толстого и Достоевского», Т. II — «Религия Л. Толстого и Достоевского»; 1901—1902). Достоевский предстал у М. «провидцем духа», Толстой — «провидцем плоти». В синтезе их художественных открытий М. предрекал последнюю, вершинную ступень человеческого познания мира — постижение высших религиозно-мистических тайн бытия. Работа до сих пор представляет интерес конкретными наблюдениями над текстами Толстого и Достоевского. Однако интерпретируя текст, М. дает ему религиозно-мистическое истолкование даже в самых частных деталях.

Последняя такая литературная антитеза в критических работах М. — его книга о Некрасове и Тютчеве («Две тайны русской поэзии», 1915). «Некрасов, — пишет М. — поэт общечеловечности. Тютчев — поэт личности» (С. 117), первый близок христианскому социализму, второй — гениальный индивидуалист. Для М. они противоположны, но они и двойники, у них есть возможная точка схождения, она — в боге. С такой точки зрения М. оценивал и современных ему писателей.

После поражения первой революции М. пишет ряд работ «общественного характера»: «Грядущий Хам» (1906), «Не мир, но меч. К будущей критике христианства» (1908), «В тихом омуте» (1908), «Болезнь Россия» (1910). Наиболее известна его работа «Грядущий Хам», направленная в своей сути против демократических элементов в современной русской культуре. После первой революции М. и З. Гиппиус несколько лет провели во Франции, по возвращении приняли активное участие в Религиозно-философском обществе, во главе которого стояли те, кто выступал против революционного марксизма. Религиозные искания М. этих лет были как бы развитием его попыток создать еще в нач. 900 гг. свое неохристианское учение — «новое религиозное сознание». М. настаивал на религиозном оправдании культуры — «соединении церкви с миром». Против этих идей М. резко выступил Г. Плеханов («О так называемых религиозных исканиях в России. Евангелие от декаданса», 1909).

После первой революции М. пишет пьесы «Павел I» (1908), «Царевич Алексей» (1920) и романы «Александр I» и «14 декабря» (1918). Они интересны в художественном отношении, но и в них читатель встречается с предельно субъективной трактовкой исторических событий и лиц.

Октябрьскую революцию М. встретил враждебно. В 1920 г. он эмигрировал: вначале в Варшаву, где пытался искать поддержки Пилсудского в борьбе против большевиков, затем в Париж; во Франции он прожил до конца дней. В эмиграции М. создал для себя свой духовный мир, основанный на политической непримиримости к Советской России. Вместе с Гиппиус он попытался в Париже создать нечто вроде литературного салона, стремясь объединить вокруг себя эмигрантскую интеллигенцию на почве все той же «религиозной общечеловечности». Но салон Мережковских сразу же приобрел политическую окраску, и их антисоветизм оттолкнул от них не только радикальные, но и умеренные круги русской эмиграции.

В художественном творчестве М. в годы эмиграции все более уходит в прошлое, еще более активно обращаясь в угоду своей историко-философской концепции с фактами истории, причем до такой степени, что издательства даже отказываются (как то было с его книгой о Древнем Египте) печатать его исторические сочинения. По своему жанру они представляют собою эссе, философские раздумья на одну и ту же тему — о Евангелии «Третьего завета», о грядущем «Царстве Духа». Наиболее известны книги: «Наполеон» (в 2 т., 1929), «Иисус Неизвестный» (в 2 т., 1932—1933), «Павел и Августин» (1937), «Франциск Ассизский» (1938), «Жанна д'Арк» (1938), «Данте» (в 2 т., 1939).

В годы второй мировой войны антисоветизм М. привел его к коллаборационизму.

Соч.: Полн. собр. соч.: В 17 т.— Спб.: М., 1911—1913; Полн. собр. соч.: В 24 т.— М., 1914.
Лит.: Белый А. Мережковский // Белый А. Луг зеленый.— М., 1910; Брюсов В. Мережковский как поэт // Брюсов В. Далекие и близкие.— М., 1912; Автобиография // Русская литература XX века под ред. С. А. Венгерова.— М., 1915.— Т. 2; П о в а р ц о в С. Траектория падения (О литературно-эстетической концепции Д. Мережковского) // Вопросы литературы.— 1986.— № 11. А. Г. Соколов

МЕРЗЛЯКОВ, Алексей Федорович [17(28).III.1778, Пермская губ.— 26.VII(7.VIII).1830, Москва] — поэт, критик. Родился в семье мелкого купца. Образование получил в местном народном училище. Там он написал оду, затем опубликованную в журнале «Российский магазин» (1792.— Ч. 1). В то же время автора перевели в Москву, в университетскую гимназию. Дальнейшее образование получил в Московском университете (1795—1799), который он окончил с золотой медалью. С тех пор его жизнь была прочно связана с этим учебным заведением. В 1804 г. он получил степень магистра и с тех

пор до конца жизни занимал кафедру русского красноречия и поэзии. С 1817 г., уже в звании профессора, стал деканом.

Начало литературной деятельности М. совпало с обучением в университете Андрея Тургенева, с которым М. сблизился. Он вошел в Дружеское литературное общество, в котором, помимо А. Тургенева, собирались В. А. Жуковский, А. С. Кайсаров, А. Ф. Воейков. Под влиянием А. Тургенева в М. укрепляется интерес к героическому началу в истории и в человеке и возникают тираноборческие настроения («Слава», «Разрушение Вавилона», переводы от Тиртея и др. произведения). М.— противник Н. М. Карамзина, он тяготеет к высоким общественным темам, и его творчество становится необходимым звеном в развитии русской гражданской поэзии. Однако М. оказался чужим не только Карамзину, но также революционная и материалистическая мысль французских просветителей и Радищева. Антифеодалный пафос выражался в духе предромантического вольнолюбия. М. перевел «Коварство и любовь», «Дон Карлоса» Шиллера и совместно с А. Тургеневым «Страдания молодого Вертера» Гете. Из французских просветителей он ценил Руссо, но отвергал Вольтера.

Утверждение героического начала сочеталось с вниманием к народности, к национальной самобытности. Идеи народности укрепились в сознании М. еще в пору Дружеского литературного общества, но практически осуществились в 1805—1806 гг., когда общество уже распалось. М. познакомился с крепостным композитором Д. И. Кашиным и в содружестве с ним создал несколько песен на народные мотивы («Чернобровый, черноглазый...», «Ах, что ж ты, голубчик...», «Ах, девица-красавица...», «Не липочка кудрявая...», «Я не думала ни о чем в свете тужить...»). Некоторые из написанных в том же духе песен («Среди долины ровныя...») и романсов («Велизарий») появились позднее (1810 и 1814 гг.). В. Г. Белинский высоко ценил песни М. Их достоинство он видел в том, что поэт «перенес в свои русские песни русскую грусть-тоску, русское гореванье, от которого щемит сердце и захватывает дух». Песни М., по мнению Белинского, связывали «простонародную поэзию с нашей художественной, национальную поэзию», поскольку общим для тех и других чувством была грусть, придававшая им лирическую сердечность.

В русских песнях М. появляется образ человека, никогда не достигающего счастья вследствие внешних препятствий и преград. Поэт вводил в них элементы фольклора (народные обороты, ритмику, зачины, параллелизмы, отрицательные сравнения), отказывался от рифм, стремясь приблизить свой стих к подлинно народному стиху. Однако в песнях была заметна и другая, чисто литературная струя: в них проникали сентиментально-чувствительные ноты,

интонации дворянского, городского и мещанского романса, книжная фразеология. Все это отдаляло песни от народной поэтической стихии.

Поиски народности в песнях были дополнены в переводах античных авторов и обусловлены стремлением воссоздать национальную культуру в свойственных ей формах, возникших в исторически определенную эпоху. Отношение М. к античности по сравнению с прежними переводами из Тиртея меняется. Раньше он видел в античности высокое искусство, которое притивопоставлял «легкой поэзии». Его привлекала гражданская страсть, политическая направленность, проступавшая сквозь условно героические символы и представления. Теперь же, начиная примерно с 1807 г., идеалы М. приобретают более умеренный характер, он выставляет взамен героики и гражданской активности требования материальной обеспеченности человека, что значительно ограничивало антидворянский смысл его поэзии. С этим связан переход от переводов от Тиртея к переводам от Горация, который считался проповедником «золотой середины». Вместе с тем ощутимые потери восполнялись и несомненными приобретениями. М. отказался от понимания античной поэзии в духе классической абстрактности. Он хотел понять античность исторически точно, а в античной литературе увидеть народную поэзию. С этой целью он героизировал «низкую», обыкновенную и повседневную жизнь. Стилистически это выражалось в сочетании славянизмов и бытового, простонародного словаря, в использовании русской фольклорной образности. Тем же путем шел и Гнедич, создавая идиллию «Рыбаки». К такого рода античным переводам относятся «Эклоги Публия Виргилия Марона» (1807), подражания и переводы из греческих и латинских стихотворцев (1825—1826).

После 1812 г. поэт не утратил контакта с современностью (в 1815 г. издавал журнал «Амфион», преподавал, выступал как критик и теоретик литературы), но его свободолюбие уже потускнело, что предопределило в дальнейшем расхождение с литературой романтизма и неприятие новых художественных исканий. Однако в 10 гг. М. остается еще заметным поэтом и становится виднейшим критиком и теоретиком искусства. Свои идеи он развивает в двух прочитанных им курсах: «Теория изящных искусств» (1812) и «Критики» (1816). В них он подчеркивал роль и значение критики для развития литературы и необходимость твердых эстетических критериев для оценки произведений. «Цель критики,— по мнению М.,— приобрести способность справедливой разборчивости в подлинном достоинстве авторов. Она увеличивает наслаждения, доставляемые их творениями...» М. основывал свои критические суждения (почти ни один писатель XVIII — нач. XIX в. не остался без его внимания) на следующих теоретических положе-

ниях. Искусство — подражание природе, под которой понимался как физический мир, так и нравственный, исторический, гражданский, мифологический, «идеальный, или возможный». Подражание природе не есть копия с нее, а включает творческий опыт, направленный на выявление существенного, заключенного в самих объектах, т. е., говоря современным языком, предполагающий обобщение и типизацию. Поэтому в конкретных разборах художественных произведений М. настаивал на «вероятности, или правдоподобии», на принципе правдивости, естественности художественного воспроизведения событий и характеров. В этом состояла одна сторона творческого акта. Другая заключалась в том, что подражание природе преследует нравственно-воспитательную роль, т. е. обусловлено субъективными намерениями автора. Отсюда вытекало, что автор должен внести в художественное произведение определенную идею и подчинить весь материал ее реализации. М. уже не замыкается на восхищении одними достоинствами и порицании других, на мелочной стилистической критике, как часто было до него, а, по словам Белинского, «толкует об идее, о целом, о характерах». Идеи М. об искусстве и критериях его оценки выстраивались в систему и представляли собой новаторское для того времени явление. М. способствовал преодолению существенных сторон классицистической эстетики и открывал путь — в известной, конечно, степени — эстетике философской (любоמודов и Белинского). Своими трудами он расчищал, хотя и с большими оговорками, дорогу реалистическому искусству. Вот почему Белинский писал: «Как эстетик и критик, Мерзляков заслуживает особенное внимание и уважение».

Однако теория и критика М. не свободны от отвлеченности, которая сказывалась в том, что внутренне он не был готов ответить на новые идеи века и налагал на них печать классицистических эстетических установок или противопоставлял свою систему живому искусству, часто отдавая предпочтение системе и подчиняя ей литературную практику. Так создавалась почва для внутренних драматических конфликтов между непосредственным эстетическим чувством М. и провозглашенными им «правилами», между новыми, вызывавшими сочувствие художественными веяниями и решительным их неприятием.

Драматические коллизии подобного рода возникли уже в 10 гг., но особенно наглядно они обозначились в 20 гг.

В 1815 г. М. выступил со статьей «Россияда». Поэма эпическая г-на Хераскова». В ту пору в его критическом и теоретическом творчестве сильно звучат романтические ноты. Он еще не был педантически жестким сторонником строгих «правил» и говорил слушателям о роли «чувства», ставя его выше «системы»: «Что такое сии правила? Следствие наблюдений, сделанных

человеком над собственными своими чувствами», «чувство в поэзии все заменяет; недостатка чувствований ничто заменить не может». Но при оценке «Россияды», указав на множество нарушений в ней естественности («В «Россияде» много эпизодов, и многие из них тем более погрешительны, что не только не действуют в пользу, но и совершенно противны намерению автора»), М. доказывал, что «Россияда» оригинальная эпическая поэма, исполненная высоких художественных достоинств. Непоследовательность М. была вскрыта историком П. М. Строевым, который тогда же беспощадно высмеял исторические ошибки, нарочитую выспренность, ложную патетику поэмы. Подчеркнув неестественность характеров, Строев сделал противоположный М. вывод: «Россияда» недостойна тех громких похвал, коими ее до сих пор осыпали...» М. отвечал Строеву статьей, но даже не коснулся принципиальных аргументов своего оппонента.

Несколько позже (1818) Кюхельбекер в статье «Взгляд на нынешнее состояние русской словесности», сославшись на М., писал: «Литераторы наши стали высказывать здравые суждения. Г-н Мерзляков первый доказал, что г-н Херасков, писатель, впрочем, весьма достойный, менее всего является вторым Гомером и самая лучшая из его поэм не выдерживает сравнения даже с «Генриадой». Здесь же Кюхельбекер лестно отозвался о балладах Жуковского и романтизме его поэзии, подчеркнув, что независимость и свобода, сообщенные Жуковским русскому языку, весьма родственны «национальному нашему духу». М. тотчас ответил «Письмом из Сибири», прочитанным в присутствии Жуковского на заседании Общества любителей российской словесности. Хотя М. испытывал воздействие стиля Жуковского («Велизарий», романы «Я др. произведения»), он резко выступил с осуждением жанра баллад.

В дальнейшем, в 20 гг., расхождение между вкусом и «системой» стало еще более острым, но спор все чаще решался в пользу «правил». Читая стихи Пушкина и чувствуя их прелесть, М. отказывал им в художественном достоинстве и плакал, не в силах примирить противоречие между непосредственным ощущением и принципами, которые предписывали его осуждать. В 20 гг. «непреложные правила» М. ставит выше «чувства», получившего оправдание лишь в том случае, если оно соответствует «правилам». Некогда близкий романтическим веяниям, М. осуждает романтизм, считая, что он «оскорбляет нам ум»: «Что значит все сии романтические мечтания без цели, все сии сказки без конца, все сии многоплодные описания природы без применений, все сии чудесности, странности и аллегории, все вымыслы юродствующего воображения без духа их, то есть без мысли?» («О вернейшем способе разбирать и судить сочинения, особливо стихотворные, по их существенным достоинствам», 1822). Опубликовав в 20 гг. пере-

веденные им книги Эшенбурга «Краткая риторика» (последнее издание — 1821), «Краткое начертание теории изящности» в 2 ч. (1822) и «Краткое руководство к эстетике» (1829) и внеся в них оригинальный текст, М. получил устойчивую репутацию «старовера», запоздалого защитника классицизма. В 1824 г. Кюхельбекер уже писал о нем как о критике и теоретике, отставшем «по крайней мере на двадцать лет от общего хода ума человеческого...». Однако мысли М. о необходимости «системы», выверенных критериев для оценки искусства не утратили своего значения и были подхвачены любомудрами, а впоследствии Белинским. Веневитинов, в частности, также настаивал на «системе», но такой, какую можно применить «к некоторым произведениям новейших писателей...». Иначе говоря, «правила неверные» следует заметить «положительной системою». Возражая М. по поводу его трактата «О начале и духе древней трагедии» (1825), Веневитинов отверг «вечные правила», на которые опирался М. («Соблазненные, к несчастью, зательным воображением наших романтиков, мы,— сокрушался М.,— теперь увлекаемся быстрым потоком весьма сомнительных временных мнений»), и справедливо писал: «Всякий век имеет свой отличительный характер, выражающийся во всех умственных произведениях» («Разбор рассуждения г. Мерзлякова о начале и духе древней трагедии и проч., напечатанного при издании его подражаний и переводов из греческих и латинских стихотворцев»). Иначе говоря, каждый век издает свои «правила», но не «вечные», а исторические, позволяющие учитывать и оценивать новые художественные ценности.

Таким образом, М. не понял романтизм и не принял его. С романтическим индивидуализмом он вступил в борьбу и вынужден был обратиться за поддержкой к теории и практике XVIII в. Опубликованный (1828) им перевод «Освобожденного Иерусалима» Торквато Тассо был воспринят современниками как явный анахронизм.

Будучи одним из зачинателей профессиональной критики в России и крупным педагогом, воспитавшим не одно поколение читателей и литераторов, М. принадлежал к тем поэтам, которые в общественной сфере испытывали влияние передовой дворянской мысли, но развивались в духе идей стихийного демократизма и создавали почву для их проникновения в русскую жизнь и в русскую культуру. Своими песнями, романсами и переводами М. способствовал демократизации русской литературы, явившись предшественником Кольцова. В литературных симпатиях и взглядах М. наблюдались характерные особенности: первоначально поэт отставал «чувство», но затем отдал предпочтение «правилам». От предромантика он совершил эволюцию не к романтизму и реализму, а вспять — к классицизму, хотя непосредственное художественное чутье

противоречило его рассудочным представлениям.

В статье «Литературные мечтания» Белинский отдал справедливую дань литературным заслугам М. и в первую очередь его песням: «...это был талант могучий, энергический: какое глубокое чувство, какая неизмеримая тоска в его песнях! как живо сочувствовал он в них русскому народу и как верно выразил в их поэтических звуках лирическую сторону его жизни!»

Соч.: Краткое начертание теории изящной словесности: В 2 ч.— М., 1822; Подражания и переводы из греческих и латинских стихотворцев: В 2 ч.— М., 1825—1826; Песни и романсы.— М., 1830; Стихотворения / Вступ. ст. Ю. М. Лотмана.— Л., 1958.— (Библиотека поэта. Большая серия); Теория изящных наук. Отрывки из «Критики». Статьи // Русские эстетические трактаты первой трети XIX века / Вступ. ст. З. А. Каменского.— М., 1974.— Т. 1; Рассуждение о русской словесности и нынешнем ее состоянии. Об изящной словесности, ее пользе, цели и правилах. О талантах стихотворца. «Россияда». Поэма эпическая г-на Хераскова. Письмо из Сибири. О верхней способе разбирать и судить сочинения, особливо стихотворные, по их существенным достоинствам // Литературная критика 1800—1820-х годов / Вступ. ст. Л. Г. Фризмана.— М., 1980.

Лит.: Мизко Н. А. Ф. Мерзляков. Биографическо-критический очерк // Русская старина.— 1879.— № 1.— С. 113—140; Виноградов Ф. А. Ф. Мерзляков. Опыт литературной характеристики // Отчет о состоянии Шестой С.-Петербургской гимназии за 1907—1908 учебный год.— Спб., 1908.— С. 5—46; Розанов И. Н. Мерзляков // Русская лирика. От поэзии безличной — к исповеди сердца.— М., 1914.— С. 155—171; Мордовченко Н. И. А. Ф. Мерзляков // Русская критика первой четверти XIX века.— М.; Л., 1959.— С. 259—279; Каменский З. А. Философские идеи русского просвещения.— М., 1971.— С. 52—71, 299—313. В. И. Корвин

МИЛОНОВ, Михаил Васильевич [5(16).III.1792, именье Придонский Ключ Задонского у. Воронежской губ.— 17(29).X.1821, Петербург] — поэт. Родился в небогатой дворянской семье. В 1803 г. М. поступил в Благородный пансион при Московском университете. По окончании «при публичных экзаменах получил две книги, серебряную и золотую медали и одобрительный лист за отличные успехи в науках...» (Русская старина.— 1887.— № 11.— С. 364). Имя М. было записано в числе лучших выпускников пансиона золотыми буквами на мраморной доске. В 1805 г. М. стал студентом Московского университета, окончил его в 1809 г., получив степень кандидата. В этом же году переезжает в Петербург. Служил в министерстве внутренних дел. В 1811 г. перешел под начало И. И. Дмитриева в министерство юстиции. В письмах к А. Ф. Грамматину канцелярскую службу характеризует как «убийственное бездействие», потерю «самого драгоценного и лучшего в жизни времени». В августе 1812 г. М. делает попытку определиться в Московское ополчение, чтобы принять участие в Отечественной войне. Однако по каким-то причинам это намерение не было осуществлено. В 1813—1814 гг. служит в Комиссии по оказанию помощи «потерпевшим разорение от нашествия неприятеля». В 1815 г. поэт оставляет службу. Испытывая особенно острую нужду, а бедность была

постоянным спутником жизни М., вынужден при содействии А. И. Тургенева в 1818 г. вновь вернуться на службу. Сначала определяется в департамент духовных дел, в 1819 г. переходит в провиантский департамент военного министерства.

Еще в годы учебы в Благородном пансионе М. познакомился и сблизился с А. Ф. Грамматиным, В. А. Жуковским, А. Ф. Мерзляковым. Печататься стал с 1807 г. в журналах «Утренняя заря» и в «Вестнике Европы» (1808—1809). В 1810 г. становится членом Вольного общества любителей словесности, наук и художеств. В журнале Вольного общества — «Цветнике», «Санкт-Петербургском вестнике» напечатаны самые известные произведения М., принесшие ему популярность: «К Рубеллию. Сатира Персиева» (1810), «Отрывок из Луциллиевой сатиры против его века. Сатира шестая» (1810), «К Луказию. Сатира вторая» (1812). М. печатался также в издаваемом П. Никольским «Пантеоне русской поэзии», журнале А. Е. Измайлова «Благонамеренный». Многие при жизни поэта остались в рукописях и не сохранились. В числе незавершенных и несохранившихся произведений — поэма «Сотворение мира», которую друзья М. считали лучшим его творением. Этой поэмой интересовался А. С. Пушкин (в письме к брату от 27 июня 1821 г.). В 1819 г. вышло прижизненное собрание произведений поэта — «Сатиры, послания и другие мелкие стихотворения».

Современники высоко ценили гражданскую лирику М. Сатиры поэта продолжали традицию жанра стихотворной обличительной сатиры XVIII в. Поэт-гражданин негодует против социальной несправедливости, обличает вельмож-временщиков, высмеивает нравы дворянского общества. Характерной особенностью сатирических произведений М. является создание сатир на «лица». Знаменитую сатиру «К Рубеллию» современники воспринимали как направленную против Аракчеева. Однако смысл ее шире. Поэт создает обобщенный образ временщика, в котором угадывался не только всемогущий любимец Александра I, но и другие ему подобные фигуры. Сатира «К Рубеллию», как и большинство произведений этого жанра у М., написана в форме лирико-публицистического монолога, которая способствовала открытому, прямому выражению авторской позиции. Идеал, из которого исходит поэт в своей критике, генетически связанный с идеями Просвещения, оказался близким декабристской поэзии. К. Ф. Рылеев называл М. «бичом пороков» («Пустыня. К М. Г. Бедреге» 1821). Своей сатире «К временщику» он дал подзаголовок, заимствованный у М.: «Подражание Персиейой сатире «К Рубеллию», указав тем самым литературный источник своего произведения. В действительности у Персия сатиры «К Рубеллию» нет. Имя древнеримского поэта у М., а затем у Рылеева служило знаком определенной литературной традиции и облегчало про-

хождение сатир через цензуру. Ориентация на опыт античных сатириков (в послании Жуковскому в 1818 г. М. писал: «Зовись ты Шиллером, зовусь я Ювеналом») и французского поэта-сатирика Н. Буало проявилась и в обращении к переводам и переложениям сатир известных авторов. В этом случае М. не следует строго за текстом первоисточника. Он смело обличает общественные пороки именно русской действительности. Суд, которого «для сильных нет, он слабым лишь ужасен», дворянина «Граблина злодейства», что «друг с вельможами иль силен у двора» («К моему рассудку. Сатира третья», 1812). Большое место в сатирах М. занимает литературная полемика. Высмеивая «скучный бред» Балдуса, Бессмыслова, Вздоркина (все эти персонажи имеют реальных прототипов: Д. И. Хвостов, П. А. Ширинский-Шихматов, В. Л. Пушкин), поэт передает живую атмосферу литературной борьбы своего времени. К сатирам примыкают дружеские послания. Непринужденность эпистолярного повествования обеспечивает в них большие возможности для обсуждения различных сторон общественной и литературной жизни («К И. М. Фовицкому на вызов его продолжать мои сатиры», «Послание в Вену к друзьям», «Послание к Н.Р.П.» — все 1818 г., и др.). М. был известен и как автор элегий: «На кончину Державина» (1816), «Падение листьев» (1819) и др. Образ «златых дней весны моей» из элегии «Падение листьев» был использован Пушкиным в предсмертной элегии Ленского. А. А. Бестужев в статье «Взгляд на старую и новую словесность в России» писал: «М., поэт сильный в сатирах и чувствительный в элегиях». В. Г. Белинский называл М. «истинным поэтом» (Полн. собр. соч. — Т. I. — С. 64), «замечательным сатириком» (Там же. — Т. VII. — С. 140).

Соч.: Соч. — СПб., 1849; Поэты-сатирики конца XVIII — начала XIX в. / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Г. В. Ермаковой-Битнер. — Л., 1959; Поэты 1790—1810-х годов / Вступ. ст. и сост. Ю. М. Лотмана. — Л., 1971; Стихотворения (в одном сб. с С. Н. Маринина). — Воронеж, 1983; Сатира русских поэтов первой половины XIX в. — М., 1984.

Лит.: Маслов В. И. Литературная деятельность К. Ф. Рылеева. — Киев, 1912. — С. 117—141; Розанов И. Н. Русская лирика. От поэзии безличной — к исповеди сердца. — М., 1914; Тонков В. А. Писатели-воронежцы XIX — нач. XX в. — Воронеж, 1947; Очерки литературной жизни воронежского края XIX — нач. XX в. / Ред.-составители В. А. Тонков, О. Г. Ласунский. — Воронеж, 1970. — С. 55—73.

Л. И. Еремenco

МИНÆВ, Дмитрий Дмитриевич [21.X(2.XI). 1835, Симбирск — 10(22).VII.1889, там же] — поэт-сатирик, пародист, фельетонист, переводчик. Родился в семье строевого офицера (позднее — военного чиновника, дослужившегося до чина подполковника), увлекавшегося живописью и литературой, выступавшего со своими произведениями в печати (наиболее известное — поэтическое переложение «Слова о полку Игореве»); некоторые его стихотворения были одобрены В. Г. Белинским. Любовь к искусству, в особенности к словесному, поддерживала в семье и мать

М., симбирская дворянка Е. В. Зимнинская, получившая хорошее образование, владевшая иностранными языками. По свидетельству домашнего учителя М. (в будущем заметного беллетриста Г. Н. Потанина), он еще ребенком знал много стихов, «чутко их понимал и временами силился так же торжественно читать их, как читал его отец» (Потанин Г. Н. Речь на могиле поэта Минаева // Симбирские губернские ведомости.— 1899.— № 47). В 1847 г. родители М. на время переселились из Симбирска в Петербург, где М. отдал в Дворянский полк (военно-учебное заведение). В эти годы на него оказали значительное влияние преподаватель словесности, известный переводчик И. И. Введенский, будущий поэт В. С. Курочкин (учившийся тогда же в Дворянском полку), а главное — воляная атмосфера, царившая в то время в доме отца М., который поддерживал дружеские отношения с некоторыми петрашевцами (см.: Дело петрашевцев.— М.; Л., 1941.— Т. 2.— С. 112; 1951.— Т. 3.— С. 205, 248, 278—280), встречался с Н. Г. Чернышевским и обсуждал с ним необходимость социальных преобразований (см.: Чернышевский и Н. Г. Полн. собр. соч.— М., 1939.— Т. 1.— С. 371, 395, 400, 402).

Уже в годы учебы М. начал сочинять: его не дошедший до нас рассказ был включен в рукописный журнал Дворянского полка. Вернувшись в 1852 г. в Симбирск и определившись на службу в губернскую казенную палату, он не оставлял литературных занятий. Один из симбирцев вспоминал позднее о шумном успехе его ходившего по рукам стихотворения «У нас бульвар устроили большой...», где карикатурно изображались городские обыватели (см. об этом: Бейсов П. «Губернская фотография». Д. Д. Минаев // Уч. зап. Ульяновского ГПИ, 1948.— Вып. 1). Накопленные, вероятно, именно тогда наблюдения легли в основу написанной им позднее поэмы «Губернская фотография» (напечатана не полностью в «Гудке», 1862): «Поставив ящик фотографа / И против правды не греша», М. сделал больше ста «снимков» — сатирических портретов горожан, едко высмеивая при этом уродливые стороны провинциальной жизни, «отчизны вони, грязи, сплетен». Полный текст поэмы, получившей в Симбирске широкое распространение в списках, «вызвал целую бурю» в городе, его «вся губерния читала и декламировала» (Никольский Н. // Симбирские губернские ведомости.— 1899.— № 47).

В 1855 г. М. перевелся на службу в Петербург, через два года вышел в отставку и полностью посвятил себя литературной деятельности. Сотрудничал сначала во второстепенных столичных изданиях («Иллюстрация», «Ласточка», «Русский мир», «Развлечение»), затем в более заметных («Свечок» и выходивший при нем «Карикатурный листок», «Русская речь»). В 1860 г. в печати появился составленный им

очерк жизни Белинского — первая, хотя и очень краткая биография критика, позволяющая судить об общественной позиции молодого М.: обильно цитируя статьи Белинского и восхващая его «светлой, передовой личностью», М. опирался в своих оценках на «Очерки гоголевского периода русской литературы» Чернышевского и на работу Герцена «О развитии революционных идей в России», порой дословно повторяя их основные положения и полностью разделяя радикальный пафос этих книг. Впоследствии взгляды М. не претерпели существенных изменений, хотя их некоторая размытость представлялась поверхностному взгляду беспринципно, что порождало многочисленные упреки современников. Тем не менее, систематически выступая с внутривидовыми и литературно-критическими обозрениями, заметками, фельетонами, М. всегда отстаивал общедемократические идеалы. С 1865 г. он находился под негласным надзором полиции, а весной 1866 г. после каракозовского выстрела был арестован и на два месяца заключен в Петропавловскую крепость — за сотрудничество в изданиях, «известных своим вредным направлением» (из материалов следственной комиссии по делу о покушении на Александра II).

Литературная биография М. действительно неотделима от судьбы ведущих демократических журналов — «Искры», «Русского слова», «Современника», «Гудка» (первые 14 номеров которого вышли под редакцией М.), «Будильника», «Отечественных записок», «Дела». Постоянно поддерживая с ними творческие контакты, имея потому редкую возможность оперативно реагировать на самые значительные события дня, М. регулярно печатал в этих изданиях наиболее острые свои произведения: юмористические стихотворения, фельетоны, пародии, эпиграммы, запечатлевшие разнообразные эпизоды общественной борьбы тех лет и сатирические потреты ее участников. Либерал, «крикун сороковых годов», «везде чужой, где нужен труд» («Ренегат», 1868), изгнанный аристократ, «вельмож потомок», заявляющий: «Бедняк привык нуждаться вечно — / До нужд его нам нет нужды» («Протест», 1871), прогрессист-демагог, взывающий к народу: «Тяжел твой крест — всей жизни ноша, / Не предложу тебе я гроша, / Но плакать, плакать буду рад» («Мотивы русских поэтов», 1865), осторожный обличитель, переродившийся в «общественного фигляра», веселящий «лакеев и господ / Дождем копейных острот» («Золотой век», 1872; «Шут», 1867) — эти сквозные в творчестве М. образы, созданные, как правило, с конкретным полемическим заданием и списанные чаще всего «с натуры», с конкретных людей, в то же время осмыслены поэтом как типические, неотделимые от основных тенденций социальной жизни. В качестве мощного средства типизации и вместе с тем как гибкий полемический прием М. использовал и сатирические имена-маски, часто пере-

раставшие в его постоянные псевдонимы, за которыми скрывались и благодаря их саморазоблачительным монологам высмеивались представители враждебного М. общественного лагеря. «Как рекрут, выучись смиратися, / Но забегать не хлопчи: / Похвалят — критки: «Рад стараться!» / А не похвалят — промолчи» («Жизнь наша вроде плац-парада...», 1864) — защитник этой немудрой житейской философии, отставной майор Михаил Бурбонов, тупой и самоуверенный ретроград, возмнивший себя стихотворцем и навязывающий литературе казарменные порядки, — один из самых популярных псевдонимов М. (наряду с *Обличительным поэтом*, *Темным человеком*, *Общим другом*); М. «приписал» ему целый сборник своих произведений («Здравия желаю!» — Спб., 1867) — штыковой работы стихи», за которыми сквозит ироничная усмешка автора: «Рука, рожденная для шпаги, / Сошлася с новым ремеслом... / Чего ни стерпит лист бумаги / И муза под моим пером».

Одним из самых сильных средств полемики стала для М. пародия. Дискредитируя поэтическую систему В. Г. Бенедиктова, А. Н. Майкова, Н. Ф. Щербины (на них М. нападал особенно часто), он вместе с тем высмеивал и их общественную позицию. Так, пародируя стихотворение А. А. Фета «Шепот, робкое дыханье...», М. не только резко снизил лирическую тему (как бы намекая на «беспредметность» фетовского лиризма), но одновременно комически заострил консервативную позицию Фета-публициста, писавшего о трудном положении помещика в пореформенной деревне: «Холод, грязные селенья, / Лужи и туман, / Крепостное разрушенье, / Говор поселян, / От дворовых нет поклона, / Шапки набекрень, / И работника Семена / Плутводство и лень» («Лирические песни с гражданским отливом», 1863). Задачам литературной полемики, в частности борьбе с реликтами романтического стиля и с теорией «чистого искусства», подчинен и поэтический язык М.: подобно Некрасову, он не только вводил (даже в стихотворения лирического характера) прозаизмы и обыденную интонацию, но и смело смешивал высокую лексику с низкой, поэтический стиль — с разговорной речью: «Роса на листьях, как алмаз, / Слезами крупными дрожала, / А в небесах луна, как таз, / Суконой вытертый сейчас, / Над темным городом всплывала» («Отрывок из романа, который никогда не напечатается...», 1861).

Незаурядное литературное дарование М., его блестящий талант полемиста проявились в излюбленном поэтами-«искровцами» жанре «перепева», который в отличие от пародии не предполагал дискредитации поэтического материала, а был ориентирован лишь на осмеяние предмета изображения. Так, в поэме «Евгений Онегин нашего времени» (1865—1877), опираясь на сюжетно-композиционную структуру пушкинского романа и полностью повторяя онегинскую строфу,

М. карикатурно изобразил «нового человека», шестидесятника: «Онегин, добрый мой приятель, / Был по Базарову скроен: / Как тот, лягушек резал он, / Как тот, искусства порицатель...»

В произведениях М. общественная борьба сливалась с литературной: поэтическими средствами он разоблачал чуждые ему взгляды, а в литературной жизни видел наиболее яркое проявление господствующих общественных тенденций. Современники не без основания усматривали в этом излишнюю сосредоточенность на «искусственных», специфически-петербургских проблемах (хотя М. обращался и к жизни низших слоев общества, нередко рисуя ее в чисто некрасовских тонах). Теневые стороны дарования М. выявляли не только идейные противники, но и представители революционно-демократических кругов. Добролюбов, рецензируя самый первый поэтический сборник М. (Перепевы. Стихотворения Обличительного поэта. — Спб., 1859), справедливо расценил некоторые его шутки как поверхностные, а многие пародии — как «вялые и робкие», основанные лишь на незначительной утрировке мысли подлинника (Современник. — 1860. — № 8. — С. 216). Позже Салтыков-Щедрин упрекал М. в «невыдержанности мысли» (Отечественные записки. — 1868. — № 5. — Рецензия на сборник М. «В сумерках». — Спб., 1868), Н. С. Курочкин — в недостатке самобытности (Дело. — 1868. — № 1. — Статья «Библиографическая параллель»). И все же никто из единомышленников М. не отрицал общественного значения его выступлений, в особенности в нач. 60 гг., в период творческого расцвета М., когда его стихотворения и фельетоны обретали порой значительную глубину и масштабность — в них слышались «сильные ноты», которые вызывали «не одну улыбку, но и слезы» (Русское слово. — 1863. — № 4. — Рецензия на сборник М. «Думы и песни». — Спб., 1863).

Едва ли не чаще всего М. критиковали за самодовлеющий интерес к поэтической форме, «желание щегольнуть» виртуозным стихом («Д м и т р и е в И. И.» *Думы и песни* Д. Д. Минаева // Современник. — 1863. — № 11). Вместе с тем версификационный талант М. был связан с его подлинной поэтической культурой, с органичным использованием литературных традиций. М. с пиететом относился к наследию Пушкина и Лермонтова (что явилось одной из причин его разрыва в 1864 г. с журналом «Русское слово», отстаивавшим писаревские идеи «разрушения эстетики») и широко опирался на достижения писателей-сатириков — Грибоедова (напр., образ Михаила Бурбонова возник не без влияния образа Скалозуба и др. персонажей «Горя от ума»), А. К. Толстого и бр. Жемчужниковых (тот же Бурбонов — явный литературный потомок Козьмы Прутоква), М. Е. Щедрина, Н. А. Добролюбова, Н. А. Некрасова (на которого М., однако, не раз нападал в печати за оду М. Н. Му-

равьеву). Завоевания М. в области поэтической техники, его публицистически заостренные стихи, в свою очередь, нашли продолжение в поэзии ХХ в., прежде всего в творчестве В. В. Маяковского.

Обладавший незаурядным импровизационным даром, легко и быстро писавший, виртуозно подбиравший богатые рифменные созвучия (за что заслужил репутацию «короля рифм»), М. в течение всей жизни много занимался переводами: русскоязычный читатель благодаря ему познакомился со многими произведениями Байрона, Гейне, Шелли, Данте, Мольера, Гюго, Мюссе, Чосера. Но, поскольку М. знал лишь французский язык, он часто вынужден был обращаться к подстрочникам, и потому ему далеко не всегда удавалось передать своеобразие подлинника. С 70 гг. М. выступал и как драматург, но его пьесы («Либерал», 1870; «Разоренное гнездо», 1874) ни у зрителя, ни у читателя особого успеха не имели (хотя последняя и была удостоена Уваровской премии).

К концу жизни положение М. в литературе усложнилось, отчасти потому, что круг демократических изданий, постоянно подвергавшихся цензурным гонениям, неуклонно сужался, отчасти потому, что М. тяжело болел и уезжал из Петербурга лечиться, отчасти — в силу богемных привычек и его неуживчивого нрава. Хотя близко знавшие его люди характеризовали М. как человека с «добрым сердцем» (Мартьянов в П. К. Дела и люди века.— Спб., 1896.— Т. 3.— С. 95) и «благородной душой» (Михайловский и Н. К. Литературные воспоминания и современная смута.— Спб., 1905.— Т. 1.— С. 36), на многих он производил отталкивающее впечатление своими язвительными шутками и едкими эпиграммами, быстро разноразившимися в литературной среде и нажившимися М. множество врагов. В 80 гг. М. приходилось сотрудничать по преимуществу в мелких журналах и газетах («Новостях», «Биржевых ведомостях», «Петербургской газете», «Молве», «Наблюдателе»), в его творчестве стали отчетливо различимы мрачные интонации. Последние два года жизни М. провел на родине, вдали от литературных боев. После его смерти в крупнейших периодических изданиях появились некрологи, в которых — при всем различии оценок — наследие М. осмыслилось как документ эпохи, как один из важнейших факторов литературной жизни 60—80 гг. XIX в.

Соч.: Поэты «Искры»: В 2 т. / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. И. Г. Ямпольского.— Л., 1987.

Лит.: Ямпольский И. Г. Сатирическая журналистика 1860-х гг. Журнал революционной сатиры «Искра» (1859—1873).— М., 1964; Гордон Я. И. Д. Минаев в русской гегиниане // Писатель и литературный процесс.— Душанбе, 1974.— Вып. 2; Геллер Т. А. Архивные документы об издательской деятельности Д. Д. Минаева // Вопросы источниковедения русской литературы 2-й половины XIX века.— Казань, 1983; Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха. Метрика. Ритмика. Рифма. Строрфика.— М., 1984.—

С. 193, 195, 198—199; Скатов Н. Н. Некрасов. Современники и продолжатели. Очерки.— М., 1986.— С. 77—99.

О. Е. Майорова

МІНСКІЙ (псевдоним; настоящая фамилия — *Виленкин*), Николай Максимович [15 (27).I. 1885, с. Глубокое Виленской губ.— 2.VII.1937, Париж] — поэт, публицист. Автор философских трактатов, один из зачинателей русского символизма. Родился в обедневшей еврейской семье. Учился в Минской гимназии. В 1879 г. окончил юридический факультет Петербургского университета. С середины 80 гг. состоял присяжным поверенным округа Санктпетербургской судебной палаты; в конце 80 гг. служил архивариусом в Русском для внешней торговли банке.

Литературную деятельность М. начал как поэт гражданской ориентации. Первые стихотворения были опубликованы в «Журнале русских романов и путешествий» в 1876 г. Известность начинающему поэту принесли стихотворение «Сон славянина», напечатанное в том же году в газете «Новое время», и поэма «На родине» («Вестник Европы», 1877). Оба произведения на тему славянского движения. Основной пафос поэзии М. 70—80 гг.— гражданская рефлексия, выразившая разочарование современного М. поколения в программе либерального народничества. Раннее творчество М. развивалось в русле поэзии «народной скорби». Начав с песен о народе («В деревне», 1878; «Наше горе», 1879; «На чужом пиру», 1880, и др.), М. вскоре перешел к теме «больного поколения», раздвоенного между жадной борьбы и неуверенностью как в ее возможных результатах, так и в своих силах. Поэзию М. этого периода отличают двойственность отношения к общественной действительности, неопределенность авторского идеала. Оптимистические призывы к мужеству и труду («Перед зарею», «Везувий», 1881; «Гений и труд», 1885) соседствуют с настроениями грусти, подавленности («Скорбь», «В минуту скорби», 1885); настойчиво звучит тема разлада с окружающим и собой, неясности жизненных целей, сожалений о прошлом («Другу», «Дума», 1885). В стихотворениях «Последняя воля», «Над могилой В. Гаршина», в поэме «Белые ночи» (1879) и др. произведениях воссоздается характерный образ современника, подвижника-страдальца, «жертвы злого века», не сломленного жизнью, но не вынесшего ее тягот. В целом для поэзии М. характерно отсутствие остроты индивидуального авторского мировосприятия, тяготение к «чисто-теоретическим рассуждениям и философским отвлеченностям» (Вольнский А. Борьба за идеализм.— С. 335). Тем не менее ее гражданская направленность была актуальна для своего времени и находила живой отклик у определенной части читающей публики. Поэма «Последняя исповедь», послужившая сюжетом к известной картине И. Е. Репина, была опубликована в не-

легальной газете «Народная воля» (1879). Первый сборник М. «Стихотворения» (нач. 80 г.) был уничтожен цензурой (вышел в 1887 г.). Цензурному запрету подвергались и другие произведения М., в частности поэма «Гефсиманская ночь» (1884; опубл. в 1900 г.), подкупающая своим гуманистическим пафосом, сочувствием к человеческому страданию.

В середине 80 г. в мировоззрении М. произошел перелом. В 1884 г. он опубликовал статью «Старинный спор» (газета «Заря». — Киев. — 24 июля), которая справедливо расценивается как первая в русской литературе декларация декадентской поэзии. В этой статье М. выступил в защиту художественного творчества, не связанного с общественной проблематикой, призывал уйти от реальной действительности в мир субъективной фантазии, к «вечному и чистому». Новый период творчества М. ознаменован разрывом с демократическими традициями в поэзии и переходом от гражданской рефлексии к «мистическим переживаниям»: «Я цепи старые свергаю, / Молитвы новые пою» («Посвящение», 1896). Провозглашенные М. новые принципы художественного творчества нашли отражение в его лирике этого периода. Поэт-гражданин становится эстетом, усваивает принципы парнасцев, воспевает владычество смерти, «холодные слова» и безстрастие, поклоняется творчеству П. Верлена, Ш. Бодлера, часто неумело им подражая (напр., стихотворение «Облака»). В стихотворении «Как сон, пройдут дела и помыслы людей...», являющемся одним из лучших образцов лирики поэта, определенно звучат мотивы, предвещающие поэзию символистов: «Блажен, кто цели неземной так жаждал и страдал, / Что силой жажды сам мираж себе создал / Среди пустыни бесконечной». Не далеко уходя от прежних приемов и изобразительных средств, М. противопоставил творчеству 80 г. «новую идеалистическую философию в стихах», образцы которой (наряду со стихотворениями, написанными в прежней манере) вошли в сборник «Новые песни» (1901).

В 90 г. М. становится одним из главных идеологов русского декадентства и символизма. Вместе с Д. Мережковским, З. Гиппиус, Ф. Сологубом, К. Бальмонтом и др. активно сотрудничает в журнале «Северный вестник», являющемся в эти годы центром декадентской литературы; принимает участие в организации «Религиозно-философских собраний» (нач. 900 г.), деятельность которых получила резко отрицательную оценку М. Горького, А. П. Чехова, В. Г. Короленко и др. прогрессивных писателей. К этому же времени относятся выступления М. в периодических изданиях с проповедью антиобщественных настроений в художественном творчестве. В 1890 г. М. опубликовал философско-публицистический трактат «При свете совести. Мысли и мечты о цели жизни», в котором изложил

свою философскую систему «мэонизма». Став на позицию агностицизма и иррационализма, М. подверг критике все категории человеческого сознания и нравственности, объявив содержание этих категорий «не существующим». Основой всего сущего М. провозгласил «абсолютное небытие» («мэон»), а основой существования каждого отдельного человека — индивидуалистическую «любовь к себе». Эти идеи получили дальнейшее развитие в трактате «Религия будущего (Философские разговоры)», вышедшем через 15 лет (1905), когда период «аморализма» в декадентской литературе сменился периодом «богоскательства». Исходя из этой же мысли об «абсолютном небытии» как основе идеальной сущности мира, М. объявил религиозно-мистическое познание единственной формой постижения мира и человека. Философия М., эклектически соединяющая в себе различные положения современного ему европейского субъективного идеализма, была подвергнута резкой критике как со стороны марксистов (Плеханов), так и со стороны идеалистов (В. Соловьев, Н. Бердяев). В 1904 г. М. создал трагедию «Альма», свое наиболее «мэоническое» произведение. В трагедии утверждается культ неограниченной внутренней свободы личности, стремящейся «сделать из своей жизни нечто совершенное» ценой отказа от естественных человеческих чувств и привязанностей. Пьеса М., культивирующая «чисто-теоретическое отношение к жизни» (Гук о в с к и й М. Э. Новые веяния и настроения. — С. 289) и надуманная в идейном отношении, слаба также и художественно.

В 1905 г. М. добился разрешения на издание газеты «Новая жизнь», фактически ставшей первой легальной большевистской газетой. История редакторства М. в «Новой жизни» свидетельствует как о новом пробуждении в нем интереса к общественной деятельности: М. напечатал здесь «Гимн рабочим» («Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»), создал сокращенный перевод «Интернационала», так и о политической наивности М., сделавшего попытку примирить «мистическую истину» с «доктриной социал-демократии» (Мейлах Б. Символисты. — С. 171). В течение месяца М. возглавлял литературно-философский отдел газеты, предоставив ее общественно-политический отдел марксистам. Здесь сотрудничали В. Воровский, А. В. Луначарский, М. Ольминский; ведущую роль в издании газеты вскоре стал играть В. И. Ленин. Здесь была опубликована I программа РСДРП, статья В. И. Ленина «Партийная организация и партийная литература», «Заметки о мешанстве» М. Горького. Вскоре М. как редактор был арестован и привлечен к суду; бежал за границу. Жил в основном в Париже, где занимался посылкой корреспонденций в московскую газету «Утро России» и работал над драматической трилогией. Две первые части этой трилогии — «Железные

призраки» (1909) и «Малый соблазн» (1910) — представляют собой психологические драмы о власти вещей над человеческим сознанием; третья часть — «Хаос» (1912) — социальная драма, отразившая революционные события. В сентябре 1913 г. М. получил разрешение вернуться на родину. Во время империалистической войны 1914 г. он служил военным корреспондентом во Франции. Русскую революцию воспринял как радостное «пробуждение от кошмара войны» (Новая русская книга. — Берлин. — 1922. — № 8. — С. 41), однако остался далек от ее полного принятия. После революции жил в Берлине, Лондоне (где работал в советском полпредстве), Париже.

Значительную часть литературного наследия М. составляют переводы: «Илиада» Гомера, отдельные произведения П. Верлена, П.-Б. Шелли, Дж. Байрона, ряд пьес Шекспира, Мольера и др.

Соч.: Полн. собр. стихотворений: В 4 т. — Спб., 1907; Стихотворения. — Спб., 1887; Новые песни. — Спб., 1901; При свете свечи. Мысли и мечты о цели жизни. — Спб., 1890; Религия будущего (Философские разговоры). — Спб., 1905; Алья. Трагедия из современной жизни. — Спб., 1904; На общественные темы. — Спб., 1909; Малый соблазн. — Спб., 1912; Железный призрак // Русская мысль. — 1909. — № 2; Хаос // Новая жизнь. — 1912. — № 12; Минский М. Н. Генрих Ибсен. Его жизнь и литературная деятельность. — Спб., 1897.

Лит.: Блок А. Письма о поэзии. «Холодные слова»; Н. М. Минский. Религия будущего // Собр. соч. — М.: Л., 1962. — Т. 5. — С. 277—283, 593—597; Волынский А. Я. Борьба за идеализм. — Спб., 1900. — С. 354—364, 477—487; Гукковский М. Э. Новые веяния и настроения. — Одесса, 1903. — С. 287—301; Мейлах Б. Символисты в 1905 году // Литературное наследство. — М., 1937. — Т. 27—28. — С. 167—196; Куприяновский П. В. Из истории раннего русского символизма (Символисты и журнал «Северный вестник») // Русская литература XX в. (Доктябрьский период). — Калуга, 1968. — Сб. 1. Л. А. Юркина

МИХАЙЛОВ, Михаил Ларионович (Илларионович) [4(16), по другим данным — 3(15). I.1829. Оренбург — 3(15), по другим данным 2(14). VIII. 1865, пос. Кадая Иркутской губ.] — поэт, переводчик, прозаик, публицист. Революционный демократ. Отец — чиновник, занимался горносоляной промышленью, вольноотпущенный, дослужившийся до дворянства. Дед (по отцовской линии) был крепостным; по словам М., «умер, не вынеся позора, от назначенного ему незаслуженного телесного наказания» (см.: Лемке М. К. Политические процессы в России 1860-х гг. (по архивным документам). — М.: Пг., 1923. — С. 107). Мать — из семьи небогатого киргизского князя. В 1835 г. семья из Оренбурга переехала в небольшой город Илецкая Защита Оренбургской губ. М. получил в основном домашнее образование. Изучал иностранные языки, музыку, много и бессистемно читал. Рано вошли в круг его чтения А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, М. Ю. Лермонтов, А. В. Кольцов. Один из его домашних учителей, отданный в солдаты за какое-то поли-

тическое дело студент, первым указал М. на социальные вопросы. Как вспоминал М. в автобиографической повести «Кормилица», этот учитель много рассказывал «о господстве зла на земле и о необходимости непримиримой вражды к нему, о святости борьбы, страданий и гибели к благо родины и человечества». После смерти отца в 1845 г. (мать умерла четырьмя годами раньше) осиротевшие дети, среди которых М. был старшим, были привезены в Уфу, к родственникам матери. Здесь М. учился в гимназии, и к этому времени относится начало его литературного творчества. Первые произведения, написанные в подражательно-романтическом духе, публиковались в петербургском еженедельнике «Иллюстрация» («Ее он безмолвно, но страстно любил...»; перевод из Г. Гейне «Сосна и пальма»; очерки «Вогул» и «Казак Трофим»). В 1846 г. М. поступил вольнослушателем в Петербургский университет, где сблизился с Н. Г. Чернышевским. Знание иностранных языков, широкая начитанность в русской и зарубежной литературе, стремление к авторству — все это имело в глазах Чернышевского высокую цену. «Михайлов... мне очень нравится: чрезвычайно умная голова. Из него выйдет человек очень замечательный»; «Не любить его нельзя, потому что у него слишком доброе сердце», — сообщал Чернышевский отцу о М. (Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. — М., 1849. — Т. 14. — С. 83, 110). Во то же время Чернышевский не разделял всех воззрений М. Вероятно, сказывалось скептическое отношение М. к религии, чуждое в ту пору Чернышевскому. Только позднее, как свидетельствуют современники, Чернышевский вполне оценил благотворное воздействие на него М. в этом отношении.

В Петербурге М. продолжал писать, по преимуществу стихи, помещая их главным образом в «Литературной газете» и «Иллюстрации». Стесненные денежные обстоятельства побудили его в феврале 1848 г. уехать в Нижний Новгород, где он поступил на службу к дяде в Соляное правление. Он усиленно занимается самообразованием, литературным творчеством. Переписывается с Чернышевским, который сообщает М. о своих посещениях кружка И. И. Введенского, делится впечатлениями от чтения В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Л. Фейербаха. Летом 1850 г. Чернышевский с двоюродным братом А. Н. Пылиным по пути в Саратов навестили М. и тот читал им свои сочинения; из Саратова Чернышевский пишет М. о своей службе в качестве учителя гимназии, откровенно излагает свои радикальные политические взгляды.

В феврале 1852 г. М. выходит в отставку и возвращается в Петербург. Пишет много и в разных жанрах (первая крупная повесть «Адам Адамыч» опубликована в журнале «Москвитянин» за 1851 г.). Знакомится с И. С. Тургеневым, Н. А. Некрасовым, печатается во многих журна-

лах: «Отечественных записках», «Современнике», «Москвитяине», «Библиотеке для чтения» и др. Как прозаик и драматург М. продолжал традиции «натуральной школы». В центре его внимания жизнь провинциальных мелкопоместных дворян и чиновников, погрязших в праздности, жестокости, жадности, разврате. Бесчеловечны в отношениях к крепостным вдова-помещица Сигаева и помошник в ее злодеяниях приживалец Кучкин (комедия «Тетушка», написана в 1850 г., опубл. в 1860 г.). Сатирически изображены владеец «многих душ» помещик Желнобобов и судья Сафьянов, управляющий питейным откупом Сольвычегодов, «человек без затылка», покровительница талантов Финищева, все искавшая себе Чацкого и остановавшаяся на Погурове с густыми усами, «правда,— замечает автор,— более похожего на Ноздрева, чем на Чацкого» (повесть «Адам Адамыч»). Окончательно развратились от безделья Калуферова и ее отпрыск Герасим (рассказ «Сынск и маменька», 1852). С сочувствием обрисованы их бесчисленные жертвы. Загублена жизнь Адама Адамыча, скромного, романтически настроенного учителя («Адам Адамыч»). Искалечены бариню судьбы дворовых крестьян Алены Иевлевны, девки Прасковьи, слуги Осипа, испорченного лакейством (повесть «Нянюшка», 1851). Редакция «Москвитянина» предпослала «Нянюшке» объяснение, что автор — представитель «сатирического» направления и потому обратился «к жизни действительной в ее уклонениях, болезнях, недостатках». Трагически сложилась жизнь обольщенной и предательски покинутой девушки Фени, работницы мастерской (рассказ «Кумушки», 1852). Жертвой похотливых притязаний богача Суворцева стала сирота Маша (рассказ «Кружевница», 1852). Л. Н. Толстой записал в дневнике о «Кружевнице»: «Очень хороша, особенно по чистоте русского языка» (Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т.— М., 1937.— Т. 46.— С. 125). Пошлость, грязь мешанской и чиновничьей жизни определили тематику повести «Скромная доля», рассказа «Он (из дневника уездной барышни)», 1852. В условиях крепостничества не может в полную силу развернуться талант скрипача Трофима Смекалова, сына крепостного (рассказ «Скрипач», 1853). В романе «Перелетные птицы» (1854) изображена нищенская жизнь актеров провинциального театра. В пародийном романе «Камелия» (1852) высмеяны романтические увлечения, вложенные в уста Лиодора, влюбившегося в мифическую Камелию. Жестокому устройству жизни противостоит нежный мир детства в автобиографической повести «Святки» (1853) и рассказе «Уленька» (1857). Демократическая направленность романа «Марья Ивановна» (1853) была поддержана Чернышевским, сблизившим это произведение с «Рыбаками» Д. В. Григоровича. Некоторое влияние на писателя оказал в ту пору и

А. В. Дружинин, который осудил автора «Скромной доли» за подражание Гоголю.

На волне общественного подъема во II половине 50 гг. М. пишет рассказы из престолярного быта («Аул», «Африкан»), произведения в критикуемом Н. А. Добролюбовым «обличительном» духе: рассказы «Голубые глазки», «Напраслина», повесть «Изгоев», романы «Вольная пташка», «Отжившее», «Благотетели», пьеса «Обязательный человек». В 1856—1857 гг. М. участвует в экспедиции литераторов, организованной Морским министерством, посещает Оренбургскую губ., Урал; впечатления от нее отразились в этнографических очерках, большинство из которых цензура не пропустила.

В середине 50 гг. М. знакомится с Н. В. и Л. П. Шелгуновыми. Встреча с Л. П. Шелгуновой и любовь к ней значила очень много в жизни М.; с этого времени его любовные стихи навеяны чувством к Л. П. Шелгуновой («На пути», «Долиной пышной шли мы рядом...», «Зарею обновленья...», и др.).

Сохранил М. и отношения тесной дружбы с Н. В. Шелгуновым. Общительный, склонный к импровизации, очень добрый, М. имел много друзей (один из самых близких — Я. П. Полонский). Как вспоминал С. В. Максимов о М., «этот некрасивый человек с киргизскими чертами лица, как уроженец Приуральского края, владел прекрасным, добрым сердцем, был симпатичен, по тем искренним отношениям, которые устанавливались с людьми одинакового с ним оружия, и до самоотвержения крепок и стоек в налаженных приятии и дружбе» (см.: Шелгунов Н. В. и др.— С. 461).

В 1858—1859 гг. М. и Шелгуновы совершают поездку за границу, в феврале 1859 г. навещают Герцена и Н. П. Огарева в Лондоне. Заграничные корреспонденции М.— «Парижские письма», «Лондонские заметки» — помещались в «Современнике» и пользовались успехом. В Англии, этой «стране свободы», он обращал внимание читателей на печальные «приюты бедности». Но наибольшую популярность М.-публицисту доставил цикл статей по женскому вопросу, где он выступает защитником равноправия женщин в области образования, семейных отношений, различных сферах деятельности. Полемизируя с противниками высшего образования для женщин, якобы отстаивающими интересы семьи, М. (в статье «Женщины, их воспитание и значение в семье и в обществе», 1860) подчеркивает, что именно «при нарушении равновесия между женским и мужским развитием все более и более расшатываются основы семьи» (Избранное...— С. 452).

С весны 1859 г. М.— признанному знатоку европейских писателей был поручен в «Современнике» отдел иностранной литературы. Активно сотрудничал он и в журнале «Русское слово». Совместная с Чернышевским и Добролюбовым дея-

тельность в «Современнике», нелегальные связи с Герценом способствовали формированию революционно-демократических убеждений М.

М. много и увлеченно занимался стихотворными переводами (Э. Потье, Ш. Петефи, Т. Г. Шевченко, Дж. Г. Байрон, Т. Мур, Т. Гуд, В. Гюго, А. Мицкевич). Он перевел пьесу Ф. Шиллера «Коварство и любовь». Как переводчик стремился к точности, не считая перевод средством для самовыражения, но отбирая близкие по мироощущению произведения. Любимейшими поэтами М. всегда оставались Г. Гейне и П. Беранже. Переводы М. из Гейне А. Блок называл «настоящими перлами поэзии» (Б л о к А. А. Собр. соч.— М.; Л., 1962.— Т. 6.— С. 119).

Крестьянскую реформу М. воспринял резко критически. В марте 1861 г. в обстановке всеобщего либерального славословия помещает в «Современнике» свой перевод из Г. Лонгфелло «Песни о неграх», намекая на несостоявшееся освобождение русских крепостных. Участвует в нелегальных формах борьбы. Возможно, составляет вместе с Н. В. Шелгуновым революционную прокламацию «К молодому поколению» (некоторые исследователи соавторство М. оспаривают). Тексты обращения к солдатам (составленного Шелгуновым) и к крестьянам (по свидетельству Шелгунова, написанного Чернышевским) М. передает московским студентам для тайного напечатания, а прокламацию «К молодому поколению» везет в Лондон (за границу выезжает вместе с Шелгуновыми), печатает там в Вольной русской типографии и затем распространяет (вместе с друзьями) в Петербурге. В результате предательства арестованного Вс. Д. Костомарова (участвующего в печатании прокламаций), которому он неосторожно доверился, М. был арестован 14 сентября 1861 г. Написанные в стенах тюрьмы стихотворения воспринимались современниками как революционные гимны («Памяти Добролюбова», «Крепко, дружно вас в объятия...», «Смело, друзья! Не теряйте...», «О сердце скорбное народа!..»). «Стихи мои,— писал позднее сам М.,— едва ли не лучшее из всего, что мною написано» (Записки.— С. 434). Стихотворения М. действительно значительнее его прозы.

На следствии М. держался мужественно и благородно, не выдав никого из участников революционных акций, отводя обвинения от других, взял на себя авторство всех прокламаций.

14 декабря 1861 г. его приговорили к шести годам каторжных работ, отправив в сибирские рудники. За судом над М. последовали политические процессы В. А. Обручева, Чернышевского, Шелгунова и др. Участь М. возбуждала огромное сочувствие в демократически настроенных кругах. Герцен в специальном «прибавлении» к «Колоколу» (15 января 1862 г.), посвященном М., писал: «Шесть лет каторжной работы за то, что из груди, переполненной любви и негодова-

ния, вырвалась страстная речь...» (см.: Шелгунов Н. В. и др.— С. 442). В Сибири М. часто болел, но литературной работы не прекращал. Условия жизни М. стремился облегчить его брат, Петр Михайлов, служивший горным инженером, затем управляющим недалеко от Нерчинска. Некоторые сочинения М. были вывезены Шелгуновым, приезжавшим в 1862 г. в Нерчинский округ к М. (пребывание у М. закончилось арестом Шелгуновых). Однако большая часть наследия не сохранилась. Известны его «Записки» о своем следственном деле и пути в Сибирь; «Сибирские очерки» — о тяжелой жизни каторжан; повесть «За пределами истории» из жизни доисторического человека (отрывки читал Чернышевскому, с которым встречался на руднике Кадая и которому они нравились); незавершенный роман «Вместе», посвященный жизни русских революционеров разных поколений. Умер М. от тяжелой болезни, похоронен на вершине сопки, на руднике.

Соч.: Полн. собр. соч.: В 4 т. / Под ред. П. В. Быкова.— Спб., 1914 (издание не закончено); Записки. Письма к Шелгуновым из Петропавловской крепости // Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., М. Л. Михайлов. Воспоминания.— М., 1967.— Т. 2.— С. 257—437; Собр. стихотвор. / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Ю. Д. Левина.— Л., 1969; Избранное. Стихотворения. Повести. Публицистика / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Г. Г. Елизаветиной.— М., 1979.

Лит.: Дикман М. И., Левин Ю. Д. И. С. Тургенев и М. Л. Михайлов // И. С. Тургенев.— Орел, 1960; Егоров Б. Ф. М. Л. Михайлов — критик // Уч. зап. Тартуского ун-та, 1961.— Вып. 104; Фатеев П. С. Михаил Михайлов — революционер, писатель, публицист.— М., 1969; Козьмин Б. П. Н. Г. Чернышевский и М. Л. Михайлов // Козьмин Б. П. Литература и история.— М., 1982; Щеголихин И. П. Слишком доброе сердце.— М., 1983.

А. А. Демченко

МИХАЙЛОВСКИЙ, Николай Константинович [15(27).XI.1842, г. Мещовск Калужской губ.— 28.I(10.II).1904, Петербург] — публицист, литературный критик, социолог. Народник. Родился в семье чиновника из обедневших дворян. Учился сначала в Костромской гимназии, а с 1856 г.— в Петербургском институте корпуса горных инженеров, из которого за год до окончания был исключен из-за участия в студенческом столкновении с начальством (1863). Еще будучи студентом, дебютировал в 1860 г. в «Рассвете» (№ 4), журнале «для взрослых девиц», статье «Софья Николаевна Беловодова» (отклик на отрывок из романа «Обрыв» И. А. Гончарова), где оспорил жизненную достоверность героини Гончарова, воплощающей «полное бездействие» (Полн. собр. соч.— Т. X.— Стлб. 380). По выходе из института самостоятельно готовился к адвокату, но вскоре оставил всякие планы службы и всецело посвятил себя журналистике. На склоне лет М. писал в своих мемуарах: «Для меня лично «литературные воспоминания» — плеоназм. Иных воспоминаний, кроме литературных, я бы и не мог предложить читателям, потому что вся моя жизнь

протекла в литературе» (Там же.— Т. VII.— Стлб. 2). С 1865 г. М. сотрудничает в библиографическом журнале «Книжный вестник», редактор которого Н. С. Курочкин ввел его в круг литераторов (Вас. С. Курочкин, Д. Д. Минаев, В. А. Зайцев, Н. В. Соколов и др.). Наибольшее идейное влияние оказал на М., по его признанию, редактор журнала молодой биолог Н. Д. Ножин (по-видимому, причастный к делу Д. В. Каракозова). После закрытия в 1867 г. «Книжного вестника» и эпизодического участия в журнале «Современное обозрение», газетах «Неделя», «Гласный суд» и др. М. с декабря 1868 г. сотрудничает в обновленных «Отечественных записках» Н. А. Некрасова, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Г. З. Елисеева; с 1877 г. (после смерти Некрасова) и вплоть до закрытия журнала (1884) он входит в состав редакции.

Сотрудничество в «Отечественных записках» — самый яркий период в биографии М., быстро снискавшего широкое признание и ставшего виднейшим идеологом народничества. Почти одновременно с П. Л. Лавровым («Исторические письма» // Неделя.—1868—1869) М. в работе «Что такое прогресс?» (Отечественные записки.—1868.—№ 1, 5, 6), разбирая труды Г. Спенсера, обосновал «субъективный» метод в социологии (как науке об обществе). Считая выдвинутый позитивистами (О. Контом, Спенсером) «объективный» метод плодотворным в естествознании, М. указывал на его бессилие в социологии, поскольку последняя исходит из общественного идеала. «Идея блага есть идея субъективная и потому не имеющая места при объективном методе в социологии. Имея ее в виду, пришлось бы радоваться одним политическим фактам и печалиться о других, а на это позитивизм не имеет права; он обязан только наблюдать» (Там же.— Т. I.— Стлб. 83). Не желая «наблюдать» развитие капитализма в России, несущего усиление эксплуатации и монотонность труда рабочего, «полный ужасов процесс отлучения работника от условий производства» («Литературные воспоминания и современная смута».— Т. I.— С. 336), М. надеялся на сохранение общины и крестьянский социализм. При этом важнейшей целью он считал гармоническое развитие личности («неделимого»), определяя прогресс как «постепенное приближение к целостности неделимых, к возможно полному и всестороннему разделению труда между органами и возможно меньшему разделению труда между людьми» (Стлб. 166). Концепция прогресса М. направлена против следствий разделения труда, уродующих личность, социального неравенства, превращения человека в «палец от ноги» (по часто цитируемому М. сравнению из трагедии В. Шекспира «Кориолан»). Мишенью его страстной, гневной критики были теории, оправдывающие социальную «разнородность», иерархию: социал-дарвинизм, уподобление Спенсером общества живому организму

(где разные члены выполняют разные функции). Прообраз чаемой гармонии он видел в крестьянском труде (не случайно любимейшим писателем стал воспевающий «власть земли» Г. И. Успенский). Лавров в рецензии «Формула прогресса» г. Михайловского» (Отечественные записки.—1870.—№ 2), сочувственно отнесясь ко многим идеям автора, не согласился с негативной оценкой разделения труда: вне его необъяснимо развитие личности, критической мысли, которая «развивается прежде всего в сфере *специальностей*» (Лавров П. Л. Избр. соч. на социально-политические темы.— М., 1934.— Т. I.— С. 411). В дальнейшем М. учел критику Лаврова и ввел в свою теорию прогресса разграничение «типа» и «степени» развития личности. Так, в социологических очерках «Борьба за индивидуальность» (Отечественные записки.—1875.—№ 10; 1876.—№ 1, 3, 6) он подчеркивает, что высота «типа», т. е. целостность, гармоничность личности может быть более высокой на низкой степени развития общества. Если внутри социальной группы, при усилении разделения труда, «обособляются резко различные индивидуальности, то тип последних понижается, как бы ни была высока степень их развития. <...> Тип бесполого рабочего муравья далеко ниже типа его отдаленного плодovitого предка, хотя в пределах своей односторонности он, может быть, достиг чрезвычайно высокой степени развития» (Соч.— Т. I.— Стлб. 478). Однако М. не стремился к возврату в прошлое, мечтая о сочетании высоких «типа» и «степени» развития. Установка на гармоничную личность проявлялась в любимой критической маске М.—«профана», под которым подразумевался вовсе не невежда, а «сведущий работник, рассматриваемый по отношению ко всем чуждым ему областям знания и жизни» (Соч.— Т. III.— Стлб. 423). Важнейший публицистический цикл М. демонстративно назван «Записки профана» (Отечественные записки.—1875—1877); здесь подчеркнуто, что, не будучи специалистами, «все профаны <...> должны выработать известные общие всякому знанию и труду приемы мысли» (Там же.— Стлб. 279). Над наукой, отгородившей себя от «профанов», не служащей им, М. иронизировал («Письмо к ученым людям» // Отечественные записки.—1878.— № 6, 7, 12); не разделял культа науки как главного средства прогресса (свойственного Г. Боклю, И. И. Мечникову, отчасти Д. И. Писареву, увлеченному популяризацией естествознания): «Я высоко чту науку, но думаю, что вычерпать море ретортой нельзя...» (Литературные воспоминания и современная смута.— Т. I.— С. 268). Вне прогресса нравственного «всякое научное открытие, каждый шаг науки вперед, если его можно будет утилизировать с целями убийства или разрушения, завтра же будет пущен в ход...» (Там же.— С. 253). Важнейшим критерием развития личности для М. была гармония мысли, чувства

и дела. Рассматривая под этим углом зрения тип русского писателя, он подчеркивал двусмысленность самого положения дворянства в до-реформенный период: «...благоприятные для истинно свободного слова обстоятельства коренились в готовых хлебах крепостного права, борьба с которым составляла высшую задачу тех самых людей, которым она гарантировала священный огонь... Это внутреннее противоречие не могло не действовать разлагающим образом» (Там же.— С. 108—109). М. ввел в русскую литературу определение «кающийся дворянин», тип которого нарисовал в Григории Темкине — герое мемуарно-беллетристических очерков «Вперемежку» (Отечественные записки.—1876.— № 1, 2, 5, 8, 11; 1877.— № 4, 6). Именно «кающийся дворянин», испускающий историческую вину перед народом, может достигнуть гармонии личности.

На протяжении всей деятельности М. был убежден в единстве, совпадении, в конечном счете, объективной истины и субъективного идеала в устройстве общества — «правды-истины» и «правды-справедливости», стремился передать свой оптимизм читателю («Письма о правде и неправде» // Отечественные записки.—1877.— № 11; 1878.— № 1). В предисловии к собранию собственных сочинений он подчеркивает — уже на склоне лет — эту сквозную идею всех его исканий: «Кажется, только по-русски истина и справедливость называются одним и тем же словом и как бы сливаются в одно великое целое. Правда в этом огромном смысле слова всегда составляла цель моих исканий. Правда-истина, разлученная с правдой-справедливостью, правда теоретического неба, отрезанная от правды практической земли, всегда оскорбляла меня, а не только не удовлетворяла. И, наоборот, благородная житейская практика, самые высокие нравственные и общественные идеалы представлялись мне всегда обидно бессмысленными, если они отворачивались от истины, от науки» (Соч.— Т. I.— С. V).

Сложившись в главных чертах в конце 60 г., социально-философские воззрения М. мало изменялись. Учение К. Маркса он высоко ценил за глубину анализа противоречий между трудом и капиталом, но конечного вывода об обобществлении труда как предпосылке социализма не принял, считая его умозрительным, уступкой гегелевской «триаде». По поводу статьи М. «Карл Маркс перед судом г. Ю. Жуковского» (Отечественные записки.—1877.— № 10) Маркс прислал письмо в редакцию русского журнала, в котором возражал против интерпретации «Капитала» как «историко-философской теории о всеобщем пути, по которому роковым образом обречены идти все народы...» (К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия.— С. 79). О положении России Маркс писал: «Если Россия будет продолжать идти по тому пути, по которому она следовала с 1861 г., то она упустит наилучший случай, который исто-

рия когда-либо предоставляла какому-либо народу, и испытает все роковые злоключения капиталистического строя» (Там же.— С. 78). Дальнейшее развитие русского общества убедило классиков марксизма в том, что Россия быстро идет именно по капиталистическому пути (см.: Энгельс Ф. Послесловие к работе «О социальном вопросе в России», 1894 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 22.— С. 438—453; и др.). Стойкое убеждение М. относительно возможности для России избежать всех ужасов развития капитализма, поскольку «мы позже других вышли на работу цивилизации» (Полн. собр. соч.— Т. X.— Стлб. 558), со временем все более расходилось с исторической реальностью.

Стремление противодействовать росту русской буржуазии, которого он не мог не видеть М., и направить развитие общества в русло, намечаемое субъективной социологией, привело его в конце 70 г. к преодолению «предрассудка против политической борьбы» (Революционные статьи.— С. 17); ранее он опасался, что «политические свободы» укрепляют буржуазию. Разочаровавшись в результатах «хождения в народ», М. признал политические формы борьбы, включая террор как метод давления на самодержавие. Он сблизился с подпольной организацией «Народная воля» (хоть не стал ее членом), редактировал ее издания. Написал прокламацию «Летучий листок» (№ 1, апрель 1878 г., прибавление к газете «Начало»), где оправдывал мотивы покушения В. И. Засулич на петербургского генерал-губернатора Ф. Ф. Трепова; «Политические письма социалиста» (газета «Народная воля».— 1879.— № 2, 3), якобы из Женева (т. е. с родины Ж.-Ж. Руссо), за подписью *Гроньяр* (в переводе с французского — ворчун). В этих письмах М. заклеил союз русского самодержавия и буржуазии («приватного хищничества»), призывая «социалистов» к двудеиной борьбе: «Или не довольно широко ваше сердце, чтобы обнять единую ненавистью государственное и приватное хищничество даже тогда, когда они срослись в двухглавого орла с одним желудком? Бейте по обеим головам кровожадной птицы!» (Там же.— С. 20—21). М. не рассчитывал на народное восстание и не верил в победу революции в ближайшем будущем; его взгляду «из Женева» родина представляла покрытой льдом и снегом — «белым саваном». «Но вот начинает теплиться жизнь. Это — русская революция. Ярче, ярче разгорается ее благодатный огонь, кругом оттаивает саван снега... и обман! Эти люди умеют умирать и не хотят жить» (Там же.— С. 29). Тем не менее он считал необходимой борьбу, преследующую и политические и социально-экономические цели, выраженные в «прекрасном девизе: «Земля и Воля» (Там же.— С. 21). Перу М. принадлежит также памфлет «Лисий хвост и волчий рот» (газета «Листок «Народной воли».— 1880.— № 2), разоблачающий псевдолиберализм

М. Т. Лорис-Меликова. После «казни» Александра II М. редактировал «Открытое письмо Исполнительного комитета Народной воли» Александру III, был посредником в переговорах монархической партии с народолюбцами накануне его коронации (именно М. потребовал освобождения Н. Г. Чернышевского). На рубеже 80—90 гг. сотрудничал с новыми подпольными группами народников. С лета 1879 г. за М. был установлен негласный надзор полиции, он подвергался обыскам и дважды высылался из Петербурга (в 1882—1886 гг. — в Любань Новгородской губ. и затем Выборг, был выслан вместе с Н. В. Шелгуновым; в 1891 г. — в Любань).

Все же главным в деятельности М. была легальная публицистика, тем более что у него не было четкой революционной теории — «повелительного наклонения», как он писал в 1873 г. Лаврову, отказываясь от сотрудничества в сборниках «Вперед!» (Минувшие годы.—1908.— № 1.— С. 127). Миссией публициста М. очень дорожил, стремясь пробудить в интеллигенции активность, готовность к борьбе. Оторванность революционеров от народа побуждала М. изучать «механизм» коллективных действий, привлекая данные самых разных наук: психологии, медицины, зоологии («Герои и толпа» // Отечественные записки.—1882). Его статьи, их циклы, воссоздающие панораму общественной, литературной жизни и оценивающие явления не с «ученой», специальной точки зрения, а в свете интересов «профана», имели огромный резонанс.

Авторитет М. как идеолога, публициста в целом постепенно ослабевает за пределами героического периода народничества, переродившегося уже в 80 гг. в либеральное течение. После закрытия «Отечественных записок» М. сотрудничал в журналах «Северный вестник», «Русская мысль», газете «Русские ведомости». В 1892 г. нашел пожизненную трибуну в «Русском богатстве» (с 1894 г. возглавил журнал). Статьи М. «Литература и жизнь» (Русское богатство.—1894.— № 1—2) и др., вместе с выступлениями его соратников по журналу, стали предметом всесторонней критики в работах В. И. Ленина («Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», 1894; «От какого наследства мы отказываемся», 1897, и др.) и Г. В. Плеханова («К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», 1895, и др.) В 1914 г. Ленин в специальной статье «Народники о Михайловском», написанной в связи с 10-летием со дня его смерти, подчеркнул буржуазно-демократическую сущность взглядов М., считавшего себя социалистом, что не отменяет его «великой исторической заслуги»: «...он горячо сочувствовал угнетенному положению крестьян, энергично боролся против всех и всяких проявлений крепостнического гнета, отстаивал в легальной, открытой печати — хотя бы намеками сочувствие и уважение к «подполью», где действовали самые

последовательные и решительные демократы разnochинцы, и даже сам помогал прямо этому подполью» (Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 24.— С. 333—334). По предложению Ленина имя М. высечено на обелиске (в Москве, в Александровском саду) в ряду борцов за освобождение человечества.

Как литературный критик М.— прежде всего публицист, «то есть более или менее страстный докладчик по делам сегодняшнего дня» (Литературные воспоминания...— Т. 1.— С. 49). Значительная часть его литературной критики вплетена в состав многолетних циклов и трудно вычленима из контекста; характерно в этом плане название мемуарно-беллетристического цикла «Впережку»: принцип «впережку» лежит в основе большинства его работ. Ключевые понятия социологии М.— общественный идеал, прогресс, целостность, индивидуальность, тип и степень развития и др.—применялись и в его критике.

В соответствии с отстаиваемым им принципом целостности личности М. подчеркивал связь «эстетической способности» со всем спектром духовных интересов личности. Он иронизировал над идеалом «чистого искусства»: такого искусства «никогда не было, нет и не будет»; за его вывеской можно обнаружить — как, напр., в антологической лирике Н. Ф. Щербини — «замаскированное служение данному общественному строю» (Литературно-критические статьи.— С. 56). Искажала природу искусства, по М., и теория натурализма (Э. Золя, в России — П. Д. Боборыкин), сводящая задачи отражения жизни к бесстрастному «протоколу» (хотя М. оговаривался, что практика «экспериментального» романа Золя шире его теории). Неприятие М. натурализма, санкционирующего в читателе «равнодушие и склонность плыть по течению...» (Литературные воспоминания...— Т. 2.— С. 85), было гранью его общей критики позитивизма, переносящего естественнонаучные методы в изучение общества. Не удовлетворил М. и символизм, в котором он увидел реакцию на натурализм, поскольку символизм противопоставил «протоколу — символы, непреоборимости естественного хода вещей — мистицизм, грубым штрихам натуралистической поэзии — разные ухищренные тонкости» (Там же.— С. 49). Признав некоторые заслуги символистов в активизации читательского восприятия посредством новой «техники», в особенности иносказательности, «суггестии» образов, М. в целом осудил это направление (во французской и русской литературах) за крайний индивидуализм и мистицизм. Он высмеял претензии символистов, чуждых широким общественным интересам, воздействовать с помощью «синтеза» образов на всего человека: «Весь человек» для них отнюдь не значит существо мыслящее, чувствующее и действующее, а существо слышащее, видящее, обоняющее, осязающее и вкушающее» (Там же.— С. 94).

Магистральным направлением в русской литературе XIX в. был для М. реализм, ставящий перед читателем общественно актуальные проблемы. Считая искусство «будильником не одной специальной эстетической эмоции, а и сложных чувств и мыслей нравственно-политического порядка» (Там же.— Т. 1.— С. 159), он именно в публицистичности критики видел ее адекватность полноценному творчеству. Отводя от «шестидесятников» упреки со стороны адептов «чистой» художественности в подмене литературной критики публицистикой, он отмечал, что слово «подменивали» надо заменить словом «осложняли», и что это осложнение равняет не только Добролюбова и Писарева, но и критиков, стоящих вне круга идей шестидесятых годов, даже враждебных им» (Там же.— Т. 1.— С. 299), напр. Н. Н. Стрехова или А. В. Дружинина.

Лучшие литературно-критические статьи М. посвящены писателям, в той или иной мере идейно близким ему: «Десница и шуйца Льва Толстого» (в составе цикла «Записки профана» за 1875 г.; в 1887 г. издана отдельно); «О Всеволоде Гаршине» (в составе цикла «Дневник читателя» // Отечественные записки.— 1885.— № 10); «Г. И. Успенский как писатель и человек» (вступительная статья под названием «Г. И. Успенский. Литературная характеристика» к двухтомному изданию сочинений писателя 1889 г., новая редакция — в «Полном собрании сочинений» Г. И. Успенского. Киев, 1904); «Щедрин» (Русские ведомости.— 1889) и др. Анализ М. педагогических и художественных (повести «Поликушка», «Казачи» и др.) произведений Толстого выделялся — на фоне неприятия толстовских идей другими демократическими критиками: Шелгуновым, В. В. Берви — проникновением во внутреннюю драму писателя, чувствующего свою «вину» перед народом, но мучительно порывающего со своим классом: «Он помнит, что и сам он захвачен волной цивилизации и что нет у него силы уйти от нее, как нет ее у героя «Казачков» Оленина, нет у героя «Анны Карениной» Константина Левина, нет у героя «Утра помещика» Нехлюдова и проч.» (Литературно-критические статьи.— С. 124). Защита Толстым материальных интересов крестьянства, приводящая писателя к критике «прогресса», его идеал гармонической трудовой жизни переключались с демократической утопией М. Однако наряду с «десницей», М. указывал и на «шуйцу» писателя: недооценку роли личности, фатализм в исторических воззрениях, непоследовательность позиции вследствие еще прочной связи с дворянской средой (пашущий Толстой был позднее назван им «декорацией земледельца» — «Литературные воспоминания...».— Т. 1.— С. 230). В 1880—1900 гг. («Дневник читателя» за 1886 г., «Литературные воспоминания...» и др.) М. резко критиковал «непротивленческую» теорию Толстого, выявляя ее в народных рассказах, сказке «Об Иване-дураке и его двух братьях».

Творчество Л. Н. Толстого, Г. И. Успенского, М. Е. Салтыкова-Щедрина давало М. богатый материал для характеристики типов, порожденных пореформенным временем. Нравственное удовлетворение критика вызывают «кающийся дворянин», в котором проснулась «совесть» (характерный в особенности для творчества Толстого), и разночинец, в котором проснулась «честь» (напр., Михаил Иванович в цикле очерков «Разорение» Успенского). Взаимосвязь появления этих типов неоднократно подчеркивается М.: так, в заслугу Щедрина он ставит пробуждение «совести в силе и чести в слабости» (Литературно-критические статьи.— С. 552), приводя как пример сказку-аллегория «Бедный волк» и «Баран непомнящий». Однако в пореформенном обществе преобладали иные, вызывающие сатирический пафос типы, изображение которых также высоко ценил критик: многообразные русские тартофы от либерализма, исчерпывающие собою «добрую половину сатиры Салтыкова» (Там же.— С. 506); новоиспеченные буржуа — «чумазые», по выражению Щедрина (Дерунов в «Благонмеренных речах», Разуваев в «Убежище Монрепо») и др. Все эти типы рассматривались М. в их отношении к «мужику» — высокому типу, хотя и находящемуся на низкой степени развития, по терминологии М. Критик гордился тем, что «Отечественным запискам» «как-то удалось приучить к нему публику» (Литературные воспоминания...— Т. 1.— С. 347). М. поощрял достоверное изображение крестьянской жизни писателями-разночинцами (Ф. М. Решетников, А. И. Левитов, Н. Н. Златовратский и др.), выделяя как самый крупный талант Г. И. Успенского. Находя в его деревенских очерках подтверждение своим взглядам («Крестьянин и крестьянский труд», «Власть земли», «Перестала!»), М. в особенности оценил анализ писателем воздействия земледельческого труда на духовную жизнь: «И это «власть земли», как всеопределяющий фактор, устанавливает гармонию в народной жизни, гармонию, до которой нам, разрываемым на части и собственной совестью и внешними условиями своего существования, как до звезды небесной далеко» (Литературно-критические статьи.— С. 365). Болезненно-яркое выражение упомянутого внутреннего разлада М. видел в творчестве Гаршина, пронизанном пессимистической мыслью об «одиноким в толпе, о безвольном орудии некоторого огромного сложного целого...» (Там же.— С. 310).

В интерпретации деревенских очерков Г. Успенского сказались народнические иллюзии М. Те же произведения по-иному прочел Г. В. Плеханов, сделавший вывод о вынесении писателем незаметно для себя «смертного приговора народничеству» (П л е х а н о в Г. В. Литература и эстетика.— М., 1958.— Т. 2.— С. 250). Однако восхищение М. поэзией крестьянского труда исключало «идолопоклонство». В частности, критика возмущала травля интеллигенции «под покро-

вом толков о народе» (Литературно-критические статьи.— С. 371), поскольку его идеал личности предполагал высокую степень развития. Вслед за Г. Успенским М. видит в «каменной загадке» Венеры Милосской (очерк «Выпрямил!») «провозвестник и символ будущего, а в настоящем такой нет. В настоящем тернии так или иначе непременно обвивают гармонические явления» (Там же.— С. 375). Устремленность к идеалу подчеркивает М. и в творчестве Щедрина, хотя последний «по своей специальности сатирик... не мог отдаваться прямому, положительному развитию этого идеала...» (Там же.— С. 539). Сверхзадача блестящего и развернутого комментария М. к щедринской «критической энциклопедии русской жизни» (Там же.— С. 551) — в выявлении мотивов сатиры: она порождена болью за «человека, питающегося лебедой». Для М. нет ничего нелепее обвинения Щедрина в беспредметном смехе, главная черта писателя — «необыкновенно счастливое сочетание могучей непосредственности, богатого сырья, с одной стороны, и силы неусыпно бодрствующего сознания...» (Там же.— С. 466). (Контрастный фон — творчество Ф. М. Достоевского, которому, по мнению М., не хватает контроля над «жестоким талантом».) М. подчеркивает многогранный («радужный») талант Щедрина — хозяина не только в области смешного, указывая на трагические ноты в изображении Иудушки Головлева (в финале романа «Господа Головлевы» открываются «и в этом железном попе с каменной просвирой следы человечности, совести» — Там же.— С. 580), а также Молчалина (цикл «В среде умеренности и аккуратности») и Разумова (рассказ «Большое место»), в детях нашедших кару за безобразие своей жизни. В освещении темы будущего как «наследника и судьи настоящего» (Там же.— С. 450) критик не знает равных Щедрина.

Сосредоточившись прежде всего на созвучных ему идеям, М. сделал и целый ряд ценных наблюдений над жанрово-стилевым своеобразием творчества названных писателей. Г. Успенский — «художник-аскет, отвергнувший всякую роскошь, все не ведущее прямо к намеченной цели» (Там же.— С. 328); отсюда почти полное отсутствие пейзажа, лаконизм портретов, господство полупублицистических, обрывочных очерковых форм. Гаршин, чьи наиболее глубокие вещи бедны «выдумкой» (фабулой), противопоставляется П. Д. Боборыкину, поступающему «с действующими лицами как хороший маркер с бильярдными шарами...» (Там же.— С. 292). В Щедрине изумительны свобода, легкость, с которою он, «презирая препоны утвержденных форм словесности, переходит от одной из них к другой, от беспощадного реализма к вершинам фантазии, от ядовитой насмешки к страстной логике» (Там же.— С. 574).

В статьях М., посвященных идейно чуждым ему писателям, главная цель — полемическая. В

особенности это относится к оценкам творчества Достоевского: отзыв о «Бесах» в цикле «Из литературных и журнальных заметок» 1873 г. (Отчетственные записки.—1873.—№ 2); статьи «О Писемском и Достоевском» в цикле «Записки современника» (Там же.—1881.—№ 2); «Жестокий талант» (Там же.—1882.—№ 9—10). По мере того как прояснялись общественно-политические идеалы Достоевского, эволюционировало отношение к нему критика. В отзыве о «Бесах» — романе, в целом осужденном М. за искаженное отражение революционного подполья, критик выступает пока в роли советчика писателя. Он напоминает Достоевскому, что настоящее зло — в развитии буржуазных отношений: «В вашем романе нет беса национального богатства, беса самого распространенного и менее всякого другого знающего границы добра и зла. <...> Вы не за тех бесов ухватились» (Полн. собр. соч.— Т. I.— Стлб. 888). Не исключено, что это замечание критика повлияло на замысел следующего романа Достоевского — «Подросток». В итоговой же характеристике могучего, но «жестокоего» таланта М. борется с его возможным воздействием на читателя. Как и другие идеологи народничества, М. не мог согласиться с Вл. С. Соловьевым («Три речи в память Ф. М. Достоевского», произнесенные в 1882 г.) и признать в писателе пророка божия и духовного вождя России. Неприятие М. религиозно окрашенной и политически консервативной «почвеннической» доктрины предопределили в целом негативную оценку творчества Достоевского, в котором критик не увидел подлинного гуманизма (разойдясь в оценках с Н. А. Добролюбовым, отметившим в статье «Забитые люди» (1861) «гуманическое» направление писателя). М. обвиняет Достоевского, в особенности второй — неизвестной Добролюбову — половины творчества, в «жестокости таланта» (Литературно-критические статьи.—С. 184), в возвеличении страдания при нивелировке разницы между мучителем и его жертвой («волком» и «овцой»). Читательский успех произведений Достоевского он объясняет нездоровым состоянием общества.

По-иному, чем Добролюбов, подходит М. и к творчеству И. С. Тургенева, итоговая характеристика которого дана в статье «О Тургеневе» в составе цикла «Письма постороннего в редакцию «Отчетственных записок» (1883.— № 9). М. видит в писателе не столько летописца русского общества, сколько создателя «общечеловеческих, пожалуй, абстрактно-психологических типов» (Там же.— С. 370). Многообразие тургеневских героев критик сводит в основном к двум типам: Гамлету и Дон-Кихоту, считая второй из них (Инсаров, Базаров, Маркелов и др.) художественно враждебным писателю. Сурово был встречен М. роман «Новь», отразивший «хождение в народ». Критик упрекал писателя в недостаточном знании материала и — как следствие — в психологической фальши поведения геро-

ев, в неудачном выборе Нежданова в качестве главного героя (см.: «Записки профана» // Отечественные записки.—1877.— № 2). Все же М. ценил Тургенева за «несколько неопределенные, но светлые идеалы свободы и просвещения, которым он был всегда верен, а также за особенную музыкальность таланта» (Литературно-критические статьи.— С. 267).

При всей страстности и пристрастности публициста, ведущего идейную полемику, М. обычно верно оценивал масштаб дарования. Он неизменно восхищался талантом А. П. Чехова, сетуя в то же время на его равнодушие к общественным проблемам, на его «холодную кровь» («Об отцах и детях и о творчестве Чехова» // Русские ведомости.—1890.— № 104). Исключение составляла для М. повесть «Скучная история», где Чехов выступает «позтом тоски по общей идее и мучительного сознания ее необходимости» (Там же.— С. 607). В интерпретации содержания произведений Чехова критик оказался в плену им же пронизательно отмеченной черты стиля писателя — крайней сдержанности в выражении авторской оценки. М. приветствовал ранние произведения Горького («О г. Максиме Горьком и его героях» // Русское богатство.—1898.— № 9; и др.), не находя в его «босяцких» рассказах, в отличие от других критиков, «унижения мужаика» (Там же.— С. 615). И в жизнеподобных, и в фантастических персонажах Горького М. прослеживал сходный психологический комплекс: крайний индивидуализм, свободолюбие. Цена в Горьком пафос утверждения активности личности, М. в то же время предостерегал молодого писателя от влияния декадентства. При всех его противоречиях, М.— самый крупный и яркий критик демократического направления последней трети XIX в.

Соч.: Соч.: В 6 т.— Спб., 1896—1897; Поли. собр. соч.— Т. I—VIII, X.— Спб., 1906—1913; Литературные воспоминания и современная смута: В 2 т.— Спб., 1900—1901; Последние сочинения: В 2 т.— Спб., 1905; Революционные статьи.— Берлин, 1906; Из романа «Карьера Оладушкина».— Пб., 1906; Литературно-критические статьи/Подгот. текста, вступ. ст. и примеч. Г. А. Бялого.— М., 1957.

Лит.: Маркс К. Письмо в редакцию «Отечественных записок».— Ноябрь 1877 // К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия.— М., 1967; На славном посту (1860—1900): Сб.— Спб., 1906; Фигнер В. Свидание с Михайловским // Фигнер В. Запечатленный труд.— М., 1921.— С. 287—290; Горев Б. И. Николай Константинович Михайловский. Его жизнь, литературная деятельность и мирозерцание.— М.; Л., 1931; Твардовская В. А. Н. К. Михайловский и «Народная воля» / Исторические записки.— М., 1968.— Вып. 82; Виленская Э. С. Н. К. Михайловский и его идейная роль в народническом движении 70—начала 80-х годов XIX века.— М., 1979; Лукни В. Н. Эстетические взгляды Н. К. Михайловского.— Куйбышев, 1972; Коновалов В. Н. Литературная критика народничества.— Казань, 1978.— С. 82—96; Слинко А. А. Н. К. Михайловский и русское движение второй половины XIX—начала XX века.— 2-е изд., доп.— Воронеж, 1982; Мысляков В. А. Салтыков-Щедрин и народническая демократия.— Л., 1984.— Гл. 3.

Л. В. Чернец

МОРДОВЦЕВ, Даниил Лукич, псевдонимы — Данило М. Слипченко, Данило Мордовец, Афро-

дита, Берне из Бердичева, Мистер Плумпудинг и др. [7 (19). XII. 1830, слобода Даниловка Усть-Медведицкого округа Ростовской губ.— 10 (23). VI. 1905, Кисловодск; похоронен в Ростове-на-Дону] — прозаик, поэт, историк, публицист. Один из самых плодотворных беллетристов второй половины XIX в. Автор многочисленных (около ста томов) исторических романов, повестований, хроник, научных монографий и очерков. Писал на русском и украинском языках. Принадлежал к старинному украинскому казачьему роду. Имя деда, сотника Запорожской Сечи, Слипченко-Мордовца стало одним из его литературных псевдонимов, а биография отца, выкупившегося на волю крепостного крестьянина, волновала его всю жизнь. Свои литературные начинания М. связывал с богатой библиотекой старинных книг, оставшейся после смерти отца (1831). С семи лет пробовал писать стихи, а в 1840 г., подражая Дж. Мильтону, сочинил поэму (не сохранилась). Опекуны и первый учитель дьяк Федор Листов отмечали в своем питомце незаурядные способности и редкую память, что позволило ему вскоре стать первым учеником окружного училища и затем с похвальным листом окончить Саратовскую гимназию (1850). Правда, о школьных годах М. отзывался достаточно резко: «Развития положительного никакого и не от кого было ждать» (Из минувшего и пережитого.— С. 580). В гимназии он штудировал древние языки, однажды написал комическую поэму в духе «Одиссея», был дружен с А. Н. Пыпиным, учившимся в той же гимназии и ставшим впоследствии известным историком литературы. В 1850 г. М. поступил на филологический факультет Казанского университета, но, по его словам, «влекомый к большому образованию» и следуя советам Пыпина, через год перешел на словесное отделение в Петербургский университет. Вместе с Пыпиным, О. Ф. Миллером, В. И. Ламанским он занимался в семинаре акад. И. И. Срезневского, который высоко оценил студенческие опыты М. (разборы летописей, обработку фольклорных текстов и др.). Выпускное сочинение «О языке «Русской правды» (1854) было отмечено золотой медалью. Возможно, под влиянием Срезневского в М. развился интерес к изучению летописей, агиографии, исторических преданий, ставших основным источником его романтики.

После окончания университета (1854) М. переехал в Саратов. Некоторое время служил в губернском статистическом комитете, а с 1856 г. редактировал неофициальную часть газеты «Саратовские губернские ведомости». Его научные интересы оставались прежними: он публиковал историко-статистические очерки и этнографические заметки («Характеристика поволжского населения», «Местные заметки по летописи Саратова», «Опыт собирания нравственной статистики» и др.), изучал фольклор Поволжья и Украины. Совместно с Н. И. Костомаровым, отбывавшим

ссылку в Саратове, М. подготовил в 1854 г. «Малороссийский литературный сборник». В него вошли стихи Костомарова, поэма М. о запорожцах «Казак и море» (на украинском языке) и народные песни в литературной обработке поэтессы А. Н. Пасхаловой, ставшей осенью 1854 г. женой М. В поэме заметна тяга М. к контаминации фольклорных источников и стилизации, что он и подчеркнул в редакционном предисловии: «Я подражал южнорусской народной поэзии» (Твори.— Т. 1.— С. 601). Те же приемы он использовал в рассказах и повестях, посвященных украинской деревне: «Нищие» (1855), «Звонарь» (1858), «Солдатка» (1859), «Заматаев» (1859) и др. (на украинском языке). Этнографически точные описания сочетались в них с идиллическим и романтическим пафосом. В то же время М. публиковал в «Саратовских губернских ведомостях» острые фельетоны о нравах горожан и провинциальных помещиков, подписывая их разнообразными псевдонимами.

Летом 1860 г. М., воспользовавшись предоставленным отпуском, усиленно занимался в библиотеке и губернских архивах. Уже к осени 1860 г. он подготовил исторические монографии «Обличительная литература в первых русских журналах и стеснение гласности», «Понизовая волыница», «Самозванец Ханин», «Самозванец Богомолов». Бесконечный ряд самозванцев, крестьянские бунты М. считал «результатом ненормального состояния всего тогдашнего строя» (Самозванцы и понизовая волыница.— С. 54). Тщательное исследование цензурной политики Екатерины II («Обличительная литература...») и талантливые беллетризованные исторические очерки благосклонно встретила столичная наука. В 1861 г. М. пригласили на кафедру русской истории Петербургского университета, но из-за тяжелой болезни жены он вынужден был отказаться. Цензурные гонения на сочинения М. стали причиной осложнения отношений с саратовским губернатором В. А. Щербатовым, завершившихся уходом М. из редакции (1862) и отъездом из Саратова (1864). Но переезд в Петербург не был удачным. М. служил за скромное жалование в хозяйственном департаменте министерства внутренних дел, практически не имея возможности заниматься наукой. В 1867 г. он вернулся в Саратов и до 1873 г. служил правителем канцелярии губернатора.

С середины 60 гг. М. публиковал многочисленные исторические и критические заметки в журналах «Русское слово», «Отечественные записки», «Вестник Европы», «Дело», «Исторический вестник», в газетах «Неделя» и «Голос». Особое внимание читателей привлекли монография М. «Пугачевщина» (1866) и вышедшие отдельными изданиями исторические описания «Самозванцы и понизовая волыница» (1867), «Гайдамачина» (1870), «Политические движения русского народа» (1871). По словам авто-

ра, эти сочинения объединяло «предпочтительное внимание к гольтыбе, забытой историей» (Представляет ли прошедшее русского народа какие-либо политические движения // Отечественные записки.— 1871.— № 3.— С. 116). Они не были собственно научными статьями: как правило, теоретические положения иллюстрировались художественными зарисовками. Вслед за Костомаровым М. связывал войну Пугачева, «гайдамачину», разбой, самозванство с нравственным несовершенством общества, невежеством и произволом помещиков. В документальных очерках о положении крестьян перед отменой крепостного права, составивших книгу «Накануне воли» (1872), запрещенную цензурой, М. дал яркую историческую панораму «русской изобретательности» в зверствах, пьянстве и распутстве. А в «Политических движениях русского народа» философски обосновал свое представление об историческом процессе. Ссылаясь на концепцию Г. Спенсера и Дж.-С. Милля о неизбежной позитивной эволюции «государственного организма», он выдвигал собственную (мало оригинальную) теорию «центростремительных» и «центробежных» сил в истории («Политические движения...»—Т. 2.— С. 180). По мысли М., стихийные народные выступления («центробежные силы»), противостоящие «центростремительным силам» (государство и право), соответствуют «свободному историческому росту» и не нуждаются в политическом руководстве.

Возможно, этим объясняется в целом негативная оценка М. революционного движения «шестидесятников».

В повести «Новые русские люди» (1868) и романе «Знамена времени» (1869) М. попытался откликнуться на современные проблемы, продолжить спор о «новых людях», начатый Тургеневым и Чернышевским, объявив «знаменем» времени отказ интеллигенции от политической борьбы. Герои романа и повести горячо спорят о Н. Г. Чернышевском, Н. А. Добролюбове, Н. А. Некрасове, обсуждают труды Ч. Дарвина и Г. Спенсера, произносят пространные монологи о «русском деле», об истинных и мнимых ценностях, обращаются к читателям с многочисленными призывами: «Мы просто идем слиться с народом...», «Работою вы победите мир!», «Труд — вот единственное спасение России...». Их «новизна» состояла в том, что они полностью отреклись от идей революционной демократии, отвергли «зверный закон» революции, шли в народ, по словам одного из персонажей романа, «не бунты затевать», не учить народ, а «учиться у него терпению, молотье и косебе». Столкнувшись со стеной непонимания и явной враждебностью крестьян, эмансипированная Варя Барматинова, «слившийся» с батрацкой артелью помещик Караманов («Знамена времени»), «опростившийся» интеллигент Тютнев, Елионский, Ломжинов («Новые русские лю-

ди») отказываются от декларируемых идеалов, довольствуются личным счастьем. М. точно выразил многие народнические настроения, предсказав крах «хождения в народ», но не сумел их обобщить и дать им реалистическое объяснение. В путаных речах героев и комментариях автора сводились воедино переживания «слишних людей» и нигилизм «шестидесятников», теория «малых дел» и либеральные иллюзии, «поразительная», по словам Салтыкова-Щедрина, «пошлость» (Салтыков-Щедрин М. Е. Полн. собр. соч.— Т. VIII.— С. 398, 403) и готовность к самопожертвованию. Короленко писал по поводу романа М.: «Его зачитывали, комментировали, разгадывали намеки, которые, наверное, оставались загадкой для самого автора» (Короленко В. Г. Собр. соч.: В 10 т.— М., 1954.— Т. 5.— С. 316). С художественной точки зрения уже в первых рецензиях повесть и роман о «новых русских людях» противопоставлялись «Отцам и детям» Тургенева (Отечественные записки.— 1870.— № 7.— С. 234). А позднее Н. К. Михайловский справедливо указывал на свойственную М. стилистическую небрежность и объяснял ее «необычной торопливостью» плодovitого автора (Михайловский Н. К. Последние сочинения.— Т. I.— С. 380). После «Знамени времени» к современным темам М. не обращался.

В 1873 г. он опять переехал в Петербург. Служил в статистическом отделе министерства путей сообщения, активно выступал в 70 гг. с публицистическими статьями («Земство и его деяния», «Действительные причины самарского голода», «О культурных признаках русского народа» и др.) в журналах «Дело» и «Отечественные записки». Бурную полемику вызвала его статья «Печать в провинции» (Дело.— 1875.— № 9.— С. 44—70; № 10.— С. 1—32), в которой подчеркивалась неизбежная ограниченность провинциальной журналистики. Однако ведущее место в творчестве М. этих лет заняла тема русского раскола. Вышли его исторические монографии «Движения в расколе» (1874) и «Последние годы раскольников скитов на Иргизе» (1872). Художественным обобщением собранных документальных материалов стали повесть «Сидения раскольников в Соловках» (1880) и роман «Великий раскол» (1884). Сопоставляя фанатизм раскольников и жестокость их преследователей, М. выделил в истории раскола самые яркие эпизоды (подвижничество Морозовой и Аввакума, самоотверженную защиту раскольниковыми Соловецкого монастыря) и попытался соединить в одном произведении весьма разнородные жанры: житие, историческую хронику и мелодраму. Исторически объективные оценки сочетались в романе и повести с натуралистическими описаниями (самоожжения раскольников, пытка на дыбе боярыни Морозовой и т. п.) и не всегда удачной стилизацией, с цитатами и аллюзиями из

«Жития» Аввакума, трудов историков Г. В. Есипова, М. П. Погодина, Н. Г. Устрялова, С. М. Соловьева и самого М. В исторической романистике М. контаминация стала основным творческим приемом.

Серию исторических романов М. обычно предварял научной монографией или статьей, в которой намечал темы и сюжетные линии, связанные с избранной эпохой. Весьма точные психологические зарисовки и характеристики царевны Софьи и Анны Монс перешли, напр., из книги «Русские женщины нового времени» (1874) в романы о Петре I «Идеалисты и реалисты» (1876), «Царь Петр и правительница Софья» (1885), «Державный плотник» (1899), а работы 60 гг. о самозванцах и разбойниках обусловили выбор сюжетов и принципы изображения характеров в повестях «Лжедмитрий» (1879), «Сагайдачный» (1882), «За чьи грехи?» (1891) и др. Но развитие сюжета, как правило, подчинялось изначально заданному противопоставлению религиозной нравственности и свободолюбия «народа» безверию и блуду «двора». С одной стороны, благородство Разина («За чьи грехи?») и Булавина («Царь Петр и правительница Софья»), прославление патриотизма и готовности к самопожертвованию «голытьбы» в романах «Двенадцатый год» (1880), «Мамаево побоище» (1881), «Господин Великий Новгород» (1882), а с другой — беспринципность бояр и дворян («Лжедмитрий»), «За чьи грехи?», осуждение жестокости Петра I и сторонников его реформы («Идеалисты и реалисты», «Царь Петр и правительница Софья»). Оправдывая вольную интерпретацию документальных материалов и частую смену оценок исторических личностей, М. любил повторять тезис о современных «воспитательных факторах», заключенных в романе (К слову об историческом романе.— С. 651). Из этих соображений он преувеличивал, напр., религиозность Разина, «просветленного» любовью к красавице Заире, или изображал Петра I то патологическим злодеем («Идеалисты и реалисты»), то мудрым реформатором и подвижником («Державный плотник»), а народ — либо безликой, темной массой («Лжедмитрий»), либо реальной исторической силой, усвоившей еще в древности демократические «уроки» («Господин Великий Новгород»).

Обратившись в литературному творчеству в период расцвета отечественной историографии, как историк М. оставался в рамках позитивистской методологии, подменял научный анализ скрупулезным перечислением и классификацией фактов и документов. В «Исторических прописях» (1889), собрании статей и исторических монографий, он повторял свои мысли о соотношении «центростремительных» и «центробежных» сил. Как романист М. фактически возвращался к традициям романтической исторической прозы 30 гг.: борьба добродетельных героев с истори-

ческими злодеями освещалась авторским морализаторством, научные реминисценции и ссылки на документы создавали лишь иллюзию достоверности. Не избегал он и славянофильской идеализации прошлого, что сближало его с популярными романистами-современниками Г. П. Данилевским и Е. А. Салиасом-де-Турнемиротом. После путешествия по Европе и Малой Азии (1882—1884) М. настаивал на полном неприятии западной цивилизации, призывал, по его словам, к отрицанию «плодов пресытившейся буржуазии». В путевых очерках «Поездка в Иерусалим» (1882), «По Италии», «По Испании», «Из прекрасного далека» (все — 1884) он настойчиво проводил мысль о кризисе европейской культуры и несомненной исторической перспективе славянских народов.

В 1885 г., тяжело пережив самоубийство приемного сына, талантливого музыканта В. Н. Пасхалова и смерть жены, М. вышел в отставку и уехал из Петербурга в Ростов-на-Дону. В 90 г. в его многочисленных романах на темы древней истории «Жертвы Вулкана» (1894), «Говор камней» (1895), «Ирод» (1897), «Падение Иерусалима» (1897) и др. преобладали пессимистические интонации, в сюжете на первый план выдвигались любовные интриги, авантюры и историческая экзотика. В них, по словам современника, М. явно «потворствовал низменным страстям скупающей публики», из «историка-беллетриста» превратился в «могильщика» исторической науки, «романиста-компилятора» (Соколов Н. Н. Петр Великий и Вальтер-Скотты-могильщики // Русская старина.— 1894.— № 3.— С. 192—193). Вулгаризируя исторические источники и модернизируя египетские, греческие мифы, он уже редко прибегал к научной аргументации, стремился любыми способами увеличить число своих читателей. В последнем М. явно преуспел. В 900 г. были изданы три собрания его сочинений, часто переиздавались детские рождественские рассказы и этнографические очерки. В конце жизни он написал книгу воспоминаний «Из минувшего и пережитого» (1902), в которой рассказал о своих встречах с Т. Г. Шевченко, Н. Г. Чернышевским, М. Е. Салтыковым-Щедриным и др. деятелями отечественной культуры.

В истории литературы М. остался «поучительным бытописателем» (Глинский Б. Б. Литературная деятельность Д. Л. Мордовцева.— С. 579). В стремлении к синтезу исторической науки и искусства он во многом предвосхищал появление в литературе жанра «художественной диссертации» (Эйхенбаум Б. М. О прозе.— Л., 1969.— С. 383).

Соч.: Собр. соч.: В 50 т.— Спб., 1901—1902; Полн. собр. исторических романов, повестей и рассказов: В 12 т.— Пг., 1902—1915; Полн. собр. исторических романов, повестей и рассказов: В 33 т.— Спб., 1914; Твори: В 2 т. / Вступ. ст. В. Г. Беляева.— Киев, 1958 (на украинском и русском языках; в т. 2 включен на русском языке роман «Зна-

меня времени»); Самозванцы и понизовая волница.— Спб., 1867; Политические движения русского народа. Исторические монографии: В 2 т.— Спб., 1871; Русские исторические женщины. Популярныя рассказы из русской истории. Женщины допетровской Руси.— Спб., 1874; Русские женщины нового времени. Биографические очерки из русской истории.— Спб., 1874; К слову об историческом романе // Исторический вестник.— 1881.— Ноябрь.— С. 642—651; Из минувшего и пережитого.— Спб., 1902 (на украинском языке); Исторические прилипы: В 2 т.— Спб., 1889; Знамена времени.— М., 1957; Великий раскол. Накануне воли / Под общ. ред. П. Г. Пустовойта; Послесл. В. С. Момота.— Ростов н/Д, 1987.

Лит.: Окрейц С. С. Попытка освободиться от исторической эстетки // Дело.— Декабрь.— С. 39—52; Шелгунов Н. Бесплодная нива // Дело.— 1880.— № 10.— С. 53—61; Суботин Н. Историк-беллетрист // Русский вестник.— 1881.— Май.— С. 149—216; Соколов Н. Н. Петр Великий и Вальтер-Скотты-могильщики // Русская старина.— 1894.— № 2.— С. 191—209; № 3.— С. 164—192; Гордон Г. И. Сионизм и христиане: Отзывы о сионизме Мордовцева, Баранцевича, Михайловского, Миллюкова, Короленко, Максима Горького и др.— 2-е изд.— Спб., 1902.— С. 16—18; Глинский Б. Б. Литературная деятельность Д. Л. Мордовцева (По поводу ее пятидесятилетия) // Исторический вестник.— 1905.— № 2.— С. 579—608; Михайловский Н. К. Последние сочинения: В 2 т.— Спб., 1905.— Т. I.— С. 364—382; Налимов А. «Идейные» романы Д. Л. Мордовцева // Беседа.— 1906.— Январь.— С. 54—61; Кауфман А. Даниил Лукич Мордовцев: Из личных воспоминаний // Исторический вестник.— 1910.— № 10.— С. 225—234; Краснянский М. Б. Уроженец Дона писатель Даниил Лукич Мордовцев. 1830—1905 гг.— Ростов н/Д, 1914; Серебрянский И. М. Советский исторический роман // Литературная учеба.— 1936.— № 5.— С. 32—36; Салтыков-Щедрин М. Е. Полн. собр. соч. / Под ред. В. Я. Кирпотиной, П. И. Лебедева-Полянского и др.— М., 1937.— Т. VIII.— С. 395—400; История русского романа: В 2 т. / Ред. второго тома Б. П. Горюцкий, Н. И. Пруцков.— М.; Л., 1964.— Т. 2.— С. 86—89; Момот В. С. Даниил Лукич Мордовцев: Очерк жизни и творчества.— Ростов н/Д, 1978. Ю. Г. Миллюков

МОРОЗОВ, Николай Александрович [25. VI (7. VII). 1854, имение Борок Мологского у. Ярославской губ. — 30. VII. 1946, Борок Ярославской обл.] — поэт, мемуарист, ученый, революционный деятель-народник. Внебрачный сын помещика П. А. Щепочкина и крепостной А. В. Морозовой, получившей вольную; мать и сын М. жили в доме Щепочкина. В 1869—1874 гг. учился в Московской классической гимназии, отдавая предпочтение внеклассным занятиям ботаникой, геологией, химией, математикой, астрономией. Мальчик собирал гербарии, коллекции минералов, часами наблюдал звездное небо. В юношеском возрасте М. познакомился с трудами Ч. Дарвина, М. Фарадея, статьями Д. И. Писарева, Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского. За организацию «тайного общества естествоиспытателей-гимназистов» со своим рукописным журналом, где помещались материалы политического характера, М. был исключен из гимназии. В 1874 г. М. сблизился с революционными деятелями — «чайковцами» и начал активную пропаганду социалистических идей.

Участник «хождения в народ», М., переодевшись простолудином, выдавая себя то за кузнеца, то за рабочего, распространял нелегальную литературу в Ярославской, Костромской, Московской и др. губ. Административные преследования вынудили М. эмигрировать в 1874 г. в Женеву.

В Швейцарии М. активно участвовал в редактировании и издании революционного журнала «Работник», сотрудничал в лондонском журнале П. Л. Лаврова «Вперед», в 1875 г. был принят в секцию Парижской Коммуны 1-го Интернационала. При возвращении в 1875 г. на Родину М. был задержан на границе. Суду и приговору предшествовали три года предварительного заключения, во время которого М. продолжал научные изыскания, овладевал иностранными языками, а заодно тюремной азбукой, разработал собственную систему физических упражнений, начал писать стихи, предназначая их товарищам по заключению (опубл. в коллективном сборнике стихотворений русских заключенных «Из-за решетки», Женева, 1877). По «Процессу 193-х», первому грандиозному процессу русских пропагандистов, М. был приговорен к 18 месяцам тюрьмы, но тут же освобожден, поскольку в этот срок ему засчитали три года предварительного заключения. После выхода из тюрьмы М. совершил ряд неудачных попыток освободить из тюрьмы своих товарищей, участников «хождения в народ»: П. И. Войнаральского, Е. К. Брешко-Брешковскую и др.

В 1878 г. М. вступил в новую народническую организацию «Земля и воля», вместе с Г. В. Плехановым редактировал журнал «Земля и воля», основал «Листок» «Земли и воли». После раскола организации стал одним из руководителей Исполнительного комитета «Народной воли», куда также входили А. И. Желябов, С. Л. Перовская, А. Д. Михайлов. М. являлся одним из редакторов газеты «Народная воля», участвовал в крупнейших террористических актах против Александра II, после чего вновь эмигрировал в 1880 г. В Женеве М. написал ряд политических брошюр, участвовал в издании «Русской социально-революционной библиотеки», в декабре 1880 г. встречался и беседовал с К. Марксом (Русские современники о К. Марксе и Ф. Энгельсе.— М., 1969.— С. 84—86). В 1880 г. в Женеве был издан стихотворный сборник М. При возвращении на Родину в январе 1881 г. при переходе границы М. вновь был арестован. После покушения народолюбцев на Александра II 1 марта 1881 г. по «Процессу 20-ти», обвинявшихся в терроризме, М. был приговорен к пожизненному заключению в Алексеевском равелине Петропавловской крепости. Условия содержания народолюбцев были таковы, что спустя два года из 15 заключенных в живых оставалось лишь четверо. М. боролся с недугами (цинга, отеки ног, а затем туберкулез), занимался гимнастикой. В августе 1884 г. М. был переведен в Шлиссельбургскую крепость. Выносливость, физическая закалка, сила духа помогли ему перенести ужасы заключения, продолжавшегося в общей сложности почти 25 лет.

После того как шлиссельбургские узники добились права пользоваться библиотекой и пись-

менными принадлежностями, М. посвятил все время науке. Он прошел курс богословия, создал ряд книг, посвященных сложнейшим вопросам химии, математики, метеорологии, астрономии. Многие из них сохраняют научную актуальность до сих пор. Революция 1905 г. принесла М. освобождение. Из тюрьмы народолюбец М. вышел вполне сложившимся ученым-энциклопедистом: 26 рукописных томов были созданы за 21 год Шлиссельбургского заточения.

Имя М.-ученого стало широко известно в России. Популярностью пользовались его лекции в Высшей вольной школе, преобразованной впоследствии в Высшие курсы Лесгафта, и в Психоневрологическом институте. М. была присвоена степень доктора физико-математических наук, его личность привлекала к себе внимание Л. Н. Толстого, принимавшего М. 28. IX. 1908 г. в Ясной Поляне, и И. Е. Репина, нарисовавшего портрет М. Созданные в Шлиссельбурге стихотворения М. опубликовал в сб. «Из стен неволи» (1906), вышедшим с рисунками Репина. В 1907 г. увидел свет сб. работ по истории религии «Откровение в грозе и буре». В 1909 г. стихотворения М. появились в коллективном народническом издании «Под сводами». В 1910 г. М. опубликовал «Письма из Шлиссельбургской крепости», считая их «продуктом исключительных условий жизни, образчиком своеобразной психологии одиночного заключения» (Письмо М. Л. Н. Толстому // Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 22 т. Письма.— М., 1984.— Т. 19—20.— С. 706). За сб. «Звездные песни» (1910), куда были включены некоторые стихотворения 70 гг., М. приговорили к годичному заключению в Двинской крепости. Здесь М. написал книгу «Пророки» и значительную часть мемуаров «Повести моей жизни».

После Великой Октябрьской социалистической революции М. продолжал успешно трудиться на научном поприще. Был одним из организаторов советского летного дела, избран почетным членом Академии наук СССР по отделениям химических и физико-математических наук, награжден правительственными наградами. С 1918 г. М. являлся директором Естественно-научного института им. П. Ф. Лесгафта. Последние годы жизни М. провел на Родине, в имении Борок, которое было закреплено за ним по указанию В. И. Ленина.

Поэтические книги М. пронизаны социальными мотивами. Пафос его поэзии — влюбленность в революционную идею, уверенность в правильности избранного пути. Это поэзия действия. В своих стихотворениях М. предстает как пропагандист народнических идеалов, борец за счастье людей, за народное просвещение. Проблематика стихотворений запечатлена в их названиях: «Проклятие!», «Цепи», «Борьба», «Светоч». Разнообразны жанры поэтических сб. М.: зарисовки-воспоминания («В поезде»), дружеские послания

(«Друзьям из темницы», «Сквозь стену»), лирические монологи («Под поэтами телеграфистами»), надписи («Надпись на каземате»), посвящения («Друзьям», «Вере Фигнер», «Прости»), стихотворная сатира («Песня о Громе-генерале. Поэма из времен покойного охранного отделения», «Тайное собрание» — совм. с Д. А. Клеменцем), обращался М. и к жанру поэмы. Большинство произведений М. носит автобиографический характер, иные посвящены жизни и борьбе его товарищей — В. Н. Фигнер, Г. А. Лопатина, О. С. Любатович, С. М. Кравчинского и др. Некоторые поэтические персонажи связаны с реальными прототипами. Чертами героев-народников — Кравчинского и Перовской, их волей к борьбе, оптимизмом отмечены образы Вани и Сони в поэме «Встреча», ориентированной проблематикой и ритмико-стилистическим строем на поэму Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо».

Рожденные под прямым воздействием реалистической поэзии Некрасова, лирические и лиро-эпические произведения тем не менее отличаются оригинальностью, насыщены образами-символами (наиболее распространена астрономическая символика: облака, созвездия, Полярная звезда, метеорит, комета), метафорами (напр., «Лишь только чудится порой, / Что в высоте орел двуглавый / Несется хищно надо мной». — «Из старых воспоминаний»), аллегориями (так, в поэме «Шлиссельбургский узник» выведен аллегорический образ «Царя Золотого Тельца»). Остро переживает лирический герой М. свою оторванность от революционного дела: «Проклятие! Пиши стихи в тюрьме, / Когда на воле ждет не слово — дело!» («Проклятие!»). Появляются мотивы тоски, безысходности, уныния («Сгнули силы», «В заключении»), но убежденность в своей правоте рождает строки иного звучания: «Знаю я, темные силы / Их не согнут перед злом, — / Будут они до могилы / Биться с народным врагом» («Друзьям»). Мотивы тоски, отчаяния, смерти сменяются в поэзии М. оптимистическими нотами («Сбросит ярмо угнетенья / С родины наша семья». — «В одиночестве»). Шлиссельбургскую лирику М. отличает насыщенность романтической лексикой (ночь, ветер, луна, тернистая дорога), призывность интонаций («Сквозь стену»), агитационность, проявляющаяся в лозунговой емкости и лаконичности («Нашей вольной души / Не сломить никогда». — «Перед судом»). М. использует прием введения сна героя, его мечтаний, а в стихотворениях 900 — 10 гг. поэтическая мысль М. совершает космические путешествия («Полярная звезда», «В небесном пространстве», «Планеты»). Социальные процессы М. часто уподобляет явлениям природы: «И вся ожила под лучом золотым / Весеннего солнца природа; / И бедные хижинки с бедной землей, / Покрытые кровью народной» («Тюремные видения»). Строки интимной лирики («Струйка журчала / Серой скале: / Я

уж устала / Течь по земле». — «Близ устья») чередуются с философскими раздумьями («Мы умираем только для других, | О смерти собственного умерший не узнает. — «Мы умираем...»). Особую группу в поэтическом наследии М. составляет так называемая «научная поэзия», где ученый-энциклопедист выразил свои взгляды на проблемы физики («В вечности», «Силы природы», «Атом жизни»), астрономии («Смысл созвездий», «В небесах», «Метеорит»), биологии («Зачем?»), химии («В химической лаборатории»). Глубокое философское содержание этих стихотворений позволяет поэтически осмыслить конкретные факты науки. Творчество М. претерпело заметную эволюцию: постепенный отказ от романтической риторики, абстрактности в выражении идеалов и переход к созданию зримых образов, и все же М. ощущал несовершенство собственной поэзии: длинноты, архаические структуры, неизбежные в условиях «устного сочинительства» автоповторы. После 1910 г. М. прекращает публиковать стихотворения и переключается на мемуары и научную публицистику. В «Повестях моей жизни» (1916 — 1918) отражена богатейшая биография М., перипетии его судьбы, в которой были подвиги и разочарования, побег и тюрьмы, друзья и враги. «Повести» основаны на острых сюжетных поворотах, в них воспроизведены детали быта людей разных социальных слоев. Высоко оценил мемуары Л. Толстой: «...ваши записки... я прочел с величайшим интересом и удовольствием» (Толстой Л. Собр. соч.: В 22 т. Письма. — М., 1984. — Т. 19—20. — С. 614). Некоторые хронологические и фактические неточности, содержащиеся в воспоминаниях, вызваны условиями работы, а также творческими установками автора на художественность повествования.

Писательский талант М. раскрылся и в научно-популярном сб. «На границе неведомого» (1910), составленном из «научных полуфантазий», написанных для развлечения товарищей по заключению. «Эры жизни», «Путешествие по четвертому измерению» и др. в занимательной форме фантастических рассказов знакомят читателей с научными открытиями М. В научно-популярных книгах «Откровение в грозе и буре. История возникновения Апокалипсиса» и «Пророки. История возникновения библейских пророчеств, их литературное изложение и характеристика» (1914), а впоследствии в семитомном труде «Христос» (1924—1932) М. обнаруживает себя незаурядным философом и социологом, хотя местами субъективно трактует исторические факты. Судьба ученого-энциклопедиста, революционера и поэта М. — феномен отечественной истории. Своей жизнью М. доказал беспредельность физических, нравственных и творческих возможностей человека.

Соч.: Вольная русская поэзия XVIII — XIX веков. Сб. стихотв. / Вступ. ст. С. А. Рейсера. — М., 1975; Поэты-демократы 1870—

1880 гг. — 2-е изд. — Л., 1968; Повести моей жизни. 3-е изд. — М., 1965. — Т. 1—2.
Лит.: Любатович-Джабадар О. Далекое и недавнее // *Былое*. — 1906. — № 5. — С. 209—245; № 6. — С. 108—154; Круковская Л. Я. Н. А. Морозов. — М., 1912; Фигнер В. Н. Член исполнительного комитета партии «Народная воля» Н. А. Морозов. — 2-е изд. — М., 1928; Гессен С. Я. Н. А. Морозов. — М., 1934; Внучков Б. С. Уэник Шлиссельбурга: о жизни и деятельности Н. А. Морозова. — Ярославль, 1969; Поповский М. А. Победенное время: Повесть о Николае Морозове. — М., 1975; Осмаков Н. В. Родина. Народ. Революция. Этапы развития русской революционной поэзии второй половины XIX — начала XX века. — М., 1977; Николай Александрович Морозов — ученый-энциклопедист. — М., 1982; Твардовская В. А. Н. А. Морозов в русском освободительном движении. — М., 1983.
Е. Г. Елина

МУЙЖЕЛЬ, Виктор Васильевич [18(30).VII.1880, дер. Уза Порховского у. Псковской губ. — 3.II.1924, Петроград] — прозаик. Родился в семье конторщика. Мать М., разделявшая народнические взгляды и в соответствии со своими убеждениями вышедшая замуж за работника отцовского имени, оказала большое влияние на формирование мировоззрения сына. В детстве М. вместе с семьей часто переезжал с места на место, жил в Поволжье, Средней Азии, Псковской губ. Богатые детские впечатления позднее отразились в книгах писателя, отличавшегося конкретным, незаемным знанием народной жизни. Получил незаконченное среднее образование. В юности служил писцом в акцизном управлении, позднее — в земстве, работал приказчиком на лесоповале, канцеляристом в различных учреждениях, земским статистиком в губернском статистическом бюро. В качестве рисовальщика сотрудничал в иллюстрированных изданиях.

Дебютировал в печати как очеркист в начале 900 гг., но подлинным началом своего творчества считал публикацию в 1904 г. рассказа «В непогоду» в петербургском журнале «Мир божий». Раннее творчество писателя пришлось на годы подготовки и проведения первой русской революции, которая стала для М. важным творческим импульсом. Идеино-эстетические взгляды М. противоречивы: примыкая к общедемократическому крылу реалистической литературы, он испытал влияние неонароднической идеологии начала XX в. Городской пролетариат оказался вне поля зрения писателя, сосредоточившегося на исследовании исторических судеб русского крестьянства. Эстетические принципы М. складывались под воздействием общих процессов обновления художественной системы реализма, но порой осложнялись натуралистическими тенденциями. Жизнь крестьянства — главная тема рассказов и повестей М. («Аренда», «Бабыня жизнь», «Мужичья смерть», «Мужик» и др.). Эта жизнь в изображении М. — непрерывная череда страданий, изнурительного труда, мучительных обид на судьбу. Талантливый бытописатель, М. воспроизводит реальность предельно конкретно, его произведения насыщены деталями бытового уклада деревни. Вместе с тем деревенский быт

психологизирован: его подробности воссоздаются через призму пробуждающегося сознания земледельца, которое корректируется обобщающим авторским взглядом. Такое сочетание ракурсов позволяло М. преодолевать характерную для поэтики натурализма экстенсивную манеру письма, проявлявшуюся порой у него в замедленности сюжетного развития, нагнетании однотипных деталей, композиционной рыхлости.

Ранние произведения М. отразили ориентацию писателя на творческий опыт Л. Толстого, В. Короленко, М. Горького. Он использует такие элементы поэтики В. Короленко и раннего М. Горького, как экспрессивность пейзажных описаний, варьирование мотивов разбушевавшейся стихии — дождя, ветра, палящего солнца, антропоморфных образов. Концепция народного характера М. определялась верой в особенность «мужичьей души», в которой все фатально детерминировано неизбывной «властью земли». Тяга к земле, нерасторжимое единство с природой, изначальная естественность труда хлебопашца — эти качества народной жизни, по мысли М., исторически устойчивы, а потому неизменны социально-психологические установки мужика. Главную беду крестьянства М. видел в разобщенности, эгоистическом стремлении жить «наособицу», в то время как залог здоровой жизни, согласно М., — подлинно человеческие отношения и честный совместный труд крестьянской общины. На революцию 1905—1907 гг. М. откликнулся рассказами «Кошмар», «Солдаты», «Ненужные» и др. В них показаны процессы зарождения протеста в глубинах сознания мужика. Крестьянские волнения для писателя — пробуждение извечной жажды справедливости, стихийного стремления к правде. Но финалы большинства рассказов трагичны. Кровавой расправой жандармов со студентами завершается рассказ «Кошмар» (1905), проникнутый пафосом гневного протеста против репрессий.

После поражения революции вера в историческое обновление постепенно вытесняется у М. пессимистическими выводами о неизбежности страданий мужика. Большое место в творчестве М. 1908—1910 гг. занимает проблема отношений народа и интеллигенции. Социально остро ставит писатель вопрос о трагической разобщенности многомиллионного крестьянства и интеллигенции, осуждая политическую индифферентность и ренегатство «культурного меньшинства». Атмосфера эпохи реакции на время повлияла и на самого писателя. Он сблизился в 1907 г. с группой неонатуралистов, участвовал в нашедших сборниках М. Арцыбашева «Жизнь» (1908) и «Смерть» (1910). По-новому осмыслились М. уроки революции в рассказе «Нищий Ахитовел». Христос первым увидел человека в нищем и больном старике, заронил в его душу надежды на «грядущее время всеобщего братства» (Рассказы. — Т. 1. — С. 46). Но могущественный первосвящен-

ник Каиафа казнит Христа, и зародившийся в сознании Ахитовела протест быстро улетучивается: в финале нищий покорно склоняется перед Каиафой, протягивая руку за подаяннем.

В 1910 г. М. расширяет тематический диапазон своей прозы. В двухтомном романе «Год» (1911) исследуются процессы социального расслоения деревни, вызванные столыпинскими реформами; ряд повестей и рассказов посвящены темам жизни интеллигенции, быта провинции («Осенью», «Прохожий», «Учительница» и др.). В годы империалистической войны М. был военным корреспондентом газеты «Биржевые ведомости» в Польше и Галиции. Военные очерки собраны в книге «С железом в руках, с крестом в сердце» (1915). Октябрьскую революцию М. встретил сочувственно. В статье 1908 г. А. В. Луначарский отнес М. к писателям «ярко реалистического направления» (Литературное наследство. — М., 1970. — Т. 82. — С. 204). Оценка критика-марксиста оказалась верной по отношению к творчеству М. в целом. Произведения М. стали частью художественной летописи дореволюционных судеб русского крестьянства.

Соч.: Собр. соч.: В 12 т. — 2-е изд. — Пб., 1911—1912; Рассказы. — Пб., 1920. — Т. 1; Возвращение. Последние рассказы / Предисл. П. Медведева. — М.; Л., 1926.

Лит.: Горнфельд А. Г. Книжки и люди: Литературные беседы. — СПб., 1908. — Т. 1. — С. 123—125, 166—174; Касторский С. В. В. Муйжель // История русской литературы. — М.; Л., 1954. — Т. 10; Пехтерев А. С. К теме народа в творчестве В. В. Муйжеля эпохи первой русской революции // Русская литература XX века. Дюктябрьский период. — Тула, 1974. — Сб. 6. А. В. Леденев

МЯТЛЕВ, Иван Петрович [28.I(8.II).1796, Петербург — 13(25).II.1844, Петербург] — поэт. Родился в старинной и богатой дворянской семье. Пяти лет был зачислен в Коллегию иностранных дел. В 1813 и 1814 гг. в звании корнета Белорусского гусарского полка воевал против Наполеона, совершал заграничные походы. Через год М. уволился из армии и поселился в своем петербургском доме — среди роскоши и произведений искусства. В 1821 г. он решил поступить на службу в канцелярию министра финансов по департаменту мануфактур и внутренней торговли. Дела не обременяли М., а чины получал он исправно и, спустя несколько лет, стал действительным статским советником и камергером. Примерно через 15 лет, в 1836 г. он оставил службу и предался всевозможным духовным удовольствиям. Сначала совершил заграничное путешествие (1836—1839) и посетил Германию, Швейцарию, Италию, Францию, затем поселился в Петербурге и открыл в своем доме-музее музыкальные вечера, куда приглашались все приезжие и отечественные знаменитости. Хлебосольный хозяин, остролов и богач, М. — желанный гость едва ли не во всех аристократических домах и салонах Петербурга. Круг его знакомств обширен: А. С. Пушкин, П. А. Вяземский, В. А. Жуковский, И. А. Крылов, впоследствии Е. А. Баратынский, М. Ю. Лер-

монтов и мн. др. В этой атмосфере непринужденного дружеского общения, салонных разговоров, коротких отношений зарождается шутовская поэзия М., формируется его импровизационный талант. Литературная игра, фарс, розыгрыши, неожиданные рифмы, бойкие остроты, выдумка и юмор — все это составило почву, на которой возникла своеобразная стиховая устная и письменная культура, далекая от профессионализма, но живая и непосредственная. При этом уморительно контрастным было само сочетание в М. крупного чиновника, а затем — после отставки — родовитого барина и поэта-юмориста.

Стихи М. начал сочинять рано и мастерски читал их. До нас дошло свидетельство А. Е. Измайлова о первом опубликованном в нескольких экземплярах произведении М. «Пустынный на празднике» (1826), написанном в честь именин отца. В 1834 и 1835 гг. вышли у М. два сборника, включивших по 14 стихотворений и сопровождавшихся надписью «Уговорили выпустить».

Первые сборники вобрали в себя обычные для М. лирические размышления, романсы, стихи «в альбом» и «на случай». Поэт не ограничивался каким-либо излюбленным жанром — у него встречаются и типичная элегия, и мешанский городской романс, и басня. Языковая основа этих произведений малых лирических жанров — элегический словарь, типичный для поэзии 20 гг., времени, когда складывался талант М. Однако привычные для элегии чувства поэт оживляет, придавая им новые оттенки и освобождая от традиционных нот уныния, меланхолии или сентиментальности. Даже в самых грустных стихах печаль у М. скрашена юмором, светлой шуткой. Преобразуя старые жанры, М. избегает книжности, литературности интонаций. Чувство, выражаемое им, искреннее, порой до наивности, и не претендует на интеллектуальную значительность и напряженность. Оно исключительно простодушно, причем без какой-либо задней мысли и без лукавства.

Переживание в поэзии М. выговорено обычным разговорным языком, и оттого элегические штампы утрачивают безжизненность, а типично элегические и романсовые мотивы передаются чуть ли не веселым танцевальным, плясовым или песенным ритмом, иногда тяготеющим к народной стиховой культуре. Нередко М. возвращает метафорам конкретный смысл, что вносит в стихотворение юмористический оттенок. Для М. характерно и пародийное использование разнообразных элегических, балладных, романсных и др. мотивов.

Эти основные способы и приемы преодоления традиционной для поэзии 20—30 гг. образности разнообразно варьируются М. в лучший для него творческий период (30 — нач. 40 гг.). За стихотворениями М. встал образ не только простодушного автора, но и веселого, принимающего жизнь и радующегося ей человека, полного

здоровья. И такой образ отличался целостностью и органичностью.

М., если взять его творчество в целом, — не сатирический, а комический, юмористический поэт. Однако его юмор не лишен и сатирических красок. М. хорошо знает подлинную цену аристократической среды и избранного светского круга. Иногда он поднимается до сатирических обобщений. В стихотворении «Разговор барина с Афонькой» (1844) М. нашел выразительный способ передать беседу барина с крепостным, изобразив обоих персонажами народного кукольного театра. В этой драматической сценке, заслужившей похвалу В. Г. Белинского, идет диалог между барином-несмышленишем и слугой, который прикинулся дурачком, простофилей, но который отчетливо понимает, что господин его глух и ничего не смыслит в сельской работе, что он разорился, но все еще напускает на себя важный вид и продолжает куражиться. В сатире «Сельское хозяйство» (1844) барыня и мужики вместе со «старостой-пузаном» никак не могут найти общий язык. Метафорический план М. переводит в буквальный — барыня говорит по-французски, а мужики изъясняются по-русски с густой примесью простонародных и диалектных речений, что сообщает стихотворению дополнительный комический эффект.

Введение французского языка в русскую речь, неподготовленный переход с одного языка на другой, их немотивированное смешение получают здесь, как и в других стихотворениях, художественно рассчитанные функции: дворянство — столичное и провинциальное — в своей массе оторвалось от народа, оно думает и говорит на чуждом народу языке. Насмешливая литературная игра, которой М. увеселял и забавлял салоны, неожиданно обнаружила серьезный, глубокий и, если вдуматься, трагический смысл, хотя сам М., конечно, этого трагизма не осознавал, оставаясь на уровне комикования, иногда перерастающего в сатиру.

Потешая светскую публику макароническими стихами, поэт исподволь приготавливал ее к восприятию самого главного своего произведения, вышедшего в 1840 г. и принесшего ему славу, — «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границую, дан л'этранже». В нем М. вывел комический, не лишенный сатиры и гротеска, образ тамбовской помещицы, путешествующей за границей и посетившей Германию, Швейцарию, Италию. Госпожа Курдюкова переполнена новыми для нее впечатлениями, но привлекают ее главным образом еда и наряды. Новости, которые она узнает, воспринимаются в свете невежественных представлений и взглядов провинциальной среды, из которой она вышла. Тем самым М. пародирует высокие литературные темы, романтические жанры (напр., балладу и лежачие в ее основе предания и легенды), стиль путешествий и других сочинений. Вполне серьезные экономи-

ческие, социальные, философские и литературные проблемы путешественница курьезно упрощает. Курдюкова нужна М. не только как объект сатиры, но и в качестве литературной маски. Критике подверглась не одна лишь мадам Курдюкова и стоящая за ней провинциальная русская действительность, но и европейский мир. Смесь над тамбовской помещицей, автор одновременно заставляет смеяться и над увиденным ею. В лице Курдюковой совместились и цельность, органичность созданной М. литературной маски, и полнейшая ее иллюзорность. При этом наглая самоуверенность Курдюковой, ее претензии на окончательность и непререкаемость суждений, ее развязность как нельзя лучше отразились в языке и стихе. Куплетные формы с их легкими ритмами создавали впечатление необыкновенной непринужденности и даже развязности, свойственными Курдюковой, а язык передавал необразованность и тупость барыни, не находящей ни русских, ни иностранных слов для выражения ее мыслей и вынужденной перемежать иноязычную и русскую лексику.

«Сенсации и замечания госпожи Курдюковой...» предваряли появление сатирических и комических литературных масок в русской поэзии — от Козьмы Прутковца до поэтов «Искры». Современники в целом сочувственно оценили поэму М. При жизни М. «Сенсации...» выходили трижды. Последний раз — в год смерти поэта, неожиданно скончавшегося в Петербурге среди масленичных развлечений.

Соч.: Собр. стихотв.— Спб., 1834. Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границею, дан л'этранже: В 3 т.— Спб. 1841—1844; Полн. собр. соч.: В 3 т.— М., 1894; Стихотворения / Вступ. ст. А. Амфитеатрова.— М., 1894; Стихотворения / Вступ. ст. В. Голицыной.— Л., 1937; Стихотворения. Сенсации и замечания госпожи Курдюковой / Вступ. ст. Н. А. Коварского.— Л., 1969. Лит.: Голицына В. Шутливая поэзия Мятлева и стиховой фельетон // Русская поэзия XIX в.— Л., 1929. В. И. Корвин

Н

НАДЕЖДИН, Николай Иванович, псевдонимы — *экс-студент Никодим Недоумко, Н. Н., Н., П. Ш.* и др., всего около двадцати [5(17)X.1804, с. Нижний Белоумут Рязанский губ.— 11(23).I. 1856, Петербург] — литературный и театральный критик, журналист, эстетик, историк, этнограф, философ. Происходил из семьи священника, учился в Рязанской духовной семинарии (1815—1820), Московской духовной академии (1820—1824), преподавал в своей семинарии (1824—1826). С 1826 г. жил в Москве, выполняя обязанности воспитателя будущего славянофила Ю. Ф. Самарина. В 1828 г. начал свою литературную деятельность (первые статьи в «Вестнике Европы»). Защитив в 1830 г. диссертацию «О происхождении, природе и судьбах поэзии, называемой ро-

мантической» (написана и впервые напечатана на латинском), состоял в 1831—1836 гг. профессором Московского университета по кафедре теории изящных искусств и археологии (под которой понималась история искусства). В 1831—1836 гг. издавал журнал «Телескоп» (с приложением «Молва»), который был запрещен за опубликование в октябрьской книжке (№ 15) 1836 г. «Философического письма» П. Я. Чаадаева. Был сослан в Усть-Сысольск и Вологду. В 1838—1842 гг. жил и работал в Одессе, затем в Петербурге, занимаясь проблемами истории (в особенности религии и церкви), лингвистики, этнографии. Редактировал «Журнал министерства народного просвещения» (1843—1856). Н. вошел в историю передовой русской мысли благодаря своей деятельности и работам до 1836 г. (хотя в эти годы в политическом отношении для него были характерны колебания между демократизмом и монархизмом, официальной идеологией), после чего окончательно перешел на позиции официальной идеологии. Его научная деятельность и после 1836 г. была плодотворна, но т. к. она выходит за пределы эстетики и литературной критики, то в этой статье не рассматривается.

Идеи Н. в философии, эстетике и художественной критике до 1836 г. тесно связаны и образуют систему. Ее основой явилась своеобразная разработка философии Ф. В. И. Шеллинга с двух противостоящих друг другу позиций — религиозности (свою систему взглядов сам он называл «теософизмом» или «религиозно-философским взглядом») и культурологической концепции, что привело (особенно в области эстетики) к существенной независимости от шеллингианства.

Согласно культурологической концепции Н., исходящей из идеи двойственности — материальности и духовности — человека, «культура» (термин, который сам Н. употреблял — см., напр.: Телескоп. — 1836. — № 9. — С. 114) движется от первобытной нерасчетливости к односторонней материальности античности и далее — к односторонней духовности средневековья. В античности дух человеческий устремляется во вне, движется центробежно, в средневековье — во внутрь, центростремительно. Это движение происходит по диалектическим законам. Начиная с XVI в. осуществляется постепенный синтез этих двух начал, XIX в. есть век этого синтеза.

В области философии Н. выступил как представитель одной из школ русского Просвещения — русского диалектического идеализма (Д. М. Велланский, М. Г. Павлов, А. И. Галич, московские «любомудры» — В. Ф. Одоевский, Д. В. Веневитинов и др., молодые Н. В. Станкевич, В. Г. Белинский и др.), главным теоретическим источником которого была философия раннего Шеллинга. Н. работал в нескольких областях философии. В натурфилософии он пропагандировал идеи диалектического раз-

вития, единства всего сущего. На основе концепции «динамизма» (проводимой в физике проф. Московского университета М. Г. Павловым, натурфилософией которого Н. всячески поддерживал и пропагандировал) он пытался преодолеть метафизическую ограниченность тогдашнего атомизма и объяснить происхождение и специфику живого вещества. Здесь намечался его отход от шеллингианского идеализма, когда он утверждал, что «дух наш есть не что иное, как самосознание природы; его мысль должна быть полным, всеобъемлющим зеркалом бытия» (Телескоп. — 1833. — № 9. — С. 107). В методологии Н. отстаивал единство опыта и умозрения (Там же. — 1836. — № 12. — С. 557—559), критикуя вульгарное умозрительство многих русских шеллингианцев 20—30 гг. и эмпиризм, в котором он упрекал проф. Московского университета, историка литературы и эстетика С. П. Шевырева (см.: Литературная критика... — С. 452, 456) и др. (см.: Телескоп. — 1836. — № 9. — С. 119—121, 124—125, 134). Н. обосновывал новый для России тех времен методологический принцип единства исторического и логического (Там же. — № 8. — С. 615—618, 628—629), принцип единства анализа и синтеза (Там же. — № 11. — С. 429). Здесь также намечалась линия критики шеллингианства и отхода от него. Весьма значительна была роль Н. в развитии на русской почве науки логики. Ему принадлежит несомненный приоритет в ассимиляции на русской почве идей диалектической логики Г. В. Ф. Гегеля. Н. преодолел понимание логики как чисто формальной науки, находящейся за пределами философии (как думали вслед за Шеллингом предшественники Н. по школе). Он осознавал ее как важнейшую часть философии, обеспечивающую постижение противоречивости мира и сознания (что, по Шеллингу, невозможно для логики и осуществляется лишь посредством мистического «интеллектуального созерцания»). Н. вслед за Гегелем включал в предмет логики категории, и, применяя к логике идею тождества бытия и мышления, истолковывал эти категории и логические законы как воспроизведенные в сознании законов и связей бытия. Проблематика философии истории непосредственно включена в культурологическую концепцию Н. Он трактовал философию истории как науку об общих законах развития человечества, о специфических для истории формах всеобщих законов бытия. Такими специфическими законами являются единство человеческого рода, его развиваемость и совершенствование, законосообразность исторического развития, единство необходимости и свободы. Хотя в основе этих закономерностей и лежит некое идеальное начало — бог (что порождало во взглядах Н. провиденциалистскую тенденцию), в конкретное объяснение истории человечества, в осознание ее этапов он вводил социальные, географические, политические и прочие реальные факторы истори-

ческого развития. В этом контексте Н. рассматривал и проблему нации, национальной специфики исторического, в частности культурного развития, применяя эти идеи и к России, высказывая еще до публикации «Философического письма» — как об этом писал еще Чернышевский — чаадаевские мысли.

Значительное место принадлежит Н. в развитии русской эстетической мысли. Рассматривая эстетику как часть философии, он синтезировал эстетику просветительского классицизма и шеллингянского романтизма. В результате он построил систему реалистической эстетики, явившуюся одним из отечественных теоретических источников эстетики русского критического реализма. Свою эстетику Н. считал наукой, основанной на философии, и разрабатывал ее не только как концепцию закономерностей возникновения и развития искусства, но и как теорию искусства будущего. Он делал это в русле своей культурологической концепции, по которой главными чертами культуры XIX в. являются синтетичность, сближение с действительностью, жизнью и практическая устремленность. Под «синтетичностью» (или «всеобщностью») понимается снятие односторонности классической и романтической форм искусства, т. е. односторонних стремлений выразить в искусстве соответственно лишь материальное или духовное начало, и создание искусства, которое будет представлять человека в единстве и полноте. Для достижения такого идеала в «художественной деятельности» необходимо удовлетворить «потребность естественности и потребность народности» (цит. по кн.: Русские эстетические трактаты первой трети XIX века. — М., 1974. — Т. 2. — С. 453, 454). Под естественностью Н. понимал правдивость обобщенного изображения жизни в искусстве, истинность художественного изображения. Искусство должно быть «полным, светлым отражением народов, среди коих процветает» (Там же. — С. 459; ср.: Литературная критика. — М., 1972. — С. 441—443), должно развиваться в национальной форме, «в связи с его (народа. — З. К.) политической, ученою и религиозною историей», в зависимости от форм общества (Отчет императорского Московского университета... — М., 1835. — С. 16). При этом, поскольку искусство подчинено законам «единства» и «бесконечного развития», оно лишено какой-либо национальной ограниченности и является единством национального («народного») и общечеловеческого («чужаждства»): «в своем беспреданном расширении творческий гений народа встречается с другими, более или менее соприкосновенными народами, и по закону естественного сочувствия, по законам взаимного притяжения, коими держится целость и единство вселенной, берет больше или меньше участия в их жизни, обогащается их успехами, питается их приобретениями» (Литературная критика... —

С. 402). Сближаясь с жизнью, искусство проникает «в сокровеннейшие изгибы бытия, в мельчайшие подробности жизни» (Русские эстетические трактаты... — С. 454). «Творческая деятельность... не что иное, как воспроизводительница бытия, соревновательница духа жизни, струящегося в недрах природы» (Там же. — С. 453). Наконец, практическая устремленность означает, что жизнь художников «не ограничивается ныне единственным отшельничеством в мире идеалов; они исходят и на позорище вещественного. Поэзия (здесь этот термин синонимичен понятию искусства вообще. — З. К.) не мешает им действовать на чреде общественного служения и жить для блага и чести народов» (Телескоп. — 1831. — № 1. — С. 39).

В системе эстетических идей Н. существенное значение имела также идея историзма: искусство развивается и притом по диалектическим законам, следовательно, поступательно; существует прогресс искусства, поскольку принципы идеального искусства лишь постепенно проникают в сознание художника и осуществляются в продуктах их творчества (см.: Там же. — С. 35—38; Русские эстетические трактаты... — С. 454) — мысль, которая и до сих пор является в эстетике дискуссионной.

Как театральный и литературный критик Н. выступил с резкой критикой современной ему русской литературы, распространив ее и на А. С. Пушкина (впоследствии Н. отказался от былой критики Пушкина и отзывался о нем в целом очень высоко; со своей стороны Пушкин отказался от контркритики Н. и участвовал в его «Телескопе»). Сам Н. объяснял свою позицию желанием вывести русскую литературу из того ничтожного состояния, в каком она, по его мнению, находилась. Исследователи полагают, что наряду с этим сыграло свою роль и то обстоятельство, что Н. был слишком прямолинеен в применении к явлениям искусства принципов своей философско-эстетической системы, согласно которым искусство должно выражать дух народа, иметь глубокое содержание, стремиться к достижению высоких нравственных и гражданских целей. И здесь Н. отчасти предвосхищал позицию, которую по отношению к литературе, и в частности к Пушкину, заняли Д. И. Писарев и др. «реалисты». Резкость критики Н. русской литературы объясняется также и тем, что, ратуя за синтез классицизма и романтизма он в значительной мере удерживал и применял к оценке художественных явлений, особенно романтических, критерии классицистической эстетики — требования правдоподобия, естественности, следования художественной необходимости и т. п. Согласно эстетической системе Н. адекватной формой новой литературы является роман. К середине 30 г. критика Н. становится углубленной, в ее центр выдвигается проблема народности, решение которой он противопоставлял

вульгарному ее пониманию как простонародности. Н. высоко ценит творчество Н. В. Гоголя, в котором он видит осуществление критериев современного искусства. При всех противоречиях критической деятельности Н. нельзя не согласиться с Н. Г. Чернышевским, который (в некоторой мере игнорируя отечественных предшественников Н. по критике и эстетике) писал, что он «первый объяснил нашей критике, что такое поэзия, что такое художественное произведение. От него узнали у нас, что поэзия есть воплощенные идеи, что идея есть зерно, из которого вырастает художественное произведение...; что красота формы состоит в соответствии ее с идеєю. Он первый начал строго рассматривать, понята ли и прочувствованна ли идея, выраженная в произведении, есть ли в нем художественное единство, выдержаны ли и верны ли человеческой природе, условиям времени и народности характеры действующих лиц, истекают ли подробности произведения из его цели, естественно ли, по закону ли поэтической необходимости развивается весь ход событий, воплощающих идею автора из данных характеров и положений». В силу этого Чернышевский утверждал, что Н. «первый дал русской критике все эстетические основания, на которых должна она развиваться, и показал примеры, как прилагать эти принципы к суждению о поэтическом произведении», когда сказал, что его критикой было положено основание критике гоголевского периода русской литературы (Полн. собр. соч.— Т. 3.— С. 163, 177). Пропагандируя эти идеи и принципы, Н. явился учителем и предшественником Белинского.

Соч.: Надеждин Н. И. Литературная критика. Эстетика / Вступ. ст. и коммент. Ю. Манна.— М., 1972; О современном направлении изящных искусств; Лекции по археологии; Лекции по теории изящных искусств // Русские эстетические трактаты первой трети XIX века / Вступ. ст. З. Каменского; Коммент. З. А. Каменского и Ю. В. Манна.— М., 1974.— Т. II.

Лит.: Козмин Н. К. Н. И. Надеждин. Жизнь и научно-литературная деятельность. 1804—1836.— Спб., 1912; Нечаев А. В. С. В. Г. Белинский. Учение в университете и работа в «Телескопе» и «Молве». 1829—1836.— М., 1954; Жегалкина Е. П. Надеждин — критик Пушкина // Уч. зап. МПИ им. Н. К. Крупской.— М., 1958.— Т. 166.— Вып. 4; Березина В. Г. Русская журналистика второй четверти XIX века.— Л., 1965; Андроников И. О диссертации С. М. Осовеца «Надеждин — театральный критик» // Театр.— 1967.— № 5; Каменский З. А. Н. И. Надеждин.— М., 1984.

НАДСОН, Семен Яковлевич [14(26).XII.1862, Петербург—19(31).I.1887, Ялта; похоронен в Петербурге] — поэт, критик. Родился в семье чиновника. Отец умер в приюте для душевнобольных, когда Н. не исполнилось и двух лет. Мать вынуждена была своими трудами содержать сына и младшую дочь, занимаая место экономки и домашней учительницы в семействе некоего Фурсова в Киеве. Рассорившись с хозяевами, она переехала в Петербург к своему брату Д. С. Мамонтову (Мамантову). Здесь Н. поступил в приготовительный класс гимназии.

Вскоре его мать вторично вышла замуж за Н. Г. Фомина и возвратилась в Киев. Новый брак тоже не принес семейного счастья. Отчим Н., страдавший тяжелым психическим заболеванием, в припадке умопомешательства кончил с собой, и семья вновь оказалась без средств к существованию. Недаром в автобиографии Н. с горечью сообщал: «История моего детства — история грустная и темная» (Полн. собр. соч.— Т. II.— С. 3). Вторично осиротевшей семье на этот раз помог другой брат матери — И. С. Мамонтов. В 1872 г. он вызвал сестру с детьми в Петербург и определил Н. пансионером во 2-ю Военную гимназию. Весной 1873 г. умерла от чахотки мать Н., оставив на попечение братьев сына и дочь, которые выросли в разных семьях. Опекуном Н. стал И. С. Мамонтов. Впечатлительный, легко ранимый, болезненный Н. тяжело переживал смерть матери и не всегда находил общий язык с суровой, «рассудительно-холодной» семьей дяди, с трудом уживался с товарищами по гимназии. «Я рос одиноко... я рос позабытым / Пугливым ребенком — угрюмым, больной, / С умом, не под-детски печально развитым, / И с чуткой, болезненно-чуткой душой...» — вспоминал об этом времени Н. в стихотворении «Мать» (1886). Окончив в 1879 г. курс гимназии, он поступил в Павловское военное училище, но из-за начавшейся болезни легких вынужден был уехать на Кавказ и прожил год в Тифлисе. После окончания училища в 1882 г. был выпущен подпоручиком в Каспийский полк, стоявший в Кронштадте. В 1884 г. Н., мечтавший посвятить себя литературной деятельности, вышел в отставку. Несколько месяцев он был секретарем редакции газеты «Неделя», однако вскоре обострившийся туберкулез заставил его навсегда оставить службу. Последние годы жизни, целиком подчиненные течению болезни, Н. провел на юге России и заграничных курортах при материальной поддержке друзей и Литературного фонда.

Еще в детстве Н. начал сочинять стихи, был инициатором в подготовке рукописных гимназических журналов. Ему не исполнилось и 16 лет, когда в 1878 г. в журнале «Свет» было опубликовано первое его стихотворение — «На заре». Затем Н. выступил как поэт на страницах «Слова», «Мысли», «Русской речи», «Устоев», «Дела», «Русской мысли» и др. периодических изданий. Искренность и задушевность ранних произведений Н. привлекли внимание А. Н. Плещеева, которого он по праву считал «своим литературным крестным отцом» (Полн. собр. соч.— Т. II.— С. 6). При содействии Плещеева Н. с 1882 г. начал сотрудничать в «Отечественных записках» и обратил на себя внимание любителей поэзии.

В 1883—1884 гг. в «Отечественных записках» Н. напечатал также рецензии на поэтические сборники И. В. Федорова-Омулевского, К. К. Слу-

чевского, А. А. Голенищева-Кутузова. В январе 1884 г. в «Еженедельном обозрении» появилась его статья «Поэты и критика». С мая по сентябрь 1886 г. Н. выступал в киевской газете «Заря» с критическими фельетонами по поводу текущей литературы и журналистики, в которых неизменно отстаивал произведения с ярко выраженной социальной направленностью, обличал бездейную и реакционную беллетристику и публицистику. Литературно-критические работы Н. вместе с оставшимися в рукописи «Заметками по теории поэзии» составили книгу «Литературные очерки. 1883—1886», вышедшую в 1887 г. уже после его смерти, дающую довольно полное представление об общественно-литературных взглядах писателя.

В 1885 г. вышел в свет первый и единственный прижизненный сборник стихотворений Н., принесший ему шумную славу. В следующем году на основании отзыва видного русского филолога Я. К. Грота книга удостоилась Пушкинской премии Академии наук, была замечена критикой. Большинство рецензентов обратило внимание на то, что Н. не всегда владеет формой стиха, но искупает этот недостаток страстной и глубокой искренностью. «В небольшом сборнике его стихотворений, затронувших много жгучих мыслей, волнующих современников,— писал А. И. Введенский,— отразились рельефно многие чаяния времени» (Дело.— 1886.— № 5.— Отд. II.— С. 7).

Стремление отозваться на духовные нужды своей эпохи, учесть читательский спрос и вкус обусловило широкую популярность поэзии Н. среди молодежи. Свои взаимоотношения с читателем поэт строил на полном доверии. Жизнь Н. была известна из его же исповедальных и преимущественно автобиографических стихов: нелегкое сиротское детство, тяжкий недуг, мучивший его с юношеских лет, светлая недолгая любовь к рано умершей Н. М. Дешевой, оставившей заметный след в его поэзии. Реально-исторический читатель для Н. был тесно связан с воображаемым читателем-другом. Уже в первых стихотворениях Н. обращается к тому, «в чьем сердце живы желанья лучших, светлых дней» («Во мгле», 1878). Лирический адресат поэзии Н.— не просто необходимый «участник» произведения, он друг и брат, сверстник, принципиальный союзник, связанный с лирическим героем общностью мировоззрения. Не случайны частые обращения к читателю: «о, милый брат», «дорогие друзья», «братья», «милый друг» и т. п. В конце жизни поэт пишет строки (стихотворение осталось незавершенным), в которых очень четко выразил свое отношение к читателю: «Он мне не брат — он больше брата: / Всю силу, всю любовь мою. / Все, чем душа моя богата. / Ему я пылко отдаю» («Он мне не брат — он больше брата...», 1886). Критик К. К. Арсеньев, пронзительно указывая на близость между

поэтом и публикой, подчеркивал, что в поэзии Н. «чувствуется «тоска желаний», многим знакомых, слышится крик душевной пытки, многими пережитой <...>. В одних он пробуждал полузабытые чувства, другие узнавали в нем самих себя, третьих он ставил лицом к лицу с вопросами, существование которых они до тех пор только смутно подозревали» (Арсеньев в К. К. Критические этюды по русской литературе.— Спб., 1888.— Т. II.— С. 102).

Современники поэта, позднейшие исследователи его творчества отмечали, что лирика Н. испытала заметное влияние М. Ю. Лермонтова и Н. А. Некрасова. Н. развивал многие темы и мотивы Лермонтова, воспринял ораторский пафос, афористичность, интонационно-ритмический рисунок его стиха. Но если Лермонтов обвинял ровесников в бездействии и безверии, то Н. оправдывал разочарованность и унылое бессилие современников. По словам В. В. Чуйко, «он просто «воспевал» себя и свое поколение» (Наблюдатель.— 1888.— № 11.— С. 175). Это отчетливо проявилось в стихотворениях «Не вини меня, друг мой,— я сын наших дней...» (1883), «С тех пор, как я прозрел, разбуженный грозою...» (1883), «Наше поколение юности не знает...» (1884), «В ответ» (1886). Некрасовские традиции, ошутимые уже в ранней лирике Н., особенно чувствуются в стихотворениях «Похороны» (1879), «Старая сказка» (1881), «Святитель» (1882), «Как каторжник влечит оковы за собой...» (1884) и др. В них нет некрасовской силы и страсти, но они полны искренней любви к народу, горячей веры в светлые идеалы.

Первостепенной в творчестве Н. является тема назначения поэта и поэзии. В стихотворениях «Не презирай толпы: пускай она порою...» (1881), «В толпе» (1881), «Певец» (1881), «Милый друг, я знаю, я глубоко знаю...» (1882), «Из дневника» (1882), «Грезы» (1883), «Певец, восстань!.. мы ждем тебя, восстань...» (1884), «Я рос тебе чужим, отверженный народ...» (1885) и ряде других выражена идея гражданского долга поэта перед отечеством и народом. Нередки в произведениях Н. мотивы борьбы и протеста против существующего строя: «Ни звука в урюмой тиши каземата...» (1882), «По смутным признакам, доступным для немногих...» (1885), «Не хотел он идти, затерявшись в толпе...» (1885), «На могиле А. И. Герцена» (1886) и др. Но одно из ключевых слов в поэтическом лексиконе Н.— «борьба» — находится в одном ряду с «сомнением», «тоской», «мглой», оно неизменно и красноречиво сопровождается определениями: «тяжкая», «напрасная», «трудная», «роковая», «жестокая», «неравная», «безумная», «непосильная», «долгая», «суровая». «Моя заря омрачена борьбой», «в минуты унынья, борьбы и ненастья», «гнетущий круг борьбы, сомнений и тревог». Борьба для Н. тесно связана со страданием. «Мой стих я посвятил страданию и

борьбе», — писал поэт («С тех пор как я прозрел, разбуженный грозю...»). Отсюда — мятежное, святое, чистое, прекрасное страдание; это и «страдальческий образ отчизны далекой», и мотив сострадания к ближнему.

В поэзии Н. отразились увлечения некоторыми историческими событиями и деятелями, героями христианской мифологии. Наряду с гражданской видное место в его творчестве занимает любовная и пейзажная лирика, напевность и мелодичность которой привлекли внимание многих композиторов. Свыше 100 стихотворений Н. положено на музыку. И хотя шедевров вокальной лирики от слова Н. не создано, примечательно, что к его произведениям обращались такие выдающиеся композиторы, как Ц. А. Кюи, А. Г. Рубинштейн, С. В. Рахманинов, Э. Ф. Направник.

Преждевременная смерть Н. была воспринята современниками как серьезная потеря для русской поэзии. Хотя дарование поэта не успело раскрыться в полной мере, с именем Н. связывались определенные надежды на ее будущее. После смерти Н. его творчество получило еще большую известность. Он оказал сильное влияние на становление и развитие многих поэтов эпохи «безвременья». Появляются последователи Н. и его многочисленные эпигоны. Самыми заметными представителями надсоновской школы были С. Г. Фруг, С. А. Сафонов и Ф. А. Червинский. Под влиянием Н. начинался творческий путь Д. С. Мережковского и В. Я. Брюсова, но впоследствии именно поэты-символисты в наибольшей степени способствовали дискредитации Н. как лирика. «Невыработанный и пестрый язык, шаблонные эпитеты, скудный выбор образов, вялость и растянутость речи — вот характерные черты надсоновской поэзии, делающие ее безнадёжно отжившей», — заявлял в 1908 г. Брюсов (Брюсов В. Я. Собр. соч.: В 7 т. — М., 1975. — Т. 6. — С. 235). Тем не менее книга стихотворений Н. до революции выдержала 29 изданий. О Н. появляется обильная критическая литература (Н. К. Михайловский, А. М. Скабичевский, Л. Е. Оболенский, М. А. Протопопов и др.), публикуются различные мемуарные свидетельства. Многие поэты посвящают его памяти стихотворения (Я. П. Полонский, Л. И. Пальмин, К. М. Фофанов). А с публикацией посмертных произведений Н. слава его достигает своего апогея. Молодежь заучивала его стихотворения наизусть. Произведения Н. постоянно включались в альбомы и рукописные журналы учащихся, долгие годы их часто декламировали со сцены, почетное место отводилось им в различных хрестоматиях и сборниках.

Талант Н. ценил М. Е. Салтыков-Щедрин. А. П. Чехов называл его «лучшим современным поэтом», т. е. лучшим поэтом 80 гг. Поэзией Н. интересовался В. И. Ленин. Живя в эмиграции в Кракове, он, по словам Н. К. Крупской, «чуть

не наизусть выучил Надсона и Некрасова» (В. И. Ленин о литературе и искусстве. — 7-е изд. — М., 1986. — С. 186).

В историю русской литературы Н. вошел как выразитель дум и настроений 80 гг. — эпохи «безвременья» и упадка, когда в революционном и общественном движении выявились кризис народничества, прежних демократических идей.

Соч.: Полн. собр. соч.: В 2 т. / Под ред. М. В. Ватсон. — Пб., 1917; Полн. собр. стихотворений / Вступ. ст. Г. А. Бялого. — М.; Л., 1962; Стихотворения / Сост., вступ. ст. и примеч. Е. В. Ивановой. — М., 1987.

Лит.: Введенский А. Поэт переходного времени // Дело. — 1886. — № 5. — Отд. II. — С. 1—21; С. Я. Надсон. Сб. журнальных и газетных статей, посвященных памяти поэта. — Спб., 1887; Чуйко В. В. Надсон и Гаршин // Наблюдатель. — 1888. — № 11. — С. 164—187; Тиханчева Е. П. Брюсов о Надсоне // Брюсовские чтения 1973 года. — Ереван, 1976. — С. 201—216; Лесневский С. Гул забвения и славы // Поэзия. Альманах. — М., 1978. — Вып. 22. — С. 105—113; Бялый Г. Поэзия чеховской поры // Бялый Г. Чехов и русский реализм: Очерки. — Л., 1981. — С. 174—254; Максимова И. [С. Я. Надсон] // Памятные книжные даты. 1982. — М., 1982. — С. 116—119.

И. А. Кишин

НАЙДЁНОВ, Сергей Александрович (настоящая фамилия *Алексеев*) [14 (26).IX.1868, Казань — 5.XII.1922, Ялта] — драматург. Родился в купеческой семье. В 1889 г. окончил Музыкально-драматическое училище при Московском филармоническом обществе. В 1889—1893 гг. играл на провинциальной сцене, в 1893—1900 гг. был толстовцем, страховым агентом, артельщиком.

Его первая пьеса «Дети Ванюшина» была построена на автобиографическом материале. Продолжая традиции А. Н. Островского, Н. показал в пьесе хищническую, жестокую и нечеловечную среду купечества, раскол в «темном царстве», вызванный новым этапом развития капитализма. На типичность образов, созданных Н., указывал В. В. Воронский. В «Детях Ванюшина» отчетливо проявилась присущая Н. тенденция воплощать социальные проблемы в форме интимной психологической драмы. Пьеса получила премию на конкурсе петербургского театра Литературно-художественного общества, постановка в Московском театре Корша (преьера 14 (26) дек. 1901 г.) стала значительным событием в истории предоктябрьского театра (режиссер Н. Н. Синельников; А. А. Остужев — Алеша, М. М. Блюменталь-Тамарина — Ванюшина, Н. В. Светлов — Ванюшин). Пьеса ставилась почти во всех городах страны и удержалась в репертуаре до наших дней.

В 1902 г. Н. вошел в организованный Н. Д. Телешовым кружок прогрессивных писателей «Московская литературная среда», тогда же он сблизился с А. П. Чеховым, И. А. Буниним и особенно М. Горьким. Его книги выходят в издательстве «Знание».

В 1903 г. одновременно появились три пьесы Н.: в «Номере тринадцатом» и «Блудном сыне» ощущается влияние чеховской драматургии, ав-

тор рисует разобщенность людей в капиталистическом обществе, страдания и беды «маленького человека». Нравственная ущербность дельца-миллионера — тема драмы «Богатый человек». М. Горький высоко ценит следующую пьесу Н. Авдотьина «Жизнь» (1904), проникнутую ненавистью к мешанству. Рядом с главной героиней, «купчишкиной дочерью» Авдотьей, в пьесе выведен положительный образ революционера. В центре романтической драмы «Стены» (1907) — образ юной революционерки, однако он схематичен, уступает в яркости второстепенным персонажам.

В 1909 г. Н. заболел туберкулезом и поселился в Крыму. Его творчество идет на убыль. Без успеха прошли мешанская комедия «Хорошенькая» (1907), психологическая драма «Роман тети Ани» (1912). Более значительны его пьесы периода первой мировой войны: «Работница» (1915), создавшая крупный характер женщины-врача, «Жертвы нашего времени (Безымянные)» (1917; в новой редакции — «Полотняное небо», 1919), рисовавшая жизнь артистической богемы.

Н. приветствовал Октябрьскую революцию. В 1921 г. он создал хронику «Москва. Сцены из московской жизни 1905 года» — первую советскую пьесу о революции 1905 г. В ней изображены массовые революционные собрания, показано отношение различных социальных слоев к манифесту 17 октября, сделана попытка создать образ большевистского руководителя. В последнем сочинении Н., историко-революционной драме «Неугасимый свет» (1922), Октябрьская революция рассматривается в духе идей богостроительства, как воплощение религиозных идеалов. Драматургии Н. присущи динамичность в развитии конфликта, тонкость и лаконизм психологических характеристик, живость диалога. Н. пытался соединить принципы «театра Островского» и «театра Чехова», писал о себе, что занимался «сочинительством героев жизни».

Соч.: Пьесы: В 2 т. — Спб., 1904—1911; Дети Ванюшина. — М., 1955; Роман тети Ани. — Спб., 1912; Работница. — Пг., 1915; Москва. Сцены из московской жизни 1905 года. Сцена первая // Красная нива. — 1923. — № 49; Чехов в моих воспоминаниях // Театральная жизнь. — 1959. — № 19.
Лит.: Воровский В. В. Раскол в «темном царстве» // Воровский В. В. Литературно-критические статьи. — М., 1956; Горький М. Письма С. А. Найденову // Архив А. М. Горького. — М., 1959. — Т. 7; «Дети Ванюшина» на сцене. Статьи о драме С. А. Найденова и ее сценической истории. — М., 1940; Майский Ф. О чем рассказали архивы // Крым. — 1958. — № 18; Чернышев А. А. Путь драматурга. С. А. Найденов. — М., 1977. А. А. Чернышев

НАРБУТ, Владимир Иванович [2(14).IV.1888, хут. Нарбутовка Глуховского у. Черниговской губ. — III.1938] — поэт. Родился в дворянской семье, отец был мелким чиновником. Окончил с золотой медалью гимназию г. Глухова. В 1906 г. поступил в Петербургский университет, где учился последовательно на математическом

факультете, факультете восточных языков и на историко-филологическом. Занятия прекратил в 1912 г. Вместе с братом, известным впоследствии художником Г. И. Нарбутом, жил в это время на квартире художника И. Я. Билибина, чье влияние заметно как в графике старшего брата, так и в раннем литературном творчестве младшего. Первая публикация — историко-бытовой очерк «Соловецкий монастырь» (1908), в 1909 г. опубликована первая подборка стихов Н. в «Студенческом сборнике» (Вышний Волочек, 1909). В 1910 г. выходит первый сборник стихов Н., сочувственно встреченный критикой. Весьма точно написал о нем В. Я. Брюсов: «У него есть умение и желание смотреть на мир своими глазами, а не через чужую призму. Ряд метких наблюдений над жизнью русской природы рассыпан в его книге...» (Собр. соч.: В 7 т. — Т. 6. — С. 363). В то же время и Брюсов, и Н. Гумилев, и другие отмечали ограниченность тематики творчества Н., прежде всего описывавшего жизнь природы.

В 1911 г. Н. принимает активное участие в издании журнала студентов Петербургского университета «*Gaudeamus*», много печатается сам и является секретарем редакции. В связи с делами журнала знакомится с А. А. Блоком, который выступает в роли своеобразного «советника» журнала (см.: Календарь искусств. — 1923. — № 1, а также: Лит. наследство. — Т. 92. — Кн. 4. — С. 546—549). С осени 1911 г. участвует в деятельности «Цеха поэтов» и в апреле 1912 г. под его маркой издает книгу стихов «Аллилуйя», немедленно арестованную за скандальность сюжетов некоторых стихотворений, а также и за то, что они были набраны старославянским шрифтом. Из всего тиража в 100 экземпляров сохранилось около двадцати (2-е изд. вышло в 1922 г. в Одессе). За выпуск «Аллилуйя» автор был осужден на год тюремного заключения, от которого спасся, уехав осенью 1912 г. в Абиссинию, откуда вернулся только после объявления амнистии в начале 1913 г.

Общая отрицательная реакция критики на выход «Аллилуйя» смягчалась благожелательными отзывами соратников по «Цеху поэтов» Н. Гумилева и С. Городецкого, которые увидели в ней стремление уйти от восторженного воспевания красоты в поэзии символистов к описанию «всего подлинно отверженного, слизи, грязи и кофоти мира» (Н. Гумилев). Но за этим стояло, по их мнению, движение к тому, чтобы стать поэтом, «осмысленно и непреклонно возлюбившим землю» (С. Городецкий).

Для современного читателя в книге отчетливо выделяется умение автора соединить изображение картин деревенского быта с соответствующим этим описанием языком, наполненным диалектизмами (особенно украинизмами), тяжелым и неповоротливым движением стиха. В этом Н. отчасти совпадал с некоторыми устремлениями футуристической поэзии, хотя решительно при-

мкнул к акмеизму и был провозглашен в статье С. Городецкого «Новые течения в современной русской поэзии» одним из шести поэтов-акмеистов. Внутри акмеизма его стихи ценились высоко. Так, Н. Гумилев писал в начале 1913 г. А. Ахматовой: «...Я совершенно убежден, что из всей после символической поэзии ты да, пожалуй (по-своему), Нарбут окажетесь самыми значительными» (Новый мир.— 1986.— № 9).

После возвращения из Абиссинии Н. становится редактором «Нового журнала для всех», но не выдерживает финансовых трудностей и быстро покидает журнал, уступив его консервативному журналисту А. Гарязину. Стремительное изменение ориентации журнала от либерально-народнической к откровенно реакционной вызвало скандал в печати. Вскоре после этого Н. покинул Петербург и вернулся на родину.

Стихи Н., регулярно печатавшиеся в 1911—1913 гг. в петербургских изданиях, а с 1914 г.— в провинциальной печати, не представляют особого интереса, как и маленький сборник стихов «Любовь и любовь» (1913).

После Февральской революции Н. примыкает к левым эсерам, а в сентябре 1917 г. объявляет себя первым в уезде большевиком и вскоре избирается в Глуховский Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. В годы гражданской войны ведет большую организационную работу в Воронеже, Киеве, Ростове, Полтаве, Одессе, Харькове, занимает ответственные посты в советской печати. С 1922 по 1928 г.— на партийной и издательской работе в Москве. В эти годы Н. отказывается от поэтической деятельности и возвращается к ней лишь в начале 30 гг. В 1936 г. был незаконно репрессирован, реабилитирован посмертно. Под именем «колченогий» описан в романе В. П. Катаева «Алмазный мой венец».

Соч.: В огненных столбах.— Одесса, 1920; Плоть.— Одесса, 1920; Советская земля.— Харьков, 1921; Александра Павловна.— Харьков, 1922; Собр. стихов. / Вступ. ст. Л. Н. Чертова.— Париж, 1983.

Лит.: Гумилев Н. Письма о русской поэзии.— Пг., 1923
Н. А. Богомолов

НАРЭЖНЫЙ, Василий Трофимович [1780, Устивцы (Украина) — 21.VI(3.VII).1825, Петербург] — прозаик. Детство провел в местечке Устивцы Миргородского у. Полтавской губ. в доме отца, дворянина, корнета в отставке, владеющего небольшим имением без крепостных. В 1792 г. поступил в гимназию при Московском университете. В 1799 г. зачислен студентом на философский факультет. В 1801 г., не окончив курса обучения, определился на службу в канцелярию гражданского правителя Грузии. В 1802—1803 гг. Н. — секретарь Лорийской управы земской полиции в Тифлисе. В 1803 г. переехал в Петербург и поступил на должность писца в экспедицию государственного хозяйства министерства внутренних дел. В 1807 г. занял место помощника

экспедитора по Колывано-Воскресенским и Нерчинским заводам в Горной экспедиции. В 1813 г. вышел в отставку. В 1815 г. вновь поступил на службу в инспекторский департамент военного министерства; в 1821 г. уволен с должности столначальника «за болезнью». Всю жизнь Н. испытывал материальные затруднения, тяготы положения мелкого чиновника.

Первые литературные опыты Н. относятся к годам его ученичества и студенчества («Приятное и полезное препровождение времени», 1799; «Иппокрена, или Утехи любословия», 1799—1800) и несут на себе печать литературной школы Московского университета. Историко-героические поэмы «Брега Атлы» и «Освобожденная Москва» созданы с ориентацией на поэтику классицизма, отражают также воздействие баллада Оссиана. (Мистификация английского писателя XVIII в. Макферсона, выдавшего свое сочинение, в котором широко использовался шотландский и ирландский фольклор, за перевод легендарного кельтского барда Оссиана, оказала значительное влияние на предромантическую литературу.) Трагедия «Кровавая ночь, или Конечное падение дома Кадмова» написана по мотивам Эсхила и Софокла. В трагедии «Дмитрий Самозванец» (изд. в 1804 г.) сказывалось сильное влияние «Разбойников» Ф. Шиллера.

В 1806—1808 гг. Н. завершил первую часть цикла повестей «Славянские вечера» (опубл. в 1809 г.); полное их издание вышло в свет в 1826 г. В них отразился характерный для предромантизма интерес к отечественной истории: сочетая исторические факты и художественный вымысел, Н. в духе оссиановской традиции поэтизирует героев Киевской Руси, прославляет прошлое родной земли. Написанные ритмизованной прозой, повести во многом обнаруживают также воздействие «Слова о полку Игореве». «Славянские вечера» имели успех, были положительно оценены критикой.

Наиболее значительное произведение Н. — роман «Российский Жилбаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова» (1814). Будучи связанным с просветительской правоописательной традицией, с плутовским романом Лесажа, он продолжает сатирическое направление русской литературы XVIII в., представленное творчеством Н. И. Новикова, Д. И. Фонвизина, И. А. Крылова. Используя авантурный сюжет, описывая похождения нищего князя Чистякова, Н. создает сатирическую панораму России последней трети XVIII в., показывает помещицю усадьбу, уездный и губернский город, Москву, Варшаву (подцензурное название Петербурга). В романе изображены разные социальные слои русского общества: столичная знать (в князе Латроне угадывается временщик Екатерины II — Г. А. Потемкин), провинциальное дворянство, купечество, чиновничество, духовенство, крестьянство. Н. обличает общественные пороки: взяточ-

ничество, казнокрадство, лицемерие, разврат; с сочувствием пишет об угнетенном, бесправном народе. Некоторые картины крепостнической действительности, изображенные Н., сближают его роман с «Путешествием из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. Сатирические символы — два здания губернского города, украшенные двуглавым орлом (большой каменный дом, откуда люди выходят в унынии, — присутствие и маленький ветхий домишко, где они ищут утешение, — кабак), превосходят сатиру Н. В. Гоголя и М. Е. Салтыкова-Шchedрина. Н. уповает на просвещение и нравственное перевоспитание всех сословий, многие странички его романа написаны в морализаторском тоне; в духе сентиментальной литературы представлен добродетельный герой Никандр — сын Чистякова. Однако над всем господствует трезвый взгляд писателя на человека и окружающую его действительность. Острота сатиры Н. послужила причиной наложения ареста на три первые части романа, опубликованные в 1814 г., запрещения печатать три последующие части. Роман Н. впервые опубликован полностью только в 1938 г.

В 1818 г. Н. закончил работу над романом «Черный год, или Горские князья», в котором отразились впечатления писателя от его пребывания на Кавказе. Написанное с ориентацией на «восточный» роман, философские повести Вольтера, включающие в себя черты плутовского, авантюрного романа, романа воспитания, произведение Н. — смелая политическая сатира на государственно-бюрократический аппарат русского царизма в Грузии, произвол местных князей-феодалов, духовенство. Волное общество любителей российской словесности, с которым был связан Н., не являясь его членом, отклонило публикацию романа ввиду сатиры «на шет религии и самодержавной власти». Он вышел в свет лишь после смерти писателя в 1829 г.

20 мая 1818 г. Н. выступил с чтением повести «Игорь» на заседании Вольного общества любителей российской словесности. В 1818 г. в журнале общества «Соревнователь просвещения и благотворения» напечатал повесть «Любослав», в 1819 г. — повесть «Александр».

В 1822 г. был завершен и опубликован роман «Аристон, или Перевоспитание», восходящий к европейскому роману воспитания, к роману Руссо «Юлия, или Новая Элоиза». Герой Н. Аристон, зараженный пороками дворянства, перевоспитывается в благоприятной среде искусственно созданного идеального поместья, где процветают высокая нравственность и художественная культура. Картина перевоспитания героя показана на фоне морального разложения невежественных и праздных помещиков. В представленных Н. типах — пана Сильвестра, страстного охотника, запустившего хозяйство, скупца пана Тараха, игрока и кутилы пана Парамона — можно узнать будущих героев «Мертвых душ».

В 1824 г. вышли в свет «Новые повести». В одной из них — в повести «Мария» разработан мотив, на котором основано «Печальное происшествие» Жуковского (чистая любовь крепостной девушки, поруганная крепостниками, последующая гибель влюбленных), — наиболее полно по сравнению с другими произведениями Н. сказалась поэтика сентиментализма.

Последние романы Н. посвящены украинской теме. Роман «Бурсак» (1824), изображающий быт и нравы бурсаков, превосходит соответствующие описания «Вия» Гоголя. Роман «Два Ивана, или Страсть к тяжбам» (1825) сюжетом, характерами главных героев, живописными бытовыми картинками, сатирическими, а также исполненными мягкого юмора сценами превосходит гоголевскую «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем».

Незавершенный роман Н. «Гаркуша» рассказывает о легендарном украинском разбойнике. В романе дает о себе знать влияние массового «разбойничьего романа». Гаркуша — не столько разбойник, сколько мститель, защитник угнетенного народа, над которым издеваются помещики, судейские, чиновники, священники.

Н. вошел в историю русской литературы как родоначальник русских романистов (Белинский и В. Г. Полн. собр. соч. М., 1954. — Т. V. — С. 564), предшественник Гоголя. И. А. Гончаров писал 11 декабря 1874 г. в письме к М. И. Семевскому, возвращая ему «три томика «Российского Жилблаза»: «Нельзя не отдать полной справедливости и уму и необыкновенному по тогдашнему времени уменью Нарежного отделяться от старого и создавать новое. Белинский глубоко прав, отличив его талант и оценив его, как первого по времени романиста. Он школы Фонвизина, его последователь и предтеча Гоголя. <...> В современной литературе это была бы сильная фигура» (Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. — М., 1955. — Т. 8. — С. 474—475).

Соч.: Избр. соч. / Вступ. ст. Н. Степанова; Подгот. текста и примеч. А. М. Жигулева. — М., 1956; Избранное / Сост., вступ. ст. и примеч. В. А. Грихина и В. Ф. Калмыкова. — М., 1983; Соч.: В 2 т. / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Ю. В. Манна. — М., 1983.

Лит.: Белозерская Н. Василий Трофимович Нарежный: Историко-литературный очерк. — 2-е изд., испр. и доп. — СПб., 1896; Переверзев В. Ф. Провозвестник романа «натуральной школы» В. Т. Нарежный // Переверзев В. Ф. У истоков русского реалистического романа. — М., 1937. — С. 7—43; Петрунина Н. Н. Проза 1800—1810-х гг. // История русской литературы: В 4 т. — Л., 1981. — Т. 2. — С. 66—72.

Н. И. Михайлова

НАУМОВ, Николай Иванович [16(28).IV.1838. Тобольск — 9(22).XII.1901, Томск] — прозаик. Родился в семье чиновника, рано лишился матери. Из-за бедности вынужден был уйти из младших классов гимназии. В 1856 г. поступил на военную службу и четыре года служил юнкером. Стремясь к образованию, в 1860 г. вышел в отставку и приехал в Петербург, где готовился к экзаменам экстерном за гимназический курс и в качестве

вольнослушателя посещал занятия в университете. В 1861 г. был арестован за участие в студенческих волнениях, два месяца провел в заключении (в Петропавловской крепости и в Кронштадте). После освобождения занялся литературным трудом. Вторично Н. был арестован в 1862 г. по делу подпольной организации «Земля и воля», но через два месяца освобожден.

Литературный дебют Н.— рассказ «Случай из солдатской жизни», опубликованный в 1859 г. под псевдонимом *Корзунов* в редактировавшемся Н. Г. Чернышевским «Военном сборнике». Рассказ был написан по живым впечатлениям от военной службы. За ним последовал цикл «Мирные сцены военного быта» (Светоч.— 1861—1862). В сатирическом журнале «Искра» в 1862—1863 гг. появляются его новые рассказы — «Горе обличителю», «Из писем моего приятеля» и «Доброе дело». В «Современнике» был напечатан рассказ «У перевоза» (1863.— № 11), имевший большой успех. В нем Н. описывает, как встретила деревня манифест об «освобождении!» крестьян: собрался тайком крестьянский сход, долго толковали и решили, что «воля эта не та воля», отправили самых бойких к губернатору с челобитной, а их посадили в тюрьму как бунтовщиков. Первые же произведения Н. выявили демократическую направленность его творчества, устойчивый интерес к жизни пореформенного крестьянства, но в то же время показали слабое еще знание жизни народа.

В 1864 г. Н. возвращается в Сибирь. Его влекло туда желание ближе познакомиться с народной жизнью и надежда, что честным исполнением своих обязанностей он сможет принести пользу крестьянам. Но в 1865 г. Н. опять был арестован, на этот раз по делу «Общества независимости Сибири» (с его членами — Г. Н. Потаниным, Н. М. Ядринцевым он сближился). Следствие затянулось, и только в 1868 г. Н. был освобожден от суда. Служил Н. участковым заседателем земского суда, стремился приносить народу осязаемую пользу, но после нескольких лет службы пришел к заключению, что быть одновременно честным человеком и чиновником совершенно невозможно. Так и не написав ни одного произведения, Н. в 1869 г. оставил службу и вернулся в Петербург, где выходят в свет его лучшие рассказы, впоследствии составившие сборники: «Сила солому ломит» (1874), «В тихом омуте» (1881), «В забытом краю» (1882). Печатаются Н. в журналах «Дело», «Отечественные записки», «Русское богатство» и др. В круг его друзей входят А. М. Скабичевский, С. Н. Кривенко.

По свидетельству Г. В. Плеханова, «в семидесятих годах Н. И. Наумов пользовался огромной популярностью...» (Плеханов Г. В.— С. 319). Особый успех имел сборник «Сила солому ломит» (подзаголовок: «Рассказы из быта сибирских крестьян»), включавший семь рассказов:

«У перевоза», «Последнее прости», «Деревенский торгаш», «Юровая», «Крестьянские выборы», «Мирской учет» и «Еж». Книга имела свыше 400 страниц текста и по цензурному уставу 1865 г. была освобождена от предварительной цензуры. Каждый рассказ начинался с новой страницы и имел свой заглавный лист. Это позволяло дробить книгу на мелкие брошюры и распространять в народе. Чтение рассказов Н. давало возможность пропагандистам-народникам ставить вопросы об эксплуатации, кулачестве, тяжести податей. В записной книжке С. Л. Перовской сохранился вопросник по рассказам Н. «Юровая» и «Крестьянские выборы», помогавший целенаправленно вести беседу с крестьянами. После «процесса 193-х» (1877—1878) сборник был запрещен.

В архивах цензурного ведомства сохранились материалы о рассказе «Юровая» (Дело.— 1873.— № 7) и очерке «Еж» (Отечественные записки.— 1873.— № 7). Очерк «Еж», по мнению цензора, отличается крайней тенденциозностью, имеет целью представить в самом безотрадном виде положение рабочего, обкрадываемого, обшчитываемого, моримого голодом бесчеловечными хозяевами, наживающими несметные богатства. Рассказ «Юровая» был первоначально не разрешен к печати, т. к. заключал в себе картину эксплуатации крестьянина-бедняка, глумления над ним капиталиста-купца. После дополнительного прошения редактора журнала Н. И. Шульгина печатание было разрешено с исключением самых резких мест. Сохранившаяся корректура первоначального текста рассказа позволила установить, что купюр сделано много и все они значительны (к сожалению, первоначальный текст до сих пор не издан).

Н. одним из первых выступил с рассказами о жизни русской пореформенной деревни. Восприятие и оценка крестьянством реформы 1861 г., его обнищание, обезземеливание и переселенчество, развитие кулачества и экономическое закабаление беднейших слоев крестьянства, участие крестьян в работе земств, сельских административных органов стали тематической основой его творчества. Почти все свои произведения Н. создал на материале жизни сибирского крестьянства, явившись тем самым предшественником Д. Н. Мамина-Сибиряка и В. Г. Короленко. В связи с тем что в Сибири не было помещичьего землевладения, развитие капиталистических отношений там шло быстрее и в более четких формах, чем в Центральной России.

Н. прекрасно знал жизнь сибирских старожильческих и переселенческих деревень, больших притрактовых сел, глухих таежных поселков и одиноких заимок. По своим взглядам он был народником. Однако объективно содержание его очерков противоречило идеализации крестьянского «мира» (см.: Плеханов Г. В. Указ. соч.). Очерки Н. убеждали, что старый уклад крестьянской жизни разлагается, что в этот уклад из-

нутри и извне вторгаются кулацкие элементы. Он наглядно изобразил, как плетет свои сети паук-мирод, как бьется в этих сетях вся задвленная нуждой деревня, как живут в землянках, не имея простейших орудий труда, на плохих угодах переселенцы из центральных районов.

Писал Н. и о жизни рабочих золотых приисков (рассказ «Еж», очерки «Паутина», 1880 и др.). Эта жизнь была особенно бесчеловечной и жестокой. Как только заканчивался летний сезон, рабочие, получив несколько рублей за свой тяжкий труд, попадают в новые, искусно расставленные сети: в руки хозяев притрактовых магазинов и тракторов, где их спявляют. Изображает в своих произведениях Н. также жизнь инородцев. В этой теме писателя увлекла не внешняя живописность быта, не этнографические детали. Он показывает, как на фоне ослепительной красоты алтайских гор царские чиновники, купцы и кулаки жестоко эксплуатируют их, обрекая на постепенное вымирание, как формируется в их среде кулак («Горная идиллия», «Сарбыска»).

В своих очерках Н. создает галерею положительных образов крестьян, протестующих против засилья мироедов: Иван Калинин («Юровая»), Егор Бычков («Крестьянские выборы»), Осип Дегтярев («Умалишенный»), Анисим Корольков («Зажора»), в характерах которых подчеркивает лучшие народные качества: недюжинный ум, непримиримость к несправедливости, стойкость, честность.

В связи с тем что внимание Н. было преимущественно направлено на прямое воспроизведение острейших социально-экономических конфликтов в деревне, в его очерках действие преобладает над изображением внутреннего мира персонажей, а портретная характеристика и диалог становятся важнейшим средством раскрытия характеров. Портретные характеристики Н. дает своим персонажам обычно в экспозиции очерков, основное же их сюжетно-композиционное ядро составляет диалог крестьянина-бедняка с деревенским кулаком-богачем или чиновником. Действующим лицом-наблюдателем происходящих событий и одновременно повествователем в его очерках часто выступает демократически настроенный интеллигент, поступивший на чиновничью службу, желая облегчить судьбу народа, и расследующий всевозможные внутридеревенские конфликты. В речевых характеристиках героев Н. умело использует образность, афористичность народной речи: «Мир-то наш, што скворя, все боле с чужого голоса поет» (Собр. соч.: В 3 т.— Новосибирск, 1939—1940.— Т. 1.— С. 345).

С 1884 г. и до конца дней Н. живет в Сибири, где принимает живое участие в культурной и общественной жизни, совмещает писательскую деятельность с чиновничьей службой. Он тяжело переживает спад освободительного движения; усталость, глубокое разочарование во всем овладевает им. Последнее изданное произведение

Н. относится к 1897 г. (рассказ «Благотворитель»). В 1897 г. в Петербурге вышло в свет двухтомное Собрание сочинений Н., в него было включено 26 произведений из 47.

Умер Н. от туберкулеза. Последние годы жил в Томске, где и был похоронен. В его архиве, который хранится в библиотеке Томского университета, найдены подготовленные к печати очерки — «Из жизни сибирского крестьянства», «Астафыч», «Дед Матвей», «Святотатец» (впервые опубликованы они были в 1939 г. в III томе Собрания сочинений Н.).

Соч.: Собр. соч.: В 2 т.— Спб., 1897; Соч. / Вступ. ст. и коммент. Н. Ф. Бельчикова.— М.: Л., 1933; Собр. соч.: В 3 т. / Ред., вступ. ст. и коммент. С. Кожевникова.— Новосибирск, 1939—1940; Избр. произв. / Вступ. ст. С. Е. Кожевникова.— Новосибирск, 1951; Юровая. Святое озеро // Русские повести XIX века 70—90-х годов.— М., 1957.— Т. 1; Автобиография Н. И. Наумова // Сибирские огни.— 1963.— № 9. Лит.: С к а б и ч е в с к и й А. М. История новейшей русской литературы (1848—1890).— Спб., 1891.— С. 263—266; П л е х а н о в Г. В. Наши беллетристы-народники. Статья 2 (Н. И. Наумов) // Плеханов Г. В. Литература и эстетика.— М., 1958.— Т. 2.— С. 319—340; К о ж е в н и к о в С. Е. Николай Иванович Наумов. Очерк о жизни и творчестве.— Новосибирск, 1952; Б е с п а л о в Л. Г. Рабочий класс старой Сибири в творчестве Н. И. Наумова // Сибирь в художественной литературе.— Тюмень, 1961; С о к о л о в Н. И. Из цензурных материалов о Н. И. Наумове // Русская литература.— 1964.— № 2; Б е л е н к и н Б. [150 лет со дня рождения Н.] // Памятные книжные даты. 1988.— М., 1988.— С. 80—82. М. Ф. Иванова

НЕВÉРОВ, Александр Сергеевич, псевдоним; настоящее имя — *Александр Сергеевич Скобелев*; писал также под псевдонимами — *Аско*, *Деревенский*, *Дядя Сереза*, *Насмешник*, *Б. Зеленцов*, *Иван Червячок*, *Самарский*, *Свойский*, *Сергеич* и др. [12(24).XII.1886, с. Новиковка Ставропольского у. Самарской губ.— 24.XII.1923, Москва] — драматург, прозаик. Родился в семье крестьянина. Окончил церковноприходскую школу. Трудовую деятельность начал рано. Работал «мальчиком» в типографии и в сельских лавках. В 1903 г. поступил в Озерскую учительскую второклассную школу. После окончания школы в 1906 г. в течение 8 лет работал учителем в деревнях Самарской губ.

Активно занялся литературным творчеством в годы учительства. Первые произведения Н.— это бытовые зарисовки деревенской жизни: «Горе залили» (1906), «Приехали на базар», «Сон Лукьяна» (1907), «Под песнь вьюги» (1908). Эти произведения определили круг интересов писателя на долгие годы. Объектом его внимания стала русская деревня начала XX в. Следуя традициям писателей-демократов 60 гг., Н. пишет в духе «беспощадного реализма». Пьянство, жестокость, страшная бедность, беспощадная эксплуатация русского мужика, заботность женщины — таковы основные темы его «очерковых» рассказов. Первый сборник, в который вошли произведения 1906—1916 гг., назван «Авдотьяна жизнь», как и одноименный рассказ, в котором описана горестная судьба деревенской женщины.

Н. явно придерживается социального аспекта при изображении крестьянской действительности. Поступки его героев прежде всего социально мотивированы. Основной пафос его произведений — чувство глубокого сострадания к жертвам социального неравенства. «Моя задача — по-теплее, помягче осветить эту жизнь, чтобы через страдание и унижение... указать другим... вот мол... не забывайте» (Собр. соч.: В 4 т. — Т. 4. — С. 240). При всей темноте и заботности старой русской деревни Н. показывает и зачатки просыпающегося в ней народного самосознания. Правда, бунт героев Н. (сторож Парфен из рассказа «Музыка», 1909, и Домна из рассказа «Баба Иван», 1910) имеет стихийный характер, но все же он является своеобразной формой социального протеста. В рассказах цикла, написанных в 10 гг., появляется образ освобождающейся женщины: Домна («Баба Иван»), Домна («Черное и белое», 1916), Катерина («Дома», 1917). Обращается Н. и к изображению сельского духовенства, пользуясь при этом сатирическими и юмористическими приемами («Колькин табель», 1914; «Страх», 1915).

В 10 гг. Н. активно начинает разрабатывать тему сельской интеллигенции. Как правило, это учителя, глубоко чувствующие свое одиночество, страдающие от беззаконий. Изменить что-нибудь в своем положении они не в состоянии, это социально и духовно неустроенные люди, работа для которых превратилась в тяжелое бремя: «Серые дни» (1910), «Учитель Стройкин» (1911), «Без цветов» (1913), «Дело от безделья» (1916). Авторская позиция неоднозначна в этих рассказах: от глубокого сочувствия к сельским интеллигентам («Серые дни») до сатирического осмеяния в рассказе «Учитель Стройкин».

В годы первой мировой войны Н. служил фельдшером в самарском госпитале. Новые явления в жизни народа и в жизни все более революционизирующейся деревни широким потоком влились в прозу Н. Усиливается публицистический элемент. В очерковых рассказах этого периода («Черное и белое», «Бабыя газета», 1916; «Незавериха», 1916) появляется новый герой, активно прокладывающий дорогу новым идеям, противоборствующий косным явлениям жизни.

Революция 1917 г. подтвердила правильность выбранного пути. В таких произведениях, как «Андрон Непутевый», «Марья-большевичка», «Гуси-лебеди», окончательно оформился тип положительного героя, начальные разработки которого были осуществлены в дореволюционном творчестве. Даже временные заблуждения Н. (в начале 1917 г. он сблизился с эсерами) никак не повлияли на его прозу.

Произведения Н. отличаются знанием глубин жизни, драматизмом повествования. Он хорошо владеет русским народным словом. «Он не очень глубок, но широк по захвату и разнообразию тем. Персонажи его рассказов жизненны и худо-

жественно убедительны, хотя сплошь и рядом не ярки» — так довольно точно характеризует творчество Н. А. Воронский (Александр Неверов: Критическая серия. — С. 153).

Большую помощь молодому писателю-самоучке в свое время оказали В. Г. Короленко и М. Горький.

Соч.: Полн. собр. соч. / Предисл. Н. Фатова. — М.; Л., 1926. — Т. 1—7; Собр. соч.: В 4 т. — Куйбышев, 1952—1958; Ташкент — город хлебный. Гуси-лебеди: Рассказы, повести, роман / Вступ. ст. В. Чалмаева. — М., 1986.

Лит.: Александр Неверов: Критическая серия. — М., 1928; Скобелев В. Александр Неверов: Критико-биографический очерк. — М., 1964; Чалмаев В. А. Серафимович Неверов. — М., 1982; Александр Неверов: К 100-летию со дня рождения / Сост. В. П. Скобелев, Б. А. Неверов-Скобелев. — Куйбышев, 1986. Д. У. Якубова

НЕКРАСОВ, Николай Алексеевич [28.XI (10.XII). 1821, местечко Немиров Подольской губ. — 27.XII.1877 (8.I.1878), Петербург. Похоронен на кладбище Новодевичьего монастыря] — поэт, прозаик, критик, издатель. Детские годы Н. прошли на Волге в с. Грешнево Ярославской губ. Осенью 1824 г., выйдя в отставку в чине майора, здесь поселился вместе с семьей в родовом имении его отец, Алексей Сергеевич Некрасов (1788—1862). В Грешневе он вел обычную жизнь мелкопоместного дворянина, в распоряжении которого было лишь 50 душ крепостных. Человек крутого нрава и деспотического характера, отец Н. не щадил своих подданных. Доставалось подвластным ему мужикам, хватили с ним горя и домочадцы, особенно мать поэта, Елена Андреевна, в девичестве Закревская (ум. в 1841 г.), женщина доброй души и чуткого сердца, умная и образованная. Горячо любя детей, ради их счастья и спокойствия, она терпеливо занималась воспитанием и безропотно сносила царивший в доме произвол.

Крепостническое самодурство в те годы было явлением зауздным, но с детских лет глубоко уязвило оно душу Н., потому что жертвой оказался не только он сам, не только грешневские крестьяне, но и горячо любимая, «русокудрая», голубоокая мать поэта. «Это было раненое в самом начале жизни сердце, — писал о Н. Ф. М. Достоевский, — и эта-то никогда не заживавшая рана его и была началом и источником всей страстной, страдальческой поэзии его на всю потом жизнь» (Полн. собр. соч. — Т. 26. — С. 111). Именно из Грешнева Н.-поэт вынес исключительную чуткость к чужому страданию.

От своего отца Н. унаследовал силу характера, твердость духа, завидное упрямство в достижении цели и с ранних лет заразился охотничьей страстью, которая способствовала искреннему сближению его с народом. В Грешневе завязалась сердечная привязанность Н. к русскому крестьянину, определившая впоследствии исключительную народность его творчества. В автобиографии Н. писал: «Сельцо Грешнево стоит на низовой

Ярославско-Костромской дороге... барский дом выходит на самую дорогу, и все, что по ней шло и ехало и было ведомо, начиная с почтовых троек и кончая арестантами, закованными в цепи, в сопровождении конвойных, было постоянной пищей нашего детского любопытства» (Полн. собр. соч. и писем.— Т. XII.— С. 16). Грешневская дорога явилась для Н. началом познания многотомной и беспокойной народной России. Об этой же дороге вспоминал поэт с благодарностью в «Крестьянских детях»: «У нас же дорога большая была: / Рабочего звания люди снова / По ней без числа» (Т. II.— С. 118). А. Н. Островский неспроста называл Ярославско-Костромской край «самой бойкой, самой промышленной местностью Великороссии», а Н. В. Гоголь в «Мертвых душах» доверил «птицу-тройку» «ярославскому расторопному мужику». С незапамятных времен дорога вошла в жизнь крестьянина российского Нечерноземья. Суровая северная природа пробуждала в нем особую изобретательность в борьбе за существование: труд на земле подкреплялся попутными ремеслами. Завершив полевую страду, устремлялись мужики в города, всю зиму трудились на чужой стороне, а по весне возвращались в родные деревни. Еще мальчиком встретил Н. на грешневской дороге крестьянина, не похожего на патриархального хлебороба, кругозор которого ограничивался пределами своей деревни. Отходник далеко побывал, многое повидал, на стороне он не чувствовал повседневного гнета со стороны помещика и управляющего. Это был человек независимый, гордый, критически оценивающий окружающее: «И сказкой потешит, и притчу вернет». Этот тип мужика стал повсеместным не везде и не сразу. Только после 1861 г. «падение крепостного права встряхнуло весь народ, разбудило его от векового сна, научило его самого искать выхода, самого вести борьбу за полную свободу... На смену оседлому, забитому, приросшему к своей деревне, верившему попам, боявшемуся «начальства» крепостному крестьянину выросло новое поколение крестьян, побывавших в отхожих промыслах, в городах, научившихся кой-чему из горького опыта бродячей жизни и наемной работы» (Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 20.— С. 141).

В характере самого Н. с детских лет укоренился дух правдоискательства, искони присущий его землякам — костромичам и ярославцам. Народный поэт тоже пошел по дороге «отходника», только не в крестьянском, а в дворянском ее существе. Рано стал тяготиться Н. крепостническим произволом в доме отца, рано стал заявлять свое несогласие с отцовским образом жизни. В Ярославской гимназии, куда он поступил в 1832 г., Н. целиком отдался приобретенной от матери любви к литературе и театру. Юноша не только много читал, но и пробовал свои силы на литературном поприще. К моменту

решающего поворота в его судьбе у Н. была тетрадь собственных стихов, написанных в подражание модным тогда романтическим поэтам — В. Г. Бенедиктову, В. А. Жуковскому, А. И. Погодинскому.

20 июля 1838 г. шестнадцатилетний Н. отправился в дальний путь с «заветной тетрадью». Вопреки воле отца, желавшего видеть сына в военном учебном заведении, Н. решил поступить в Петербургский университет. Неудовлетворительная подготовка в Ярославской гимназии не позволила ему выдержать экзамены, но упорный Н. определился вольнослушателем и в течение двух лет посещал занятия на филологическом факультете. Узнав о поступке сына, А. С. Некрасов пришел в ярость, отправил Н. письмо с угрозой лишить его всякой материальной поддержки. Но крутой характер отца столкнулся с решительным нравом сына. Наступил разрыв: Н. остался в Петербурге без всякой поддержки и опоры. «Петербургскими мытарствами» называют обычно этот период в жизни Н. Мытарств было много: провал на университетских экзаменах, разнос в критике первого сборника подражательных, ученических стихов «Мечты и звуки» (1840), полуголодное существование, наконец, поденная черновая работа в столичных журналах и газетах ради куска хлеба. Но одновременно формировался стойкий, мужественный характер: «хождение по мукам» и закалило поэта и открыло перед ним жизнь петербургских низов. Важнейшей темой его Музы стала судьба простого человека: русской женщины-крестьянки, бесправного мужика, городского нищего люда.

Литературный талант Н. подмечает издатель театрального журнала «Репертуар и пантеон» Ф. А. Кони. Не без его поддержки Н. пробует силы в театральной критике, но обретает популярность как автор стихотворных фельетонов («Говорун», «Чиновник») и водевилей («Актер», «Петербургский ростовщик»). Увлечение драматургией не проходит бесследно для поэтического творчества Н.: драматический элемент пронизывает его лирику, поэмы «Русские женщины», «Современники», «Кому на Руси жить хорошо».

В 1843 г. поэт встречается с В. Г. Белинским, страстно увлеченным идеями французских социалистов-утопистов, клеймящим существующее в России общественное неравенство: «Что мне в том, что для избранных есть блаженство, когда большая часть и не подозревает его возможности?.. Горе, тяжелое горе овладевает мною при виде босоногих мальчишек, играющих на улице в бабки, и оборванных нищих, и пьяного извозчика, и идущего с развода солдата, и бегущего с портфелем под мышкой чиновника...» (Полн. собр. соч.— Т. XII.— С. 69). Социалистические идеи Белинского нашли в душе Н. самый прямой и прочувствованный отклик: горькую долю бедняка он испытал на собственном опыте. Именно теперь Н. преодолевает романтические

увлечения юности и выходит в поэзии на новую дорогу, создавая глубоко реалистические стихи. Первое из них — «В дороге» (1845) — вызвало восторженную оценку Белинского: «Да знаете ли вы, что вы поэт — и поэт истинный?» (Панаев и И. И. Литературные воспоминания. — Л., 1950. — С. 249). Критик писал, что стихи Н. «проникнуты мыслию; это — не стишки к деве и луне: в них много умного, дельного и современного» (Полн. собр. соч. — Т. IX. — С. 573). Однако и романтический опыт не прошел для Н. бесследно: в «Мечтах и звуках» определились типичные для Н. трехсложные размеры и дактилические рифмы; соединение высоких романтических формул с прозаизмами поможет зрелому Н. поднимать до высот поэзии бытовую повседневность жизни.

Общение с Белинским Н. считал решающим, поворотным моментом в своей судьбе. Впоследствии поэт заплатил щедрую дань любви и благодарности своему Учителю в стихотворении «Памяти Белинского» (1853), поэме «В. Г. Белинский» (1855), в «Сценах из лирической комедии «Медвежья охота» (1867): «Ты нас гуманно мыслишь научил, / Едва ль не первый вспомнил о народе, / Едва ль не первый ты заговорил / О равенстве, о братстве, о свободе...» (III, 19). Белинский ценил в Н. острый критический ум, поэтический талант, глубокое знание народной жизни и типичную для ярославцев деловитость и предприимчивость. Благодаря этим качествам Н. становится умелым организатором литературного дела. Он собирает и публикует в середине 40 гг. два альманаха — «Физиология Петербурга» (1845) и «Петербургский сборник» (1846). В них печатают очерки, рассказы и повести о жизни столичной бедноты, мелких и средних слоев общества друзья Белинского и Н., писатели «натуральной школы», сторонники гоголевского, критического направления русского реализма — В. Г. Белинский, А. И. Герцен, И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский, Д. В. Григорович, В. И. Даль, И. И. Панаев и др.

Сам Н. в эти годы наряду с поэзией пробует свои силы в прозе. Особо выделяется незаконченный его роман «Жизнь и похождения Тихона Тростникова» (1843—1848) — произведение во многом автобиографическое, связанное с «петербургскими мытарствами». Отдельные сюжеты и тематические мотивы этого романа Н. разовьет затем в поэзии: «Несчастные» (1856), «На улице» (1850), «О погоде» (1858), «Ванька» (1850), «Извозчик» (1855) и др.

С 1847 г. в руки Н. и Панаева переходит журнал «Современник», основанный А. С. Пушкиным, повзросневший после его смерти под редакцией П. А. Плетнева и теперь заново возрожденный. В «Современнике» расцветает редакторский талант Н., сплотившего вокруг журнала лучшие литературные силы 40—60 гг. И. С. Тургенев публикует здесь «Записки охотника», И. А. Гон-

чаров — роман «Обыкновенная история», Д. В. Григорович — повесть «Антон-Горемыка», В. Г. Белинский — поздние критические статьи, А. И. Герцен — повести «Сорока-воровка» и «Доктор Круппов».

Н. спасает высокую репутацию «Современника» и в годы «мрачного семилетия» (1848—1855), когда придирки цензоров доходили до нелепости и даже в поваренных книгах вычеркивалось словосочетание «вольный дух». Случалось, что перед выходом «Современника» цензура запрещала добрую треть материала, и Н. приходилось проявлять невероятную изобретательность, чтобы спасти журнал от катастрофы. Именно в этот период Н. совместно с гражданской женой А. Я. Панаевой пишет два объемистых романа «Три страны света» (1848—1849) и «Мертвое озеро» (1851), призванные заполнять запрещенные цензурой страницы журнала. В суровых условиях оттачивается мастерство Н.-редактора, его умение ловко обходить цензурные препятствия. На квартире Н. устраиваются еженедельные обеды, в которых, наряду с сотрудниками журнала, принимающие участие цензоры, волею неволей смягчающие свой нрав в интимной обстановке. Использует Н. и свои знакомства с высокопоставленными людьми как член Английского клуба и искусный игрок в карты. После смерти Белинского в 1848 г. Н. подключается к работе в литературно-критическом разделе журнала. Его перу принадлежит ряд блестящих критических статей, среди которых выделяется очерк «Русские второстепенные поэты» (1850), восстанавливающий пошатнувшуюся в 40 гг. репутацию поэзии. Заслуга Н.-редактора перед русской литературой заключается и в том, что, обладая редким эстетическим чутьем, он выступал в роли первооткрывателя новых литературных талантов. Благодаря Н., на страницах «Современника» появились первые произведения Л. Н. Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность» и «Севастопольские рассказы». В 1854 г. по приглашению Н. постоянным сотрудником «Современника» становится выдающийся идеолог русской революционной демократии Н. Г. Чернышевский, а затем литературный критик Н. А. Добролюбов. Когда после 1859 г. произойдет исторически неизбежный разрыв революционеров-демократов с либералами и многие талантливые писатели либерального образа мыслей уйдут из «Современника», Н.-редактор найдет новые писательские дарования в среде беллетристов-демократов и в литературном отделе журнала увидят свет произведения Н. В. Успенского, Ф. М. Решетникова, Н. Г. Помяловского, В. А. Слепцова, П. И. Якушкина, Г. И. Успенского и др.

В 1862 г. после петербургских пожаров поднимается волна очередных гонений на прогрессивную общественную мысль. Распоряжением правительства «Современник» приостановлен на восемь месяцев (июнь — декабрь 1862). В июле

1862 г. арестован Чернышевский. В этих драматических условиях Н. предпринимает энергичные попытки спасти журнал, а после официального разрешения в 1863 г. печатает на страницах «Современника» программное произведение русской революционной демократии, роман Чернышевского «Что делать?». В июне 1866 г., после выстрела Д. В. Каракозова в Александра II, «Современник» запрещается навсегда. Рискаю своей репутацией во имя спасения журнала, Н. решается на «неверный звук»: он читает оду в честь М. Н. Муравьева-«вешателя», произносит в Английском клубе стихи, посвященные О. И. Комиссарову, официально объявленному спасителем царя от покушения Каракозова. Но все эти попытки оказались безрезультатными и явились предметом мучительных воспоминаний и раскаяния.

Только спустя полтора года Н. арендует у А. А. Краевского «Отечественные записки» и с 1868 г. до самой смерти остается редактором этого журнала, объединяющего прогрессивные литературные силы. В редакцию «Отечественных записок» Н. приглашает М. Е. Салтыкова-Щедрина и Г. З. Елисеева. В отделе беллетристики печатаются Щедрин, А. Н. Островский, С. В. Максимов, Г. И. Успенский, А. И. Левитов и др. Отделом критики руководят Д. И. Писарев, позднее А. М. Скабичевский, Н. К. Михайловский. Отдел публицистики ведут Г. З. Елисеев, С. Н. Кривенко. Деятельность Н.-редактора принадлежит к числу самых ярких страниц в истории отечественной журналистики.

На издание нового поэтического сборника зрелых реалистических произведений Н. решается в особых условиях. В 1855 г., после бесславно проигранной Крымской войны, в стране начался общественный подъем, в русскую жизнь уверенно входила новая историческая сила — революционная демократия, о которой В. И. Ленин писал: «Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 21. — С. 261). Начинаясь второй, революционно-демократический этап освободительного движения в России. Сборник «Стихотворения Н. Некрасова» выходит в свет 15 октября 1856 г., а уже 5 ноября Чернышевский сообщал поэту, находившемуся на лечении за границей: «Восторг всеобщий. Едва ли первые поэмы Пушкина, едва ли «Ревизор» или «Мертвые души» имели такой успех, как Ваша книга» (Полн. собр. соч. — Т. XIV. — С. 321). «А Некрасова стихотворения, собранные в один фокус, — жгущая», — заметил Тургенев (Полн. собр. соч.: В 28 т. Письма. — Т. III. — С. 58).

Готовя книгу к изданию, Н. действительно проделал большую творческую работу, собирая стихи «в один фокус», в единое целое, напоминающее мозаичное художественное полотно. Таков, например, поэтический цикл «На улице»: одна уличная драма сталкивается с другой, дру-

гая сменяется третьей, вплоть до итоговой формулы: «Мерещится мне всюду драма». Художественная связь сценек между собой придает стихам обобщенный смысл: речь идет уже не о частных эпизодах городской жизни, а о преступном состоянии мира, в котором существование возможно лишь на унижительных условиях. Н. вводит в лирику сюжетно-повествовательное начало, используя опыт прозы «натуральной школы», но с помощью циклизации сюжетных мотивов добивается высокой степени поэтического обобщения. В уличных сценках Н. предчувствуется Достоевский, предвосхищаются образы и сюжетные мотивы будущего романа «Преступление и наказание». Точно так же в «Забывтой деревне» (1855) отдельные эпизоды из народной жизни, поэтически «сопрягаясь» друг с другом, создают целостный образ крестьянской Руси. Прозаическая сюжетность и здесь переплавляется в синтезирующее поэтическое обобщение.

Глубоко продумана, художественно организована и композиция всей поэтической книги. Сборник открывало стихотворение «Поэт и гражданин» (1855—1856), раскрывавшее драматическое соотношение гражданственности с искусством. Затем шли четыре раздела: в первом — стихи о жизни народа, во втором — сатира на недругов народных, в третьем — поэма об истинных и ложных друзьях народа, в четвертом — стихи о дружбе и любви, интимная лирика.

В строгой последовательности располагались стихи внутри каждого из разделов. Первый, напр., напоминал собою поэму о народе, о его настоящем и грядущих судьбах. Открывалась «поэма» стихотворением «В дороге», а завершалась жизнеутверждающим «Школьником» (1856). Эти стихи, обрамляющие первый раздел, перекликались друг с другом: их объединял образ русской проселочной дороги, разговоры барина с ямщиком, с крестьянским мальчуганом. Поэт сочувствует недоверию ямщика к господам, погубившим его жену, несчастную Грушу. Но сочувствие сталкивалось с глубоким невежеством мужика: он с недоверием относился и к просвещению, видя в нем господскую причуду: «Инда страх меня, слышь ты, щемит, / Что погубит она и сынишку: / Учит грамоте, моет, стрижет». Но к концу первого раздела в народном сознании подмечается благотворный поворот: «Вижу я в котомке книжку. / Так, учиться ты идешь. Знаю: батька на сынишку / Издержал последний грош» (II, 34). Тянется дорога, и на наших глазах изменяется, светлеет крестьянская Русь, устремившаяся к знанию, к университету. Пронизывающий стихи поэтический образ дороги усиливает ощущение перемен в духовном мире крестьянства, приобретает метафорический смысл.

Некрасовская Русь всегда в дороге. Н.-поэт чутко к изменениям, совершающимся в народной среде. Поэтому и жизнь крестьянства в его стихах изображается по-новому. Так, на избранный Н.

сюжет «В дороге» существовало множество произведений об «удалых тройках», о «колокольчиках под дугой», о «долгих песнях ямщика». В начале Н. именно об этом напоминает читателю, а затем решительно обрывает традиционный поэтический ход. Не песня, а говор ямщика, насыщенный диалектизмами, вторгается в стихи. Если народная песня воспроизводит события и характеры общенационального звучания прямо и непосредственно, то Н. интересуется другое: как общенародные радости и печали преломляются в судьбе частного человека из народа, этого ямщика: к общему поэт пробивается через индивидуальное, неповторимое. Свой вклад в русскую поэзию Н. видел в том, что он «увеличил материал, обработавшийся поэзией, личностями крестьян» (Звенья. — 1934. — III—IV. — С. 658). Никто из современников Н. не дерзал так близко сойтись с мужиком на страницах поэтического произведения. Художественная дерзость Н. явилась источником особого драматизма его поэтического мироощущения. Чрезмерное приближение к народному сознанию разрушало многие иллюзии, которыми жили его современники. Подверглась анализу крестьянская жизнь — источник веры и надежды разных направлений и партий русского общества.

В первом разделе сборника 1856 г. определились не только пути роста народного самосознания, но и разные формы изображения народной жизни в творчестве Н. Стихотворение «В дороге» — это начальный этап: здесь лирическое «я» поэта еще отстранено от сознания ямщика, голос героя звучит самостоятельно и независимо от голоса автора. В форме такой «ролевой лирики» написаны у Некрасова многие стихи — «В деревне», «Вино», «Пьяница» и др. Но по мере того как в народной жизни открывается высокое нравственное содержание, «ролевая лирика» сменяется более утонченной формой поэтического «многоголосия»: исчезает лирическая разобщенность, и голос поэта сливается с голосом народа: «Знаю: батька на сынишку / Издержал последний грош». Так мог сказать об отце школьника его деревенский сосед. Но говорит-то здесь Н.: народные интонации, сам речевой склад народного языка родственно принял он в свою душу. В 1880 г. Достоевский в речи о Пушкине говорил о «всемирной отзывчивости» национального поэта, умевшего чувствовать чужое как свое, проникаться духом иных национальных культур. Н. многое от Пушкина унаследовал: Муза его удивительно отзывчива на чужую радость и чужую боль. Народное миропонимание, народный взгляд на вещи органически входят в лирическое сознание Н., придавая его поэзии особый стилистический симфонизм. Это проявилось повсюду даже в его сатирических произведениях.

У предшественников Н. сатира была по преимуществу карающей: поэт высоко поднимался над своим героем и с идеальных высот метал в

него молнии обличительных испепеляющих слов (ср. «К временщику» Рыльева). В «Современной оде» (1845) Н. старается, напротив, как можно ближе подойти к обличаемому герою, проникнуться его взглядом на жизнь, подстроиться к его самооценке: «Украшают тебя добродетели, / До которых другим далеко, / И беру небеса во свидетели — / Уважаю тебя глубоко...» (Т. I. — С. 31). Очень часто сатира Н. представляет собою монолог от лица обличаемого героя — «Нравственный человек» (1847), «Отрывки из путевых записок графа Гаранского» (1853). При этом Н. намеренно заостряет враждебный ему образ мысли и чувств, глубоко погружается в психологию сатирических персонажей: явными оказываются самые потаенные уголки их мелких, подленьких душ. Открытия эти поэт широко использует потом в «Размышлениях у парадного подъезда» (ироническое восхваление вельможи), в «Железной дороге» (саморазоблачительный монолог генерала), в сатирической поэме «Современники». Подобно талантливому актеру Н. перевоплощается, надевает на себя разные сатирические маски, но остается в любой роли еще и самим собой, изнутри осуществляя сатирическое разоблачение.

Нередко использует поэт сатирический «перепев», который нельзя смешивать с пародией. В «Колыбельной песне. Подражание Лермонтову» (1845) воспроизводится ритмико-интонационный строй лермонтовской «Казачьей колыбельной», частично заимствуется и ее высокая поэтическая лексика, но не во имя пародирования, а для того, чтобы на фоне воскрешенной в сознании читателя высокой стихии материнства речью оттенялась низменность тех отношений, о которых идет речь у Н. Пародийное использование («перепев») является здесь средством усиления сатирического эффекта.

В третьем разделе поэтического сборника 1856 г. Н. публикует поэму «Саша» (1855) — один из первых опытов в области поэтического эпоса. Она создавалась в счастливое время подъема общественного движения, в ожидании людей с сильными характерами, революционными убеждениями. Их появления ожидали из общественных слоев, близко стоявших к народу, — мелкопоместных дворян, духовенства, городского мещанства. В поэме «Саша» Н. хотел показать, как рождаются эти «новые люди» и чем они отличаются от прежних «героев времени», «глистных людей» из среды культурного дворянства.

Духовная сила человека по Н. питается кровными связями его с родиной, «малой» и «большой». Чем глубже эта связь, тем значительнее оказывается человек и наоборот. Лишенный корней в родной земле, культурный дворянин Агарин уподобляется в поэме степной траве перекати-поле. Это умный, одаренный и образованный человек, но в его характере нет твердости и веры: «Что ему книга последняя скажет, / То на душе

его сверху и ляжет: / Верить, не верить — ему все равно, / Лишь бы доказано было умно!» (Т. IV.— С. 25). Агарину противопоставлена дочь мелкопоместных дворян, юная Саша. Ей доступны радости и печали простого деревенского детства: по-народному воспринимает она природу, любит праздничными сторонами крестьянского труда на кормилице-ниве. В повествование о Саше и Агарине Н. влетает любимую крестьянством евангельскую притчу о сеятеле и почве. Крестьянин-хлебороб уподоблял просвещение посеву, а его результаты — земным плодам, вырастающим из семян на трудовой ниве. В роли «сеятеля знаний на ниву народную» выступает в поэме Агарин, а благодатной почвой оказывается душа юной героини. Социалистические идеи, с которыми знакомит Сашу Агарин, падают в плодородную почву народной души и обещают в будущем «пышный плод». Героев «слова» скоро сменяет герои «дела».

Оригинальным поэтом выступил Н. и в заключительном, четвертом разделе поэтического сборника 1856 г.: по-новому он стал писать и о любви. Предшественники поэта предпочитали изображать это чувство в прекрасных мгновениях. Н., поэтизируя взлеты любви, не обошел вниманием и ту «прозу», которая «в любви неизбежна» («Мы с тобой бестолковые люди», 1851). В его стихах рядом с любящим героем появился образ независимой героини, подчас своенравной и неуступчивой («Я не люблю иронии твоей...», 1859). А потому и отношения между любящими стали более сложными: духовная близость сменяется размовкой и ссорой, герои часто не понимают друг друга, и это непонимание омрачает их любовь («Да, наша жизнь текла мятежно», 1850). Подчас их личные драмы являются продолжением драм социальных: так, в стихотворении «Еду ли ночью по улице темной» (1847) во многом предвосхищаются конфликты, характерные для романа Достоевского «Преступление и наказание».

Накануне реформы 1861 г. вопрос о народе и о его исторических возможностях со всею остротою и противоречивостью встал перед людьми революционно-демократического образа мысли. В 1857 г. Н. создает поэму «Тишина». Крестьянская Русь в ней предстает в едином собирательном образе народа-героя, великого подвижника отечественной истории. Но когда проснется народ к сознательной борьбе за свои интересы? На этот вопрос нет в «Тихине» определенного ответа. Нет его и в последующих стихотворениях Н. от «Размышлений у парадного подъезда» до «Песни Еремушке» (1859), ставшей гимном нескольких поколений русской революционной молодежи. В этом стихотворении сталкиваются и спорят между собой две песни: одну поет няня, другую — «проезжий городской». В песне няни утверждается мораль холопская, лакейская, в песне «проезжего» звучит

призыв к революционной борьбе под лозунгами «братства, равенства, свободы». По какому пути пойдет в будущем Еремушка, судить трудно: стихотворение и открывается и завершается песней няни о терпении и смирении. Столь же неразрешенно звучит вопрос, обращенный к народу в финале «Размышлений у парадного подъезда». ореолом жертвенности и аскетизма окружена в поэме «Несчастные» (1856) личность ссыльного революционера. Подобная трактовка «народного заступника» не вполне совпадает с этикой «разумного эгоизма» Чернышевского и Добролюбова. Не согласуются с нею и религиозные мотивы в творчестве Н., наиболее отчетливо прозвучавшие в поэме «Тишина», а также в стихах и эпических произведениях, посвященных изображению революционера. По отношению к великим людям века (к Белинскому, напр.) у Н. не раз прорываются чувства, близкие к религиозному почитанию. Характерен мотив избранности, исключительности великих людей, которые проносятся «звездой падучею», но без которых «заглохла б нива жизни». При этом Н. отнюдь не порывает с демократической идеологией. Его герой напоминает не «сверхчеловека», а христианского подвижника (Крот в поэме «Несчастные»; ссыльный декабрист в поэме «Дедушка», 1870; герой стихотворения «Пророк», 1874: «Его послал Бог Гнева и Печали / Рабам земли напомнить о Христе» (III, 154). Христианский ореол, окружающий некрасовских героев, связан отчасти с идеями утопического социализма, усвоенными Н. с юности. Будущее общество равенства и братства французские и русские социалисты-утописты рассматривали как «новое христианство», как продолжение и развитие некоторых нравственных заповедей, завещанных Христом. Белинский называл православную церковь «опорою и угодницею деспотизма», однако Христа считал предтечей современного социализма: «Он первый возвестил людям учение свободы, равенства и братства и мученичеством запечатлел, утвердил истину своего учения» (Полн. собр. соч.— Т. X.— С. 214). Многие современники шли еще дальше. Сближая социалистический идеал с христианской моралью, они объясняли это сближение тем, что в момент своего возникновения христианство было религией угнетенных и содержало в себе исконную мечту народов о будущем братстве. В отличие от Белинского, Герцен и Н. более терпимо относились к религиозности русского крестьянина, видели в ней одну из форм естественной тяги простого человека к социализму. Подобное «обмирщение» религии никак не противоречило, напротив, целиком совпадало с коренными особенностями крестьянской религиозности. Русский мужик менее всего уповал в своих верованиях на загробный мир, а предпочитал искать «землю обетованную» на этом свете. Множество легенд оставила нам крестьянская культура о существова-

нии таких земель, где живет человек в «довольстве и справедливости». В поэзии Н. они нашли широкое отражение вплоть до крестьянской эпопеи «Кому на Руси жить хорошо», в которой семь мужиков-правдоискателей ищут по Руси «непоротой губернии, непотрошенной волости, избыток села». В подвижническом облике некрасовских народных заступников проявляется глубокий их демократизм, органическая связь с народной культурой. В миросозерцании русского крестьянина воспитана трудной русской историей повышенная чуткость к страдальцам за истину, особое доверие к ним. Немало таких мучеников-правдоискателей Н. находит в крестьянской среде. Его привлекает аскетический облик Власа («Влас», 1855), способного на высокие нравственный подвиг, и суровый образ пахаря в поэме «Тишина», который «без наслаждения живет, без сожаленья умирает». Судьба Добролюбова, выдающейся исторической личности, в некрасовском освещении оказывается родственной доле такого пахаря: «Учил ты жить для славы, для свободы, / Но более учил ты умирать. / Сознательно мирские наслажденья / Ты отвергал...» (Т. II. — С. 173). Если Чернышевский вплоть до 1863 г. чутьем политика осознавал реальную возможность революционного взрыва, то Н. уже в 1857 г. чутьем народного поэта ощущал то поистине трагическое положение, вследствие которого революционное движение шестидесятников оказалось «слабо до ничтожества», а «революционеры 61-го года остались одиночками...» (Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 20.— С. 172, 179). Этика «разумного эгоизма» Чернышевского, отвергавшая жертвенность, основывалась на ощущении близости революции. Этика подвижничества и поэтизация жертвенности у Н. порождалась сознанием невозможности быстрого пробуждения народа. Идеал революционера-борца у Н. неизбежно смыкался с идеалом народного подвижника.

Первое пореформенное лето 1861 г. Н. провел, как обычно, в Грешневе, в кругу своих друзей, костромских и ярославских крестьян. Осенью поэт вернулся в Петербург с целым «ворохом стихов». Его друзей интересовали настроения пореформенной деревни: к чему приведет недолово народа грабительской реформой, есть ли надежда на революционный взрыв? Н. отвечал на эти вопросы поэмой «Коробейники» (1861). В ней Н.-поэт выходил на новую дорогу. Предшествующее его творчество было адресовано в основном читателю из образованных кругов общества. В «Коробейниках» он смело расширил предполагаемый круг своих читателей, непосредственно обратился к народу, начиная с необычного посвящения: «Другу-приятелю Гавриле Яковлевичу (крестьянину деревни Шоды, Костромской губернии)». Поэт предпринимает и второй беспрецедентный шаг: за свой счет

он печатает поэму в серии «Красные книжки» и распространяет ее в народе через деревенские офеня — торговцев мелким товаром. «Коробейники» — поэма-путешествие: бродят по сельским просторам деревенские торгаши — старый Тихонич и молодой его помощник Ванька. Перед их любознательным взором проходят одна за другой пестрые картины жизни тревожного предреформенного времени. Все, что происходит в поэме, воспринимается глазами народа, всему дается крестьянский приговор. О подлинной народности поэмы свидетельствует и то обстоятельство, что первая главка ее, в которой торжествует искусство некрасовского «многоголосия», вскоре стала народной песней. Главные критики и судьи в поэме — не патриархальные мужики, а «бывалые», много повидавшие в своей страннической жизни и обо всем имеющие собственное суждение. Создаются живые типы «умственных» крестьян, деревенских философов и политиков, заинтересованно обсуждающих современные порядки. В России, которую судят мужики, «все переворотилось»: старые устои разрушаются, новое в состоянии брожения и хаоса. Картина развала крепостнической России начинается с суда над «верхами», с самого батюшки-царя. Вера в его милости была устойчивой в крестьянской психологии, но Крымская война у многих эту веру расшатала. «Царь дурит — народу горяшко!» — заявляет в поэме Тихонич. Затем следует суд над праздной жизнью господ, проматывающих в Париже народные деньги. Завершает картину разложения история Титушки-ткача. Крепкий, трудолюбивый крестьянин по воле всероссийского беззакония превратился в «убогого странника» — «без дороги в путь пошел». Тягучая, заунывная его песня, вбирающая стон российских сел и деревень, свист холодных ветров на скудных полях и лугах, готовит в поэме трагическую развязку. В глухом костромском лесу коробейники гибнут от рук лесника, напоминающего «горе, лычком подпоясанное». Это убийство — стихийный бунт отчаявшегося, потерявшего веру в жизнь человека. Почему Н. так завершает поэму? Вероятно, потому, что остается верен жизненной правде: известно, что и перед реформой и после нее «народ, сотни лет бывший в рабстве у помещиков, не в состоянии был подняться на широкую, открытую, сознательную борьбу за свободу» (Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 20.— С. 140). Трагическая развязка в поэме осложняется внутренними переживаниями коробейников. Тихонич и Ванька стыдятся своего торгашеского ремесла. Поперек их пути, основанном на принципе «не обманешь — не продашь», встает чистая любовь невесты Ваньки, Катеринушки, предпочитающей всем щедрым подаркам коробейника «бирюзовый шерстенок» — символ святой девичьей любви. В трудовых крестьянских заботах с утра до поздней ноченьки топит Кате-

ринушка свою тоску по суженому. Вся пятая часть поэмы, воспевающая самозабвенный крестьянский труд на земле и самоотверженную любовь,— упрек торгашескому занятию коробейников, отрывающему их от трудовой жизни и народной нравственности. Не случайно в «Крестьянских детях» (1861), созданных одновременно с «Коробейниками», Н. воспекает суровую прозу и высокую поэзию крестьянского детства и призывает хранить вечные нравственные ценности, рожденные трудом на земле, то самое «вековое наследство», которое поэт считает истоком русской национальной культуры.

После 1861 г. в стране начался спад общественного движения, лидеры революционной демократии были арестованы, прогрессивная мысль обезглавлена. Осенью 1862 г. в тяжелом настроении Н. навещал родные места, бывал в Грешневе и в соседнем селе Абакумцево на могиле матери. Итогом этих событий явилась лирическая поэма «Рыцарь на час» (1862) — одно из самых проникновенных произведений Н. о сыновней любви к матери, перерастающей в любовь к Родине, о драме русского человека, наделенного жгучей совестью, жаждущего опоры для революционного подвига. Поэму эту Н. очень любил и читал всегда «со слезами в голосе» (Ковалевский П. М. Стихи и воспоминания.— Пг., 1912.— С. 279). Сохранилось воспоминание, что вернувшийся из ссылки Чернышевский, читая «Рыцаря на час», «не выдержал и разрыдался» (Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников.— Саратов, 1959.— Т. 2.— С. 287).

Польское восстание 1863 г., жестоко подавленное русскими правительственными войсками, подтолкнуло придворные круги к реакции. В этот период некоторая часть революционной интеллигенции потеряла веру в народ, в его творческие возможности. На страницах демократического журнала «Русское слово» стали появляться статьи, в которых народ обвинялся в грубости, тупости и невежестве. Позднее и Чернышевский в «Прологе» устами Волгина произнес горькие слова о «жалкой нации» — «снизу доверху все сплошь рабы». В 1863—1864 гг. Н. работает над поэмой «Мороз, Красный нос», исполненной светлой веры и доброй надежды. Центральное событие «Мороза» — смерть крестьянина, и действие в поэме не выходит за пределы одной крестьянской семьи, однако смысл ее общенациональный. Крестьянская семья в поэме — это клеточка всероссийского мира: мысль о Дарье, углубляясь, переходит в думу о «величавой славянке», усопший Прокл подобен крестьянскому богатырю Микуде Селяниновичу. Да и событие, случившееся в крестьянской семье, потерявшей кормилицу, как в фокусе собирает не вековые даже, а тысячеletние беды русской женщины-матери, многострадальной славянки. Горе Дарьи определяется в поэме как «великое

горе вдовицы и матери малых сирот». Событие, на первый взгляд далекое от эпохальных конфликтов, Н. поворачивает так, что в частном проступает общее, сквозь крестьянский быт просвечивает многовековое народное бытие. Некрасовская эпическая мысль развивается здесь в русле довольно устойчивой, а в середине XIX в. чрезвычайно живой литературной традиции. Поэтизируя «мысль семейную», Н. на ней не останавливается. «Века протекли — все к счастью стремилось, / Все в мире по несколько раз изменилось,— / Одну только бог изменить забывал / Суровую долю крестьянки...» (IV, 79). В поэме Н. это не простая поэтическая декларация. Всем содержанием, всем метафорическим строем поэмы Н. выводит сиюминутные события к вековому течению российской истории, крестьянский быт — к всенародному бытию. Так, глаза плачущей Дарьи растворяются в сером, пасмурном небе России, плачуем ненастным дождем, или сравниваются с хлебным полем, истекающим перезревшими зернами-слезами, а порой эти слезы сосульками повисают на ресницах, как на карнизах родных деревенских изб. Образная система «Мороза» держится на этих разбуженных метафорах, выводящих бытовые факты поэмы к всенародному и всеприродному бытию. К горю крестьянской семьи по-народному отзывчива в поэме природа: как живое существо, она откликается на происходящие события, вторит крестьянским плачам суровым воем метелицы, сопутствует мечтам Дарьи колдовскими чарами Мороза. Смерть крестьянина потрясает весь космос крестьянской жизни, приводит в движение скрытые в нем духовные силы. Величие русского национального характера Н. видит в энергии сострадательной любви. В тяжелом положении домохозяйки менее всего думают о себе, менее всего носятся со своим горем. И горе отступает перед всепоглощающим чувством жалости и сострадания к ушедшему человеку вплоть до желания воскресить его ласковым словом: «Сплесни, ненаглядный, руками, / Сокольным глазком посмотри, / Тряхни шелковыми кудрями, / Сахарны уста раствори!» (IV, 86). Так же встречает беду и овдовевшая Дарья. Не о себе она печется, но, «полная мыслью о муже, зовет его, с ним говорит». Даже в будущем она не может помыслить себя одинокой. Мечтая о свадьбе сына, она предвкушает не свое счастье только, а счастье любимого Прокла, обращается к умершему мужу, радуется его радостью. Такая же теплая, родственная любовь распространяется у нее и на «дальних» — на усопшую схимницу, напр., случайно встреченную в монастыре: «В личико долго глядела я: / Всех ты моложе, нарядней, милей, / Ты меж сестер словно горlinkа белая / Г; / между сизых, простых голубей» (IV, 101). И собственную смерть Дарья преодолевает силой любви, распространяющейся на детей, на Прокла, на всю природу, на землю-кормилицу,

на хлебное поле. «Человек брошен в жизнь загадкой для самого себя, каждый день его приближает к уничтожению — страшного и обидного в этом много! На одном этом можно с ума сойти, — писал Н. Льву Толстому. — Но вот Вы замечаете, что другому или другим нужны Вы — и жизнь вдруг получает смысл, и человек уже не чувствует той сиротливости, обидной своей ненужности, и так круговая порука... Человек создан быть опорой другому, потому что ему самому нужна опора. Рассматривайте себя как единицу — и Вы придете в отчаяние» (Полн. собр. соч. и писем. — М., 1952. — Т. X. — С. 344—345). Нравственная философия Н. выросла из глубинной народности его мировоззрения и творчества. В поэме «Мороз, Красный нос» Н. поэтически трансформирует народные причитания, сказочно-мифологические образы, символику обрядовой и бытовой лирики, народные верования, приметы, гадания, рассказы о вещих снах, встречах, предзнаменованиях. Поэтика сказки, былины, лирической песни помогает Н. раскрыть народную жизнь изнутри, придать высокий поэтический смысл «прозаическим» реалиям повседневного крестьянского быта. В «Морозе» поэт коснулся сокровенных пластов нравственной культуры, неиссякаемого источника выносливости и силы народного духа, столько раз спасавшего Россию в години национальных потрясений.

Именно эта обретенная Н. глубокая вера в народ помогала поэту подвергать народную жизнь суровому и строгому анализу, как, напр., в финале стихотворения «Железная дорога» (1864). Поэт никогда не заблуждался относительно ближайших перспектив революционного крестьянского освобождения, но и никогда не впал при этом в отчаяние: «Вынес достаточно русский народ, / Вынес и эту дорогу железную. / Вынесет все, что господь ни пошлет. / Вынесет все — и широкую, ясную / Грудью дорогу проложит себе. / Жаль только — жить в эту пору прекрасную / Уж не придется — ни мне, ни тебе» (II, 120).

Так в обстановке жестокой реакции, когда пошатнулась вера в народ у самих его заступников, Н. сохранил уверенность в мужестве, духовной стойкости и нравственной красоте русского крестьянина. После смерти отца в 1862 г. Н. не порвал свои связи с родным его сердцу ярославско-костромским краем; близ Ярославля он приобрел в мае 1862 г. усадьбу Карабиха и каждое лето наезжал сюда, проводя время в охотничьих странствиях с друзьями из народа. Вслед за «Морозом» появилась «Орина, мать солдатская» (1863) — стихотворение, прославляющее материнскую и сыновнюю любовь, которая торжествует не только над ужасами николаевской солдатчины, но и над самой смертью. Появился «Зеленый Шум» (1862—1863) — стихотворение о весеннем чувстве обновления: возрождается к жизни спавшая зимой природа и

оттаивает заледеневшее в злых помыслах человеческое сердце. Рожденная крестьянским трудом на земле вера в обновляющую мощь природы, частицей которой является человек, спасла Н. и его читателей от полного разочарования в трудные годы торжества в казенной России «барабанов, цепей, топора» («Надрывается сердце от муки», 1863).

Тогда же Н. приступил к созданию «Стихотворений, посвященных русским детям» (1867—1873). Обращение к миру детства освещало и ободряло, очищало душу от горьких впечатлений действительности. Главным достоинством некрасовских стихов для детей является неподдельный демократизм: в них торжествует и крестьянский юмор, и сострадательная любовь к малому и слабому, обращенная не только к человеку, но и к природе. Добрым спутником нашего детства стал насмешливый, лукаво-добродушный дедушка Мазай, неуклюжий генерал Топтыгин и лебезящий вокруг него смотритель, сердобольный дедушка Яков, отдающий букварь крестьянской девочке.

Особенно трудным для Н. оказался конец 60 гг.: нравственный компромисс, на который он пошел во имя спасения журнала, вызвал упреки со всех сторон: реакционная публика уличала поэта в корыстолюбии, а духовные единомышленники — в отступничестве. Тяжелые переживания Н. отразились в цикле так называемых «покаянных» стихов: «Ликует враг...» (1866), «Умру я скоро...» (1867), «Зачем меня на части рвете...» (1867). Однако эти стихи не вписываются в однозначное определение «покаянных»: в них звучит мужественный голос поэта, исполненный сложной внутренней борьбы, не снимающий обвинений с себя, но клеймящий позором и то общество, в котором честный человек получает право на жизнь ценой унижительных нравственных компромиссов.

О неизменности гражданских убеждений поэта в эти драматические годы свидетельствуют его стихи «Душно! без счастья и волн...» (1868). Тогда же, в конце 60 гг. расцветает сатирический талант Н. (завершение цикла «О погоде», 1865; создание «Песен о свободном слове», 1865—1866, поэтических сатир «Балет», 1866, и «Недавнее время», 1871). Используя изощренные приемы сатирического разоблачения, поэт смело соединяет сатиру с высокой лирикой в пределах одного произведения, он широко применяет полиметрические композиции — сочетание разных размеров внутри одного стихотворения. Вершиной и итогом сатирического творчества Н. является поэма «Современники» (1865), в которой поэт обличает новые явления русской жизни, связанные с бурным развитием капиталистических отношений. В первой части «Юбиляры и триумфаторы» сатирически воссоздается пестрая и разноречивая картина юбилейных торжеств в развращенных бюрократ-

тических верхах, во второй — «Герои времени» — свой голос обретают грабители-плутокраы, разномысленные хищники, рожденные веком железных путей. Н. пронзительно замечает не только грабительскую, антинародную сущность, но и неполноценные трусливые черты в характерах поднимающихся русских буржуа, не укладывающихся в классический тип буржуа европейского.

Начало 70 гг. — эпоха очередного общественного подъема, связанного с деятельностью революционных народников. Н. сразу же уловил первые симптомы этого пробуждения. В 1869 г. у него возник замысел поэмы «Дедушка», которая создавалась для юного читателя. События поэмы относятся к 1856 г., но время действия в ней достаточно условно. Ясно, что речь идет и о современности, что ожидания декабриста-дедушки — «скоро дадут им свободу» — устремлены в будущее и не связаны с крестьянской реформой. По цензурным причинам рассказ о восстании декабристов звучит приглушенно. Но Н. художественно мотивирует эту приглушенность тем, что характер дедушки раскрывается перед внуком Сашей постепенно, по мере того как мальчик взрослеет. Постепенно юный герой проникается красотой и благородством народолюбивых идеалов дедушки. Идея, ради которой герой-декабрист отдал всю свою жизнь, настолько высока и свята, что служение ей делает неуместными жалобы на свою личную судьбу. Именно так следует понимать слова героя: «Днесь я со всем примирился, что потерпел на веку!» Символом его жизнестойкости является железный крест, скованный из кандалов — «образ распятого бога», — торжественно снятый с шеи дедушкой по возвращении из ссылки. Христианские мотивы, окрашивающие личность декабриста, призваны подчеркнуть народный характер его идеалов. Центральную роль в поэме играет рассказ дедушки о переселенцах-крестьянах в сибирском посаде Тарбагатай, о предпринимчивости крестьянского мира, о творческом характере народного общинного самоуправления. Как только власти оставили народ в покое, дали мужикам «землю и волю», — артель вольных хлебопашцев превратилась в общество свободного и дружного труда, достигла материального изобилия. Поэт окружил рассказ о Тарбагатае мотивами крестьянских легенд о «вольных землях». Поэт был убежден, что социалистические устремления живут в душе каждого бедного мужика.

Следующим этапом в разработке декабристской темы явилось обращение Н. к подвигу жен декабристов, отправившихся вслед за своими мужьями на каторгу в далекую Сибирь. В поэмах «Княгиня Трубецкая» (1871) и «Княгиня Волконская» (1872) Н. открывает в лучших женщинах дворянского круга те же качества национального характера, какие он нашел в

женщинах-крестьянках поэм «Коробейники» и «Мороз, Красный нос».

Произведения Н. о декабристах стали фактами не только литературной, но и общественной жизни. Они вдохновляли революционную молодежь на борьбу за народную свободу. Почетный академик и поэт, известный революционер-народник Н. А. Морозов утверждал, что «повальное движение учащейся молодежи в народ возникло не под влиянием западного социализма, а что главным рычагом его была народническая поэзия Некрасова, которой все зачитывались в переходном юношеском возрасте, давшем наиболее сильные впечатления» (Морозов Н. А. Повести моей жизни. — М., 1955. — Т. I. — С. 352).

В лирическом творчестве Н. 70 гг. происходят существенные изменения. Возрастает число поэтических деклараций, причем позиция гражданского поэта остро драматизируется. Внутренняя цельность личности в условиях надвигавшегося на Россию буржуазного двоедущия отстает от цены более сурового аскетизма. Предпочтение и теперь, только более решительное, Н. отдает поэту-бойцу. Все чаще Н. говорит о нем, как о «гонимом жреце» гражданского искусства, оберегающем в душе «трон истины, любви и красоты». Идею единства гражданственности и искусства приходится упорно отстаивать, защищать, вплоть до освящения ее традициями высокой романтической культуры эпохи 20 гг. Так открывается перспектива обращения Н. к творчеству юного Пушкина-романтика. «Элегия» (1874) насыщена, напр., патетическими интонациями пушкинской «Деревни». Свои стихи о сути поэтического творчества Н. осеняет авторитетом Шиллера — «Поэту» и «Памяти Шиллера» (1874). В позднем творчестве Н. лирик оказывается гораздо более традиционным, литературным поэтом, чем в 60 гг., ибо теперь он ищет эстетические и этические опоры не столько на путях непосредственного выхода к народной жизни, сколько в обращении к поэтической традиции своих великих предшественников. Лирический герой Н. 70 гг. более сосредоточен на своих чувствах, на смену демократической стихии «многоголосия» часто приходит самоанализ, мучительная рефлексия, а вместе с нею и лермонтовские интонации. Образ мира как крестьянского жизнеустройства вытесняется образом мира как общего миропорядка. Масштабы осмысления жизни становятся более глобальными (см.: Скотов Н. Н. Некрасов. Современники и продолжатели. — С. 258). В ряде стихотворений, таких, как «Утро» (1872—1873), «Страшный год» (1872—1874), Н. предвещает Блока с его темой страшного мира. Обновляется поэтическая образность некрасовской лирики, происходит своеобразная символизация художественных деталей. Так, в стихотворении «Друзьям» (1876) деталь из крестьянского быта — «широкие лапы

народные» — приобретает символическую многозначность как олицетворение всей трудовой, крестьянской России. Переосмысляются и получают новую жизнь старые темы и образы. Живую картину, развернутую в стихотворении «Муза» (1848), поэт сжимает в емкий поэтический символ: «Не русский взглянет без любви / На эту бледную, в крови, / Кнутом иссеченную Музу» (Т. III. — С. 218). Эта устремленность к синтезу, к итогу, к емкому и афористичному художественному образу получила свое завершение в лирическом цикле «Последние песни» (1877).

Достоинным финалом эпического творчества Н. явилась эпопея «Кому на Руси жить хорошо» (1865—1877). Композиция этого произведения строится по законам классического эпоса: оно состоит из отдельных, относительно автономных частей и глав — «Пролог. Часть первая», «Крестьянка», «Последыш», «Пир — на весь мир». Внешне эти части связаны темой дороги: семь мужиков-правдоискателей странствуют по просторам Руси, пытаясь разрешить не дающий им покоя вопрос: «Кому на Руси жить хорошо?» В «Прологе» намечена и первоначальная схема путешествия — встречи с попом, помещиком, купцом, чиновником, министром и царем. Однако эпопея лишена сюжетной целеустремленности. Н. не форсирует действие, не торопится привести его к всеразрешающему итогу. Как эпический художник, он выявляет все многообразие народных характеров, всю непрямоту их жизненных дорог. Введенные в эпопею сказочные мотивы позволяют Н. свободно и непринужденно обращаться с временем и пространством, легко переносить действие из одного конца России в другой. Объединяет эпопею не внешний, а внутренний сюжет: шаг за шагом проясняется в ней противоречивый, но необратимый рост народного самосознания, еще не пришедшего к итогу, еще находящегося в трудных исканиях. В этом смысле и сюжетная рыхлость, «незаконченность» произведения не случайна, а глубоко содержательна: она выражает по-своему пестроту и многообразие народной жизни, по-разному обдумывающей себя, по-разному оценивающей свое место в мире, свое предназначение. С этой же целью Н. использует все многоцветие устного народного творчества: сказочные мотивы пролога сменяются былинным эпосом, потом лирическими песнями и, наконец, песнями Гриши Добросклонова, стремящимися стать народными и уже частично принятыми и понятыми народом. В развитии художественной мысли эпопеи подвергается сомнению первоначальная формула спора, основанная на собственническом понимании счастья, включающего в себя «покой, богатство, честь». С появлением Яким Нагого ставится под сомнение критерий богатства: во время пожара Яким спасает картиночки, забывая о целковых, скопленных в течение всей многоотрудной жизни. Этот же герой доказывает, что честь дворянская

не имеет ничего общего с трудовой крестьянской честью. Ермил Гирин всей жизнью своею опровергает первоначальные представления странников о сути человеческого счастья. Казалось бы, Гирин имеет все, что надобно для счастья: «и спокойствие, и деньги, и почет». Но в критическую минуту жизни он этим «счастьем» жертвует ради правды народной. Постепенно в сознании крестьянства рождается смутный еще идеал подвижника, борца за народные интересы. Одновременно с этим и в сюжетном движении эпопеи намечается некоторый поворот. Забыв о богатых и знатных, мужики обращаются в поисках счастливого к народному миру, а он являет перед ними нового героя — Савелия, богатыря савторусского. Это уже стихийный народный бунтарь, способный в критической ситуации произнести решительное слово «наддай», под которое крестьяне закапывают живьем ненавистного немца-управляющего. Савелий оправдывает свой бунт крестьянской философией: «Недотерпеть — пропасть, перетерпеть — пропасть». Но грозная богатырская сила Савелия не лишена противоречий. Не случайно сравнивается он со Святогором — самым сильным, но и самым неподвижным богатырем былинного эпоса, а Матрена Тимофеевна заявляет иронически: «Такого-то богатыря могучего, чай, мыши заедят». В отличие от Савелия Матрена не терпит и на любую несправедливость отвечает немедленным действием: она ищет и находит выходы из самых драматических ситуаций, с гордостью говоря о себе: «Я потупленную голову, сердце гневное ношу». В движении и развитии находятся у Н. не только отдельные герои от Яким Нагого до Савелия и Матрены, но и массовый, собирательный образ народа. Мужики деревни Большие Вахлаки после реформы разыгрывают «камедь» подчинения выжившему из ума князю Утятину, соблазнившись посулами его наследников-сыновей. В «Последыше» Н. дает емкий сатирический образ крепостнических отношений, тем более современный и многозначный, что и после половинчатой реформы крестьянство на много десятков лет оставалось в фактической зависимости от господ. Но есть предел крестьянскому терпению: восстает на барина Агап Петров. История с Агапом рождает у вахляков чувство стыда за свое положение, игра в «камедь» подходит к концу и завершается смертью «последыша». В «Пире — на весь мир» народ справляет «поминки по крепям». В праздничное действо вовлекаются все: звучат народные песни освобождения. Далеко не однозначны, противоречивы и пестры эти песни на духовном пире народном. Иногда они контрастны по отношению друг к другу, как, напр., рассказ «Про холопа примерного — Якова верного» и легенда «О двух великих грешниках». Здесь поэма напоминает всероссийскую крестьянскую сходку, мирской диалог. В разноречивый хор народных голосов органично входят пес-

ни Гриши Добросклонова, интеллигента-революционера, знающего о том, что счастье может быть достигнуто в результате всенародной борьбы за общие интересы. Мужики прислушиваются к Грише, иногда согласно кивают головами, но последнюю песню «Русь» Гриша еще не успел пропеть вахлаком. Потому и финал поэмы открыт в будущее, неразрешен: «Быть бы нашим странникам под родною крышею, / Если б знать могли они, что творилось с Гришею» (Т. V.—С. 235). Но странники не услышали песни «Русь» и не поняли, в чем заключается «воплощение счастья народного»: «Встали — небужены, / Вышли — непрошены, / Жита по зернышку / Горы наношены! / Рать подымается — / Неисчислимая, / Сила в ней скажется / Несокрушимая!» (V, 234).

В начале 1875 г. Н. тяжело заболел. Ни знаменитый венский хирург Билльрот, ни мучительная операция не могли приостановить смертельной раковой болезни. Вести о ней вызвали поток писем, телеграмм, приветствий и адресов со всей России. Общественная поддержка укрепила силы поэта, и в мучительной болезни он создает «Последние песни». Приходит время подведения итогов. Н. понимает, что своим творчеством он прокладывает новые пути в поэтическом искусстве. Только он решался на недопустимую на прошлом этапе развития русской поэзии стилистическую дерзость, на смелое сочетание элегических, лирических и сатирических мотивов в пределах одного стихотворения. Он совершил существенное обновление традиционных жанров русской поэзии: ввел гражданские мотивы в элегию («Элегия»), политические инвективы в романс («Еще тройка», 1867), социальные проблемы в балладу («Секрет. Опыт современной баллады», 1855). Н. расширил возможности поэтического языка, включая в лирику сюжетно-повествовательное начало («В дороге»), элементы фельетона («Чиновник», 1844), традиции физиологического очерка («Пьяница», 1845). Н. творчески освоил, приобщив к современной поэзии, русский фольклор: склонность к песенным ритмам и интонациям, использование анафор, параллелизмов, повторов, «тягучих» трехсложных размеров (дактиля, анапеста) с глагольными рифмами, применение фольклорной гиперболы. В «Кому на Руси жить хорошо» Н. поэтически обыгрывает пословицы, широко использует постоянные эпитеты, но, главное — он творчески перерабатывает фольклорные тексты, раскрывая потенциально заложенный в них революционный, освободительный смысл. Необычайно расширил Н. и стилистический диапазон русской поэзии, используя разговорную речь, народную фразеологию, диалектизмы, смело включая в произведение разные речевые стили — от бытового до публицистического, от народного просторечия до фольклорно-поэтической лексики, от ораторско-патетического до пародийно-сатирического стиля.

Но главный вопрос, который мучил Н. на протяжении всего творчества, заключался не в формальных проблемах «мастерства». Это был вопрос-сомнение, насколько его поэзия способна изменить окружающую жизнь и получить приветливый отклик в крестьянской среде. Мотивы разочарования, порою отчаяния и хандры сменяются в «Последних песнях» жизнеутверждающими нотами. Самоотверженной помощницей умирающего Н. является Зина (Ф. Н. Викторова), жена поэта, к которой обращены лучшие его стихи. По-прежнему сохраняется у Н. житийная святость материнского образа. В стихотворении «Баюшки-баю» устами матери Родина обращается к поэту с последней песней утешения: «Не бойся горького забвенья; / Уж я держу в руке моей / Венец любви, венец прощенья, / Дар кроткой родины твоей...» (III, 204).

На похоронах Н. возникла стихийная демонстрация. Несколько тысяч человек провожали его гроб до Новодевичьего кладбища. А на гражданской панихиде вспыхнул исторический спор: Достоевский в своей речи острожно сравнил Н. с Пушкиным. Из толпы революционной молодежи раздалась громкие голоса: «Выше! Выше!» Среди оппонентов Достоевского наиболее энергичную позицию на этот счет занимал присутствовавший на похоронах Н. Г. В. Плеханов.

Соч.: Стихотворения.— М., 1856; Стихотворения: В 2 кн.— Спб., 1861; Стихотворения: В 3 ч.— Спб., 1864; Стихотворения: В 6 ч.— Спб., 1864—1874; Последние песни.— Спб., 1877; Стихотворения: В 4 т.— Спб., 1879; Стихотворения.— Спб., 1881; Полн. собр. соч. и писем: В 12 т.— М., 1948—1953; Полн. собр. соч. и писем: В 15 т.— Л., 1981.— (издание продолжается).

Лит.: Голубев А. Н. А. Некрасов.— Спб., 1878; Пылин А. Н. А. Некрасов.— Спб., 1905; Сакулин П. Н. Некрасов.— М., 1922; Чуповский К. И. Некрасов. Статьи и материалы.— Л., 1926; Евгеньев-Максимов В. Е. Некрасов и его современники.— М., 1930; Ашукин Н. С. Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова.— М.: Л., 1935; Евгеньев-Максимов В. Е. Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова: В 3 т.— М.: Л., 1947—1952; Чуповский К. И. Мастерство Н. А. Некрасова.— М., 1952; Твердохлебов И. Ю. Поэма Некрасова «Кому на Руси жить хорошо».— М., 1954; Корман Б. О. Лирика Н. А. Некрасова.— Воронеж, 1964; Гаркави А. М. Н. А. Некрасов в борьбе с царской цензурой.— Калининград, 1966; Гин М. М. О своеобразии реализма Н. А. Некрасова.— Петрозаводск, 1966; Груздев А. И. Поэма Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо».— М.: Л., 1966; Степанов Н. Л. Некрасов и советская поэзия.— М., 1966; Скотов Н. Н. Поэты некрасовской школы.— Л., 1968; Н. А. Некрасов в воспоминаниях современников.— М., 1971; Жданов В. В. Некрасов.— М., 1971; Лебедев Ю. В. Н. А. Некрасов и русская поэма 40—50-х гг.— Ярославль, 1971; Гин М. М. От факта к образу и сюжету: О поэзии Н. А. Некрасова.— М., 1971; Розанова Л. А. Поэма Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Комментарий.— Л., 1970; Ежее. Поэзия Некрасова и народников.— Иваново, 1972; Ежее. Н. А. Некрасов и русская рабочая поэзия.— Ярославль, 1973; Скотов Н. Н. Некрасов. Современники и продолжатели.— Л., 1973; Аннин В. П. Поэма Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо».— М., 1969; Груздев А. И. Декабристский цикл Н. А. Некрасова.— Л., 1976; Бойко М. Н. Лирика Некрасова.— М., 1977; Корман Б. О. Лирика Некрасова.— Ижевск, 1978; Прокшин В. Г. Путь к эпосе.— Уфа, 1979; Краснов Г. В. «Последние песни» Н. А. Некрасова.— М., 1981; Жданов В. В. Жизнь Некрасова.— М., 1981; Гин М. М. Досле-

евский и Некрасов. Два мировосприятия.— Петрозаводск, 1985; Некрасовский сб.: В 9 т.— Л., 1951—1988. *Справ. лит.*: Свод статей о Н. А. Некрасове // Стихотворения Н. А. Некрасова.— Спб., 1879.— Т. 4; Добровольский Л. М., Лавров В. М. Библиография литературы о Н. А. Некрасове. 1917—1952.— М.: Л., 1953; Библиография литературы о Н. А. Некрасове за 1953—1958 гг. // Некрасовский сб.— М.: Л., 1960. Т. 3; Дульнева К. П. Библиография литературы о Некрасове за 1959—1969 гг. // Н. А. Некрасов и русская литература.— М., 1971; Московская Н. Н. Библиография литературы о Н. А. Некрасове. 1970—1974 // Некрасовский сб.— Л., 1978.— Т. 6. Ю. В. Лебедев

НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО, Василий Иванович [23.XII (по другим данным — 25.XII).1844 (4.1, по другим данным — 6.1).1845, Тифлис — 18.IX.1936, Прага] — прозаик, поэт, публицист. Брат Вл. И. Немировича-Данченко. Родился в семье офицера, служившего на Кавказе. Впечатления детства, проведенного в походной обстановке, отразились позднее в произведениях о кавказской войне (романе «Забятая крепость»: В 2 т.— Спб., 1895; повести «Гаврюшкин плен». — 14-е изд.— Спб., 1917, и др.). Учился в 1-м Московском кадетском корпусе (1854—1863); тогда же начал писать стихи.

В 60 гг. Н.-Д. сближается в Петербурге с кружком литераторов, группировавшихся вокруг Софьи Мей (жены поэта Л. А. Мейя), издававшей журнал «Модный магазин», в котором были опубликованы несколько стихотворений (1865.— № 6). Н.-Д. ведет обычную для молодого писателя жизнь литературного поденщика, печатается во всевозможных изданиях нарождающейся «малой прессы». В нач. 70 гг. по приговору суда был сослан в Архангельск, откуда обратился с просьбой к Н. А. Некрасову поместить несколько стихотворений в «Отечественных записках»: «...я вынужден пресмыкаться по мелким изданиям, быть предметом самой беспощадной эксплуатации». Некрасов принял участие в его судьбе и напечатал 5 стихотворений (1871.— № 11) под общим заглавием «Песни о павших» за подписью Д. (см.: Богард В. Э., Вильчинский В. П. Песни о павших. Вас. И. Н.-Д. (Эпизод из редакторской практики Некрасова) // Некрасовский сб.— Л., 1967.— Т. IV.— С. 207—208).

Публикация в «Отечественных записках» открывала дорогу в «толстую журналистику»: очерки Н.-Д. о поездках по русскому Северу печатаются в ведущих литературных журналах: «За северным полярным кругом (Очерки мурманского берега)» (1876.— № 8—10), «С океана. Очерки Севера» (Дело.— 1874.— № 8—10), «Соловки. Воспоминания и рассказы из поездки с богомольцами» (Вестник Европы.— 1874.— № 8, 9); впоследствии неоднократно выходили отдельными изданиями. Очерки выполнены в популярном жанре «путевых заметок» или «литературных путешествий»: они насыщены малоизвестным этнографическим материалом, включают многочисленные пейзажные зарисовки, различного рода

занимательные рассказы о дорожных приключениях, встречах и беседах и сразу же обратили внимание читателей и критики. «Кто автор заметок о Соловецком монастыре в «Вестнике Европы»? — спрашивал И. С. Гурганов издателя журнала М. М. Стасюлевича.— Отличная вещь» (Турганев И. С. Полн. собр. соч.: В 28 т. Письма: В 13 т.— М.: Л., 1965.— Т. X.— С. 311).

С середины 70 гг. Н.-Д., избегая участия в открытом охранительных изданиях, активно сотрудничает в периодике, печатает рассказы, повести, романы, путевые и этнографические очерки, репортажи, произведения для детей, стихотворения. Ободренный успехом, продолжает работать в жанре путевой очерка («Подневольные странники»: В 2 т.; «Страна холода», «По Волге» — все Спб., 1877), однако критика встречает их весьма прохладно. Так, Н. К. Михайловский, признавая в Н.-Д. «некоторый талант», «гладкость языка» и «картинность» в описании природы, отметил стремление писателя «во что бы то ни стало произвести эффект» (Отечественные записки.— 1877.— № 3.— С. 98).

На протяжении долгой литературной жизни Н.-Д. эта особенность его творческой манеры будет неизменно привлекать читателей и издателей и столь же неизменно встречать неприятие критики.

В 70 гг. Н.-Д. непрестанно путешествует и быстро завоевывает репутацию «писателя-туриста» (Отечественные записки.— 1877.— № 3.— С. 96), «корреспондента-этнографа» (Будильник.— 1881.— № 50). Появляются «отчеты» о поездках по Кавказу (Русский Афон. Очерки и впечатления // Русская речь.— 1880.— № 5—6) и Уралу (Река лесных пустынь // Исторический вестник.— 1882.— № 11—12; Колыбель миллионов. Очерки из золотого царства // Исторический вестник.— 1884.— № 7—8, и др.; отд. изд.—1890). Со временем география поездок расширяется, захватывает страны Европы, Малой Азии, Африки; появляются произведения, рассказывающие о быте и нравах неведомых народов, воссоздающие картины экзотической южной природы («Очерки Испании. Из путевых воспоминаний».— М., 1888.— Т. 1—2; «По Германии и Голландии. Путевые очерки и впечатления».— Спб., 1892; «Под африканским небом. Очерки, впечатления, миражи и воспоминания».— Спб., 1896, и др.). Тот же этнографический материал использовался писателем в некоторых беллетристических произведениях (романах «Контрабандисты».— Киев, 1892; «Великий старик».— Спб., 1898, и др.).

Когда во время турецкой войны корреспонденты были (впервые в отечественной истории) допущены в действующую армию, Н.-Д. отправился в качестве корреспондента газеты «Новое время» на Балканский полуостров. Его репортажи печатались под псевдонимом *Шесть* и позднее составили т. I сборника «Год войны» (Т. I—III.—

Спб., 1878—1879). Он принимал участие в ключевых операциях и был награжден солдатским Георгиевским крестом. Впечатления и наблюдения послужили почвой для создания цикла романов о войне: «Гроза» (Спб., 1879; 8-е изд.—1902), «Плевна и Шипка» (Спб., 1881; 4-е изд.—1902), «Вперед!» (Спб., 1883; 3-е изд.—1990), многочисленных повестей и рассказов. В них изображались реальные события войны: оборона Плевны, взятие Шипки, переход русских войск через Балканы; значительное место отводилось батальным сценам и картинам природы. Романы густо населены; в числе действующих лиц — русские солдаты, офицеры; интендантские чиновники; жители обеих столиц и болгарских деревень; обитательницы турецких гаремов и мн. др. Однако большинство персонажей очерчены пунктирно и далеки от сколько-нибудь полноценных характеров. Наиболее удачны образы сестер милосердия — любимых героев Н.-Д., воплотивших в своем подвиге самопожертвования лучшие черты русской женщины. В евангельском служении ближнему находят смысл жизни представители различных социальных слоев: великобританская красавица, знаменитая актриса, вчерашняя институтка и «падшая» женщина. В жанровом отношении эти произведения можно назвать «романами» лишь с известной условностью: несмотря на свой объем (около 700 стр.) композиционно это скорее отдельные сцены, связанные не столько сюжетной линией, сколько эпизодическими появлениями главных персонажей.

Касаясь причин многочисленных неудач русских войск, Н.-Д. отмечает ошибки внешней политики, критикует излишнюю эмоциональную агитацию Славянских комитетов, указывает на просчеты высшего командования, казнокрадство в Товариществе продовольствия армии. Н.-Д. подвергает сомнению необходимость войны, оправданность ее геополитических целей страданиями и муками простых людей.

Мемуары Н.-Д. «Скобелев. Личные воспоминания и впечатления» (Спб., 1882; 4-е изд.—1903) служат хорошим источником для характеристики героя русско-турецкой войны. Обилие фактического материала в сочетании с увлекательным изложением принесли книге читательское признание, сделали ее «дорогим подарком всех почтителей Скобелева» (Газета А. А. Гатчука.— 1882.— № 37); высоко ценили мемуары Н.-Д. и критики «Отечественных записок» (1882.— № 10). Образ легендарного генерала легко удавался в герое романа «Семья богатырей».

Впоследствии Н.-Д. не раз приходилось вставать в ряды военных корреспондентов. Во время русско-японской войны он отправился в Манчжурию от газеты «Русское слово», где опубликовал только за первый год 350 корреспонденций, имевших, по свидетельству современников, «ошеломительный успех» (см.: Д и н н е р ш т е й н Е. А. И. Д. Сытин.— М., 1983.— С. 155—156). В ка-

честве корреспондента побывал Н.-Д. и на фронтах Первой мировой войны.

В 80—90 гг. Н.-Д. активно сотрудничает в литературной жизни; печатается в журналах «Русская мысль», «Наблюдатель», «Новь», «Северный вестник», «Север», «Нива» и др.; сотрудничает в газете «Русские ведомости» (с 1882 г.); отдельными изданиями выходят романы, сборники очерков и рассказов (в т. ч. и «для детского чтения»), появляется первый сборник стихотворений (1882). В этот период Н.-Д. привлекает мир финансового капитала, в котором все служит предметом купли-продажи: честь мужчины, тело женщины, перо журналиста, и выгода, а не нравственный закон или религиозные установления определяют отношения между людьми. В цикле романов Н.-Д. отразилась банковская лихорадка конца XIX в., когда бурное развитие промышленности и жел.-дорожного строительства, требовавшее огромных финансовых вложений, породило множество концесий, частных банков, акционерных обществ и пр. Среди героев романов Н.-Д. — запутавшийся в столичной жизни провинциал, подделавший вексель и в попытке уйти от позора убивший ростовщика («Болотные огни».— 4-е изд.— Спб., 1903; др. название «Болотный мираж»); студент университета, неожиданно получивший огромное наследство, но оказавшийся не в состоянии им управлять («Сластеновские миллионы».— Спб., 1893; 4-е изд.— 1901). Читатель посвящается в захватывающие подробности кредитных махинаций: можно открыть необеспеченный активами банк и исчезнуть с деньгами своих вкладчиков («Бубны козыри!».— Спб., 1894) или же посредством хитрой биржевой спекуляции разорить своего недавнего компаньона и тем самым принудить его дочь к замужеству («Цари биржи».— Спб., 1886; 6-е изд.— 1910), скупить подложные векселя с помощью шантажа и т. д. Сюжеты в романах занимательные, действие развивается динамично; герои переживают быстрые взлеты и падения, убивают и совершают самоубийства, совращают доверчивых девиц и т. д. Развязки эффектные и неожиданные, хотя обычно и малоправдоподобны.

Склонность к внешним эффектам и театральным диалогам в особенности свойственна романам Н.-Д. с «любовной» интригой: «Два дневника» (Спб., 1901), «Исповедь женщины» (Спб., 1889), «На разных дорогах» (Северный вестник.— 1894.— № 1—10). В них варьируется тема адольтера, героини совершают картинные падения и т. д.

Творчество Н.-Д. испытало известное влияние натурализма с присущим этому направлению стремлением вместить в литературное произведение как можно больший объем современного материала. Н.-Д. писал решительно обо всем: предметом изображения в его произведениях оказывается монастырский быт («Монах», 1889), мир театра («Кулисы»), жизнь российской гу-

бинки («Волчья сыть») и провинциального города («Городская глава»). В то же время повести и рассказы Н.-Д. мало чем выделялись на фоне переполнявшей либеральные журналы бытописательной беллетристики с налетом гуманной сентиментальности. Н.-Д. рисует образы «незаметных героев» (одноименный сборник.— Спб., 1889) — «крохотных людей, идущих бесстрашно и самоотверженно на подвиги спасения гибнущих, облегчения участи страждущих» (Русская мысль.— 1892.— № 11.— С. 448). Эта тема встречала горячее сочувствие либеральной критики; влиятельная «Русская мысль» регулярно помещала отзывы на новые произведения Н.-Д., проникнутые, по выражению рецензента, «горячей любовью к ближнему и глубокой верой в неугасимость «искры Божьей» в душе человека» (Русская мысль.— 1890.— № 1). Особый успех выпал на долю повести «Майор Бобков и его сироты»: трогательный сюжет (герой, посвятивший жизнь воспитанию сирот, спасает молодую девушку от самоубийства; она отдается заботам о детях и ради их будущего отказывается от личного счастья) вызвал одобрение даже той части критики, которая в целом относилась к творчеству Н.-Д. скептически: рецензент «Русского богатства» отмечал «оригинальный и красивый замысел» повести (1894.— № 10.— С. 26), а скупой на похвалы А. Волынский также с сочувствием отнесся к «незаметному, тихому, скромному подвижничеству, к неслышному труду на пользу несчастных» (Северный вестник.— 1893.— № 6.— С. 71).

В нач. XX в. Н.-Д. сближается с И. Д. Сытным, участвует в деятельности «Посредника», сотрудничает в газете «Русское слово». Его произведения имеют широкий читательский успех, интенсивно переиздаются. Накануне его отъезда за границу в 1921 г. один из рецензентов писал о Н.-Д. как об «одном из лучших наших стилистов», «настоящем поэте в прозе» и утверждал, что в библиотеках книги Н.-Д. «занимают одно из первых мест по числу требований» (Вестник литературы.— 1921.— № 6—7.— С. 14). Н.-Д. отличался исключительной для русского писателя плодотворностью: за свою жизнь он выпустил около 250 книг. Удачную характеристику Н.-Д. дал в середине 90 гг. Д. В. Григорович: «А какой был бы романист Вас. И. Н.-Д., если бы он вместо сорока томов написал только шесть. Это талантливый человек» (Плещеев А. А. Что вспомнилось.— Спб., 1914.— С. 201).

Соч.: Новое собр. соч.: В 50 кн.— П., 1916. На кладбищах.— Ревель, 1921; Из воспоминаний Вас. И. Н.-Д. о Некрасове // Литературное наследство.— М., 1949.— Т. 49—50.— С. 589—599.

Лит.: Скабичевский А. М. История новейшей русской литературы.— 7-е изд.— Спб., 1909.— С. 322—324. А. А. Носов

НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО, Владимир Иванович [11(23).XII.1858, с. Озургети (Грузия) —

25.IV.1943, Москва] — театральный деятель, драматург, прозаик, театральный критик. Брат Вас. И. Немировича-Данченко. Родился в семье офицера, детство провел, сопровождая отца в походах. После смерти отца поселился с матерью в Тифлисе. Окончил 1-ю Тифлисскую гимназию (1867—1876) с серебряной медалью. К гимназическим годам относятся первые литературные опыты (драма из французской жизни, водевиль и др.); тогда же «издается» классный журнал «Товариш». Трудное материальное положение семьи вынуждало Н.-Д. с ранних лет зарабатывать на жизнь. «Я начал давать уроки, когда мне было 13 лет» (Из прошлого.— С. 10). Недостаток средств определил и выбор физико-математического факультета Московского университета (1876—1879), где имелаась свободная стипендия для уроженца Кавказа.

С первого курса Н.-Д. сотрудничает в прессе: в «Русской газете» в качестве театрального критика (дебют — «Наши провинциальные театры» — 1876.— № 64.— 1 окт.), затем в «Будильнике», где с ноября 1878 г. совместно с Н. П. Кичеевым ведет регулярную рубрику «Сцена и кулисы» (псевдоним *Никс* и *Кикс* (*Кикс* — Н.-Д.)). С лета 1878 г. работает секретарем редакции газеты «Русский курьер» и печатает в ней многочисленные театральные рецензии; в ней же состоялся дебют Н.-Д.-прозаика (рассказ «Драма на почтовой станции», 1881, № 165, 166); вышел из состава редакции в конце 1882 г. в связи с переменной политическим курсом издания на консервативный. Студентом IV курса оставляет университет и целиком уходит в газетно-журнальную работу, сотрудничает в иллюстративных и юмористических еженедельниках («Свет и тени», «Развлечение», «Стрекоза», «Радуга»), в малой прессе (газеты «Русский сатирический листок», «Минута», «Суфлер»), посылает корреспонденции в провинцию, в некоторые влиятельные столичные издания («Новое время», «Голос», «Русские ведомости»), где печатает театральные рецензии и обзоры, повести, очерки, рассказы, фельетоны, судебные репортажи. Интенсивная газетно-журнальная работа продолжалась до 1893 г. Из всех мелких рассказов, опубликованных в 80—90 гг., Н.-Д. отобрал для отдельного издания только десять, которые составили сборник «Слезы» (М., 1894).

В 1881 г. Н.-Д. пишет комедию «Шиповник» (опубл. в «Будильнике». — 1882.— № 39—41 под псевдонимом *Владимир Иванов*; премьера состоялась 5 окт. в Малом театре), которая положила начало его драматической деятельности. Последующие драматические произведения Н.-Д.: «Наши американцы» (1882), «Темный бор» (1884) и др. — с успехом шли на императорских сценах обеих столиц, но признание драматического писателя принесла ему комедия «Новое дело» (1890), удостоенная Грибоедовской премии. С этой пьесой связывает Н.-Д. начало своей серъ-

езной литературной деятельности (Автобиография. — С. 469). Всего Н.-Д. создано 11 пьес (и одна совместно с А. И. Сумбатовым, «Соколы и вороны», 1885), которые заметно выделялись на сером фоне репертуара 80—90 гг.

1891 г. приносит Н.-Д. широкую известность: он избирается членом Театрально-литературного комитета и начинает преподавать драматическое искусство в Московском филармоническом училище. Тогда отдельным изданием выходит его крупная беллетристическая вещь — роман «На литературных хлебах», обративший внимание рецензентов «толстых» журналов, отметивших, наряду с «несомненной талантливостью автора», новизну в обрисовке современных «литературных нравов». В романе была поднята актуальная для того времени проблема коммерциализации литературного творчества, вызванная бурным ростом различного рода бульварных листков и др. подобных изданий. Хорошо знавший мир «малой прессы» по собственному опыту, Н.-Д. представил картину, обычно скрытую за кулисами журналистики. В 90 гг., наряду с многочисленными повестями и рассказами, появившимися в «Новостях дня», «Московской иллюстрированной газете», «Одесских новостях» и журнале «Артист», выходят основные прозаические и драматические произведения Н.-Д. С сентября 1892 г. в «Московской иллюстрированной газете» начинается публикация романа «Мимо жизни» (прервалась в следующем году в связи с закрытием газеты), который вышел отдельным изданием под названием «Мгла» (М., 1894), на тему «оскудения» родовитого дворянства, представители которого не в состоянии найти своего места в общественной жизни пореформенной России. Эта тема продолжена Н.-Д. в романе «Старый дом» («Мертвая ткань»). Н. К. Михайловский отметил в нем «серьезную мысль» и посвятил его разбору обширную статью, а также пьесу «Новое дело».

Основной конфликт произведений Н.-Д. — противоречие между духовным миром русского интеллигента, честного, доброго, готового к самопожертвованию, и реальностью повседневной жизни. Неспособность такого героя к действию, непригодность к жизни обычно приводит его к добровольному уходу из жизни — таков финал многих произведений Н.-Д. При этом самоубийство героя нельзя интерпретировать как расхожий драматический прием: стремительный рост самоубийств делал такой тип разрешения жизненного конфликта обычным в социальной действительности конца XIX в. Пьеса «Цена жизни» (опубл. в журнале «Театрал». — 1896. — № 100; вторично — Северный Вестник — 1897. — № 2; премьера — 12.XII.1896) полемична в отношении распространившегося в России философского пессимизма (Шопенгауэр, Гартман), выступавшего в качестве «теоретического обоснования» ухода из жизни. Хотя писателя прежде всего интересует внутреннее переживание героя,

его произведения насыщены приметами жизни и быта 90 гг., знакомят с обычаями мира прессы («На литературных хлебах»), театральных кулис («Мгла», «Драма за сценой»), жизнью землевладельцев и крестьян («Губернаторская ревизия», «В степи»), семейным укладом купечества новой формации («Новое дело», «Золото»).

Проза Н.-Д. обнаруживает некоторую близость повествовательной манере Чехова: ослабленность внешнего действия при углубленном психологическом анализе, «обыденность» героев, кажущаяся немотивированность их поступков и т. д.

А. П. Чехов неоднократно и с похвалой отзывался о произведениях Н.-Д., особенно выделив повесть «Губернаторская ревизия» (опубл. в 1895 г.): «По тонкости, по чистоте отделки и во всех смыслах это лучшая из Ваших вещей, какие я знаю <...>. Знание жизни у Вас громадное» (Полн. собр. соч. — Т. 6. — С. 84); эту повесть вместе с романом «Мгла» Чехов отправил в таганрогскую библиотеку (Там же. — С. 235).

После постановки пьесы «Цена жизни» и издания романа «В степи» литературное творчество Н.-Д. начинает идти на убыль. «В течение лета я, несмотря на множество обещаний, не написал ни строчки беллетристики. Качусь на рельсах только по направлению к театру» (Письмо Е. Карпову от 18.VII.1897). В 1898 г., наряду с несколькими рассказами и этюдами, Н.-Д. начинает печатать в «Одесских новостях» роман из жизни рабочих «Пекло», который, однако, не был завершен: с этого года Н.-Д. целиком посвящает себя Московскому Художественному театру. Как драматург в последний раз Н.-Д. выступил в 1901 г., написав специально для МХТ пьесу «В мечтах» (премьера состоялась 21.XII.1901), в которой попытался использовать принципы чеховской драматургии. Успеха ее постановка не имела. В дальнейшем Н.-Д. выступал только как театральный теоретик и критик.

Соч.: Сны. Повесть. — М., 1898; Из прошлого. — М., 1938; Повести и пьесы / Подгот. текста, вступ. ст. и примеч. Ф. И. Евнина. — М., 1958; Пьесы / Вступ. ст. Т. Б. Князевской; Примеч. В. А. Маслиха. — М., 1962; Избранные письма: В 2 т. / Сост., ред., автор вступ. ст. В. Я. Виленкин. — М., 1979.

Лит.: Соболев Ю. В. Вл. И. Немирович-Данченко: Очерк характеристика. — М., 1929; Фрейдкина Л. М. Дни и годы Вл. И. Немировича-Данченко: Летопись жизни и творчества (1858—1943). — М., 1962. А. А. Носов

НЕФЁДОВ, Филипп Диомидович [6(18).X.1838, Иваново — 12(25).III.1902, дер. Перебор Владимирской губ.] — прозаик, публицист. Родился в семье бывшего крепостного, вышедшего «в люди» — владельца небольшой фабрики. Отец Н., человек суровый и самовластный, видел в сыне продолжателя своего «дела». Несмотря на явные успехи сына в учебе и желание ее продолжить, сразу после окончания Н. церковноприходского училища отец засадил его за конторские книги. Переломным моментом в судьбе Н. стала встреча

с сотрудником «Костромских губернских ведомостей» — журналистом Н. Ашмаринным. По его совету Н. начинает писать, и в 1858—1859 гг. в этой газете появляются его первые статьи — «Галичская ярмарка» и «Из путевых заметок по Нерехтскому уезду» (1858. — № 50; 1859. — № 6). Вскоре Н. тайно бежит в Москву, чтобы продолжить учение в качестве вольнослушателя в Московском университете. В Москве начинается его постоянное сотрудничество с газетами и журналами. В «Московских ведомостях» были опубликованы под псевдонимом *Филипп Уводин* две заметки о писателях — В. Г. Белинском и И. Т. Кокореве. Наиболее тесные отношения завязались у Н. с еженедельником «Развлечение», нередко публиковавшим его смелые сатирические заметки на экономические и политические темы: очерки «Перед кончиною (блаженной памяти откупку)» (1863), «Чертово болото», (1864), «Мой дневник (заметки общественные, литературные и иные)» (1866), принесшие ему первый успех у широкой публики. В этих очерках впервые раскрылся публицистический дар Н., определились основные темы его творчества — нелегкая жизнь простого люда, трагические судьбы народных талантов, сознательно насаждаемые в рабочей и крестьянской среде пьянство и разврат. В 1868 г. в «Отечественных записках» (№ 9) вышла в свет первая большая повесть Н. «Девичник». Этот очерк фабричных нравов» был одним из первых в русской литературе исследований быта рабочих. Параллельно Н. деятельно работает на ниве народного просвещения. В 1865 г. он становится фактическим редактором нового московского журнала «Книжник», целью которого было «изучение мысли, желания, стремления народных масс» (Книжник. — 1865. — № 10). Публиковались в журнале и статьи самого Н. (под псевдонимом *Заушилов*). В 1871 г. в журнале «Грамотей» (№ 4—5, 12) была опубликована повесть Н. «Безоборочный», сразу завоевавшая признание читателей и особенно молодежи. Повесть была впервые издана отдельным изданием с иллюстрациями молодого, но уже известного художника В. М. Васнецова. «Безоборочный» вошел в сборник повестей Н. «На миру» (1872, 1878), который активно использовался народниками для пропаганды идей социальной справедливости в период «хождения в народ». В основе сюжета повести — история бедной семьи, отказавшейся, несмотря ни на какие лишения, подчиниться воле власти имущих. Но в этой борьбе торжествует несправедливость: судьба всей семьи исковеркана, главный герой повести сходит с ума. Повесть написана простым и лаконичным языком, лишена столь характерной для позднего Н. идеализации сельской общины. Н. показывает нравственное бессилие крестьянского «мира», неспособного защитить бедняка от разорительного произвола кулаков.

В нач. 70 гг. Н. возвращается в Иваново, где он вновь обращается к исследованию жизни фаб-

ричных рабочих. В «Вестнике Европы» (1871. — № 3) выходит его очерк русской фабричной жизни» — «Святки в селе Данилове», в которых описание пьяного, разухабистого праздника перемежается с лирическим повествованием о судьбе уникального художника. По заданию московской газеты «Русские ведомости» Н. пишет обстоятельные очерки об ивановских текстильных фабриках. Опубликованные в десяти номерах «Русских ведомостей» за 1872 г. под названием «Наши фабрики и заводы», эти очерки вызвали огромный общественный резонанс. Цикл очерков должен был состоять из двух частей: о труде рабочих, о поистине ужасных его условиях (по 14—16 часов работали не только взрослые, но и шести-семилетние дети) и о недолгом отдыхе рабочих. Однако опубликована была только первая часть цикла: Шуйское жандармское управление запретило печатать продолжение. В этом же году Н. становится управляющим делами комиссии почета о рабочих и ремесленниках на политехнической выставке в Москве. Работа в комиссии отнимала у писателя много сил и времени, но приносила и известное удовлетворение, т. к. осознавалась как реальное и нужное дело. Затем деятельность Н. как писателя и публициста прерывается на несколько лет, до середины 80 гг., что связано, прежде всего, с увлечением Н. этнографией. Став в 1874 г. членом Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, Н. по заданию общества путешествует по российским губерниям, собирая материал о быте русского крестьянства. Вернувшись в Москву, он в течение двух лет (1879—1880) редактирует газету «Русский курьер». Именно с именем Н. связан период наивысшего взлета этой газеты. После ареста Н. по делу С. Г. Нечаева в 1880 г. (к которому Н. был совершенно непричастен, вся его вина была в частной переписке с главарем «Народной расправы») он был отстранен от редактирования газеты, несмотря на полное его оправдание.

В 80 гг. начинается сотрудничество Н. с журналами «Наблюдатель» и «Северный вестник», в которых публикуются художественно-этнографические повести «Лукавый попутал» (1892), «Ионыч. Из жизни и нравов лесного края» (1888), «Тайна реки» (1894) и др. В 1893 г. в «Северном вестнике» (№ 1—4) выходит автобиографическая повесть Н. «Детство Протасова. Из жизни и нравов фабричного мира», в которой писатель повествует о своей безрадостной юности. Для этого позднего периода творчества Н. характерно резкое противопоставление идеализируемой им сельской жизни развращающему быту фабричных городов. В повести «Чудесник Варнава» («Русские ведомости», 1898) рассказано, как фабричная жизнь довела крестьянина Варнаву до беспробудного пьянства и едва не толкнула на путь преступлений. И только возвращение Варнавы в деревню, к чистой и трезвой сельской

жизни спасло и его судьбу, и судьбу его близких. Хотя повесть заканчивается смертью Варнавы, это смерть человека расквашивающегося и вновь обретшего истину.

В 90 гг. Н. обратился к новой для русской литературной и общественной жизни теме — быту переселенцев. В очерках «В горах и степях Башкирии», «Никитин починок», «Ушкуль. Горная башкирская легенда» и др. Н. показал бедственное положение переселенцев, трагические судьбы целых народов, лишенных отчей земли.

Соч.: Соч.: В 2 т.— М., 1894—1895; Соч.— Спб., 1900.— Т. 3, 4; Повести и рассказы: В 3 т. / Вступ. ст. Н. Д. Морачевского.— Иваново, 1937; Избр. произв.— Иваново, 1959; Наши фабрики // Штурманы будущей бури.— М., 1987.— С. 205—222.

Лит.: Васюков С. И. Воспоминания о Ф. Д. Нефедове // Исторический вестник.— 1902.— № 5.— С. 584—592; Смирнов А. В. Ф. Д. Нефедов, его жизнь и деятельность // Труды Владимирской ученой архивной комиссии.— 1918.— Т. XVIII, раздел «Материалы».— С. 1—25; Кубиков И. Н. Рабочий класс в русской литературе.— Иваново-Вознесенск, 1926.— С. 71—80.

С. Л. Кравец

НЕЧАЕВ, Егор Ефимович [13 (25).IV.1859, с. Харитоново Корчевского у. Тверской губ.— 23.XI.1926, Павлов Посад под Москвой; похоронен в Москве на Ваганьковском кладбище] — пролетарский поэт-самоучка. Отец Н. — рабочий-хрустальщик (из крестьян) часто менял место работы, семья была бедной, многодетной, и будущего поэта с девяти лет отдали учиться отцовскому ремеслу. В ранних стихах и послеоктябрьских рассказах Н. описал невыносимые условия труда в гуте — помещении для производства стекла, где подсобниками служили дети: «Четырнадцать и двадцатичасовая работа в сутки, ядовитая пыль, невыносимая жара, недоедание, недосыпание, постоянные ожоги, побои и целый ряд других лишений скоро мою жизнь превратили в невыносимую муку...» (Современные рабоче-крестьянские поэты в образцах и автобиографиях... / Сост. П. Я. Заволокин.— Иваново-Вознесенск, 1925.— С. 3). Н. научился читать только в 17 лет. Большое впечатление произвели на него поэзия и судьба И. З. Сурикова, под его влиянием Н. начал складывать стихи. В 80 гг. Н. обосновался в Москве, где, продолжая работать стеклянником, сблизился с поэтами из народа — М. Леоновым, Ф. Шкулевым и др., участвовал в их коллективных сборниках. В сборнике «Метеор» (1891) было впервые напечатано стихотворение Н. «Зимняя картинка». В нач. 900 гг. Н. вместе с другими литераторами организовал Московский товарищеский кружок писателей из народа, в 1903 г. переименованный в Суриковский литературно-музыкальный кружок, издававший сборники «К заветной цели» (1904), «Луч» (1906), «Посильная помощь» (1906), «Родные думы» (1909), «Памяти Н. В. Гоголя» (1909), журнал «Друг народа». В отличие от других поэтов-«суриковцев», в творчестве которых преобладала крестьянская окраска, Н. с самого

начала литературного пути выступил как поэт рабочей темы. В стихах 80—90 гг. (опубл. позднее) он запечатлел картины тяжелого труда стеклянников, гуту, похожую на ад, страдания мало-летних рабочих, лишенных радостей детства: «Лица черны, без кровинки, / Губы мертвенно-бледны, / У иных видны слезинки, / Души трепета полны». В стихотворении «Перед шабашом» изображено убийство мальчика, задремавшего на работе, в примечании говорится, что автор сам был свидетелем такой сцены. Но нелегко и положение взрослых («Неудача», «Душно», «Думы» и пр.). Поэт рисует их бесправие (хозяин волен выгнать на улицу пожилого рабочего, не оказывает помощи семье, безвременно теряющей кормильца). Все эти произведения оживляет диалог, разговорная народная речь, выразительно выпуклые картины убогого быта бедняков. Но есть в раннем творчестве Н. и стихи иной тональности — рабочую гордость мастера поэт показал в стихотворении, посвященном отцу. В стихотворениях «Безработный», «Песня хрусталей» отражены исподволь нарастающие настроения социального протеста, ненависти к угнетателям, вера в грядущее освобождение, когда «восторжествует брат-голяк». Смело для того времени стихотворение «Язычница» (1899), направленное против религиозного долготерпения. Таких богорборческих мотивов не знала поэзия «суриковцев». Н. овладевает разными стихотворными жанрами — песней, жанровой сценкой, остроюющей балладой («Усляр»). Большое место в его творчестве занимала лирика природы, которую охотно печатали (в отличие от социально окрашенных произведений). В 90—900 гг. Н. публикуется в периодике — в «Прибавлениях к «Московскому листку», газете «Русское слово», в журналах «Детское чтение», «Юная Россия», «Путеводный огонек». В детских журналах выступали выдающиеся современные писатели, в том числе И. Бунин, который одобритительно отозвался о книге Н. «Вечерние песни» в открытке, полученной автором в 1914 г. Н. учился у современников-реалистов, но более всего у классиков русской литературы («Родина», 1907), представительшей гражданской поэзии (посвящения Н. А. Некрасову, А. Н. Плещееву). Весь предшествующий путь подготовил Н. к восприятию революционного мировоззрения в 1905—1906 гг. Он создает произведения, проникнутые вольнолюбием, клеймящие «дикий произвол», призывающие к смертельной битве с угнетателями: «Вперед», «О свободе», «Простое слово», «Мне хотелось бы песню свободную спеть...» В стихах Н. этого периода звучат и ораторские интонации, и песенные, как бы навеянные фабрично-заводским фольклором («Утарям»). Поэт подчеркивает свое единение с массой рядовых тружеников, стремление стать их голосом, выразителем их чаяний. Классовая пролетарская позиция выражена в его стихах вполне отчетливо. В рабочем цехе, в гу-

те — «убежище разутых / И обездоленных нуждой» — истоки, начало его песен, — говорится в одном из лучших стихотворений Н. — «Мой храм» (1905). Революционные стихи Н. обнародованы не полностью — часть их пропала в связи с конфискацией сборника «Под красным знаменем» (Вып. 2. — М., 1905), в котором поэт выступал вместе с М. Леоновым и Ф. Шкулевым, часть была отобрана охранкой во время обысков. С 1906 г. Н. участвовал в периодических изданиях, редактировавшихся Ф. Шкулевым, П. Травинным и др.: «Доля моя», «Доля бедняка», «Летопись», «Простая жизнь», «Простое слово». Все эти издания прекращались из-за цензурных вгонений. Тогда же Н. пишет много сатирических стихов в журналах «Удаль», «Балагур», «Острия» под различными псевдонимами, но сатира Н. слабее его лирики. Продолжалось и сотрудничество Н. в журналах для детей и юношества. Он публиковал и переводы стихов Т. Шевченко, Я. Райниса, М. Конопницкой, Я. Коласа, Я. Купалы. До Октября Н. испытывал трудности с изданием сборников. Вышли только две книжки: «Трудовые песни» (М., 1911) и «Вечерние песни» (М., 1913). Лишь в 1916 г., в возрасте 57 лет, поэт оставил работу стеклянщика. Наиболее полный прижизненный сборник стихотворений Н. — «Из песен старого рабочего» (М., 1922).

Соч.: Гута (Полн. собр. соч.) / Критико-биографический очерк И. Кубикова. — М.; Л., 1928; Избранное / Вступ. ст. и примеч. А. Л. Трегубова. — М., 1955; У истоков русской пролетарской поэзии / Вступ. ст. А. Бихтера. — М.; Л., 1965. Лит.: Осьмаков Н. В. Русская пролетарская поэзия. — М., 1968; Бахметьев В. Голос рабочего поэта // Литературная газета. — 1955. — 22 ноября; История русской литературы конца XIX — начала XX века / Под ред. К. Д. Муратовой. — М.; Л., 1963. Л. К. Швецова

НИКИТИН, Иван Саввич [21.IX (3.X).1824, г. Воронеж — 16(28).X.1861, там же] — поэт и прозаик. Родился в обеспеченной мещанской семье с типичными патриархальными нравами. Отец Н., Савва Евтихиевич, был заметным в Воронеже человеком, предприимчивым торговцем, владельцем свечного завода и лавки, первым кулачным бойцом. Мать поэта — кроткая, жалостливая, богомольная женщина — терпеливо сносила крутой характер мужа. От отца Н. унаследовал «крепость и серьезность», практическую хватку и деловитость, от матери — душевную чуткость, мечтательность и поэтическую одаренность.

Н. учился в Воронежском духовном училище (1833—1839) и семинарии (1839—1843), но не окончил ее. Семинария уже не могла похвалиться тогда хорошим составом преподавателей: о кружке Серебрянского и Кольцова остались лишь воспоминания. Но вопреки суровым порядкам, подавлявшим личность семинаристов, эти воспоминания оказывали на молодежь благотворное влияние. Статьи Белинского о Кольцове читались жадно, а стихи «воронежского прасола» заучива-

лись наизусть. Н. как сын состоятельных родителей был вольноприходящим студентом, сохраняя независимость от церковного начальства и широту духовных запросов. Он мечтал об университете, увлекался Пушкиным, Жуковским, Лермонтовым и Гоголем, читал Шекспира; интерес к «священным наукам» постепенно угасал в нем. Уже в семинарии Н. начал писать стихи, подражая песням и думам Кольцова.

В 1843 г. торговые дела отца резко ухудшаются, Н. уходит из семинарии, становится сидельцем свечной лавки и торговцем вразнос по праздничным дням. Умирает мать Н., убитый горем и неудачами отец начинает пить, свалив на сына всю тяжесть хозяйственных забот. В 1844 г. Н. вынужден продать свечной завод и стать содержателем постоялого двора. Более десяти лет он встречает извозчиков, ямщиков, странников, купцов и крестьян, живя в постоянном общении с проезжими людьми, с разными условиями пестрого русского общества. Случайные постояльцы ведут себя откровенно с добрым и чутким «дворником», исповедую перед ним свои тайны, рассказывая горькие житейские истории. Отзвучивая на чужую боль душа получает ежедневно слишком много тяжелых жизненных впечатлений. Спасением от них являются книги, природа, религия и собственные стихи.

«Окруженный людьми, лишенными малейшего образования, не имея руководителей, не слыша разумного совета, за что и как мне нужно взяться, я бросался на всякое сколько-нибудь замечательное произведение, бросался и на посредственное за наименее лучшего. Продавая извозчикам овес и сено, я обдумывал прочитанные мною и поразившие меня строки, обдумывал их в грязной избе, нередко под крик и песни разгудавшихся мужиков... Найди свободную минуту, я уходил в какой-нибудь отдаленный угол моего дома. Там я знакомился с тем, что составляет гордость человечества, там я слал скромный стих, просившийся у меня из сердца. Все написанное я скрывал, как преступление, от всякого постороннего лица и с рассветом сжигал строки, над которыми я плакал во время бессонной ночи. С годами любовь к поэзии росла в моей груди, но вместе с нею росло и сомнение: есть ли во мне хоть искра дарования?» (Никитин И. С. Соч. — М., 1955. — С. 302).

Только в 1853 г., почти в тридцатилетнем возрасте, Н. решился отдать свои стихи в редакцию «Воронежских губернских ведомостей». Опубликованная на их страницах «Русь» положила начало литературной известности Н. Им заинтересовался Н. И. Второв, один из руководителей газеты, историк, этнограф, статистик, организатор кружка воронежской интеллигенции. Упрочивая за Н. славу «второго Кольцова», члены кружка пытаются по-своему опекают его. Второв и П. А. Придорокин поощряют демократические темы и ноты социального протеста в стихах Н.,

а М. Ф. Де-Пуле и А. П. Нордштейн — религиозные мотивы и гармонические описания природы.

В 1854 г., в июньской книжке «Отечественных записок», Нордштейн знакомит с «новым Кольцовым» столичную публику, в «Библиотеке для чтения» статью о Н. печатает Н. В. Кукольник. Наконец, высокопоставленный чиновник, граф Д. Н. Толстой, оказывая Н. свое покровительство, отбирает его стихи на свой великосветский вкус и публикует в 1856 г. отдельной книгой с собственным предисловием.

Первые интерпретаторы из консервативного лагеря трактуют поэзию Н. то в ключе «чистого искусства», то в духе «официальной народности». Упрощая сложный облик поэта, они в какой-то мере провоцируют отрицательное отношение к Н. революционно-демократической критики. Н. Г. Чернышевский отказывает стихам Н. в самостоятельности и усматривает в них лишь консервативное содержание. Н. А. Добролюбов говорит, что Н. «работает не из сырого материала, а почти всегда уже из того, который был в отделке. Не жизнь вдохновляет его, а умные изображения жизни у поэтов и мыслителей» (Собр. соч.: В 9 т. — Т. 6. — С. 171).

В раннем творчестве Н. действительно проходит литературную школу Пушкина («Лес», 1849), Кольцова («Весна в степи», 1849; «Русь», 1851), Лермонтова («Ключ», 1850; «На западе солнце пылает...», 1851), Майкова («Вечер», 1850), Некрасова («Рассказ ямщика», 1854; «Уличная встреча», 1855). Но «литературность» Н. является не столько фактом обычного подражания, сколько результатом эстетически обдуманного преодоления горьких жизненных впечатлений, в т. ч. и собственных мрачных и скорбных стихов. Совмещая в одном стихотворении будничные зарисовки суровой жизни бедняков с «кольцовскими», «майковскими», «фетовскими» картинами гармонической природы, Н. пытается эстетически преодолеть мир нужды, нищеты и горьких забот («Утро на берегу озера», 1854). Возникает типичное для первого периода творчества противоречие между эстетизированной природой, воплощающей красоту и мировую гармонию, и человеческой жизнью в ее демократических глубинах, дисгармоничной и несовершенной («Тихо ночь ложится...», 1849; «Зимняя ночь в деревне», 1853). Столкнувшись с неразрешимыми противоречиями повседневного бытия, Н. пытается снять их, обращаясь то к художественному опыту предшественников, то к религии.

Эстетическая программа Н. далека от индивидуализма. Размышляя о назначении искусства, Н. не принимает поэта, одержимого «личной скорбью»; он противопоставляет ему творца, «узавленного страданиями человечества», коренными несовершенствами земного миропорядка («Поэту», 1855). Раздумья поэта о мировом эле и мировом добре принимают в ранних стихах

религиозный характер («Дума», 1849; «Вечность», «Небо», 1849—1853; «Молитва», 1851). Однако религиозность Н. является не уходом от действительности, а попыткой духовного преодоления роковых противоречий земного бытия. В религиозных стихах Н. размышляет о смерти и бессмертии, поэтизирует величие и красоту христианского самопожертвования («Моление о чаше», 1854). Но «мировая гармония» на эстетически приподнятом или религиозном уровне постоянно сталкивается со «слезинкой ребенка» и возвращает поэта к жизни с ее социальными бедами, лишениями, страданиями, «к горечи сущестственности злой».

На втором, зрелом этапе творчества в поэзии Н. нарастают социальные мотивы, красота все чаще открывается не вне, а внутри народной жизни с ее трудовыми основами, с удалью, поэтической силой крестьянских характеров. И осуществляется это открытие не на кольцовских, синтезирующих, а на некрасовских, аналитических путях. Одновременно с Некрасовым и в чем-то опережая его Н. изображает частного человека из народа с индивидуальной судьбой, неповторимым характером. На смену песенной стихии кольцовского творчества приходит повествовательная, разрастается новеллистический сюжет. В поэзии Н. оживает разноголосый мир народных индивидуальностей — мещан, дворовых, лакеев, мастеровых, извозчиков, крестьян-пахарей, не похожих друг на друга, по-разному воспринимающих социальные конфликты, по-разному откликающихся на противоречия повседневного бытия («Ночлег в деревне», 1857—1858; «Пахарь», 1856; «Пряха», 1858; «Купец на пчельнике»; «Неудачная присуха»; «Ночь извозчиков», все — 1854).

Общественный подъем 60 гг. отзывается в стихах Н. заострением социальных мотивов: если раньше конфликты принимали всеобщий, «космический» характер, то теперь вопиющая несправедливость открывается в общественных отношениях, вскрывается антагонизм между народом и имущими сословиями, в стихах появляется фигура народного обидчика — барин, оклеветавший слугу («Старый слуга», 1859), самодовольный барский холуй, уверенный в своей безнаказанности («Староста», 1856—1858), чиновники, наживающиеся на мужицком горе («Мертвое тело», 1858), купчик лихой, походя разбиивший девичью судьбу («Ехал из ярмарки ухарь-купец...», 1858).

С обострением конфликта сокращается описательность, стихи приобретают внутреннюю энергию, живой драматизм, а характеры — психологическую сложность. Выясняя конкретные носители социального зла, народные герои обретают ясные цели, перспективы борьбы с ним. В стихах появляется «легкое дыхание», исчезают мотивы грусти, уныния, даже в терпении народном открывается новый, подвижнический, бога-

тырский смысл: «Спит в лачужке, на грязной соломѣ, / Богатырь в безысходной бедѣ, / Крепче камня в несносной истомѣ, / Крепче меди в кровавой нуждѣ» («Нищий», 1857). Красота уже не привносится в народную жизнь извне, а прорывается в самих народных характерах до лихим разгулом, то героическим самопожертвованием, то бесстрашной удалью («Удаль и забота», 1857). Мелочи и детали крестьянского существования, не теряя своей бытовой, жанровой характеристики, укрупняются, приобретая всероссийское поэтическое звучание.

На основе анализа народной жизни постепенно нарастает в стихах Н. синтезирующее начало, возрождаются фольклорные, песенные интонации, но не в колыбельской, а в своеобразной, никитинской форме, превосходящей эпические поэмы Некрасова. Если в колыбельской песне давалось одно человеческое чувство, приобретавшее общенациональный смысл, то у Н. в «Песне бобыля» общенациональное высвечивается косвенно, сквозь индивидуальный характер. Бобыль — не просто бесталанная голова, а в самом разгуле он остается себе на уме: его удаль — и вызов сильным мира сего, и попытка спрятать от них глубину своего горя. В песне рождается противоречивый и сложный лирический характер, а поэт и входит в народную жизнь изнутри, и поднимается над нею, сохраняя право на анализ, на взгляд со стороны. В стихотворении «Пахарь» (1856) автор изображает поэзию земледельческого труда и социальный драматизм крестьянского существования, не выходя за кругозор труженика-пахаря. Но в финале песни пробивается голос лирического «я», появляется взгляд на мужицкую жизнь извне, с точки зрения российского интеллигента-поэта.

С обретением поэзии в непосредственной жизни народа изменяется и пейзажная лирика Н. В раннем творчестве человек и природа пребывали в контрастном противостоянии. Затем началось их сближение в идиллически окрашенных стихах («Вечер после дождя», 1854; «Лесник и его внук», 1854). В процессе сближения пейзаж приобретает все большую конкретность, пока на пределе ее не обретает новую всеобщность, но уже в качестве родного, русского пейзажа, наполненного живыми красками, звуками и запахами в гармонии с крестьянским трудовым мирозерцаием («Утро», 1855).

С усложнением лирических народных характеров появляется потребность выхода за рамки лирических миниатюр к большому эпическому повествованию. Она реализуется в поэмах из народной жизни («Кулак», 1857; «Тарас», 1860) и получает завершение в прозе («Дневник семинариста», 1860). В поэме «Тарас» есть попытка создать новый крестьянский характер, тянущийся в путь-дорогу на поиски лучшей доли. Здесь предчувствуются уже некрасовские странники,

мужики-правдоискатели «Коробейников», «Кому на Руси жить хорошо».

В 1859 г. Н. издает второй сборник зрелых, реалистических произведений, получивший более благосклонный отклик революционно-демократической критики в лице Н. А. Добролюбова. Успех сборника вдохновил поэта. Скопив долгими трудами необходимую сумму денег, Н. приобрел книжную лавку, ставшую культурным центром Воронежа. В лирике поэта все более и более нарастали критические мотивы, с беспощадной иронией обличал он болтливость русских либералов и не одобждался относительно реформы «сверху», ожидая подъема народных сил. Но жизнь, полная лишений и невзгод, не прошла бесследно. Вскоре Н. тяжело заболел и умер от чахотки 37 лет от роду.

Поэзию Н. высоко ценили русские писатели. И. А. Бунин относил Н.-поэта к числу «тех великих, кем создан весь своеобразный склад русской литературы, ее свежесть, ее великая в простоте художественность, ее сильный простой язык, ее реализм в самом лучшем смысле этого слова. Все гениальные ее представители — люди, крепко связанные с своей почвой, с своею землею, получающие от нее свою мощь и крепость. Так был связан с нею и Никитин, и от нее был силен в жизни и творчестве» (Бунин и И. А. Собр. соч.: В 9 т. — Т. 9. — С. 504).

Н. явился учителем И. З. Сурикова и С. Д. Дрожжина. О нем с любовью отзывались советские поэты М. В. Исаковский и А. Т. Твардовский. На слова Н. создано около 60 романсов и песен: «На старом кургане» В. С. Калининкова, «Встреча зимы» Н. А. Римского-Корсакова, «Песня бобыля» С. Монюшко, «Русь» Э. Ф. Направника и др.

Соч.: Стихотворения. — Спб., 1856; Стихотворения. — Спб., 1859; Полн. собр. соч. и писем: В 3 т. / Под ред. с биограф. очерком, ст. и примеч. А. Г. Фомина. — Спб., 1913—1915; Избр. проза. / Вступ. ст. и примеч. В. А. Тонкова. — Воронеж, 1949; Соч.: В 4 т. / Вступ. ст. Г. А. Костина. — М., 1960—1961; Полн. собр. стихов. / Предисл. Н. И. Рыленкова; Вступ. ст. и примеч. Л. А. Плоткина. — М.: Л., 1965; Собр. соч.: В 2 т. — М., 1975.

Лит.: Чернышевский Н. Г. Стихотворения Ивана Никитина // Полн. собр. соч. — М., 1947. — Т. III; Добролюбов Н. А. «Кулак». Поэма И. С. Никитина // Собр. соч.: В 9 т. — М.: Л., 1963. — Т. III; Он же. Стихотворения Ивана Никитина // Там же. — М.: Л., 1963. — Т. VI; Де-Пуле М. Ф. Иван Саввич Никитин // Соч. — Воронеж, 1869. — Т. I; И. С. Никитин. Статьи и материалы о жизни и творчестве. — Воронеж, 1962; Тонков В. А. И. С. Никитин. Очерк жизни и творчества. — Воронеж, 1964; Скотов Н. Поэты некрасовской школы. — Л., 1968; «Я Руси сын!» К 150-летию со дня рождения И. С. Никитина. — Воронеж, 1974. Ю. В. Лебедев

НОВОДВОРСКИЙ, Андрей Осипович, псевдоним — А. Осипович [1853, Липовецкий у. Киевской губ. — 2(14).IV.1882, Ницца] — прозаик. Родился в семье дворянина-бедняка, служившего смотрителем провиантского магазина. Биографических сведений о Н. крайне мало. Из его собственноручной записи (в альбоме М. Семевско-

го) узнаем, что он окончил Немировскую гимназию в 1870 г. Высшего образования не получил. В 1872 г. слушал лекции в университете св. Владимира по математическому факультету, но должен был уехать из Киева по недостатку материальных средств (С. 162). С 13 лет (1866 г.— год смерти отца) дает уроки, чем поддерживает семью. После выхода из гимназии и до конца жизни репетиторство едва ли не основной заработок Н. Скитаясь по стране, он добирается до Петербурга, но поселиться в столице ему удается лишь в 1879 г.

О литературном его окружении известно мало. Он общался с писателем И. И. Ясинским (Белинским), жившим в 70 гг. в Киеве. М. Е. Салтыков-Щедрин, покровительствовавший Н., напечатал его первое произведение «Эпизод из жизни ни павы, ни вороны» (Отечественные записки.— 1877.— № 6). Влияние Щедрина как писателя, идеолога и редактора на Н. бесспорно. Щедрин не имел обыкновения завязывать с молодыми сотрудниками журнала близкие отношения (см.: Литературные воспоминания А. М. Скабичевского), поэтому Н. как человека знал недостаточно, о чем сожалел после его смерти (Щедрин Н. [Салтыков М. Е.]. Полн. собр. соч.— Т. XIX.— С. 242).

Свое от природы крепкое здоровье Н. подорвал еще до начала литературной деятельности. Затем дважды переболел тифом в 1878 и 1880 гг., Н. почувствовал первые признаки туберкулеза, приняв его сначала за «легкий бронхит». Щедрина удается отправить Н. в конце 1881 г. на лечение в Ниццу за счет Литературного фонда. Здесь Н. умирает в казенной больнице 29 лет от роду.

Его литературное наследие компактно и невелико. Дневниковые записи второй половины 1870 г., знаменующие начало литературной деятельности, частично опубликованы Ясинским (Отечественные записки.— 1882.— № 4). Достоверность их вызвала сомнение некоторых исследователей (Груздев А.— С. 168).

Заглавие первой печатной повести Н. «Эпизод из жизни ни павы, ни вороны (Дневник домашнего учителя)» восходит к народной поговорке, закрепившейся благодаря концовке крыловской басни «Ворона» (1825). Там речь шла о купеческой дочери, через замужество попавшей в свет и чувствующей себя не в своей тарелке. «Шестидесятники» придавали этой поговорке расширительный смысл. Н. воспользовался многозначностью фразеологизма, создав двойственный характер представителя беднейших разночинских слоев — «умственного пролетария» 70 гг.

Фамилия героя говорящая — Преображенский. С нею связывается мысль о преобразовании социальной жизни и участвующего в этом процессе человека. Используя щедринский прием введения в произведение известных литературных героев, Н. воссоздает духовную родословную

Преображенского. Он вырос в семье бедной вдовы сельского священника Феоктисты Преображенской, ею усыновлен и воспитан, однако его подлинный отец — Печорин, мать — княжна Мери, старшие братья — Рудин и Базаров, Онегин — родной дядя и отец Обломова. Здесь не без юмора воплощена эстафета духовных исканий основных персонажей русской литературы, что уже концептуально было осмыслено «шестидесятниками» — Н. Г. Чернышевским, Н. А. Добролюбовым («Что такое обломовщина?»), А. И. Герценом в ряде статей. Примечательно, что Герцен назвал Базаровых «нашими блудными детьми» (Собр. соч.: В 30 т.— Т. XX.— Кн. I.— С. 346).

Дед Преображенского Демон — молодой идеалист скорее 40 годов (А. Груздев), но хронологический сдвиг лишь подчеркивает разницу между генетической и духовной родословной. Демон все подвергал сомнению, чем пугал покойную бабушку, между тем «не сомневался даже в крепостном праве». В повести участвует и Тургенев, ведущий спор с Соломиным (персонаж романа «Новь») о социальном характере Преображенского. Тот же, будучи не удовлетворен их оценками своей персоны, решает рассказать о себе сам. В какой-то мере правы исследователи, видевшие в Преображенском своеобразного двойника Нежданова; но в отличие от героя Тургенева, переживающего свой комплекс неполноценности — незаконнорожденность (Шпак о в с к а я Е.— С. 301), Преображенский — прежде всего продукт общественно-исторических обстоятельств. Они характеризуются как болото, в которое должен броситься человек, воодушевленный великой идеей, «с высоты чувств», чтобы «действовать и утонуть», пытаясь «осушить болото».

Аллегорический образ дремучего леса и болота, откуда должны вывести народ передовые люди, был создан Добролюбовым («Что такое обломовщина?»), затем, в приложении к этапу «хождения в народ» и его неудач, был использован Н. Михайловским («Записки профана», 1875).

Герой «Эпизода», вооружившись народолобивыми принципами П. Л. Лаврова, Т. Н. Ткачева, М. Л. Бакунина, Н. К. Михайловского, рисует перед собой совершенно иллюзорную перспективу, вообразив себя во главе «тысяч народа» — «силачей, словно из бронзы вылитых», которыми он командует при расчистке грязи. Но в эту сладостную минуту торжества то и дело вторгается какой-то иронический голос, повторяющий одно слово: «Филистер! Филистер!» Перед героем Н. два пути: либо жертвенное служение «меньшому брату», либо «мещанское счастье».

Преображенский остается как бы «между двух стульев» (Неделя.— 1877.— № 42). Любимую им женщину из светского круга он также хочет

видеть скорее «павой», чем «вороной» — в «элегантном платье с кружевами», а не в «неуклюжем рабочем переднике». И если бы она спустилась к нему в эту грязь, он сам бы немедленно ушел оттуда. Любовный роман не состоялся, и герой подражается разгужать строевые бревна на пристани. Это испытание, родственное иллюзорной мечте, кончается для него поражением.

После неудачной попытки самоубийства его выхаживает Елена Инсарова. Ныне она (вернувшись из Болгарии после смерти мужа) занимается благотворительной деятельностью на хуторе с говорящим названием «Забава», обучая сельских ребятишек грамоте и поднимая никому здесь не нужный вопрос о женской эмансипации.

Более цельная, чем Преображенский, натура — кузнец Печерица, являясь антиподом герою, вырастает как будто из земли, а не спускается «с вершин Кавказа». Печерица помогает крестьянам ладить лемехи и бороны, по его совету они выгодно покупают участок помещицкой земли с лесом. Проникшись великой идеей, Печерица уезжает в город, увозя с собою Елену, несмотря на снисходительное к ней отношение как к «кающейся дворянке». Будущее этого героя также вызывает некоторый скепсис у Н. И Преображенский и Печерица — разновидности типа «ни павы, ни вороны», или «маленького Белинского», выросшие в вороньей среде, любящие своих ворон, пытающиеся поднять их до себя. Но вороны не обнаруживают никакого желания «лететь так высоко вверх». Отсюда и двойственность социального положения и душевного состояния персонажей. Многие исследователи, в т. ч. и М. Горький, заметили тонкую душевную связь «ни павы, ни вороны» с типом «лишнего человека» в русской литературе (Горький М. История русской литературы. — М., 1939. — С. 269).

В Преображенском дореволюционные критики пытались видеть «потомка Репетилова или Гамлета Шигровского уезда» (А. Скабичевский), «кающегося дворянина» (М. Гродецкий). В нач. 900 гг. в нем открыли элементы русского нищанства, проявившего себя «до и после Ницше» (Е. Жданский). С позиций марксистской критики В. Воровский усмотрел в персонажах Н. начало духовного кризиса русской интеллигенции как решающей силы освободительного движения.

На смену «героическим одиночкам», по этой концепции, приходил революционный класс: «Литературная история русской интеллигенции с конца 70-х годов состоит сплошь из постоянно сгущающейся окраски пессимизма. А. О. Новодворский, еще стоящий одной ногой в царстве воодушевления и долга, другой уже переступает в мрак отчаяния, беспомощности и пессимизма» (Воровский В. Отцы и дети // Литературно-критические статьи. — М., 1956. — С. 161). Попытки видеть в Н. беллетриста народнического тол-

ка вызывали в свое время возражения у М. Горького (Собр. соч.: В 30 т. — Т. 24. — С. 65). Стремление же представить его последовательным революционным демократом, апологетом Щедрина (Б. Мейлах, Е. Шпаковская) также требует серьезных уточнений.

Н. вошел в историю русской литературы как создатель одного типа — «ни павы, ни вороны», появившегося в результате крутой ломки условий социально-исторической жизни страны, проникшегося передовыми идеями своего времени, но по многим причинам — утопичности самого народнического учения, слабости характера, бедственного социального положения — не сумевшего воплотить их в жизнь. Мужественный реализм Н. не позволил ему отступить от правды. Большиство его героев так или иначе являются различными «ни павы, ни вороны». Социальное начало с большей силой ошутимо в рассказе «Карьера» (1880), где герои не могут «делать дело» в духе Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова, поскольку доведены до отчаяния беспросветной нищетой, уносящей из жизни их знакомых. Здесь-то и возникает мотив преследующего человека вечного голода, перечеркивающего благие намерения. Спасать себя и своих близких советует главному герою Петеньке (прозвище — Кислятина) его товарищ Стремлин (прозвище — Злючка). Петенька дорожит своими убеждениями. Еще в дневнике Н. записал: «Девять десятых всех этих мужиков никогда не голодало так, как голодал я, и ни один так, как постоянно голодают мать и сестренки» (Отечественные записки. — 1882. — № 4. — С. 294).

Многие социальные предвидения «шестидесятников» в 70 гг. не оправдались. Мастерские Веры Павловны — героини Чернышевского — оказались неосуществимыми в реальных условиях. Ироничный и симпатичный персонаж рассказа «Роман» (1881) Алешка предлагает своей подруге детства, грешащей литературными опытами, написать о том, как героиня умерла от невозможности открыть кухню для бедных. Алешка — сын сельского дядька, один из тех, кто посвятил свою жизнь идее, но он не может отвлечься от реальности.

Духовная атмосфера многих произведений Н. определяется присутствием в них «великой идеи». Тем не менее в некоторых своих рассказах он повествует не столько об участниках освободительного движения, непосредственных «разрешителях проклятых вопросов», сколько о людях, волею или неволью попавших в орбиту политической жизни 70 гг. И дело тут не только в цензурных условиях. Объективно творчество Н. является связующим звеном между литературой «тенденциозной» и литературой «сомневающейся». В этом смысле он как бы становится предшественником А. П. Чехова и др. «восьмидесятников» второй половины десятилетия.

Есть у Н. как бы старшая сестра чеховской

«Невесты». Кроткая и «святая» Женечка (рассказ «Тетушка», 1880) называется невестой слышного революционера, которого ни разу не видела в глаза, и следует за ним в Сибирь, надеясь облегчить его участь. Тетушка, воспитавшая сиротку, умирает с горя, но и она перед смертью пересматривает свое отношение к власти имущим, поскольку уверена: ее племянница не могла сделать ничего дурного, а жандармские генералы, задающие теперь непрстойные вопросы, лишь позоряют звание военных.

Герой другого произведения, грубый и малообразованный мелкий администратор Живучкин, не может прийти в себя от «истории», случившейся в его собственном доме. К нему приехали с обыском жандармы, подозревая в опасных связях с непойманым революционером его невесту, свояченицу Живучкина, умирающую в этот момент от приступа чахотки (рассказ «История», 1882).

Почти все свои произведения Н. опубликовал в «Отечественных записках». Единственный его рассказ «Начало ликвидации», в котором идет речь о разорении прежних хозяев жизни, о неблагоприятных поступках потомков некогда славных родов, был напечатан в сентябрьской книжке журнала «Слово» (1880). В «Новом обозрении» Н. выступает в эту пору как публицист.

Художественные принципы и даже технические приемы письма Н. за неполное пятилетие его творческой деятельности не могли в полной мере сформироваться. Безусловно, его симпатии тяготеют к разночинской и революционно-демократической литературе подчеркнуто общественного значения (Чернышевский, Помяловский, Шедрин). Он противник русского натурализма (П. Д. Боборыкин) и зарождавшегося в ту пору декадентства (Ясинский). Тем не менее Н. также опирается на гоголевский и тургеневский литературный опыт: использует некоторые приемы тургеневской характеристики персонажей, живописует малороссийскую природу в духе Гоголя.

«Сын обедневшего шляхтича» (М. Гродецкий), проживший много лет на Украине, он не чужд освободительных идей польского восстания (Е. Шпаковская) и попыток раскрыть сложность современной психологии обитателей этих когда-то «горячих мест». Гоголевская широта и веселость в изображении уездного городка («Мечтатели», 1881), несмотря на бедность его жителей, притесняемых ростовщиком Евгением Нилевичем, ощутима в тоне повествования. Идилличность жизни пожилых людей и их простодушие здесь, казалось бы, сродни «Сорочинской ярмарке» и «Старосветским помещикам». Однако мелодраматическая развязка (представитель местной знати наводит жандармов на след собственного сына — неулловимого доселе Псевдонима) перечерчивает впечатление о своеобразной поэзии уездной жизни. Воссоздание сочного ук-

раинского колорита села Выжимки (рассказ «Сувенир», 1881) лишь подчеркивает безысходность положения народолобивой интеллигенции — сельского учителя и акушерки. Оба они — выходцы из России и подвергаются гонениям со стороны местной администрации. Героиня рассказа Надя кончает самоубийством, учителя переводят в другую губернию.

Тонкий психолог и юморист (его юмор, по мнению Ясинского, связан с национальным характером человека, живущего на берегу Днепра, а не почерпнут из литературных источников), Н. не успел раскрыть богатых возможностей своего дарования, избавиться от следов чисто внешнего литературного влияния. Несмотря на идейную зависимость от Шедрина, проявляющуюся и на уровне эзоповского языка, Н. мягче, манера его письма скорее юмористична, чем сатирична, и в этом смысле его также можно назвать предшественником Чехова.

Особенностью дарования Н. было и то, что он писал свои произведения для молодежи. В этом секрет его популярности. И в последующие годы будет справедливо отмечено: «Осипович — художник молодежи 70-х годов» (Жизнь. — 1897. — С. 199).

Н. удалось затронуть ряд тем, не освещаемых прежде в литературе. Некоторые мотивы его творчества найдут своеобразное продолжение и художественное завершение в произведениях Чехова, И. Бунина, М. Горького.

М. Горький верно определил смысл социально-психологической проблематики литературы о «новых людях» в пореформенную эпоху: «Повести Слепцова «Трудное время» и Осиповича-Новодворского «Записки ни павы, ни вороны» — очень правдивые, сильные произведения — рисуют трагическое положение умных людей, которые не имеют прочной основы в жизни и живут ни «лавами, ни воронами» или же становятся благополучными мешанинами» (Собр. соч.: В 30 т. — Т. 24. — С. 475).

Соч.: Собр. соч. — Спб., 1897; Эпизод из жизни ни павы, ни вороны. — Накануне ликвидации. — История // Русские повести 70—90-х годов XIX века. — М., 1957. — Т. I; Сувенир и другие рассказы // Вступ. ст. Г. Аржаной. — М., 1960. Лит.: Ясинский И. А. О. Новодворский. Некролог // Отечественные записки. — 1882. — № 4. — Отд. II. — С. 291—300; Гродецкий М. Очерк жизни и литературной деятельности А. О. Новодворского // Новодворский А. О. Собр. соч. — Спб., 1897; Соловьев (Андреевич) Е. А. О. Новодворский-Осипович // Соловьев Е. А. Очерки из истории русской литературы. — Спб., 1907. — С. 492—535; Семевский М. И. Знакомые // Альбом М. И. Семевского. Книга автобиографических собственноручных заметок 850 лиц. — Спб., 1888; Скабичевский А. М. Жизнь в литературе и литература в жизни (Письма к читателям) // Соч.: В 2 т. — Спб., 1903. — Т. 2. — С. 96—112; Жданский Е. А. О. Новодворский (Осипович) // Правда. — 1905. — № 6. — С. 129—153; Груздев А. И. Новодворский — Осипович // История русской литературы. М.: Л., 1956. — Т. IX. — Ч. 2. — С. 168—175; Мейлах Б. С. Русские повести 70—90-х годов XIX века. — М., 1957. — С. V—XXXV; Попова М. Г. А. О. Осипович-Новодворский. — Казань, 1970.

А. М. Гуторов

ОГАРЁВ, Николай Платонович [24.XI(6.XII). 1813, Петербург — 31.V(12.VI). 1877, Гринвич] — поэт, публицист. Деятель революционно-освободительного движения. Происходил из среды родовитой помещицкой и чиновной знати. Детство, отчасти — отрочество и юность прошли в родном имении отца в с. Старое Акшено (бывшей Пензенской губ., теперь — Мордовской АССР). Эти годы оставили неизгладимый след в его душе. Позднее поэт вспоминал: «...Акшено было для меня местом романтической привязанности, не меньше моей религиозной любви к умершей матери» (Огарев Н. П. Моя исповедь // Избр. произв.: В 2 т. — М., 1956. — Т. 2. — С. 396). Незабываемыми остались и картины тяжелого крепостнического быта, народного унижения и беспорядка. «...В то время было движение ненависти крепостного человека к барству. Я на этом чувстве и рос» (Огарев Н. П. Записки русского помещика // Былое. — 1924. — № 27—28. — С. 15).

Осенью 1820 г. Огаревы переехали из Акшена на постоянное жительство в Москву. К 1823—1824 гг. относится первое знакомство О. с А. И. Герценом, который приходился ему дальним родственником (см.: Русская мысль. — 1888. — № 10. — С. 12). С зимы 1826 г. началось их сближение. Вскоре оно переросло в нерасторжимую дружбу. Вслед за этим пришел и «день сознания своей дороги» — так О. назвал день их с Герценом клятвы на Воробьевых горах (1827), ставшей путеводной звездой всей последующей их жизни и деятельности.

В сентябре 1829 г. одновременно с Герценом О. поступил на математическое отделение Московского университета на правах вольнослушателя. В январе 1832 г. он становится действительным студентом нравственно-политического (юридического) отделения.

В Московский университет О. и Герцен пришли с твердой решимостью основать здесь тайное общество с целью продолжения дела декабристов. Вскоре вокруг них складывается кружок вольнолюбивой молодежи. В автобиографических строках поэмы «Исповедь лишнего человека» (1858—1859) О. писал: «Мы покаялись, что посвятим всю жизнь / Народу и его освобождению, / Основую положим социализм...»

Летом 1833 г. за О. был установлен негласный полицейский надзор за связь с членами кружка Н. П. Сунгурова, сосланными в действующую армию на Кавказ. Ко второй половине этого же года относится его знакомство с А. И. Полежаевым. Полк, в котором гонимый царем поэт служил рядовым солдатом, находился в это время в Москве, и Полежаев имел возможность сблизиться с кругом О. и Герцена.

10 июля 1834 г. О. был арестован и подвергнут девятимесячному одиночному тюремному заключению по делу «О лицах, певших в Москве пасквильные стихи». Воспоминания об этом времени нашли отражение в его поэме «Тюрьма» (1857—1858). Приговоренный к ссылке, О. в середине апреля 1835 г. с жандармским конвоем был доставлен в Пензу под надзор местных властей и наблюдение отца.

В мае 1838 г. О. была разрешена поездка из Пензы на лечение в Пятигорск, о чем позднее он рассказал в автобиографическом очерке «Кавказские воды» (1860—1861). В Пятигорске познакомился с некоторыми декабристами, переведенными на Кавказ из Сибири. Особенно подружился с поэтом-декабристом А. И. Одоевским. О своем преклонении перед подвигом «людей 14 декабря» О. рассказал в ряде своих произведений. Среди них — стихотворение «Я видел вас, пришельцы дальних стран...» (1838) и статья «Разбор книги Корфа» (впервые опубликована в сб. «14 декабря и император Николай». Лондон, 1858).

После смерти отца (1838) О. получил в наследство большое помещичье хозяйство. В 1839 г. начал хлопоты по освобождению от крепостной зависимости крестьян с. Верхний Белоомут Рязанской губ. Вслед за этим предполагались меры по улучшению крестьянского быта в пензенских его владениях (в Акшене, Черткове и др.). Однако начатая работа была прервана годами зарубежных странствий (1841—1846). Путешествие предпринималось и с целью изучения «опыта Европы», возможности его применения в России. О. побывал в Германии, Италии, Франции, Швейцарии. За эти годы поэт создал много поэтических произведений. Среди них — стихотворный цикл „Buch der Liebe“ («Книга любви»), посвященный Евдокии Сухово-Кобылиной.

Лето 1846 г. О. провел на даче в Соколове, где произошли известные теоретические споры, завершившиеся распадом московского огаревско-герценовского кружка. О внутреннем состоянии поэта этой поры можно судить по его стихотворению «Искандеру» («Я ехал по полю пустому...»), написанному в дни идейных расхождений недавних друзей-единомышленников.

В ноябре 1846 г. О. поселился в Старом Акшене с решимостью осуществить здесь свои социально-экономические преобразования. Путь к крестьянскому благоденствию видится ему в соединении земледелия с фабрично-заводским производством, в замене подневольной барщины вольнонаемным трудом, в переходе к фермерскому типу хозяйства. Поэт-просветитель открывает в селе больницу, разрабатывает план организации Народной политехнической школы с программой обучения, близкой к университетской. Цель — подготовка «мужиков-пропагандистов», с тем чтобы «пустить их как ферменты в наши общины» (Огарев Н. П. Избранные социально-политические

и философские произведения: В 2 т.— М., 1952.— Т. 2.— С. 13, 14).

Обширные планы не были и не могли быть осуществлены в полном их объеме в условиях самодержавно-крепостнического строя. Дело осложнилось и обстоятельствами семейной жизни О. Гражданский брак с Н. А. Тучковой поставил его перед необходимостью нелегального отъезда за границу, что оказалось невозможным. В феврале 1850 г. последовал вторичный арест и обвинение в политическом и религиозном вольномыслии, в организации «коммунистической секты». В ходе следствия в III отделении эти обвинения отпали. О. был освобожден из-под ареста, но с учреждением за ним нового полицейского надзора. Только смерть Николая I (1855) избавила О. от этого надзора, что позволило ему в январе 1856 г. получить заграничные паспорта и вместе с женой Н. А. Тучковой отправиться в Лондон, где ждал его Герцен. В этом же году в издательстве К. Т. Солдатенкова вышел в свет первый сборник стихотворений поэта.

По его инициативе в 1857 г. было начато издание «Колокола» — первой русской бесцензурной газеты. За «Колоколом» последовало «Общее вече» — другая бесцензурная газета, предназначенная для русского крестьянства. На страницах этих и других изданий Вольной типографии О. опубликовал многие десятки публицистических статей, прокламаций и поэтических произведений. «Полярная звезда», — писал В. И. Ленин, — подняла традицию декабристов. «Колокол»... встал горой за освобождение крестьян. Рабье молчание было нарушено» (Ленин и В. И. Полн. собр. соч.— Т. 21.— С. 258—259).

В канун реформ 60 гг. О. становится под знамя русской революционной демократии. При его активном участии создавалась «Земля и воля» — первая в России нелегальная партия, ставившая своей целью осуществление антифеодальной военно-крестьянской революции. О. поддерживал постоянные связи с Комитетом русских офицеров в Польше, способствовал объединению этой тайной военной организации с «Землей и волей». Движимые чувством братской солидарности с польским народом, О. и Герцен поддержали восстание 1863 г. против царизма в Польше, чем, по словам В. И. Ленина, спасли «честь русской демократии» (Там же.— С. 260).

Идеалы крестьянского социализма, которые защищал О. вместе с Герценом и Чернышевским, были утопическими. Однако требование «Земли и воли», выдвинутое им в статье-прокламации «Что нужно народу?» (1861), выразило самые сокровенные думы и чаяния русского крестьянства, определило сущность всего революционно-демократического этапа освободительного движения в России. В. И. Ленин характеризовал это требование как «распространеннейший лозунг крестьянской массы, забитой и тем-

ной, но страстно ищущей света и счастья...» (Там же.— Т. 11.— С. 102).

Много сил отдавал О. и деятельности литературной. В 1857—1858 гг. в Лондоне (в издательстве Грюбнера) впервые увидели свет две первые части его поэмы «Юмор» („Del’humor“) и сборник «Стихотворения» (2-е изд.). В 1860—1861 гг. с предисловиями О. в издательстве Вольной типографии вышли «Думы. Стихотворения К. Рылеева» и сборник «Русская потаенная литература XIX века» (Ч. 1). В 1863 г. в потоке агитационно-пропагандистской литературы в России появились его «Свободные русские песни».

В 1869—1870 гг. О. сблизился с М. А. Бакуниним, а через него — с С. Г. Нечаевым. Некоторое время поддерживал их политические акции. Обманутый в своих ожиданиях и надеждах, он помогал Нечаеву в его попытках наладить издание «Колокола» (в апреле—мае 1870 г. вышло 6 номеров). Убедившись в его политическом авантюризме, порвал с ним связи.

В сентябре 1874 г. О. переехал из Женевы в Англию. Поселившись в тихом Гринвиче, изредка переписывался с П. Л. Лавровым, который издавал в Лондоне журнал «Вперед!». Одинокую жизнь безропотно делит с О. добрая Мери Сетерленд, женщина «простого звания», с которой он встретился и подружился еще в 1859 г.

В марте 1966 г. останки О. были перевезены из Гринвича в Москву и похоронены на Новодевичьем кладбище.

Своим жизненным призванием О. считал деятельность литературную. Самые ранние из известных ныне стихотворных произведений поэта относятся к началу 30 гг., времени жестокой политической реакции, последовавшей за разгромом декабристского движения. В этой обстановке и возник тот разлад между высокими патристическими и гуманистическими идеалами и практической невозможностью их осуществления, который определил внутренний драматизм поэзии О. 30 — первой половины 40 гг., ее рефлексивный характер. Об этом свидетельствуют многие его произведения этой поры. Среди них — стихотворения «Размолвка с миром» (1833), «Удел поэта» (1837), «С моей измученной душою...» (1837), «Моя молитва» (1838), «Желание покоя» (1839), «Отцу» (1839), «Старый дом» (1839—1840), «Разлад» (1840), «Друзьям» (1840—1841), «Монологи» (1844).

Лирический герой поэзии О. — передовой человек своего времени, живущий в атмосфере напряженной умственной работы, идейно-философских исканий и раздумий. Его волнуют коренные вопросы бытия, он жаждет свободы, стремится к постижению истины и справедливости. «...Наслаждение жизни для такой личности, — писал Чернышевский, — заключается в том, чтобы жить для других, быть счастливым от счастья близких и скорбеть их горем, как сво-

им личным горем» (Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: В 16 т.— М., 1947.— Т. III.— С. 564—565).

Поначалу О. использовал преимущественно условно-романтические формы, свободные, однако, от известных литературных штампов. От его лирических монологов-исповедей веет искренностью и задушевностью. Но уже на рубеже 30—40 гг. О. нередко выходит за рамки романтизма. Обращаясь к явлениям народной жизни, он использует для их воспроизведения конкретные исторические, реалистические формы. Это стихотворения «На смерть поэта» (1837), «Молдаваны» (1839), «Деревенский сторож» (1840), «Дорога» (1841), «Кабак» (1841), «Изба» (1842). В. Г. Белинский, осудивший «гамлетовскую» рефлексию «Монологов», был в восторге от «Деревенского сторожа». «Ночной сторож» Огарева,— писал критик В. П. Боткину,— прелесть! В душе этого человека есть поэзия» (Белинский В. Г. Полн. собр. соч.— М., 1956.— Т. XI.— С. 565).

К концу 30 — нач. 40 гг. относятся три поэмы О.— «Дон» (1838), «Царица моря» (на рубеже 30—40 гг.), «Юмор» (1840—1841 гг.— первые две части).

Особенное значение придавал О. поэме «Юмор». В лирическом герое поэмы отчетливо виден сам автор, страдающий от царящей вокруг социальной несправедливости. «Как вся душа полна печали, / Когда я думаю о нас!» В нем, по его признанию, «другая кровь», а в душе — «другая вера»: «Есть к массам у меня любовь / И в сердце злора Робеспьера...»

Социально-обличительный пафос звучит в особенности во второй части поэмы, в которой выражается убеждение в неизбежности гибели самодержавно-крепостнического строя: «Белой грозит народный стон, / Падешь ты, гордый Вавилон!»

Значительное место в лирике О. заняли мотивы дружбы и любви. «Другу Герцену» (1833—1834), «К друзьям» (1837), «<А. А.> Тучкову» (1839), «<К М. Л. Огаревой>» («Хочу еще письмо писать...») (1840) и др. Примечательным является здесь лирический цикл «Книга любви» („Buch der Liebe“), посвященный теме утаенной любви. В центре цикла — пленительный образ женщины, вызвавшей чистую, возвышенную, но неразделенную любовь: «Я вас люблю! но не скажу вам / Ни слова про любовь мою, / И этих строк не покажу вам / И все в себе я затаю». Но глубокая грусть не подавляет, а возвышает героя, который находит выход из драматической коллизии в мире искусства, научных занятий, творчества: «Тружусь я днем, над книгой ночь сижу, / И в черных буквах на бумаге белой / Ищу я мысль и ясный, верный образ, / И жизнь моя идет полна, равна...»

Из произведений, созданных О. в последнее десятилетие его жизни на родине, наиболее зна-

чительными являются стихотворения «Совершеннелетие» (1846), «Упование. Год 1848» (1848), «Арестант» (1850), поэмы «Господин» (конец 40 гг.) и «Зимний путь» (1855), стихотворная повесть «Деревня» (1847). Эти произведения либо выражение внутренней жизни поэта, его духовного развития, либо отклики на революционные события 1848 г. в Европе, либо раздумья над явлениями социально-политической жизни родной страны. Так, в поэме «Господин» поэт развенчал тип помещика-либерала, оказавшегося неспособным преодолеть разлад между словом и делом. О долге дворянской интеллигенции перед народом напомнил О. повестью «Деревня». Потерпев неудачу в попытках улучшить крестьянский быт, герой повести говорит о решимости уйти в революционную эмиграцию, чтобы иметь возможность «клеить изустно и печатно» ненавистный ему самодержавно-крепостнический строй.

Годы революционной эмиграции (1856—1877) были самыми плодотворными в литературной деятельности О. В особенности — первое десятилетие. Свыше трехсот художественных и публицистических произведений было опубликовано им в это время на страницах «Полярной звезды», «Колокола», «Общего веча», в различных сборниках Вольной типографии. Среди них более десяти поэм (законченных и незавершенных): «Ночь» (1857), «Сны» (1857), «Рассказ этапного офицера» (1857—1858), «С того берега» (1858), «Странник» (1862) и др. За эти же годы О. опубликовал более ста агитационных и лирических произведений. Среди них особенную популярность приобрели такие, как стихотворения «Коршу» (1856), «Свобода» (1858), «Мне снилось, что я в гробу лежу...» (1857—1858), «К <Панаеву>» (1858), «Михайлову» (1862), «Сим победиши» (1863) и др. Произведения эти создавались в условиях, свободных от цензурного гнета, и потому прямо или косвенно были связаны с публицистической и практической революционной деятельностью О. Так, «Предисловие к «Колоколу» прозвучало как начало обращения поэта с революционной проповедью к народу. Основным пафосом произведений поэта в предреформенные годы было требование безусловного уничтожения крепостного рабства. С большой эмоциональной силой эта идея воплощена в стихотворении «Свобода». Страстным призывом к революции прозвучала поэма «Забвье». Непокоримой верой в конечное торжество дела русской революции проникнуто стихотворение «Мне снилось, что я в гробу лежу...» («Воскресла Русь! народ свободен стал, / И новый мир возник — широкий, сильный, / Мысль выросла, и труд твой не пропал...»).

В стихотворениях «Памяти Рылеева» (1859), «И если б мне пришлось прожить еще года...» (1860—1861), «Героическая симфония Бетховена» (сер. 70 гг.) и в незавершенной поэме

«Матвей Радаев» (1857—1858) тема революционного подвига ставится и решается на историческом материале. О. обращается к деятелям декабристского движения — к «праотцам», к «первенцам свободы», веря, что «с былым святая связь» может и должна стать одним из стимулов социально-политического и духовного возрождения Русской земли.

Через все поэтическое творчество О. заграничного периода прошел образ родины, России. Воспоминания о родной земле, об Акшине и Черткове наполнены поэмы «Ночь», «Матвей Радаев», «Забутье», стихотворный цикл «Воспоминания детства» (1859) и др. «Нет, нет! Тебе с тоскующей мечтой / Не совладать, изгнанник добровольный!» («Матвей Радаев»).

В ряде произведений периода активной революционной деятельности О. нередко прибегал к новому строю поэтической речи, опираясь на различные формы устного народного творчества — сказа, речитатива, плача, повторов («Моя песня — надгробное рыдание...»). Не все опыты О. на этом пути были удачными. Но было и то, что осталось в памяти народной, что звучало часто в кругах русского революционного подполья («Из-за матушки за Волги, / Со широкого раздолья, / Поднялась толпой-народом / Сила русская сплошная...»).

Около полувека продолжалась художественно-творческая и революционная деятельность О. Его поэзия являлась связующим звеном между Пушкиным и Лермонтовым, с одной стороны, Некрасовым и поэзией революционного народничества — с другой. О значительности его вклада в историю русской литературы и общественной мысли говорил Чернышевский, утверждавший: «...с любовью будет произноситься и часто будет произноситься имя г. Огарева, и позабыто оно будет разве тогда, когда забудется наш язык» (Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.— М., 1947.— Т. III.— С. 562).

Соч.: Стихотворения.— М., 1856; М., 1859; М., 1863; Стихотворения.— Лондон, 1858; За пять лет (1855—1860). Поэтические и социальные статьи.— Лондон, 1861.— Ч. II; Стихотворения: В 2 т. / Под ред. М. О. Гершензона.— М., 1904; Стихотворения / Ред. и примеч. С. Рейсера, Н. Суриной; Вступ. ст. С. Рейсера.— М.; Л., 1937; 2-е изд. / Подгот. текста С. А. Рейсера, Н. П. Суриной; Вступ. ст. ред. и примеч. С. А. Рейсера.— М., 1948; Стихотворения и поэмы: В 2 т. / Вступ. ст. С. А. Рейсера, Б. П. Козьмина; Ред. и примеч. С. А. Рейсера, Н. П. Суриной.— Л., 1937—1938; Избранные стихотворения и поэмы / Под ред. и вступ. ст. Я. З. Черняка.— М., 1938; Избранные социально-политические и философские произведения: В 2 т. / Под ред. М. Т. Иовчука, Н. Г. Тараханова; Вступ. ст. подбор, подгот. текста и примеч. Я. З. Черняка.— М., 1952—1956; Избр. произв.: В 2 т. / Подгот. текста и примеч. Н. М. Гайденкова; Вступ. ст. В. А. Пугинцева.— М., 1956; Стихотворения и поэмы / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. С. А. Рейсера.— Л., 1956; Избранное / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Г. Елизаветиной.— М., 1977.

Лит.: Чернышевский Н. Г. Стихотворения Н. Огарева // Полн. собр. соч.— Т. 3.— М., 1947; Гершензон М. О. История молодой России.— М.; П., 1923; Нечкина М. В. Н. П. Огарев в годы революционной ситуации // Известия

АН СССР. Серия истории и философии.— 1947.— Т. 4.— № 2; Яковлев М. В. Мироззрение Н. П. Огарева.— М., 1957; Гайденко Н. М. Огарев-поэт // Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина.— М., 1957.— Вып. 7; Путилицев В. А. Н. П. Огарев: Жизнь, мироззрение, творчество.— М., 1963; Зубков М. Н. Эпическая поэзия Н. П. Огарева // Русская литература.— 1963.— № 4; Липков Я. И. Революционная борьба А. И. Герцена и Н. П. Огарева и тайное общество «Земля и воля» 1860-х гг.— М., 1964; Ленина Л. И. Огарев и Лермонтов // Русская литература.— 1968.— № 2; Рудницкая Е. Л. Н. П. Огарев в русском революционном движении.— М., 1969; Конкин С. С. Николай Огарев: Жизнь, идеино-творческие искания, борьба.— Саранск, 1975; 2-е изд. испр. и доп.— Саранск, 1982; Проблемы творчества Н. П. Огарева. Межвузовский сборник научных трудов / Отв. ред. С. С. Конкин.— Саранск, 1985; Литературное наследство.— М., 1985.— Т. 96; Материалы к библиографии произведений Н. П. Огарева и литературы о нем (1950—1960); Библиографический указатель / Сост. Г. С. Комарова.— Саранск, 1986. С. С. Конкин

ОДОЕВСКИЙ, Александр Иванович [26.XI (8. XII).1802, Петербург — 10(22).X (по другим данным — 15(27).VIII).1839, Псезуап (ныне пос. Лазаревское близ Сочи)] — поэт. Декабрист. Происходил из древнего княжеского рода. Его ждала блестящая карьера и ничем не омрачаемая жизнь в высших слоях петербургского света. Но он избрал другой путь. О. получил хорошее домашнее образование, в 1821 г. поступил на военную службу. Молодого офицера окружала атмосфера свободомыслия, патриотизма, высокого представления об общественном долге. Родство и тесная дружба связывали его с Грибоедовым. Большая часть написанного им до восстания 14 декабря до нас не дошла. Из немногих стихотворений той поры особого внимания заслуживает «Бал» (1825). В нем изображено враждебное автору светское общество.

Зимой 1824/25 гг. О. стал членом Северного общества и примкнул к его радикальному крылу. Участвовал в обсуждении проектов конституции и плана восстания. На решающем совещании 13 декабря решительно поддержал тех, кто, как Рылеев, был исполнен решимости ценой гибели купить «первую попытку для свободы России». «Ах, как славно мы умрем!» — восклицал он. 14 декабря О. командовал заградительной цепью, ездил поднимать лейб-гренадерский полк, часть которого прибыла на Сенатскую площадь.

О. был одним из самых молодых участников восстания (ему только исполнилось 23 года). В первые дни, проведенные в Петропавловской крепости, отчаяние, вызванное провалом всех планов и замыслов, одиночное заключение, допросы, исполненные угрозы, лишили его душевного равновесия и повергли в состояние растерянности. Но постепенно он овладел собой, и к нему вернулось убеждение в правоте дела, в жертву которому он себя принес. В стихотворении «Воскресенье» (1826), в самом раннем из написанных после ареста и дошедших до нас, поэт видит себя «забытым в тюрьме», но воспевающим «и славу вышнего, и на земле спасенье», «из гроба пел

я воскресенье». В Петропавловской крепости О. написал и стихотворение «Сон поэта» (1826 или 1827). В нем воспет «певец народный», который «не поет для суеты», но срывает «душой свободной / Небес бессмертные цветы». Он не ищет ни венца, ни обольщающих похвал. Свою награду он видит в другом: он призывает почитать «сон его священный / Как пред борьбою сон борца».

Вера О. в конечное торжество исторического дела декабристов нередко выражалась им аллегорически, на материале исторических сюжетов («Тризна», 1828). В стихотворении «Дева 1610 года» (между 1827 или 1830) устами «божественной девы» выражена скорбь, вызванная притеснениями, которым подвергается «поверженный народ», беспомощностью народа к протесту, к борьбе за свои права. «Где же русские? Где предков дух и слава?» — восклицает она и обращается со страстным призывом «начать святую битву»: «К мечам! За родину к мечам! / Да смолкнет бич, лиющий кровь родную! / Да вспыхнет бой!» В стихотворении «Неведомая странница» (1829 или 1830) женщина из толпы изгнанников, покидающих покоренный Новгород, призывает стойко переносить страдания, цепи, «бичи, темницы тесные» и верить в грядущее торжество свободы, справедливости и счастья.

Политическая зрелость и верность идейным установкам дворянских революционеров проявились в стихах О., посвященных идее славянского единства и борьбе за свободу славянских народов. Поэт мечтает о времени, когда в «единый голос» сольются голоса славянских племен, когда «потечет сей поток-исполни, / Ясный, как небо, как море, широкий» и «землю украсит могучей красой» (Полн. собр. стихотворений. — С. 139). Когда на Петровский завод, где находился приговоренный к каторжным работам О., пришло известие о восстании в Варшаве и о том, что польские революционеры отслужили панихиду по пяти казненным декабристам, поэт откликнулся на него стихотворением «Недвижимы, как мертвые в гробах» (1831), в котором прославил «несчастных жертв, проливших луч святой / В спасенье русскому народу». Имена пяти вождей восстания — это «святые имена». Их мысль и дело — живы: «В нас еще не гаснут их мечты». Стихотворение завершается грозным предзнаменованием неизбежной кары, которая постигнет ныне торжествующих палачей: «огнь пожжет» их чело.

В поэзии О. нашла глубокое и сильное выражение вера в торжество идеалов, за которые борелись декабристы. Но есть в ней и мучительные раздумья о смысле и назначении их борьбы, попытки оценить эту борьбу с позиций будущего, вскрыть ее исторический смысл, воплощенный в стихотворении «Элегия» («Что вы печальны, дети снов?», 1829). Право на «горькие думы», на печальный взгляд назад имеет не каждый, утверждает поэт. Тем, кто прошли свой

путь, «едва касаяся земли», незачем глядеть «на путь пройденный». Иное дело — тот, кто «духом был борец» и, «искусив все жизни силы, / Стяжал страдальческий венец». Для того, в ком «порывы есть святые, / И чувства жар, и мысли свет, / Высоких мыслей достойные», поражение, заключение, мучительные годы одиночества и горестных раздумий — ступени тяжкого, но не напрасно пройденного пути. Незримо «в лазурь небес восходит зданье», каждое поколение вносит в это свой вклад.

Уроки трагических событий 1825 г., причины поражения дворянских революционеров, проблема народа и его роли в историческом процессе, взаимоотношений между народом и его вождями занимали О. и тогда, когда он обратился к большой поэтической форме — к созданию поэмы «Василько» (1829—1830). Народ изображен здесь как самостоятельная и значительная сила, от которой зависит судьба героя и исход его замыслов. Трагедия героя поэмы в том, что в решающий момент он остается один. На вопрос, почему народ и герой оказались разъединены, почему герой не нашел «защитников» в массах, О. не дает ответа.

Шедевром творчества О., произведением, в котором в наибольшей степени проявились и его поэтический талант, и стойкость борца, и зрелость политического мыслителя, стали знаменитые стихи «Струн веших пламенные звуки...» (1828 или 1829). Впервые они были опубликованы без подписи автора, имя которого долго оставалось неизвестным. Но и тогда, когда авторство О. было установлено, когда строка «Из искры возгорится пламя» стала эпиграфом к ленинской «Искре», она была подписана словами: «Ответ декабристов Пушкину». Стихотворение было написано от имени всех узников, томившихся в «каторжных норах», скрепленных единством судьбы, мысли и воли. «Мы», «наш» — эти слова проходят через все стихотворение.

Повторив в чуть измененном виде пушкинскую строку «Не пропадет ваш скорбный труд» — «Наш скорбный труд не пропадет», О. развил эту мысль на основе собственного понимания тенденций революционного развития. Не пропадет потому, что борьба, которую вела кучка героев, превратится в борьбу всего народа. Поднято «святое знамя», и под ним «сберется» «просвещенный наш народ», просвещенный пониманием своих подлинных интересов, сознанием своих прав и своей силы.

Представление, которое мы имеем о поэтическом наследии О., скудно и неполно. Он не хранил свои стихи, а многие даже не записывал, и они дошли до нас лишь в изложении его товарищей по каторге и ссылке. Но и то, что нам известно, убеждает в необыкновенном богатстве и обаянии его личности, в том, что лучшим из поэтов-лириков декабристского круга был именно О.

В начале 1833 г. О. был переведен на поселение, он жил сначала в Иркутской, а потом в Тобольской губ. В августе 1837 г. О. оказался в числе нескольких декабристов, которых Николай I определил рядовыми в Кавказский корпус.

Будучи на Кавказе, О. сблизился с М. Ю. Лермонтовым, который полюбил его всей душой. Весть о кончине поэта-декабриста застала Лермонтова в Петербурге и побудила его написать проникновенное стихотворение, полное любви и сочувствия к погибшему другу. Образ О., созданный Лермонтовым, остается непрезойденным художественным воплощением личности декабриста в русской поэзии.

Соч.: Полн. собр. стихотв. и писем / Вступ. ст. Д. Д. Благого.— М.: Л., 1934; Полн. собр. стихотв. / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. М. А. Брисктана.— Л., 1958.

Лит.: Кубасов И. А. Декабрист А. И. Одоевский и вновь найденные его стихотворения.— Пб., 1922; Ягунин В. П. Александр Одоевский.— М., 1980 (Жизнь замечательных людей); Дедусенко И. В. Певца несуетная лира: Повесть об А. Одоевском.— Ставрополь, 1985. Л. Г. Фришман

ОДОЕВСКИЙ, Владимир Федорович [30.VII (11.VIII).1803 (по другим данным — 1804), Москва — 27.II (11.III).1869, там же] — прозаик, эстетик, литературный и музыкальный критик. Его отец был отпрыском древнего княжеского рода, а мать — в прошлом крепостной крестьянкой. С 1816 по 1822 г. О. учился в Московском университетском благородном пансионе, привилегированном учебном заведении, где воспитанники имели право выбирать предметы и где он получил возможность сосредоточиться на изучении философии и словесности, двух областей культуры, которым посвятил впоследствии много лет раздумий и вдохновенного труда. В годы пребывания в пансионе появились в печати его первые произведения. Тогда же он увлекся учением Ф. Шеллинга, крупнейшим знатоком которого он стал и которого называл Колумбом XIX столетия. Позднее О. познакомился с Шеллингом и удивил его энциклопедичностью своих познаний и глубиной суждений.

В 20 гг. многие русские писатели испытывали тягу к изучению философии, в которой искали ключ к пониманию происходящего в России и путь к строительству национальной культуры. О. это убеждение овладело раньше, чем другими, и не случайно он возглавил первый философский кружок — Общество любомудрия, сложившееся в 1823 г. В это общество входили люди, оставившие заметный след в истории русской литературы, критики и науки, в частности Д. В. Веневитинов и И. В. Киреевский. Близки к «любомудрам» были Ф. И. Тютчев, А. С. Хомяков, С. П. Шевырев, М. П. Погодин. Для них всех О. был признанным руководителем, обладал непререкаемым авторитетом, служил связующим звеном, примирял разногласия.

О. поддерживал дружеские отношения с будущими декабристами. Он очень любил своего двоюродного брата А. И. Одоевского, среди его друзей и литературных единомышленников были А. С. Грибоедов и В. К. Кюхельбекер. В 1824—1825 гг. Кюхельбекер и О. совместно издавали альманах «Мнемозина», которому принадлежит заметное место в литературной периодике того времени. В нем печатались стихи А. С. Пушкина, Е. А. Баратынского, П. А. Вяземского, Н. М. Языкова, А. С. Грибоедова и др.

Катастрофа 14 декабря положила конец и существованию Общества любомудрия. Как рассказывает один из его членов, «после этого несчастного числа кн. Одоевский нас созвал и с особенною торжественностью предал огню в своем камине и устав и протоколы нашего общества любомудров» (Кошелев А. И. Записки.— Berlin, 1884.— С. 12). Такое решение было следствием того, что «любомудры» сами ощущали свою близость к участникам восстания и считали вероятным, что продолжение их собрания легко может навлечь на них репрессии властей.

Хотя О. не одобрял действий декабристов и считал их «заговор несвоевременным», он одно время сам ждал ареста и даже готовился к отправке в Сибирь. В восстании, по его словам, «участвовали представители всего талантливого, образованного, знатного, благородного, блестящего в России» (Сакулин П. Н. Из истории русского идеализма.— Т. 1.— Ч. 1.— С. 307); он, как мог, помогал Одоевскому и Кюхельбекеру, ходатайствовал о смягчении их участи. И они видели в нем единомышленника если не в политическом переустройстве страны, то в нравственной позиции, в понимании потребностей национальной культуры. За год до смерти Кюхельбекер писал: «Ты, напротив, *наш*: тебе и Грибоедов, и Пушкин, и я завещали все наше лучшее; ты перед потомством и отечеством представитель нашего времени, нашего *бескорыстного* стремления к художественной красоте и к истине безусловной» (Отчет императорской Публичной библиотеки за 1893 год.— Спб., 1896.— С. 71).

По-видимому, именно раздумья над декабрьской трагедией привели к решению О. внести перемены в свою жизнь. В 1826 г. он переехал в Петербург, поступил на службу в Комитет иностранной цензуры. Позднее он стал помощником директора Публичной библиотеки и директором Румянцевского музея. В 1862 г. Румянцевский музей был переведен в Москву. Тогда же вернулся в Москву и О.

В годы пребывания в Петербурге вновь проявилась та огромная притягательная сила, которая была присуща личности О. Его дом стал местом, где регулярно сходились лучшие писатели и ученые столицы. Эту свою роль салон О. не утратил и после переезда писателя в Москву.

По замечанию С. П. Шевырева, вся русская литература пересидела на диване у О. В разное время здесь бывали Пушкин, Лермонтов, Жуковский, Крылов, Вяземский, Баратынский, Тютчев, Фет, Гончаров, Тургенев, Толстой. Здесь произошло знакомство В. Г. Белинского с Н. В. Гоголем.

На протяжении ряда лет тесные дружеские и творческие контакты связывали О. с Пушкиным. Они познакомились в 1827—1828 гг., после чего О. сотрудничал в «Литературной газете» и альманахе «Северные цветы». В «Северных цветах» были, в частности, напечатаны его повести «Последний квартал Бетховена» (1830) и «Opere del cavaliere Giambattista Piranesi» («Труды кавалера Джамбаттисты Пиранези» (1831), вошедшие позднее в книгу «Русские ночи». Первая из них заслужила высокую оценку Пушкина, который нашел ее «замечательной и по содержанию, и по стилю» (Русская старина.— 1904.— № 4.— С. 206).

Когда Пушкин приступил к изданию журнала «Современник», он получил в лице О. деятельного сотрудника и помощника. Во втором номере «Современника» появилась статья О. «О вражде к просвещению», по словам Пушкина, «дельная, умная и сильная». Пушкин намеревался печатать в своем журнале и беллетристику О. «Конечно, «Княжна Зизи» имеет более истины и занимательности, нежели «Сильфида»,— писал он.— Но всякое дайте Ваше благо... «Сильфиду» ли, «Княжну» ли, но оканчивайте и выскляйте. Без Вас пропал «Современник» (Переписка А. С. Пушкина.— С. 440). «Сильфида» (1837) действительно появилась в журнале, но уже после смерти Пушкина.

Отношение О. к Пушкину с особой силой выразилось в его страстной и гневной статье «О нападениях петербургских журналов на русского поэта Пушкина». Написанная в 1836 г., она была напечатана почти через три десятилетия, потому что, как с горечью заметил ее автор, «в Петербурге не было литературных изданий, кроме тех, против которых она направлена» (О литературе и искусстве.— С. 50). Не случайно именно О. написал знаменитый искролог Пушкину «Солнце нашей Поэзии закатилось», приведший власти в крайнее озлобление. Среди музыкальных произведений О.— романсы на стихи Пушкина.

О. замечал и всемерно поддерживал таланты, которые он видел в современной ему русской литературе. Это — и «незабвенный Грибоедов», и «замечательный поэт» Лермонтов, и «лучший талант в России» Гоголь, и «человек с большим талантом» Тургенев, и «даровитый Островский», и Достоевский, возможности которого были, по мнению О., еще более широки, чем у Гоголя. Но О. бывал и взыскателен, и непримирим, если сталкивался с тем, что считал ошибочным или вредным. Прочтя пессимистический

этиод Тургенева «Довольно», О. ответил ему зовущей к общественной активности и деятельности на благо России статьей «Недовольно» (1867).

О. оставил заметный след в истории журналистики. Он деятельно участвовал в реорганизации журнала «Отечественные записки», в 1843—1848 гг. вместе с А. П. Заблоцким-Десятовским выпускал журнал «Сельское чтение», завоевавший исключительную популярность у читающей части крестьянства и неоднократно переиздававшийся. Белинский отмечал, что «издатели «Сельского чтения» умели угадать, что нужно для чтения простому народу», что «колоссальный успех» этого журнала «основан был на глубоком знании быта, потребностей и самой природы русского крестьянина и на таланте, с каким умели издатели воспользоваться этим знанием» (Белинский В. Г. Полн. собр. соч.— Т. IX.— С. 302).

Расцвет творчества О. как беллетриста приходится на 30 и первую половину 40 гг. В 1833 г. вышел в свет его сборник «Пестрые сказки», включавший ряд повестей, рассказанных от имени «магистра философии и члена разных ученых обществ» Ириней Модестовича Гомозейки. Здесь проявилась одна из наиболее характерных особенностей таланта О.— склонность к «соединению несоединимого»: фантастических ситуаций с точным ироническим воссозданием деталей современного быта и нравов, скептицизма с глубоким сочувствием человеческим страданиям, философского дидактизма и интереса к иррациональному с злыми насмешками над пустотой и пошлостью современного общества. Отмечая сочетание в повестях О. «дидактизма» и «гумора», Белинский подчеркивал «необщее выражение» в них и того и другого. Это был дидактизм, который проявлялся не в сентенциях, а оставался «идеями невидимыми и вместе с тем осязаемыми», а «гумор состоял не в веселом расположении, понуждающим человека добродушно и невинно подшучивать надо всем, что ни попадает на глаза, но в глубоком чувстве негодования на человеческое ничтожество во всех его видах, в затаенном и сосредоточенном чувстве ненависти, источником которой была любовь. Поэтому аллегории кн. Одоевского были исполнены жизни и поэзии...» (Там же.— Т. I.— С. 275).

«Сказка о мертвом теле, неизвестно кому принадлежащем», «Сказка о том, по какому случаю коллежскому советнику Ивану Богдановичу Отношенью не удалось в светлое воскресенье поздравить своих начальников с празником» и др. строятся на фантастических сюжетах: какое-то лицо без образа является к приказному востребовать свое утерянное тело, карты встают против игроков, занимают их место и начинают играть ими: короли и тузы сидят в креслах и на диванах, а в их руках — «масть начальников отделения», «масть стона начальников», и идет «игра адская». Но описано это с таким знанием чи-

новничьих нравов, с такой тонкой передачей стиля казенных бумаг, с такой массой деталей, характерных для русского быта, что читатель воспринимал изображаемое как жуткую реальность, остро ощущал нелепость окружающей его действительности. Как и в «петербургских повестях» Гоголя, в частности в повести «Нос», а также в произведениях Щедрина, фантастика О. служила гротескному укрупнению и сатирическому обличению уродливых явлений современной жизни.

Ряд произведений О. посвящен актуальному для того времени вопросу положения женщины в России и женской эмансипации: повести «Княжна Мими» (1834), «Княжна Зизи» (1839), отрывки из романа «Катя, или История воспитанницы» (1834). Все они пронизаны гуманизмом, разоблачают нравы и обычаи светского общества, господствующие в нем эгоизм, стяжательство, двоедушие, развращенность. Так называемые «таинственные» повести О. «Сильфида», «Орлахская крестьянка» (1838), «Саламандра» (1841) и др. способствовали тому, что за писателем надолго закрепилась репутация мистика и иррационалиста. Между тем главное в них — углубленный интерес О. к тайнам и изгибам человеческой психики, фантастическое и здесь переплетается с реальным.

О. был выдающимся знатоком искусства, он внес непреходящий вклад в развитие музыкальной критики. М. И. Глинка обращался к нему за советами, работая над оперой «Иван Сусанин», в его петербургском доме бывал и устраивал концерты Ф. Лист. Он поддерживал творческие контакты с А. С. Даргомыжским, А. Н. Серовым и др. выдающимися музыкантами. Многолетние раздумья об искусстве определили важное значение темы художника в творчестве писателя: с этой темой связаны его высшие творческие достижения. О. с большой силой умел выразить трагизм судеб людей, оставивших нам бессмертные произведения искусства, коллизии гениальных создателей этих произведений с окружающей действительностью. Белинский видел в обращении к этой теме свидетельством «возмужалости и зрелости» таланта О. «Художник — эта дивная загадка — сделался предметом его наблюдений и изучений, плоды которых он представлял не в теоретических рассуждениях, но в живых созданиях фантазии, ибо художник был для него столько же загадкой чувства, сколько и ума. Высшие мгновения жизни художника, разительнейшие проявления его существования, дивная и горестная судьба были им схвачены с удивительной верностью и выражены в глубоких, поэтических символах» (Там же. — Т. I. — С. 275). «Высшие мгновения жизни художника» — одна из сквозных тем главной книги О. «Русские ночи».

«Русские ночи», изданные в 1844 г., вообразили себя произведения, создававшиеся О. на протяжении предшествующих десятилетий. Эта книга

уникальна в нашей литературе и по замыслу, и по построению, и по жанровой природе. «Русские ночи» — и роман, и сборник повестей, и драма, и философский трактат. Найденная писателем свободная форма, в которой развита идея произведения, позволила осветить ее с разных сторон, используя богатые и многообразные выразительные средства. В центре внимания О. — трагическая разорванность бытия и сознания. Подлинный герой «Русских ночей» — философская мысль; бьющаяся и страдающая над проблемами, которые не поддаются решению. Это книга вопросов, а не ответов, побуждавшая читателя к интеллектуальным исканиям. Она помогла ему постичь, как сложны и мучительны пути познания жизни и человека.

Когда становление реализма было магистральной линией литературного развития, книга О. могла казаться и несвоевременной, и несвоевременной. Белинский, руководитель и организатор «натуральной школы», счел ее странной. А вырванный из литературного движения своего времени и томившийся в Сибири Кюхельбекер сумел взглянуть на «Русские ночи» как бы со стороны и нашел для их характеристики проникновенные и точные слова: «Книга Одоевского «Русские ночи» — одна из умейших книг на русском языке... Сколько поднимает он вопросов! Конечно, ни один почти не разрешен, но спасибо и за то, что они подняты...» (Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. — Л., 1979. — С. 423). «Русским ночам» довелось пережить долгую пору забвения и невнимания, прежде чем последующие поколения в свете более богатого исторического и художественного опыта оценили тот вклад, который внесло это произведение в русскую литературу.

«Русские ночи» завершают творческий путь О. как писателя и мыслителя. Но именно «Русские ночи» воспринимаются сегодня как завещание, которое этот самоотверженный и неутомимый искатель истины, русский Фауст, как его называли, оставил нашему времени. О. дал одной из своих статей характерное заглавие. — «Записки для моего праправнука о русской литературе». Через головы современников он обратился к потомству, и оно услышало его голос.

Соч.: Музыкально-литературное наследие / Подгот., вступ. ст. и примеч. Г. В. Бернштам. — М., 1956; Русские ночи / Изд. подгот. Б. Ф. Егоров, Е. А. Маймин, М. И. Медовой. — Л., 1975 (Литературные памятники); Соч.: В 2 т. / Вступ. ст., сост. и коммент. В. И. Сахарова. — М., 1981; О литературе и искусстве. — М., 1982; А. С. Пушкин и В. Ф. Одоевский // Перепица А. С. Пушкина: В 2 т. — М., 1982. — Т. 2. — С. 422 — 451.

Лит.: Белинский В. Г. Сочинения князя В. Ф. Одоевского // Полн. собр. соч. М., 1955. Т. VIII. — С. 297 — 323; Сакулин П. Н. Из истории русского идеализма. Кн. В. Ф. Одоевский. Мыслитель. Писатель. — М., 1913. — Ч. 1 — 2; Манн Ю. В. В. Ф. Одоевский и его «Русские ночи» // Манн Ю. В. Русская философская эстетика (1820 — 1830-е гг.). — М., 1969. — С. 104 — 148; Измайлов Н. В. Пушкин и В. Ф. Одоевский // Очерки творчества Пушкина. — Л., 1976; Каменский З. А. Московский кружок любителей. — М., 1980; Го-

ОЗЕРОВ, Владислав Александрович [30.IX(11.Х.)1769, с. Казанское (или Борки) Тверской губ.—5(17).IX.1816, там же] — драматург. Учился в Сухопутном шляхетском кадетском корпусе (1776—1787); среди преподавателей О. в корпусе — Я. Б. Княжнин. В 1789—1790 гг. служил в армии, затем до 1794 г. — вновь в Кадетском корпусе в должности адъютанта начальника; в 1794—1808 гг. — в Лесном департаменте. В отставку вышел в чине действительного статского советника, но без пенсии, что свидетельствует об опале, причины которой неясны. Конец жизни О. провел на родине, страдая психическим расстройством.

Первые опыты О. — перевод стихотворения Ш. Колардо «Элонза к Абеляру» (1794) и трагедия «Ярополк и Олег» (1798) — прошли незамеченными. В целом мало отличаясь от среднего уровня литературы своего времени, они интересны как первые образцы работы О. в жанрах трагедии и элегии, синтез которых составит основную особенность его творчества. В конце 90 гг. определилось литературное окружение О.: он сблизился с Г. Р. Державиным и Н. А. Львовым, а через них, около 1800 г., с кружком А. Н. Оленина. Вкусы, задававшие тон в оленинском кружке, определили многие черты поэтики позднейших трагедий О.

Успех к О. пришел после написанной в 1804 г. по совету Оленина трагедии «Эдип в Афинах» (в Петербурге поставлена под руководством А. А. Шаховского и автора; в главных ролях Я. Е. Шушерин и Е. С. Семенова). Сюжет, взятый из трагедии Софокла «Эдип в Колоне» с учетом французских переделок Ж. Ф. Дюси и М. Ж. Шенье, был переосмыслен двояко. Во-первых, О. акцентировал чувствительные моменты фабулы: дочернюю любовь Антигоны, несчастную старость Эдипа, готовность героев к самопожертвованию. Во-вторых, в трагедии О. первоначально важно противопоставление доброго государя — Тезея и злого — Креона (здесь вероятен политический намек: первый ассоциируется с Александром I, второй — с Павлом I). Финальное торжество добродетели и гибель тирана Креона, критиковавшиеся многими современниками за явное несоответствие духу мифа об Эдипе, вполне соответствовали замыслу О., ориентировавшегося на эстетику сентиментальной повести. Новым в «Эдипе в Афинах» был также резкий контраст элегических монологов, написанных звучным стихом, рассчитанным на мастерскую декламацию, «техническим», необходимым для развития сюжета, невыразительным по стилю сценам. Вот характерный пример элегических стихов из числа принесящих «Эдипу...» популярность: «Прохлады в жаркий день в моей ты ищешь тени; / Я сяду,

ты главу мне склоняешь на колени. / Среди густых лесов, в жестокости бурных зим, Ты согреваемой, дыханием моим. / Ах! свет, забывший нас, взаимно мы забудем / И утешением один другому будем...» (из монолога Антигоны во 2-м акте).

Эти тенденции еще в большей степени проявились и в трагедии О. «Фингал» (1806) на сюжет из поэмы Оссиана (Дж. Макферсона). Роли главных героев трагедии, Фингала и его невесты Моины, практически ограничиваются элегическими монологами. Трагическим героем в «Фингале» выступает злодей Старн (отец Моины), но превеличественное «злодейство» делает эту роль не столько трагической, сколько мелодраматической. Поэтические достоинства монологов «Фингала» еще выше, чем в «Эдипе...» (выразителен, напр., популярнейший в свое время монолог Фингала из последнего акта: «Нет, глазам никогда надгробным я не внемлю...»). Их удельный вес в трагедии очень высок.

Разнобой между «техническими» и лирическими сценами, недостатки драматургической техники исчезают в «Димитрии Донском» (1806, постановка — январь 1807) — трагедии О., имевшей наибольший зрительский успех, в немалой степени вызванный соответствием патриотического пафоса пьесы настроению общества в начале русско-французской войны 1807 г. Интрига «Димитрия...» органично соединяет героический (Куликовская битва) и любовный сюжет. О., однако, не претендовал на достоверное воссоздание древнерусских обычаев и исторических фактов; отношения Димитрия, его возлюбленной Ксении и ее жениха кн. Тверского трактованы скорее в традициях западноевропейских рыцарских преданий о любви. В особенности это относится к поведению Тверского, из ревности изменяющего Димитрию, но после победы великодушно отказывающегося от своих прав, и Ксении, после измены Тверского соглашающейся на брак с Димитрием ради спасения отечества. Напряжение конфликта долга и чувства в «Димитрии...» высоко, что приводит (как в трагедии классицизма бывает нередко) к некоторой искусственности развязки. «Димитрия Донского» можно считать самой классической трагедией О.

В противоположность «Димитрию...» последняя трагедия О. «Поликсена» (1807; постановка — 1808) построена статично, с преобладанием монологов; заметно стремление автора подражать не французской, а непосредственно греческой трагедии. Основная тема пьесы — жертвенная любовь троянской царевны Поликсены, которая должна быть принесена в жертву тени своего жениха Ахилла. На изображении ее чувств, а также горя ее матери Гекубы сосредоточен весь интерес драматурга; остальные характеры разработаны слабо, что делает сюжет в целом несколько искусственным, а трагедию — недостаточно сценичной. В «Поликсене», таким образом, основные черты поэтики «Эдипа в Афинах» и «Фингала»

не только развиты, но и гипертрофированы. При этом сам О. считал «Поликсену» лучшей своей трагедией. Ее относительный неуспех, вкупе с неожиданной опалой драматурга были тяжело им пережиты, привели к прекращению литературной деятельности, возможно, способствовали развитию психической болезни. Однако в 1809 г. О. еще написал несколько лирических стихотворений и задумывал трагедию об Артемии Вольтском.

Драматургия О., в особенности его чувствительные монологи, — одно из значительных явлений карамзинского направления в русской литературе. Карамзинисты высоко ценили О. Недостовверная легенда, приписывавшая трагический исход его литературной судьбы интригам Шаховского (злейшего противника карамзинистов), превратила О. в «литературного мученика». П. А. Вяземский написал предисловие к собранию сочинений О., до сих пор остающееся одной из наиболее обстоятельных работ о нем. Литераторы «архаического» направления (особенно Державин) резко критиковали О. за недостаток действия, статичность, а подчас и непроработанность характеров, неправдоподобие некоторых ситуаций (напр., появление княжны Ксении среди воинского лагеря в «Дмитрии Донском»), зло пародировали его («Митюха Валдайский» П. Н. Семенова, «Дмитрий Дрянской» А. С. Грибоедова). Актер А. С. Яковлев, хотя и имел успех в ролях Фингала и Дмитрия, не любил их, считая недостаточно драматическими. Напротив, для Семеновой, великой актрисы декламационного плана, озеровские женские роли были основой репертуара. Подробный разбор достоинств и недостатков трагедий О. с точки зрения литературной теории классицизма дал А. Ф. Мерзляков. А. С. Пушкин, разделяя в основном точку зрения Державина (см.: Вяземский П. А. — С. 39 и далее; Пушкин А. С. Полн. собр. соч. — Т. 11. — С. 40, 213—242), успех трагедий О. относил в основном на счет игры Семеновой; с этой точки зрения пьесы О. были для него важным явлением в истории русского театра («Там Озеров невольник дани / Народных слез, рукоплеканий / С младой Семеновой делил» — «Евгений Онегин», глава I, строфа XVIII). В 30 гг., в связи с утратой интереса публики к классической трагедии, потерял актуальность и творчество О. Живой интерес к нему не восстановился и в XX в. Едва ли не единственное исключение — стихотворение О. Э. Мандельштама «Есть ценностей незыблемая скала...» (1914), где трагедии О. — «последний луч классической зари» — противопоставлены бытовому и символистскому «театру полуслова и полумаск».

Соч.: Трагедии. Стихотворения / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. И. Н. Медведевой. — Л., 1960; Дмитрий Донской // Поле Родины. — М., 1980.

Лит.: Вяземский П. А. О жизни и сочинениях О. // Вяземский П. А. Соч. — М., 1982. — Т. 2. — С. 12—43; Пота-

пов П. О. Из истории русского театра: Жизнь и деятельность В. А. Озерова. — Одесса, 1915; Медведова И. Н. Екатерина Семенова. — М., 1964; Гиллельсон М. И. Молодой Пушкин и арзамасское братство. — Л., 1974. Н. Н. Зубков

ОЛЬМИНСКИЙ, Михаил Степанович, настоящая фамилия *Александров*; псевдонимы — А. В., А. Вит., А. Витимский, Галерка, Дятлов, М. О., М. Ольм., Степаныч [2(14).X.1863, Воронеж — 8.V.1933, Москва; похоронен на Красной площади] — публицист, журналист, критик. Профессиональный революционер. Родился в семье мелкого чиновника. Окончил гимназию. Поступил на юридический факультет Петербургского университета в 1883 г., вскоре включился в народовольческое движение. Первый арест — в 1885 г. Исключен из университета в 1886 г. В 1890—1894 гг. принимает активное участие в революционной работе, основательно знакомится с марксизмом и переходит на его позиции. В 1894 г. подвергается аресту и одиночному заключению. По дороге в ссылку в Сибирь в 1898 г. О. вступил в члены РСДРП. Литературное творчество начал с публикаций статей, корреспонденций, фельетонов в газете «Восточное обозрение». В статье «Как я стал литератором» признавался, что начал писать «назло правительству и жандармам» (Ольмий М. По вопросам литературы. — Л., 1926. — С. 11). После возвращения из ссылки в 1903 г. в скором времени (1904) выехал за границу, где познакомился с В. И. Лениным и начал сотрудничать в большевистских изданиях «Вперед» и «Пролетарий», на страницах которых появился знаменитый псевдоним О. — «Галерка». Активную журналистскую деятельность он продолжил в Петербурге в годы первой русской революции, когда в «Новой жизни», «Волне», «Эхе», «Вестнике жизни» и др. партийных изданиях появляются его статьи и заметки, освещающие общественно-политическую ситуацию и внутрипартийные разногласия. В годы нового революционного подъема О. — ведущий сотрудник «Звезды» и «Правды».

После революции он на партийной и литературной работе — возглавляет Истпарт, сотрудничает в журналах «Социал-демократ», «Пролетарская революция», «На посту» и «На литературном посту». В 1932—1933 гг. О. интенсивно занимался изучением наследия Салтыкова-Щедрина, подготавливал к изданию собрание сочинений писателя.

С первых шагов на революционном поприще О. использовал «литературу для великих целей нашего строительства» (Лунин А. Чарский А. В. Собр. соч.: В 8 т. — М., 1967. — Т. 7. — С. 467). Уже в ранних работах, напечатанных в «Восточном обозрении», О. проводит взгляд на литературу как выражение классовых и политических интересов. Критик стремится нацелить писателей на поиски и служение революционному идеалу, приветствует «новый цикл идей» (По вопросам литературы. — С. 65), который обнаруживает в современной литературе. В то же время требо-

вательность к писателю в отношении выработки им определенного мировоззрения оборачивалась огрублением и упрощением проблемы, как это и произошло у О. при анализе чеховского творчества (ст. «Об Овсяннико-Куликовском и А. Чехове», 1900, и «Литературные противоречия», 1901). Критик поставил в вину писателю намеренное, как ему показалось, отрицание всего, что «носит характер определенности во взглядах на общественные формы» (По вопросам литературы.— С. 50), отсутствие изображения «тех сил и действий, которые могут... устранить зло и горе» (Там же.— С. 48), и героя, который бы воплотил новизну исторического момента. На этом основании он вывел творчество Чехова за пределы реализма. Однако в пьесе «Три сестры», несмотря на предоставленную этим, как ему казалось, символическим произведением множественность возможных толкований, он слышал призыв «к борьбе за идеалы определенного содержания» (Там же.— С. 62). Каково это содержание, критик вскоре объяснил: «борьба за идеалы...— удел единственно пролетариата и его идеологов» (Образование.— 1906.— № 12.— Отд. II.— С. 48). Следовательно, в представлении О., для художника другого класса не была закрыта возможность овладеть пролетарским мировоззрением.

Значение требования классового определенности мировоззрения, ясности в понимании сути политических явлений, четкости социального и эстетического идеала художника возрастает в критике О. в годы его сотрудничества в «Звезде» и «Правде». Критик рассмотрел за лозунгами свободы слова, независимости искусства, за апелляцией к таланту как высшему мерилу ценности произведения оправдание общественного индифферентизма, политической беспринципности, идейного ренегатства, развенчание дорогих ему идеалов революции. О. интересуется в первую очередь «общественно-политическая сторона писательской деятельности» (Там же.— С. 30). Он утверждал особую ответственность художника перед обществом. Писателем, глубоко осознавшим свою «роль общественного деятеля» (Там же.— С. 119), для О. стал Горький, заявивший протест против инсценировки «Бесов» Достоевского. Критик в «споре о Достоевском», разгоревшемся на страницах прессы и проанализированном им в статье «Поход против М. Горького» (1913), увидел идеологическое столкновение пролетарского мира, выступившего «против соглашения с реакцией», с миром, «готовым» с реакцией «обниматься» (Там же.— С. 22).

Литература для О. служит показателем духовного состояния общества, отражением происходящих в нем изменений. На основе анализа литературных явлений О. делал заключение о социальном, моральном, политическом климате общества. В его статьях закладывались основы создания марксистской социологии искусства, изучения функционирования литературного произ-

ведения. На основании изменения эстетических вкусов и пристрастий публики — вместо «безумных зрелищ» она жаждет «мысли» (Ольминский и М. По литературным вопросам.— М.: Л., 1932.— С. 22), от чтения «Санина», «Навях чар», «Тьмы» переходит к «Ключам счастья» Вербицкой — он в статьях «Преодоление эстетики» (1911) и «О Вербицкой» (1911) делает вывод: «Ренегатской эпохе приходит конец» (По вопросам литературы.— С. 36). Критик не заблуждается относительно эстетических достоинств произведений Вербицкой, степени понимания ею общественных и политических проблем, но в прекрасной душе, сентиментальности, даже «мундире реализма», который она набрасывает на свое творчество, он видит симптом излечения литературы эпохи реакции от цинизма.

Нередко в «правдинских» статьях критик использует литературу как иллюстративный материал для характеристики политического момента, исторической ситуации. Это было необходимо в период приобщения широких трудящихся масс к искусству. Так, в высоко оцененной В. И. Лениным (см.: Полн. собр. соч.— Т. 48.— С. 89) статье О. «Культурные люди и нечистая совесть» (1912) для оценки поведения части творческой интеллигенции, кичащейся своей «культурностью», но на деле продавшейся буржуазии за возможность «есть вкусно, спать мягко, а вечера проводить в «культурных» увеселительных местах» (Там же.— С. 38), критик прибегает к авторитету и цитатам из Салтыкова-Щедрина, говорившего о подобном же явлении четыре десятилетия тому назад.

Обращение к произведениям Салтыкова-Щедрина встречается практически во всех статьях критика. Огромен вклад О. в изучение его творческого наследия. Статьи о Салтыкове-Щедрине — образец марксистского подхода к классической литературе, умения вскрыть ее актуальность и действенность в новых исторических условиях. О. разоблачал либеральные домыслы и фальсификации буржуазной критики, рисующей сатирика как желчного юмориста и зубоскала, отставшего от требований времени, загубившего свой талант ради ложно понятого общественного призвания. Не делая Салтыкова-Щедрина выразителем пролетарской идеологии, понимая исторически обусловленную ограниченность его взглядов, О. тем не менее превращает его творчество в идеологическое оружие рабочего класса, дает «освещение теперешних вопросов рабочей демократии с иной стороны, иным голосом» (Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 48.— С. 89). В статьях О. предстал образ писателя, учащего «необходимости критически относиться к действительности, вырабатывать прочные, вполне сознательные убеждения и жить согласно этим убеждениям» (По вопросам литературы.— С. 127).

Литературные критические статьи О. затрагивают и общетеоретические вопросы — проблему

нового творческого метода, роль в нем передового мировоззрения, романтико-героического пафоса. Интересны мысли критика о типическом в литературе и имеющие к ним непосредственное касательство замечания о положительном герое. Он писал, что «в числе типов, созданных революцией, одно из первых мест должен занять революционер-профессионал», внешняя сторона жизни которого превосходит «фантазию авторов походов Рокамболя», а внутренняя дает «бесконечный материал для анализа» (По литературным вопросам.— С. 45—46). Отводя значительное место в творческом процессе бессознательному началу (см. его заметки о Короленко), роли вдохновения и наслаждения, он решающее значение придавал направленности таланта, которая и определяет резонанс произведения в реальном историческом контексте. «Иудина беллетристика» (По вопросам литературы.— С. 28) Сологуба, Арцыбашева, Винниченко и Андреева, возможно, была, по признанию О., и талантлива, но отнюдь не «прекрасна, благородна, возвышенна» (Там же.— С. 27), поскольку помогла интеллигенции в годы реакции «совершить предательство» — «уход от рабочих» «без лишних уборов совести» (Там же.— С. 28—29).

Неуклонная борьба О. за идейность литературы связана с его представлением об искусстве как средстве формирования «принципиально выдержанной устойчивой личности неуклонного борца за идеалы» (По литературным вопросам.— С. 67). О. видел сложную опосредованную связь между литературой и общественной жизнью, осуществляемую через «одухотворяемую» литературную личность, которая уже в свою очередь проводит в жизнь «требования классовой борьбы» (Ольминский М. Статьи о Салтыкове-Щедрине.— М., 1959.— С. 64). Оценка произведений с точки зрения идейности не заслоняла от критика значения эстетической стороны, хотя она и оставалась у него преимущественно на втором плане. По ходу анализа он нередко делает замечания о «личности творца», «индивидуальности» (По вопросам литературы.— С. 104, 105) художника, убеждает, что в литературе не должно быть места «голословным показаниям» (По литературным вопросам.— С. 67), исследует форму стиха («Мотивы текущей лирики», 1899), характеризует особенности творческой манеры автора (сравнение произведений Чехова с музыкой). Рецензии на сборники стихов В. Башкина (1907) и С. Кречетова (1907) вообще построены на несовпадении «гражданских мотивов» с «поэтическим высказыванием личности» (Там же.— С. 71), т. е. содержания и формы стихов. Одна из важнейших обязанностей поэта, по мнению критика, — «быть самим собою», «подниматься не тогда, когда проснется вал», а когда потребует того собственная индивидуальность», «найти самого себя» (Там же.— С. 70, 74).

Много сделано О. для истории печати, цен-

зуры, исследований специфики журналистской работы. Его литературно-критические работы отражают начальный этап становления марксистской критики и эстетики. Их отличает простота слога, точность выражения мысли, полемическая страстность и большевистская принципиальность, но иногда и упрощенность в понимании специфики художественного творчества.

Соч.: По вопросам литературы: Статьи 1900—1914 гг. / Предисл. Г. Лелевича. — Л., 1926; По литературным вопросам / Предисл. П. Лещинского. Сб. ст.— М.; Л., 1932; Статьи // Доктябрьская «Правда» об искусстве и литературе.— М., 1937; Из эпохи «Звезды» и «Правды»: Статьи 1911—1914 гг.— М., 1956; Статьи о Салтыкове-Щедрине.— М., 1959.
Лит.: Луначарский А. В. М. С. Ольминский как литературный критик // Луначарский А. В. Собр. соч.: В 8 т.— М., 1967.— Т. 7; Лежава О. А., Нелядов Н. В. М. С. Ольминский. Жизнь и деятельность.— 2-е изд.— М., 1973; Волков П. Д., Ермишкин Н. И. Эстетические взгляды М. Ольминского.— М., 1975. М. В. Михайлова

ОМУЛЁВСКИЙ (настоящая фамилия — Федоров), Иннокентий Васильевич [26.XI(8.XII).1836 (по другим данным — 21.X(2.XI).1837), Петропавловский порт (Петропавловск-на-Камчатке) — 26.XII.1883(7.I.1884), Петербург] — прозаик, поэт, публицист, переводчик. Родился в семье исправника. В 1842 г. отец был переведен служить с Камчатки начальником полиции Иркутска, где прошли отрочество и юность будущего писателя. Он учился в классической гимназии, но аттестата не получил: отказался сдавать экзамен по предмету «Закон божий».

Ранний, иркутский период жизни оказал большое влияние на становление личности О., о чем косвенно свидетельствует судьба главного героя романа «Шаг за шагом» Светлова, в которой отчасти отразились черты биографии автора. «Роман «Светлов» в 1/2 автобиографичен» (Скабичевский А. М. История русской литературы.— Спб., 1909.— С. 314). В Иркутске жило много ссыльных. Среди знакомых О. были декабристы, петрашевцы, участники польского революционного движения, общение с ними оказалось плодотворным для юноши. Оно обогатило его внутренний мир, повысило культурный уровень, демократизировало его взгляды. Биограф О. — П. В. Быков свидетельствует, что О. «занимался чтением развивающих книг под руководством некоторых из ссыльных поляков и декабристов». В эти годы О. увлекся изучением польского языка, начал читать в оригинале произведения польской литературы. В «Набросках сибирского поэта» (опубл. в 1882 и 1884 гг.) он писал: «Я помню блестящую плеяду европейски образованных людей, дававших тон своему обществу, вносивших в его жизнь осмысленное уважение к личности, нравственную чистоплотность и благородность».

Не без влияния своих опальных друзей в 1856 г. он отправился в Петербург и полный горячего желания жить и учиться в кругу передовой молодежи столицы стал вольнослушателем юридического факультета университета.

В 1857 г. в Петербурге под псевдонимом *Омулевский* вышел сборник переводов сонетов Адама Мицкевича. Книга «Мицкевич в переводе Омулевского» успеха не имела; в художественном отношении переводы были слабыми. Критически оценил работу молодого переводчика Добролюбов (Д о б р о л ю б о в Н. А. Собр. соч.: В 9 т.— М.; Л., 1962.— Т. II.— С. 346—347). Однако это не охладило творческих порывов О., оставившего университет в 1858 г. Юридическая карьера не привлекала его. После недолгого пребывания в Витебске, где он служил чиновником особых поручений при губернаторе, и в Пскове О. вернулся в Петербург. Жизненный выбор был сделан. Он решил стать профессиональным литератором.

Первыми читателями и судьями произведений писателя стали члены петербургского кружка сибиряков, основанного в конце 50 гг. студентом Петербургского университета, иркутянином Н. С. Щукиным, близким к Добролюбову и получавшим лондонские издания Герцена и Огарева. После отъезда Щукина в Сибирь в 1859 г. важную роль в кружке играли известные общественные деятели Сибири Г. Н. Потанин и Н. М. Ядринцев, принявшие участие в судьбе О. Заседания кружка сибиряков посещали выдающийся историк и публицист А. П. Шапов, его ученик историк С. С. Шашков, революционер-ученый И. А. Худяков, казахский просветитель Чокан Валиханов и др. (см.: Очерки русской литературы Сибири.— Новосибирск, 1982.— Т. I.— С. 342). Члены кружка были хорошо знакомы с передовой журналистикой, политической литературой, с подпольными изданиями и прокламациями. О., по воспоминаниям Ядринцева, «со всем пылом юности и жажды просвещения бросился в атмосферу горячих увлечений тогдашней русской молодежи» (Я д р и н ц е в Н. М. Сибирские литературные воспоминания // Восточное обозрение.— 1884.— № 33—34, 16 и 23 авг.).

Творчество О. приходится в основном на 60—70 гг. Большую часть этого времени писатель провел в Петербурге. Жизнь писателя-разночинца была полна трудностей, материальных лишений, о чем он писал, напр., Некрасову: «В жизни людей — а в жизни поэтов еще чаще — бывают положения, когда, отставив право существования, не имеешь возможности сообразать, красиво или некрасиво движение утопающего человека, хватающегося за первую твердую опору. В таком именно положении я прямо обращаюсь к Вам, как поэт к поэту» (Письмо Н. А. Некрасову от 26 февр. 1874 г. // Литературное наследство. Н. А. Некрасов.— Т. 49—50). После отмены крепостного права О. в 1862 г. покинул Петербург и три года жил в Иркутске, где сотрудничал в местной газете «Амур». В 1873 г. он был арестован, чему предшествовал запрет публикации его романа «Попытка — не шутка» (Дело.— 1873.— № 1.— Главы I—III). Цензура увидела в нем подрыв социальных устоев общества.

О. был обвинен в антиправительственных высказываниях и заключен сначала в Петропавловскую крепость, а затем в Петербургскую тюрьму Литовский замок, но в том же году был освобожден за недоказанностью преступления. Спасаясь от нищеты, вместе с семьей в 1879 г. он снова уехал в Иркутск, пребывание в котором омрачилось смертью отца. В 1880 г., год спустя, вернулся в Петербург, где после продолжительной и тяжелой болезни умер в нищете и одиночестве.

Литературное наследие О. обширно и включает в себя прозаические, поэтические, публицистические произведения. В 1861 г. в журнале «Век» были опубликованы первые оригинальные стихи О.: «Битва», «Первая встреча» и др. В 1862 г. Щукин опубликовал в иркутском сборнике «Сибирские рассказы» первый рассказ О. «Сибирячка», имевший антикрепостническую направленность. Героиня рассказа Настя убивает развратника-барина и его жену, чтобы отомстить за издевательства над собой, и автор полон сочувствия к ней. В том же году был напечатан рассказ «Медные образки», раскрывший картину насилия, произвола властей, взяточничества чиновников. В этих малых жанрах О. явно ощущались тенденции нравоописания, очерковости, идущие от «натуральной школы». Те же идейно-художественные особенности обнаруживаются в его более поздней прозе: в очерке «Острожный художник» (1882), в рассказе «Сутки на станции» (опubl. в 1904 г.), в очерке «Без крова, хлеба и красок» (1883, не завершен), в очерках «Рассказы в осенние вечера» (не окончены), в цикле заметок «В мировой камере» (не завершен; опubl. в 1906 г.), в рассказе «Ученые разговоры» (не завершен; опubl. в 1986 г.). Написанные в пореформенную эпоху, эти произведения направлены против остатков крепостничества, в них нашла отражение социальная драма обитателей петербургских трущоб, в т. ч. и представителей демократического искусства.

Наследие О.-прозаика, кроме малых жанровых форм, включает в себя и крупные. Это роман «Шаг за шагом» (1870—1871), незаконченный роман «Попытка — не шутка» (1873), начало романа «Новый губернатор», начало повести «Софья Бессонова». Большую известность принес О. роман «Шаг за шагом», опубликованный в 1870 г. в журнале «Дело» с цензурными купюрами под названием «Светлов, его взгляды и деятельность» (В 1871 г. вышел отдельным изданием в Петербурге.) Роман был воспринят передовой общественностью как программное произведение. Быков свидетельствовал: «Молодежь им зачитывалась и в те времена, и значительно позднее, и вообще роман произвел настоящую сенсацию, не меньшую, чем «Что делать?» Чернышевского» (Быков П. В. Вступительная статья к «Полному собранию сочинений Оммулевского (И. В. Федорова)»). Салтыков-Щедрин выделил

роман «Шаг за шагом» в беллетристике 70 гг. (Салтыков-Щедрин М. Е. Полн. собр. соч.: В 20 т.— М., 1970.— Т. 9.— С. 415—423). Ряд критиков (Скабичевский, Быков, Е. А. Колтоновская) связывали роман «Шаг за шагом» с писаревской и идейной традицией, видели в главном герое Светлове черты писаревских «реалистов». Роман отразил историческую преемственность в освободительном движении в России, в числе героев — декабрист Жилинский и петрашевец Варгунин. Свободное фермерство, объединенное в ассоциации производителей, выступает в романе как перспектива развития народной жизни (описание «трудового люда» на Ельцинской фабрике, предприятии свободного найма). В облике старосты Семена запечатлены характерные черты этого фермерства, как они представлялись просветителю-демократу. Суровые правительственные репрессии в пореформенный период подвели определенную часть русской демократии к трезвому осознанию соотношения сил прогресса и реакции, в свете которого осуждались попытки агитации среди крестьян с целью поднять их на политическую борьбу. Такая позиция свойственна и О. в изображении Ельцинского бунта. Герой романа — сторонник постепенных преобразований («Шаг за шагом»); он верит в силу «положительных знаний», науки, образования, пропагандирует атеизм, материализм, восхищается искусством, борется за эмансипацию женщин. В 1912 г. критик Колтоновская писала: «Отжили люди, отжили идеи, а навеянное ими светлое чувство осталось. Оно особенно явственно звучит в романе «Шаг за шагом». В этом разгадка его обаятельного впечатления на молодежь и того интереса, с каким он читается до сих пор, несмотря на устарелость сюжета и художественные недостатки» (Колтоновская Е. А. Критические этюды.— Спб., 1912.— С. 133).

Роман «Шаг за шагом» пользовался успехом у переводов читателей нескольких поколений. Естественно, он вызвал к себе враждебное отношение со стороны царской цензуры и реакционной критики (К. Ф. Головин, С. С. Окрейц и др.). Дважды уничтожался тираж книги (1874, 1896). Изданный в 1906 г., роман более не допускался к переизданию и вновь вышел в свет лишь в первые годы Советской власти (1923).

Заметный вклад внес О. также в демократическую поэзию 60—80 гг. Он печатался в журналах «Современник», «Искра», «Русское слово», «Будильник», «Живописное обозрение», литературно-политической газете «Восточное обозрение» и др. Подписывал свои стихотворения псевдонимами: *Камчаткин*, *Камчадал*, *Веселый поэт*, *Сибирский поэт*, *Странствующий певец* и др. В его поэзии исследователи (А. Л. Рубанович, И. Г. Васильев, С. Красноштанов) видят родство с «музой мести и печали» Некрасова, близок О. и к поэтам некрасовской школы М. Л. Михайлову, Д. Д. Минаеву, В. С. Курочкину, А. Н. Пле-

шееву). Было опубликовано несколько поэтических сборников О.: «Песни жизни» (Пб., 1883), «Деревенские песни» (Пб., 1884), «Земной рай и тайна карьеры. Юмористические стихотворения» (Пб., 1884). Многие стихотворения не были опубликованы при жизни поэта («Ваше благородие», «Карманная элегия», «Светской девице», «Улетайте от нас, соловьи...» и др.). Мотивы лирики О. разнообразны: народное горе («Над колыбелью», «Невеселая ночь», «Картинка», «Богачам», «Мои богатства» и др.); роль искусства («Перлы таланта», «Будущему поэту», «Самородок», «В стенах Эрмитажа» и др.); отношения «отцов и детей» («Забудем те фразы, какими нас с детства...», «Монолог», «К молодому поколению» и др.); участь женщины («Задуманная беседа», «Нашей подруге жизни», «Супружеская школа», «Совет», «На прощание» и др.); политическая борьба («Все на свете трин-трава», «Дело святое за правду стоять», «Светает, товарищ», «О юноши! Не тот герой...», «Залетные птицы», «Море» и др.). В его гражданской лирике нередки элегические настроения («Прощай... прости, прекрасный мир земной», «Лесные грезы», «Невозвратное», «Слепой художник», «По ком ты плачешь, ветер?» и др.); есть и сатира («Когда я тружусь, попивая лафит», «Самодур», «Канцелярская философия», «Юмористические вопли», «Свобода», «Счастливцев», «На Новый год» и др.).

Через весь творческий путь О. проходит тема Сибири, которую поэт горячо любил. В 60—70 гг. она была представлена отдельными стихотворениями. В 80 гг. написан цикл «Сибирские мотивы» (1881—1883). Непосредственным поводом к написанию цикла послужило возникновение газеты «Восточное обозрение» (1882) и тот интерес, который проявлялся к Сибири в русской переводной журналистике 70—80 гг. О. писал о сибиряках — вольнолюбивых и деятельных людях и обычаях народов Сибири, о величественной сибирской природе и перспективах развития края («На дальней родине моей», «Монолог», «Залетные птицы», «При разливе Оби», «Как в мать верят дети, я так же верую в свой край!», «Я снам не верю», «Счастливый сон», «Подрастающим землячкам», «Сибиряк», «Ангарская гроза», «На берегах Енисея», «Бирюсинский лес», «Камчадал» и др.).

О. — автор многих репортажей и обзоров на злобу дня. Его публицистическая проза близка к писательскому дневнику («Мимолетные наброски» в журнале «Живописное обозрение», «Наброски сибирского поэта», статья «Искусство камчадалов» в газете «Восточное обозрение»). О. был поэтом-переводчиком с польского языка: Мицкевич, Людвиг Кондратович (Владислав Сырокомля), Ю. Крашевский; а также с французского (В. Гюго).

Разнообразная творческая деятельность О. (прозаик, поэт, публицист, переводчик) была

подчинена девизу, о котором он сам сказал так: «...во все время моей литературной деятельности я ни однажды не отклонялся от раз навсегда принятого мною направления...» (Макушин Н. И. И. В. Федоров (Омулевский) // Сибирская жизнь. — 1904. — № 244).

Соч.: Полн. собр. соч.: В 2 т. / Под ред. П. В. Быкова. — Пб., 1906; Собр. соч.: В 2 т. / Ред., статьи, примеч. М. К. Азадовского, И. Я. Айзенштока. — Иркутск, 1936 (т. 1 не вышел); Шаг за шагом / Подгот. текста А. И. Кучминой; Вступ. ст. и ред. Т. А. Войтек. — М., 1957; Избр. стихотворения / Вступ. ст. и ред. С. Красноштанова. — Хабаровск, 1961; Шаг за шагом Литературные памятники Сибири. — Иркутск, 1983; Проза и публицистика / Вступ. ст. В. Д. Оскоцкого. — М., 1986. // Лит.: Короленько В. Г. История моего современника // Собр. соч. — М., 1955. — Т. 7. — С. 246; Васильев И. Т. Основные мотивы лирики Омулевского // Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. — Л., 1959. — Т. 210; Зиновьева М. Д., Рубанович А. Л. И. В. Федоров-Омулевский (1836—1883) // Очерки русской литературной Сибири. — Новосибирск, 1982. — Т. 1. — С. 403—416.

М. Д. Зиновьева

ОСТРОВСКИЙ, Александр Николаевич [31.III (12. IV). 1823, Москва — 2 (14). VI. 1886, именной Щельково Костромской губ.] — драматург, театральный деятель. Родился в Замосворечье — купеческом и мещанско-чиновничьем районе Москвы. Отец — чиновник, сын священника, окончивший духовную академию, поступивший на государственную службу и позднее получивший дворянство. Мать — из бедного духовенства, отличалась наряду с красотою высокими душевными качествами, рано умерла (1831); мачеха О., из старинного дворянского рода обрусевших шведов, преобразовала патриархальный замосворецкий быт семьи на дворянский лад, заботилась о хорошем домашнем воспитании своих детей и пасынков, для чего семья имела необходимый достаток. Отец, помимо государственной службы, занимался частной практикой, а с 1841 г., выйдя в отставку, стал преуспевающим присяжным стряпчим Московского коммерческого суда. В 1840 г. О. окончил 1-ю Московскую гимназию, бывшую в его время образцовым средним учебным заведением с гуманитарным уклоном. В 1840—1843 гг. учился на юридическом факультете Московского университета, где в то время господствовали антикрепостнические настроения и преподавали такие передовые профессора, как Т. Н. Грановский, П. Г. Редкин, такие знатоки русской истории, как М. П. Погодин. Еще в гимназии О. увлекся литературным творчеством, в студенческие годы он делается страстным театралом. На московской сцене в эти годы блистали великие актеры П. С. Мочалов и М. С. Щепкин, имевшие большое влияние на молодежь. Как только занятия специальными юридическими дисциплинами стали мешать творческим устремлениям О., он покинул университет и, по настоянию отца, в 1843 г. поступил канцеляристом в Московский совестный суд, где разбирались имущественные споры, преступления малолетних и т. п.; в 1845 г. был переведен в Московский коммерческий суд, откуда

ушел в 1851 г., чтобы стать профессиональным литератором. Работа в судах существенно обогатила жизненный опыт О., дала ему знание языка, быта и психологии мещанско-купеческой «третье-сословной» Москвы и чиновничества. В это время О. пробует себя в разных областях литературы: продолжает сочинять стихи, пишет очерки и пьесы (большинство этих опытов не сохранилось). Началом своей профессиональной литературной деятельности О. считал пьесу «Семейная картина», которую 14 февраля 1847 г. с успехом прочитал в доме университетского профессора и литератора С. П. Шевырева. К этому времени относятся «Записки замосворецкого жителя» (до них, еще в 1843 г., был написан небольшой рассказ «Сказание о том, как кварталный надзиратель пукался в пляс, или От великого до смешного только один шаг»). Следующая пьеса «Свои люди — сочтемся!» (первоначальное название «Банкрот») была написана в 1849 г., в 1850 г. напечатана в журнале «Москвитянин» (№ 6), однако на сцену допущена не была. За эту пьесу, сделавшую имя О. известным всей читающей России, он был отдан под негласный надзор полиции.

С нач. 50 г. О. становится деятельным сотрудником «Москвитянина», издаваемого М. П. Погодиным, и вскоре вместе с А. А. Григорьевым, Е. Н. Эдельсоном, Б. Н. Алмазовым и др. образует т. н. «молодую редакцию», пытающуюся оживить журнал, пропагандируя реалистическое искусство, интерес к народному быту и фольклору. Кружок молодых сотрудников «Москвитянина» включал не только литераторов, но и актеров (П. М. Садовский, И. Ф. Горбунов), музыкантов (А. И. Дюбюк), художников и скульпторов (П. М. Боклевский, Н. А. Рамазанов); москвитянинцы имели друзей среди «простонародья» — исполнителей и любителей народной песни. О. и его товарищи по «Москвитянину» были не только группой единомышленников, но и дружеским кружком. Эти годы много дали О. в творческом отношении, и прежде всего глубокое знание «живого», неакадемического фольклора, речи и быта городского простонародья.

В середине 40 гг. О. вступил в гражданский брак с мещанской девицей Агафьей Ивановой, которая оставалась с ним до своей смерти в 1867 г. Будучи малообразованной, она обладала умом и тактом, прекрасным знанием простонародного быта и замечательно пела, ее роль в творческой жизни драматурга несомненно была значительной. В 1869 г. О. женился на актрисе Малого театра Марии Васильевне Васильевой (от которой к тому времени уже имел детей), склонной к дворянским, «светским» формам жизни, что осложняло его жизнь. Долгие годы О. жил на грани нищеты. Будучи признанным главой русских драматургов, он и на склоне лет постоянно нуждался, добывая средства к жизни неустанным литературным трудом. Несмотря на это, он отли-

чался гостеприимством и постоянной готовностью помочь любому нуждающемуся человеку. Эта чуткость к бедам трудовой интеллигенции отразилась и в общественной деятельности писателя. Он — один из основателей и активный участник «Литературного фонда» (1859), инициатор создания «Артистического кружка» (1865), бывшего и клубом и своеобразной школой русского актерства, «Общества русских драматических писателей и оперных композиторов» (1874), занимавшегося охраной авторских прав театральных писателей, оказывавшего им материальную помощь. «Общество» также издавало литографированные пьесы, устраивало публичные спектакли, стремясь оказывать творческое влияние на русский театр. О. вел огромную работу с актерами и начинающими драматургами и, жалуюсь на отсутствие государственной поддержки русского театра, на склоне лет имел право сказать: «Другие искусства имеют школы, академии, высокое покровительство, меценатов... у русского драматического искусства один только я. Я — все: и академия, и меценат, и защита» (Полн. собр. соч. — Т. XII. — С. 246).

Вся жизнь О. связана с Москвой, которую он считал сердцем России. Из сравнительно немногочисленных путешествий О. (1860 — поездка с гастролировавшим А. Е. Мартыновым в Воронеж, Харьков, Одессу, Севастополь, во время которой великий актер умер; заграничное путешествие 1862 г. по Германии, Австрии, Италии с посещением Парижа и Лондона; поездка с И. Ф. Горбуновым по Волге в 1865 г. и с братом, М. Н. Островским, в Закавказье в 1883 г.) наибольшее влияние на его творчество оказала экспедиция, организованная морским министерством, командировавшим литераторов для изучения быта и промыслов населения, связанного с реками и судоходством. О. совершил поездку по Волге, от истоков до Нижнего Новгорода (1856), во время которой вел подробнейшие записи и составил словарь судоходных, судостроительных и рыболовных терминов Верхнего Поволжья. Большое значение имела для него и жизнь в любимом костромском имении Щелькове, которое отец писателя купил в 1847 г. Первая же поездка туда (1848 г., по пути О. осматривал старинные русские города Переславль Залесский, Ростов, Ярославль, Кострому) произвела огромное впечатление на О. (осталась восторженная запись в дневнике). После смерти отца О. с братом М. Н. Островским выкупил имение у мачехи (1867). С Щельковым связана история создания многих пьес.

В целом страстная сосредоточенность О. на творчестве и театральных делах, сделал его жизнь бедной внешними событиями, нерасторжимо сплела ее с судьбой русского театра. Умер писатель за письменным столом в Щелькове, работая над переводом пьесы Шекспира «Антоний и Клеопатра».

В творческом пути О. можно выделить следующие периоды: ранний, 1847—1851 гг. — проба сил, поиски своего пути, завершившиеся триумфальным вступлением в большую литературу комедией «Свои люди — сочтемся!». Этот начальный период проходит под знаком влияния «натуральной школы». Следующий, московянинский период, 1852—1854 гг. — активное участие в кружке молодых сотрудников «Москвитянина», стремившихся сделать журнал органом нового течения общественной мысли, родственного славянофильству (пьесы «Не в свои сани не садись», «Бедность не порок», «Не так живи, как хочется»). Окончательно определяется мировоззрение О. в предреформенный период, 1855—1860 гг.; происходит его сближение с революционно-демократическим лагерем («В чужом пиру похмелье», «Доходное место», «Воспитанница», «Гроза»). И последний, пореформенный период — 1861—1886 гг.

В этой периодизации выявляется одна особенность творческого пути О.: «дробность» до-реформенного и монолитность пореформенного этапа. До 1860 г. О. ищет свою дорогу, испытывает различные идейные влияния и постепенно вырабатывает свою позицию в литературно-общественном движении. К моменту создания «Грозы» мировоззрение и основные творческие принципы О.-художника сложились окончательно. Поэтому в творчестве 1861—1886 гг. невозможно выделить хронологически сменяющиеся друг друга этапы. В пореформенный период в поле зрения О.-художника попадает все больше областей современной жизни, его волнуют вопросы о путях развития России. В соответствии с новыми художественными задачами расширяется жанровый диапазон драматургии О., однако новые жанры, типы конфликта, принципы сюжетосложения и создания характеров не сменяют прежде сложившиеся, а сосуществуют параллельно с ними.

Стабильность идейного мира О. привела к широко распространенному мнению о статичности его творчества. О том, насколько оно необоснованно, свидетельствует даже простой обзор написанного О. в этот период. Продолжением до-реформенных линий творчества были социально-бытовые комедии из жизни купечества («Не все коту масленца», «Правда хорошо, а счастье лучше» и др.). В конце 50 гг. начинается цикл пьес «из жизни захолустья»; однако в основном они создаются после 1861 г. — Бальзаминовская трилогия («Праздничный сон до обеда», 1857, «Свои собаки грызутся, чужая не приставай» и «За чем пойдешь, то и найдешь (Женитьба Бальзаминова)», 1861), «Шутники» (1864), «Пучина» (1866), «Не было ни гроша, да вдруг алтын» (1872). Группа исторических пьес, группа сатирических комедий, совершенно уникальная «Снегурочка» и разрабатываемая в 70—80 гг. психологическая драма — все это новые направления, сложившиеся в пореформенный период.

Уже в комедии «Свои люди — сочтемся!» скла-

двоятся некоторые черты поэтики, присущие его театру в целом: сосредоточенность на нравственной проблематике, через которую анализируются социальные стороны жизни; вытекающее отсюда абсолютное преобладание семейно-бытовых конфликтов; нравоописательные элементы при всей своей яркости имеют подчиненное значение, они нужны для анализа характеров и влияющих на их формирование обстоятельств.

Пьеса О. обладает достаточно сложной композиционной структурой, объединяющей нравоописательную очерковость с напряженной интригой, и вместе с тем характерной для О. неторопливую развертывания событий. Пространная замедленная экспозиция объясняется тем, что драматическое действие у О. не исчерпывается интригой. В него втянуты и нравоописательные эпизоды, обладающие потенциальной конфликтностью (споры Липочки с матерью, визиты свахи, сцены с Тишкой). Своеобразно динамичны и беседы героев, не приводящие ни к каким непосредственным результатам, но имеющие свое «микродействие», которое можно назвать речевым движением. Речь, самый способ рассуждений так важен и интересен, что зритель следит за всеми поворотами, казалось бы, пустой болтовни. У О. сама речь героев — почти самостоятельный объект художественного изображения.

Комедия О., рисуя как будто экзотический быт замкнутого купеческого мира, на самом деле по-своему отражала общерусские процессы и перемены. Здесь тоже происходит конфликт «отцов» и «детей». Здесь говорят о просвещении и эмансипации, не зная, конечно, этих слов; но в мире, самую основу которого составляют обман и насилие, все эти высокие понятия и освобождающее веяние жизни искажаются, как в кривом зеркале. Антагонизм богатых и бедных, зависимых, «младших» и «старших» (по выражению Н. А. Добролюбова в его статье «Темное царство») развернут и продемонстрирован в сфере борьбы не за равноправие или свободу личного чувства, а в корыстных интересах, стремлении разбогатеть и «зажить по своей воле». Высокие ценности подменены своими пародийными двойниками. Образованность — не что иное, как желание следовать моде, презрение к обычаям и предпочтение «благородных» кавалеров «бородастым» женихам.

В комедии О. идет война всех против всех, и в самом антагонизме драматург вскрывает глубокое единство персонажей: добытое обманом удерживается только насильем, грубость чувств — естественное порождение грубости нравов и принуждения. Острота социального критицизма не мешает объективности в обрисовке характеров, особенно заметной в образе Большова. Его грубое самодурство сочетается с прямоотой и простодушием, с искренним страданием в финальных сценах. Вводя в пьесу как бы три этапа купеческой биографии (упоминание о прошлом Большова, образ Тишки с его наивным накопи-

тельством, «преданного» Подхалюзина, обкрадывающего хозяина), О. добивается эпической глубины, показывая истоки характера и «кризис». История замоскворецкого купеческого дома предстает не как «анекдот», результат личных пороков, а как проявление жизненных закономерностей.

После того как О. создал в комедии «Свои люди — сочтемся!» столь безотрадную картину внутренней жизни купеческого дома, у него возникла потребность найти положительные начала, способные противостоять аморализму и жестокости современного ему общества. Направление поисков определялось участием драматурга в «молодой редакции» «Москвитянина». В самом конце николаевского царствования О. создает своеобразную патриархальную утопию в пьесах москвитянинского периода.

Для москвитянинцев была характерна сосредоточенность на идее национальной самобытности, которая разрабатывалась ими преимущественно в сфере теории искусства, особенно проявляясь в интересе к народной песне, а также к допетровским формам русского быта, сохранившимся еще в среде крестьянства и патриархального купечества. Патриархальная семья представлялась москвитянинцам чем-то вроде модели идеального общественного устройства, где отношения между людьми были бы гармоничны, а иерархия основывалась бы не на принуждении и насилии, но на признании авторитета старшинства и житейского опыта. Последовательно сформулированной теории или, тем более, программы у москвитянинцев не было. Однако в литературной критике они неизменно защищали патриархальные формы жизни и противопоставляли их нормам «европеизированного» дворянского общества не только как исконно национальные, но и как более демократичные.

О. и в этот период видит социальную конфликтность изображаемого им быта, показывает, что идиллия патриархальной семьи чревата драмой. Правда, в первой москвитянинской пьесе «Не в свои сани не садись» драматизм внутрисемейных отношений подчеркнута лишь социальной окраски. Социальные мотивы здесь связаны лишь с образом дворянского прожигателя жизни Вихорева. Зато следующая, лучшая пьеса этого периода «Бедность не порок» доводит социальную конфликтность в семье Торцовых до высокого напряжения. Власть «старших» над «младшими» тут имеет отчетливо денежный характер. В этой пьесе впервые у О. очень тесно сплетается комедийное и драматическое начало, что в дальнейшем будет отличительной чертой его творчества. Связь с москвитянинскими идеями здесь проявляется не в сглаживании противоречий жизни, а в понимании этой противоречивости как «соблазна» современной цивилизации, как результат вторжения посторонних, внутренне чуждых патриархальному миру начал, олицетворенных в фи-

гуре фабриканта Коршунова. Для О. самодур Гордей, сбитый с толку Коршуновым, отнюдь не подлинный носитель патриархальной морали, а человек, ей изменивший, но способный к ней возвратиться под влиянием пережитого в финале потрясения. Поэтический образ мира народной культуры и нравственности, созданный О. (сцены святок и особенно народные песни, служащие как бы лирическим комментарием к судьбе молодых героев), своим объяснением, чистотой противопоставит самодурству, но он нуждается, однако, в поддержке, он хрупок и беззащитен перед натиском «современного». Не случайно в пьесах москвитянского периода единственным героем, активно влияющим на ход событий, оказался Любим Торцов, человек, «выломившийся» из патриархального быта, обретший горький жизненный опыт за его пределами и поэтому сумевший взглянуть на события в своей семье со стороны, трезво оценить их и направить их течение к общему благополучию. Крупнейшее достижение О. состоит именно в создании образа Любима Торцова, одновременно и поэтического и весьма жизненного.

Исследуя в москвитянский период архаичные формы быта и семейных отношений купечества, О. создает художественную утопию, мир, где, опираясь на народные (крестьянские в своих истоках) представления о нравственности, оказывается возможным преодолеть рознь и ожесточенный индивидуализм, все более распространяющийся в современном обществе, достигнуть утраченного, разрушенного историей, единения людей. Но изменение всей атмосферы русской жизни в преддверии крушения крепостного права приводит О. к пониманию утопичности и несбыточности этого идеала. Новый этап его пути начинается пьесой «В чужом пиру похмелье» (1855—1856), где создан ярчайший образ купца-самодура Тита Титыча Брускова, ставший нарицательным. О. шире охватывает жизнь общества, обращаясь к традиционным для русской литературы темам и разрабатывая их совершенно оригинально. Касаясь в «Доходном месте» (1856) широко обсуждавшейся темы чиновничества, О. не только обличает лихоимство и произвол, но вскрывает исторические и социальные корни «подьяческой философии» (образ Юсова), иллюзорность надежд на новое поколение образованных чиновников: сама жизнь неумолимо толкает их к компромиссу (Жадов). Трезвость мысли О. позволила Добролюбову выделить комедию в массе либерально-обличительной «античиновничьей» литературы. В «Воспитанице» (1858) О. рисует «самодурную» жизнь помещицы усадьбы без малейшего лиризма, столь обычного у писателей-дворян при обращении к помещичьему быту.

Но высшим художественным достижением О. в предреформенные годы стала «Гроза» (1859), в которой он открыл народный героический характер. Именно поэтому так восторженно принял «Грозу» Добролюбов, посвятивший ей статью

«Луч света в темном царстве» (1860). Для общей концепции пьесы очень важно, что Катерина, «луч света в темном царстве», по выражению Добролюбова, появилась не откуда-то из просторов другой жизни, другого исторического времени (ведь патриархальный Калинин и современная ему Москва, где кипит суета, или железная дорога, о которой рассказывает странница Феклуша, — это разное историческое время), а родилась, сформировалась в тех же калиновских условиях. О. подробно демонстрирует это уже в экспозиции пьесы, когда Катерина рассказывает Варваре о своей жизни в девичестве. Главный мотив этого рассказа — все пронизывающая любовь к «воле», которая, однако, не вступала в противоречие с веками слагавшимся укладом замкнутой жизни. А потому и нет здесь насилия, принуждения. Идиллическая гармония патриархальной семейной жизни — это некий идеал, постулированный кодексом патриархальной морали. Катерина живет в эпоху, когда исчез самый дух этой морали — гармония между отдельным человеком и нравственными представлениями среды. В душе героини рождается новое отношение к миру, новое чувство, еще самой ей неясное, — просыпающееся чувство личности, которое в соответствии с ее положением и жизненным опытом принимает форму индивидуальной, личной любви. В Катерине рождается и растет страсть, но эта страсть в высшей степени одухотворенная, далекая от бездумного стремления к потаенным радостям. Пропавшее чувство любви воспринимается Катериной как грех страшный, несмыслимый, потому что любовь к чужому человеку для нее, замужней женщины, есть нарушение нравственного долга. Моральные заповеди патриархального мира для Катерины полны первоначального смысла и значения. Уже осознав свою любовь к Борису, она изо всех сил стремится ей противостоять, но не находит опоры в этой борьбе: вокруг нее уже все рушится, и все, на что она пытается опереться, оказывается пустой оболочкой, лишенной подлинного нравственного содержания. Для Катерины же форма и ритуал сами по себе не имеют значения — ей важна человеческая суть отношений. В моральной ценности своих нравственных представлений Катерина не сомневается, она только видит, что никому в мире и дела нет до подлинной сути этих ценностей и в своей борьбе она одинока. Мир патриархальных отношений умирает, и душа этого мира уходит из жизни в муках и страданиях. Под пером О. задуманная социально-бытовая драма из жизни купечества переросла в трагедию. Он показал народный характер на крутом историческом переломе — отсюда и масштабность «семейной истории», могучая символика «Грозы».

Хотя современная социально-бытовая драматургия — основная часть наследия О., в 60 гг. он обращается к исторической драме, разделяя общий интерес русской культуры этого периода

к прошлому. В связи с просветительским пониманием задач театра О. считал пьесы на темы национальной истории необходимыми в репертуаре, полагая, что исторические драмы и хроники «развивают народное самопознание и воспитывают сознательную любовь к отечеству» (X, 138). Для О. история — сфера высокого в национальном бытии (это определило обращение к стихотворной форме). Исторические пьесы О. неоднородны по жанру. Среди них есть хроники («Козьма Захарыч Минин-Сухорук», 1862; «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский», 1867; «Тушино», 1867), историко-бытовые комедии («Воевода», 1865; «Комик XVII столетия», 1873), психологическая драма «Василиса Мелентьева» (в соавторстве с С. А. Геденовым, 1868). Предпочтение хроники традиционному жанру исторической трагедии, как и обращение к Смутному времени, определялось демократическим характером театра О., его интересом к историческому деянию народных масс.

В пореформенный период в России рушится замкнутость сословных и культурно-бытовых групп общества; «европеизированный» уклад жизни, бывший ранее привилегией дворянства, становится нормой. Социальная пестрота характеризует и картину жизни, создаваемую О. в пореформенный период. Тематический и временной диапазон его драматургии делается чрезвычайно широким: от исторических событий и частной жизни XVII в. до самой горячей злобы дня; от жителей захолустья, бедных мешанских окраин до современных «цивилизованных» предпринимателей-воротил; от растревоженных реформами дворянских гостиных до лесной дороги, на которой встречаются актеры Счастливец и Несчастливцев («Лес»).

У раннего О. нет характерного для большинства русских писателей-классиков героя-интеллигента, дворянского «лишнего человека». В конце 60 гг. он обращается к типу дворянского героя-интеллигента. Комедия «На всякого мудреца довольно простоты» (1868) — начало своеобразного антидворянского цикла. Хотя социальная критика есть во всех пьесах О., собственно сатирических комедий у него немного: «На всякого мудреца довольно простоты», «Бешеные деньги» (1870), «Лес» (1871), «Волки и овцы» (1875). Здесь в сфере сатирического изображения вовлечены не отдельные персонажи или сюжетные линии, но вся представленная жизнь, не столько люди, личности, сколько уклад в целом, ход вещей. Пьесы не связаны сюжетно, но это именно цикл, в целом дающий широкое полотно жизни пореформенного дворянства. По принципам поэтики эти пьесы значительно отличаются от главного жанра дореформенного творчества — созданного О. типа народной комедии. Они остросовременны по материалу и полны злободневных намеков, в них сложная, богато разработанная фабула, часто включаю-

щая авантурные моменты, их отличает смелое обращение к условности, художественная гиперболизация, отказ от бытового и психологического правдоподобия в отдельные «ударные» моменты действия, использование традиционных приемов театральной техники (амплуа, техника ведения интриги, использование элементов водевильного комизма).

О. в комедии «На всякого мудреца довольно простоты» с сатирической остротой и с характерной для своей манеры объективностью запечатлел особый тип эволюции «лишнего человека». Путь Глумова — это путь предательства по отношению к собственной личности, нравственного раздвоения, ведущего к цинизму и аморальности. Высоким же героем в пореформенной драматургии О. оказывается не благородный дворянин, а нищий актер Несчастливцев. И «путь в герои» этот деклассированный дворянин проходит на глазах у зрителей, разыгрывая сперва роль барина, вернувшегося отдохнуть в родные края, а в финале резко и решительно порывающего с миром усадьбы, произнося суд над ее обитателями с позиций служителя высокого, гуманного искусства.

Широкая картина сложных социальных процессов, происходящих в России после десятилетия реформ, роднит «Лес» с великими русскими романами 70 гг. Как и Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, М. Е. Салтыков-Щедрин (именно в этот период создавший свой «усадебный семейный роман» «Господа Головлевы»), О. чутко уловил, что в России «все переворотилось и только укладывается» (как сказано в «Анне Карениной»). И в зеркале семьи отражается эта новая действительность. Через семейный конфликт в комедии О. просвечивают огромные сдвиги, происходящие в русской жизни.

Дворянская усадьба, ее хозяйка, respectable гости-соседи обрисованы О. со всей силой сатирического обличения. Бадаев и Милонов со своими разговорами о «нынешних временах» похожи на щедринских персонажей. Не являясь участниками интриги, они, однако, нужны не только для характеристики среды, но участвуют в действии как необходимые зрители спектакля, разыгрываемого главными антагонистами пьесы — Гурмыжской и Несчастливцевым. Каждый из них ставит свой спектакль. Путь Несчастливцева в пьесе — это прорыв от надуманной мелодрамы к подлинной жизненной высоте, порождение героя в «комедиантстве» и нравственная победа в подлинной жизни. При этом, и выйдя из мелодраматической роли, Несчастливцев оказывается актером. Последний его монолог незаметно переходит в монолог Карла Моора из «Разбойников» Ф. Шиллера, как будто Шиллер судит обитателей этого «леса». Мелодрама отброшена, на помощь актеру приходит большое, настоящее искусство. Гурмыжская же от-

казалась от дорогостоящей роли главы патриархального дворянского рода, опекающей своих менее удачливых родственников. Из усадьбы Пеньки уходит в купеческий дом воспитанница Аксюша, получившая приданое от бедного актера. По проселочным дорогам пешком, с котомкой за плечами уходит последний Гурмыжский — странствующий актер Несчастливцев. Семья исчезает, распадается; возникает «случайное семейство» (выражение Достоевского) — супружеская пара, состоящая из помещицы сильно за пятьдесят и недоучившегося гимназиста.

В работе над сатирическими комедиями из современной жизни складывалась новая стилевая манера О., не вытесняющая, однако, прежнюю, а сложно взаимодействующая с ней. Приход его в литературу был ознаменован созданием национально-самобытного театрального стиля, опирающегося в поэтике на фольклорную традицию (что определялось характером изображаемой ранним О. «доличностной» среды). Новая манера связана с общелитературной традицией XIX в., с открытиями повествовательной прозы, с исследованием личности героя-современника. Новая задача подготавливала развитие психологизма в искусстве О.

В наследии О. и в русской драматургии в целом совершенно особое место занимает пьеса «Снегурочка» (1873). Задуманная как феерия, веселое представление для праздничных спектаклей, написанная на сюжет народных сказок и широко использующая другие формы фольклора, прежде всего календарную поэзию, в процессе создания пьесы переросла замысел. В жанровом отношении она сопоставима с европейской философско-символической драмой, напр. с «Пер Гюнт» Ибсена. В «Снегурочке» с большой силой выразилось лирическое начало драматургии О. Иногда «Снегурочку» без достаточных оснований называют утопией. Между тем утопия содержит представление об идеально справедливом, с точки зрения ее создателей, устройстве общества, она должна быть абсолютно оптимистична, сам жанр как бы призван преодолеть трагические противоречия жизни, разрешив их в фантастической гармонии. Однако жизнь, изображенная в «Снегурочке», прекрасная и поэтичная, далека от идиллии. Берендеи предельно близки к природе, не знают зла и обмана, как не знает его природа. Но все, что собственной волей или силой обстоятельств выпадает из этого круговорота естественной жизни, должно здесь неминуемо погибнуть. И эту трагическую обреченность всего выходящего за пределы «органической» жизни воплощает судьба Снегурочки; не случайно она гибнет именно тогда, когда приняла закон жизни берендеев и готова воплотить свою проснувшуюся любовь в бытовые формы. Это недоступно ни ей, ни Мизгирию, чья страсть, незнакомая берендеям, выталкивает его из круга мирной

жизни. Однозначно оптимистическая трактовка финала создает противоречие с непосредственным зрительским сочувствием погибшим героям, поэтому она неверна. «Снегурочка» не укладывается в жанр сказки, она приближается к мистериальному действию. Мифологический сюжет не может иметь непредсказуемый финал. Приход лета неотвратим, и Снегурочка не может не растаять. Все это не обесценивает, однако, ее выбора и жертвы. Действующие лица вовсе не пассивны и покорны — действие отнюдь не отменяет обычного действия. Мистериальное действие есть каждый раз новое воплощение сущностных основ жизни. Свободное волеизъявление Снегурочки и Мизгирия у О. включено внутрь этого жизненного цикла. Трагедия Снегурочки и Мизгирия не только не колеблет мир, но даже способствует нормальному течению жизни, даже и спасает берендеево царство от «остуды». Мир О. может быть трагедией, но не катастрофичен. Отсюда непривычное, неожиданное сочетание в финале трагизма и оптимистичности.

В «Снегурочке» создан максимально обобщенный образ «мира Островского», воспринятый в фольклорно-символической форме глубоко лирическое авторское представление о сути национальной жизни, преодолевающей, но не отрицающей трагизм индивидуально-личностного бытия.

В художественной системе О. драма формировалась в недрах комедии. Писатель разрабатывает такой тип комедии, в котором наряду с отрицательными персонажами непременно присутствуют их жертвы, вызывающие наше сочувствие и сострадание. Это предопределило драматические потенции его комедийного мира. Драматизм отдельных ситуаций, иногда судеб со временем разрастается все больше и как бы расшатывает, разрушает комедийную структуру, не лишая, однако, пьесу черт «крупного комизма». «Шутники» (1864), «Пучина» (1866), «Не было ни гроша, да вдруг алтын» (1872) — явные свидетельства этого процесса. Здесь постепенно накапливаются качества, необходимые для возникновения драмы в узком значении термина. Это прежде всего — личностное сознание. Пока герой не чувствует себя духовно противостоящим среде и вообще себя от нее не отделяет, он, даже вызывая полное сочувствие, еще не может стать героем драмы. В «Шутниках» старый стряпчий Оброшенов горячо защищает свое право быть «шутом», раз это дает ему возможность кормить семью. «Сильный драматизм» его монолога возникает как результат духовной работы зрителя, не остается вне сферы сознания самого героя. С точки зрения становления жанра драмы очень важна «Пучина».

Становление личного нравственного достоинства бедных тружеников, городской массы, осознание в этой среде внесолевой ценности индивидуального человека привлекает присталь-

ный интерес О. Вызванный реформой подъем чувства личности, захвативший достаточно широкие слои российского населения, дает материал для создания драмы. В художественном мире О. этот драматический по характеру конфликт нередок, однако, продолжает воплотяться в комедийной структуре. Один из наиболее выразительных примеров борьбы собственно драматического и комедийного — «Правда хорошо, а счастье лучше» (1876).

Становление драмы было связано с поисками героя, который, во-первых, был способен вступить в драматическую борьбу и, во-вторых, вызвать сочувствие зрителя, имея достоянную цель. Интерес такой драмы должен быть сосредоточен на самом действии, на перипетиях этой борьбы. В условиях русской пореформенной действительности О., однако, не находил героя, который мог бы одновременно и оказаться человеком дела, способным вступить в серьезную жизненную борьбу, и вызвать сочувствие зрителей своими моральными качествами. Все герои в драмах О. — либо черствые преуспевающие дельцы, либо пошлые, циничные прожигатели жизни, либо прекраснодушные идеалисты, бессилие которых перед «деловым человеком» предопределено. Они не могли стать центром драматического действия — им становится женщина, что объясняется самим ее положением в современном О. обществе.

Драма О. — семейно-бытовая. Строй современной жизни, ее социальное лицо он умел показать, оставаясь в этих сюжетных рамках, поскольку его как художника интересует преломление всех проблем современности в нравственной сфере. Выдвижение в центр женщины естественно переносит акцент с действия в собственном смысле на чувства персонажей, что создает условия для развития именно психологической драмы. Самой совершенной из них по праву считается «Бесприданница» (1879).

В этой пьесе нет абсолютного противостояния героини и среды: в отличие от героини «Грозы», Лариса лишена цельности. Стихийное стремление к нравственной чистоте, правдивость — все, что идет от ее богато одаренной природы, высоко поднимает героиню над окружающими. Но сама житейская драма Ларисы — результат того, что буржуазные представления о жизни имеют над ней власть. Ведь и Паратова она полюбила не безотчетно, а, по ее собственным словам, потому, что «Сергей Сергееч это... идеал мужчины». Между тем мотив торговли, проходящий через всю пьесу и концентрирующийся в главном сюжетном действии — торге из-за Ларисы, — охватывает всех героев-мужчин, среди которых Лариса должна сделать свой жизненный выбор. И Паратов здесь не только не исключение, но, как выясняется, самый жестокий и бесчестный участник торга. Сложность характеров (противоречивость их внутреннего

мира, как у Ларисы; несоответствие внутренней сущности и внешнего рисунка поведения героя, как у Паратова) требует избранного О. жанрового решения — формы психологической драмы. Репутация Паратова — большой барин, широкая натура, бесшабашный храбрец. И все эти краски и жесты О. ему оставляет. Но, с другой стороны, он тонко и как бы между прочим накапливает штрихи и реплики, открывающие его истинное лицо. В первой же сцене появления Паратова зритель слышит его признание: «Что такое «жалость», этого я не знаю. У меня, Мокый Парменчик, ничего заветного нет; найду выгоду, так все продам, как угодно». И непосредственно вслед за этим выясняется, что продает Паратов не только «Ласточку» Вожеватову, но и себя невесте с золотыми присказками. В конечном итоге компрометирует Паратова и сцена в доме Карандышева, потому что отделка квартиры злополучного жениха Ларисы и попытка устроить роскошный обед — карикатура на стиль, образ жизни Паратова. И вся разница измеряется в суммах, которые каждый из героев может на это истратить.

Средством психологических характеристик у О. являются не самопризнания героев, не рассуждения о чувствах и свойствах их, но преимущественно их действия и бытовуха, а не аналитический диалог. Как это типично для классической драмы, характеры не изменяются в процессе драматического действия, а лишь постепенно раскрываются перед зрителями. Даже о Ларисе можно сказать то же: она прозревает, узнает правду об окружающих ее людях, принимает страшное решение стать «очень дорогой вещью». И только смерть освобождает ее от всего, чем наделил житейский опыт. В этот момент она как бы возвращается к естественной красоте своей природы. Мощный финал драмы — смерть героини среди праздничного шума, под пение цыган — поражает своей художнической дерзостью. Душевное состояние Ларисы показано О. в характерном для его театра стиле «силового драматизма» и при этом с безупречной психологической точностью. Она смягчена и успокоена, всех прощает, потому что счастлива тем, что наконец-то вызвала вспышку человеческого чувства — безрассудный, самоубийственный поступок Карандышева, освободивший ее от страшной жизни содержанки. Редкий художественный эффект этой сцены О. строит на остром столкновении разнонаправленных эмоций: чем больше мягкости и всепрощения у героини, тем строже суд зрителя.

В творчестве О. психологическая драма была жанром становящимся, поэтому наряду с такими значительными пьесами, как «Последняя жертва» (1878), «Таланты и поклонники» (1882), «Без вины виноватые» (1884), таким шедевром, как «Бесприданница», в этом жанре писатель знал и относительные неудачи. Однако лучшие

работы О. заложили основы для дальнейшего развития психологической драмы. Создав целый репертуар для русского театра (около 50 оригинальных пьес), О. стремился и к тому, чтобы пополнять его как мировой классикой, так и пьесами современных русских и европейских драматургов. Он перевел двадцать две пьесы, среди них «Усмирение своенравной» Шекспира, «Кофейная» Гольдони, интермедии Сервантеса и мн. др. О. читал множество рукописей начинающих драматургов, помогал им советами, а в 70 и 80 гг. написал несколько пьес в соавторстве с Н. Я. Соловьевым («Счастливей день», 1877; «Женитьба Белугина», 1878; «Дикарка», 1880; «Светит, да не греет», 1881) и П. М. Невежиным («Блажь», 1881; «Старое по-новому», 1882).

В русской культуре О. занимает совершенно особое место: уже при жизни он был признан основоположником национального театра. Синтетическое по природе искусство театра больше всего зависит от художественного качества слова, которое оно воплощает. До О. русская литература дала театру несколько гениальных пьес, но этого было недостаточно для создания национального репертуара. Разобщенность театра и литературы стала чувствоваться особенно остро к середине XIX в.: театральная публика демократизируется, расширяется круг грамотных людей, быстро растет прослойка трудовой интеллигенции, в зрительном зале появляются и купцы. Приход новой публики, сменившей «дворянский» зал первой половины XIX в., создавал потребность в бытовой драматургии: зрители хотели видеть на сцене свою жизнь. Такие пьесы и начал писать О. Он мечтал о создании общенародного театра, полагая, что и развитая публика, и народ, впервые приобщающийся к театру, окажутся едины в своих требованиях к драматическому искусству как искусству правдивому и проповедующему гуманные идеалы. По чуткости к насущным социальным вопросам современности, по остроте критического видения жизни, по своему пониманию задач искусства — по всем этим чертам творческой личности О. был сыном великой эпохи 60 гг. В литературно-общественном движении драматург, не разделявший революционных идей, неизменно оставался, однако, на позициях демократического просветительства. Пьесам О. присуще сочетание широкой объективности в изображении характеров с неизменной ясностью авторской оценки человеческих поступков. Жизнь в его пьесах как бы увидена глазами тех, кто трудится. Критерием оценки для О. служили идеалы народной нравственности.

Наследие О., сознательно создававшего репертуар для национального театра, разнообразно в жанровом отношении. Однако его театр все же по преимуществу комедийный, и это объясняется не только особенностями таланта

писателя, но и тем, что комедия в русской литературе стала универсальным жанром, средоточием социального критицизма, принявшим на себя и функции собственно драмы.

При всей своей несомненной новаторской сущности и кровной связи с русским критическим реализмом театр О. опирается на многовековую традицию, характеризуется особыми способами освоения жизни, отличными от повествовательных жанров. Сквозь привычный для нового времени театр действия (подобного действию романа) в пьесах О. проступают черты театра древнего — театра показа, зрелища, обрядового действа. Драматургия О. тяготеет к канонам, к устойчивым формам и жанрам, к амплуа и типажности и неразрывно связана с фольклором: не только старинным народным театром, но и песней, сказкой, пословицей, с устойчивыми формами национального уклада, прежде всего — речевого.

Соотнесение драматургии О. с общим фоном русской литературы выявляет ее своеобразную дополнительность по отношению к русскому классическому роману. Если роман сосредоточен на духовных исканиях незаурядных людей, представляющих интеллектуальный цвет нации, то О. засвидетельствовал в искусстве преломление острых проблем своей современности в жизни «человека простого сознания».

Создавая свой театр, О. помимо традиций русского фольклора и русской литературы ориентировался также на те явления европейских национальных театров, которые в наибольшей степени были связаны с народной культурой. На материале русской жизни он создал национальный вариант классической формы европейской драмы, уходящей своими корнями в народную культуру, типологически подобный театру Шекспира в Англии, театру Мольера во Франции.

- Соч.: Полн. собр. соч.: В 12 т. — М., 1973—1980; О театре. Записки, речи, письма. — Л.; М., 1947; О литературе и театре / Сост., вступ. ст. и коммент. М. П. Лобанова.
Лит.: Критическая литература о произведениях А. Н. Островского / Сост. Н. Денсюк. — М., 1906—1907. — Вып. 1—4; А. Н. Островский в русской критике. — М., 1953; А. Н. Островский в воспоминаниях современников. — М., 1966; А. Н. Островский. Сб. ст. / Под ред. Б. В. Варнеке. — Одесса, 1923; Памяти А. Н. Островского. Сб. ст. об Островском и неизданные труды его. — Пг., 1923; Творчество А. Н. Островского. Юбилейный сб. / Под ред. С. К. Шамбинаго. — М.; Пг., 1923; А. Н. Островский — драматург. — М., 1944; Революция и А. И. А. Н. Островский. Жизнь и творчество. — М., 1949; Лотман Л. М. Островский и драматургия его времени. — М.: Л., 1961; Холодов Е. Г. Мастерство Островского. — М., 1967; Штейн А. Л. Мастер русской драмы. — М., 1973; А. Н. Островский. Новые материалы и исследования // Литературное наследство. — М., 1974. — Т. 88. — Кн. 1, 2; Наследие А. Н. Островского и советская культура. — М., 1974; А. Н. Островский и литературно-театральное движение XIX—XX веков. — Л., 1974; Лакшин В. Александр Николаевич Островский. — М., 1976; Журавлева А. И. А. Н. Островский — комедограф. — М., 1981; Лакшин В. Я. Театр Островского. — М., 1986; Журавлева А. И., Некрасов В. Н. Театр А. Н. Островского. — М., 1986; Лотман Л. М. Драма-

П

ПАВЛОВ, Николай Филиппович [7(19).IX.1803, Москва—29.III(10.IV).1864, там же] — прозаик, поэт, критик, публицист. Незаконно-рожденный сын помещика В. М. Грушецкого и привезенной гр. В. А. Zubовым из Персидского похода 1797 г. грузинки. Приписан был к семье дворового Грушецких Филиппа Павлова, от которого получил фамилию и отчество. Получил хорошее для своего времени первоначальное домашнее образование: обучался геометрии, иностранным языкам — французскому, немецкому, латинскому.

В 1811 г., после смерти Грушецкого, П. был отпущен на волю старшим сыном Грушецкого и зачислен «своекоштным» (на собственном обеспечении) воспитанником Театрального училища при Дирекции Московских императорских театров. В 1816 г. переведен на положение «казеннокоштного» (на государственном содержании) воспитанника. Несмотря на тяжелое материальное положение, П. учился хорошо и был в училище одним из лучших учеников. Обучение в училище, где основным предметом являлся балет, не удовлетворяло талантливого, любознательного юношу, и с 1820 г. он стал посещать лекции профессоров Московского университета.

В конце 10 гг. способного ученика взял под покровительство новый директор училища, драматург и переводчик Ф. Ф. Кокоскин, с приходом которого улучшилось и положение воспитанников. Дом Кокоскина был одним из культурных центров Москвы, где можно было встретить известных в то время писателей, поэтов, композиторов — А. Н. Верстовского, М. Н. Загоскина (с 1820 г.), С. Т. Аксакова, А. А. Шаховского и др. Во время званных обедов в салоне Кокоскина, где была вся аристократическая Москва, П. получил первые представления о светском обществе с его внешним блеском и внутренней пустотой, притворством и лицемерием, которые позднее получили отражение в его творчестве. Очевидцы вспоминают, что в доме Кокоскина П. прислуживал гостям за столом в качестве официанта, и это обстоятельство не могло не наложить своего отпечатка на мирозерцание П., его психологию, в которых своеобразно переплетались зависть и презрение к жизни света.

Еще воспитанником Театрального училища П. начал выступать и в качестве актера, и в качестве литератора. Он перевел ряд пьес с фран-

цузского, которые, хотя и не были опубликованы, ставились в Москве и в Петербурге, принимал участие в спектаклях, ставившихся в подмосковном имении Кокоскина Бодрино. Окончив Театральное училище (1821), П. в течение нескольких месяцев состоял актером в театральной труппе, дебютировав в балете. Однако он не был удовлетворен положением профессионального актера, сложившегося на постоянной государственной службе с соответствующим жалованьем, и в феврале 1822 г. был уволен из театра Директором Императорских театров Ап. Ал. Майковым под предлогом болезни.

В сентябре 1822 г., успешно выдержав вступительные экзамены, П. был зачислен «своекоштным» студентом юридического («этико-политического») факультета Московского университета, где проработал до 1825 г. Университетскую программу П. дополнял с помощью самообразования, изучив самостоятельно английский язык и усовершенствовав знания немецкого и французского языков. К университетскому периоду относится ряд сердечных увлечений П., одно из которых завершилось женитьбой. Первый брак П. был, однако, непродолжительным: через год после женитьбы его жена умерла. В университетский период начинается литературное творчество П. Он выступает как поэт. Первым его произведением явилась басня «Блестки» — творческая переработка басни Антуана Венсана Арно «Пятна и блестики». Басня была прочитана П. в Обществе любителей российской словесности и опубликована («Сочинение в прозе и стихах. Труды Общества любителей российской словесности при императорском Московском университете», 1822, ч. 3). В 1824—1826 гг. написаны три элегии («Как быстрая волна...», послание «К...», при посвящении ей перевода трагедии «Мария Стюарт», «Песнь магометанина»). К этому времени относятся и первые опыты П. в драматургии: стихотворный перевод с французского трагедии Ф. Шиллера «Мария Стюарт» (1824), перевод отрывка из трагедии Ж. Расина «Андромаха» (1826). По окончании Московского университета П. работает заседателем 1-го департамента Московского надворного суда (1827—1831).

Честная, бескомпромиссная позиция П., обнаружившего темные махинации и взяточничество в среде московского купечества, в канцелярии самого губернского предводителя дворянства, привела к отстранению его от работы в суде. Искреннее стремление П. приносить пользу на избранном им поприще государственной деятельности не пошлое имело его и в последующие десятилетия. В 1841—1844 гг. по протекции А. И. Тургенева П. служил чиновником особых поручений при Московском генерал-губернаторе кн. Д. В. Голицыне. Безвозмездно исполняя должность адвоката по делам арестантов,

П. освободил свыше 200 незаконно осужденных бедняков. Другая хлопотали о награждении его орденом. Но в своей адвокатской деятельности П. затронул сильных мира сего и не только не получил награды, но был уволен и с тех пор никогда больше не служил.

К концу 20 гг. П. приобретает известность как литератор. В 1829 г. он избирается действительным членом Общества любителей российской словесности. О нем упоминают в своих письмах В. Ф. Одоевский, П. А. Вяземский, А. Н. Краевский, Н. А. Полевой, А. И. Кошелев, А. И. Тургенев. В конце 20 — нач. 30 гг. П. сближается с кружком прогрессивно настроенной, умеренно оппозиционной дворянской молодежи Н. В. Чичерина — Е. А. Баратынского. Печатался П. в различных изданиях («Московский телеграф», «Московский вестник», «Атеней», «Галатейя»), оставаясь неизменным противником официально-консервативного литературного лагеря — Н. И. Греча, Ф. В. Булгарина. За год до восстания декабристов в издании В. К. Кюхельбекера «Мнемозина» были опубликованы две элегии П. («Как быстрая волна в безбрежности морей...») и «Мой друг, я истощил бесплодное старанье...») и послание «К...», при посвящении ей перевода трагедии «Мария Стюарт».

Как поэт П. выступал в различных жанрах: его перу принадлежат не только элегии, послания, посвящения, но также романсы, альбомные стихи, эпиграммы. Хотя сам автор шутил говорил, «что даже ошибкой в альбомы правды не писал», в них читатель найдет едкие сатирические строки в адрес светского общества. Целый ряд стихов П. положены на музыку композиторами М. И. Глинкой, А. Н. Верстовским, А. С. Даргомыжским, Ю. А. Копьевым, В. Н. Всеволожским и известны как романсы («Не говори ни да, ни нет...», «Она безгрешных сновидений...», «Не говори, что сердцу больно...»).

В эпиграммах П. высмеиваются его постоянные литературные противники: Булгарин, Н. А. Полевой... По существу являются эпиграммами его стихи: «Он вытерпел вся горечь срама...» (Наполеону III), «К портрету...» (Ф. Вигелю), «Не молод ты, не глуп...» (к графу Закревскому). Последней эпиграмме он фактически обязан и своим арестом в 1853 г., т. к. Закревский был Московским генерал-губернатором. Строки из этой эпиграммы — «Мы люди смиренным в своем болоте» — были хорошо известны в России, хотя стихотворение впервые (и то частично) было опубликовано через 20 лет после смерти автора. Демократические, гуманистические мотивы характерны для стихотворения П. «Благотворитель» («Esse Homo!»), целиком перепечатанного Н. Г. Чернышевским в его рецензии «Понятия Гопкинса о народном хозяйстве» (Современник. — 1856. — № 7).

Наибольшую известность в литературе П. приобрел как прозаик. Проза П. была подготовлена его предшествовавшей творческой деятельностью как поэта и драматурга, тяготеющего к реализму. Этим же направлением отмечена и переводческая деятельность П. В 1831 г. он выступает как первый переводчик Балзака: публикует в журнале «Телескоп» переводы повестей «Вендетта» (под названием «Мщение») и «Бал в местечке Со, или Пэр Францин» (под названием «Невеста-аристократка»). Реалистическими тенденциями характеризуются отрывок из романа «Московский бал» (Телескоп. — 1832. — Ч. VII) и незавершенный рассказ «Родительская печаль» («Денница», альманах на 1834 г.). Тяготение П. к реализму становится еще более заметным в его первом оригинальном сборнике «Три повести» (1835), куда вошли повести «Именины», «Аукцион», «Ятаган», объединенные, как говорил В. Г. Белинский, одним общим характером — верностью действительности. Повести П., в которых романтический конфликт получал социальное истолкование, наряду с произведениями Н. В. Гоголя 30 гг. характеризовали переходный момент на пути развития русской литературы от романтизма к реализму. Одна из наиболее сильных повестей П. — «Ятаган». В ней показано бесправие низших чинов, самодурство офицеров, изображена сцена наказания шпицрутенами. За появление повести в печати Николай I наказал цензоров и запретил переиздавать книгу. Высокую оценку «Трем повестям» дали Н. И. Надеждин, П. Я. Чаадаев, Гоголь. А. С. Пушкин особо приветствовал «Аукцион», находя в нем черты «истинно комические». Известен отзыв Ф. И. Тютчева о книге. Он писал: «Недавно я с истинным наслаждением прочитал три повести Павлова, особенно последнюю. Кроме художественного таланта, достигающего тут редкой зрелости, я был особенно поражен возмужалостью, совершеннолетием русской мысли. Она сразу направилась к самой сердцевине общества: мысль свободная схватилась прямо с роковыми общественными вопросами, и притом не утратила художественного беспристрастия. Картина верна, но в ней нет ни пошлости, ни карикатуры...» (Русский архив. — 1879. — № 5. — С. 121—122).

В 1835—1837 гг. П. принимал активное участие в журнале «Московский наблюдатель», фактически являясь его издателем. Только в 1835 г. П. опубликовал в этом журнале повесть «Маскарад», рассказ «Черный человек», очерки «Воспоминание о московских балах», «Чубук и пальцы», стихотворение «Гений мира, упований...», а также критические статьи: «Об опере А. Верстовского «Аскольдова могилы» и «О комедии М. Загоскина «Недовольные».

В 1837 г. П. женился на поэтессе Каролине Яниш. Женитьба в значительной степени продиктованная материальными расчетами и приобщение к «светской» жизни снизили его твор-

ческую активность: с 1836 по 1850 г. им написано всего полтора десятка произведений. Наиболее значительными являются повести «Маскарад», «Демон» и «Миллион», составившие сборник «Новые повести» (1839). В этих повестях обнаруживаются черты социальной сатиры, изображается положение «маленького человека» («Демон»), растлевающая власть денег («Миллион»).

В 40 гг. привлекли внимание читателей письма П. к Гоголю по поводу его книги «Выбранные места из переписки с друзьями». В письмах П. выступает с критикой религиозных, примирительно-дидактических идей Гоголя. Письма П. к Гоголю Белинский называет «лучшей из статей» против гоголевской книги. «По ее важности и достоинству она стоила быть перепечатанной во всех журналах», — замечает критик. Высокую оценку письма П. получили и у Чернышевского, назвавшего их «превосходными».

После женитьбы на К. Яниш, обладательнице подмосковной деревни с 1000 душ крепостных, солидного капитала и особняка в Москве, П. стал жить на широкую ногу, с банкетами, вечерами и обедами. В 40 гг. «четверги» Павловых были популярны в Москве. Здесь бывали: Н. В. Гоголь, М. Ю. Лермонтов, А. И. Герцен, А. А. Григорьев, Е. А. Баратынский, Я. П. Полонский, П. А. Вяземский, А. И. и И. С. Тургеневы, М. Ф. Орлов, И. В. и П. В. Киреевские, С. П. Шевырев, К. Д. Кавелин, А. С. Хомяков, С. Т. Аксаков и др. литераторы самых различных направлений. Управляя имениями жены, П. в 40—50 гг. втягивается в предпринимательскую деятельность, имеет дело с большими суммами денег. Помещичий образ жизни не мог не отразиться на его взглядах, наблюдается как бы процесс раздвоения в характере и деятельности П.: как писатель и критик он по традиции продолжает развивать прежние гуманистические идеи, как помещик-предприниматель придерживается суровых мер в своих имениях. Так, с помощью солдат П. в 1857 г. подавил крестьянский бунт в рязанском поместье своей жены, где была суконная фабрика. В связи с этим Герцен выступил в «Колоколе» с язвительной статьей «Ятаган убит аукционом». Тем не менее процесс «поправления» П. и в 50 гг. нельзя считать последовательным. Об этом свидетельствует история с его арестом в 1853 г. по заявлению жены генерал-губернатору Закревскому. К этому времени отношения супругов Павловых расстроились: жена П. увлеклась другим, сам писатель открыто сошелся с родственницей жены Е. А. Танненберг, ставшей впоследствии его женой. Каролина Павлова бесновательно обвиняла мужа в расстройстве своего имения, видя причины этого в плохом управлении и в картежной игре П. Обыск в доме П. дал неожиданные результаты: у него были обнаружены запрещенные книги и копия зальцбрун-

нского письма Белинского к Гоголю. Образованный Закревский поспешил придать семейно-долговому делу П. политическую окраску, охарактеризовал III отделению писателя как «готового на все» «корреспондента Герцена». «По высочайшему повелению» П. был выслан в Пермь и освобожден только по ходатайству влиятельных друзей.

Во второй половине 50 гг. П. писал актуальные, глубокие по социальной проблематике статьи. Такова его рецензия на комедию В. А. Соллогуба «Чиновник» (1856), получившая одобрение Чернышевского, статьи: «Биограф — ориенталист» (1857) — о деятельности Т. Н. Грановского, «Статский — армейцу» (1858) и др. В 50 гг. П. был связан с либерально-дворянским кружком А. В. Станкевича, куда входили Н. Х. Кетчер, Б. Н. Чичерин, Ф. М. Дмитриев, бывал здесь Л. Н. Толстой. Только в 60 гг., незадолго до смерти, приступая к изданию газеты «Наше время», П. начинает сближаться с официальными позициями и выступать против революционной демократии.

П. — писатель разносторонний и сложный; оценка его неоднозначна. Время показало, что его творчество, вписавшееся в гоголевский период русской литературы, запечатлелось в нем своими неповторимыми образами, высокой мерой правдивости.

Скончался П. после долгой и тяжелой болезни. Похоронен на Пятницком кладбище в Москве. Могила его не сохранилась.

Соч.: Три повести. — М., 1835; Новые повести. — Спб., 1839; Разбор комедии графа В. Соллогуба «Чиновник». — М., 1857; Именины. Аукцион. Ятаган / Вступ. ст. Н. Степанова. — Л., 1931; Повести и стихи / Вступ. ст. и примеч. Н. А. Трифонова. — М., 1957; Сочинения. Три повести. Новые повести. Стихотворения. Статьи / После сл. и примеч. Л. М. Крупчанова. — М., 1985; Избранное / Вступ. ст., сост., коммент. Н. А. Трифонова. — М., 1988; Избранные сочинения / Вступ. ст., сост., коммент. Л. М. Крупчанова. — М., 1989.

Лит.: Белинский В. Г. О русской повести и повестях г. Гоголя // Полн. собр. соч.: В 13 т. — М., 1956. — Т. I; Арсеньев И. А. Николай Филиппович Павлов. — М., 1864; Пономарев С. И. Н. Ф. Павлов. — Спб., 1889; Трифонов Н. А. Повести Павлова // Уч. зап. МОПИ им. Н. К. Крупской. — М., 1939. — Вып. 2; Вильчинский В. П. Николай Филиппович Павлов. — Л., 1970; Манн Ю. В. Позиция русского романтизма. — М., 1976; Троицкий В. Ю. Художественные открытия русской романтической прозы 20—30-х годов XIX в. — М., 1895. Л. М. Крупчанов

ПАВЛОВА (урожденная Яниш), Каролина Карловна [10(22).VII.1807, Ярославль—2(14).XII.1893, Хлостервиц, близ Дрездена] — поэт, переводчик. Родилась в семье обрусевшего немца, врача, в Москве, куда Яниши переехали в 1808 г., ее отец стал профессором Медико-хирургической академии. Получила хорошее домашнее образование. Умело рисовала, в совершенстве знала много языков, была начитана, рано начала писать стихи. Принятая в салоне З. А. Волконской, Яниш знакомится здесь с польским поэтом А. Мицкевичем, который 10 ноября 1827 г. делает ей предложение и получает согласие. Одна-

ко богатый дядя П., от которого зависело будущее благосостояние семьи, воспротивился браку. Вследствие этого отношения между молодыми людьми стали неопределенными и затем расстроились. Весной 1829 г., навсегда уезжая из России, Мицкевич посвятил Яниш стихотворение на разлуку. Любовь к польскому поэту П. пронесла через всю жизнь. С его именем связано несколько стихотворений поэтессы 40 гг. («10 ноября 1840 г.», «На 10 ноября», 1841, и др.).

В 1829 г. Яниш знакомится с немецким ученым и путешественником А. Гумбольдтом, высоко оценившим как общие познания девушки, так и ее ранние стихи на французском и немецком языках. Рукопись ее стихотворений и переводов, переданную позднее И. В. Гете, последний, по преданию, хранил на своем столе. Была замечена Яниш и в кругу русских поэтов. Свои стихотворения ей посвятили Е. А. Баратынский, П. А. Вяземский и — более других Н. М. Языков.

В 1833 г. в Германии выходит первый сборник Яниш на немецком языке «Северное сияние» («Das Nordlicht»), куда вошли ее переводы из русских поэтов и восемь оригинальных стихотворений. Через шесть лет в Париже на французском языке появляется второй ее сборник оригинальных и переводных стихотворений «Прелюдии». Одновременно там же был отдельно издан ее перевод на французский язык трагедии Ф. Шиллера «Жанна д'Арк». Переводы поэтессы были высоко оценены И. В. Киреевским, В. Г. Белинским, М. Н. Катковым, К. С. Аксаковым, Варнгагеном фон Энзе и др. Интерес к ним проявил О. Бальзак.

К этому времени, оставив своей племяннице богатое наследство, умер дядя Яниш. В 1837 г. она выходит замуж за известного литератора Н. Ф. Павлова. Дом Павловых становится одним из московских литературных центров. Здесь бывали Гоголь и Лермонтов, Белинский и Герцен, А. С. Хомяков, Ю. Ф. Самарин, Н. П. Огарев, С. П. Шевырев, Т. Н. Грановский, бр. Аксаковы и А. И. Тургенев, бр. Киреевские, А. А. Фет, Я. П. Полонский и др. Столь пестрый состав посетителей салона объяснился стремлением хозяйки объединить живые литературные силы в разгоревшейся полемике 40 гг. между славянофилами и западниками. На вечерах часто звучали стихи самой П. С 1839 г. она начинает регулярно печататься в периодических изданиях. Ее стихотворения и переводы публикуются в «Отечественных записках» (1839—1840; 1855—1856), «Москвитянине» (1841—1852), «Русском вестнике» (1856—1860), в газете «День» (1861—1862, в журнале „*Russische Revue*“ (1863—1864) и др. В 1844 г. в Москве отдельным изданием выходит романс П. на французском языке «Слезы женщин», музыку к которому, посвящая ее поэтессе, написал Ф. Лист. В 1848 г. был издан «очерк» П. в стихах и прозе «Двойная жизнь», из всех ее

произведений имевший наибольший успех у читателей и критики.

В 1853 г. брак поэтессы, не свободный со стороны Н. Ф. Павлова, по его собственному признанию, от корыстных соображений, распался. В Петербурге от холеры умирает ее отец. П. уезжает в Дерпт. Здесь она знакомится с Б. И. Утиным, студентом Дерптского университета, впоследствии известным юристом. Зародившееся чувство послужило П. толчком к созданию одиннадцати стихотворений, составивших т. н. «утинский цикл» («Мы странно сошлись. Срежь салонного круга...», 1854; «Меняясь долгими речами...», 1854, и др.). Там же поэтесса пишет и стихотворение «Разговор в Кремле», опубликованное отдельно брошюрой в Москве в 1854 г. и неоднократно встреченное некоторыми критиками. В декабре 1854 г. П., вслед за Утиным, приезжает в Петербург. Вскоре отношения между ними осложнились, а затем последовал разрыв. Весной 1856 г. П. уезжает из России. Итогом ее заграничных путешествий явился цикл «Фантазмагории» (1856—1861), многие стихотворения которого проникнуты глубоким чувством любви к родине. Большое впечатление произвела на поэтессу встреча в Швейцарии с художником А. А. Ивановым, после смерти которого она публикует свои воспоминания о нем (1858).

В 1858 г. П. поселилась в Дрездене. Оказавшись в тяжелом материальном положении, она много работает, участвует в различных немецких изданиях, пишет двухактную комедию, но без успеха сыгранную на немецкой сцене. В 1859 г. в «Русском вестнике» публикуется ее рассказ «За чайным столом». Зимой 1860/61 гг. П. знакомится с А. К. Толстым и переводит на немецкий язык его только что законченную поэму «Дон Жуан» (опубл. в 1863 г. в Дрездене). Поэт высоко оценил переводческое искусство П. Благодаря ходатайству Толстого при дворе ей как русской поэтессе в 1863 г. была назначена пенсия. В этом же году в Москве выходит сборник «Стихотворения К. Павловой», ставший итогом в ее творчестве.

О последних годах жизни П. известно немного. Она продолжает переводить на немецкий язык произведения А. К. Толстого: трагедию «Смерть Иоанна Грозного» (1868, Дрезден), постановка которой на Веймарской сцене принесла известность автору; двенадцать его стихотворений (1868, Дрезден), в июне 1875 г. читанных в переводе самим Толстым перед немецкой публикой; трагедию «Царь Федор Иоаннович» (1869, Дрезден) и др. В 1868 г. выходит перевод П. на русский язык трагедии Шиллера «Смерть Валленштейна»; в 1875 г. — ее воспоминания о своем детстве. Из рассказов современников известно, что поэтесса продолжала писать стихи до последних лет своей жизни. Однако в 1894 г. ее внуком Д. И. Павловым были опу-

ликованы лишь не вошедшие в издание 1863 г. прозаические и отчасти стихотворные наброски к «Фантазмагориям».

Творчество поэтессы на редкость едино. Некоторая присущая ему рационалистичность позволяет прямо указать то главное, что пронизывает все темы поэзии П. Это, говоря словами самой поэтессы, — извечная борьба «власти духа с властью вещества» («Когда карателем великим...», 1855). Так, идеалы братства и свободы, почерпнутые П. в молодости со страниц шиллеровских трагедий, получают в свете этой борьбы более глубокое философское осмысление уже в первом стихотворении сборника 1863 г. «Сфинкс» (1831), представляющем собой отклик на польское восстание 1830—1831 гг. Загадочный сфинкса — «полукрасавица и полузверья» — выступает у П. социальный вопрос. Попытки его разрешения ведут общество к гармонии или распаду. Размышлениям о революциях, преследующих земные цели и ввергающих, по мысли П., общество в «когти зверя», посвящено ее стихотворение «Разговор в Трианоне» (1848), использующее материал западноевропейской истории (не было пропущено цензурой, впервые напечатано в сб. «Русская потаенная литература XIX столетия». — Лондон, 1861). Избегать слепой вражды общество может лишь через накопление и сохранение духовного потенциала, ярким носителем которого является для поэтессы русский народ («Разговор в Кремле»). Однако насколько далеко была П. в подобной оценке России от идеализации русской истории, свидетельствует содержание ее стихотворения «На освобождение крестьян» (1862). Здесь в ином своем качестве вновь выступает злобещий образ «когтей зверя», которые подстерегают русский народ на пути его социального и духовного освобождения и на произвол которым отдает его праздная «чернь». Слепая, порабощающая сила подневольного труда, лишаящая человека самой возможности обращения к духовному и обрекающая его на бесплодную борьбу с природой и людьми за земные блага, предстает со временем в обществе как самодовлеющая «страсть», искажающая истинный облик человека и ведущая его к смерти («Рудокоп», 1841). Этой «страсти» П. противопоставляет созидательную силу духовного труда, служащего залогом будущего возрождения («Труд ежедневный, труд упорный...», 1862).

Противостояние «духа» и «вещества» характеризует и любовную лирику поэтессы. Поглощенная земными заботами и меркантильными интересами не оставляет в душе человека места «для счастья и любви» («10 ноября 1840 г.»; «На 10 ноября» и др.). Противоположность корыстных интересов общества устремленности истинного чувства рождает в душе любящей женщины своеобразный дуализм земного и небесного жениха (очерк «Двойная жизнь», 1844—1847). В то же время стремление к удоволь-

ствиям, к светскому блеску искажает и самое любовь женщины, лишая ее подлинной основы человеческих отношений («Была ты с нами неразлучна...», 1842; поэма «Кадриль», 1843—1859, и др.).

Отсюда же берет свое начало и существенное для творчества П. противопоставление «поэта», утверждающего приоритет духовного в человеке («Есть любимцы вдохновенный...», 1839; «Мотылек», 1840; «В толпе взыскательно холодной...», 1845, и др.), и враждебной ему толпы, влекущейся произволом своих низменных устремлений («Нет, не им твой дар священный...», 1840, и др.). В свое время стихотворение П. «Мотылек», будучи воспринято в качестве программного, получило резкую отрицательную оценку М. Е. Салтыкова-Щедрина, давшего стихам поэтессы определение «мотыльковой поэзии». Однако полностью принять предельно заостренные высказывания критика невозможно уже потому, что ушербность человеческих исканий, порвавших всякую связь с «земным», сознавала, преодолевая свой дуализм, и сама поэтесса («Старуха», 1840; «Монах», 1840; «Дума» («Хотя усталая, дошла я...»), 1843; «Странник», 1843, и др.).

Внутренняя антиномичность, пронизывающая поэзию П. и придающая ей свой неповторимый облик, стала одной из причин возрождения символистами в начале XX в. интереса к творчеству поэтессы, не имевшей прямых преемников и к тому времени основательно забытой. Новой школе, предпринявшей пересмотр поэтических традиций, не могли не импонировать и безупречная техника стиха П., ее поиски свежих, оригинальных рифм, и прямое использование исторического материала для создания поэтической образности. Вслед за положительными отзывами о стихах П. в XIX в. Баратынского, Хомякова, Языкова, А. Толстого, К. Аксакова, Белинского, И. Киреевского, Шевырева, Каткова и др. высоко оценили ее поэзию Бальмонт, В. Я. Брюсов, А. Белый. Стихотворение П. «Серенада» мы находим в дневнике А. А. Блока. Напротив, «умной и необаятельной» назвал ее музу В. Ф. Ходасевич.

Духовно-эстетический опыт, воплотившийся в цикле П. «Фантазмагорини», значим для понимания «Итальянских стихов» Блока, «Рудокоп» П. предвзрел блоковскую «Фабрику», влияние же очерка П. «Двойная жизнь» ощутимо в третьем «видении» лирической драмы Блока «Незнакомка».

Соч.: Собр. соч. : В 2 т. / Ред. и материал для биографии К. Павловой В. Брюсова. — М., 1915; Полн. собр. стихотворений / Вступ. ст. Н. Коварского; Ред. текста и примеч. Е. Казанович. — Л., 1939; Полн. собр. стихотворений / Вступ. ст. П. П. Громова; Подгот. текста и примеч. Н. М. Гайдеева. — М., Л., 1964; Стихотворения / Сост., вступ. ст. и примеч. Е. Н. Лебедева. — М., 1985.

Лит.: Раппоф Борис. К. Павлова. Материалы для изучения жизни и творчества. — Пг., 1916; Киреевский И. В. О русских писателях // Избранные статьи. — М., 1984. — С. 107; Аксаков К. С. «Прелюдии» Каролины Павловой,

урожденной Яниш // Аксаков К. С., Аксаков И. С. Литературная критика. — М., 1982. — С. 139—140; Белинский В. Г. Русские журналы // Белинский В. Г. Полн. собр. соч. — М., 1953. — Т. III. — С. 191—192; Белинский В. Г. Сочинения Зенейды Р-вой // Там же. — Т. VII. — С. 655—656; Брюсов В. Каролина Павлова // Ежемесячн. соч. — 1903. — № 11—12. — С. 273—290; Ходасевич Вл. Одна из забытых // Новая жизнь. — М., 1916. — № 3.

И. А. Виноградов

ПАЛЬМ, Александр Иванович, псевдоним — *П. Альминский* [21.1.(2.11).1822, Краснослободск Пензенской губ. — 10(22).XI.1885, Петербург] — прозаик, драматург. Родился в семье провинциального чиновника и крепостной, получившей «вольную» в связи с рождением сына Александра. Воспитывался в Петербургском дворянском полку, из которого за отменные успехи в учебе был выпущен (1842) прапорщиком в лейб-гвардии Егерский полк. В 1843 г. в «Литературной газете» было опубликовано его первое стихотворение «Опустелый дом». В этом же номере (от 18 апр.) Ф. А. Кони в статье «Журнальная амальгама» приветствовал появление нового литератора с «весьма замечательным дарованием». Первый успех утвердил молодого офицера в вере в свое литературное призвание. С литературным трудом были связаны также надежды П. на улучшение материального положения: он рано лишился отца, оставившего ему в наследство лишь честное имя, и должен был помогать оставшимся без средств к существованию матери и братьям. В течение пяти лет в «Литературной газете», «Библиотеке для чтения», «Репертуаре и пантеоне» и др. журналах выходит около тридцати его стихотворений, составивших основное стихотворное наследие П. Поэзия П., привлекая читателей звучностью и правильностью рифмы, простотой и ясностью выражения, по содержанию, однако, была подражательной, над ней витал образ «лейб-гусара Лермонтова». Наиболее значительное стихотворное произведение П. — пьеса «Сказка про царя с царевной да про гусяра с заморским котом», вызвавшая сочувственное сопоставление с «Песней про купца Калашникова» Лермонтова (Литературная газета. — 1843. — 17 окт.).

В это же время появились и первые прозаические опыты П. — две маленькие повести и роман «Жак Бичовкин» (Отчетственные записки. — 1849. — № 4, 5). В этом романе П. стремится преодолеть подражательство. Герой романа, чувствующий себя «отчасти Печорным», не вызывает у автора ни малейшей симпатии, автор характеризует его как «представителя выродившейся и весьма обмельчавшей породы Чайльд-Гарольдов».

С 1847 г. П. начал посещать знаменитые «пятницы» М. В. Петрашевского. А вскоре, будучи ближайшим другом С. Ф. Дурова, стал членом его кружка. Идея Петрашевского не оказали значительного влияния на мировоззрение П., он участвовал в деятельности кружка ско-

рее из-за дружеских чувств, нежели вследствие убеждений. Это определило в конечном итоге линию поведения П. на следствии по делу Петрашевского. Раскаившись в собственных «необдуманных поступках», П. тщательно избегал компрометирования др. членов кружка, что было особо отмечено следствием: «Объяснение хорошо написано, но только в духе собственного оправдания. Оно не открывает, напротив скрывает преступные замыслы Петрашевского» (надпись на показаниях А. И. Пальма от 29 апр. 1849 г.). После восьмимесячного заключения в Петропавловской крепости П. был приговорен к смертной казни, но был помилован и переведен с тем же чином из гвардии в армию. Семь лет продолжалась армейская служба П. (на Кавказе и в Крыму), после Крымской войны он вышел в отставку в чине майора. Его финансовые дела были в полном расстройстве. Отчаявшись их поправить, П. в 1871 г., будучи управляющим полгавской контрольной палатой, растратил 14 тысяч казенных денег и был приговорен к трем годам ссылки. Защищал П. известный адвокат В. Д. Спасович, который, не снимая с него вины в растрате, подчеркнул в своей речи бедственное положение опального писателя (см.: Спасович В. Д. Соч. — Пб., 1913. — Т. 5. — С. 248—268). После отбытия ссылки (в Самарской губ.) П. полностью отдается писательскому труду: пишет романы и драмы, во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. является военным корреспондентом газеты «Новое время», в 1883 г. редактирует еженедельную газету «Театр», более года возглавляет Пушкинский кружок русских литераторов, сменив на этом посту А. Н. Плещеева.

Из достаточно обширного литературного наследия П. прежде всего выделяется роман «Алексей Слободин. Семейная история в 5-ти частях» (Вестник Европы. — 1872. — № 10, 12; 1873. — № 2, 3; 1874. — № 10, 11.), подписанный псевдонимом *П. Альминский*. Роман вызвал интерес в критике, что объяснялось не столько его художественными достоинствами, которые ставились под сомнение, сколько обращением П. к истории петрашевцев, портретами участников событий. В «Алексее Слободине» П. поведал о своей дружбе с С. Ф. Дуровым, выведя его в образе Рудковского, а себя — в образе молодого офицера Андриши Морица. В чертах главного героя — Алексея Слободина — современники угадывали некоторые черты Ф. М. Достоевского, образ Дмитрия Сергеевича напоминал Петрашевского. И до сегодняшних дней этот роман остается поистине уникальным художественным свидетельством деятельности кружка Петрашевского. Другие прозаические произведения — диалог «Больные люди» (СПб., 1881), состоящая из повестей «Конец старого романа» (1874) и «Пропащие годы» (1880), роман «Петербургская саранча» (СПб., 1884) — не вызвали осо-

бого внимания у читателей и вскоре были забыты.

Более благосклонна судьба была к драматическим произведениям П. Несмотря на то что большинство его пьес не вызвали воодушевления публики, а отзывы театральных критиков бывали до беспощадности резки, в этом жанре у П. были и безусловные удачи. В конце 1879 г. в Петербурге вызвала ажиотаж поставленная в Александринском театре пьеса П. «Наш друг Неклюжев». В постановке Московского Малого театра главные роли в этой пьесе играли выдающиеся актеры А. П. Ленский и М. Н. Ермолова. Основу сюжета составляет дело о растрате молодым чиновником Андреем Николаевичем Неклюжеем двух миллионов казенных денег. Сам сюжет был подсказан П. реальным «делом Оханцева», на шумевшим в нач. 1879 г. Но, несомненно, собственный печальный опыт П. наложил печать на пафос пьесы, обличающей не столько самого растратчика, сколько окружающих его продажных друзей, кутивших вместе с Неклюжеем, но отвернувшихся от него в трудную минуту. Характерен в этом отношении образ журналиста Промтова, восхвалившего Неклюжева, когда тот был в силе, и первым опубликовавшего статью о бесчестном растратчике. Пьеса была опубликована в журнале «Слово» (1879.— № 12) и долго не сходила со сцен русских театров. С успехом также шла в Александринском театре комедия «Старый барин» (Отечественные записки.— 1873.— № 5).

Соч.: Алексей Слободин. Семейная история в пяти частях.— Спб., 1873; Больные люди: В 2 т.— Спб., 1881; Петербургская саранча. Роман: В 3 ч.— Спб., 1884; Драматические сочинения.— М., 1893; Стихотворения // Поэты-петрашевцы.— Л., 1957.— С. 83—126.

Лит.: Документы следствия по делу А. И. Пальма // Дело петрашевцев.— М.; Л., 1951.— Т. III; Заский П. [Засадский]. Бури в стакане воды. «Больные люди» А. И. Пальма: В 2 т.— Спб., 1881 // Русское богатство.— 1881.— № 6—7; Сакулин П. Н. Петрашцы // Русская литература и социализм.— 2-е изд., перераб.— М., 1924.— Ч. I.— С. 334—354; Чирова И. С. А. И. Пальм и его роман «Алексей Слободин» // Русская литература.— 1969.— № 2; Тхоржевский С. Жизнь и раздумья Александра Пальма // Тхоржевский С. Портреты пером.— Л., 1984.

С. Л. Кравец

ПАЛЬМИН, Лиодор (Илиодор) Иванович [15(27).V.1841, Ярославская губ.— 26.X(7.XI).1891, Москва] — поэт, переводчик. Происходил из старинного, но обедневшего дворянского рода. Отец, отставной офицер, воспитанник Московского университета, в 20—30 гг. был близок кружку А. Ф. Воейкова, сам писал и печатал стихи и рано познакомил сына с классической российской литературой, в том числе с поэзией романтизированного классицизма первой трети XIX в. Таким образом, П. с детства воспринял традиции риторической хвалы и «разумной», упорядоченной сатиры. Детские впечатления яви-

лись основой «жреческих» представлений П. о литературе, сохранившихся на всю жизнь.

В 1856 г., после смерти отца, П. был определен на казенный кошт в третье петербургскую гимназию, по окончании ее поступил на юридический факультет Петербургского университета. В 1861 г. принимал участие в студенческих волнениях, был арестован и посажен в Петропавловскую крепость, о чем с содроганием вспоминал много лет спустя («Крепость» // Осколки.— 1882.— № 20). После освобождения исключен из университета, пытался устроиться на службу (в адресную экспедицию), безуспешно хлопотал об издании журнала и в конце концов занялся поденной литературной работой.

Дебютировал в 1859 г. переводом с французского в журнале для девушек «Лучи», издававшемся известной детской писательницей А. О. Ишимовой. В 1860—1862 гг. публиковал стихи в журналах «Век» П. И. Вейнберга и «Библиотеке для чтения» А. Ф. Писемского; в середине 60 гг. выступал в ряде демократических изданий («Будильник», «Дело», «Женский вестник» и др.). Сблизившись с В. С. Курочкиным, в 1863—1868 гг. был одним из активнейших сотрудников журнала «Искра», своей главной идейной и эстетической школы. Впоследствии П. с нежностью говорил о «добром руководстве, советах и нравственном влиянии» редактора «Искры», о его «литературно-гражданских уроках», способствовавших сохранению «честного направления» поэзии П.

Придерживаясь в достаточной мере абстрактных общедемократических взглядов и аморфной политической позиции, П. тем не менее всегда восхищался подвижничеством, воспевал героизм борцов за свободу («Свидание», 1865; «Вечное бытие», 1867), темпераментно обличал половинчатость «великих реформ» 60 гг. («Обыкновенные песни»), общественную апатию («Волшебные звуки таинственных струн...», 1865), трусость и беспринципность либералов («Смотри, как мы мелки, ничтожны, точь-в-точь / Писателей русских идеи... / Хоть мы просветители, все же не прочь / Порой поступить и в лакеи...» — «Тетушка полночь», 1866). Наибольшую известность получило стихотворение «Реквием» («Не плачьте над трупами павших борцов...» // Искра.— 1865.— № 11), ставшее популярной революционной песней.

Идейно-творческое содружество «искровцев» определило основные особенности поэзии П.: сочетание страдальчески-гражданского пафоса школы Н. А. Некрасова и индивидуалистической «вольной насмешки», восходящей к традициям Г. Гейне, манеру «возвышенного» отклика на злобу дня. Эта позиция способствовала укреплению твердой уверенности П. в неподвластности истинной поэзии условиям светульной литературной повседневности: до конца жизни П. был убежден в независимости Поэта от по-

литического облика органов, в которых он выступает. Это позволило П. уже в 60 гг. публиковать стихи во враждебных «Искре» реакционных «Занозе» Розенгейма и «Литературной библиотеке» Богушевича, а в 70—80 гг. сотрудничать буквально во всех изданиях («Русская мысль», «Стрекоза», «Наблюдатель», «Развлечение», «Осколки», «Всемирная иллюстрация» и др.), не чураясь и бульварных, типа «Московского листка». Однако такая всеядность, в немалой мере обусловленная «суетой гоньбы за хлебом», не повредила репутации поэта: всюду выступал обличитель «балагана, рынка и харчевни», верный рыцарь «храма литературы, храма святого и древнего» («Опозоренный храм», 1877). Верность себе определила и широкую популярность П. в 70 гг.: по свидетельству А. П. Чехова, он принадлежал к «тем, коим молятся в Таганроге» (Чехов А. П. Письма.— Т. 1.— С. 49).

В 70—80 гг. П. занимает позицию хранителя и пропагандиста заветов революционно-демократической поэзии 60 гг.: постоянно критикует «звек тупой, дешевой, меркантильный», «всесильный эгоизм толпы», противостоять которым способен лишь Поэт («Памяти Некрасова», 1878), бичует приспособленчество современников, в том числе и литераторов («Тендеций гречневая каша, / Патриотизма кислый квас... / Вот, вот она, словесность наша, / Вот журналистика у нас».— «Журналистика», 1882); воспевает тех, «кто доблестно стяжал / Венец мучительно-терновый», кто «не изменил себе, не угасил... в сердце пламя» («Кто погиб?», 1882). Считая поэзию сильным средством воспитания, П. широко использовал такие общепонятные и легко воспринимаемые формы, как аллегорическая сказка, басня, стихотворный фельетон, нередко «под маской шуточной невинной куплета» (наиболее удачный «куплетный» фельетон — «Михей и филантропы», 1878). Однако критика действительности у П. обычно не возвышается до сатиры, оставаясь на уровне более или менее острого намека или воплощаясь в декларативном монологе с многочисленными стилистическими клише и мифологическими образами.

В 80 гг. в лирике П. усиливаются мотивы тоски и утомления, поэт все чаще объясняет читателю причины бессилия своей «слабой и чахлой песни» («Из зимних песен», 1882), все резче (вплоть до бружжания и брани) перечисляет то, что ему «противно» в современной «хмурой эпохе»: «Все общество — с бесцельной пустотой, / Понятия — с клейменым ярлыком», «быт халатно-азиатский / И глупого тшеславия возня» («Патриот ли?», 1886). Постепенно мельчает критическая тематика, отчетливее становится однообразие деклараций и воззваний, небрежнее поэтическая речь («стихи из панихидной оперы» — Н. А. Лейкин). И все же П. был неизменно популярен и оставался «столпом» тех

же «Осколков», регулярно выступая «передовиком», т. е. автором стихотворений на общеполитические темы, которыми открывался каждый номер журнала. А. П. Чехов считал, что «едва ли найдется такой читатель «Осколков», который пропускает его стихи не читая», и утверждал: «Поэт он оригинальный, и несмотря на однообразие, стоит гораздо выше и читается охотнее, чем десятки поэтиков, жующих злобу дня» (Чехов А. П. Письма.— Т. 1.— С. 67, 268). До конца жизни поэт оставался «грозою цензоров» (В. А. Гиляровский), пропагандировал идеи, «возбуждающие страсти и натравливающие бедняка на богатого» (отзыв цензора Пантелева). По данным, приведенным Л. М. Трофимовой, за 1884—1891 гг. около 300 произведений П. было опубликовано и около 70 запрещено цензурой.

П. принадлежит переводы польских поэтов (А. Мицкевича, В. Сырокомли), Г. Гейне, оперных либретто («Тангейзер» Р. Вагнера, 1876; «Дон Карлос» и «Трубадур» Д. Верди, 1876, 1878), «Американских очерков» Г. Сенкевича (1883, совместно с В. М. Лавровым), а также перделка на русский лад нескольких «юмористических романов» немецкого поэта и карикатуриста В. Буша («Супружеские тайны», 1881; «Рад бы в рай, да грехи не пускают. Похождения идеалиста», 1886; «Проказы шалуна», 1890).

Значение П. в истории русской литературы определяется прежде всего принадлежностью к «искровцам», а впоследствии — не столько его эстетически-вторичной риторической поэзией, сколько психологическим примером стойкости «честного образа мыслей», верности юношеским идеалам, примером сохранения «поэтической личности» (А. П. Чехов) в неяршиливом быту и литературной подцензуре. «Пальшин — это тип поэта... — писал А. П. Чехов. — Личность поэтическая, вечно восторженная, набитая по горло темами и идеями... <...> ...за все 3—4 часа беседы вы не услышите ни одного слова лжи, ни одной пошлой фразы...» (Чехов А. П. Письма.— Т. 1.— С. 189). Характер и судьбу П. точно определил А. В. Амфитеатов: «У Пальмина был свой стих, были свои образы, был свой темперамент — не было только своей оригинальной мысли: ею он всегда плелся в конце своего века, правда, с лучшими симпатиями и намерениями, но все же в хвосте... Это не только воспрепятствовало ему занять в русской поэзии место, на которое ему давали право красота и искренность его дарования, но мало-помалу двинуло его в задние ряды стихотворцев... В 80 гг. Л. И. Пальшин быстро шел на нет — разочаровался в себе и в людях, шибко пил, влачил угрюмую жизнь литературного пролетаря, да еще и почти отшельника. Смерть его прошла совершенно незамеченной, а забыли его так быстро и прочно, как мало кого...» (Забытый смех.— С. 394). Однако в памяти современ-

ников остался «в высшей степени интересный и типичный представитель бескорыстной, немного беспорядочной, но высокочестной, искренней и милой богемы 60 гг.» (Н. А. Лейкин в воспоминаниях.— С. 200).

Соч.: Сны наяву.— М., 1878; Собрание стихотворений.— М., 1881; Цветы и змеи. Сатира, юмор и фантазия.— М., 1883; Поэты «Искры»: В 2 т. / Вступ. ст. и коммент. И. Г. Ямпольского.— Л., 1987; Поэты 1860-х годов / Вступ. ст. и примеч. И. Г. Ямпольского.— Л., 1968; Поэты-демократы 1870—1880-х годов / Вступ. ст. Б. Л. Бессонова.— Л., 1968. Лит.: Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 12 т.— М., 1974—1983; Безобидный юморист // Н. А. Лейкин в воспоминаниях и переписке.— Спб., 1907.— С. 191—260; Амфитеатров А. В. Забытый смех. «Поморная муза». Сб. 2-й. Гейневцы.— М., 1917; Мышкова-Ская Л. Чехов и юмористические журналы 80-х годов.— М., 1929; Сатира 60-х годов / Сост. Н. Крацов, А. Морозов; Под ред. Н. Ф. Бельчикова.— М.: Л., 1932; Гиллярский В. А. Избранное: В 3 т.— М., 1960.— Т. 1; Трофимова Л. М. Поэт-демократ Л. И. Пальмин и русская цензура // Вопросы русской, советской и зарубежной литературы.— Хабаровск, 1974.— Т. 3. П. И. Овчарова

ПАНАЕВ, Иван Иванович [15(27).III.1812—18.II(2.II).1862, Петербург] — прозаик, журналист, мемуарист. Родился в богатой и культурной семье. По отцу, не чуждому занятиям литературой, приходился внучатым племянником Г. Р. Державину; его дядя, В. А. Панаев, был известным в свое время поэтом. В 1824 г. поступил в Петербургское высшее училище, но вскоре был переведен в благородный пансион при Петербургском университете. Здесь П. впервые обращается к литературному творчеству — пишет стихи, редактирует ученический рукописный журнал. После окончания пансиона (1830) поступает на службу в Департамент государственного казначейства, но уже через год оставляет ее и лишь в 1834 г. вновь определяется в Департамент народного просвещения, где служит в редакции «Журнала Министерства народного просвещения». В 1844 г. выходит в отставку и целиком посвящает себя литературной деятельности.

Первые в печати П. выступает с 1834 г. с оригинальными и переводными стихами. Подрожательные и лишенные поэтического чувства, они не выделялись из массовой романтической поэзии, которой были заполнены периодические издания того времени. В традициях светской поэмы были написаны и первые прозаические произведения П.— повести «Спальня светской женщины. Эпизод из жизни поэта в обществе» (1835), «Она будет счастлива. Эпизод из воспоминаний о петербургской жизни» (1836), «Сегодня и завтра» (1837), «Сумерки у камина» (1838) и др. По своей проблематике они близки повестям Марлинского и распространенным в литературе 30 гг. произведениям о художниках (повести Н. А. Полевого, А. В. Тимофеева, В. Ф. Одоевского и др.). П. разрабатывал в них тему конфликта между поэтом и обществом, решая его в морально-дидактическом плане. Однако в ранних повестях П. выступали и ре-

алистические тенденции, особенно заметные в изображении жизни и нравов высшего аристократического общества. В 1839 г. вместе со своей молодой женой А. Я. Панаевой П. приезжает в Москву и сближается с В. Г. Белинским, с которым он вступил в переписку еще в марте 1838 г. Сближение с Белинским оказало сильное влияние на весь дальнейший творческий путь. Созданные в это время повести «Дочь чиновного человека» (1839) и «Белая горячка» (1840) свидетельствуют о растущем критическом отношении писателя к романтической эстетике.

В 40 гг. творчество П. развивается в русле т. н. «натуральной школы», идейным вдохновителем которой был Белинский. Продолжая традицию Н. В. Гоголя, П. создает ряд крупных беллетристических произведений, сыгравших значительную роль в развитии реализма 40—50 гг. Он становится одним из ведущих сотрудников «Отечественных записок», способствует переходу в этот журнал Белинского. П. обращается едва ли не ко всем жанрам, в которых развивалась «натуральная школа». В ряде физиологических очерков он сатирически изображает жизнь и нравы продажной журналистики булгаринского толка («Петербургский фельетонист», 1841, «Литературная гля», 1843, «Литературный заяц», 1844, и др.). Повести «Онагр» (1841) и «Актеон» (1842) выдвигают его в первые ряды беллетристов нового литературного направления. В них П. обращается к теме вырождения человеческой личности, ведущей паразитический образ жизни. Главный герой этой своеобразной дилогии, столичный фронт и прожигатель жизни, закономерно превращается в обыкновенного крепостника-помещика, превыше всего ставящего «животную негу и блаженство бездействия». Эта же тема разрабатывается и в социально-психологическом романе П. «Маменькин сынок» (1845). В повести «Родственники» (1847) П. одним из первых в русской литературе изобразил идеалистический философский кружок 30—40 гг. и вывел образ «лишнего человека» из новой социальной среды — интеллигенции, предрвав этим в известной мере роман И. С. Тургенева «Рудин» (1856).

В 50 гг. П. много времени и сил отдает журналу «Современник», официальным редактором которого он был утвержден (фактически им был Н. А. Некрасов). В ряде художественных произведений тех лет он продолжает тему деградации человека в условиях крепостнического барства (роман «Львы в провинции», 1852; повесть «Внук русского миллионера», 1858). В 1854—1857 гг. П. создает цикл «опыт о хлыщах» («Великосветский хлыщ», «Провинциальный хлыщ» и «Хлыщ высшей школы»), в котором изображение столичного и провинциального паразитирующего дворянства достигает большой сатирической остроты. Популярностью пользо-

вались блестящие стихотворные пародии, фельетоны, очерки, обозрения петербургской жизни и русской журналистики, с которыми П. выступал под псевдонимом *Новый поэт*.

Последние годы жизни (1860—1861) П. работал над «Литературными воспоминаниями» (1861), значение которых для истории русской литературы и русской общественной мысли исключительно велико. Человек по натуре своей очень общительный, П. еще в годы молодости установил обширные литературные и театральные знакомства, круг которых со временем еще больше расширился. К концу 40 гг. в Петербурге и Москве не было, пожалуй, скольнибудь значительного писателя или журналиста, с которым П. не был бы знаком. И все они попали на страницах его «Воспоминаний». П. удалось нарисовать яркие портреты многих выдающихся деятелей отечественной культуры, прежде всего Белинского, организатора всего литературного движения 40 гг. «Воспоминания», во многом продолжая фельетонную и очерковую линию творчества П., содержат ценный материал для характеристики литературной борьбы и литературных нравов 30—40 гг. Написанные интересно и увлекательно, они создают живое ощущение эпохи.

Соч.: Полн. собр. соч.— СПб., 1888—1889.— Т. 1—6; Избр. произв.— М., 1962; Повести и очерки.— М., 1986; Литературные воспоминания.— М.; Л., 1950; Повести и очерки.— М., 1986; Соч.— Л., 1987.

Лит.: Трубачев С. Фельетонный беллетрист // Исторический вестник.— 1889.— № 4.— С. 160—173; Иоффе Ф. М. Н. Г. Чернышевский об И. И. Панаеве // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка.— 1952.— Т. XI.— Вып. 4.— С. 359—365; Русская стихотворная пародия (XVIII—начало XX в.).— Л., 1960.— С. 50—56 (Библиотека поэта. Большая серия); Ямпольский И. Т. Литературная деятельность И. И. Панаева; Из истории литературной борьбы 1840-х годов — «Петербургский фельетон» и «Литературная ля» Панаева // Ямпольский И. Поэты и прозаики.— Л., 1986.— С. 23—91, 92—109. А. И. Баландин

ПАНАЕВА (Головачева), Авдотья Яковлевна, псевдоним — *Н. Ставицкий* [31.VIII(12.VIII). 1819 (по другим данным — 1820), Петербург — 30.III(11.IV). 1893, там же] — прозаик, мемуарист. Ее отец, Я. Г. Брянский, был актером-трагиком классической школы; мать, А. М. Степанова, играла в оперных и драматических спектаклях. П. окончила Петербургское театральное училище, где ее готовили к профессиональной сценической деятельности. Театральная карьера П., однако, не состоялась. В 1837 г. она вышла замуж за И. И. Панаева, в то время начинающего писателя, и сразу же вошла в круг его литературных друзей. В конце 40 гг. стала гражданской женой Н. А. Некрасова и его ближайшей помощницей по изданию журнала «Современник». Она читала рукописи, держала корректуру, исполняла другие редакционные обязанности. Принимала деятельное участие в личной и творческой судьбе многих писателей, группировавшихся вокруг «Современника». Особую

привязанность П. питала к людям, идейно близким Н. А. Некрасову. Одна из немногих, она, напр., навещала Н. Г. Чернышевского во время его пребывания в Петропавловской крепости. С Некрасовым П. связывали глубокие творческие интересы. Совместно с ним она написала романы «Три страны света» (1848—1849) и «Мертвое озеро» (1851), имевшие большой читательский успех. Поэт посвятил ей стихотворения «Прости, не помни дней падения...», «Тяжелый крест достался ей на долю...», «Бьется сердце беспокоейно...» и др.

П. прожила с Некрасовым до 1863 г. Разойдясь с ним, она вышла замуж за А. Ф. Головачева, второстепенного публициста, сотрудника ряда столичных газет и журналов. После смерти мужа осталась с малолетней дочерью на руках без всяких средств к существованию. Последние годы жизни П. прошли в крайней нужде, граничащей с нищетой.

Литературное наследие П. ныне оказалось совсем забытым, хотя писала и печаталась она довольно много. Ее первое и лучшее произведение — роман «Семейство Тальниковых» (1847) — предназначалось для «Иллюстрированного альманаха» (1848), который должен был выйти в качестве приложения к журналу «Современник». Альманах был запрещен цензурой, и роман П. увидел свет лишь в 1928 г. По своей общественно-литературной направленности он примыкает к таким произведениям, как «Антон Горемыка» Д. В. Григоровича, «Сорока-воронка» А. И. Герцена и др. Роман высоко оценили В. Г. Белинский и Н. А. Некрасов. П. изобразила в нем свое безрадостное детство, нарисовала яркие и правдивые картины семейного воспитания, которое лишь калечило душу ребенка. Роман явился суровым приговором всей системе казенного и деспотичного воспитания, на что и обратил внимание цензор, увидев в нем «подрыв родительской власти». В последующие годы П. выступает в «Современнике» с рассказами, повестями и романами, откликаясь в них на актуальные вопросы общественной жизни. Проблематика многих ее произведений была типичной для «натуральной школы», в традициях которой в основном и развивалось ее литературное творчество. П. интересовали вопросы семейного и общественного положения женщины, проблемы воспитания, любви и брака. Она создала целую галерею женских образов — от забытых, сломленных жизненными обстоятельствами героинь (рассказы «Безобразный муж», 1848; «Жена часового мастера», 1849; «Необдуманный шаг», 1850, и др.) до «новых людей», воодушевленных идеями Н. Г. Чернышевского (роман «Женская доля», 1862). Героини П. осознают необходимость борьбы за свое будущее, они являются носителями идей женской эмансипации (роман «Мелочи жизни», 1854; повесть «Степная барышня», 1855; «Роман в петербургском полусвете», 1860,

и др.). В развернувшейся борьбе «Современника» с дворянским либерализмом П. становится на сторону революционных демократов (роман «Русские в Италии», 1858).

Художественный уровень романов, повестей и рассказов П. невысок. В истории литературы она вошла прежде всего своими «Воспоминаниями», над которыми работала в конце 80 гг. Впервые опубликованные в журнале «Исторический вестник» в 1889 г. (отд. изд. в 1890 г.), они сразу же привлекли к себе внимание богатством фактического материала и правдивым изображением литературной жизни 40—60 гг. XIX в. В «Воспоминаниях» П. содержатся ценные сведения о жизни и деятельности Белинского, Н. А. Добролюбова, Чернышевского, Некрасова, др. выдающихся деятелей русской литературы и культуры. Несмотря на ряд фактических неточностей, а также субъективные оценки некоторых писателей, прежде всего И. С. Тургенева, «Воспоминания» П. до сих пор продолжают оставаться ценнейшим источником для изучения истории русской литературы.

Соч.: Семейство Тальниковых. — Л., 1928; Воспоминания. — М., 1972.

Лит.: Чуковский К. И. Жена поэта. — П., 1922; Он же. Панаева и ее воспоминания // Панаева. Воспоминания. — М., 1956; Черняк К. З. Огарев, Некрасов, Герцен, Чернышевский в споре об огаревском наследстве: Дело Огарева — Панаевой. — М.: Л., 1933; Евгеньев-Максимов В. Е. Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова. — М.: Л., 1950. — Т. II. — С. 123—171, 304—320; Т. III. — 1952. — С. 218—230. А. И. Баландин

ПАСТЕРНАК, Борис Леонидович [29.I(10.II). 1890, Москва — 30.V.1960, Перedelкино, под Москвой] — поэт, прозаик, переводчик. Родился в семье известного художника Л. О. Пастернака, мать была пианисткой. После окончания 5-й Московской гимназии в 1909 г. поступает на историко-филологический факультет Московского университета, серьезно увлекается философией. В 1912 г. проводит семестр в Марбургском университете, где слушает лекции знаменитого философа Г. Когена и получает от него предложение остаться для сдачи докторского экзамена при кафедре, однако предложения не принимает и, посетив Италию (Венеция и Флоренция) и Швейцарию, возвращается в Москву. В 1913 г. оканчивает Московский университет.

Детство прошло в атмосфере искусства. Сами отмеченные воспоминания этого времени — личность Л. Н. Толстого, с которым был знаком отец П., лирика Р. М. Рильке, музыка А. Н. Скрябина. В 1903 г. всерьез начинает заниматься композицией, его опыты получают одобрение Скрябина. Однако в 1909 г. серьезные занятия музыкой прекращаются: «Музыку, любимый мир шестилетних трудов, надежд и тревог, я вырвал вон из себя, как расстается с самым драгоценным. Некоторое время привычка к фортепианному фантазированию оставалась у меня в виде постепенно пропадающего навыка. Но по-

том я решил проводить свое воздержание круче, перестал прикасаться к роялю, не ходил на концерты, избегал встреч с музыкантами» (Воздушные пути. — С. 424—425).

Занятия философией были в жизни П. лишь промежуточным этапом между двумя художественными увлечениями — музыкой и нарастающим интересом к литературе. В его воспоминаниях сохранились упоминания о дружеском сообществе «Сердарда», собиравшемся на квартире поэта и художника Ю. П. Анисимова. Однако гораздо более серьезным было участие в различных кружках, группировавшихся вокруг издательства «Мусагет», в которых происходила передача живого опыта символистов молодому поколению литераторов и мыслителей. П. участвовал в работе кружка по изучению символизма, которым руководил Эллис (Л. Л. Кобылинский) и философского кружка под руководством Ф. А. Степуна. 10 февраля 1913 г. в студии скульптора К. Ф. Крахта на заседании «Кружка для исследования проблем эстетической культуры и символизма в искусстве» состоялся философско-литературный дебют П., выступившего с докладом «Символизм и бессмертие», в тезисах которого говорилось: «Живая душа, отчуждаемая у личности в пользу свободной субъективности — есть бессмертие. Итак, бессмертие есть Поэт... Поэзия — бессмертие, допустимое культурой».

В 1913 г. П. примыкает к небольшой группе «Лирика» и участвует в альманахе, выпущенном ею. Появление этого альманаха вызывает у критики упреки в эпигонстве, подражании символистам. После раскола в рядах «Лирики» в нач. 1914 г. П. примыкает к «левым», футуристически ориентированным С. П. Боброву и Н. Н. Асееву, образовавшим новую группу «Центрифуга». Формально именно с «Центрифугой» связаны поэтические искания П. предреволюционного времени. Он сотрудничал в двух вышедших альманахах «Центрифуги» («Руконог», 1914, и «Второй сборник Центрифуги», 1916), намеревался принять участие и в невышедшем «Третьем сборнике Центрифуги». Издательством «Центрифуга» в 1917 г. был выпущен второй сборник его стихов «Поверх барьеров» (первый, «Близнец в тучах», был издан «Лирикой» в 1914 г. с предисловием Н. Асеева). Однако внутри группы он занимал наиболее независимую позицию, что позволяло ему участвовать и в изданиях кубофутуристов, и вообще ощущать себя внутренне свободным от групповой предвзятости. Такая позиция определилась уже в 1914 г., когда он высказывал недовольство групповым характером предисловия Н. Асеева к первому сборнику своих стихов. Такая позиция в литературной борьбе была predeterminedлена сложившимися уже к этому времени представлениями П. об искусстве и его роли в жизни.

Выраженное в докладе «Символизм и бес-

смертие» убеждение в том, что поэзия сохраняет в себе личность художника в том случае, если художник верно определяет и выражает своим творчеством «бывшее значение», пронизывает творчество П. с самых первых дошедших до нас его литературных опытов. В конце жизни, в опыте автобиографии «Люди и положения», он напишет: «...моей постоянной мечтой было, чтобы само стихотворение не что содержало: чтобы оно содержало новую мысль или новую картину... Мне ничего не нужно было от себя, от читателей, от теории искусства. Мне нужно было, чтобы одно стихотворение содержало город Венецию, а в другом заключался Брестский, ныне Белорусско-Балтийский вокзал» (Воздушные пути.— С. 446). Но простое воспроизведение действительности для него немисливо, т. к. эта действительность и язык, предназначенный для ее описания,— явления принципиально различные, и нужно было найти компромисс, в котором язык и реальность, не утрачивая своего своеобразия, в то же время максимально точно (причем степень и качество этой точности в различные эпохи поэтического творчества понимались по-разному) соответствовали бы друг другу.

Эстетика и поэтика раннего П. в наибольшей степени основываются на представлении о взаимопроникновении отдельных предметов реальности, о слитности всего чувственного, окружающего поэта мира, где невозможно отделить человека от природы, изображаемое от изображаемого, поэзию от жизни и т. д. Этой же слитностью объясняется и стремление П. одновременно пробовать свои силы в поэзии и в прозе, а также подмеченное Р. О. Якобсоном тяготение его прозы к метонимичности (т. к. перенесение свойств смежных предметов друг на друга начинает свидетельствовать о единстве этих предметов, почти полном их слиянии).

Этим вызывается непривычное для читателя построение образной структуры поэзии раннего П., где законы языка преодолеваются изломанным синтаксисом, передачей свойств одного предмета другому, которому они глубоко чужды, сдвигом и сломом привычных ассоциаций на всех уровнях стиха — метрическом, ритмическом, рифменном, эвфоническом. Это сближало его поэзию с поэзией футуристов и давало некоторые внутренние основания для принадлежности к той или иной группе до тех пор, пока эта принадлежность не входила в противоречие с системой ценностей поэта.

Подводя итог своему раннему творчеству, П. писал: «Неумение найти и сказать правду — недостаток, которого никаким уменьем говорить неправду не покрыть» (Воздушные пути.— С. 111). Поэтому его представления о нравственном долге художника, обязанного не просто воспроизвести жизнь в ее узнаваемости и неповторимой конкретности так, чтобы донести свое

впечатление от нее до читателей будущего времени, включали в себя весьма определенные понятия об отношении к социальной действительности своей эпохи, в которой требовалось увидеть не только внешность, поверхность события, но и его глубинную сущность; понятия об ответственности писателя за точную передачу смысла изображаемой им жизни, понятия об оживлении в сегодняшней действительности извечных моральных максим человечества. И если в ранней поэзии и прозе это скорее чувствовалось, чем прочитывалось впрямую, то позже, в последних циклах стихов П. добился максимальной отчетливости, проясненности своих принятиев. С этим же заданием связаны и неоднократные переработки ранних стихотворений, направленные на выявление того смысла, который был в них изначально заложен, но временно скрывался под оболочкой недостаточного владения слогом, тяготения к импрессионистическим образам.

Первые два сборника стихов П. в первую очередь посвящены созданию той атмосферы, которая позволит воспроизвести мир, где все неразрывно связано между собой и в любой момент возможна любая трансформация. Но эта атмосфера важна не сама по себе, а лишь как средство для выражения представлений о нравственных основах мира. В этом отношении показательна история текста стихотворения «Венеция» (1913), в первоначальном варианте которого, опубликованном в сборнике «Близнец в тучах», лишь смутная и неопределенная тревога свидетельствовала о некоем беспорядке в том пейзаже, который предстал взору поэта. В варианте этого стихотворения, созданном в 1928 г., эта тревога конкретизируется вполне определенным образом: упоминанием о крике, который «женщиною оскорбленной, / Быть может, издан был вдали». Тема оскорбленного и униженного женского достоинства, видимого тем ясней, что «быть женщиной — великий шаг, / Сводить с ума — героизм», станет для П. одной из сквозных и чрезвычайно важных тем. Постепенное прояснение изначально заложенного в текст нравственного содержания становится одной из главных тенденций развития поэзии П.

Вполне отчетливо это выявилось уже в третьей книге стихов «Сестра моя — жизнь», напечатанной в 1922 г., однако создававшейся в значительной своей части летом 1917 г., где человек и природа предстают частями одного целого, включающего все богатство и разнообразие человеческой жизни, пронизанной и революционными событиями, и интимными переживаниями, и предощущением великих перемен, приносимых эпохой. В стихотворениях этого сборника фотокарточка является заместительницей женщины («Заместительница»), деревья спорят о человеке с ветром («Душная ночь»), Демон обещает вернуться лавиной («Памяти Демона»), сад бьется в зеркале («Зеркало») и т. д. Поэтому даже

кажущиеся чисто пейзажными стихотворения приобретают характер глобальный, как стихотворение «Степь»: «Как были те выходы в степь хороши! / Безбрежная степь, как марина. / Вдыхает ковыль, шуршат мураши, / И плавают плач комариный. / <...> Не стог ли в тумане? / Кто помет? / Не наш ли омет? Доходим.— Он. / — Нашли! Он самый и есть.— Омет. / Туман и степь с четырех сторон».

Уже в этих строках становится явным, что пейзаж вписан в картину всего мира, всей вселенной и потому любое действие может привести к изменению в существе мироздания, о чем открыто сказано далее: «Тенистая полночь стоит у пути, / На шлях навалилась звездами, / И через дорогу за тын перейти / Нельзя, не топчя мироздания».

И потому любовная тема стихотворения, не утрачивая своего интимного характера, становится одновременно и темой глобальной, перестраивающей весь мир: «комариный плач», «мураши», «волчцы», «чулки» пишутся поэтом уже с прописной буквы, становятся символами громадного мира, куда органической составной частью входят все события «лета 1917 года», от глубоко личных до наиболее общественно важных.

Таким образом, в раннем творчестве П. вырисовывается концепция единства всего творчества, порожденного единством мира, и оторванность поэта от социальной жизни своего времени, в которой так часто обвиняли П. критики, становится мнимой. Это подтверждается и сквозными мотивами его творчества — поэзии и прозы — от самых ранних произведений до стихов книги «Когда разгуляется» и романа «Доктор Живаго».

После выхода в свет книги «Сестра моя — жизнь» П. становится одним из наиболее популярных советских поэтов, и эта популярность еще больше укрепилась после появления поэм «Девятьсот пятый год» и «Лейтенант Шмидт». Книги стихов «Второе рождение» (1932) и «На ранних поездках» (1945) также тепло были приняты читателями и критикой. Роман «Доктор Живаго» (1958), опубликованный за границей, после появления которого П. был удостоен Нобелевской премии, был встречен резкой критикой. П. был исключен из Союза писателей СССР. В 1987 г. решение об исключении было отменено, в 1988 г. роман напечатан журналом «Новый мир».

Соч.: Стихотворения и поэмы / Вступ. ст. А. Д. Синявского.— М.: Л., 1965; Воздушные пути. Проза разных лет / Вступ. ст. Д. С. Лихачева.— М., 1982; Избр.: В 2 т. / Вступ. ст. Д. С. Лихачева.— М., 1985.
Лит.: Смирнов И. П. Борис Пастернак. «Метель» // Поэтический строй русской лирики.— Л., 1973.

Н. А. Богомолов

ПЕЧЁРИН, Владимир Сергеевич [15(27).VI.1807, с. Дымерка Киевской губ.— 17(29).IV.

1885, г. Дублин, Ирландия] — поэт, прозаик, мыслитель. Судьба П. необычна и драматична. Родился в семье офицера-крепостника, служившего в Ярославском пехотном полку. В юности испытал сильное воздействие идей Ж.-Ж. Руссо, поэзии Ф. Шиллера: «умереть за благо народа... было одно из мечтаний моей юности» (Замогильные записки.— С. 16). По его признанию, с восьми лет проникся ненавистью к притеснениям, таким он видел своего отца, отношения с которым остались на всю жизнь резко отчужденными. Вольнолюбие П. формировалось и под воздействием идей декабризма. Полк, в котором служил отец, был расквартирован на юге Украины. «Полковник Пестель был нашим близким соседом. Его просто обожали. Он был идолом 2-й армии. Из нашего и из других полков офицеры беспрестанно просили о переводе в полк к Пестелю. «Там свобода! Там благородство! Там честь!» (Там же.— С. 23). Гувернер будущего поэта швейцарец Кессман был близок, видимо, со многими членами Южного общества и сумел пробудить в душе своего воспитанника дух воли и протеста. «Кессман и его друг, отставной поручик Сверчевский без малейшей застенчивости обсуждали передо мной планы восстания... Я все слушал, на все был готов, мне кажется, я пошел бы за ними в огонь и в воду» (Там же). В Петербургском университете, куда П. поступил в 1829 г., он вновь оказался в атмосфере вольномыслия. В 1831 г. П. блестяще закончил университет и был направлен в 1833 г. за границу для подготовки к профессорской деятельности. Он оказался в университетских аудиториях Берлина, где под воздействием поэзии Шиллера, И. В. Гете, идей утопического социализма формировались его революционные настроения. В середине 1835 г. П. возвратился в Россию, а в июле 1836 г. покинул родину навсегда, став первым добровольным политическим эмигрантом. Идеи христианского социализма увлекают П. «Я был республиканцем школы Ламенне, коммунистом, сен-симонистом, миссионером-проповедником» (Там же.— С. 17). В Швейцарии П. вместе с итальянскими и польскими эмигрантами обдумывает издание газеты, мечтает об образовании коммунистической общины в Америке. Но к 1840 г. увлечение идеями христианского равенства приводит его к мистицизму. П. принимает католичество и вступает в орден редemptористов. О судьбе П., его бегстве из России, уходе в католический монастырь размышлял А. И. Герцен, рассказавший о своем свидании с ним в Лондоне в 1853 г. «Бедность, безучастие, одиночество сломили его; <...> он не знал, что делать? <...> упал в иезуитский монастырь!» (Герцен А. И. Собр. соч.— Т. 11.— С. 392). П. не согласился с этим суждением Герцена. В «Замогильных записках» он попытался раскрыть мотивы, побудившие его принять католичество — «проспать 20 лучших лет». П. представляет тот тип личности, для ко-

того рога вера и идея превыше всего, а собственная жизнь — реальное воплощение веры, испытание идей. «Я вечно воевал из-за идеи» (Замогильные записки. — Там же. — С. 37). Идея юности П. — внутренняя доблесть и независимость духа, идея зрелости — «пустыня» и воля. «Страх России», «страх Николая» привели его в Европу искать «нового учения, новой системы, новой веры». Разочарование в революционных идеях, крах иллюзий обернулись жаждой утверждения внутренней свободы — католицизм на втором плане, он был не целью, а средством, а главной целью была поэтическая пустыня» (Там же. — С. 127). Позднее П. признает, что его уход в монастырь был подготовлен и решительным воздействием творчества Жорж Санд, чье влияние в эту эпоху испытывали и И. С. Тургенев, и Ф. М. Достоевский, и М. Е. Салтыков-Щедрин. Но «поэтическая пустыня» оказалась «смрадной могилой»: «Это было своего рода самоубийство» (Там же. — С. 11). Резкие разоблачительные инвективы в адрес папства, монахов («в монахе человек падает ниже скота»), публичное сожжение протестантской библии свидетельствуют о критическом отношении П. к монашескому ордену. В 1861 г. П. возобновляет переписку с Герценом и Огаревым, регулярно посылает пожертвования в «Колокол», вновь начинает заниматься поэзией, изучает Л. Фейербаха и Л. Бюхнера, размышляет о возможности возвращения на родину, выходит из ордена. П. закончил жизнь в Ирландии, где он 23 года исполнял должность священника при одной из дублинских больниц. В знак признательности сестры милосердия воздвигнут скромный памятник на его могиле.

30 гг. для П. отмечены творческой активностью. В «Сыне отечества» и «Московском наблюдателе» П. печатает переводы из Шиллера, древнегреческой лирики, критические статьи, иногда под псевдонимом *Доктор Фуссенгер (пешеход)*. Как и у В. К. Кюхельбекера, античные сюжеты для П. были формой выражения собственных вольнолюбивых настроений. «Желание» Шиллера П. считает своим жизненным кредо. 9 декабря 1833 г. П. переслал из Германии друзьям две сцены из трагедии «Вольдемар» и поэму-мистерию «Торжество смерти», единственное завершенное произведение. В 1861 г. Герцен напечатал ее в «Полярной звезде», а затем в сборнике «Русская потаенная литература». Достоевский, приступая к работе над романом «Бесы», вспоминает о поэме П. как образчике мечтаний передовой интеллигенции, в романе она пародийно пересказана как сочинение Степана Трофимовича Верховенского. Пафос произведений П., стилистика их, образный строй обнаруживают близость к литературе декабристского романтизма. Трагедия «Вольдемар» — произведение автобиографического характера, своего рода «лирический дневник». Герой П., как и лирический герой раннего Лермонтова, осознает

свое мессианство («Сам бог меня в младенчестве избрал»). Вольдемару открылись «неправда сильных», скорбь народа, «переполненная мера зла», отсюда и нравственная готовность к героическому деянию. «Торжество смерти» — произведение сложное по композиции и аллегорическое по форме, в котором воплотились раздумья П. о судьбах человечества, движении истории. По мнению автора, развитие истории человечества совершается через катастрофы и революционные катаклизмы. Смерть в поэме символизирует активные начала, преобразующие общество. Она является и «богом свободы, богом движения, вечного преображения» и предстает в поэме в образе «прекрасного юноши на белом коне». Главное произведение П. «Замогильные записки Владимира сына Печерина» создано в эмиграции в 60—70 гг., опубликовано лишь в 1932 г. Шестидесятилетний П. начал писать свои «былое и думы» под непосредственным влиянием Герцена в форме писем к племяннику С. Ф. Печерину и другу Ф. В. Чижову, стараясь воссоздать «много-сложное развитие духа». Записки остались незавершенными. С высоты зрелости предстала перед внутренним взором поэма жизни, наивные мечтания юности, поиски и раздумья, ошибки и духовные распустья, переломы судьбы, Ирония и искренность признаний, мужественный суд над самим собой определяют звучание писем. П. надеялся, что «какой-нибудь юноша двадцатого столетия с любопытством и сердечным участием прочтет историю этой жизни, вечно идеальной, отрешенной от всякой земной корысти, вечно донкихотствующей» (Там же. — С. 166). Несомненно и художественная ценность мемуаров П. В «Записках» оживают образы тех, кто оставил свой след в духовном становлении автора: мать и отец, любимый учитель Кессан, случайные знакомые по европейским скитаниям, революционеры и проповедники, монахи, верующие. Автор не избегает житейских мелочей, бытовых эпизодов, хотя и описывает их с самоиронией. Целая эпоха русской и европейской жизни предстает со страниц мемуаров. Но главное в книге — поэма внутренней жизни: «я задумался и развил длинную поэму жизни» (Там же. — С. 16). Непосредственное воздействие «Былого и дум» Герцена сказалось и на композиции записок. Письма П. подчинены принципу хронологической последовательности: первые впечатления детства, юность, эпизоды студенческой жизни, эмиграция, вступление в орден и миссионерство в Англии.

Соч.: Стихотворения и поэма «Торжество смерти» // *Поэмы 1820—1830-х годов.* — Л., 1972. — С. 459—488, 453—458; *Замогильные записки.* — М., 1932; Из переписки В. С. Печерина с Герценом и Огаревым / Публ. А. А. Сабурова // *Литературное наследство.* — М., 1955. — Т. 62.
Лит.: Гершензон М. О. Жизнь В. С. Печерина. — М., 1910; Он же. История молодой России. — М.: Пг., 1923; Штраух В. С. Печерин за границей в 1833—1835 // *Русское прошлое. Исторические сборники.* — П., М., 1923. — Т. 3; Сабуров А. А. Из биографии В. С. Печерина // *Ли-*

тературное наследство.— М., 1951.— Т. 41—42; Огарев Н. П. Предисл. к сб. «Русская потаенная литература XIX века» // Огарев Н. П. Избранные социально-политические и философские произведения.— М., 1952.— Т. 1; Герцен А. И. Собр. соч.— М., 1957.— Т. 11.— Ч. 7.— Гл. 6; Володин А. И. Начало социалистической мысли в России.— М., 1966.— С. 95—99; Пульхридова Е. М. Литературное творчество В. С. Печерина и русский гражданский романтизм // Литературные направления и стили. Сб. ст., посвященный 75-летию профессора Г. Н. Поспелова.— М., 1976.— С. 201—202; Корнеев А. Печерин и Печорин // Альманах библиофила.— М., 1987.— Вып. 22.— С. 81—91. М. Н. Лазукова

ПИСАРЕВ, Дмитрий Иванович [2(14).X.1840, с. Занасное Елецкого у. Орловской губ.— 4(16).VII.1868, Дуббельн (Дубулты) под Рнгой, похоронен на Волковом кладбище в Ленинграде] — литературный критик, публицист. Родился в небогатой культурной дворянской семье. Почти 12 лет прошли в лоне родительского дома, неуспынных материнских забот. Мать, Варвара Дмитриевна, урожденная Данилова, души в нем не чаяла, хотя, по сдержанности характера, редко выказывала нежные чувства. Матери обязан П. своим ранним интеллектуальным развитием, неутомимой жаждой знаний, потребностью в самообразовании, поразительным трудолюбием. В 4 года он свободно читал по-русски и по-французски, вскоре овладел немецким языком. По окончании петербургской гимназии (1852—1856) П. поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета. Именно в университете прорастает в юноше «ядовитое зерно скептицизма» (Соч.— М., 1956.— Т. II.— С. 141; далее указываются том и страница). П. пройдет через искус академической науки, специальных занятий, среди которых будут преобладать почти механические переводы с немецкого на русский известных и не очень известных филологов. На собственном опыте убедится П. в начетническом, механистическом характере этих занятий, освященных авторитетом педагогов-педаггов. Позднее он поймет, что воспитатели стремятся пробудить в своих питомцах не дух творчества, но хотят вложить в них определенную массу «усыпительных» сведений и материалов для запоминания впрок: «Студент читает одного писателя, читает другого, а все не становится умнее, и все ждет прояснения своего мозга, и все громоздит факты на факты, и вдруг, неожиданно гадаючи для самого себя, в одно прекрасное утро оказывается туго набитым историческим чемоданом, совершенно подобным своему прототипу и возлюбленному руководителю» (II, 142).

Индивидуальные задатки П. не совпадали с требованиями, которые предъявляли к филологическим студиям его учителя. И, к чести П., он это сумел понять. По его словам, он никогда не мог продолжительное время заниматься тем, что не доставляло ему «умственного наслаждения» (II, 142). Даже когда честолюбие его должно было быть удовлетворено (профессора были довольны его работой, студенты хвалили, работа

о немецком философе и языкеде Вильгельме Гумбольдте публикуется в специальном сборнике), он не страшился задать себе трудный, испытующий вопрос: «Мнение других обо мне возвысилось, но чем возвысилось мое действительное достоинство?» (II, 161).

П. тяготит самодовольная автономия науки, занятий «безопасными», «микроскопическими» вопросами (II, 175), глухая отторженность ее от запросов современности. Безжалостный и в целом справедливый приговор двухлетним студенческим занятиям будет дан П. в статье 1863 г. «Наша университетская наука». Верно и то, что в университете П., «переходя от одной специальности к другой», имел, по словам его друга, поэта Н. С. Курочкина, «возможность заглянуть громадным количеством знаний прежде, нежели выступил на литературном поприще» (Отечественные записки.— 1868.— № 8.— Отд. II.— С. 176).

П. признал ошибку в выборе занятий, и за этим последовали поиски своего дела. П., как сам он о себе скажет, вышел «на свежий воздух из душных монастырских стен университетской науки» (II, 168). В годы учебы в университете первой его пробой стала с начала 1859 г. работа в «журнале для девиц» «Рассвет», издававшемся артиллерийским офицером В. А. Крепниным, стремившемся удовлетворить жадный интерес читателей к вопросам женской эмансипации. Новое дело потребовало самостоятельности мысли: «Я не выписывал из книжки, я не повторял чужих слов,— писал он,— и, доходя путем собственного размышления до общеизвестных истин, я все-таки успевал сообщить этим истинам ту печать искреннего и живого убеждения, которая несомненно свидетельствует о том, что мысль действительно возникла в собственном мозгу писавшего. Поэтому работа моя была для меня привлекательна...» (II, 176).

Самые примечательные из рецензий, опубликованных в «Рассвете», — «Обломов». Роман И. А. Гончарова», «Дворянское гнездо». Роман И. С. Тургенева», «Три смерти». Рассказ графа Л. Толстого» (1859.— № 10—12). Статьи П. содержат пронизательные характеристики творчества молодых писателей. Анализ художественных произведений в них не замыкается в пределах эстетического ряда, но связывается с важными социально-этическими проблемами русской жизни. Так, П. судит Обломова, хорошо сознавая, что источник беспечной праздности и изнеженности открытого И. А. Гончаровым характера — в условиях первоначального воспитания, в обстоятельствах существования поместного дворянства, в «нелюбви к труду всякого рода» (I, 8). Натуру Обломова П. оценивает сложно, подчеркивая в ней отсутствие мужественности и самостоятельности и одновременно — привлекательную чистоту помыслов и чувств, честность и порядочность (I, 9).

Сознание бесцельности прежних умственных занятий, чрезвычайное переутомление, многолетняя безответная любовь к двоюродной сестре Р. А. Кореневой привели П. в 1860 г. к тяжелому психическому расстройству. 4 месяца провел он в лечебнице. После выздоровления и отдыха П. все силы отдает окончанию университета, работает над кандидатской диссертацией, посвященной мистическому учению Аполлония Тианского, одного из идеологов рабовладельческого общества в Римской империи эпохи ее распада. Закончив в 1861 г. университетский курс, П. начинает активную работу в журнале «Русское слово» (до запрещения журнала в 1866 г.). Журнальное дело становится его призванием. Неотразимо сильное впечатление производит близкое знакомство с редактором «Русского слова» Г. Е. Благоветловым, публицистом и критиком, деятельным участником революционного движения 60 гг. «Первый труд, которым я зарекомендовал себя в глазах г. Благоветлова, — припомнил П., — был перевод поэмы Г. Гейне «Атта Троль» (III, 453). С Гейне, популярнейшим в России 60 гг. немецким поэтом, П. обнаружил несомненное родство души. Ругая незадачливых переводчиков Гейне, предлагавших искаженное и водянистое подражание оригиналу, сам П. стремится к предельной ритмической и идейно-смысловой точности в первом русском переложении поэмы.

Статьи П. в «Русском слове» быстро привлекли внимание читателей остротой мысли, бесстрашием авторской позиции, искренностью тона, полемическим духом. П. мечтает о таком взаимопонимании между читательской аудиторией и художественной литературой, при котором произведение будило бы в читателе «деятельность мозга», наталкивало на известный ряд идей. Встав на позиции философского материализма, П. провозглашает необходимость первоочередного решения социально-экономических проблем русской жизни. Критик «Русского слова» сознает, что просвещение народных масс ускоряет процесс революционного преобразования всего общества. С энтузиазмом, в духе идей Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова, П. разрабатывает программу взаимоотношений литератора и педагога с массовой аудиторией (статьи 1861 г. в «Русском слове» — «Несоразмерные претензии», «Народные книжки»). «Чтобы быть поэтом в деле народного образования, — пишет он, — надо стоять на одной почве с народом, надо горячо любить, и притом любить просто и без претензий, надо силою непосредственного чувства понимать и его невысказанное горе, и неосознанные надежды, и невыяснившиеся стремления» (I, 58—59). С негодованием относится П. к литераторам, питающим к народу высокомерную неприязнь, рисующим преимущественно тупых, бессердечных, равнодушных ко всему на свете «простолудинов» (I, 53). В начале 1861 г. П. ратует за преодоление естественных и искус-

ственных барьеров, отделяющих интеллигенцию от народа.

Взгляды П. на вопросы образования и воспитания оформляются в зрелую педагогическую систему, восходящую к революционно-демократическим воззрениям Белинского. Главный недостаток процесса обучения ребенка П. видит в заведомо пассивной позиции воспитуемого. Педагог, по его убеждению, должен стремиться прежде всего привести в надлежащую ясность духовные запросы своих питомцев. Гуманистические представления о воспитании П. распространяет и на литературно-критическую работу.

Формулируя методологические основы реальной критики, П. связывает ее деловой пафос с переломной в истории России эпохой, когда литературное произведение становится существенным поводом для обсуждения с читателем вопросов, «которые постоянно на очереди и которые человечество в каждом поколении решает и перерешает по-своему» (I, 78). Для юношей, вступающих в жизнь, устремляющихся к знаниям, общественной борьбе, «талантливый критик с живым чувством и с энергическим умом, критик, подобный В. Г. Белинскому, мог бы быть в полном смысле слова учителем нравственности» (I, 102—103).

В 1862 г. в № 3 «Русского слова» П. публикует статью «Базаров», по праву относящуюся к вершинным литературно-критическим выступлениям революционных демократов. Свою задачу П. видит в том, чтобы «обрисовать крупными чертами личность Базарова, или, вернее, тот общий, складывающийся тип, которого представителем является герой тургеневского романа» (II, 15). Критик открыто симпатизирует Базарову, его сильному, честному и суровому характеру. Со свойственной ему афористической чеканностью П. определяет свое отношение к Базарову и к его предшественникам в русской литературе: «...у Печоринных есть воля без знания, у Рудинных — знание без воли; у Базаровых есть и знания и воля, мысль и дело сливаются в одно твердое целое» (II, 21).

По утверждению критика журнала «Современник» М. А. Антоновича, резко высказанному в марте 1862 г. в статье «Асмодей нашего времени», «Отцы и дети» — пасквиль на молодое поколение 60 гг. и все симпатии И. С. Тургенева исключительно на стороне «отцов». П. же полагал совсем иначе: несмотря на явное несоответствие взглядов, привычек, стиля жизни, создатель Базарова понял своего героя «так верно, как не поймет ни один из наших молодых реалистов» (II, 26). П. видит в романе торжество непосредственной силы художественного таланта Тургенева, подлинно поэтической объективности, не оставляющей места намеренному своеволию и произволу. «Отцы и дети», считает П., способны внушить читателям глубокую симпатию к людям базаровского типа. Оценивая известную

нигилистическую односторонность Базарова, его неприятие поэзии, музыки, эстетических наслаждений, П. дает понять, что не разделяет этих заблуждений и считает их признаком «узкого умственного деспотизма» (II, 25).

В 1862 г. он создает памфлет, поводом к которому послужила брошюра Шедо-Ферротти (псевдоним Ф. И. Фиркса), написанная по заказу правительства и обращенная против А. И. Герцена, сочинения которого находились в России под строгим запретом. В исполненном негодования памфлете П. содержался призыв к свержению и физической ликвидации царствующего дома Романовых, к революционному насилию: «То, что мертво и гнило, должно само собой свалиться в могилу, нам останется только дать им последний толчок и забросать грязью их смердящие трупы» (II, 125—126). 2 июля 1862 г. П. был арестован и свыше 4 лет провел в Петропавловской крепости, в одиночном заключении. Через год после ареста он получил разрешение властей писать и печататься. Недюжинная сила воли, настойчивая поддержка матери, участие единомышленников по журналу помогли П. выстоять, духовно одолеть тюрьму. Именно здесь им были написаны статьи, которые получили огромный общественный резонанс и принесли критику «Русского слова» настоящую литературную славу, известность дерзкого и пылкого полемиста, не признающего ничьих авторитетов, глашатая радикально-демократических идей молодого поколения России.

В эти годы П. мечтает об универсальном выходе из драматической в истории своего народа ситуации (после 1861 г. надежды на скорую крестьянскую революцию в России были утрачены) и видит этот выход в осознательно полезной и активной научно-практической деятельности, в пробуждении интереса к точным, эмпирическим, естественно-научным знаниям. Для П. в данных социально-исторических условиях занятия точными науками — не самоцель, но средство подлинного раскрепощения человека, способ улучшения материального положения трудящихся масс. Быть полезным, проповедует П., — значит стать чернорабочим просвещения, участником долгого, трудного и столь необходимого забитой и темной России просветительского дела. П. испытывает на себе заметное влияние социально-философских идей позитивизма в духе Генри Томаса Бокля, механистического материализма Якоба Молешотта. Разнообразие духовных и материальных потребностей людей П. очень часто и прямо начинает сопрягать с чисто физиологическими, биологическими нуждами человеческого организма, обнаруживая нигилистическое отношение к явлениям культурной жизни, далеким от непосредственной утилитарности.

Ради выяснения и утверждения своих принципиальных позиций П. не останавливается перед самой резкой, нелицеприятной критикой.

Достается и врагам, и своим. В статье «Цветы невинного юмора» (1864) П. дает крайне несправедливую характеристику сатирическим очеркам М. Е. Салтыкова-Щедрина «Невинные рассказы» и «Сатиры в прозе», обвиняя сатирика в увлечении «чистым искусством», в создании «беспредметного и бесцельного» комизма, в смехе «ради пищеварения» (II, 348) и т. п. В 1863—1864 гг. П. участвует в ожесточенной полемике с журналом «Современник». Полемика (о тактике демократических сил в пореформенную пору), переходившая на личности и подчас напоминавшая болезненно-резкую перебранку, названа была Ф. М. Достоевским «расколом в нигилистах» (Полн. собр. соч.— Л., 1980.— Т. 20.— С. 102).

С предельно прагматических позиций подошел П. и к оценке драмы А. Н. Островского «Гроза». Статья П. «Мотивы русской драмы» (1864) ставит целью опровергнуть известный взгляд Добролюбова на Катерину Кабанову. П. остается глух к высокой духовной трагедии героини Островского. В отмеченных и других статьях давал заметную осечку способ анализа, при котором художественное произведение становилось лишь поводом для собственных публицистических построений критика. Добролюбов в 1860 г. в статье «Луч света в темном царстве» отметил пронзительную совесть и бескомпромиссность Катерины, П., исходя из собственного понимания конкретных проблем новой поры, наступившей после крушения революционной ситуации, полагает, что главный признак по-настоящему светлого явления — сильный и развитый ум, стремление к точным знаниям. По мнению П., подлинный герой нового исторического периода — молодой реалист-разночинец, обратившийся к естественнонаучным занятиям: решительное слово в современной русской общественной жизни надо ждать не от Катерины, а от Евгения Базарова.

Осенью 1864 г. появляется знаменитая работа П. «Реалисты» (журнальный вариант названия «Нерешенный вопрос». — Русское слово. — № 9—11), в которой молодым современникам предлагается развернутая программа «полезной работы», учитывающая, по мысли П., истинные потребности русского общества. С понятием «реализм» в 60 гг. связывается поворот людей науки и искусства к суровой правде жизни, к созидательной работе ради народного блага. Умственный потенциал общества, полагает П., чрезвычайно низок, и его надо поднимать во что бы то ни стало; сделать это должны сверстники П., «люди непреклонной энергии, железного терпения и неутомимого трудолюбия» (III, 37). П. настаивает на том, чтобы всеми силами увеличивать число мыслящих людей в тех сословиях русского общества, которым доступ к образованию уже открыт, т. е. в первую очередь разночинцам: «Если вы хотите образовать народ, возвышайте

уровень образования в цивилизованном обществе» (III, 123). П. вновь обращается к образу Базарова, уже не столько имея в виду непосредственный разговор с читателем о романе Тургенева, сколько полемически откликаясь на выступление «Современника» по поводу «Отцов и детей». Роман дает предлог адресоваться ко всему «цивилизованному» русскому обществу с подробным изложением программы реалистов. Одновременно П. отчетливо заявляет об уважении к традициям своих предшественников, Чернышевского и Добролюбова. Их журнал «Современник» он именует «лучшим журналом, когда-либо существовавшим в России» (III, 132). Полемизируя с критиком «Современника» М. А. Антоновичем, П. настойчиво поддерживает такие свойства базаровской природы, как искренность и честность, строгую разумность, отвращение к красивой фразе. О Базарове П. говорит так взволнованно, лирически проникновенно, что многие страницы статьи (о трагическом одиночестве Базарова, о противоречивых состояниях духа тургеневского героя) воспринимаются как исповедальные. «Реалисты» — статья-манифест, проникнутая призывом отвлечься от всяческой болтовни и взяться за полезные стране, реальные дела. Странник откровенного культа практики, П. в развитии естественных и математических дисциплин видел мощное средство обновления всего отечественного социального организма. Односторонность предложенного им «химического» (в отличие от «механического», т. е. революционного) пути вынуждена, и вместе с тем беспорочен вклад П. в распространение в России дарвинизма, в популяризацию основ биологии, точных наук на математической основе. К. А. Тимирязев так оценил естественнонаучную пропаганду П.: «По образованию филолог, дилетант в естествознании, знакомом ему только из книг, увлекающийся, но зато и увлекавший, Писарев выступил убежденным защитником культурной задачи естествознания вообще и в современном русском обществе в особенности» (Соч. — М., 1939. — Т. VIII. — С. 175). П. Россия во многом обязана тем, что именно в 60 гг. был разбужен пылкий интерес молодежи к различным областям точных знаний.

В «Реалистах», а в 1865 г. в статьях «Пушкин и Белинский», «Разрушение эстетики», «Посмотрим!» и др. выступлениях П. упорная пропаганда естественных наук все явственнее сочетается с отрицательным отношением к дисциплинам умозрительным, не достигшим «научной твердости и определенности» (III, 138), основанным не на строго объективной, а на языко-вкусовой, размытой почве. П. судит Онегина, Ленского, Лариных, их быт и нравы, характер их взаимоотношений с откровенными позициями плебей-демократа, «внимательного и недоверчивого читателя» (III, 310). К поэтической строке П. сознательно подходит с анатомическим скальпелем

и оценивает ее как обычную фразу из научной и деловой речи. С убийственной иронией он переосмысливает пушкинский роман и лирические стихотворения, избирая позицию простодушного букавалюста-комментатора, то и дело влетающего в прозаическую речь цитаты, извлеченные из пушкинского стихотворного строя. Строки, словосочетания и отдельные слова, изъятые из естественной поэтической среды, вовлекались в деланно наивный и внутренне саркастический ход рассуждений критика.

Отступая от эстетико-материалистических завоеваний Чернышевского и Добролюбова, П. не раз утверждал, что художественное творчество — не что иное, как иллюстрация придуманной автором мысли, расцвечивание и раскрашивание изначально добытой или взятой напрокат идеи. Высмеивая напыщенные речи о поэтах как о «высших натурах», как о «привилегированной касте жрецов Аполлона» (в противовес «низким или обыкновенным натурам» читателей), о художнике-полубоге, на высоком челе которого «горит печать его высокого призвания», и т. п., низвергая «эстетический мистицизм», которым, как несправедливо считал П., был глубоко заражен Белинский и от которого не совсем уберется даже Добролюбов (III, 369), критик «Русского слова» предлагал достаточно прямолinéйные объяснения «механизма» художественного творчества: «...тот человек, которого мы называем поэтом, придумывает какую-нибудь мысль и потом втискивает ее в придуманную форму» (III, 370).

Высоко оценил П. роман Чернышевского «Что делать?». В статье 1865 г. «Мыслящий пролетарият» (журнальный вариант заглавия «Новый тип») П. определил основной пафос новаторской книги Чернышевского: «Все симпатии автора лежат безусловно на стороне будущего; симпатии эти отдаются безраздельно тем задаткам будущего, которые замечаются уже в настоящем. Эти задатки зарыты до сих пор грудой общественных обломков прошедшего, а к прошедшему автор, конечно, относится совершенно отрицательно» (IV, 9). П. с восхищением говорит о романе Чернышевского, о его революционно-просветительской программе, способной заразить читателей жаждой активного переустройства жизни, открыть им глаза на свою собственную роль в борьбе за будущее, внушить надежду на успех. Страницы романа «Что делать?», посвященные описанию мастерской Веры Павловны, П. в полном согласии со своей реалистической теорией полезных дел относит к числу «самых замечательных мест» во всем произведении: «...этой стороною роман «Что делать?» может произвести столько деятельного добра, сколько не произвели до сих пор все усилия наших художников и обличителей» (IV, 26). Особую цену в устройстве мастерской Веры Павловны имеет, по мысли П., для современников принцип равного между

всеми работниками распределения прибыли, которая «потом расходовалась самым экономным и расчетливым образом» (IV, 26). Чернышевский, говорит П., открыл читателям принципиально новый строй мысли своих любимых героев, светлый мир их искренних чувств и переживаний. У новых людей ум и чувство находятся в постоянной гармонии. Заключительную часть статьи П. посвящает «титанической фигуре» Рахметова. Приветствуя появление этого необыкновенного героя в романе (и в русской литературе), П. вместе с тем замечает, что аскетизм Рахметова, его нарочитый отказ от многих естественных жизненных благ логически далеко не безупречны в обыкновенное время спада революционной активности масс: «Принимать самого себя за исключение и ставить себя выше человеческих потребностей и вне общих физиологических законов во всяком случае не рационально» (IV, 45). Эти замечания критик, однако, готов посчитать излишними и даже вовсе не состоятельными, если приходит пора революционного взрыва. «В обыкновенное время, когда господствует невозмутимая рутина, когда тянутся скучные и томительно длинные исторические антракты, силам Рахметова нет приложения» (IV, 47).

Освобожденный 18 ноября 1866 г. по амнистии, П. поначалу пробует продолжить работу с прежними своими единомышленниками (Благосветлов после закрытия в мае 1866 г. «Русского слова» основал в том же году новый «учено-литературный» радикально-демократический журнал «Дело»), но вскоре все более определенно и бесповоротно расходится с ними из принципиальных идейных соображений. Предлогом для разрыва послужило недостаточно учтвое отношение Благосветлова к М. А. Маркович (псевдоним — Марко Вовчок), троюродной сестре П., широко известной в ту пору писательнице, которую П. нежно и горячо полюбил и с которой был неразлучен до конца своих дней.

Выйдя из Петропавловской крепости, П. переоценивает многое из того, во что еще недавно неистово верил: время открывало новый угол зрения на общественно-историческую перспективу развития России; нигилистическая проповедь утилитарных идей обнаруживала свою недостаточность. В статье «Борьба за жизнь» (1-я часть опубл. в журнале «Дело» (1867.— № 5); 2-я часть под названием «Борьба за существование» напечатана в «Деле» в 1868 г., после смерти автора), посвященной роману Достоевского «Преступление и наказание», П. сосредоточился на выяснении истоков совершенной Раскольниковым «пробы», на осмыслении ее социально-психологической и нравственной природы.

Главная причина, которая привела Раскольникова к мысли об убийстве, а потом и к кровавому делу, по заключению П., — подавляющая бедность молодого человека, его отчаянное оз-

лобление. Сам общественный уклад, социальная безысходность вынуждают героя Достоевского стать убийцей. П. определил свое принципиальное отношение к «теории» Раскольникова о необыкновенных людях, имеющих внутреннее право решать себе любые кровопролития во имя высокой цели, для пользы дела, и о «тварях дрожащих», т. е. о массе обыкновенных людей. Чтобы рассеять любые кривотолки о том, что пролитие крови способствует в некоторых чрезвычайных социально-исторических обстоятельствах прогрессу, П. замечал с совершенной ясностью, не допуская никакой компромиссов: «Кровь льется совсем не для того, чтобы подвигать вперед общее дело человечества; напротив того, это общее дело подвигается вперед, несмотря на кровопролития, а никак не вследствие кровопролития...» (IV, 347). Речь шла о соответствии исторических целей и средств их достижения. Настоящие революционеры-гуманисты, по убеждению П., никогда не утверждают своего права на насилие, не могут быть ни при каких поворотах событий любителями и виновниками кровопролития: «Доказать, что какой-нибудь исторический деятель был страшным кровопроливцем, то есть что действительно кровь лилась по его личному желанию и распоряжению, а не вследствие тех обстоятельств, среди которых он был поставлен и над которыми он был не властен, — значит доказать тем самым, что этот деятель был врагом человечества и что его пример ни для кого и ни для чего не может служить оправданием» (IV, 347). П. непредвзято взглянул на истоки «дела» и идей Раскольникова с позиций революционных демократов, тех, с кем страстно спорил в романе Достоевский, кого он опровергал, но опровергнуть до конца не мог, словно бы чувствуя относительную правоту своих оппонентов. Анализ социально-политических и общественно-психологических обстоятельств жизни России конца 60 гг. подвигал П. к новым ответам на насущный вопрос времени: что делать?

В заточении П. представлялось, что судьба России целиком заключена в руках интеллигентов-разночинцев. В статьях последнего периода зазвучали принципиальные для П. идеи, связанные с непосредственным участием народных масс в историческом строительстве («Французский крестьянин в 1789 году» — отклик на исторический роман французских писателей А. Шатриана и Э. Эркмана «История крестьянина 1789 года»; название в русском переводе Марко Вовчок — «На рассвете»). Напоминая о событиях французской революции XVIII в., П. размышляет о роли народа, поднимающегося на борьбу за новую жизнь. Не революция для народа, но революция силами народными способна по-настоящему обновить жизнь — это был важный социально-политический итог, к которому пришел П.: французский народ был подготовлен к своему политическому пробуждению «низши-

ми слоями буржуазии», т. е. разночинцами, которые щедро делились с рабочими плодами своих размышлений, внося в темную жизнь народа «луч света» (IV, 422). Появление в статье 1867 г. известного добролюбовского образа не случайно: отказав в свое время Катерине Кабановой в праве быть причисленной к светлым явлениям русской жизни, знаменующим ее грядущее обновление, П. теперь не столь опрометчив и категоричен в публицистических выводах. Неустанная работа Базаровых, серьезные занятия естественными науками многое могут дать народу, но без народа Базаровы бессильны и обречены — таков был плодотворный ход раздумий П. о ведущих закономерностях общественной борьбы.

В начале 1868 г. П. принимает приглашение Н. А. Некрасова сотрудничать в обновленных «Отечественных записках» и публикует (без подписи) ряд статей и рецензий («Романы Андре Лео», «Старое барство», «Война и мир». Соч. гр. Л. Н. Толстого», «Мистическая любовь»). В рецензии на романы Андре Лео П. замечает, что самой здоровой в жизни средой является «простой народ, тот народ, который зарабатывает себе насущный хлеб тяжелою и черною работою». П. ставит трудный вопрос, на который ответит уже новое поколение революционеров 70 гг.: «Можно ли действительно уйти в эту среду?.. Не похоже ли это удаление от образованного общества в народ на удаление с моста, головой вперед, в самый омут глубокой и быстрой реки?» (Отечественные записки. — 1868. — № 2. — Отд. II. — С. 240). Существенным для эволюции мировоззрения П. был итог: «Лучшее будущее... начнется тогда, когда народ возвысится до самосознания и до самоуважения» (Там же. — С. 240). П. предсказывает социально-историческое явление, которое очень скоро, в 70 гг., будет наречено «хождением в народ».

Творческий путь П. оборвался внезапно: в конце июня 1868 г. он с М. А. Маркович и ее сыном Богданом приехал на отдых в Дубельн под Ригой и погиб во время купания в Балтийском море. Похоронен на Волковом кладбище в Петербурге. «Блестящая и подававшая большие надежды звезда исчезает, унося с собой едва развившиеся таланты, покидая едва начатое литературное поприще», — писал А. И. Герцен в «Колоколе» 15 сентября 1868 г. (Собр. соч. — Т. XX. — Кн. I. — С. 376—377).

П. встречал на своем пути не только друзей и единомышленников, но и немало озлобленных врагов. Ярые недруги не раз предрекали ему скорое и прочное забвение. Время не только не стерло память о П., но прошли десятилетия, и русские марксисты назвали его имя в ряду своих славных предшественников. Н. К. Крупская вспоминала: «Писарева Владимир Ильич в свое время много читал и любил» (В. И. Ленин о литературе и искусстве. — 7-е изд. — М., 1986. — С. 435). П. и сегодня подкупает юношеским

максимализмом, идейной страстностью, истинно рыцарским благородством. И в заблуждениях своих он искренен, честен и красив. П. энергично восстает против умственного деспотизма, инерции мысли, самоуспокоенности. Не утрачивают живого интереса его мысли о нравственном и физическом воспитании и самовоспитании личности, о решающей роли труда в становлении молодого характера (статья «Наша университетская наука», «Школа и жизнь»).

Соч.: Соч.: В 10 ч. — Пб., 1866—1869; Полн. соч. собр.: В 6 т. — Пб., 1894—1907; Соч.: В 4 т. — М., 1956.

Лит.: Скабичевский А. Д. И. Писарев // Отечественные записки. — 1869. — № 1—3; Засулич В. И. Д. И. Писарев и Н. А. Добролюбов // Д. И. Писарев и Н. А. Добролюбов: Сб. ст. — П.: Пб.: Т., 1907; Казанович Е. Некрасов и Писарев // Печать и революция. — 1925. — № 1. — С. 79—95; Шелгунов Н. В. Сочинения Д. И. Писарева // Лит. наследство. — 1936. — Т. 25—26. — С. 398—418; Козьмин Б. Материалы для биографии Д. И. Писарева // Записки Отдела рукописей Библиотеки СССР им. В. И. Ленина. — 1940. — Вып. 9. — С. 35—50; Бухштаб Б. Я. Д. И. Писарев: Указатель основной литературы. — Л., 1940; Воронский В. В. Д. И. Писарев // Воронский В. В. Литературно-критические статьи. — М., 1956; Шишкина А. Н. Писарев // История русской литературы. — М.; Л., 1956. — Т. VII. — Ч. 1; Герцен А. И. Собр. соч. — М., 1960. — Т. XX. — С. 335—350, 377, 669—670; Плоткин Л. Д. И. Писарев. Жизнь и деятельность. — М.; Л., 1962; Кузнецов Ф. Журнал «Русское слово». — М., 1965; Ильин В. В. Писарев и Пушкин. — Смоленск, 1972; Туниманов В. Принципы реальной критики. Эволюция Писарева в 1860-е годы // Вопр. лит. — 1975. — № 6. — С. 153—185; Коротков Ю. Н. Писарев А. М., 1976 (Жизнь замечательных людей); Лебедев А. А. Мыслящий пролетариат Писарева. — М., 1977; Виноградов И. Испытание Писаревым // Лит. учеб. — 1979. — № 5; Прозоров В. В. Д. И. Писарев. Книга для учителя. — М., 1984; Лурье С. Литератор Писарев. Роман. — Л., 1987. В. В. Прозоров

ПИСЕМСКИЙ, Алексей Феофилактович [11(23). III.1821 (по другим источникам — 10(22). III. 1820), с. Раменье Костромской губ. — 21.I(2.II). 1881, Москва] — прозаик, драматург. Родился в небогатой дворянской семье. С 1834 по 1840 г. учился в Костромской гимназии. П.-гимназист увлекался романтической литературой и сам пробовал писать. В 1840 г. поступил на математическое отделение Московского университета. В студенческие годы его интерес к литературе углубляется, он много читает, знакомится с творчеством западноевропейских писателей, пересматривает свое отношение к романтизму и становится жарким поклонником Н. В. Гоголя и В. Г. Белинского. После окончания университета (1844) П. вернулся в родные места и в течение нескольких лет был чиновником в Костроме. Случайные поездки по Костромской губ. дали П. неоценимый материал для творчества. Выйдя в отставку, он в 1854 г. переехал в Петербург.

В литературе П. дебютировал рассказом «Нина» (1848), но громкую известность ему принесла повесть «Тюфяк» (Москвитянин. — 1850. — Ч. V. — № 19—20; — Ч. VI. — № 21). Его имя было поставлено в один ряд с именами И. С. Тургенева, И. А. Гончарова и А. И. Островского. П. вошел в литературу в период господства

в ней «натуральной школы». И хотя до 1853 г. он был близок к «молодой редакции» «Москвитянина» (А. Н. Островский, А. А. Григорьев, Б. Н. Алмазов, Е. Н. Эдельсон, Т. И. Филиппов) и не входил в содружество писателей, объединявшихся вокруг «Отечественных записок», его творческие установки оказались созвучны принципам «натуральной школы».

Сюжеты своих первых произведений — романов «Боярщина» (первоначальное название «Винвата ли она?», завершен в 1846 г., напечатан в 1858 г. в «Библиотеке для чтения») и «Богатый жених» (1851), повестей «Тюфяк», «Брак по страсти» (1851), «М-г Батманов» (1852), рассказов «Комик» (1851), «Фанфарон» (1854), «Старая барыня» (1857) — П. черпал из жизни средневорьянского круга. Эта среда для П. была совершенно лишена ореола привлекательности. Он безжалостно разрушал поэзию дворянских гнезд, воспетую Тургеневым и Л. Толстым. Не только родственные, дружеские, имущественные отношения дворянства выглядят в произведениях П. в высшей степени неприглядно, но даже настоящей любви нет места в этом обществе. Ее заменяют или холодная светская игра, или прямой обман. В духе эстетики «натуральной школы» П. сосредоточил внимание на изображении будничной, прозаической жизни обыкновенных людей.

Интерес к среднему, рядовому человеку, безжалостно критическое отношение к нему и к его жизни привели писателя к отказу от традиционного «положительного героя» (по крайней мере, среди центральных персонажей). Изобразив изнанку дворянской жизни, П. показал ее массового героя без ореола исключительности. Враг всякой идеализации, фальши, «напряженности», он отказал русской провинции в таком герое, который бы по праву возвышался над толпой. Поэтому у него часты снижающие параллели к образам «положительных» героев, созданных другими писателями: Бахтияров в «Тюфяке» — «разоблаченная претензия на Печорина» (Письма. — С. 35), Эльчанинов в «Боярщине» и Шамилов в «Богатом женихе» — «мелкие представители рудинского типа» (Писарев Д. И. Соч.: В 4 т. — М., 1955. — Т. I. — С. 218).

Кроме темы морального осуждения помещичьего класса, П. разрабатывал и другие важные для «натуральной школы» темы. В рассказе «Старческий грех» (1861) он с большим сочувствием изобразил трагическую судьбу «маленького человека», мелкого чиновника Иосафа Феропонтова, всю жизнь честно служившего и на старости лет растратившего казенные деньги из-за молодежьей авантюристки, в которую он влюбился. Проблема положения женщины в обществе является основной в романе «Боярщина» и в повести «Винвата ли она?» и входит в проблематику «Тюфяка» и «Брака по страсти».

Значительную группу произведений П. 50 —

нач. 60 гг. составляют рассказы и повести из жизни крестьян: «Питерчик» (1852), «Леший» (1853), «Плотничья артель» (1855), «Батка» (1861). И в них писатель сохраняет свой сурово-беспощадный взгляд на русскую действительность. П., который «по своему характеру и своим симпатиям сам был из народа» (Анненков в П. В. Литературные воспоминания. — М., 1983. — С. 497), не отягощен чувством вины перед страдающим меньшим братом, и в этом отношении его позиция близка писателям разночинно-демократического лагеря (Н. В. и Г. И. Успенским, В. А. Слепцову, А. И. Левитову, Ф. М. Решетникову). Можно сказать, что П. является их ближайшим предшественником в сфере изображения народной жизни. Жизнь крестьянского мира у П. не монолитна, ее разрезают внутренние противоречия. Наряду с конфликтом барин — мужик тут постоянно возникают и конфликты между мужиками («Плотничья артель», «Батка»). П. одним из первых в русской литературе раскрыл трагизм народной жизни и, создав пьесу «Горькая судьбина» (Библиотека для чтения. — 1859), доказал право человека из народа быть героем истинной трагедии.

К драматургии П. обращался уже в нач. 50 гг. Его первая пьеса «Ипохондрик» (1852) сюжетно перекликалась с «Женитьбой» Гоголя. Вторая — «Раздел» (1853) — была типичным произведением «натуральной школы» и обнаруживала связь с комедией Тургенева «Завтрак у предводителя».

В 1856 г. П. по заданию морского министерства несколько месяцев находился в литературно-этнографической экспедиции в Астрахани. Его целью было исследование быта жителей, занимающихся морским делом и рыболовством. Результатом поездки явились напечатанные в 1857 г. в «Морском сборнике» очерки «Астрахань», «Бирючья коса», «Баку», «Ток-Карагандинский полуостров и Тюленьи острова». В 1857—1860 гг. в «Библиотеке для чтения» П. опубликовал еще три очерка: «Татары», «Астраханские армяне», «Калмыки». Впоследствии все они были объединены в цикл «Путевые очерки».

Своеобразным итогом первого десятилетия литературной деятельности П. явился роман «Тысяча душ» («Отечественные записки». — 1858. — № 1—6) — вершина творчества писателя. В отличие от большинства последующих романов П., «Тысяча душ» — произведение, безукоризненное с точки зрения архитектоники. Действие сконцентрировано вокруг главного героя — Калиновича. Его отношения с Настенькой и история служебной карьеры составляют две главные линии романа, тесно между собой связанные: на их пересечении лежит основной нравственный конфликт произведения. Писатель утверждает активность на общественном поприще и в устройстве личной судьбы, но он против практицизма, убивающего в человеке душу, превращающего его в меха-

низм. Основным в романе является вопрос о возможности честной практической деятельности в условиях крепостнической России. Крах Калиновича-губернатора — лучшее доказательство невозможности пробить брешь в царском бюрократическом аппарате, в системе которого не место честному деятелю. Последовательный критицизм писателя в отношении русской действительности не ослаблен в этом романе тем в значительной степени искусственным идеалом национальной самобытности и здравого смысла, который был характерен для многих его рассказов и повестей.

До начала 60 гг. П. играл заметную роль в русской литературе. Конец 50 гг., по общему признанию современников писателя, — вершина славы и популярности П. у русской читающей публики. Ф. М. Достоевский в 1864 г. еще пишет о «колоссальном литературном имени» П. (Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. — Л., 1985. — Т. 28. — Кн. II. — С. 102).

В нач. 1860 г. П. становится ответственным редактором «Библиотеки для чтения», которую с 1857 г. он редактировал совместно с А. В. Дружининым. В 1861 г. он печатает в этом журнале серию фельетонов «Мысли, чувства, воззрения, наружность и краткая биография статского советника Салатушки», а затем в том же году еще ряд фельетонов за подписью *Никиты Безрылова*. Публицистика П. была полна грубых выпадов в адрес революционно-демократической журналистики — «Искры» и «Современника», в котором П. раньше сотрудничал. Редакторы «Искры» В. С. Курочкин и Н. А. Степанов вызвали П. на дуэль, однако она не состоялась. Оставив работу в «Библиотеке для чтения», П. в апреле 1862 г. уехал за границу. В июне он был в Лондоне и виделся с А. И. Герценом, но не получил у него желанной поддержки в своей борьбе против революционно-демократических журналов. Вернувшись в Россию, П. печатает в журнале «Русский вестник» тенденциозный роман «Взбаламученное море» (1863), в котором стремится показать крах надежд на революционное обновление России. Столкнув в этом романе представителей разных общественных сил, борющихся друг с другом в период проведения крестьянской реформы, П. отдал предпочтение сторонникам идеала русской национальной самобытности, которые, по мнению писателя, сохранили «здоровый смысл» и не потеряли своего лица в сложной, противоречивой действительности 60 гг. Все остальное П. считал временным наваждением и ложью.

В 60—70 гг. П. утратил свое былое влияние в литературе, хотя продолжал плодотворно работать. Ведущими жанрами его творчества стали драма и роман, в отличие от первого периода, когда преобладали рассказ и повесть. В 60 гг. П. создал драматическую диологию «Бывшие соколы» (1864) и «Птенцы последнего слета» (1865),

политическую драму «Бойцы и выжидатели» (1864), исторические пьесы «Самоуправцы» (1865; напечатана в 1867 г.), «Поручик Гладков» (1867), «Милославские и Нарышкины» (1867). Пьесы П. не свободны от мелодраматических и натуралистических элементов. Для них характерны острые ситуации, бурные страсти, столкновение сильных характеров. В пьесах 70 гг. «Ваал» (1873), «Хищники» («Подкопы», 1873), «Просвещенное время» (1875), «Финансовый генерал» (1876) писатель обращается к теме буржуазного хищничества, в котором он видит главное зло современной жизни. Пьесы П., кроме «Горькой судьбины», не стали заметным явлением русской драматургии. Его пореформенные романы — явления неизмеримо более крупные, чем пьесы этого периода.

Не удовлетворившись тем идеалом национальной самобытности и здравого смысла, который он выработал в дореформенный период, писатель продолжил поиски положительных начал русской жизни в романах «Люди сороковых годов» («Заря», 1869), «В водоворот» («Беседа», 1871), «Мешане» («Пчела», 1877), «Масоны» («Огонек», 1880). Все романы П. — романы краха иллюзий. Исключение составляет только роман «Люди сороковых годов», герой которого Вихров, наделенный автобиографическими чертами, борется со злом и как писатель, и как чиновник и верит в успех своей деятельности. Писатель подвергает проверке самые различные идеалы и приходит к выводу о том, что, как бы ни были они хороши сами по себе, в современной русской действительности нет контактов между высокими идеями и практической жизнью. Это относится и к «Тысяче душ», и к роману-памфлету «Взбаламученное море».

Центральный герой пореформенных романов П. далек от того типа среднего, ничем не выдающегося человека, который интересовал писателя в повестях и рассказах дореформенного периода. По мере движения от романа к роману в нем усиливаются черты положительного героя, романтика, идеалиста, борющегося за свой идеал. От Калиновича, героя «Тысячи душ», являющегося, несомненно, незаурядной личностью, этих героев отличает идеальность стремлений, отсутствие в их поступках личной корысти и высокие нравственные принципы, не позволяющие идти ни на какие компромиссы. На первый взгляд может показаться, что П., начав с решительного снижения образа дворянского героя, постепенно изменил свое отношение к нему и отказался от принципа дегероизации. Однако это не так. Напротив, в романах П. еще убедительнее, чем в рассказах и повестях 40—50 гг., показывает несостоятельность дворянского героя. Изобразив лучших, с его точки зрения, представителей дворянства, которым чужда словесная ограниченность интересов, которые готовы, презрев все опасности, бороться за справедливость, писатель

подводит читателя к выводу о бессилии этих рыцарей чести изменить к лучшему русскую действительность.

Подвергнув тщательному и беспристрастному анализу жизнь русского дворянства, П. с беспощадной правдивостью показал, что дворянский герой не состоялся. Логика действительности и собственных творческих поисков неизбежно вела П., так же как и Тургенев, к созданию образа разночинца в романе «Отцы и дети». П. несколько лет спустя создал один из самых обаятельных в его творчестве образов — образ нигилистки Елены Жиглинской («В водовороте»). Писатель восхищен человеческими качествами своей героини, но избранный ею путь считает ошибочным. Поэтому вопрос о путях преобразования русской жизни остается в его творчестве без ответа.

В отличие от Л. Толстого, Достоевского, Лескова, П. не возлагал больших надежд на нравственное возрождение человечества. Он стремился к конкретным практическим преобразованиям современной действительности и не мог удовлетвориться отвлеченным нравственным идеалом. Но и такого идеала, с помощью которого можно было бы исправить ежедневную практическую жизнь людей, основать ее на справедливых, разумных началах, П. найти не мог. Испытав все идеалы, он пришел в выводу о несовместимости идеала и действительности и понял это как вечный закон, лежащий в природе общества и человека.

По сравнению с Л. Толстым и Достоевским, П. больше интересуется практическая, бытовая сфера жизни. Однако он ею не ограничивается. Традиционная любовная интрига предстает у П. не в камерно-бытовом плане, а в тесной зависимости от всех остальных сфер жизни героя — прежде всего духовной и общественной. В ней отражаются борьба и противоречия большого мира. В «Тысяче душ» любовь Калиновича и Настеньки основана на тесном духовном родстве. Калинович находит в Настеньке женщину, которая не только любит его, но и сочувствует его общественным идеалам, разделяет его мысли о современной русской жизни, его литературные симпатии. В истории брака Калиновича с Полиной отразилась неравная борьба героя с дворянским обществом. Для кн. Григорова («В водовороте»), тщетно искавшего путей социальных преобразований, любовь к революционерке Елене Жиглинской связана с последней надеждой встать в ряды борцов за новую жизнь. Трагедия любви Бегушева («Мещане») заключается в том, что он не может вырвать свою возлюбленную из-под власти «Таганки и Якиманки», которые олицетворяют в романе буржуазное хищничество и мещанскую бездуховность. В романе «Масоны» любовь Марфина и Сусанны — это чисто духовное единение людей, борющихся вместе за просветление душ.

Широк временной диапазон романов П. В них

не только современность, но и история России. Обращаясь к 40—50 гг. («Люди сороковых годов») и к еще более раннему времени — 20—30 гг. («Масоны»), писатель пытается извлечь из прошлого уроки для настоящего. В «Людах сороковых годов» он прослеживает историю поколения, которое, по его мнению, подготовило крестьянскую реформу. В отличие от героев герценовского «Былого и дум», это не поклонники идей Белинского, не передовые люди своего времени, а более умеренный по взглядам слой интеллигенции. В «Масонах» показана та же борьба между духовным и меркантильным началами в жизни русского общества, что и в «Мещанах». И хотя она тоже оканчивается поражением честного, бескорыстного борца за справедливость масона Марфина и победой разбогатевшего преступника Тулузова, в «Масонах» нет той безнадежности, которая отличает «Мещан». Борьба Марфина оставила светлый след в обществе, сплотила всех честных людей.

Творческие принципы П. обнаруживают близость к эстетике Э. Золя. Натуралистические тенденции становятся особенно заметны в пореформенных романах писателя. Стремясь как можно шире охватить русскую действительность, П. перенасыщает роман действующими лицами, побочными сюжетами, деталями быта. Социально-психологический роман того типа, который на Западе создал Золя, плохо прививался на русской почве. Русский реалистический роман пореформенного периода пронизан пафосом борьбы за гуманистические идеалы, верой в возможность их победы. П. разводят скептицизм и неверие.

Сила П. — в отрицании. Но на одном отрицании трудно строить большую жанровую форму, требующую от писателя законченной концепции современной жизни. Поэтому художественной вершиной пореформенного творчества П. стали не романы, а цикл рассказов «Русские лгуны» (Отечественные записки. — 1865), в котором писатель с блеском, остроумно и едко высмеял беспотолковость дворянской жизни и показал обреченность дворянства как социальной силы.

Путь П.-романиста прошел в стороне от большой дороги развития русского реалистического романа, хотя он имеет продолжателей в лице Д. Н. Мамина-Сибиряка, А. К. Шеллера-Михайлова и нек. др. писателей 80—90 гг. XIX в. Но что касается жанров рассказа и повести, то о П. можно говорить как о предшественнике таких мастеров этих форм, какими явились Н. С. Лесков и А. П. Чехов.

Соч.: Полн. собр. соч.: В 24 т. — Пб.: М., 1895—1896; Собр. соч.: В 9 т. / Вступ. ст. М. П. Ерещина. — М., 1959; Письма / Подгот. текста и коммент. М. К. Клемана и А. П. Могиланского. — М.: Л., 1936.

Лит.: Дружинин А. В. «Очерки из крестьянского быта» А. Ф. Писемского // Библиотека для чтения. — 1857. — № 1; Чернышевский Н. Г. «Очерки из крестьянского быта» А. Ф. Писемского // Современник. — 1857. — № 4; Григорьев А. А. Реализм и идеализм в нашей литературе (по поводу нового издания сочинений Писемского и Турге-

нева) // Светоч.— 1861.— № 4; Шелгунов Н. В. Люди сороковых годов // Дело.— 1869.— № 9—12; Скабичевский А. М. А. Ф. Писемский, его жизнь и литературная деятельность.— Пб., 1894; Иванов И. И. Писемский.— Пб., 1898; Евнин Ф. И. А. Ф. Писемский.— М., 1945; Пруцков Н. И. Русский роман 40—50-х годов // История русского романа.— М.; Л., 1962.— Т. 1; Лотман Л. М. Писемский-романист // История русского романа.— М.; Л., 1964.— Ч. 2; Пустовойт П. Г. А. Ф. Писемский в истории русского романа.— М., 1969; Видуэцкая И. П. А. Ф. Писемский // Развитие реализма в русской литературе.— М., 1973.— Т. 2.— Кн. 1; Плеханов С. Н. Писемский.— М., 1988.
И. П. Видуэцкая

ПЛЕТНЁВ, Петр Александрович [10(21).VIII.1792, Тверь; по его собственной записи в альбоме П. И. Кеппена, родился 15.VIII.1792 в Тверской губ.— 29.XII.1865 (10.I.1866), Париж; похоронен в Петербурге] — поэт, критик, издатель. Сын священника. Первоначальное образование получил в Тверской духовной семинарии. В 1810—1814 гг. учился в Педагогическом институте.

В 1814 г. началась блестящая педагогическая карьера П.: он служит в Екатерининском и Патриотическом институтах, в военных учебных заведениях. По рекомендации В. А. Жуковского с 1828 г. преподает литературу наследнику престола Александру II и великим князьям. С 1832 по 1849 г. П.— профессор русской словесности Петербургского университета, читает лекции и в Главном педагогическом институте. С 1840 по 1861 г. П.— ректор Петербургского университета, с 1841 г.— член Петербургской Академии наук. Однако П. не был ученым академического склада, «это был наставник старого времени, словесник, не ученый, но по-своему мудрый» (Тургенев И. С. Литературный вечер у П. А. Плетнева // Полн. собр. соч. и сб. 19: В 28 т. Соч.— М.; Л., 1967.— Т. XIV.— С. 159). Среди его учеников — П. П. Ершов, И. С. Тургенев, Н. А. Некрасов. Демократичность, стремление обнаружить и поддержать талант, тонкий литературный вкус сделали П. популярным среди студентов.

В конце 10 гг. в пору литературных дебютов, как поэтических, так и прозаических, П.— добросовестный ученик своих кумиров: Н. М. Карамзина, Жуковского, К. Н. Батюшкова. С некоторым опозданием он осваивает лучшие образцы поэзии. Провинциализм молодого поэта сказывается в одновременности этих подражаний: «чувствительные» стихи в духе уже несколько архаичной к тому времени карамзинской поэзии («К Горнорскому», «Загородная роща», оба — 1818) сочетаются с ультраромантическими мотивами (баллады «Пастух» и «Могильщик», 1820).

В 1819 г. П. становится действительным членом Общества любителей словесности, наук и художеств и Общества любителей российской словесности. Связь с первым формальна, во втором П.— один из активнейших членов: некоторое время редактирует печатный орган Общества — «Соревнователь просвещения и благотворения»,

избирается «цензором поэзии» (совмещающим функции редактора и рецензента) на 1821 г., регулярно печатает свои критические разборы в «Трудах» Общества. В обстановке подъема гражданственных настроений в среде «соревнователей» П. пишет оду «Долг гражданина» (1823) и послание «К Вяземскому» (1822). Однако для идеологической позиции П. уже в эти годы характерна умеренно-либеральная тенденция, сближавшая его не с радикальным, а с умеренным крылом общества — с Ф. Н. Глинкой, Н. И. Гнедичем, в особенности с А. А. Дельвигом. С 1824 г. П.— активнейший сотрудник издаваемого Дельвигом альманаха «Северные цветы».

В 20 гг. П. становится одним из ведущих критиков формирующегося пушкинского круга писателей. Он пишет ряд статей, посвященных романтической поэзии, причем в центре его внимания оказываются писатели, близкие по идейно-эстетической ориентации. «Добрые критики» (Пушкин А. С. Полн. собр. соч.— М.; Л., 1937.— Т. XIII.— С. 154) П. основывались на поощрительных рецензиях Карамзина с их принципом, «не осуждая плохого, хвалять хорошее». Необходимо было, с его точки зрения, очертить круг «правильной» литературы, неприемлемые тенденции и авторы не осуждались — они просто не рассматривались.

Черты доромантической культуры определили и отношение П. к романтизму. В новом литературном направлении он принимает то, что скорее «выпадает» из системы — «нового классика» Батюшкова, «Рыбаков» Гнедича (ст. «Заметка о сочинениях Жуковского и Батюшкова» и «Рыбаки», идиаллы Гнедича, 1822). П. будет писать об «ограниченности» субъективного начала в романтизме: отсюда проистекала его критика «Кавказского пленника» Пушкина (ст. «Кавказский пленник», 1822), неприятие Байрона (ст. «Шильонский узник», 1822, посвящена переводу Жуковского). В статье «Орлеанская дева» Шиллера в переводе Жуковского (1824) он противопоставляет субъективности Ф. Шиллера «объективную манеру» В. Шекспира. Сильное увлечение Шекспиром вылилось в опыты его переводов, а затем в самостоятельное исследование «Шекспир» (1837).

В статье 1824 г. «Письмо к графине С. И. С<ологуб> о русских поэтах» критик предложил концепцию русской поэзии, полемичную по отношению к обзорам А. А. Бестужева. Он объявит 20 гг. «золотым веком» русской словесности, подчеркнет многообразие поэтических стилей и невозможность сведения их к одной какой-либо тенденции. Статья вызвала негативную реакцию и в среде противников (А. Бестужев, Ф. В. Булгарин), и в среде единомышленников (Пушкин, Е. А. Баратынский). Тем не менее «добрые критики» П. были необходимы для консолидации сил вокруг «Северных цветов» в не меньшей мере, чем его прямое участие в издательских делах.

ПЛЕХАНОВ, Георгий Валентинович, псевдонимы — *Н. Бельтов*, *А. Кирсанов*, *А. Волгин*, *Н. Каменский*, *Н. Андреевич* [29.XI(11.XII)]. 1856, с. Гудаловка Липецкого у. Тамбовской губ. — 31.V (12.VI). 1918, Питкяряви под Териоками (Финляндия, ныне г. Зеленогорск Ленинградской обл.), похоронен в Петрограде] — критик, публицист, эстетик. Основатель русского революционного марксизма, деятель русского и международного рабочего социалистического движения. Родился в обедневшей дворянской семье в имении своих родителей. Отец П., Валентин Петрович, штабс-капитан в отставке, был человеком хорошо образованным, с широким кругом чтения и интересов, даже слыл «вольтерьянцем». Мать Мария Федоровна, урожденная Белинская, была внучатой племянницей русского критика, преемственную связь с которым П. впоследствии постоянно ощущал. Окончив с отличием Институт благородных девиц, она до замужества была гувернанткой, а после — учила своих детей математике, музыке, русскому и французскому языкам.

По семейной традиции П. вслед за старшими братьями, ставшими офицерами, избрал себе стезю военной службы, поступив в 1868 г. во второй класс Воронежской военной гимназии (кадетский корпус). Военные гимназии того времени по уровню преподавания, учебным планам, атмосфере обучения отличались от других учебных заведений России в лучшую сторону. К числу первоклассных военных гимназий относились и Воронежская. Среди учителей П. оказались люди талантливые, с передовыми взглядами. Особое место среди них занимал преподаватель словесности Н. Ф. Бунаков, считавший себя последователем Чернышевского и Добролюбова, в дальнейшем получивший всероссийскую известность как педагог.

Уже в гимназии П. глубоко и органично усвоил мысль, ставшую затем его убеждением: истинный художник может, а в периоды подъема общественной активности даже обязан будить и выражать революционные стремления своих современников (см.: Литература и эстетика. — Т. 2. — С. 199). Красноречивым примером, подтверждающим это убеждение, стали для П. судьбы и творчество Некрасова и Чернышевского. П. вспоминал, как под влиянием чтения некрасовской «Железной дороги» один из его гимназических товарищей сказал: «Эх, взял бы я это ружье и пошел бы сражаться за русский народ!» Эти слова врезались в память П. и вспоминались затем каждый раз, когда он перечитывал Некрасова — любимого поэта (2, 199).

Любовь и признательность П. к Чернышевскому, вынесенная им из стен гимназии, также осветили собой всю сознательную жизнь П., сти-

мулировали его критическую и теоретико-эстетическую деятельность. Показательно, что В. И. Ленин, говоря о двух культурах в каждой национальной культуре, противопоставил «великорусской культуре Пуришкевичей, Гучковых и Струве» «великорусскую культуру, характеризующуюся именами Чернышевского и Плеханова» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 24. — С. 129), соединив тем самым эти два имени как равновеликие в истории русской демократической культуры.

«Проклятый» вопрос, заданный передовой русской интеллигенции Чернышевским: «Что делать?» (2, 212), — перевернул жизнь П., начавшуюся, казалось, традиционно для судеб русского дворянства. В декабре 1873 г., через три месяца и одну неделю после своего поступления в Константиновское артиллерийское юнкерское училище в Петербурге, П. подал рапорт об освобождении его от военной службы по состоянию здоровья. И в этом его твердом решении П. не остановили ни недавняя смерть отца (май 1873 г.), ни запущенное состояние имения, ни тяжкий груз долгов, оставшихся после отца. Это был вопрос принципа.

Порвав с дворянской средой, П. избрал классический путь разночинца. Увлечение естествознанием и особенно химией привело П. в Петербургский Горный институт, куда он поступает после серьезной домашней подготовки осенью 1874 г., выдержав конкурсный экзамен по математике и физике. За два года обучения в Горном институте П. продемонстрировал блестящие знания по естественным наукам, выдающиеся способности и настойчивость в стремлении стать ученым-естествоиспытателем. Недолгие занятия естествознанием не пропали даром для П. Впоследствии, отстаивая принципы подлинно «научной эстетики и критики», П. заявлял с полемическим задором, что «она объективна как физика и именно потому чужда всякой метафизики» (1, 581).

Однако, несмотря на интерес к естественным наукам, П. мог сказать о себе теми же словами, какими он позднее характеризовал обобщенные черты разночинца: «...общественные интересы преобладают у него над всеми прочими» (2, 222) («Гл. И. Успенский», 1888).

Логика общественно-политических интересов свела П. с видными революционерами 70 гг. — А. Михайловым, С. Степняком-Кравчинским, С. Перовской. Он вступает в кружок, где впервые знакомится с политической экономией по «Капиталу» К. Маркса, а затем по поручению народнической организации «Земля и воля» сам ведет пропагандистские занятия с рабочими (среди учеников П. были первые русские рабочие-революционеры С. Халтурин и П. Монсеенко). 6 декабря 1876 г. на площади Казанского собора состоялась первая в России открытая политическая демонстрация, душой которой явился П., показавший себя в качестве яркого оратора и бесстрашного

революционера. Несмотря на полицейскую облаву (арестовавшую более тридцати участников демонстрации), П. удалось скрыться. Юному народу пришлось перейти на нелегальное положение и даже на некоторое время уехать из России (до лета 1877 г.).

Кратковременное пребывание П. за границей принесло свои плоды. Особенно важным в формировании П. как личности оказалось знакомство с П. Л. Лавровым, который способствовал развитию в своем ученике критической мысли. Обращаясь к Лаврову, П. позднее признавался: «С тех самых пор, как во мне начала пробуждаться «критическая мысль», Вы, Маркс и Чернышевский были любимейшими моими авторами, воспитавшими и развившими мой ум во всех отношениях» (Дела и дни.—1921.— К. 2.— С. 86).

Вернувшись в Россию, П. становится активным деятелем революционного народничества. Студенческие сходки и забастовки на фабриках, пропаганда среди заводских и фабричных рабочих Петербурга, публицистические выступления в нелегальной газете «Земля и воля» и «хождение в народ» — везде П. не просто принимает непосредственное участие, но является инициатором, руководителем.

Очень показательны знаменитый «литературный» эпизод революционной деятельности П. 30 декабря 1877 г., на похоронах Некрасова, вылившихся в грандиозную политическую демонстрацию, П., представивший «социалистов» из «Земли и воли» (на венке «землевольтцев» так и было написано: «От социалистов»), смело вступил в полемику с самим Ф. М. Достоевским, доказывая, что Некрасов был «выше» Пушкина и Лермонтова и что его поэзия имела революционное значение.

Когда в августе — сентябре 1879 г. произошел раскол «Земли и воли», позиция П. четко определилась. В то время, как сторонники тактики индивидуального террора образуют организацию «Народная воля», П. вместе с оказавшимися в меньшинстве сторонниками пропаганды в деревне создают организацию «Черный передел». Однако П. не удовлетворяет и она: все более отчетливо представляется ему непопулярность, теоретическая несостоятельность этой организации, а вместе с тем — кризис, переживаемый всем движением народничества. Захват полицией в нач. 1880 г. подпольной типографии газеты «Черный передел» поставил П. перед необходимостью, во избежание ареста, немедленно выехать за границу. Он жаждал обрести в Европе новые идеи, новые стимулы для революционной борьбы, новые организационные формы работы с массами. Его вынужденная эмиграция продолжится без малого четыре десятилетия и завершится за год с небольшим до его смерти (П. вернулся в Петроград 31 марта 1917 г.).

Период эмиграции стал для П. огромной жизненной эпохой, принесшей ему много тяжелых

испытаний (безденежье, голод, неизлечимая болезнь русских интеллигентов — чахотка, полицейские преследования властей, постоянные переезды с места на место и т. д.), но и вознаградившей его радостными событиями (всеобщее признание в П. политического вождя; слава литературного критика, философа и публициста; личное знакомство с Ф. Энгельсом, высоко оценившим своего русского ученика; создание рабочей партии — РСДРП как итога революционной деятельности группы «Освобождение труда»; научные открытия П.-ученого в социологии, истории, эстетике). Эмиграция для П., как и для Герцена, явилась и источником его трагедии — личной и общественной одновременно. Отрыв от российской действительности, русского рабочего движения, революционных событий 1905—1907 и 1917 гг. стал одной из причин «меньшевизма» П., трагического непонимания первой русской революции, первой мировой войны как войны империалистической, Октябрьской революции как революции пролетарской и социалистической.

На начало 80 гг. приходится становление марксистских убеждений П. и др. чернопередельцев, оказавшихся в эмиграции, — В. И. Засулич, Л. Г. Дейча, П. Б. Аксельрода. Занятия в крупнейших библиотеках Швейцарии и Парижа, посещение секций в Женевском (1880) и Сорбонском (1881) университетах, чтение многих ранее не известных П. и его товарищам произведений К. Маркса и Ф. Энгельса, знакомство с революционным движением на Западе произвели настоящий переворот в сознании вчерашних народников. Для П. несомненным становится: вступление России на путь капитализма; неизбежность политической борьбы и недостаточность одной пропаганды, особенно среди крестьянства; утопичность идеала патриархальной общины; необходимость организации русского рабочего класса и популяризации марксизма в пролетарской среде.

В конце 1881 г. П. впервые знакомится с «Манифестом Коммунистической партии» и переводит его на русский язык. С 1882 г. он считал себя марксистом. В сентябре 1883 г. в Женеве группа русских революционеров-эмигрантов во главе с П. образовала первую организацию русских марксистов, получившую название «Освобождение труда».

В народнический период своей деятельности (1875—1882) П. мало уделял внимания вопросам литературы и искусства (хотя внимательно следил за ходом литературного процесса и критическими дискуссиями). Только одну статью этого времени — «Об чем спор?» (1878) — можно отнести к литературной критике, да и в ней речь идет не столько о творчестве Г. И. Успенского, сколько о социальных реалиях российской действительности, наших или не наших отражение в нем. Причиной тому — тот самый «лабиринт противоречий», в который поначалу завела

П. и его единомышленников народническая доктрина с ее экономическим утилитаризмом, культом «опрошения» и своеобразно преломленным пафосом идущего еще от Писарева, а затем Ткачева «разрушения эстетики», якобы непонятной, чуждой и даже «оскорбительной» народу. «Разрушение эстетики» исповедовал вначале и П. Овладевание марксистской методологией анализа общественных явлений в их историческом развитии позволило П. внутренне «раскрепостить» свое эстетическое и литературно-критическое мышление (до того «втиснутое» в жесткие схемы народнических догм и предрассудков «народолюбия») и открыть в истории отечественной критики ее качественно новый — марксистский — этап.

Осмысление художественно-публицистической деятельности писателей-народников — Г. И. Успенского, С. Каронина (Н. Е. Петропавловского), Н. И. Наумова (статьи соответственно: 1888, 1890 и 1897 гг.) явилось первым толчком к преодолению народничества как мировоззрения. Уже в статье «Об чем спор?» П., полемизируя с Г. Успенским, исподволь проникался правотой художника, оказавшегося, как художник-реалист, дальновиднее и глубже самых авторитетных (в глазах П.) теоретиков народничества. «Народничество как литературное течение, стремящееся к исследованию и правильному истолкованию народной жизни, — совсем не то, что народничество как социальное учение, указывающее путь «ко всеобщему благополучию», — писал в 1888 г. П. в статье «Гл. И. Успенский». — Первое не только совершенно отлично от другого, но оно может, как мы видим, прийти к прямому противоречию с ним» (2, 250). Позднее, в статьях о Л. Толстом, П. разовьет положение о возможности противоречий между теоретическими взглядами писателя и его художественным мышлением: Толстой «велик как художник», а вовсе не как сектант. Его сектантство свидетельствует не об его величии, а об его слабости, то есть о крайней ограниченности его общественных взглядов» (2, 361) («Симптоматическая ошибка», 1907). Подобным же «недугом», связанным с неспособностью «взглянуть на жизнь и нужды окружающего его общества с исторической точки зрения» и «появлять исторические задачи своего времени» (2, 363—364), страдали, как это показывает П., Гольц и Достоевский. Противоречия между теоретическим мирозерцанием писателя и его художественным творчеством в определенных общественных условиях становятся особенно острыми и непримиримыми, считает П., когда они выступают как «перевод» на язык идеологии противоречий самой жизни («Карл Маркс и Лев Толстой», 1911).

Сила художника, его превосходство над мыслителем, считает П., заключается в его непредрешенности реалиста, изображающего и выражающего своим творчеством действительность в ее неповторимой чувственной, образной кон-

кретности. Как только писатель принимается за абстрактные «рассуждения», обращаясь к языку понятий и логическим построениям, он приносит в жертву публицистике свой поэтический талант, а подчас, в отрыве от эмоционально-образной конкретики жизни, дает себя увлечь ложной рассудочной идее, вступающей в кричащее противоречие с жизнью. «Художник — не публицист. Он не рассуждает, а изображает. Тот художник, который изображает классовую борьбу, должен показать нам, как определяется ею душевный склад действующих лиц, как она определяет собою мысли и чувства. Словом, такой художник необходимо должен быть психологом» (2, 406) («К психологии рабочего движения», 1907). В качестве примера такого художнического проникновения в жизненный материал, осмысления и типического его обобщения П. называет пьесу М. Горького «Враги». Художник «поправляет» в себе мыслителя, публициста и убеждает своих читателей в своей правоте как художника лучше, нежели когда обращается к ним непосредственно как публицист. «Самый наблюдательный, самый умный, самый талантливый из всех народников-беллетристов, Гл. Успенский, — пишет П., — взявшись указать нам «совершенно определенные», «реальные формы народного дела», совсем незаметно для самого себя пришел к тому, что подписал смертный приговор народничеству и всем «программам» и планам практической деятельности, хоть отчасти с ним связанным» (2, 250) («Наши беллетристы-народники, Гл. И. Успенский», 1888). Таково общественное значение искусства: «У художника Горького, у покойного художника Г. И. Успенского может многому научиться самый ученый социолог. В них — целое откровение» (2, 515) («К психологии рабочего движения»).

В своей книге «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (1895) П. пришел к глобальному выводу относительно общественно-культурного назначения искусства: для того чтобы «объяснить весь исторический процесс, последовательно держась одного принципа», особенно же «в вопросах, касающихся развития идеологий», недостаточно одной науки; здесь нужно «обладать особым дарованием, именно художественным чутьем». И далее: «Психология приспособляется к экономии. Но это приспособление есть сложный процесс, и, чтобы понять весь его ход, чтобы наглядно представлять себе и другим, как именно он совершается, не раз и не раз понадобится талант художника. Вот, например, уже Бальзак много сделал для объяснения психологии различных классов современного ему общества, да и мало ли еще у кого?» (Избр. философ. произв. — Т. I. — С. 684).

Сам П. обладал феноменальным художественным чутьем, а занятия литературно-художественной критикой, эстетикой, со временем занимав-

шие в его жизни и творчестве все большее место, открывали перед П. возможность использовать литературу и искусство в качестве источника и материала научного анализа общественных процессов, развивающихся в социальной действительности. В этом отношении он был продолжателем традиций таких выдающихся русских мыслителей, как Белинский, Герцен, Чернышевский, Добролюбов, Писарев, Михайловский, в жизни и деятельности которых литература и искусство занимали ведущее место.

В то же время особая «выделенность» литературы и искусства среди других явлений культуры и общественной жизни не означала для П. их «беззаконности» или какой-то исключительности среди других общественных явлений. Главным методологический принцип П. — критика, эстетика, социолога искусства материалистический тезис: «...Писатель является не только *выразителем* выдвинувшей его общественной среды, но и *продуктом* ее; ...он вносит с собой в литературу ее симпатии и антипатии, ее мирозерцание, привычки, мысли и даже язык...» (2, 221).

В дальнейшем П. последовательно развивал и уточнял этот важный для марксистской критики и эстетики тезис. Так, в работе «Французская драматическая литература и французская живопись XVIII в. с точки зрения социологии» (1905), которую сам П. называл «попыткой применения материалистического метода к истории литературы и искусства» (1, 601), он писал: «В произведениях искусства и в литературных вкусах данного времени выражается общественная психология, а в психологии общества, разделенного на классы, многое останется для нас непонятым и парадоксальным, если мы будем продолжать игнорировать... взаимное отношение классов и взаимную классовую борьбу» (1, 88). В предисловии к третьему изданию сборника статей Н. Бельтова «За двадцать лет» (1908) автор еще более усиливает обобщающий характер выведенных им закономерностей социального детерминизма: «Особенности художественного творчества всякой данной эпохи всегда находятся в самой тесной причинной связи с тем общественным настроением, которое в нем выражается. Общественное же настроение всякой данной эпохи всегда обуславливается свойственными ей общественными отношениями. Это как нельзя лучше показывает вся история искусства и литературы» (1, 129). На конкретных примерах отечественного и зарубежного искусства П. показывает, как сильные стороны художественного творчества и идейных воззрений писателей и др. деятелей культуры, равно как и слабости их мировоззрения и творчества, порождаются историческими условиями общественной жизни, которой они принадлежат.

Последовательный конкретный историзм в рассмотрении литературы и искусства, явившийся главным научным завоеванием П. — критика и эстетика, отнюдь не приводил его к историческому

фатализму. Дialectический подход к анализу, интерпретации и оценке художественного творчества позволял П. избегать вулгаризации и упрощения в своих выводах, в той или иной мере свойственных его младшим современникам и последователям в марксистской критике (Шулятникову, Фриче, Воровскому, Переверзеву и др.). П. не снимает ответственности за идейные ошибки и художественные просчеты в писателей, которые он с позиций высшей эстетической и идеологической требовательности отмечает у самых великих писателей (будь то Пушкин или Гоголь, Тургенев или Некрасов, Достоевский или Л. Толстой, Г. Успенский или М. Горький). В цикле статей «О так называемых религиозных исканиях в России» (1909) П. с характерной для него бескомпромиссностью подчеркивал: «...Даже гениальные художники нередко совершенно беспомощны в области теории. За примерами ходить недалеко: Гоголь, Достоевский, Толстой, эти гиганты в области художественного творчества, обнаруживают детскую слабость каждый раз, когда берутся за тот или другой отвлеченный вопрос» (Избр. философ. произв. — Т. III. — С. 389—390). К числу таких гигантов-художников П. относит и М. Горького. Так, М. Горький, пожертвовав художественностью, занялся «чистой» публицистикой, повзрев на определенном этапе свой талант «богоискательству», отвлеченной моральной проповеди. Это было заметно, считает П., уже в его повести (романе) «Мать», где он «взял на себя роль проповедника социализма» (Там же. — С. 390). Еще в большей степени это проявилось в повести «Исповедь», где писатель выступает «в качестве проповедника «пятой религии» г. А. Луначарского» (Там же). Блестящая аналитическая характеристика противоречий М. Горького, данная П., много объясняет в драматических коллизиях жизни и творчества М. Горького, в т. ч. и послеоктябрьского периода, свидетелем которого П. уже не мог быть.

Особенности критического метода П., в этом отношении развивавшего традиции Белинского, Чернышевского, Добролюбова и Писарева, было обращение к литературе и критике как к объективному источнику социальных обобщений и прогнозов и — соответственно — приложение к этому источнику социологических выводов и философских дефиниций. В П. трудно отделить теоретика, философа и социолога от критика и публициста: и та и другая сторона его творчества слиты неразрывно. В таких фундаментальных трудах, как «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (1895), «Очерки по истории материализма» (1896), «О материалистическом понимании истории» (1897), «Основные вопросы марксизма» (1908), «От идеализма к материализму» (1915), и др. П. находил место для рассмотрения эстетических и литературно-критических вопросов в связи с общесоциальными и взаимной «проекции» тех и других друг на друга.

Объективная, не зависящая от субъективных склонностей и убеждений отдельных личностей историческая значимость литературы и искусства, выступающих как зеркало и увеличительное стекло в отношении общественной жизни, была для П. велика и несомненна. Он утверждал: «...Художники самых противоположных направлений одинаково правы на свой особый лад... Все зависит от обстоятельств времени и места» (Искусство и литература.— С. 297). Впрочем, объективное, непредубежденное отношение П. к художникам противоположных направлений не мешало ему иметь свою четкую позицию, свою определенную оценку применительно к любым идейно-эстетическим явлениям своего времени.

Ум теоретика, воспитанный на диалектике Гегеля и Маркса, эрудиция ученого-энциклопедиста, соединившись с безукоризненным художественным вкусом и тонким эстетическим чутьем, нашли свое наиболее адекватное и органическое воплощение в литературно-критической и теоретико-эстетической деятельности П. В критике и эстетике заслуги П. как теоретика и практика наиболее бесспорны, его анализы и оценки сохраняют свою жизненность и точность до сих пор. Последовательный защитник реализма и остроумный критик декаданса, методолог социологического подхода к литературе и искусству и создатель первой истории отечественной литературы в связи с историей общественной мысли, П. оказал и продолжает оказывать мощное влияние на эстетиков, литературоведов и критиков самых разных направлений и школ.

Выступая как критик современной ему литературы, П. не переставал учиться у своих предшественников, последовательно изучая их наследие. Особенно показателен в этом отношении цикл из четырех статей «Судьбы русской критики» (1897), опубликованный впервые под псевдонимом *Н. Каменский* и затем трижды переиздававшийся в сборнике «За двадцать лет»: 1. «А. Л. Вольфский. «Русские критики. Литературные очерки»; 2. «Белинский и разумная действительность»; 3. «Литературные взгляды В. Г. Белинского»; 4. «Эстетическая теория Н. Г. Чернышевского». В этом цикле П. излагает свои взгляды на эстетику как науку. «Научная эстетика не дает искусству никаких предписаний; она не говорит ему: ты должен держать таких-то и таких-то правил и приемов. Она ограничивается наблюдением над тем, как *возникают* различные правила и приемы, господствующие в различные исторические эпохи. Она не провозглашает *вечных законов искусства*; она старается изучить *те вечные законы, действием которых обуславливается его историческое развитие*» (1, 581).

Главная заслуга П.— создание марксистской материалистической эстетики. «Я глубоко убежден, что отныне критика (точнее: научная теория эстетики) в состоянии будет подвигаться вперед, лишь опираясь на материалистическое понимание

истории» (1, 31),— утверждал П. в первом из своих «Писем без адреса» (1899). Это и сделал П. в «Письмах без адреса», неопровержимо доказав существование общих закономерностей происхождения искусства в человеческом обществе, в частности, что источником искусства является труд (исторически предшествующий искусству), что возникновению эстетической точки зрения человека предшествовала точка зрения утилитарная. В «Предисловии к третьему изданию сборника «За двадцать лет» (1908) П. развивал концепцию материалистической эстетики. «В качестве сторонника материалистического мировоззрения я скажу, что первая задача критика состоит в том, чтобы перевести идею данного художественного произведения с *языка искусства на язык социологии*, чтобы найти то, что может быть названо *социологическим эквивалентом данного литературного явления*» (1, 123). «Вторым актом верной себе материалистической критики должна быть... оценка эстетических достоинств разбираемого произведения... *первый акт материалистической критики не только не устраняет необходимости во втором акте, но предполагает его как свое необходимое дополнение*» (1, 129).

Формула материалистической критики П. была полемически заострена против точки зрения Белинского, который располагал «акты» критики в обратной последовательности. Для Белинского «определение степени эстетического достоинства произведения должно быть первым делом критики», поскольку, «когда произведение не выдержит эстетического разбора, оно уже не стоит исторической критики...» (Белинский В. Г. Полн. собр. соч.— Т. VI.— С. 284). Для П. высокая художественность произведений «искусства для искусства» не являлась определяющей назначенные искусства; на первый план у него выходило идейное содержание, социологический эквивалент искусства. Согласно исторической концепции П. это объяснимо: время диктовало критике в конце XIX — начале XX в. совсем иные требования к содержанию и форме искусства, нежели в 30—40 гг. XIX в. В общественной жизни, доказывал П., все исторично, изменчиво, в т. ч. и соотношение формы и содержания, последовательность «актов» критики.

Наиболее последовательно провел П. принцип историзма в своей работе «Искусство и общественная жизнь» (1912). Здесь он впервые показал, что появление «искусства для искусства» и «утилитарный взгляд на искусство, то есть склонность придавать его произведениям значение приговора о явлениях жизни» (1, 144), также историчны. «Искусство для искусства» возникает и пропагандируется «на почве безнадёжного разлада художников «с окружающей их общественной средой». Напротив, утилитарный взгляд на художественное творчество утверждается там и тогда, «где есть взаимное сочувствие между значительной частью общества и людьми, более или менее

дейтельно интересующимися художественным творчеством» (Там же.— С. 144).

П. предполагает, что существует «возможность злоупотребления методом материалистической критики» (1, 129) на почве схематичного и догматического усвоения ее принципов, на почве недооценки или непонимания принципа конкретного историзма. К сожалению, этот прогноз П. подтвердился: уже в дооктябрьской марксистской критике, а еще более заметно в 20 и 30 гг. плехановская концепция была примитивизирована, схематизирована, канонизирована; возникло явление «вульгарного социализма» в критике и литературоведении, до сих пор дающее о себе знать в советской культуре. Стремясь предупредить попытки прямолинейно переносить социально-экономические отношения на литературу и искусство, П. еще в 1896 г. в «Очерках по истории материализма» сформулировал принципы материалистического понимания истории (т. н. «пятичленная формула»). «*Данная степень развития производительных сил; взаимоотношения людей в процессе общественного производства, определяемые этой степенью развития; форма общества, выражающая эти отношения людей; определенное состояние духа и нравов, соответствующее этой форме общества; религия, философия, литература, искусство, соответствующие способностям, направлениям вкуса и склонностям, порождаемым этим состоянием*», — таковы пять «членов ряда», связанные между собой причинными отношениями (Избр. философ. произв.— Т. II.— С. 171). Любая попытка «перескочить» тот или иной «ряд» неизбежно ведет к грубым передржкам и искажениям. Многие «наследники» П. этого так и не поняли.

Жизнь и политическая деятельность П., особенно в последние полтора десятилетия его жизни, были полны противоречий. Он стоит у истоков революционного марксизма в России и является одним из основателей Российской социал-демократической партии, он создает первый проект партийной программы, высоко оцененный В. И. Лениным, пишет теоретические труды, по праву ставшие классикой марксизма, но он же оказывается в лагере меньшевиков после II съезда РСДРП и возглавляет многие годы фракционную борьбу против большевизма. Вместе с Лениным он создает «Искру», борется с оппортунизмом и ревизионизмом, с махистами и богоискателями, отзовистами и ликвидаторами, но он же резко полемизирует с Лениным и др. большевиками чуть ли не по всем важнейшим вопросам революционной стратегии и тактики; опираясь на свой авторитет, он пытается сплотить на своей платформе социал-демократические силы России, уводя их в сторону от революционно-практических задач борьбы. Пролетарский интернационалист, непримиримый враг любого национализма и шовинизма, П. с началом первой мировой войны занял позицию «оборонцев» и вместе с ненави-

димыми им октябристами, кадетами, эсерами, черносотенцами выступал за «войну до победного конца» в империалистической войне как выполнение патриотического долга, за объединение пролетариата с буржуазией для решения общих задач. Человек, так много сделавший для наступления социализма в родной стране, последовательный марксист и революционер, он не понял роли пролетариата в первой русской революции, а Октябрьскую революцию считал преждевременной, диктатуру пролетариата — неосуществимой в условиях крестьянской страны. 15(31) августа 1917 г. П., выступая на Всероссийском государственном совещании в Москве, призвал страну к классовому миру, уподобившись тем самым Л. Толстому-проповеднику, которого сам же осудил за это в цикле своих статей о Толстом (1907—1911). Эти противоречия и ошибки П. тяжким бременем легли на его политическую репутацию и общественную деятельность последних лет; однако они почти не отразились в фундаментальных философских трудах П., его работах по эстетике, теории и истории литературы, в его литературно-художественной критике, подготовивших собой следующий, ленинский этап в развитии марксистской эстетики и критики.

«Статьи Плеханова превосходны», — писал Ф. Энгельс в письме К. Каутскому 3 декабря 1891 г., когда П. только еще становился теоретиком марксизма (Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч.— Т. 38.— С. 205). Ленин считал большую часть из написанного П.-теоретиком «лучшим во всей международной литературе марксизма» (Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 42.— С. 290). «...Нельзя стать сознательным, настоящим коммунистом без того, чтобы изучать — именно *изучать* — все, написанное Плехановым по философии...» — писал Ленин в работе «Еще раз о профсоюзах» в 1921 г., через два с половиной года после смерти П. (Там же).

До последнего дня жизни П. продолжал жить напряженной духовной жизнью. Он работал над «Историей русской общественной мысли», оставшейся незавершенной (последние главы вышли в свет уже после кончины П.), писал статьи в оппозиционную большевикам газету «Единство» (в одной из них он предсказал возможность установления в России после Октября режима личной диктатуры и культ личности).

П. мужественно готовился к наступающей смерти, вспоминая слова Шелли о том, что смерть для материалиста — это слияние с природой. Согласно последней воле П. он был похоронен на Волковом кладбище в Петрограде, недалеко от могилы Белинского. «Месяца за три до кончины, — вспоминала ученица П. Л. И. Аксельрод (Ортодокс), — когда Георгий Валентинович, по видимому, подводил общие итоги своей жизни и деятельности, он с глубоким сожалением раз заметил, что как-то не удалось использовать весь накопленный материал по вопросам искусства

и довести до конца задуманный труд», посвященный философии искусства (с точки зрения материалистического понимания истории) (Аксельрод (Ортодокс) Л. И. Этюды и воспоминания.— Л., 1925.— С. 34). И хотя главный труд жизни, о котором П. мечтал, ему не удалось создать, именно трудам П. по эстетике, литературе, искусству, его литературно-критическим статьям принадлежало большое будущее в истории уже советской эстетической и литературно-критической мысли.

Соч.: Собр. соч.: В 24 т.— М.; Л., 1923—1927; История русской общественной мысли: В 3 т.— М.; Л., 1925; Литература и критика.— М., 1922; Искусство. Сб. ст./Вступ. ст. Л. Аксельрод-Ортодокс и В. Фриче.— М., 1922; Литературное наследие Г. В. Плеханова.— М., 1934—1940.— Кн. 1—8; Искусство и литература / Вступ. ст. М. Розенталя.— М., 1948; Письма без адреса / Послесл. У. Гураыника.— М., 1956; Избр. философ. произв.: В 5 т.— М., 1956—1958; Литература и эстетика: В 2 т./Вступ. ст. В. Бурсова.— М., 1958; Эстетика и социология искусства: В 2 т./Вступ. ст. М. Лифшица.— М., 1978; Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова: В 3 т./Вступ. ст. М. Иовчука.— М., 1973—1974; История в слове./ Вступ. ст. С. С. Волка.— М., 1988.

Лит.: Рязанов Д. Б. Г. В. Плеханов и группа «Освобождение труда».— М., 1919; Деяч Л. Г. Г. В. Плеханов. Материалы для биографии.— М., 1922.— Вып. 1; Горев Б. И. Первый русский марксист Г. В. Плеханов.— М., 1923; Заславский Д. О. Г. В. Плеханов.— Пг.; М., 1923; Аптекарян О. В. Георгий Валентинович Плеханов: Из личных воспоминаний.— Л., 1924; Аксельрод (Ортодокс) Л. И. Этюды и воспоминания.— Л., 1925; Андрузский А. Я. Эстетика Плеханова.— Л., 1929; Шуккин С. Е. Две критики: Плеханов — Переврезов.— М., 1930; Франкфурт Ю. В. Плеханов и методология психологии.— М.; Л., 1930; Розенталя М. М. Вопросы эстетики Плеханова.— М., 1939; Фомина В. А. Философские взгляды Г. В. Плеханова.— М., 1955; Трофимов П. С. Эстетические взгляды Г. В. Плеханова.— М., 1956; Сидоров М. И. Г. В. Плеханов и вопросы истории русской революционно-демократической мысли XIX в.— М., 1957; Бельчиков Н. Ф. Г. В. Плеханов — литературный критик.— М., 1958; Бурсов Б. И. Плеханов // История русской критики: В 2 т.— М.; Л., 1958.— Т. II; Иовчук М. Т. Г. В. Плеханов и его труды по истории философии.— М., 1960; Чагин Б. А. Защита, обоснование и развитие Г. В. Плехановым марксистской философии.— Л., 1957; Он же. Г. В. Плеханов и его роль в развитии марксистской философии.— М.; Л., 1963; Николаев П. А. Эстетика и литературные теории Г. В. Плеханова.— М., 1968; Водолазов Г. Г. От Чернышевского к Плеханову (Об особенностях развития социалистической мысли в России).— М., 1969; Николаев П. А. Возникновение марксистского литературоведения в России.— М., 1970; Чагин Б. А., Курбатова И. Н. Плеханов.— М., 1973 («Выдающиеся мыслители-марксисты»); Иовчук М. Т., Курбатова И. Н. Плеханов.— М., 1977; Чагин Б. А. Разработка Г. В. Плехановым общесоциологической теории марксизма.— Л., 1977; Лифшиц Мих. Г. В. Плеханов: Очерк общественной деятельности и эстетических взглядов.— М., 1983.

И. В. Кондаков

ПЛЕЩЕЕВ, Алексей Николаевич [22.XI (4.XII). 1825, Кострома — 26.IX (8.X). 1893, Париж; похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище] — поэт, переводчик, прозаик, литературный и театральный критик. Родился в семье небогатого провинциального чиновника, представителя старинного дворянского рода. Детство поэта прошло в Нижнем Новгороде, где с 1827 г. служил его отец, скончавшийся, когда П. был еще ребенком. Его воспитанием занималась мать, Елена Алек-

сандровна (урожденная Горскина), давшая сыну хорошее домашнее образование, продолженное им в Петербурге (куда он переселился вместе с матерью в 1839 г.) в школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров (поступил в 1840 г.). Однако царившая там атмосфера угнетала, военная карьера его не привлекала, и в 1842 г. он покинул училище (уволен по болезни), а осенью 1843 г. поступил в Петербургский университет, на восточное отделение историко-филологического факультета. В студенческие годы значительно расширился круг знакомств П. (он посещал салон Майковых, был вхож в дом П. А. Плетнева, бывал у А. А. Краевского) и определилась сфера его интересов: литературные и театральные увлечения сочетались с обращением к истории и политической экономии, что объяснялось, вероятно, влиянием М. В. Буташевича-Петрашевского и его друзей, со многими из которых П. познакомился в годы учебы, особенно сблизившись в дальнейшем с С. Ф. Дуровым, А. И. Пальмом, Ф. М. Достоевским, Н. А. Спешневым.

Социалистические идеи петрашевцев увлекли П.; разделяя их пропагандистские устремления, он совместно с Н. А. Мордвиновым готовил перевод книги французского публициста, идеолога утопического социализма, Ф. Ламенне «Слово верующего», намереваясь отпечатать ее в тайной типографии. В 1845 г., не окончив курса, П. вышел из университета, но не прерывал контактов с единомышленниками, их встречи неоднократно бывали в его доме.

К тому времени уже проявилось его поэтическое дарование (первые оригинальные стихотворения П. были напечатаны в нач. 1844 г. в «Современнике»), и в кругу петрашевцев он воспринимался как поэт-борец, свой Андре Шенье (см.: Петрашевцы в воспоминаниях современников.— М.; Л., 1926.— [Т. I].— С. 52, 195). Ранняя лирика П. действительно окрашена идеями социалистического утопизма. Традиционные романтические мотивы разочарования, одиночества, тоски осмыслены как реакция на социальное неблагополучие и неотделимы от темы «святого страдания» лирического героя: тревога, «мрачный дух сомненья» мотивированы «бедствиями <...> страны <...> родной», «муками братьев», а конфликт с толпой, «живущей мыслями отцов», — мечтой лирического героя быть «гонимых утешителем», возвестить «мшенья грозный час / Тому, кто в тине зла и праздности погряз» («Сон», «Странник», «На зов друзей»). Гуманистический пафос лирики П. сочетался с характерным для настроений утопистов пророческим тоном, питавшимся надеждой «увидеть вечный идеал»: «Но будет время... пронесутся / Дни бедствий, горя и тревог; / Жрецы Ваала ужаснутся, / Когда восстанет правды бог! / Навеки в мире водворится / Священной истины закон...» («Поэту», < 1846 >). Вера в возможность гармоничного мироустройства, ожидание скорых перемен выра-

зились и в самом известном стихотворении П., исключительно популярном в кругу петрашевцев (а также и среди революционно настроенной молодежи следующих поколений), — «Вперед! без страха и сомненья...» (<1846>): «Зарю святого искупленья / Уж в небесах завидел я!» Знаменательно, что В. Н. Майков, друг и единомышленник П., в рецензии на первый сборник его стихотворений (1846) с особым сочувствием писал о его вере в «торжество на земле истины, любви и братства», называя П. при этом «первым нашим поэтом в настоящее время» (Отечественные записки. — 1846. — № 10. — Т. IV. — С. 39—40; Майков В. Н. Литературная критика. — Л., 1985. — С. 272—278). Однако оценки творчества П. и в 40-е, и в последующие годы были довольно разноречивы. Его поэтическая система, сформировавшаяся в русле пушкинской и лермонтовской традиций, опиралась преимущественно на устойчивые словосочетания, сложившиеся ритмико-синтаксические схемы, хорошо разработанную систему образов. Одним критикам это представлялось свидетельством подлинного вкуса и таланта П. (см.: <Плетнев П. А.> // Современник. — 1846. — Т. 44), другим давало основание называть некоторые его стихотворения «бесцветными» (Беллинский В. Г. Собр. соч. — М., 1982. — Т. 8. — С. 490), обвинять его в «несамостоятельности» и «однообразии» (см.: Финский вестник, 1846. — Т. XII; <Алазав В. А.> // Утро. Литературный сборник. — М., 1859. — <Вып. I>. — С. 67). Вместе с тем современники всегда высоко ценили «общественное значение» поэзии П., «благородное и чистое направление» его творчества, «глубокую искренность», «призыв к честному служению обществу» (<Михайлов М. Л.> // Современник. — 1861. — № 3. — Т. IV. — С. 91, 93, 94; см. также: Арсеньев К. К. Критические этюды по русской литературе. — Спб., 1888. — Т. 2).

Во второй половине 40 гг. П. довольно успешно выступал и как прозаик. Бойко написанные рассказы с динамично развивающейся интригой, ироничной манерой повествования, насыщенные разоблачительными зарисовками чиновничьего быта, сатирическими характеристиками обывательской морали, отмечены несомненным влиянием Гоголя и примыкают к прозе «натуральной школы» (см.: «Енотая шуба. Рассказ не без морали», 1847; «Папироска. Истинное происшествие», 1848; «Протекция. История бывалая», 1848). В те годы П. писал и остродраматические произведения, также близкие исканиям «школы»: повесть «Шалость» (1848), где чистый и трогательный мир петербургских «горемык» разрушается при столкновении с миром расчета и богатства, и повесть «Дружеские советы» (1849), где получили развитие некоторые мотивы посвященных П. «Белых ночей» Ф. М. Достоевского, прежде всего мотив «мечтательства», трагически разбивающегося о реальность (см. об этом: Комарович В. Л.

Юность Достоевского // Былое. — 1924. — № 23). Образ «мечтателя по природе», восторженного и благородного, но пасующего перед жестокой реальностью, занимал П. и позднее (см. повести «Будней», 1858; «Две карьеры», 1859), будучи, возможно, наделен известной долей автобиографизма.

Юношеские настроения П. действительно подверглись испытаниям. В 1849 г. вместе с другими петрашевцами он был арестован, заключен в Петропавловскую крепость и по обвинению в распространении запрещенной литературы (находясь в Москве, П. переправил в Петербург знаменитое письмо Белинского к Гоголю), в связи с неблагонадежными лицами, устройстве собраний в своем доме был приговорен к расстрелу, замененному — когда П. и его товарищи уже стояли на эшафоте — четырьмя годами каторги. Однако и этот приговор для П. был смягчен: в декабре 1849 г., лишенный всех прав состояния, он был отправлен рядовым в пограничный Оренбургский край. Находясь под строжайшим надзором, П. в течение нескольких лет нес чрезвычайно тяжелую солдатскую службу, а в 1853 г., надеясь получить офицерское звание, принял участие в штурме крепости Ак-Мечеть (ныне г. Кызыл-Орда). С этих пор его положение начало постепенно улучшаться: вскоре П. был произведен в унтер-офицеры, потом стал прапорщиком и перешел на гражданскую службу, сблизился в Оренбурге с местной интеллигенцией, осенью 1857 г. женился и через некоторое время, получив отпуск, отправился в Петербург. Хотя за ним был установлен тайный полицейский надзор и он лишен был права жить в обеих столицах, все же в 1859 г. П. добился разрешения переселиться в Москву, где полностью отдался литературной деятельности.

Писать — хотя и редко, урывками — ему удавалось даже в годы ссылки; в 1856—1857 гг. несколько его новых стихотворений появились в «Русском вестнике», а затем и в др. изданиях. Еще в Оренбурге он встретился с поэтом М. Л. Михайловым, который помог ему наладить контакты с литераторами и прежде всего — с обновленной редакцией «Современника», где П. сотрудничал в дальнейшем вплоть до запрещения журнала. В Москве он стал сотрудником и пайщиком газеты «Московский вестник», печатался в газете «Московские ведомости», журнале «Русский вестник» и в некоторых петербургских изданиях («Свечеч», «Искра», «Время», «Русское слово»). По воспоминаниям сына П., в 60 гг. их дом посещали А. Ф. Писемский, И. С. Аксаков, Н. А. Некрасов, Н. Г. Рубинштейн, П. М. Садовский (Плещеев в А. А. Соч. — Спб., 1914. — Т. 3. — С. 2-14). П. был участником и избирался старшиной «Артистического кружка».

В новой для П. литературной ситуации ему было трудно выработать собственную позицию. «Нужно сказать новое слово, — писал он Достоев-

скому в 1862 г., — а где оно?» (Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования. — Л., 1935. — С. 458). П. сочувственно воспринимал самые разные, в некоторых отношениях популярные общественно-литературные взгляды: он разделял многие идеи Н. Г. Чернышевского, а вместе с тем поддерживал и московских славянофилов, и программу журнала «Время». В этих различных литературных группировках его привлекали прищипке каждой из них — хотя и не в равной мере — оппозиционные настроения; однако широта взглядов оборачивалась нередко неопределенностью суждений, что сказалось на характере критических выступлений П. 60—70 гг. Регулярно печатая библиографические заметки, театральные и литературные рецензии, он отстаивал реалистические принципы в искусстве, развивая идеи Белинского, которому следовал еще в своих критических фельетонах 40 гг. (появлялись в газетах «Русский инвалид» и «Санкт-Петербургские ведомости»), и установил «реальной критики», прежде всего Н. А. Добролюбова, с которым его связывала — помимо близости убеждений — личная приязнь (см. письма П. к Добролюбову // Русская мысль. — 1913. — № 1). Исходя из общественного значения литературы, П. давал не только эстетическую оценку рецензируемым произведениям, но и стремился раскрыть их социальный смысл. Вместе с тем в конкретных разборах он опирался, как правило, на расплывчатые, слишком общие понятия — такие, как сочувствие обездоленным, «знание сердца и жизни», естественность и пошлость, что приводило нередко к поверхностным суждениям, напр. к недооценке произведений А. К. Толстого (см.: Театр и музыка // Биржевые ведомости. — 1877. — № 29. — 30 янв.). Но у П. критика была и неоспоримые заслуги перед русским читателем: в 70—80 гг., преимущественно на страницах «Отечественных записок» и «Биржевых ведомостей», он помещал обстоятельные статьи о европейской литературе, сопровождая их часто переводами произведений Золя, Стендаля, бр. Гонкуров, Доде.

Масштабная и интенсивная деятельность П. переводчика охватывала весь его творческий путь и отнюдь не ограничивалась прозой: в 40 гг. пользовались успехом его переводы стихотворений Гейне, к которому П. обращался и позднее, вплоть до конца 70 гг. (самое крупное произведение — напечатанная в 1859 г. в «Современнике» драма Гейне «Вильям Ратклифф»); в 60 гг. в переводе П. появлялись стихотворения М. Гартмана, Ф. Фрейлиграта, И. Эйхендорфа, Ш. Петефи, В. Сырокомли (Людвига Кондратовича) и др. Особое место в его творчестве занимали переводы произведений Шевченко, с которыми П. был хорошо знаком (их первая встреча состоялась, вероятно, в 1850 г. в Уральске) и к поэзии которого обратился сразу по возвращении из ссылки, воспринимая ее — в силу биографических параллелей — обостренно лично: тема «злой доли»,

утраченного счастья, тоски, побежденной надеждой «сердцем жить» и «ближнему любить» (перевод стихотворения «Дума», 1858), созвучна поэзии П. конца 50 — нач. 70 гг.

В центре его зрелой лирики, как и во многих стихотворениях Некрасова (с которым у П. встретится немало тематических переключек), — образ прогрессивно мыслящего интеллигента, уже не способного к борьбе, сломленного жизнью, но все же не отрешившегося от прежних «святых грез»: «И до конца я веры не утрачу, / Что озарит наш мир любви и правды свет...» («Призраки», <1859>). Мотивы усталости, «тоски гнетущей», «угасшего пламени», как правило, приглушаются, а иногда и преодолеваются «светлыми думами», верой в «вестников правды, бойцов благородных» («Честные люди, дорогой тернисто...», 1863). «Грустная жалоба побежденного борца» — так Добролюбов в своей сочувственной рецензии на сборник стихотворений П. (1858) охарактеризовал его основную интонацию, отметив вместе с тем «несостоятельность сладостных мечтаний», оптимистических настроений, которыми поэт «старается утешить себя» (Добролюбов Н. А. Собр. соч. — М.; Л., 1963. — Т. 3. — С. 368). Немотивированность прорывавшихся у П. мажорных интонаций давала критикам серьезные основания упрекать его поэзию в тенденциозности. Однако уже М. Е. Салтыков-Щедрин в 1863 г. справедливо связывал эту особенность лирики П. со своеобразием его эпохи — с «разорванностью самой жизни», порождающей «неопределившуюся, но <...> настоятельную потребность чего-то лучшего», что и позволило критику назвать П. «талантом скромным, но честным и искренним» (Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. — М., 1966. — Т. 5. — С. 418, 420).

Современники вспоминали П. как исключительно деликатного, мягкого и доброжелательного человека, всегда готового прийти на помощь литератору, в особенности начинающему (в 80 гг., напр., он опекал Надсона, Гаршина, И. З. Сурикова, И. Щеглова-Леонтьева, принимал участие в судьбе Чехова). Однако и у самого П. жизнь складывалась нелегко: после ссылки он многие годы находился под полицейским надзором, а в 1863 г. в связи с делом Чернышевского был вызван в Сенат по обвинению (фальшивому, как ему удалось доказать) в противоправительственной деятельности; всю жизнь он боролся с нуждой и, чтобы содержать семью (в 1864 г. умерла его жена, позднее он женился вторично, и от обоих браков у него были дети), вынужден был определяться на службу, не оставляя вместе с тем и литературных занятий. В 1872 г. П. переселился в Петербург, став секретарем редакции «Отечественных записок» (а после смерти Некрасова — и заведующим стихотворным отделом журнала), но скромного жалованья ему не хватало, поэтому зрелые годы П. были отравлены литературной поденщиной (писал водевили, чаще

всего — на основе заимствованных сюжетов; много времени посвящал переводам и компилятивным статьям). Тем не менее, по словам мемуариста, он «редко брался за работу, бывшую ему не по душе» (Шеглов И. <И. Л. Леонтьев> *Padre // Русское обозрение.*— 1894.— № 1.— С. 317), и в литературном мире пользовался общим уважением как старейший и честный писатель, начавший свой литературный путь еще в эпоху Белинского. Лишь последние годы жизни П. провел относительно спокойно: он получил большое наследство и, свободный от изнурительной работы, путешествовал за границей; однако здоровье его уже было подорвано, и ему не довелось осуществить накопившиеся творческие планы.

Соч.: Повести и рассказы / Биогр. очерк П. В. Быкова.— Спб., 1896—1897.— Т. 1—2; Стихотворения (1844—1891).— 3-е изд., доп. / Под ред. П. В. Быкова.— Спб., 1898; Полн. собр. стихотворений / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. М. Я. Полякова.— М.; Л., 1964; Стихотворения / Вступ. ст. и примеч. Л. С. Пустильник.— М., 1975; Житиевые сцены. Повести / Вступ. ст. и примеч. Н. Г. Кузина.— М., 1986; Папироска. Истинное происшествие // Живые картины. Повести и рассказы писателей «натуральной школы».— М., 1988.
Лит.: Добролюбов Н. А. Благоумеренность и деятельность. Повести и рассказы А. П. Плетшова // Собр. соч.: В 9 т.— М.; Л., 1963.— Т. 6; Айхенвальд Ю. Плетшова и Помяловский (Сравнительная характеристика) // Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей.— М., 1906.— Вып. 1; Пустильник Л. С. Жизнь и творчество А. Н. Плетшова.— М., 1988. О. Е. Майорова

ПОГОДИН, Михаил Петрович [11(23).XI.1800, Москва — 8(20).XII.1875, там же] — историк, журналист, прозаик, драматург. Родился в семье крепостного управляющего, отпущенного с семьей на волю (1806). Окончил Московскую губернскую гимназию (1818), затем словесное отделение Московского университета (1821). В 1819 г. П. был приглашен домашним учителем в семью И. Д. Трубецкого, летом жил в их подмосковном имении Знаменское и в течение десяти лет был близким человеком в этой высоко интеллигентной аристократической семье. Свою ученицу А. И. Трубецкую П. позднее называл героиней своих повестей. Увлечение ею в немалой степени объясняет честолюбие П., мечтавшего сгладить социальную пропасть, отделявшую его от круга Трубецких. В 1825 г. П. сближается с «архивными юношами» — цветом московской интеллигентной молодежи (бр. Веневитиновы, бр. Киреевские и др.), составившими «Общество любознания» для изучения немецкой философии. В доме Веневитиновых П. знакомится с Пушкиным, слушает «Бориса Годунова» в авторском чтении. По окончании университета П. преподает в Московском Благородном пансионе, защищает магистерскую диссертацию «О происхождении Руси» (1825) и начинает работать в Московском университете (с 1828 г. — адъюнкт; с 1835 г. — ординарный профессор по кафедре русской истории; в 1841 г. становится академиком). С 1844 г., покинув университет, занимается исключительно наукой и журнальной деятельностью.

Сильной стороной П.-историка и его вкладом в науку было разяснение и критика источников, издания памятников («Сочинения И. Т. Посошкова», 1842—1863, «Псковская летопись», 1837, и др.). П. также создал Древлехранилище — коллекцию рукописей, предметов искусства и материальной культуры Древней Руси, имевшее большую научную ценность (в середине XIX в. куплено правительством). В спорах о происхождении Руси отстаивал норманскую теорию, согласно которой наша государственность была создана «призванными» на Русь варягами. В 1862 г. началась полемика П. с Н. И. Костомаровым о происхождении крепостного права и о татарском влиянии на возникновение государственности Московской Руси (Костомаров, стоявший на позициях федерализма, в собиравании русской земли вокруг Москвы видел зарождение деспотического государства). Во время путешествия в Европу (1835) П. установил и затем поддерживал связи с видными славистами (В. Ганкой, П. И. Шафариком). Идейная позиция П. отразила сложное положение разночинной интеллигенции в дворянский период освободительного движения (а именно тогда сформировалось сознание П.). Демократическое сочувствие низам, осуждение крепостничества и верность патриархальным бытовым устоям, монархизм, ортодоксальная религиозность сложно переплетались в сознании П., определив его позицию в журналистике. В 1827 г. он вместе с Д. В. Веневитиновым, А. С. Хомяковым, И. В. и П. В. Киреевскими, С. П. Шевыревым и др. создает журнал «Московский вестник» (1827—1830; П. был редактором-издателем). К журналу с интересом отнесся и поддержал его Пушкин, надеявшийся, что он составит оппозицию изданиям Булгарина и Греча и журналу Н. А. Полевого «Московский телеграф», враждебного Пушкину. Первое время в «Московском вестнике» блестяще была представлена поэзия именами А. С. Пушкина, Д. В. Веневитинова, Е. А. Баратынского, Д. В. Давыдова, Н. М. Языкова, А. С. Хомякова, но с 1828 г. Пушкин и его друзья охладевают к «Московскому вестнику», беллетристика вытесняется научными статьями, слишком специальными для сколько-нибудь широкого круга читателей, журнал теряет подписчиков и прекращает существование. В 1835—1839 гг. П. — активный участник журнала «Московский наблюдатель», боровшегося с «торговым направлением» в русской журналистике.

Правительство Николая I и министр просвещения С. С. Уваров сформулировали теорию официальной народности, которую П. принял и в дальнейшей своей деятельности историка, журналиста и публициста придерживался ее. (См. его «Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны 1853—1856 года». — М., 1874.) В 1841—1856 гг. вместе с С. П. Шевыревым П. издает журнал «Москвитянин», о котором Чернышевский в «Очерках гоголевского

периода русской литературы» писал, что он «в продолжение первых двух или трех лет своего существования имел некоторую долю влияния на публику и литературу. <...> После того существование «Москвитянина» было едва заметно в литературе до 1849 или 1850 года, когда «молодая редакция» (термин, употребленный самим издателем) обновила его силы» (Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.— М., 1947.— Т. III.— С. 76). Характерное для П. утверждение самобытности русской истории, интерес журнала к старине и народному быту привлекают к нему славянофилов, которые периодически выступают на его страницах. Однако официальный дух журнала делает этот союз непрочным и недолгим. «Молодой редакции» (А. А. Григорьев, А. Н. Островский, Б. Н. Алмазов, Е. Н. Эдельсон, Т. И. Филиппов, Л. А. Мей) на время удалось оживить журнал, пропагандируя реалистическое искусство, вводя одаренных писателей. В нем публикуются пьесы А. Н. Островского, произведения А. Ф. Писемского, А. А. Потехина и др. Но уже к 1853 г. «молодая редакция» перестает существовать, и журнал постепенно хиреет и прекращается.

Писательская деятельность П. ограничивается 30 гг., когда он создал 15 повестей и 3 исторических драмы, которые сыграли определенную роль в развитии русской литературы.

В 1826 г. П. опубликовал «Письмо о русских романах» («Северные цветы на 1827 год».— М., 1826), где изложил свои принципиальные представления о путях развития русской литературы, которой необходимо обратиться к изображению русской народной жизни, правдиво описывая быт разных сословий, поскольку каждое из них имеет «свой язык, свой дух... Одним языком говорит у нас священник, другим купец, третьим помещик, четвертым крестьянин». Для повестей и романов «в духе Вальтера Скотта», по мысли П., русская история дает богатый материал, что П. и доказывает в этой статье кратким изложением наиболее интересных, драматичных событий, описанием ярких характеров исторических деятелей прошлого. К этому времени П. уже был автором повестей «Нищий», «Как аукнется, так и откликнется» (обе — 1825). В своих повестях П. отчетливо реализует намеченную программу: они достаточно разнообразны по проблематике, герои принадлежат к разным слоям общества, в том числе и к высшему интеллигентному кругу («Русая коса», 1826; «Сокольницкий сад», 1829; «Адель», 1830). Однако наиболее оригинальные были другие повести, где П. обращается к мало освоенному в то время русской литературой быту низших сословий. Белинский особенно ценил повести «Нищий», «Черная немочь». «Обе они замечательны по верному изображению русских простонародных нравов, по теплоте чувства, по мастерскому рассказу, а последняя и по прекрасной, поэтической идее, лежащей в ее основании» (Полн. собр. соч.— Т. I.—

С. 94). У П. есть и опыт «светской повести» («Как аукнется, так и откликнется») и несколько повестей, сюжеты которых напоминают баллады («Суженый», 1828; «Преступница», 1830; «Васильев вечер», 1831). Повесть «Психологические явления» (1829—1832) состоит из 6 кратких, сюжетно не связанных главок, каждая из них рассказывает некий «случай», в котором ярко проявилась необычная психологическая ситуация (однако описанная извне, без всяких попыток анализа душевной жизни персонажа). Типы и сюжетные ситуации, встречающиеся в повестях П., нередко представляют собой как бы первые, черновые варианты будущих классических страниц русской прозы (наблюдение М. Н. Виролойнен — см. список литературы). Само разнообразие проблематики материала повестей П. было важно в период становления русской прозы. Но все же нельзя не согласиться с Белинским, писавшим в статье «О русской повести и повестях Гоголя», что «талант г. П. есть талант нравоописателя низших слоев нашей общественности, и потому он занимателен, когда верен своему направлению, и тотчас падает, когда берется не за свое дело» (Т. I.— С. 277). Историческая трагедия в стихах «Марфа, Посадница Новгородская» (1830) обращается к теме, популярной в декабристских кругах: падению Новгородской республики. Но в отличие от революционно-романтической трактовки декабристов тема получает у П. более сложное историческое освещение. В основе трагедии — реальный эпизод, описанный в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, П. использовал и летописи, стремясь исторически достоверно воссоздать колорит эпохи. В трагедии показана социальная неоднородность новгородцев, противоречия в новгородском обществе. П. понимает и показывает историческую исчерпанность такого явления, как удельные княжества, усталость народа от междоусобиц. Подлинная трагедийность конфликта пьесы состоит в том, что своя правота есть и у новгородцев, и у москвичей.

Пьеса вызвала горячее одобрение Пушкина, увидевшего в ней продолжение пути, намеченного самим поэтом в «Борисе Годунове». По поводу этой пьесы Пушкин в неоконченной статье о ней, а также в письмах высказал ряд существенных соображений о народной драме, ее задачах и перспективах развития в России. Следующая историческая трагедия П. «Петр I» (1831) была запрещена к публикации. Последнее художественное произведение П.— прозаическая «История в лицах о Дмитрие Самозванце» (1835) уступает драме «Марфа, Посадница Новгородская» и в художественном, и в идейном отношении.

Соч.: Повести: В 3 ч.— М., 1832; Исследования, замечания и лекции о русской истории: В 7 т.— М., 1846—1857; Древняя русская история до монгольского ига: В 3 т.— М., 1871—1872. Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны 1853—1856 года.— М., 1874; Повести. Драма / Сост., вступ. ст. и примеч. М. Н. Виролойнен.— М., 1984.

Лит.: Белинский В. Г. Литературные мечтания // Полн. собр. соч.— М., 1953.— Т. I.— С. 94; О русской повести и повестях Гоголя // Там же.— С. 276—278; Чернышевский Н. Г. Очерки гоголевского периода русской литературы // Полн. собр. соч.— М., 1947.— Т. III.— С. 76—77, 153—154; Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина: В 22 кн.— Спб., 1888—1910; Канунова Ф. З. Пушкин и «Московский вестник» // Уч. записки Томского гос. ун-та.— Томск, 1951.— № 16; Маймин Е. А. Еще о Пушкине и «Московском вестнике» // Пушкинский сборник.— Псков, 1968; Вацуро В. Э. Историческая трагедия и романтическая драма 1830-х годов // История русской драматургии. XVII — первая половина XIX в.— Л., 1982.— С. 328—330, 332—338, 341—343. В. Н. Некрасов

ПОГОРЕЛЬСКИЙ, Антоний, настоящая фамилия — *Перовский Алексей Алексеевич* [1787 — 9(21).VII.1836, Варшава] — прозаик. Побочный сын гр. А. К. Разумовского. За два года и два месяца окончил Московский университет со степенью доктора философских и словесных наук, присвоенной за три лекции на трех языках, посвященные естественным проблемам (1807). Служил в статской службе до 1812 г. Участвовал в Отечественной войне в заграничном походе, два года жил в Дрездене при русском генерал-губернаторе Саксонии. Приехав в Петербург, служил в департаменте духовных дел иностранных исповеданий (1816—1822). В 1822 г. поселился в унаследованном имении Погорельцы на Северной Украине, где начал писать повести. Занимался воспитанием маленького сына своей сестры — А. К. Толстого. В 1825 г. назначен попечителем Харьковского учебного округа, с 1826 г. в Петербурге — член комитета по устройству учебных заведений, автор записки «О народном просвещении в России». Живет в Петербурге и Москве, ездит за границу. С 1830 г. — в отставке.

Основные сочинения П. уместились в два небольших тома (1853). Ему принадлежат стихотворения и переводы в русле карамзинизма и шуточные стихи (амфигури), не предназначавшиеся для печати, несколько статей: в двух статьях 1820 г. (третья опубл. лишь в 1966 г.) он остроумно высмеивал чинную чопорность и нелепую придирчивость критиков «Руслана и Людмилы» А. С. Пушкина — А. Ф. Воейкова и Д. П. Зыкова, в 1829 г. продемонстрировал несостоятельность «нравственно-сатирического романа» Ф. В. Булгарина «Иван Выжигин», имевшего большой коммерческий успех, в 1830 г. написал языковедческий трактат «Новая тязба о букве ъ. Письмо к барону Гумбольдту» с шутивными зачином и концовкой от лица буквы, надобность в которой отрицал знаменитый немецкий ученый (интерес к лингвистике замечен и в художественных произведениях П.); есть известие, что в начале 30 гг. он опубликовал стихотворение юного А. К. Толстого со строгой критикой на него.

Главное в наследии П. — художественная проза, печатавшаяся в 1825—1833 гг. под ироническим псевдонимом *Антоний Погорельский* (т. е. «затворник» в с. Погорельцы Черниговской губ. — видимо, параллель к имени св. Антония Печер-

ского, переселившегося из-за княжеских усобиц из Киева в Чернигов). «Лафертовская маковница» явилась первой русской сказочно-фантастической повестью на бытовом материале и получила широкое признание. В ней реально описаны московский мешанский быт и характеры простых людей. Она предвзяла прозу А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя. Ироничность автора выразилась в характерах главных персонажей, сюжете, организации повествования. Так, превращенного колдуньей в чиновника черного kota не может догнать собака, а почталыонша Ивановна не верит дочери, что это кот, поскольку «все знают, что он титулярный советник»: чин убеждает больше, чем само естество. Сродни будущим гоголевским персонажам почталыон Онуфрич и его тетка-ведьма, которая чаще бывает смешной, чем страшной. Фантастический сюжет был настолько нов для прозы, что издатель повести А. Ф. Воейков снабдил ее от своего имени «Развязкой», попытавшись рационально объяснить чудеса восприятием и воображением героев.

Такое не в меру серьезное, не эстетическое понимание новой литературы П. дискредитирует художественными средствами в книге «Двойник» (1828). Это слово (и понятие) он первый ввел в русский язык и литературу по аналогии с немецким. П. заимствовал отдельные образы и мотивы у Э. Т. А. Гофмана и отчасти у других немецких романтиков, но перетолковал их весьма свободно, не приняв мистическую идею двоения и трагическое мироощущение, которое они выражали. «Двойник» строится на игре и мистификации. Скучающего в деревне и строящего воздушные замки Антония приходит развлекать его точная копия, добродушное и вежливое привидение. Их беседы и деликатные споры в течение шести вечеров, преимущественно о таинственном в жизни, включают короткие истории и четыре самостоятельные повести: Антоний выступает рассказчиком «Издора и Анюты» и ранее опубликованной «Лафертовской маковницы», Двойник — «Пагубных последствий необузданного воображения» (привидение у П. против излишнего воображения) и «Путешествия в дилижансе». В «Издоре и Анюте», слабой сентиментально-предромантической вещи, офицер Изидор в освобожденной от французов Москве по ночам разговаривает с призраком погибшей невесты и затем умирает. Но рассказ служит поводом для спора о существовании привидений. Двойник в них сомневается больше, чем Антоний. Вообще же спорщики легко соглашаются или незаметно для себя меняются местами в споре, будь то разговор о родах ума и измерении его степеней, или о возможности для человека влюбиться в механическую куклу, как в «Пагубных последствиях...» (это упрощенная, без всякого философского подтекста перелетка «Песочного человека» Гофмана), или о том, почему мучила совесть полковника, который сгоряча застрелил некогда подобрившую и воспитавшую

его в лесу обезьяну («Путешествие в дилижансе»). Хотя фантастический Двойник парадоксально проявляет себя рационалистом заметно чаще, чем Антоний, оба собеседника принимают удивительное как естественное и удивляются не самому удивительному (этим также предвещалась поэтика Гоголя). Странное и важное приравнивается к обыкновенному и незначительному, начиная с псевдонима автора и заглавия «Двойник, или Мои вечера в Малороссии»: никому неведомое существо и ли обычные вечера в обычной Малороссии. Критики не заметили принципиальной и художественно перспективной установки автора, истолковав содержание книги в основном как чисто «серьезное».

Классическим произведением детской литературы стала волшебная повесть П. «Черная курица, или Подземные жители» (опубл. в 1829 г.). В ней есть элементы поэтики «взрослых» произведений писателя (заглавие, алогичное сопоставление «животного» и «чиновничьего»: «Мой министр — не курица, а заслуженный чиновник!» — слова короля подземного царства), интересные картины петербургской жизни. При этом она хорошо приспособлена к детскому восприятию, хотя и отличается острым драматизмом развязки. Излишний дидактизм сказки был вовсе не чрезмерным на фоне ранней детской литературы.

В 1829 г. в газете «Бабочка» за подписью «С английского: Антоний Погорельский» печатается маленькая ультраромантическая повесть «Посетитель магики» о визите обреченного на вечные скитания бессмертного грешника к философу и чародею Корнелию Агриппе (П. его «переселил» из XVI в XIII в.). Источник ее не установлен, не исключена мистификация (так, в 1875 г. подзаголовок «С итальянского» дал своей оригинальной поэме «Дракон» А. Толстой, воспитанник П.), характеры и движение сюжета органичны для П.: маг своими чарами оказывает услугу, собственно, сверхъестественному существу, а узнав его, отказывается от денег преступника, оскорбившего Христа, — средневековый колдун у П. так же благочестив, как современное привидение. Но кипение страстей (страдания грешника, увидевшего благодаря чарам образ давно умершей обожанной дочери, испуг Агриппы) поддается в данном случае иронии.

В 1830 г. П. публикует в «Литературной газете» две главы нового романа «Магнетизер». В первой главе показан эпизод из жизни небогатого семейства, живущего в Екатеринбурге, даны сочные бытовые детали. Приводится разговор отца, Анисима Анникевича, начитавшегося в книжках о магнетизме, его необразованной жены и дочери Пашеньки, которая в пансоне уже имела дело с каким-то магнетизером. Вторая глава обращена к годам молодости Анисима Анникевича, сына хозяина мелочной лавки в московской Немецкой слободе (т. е. в том же Лефортове-Лафертове), а затем товарища разносчика из книжной лавки.

Продолжения не последовало: фантастика, даже мнимая, в 30 гг. перестала интересовать П. Теперь его привлекают психологизм, хотя еще и не очень развитый, и бытописание.

В том же 1830 г. в противовес булгаринскому «Ивану Выжигину» П. печатает первую часть нравоописательного романа «Монастырка». Выпускница Смольного института сирота Аня, именем которой завладел злой и жадный опекун Дюндик, приезжает к доброй тетушке на Украину и в трех письмах к подруге описывает поразившие ее жизнь, язык, поведение малороссиан — по точности описаний, мягкому юмору это лучшие страницы П. Остальное дается непосредственно от автора. Комичны семейство Дюндиков, их домочадцы, фат Прыжок, переделавшийся в Прыжкова, которому противостоит романтический герой офицер Блистовский (фамилия дана по названию имения сестры П. — Блистова, расположенного недалеко от Погорельца) — единственный бесцветный персонаж на фоне колоритных второстепенных; не в меру благороден духом его добровольный помощник, крепостной Дюндика — цыган Василий. Благодаря и Прыжков плетут заговор против Блистовского и Анюты, похищают ее, и на самом интересном месте первая часть обрывается.

П. заставил читателей ждать продолжения три года и в 1833 г. быстро написал и напечатал вторую часть вместе с первой, густо насытив сюжет приключениями и тем самым фактически изменив жанр произведения. Главным действующим лицом, хотя и выступающим в основном «за сценой», оказывается, как потом становится известно, сильный и предприимчивый цыган Василий. Благодаря ему и соединяются Аня и Блистовский, который всю вторую часть только «прометается» в поисках возлюбленной.

Как и «Двойник», «Монастырка» была принята многими только всерьез, обрела большую популярность, в какой-то мере породила традицию. Но в наступившую пору классической русской прозы П. ничего более не писал.

Некоторые особенности личности и творчества П. способствовали созданию его племянниками А. К. Толстым и бр. Жемчужниковыми литературной маски Козьмы Пруtkова.

Соч.: Соч.: В 2 т. — Спб., 1853; Двойник. Монастырка / Вступ. ст. Н. Л. Степанова. — М., 1960; Избранное / Вступ. ст. М. А. Турьян. — М., 1985; Избранное / Сост., посл. и примеч. А. А. Шалаевой. — М., 1988.

Лит.: Чернышевский Н. Г. Сочинения Антона Погорельского... // Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: В 16 т. — М., 1949. — Т. 2. — С. 381—388; Кирпичников А. И. Очерки по истории новой русской литературы. — 2-е изд. — М., 1903. — Т. 1. — С. 76—120; Игнатов С. С. А. Погорельский и Э. Гофман // Русский филологический вестник. — 1914. — № 3—4. — С. 249—278; Ботникова А. Б. Э. Т. А. Гофман и русская литература (первая половина XIX века). — Воронеж, 1977. — С. 56—68; Стафеев Г. И. В отчизне пламени и слова (А. А. Перовский и А. К. Толстой в Красном Поле). — Тула, 1983. С. И. Кормилев

ПОДОЛИНСКИЙ, Андрей Иванович [I(13).VII. 1806, Киев — 4(16).I.1886, там же] — поэт. Ро-

дился в семье небогатого служилого дворянина. На 12-м году был отдан в Киевский частный немецкий пансион. В 1821 г. поступил в Благородный пансион при Петербургском университете, который окончил в 1824 г. с высшей наградой, правом на чин X класса. Поступил на службу секретарем при директоре почтового департамента. В 1831 г. был переведен в Одессу, получив место помощника начальника VII почтового округа Новороссийского края. Перед ним открылась блестящая служебная карьера. В 1850 г. П. вышел в отставку (в чине действительного статского советника и со званием камергера). Поселившись в отцовском имении «Ярославка», он предался хозяйственной деятельности, занимался садоводством, серьезно увлекался ботаникой.

В 1838 г. П. женился по любви на дочери крупного херсонского помещика Марии Сергеевны Кудашовой. Счастливым в браке, П. был несчастлив в детях: одного сына потерял ребенком, другого еще в молодые годы поразил тяжелый недуг, перешедший затем в прогрессивный паралич. Трагическая судьба и ранняя гибель сына омрачили старость П.

Литературный талант П. обнаружил рано. Социнительство с юных лет и до конца жизни было непосредственным проявлением его творческой натуры и серьезных духовных запросов. Но литература не стала главным делом жизни П., а литературная судьба складывалась на редкость неудачливо. Его творческий дар сформировался в 20 гг. С юных лет он попал под воздействие русских и английских романтиков: Жуковского, Пушкина, Козлова, Байрона и др.

Случайная встреча семнадцатилетнего П. с Пушкиным в Чернигове в 1824 г. (о ней он впоследствии рассказал в своих воспоминаниях) (Русская старина.— 1885.— № 1.— С. 77) была воспринята им как перст судьбы. П. решился вступить на литературное поприще.

Его литературный дебют состоялся в 1827 г. Преподаватель словесности Петербургского университетского Благородного пансиона Кречетов, много поспособствовавший тому, чтобы по выходе из пансиона П. был на высоте художественной культуры своего времени, на свои средства издал его поэму «Див и Пери». Поэма привлекла читателя прекрасным слогом и живостью поэтических картин стран Востока. Поэма «Див и Пери» задумана как гимн гармонии мироздания, устроенного высшим разумом. В центре изображения противоборство Пери — духа падшего, заблудшего и Дива — духа зла. Разрешается конфликт торжеством Пери, убедившего Дива свернуть с пагубной дороги зла на путь добродетели и примирения с Богом. В эпоху всеобщего увлечения Байроном и подражания ему П. создал поэму в духе другого английского романтика, Т. Мура (автора поэмы «Лалла-Рук»), и написал ее не четырехстопным ямбом (по сложившейся традиции), а четырехстопным хореем.

Поэма получила восторженный отзыв Н. А. Подолево: «Г-н Подолинский начал смелым подвигом и показывает нам в поэме свое дарование могущественное» (Московский телеграф.— 1827.— № 21.— С. 83).

Сблизившись с кругом Дельвига и бывая на еженедельных литературных вечерах в его доме, П. встречался здесь с Пушкиным, который сказал ему по поводу его поэмы «много лестного» (Русский архив.— 1872.— Вып. 3—4.— С. 863). В гостиной у Дельвига П. неоднократно доводилось быть свидетелем продолжительных прений Пушкина с польским поэтом А. Мицкевичем. Мицкевич сочувственно относился к творчеству П.

Успех окрылил П., вслед за первой поэмой он опубликовал поэмы «Борский» (1829) и «Нищий» (1830) и напечатал в литературных альманахах несколько десятков стихотворений. Поразивший П. своей неожиданностью отрицательный отзыв Дельвига в «Литературной газете» о его поэме «Нищий» привел к разрыву П. с его литературными друзьями.

В поэмах «Борский» и «Нищий» видна зависимость П. от Байрона и его русских последователей, увлекшихся изображением роковых страстей, ведущих к кровавой развязке. Поэту остались чужды бунтарские порывы излюбленных героев Байрона, ему не удавалось изображение напряженной внутренней жизни байронических героев. Критика быстро отреагировала на новые произведения П., отметив, что он двинулся не по своей дороге (Надежди и Н. И. «Борский», соч. А. Подолинского // Вестник Европы.— 1829.— № 6.— Март: — Апрель — № 7).

Вышедшие в свет в 1837 г. «Повести и мелкие стихотворения» П. показали, что талант его возмужал и поэтическое мастерство совершенствовалось. Его имя критики ставили рядом с именем Пушкина. Поэма «Смерть Пери» (1837), напоминающая лермонтовскую поэму «Ангел смерти», явилась более зрелым и художественно отточенным произведением, чем созданная десятилетие назад «Див и Пери». Однако литературным событием для своего времени она не стала — эпоха расцвета русского романтизма уходила в прошлое. Поэт, с юных лет давший зарок «не входить ни в какую полемику и не принадлежать ни к какой исключительной партии» (Русская старина.— 1885.— № 1.— С. 76), оказался в разладе со своим временем и, как вскоре выяснилось, на обочине столбовой дороги развития русской литературы.

В 1860 г. после перерыва появилось новое издание стихотворений П. Книга не нашла своего читателя. В 1885 г. в журнале «Русская старина» (№ 1) были опубликованы стихотворения П. 1830—1885 гг., обнаруживающие широту его жанрового диапазона. В «Русском вестнике» (1886, № 1) посмертно увидели свет его воспоминания, а в «Русской старине» (1886, № 7) была опубликована его повесть «Змей» (1827).

В. Г. Белинский еще в «Литературных мечтаниях» (1834) вынес приговор П. как поэту с «замечательным дарованием», подававшему «лестные надежды», но не выполнившему их. Н. А. Добролюбов, проанализировавший причины несостоявшейся литературной судьбы П., увидел их в «существенном свойстве таланта» поэта — «мечтательности», приведшей к отрыву от насущных запросов своей современности.

П. вошел в историю русской литературы как поэт-романтик пушкинской поры, автор двух поэм «Див и Пери» и «Смерть Пери». Любители поэзии ценят его стихотворения, обнаруживающие «силу и приятность слога» (Кюхельбекер) и наряду с мечтательностью и игрой воображения строгость мысли. Стихотворения П. «Жребию», «Вечер», «На развалинах Десятичной церкви в Кнебе», «Природа», «Под необъятным сводом неба», «Мелодия» и др. являются вкладом поэта в сокровищницу русской поэзии.

Соч.: Соч.: В 2 т.— Спб., 1860; Козлов И., Подолинский А. Стихотворения.— Л., 1936; Поэты 1820—1830 годов.— Л., 1972.— Т. II.

Лит.: Белинский В. Г. Литературные мечтания // Полн. собр. соч.— М., 1953.— Т. 1.— С. 75; Добролюбов Н. А. Сочинения А. И. Подолнского // Собр. соч.— М.: Л., 1953.— Т. 2. И. Е. Усок

ПОДЪЯЧЕВ, Семен Павлович [29.I(10.II).1886, дер. Обольяново (ныне Подьячево) Дмитровского у. Московской губ.—17.II.1934, там же] — прозаик. Окончил сельскую школу. Один год учился в Череповецком техническом училище, которое вынужден был оставить из-за бедности. С этого времени начинается его самостоятельная жизнь. Приходит в Москву, где работает наборщиком в типографии, сторожем на железной дороге, дворником. Вновь возвращается в деревню, нанимается батраком к помещику, трудится на торфяных болотах. Живет в монастырях в качестве рабочего и послушника. На время уходит в Петербург. Вскоре возвращается в свою деревню, чтобы уже окончательно поселиться в ней и вести жизнь простого крестьянина.

Писать начал с детства, писал стихами, затем обратился к прозе. Первые печатные произведения П. — рассказы «Осечка» и «Встреча» — появились в журнале «Россия». На П. обратили внимание, когда в журнале «Русское богатство» появились его очерки «Мытарства» (1902), «По этапу» (1903) и повесть «Среди рабочих» (1904). Эти произведения имеют автобиографический характер. Их содержанием стали пережитые автором «мытарства», типичные для тысяч русских мужиков, волею обстоятельств вовлеченных в процесс «раскрестьянивания». В очерке «Мытарства» описываются страдания деревенского человека, очутившегося в поисках заработка в Москве. Писатель создает галерею людей «городского дна», представителей разных социальных классов: здесь и впащие в нищету крестьяне и рабочие, и спившийся дворянин со всеми чертами мораль-

ной деградации. Страшные картины московского рабочего дома, описанные П., потрясли общественность. На очерки откликнулись В. Г. Короленко, М. Горький, А. С. Серафимович.

Большое значение для П. имела революция 1905 г. Уже в преддверии ее он создает повесть «Среди рабочих» о судьбе деревенского пролетариата. Эта повесть правдиво передает настроение беднейшего крестьянства накануне революции. В повести широкой панорамой представлена жизнь старой русской деревни и вместе с тем показано появление ростков нового сознания в ней. П. создает яркие самобытные образы крестьян, всех их объединяет острая ненависть к угнетателям. Впервые у П. появляется персонаж (кузнец Журлов), который способен открыто бросить вызов «хозяевам жизни». Хотя события 1905—1907 гг. не нашли прямого отражения в его творчестве, эти произведения свидетельствовали об умении писателя чутко откликаться на ход времени. И в лучших произведениях, написанных между двумя революциями, деятельная активная личность утверждается как эстетический идеал (Демьян из очерка «У староверов», 1907; Маркел из рассказа «Разлад», 1908). Рождение нового социального сознания в «маленьком человеке» показано в повести «Забутые» (1909). В центре повести жизнь «забытого» историей человека, пьяницы и неудачника Даенкина. Но ветер истории коснулся и таких, как он. В «забытом» человеке появляются ростки нового сознания: стремление жить жизнью страны, жажда улучшения жизни. Так появляется в творчестве П. тема обновления.

Но в большинстве произведений П., написанных до 1917 г., показана старая русская деревня, тяжелая жизнь крестьян, доведенных до крайней степени нужды столыпинской реформой. Рабская психология мужика, его темнота, забитость, семейные неурядицы, доходящие до открытой вражды, мучения женщины, страшная участь детей — все это глубоко правдиво отражено в рассказах: «У староверов», «Разлад», «Тьма» (1908), «Зло» (1909), «Семейное торжество», «Жизнь и смерть» (1910), «Шпитаты» (1913), «На площадке вагона» (1915), «За грибами, за ягодами» (1916). Писатель не боится показать, как в этих страшных нечеловеческих условиях люди ожесточаются, морально деградируют, и в то же время он дает понять, что не они в этом виноваты. «Семен П., — писал М. Горький, — рассказывал о деревне... задумчиво, не громко и всегда как бы в тоне вопросов: — Разве это все можно считать человеческой жизнью? Разве такими должны быть люди? Но разве в этих условиях могут они быть иными?» (Семен Подьячев. Предисловие // Подьячев С. П. Полн. собр. соч.— Т. 1.— С. 6). Часто его произведения заканчиваются трагически: «Разлад», «Тьма», «Жизнь и смерть», «Как Иван «проел» время» (1912) и мн. др.

Большой цикл составляют рассказы о сельских хищниках. Кулаки, трактирщики, попы, лавочники изображены в рассказах: «Семейное торжество», «Разлад», «Тьма», «Благодетель» (1914), «Неприятности», «С новостями пришел» (1914). Вершиной сатирического цикла о богатых людях села является рассказ «Карьера Захара Федорыча Дрыкалина» (1915).

Произведения, написанные в годы империалистической войны, выражают недовольство политикой царизма и полны ожиданий скорых социальных перемен: «В трудное время», «Обыденное» (1914), «Дезертир» (1915), «За язык пропадают» (1917) и др. «Со всех четырех сторон ветер нам встречу», — образно говорит об этом герой П.

Большое значение для творческого становления П. имели его дружеские связи с В. Г. Короленко, И. М. Касаткиным и особенно с М. Горьким. Около 50 лет П. был бесстрашным бытописателем русской деревни. Творческую манеру писателя составляет знание русской деревни, наблюдательность, драматизм и предельная простота повествования, ощущение исторического времени, богатство народного языка. П. был достойным продолжателем традиций писателей-демократов 60 гг.: Решетникова, Левитова, Г. И. Успенского и др.

Не все художественно равноценно в большом литературном наследии П. «Ваша сила — знание быта и наблюдательность, слабость — однообразие и громоздкость формы», — писал ему Короленко (Короленко о литературе. — С. 572). Многие описания натуралистичны, концовки некоторых произведений откровенно морализаторские, много вульгаризмов в языке персонажей.

Революцию 1917 г. П. встретил с большой радостью и сразу же активно включился в общественную жизнь. Будучи заведующим волостным отделом народного образования, он много делает для своего края. Несколько лет был председателем объединения крестьянских писателей. В 1918 г. стал большевиком.

По-прежнему в центре внимания писателя жизнь деревни. Основная тема послеоктябрьского творчества П. — утверждение новой жизни («Нашел», 1921; «Новые полсапожки», 1922; «Папаша хресный», 1924) и борьба с пережитками прошлого в сознании крестьян («Письмо», 1924; «Сквозь строй», 1925; «Бабий агроном», 1926).

Большой цикл рассказов составляют произведения о врагах Советской власти, не останавливающихся перед убийством: «Семейный разлад» (1922), «Злобная тьма» (1923), «Комолая злоба» (1928). С годами росло сатирическое мастерство П. Сло смешь, по-шедрински, он резко отрицательно изображает «примазавшихся» к Советской власти и забюрократившихся коммунистов, превратившихся в «вельмож»: «Комиссар» (1923), «Сынок приехал» (1926), «Репетиция», «Отдыхающий», «Доходная статья» (1927), «Сынок» (1928).

Последнее произведение П. — автобиографическая повесть «Моя жизнь» (1924—1934), написанная по совету М. Горького.

Соч.: Полн. собр. соч. / Вступ. ст. М. Горького и критико-биографический очерк И. Кубикова. — М.; Л., 1927—1930. — Т. 1.—II; Избр. произв. / Вступ. ст. Н. И. Пруцкова. — М., 1951; Избранное / Вступ. ст. А. К. Котова. — М., 1955. Лит.: Короленко В. Г. О литературе. — М., 1957; Макин М. А. Семен Подьячев: Литературный портрет. — М., 1981; Котов А. К. Статьи о русских писателях. — М., 1986.

Д. У. Якилова

ПОЛЕВОЙ, Николай Алексеевич [22.VI (3.VII). 1796, Иркутск — 22.II (6.III). 1846, Петербург] — критик, прозаик, драматург, журналист, историк. Родился в купеческой семье. Детские годы прошли в Сибири. Получил домашнее образование. К шести годам умел читать, с десяти лет помогал отцу вести конторские книги и, как сам вспоминал, «писал стихи и прозу», еще «не зная, что такое стихи и проза», «выдавал» рукописную газету «Азиатские новости» и журнал «Друг России», сочинял драмы, трагедии, интермедии, а также свое собственное «Путешествие по всему свету» (Николай Полевой. Материалы. — С. 83, 357—358). Отец не препятствовал литературным занятиям сына, выбрав, однако, оригинальный метод «воспитания» у него чувства ответственности за порученное дело: каждый раз, как только замечал упущения сына по работе в конторе, сжигал все им написанное. Но П., несмотря ни на что, продолжал писать и «выдавать» газету и журнал; истребить в нем тягу к творчеству было невозможно.

С «препоручениями» от отца, задумавшего оставить Сибирь, П. в августе 1811 г. приезжает в Москву. Культурная жизнь нашей древней столицы так увлекает его, что он быстро забывает о делах, отдавая все свое время духовным интересам — театру, «куда ходил раза по три в неделю», книгам, которых «прочитал и накопил без счета», университету, «куда пробирался на лекции» и слушал А. Ф. Мерзлякова, М. Т. Каченовского и др. профессоров (Там же. — С. 84). В июне 1812 г. в Москву приезжает вся семья Полевых, но они не успели даже оглядеться и устроиться, как пришлось «вместе с другими беглецами» оставить город, бросить квартиру, мебель, хозяйство; все приобретенное имущество погибло во время пожара.

Некоторое время Полевые живут в Арзамасе, затем перебираются в Курск, на родину отца П. После неудачных попыток основать «собственное дело» сначала в самом Курске, затем в Ростове-на-Дону, отец П. в 1814 г. возвращается в Иркутск, а П. поступает на службу в контору богатого курского купца, у которого проработал четыре года, с небольшим перерывом в 1815 г. (ездил в Иркутск). В 1817 г. отец П. окончательно расстается с Сибирью, обосновывается в Курске и открывает там водочный завод. Дело оказалось прибыльным, в семье появляется

достаток, и летом 1819 г. П. оставляет работу у купца.

Все эти годы, несмотря на переезды и конторскую суету, П. не прекращал своих литературных занятий. В 1817 г. журнал «Русский вестник» публикует два его стихотворения, перевод с французского и заметку «Отрывки из писем к другу из Курска» — о пребывании на курской земле Александра I. Заметка была подписана полным именем автора, сразу сделав его городской знаменитостью.

В нач. 1820 г. отец направляет его в Москву с поручением наладить сбыт продукции их завода. Торговые заботы отнимали немного времени, и П., мечтая о филологическом образовании, занимается «всеми предметами, необходимыми для поступления в университет», куда, впрочем, даже и не пытается поступить (Там же.— С. 126), самостоятельно изучает греческий, латинский, совершенствуется во французском, продолжает, как поэт и переводчик, сотрудничество в «Вестнике Европы», начатое им еще в 1819 г., сближается с его редактором М. Т. Каченовским, приобретает к кругу московских литераторов, затем, бывая наездами в северной столице, заводит литературные знакомства и в Петербурге.

В 1820—1824 гг. его стихи, заметки, очерки, статьи на филологические и исторические темы, а также переводы с французского печатаются в «Отечественных записках», «Северном архиве», «Сыне отечества», альманахе «Мнемозина». В 1822 г. Российская Академия награждает П. серебряной медалью за работу «Новый способ спряжения русских глаголов».

В 1825—1834 гг. П. издает собственный журнал — «Московский телеграф», который, по словам В. Г. Белинского, «был решительно лучшим журналом в России от начала журналистики» (Полн. собр. соч.— М., 1955.— Т. IX.— С. 693). Заглавие «Московского телеграфа» полностью отвечало его сущности: он действительно был проводником новых литературных идей и общественного мнения. Н. Г. Чернышевский называет П. «одним из предводителей в литературном и умственном движении» (Полн. собр. соч.— М., 1947.— Т. 3.— С. 23), а Белинский еще при жизни П. отметит, что «он имел сильное влияние на свое время, произвел переворот в мертвой журналистике того времени, оживил литературу, дал быстрое течение обмену мнений, сбавил цены со многих авторитетов, не совсем по праву стоявших слишком высоко, уничтожил множество знаменитостей по преданию и на кредит» (Полн. собр. соч.— М., 1953.— Т. III.— С. 501).

Уже в первом номере журнала П. объявил, что ставит своей целью «беспристрастный надзор за отечественной литературой», полагая критику «одним из важнейших отделений журнала — пусть только будет она умна, правдива, дельна» (Московский телеграф.— 1825.— № 1.— С. 9, 12). До П. наша критика адресовалась преимуще-

ственно образованному сословию, узкому кругу литераторов и ценителей — «знатоков» искусства и имела в основном «цеховой», говоря современным языком, характер. П. с первых шагов своей журналистской деятельности обратился к широкой читающей публике, понимая, что «несовершенно виновны в медлительности успехов нашей литературы наши литераторы: от читателей, от читательниц зависит часть успехов и неудач наших» (Московский телеграф.— 1825.— № 3.— С. 260). Он первым увидел, что состояние литературы в известной мере определяет та «атмосфера вкуса», в которой формируются писатели и которая поддерживается читателями, и что эту «атмосферу» создает критика, общественное мнение.

«Публика судит,— писал П.,— но у нас не учредилось еще судилище общего мнения, литература только что развертывается, вкус наш, так сказать, не устоялся и зло можно прекращать в начале. Пусть поэты и прозаики наши летают во всех возможных направлениях умозрения и фантазии — журналист может и должен разбирать и ценить труды их, отделять репейник, быть посредником здравого смысла, чистого вкуса, изящного слога» (Московский телеграф.— 1825.— № 1.— С. 12). Прекращать зло в начале было поистине любимым его занятием. «...Издатель,— пишет П. в одной рецензии,— объявляет, что издание «Невского альманаха» есть *первый* его опыт. Нельзя ли *второго* опыта не делать?» (Московский телеграф.— 1825.— № 3.— С. 338); «...г. переводчик объявляет,— замечает он в другой,— что это *первый опыт его*: да будет он и *последним*...» (Московский телеграф.— 1826.— № 21.— С. 90) и т. д.

П. называет дело критика «важным подвигом», вменяя ему в обязанность «обличение невежества, похвалу уму и познаниям» (Московский телеграф.— 1825.— № 1.— С. 12). «...Читайте,— скажет он,— судите и, если хороша, хвалите, не заботясь о ранге и звании» (Московский телеграф.— 1825.— № 2.— С. 141). П. стремится к критике целостной, всесторонней. «Рассматривайте каждый предмет,— пишет он,— не по безотчетному чувству: *нравится, не нравится, хорошо, худо*,— но по соображению историческому века и народа, и философическому важнейших истин души человеческой» (Московский телеграф.— 1831.— № 3.— С. 381). Опираясь на это требование, П. создает серию статей о творчестве русских писателей: «Сочинения Г. Р. Державина», «Баллады и повести В. А. Жуковского» (1832), «Борис Годунов». Сочинение Александра Пушкина» (1833) и др., которые явились новым словом в русской критике и позднее были объединены им в книгу «Очерки русской литературы» (СПб., 1839.— Ч. 1—2). Немало статей П. посвятил и зарубежной литературе: «Нынешнее состояние драматического искусства во Франции» (1830), «О новой школе в поэзии французской»

(1831), «О романах В. Гюго и вообще о новейших романах» (1832) и др.

Поражает широта и разнообразие творческой деятельности П., выходящей далеко за рамки одного только «беспристрастного надзора за отечественной литературой».

Он принимает самое активное участие в разработке теоретико-литературных проблем и прежде всего понятия о романтизме, развивая оригинальную теорию, согласно которой романтизм предполагал «истину и полноту» изображения жизни, «воссоздание народной литературы как единственного средства сделаться самобытным», «высочайшую степень» разнообразия самобытностей, что позволит узнать «все самые мелкие черты различных народностей», отобразить прошедшее и оценить все современное «по условиям местности, философии и истории... проникнув до крайней степени познания сердца человеческого и тайн природы...» (Московский телеграф.— 1832.— № 1.— С. 126; № 3.— С. 374).

Он пишет «Историю русского народа» (Т. 1—6, 1829—1833, не завершена), полемически направленную, что подчеркивалось уже самим заглавием, против «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, вводя в научный оборот новые исторические факты и памятники нашей древней словесности и письменности. Выступает в защиту просвещения как «одного из главнейших оснований государственного благосостояния и народного богатства» («Речь о невещественном капитале...», 1828), призывает купечество всячески содействовать этому благосостоянию, не изменять «всему великому, прекрасному и благому, обещаемому будущей судьбой России» («Речь о купеческом звании и особенно в России», 1832. Обе речи были произнесены в Обществе любителей коммерческих знаний при Московской практической коммерческой Академии: П. был действительным членом Общества и членом совета Академии). Высмеивает сословные предрассудки, людские пороки, литературные нравы, выпуская сатирическое приложение к «Московскому телеграфу» — своего рода журнал при журнале — под названием «Новый живописец общества и литературы» (1829—1831) и «Камер-обскура книг и людей» (1832). Ищет новые пути к художественному отражению действительности не только как критик, но и как беллетрист, добиваясь и на этом поприще заметных успехов.

П.-прозаик занимает видное место в литературном процессе на рубеже 20—30 гг. Следуя общеромантическому движению, направленному на создание самобытных по своему характеру и национальных по содержанию литератур (см.: История романтизма в русской литературе.— М., 1979.— Вып. 1.— С. 22—29, 163—182; Вып. 2.— С. 126—127), он одним из первых обращается к событиям удельной борьбы на Руси XIV—XV вв. (повесть «Симеон Кирдяпа. Русская быль XIV века», 1828; опубл. в 1832 г.; роман

«Клятва при гробе Господнем», 1832), пишет рассказы о крестьянском и купеческом быте, стремясь раскрыть внутренний мир простых людей, взглянуть на все происходящее с ними и вокруг них как бы глазами самого народа («Святочные рассказы», 1826; «Мешок с золотом», 1829; «Рассказы русского солдата», 1833—1834; и др.), а также повести о том, как гибнут мечта, талант, любовь, столкнувшись с суровой прозой жизни («Блаженство безумия», «Живописец», 1833; «Эмма», 1834). Произведения эти по своему художественному уровню неравнозначны. Однако новаторство П. сразу оценил Белинский, отметив, что в «Симеоне Кирдяпе» впервые была постигнута «поэзия русской древней жизни», которую П. понял «вернее всех наших романистов», а с «Рассказами русского солдата» «в изображении чувств и понятий простолюдинов» вообще «не может идти ни в какое сравнение ни одна повесть, взятая из простонародной жизни» (Полн. собр. соч.— Т. I.— С. 155, 159, 278).

3 апреля 1834 г. по высочайшему повелению был закрыт «Московский телеграф». Поводом тому послужил отрицательный отзыв П. о драме Н. Кукольника «Рука всевышнего отечество спасла», которой рукописал сам царь. Действительной причиной было растущее недовольство в правительственных кругах распространением буржуазно-демократических идей, «телеграфом» которых у нас служил журнал П.

Тяжело переживая случившееся, П., однако, не падает духом. Лишенный права подписываться своим именем под журнальными публикациями, он тем не менее активно сотрудничает в «Московском наблюдателе» и «Библиотеке для чтения», много переводит, издает сборник своих повестей «Мечты и жизнь» (1834), пишет роман «Аббадонна» (1834). В нем, рассказывая о жизни молодого служителя муз, он ставит вечно злободневный вопрос: где та грань, та черта, переступив которую человек падает так низко, что теряет возможность вернуться к добру? В заглавии романа использовано имя персонажа из поэмы Ф. Г. Клопштока «Мессиада» — падшего ангела, безуспешно пытавшегося вырваться из ада.

П. явится инициатором «Живописного обозрения» — первого русского иллюстрированного журнала, который издает в 1835—1837 гг., работает над «Русской историей для первоначального чтения» (Т. 1—4, 1835—1841), переводит «Гамлета» В. Шекспира (1836), сценическая постановка которого в 1837 г. вызвала подъем интереса к английскому драматургу и дала толчок развитию отечественного шекспироведения.

Но все эти начинания, плодотворные в творческом отношении, не могли поправить материального положения П., подорванного прекращением издания «Московского телеграфа», итак уже несколько лет издававшегося в кредит. Большая семья (у П. к тому времени было семь детей,

а всего — девять) требует значительных расходов, он влезает в долги, а расплачиваться было нечем. И тогда П. принимает предложение перебраться в Петербург и взять на себя редактирование газеты «Северная пчела» и журнала «Сын отечества», пришедших в полный упадок при прежних их издателях Н. И. Грече и Ф. Булгарине. Новый издатель — А. Ф. Смирдин полагал, что само имя П. привлечет подписчиков и обеспечит популярность этих изданий. Однако запрет на открытую журналистскую деятельность П. сохранялся, в звании официального редактора ему было отказано, имя его не могло быть названо даже в перечне сотрудников этих изданий. Оказавшись в безвыходном положении, П. соглашается на негласное редактирование, соответственно за более низкое вознаграждение, попадая к тому же в полную зависимость от «титულных» редакторов — Греча и Булгарина, невольно выступая в роли проводника их литературной политики, он постепенно изменяет своим прежним убеждениям и скатывается в лагерь реакции.

В Петербург П. приезжает в октябре 1837 г., а с ноября 1837 по май 1838 г. заведует литературным отделом «Северной пчелы», в 1838—1840 гг. редактирует «Сына отечества»; «примерное» поведение вернуло ему право на издательскую деятельность, и в 1841 г. он вместе с Гречем начинает издавать журнал «Русский вестник»; в 1842—1844 гг. — единственный его редактор. Журнал успеха не имел. Имя П. давно уже не вызывало никакого уважения, став синонимом перебежчика, отступника, изменника (Николай Полевой. Материалы. — С. 498), и добиться вновь расположения читателей можно было, только решительно и во всеулышанье порвав со своими петербургскими журнальными «приятелями», отравившими жизнь не одному русскому писателю. Отчаянную попытку в этом направлении П. предпринимает в 1846 г., став редактором «Литературной газеты» и открыто выступив против Булгарина. Этот поворот П. немедленно был замечен и поддержан Белинским, внимательно следившим за деятельностью кумира своей юности, ведшим с ним непримиримую журнальную борьбу в 40 гг., когда П. изменил знамени «Московского телеграфа». Но дни П. были сочтены: непосильная работа «ради денег», полунищенское, полуголодное существование, о чем буквально вопиют страницы дневника, который он вел в Петербурге, свели его в могилу...

В 40 гг. П. занимался не только журнальной деятельностью. Он по-прежнему выступает с критическими статьями и рецензиями, но к его суждениям уже никто не прислушивается. Завершает работу над «Историей Петра Великого» (Т. 1—4, 1836—1843), пишет «Историю князя италийского графа Суворова-Рымнинского» (1843), «Историю Наполеона» (Т. 1—5, 1844—1848), книгу «Русские полководцы» (1845) и др.,

получает известность как драматург. После перевода «Гамлета» П. в 1837 г. пишет свою первую драму «Уголино», а затем в течение восьми лет создает около сорока пьес, прокладывая новые пути в драматургическом освоении событий национальной истории: «Дедушка русского флота» (1838), «Елена Глинская» (1839), «Иголкин, купец новгородский» (1839), «Параша-сибирячка» (1840), «Костромские леса» (1841; о подвиге Ивана Сусаннина), «Ломоносов, или Жизнь и поэзия» (1843), «Русский моряк. Историческая быль» (1843), «Ермак Тимофеевич, или Волга и Сибирь» (1845) и т. д. Многие из его пьес были тепло встречены зрителями, выдержали по нескольку представлений, сыграв определенную роль в развитии отечественной исторической драматургии.

На смерть П. специальной брошюрой откликнулся Белинский, давая высокую оценку этому «богатырю журналистики», называя его «замечательным деятелем на поприще русской литературы», «замечательным человеком, оказавшим литературе и обществу великое образование великие заслуги», которые перекрывали все его ошибки. «Такие люди, — писал Белинский, — не часто являются, и гораздо легче попасть в доктора всех возможных наук, нежели сравниться с ними...» (Полн. собр. соч. — Т. IX. — С. 688, 693, 696).

Соч.: Повести и лит. отрывки: В 6 ч. — М., 1829—1830; Драматические соч. и переводы: В 4 ч. — Спб., 1842—1843; Избр. прозв. и письма / Изд. подгот. А. А. Карпов. — Л., 1986; Мечты и звуки / Изд. подготовил Б. С. Кондратьев. — М., 1988.

Лит.: Белинский В. Г. Николай Алексеевич Полевой // Полн. собр. соч. — М., 1955. — Т. IX; Чернышевский Н. Г. Очерки гоголевского периода русской литературы // Полн. собр. соч. — М., 1947. — Т. 3. — С. 14—43; Козмин Н. К. Очерки по истории русского романтизма: Н. А. Полевой как выразитель лит. направл. современной ему эпохи. — П., 1903; Николай Полевой. Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов. — Л., 1934; Евгеньев-Максимов В. Е., Березина В. Г. Николай Алексеевич Полевой: Очерк жизни и деятельности. — Курск, 1946; Иркутск, 1947; Орлов В. Н. Николай Полевой и его «Московский телеграф» // Пути и судьбы. — Л., 1971. — Проа. С. 313—448; Шаманова В. М. Художественная проза Н. А. Полевого: Статья I. Сборник «Мечты и жизнь» // Проблемы метода и жанра. — Томск, 1977. — Вып. 4. — С. 13—25; Морозов В. Д. Очерки по истории русской критики второй половины 20—30-х годов XIX в. — Томск, 1979. — С. 71—183; Шкляко А. Е. Исторические взгляды Н. А. Полевого. — М., 1981; Троицкий В. Ю. Художественные открытия русской романтической прозы 20—30-х годов XIX в. — М., 1985. А. С. Курдюлов

ПОЛЕЖАЕВ, Александр Иванович [30.VIII (11.IX). 1804 (по другим данным — 1805), с. Покрышкино Инсаровского у. Пензенской губ. — 16(28).I.1838, Москва] — поэт. Он был внебрачным сыном богатого помещика Л. Н. Струйского и крепостной девушки А. И. Федоровой, которую после рождения ребенка выдали замуж за саранского мещанина И. И. Полежаева. Через несколько лет И. И. Полежаев бесследно исчез. Мать будущего поэта вернулась вместе с ним в усадьбу Струйских и вскоре умерла. Маленький Александр оказался

среди чужих людей. Он рос в «людской» избе, окруженный крестьянами и ремесленниками, видел тяжелый труд крепостных, подвергавшихся жестокому угнетению и бесчеловечным расправам, нищету и бесправие трудового народа. Эти сцены навсегда врезались в его память и существенно повлияли на формирование его взглядов. Сознание, что он отщепенец, незаконно-рожденный сын крепостной крестьянки, было источником мучительных переживаний П. Эти переживания оказались первыми, но далеко не последними в ряду нескончаемых бед, которые уготвила ему судьба.

В 1816 г. П. отвезли в Москву, где он был помещен в гимназию и открытый при ней частный пансион. В 1820 г. будущий поэт поступил на словесное отделение Московского университета. В кругу разночинной молодежи, окружавшей его в то время, были сильны вольнолюбивые настроения. Здесь читались и распространялись агитационные песни Рылеева и Бестужева. Среди знакомых П. были участники революционных кружков, в частности разгромленного в 1827 г. кружка бр. Критских. В следственных материалах сохранилось упоминание о том, что у одного из членов этого кружка обнаружили дерзкие стихи насчет правительства, полученные им от П. В годы учения в университете создавались первые произведения П. Наиболее известное из них — поэма «Сашка» (1825—1826), которая сыграла в его жизни поистине роковую роль.

«Сашка» был написан после выхода в свет первой главы «Евгения Онегина» и строился на подспудной полемике с пушкинским романом и образом его главного героя. Вставляя в свой текст цитаты из «Евгения Онегина», проводя Сашку сквозь ситуации, сходные с теми, которые изображал Пушкин, П. избрал при этом совершенно иной, сниженный, грубоватый тон. Он уснастил свое произведение множеством бытовых, натуралистических, порой не свободных от вульгарности деталей, ввел в него эротические сцены, описанные с откровенностью, заключавшей в себе прямой вызов ханжеству официальной морали.

В поэме разносторонне отразилось презрительное отношение П. к светскому обществу. Поэт осмеивает сословные привилегии, бюрократические порядки, при которых «честь и чин» получают «дурак, алтынник, скот». Он одобительно отзываясь об атеизме героя поэмы, который «хоть и не верит... Иисусу, / Но, право, добрый молодец!», а попов, монахов, церковные устои описывает с нескрываемой издевкой. Россия, к которой обращается П. в «Сашке», — «отчизна глупая», «умы гнеущая цепями». Он мечтает о времени, когда она «очнется в дикости своей» и «свергнет с себя бремя. / Своих презренных палачей».

Поэма П. стала ходить по рукам, и вскоре в III отделение поступил донос, в котором говорилось, что воспитанники Московского уни-

верситета «не уважают закона, не почитают своих родителей и не признают над собой никакой власти» (Стихотворения.— С. 70), причем в подтверждение этих сведений приводились цитаты из поэмы «Сашка». Николай I не без основания увидел в ней отзвук декабристских настроений. «Я положу предел этому разврату,— заявил царь,— это все еще следы, последние остатки; я их искореню» (Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т.— М., 1956.— Т. VIII.— С. 166). Только что окончившего университет П. назначили унтер-офицером Бутырского пехотного полка с особым указанием: «иметь его под самым строгим надзором и о поведении его ежемесячно доносить...» (Стихотворения.— С. 78). Расправа с вольнодумным поэтом оказалась не менее жестокой, чем та, которой царизм подверг многих участников восстания на Сенатской площади.

П. оказался не в силах вынести тяготы военной службы. Жестокость обрушенной на него кары возрастала с каждым годом. Он пытался бежать в Петербург и хлопотать там о смягчении своей участи. Хотя он сам вернулся в полк, его предали военному суду и приговорили к разжалованию в рядовые без права выслуги. Теперь он мог подвергаться любым издевательствам и телесным наказаниям. В 1828 г. против П. было возбуждено новое дело. Он провел год в сыром и зловонном тюремном каземате, законный в кандалы и наручники. Вероятно, там у него и началась чахотка, позднее ставшая причиной его безвременной смерти.

Стихотворения П. второй половины 20 гг. запечатлели безрадостные настроения, вызванные в душе поэта тяготами солдатчины. Вместе с тем они со всей определенностью свидетельствуют о том, что тираноборческие, антицаристские убеждения П. не были сломлены. С течением времени жгучая ненависть к николаевскому деспотизму и сочувствие закабаленному народу получали в его поэзии все более определенное и законченное выражение.

П. с болью и горечью писал, что «родная страна / Палачу отдана» («Вечерняя заря», 1826), что «Русь, как кур, передумил / Ефрейтор-император» («Рок», 1826). Он мечтает «ковыя раздробить / И жажду сладостного мшняя / Живую кровью утолить». Его гнетет сознание своего бессилия: «цепь порабошенья / Гремит на скованных ногах, / И замирает сталь отмшняя / В холодных, трепетных руках...» («Цепи», 1826). В стихотворениях «Песнь пленного прокезца» (1828), «Песнь погибающего пловца» (1828), в поэме «Арестант» (1828) П. с потрясающей силой и искренностью говорит о муках, выпавших на его долю. И все же он остается «неизменным другом свободы», который готов, «недвижим и смел», «встретить миг роковой», и верит, что придет час, когда «мы... победим, поразим / И врагам отомстим!». Он вновь и вновь клеймит

царя, который «возведен / Погибшей вольности на трон» и душит «как лютой волк / По алчной прихоти своей / Мильоны страждущих людей...» (Стихотворения и поэмы.— С. 70—71).

В 1829 г. полк, в котором служил П., был переведен на Кавказ, где поэт провел четыре года. Он участвовал в многих сражениях, и за проявленную в них доблесть ему вернули унтер-офицерский чин. Но все попытки добиться производства П. в офицеры и тем самым дать ему возможность уйти в отставку сталкивались с упорным сопротивлением властей. Не в последнюю очередь это объяснялось тем, что имя П. как жертвы царского произвола пользовалось большой популярностью в оппозиционно настроенных кругах русского общества. Шпионы III отделения доставляли властям неопубликованные произведения П., которые могли только укрепить враждебное отношение к нему. А. И. Герцен, который познакомился с П. в 1833 г., писал: «...Сделаться полицейским поэтом и петь доблести Николая он не мог, а это был единственный путь отделаться от раянца» (Герцен А. И. Собр. соч.— Т. VIII.— С. 168).

Кавказские впечатления отразились в поэмах «Эрпели» (1830), «Чир-Юрт» (1832) и ряде небольших стихотворений. В центре внимания поэта не красота горных пейзажей, а быт и тяжелая жизнь простых людей. Он с реалистической достоверностью описывает опасности, лишения, бытовую неустроенность, которые постоянно должен был сносить русский солдат. Жизнь, изображаемая здесь П., увидена глазами солдата, и рассказано о ней безыскусным солдатским языком, с постоянным использованием просторечия и разговорных оборотов. Отдавая должное мужеству и русских и горцев, П. видит бессмысленность войны и кровопролития. Он проклиная того, кто извлек «первый меч войны / На те блаженные страны, / Где жил народ миролюбивый», и верит, что придет пора, когда «воинственная лира» «забудет битвы и перун / И воспоем отраду мира» (Стихотворения и поэмы.— С. 293, 309).

Темой поэм П. «Видение Брута» (1833) и «Кориолан» (1834) явились события римской истории. Продолжая традиции декабристов, поэт стремился не к исторической достоверности и точности, а к тому, чтобы на материале прошлого поставить вопросы, актуальные для его времени. Читатель 30 гг. безошибочно улавливал в «Кориолане» намеки на поражение декабристов и деспотизм николаевского царствования. Уловила их и цензура, запретившая к печати обширные куски «Кориолана», впервые опубликованного в 1838 г., уже после смерти автора.

Важной частью поэтического наследия П. являются его песни. «Ахалук» (1832), «Сарафанчик» (1834), «Долго ль вам без умолку идти» (1835), «Разлюби меня, покинь меня» (1836) и др.

произведения этого жанра завоевали популярность и прочно вошли в песенный репертуар. П. проявлял углубленный и постоянный интерес к фольклору: и к русским народным песням, и к поэтическому творчеству народов Кавказа, и к солдатской песне. В стихотворении «Ай ахти! ох ура!» (1835), явно продолжая традицию, восходящую к агитационным песням Рылеева и Бестужева, П. устами солдата обращается с суровым укором к царю, который «обманул, погубил... мильоны голов». Среди солдатских жалоб на тяготы службы, мучения и побои нашло себе место и напоминание о 14 декабря 1825 г., когда солдаты царя «охранили, спасли / И по братним телам / Со грехом пополам / На престол возвели». Здесь явно прозвучало сожаление о выборе, сделанном в тот роковой день, и предупреждение, что доведенные до отчаяния солдаты способны уничтожить ими же утвержденную бесчеловечную власть: «Ты болван наших рук: / Мы склеили тебя / И на тысячи штук / Разобьем, разлюбля!»

Шли годы, но они не приносили П. надежды на изменение его участи. Давно найтая чехотка разыгралась с новой силой. Доведенный до отчаяния, П. стал много пить, а однажды, самовольно покинув полк, потерял амуницию. За это его выпороли розгами с такой жестокостью, что, по свидетельству батальонного адъютанта, «долгое время после наказания поэт из его спины вытаскивали прутья» (Стихотворения.— С. 126). В сентябре 1837 г. его отвезли в госпиталь, откуда он уже не вернулся. Там были написаны его последние стихотворения, в том числе «Чехотка» (1837). Когда П. находился уже в предсмертной агонии, пришел приказ о производстве его в прапорщики. Возможно, поэт не успел даже узнать о запоздалой царской милости. 16 января 1838 г. его не стало.

Белинский с проникновенной точностью указал, что «отличительную черту характера и особенности поэзии Полежаева составляет необыкновенная сила чувства, свидетельствующая о необыкновенной силе его природы и духа, и необыкновенная сила сжатого выражения, свидетельствующая о необыкновенной силе его таланта» (Полн. собр. соч.— Т. VI.— С. 159). Но он не мог ответить на вопрос, кто виноват в трагической судьбе и гибели П., обвиняя в них самого поэта. На этот вопрос исчерпывающе ответил Н. А. Добролюбов. Откликаясь на книгу стихотворений П., выпущенную в 1857 г., он писал: «Пострадал ли Полежаев от судьбы, странно враждебной всем лучшим поэтам нашим, можно видеть при внимательном взгляде на его портрет, который приложен к нынешнему изданию его сочинений» (Собр. соч.— Т. II.— С. 49). К изданию был приложен портрет П. в солдатской шинели. Яснее и недвусмысленнее указать на тех, кто нес ответственность за бедствия и безвременную кончину поэта, было невозможно.

Соч.: Стихотворения / Ред., биограф. очерк и примеч. В. В. Баранова.— М.: Л., 1933; Полн. собр. стихотв. / Вступ. ст., ред. и примеч. Н. Ф. Бельчикова.— Л., 1939; Стихотворения и поэмы / Вступ. ст. Н. Ф. Бельчикова; Подгот. текста и примеч. В. В. Баранова.— Л., 1957; Стихотворения и поэмы / Вступ. ст. и подгот. текста В. С. Киселева-Сергеева.— Л., 1981.

Лит.: Белинский В. Г. <Стихотворения А. Полежаева>.— Полн. собр. соч.— М., 1955.— Т. VI.— С. 119—160; Добролюбов Н. А. Стихотворения А. Полежаева // Собр. соч.— М.: Л., 1962.— Т. II.— С. 47—53; Воронин И. Д. А. И. Полежаев: Жизнь и творчество.— 2-е изд., доп. и перераб.— Саранск, 1979; Порудоминский В. И. Вся жизнь моя — гроза! Повесть про поэта Полежаева и его время.— М., 1981; Васильев в Н. Л. А. И. Полежаев: Проблемы мировоззрения, эстетики, стиля и языка.— Саранск, 1987. Л. Г. Фришман

ПОЛОНСКИЙ, Яков Петрович [6(18).XII.1819, Рязань — 18(30).X.1898, Петербург; похоронен в Рязани] — поэт, прозаик. Родился в небогатой дворянской семье. Окончил Рязанскую гимназию (1831—1838); в 1837 г. представил одно из своих стихотворений цесаревичу Александру Николаевичу (будущему Александру II), путешествовавшему по России в сопровождении своего наставника В. А. Жуковского; этот эпизод П. считал началом своей литературной деятельности.

В 1838—1844 гг. П. учился на юридическом факультете Московского университета. В это время он сближается с А. А. Григорьевым и А. А. Фетом, высоко ценившим несомненный и оригинальный талант П. (Ранние годы моей жизни // Фет А. Воспоминания.— М., 1983.— С. 139). Первое опубликованное стихотворение — «Священный благовест торжественно звучит...» (Отечественные записки.— 1840.— № 9). П. печатается в «Москвитянине» и в студенческом альманахе «Подземные ключи» (1842). Среди его московских знакомых — Н. М. Орлов, сын декабриста, А. С. Хомяков, П. Я. Чаадаев, Т. Н. Грановский (Мои студенческие воспоминания // Соч.— Т. II); тогда же началась дружба П. с И. С. Тургеневым, сохранявшаяся до конца дней Тургенева.

В Москве выходит первый сборник стихов П. «Гаммы» (1844). В нем заметно влияние лирики Лермонтова («К демону», «Кумир»; см.: Розанов И. Н. Отзвуки Лермонтова // Венков М. Ю. Лермонтов.— М.; Пг., 1914), встречаются антологические стихи («Диамей»), но уже здесь намечен один из основных жанров лирики П. — бытовой романс («Встреча», «Зимний путь»). В стихах этого рода Б. М. Эйхенбаум находит «сочетание лирики с повествованием» («О поэзии».— С. 241) и тот «напевный, надрывный анапест, который послужит ритмико-интонационной основой для новой интимной лирики» (вступ. ст. к изданию 1935 г.— С. XVII) — лирики не только П., но и Некрасова. Для многих стихов П. этих лет характерно наличие подробностей — бытовых, портретных и т. п., передающих психологическое состояние лирического героя («Пришли и стали тени ночи...», 1844).

Сборник «Гаммы» вызвал благожелательный

отклик П. Н. Кудрявцева (Отечественные записки.— 1844.— № 10) и довольно сдержанный — В. Г. Белинского, заметившего в стихах П. «чистый элемент поэзии», без которого, по мысли критика, «не бывает поэта», но, с другой стороны, «одного этого <...> слишком мало, чтобы в наше время заставить говорить о себе как о поэте» («Русская литература в 1844 году»). Следующий сборник П. «Стихотворения 1845 года» вызвал более резкую оценку Белинского, увидевшего в П. «ни с чем не связанный, чисто внешний талант», а в книжке 1845 г. не нашедшего «ни одного удачного стихотворения» (Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т.— Т. 8.— С. 498).

Второй сборник П. вышел в Одессе, куда поэт переехал после окончания университета. Здесь он знакомится с Л. С. Пушкиным и А. П. Юшковой-Зонтаг, племянницей В. А. Жуковского; как и в Москве, в Одессе П. постоянно встречается с людьми пушкинского круга, сохраняющими предание ушедшей поэтической эпохи. Гармония и ясность, широта и гуманность взгляда на мир, готовность откликнуться на любое явление чужой культуры (древней или новой, европейской или восточной) отличают П. как продолжателя пушкинской поэтической традиции. Впечатления одесской жизни позже составят основу автобиографического романа П. «Дешевый город» (1879), а в 1846 г. он переезжает в Тифлис и поступает на службу в канцелярию наместника М. С. Воронцова и одновременно принимает место помощника редактора газеты «Закавказский вестник» (в 1848—1850 гг. П. печатал в этой газете свои очерки).

В Тифлисе выходит сборник стихов «Сазандар» (Певец) (1849). С одной стороны, П. и на кавказском материале пытается писать в традиционных жанрах баллады («Агбар», 1842) и поэмы («Караван», вошла в сборник 1859 г.), но заметнее новые стилистические черты, сближающие стихи П. с «натуральной школой»: обилие бытовых сцен («Прогулка по Тифлису», 1849), смелое введение экзотической (местной) лексики («Грузинка», 1846; «Не жди», 1849), причем всегда поясняемой под строкой самим автором. Не случайны стихи, написанные в духе национального фольклора («Грузинская песня», «Татарская песня», 1847): интерес к чужой — к тому же экзотической — культуре был присущ еще романтикам, но у П. сама форма песен — обе они написаны от первого лица — выражает стремление постигнуть дух другого народа изнутри, психологически — перед нами собственная именно П. особенность освоения иной культуры (ср. также: «Из Корана», 1844; «У Аспазии», 1855).

Уже в ранних стихах П. заметно жанровое и ритмическое многообразие: кроме элегии и баллады, песни и романса, он пишет поэмы и стихотворную драму («Дареджана, царица Имеретинская», 1852). В его стихах можно найти

почти все (более или менее распространенные) стихотворные размеры; очень часты разноstopные стихи: «Качка в бурю» (1850), «Узница» (1878) и др. Как и Некрасов, П. охотно прибегает к трехstopным размерам, в т. ч. и разноstopным — 4—3-х stopный хорей в стихотворении «Вызов» (1845). Один из первых он вводит в стих гипердактилические рифмы («Цыгане», 1866; «Старая няня», 1881; «В осеннюю темь», 1890). (См.: Г а с п а р о в М. Л. Очерк истории русского стиха. — М., 1984.)

В 50 гг. образ поэта у П. — традиционно-романтический: это пророк, избранник («Сатар», «Саят-Нова», «Тамара и певец ее Шота Руставель»), но уже в эти годы звучат тревожные ноты, свидетельствующие о наступлении непоэтической эпохи: «...песен дар меня тревожит, / А песням некому внимать» («Старый сазандар», 1853). В Петербурге, куда П. приехал в 1851 г., он становится свидетелем все более обостряющейся литературной полемики между сторонниками пушкинского и гоголевского направлений. П. не был бойцом, но время требовало сделать выбор. П. печатает программное стихотворение «Для немногих» (1860): «Мне не дал Бог бича сатиры <...> И для немногих я поэт». (Характерно, что П. не поместил его ни в одном из последующих сборников и собраний своих стихов.) В дневнике 1856 г. есть характерная запись: «Не знаю, отчего я чувствую невольное отвращение от всякого политического стихотворения; мне кажется, что в самом искреннем политическом стихотворении столько же лжи и неправды, сколько в самой политике» (ЦГАЛИ. — Ф. 403. — Оп. 2. — Ед. 9).

Но в 50 гг. раскол в русской литературе еще лишь намечается, и в «Современнике» сборники стихов П. (1855 и 1859) доброжелательно встречены различными критиками. Н. А. Некрасов заметил в стихах П. «колорит симпатичной и благородной личности» (Некрасов в Н. А. Собр. соч.: В 8 т. — Т. 7. — С. 251); А. В. Дружинин отметит личный, лирический элемент в стихах поэта — «скромного, но честного деятеля пушкинского направления» (1855. — № 11. — С. 19), а Н. А. Добролюбов, рецензируя уже сборник 1859 г. (вкуче с поэмой «Кузнечик-музыкант» и первой книгой «Рассказов» П., вышедших в том же 1859 г.), в качестве главной черты П. назовет «чуткую восприимчивость поэта к жизни природы и внутреннее слияние явлений действительности с образами его фантазии и с порывами его сердца». «Проклинать он не умеет, — пишет критик, — и недовольство его выражается в тихой, задумчивой жалобе» (Д о б р о л ю б о в Н. А. Соч. — Т. 5. — С. 144).

В эти годы появляются пародии на стихи П. Поэтов «Искры» раздражает прежде всего неосторожность П. к области неопределенного, неосознанного: «брожение мысли неясной» (из пародии Д. Д. Минаева), «след неясных дум»

(А. П. Сниткин). А. В. С. Курочкин, пародируя стихотворение «Зимний путь», противопоставил снам поэта в «комфортабельном кабинете» иные — резко социальные — картины (Поэты «Искры»: В 2 т. — Т. 1. — С. 164—165).

В 1855 г. П. становится домашним учителем в семье Смирновых (А. О. Смирнова-Россет — близкая знакомая Жуковского, Пушкина и Гоголя); в 1857 г. вместе со Смирновыми едет за границу, где вскоре расстается с ними и уезжает в Италию изучать живопись. В 1858 г. в Париже женится на Е. В. Устюжской и в 1860 г. возвращается в Петербург. Смерть первенца и — вскоре — смерть жены отразились в стихотворениях «Чайка» (1860), «Безумие горя» (1860), «Когда б любовь твоя мне спутницей была...» (1861).

В отличие от большинства современников-поэтов, П. в своих стихах отразил и свой внутренний путь, и многие биографические факты. Он писал Фету 27 декабря 1890 г.: «...по моим стихам можно проследить всю жизнь мою» (Русские писатели о литературе. — Т. 1. — С. 470).

Лирический герой П. близок самому поэту, выражает его незаурядную личность. Проницательная современница оставила такую характеристику П.: «Доброты он бесконечной и умен, но странен. И странность его заключается в том, что простых вещей он иногда совсем не понимает или понимает как-то мудрено; а сам между тем простой такой, до непосредственности сердечной <...>. Он никогда не рисуется и не играет никакой роли, а всегда является таким, каков он есть» (Ш т а к е н ш е й д е р Е. А. Дневник и записки. — С. 123).

Психологическая лирика П. во многом учитывает достижения русской прозы второй половины XIX в. — внутренний мир героя изображен в противоречивости, изменчивости («Ползет ночная тишина...», 1862; «Поцелуй», 1863; «Что если», 1864). Социальная проблематика в стихах П. присутствует чаще всего в философско-обобщенном виде («Век», 1864; «Признаться сказать, я забыл, господа...» (написано в 1861); «Неизвестность», 1865). По замечанию Е. А. Штакеншнейдер, «в лире П. нет тех струн, которые выражают скорбь или гражданскую радость...» (Там же. — С. 48). Это вызвало резкое неприятие поэзии П. радикально-демократической критикой.

Д. И. Писарев, называя П. среди других «микроскопических поэтиков», отказывается видеть в его стихах что-либо, кроме «маленьких треволнений» «узенького психического мира» (П и с а р е в Д. И. Собр. соч.: В 4 т. — Т. 1. — С. 193, 196); М. Е. Салтыков-Щедрин, рецензируя двухтомник П. (1869), упрекает поэта в эклектизме, а в рецензии на сборник «Сноп» (1871) обосновывает свою оценку: «Неясность миросозерцания есть недостаток настолько важ-

ный, что всю творческую деятельность художника сводит к нулю» (Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т.— Т. 9.— С. 397). Салтыкову-Щедрину возражали Тургенев и Н. Н. Страхов, отстаивавшие самобытность таланта П. Тургенев видит в стихах П. «смесь простодушной грации, свободной образности языка, на котором еще лежит отблеск пушкинского изящества, и какой-то, иногда неловкой, но всегда любезной честности и правдивости впечатлений» (Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т.— Т. 15.— С. 158). Страхов, отвечая на упрек П. в отсутствии направления, определяет его так: «...отклонение *всему прекрасному и высокому*, служение истине, добру и красоте, любовь к просвещению и свободе, ненависть ко всякому насилию и мраку» (Страхов Н. Н. Заметки о Пушкине и других поэтах.— Киев, 1897.— С. 138). Пробовал отвечать своим оппонентам и сам П. в статьях и в сатирических поэмах «Ночь в Летнем саду» (1871) и «Собаки» (1875, 1891), но неудачно. «Сатира не твое дело», — писал П. о «Собаках» Тургенев 9(21) марта 1875 г.

Непросто складывались отношения П. с Некрасовым. П. много печатался в «Современнике», но обновленные «Отечественные записки» порой отклоняли предложенные им произведения; в личных отношениях двух поэтов были и сближения, и разрывы (свою роль сыграла и резкая литературная борьба, устранившая от которой не могли ни П., ни Некрасов). Интересны художественные, поэтические схождения двух поэтов: не только тематические («Дорога» П.; «В дороге» Некрасова); жизнь горожанина, петербуржца (у П.— «Простая быль»); изображение драматических перипетий любви (у П.— «Письмо», «Воспоминание», «В глуши»; у Некрасова — «панаевский цикл», «Свадьба»), но и ритмические, жанровые, лексические. Так, в образе музы и П. и Некрасов подчеркивают «нервический плач» (П.), ср. «вечно плачущую» музу Некрасова, явно противопоставляя этот образ традиционному. Пытаясь осознать свое понимание поэзии, П. пишет стихотворения «Поэту-гражданину» (1864) и «Блажен озлобленный поэт» (1874), где спорит с некрасовским представлением о призвании поэта. Но споры не помешали. П. напечатать в тяжелой для Некрасова пору стихотворение «О Н. А. Некрасове» (первоначальное заглавие «О нем», 1871), в котором голос автора противопоставит «толпе» и «молве», клеветущей на поэта. После смерти Некрасова П. почтил его память эпитафией: «Поэт и гражданин, он призван был учить, / В лохмотьях нищеты живую душу видеть, / Самоотверженно страдающих любить / И равнодушных ненавидеть» (1878).

Демократизм П. выразился не только в его социальном положении разночинца-литератора, но и в его произведениях — в частности, в выборе героя. В лирике — гражданин, страдающий от

несовершенства общественной жизни («Когда я был в неволе...», 1871; «Молчи, минутного покоя не тревожь!», 1874), в поэмах — идеалист-романтик («Свежее преданье», 1861) или социальное неблагополучный писатель («Кузнички-музыкант», 1859; «Большой писатель», 1860, 1869).

П. печатался почти во всех журналах, желая остаться внутренне свободным и не связывать себя направлением того или иного издания. «Не удивляйтесь, что я печатаюсь в разных Иллюстрациях, — писал он А. П. Чехову в 1888 г.— <...> Наши большие литературные органы <...> тогда только благоволят к нам, когда считают нас своими, — а я всю жизнь был ничей...» (Переписка А. П. Чехова.— Т. 1.— С. 383). В 1858 г. П. по предложению Г. А. Кушелева-Безбородко принял на себя должность редактора журнала «Русское слово», но уже в 1860 г. вынужден был оставить его и поступить на службу в Комитет иностранной цензуры, которая вплоть до 1896 г. давала поэту средства для существования. В 60 гг. П. печатает романы «Признания Сергея Чалыгина» (1867) и «Женитьба Атуева» (1869), в которых заметно влияние тургеневской манеры. В целом, 60—70 гг. были тяжелыми для П. и по причине неприятия критикой, и из-за невнимания широкого читателя, и по социальной неустроенности. «Всякое упоминание об этой эпохе воспринималось поэтом болезненно...» — пишет П. П. Перцов, знавший П. в 90 гг. (Перцов П. П. Литературные воспоминания.— С. 123).

80—90 гг. принесли возрождение поэзии, и П. (вместе с Фетом и А. Н. Майковым составивший «поэтический триумvirат») вновь обращается к темам ранней лирики: детству, отроческой любви; параллельно с ними возникают темы старости и смерти. П. объединяет вокруг себя самых разных писателей, художников, ученых («пятницы Полонского», на которых хозяйкой была вторая жена поэта — Жозефина Антоновна, урожденная Рюльман); завязывается дружба с Чеховым, поэт внимательно следит за творчеством К. М. Фофанова и С. Я. Надсона. Несмотря на то что П. в своих стихах предсказал многие темы и мотивы поэзии XX в. («Сумасшедший», 1859; «Двойник», 1862), поэзию символистов он не принял. Последние книги П. носят итоговый характер: «На закате» (1881), «Вечерний звон» (1890). Полн. собр. стихов: В 5 т. (СПб., 1896) построено не по разделам, как у Фета и Майкова, а по годам, отражая внутреннюю биографию поэта.

Соч.: Полн. собр. соч.: В 10 т.— СПб., 1885—1886; Повести и рассказы: В 2 ч.— СПб., 1895; Стихотворения и поэмы / Ред. и примеч. Б. М. Эйхенбаума.— Л., 1935; Стихотворения / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Б. М. Эйхенбаума.— Л., 1954; Лирика. Проза / Сост., вступ. ст. и коммент. В. Г. Фрилянд.— М., 1984;

Соч.: В 2 т. / Сост., вступ. ст. и коммент. И. Б. Мушиной.— М., 1986.

Лит.: Покровский В. И. Я. П. Полонский, его жизнь

и сочинения. Сб.— М., 1906; Никольский Ю. История одной дружбы (Фет и Полонский) // Русская мысль.— 1917.— № 5—6; Перцов П. П. Литературные воспоминания. 1890—1902.— М.; Л., 1933; Штакеишнейдер Е. А. Дневник и записки (1854—1886).— М.; Л., 1934.

Л. И. Соболев

ПОМЯЛОВСКИЙ, Николай Герасимович [11(23). IV.1835, Малая Охта около Петербурга— 5(17).X.1863, Петербург] — прозаик. Родился в семье священника. Восемь лет был отдан в церковноприходское училище. Через два года поступил в духовное училище при Александро-Невской лавре, а оттуда перешел в семинарию. 14 лет провел он в «бурсе» (так называли обычно духовные училища и семинарии). Эти годы оставили в сознании П. неизгладимый след. Через всю жизнь пронес он ненависть к «божественным наукам», преподававшимся в бурсе, к «долбне» и ко всем видам казенного воспитания. Интерес к литературному творчеству проявился у П. уже в старших классах семинарии. Это время совпало с общественным подъемом, наступившим в стране после смерти Николая I и окончания Крымской войны. Среди семинаристов пробудился интерес к вопросам общественной жизни, они стали выпускать рукописный журнал «Семинарский листок», в котором П. принимал самое деятельное участие: редактировал произведения своих товарищей, поместил там несколько своих статей и начало рассказа «Махилов», написанного под влиянием произведений о бурсе В. Т. Нарезного и Н. В. Гоголя. Уже в этом раннем литературном опыте обнаружилось несомненное дарование П.: тонкая наблюдательность, умение создавать яркие характеры, выразительный язык. Последние годы, проведенные в семинарии, были для П. временем напряженной внутренней работы и поисками своего места в жизни. «Я испытал свои силы,— говорил П.,— во всех родах сочинительства, и, кажется, во всех неудачно, кроме некоторых рассуждений. Я думал быть и богословом, и историком, и философом, и драматургом, и романистом, и лириком...» (Полн. собр. соч.— М.; Л., 1935.— Т. I.— С. XXV). После окончания семинарии (1857) П. давал частные уроки, помогал справлять церковные службы, занимался воспитанием младшего брата. Одновременно усиленно занимался самообразованием, читал художественную и педагогическую литературу, писал статьи, очерки на педагогические темы. Один из них «Вукол» (под псевдонимом *Н. Герасимов*) был опубликован в «Журнале для воспитания» (1859). Тогда же П. работал над очерком «Данилушка», в основу которого положены автобиографические факты (Женский вестник.— 1867.— № 3). По словам Н. А. Благовещенского, в это время П. «сиднем сидел над книгами и выработывал понемногу свои убеждения. Из всех журналов он с особенным наслаждением читал «Современник» (Там же.— С. XX). Позднее П. признавался

в письме к Н. Г. Чернышевскому: «...я Ваш воспитанник, я, читая «Современник», установил свое мировоззрение» (Там же.— Т. 2.— С. 272). Значительное влияние на формирование взглядов П. оказали лекции в Петербургском университете и знакомство с революционно настроенными студентами. П. становится убежденным материалистом и атеистом, сторонником теории «разумного эгоизма» и противником либерализма. В ноябре 1860 г. П. вместе со своими друзьями-студентами принял участие в организации воскресной школы в одном из рабочих пригородов Петербурга, где вскоре стал любимым и уважаемым преподавателем. В 1860 г. П. написал повесть «Мещанское счастье», которая была напечатана в февральском номере журнала «Современник» за 1861 г., а в октябре там же появилась повесть «Молотов». П. становится постоянным сотрудником «Современника», бывает на редакционных собраниях, участвует в деятельности Шахматного клуба, где пытается создать артель писателей-тружеников для изучения различных сторон общественной жизни. Но Шахматный клуб вскоре был закрыт, и задуманное предприятие не состоялось. Все, кто встречался с П., всегда отмечали удивительное обаяние этого человека, его ум, тонкую наблюдательность и остроумие. Деятели революционного движения 60 гг. Л. Ф. Пантелеев вспоминал: «В обществе, о чем бы ни шел разговор, это был блестящий собеседник; его речь была жива, остроумна, но всегда сдержанна; его разливистый смех не только не резал уха, но всех заражал веселостью... Не только все чтли в нем крупный талант, но кто хоть раз встречался с ним в светлые минуты, тот не мог не поддаться обаянию его приветливой личности» (Пантелеев Л. Ф. Воспоминания.— М., 1958.— С. 249). В 1862—1863 гг. в журналах «Время» и «Современник» были опубликованы четыре произведения П. из цикла «Очерки бурсы» (пятый остался незавершенным и появился в печати после смерти писателя). Всего, по свидетельству Благовещенского, П. хотел написать около 20 очерков и отразить в них все стороны бурсацкой жизни, но замысел этот ему осуществить не удалось, т. к. наступившая в стране реакция обострила у писателя настроения тоски и отчаяния, которые мучали его еще в семинарии. «Бурса проклятая измозжила у меня... силу воли и научила меня пить,— жаловался он своему другу Благовещенскому.— Потом и в жизни обстоятельства вышли скверные, наконец, привык» (Полн. собр. соч.— Т. I.— С. XIV). Писатель с горечью убедился, что окружающая жизнь мало чем отличается от бурсы. Однако к лету 1863 г. П. несколько воспрял духом и с увлечением начал работать над продолжением «Очерков бурсы», над большим романом «Брат и сестра», где предполагал нарисовать жизнь социальных низов большого города, над

рассказом «Поречане», а также обдумывал замысел нового романа «Каникулы, или Гражданский брак», посвященного передовой молодежи 60 гг. Но в конце сентября 1863 г. П. заболел и спустя несколько дней умер от гангрены, прожив немногим больше 28 лет.

Самыми известными произведениями П. стали повести «Мещанское счастье» и «Молотов», представляющие собой своеобразную дилогию, объединенную рассказом о судьбе одного героя — разночинца Молотова. В дилогии затронуты многие социальные проблемы: отношение «плебейства и барства», женская эмансипация, проблема воспитания и т. п. Но главной, ведущей была проблема идейного формирования разночинной интеллигенции, ее судьба и право на определенное место в жизни, на счастье. Писатель рисует разные типы разночинцев. Прежде всего, это университетский приятель Молотова Негодящев, который видит смысл своего существования в том, чтобы быть верным слугой и защитником самодержавно-буржуазного строя.

Другой тип разночинца — Егор Иванович Молотов, вступающий в жизнь, наивный романтик, полный высоких и чистых побуждений, мечтающий о «вольном труде». Ему кажется, что помещик Обросимов, в имени которого он служит, видит в нем равного себе человека. Но вскоре Молотову открылось, что он нужен ему лишь как полезный работник, что между разночинцами, с одной стороны, и дворянами, с другой — существуют глубокие противоречия. И Молотов начинает понимать, что ему, в отличие от выходцев из дворянской среды, самому нужно утвердить себя в жизни, добиваться нравственной и материальной независимости. Обо всем этом рассказано в повести «Мещанское счастье». Дальнейшей судьбе героя посвящена повесть «Молотов». Десять лет отделяют события первой части дилогии от второй. За это время Молотов прошел суровую школу жизни, много узнал, чего-то добился, но и во многом разочаровался. Он гордится, что «никогда и ничего не крал, ни от кого не получал наследства. У меня, — говорит он, — нет ничего подаренного, найденного, заработанного чужими руками. Все, что у меня есть... — все добыто моей головой и руками. Ни материально, ни морально я ни от кого не зависю». И в то же время Молотов понимает, что его жизнь бездуховна, а независимость относительна. Это рождает у него горькие раздумья, недовольство собой и сетования на судьбу. «Причина его грусти, — писал Д. И. Писарев в статье «Роман кисейной девушки», — очень понятна. Он сознает, что труд его бесполезен для общества. Он чувствует, что при других условиях он мог бы приносить людям действительную пользу. Но создать эти условия он не в состоянии» (Соч.: В 4 т. — М., 1956. — Т. 3. — С. 187).

В своей дилогии П. нарисовал еще одну

своеобразную фигуру разночинца — художника Череванина. Когда-то он мечтал о жизни, освещенной высокими идеалами. Но все это осталось в прошлом. Ныне это человек, во всем разуверившийся и видящий вокруг только мрак и безысходность. Однако, в отличие от Молотова, Череванин не желает приспособливаться к обстоятельствам и выступает с резкой критикой сложившихся общественных отношений, современной ему культуры и искусства. Но и у него нет определенной программы действий, его протест против существующей действительности является результатом скептицизма и глубоко пессимистического настроения, которое он сам называет «кладбищенством». Беспокойный характер Череванина, некоторые его суждения о проблеме общественной жизни, о «мещанском счастье», которое он отвергает, его взгляды на искусство — все это во многом близко самому П. Вместе с тем писатель отнюдь не идеализирует своего героя. Он видит зыбкость и неопределенность его жизненной позиции и отлично понимает всю несостоятельность «кладбищенства».

Критическое отношение П. к своим героям-разночинцам, неудовлетворенность, которую высказывают по отношению к самим себе Молотов и Череванин, убежденность, что должны же быть и другие люди, которые знают, чего они хотят, чья жизнь связана с борьбой за светлые идеалы, — все это заставляло читателей пристальнее вглядываться в окружающий их мир и делать выводы о необходимости поисков путей для его преобразования.

Свою дилогию П. создавал, опираясь на лучшие традиции русской классической литературы. Уже в повести «Мещанское счастье» отчетливо чувствуется художественное воздействие творчества И. С. Тургенева: это и элементы лирического пейзажа, и некоторые детали сюжетного построения (линия Молотов — Леночка в известной степени напоминает взаимоотношения героев «Рудина» и «Аси»). А в повести «Молотов» легко обнаруживается сходство истории семьи Дороговых с родословной Лаврецких («Дворянское гнездо»), хотя это сходство не что иное, как полемический прием, — П. в отличие от Тургенева рассказывает историю чиновничьего рода, у которого не было ни дворянских жалованных грамот, ни наследственных, ни каких-либо других имений. Еще более четко проступают в дилогии П. (особенно в «Молотове») гоголевские традиции. Напр., последняя фраза, которая завершает «Молотова» («Эх, господа, что-то скучно...»), почти дословно повторяет финал «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» («Скучно на этом свете, господа!») и выполняет ту же идейную функцию. Как и Гоголь, П. нередко использовал приемы гротеска. При всем этом П. никогда не был простым подражателем. С самого начала своей литературной деятельности он стремился

выработать свой подход к изображению жизни, свою оригинальную манеру повествования. Его в первую очередь интересовали выходы из социальных низов. «Надоело мне это подчищенное человечество,— говорил П. Благовещенскому,— я хочу узнать жизнь во всех ее видах, хочу видеть наши общественные язвы, наш забитый, изможденный нуждою люд...» (Поли. собр. соч.— Т. I.— С. XI). Внимание писателя было сосредоточено прежде всего на раскрытии социальной сущности героев при изображении их повседневной жизни и общественного поведения. И писал об этом П., порой нарочито сгущая краски, беспощадно вскрывая всю подноготную изображаемых явлений, стремясь понять их истинный смысл и значение. В предисловии к роману «Брат и сестра» П. сравнил свою деятельность с работой врача, изучающего гангрену и сифилис, адвоката, проникающего «в самый центр разложения нравственности человеческой», священника, выслушивающего «ужасающую исповедь людей, желающих примириться с совестью». «Позвольте же и писателю,— говорил он,— принять участие в этой же самой работе и таким образом обратить внимание общества на ту массу разврата, безнадежной бедности и невежества, которая накопилась в недрах его» (Там же.— Т. 2.— С. 165). В произведениях П. ярко проявляется аналитический ум писателя, полемическая заостренность высказываний и парадоксальность выводов. Ему порой бывали тесны рамки художественного повествования, и он прерывал свой рассказ откровенно публицистическими отступлениями, в которых комментировал и разъяснял суть происходящего. Язык произведений П., как правило, нарочито сдержан и лишен причесанности и литературных штампов. Писатель смело использует резкие и порой грубые слова, не боится неправильно построенных фраз. Очень точно сказал о его языке Писарев: «Помяловский всегда говорит резкими и грубыми словами о том, что резко и грубо в действительности» (Соч.— Т. 3.— С. 201).

В «Очерках бурсы» П. намеревался высказать свое отношение ко всей системе воспитания и образования, насаждавшейся правящими кругами России как в духовных, так и в светских учебных заведениях. Спокойно и на первый взгляд невозмутимо рассказывает он о том, в каких условиях жили бурсаки, как проводили свободное время, как учились, как относились к учению и к своим преподавателям. Порой писатель даже пытается шутить, приглашая читателя посмеяться над проделками бурсаков и некоторыми преподавателями. Но смех этот горек. С трудом сдерживая негодование, П. говорит о «педагогической» системе, призванной обезличить ребенка, отучить его думать, заставить слепо подчиниться чужой воле. Этому в немалой степени способствовали многочисленные «божественные» науки, изучавшиеся бурсаками, а также

методика их преподавания, главным принципом которой была «долбня, долбня ужасающая и мертвящая». Такая система воспитания и образования приводила к тому, что каждый, кто попадал в бурсу, выходил оттуда с искалеченной душой и изломанным характером. Недаром Карась (образ во многом автобиографический) с горечью говорил, что «многие честные дети честных отцов возвращаются домой подлецами; многие умные дети умных родителей возвращаются домой дураками. Плачут отцы и матери, отпускающие сына в бурсу, плачут и принимая его из бурсы».

В «Очерках бурсы» воспроизведены действительные факты, хорошо известные автору. П. неоднократно подчеркивал, что в его произведении нет ничего вымышленного, что все герои там списаны с натуры. Вместе с тем в «Очерках» не просто воспроизведены достоверные факты. Писатель художественно обобщил все, что знал о бурсе. Поэтому в произведении П. не следует искать за каждым действующим лицом реальный прототип. Чаще всего писатель соединяет в одном персонаже черты характеров нескольких лиц, с которыми ему довелось встретиться в период обучения в бурсе. Раскрыты все особенности изображенной в «Очерках бурсы» среды П. помогло мастерское использование языка. Писатель смело вводит в художественную ткань произведения разговорную и просторечную лексику, использует чисто бурсацкие слова (напр., «вселенская смазь», «на воздухах», «волосянка», «взбутетень» и пр.), а порой и бранные выражения. В «Очерках» встречаются многочисленные примеры церковно-книжной речи, дословные и перефразированные цитаты из богословских текстов, прибаутки и песни, обильно насыщенные церковнославянскими выражениями. Исчерпывающую и наиболее глубокую оценку «Очерков бурсы» дал в статье «Погибшие и погибающие» Писарев, который убедительно доказал, что порядки, господствующие в бурсе, страшнее ужасов каторжной тюрьмы, изображенных Ф. М. Достоевским в «Записках из Мертвого дома», что если «мертвый дом, описанный г. Достоевским, заключает в самом себе задатки своего усовершенствования», то в бурсе таких задатков нет. При этом критик отметил, что бурса с ее тиранией, невежеством, нищетой является одним из наиболее характерных явлений русской действительности. «Бурса,— писал он,— одно из очень многих и притом из самых невинных явлений нашей повсеместной и всеобщей бедности и убогости» (Соч.— Т. 4.— С. 89).

П. явился начинателем новой, демократической литературной школы, из которой вышли такие писатели, как В. А. Слепцов, Ф. М. Решетников, А. И. Левитов, Г. И. Успенский и др. Творчество П. оказало влияние и на дальнейшее развитие русской литературы. Так, М. Горький писал в «Беседах о ремесле»: «Я думаю, что на

мое отношение к жизни влияли — каждый по-своему — три писателя: Помяловский, Глеб Успенский и Лесков. Возможно, что Помяловский «влиял» на меня сильнее Лескова и Успенского. Он первый решительно восстал против старой, дворянской литературной церкви, первый решительно указал литераторам на необходимость «изучать всех участников жизни» — нищих, пожарных, лавочников, бродяг и прочих» (О литературе. — М., 1953. — С. 512).

Соч.: Повести, рассказы и очерки: В 2 т. / С биографическим очерком Н. А. Благовещенского. — Спб., 1865: Полн. собр. соч.: В 2 т. — М.: Л., 1935; Соч.: В 2 т. / Вступ. ст. и примеч. И. Г. Ямпольского. — М.: Л., 1965; Избранное / Вступ. ст. и примеч. Н. И. Якушина. — М., 1980; Мещанское счастье. Молотов. Очерки бурсы. — М., 1984 и 1987.
Лит.: Десницкий В. А. Н. Г. Помяловский: Очерк жизни и творчества // Избранные статьи по русской литературе XVIII—XIX вв. — М.: Л., 1958; Ждановский Н. П. Реализм Помяловского: Вопросы стиля. — М., 1960; Ямпольский И. Н. Г. Помяловский: Личность и творчество. — М., 1968; Пономарев Р. Д. К проблеме жанрового своеобразия «Очерков бурсы» Н. Г. Помяловского // Проблемы метода и жанра. — Томск, 1983. — Вып. 9. — С. 206—225. *Н. И. Якушин*

ПОТАПЕНКО, Игнатий Николаевич [XII, 1856, с. Федоровка Херсонской губ. — 17.V.1929, Ленинград] — беллетрист, драматург. Сын крестьянки и сельского священника, бывшего ранее уланским офицером. Детство провел в деревне; учился в Херсонском духовном училище и Одесской семинарии, затем в Новороссийском и Петербургском университетах, окончил Петербургскую консерваторию по классу пения. После студенческих лет избрал путь профессионального литератора.

С детства писал стихи. В 1881 г. выпустил сборник стихов «Думы и песни Игнатия Бездольного», подражания Некрасову и Шевченко. Позже к поэзии не обращался. Дебютировал в 1873 г. рассказом из студенческой жизни «Два дня» (вошел в книгу «Записки старого студента» — Спб., 1899). В 80 гг. выступал с очерками и рассказами о быте и нравах украинского села и сельского духовенства, сотрудничал в журналах «Дело», «Вестник Европы», «Новь». В 1886—1890 гг. жил в Одессе, публиковал в местных изданиях очерки, фельетоны, критические статьи (зачастую совместно с П. А. Сергеевко, общий псевдоним Аркадий Фиакин).

«Деревенские» очерки П. были основаны на личных наблюдениях автора, в том числе на воспоминаниях детства; «хронику южнороссийского села» (частый подзаголовок) составляли разрозненные случаи — забавные и драматические, типичные и экстраординарные. Рецензент первого сборника П. «В деревне. Очерки и рассказы» (Одесса, 1887) назвал их «милыми, фельетонными вещичками, которые стоило напечатать, но едва ли стоило перепечатывать» (Северный вестник. — 1888. — № 2); однако бытописательную ценность ранние рассказы П. сохранили надолго.

П. рано нашел позицию своего повествователя, добродушного наблюдателя, улыбкающего «постороннего», чуждого как «невале душных годов», так и преклонению перед тяготами крестьянского труда. Саркастическая усмешка пронизывает, напр., «городскую» повесть П. «Святое искусство» (1885), где с фельетонной остротой изображены разнообразные «служители литературы» (особенно удачен образ Данчева, автора претенциозных «поэм из жизни скифов»).

Всероссийскую славу принесли П. произведения начала 90 гг., показавшие варианты приспособления «среднего интеллигента» к неприглядной реальности. Всеобщий восторг вызвал священник Кирилл Обновленский (повесть «На действительной службе», 1890), отказавшийся от выгодной карьеры и ставший настоятелем захудалого прихода. Всеобщему осуждению подвергся герой романа «Здравые понятия» (1890) юрист Андрей Николаевич, уговоривший любимую девушку выйти замуж за отвратительного старика и после его смерти женившийся на богатой вдове. Образ бесплодно-честного чиновника с юмором представлен в повести «Секретарь его превосходительства» (1890); проблемы женской эмансипации затронуты в повести «Генеральская дочь» (1891), вызвавшей восхищенный отзыв Н. С. Лескова («тут есть настоящий поэтический тип и глубокое поэтическое положение»). — Лесков Н. С. Собр. соч. — М., 1958. — Т. IX. — С. 490). В романе «Не герой» (1891) П. сформулировал кредо необычного для русской литературы «здравомыслящего» персонажа: «Я — средний человек... — утверждает разночинец Рачеев, живущий в деревне и занятый мелкой филантропией. — <...> Я люблю свою жену и ребенка, люблю себя, люблю жизнь и комфорт и ничего себя не лишаю. Но у меня здоровая натура, которая требует во всем гармонии. Этой гармонии не было бы, если бы я жил только для своего удовольствия. Отсюда и вытекает вся моя деятельность».

Одновременная публикация ряда крупных произведений П. подтверждает догадку Н. К. Михайловского о более раннем их написании, однако именно в 90 гг. обрели повышенную актуальность идея здравого смысла и представление об общественной деятельности как о своего рода физиологической потребности. Бодрость, оптимизм, добродушие, приверженность к «теории малых дел», характерные для прозы П., получили столь широкое признание, что автору в 1891 г. была присуждена поощрительная (половинная) Пушкинская премия.

В 90 гг. выступает в большинстве крупных журналов с романами, повестями, рассказами, очерками, зарисовками. Критики отмечали, что живые и цельные «маленькие вещички» лучше крупных произведений писателя, поскольку «сильным и преобладающим качеством [таланта П.] является юмор, комизм; в драматических же

положениях он слаб, бледен и слишком оптимистичен» (Скабичевский А. М. Не понимающий себя талант // Северный вестник.— 1891.— № 1); через много лет это мнение повторила Е. Колтоновская (Вестник и библиотека самообразования.— 1904.— № 3). Но П. сохранял верность роману, как будто специально исполняя заказ публики, от которого вовремя отказался А. П. Чехов: «писать роман, иначе и писателем нельзя называться», и энергично эксплуатировал открытый им тип «героя на час» (Ф. Д. Батюшков).

Многочисленные повести и романы П. о «средне-хорошем человеке» (Ф. Д. Батюшков), о своего рода рассудительном гедонисте фальсифицировали память о «разумных эгоистах» 60 гг.; П. последовательно утверждал житейские мотивы социального поведения, доказывая достижимость душевного комфорта, чем фактически оправдывал идейное ренегатство. Традиционные проблемы: «интеллигенция и народ», «власть земли», «отцы и дети», «что делать?»— представляли поверхностными и легко разрешимыми, безвыходных положений для П. не существовало. При этом победа доброго начала всегда обусловлена счастливым стечением обстоятельств, его героям, как отмечали критики, «бабушка ворожила», «значительная часть его (героя) торжества основана на случайностях, совсем от него не зависящих» (Н. К. Михайловский). Но к концу 90 гг. данный идейно-психологический комплекс потерял остроту и П. был вынужден подогрывать читательский интерес, выстраивая романы как «математические задачи» с «марionетками» в качестве действующих лиц. Так, героиня романа «Светлый луч» (1898) врач Надежда Мальвинская, создавшая из обитателей трущоб и ночлежек артель сельскохозяйственных рабочих, уже нуждается в лидере, в источнике «высоких движений души»— в этой роли выступает параноик Барвинский, провозглашающий «благородные порывы к героизму» лишь в приступах безумия.

В 900 г. популярность П. еще сохраняется: писатель обращается к теме «отцов и детей» («Мать и дочь», «Два поколения», 1903), вновь описывает «духовных пастырей»— сельских священников («Примирение», 1900) и учителей («На покой», 1903; «Муж чести», 1905), изображает «обыкновенное честное существование» в романах «Обойденные типы» (1904), «Ужас счастья» (1908), в повести «Оправдание жизни» (1916). Но читатель уже ничего не ждет: «Писать о П. как-то даже неловко, до такой степени он неизменен, ясен и ровен и всегда один и тот же. «Среди долины ровныя» его многолетнего писания— ни одного холма, зато и ни одной выбоины... Его повозка нетряска, и путник чувствует себя в ней, как в колыбели: слегка укачивает» (Обозреватель. Спокойный талант // Журнал журналов.— 1916.— № 50). В то же время критики постоянно указывали на «разность» дек-

лараций П. и его повествования, на правдивое изображение «живой жизни», которой писатель всегда поклонялся и которую регулярно «замусоривал» (М. О. Меньшиков) невнятно-многословными банальностями. «Если бы П. только доказывал, то его рассказ («На покой») был бы ужасно зауряден, но он, кроме того, рассказывает, и рассказывает очень удачно»,— писал А. В. Луначарский (Образование.— 1904.— № 2).

После революции П. изредка публиковал свои прежние рассказы (Рассказы для детей.— М.; Пг., 1923; Человек из проруби.— М.; Пг., 1924; Ради хозяйства.— Л., 1926; Честная компания— М.; Л., 1926), а также беллетризованные мемуары: о жизни студентов 70 гг. (История одной «коммуны».— Л., 1928), о попытке наладить «народное просвещение» в провинции (Сурчанский «университет».— Л., 1927).

Драматургия П. дублирует проблематику его прозы (драмы «Жизнь», 1893, совместно с П. А. Сергеевко; «Чужие», 1895; «Лишенный прав», 1901; «Искушение», 1903, и др.; комедии «Выдержанный стиль», 1895; «Волшебная сказка», 1897; «Жить можно...», 1898, и др.). По поводу пьесы «Жизнь» А. П. Чехов писал, что в ней «есть кое-что, но это кое-что загромождено всякими нелепостями... и изречениями в шекспировском вкусе»; самыми удачными Чехов считает сцены, где «житейской пошлости удается пробиться на свет сквозь изречения и великие истины» (Чехов А. П. Письма.— Т. 5.— С. 252).

Во 2-й половине 90 гг. П. выступал в «Новом времени» (под псевдонимом *Фингал*) с публицистическими и литературно-критическими статьями, в том числе о творчестве А. П. Чехова («Чайка», «Мужики») и И. А. Бунина.

Долгая популярность П. объясняется прежде всего постоянной потребностью среднего читателя в бодром утешении. «Автор показал нам грезу,— писал критик о драме «Лишенный прав».— В жизни мы не встречаем... таких светлых и чистых личностей. Но почему бы им и не быть? <...> За одну такую грезу, будучая в душе лучшие инстинкты, можно охотно простить кажущуюся нереальность драмы» (Мир божий.— 1902.— № 1). Собственно, П. всегда «сказывал сказки», время от времени обставляя их натуралистическими подробностями, но одновременно он изобразил «пестроту типов и проблем русской жизни» (С. В. Букчин), подробно описал тип талантливго обывателя, не сумевшего реализовать свои недюжинные способности. П. убедительно показал безысходность самодовольного «частного» существования. Наиболее интересными в его творческом наследии остались «мелкие вещицы», в которых воплотились сильные стороны дарования: острая наблюдательность, вкус к единичной ситуации и отдельному характеру, фотографичность изображения, свободное, хотя и несколько торопливое и небрежное повествование.

Соч.: Повести и рассказы: В 12 т. — Спб., 1891—1899; Соч.: В 6 т. — Спб., 1905—1906; Пьесы. — Спб., 1902; А. П. Чехов в воспоминаниях современников. — М., 1960; Писатели чеховской поры. Избр. произв. писателей 80—90-х годов / Сост. С. В. Букчин. — М., 1982. — Т. 1 («Шестеро», «Секретарь его превосходительства»); Автобиография // Фидлер Ф. Ф. Первые литературные шаги. Автобиографии современных русских писателей. — М., 1911. — С. 67—68. Лит.: Страхов Н. Н. Повести и рассказы И. Н. Потапенко // Седьмое присуждение Пушкинских премий. — Спб., 1891; Батюшков Ф. Д. Критические очерки и заметки. — Спб., 1900 («Герой на час»); Михайловский Н. К. Полн. собр. соч. — Спб., 1909. — Т. 6. («О г. Потапенко»); Бессонов Б. Л., Долгополов Л. К. Романисты 1880—1890 гг. // История русского романа. — М.: Л., 1964. — Т. 2; Громов Л. П. Чехов и «артель» восьмидесятников // А. П. Чехов. Сб. ст. и материалов. — Ростов-на-Д., 1959; Прессман Л. Роман Нины Заречной // Прометей. — М., 1967. — Вып. 2; Поддубная Е. Я. К вопросу о проблематике и поэтике творчества И. Н. Потапенко // Русская литература 1870—1890-х гг. — Свердловск, 1977. — Вып. 10; Поддубная Е. Я. Эстетические взгляды И. Н. Потапенко // Проблемы художественного метода и жанра. — Л., 1978; Букчин С. В. Чехов и Потапенко // Чеховские чтения в Ялте; Чехов и русская литература. — М., 1978; Литературный процесс и русская журналистика конца XIX — начала XX века, 1890—1904. — М., 1981; Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. — М., 1974—1983. П. Н. Овчарова

ПОТЁХИН, Алексей Антипович [1 (13) VII. 1829, Кинешма Костромской губ. — 16 (29). X. 1908, Петербург] — прозаик и драматург. Родился в небогатой дворянской семье. Учился в Костромской гимназии, затем в Ярославском Демидовском лицее, где с золотой медалью закончил курс в 1849 г. После недолгого пребывания на военной службе около двух лет состоял чиновником особых поручений при костромском губернаторе.

На литературном поприще дебютировал в 1851 г. театральной рецензией в газете «Московские ведомости» «Бенефис актера [С. В.] Шумского». Первые очерки писателя — «Путь по Волге», «Уездный городок Кинешма», «Забавы и удовольствия в городке» (1851—1852), опубликованные в «Московских ведомостях» и журнале «Современник», несмотря на художественные несовершенства, представляли этнографический интерес и были замечены литературной общественностью. Впоследствии П. сотрудничал также в журналах «Вестник Европы», «Отечественные записки», «Русский вестник» и др.

В начале 50 гг. П. сблизился с молодой редакцией журнала «Москвитянин», заметно повлиявшей на формирование идейно-эстетической позиции молодого литератора. Под непосредственным влиянием драматургии А. Н. Островского была написана первая «мужицкая» драма П. «Суд людской — не божий» (1854). За ней последовали еще две драмы из народного быта: «Брат и сестра» («Шуба овечья — душа человека», 1854), «Чужое добро впрок нейдет» (1855). «Мужицкий» цикл драм П. не был плохой копией с москвитянинских пьес Островского, как полагали некоторые современники (А. А. Григорьев), это был своего рода диалог о русском

национальном характере. Общий материал и метод исследования породили сходство в некоторых существенных мотивах. Создавая условный мир, в котором протекает действие, оба автора использовали элементы стилизации, изображали идеализированную патриархальную семью с ее вековыми устоями. Драматический элемент возник в результате столкновения этого хрупкого, незащищенного мира с действительностью. Интерес к семейной проблематике вытекал из желания видеть в укладе патриархальной семьи прообраз идеального общественного устройства. Программа москвитянинцев определила и стилистическую близость первых пьес П. к фольклорным источникам: обилие песен, народных обрядов, пословиц, широкое употребление местных говоров и крестьянского просторечия. Но у П. возникает более мрачная картина народной жизни, чем у Островского. Яркие сценические ситуации П. часто строит на изображении «ужасного» факта, события. В подобной разработке мелодраматического начала сказалась натуралистическая тенденция, что, с одной стороны, способствовало созданию эффектных сценических положений, с другой — утрировало открытия Островского. Конфликты в «мужицких» драмах П. основаны на столкновении патриархальных и новых, практических форм нравственности в крестьянском мире. Развитие интриги близко к композиции притчи, в которой цель преступлений и бед следует за первым проступком героя. В последней народной драме П. — «Чужое добро впрок нейдет» — возросшее мастерство драматурга проявилось в отказе от идеализации народной жизни. Конфликт пьесы разворачивается в достоверной, реальной обстановке распада патриархальных отношений и вторжения новых капиталистических веяний — власти денег — в старинный уклад жизни. П. отошел от традиционных «водевилей на народную тему», выводя на сцену жизненный, правдивый образ русского мужика — ямщика Мишанки.

Первые три пьесы П. представляют собой цикл, объединенный сквозной темой народа, крестьянской среды, в изображении которой драматург сначала подчеркивал внутренние конфликты, столкновение между патриархальной и реальной формами нравственности («Суд людской...»), затем контрастно сопоставлял ее с дворянским сословием («Брат и сестра») и, наконец, показал в отношении к новым, буржуазным веяниям («Чужое добро...»).

Успех первых пьес дал П. возможность выйти в отставку и целиком отдаться литературной деятельности, к которой он чувствовал настоящее призвание. В конце 50 — нач. 60 гг. П. продолжил знакомство с русским провинциальным бытом будучи доверенным лицом по управлению именьями Е. Л. Игнатьевой и А. М. Голицыной в Ярославской губ. Кругозор писателя значительно расширило и участие в известной «лите-

ратурной» экспедиции 1856 г., организованной по инициативе великого князя Константина Николаевича с целью изучения жизни народов Поволжья. Творческим результатом путешествия П. от устья Оки до Саратова явился ряд очерков: «Лов красной рыбы в Саратовской губернии» (1857), «Река Керженец» (1859), «С Ветлуги» (1861) и др., в которых автор освободился от сентиментальности и нарочитого объективизма ранних очерковых произведений, навеянных влиянием «натуральной школы».

В 1856 г. вышел в свет первый большой роман П. «Крушинский», пользовавшийся широкой популярностью, но не обладавший художественной новизной. Шаблонные ходы интриги, ненужные детали обесценивали явные достижения П.-романиста — правдивое и яркое описание уездных и губернских провинциальных нравов. Гораздо больший интерес представляет следующий роман — «Бедные дворяне» (1861), повествующий о нравственной деградации бедного и темного дворянина Осташкова и воссоздающий целую галерею помещичьих типов дореформенной России. Роман, по сути, та же «мужичья» драма с притчевым построением сюжета.

В середине 50 гг. в самый разгар интереса к крестьянскому вопросу П. оставляет эту популярную тему и обращается к новому жанру, т. н. «тенденциозной» драматургии. Ему удается во многом определить ее каноны: сочетание острой, злободневной проблематики с шаблонными ходами «хорошо скроенной пьесы», сильное тяготение к публицистике, проявляющееся в схематической обрисовке характеров, в сосредоточении интереса на бурной интриге, в «навязывании» авторской позиции.

Большинство «тенденциозных» драм П. приходится на конец 50 — нач. 60 гг.: «Мишура» (1858), «Новейший оракул» (1859), «Вакантное место» (1869), «Отрезанный ломоть» (1865), «Виноватая» (1868), «Рыцари нашего времени» («В мутной воде», 1869). В этих пьесах драматург пытается объединить социальную и этическую проблематику, показать назревшие общественные проблемы (угнетенное положение женщин в семье и обществе, злоупотребления в чиновничьем мире, сословные предрассудки, тяжелые последствия крепостного права и т. д.) через призму непреложных нравственных требований. В проблемных драмах и комедиях П. по-прежнему руководствуется дидактическими целями, но в отличие от народных драм избегает тематической замкнутости. Семейное положение действующих лиц, любовная интрига отходят на второй план, становятся вспомогательными средствами раскрытия социального статуса героя. Большинство «тенденциозных» комедий П. отличает заметный мелодраматизм и «отсутствие смеха», подменяемого «нервическим негодованием», как заметил Н. А. Добролюбов в рецензии на первую «тенденциозную» комедию П. «Мишура» (Собр.

соч.— Т. 3.— С. 215—216). Это снижало обличительную силу названных произведений, хотя в них и много метких, верных наблюдений.

В комедии «Мишура» П. вывел чиновника Пустозерова из нового, пореформенного поколения, который становится врагом взяточничества из карьеристских соображений. К достоинствам пьесы следует отнести реалистическое изображение бюрократического механизма, грубых злоупотреблений в чиновничьем мире. Антитеза старых и новых чиновников, обнажающая их фактическое единомыслие, возникает и в следующей «тенденциозной» комедии П.— «Вакантное место», но эта пьеса отличается большей сценичностью и комедийной окрашенностью. «Вакантное место» — это история о новом помпадуре, либеральном фразере, сменяющем помпадур старого. На «чиновничьем» материале драматург создает остроумную комедию нравов.

Одной из наиболее общественно значимых пьес П. стала комедия «Отрезанный ломоть», снятая со сцены после 13 представлений за «вредное направление». Тема «отцов и детей» приобретает в ней более общее звучание борьбы нового со старым: молодой человек Николай Хазиперов во имя новых убеждений порывает со своим отцом, убежденным ретроградом и крепостником. «Тенденциозные» пьесы П. имели большой общественный резонанс, но их злободневность во многом снижалась тем, что они попадали на сцену с большим опозданием (до 13 лет) из-за постоянных цензурных преследований.

В 70 гг. П. создает в основном прозу: романы «Около денег» (1876) и «Молодые побеги» (1879) — продолжение повести «На миру» и целую серию очерков, повестей и рассказов из народного быта, объединенных в трехтомник «После освобождения» (1891). Цикл рассказов «Деревенские мироеды», повести «Хворая», «Пороченая», «Хай-девка» и др. дают правдивую картину жизни пореформенной деревни. Автор обращает внимание прежде всего на начавшийся процесс капитализации деревни: зарождение и усиление власти деревенских мироедов, семейное разобщение и т. д. В повести «На миру» и романе «Молодые побеги» писатель продолжает тему «отцов и детей» на новом, «деревенском» материале. Симпатии П. на стороне старшего поколения, сельских «праведников», придерживающихся патриархальных устоев. Конфликт в обоих произведениях строится на столкновении и борьбе двух полярных психологических типов русского мужаика — «буйного» и «кроткого».

В романе «Молодые побеги» П. впервые показывает зарождение революционного народничества, подчеркивая, что русский мужик не верит в искренность и дееспособность новых «проповедников». Общая картина народной жизни нарисована П. в глубоко пессимистических тонах: неизбежное вторжение в жизнь деревни новых веяний, в т. ч. фабричных заработков, влечет за

собой только пьянство и разврат, отвращение от привычного крестьянского труда. Столь же безысходную картину создает писатель и в романе «Около денег» (1876), в 1883 г. в соавторстве с В. А. Крыловым переделанном в одноименную драму. В центре внимания автора та же дикая и нищая деревня, втянутая в процесс капитализации, помещенная «около денег» — источника зла и несчастий. Подлинно трагического масштаба достигает П. в образе главной героини Степаниды, гибнущей в ходе разнузданной погони окружающих за стремительным обогащением. Ее глубокая религиозность концентрирует в себе то духовное, нравственное начало, которое уничтожают силы зла (Капитон, отец и брат Степаниды). В совершающихся событиях (ограбление, сумасшествие Степаниды, пожар) старая тетка Анфиса видит «дьявольское попушение» — это авторская точка зрения. П. не жалеет натуралистических красок, т. к. создаваемая мрачная атмосфера несет в себе основную смысловую нагрузку.

В 70 гг. П. написал только одну, но зато яркую, сценичную пьесу — «тенденциозную комедию» «Выгодное предприятие» (1878) с выраженным комедийным элементом, динамичным развитием действия. Правда, комедийные характеры и некоторые ходы интриги не оригинальны: чувствуется явная ориентация на Н. В. Гоголя, но П. мастерски вписывает сюжетные коллизии «Ревизора» в новую действительность 70 гг.

С начала 80 гг. и до конца жизни П. занимается практической театральной деятельностью: в 1881—1882 гг. принимает участие в работе «Комиссии по пересмотру всех частей театрального ведомства», в 1882—1890 гг. управляет репертуарной частью и драматическими труппами императорских театров. Затем 10 лет возглавляет Общество вспомоществования сценическим деятелям, его стараниями был созван Первый съезд сценических деятелей (1897). В 1900 г. П. избрали поч. членом Академии наук по разряду изящной словесности. В 1901 г. широко отмечался 50-летний юбилей литературно-сценической деятельности П., были признаны немалые заслуги писателя перед отечественным искусством.

Соч.: Соч.: В 12 т. — Спб., 1903—1905; Избр. произв. / Вступ. ст. Д. Прокофьева. — Иваново, 1938.

Лит.: Григорьев А. А. Искусство и нравственность. — М., 1986. — С. 259—261; Добролюбов Н. А. Мишура // Собр. соч.: В 9 т. — М.: Л., 1962. — Т. 3; Морозов П. Писатель-народник А. А. П. // Мир Божий. — 1901. — № 11; Скабичевский А. М. Соч.: В 2 т. — 3-е изд. — Спб., 1903. — Т. I. — С. 787—818; Линский Вл. Сцена и беспутство. — Спб., 1907. — С. 179—188; Касторский С. В. Из истории русских литературных отношений XVIII — XX вв. — М.: Л., 1959. — С. 177—198; Лотман Л. М. А. Н. Островский и русская драматургия его времени. — М.: Л., 1961. — Гл. 5. — С. 148—159; Таршин Н. Д. Статьи о русской и зарубежной литературе. Иваново, 1966. — С. 67—93; Аникст А. А. Теория драмы в России от Пушкина до Чехова: История учений о драме. — М., 1972. — Ч. 2. — С. 318—327; История русского драматического театра: В 7 т. — М., 1979—1982. — Т. 4—6; Русская драма эпохи А. Н. Островского / Сост. и вступ. ст. А. И. Журавлевой. — М., 1984. — С. 7—38.

Е. К. Чертова

ПРИШВИН, Михаил Михайлович [23.I(4.II). 1873, имение Хрушево Елецкого у. Орловской губ.—16.I.1954, Москва] — прозаик. Отец П. происходил из купеческой семьи, владел поместьем, проиграл его в карты, оставив жену с пятью детьми без средств к существованию. Мать П. приложила много сил и труда, чтобы выкупить имение, дать образование детям. В 1883 г. П. поступил в Елецкую гимназию, в которой то время учился И. А. Бунин. Два события из детской жизни оказали большое влияние на дальнейшую судьбу П.: побег в какую-то «неведомую» страну и исключение из 4-го класса за дерзость учителю географии В. В. Розанову, в дальнейшем известному философу. Розанов, совершавший на своих уроках экскурсии в области истории, философии и религии, как педагог, а затем и как писатель повлиял на духовное становление П. В дальнейшем П. и Розанов стали встречаться на заседаниях Религиозно-философского общества и, восстановив дружеские взаимоотношения, обменялись книгами. В 1922 г. П. напишет, что Розанов «вдохнул» в него «священное благоговение к тайнам человеческого рода» (Собр. соч.: В 8 т.—Т. 2.—С. 651). После изгнания из гимназии П. смог продолжить обучение в Тюменском реальном училище благодаря своему дяде И. Игнатову, крупному сибирскому промышленнику. В 1893 г. он поступил в Рижский политехнический институт, а с 1895 г. начал работать в марксистских кружках, перевел книгу А. Бебеля «Женщина в прошлом, настоящем и будущем», оказавшую своими идеями огромное впечатление на будущего писателя. За революционную деятельность П. был арестован, просидел год в одиночном заключении в Митавской тюрьме (г. Елгава), затем был сослан в Елец. В 1900 г. поступил в Лейпцигский университет на агрономическое отделение философского факультета, увлекся философией и музыкой Вагнера. В 1902 г. после окончания университета П. в Париже познакомился с В. П. Измалковой, безответная любовь к которой оказала большое влияние на жизнь писателя. До 1905 г. П. работал агрономом в г. Луга, а также в Петровской сельскохозяйственной академии в Москве, писал статьи и книги по специальности (в т. ч. книгу «Картофель в полевой и огородной культуре», 1908). Начиная с 1905 г. и до Октябрьской революции П. работал корреспондентом в газетах «Русские ведомости», «Речь», «Утро России», «День» и др. Первый рассказ «Сашок» был напечатан в журнале «Родник» в 1905 г. В 1906 г. П. познакомился с этнографом Н. Е. Ончуковым и совершил поездку по северу для сбора сказок по заданию Русского географического общества. П. записал 38 сказок, которые вошли в сборник Ончукова «Северные сказки». Путевые заметки послужили основой для его первой книги «В краю непуганых птиц» (1907). В этой книге реализовался новый для русской литературы поворот натурфилосо-

софской темы «человек и природа». В ней сказались особенности творчества П., которое находилось как бы на грани науки и искусства. Объективность изображения, научная точность историка, географа, этнографа, достоверность деталей сочетаются с пантеистическим восприятием мира. «Лирико-символическая образность и строгость очерковой научно-художественной прозы» (Келдыш В. Русский реализм начала XX в.— М., 1975.— С. 207) — то новое, с чем пришел П. в русскую литературу. Современная критика отметила литературные достоинства первой книги: «Многим ли придет в голову... что перед нами не объективный этнограф, а чуткий и тонкий художник, быть может субъективнейший из всех современных, художник в этнографии, художник в своей псевдопублицистике» (Иванов-Разумник В. В. // Речь.— 1911.— № 23, 24.— С. 2). За эту книгу П. был избран действительным членом Географического общества, возглавляемого П. П. Семеновым-Тянь-Шанским, и награжден серебряной медалью.

В 1907 г. П. предпринимает новое путешествие по северу на Соловки, в Поморье. Результатом его стала книга «За волшебным колобком» — «путешествие в страну без имени, без территории, куда мы в детстве бежим» (Собр. соч.: В 6 т.— Т. 2.— С. 165). Книга также этнографична, однако путешествие представляется поиском неведомой страны, в ней сильно звучит мотив сказки. Автор ведет нас туда, «где сохранилась древняя Русь, где не перевелись бабушки-задворенки, кошии Бессмертные и Марьи Муревны» (Там же. — С. 169).

Книга принесла П. литературную известность. Писатель завязывает личные отношения с М. Горьким, А. Толстым, А. Блоком. Особое влияние на него оказывал А. Ремизов: «Я был очень близок к Ремизову и не откажусь теперь признать его своим учителем... У Ремизова была настоящая студия, как у художников, у него была школа, к нему ходили, читали свои рассказы... меня пленяло исключительное отношение Ремизова к искусству как к делу» (Мятежный наказ // Горький М. Сборник статей и воспоминаний.— М., 1928.— С. 193). Ремизов ввел его в круг символистов и в Религиозно-философское общество, возглавляемое Д. С. Мережковским.

В 1908 г. П. отправляется в третье путешествие — в Заволжье и к Китежу, и через год выходит книга «У стен града невидимого», в которой отдана дань распространенным в то время настроениям «богоискательства» и интересу П. к расколу. П. повествует о раскольниках, показывая раскольничью среду как часть современной ему русской жизни. Факт разрыва между наивной верой народа и отвлеченными теологическими построениями интеллигенции побуждает, по мнению П., относиться к чуду «невидимого града» как к серьезной проблеме современности. Отноше-

ние П. к сектантству не ограничивается интересами этнографа и фольклориста. Он изучает сектантский мир в разных его проявлениях. «Я видел там, что наивная народная вера в бога-дедушку... заменялась верой в божественность своего личного «Я» и как это «Я» совершенно так же, как у наших декадентов, не достигая высшего «Я», равного «Мы», где-то на пути своего развития застревало, и каждый такой «сознательный» человек делался маленьким богом, царем своего маленького царства...» (Заветы.— 1914.— № 4.— С. 80—81).

С книгой «У стен града невидимого» идейно связаны повести «Черный араб» (1910) и «Адам и Ева» (1910). Будучи по форме тоже путевыми очерками, они построены на иной художественной основе. Это произведения не столько очерково-этнографического характера, сколько социально-философского. Общая тема этих повестей — мечта и действительность. В повести «Адам и Ева» П. исследует проблему переселенчества как социально-нравственную, его волнуют реальные поиски народом счастливой земли. В основу «Черного араба» легли путевые впечатления от поездки по Азии, которая казалась ему краем гармонии и эпической красоты. Но и сюда врываются социальные конфликты. Нигде в современной действительности П. не нашел «земли обетованной».

Писателя неоднократно упрекали в идейной близости к декадентам, особенно в связи с циклом «Старые рассказы» (1910—1912) с их мистицизмом и поэтизацией непостижимого. П. принадлежал к тому течению в русской литературе нач. XX в., представители которого одновременно тяготели к модернистскому и реалистическому лагерям, о чем он сам позднее писал: «Что меня в свое время не бросило в искусство декадентов? Что-то близкое к Максиму Горькому. А что не увело к Горькому? Что-то близкое во мне к декадентам» (Незабудки. — Вологда, 1960.— С. 78—79).

В издательстве «Знание», руководимом М. Горьким, в 1913 г. выходит первое собрание сочинений П. — трехтомник его произведений. В том же году выходит сборник «Заворошка», состоящий из очерков, заметок, корреспонденций, опубликованных в газете «Русские ведомости», журнале «Заветы» и др. изданиях 1905—1913 гг. Здесь нашли отражение проблемы деревни, впечатления от поездки с переселенцами в сибирские степи. С 1915 г. П. работал военным корреспондентом.

Дореволюционное творчество П. имело ярко выраженный нравственно-философский характер. Национальная этнография занимала в его книгах большое место, но сами произведения были ориентированы на общечеловеческое содержание. В книге «За волшебным колобком» он писал: «Мое занятие — этнография, изучение жизни людей. Почему бы не понимать его как изучение души

человеческой вообще. Все сказки и былины говорят о какой-то неведомой общечеловеческой душе» (Собр. соч.: В 6 т.— Т. 2.— С. 185).

Соч.: Собр. соч.: В 8 т. М., 1982. 1986.

Лит.: Хайлов А. Н. Михаил Пришвин. Творческий путь. — М.: Д., 1960; Пришвина В. Путь к слову. М., 1984; Выходце П. П. Народноэпические основы философской прозы М. Пришвина // Русская литература. — 1980. № 1; Курбагов В. Михаил Пришвин. М., 1986.

И. И. Казакова

ПРУТКОВ, Козьма Петрович — пародийная личность (маска) литератора-чиновника, созданная Алексеем Константиновичем Толстым и бр. Алексеем Михайловичем и Владимиром Михайловичем Жемчужниковыми при участии Александра Михайловича Жемчужникова. Творцы П., называвшие себя его «друзьями» или «опекунами», отмерили его жизненный путь: П (23).IV.1803, дер. Тентелевая близ Сольвычегодска — 13(25).I.1863, Петербург. Они создали его биографию: трехлетняя служба в гусарском полку, а затем сорокалетняя, до самой кончины, — в Пробириной палатке. На литературном поприще — анонимный дебют — комедия «Фантазия» в Александринском театре и три басни в журнале «Современник» в 1851 г., в 1854 и 1860 гг. публикация «Досугов Козьмы Пруткова» в «Современнике», затем недолгое эпизодическое сотрудничество с журналами «Искра» и «Развлечение». «Опекуны» П. щедро дали ему должность директора Пробириной палатки, чин действительного статского советника, орден св. Станислава 1-й степени. Не обделили его и предками, а также потомками. «Гисторические материалы Федота Козьмича Пруткова (деда)». Оперетта «Черепослов, сиречь Френолог» Петра Федотыча Пруткова (отца), «Военные афоризмы» Фаддея, комедия «Любовь и Силин» Андроника, драма «Торжество добродетели» Антона и Агапия Козьмичей (сыновей П.) — эти произведения родственников П. свидетельствовали о том, что литературные дарования и усердие свойственны всему роду Прутковых, прославить который выпало на долю автора «Досугов...».

Стремление к славе — ведущий мотив литературных занятий П. Будучи глубоко уверенным, что «слава тешит человека», он «избрал вернейший к ней путь: подражание именно тем поэтам, которые уже приобрели ее в некоторой степени» (Полн. собр. соч.— С. 53, 54; далее цитируется это изд.). Более всех П. ревновал к славе А. С. Хомякова, Н. Ф. Щербину и своего сослуживца по министерству финансов Н. Г. Бенедиктова.

Хомякову-«любомудру» П. отдал дань в сти хотворениях «Желания поэта» и «Мой сон». Стремление романтика слиться с природой, постичь тайну мировой души здесь подменено надеждой на бессмертие, сулящее почти в загробном мире: «И Зевс меня гладит всесильной

рукой» (С. 92). Щербина вдохновил П. на сочинение антологических произведений: сценка «Спор древних греческих философов об изящном», стихотворения «Древний пластический грек», «Философ в бане», «Письмо из Коринфа», «Древней греческой старухе...». В них новоявленный «жрец красоты» выставил себя центелем весьма пространного списка «изящных» предметов и «прекрасных» поз, не чурающегося эротики и прочих усад эпикурейца: «Ты же меж тем щекочи мне слегка безволосое темя / Взрытый наукою лоб розами тихо укрась» — С. 82). У Бенедиктова П. позаимствовал позу презирающего толпу горделивого поэта-демона («Я гордо стал править веслом» — С. 68), переполненного страстями и глубокомыслием («Мое вдохновение», «Аквилон»), а также вкус к неожиданным сравнениям и самым дерзким метафорам («Шея», «В альбом N.N.»: «Из жизни дней моих я вырву полстраницы / И в ваш альбом влею...» — С. 83).

П. пишет на мотивы А. А. Фета («Осень») и Я. П. Полонского («Разочарование»), упражняется в поэтических «мелочах» — эпиграммах, экспромтах, посвящениях, надписях в альбомах. Чуткость к литературной моде 40—50 гг. сделала П. служителем сразу нескольких культов — Г. Гейне («Юнкер Шмидт», «Доблестные студюзусы», «Память прошлого» и др.), Греции («Новогреческая песнь»), Испании («Желание быть испанцем»), Древней Руси («Современная русская песнь», «Родное»). П. не смог равнодушно смотреть, как иные авторы басен, афоризмов, исторических анекдотов (напр., А. Анаевский, П. Каратыгин, Ф. Нейман) с трудом скрывают свою самоуверенность и спесивое желание поучать, и решил знакомить публику с собственными изречениями («Плоды раздумий»), баснями, «драматическими пословицами» («Блонды»). В произведениях для театра П. весьма успешно соперничал с создателями водевилей, пьес из великосветской жизни, драм, а в «естественно-разговорном представлении» «Опрометчивый турка, или: Приятно ли быть внуком?» он, вероятно, намекнул на свое отношение к натуралистическому направлению в современной ему драматургии (пьесах А. Н. Островского).

«Второй план» — объекты для пародийного подражания — современники П. узнавали отнюдь не в каждом произведении поэта из Пробириной палатки, а желанная слава пришла к нему, когда его пародийные адреса стали едва различимы, а то и вовсе забыты. Но «второй план» как бы «распространился до обобщенного представления о «подобной поэзии» (с нелепой экзотикой, мнимой философской проблематикой, эстетизмом и т. д.)» (Морозов в А. Пародия как литературный жанр // Русская литература.— 1960.— № 1.— С. 59). Само же творчество П. окончательно утвердило представление о пародии как о комическом жанре литературы; Толстой и Жем-

чужников вернули пародии комичность — качество, присущее «выпадам» арзамасцев и мн. др. литераторов времен А. С. Пушкина, но совершенно утраченное в произведениях непосредственных предшественников П. (И. И. Панаев и др.). Поэтому не только в пародировании эпигонской литературы вообще и вульгарного романтизма в частности заключен источник популярности П. среди дальних потомков, безразличных по преимуществу к объектам пародий, но прежде всего в комизме его сочинений и личности.

Комизм у П. достигается самыми разнообразными средствами: каламбур, нагнетение устойчивых поэтических штампов, замещение духовного материальным и неодушевленного одушевленным, сопоставление несопоставимого, нарушение норм языка и правил логики, «автоматизированность» поведения героев и самого П.

Генетически комизм нелепости как основной конструктивный принцип прутковского юмора восходит к народной смеховой культуре, а также к немецкому и русскому романтизму («галиматья» В. А. Жуковского, фантастика Гоголя, «домашняя» — эпистолярная, альбомная, написанная на случай — поэзия), схож он и с английской поэзией «нонсенса» (Э. Лир и др.)

Обряжая П. попеременно то в тогу, то в зипун, то в мантию, «опекуны» подчеркивали пестроту мотивов современной им словесности, превращали ее в нескончаемые святки, маскарад. Но если на маскараде каждый стремится остаться неузнанным, то П. везде и всегда подчеркивает свой официальный, чиновничий статус, снимает маску, разоблачается перед публикой. Быстрая смена художественных амплуа чиновником, который не изменяется ни при каких обстоятельствах, который на все стремится отозваться, — вот ключ к явлению П.; счастливо найденный его создателями в домашнем семейном кругу в часы веселого досуга молодых аристократов. Им по праву в России принадлежит приоритет в создании мифической пародийной личности. Русская культура до этого знала случаи, когда реальный писатель (гр. Д. И. Хвостов или кн. П. И. Шаликов), становясь объектом непрерывного пародийного «обстреливания», превращался в «пародическую личность» (см.: Ты и я н о в Ю. Н. О пародии // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. — М., 1977), черты которой не совпадали с живой личностью; или когда поэт скрывался под маской героини стихотворного фельетона («Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границею, дан л'этранже» И. П. Мятлева); или когда один литератор придавал персонажу другого писателя черты реальной личности (так, Н. А. Некрасов публиковал в «Литературной газете» фельетоны в виде писем к «Доктору Пуфу», под именем которого В. Ф. Одоевский в том же издании печатал материалы на кулинарно-хозяйственные темы). Но во всей полноте, пластичности, завершенности

вымышленная пародийная личность впервые была введена в отечественную литературу «опекунами» П. С их легкой руки пародийные маски прочно вошли в ряды реальных литераторов второй половины XIX—XX в. Пародийной мистификацией занимались Н. А. Добролюбов (Конрад Лициеншвагер, Яков Хам и др.), Д. Д. Минаев (Майор Бурбонов, Обличительный поэт, всего около двадцати масок), Г. Н. Жулев (Скорбный поэт), П. И. Вейнберг (Гейне из Тамбова, Неувенчаный поэт), В. С. Курочкин (Гейне из Архангельска), Б. Н. Алмазов (Эраст Кедроливанский, Московский Дон Кихот), поэты-сатириконы, среди которых был и сын П. — Иван Прутков (Б. В. Жиркович), и мн. др., вплоть до сотрудников клуба «Двенадцать стульев» современной «Литературной газеты», создавших маску Евгения Сазонова — «душелюба», автора романа века «Бурный поток». Каждая из масок порождена своей литературной ситуацией и литературным бытом. Хотя пародии имели дело с отраженной в литературном факте исторической реальностью, они нередко напрямую обращались к «злобе дня», используя литературный «второй план» в качестве прикрытия. И здесь явление П. может послужить образцом.

В. М. Жемчужников — составитель «Полного собрания сочинений» П. (1884; 12-е изд. — 1916) — писал А. Н. Пыпину, что П. — «современник Клейнмихеля, у которого усердие все превосмогает», «воспитанник той эпохи, когда всякий, без малейшей подготовки, брал на себя всевозможные обязанности, если Начальство на него их налагало... Кажется, Кукольников раз сказал: «Если Ник. Павл. повелит мне быть акушером, я завтра же буду акушером». Мы всем этим вдохновились художнически и создали Пруtkова» (С. 394). Из письма видно, что П. в социальном отношении — в первую очередь исполнительный и усердный чиновник. Именно усердие привело П. на Парнас. Однако стремление директора Пробирной палатки к славе через подражание уже известным поэтам не исключало подражания «Начальству» — первому чиновнику империи Николаю I и его ближайшему бюрократическому окружению. Из последнего был выбран гр. П. А. Клейнмихель, одна из самых одиозных фигур николаевской эпохи. П. выдал за свой афоризм девиз графа: «Усердие все превосмогает». Клейнмихель совмещал сразу несколько занятий: ему была подчинена Медико-хирургическая академия, он строил железную дорогу, заводил возведение всех общественных построек. На это «совместительство» и намекала личность поэта-чиновника. Но «совместитель» граф был лишь тенью императора, который «считал себя ответственным за все, что делалось в государстве, хотел все знать и всем руководить — знать всякую ссору предводителя с губернатором и руководить постройкою всякой караульни в уездном городе, истощался в бесплодных усилиях объять необъят-

ное и привести жизнь в симметрический порядок» (Эпоха Николая I.— М., 1911.— С. 3).

В характеристиках личности П. и в его произведениях многое намекает на императора. Самоуверенность, самодовольство, резкость П. вполне оформились после его «восшествия» на Парнас — Николай I стал грубым, заносчивым, самонадеянным после коронации. Внешность П. как нельзя лучше соответствовала принятой им позе гордца — облик Николая I, как отмечали современники, отвечал роли самодержца. Повторяющимся в характеристиках П. и Николая I является образ «архитектора». Одним из самых эклектичных детищ государя был застроенный им Петергоф с его голландскими мельницами, увеселительными павильонами, швейцарскими шале, китайскими киосками, русскими избами, итальянскими виллами, греческими храмами, замками в стиле рококо и т. д. По-видимому, есть сходство между эклектичным Петергофом и эклектичной поэзией П. с ее испанскими, греческими, русскими, немецкими мотивами.

В П.-«архитекторе» (он писал о себе: «Запас у меня велик, материалов много: нужен только зодчий, нужен хороший архитектор; я хороший архитектор». — С. 53) вышучивается официальный, строго регламентированный мир России, в котором один шаг до нелепости, должностной чехарды, когда поэт готов стать по приказу акушером, а ректор-медик строит железную дорогу. Стремление сильных мира сего к необъятному послужило источником такого явления, как прутковщина.

Появление маски П. было возможно в самом начале профессиональной литературной деятельности А. Толстого, А. и В. Жемчужниковых, и, видимо, развенчание поэта-чиновника соответствовало их решению оставить службу, сулившую высокие чины, и посвятить себя только литературе. Это было веселое прощание со службой. За пародийным описанием современной «опекунам» П. литературы, бестолковой неуместности необъятных притязаний «Начальства» последовал уход в желанный мир истинного предназначения, которым для создателей П. была поэзия.

Соч.: Полн. собр. соч. / Вступ. ст. Б. Я. Бухштаба. — М.: Л., 1965; Соч. / Вступ. ст. Ф. Кривина. — М., 1987.

Лит.: Берков П. Н. Козьма Прутков — директор Пробирной палатки. — Л., 1933; Бухштаб Б. Я. Козьма Прутков // Бухштаб Б. Я. Русские поэты. — Л., 1970. — С. 160—221; Жуков Д. А. Козьма Прутков и его друзья. — М., 1976; Зуева О. Снеговой мир Козьмы Пруткова // Литературные произведения XVIII—XX веков в историческом и культурном контексте. — М., 1985. М. В. Юнсов

ПУШКИН, Александр Сергеевич [26.V (6.VI). 1799, Москва — 29. I (10. II). 1837, Петербург] — поэт. В родословной П. скрестились несколько ветвей, уходящих в глубины русской истории и отмеченных многими именами участников важнейших событий в государственной жизни страны. В набросках своей автобиографии, в трагедии

«Борис Годунов», в романе «Арап Петра Великого», в стихотворении «Моя родословная», в статьях и письмах П. впоследствии будет часто вспоминать о них.

Детство П. прошло в Москве. Нелюбимый ребенок в семье, он воспитывался французским гувернером, рано научился читать, свободно рылся в богатой библиотеке своего отца, Сергея Львовича Пушкина, не чуждого литературным занятиям и принимавшего в своем доме известных русских писателей: Н. М. Карамзина, И. И. Дмитриева, своего брата Василия Пушкина. Поэтический дар юного П. обнаружился в раннем детстве: немногие строки детских стихов, дошедших в устной, семейной традиции, были написаны по-французски. Летние месяцы 1805—1810 гг. он обычно проводит у своей бабушки, Марии Алексеевны (урожденной Ганнибал), в подмосковном с. Захарово, близ Звенигорода. Эти ранние детские впечатления отразились в первых опытах пушкинских поэм, написанных несколько позже («Монах», 1813; «Бова», 1814), в лицейских стихотворениях «Послание к Юдину» (1815), «Сон» (1816).

Шесть лет П. провел в Царскосельском Лицее, открытом 19 октября 1811 г. Программа Лицея была, по сути дела, университетской с приоритетом гуманитарных наук в учебных курсах. Устав его впитал идеи передовой педагогической мысли своего времени и предполагал воспитание в духе просветительских идеалов гражданского служения. В лекциях А. П. Кунцина, А. И. Галича проводились либеральные идеи. Здесь юный поэт пережил грозные события Отечественной войны 1812 г.

Царскосельский парк, аллеи и лужайки которого стали местом постоянных прогулок и игр лицейцев, был наполнен памятниками русских побед прошлого века. Не случайно поэтому на публичном переводном экзамене с первого на второй курс в начале 1815 г. П., к этому времени стяжавший славу первого лицейского поэта, читает в присутствии Г. Р. Державина свое патристическое стихотворение «Воспоминание в Царском Селе» (напечатано в журнале «Русский Музеум». — 1815. — № 4. Впервые за полной подписью автора Александр Пушкин).

Вся обстановка лицейского воспитания способствовала развитию дарования П. Здесь поощрялись поэтические опыты, составлялись рукописные журналы, были в ходу «национальные песни» (сатирические куплеты, живо откликавшиеся на повседневные события). Поэтический гений П. уже в ту пору был по достоинству оценен поэтами старшего поколения: В. А. Жуковским, К. Н. Батюковым, Н. М. Карамзиным, П. А. Вяземским. Еще на лицейской скамье П. был принят в литературное общество «Арзамас», выступавшее против рутинности и архаики в литературном деле.

Ранняя поэзия П. передавала ощущение быстротечности жизни, которая диктовала жажду

наслаждений. Культ радостей земных, противопоставленных юдоли мелочных забот, ортодоксальности, официозу, отражал просветительское мироощущение вольтерьянского толка. Характерна и примеряемая П. поэтическая маска — не просто философско-ленивца, но «монаха», «чернеца», «расстриги», мечтающего о земных радостях. Так намечался главенствующий пафос всей пушкинской поэзии, не только жизнелюбивой, но и вольнолюбивой. Высокие героические темы, а также сатирические мотивы (гражданского накала — «Лицинию» и в литературно-пародийном варианте — «Тень Фонвизина») возникают в поэзии П. как отзвук событий эпохи и обнаруживают уже в ту пору некие потенции творчества, пока еще не развитые в силу его сосредоточенности на эпикурейских темах.

В 1816 г. характер лирики П. претерпевает существенные изменения. Элегия становится основным его жанром. В соответствии с новым мироощущением меняется весь колорит пушкинской поэзии: «луны туманный луч», «глас ночной», «печальная тьма лесов» теснят недавние «золотые дни, золотые ночи» — впрочем, ненадолго. Эпикурейские мотивы, однако, отныне получают свое место в иерархии эстетически-нравственных ценностей, как ее предстает поэт: теперь это вызов господствующей морали и своеобразная маска. Цикл прошальных лицейских стихотворений одухотворен культом дружбы и верности юношеским заветам («Прости! Где б ни был я: в огне ли смертной битвы, / При мирных ли брегах родимого ручья, / Святому братству верен я» («Разлука», 1817). Трудно переоценить в становлении личности Пушкина нравственное значение шести лет, проведенных в дружеской лицейской среде, в особенности сблизился он с лицеистами И. И. Пущиным, А. А. Дельвигом, В. К. Кюхельбекером, в атмосфере юношеских открытий, творческого соперничества, заветов честного служения отечеству.

Из Лицея П. был выпущен в июне 1817 г. в чине коллежского секретаря (12-го класса) и определен в Коллегию иностранных дел. Служба мало интересует поэта, зато круг его петербургских знакомств быстро растет. Он становится постоянным посетителем театра, принимает участие в заседаниях «Арзамаса», в 1819 г. вступает в члены литературно-театрального сообщества «Зеленая лампа», которым руководит «Союз благоденствия». Не принимая участия в деятельности первых тайных организаций, ставящих целью осуществление прогрессивных государственных реформ, П. тем не менее связан тесными дружескими узами со многими активными членами декабристских обществ, в резких политических эпиграммах и в гражданских стихах («К Чаадаеву» («Люби, надежды, тихой славы...», 1818), «Вольность» (1818), «Н. Я. Плюсковой» (1818), «Деревня» (1819) бичует пороки российского деспотического режима, воспекает идеалы свобо-

ды. В эти годы он занят работой над поэмой «Руслан и Людмила», начатой в Лицее и отвечающей программным установкам литературного общества «Арзамас» о необходимости создания национальной богатирской поэмы. Ориентируясь в сюжетном построении на лубочную авантюрно-рыцарскую сказку («Бова-королевич», «Повесть о Еруслане Лазаревиче») и волшебную комическую оперу («Русалка» Краснопольского, «Илья-богатырь Крылова»), П. вместе с тем в «Истории государства Российского» Карамзина и в сборнике былин Кириши Данилова ищет черты легендарной героической древности. Сказочное «предание» в поэме пересказывается молодым вольнолюбом, склонным постоянно посмеиваться над небывальщиной, относящимся к ней как к забавной выдумке, пародирующим мистические мотивы баллад Жуковского. Однако шуточный рассказ о сказочных событиях и лирические — в духе анакреонтики — отступления нет-нет да сменяются серьезными лиро-эпическими фрагментами: в тонах высокого элегизма передаются думы Руслана на поле брани, лишена шутовой интерпретации картина идиллического счастья Ратмира в хижине рыбака, особенно замечательна героика последней песни поэмы, описывающей осаду Киева печенегами и битву героя с кочевниками. Поэма закончена в мае 1820 г. и после публикации вызвала ожесточенные отклики критиков-староверов, возмущенных снижением высокого канона, а прежде всего, пожалуй, открытым вызовом лирического героя поэмы насаждавшимся свыше настроениям ханжества и мистицизма.

К весне 1820 г. тучи над молодым поэтом сгущаются. Он вызван к военному генерал-губернатору Петербурга, гр. М. А. Милорадовичу для объяснения по поводу широко распространенных в списках его политических стихотворений. П. грозит ссылка в Сибирь, усилиями старших друзей (Карамзина, Чаадаева, Ф. Н. Глинки) замененная переводом по службе из Петербурга в Екатеринослав (ныне Днепрпетровск). Здесь в конце мая 1820 г. его застает большое семейство героя Отечественной войны, генерала Н. Н. Раевского, который получает для П. разрешение следовать с ним на Кавказ и в Крым для поправления здоровья. Лишь в сентябре он возвращается к месту новой службы — в Кишинев, определенный в канцелярию генерала И. Н. Инзова, начальника Бессарабского края. Так неожиданно счастливо началось сылка юного поэта, в творчестве которого кавказские и крымские впечатления сыграли огромную роль, остались на всю жизнь самым сладостным воспоминанием.

Кишинев, несмотря на провинциальную захлабленность в ту пору, был также по-своему интересен: здесь царил смешение восточных и южных нравов; действовали активные члены тайного общества М. Ф. Орлов, В. Ф. Раевский,

К. А. Охотников, ставшие близкими друзьями П.; готовились к выступлению против турецкого ига греческие «этеристы» во главе с кн. А. Ипсиланти. Длительные поездки поэта в ноябре 1820 — январе 1821 г. в Каменку (ставшую одним из декабристских центров) и в Киев, путешествие с И. П. Липранди по Молдавии в конце 1821 г., посещение Одессы — все это расширило круг впечатлений поэта, наполнило особым внутренним смыслом. Живописная оригинальность южных пейзажей, пестрота обступивших поэта нравов и обычаев, исторические воспоминания, невольно пробуждавшиеся в местах легендарных, героическая современность, с которой поэт столкнулся прямо, мелькание новых лиц, любовные увлечения, вольные разговоры в кругу новых друзей — все это не могло само по себе не затронуть впечатлительную натуру П. Может быть, никогда позже он не ощущал так остро чувства свободы, радостного обновления. Но чувство это было изначально отравлено: парадокс судьбы заключался в том, что свободу поэту принесла ссылка. «Изгнанником самовольным» называет себя поэт в одном из южных стихотворений. Героем поэзии его становится именно изгнанник, ушедший из общества себе подобных или же отвергнутый ими: Овидий, Карагеоргий, Наполеон («изгнанник вселенной»), Кирджали, Вадим, Сатана («изгнанник безнадежный»), кавказский пленник, разбойник. Поэзия Байрона читается в ту пору как исповедь собственного сердца.

Если поэма «Руслан и Людмила» была блестящим итогом его школы у лучших русских поэтов, то первая же «южная поэма» П. «Кавказский пленник» (отд. изд. в 1822 г.) поставила его во главе всей современной русской литературы, принесла заслуженную славу первого поэта, неизменно ему сопутствующую вплоть до конца 1820 гг.

Пушкинский Пленник проигрывал байроновским героям в энергии и силе: при всем своем свободололюбию он лицо пассивное. Но тем самым характер героя если не объяснен, то предопределен общественным воспитанием: поэт стремился «изобразить это равнодушие к жизни и к ее наслаждениям, эту преждевременную старость души, которые сделались отличительными чертами молодежи 19-го века» (письмо к В. П. Горчакову в октябре — ноябре 1822 г.), предвосхищая тем самым героя своего будущего романа в стихах. Сочувственное внимание П. в поисках идеала перемещается на изображение жизни гордых «сынов Кавказа», не знающих гибельного разобщения и ревниво охраняющих свою дикую вольность. Однако в ходе работы над произведением его героиней стала «дева гор», которая, полюбив «европейца», обретя свою индивидуальную судьбу, обречена на гибель. В духе романтических представлений история в поэме П. подвергалась этическому суду и развенчивалась просветительская идея исторического прогресса,

несущего счастье человечеству. На антитезе различных культур построена и коллизия следующей южной поэмы «Бахчисарайский фонтан» (отд. изд. в 1824 г.). В то же время поэма пронизана лиризмом, в особенности ее финал. Поэма получилась фрагментарной, словно тающей в себе нечто недосказанное, что и придало ей особую прелесть, возбуждающую в читательском восприятии сильное эмоциональное поле. Статья П. А. Вяземского «Вместо предисловия [К «Бахчисарайскому фонтану]», разговор между издателем и классиком с Выборгской стороны или с Васильевского острова», предпосланная поэме в первом издании, стала манифестом русского романтизма.

Передовая, декабристская критика с некоторой тревогой следила за развитием пушкинского гения, призывая поэта к воспеванию героини русской истории, к воспитанию читателей в духе революционных идеалов. Он и сам пытается обратиться к героической древности, наметив планы поэм «Мстислав» и «Вадим» (последний замысел принял и драматургическую форму), создает антирелигиозную сатирическую поэму «Гавриилиада» (1821), поэму «Братья разбойники» (1822; отд. изд. в 1827 г.). Героинка современной истории также получила отражение в пушкинской лирике («Эллеферия, пред тобой...», «Война», «Кинжал», 1821). Однако разочарование в просветительской идее торжества разума, обусловленное раздумьями над неутешительными итогами европейского освободительного движения (поражение революции в Испании, разгром карбонариев в Италии, первые неудачи этерии и разброд ее вождей, приведший к трагическим последствиям) и усилением аракевской реакции в России, предопределило глубокий кризис в мировоззрении П. в 1822—1823 гг. В нем созрело убеждение, поначалу безысходно трагическое, что в мире действуют объективные законы, колебать которые человек не в силах, как бы ни были отважны и прекрасны его помыслы. Мыслящему герою, казалось бы, в настоящее время был самой историей предопределен удел бездействия, эгонистического разлада с той общественной средой, которая его породила. В таком ключе был начат в мае 1823 г. в Кишиневе роман в стихах «Евгений Онегин»; финал первой главы романа предполагал историю путешествия героя за пределы родины по образцу поэмы Байрона «Дон Жуан». Однако этот замысел не был осуществлен. Психологически близкий автору в первой главе романа, заглавный герой обретет трагическую судьбу, отличную от судьбы самого П.

Пока же в июле 1823 г. П. добывается перевода по службе в Одессу, мечтая вскоре осесть «скучный брег», готовый к «поэтическому побегу» в края иные («К морю», 1824).

Одесский год П. был заполнен работой над первыми главами романа в стихах, окончанием поэмы «Бахчисарайский фонтан». Именно в это

время П. сознает себя как профессиональный литератор, что предопределилось бурным читательским успехом его произведений. Но очутившись под началом у гр. М. С. Воронцова, наместника Новороссийского края, П. впервые почувствовал чиновничьи вериги. Расценивая свой невысокое жалование в качестве «пайка ссылочного невольника» (письмо к А. И. Казначееву от 22 мая 1824 г.), поэт не считал себя обязанным отрабатывать его службой. Положение осложнилось к тому же страстью юного поэта к гр. Е. К. Воронцовой, что льстило ей и не составляло тайны для одесского общества. Соперником его выступил А. Н. Раевский, который унизился до интриг против П., считавшего его другом. В конце концов мелочные придирки наместника к П. по службе величались в попытку «поставить на место» зарвавшегося поэта (особенно оскорбила П. бесцельная командировка для наблюдения за саранчой), а позже — в перлюстрацию пушкинских писем и в доносы министру иностранных дел о вольнодумстве и атеизме строптивого чиновника. П. подает прошение об отставке, забыв о своем положении ссыльного. В результате в июле 1824 г. П. был отстранен от службы и направлен в псковское имение Михайловское под надзор родителей.

П. прибыл в деревню в августе 1824 г., когда там была вся его семья. Отец, наконец официально извещенный о причинах ссылки его сына, попытался приструнить его, что вызвало ужасную ссору. Но теперь и это не могло повлиять на поэта. В осенние месяцы 1824 г., гостя целыми днями в соседнем имении Тригорском, чтобы не сталкиваться с отцом, в дружеской семье П. А. Осиповой-Вульф, П. пишет посвященные впоследствии ей «Подражания Корану», лирический цикл о пророке, для которого время тяжких испытаний (изгнание из родного города, отчужденность от соотечественников, проклятие со стороны родных) стало началом его трудного пути и, в конечном счете, — торжества его учения.

Несмотря на тяжелые переживания, первая михайловская осень была плодотворной для поэта. Впервые с такой силой обнаружилось счастлирое качество натуры П., умевшего подчинить себе тяжелейшие обстоятельства, находить в них свое благо, осмысляя их как новый, донные неизведанный материал творчества. П. завершает начатые в Одессе стихотворения «Разговор книгопродавца с поэтом», где формулирует свое профессиональное кредо («не продается вдохновенье, но можно рукопись продать»), и «К морю» — лирическое раздумье о судьбе человека эпохи Наполеона и Байрона, о жестокой власти исторических обстоятельств над духовно не смирившейся личностью. В поэме «Цыганы» (отд. изд. в 1827 г.) П. отталкивается от коллизии «Кавказского пленника», переосмысляя ее. «Страсти роковые», терзающие героя, — это примета избраннычества, примета характера неординарного,

героического. Преступление Алеко, утверждающего «права свои» (у цыган их нет, есть лишь обычаи), ставит мирный народ перед выбором. Признают ли они власть над собой гордого человека или отомстят смертью за смерть, все равно произойдет исторический сдвиг, необратимое изменение вечного, естественного уклада. Но отринув пришельца, табор оставляет его одного, продолжая свое кочевье, совершающееся почти как природный цикл. Подобная коллизия, но уже в сниженном, бытовом ракурсе, в обстановке русской помещицкой жизни, намечается теперь в новом сюжетном повороте романа в стихах, в третьей главе которого Татьяна духовно противостоит герою — ей отныне отдана безусловная симпатия автора-поэта. Наконец, осенью 1824 г. П. вновь возобновляет работу над автобиографическими записками, брошенную в самом начале в кишиневскую пору, и обдумывает сюжет народной драмы «Борис Годунов».

11 января 1825 г. П. навещает лицейский друг И. И. Пущин. В апреле 1825 г. приезжает А. А. Дельвиг. Пущин, вероятно, открывает поэту тайну существования в России общества, готового к свержению самодержавия. Письмо от руководителя Северного общества К. Ф. Рыльева с призывом воспеть борьбу за вольность и список комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» были привезены Пушиным в Михайловское не случайно. Намечая открытое выступление против деспотического режима, декабристы рассчитывали на первого поэта России как на своего союзника и соратника.

Но в литературно-эстетических взглядах П. расходился с декабристской критикой. В его творчестве завершилось становление нового, реалистического метода, запечатляющего сложные процессы действительности с позиций историзма и народности. Впервые наиболее полно этот метод проявился в трагедии «Борис Годунов», оконченной 7 ноября 1825 г. (отд. изд. в 1831 г.) и принесшей редкое для П. чувство полного удовлетворения. Глубоко усвоив в своей трагедии опыт мировой драматургии, постоянно проверяя канву исторических событий, заимствованную из «Истории государства Российского» Карамзина, народным взглядом на события, почерпнутым в летописях, агнографической литературе, в устном поэтическом творчестве, П. создал драму нового типа, драму народную. В ней он не только вывел на подмостки множество разнохарактерных типов, дав выразительный социальный срез эпохи и обнаружив в разнонаправленных искренних и корыстных человеческих побуждениях концентрацию исторических сил, но и раскрыл высокий этический смысл «мнения народного», обращенного к грядущим поколениям. Мотивы и темы народной поэзии преломляются в романе «Евгений Онегин» (песня девушек, сон Татьяны), а также в лирике («Зимний вечер», 1825; «Песни о Стеньке Разине», 1826; баллада «Жених», 1825) и опосредованно определяют новую эстетическую прог-

рамму П. Принципиальное значение имеет его эпистолярный спор с Вяземским о крыловских баснях. Им посвящена и одна из первых критических статей П. («О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова», 1825). Для П. Крылов — «истинно народный поэт», выразивший «отличительную черту в наших нравах»: «веселое лукавство ума, насмешливость и живописный способ выражаться». Здесь поэт впервые формулирует свою концепцию истории русской литературы, перспективу которой он видит в синтезе европейских традиций с национальными, коренящимися не столько в древней книжности, но в живом народнопоэтическом творчестве.

В шуточной поэме «Граф Нулин» (П. писал ее 13 и 14 декабря 1825 г.) рисуется косный поместный быт; лишенная исторического движения жизнь ощущается как фарт. Вскоре поэт узнал о поражении восстания на Сенатской площади в Петербурге, о вооруженном выступлении Черниговского полка, об аресте по всей России многих членов тайного общества, даже не принимавших участия в восстании, а затем о следствии и суде над декабристами, о казни пяти главных заговорщиков, ссылке и каторге многих других. В эти тревожные месяцы П. завершает пятую и шестую главы романа «Евгений Онегин», которые в то время ему представляются как окончание первой части произведения. Не выходя за намеченную с самого начала романа сферу быта, автор «Евгения Онегина» словно проигрывает в фабуле романа историческую коллизию, которая определяет драматическую развязку первой части романа. В гибели Ленского звучит реквием по пылким юношам, посягнувшим на «общий порядок вещей» и трагически погибшим. Поэт постоянно чувствует с героями духовное родство, испытывает душевную боль за несчастливо сложившиеся их судьбы. В последние дни михайловской ссылки П. пишет стихотворение «Пророк», в котором отчасти продолжена тема «Подражаний Корану», трагически теперь преломленная: поэтическое назначение осмысливается как высокое подвижничество: «Глаголом жги сердца людей».

В ночь с 3 на 4 сентября 1826 г. в Михайловское прибывает нарочный от псковского губернатора Б. А. Адеркаса: Пушкин в сопровождении фельдшера должен явиться в Москву, где ожидал коронация новый император, Николай I. Собираясь в дорогу и опасаясь обыска, П. бросает в огонь беловую рукопись законченных к этому времени автобиографических записок, запечатлевших историю его поколения, с лучшими представителями которого П. счастливо свела судьба в Лицее, в Петербурге, в Кишиневе, Каменке, Киеве — они теперь были объявлены вне закона.

8 сентября, сразу же после прибытия, П. доставлен к царю для личной аудиенции. В разговоре с глазу на глаз, который в основных чертах реконструируется по позднейшим свидетельствам поэта и царя, П. по возвращении из ссылки га-

рантировалось личное высочайшее покровительство и освобождение от обычайшей цензуры («Я сам буду твоим цензором», — сказал царь). Даже заявление поэта о том, что 14 декабря 1825 г., будь он в Петербурге, он непременно встал бы в мятежное каре, было принято с показным одобрением за откровенность. Намекнув на перспективу близких реформ и возможное прощение осужденных, царь приглашал поэта в союзники новой государственной программы либерализации страны. И П. вступает в такое соглашение, поверив царю уже потому, что это отвечало собственным убеждениям в необходимости — под силой обстоятельств — государственных преобразований. Он понимал, конечно, что примирение с опальным поэтом было по-своему необходимо императору, чтобы успокоить общественное мнение, возбужденное правительственным террором против декабристов, но видел в таком соглашении (ему казалось, в соглашении на равных) симптом мудрой политики. Так в судьбе П. завязывается узел добровольных обязательств правительству, который год от году будет затягиваться все туже и который, почувствовав его давящую жестокость, будет стремиться порвать поэт в последние годы своей жизни.

На первых порах Москва приветствовала освобожденного поэта. П. же заново привыкал к положению свободного человека. Внешне судьба, казалось бы, складывалась удачно: одно за другим выходили из печати новые произведения поэта и переиздавались старые. Критика была к поэту благосклонна, слава его росла. Несмотря на некоторые трения с правительством, которые пока ему кажутся результатом недоразумения, П. глядит в будущее «в надежде славы и добра». Он вовсе не отступал от высокого завета о назначении поэта, развитого в «Пророке», подчеркивая верность своим идеалам в стихотворениях «Арион», «Во глубине сибирских руд...», «Поэт» («Пока не требует поэта...») (1827). Именно в эти годы возникает в творчестве П. неослабеваемый интерес к личности Петра I, царя-преобразователя. Он становится героем начатого романа о прадде поэта, Абраме Ганнибале, и новой поэмы «Полтава», которая стала апофеозом государственного начала, что соотносилось не только с исторической, но и этической концепцией поэта, складывавшейся в конце 20 гг. и зиждевшей на признании политической целесообразности просвещенного и милосердного самодержавия («И за учителей своих / Заздравный кубок подымает»). Однако умиротворенное спокойствие все же не дается поэту. Слово подавляя невольно пробуждающиеся тревожные сомнения, П. в конце 20 гг. был постоянно в пути, на перекладных. Не заводя собственного дома, он останавливается в Москве и Петербурге ненадолго, мечется между ними, иногда заезжая в Михайловское, рвется то на театр военных действий с началом турецкой кампании 1828 г., то в китайское по-

солство; самовольно уезжает на Кавказ в 1829 г., чтобы встретиться там с друзьями, замешанными в событиях 1825 г. и отправленными в действующие войска. Он как бы принудительно зажат между двумя столицами и про себя осознает необходимость дома, своей семьи.

К этому времени в творчестве П. отчетливо обозначился новый поворот. Трезвый исторический и социальный анализ действительности сочетается с осознанием неимоверной сложности часто ускользавшего от рационального объяснения окружающего мира, что наполняет его творчество ощущением тревожного предчувствия, ведет к широкому вторжению фантастики, рождает горестные, подчас болезненные воспоминания, напряженный интерес к «тайнам гроба вековым».

Во многом это объяснялось нарастающим конфликтом с правительством, которое вовсе не собиралось даровать П. свободу и независимость мнений. Уже в первые дни после возвращения из ссылки П. был вынужден давать унижительные объяснения по поводу чтения в московских литературных кругах трагедии «Борис Годунов»; поданная на высочайшее одобрение пьеса была возвращена с советом переделки в исторический роман с неперменной нравственной (т. е. верно-подданнической) тенденцией. Записка «О народном воспитании» (1826), заказанная поэту, также была отклонена. Высочайшая цензура обернулась необходимостью предназначенные для печати произведения полагать шефу жандармов А. Х. Бенкендорфу, который фактически и решал их судьбу. В 1827 г. началось расследование по поводу стихотворения «Андрей Шенье» (написанного еще в Михайловском в 1825 г.), в котором был усмотрен отклик на события 14 декабря 1825 г., а в 1828 г. правительству стала известна кишиневская поэма «Гавриилиада». Дела эти были по высочайшему повелению прекращены после объяснений П., но за поэтом был учрежден негласный полицейский надзор. Появились в печати и первые разносы П. в критике, осуждавшие его пристрастие к «низкой действительности» и объявлявшие его поэтом ничтожных мелочей.

П. чувствует необходимость житейских перемен. В 1830 г. повторное его сватанье к Наталии Николаевне Гончаровой, восемнадцатилетней московской красавице, было принято, и осенью он отправляется в нижегородское имение своего отца Болдино для вступления во владение близлежащей дер. Кистенево, подаренной отцом к свадьбе. Холерные карантин задержали поэта на три месяца, и этой поре было суждено стать знаменитой Болдинской осенью, наивысшей точкой пушкинского творчества, когда из-под его пера вылилась целая библиотека произведений: «Повести покойного Ивана Петровича Белкина», «Опыт драматических изучений» (т. н. «маленькие трагедии»), последние главы «Евгения Онегина», «Домик в Коломне», «История села Горюхина», «Сказка о попе и о работнике его Бал-

де», несколько набросков критических статей и около 30 стихотворений (среди них «Бесы», «Элегия» («Безумных дней угасшее веселье...»), «Прощание», «Румяный критик мой, насмешник толстопузый...», «Заклиание», «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы», «Герой», «Для берегов отчизны дальней...», «Моя родословная»).

Это был творческий праздник, тем более удивительный, что необходимого для творчества спокойствия П. в те дни было начисто лишено: он покинул Москву после крутого разговора с будущей тещей, на грани нового отказа, его имущественные дела были далеки от благополучия, невеста осталась в холерной Москве, вести о бедах которой печатались в доходивших до Болдина «Московских ведомостях». Дважды не удался прорыв П. через холерные карантин. Творчество, как это было всегда в его жизни, оказалось для П. спасением. Несомненно, столь обильный урожай был бы невозможен, если бы темы большинства из этих произведений давно не зрели и не ждали своего часа, — это подчеркивает, насколько постоянно совершалась в душе П. творческая работа, как много тайл он замыслов, ждавших своего часа и лишь отчасти оставшихся в торопливых пометах для памяти на полях рабочих тетрадей. Это состояние выразил П. в одном из болдинских стихотворений, запечатлевшем стремление в смутных шорохах бессонной ночи уловить отзвуки жизни: «Я понять тебя хочу, / Смысла я в тебе ищу» («Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы»).

Среди болдинских произведений, словно нарочито непохожих одно на другое по жанру и по тональности, особенно контрастируют друг с другом два цикла: прозаический и драматический. Это два полюса его творчества, к которым тяготеют остальные произведения, написанные в три осенних месяца 1830 г.

«Повести Белкина» явились первым из дошедших до нас, завершенным прозаическим произведением пушкинской прозы, опыты которой предпринимались им неоднократно. Уже в 1821 г. он сформулировал основной закон своего прозаического повествования: «Точность и краткость — вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей — без них блестящие выражения ни к чему не служат» («О русской прозе»). Эта формула находится в прямой связи с начатыми в ту пору автобиографическими записками, от которых до нас дошли немногие фрагменты, и в частности историческое вступление, намекающее сжатую, почти афористическую характеристику эпохи «после смерти Петра». Все последующие замыслы П. в прозе внутренне перекликаются с сожженными в августе 1826 г. мемуарами. В конце 20 гг. П., однако, использует маску мемуариста-обывателя, повествующего о ничтожных событиях. Это на первых порах принимало пародийные черты (отрывок из «Мыслей и замечаний», «Дядя мой однажды занемог...».

наброски: «Если звание любителя отечественной литературы...» и «Сердечно радуюсь, что рукопись, которую я имел честь вам препроводить...»), что особенно заметно в предисловии к «Истории села Горюхина», которое в переработанном виде послужило основой введения «От издателя» к «Повестям Белкина». Эти повести — также своеобразные мемуары обыкновенного человека, который, не находя ничего значительного в своей жизни, наполняет свои записки пересказом услышанных историй, поразивших его воображение своей необычностью. Исторической рамой всех вошедших повестей является то самое пятнадцатилетие (до 1825 г.), которое когда-то послужило материалом пушкинских мемуаров. Но факты «большой истории» упоминаются в них вскользь и не влияют на устоявшийся быт. Это поистине провинциальная жизнь, заставляющая вспомнить реплику героя «Романа в письмах» (1829): «...для них не прошли еще времена Фон-визина» (отсюда — эпиграф из «Недоросля», предпосланный «Повестям Белкина»). Пародийное начало уходит в подтекст повестей. Реалистическая точность характеров и обстановки — при всем сочувствии писателя «маленьким людям» — служит целям критического изучения застоя русской общественной жизни.

Иной масштаб жизни в «Опыте драматических изучений». Они отречены от мелочного быта (экзотический, едва намеченный бытовой фон их лишь оттеняет незаурядность характеров героев). Дерзкий вызов человеку небу и нравственные пределы человеческого своеволия — такова двудеятельная тема всего драматического цикла. Отдавшиеся разрушительной страсти, герои оказываются у черты сумасшествия. Как ни прекрасен гордым мужеством даже гимн Вальсингама («Пир во время чумы»), он также в чем-то ущербен. В нем — отвага обреченного. Весь цикл заканчивается ремаркой: «...Председатель остается погружен в глубокую задумчивость». Это напоминает заключительную ремарку «Бориса Годунова»: «Народ безмолвствует». В болдинской «Элегии», как бы соединяя обе ипостаси человеческой судьбы: бытовую и высшую, П. скажет: «Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе / Грядущего волнующее море. / Но не хочу, о други, умирать; / Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать».

18 февраля 1831 г. П. венчается в Москве с Н. Н. Гончаровой, весной того же года переселяется с женой в Петербург, сняв на лето дачу в Царском Селе. Здесь, в своем поэтическом отечестве, П. пишет «Письмо Онегина», тем самым окончательно завершая работу над романом в стихах, который стал его «спутником верным» на протяжении восьми лет жизни. Когда-то, закончив первую часть романа в составе шести глав, П. предполагал и далее двигать в жизни синхронно с его героями, сравнивая постоянно их судьбы со своей — на лирическом уровне романа

в стихах. Первый цикл жизни героя, эгоистически преданного лишь самому себе и презираемого в душе светские обычаи, окончился трагедией: убийством на поединке друга. Автор предполагал отправить героя в путешествие по России. Вероятно, в ту же главу (исключенную из окончательного текста романа) входили первоначально и строфы, немногие фрагменты которых дошли до нас в зашифрованном виде, рисующие историческую панораму событий от войны 1812 г. до восстания декабристов (позднее они были перенесены в намеченную «для себя» 10-ю главу романа). В Болдине произошло существенная переакцентировка в сюжете романа. Теперь поэт следит за героями из иной исторической эпохи, оставив их на пороге 1825 г. «Письмо Онегина» подчеркнуло зеркальную композицию романа, что до некоторой степени скрадывало неравномерность двух его частей, а главное — позволяло оценить несвойственные преждему Онегину безрассудство, отчаянность его поведения: он способен теперь довериться живому чувству. Духовно Онегин, как это стало понятно лишь теперь, принадлежал к лучшим людям поколения 20 гг. Недаром, мысленно продолжая судьбу Онегина, П. предполагал, что он способен на героическую гибель (по свидетельству современника, герой должен был или погибнуть на Кавказе, или попасть в число декабристов).

Новое восприятие действительности, наметившееся в творчестве П. в конце 20 гг., требовало углубленных занятий историей: в ней следовало найти истоки коренных вопросов современности. В 1831 г. он получает разрешение работать в архивах и зачисляется вновь на службу в качестве «историографа», получив высочайшее задание написать «Историю Петра». Это было слезодующим звоном, все теснее приковывавшим П. к царю, к верховной власти. 1831 г. был вообще пиком политических иллюзий. Холерные бунты, ужасные по своей жестокости, и польские события, поставившие Россию на грань войны с Европой, представляются П. угрозой российской государственности. Он с тревогой подозревает возможность повторения политической ситуации, памятной по 1812 г. Сильная власть в этих условиях кажется ему залогом спасения России — этой идеей вдохновлены его стихотворения «Перед гробницею святой...», «Клеветникам России», «Бородинская годовщина»: последние два вместе со стихотворением Жуковского были напечатаны специальной брошюрой «На взятие Варшавы» и вызвали обвинение в политическом ренегатстве, обусловили падение популярности П. на Западе и в какой-то мере — в России. Ирония судьбы была в том, что в то же время шла ожесточенная травля П. со стороны Ф. В. Булгарина, связанного с III отделением и обвинявшего поэта в приверженности либеральным идеям его молодости. Отчасти это объяснялось конъюнктурными «соображениями»: боязнью подрыва журнальной

монополии Булгарина, издававшего совместно с Н. И. Гречем газету «Северная пчела», журнал «Сын Отечества», в связи с замыслом П. выпустить политическую газету «Дневник» (1829) и активным участием в издании «Литературной газеты» Дельвига (1830—1831). Но наряду с этим Булгарин был по-своему проинициателен: союз П. с правительством кажется официозному журналисту временным и случайным. Верноподданнически напоминая об этом в печатных статьях и тайных доносах, Булгарин обвинял П. и его круг писателей в оппозиционном правительственному курсу аристократизме. П. дал отпор этим нападениям в фельетонах, напечатанных под псевдонимом *Феофилакт Косичкин*, «Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов» и «Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем» (1831).

С начала 30 гг. проза в творчестве П. начинает превалировать над поэтическими жанрами. «Повести Белкина» (отд. изд. в 1831 г.) с их тонкой стилистикой, предполагающей в читателе изощренный литературный вкус, рассчитанные на способность оценить своеобразие и свежесть интерпретации обычных сюжетов сентиментальной и ультраромантической литературы, успеха не имели. П. замышляет широкое эпическое полотно, роман из эпохи пугачевщины с героем-дворянином, перешедшим на сторону бунтовщиков. Замысел этот на время оставляется из-за недостаточных знаний той эпохи, и начинается работа над романом «Дубровский» (1832—1833), герой его, мстя за отца, у которого несправедливо отняли родовое имение, становится разбойником. Хотя сюжетная основа произведения почерпнута П. из современной жизни, в ходе работы роман все больше приобретает черты традиционного авантюрного повествования с нетипичной в общем-то для русской действительности коллизией. Возможно, предвидя к тому же непреодолимые цензурные затруднения с публикацией романа, П. оставляет работу над ним, хотя роман был и близок к концу. Замысел произведения о пугачевском бунте вновь привлекает его, и верный исторической точности, он прерывает на время занятия по изучению Петровской эпохи, штудирует печатные источники о Пугачеве, добывается ознакомления с документами о подавлении крестьянского восстания (само «Дело Пугачева», строго засекреченное, оказывается недоступным), а в 1833 г. предпринимает поездку на Волгу и Урал, чтобы воочию увидеть места грозных событий, услышать живые предания о пугачевщине. Знание России, ее разнообразных близких и дальних областей входит в его представление о долге писателя. Подсчитано, что за свою жизнь П. в общей сложности проехал свыше 30 тысяч верст. Теперь путь П. лежит через Нижний Новгород, Казань и Симбирск на Оренбург, а оттуда на Уральск (во времена Пугачева, Яицкий городок), вдоль древнего Яика, переименованного

после крестьянского восстания в Урал. Поездка дала писателю незаменимые книжным знанием живые впечатления, позволила встретиться с участниками крестьянской войны (1773—1775), услышать народные предания о пугачевщине.

Осенью 1833 г. он возвращается в Болдино. Теперь Болдинская осень П. вдвое короче, нежели три года назад, но по значению она соразмерна Болдинской осени 1830 г. За полтора месяца П. завершает работу над «Историей Пугачева» и «Песнями западных славян», начинает работу над повестью «Пиковая дама», создает поэмы «Анджело» и «Медный всадник», «Сказку о рыбаке и рыбке» и «Сказку о мертвой царевне и семи богатырях». Подлинным поэтическим апофеозом этой поры становится стихотворение в октавах «Осень», реалистически точно воссоздавшее пробуждение в душе поэзии.

В ноябре 1833 г. П. возвращается в Петербург, ощущая необходимость круто переменить жизнь и прежде всего выйти из-под опеки двора. Работа над «Историей Пугачева» (изд. в 1834 г. под заглавием «История пугачевского бунта») убедила его в необходимости незамедлительного решения в России крестьянского вопроса, коренных государственных преобразований. Ему становится понятным, что обещание Николаем I реформ, обусловившее договор поэта с царем в сентябре 1826 г., оказалось невыполненным: в России ужесточился полицейский режим, двор жил пышными празднествами и мелкими интригами, безучастный к судьбам народа.

24 ноября 1833 г. П. начинает вести дневник, обвинительную хронику высшего света и двора, суетных и ничтожных («Праздников будет на полмиллиона. Что скажет народ, умирающий с голода», — замечает он 17 марта 1834 г.). Накануне Нового года он узнает о новом изощренном унижении, обрушившемся на него под видом высочайшего благодеяния. Царь производит своего историографа в младший придворный чин камерюнкера. Единственным выходом из двусмысленного положения, в котором оказался П., было добиться немедленной отставки. Но об этом и думать было нельзя. Семья росла, светская жизнь требовала непомерных расходов, последние же книги П. вышли более года назад и большого дохода не принесли, исторические занятия поглощали все больше времени, жалование историографа было незначительным, но только царь мог разрешить издание новых произведений П., которые могли бы упрочить его материальное положение. Положение могла поправить новая поэма «Медный всадник». Но уже 12 декабря 1833 г. П. отметил в дневнике: «Мне возвращен «Медный всадник» с замечаниями государя... Я принужден был переменить условия со Смирдиным».

Запрещение «Медного всадника» (в котором П. не мог переменить ни одной строки, настолько взвешено и важно было для него здесь каждое слово) было тягчайшим ударом для поэта. Про-

изведение это было столь же важным для него, как в свое время «Борис Годунов», концентрирующим раздумья П. над итогами петровских государственных преобразований, над их историческими следствиями. Упрочение российской государственности, исторически необходимое для России, не принесло счастья простым людям и поэту было чревато социальными катаклизмами.

Чтобы как-то выйти из срочных долгов, П. в начале 1834 г. быстро диктует другую, прозаическую петербургскую повесть, «Пиковую даму» и помещает ее в журнале «Библиотека для чтения», который платил П. незамедлительно и по высшим ставкам. Она была начата в Болдине и предназначалась тогда, по-видимому, для совместного с В. Ф. Одоевским и Гоголем альманаха «Тройчатка». Дух нового, буржуазного меркантилизма, которым обуян Германин, поглощенный фантастической мечтой о внезапном обогащении, ведет его к сумасшествию. Стоявшая несколько особняком в прозе П. повесть «Пиковая дама» впоследствии повлияла на поэтику Достоевского.

10 мая 1834 г. П. записал в дневнике: «Московская почта распечатала мое письмо, писанное мною Наталье Николаевне... Государю неугодно было, что о своем камер-юнкерстве отзывался я не с умилением и благодарностью. Но я могу быть подданным, даже рабом — но холопом и шутом не буду и у царя небесного». Высочайшее покровительство оказалось наглым надзором. П. подает в отставку с просьбой сохранить право работы в архивах, необходимое для исполнения «Истории Петра». В какой-то мере повторялась одесская история, когда опальный поэт требовал отставки. Подобие этих ситуаций, вероятно, ощущалось П., и теперь ссылка в деревню кажется ему благом, необходимым условием творческой работы, освобождением от мучительных попыток сократить непомерные для него расходы на жизнь в Петербурге. Однако в расчеты царя не входило давать поэту свободу. Просьба об отставке была с негодованием принята, работать в архивах ему было запрещено. П. был вынужден прибегнуть к посредничеству Жуковского, чтобы урегулировать конфликт. В благодарность за послушание ему была выдана испрошенная ранее денежная ссуда в счет пятигодичного жалования, которая, по сути дела, обернулась самым тяжелейшим долгом П. царю. Эта сумма не покрывала и половины долгов П., с прекращением выплаты жалования приходилось надеяться только на литературные доходы. Но профессиональный литератор в России был слишком необычной фигурой. Доход его зависел от читательского спроса на произведение. В конце 1834 — нач. 1835 г. вышло несколько итоговых изданий произведений П.: полный текст «Евгения Онегина» (раньше, в 1825—1832 гг., роман печатался отдельными главами), собрания стихотворений, повестей, поэм — все эти книги расходились с трудом. Критика уже в полный

голос говорила о измелчании таланта П., о прекращении его эпохи в русской литературе. Две осени — 1834 г. (в Болдине) и 1835 г. (в Михайловском) были неудачны в творческом отношении.

Широкой публике, сокрушающейся о падении пушкинского таланта, было неведомо, что лучшие его произведения были не пропущены в печать, что в те годы шел постоянный, напряженный труд над обширными замыслами: «Историей Петра», романом о пугачевщине. Никто не догадывался также, что в творчестве П. назрели коренные изменения. П.-лирик в эти годы становится преимущественно «поэтом для себя». Он настойчиво экспериментирует театр с прозаическими жанрами, которые не удовлетворяют его вполне, остаются в замыслах, набросках, черновиках, неустанно ищет новые формы литературы.

В этих условиях он находит выход, разом решающий многие проблемы. Ему необходим журнал, который позволит сплотить группу передовых литераторов, предоставит трибуну, а также принесет необходимый материальный доход. Опыт подобной работы П. приобрел ранее, активно участвуя в «Литературной газете» (1830—1831), издаваемой Дельвигом и О. М. Сомовым, и др. изданиях. П. добился права на издание своего журнала, но сразу же был поставлен в жесткие тиски особых регламентаций: было запрещено касаться политических новостей (особенно интересующих широкого читателя и позволяющих издателю высказывать собственные оценки животрепещущих событий), он отдавался в ведомство обычной цензуры (а по сути дела, и еще трех: царской, военной и духовной), а главное — было дано разрешение на издание не ежемесячного журнала, а ежеквартальника, что не позволяло живо откликаться на литературные новинки, вести журнальную полемику, это также вредило читательскому успеху.

Но П. надеется победить обстоятельства. Журнал был назван «Современником», и в первом томе П. сразу же пытается обойти все наложенные на журнал ограничения. Издание открывается стихотворением «Пир Петра Первого», в котором воспеваются праздники в «Петербург-городке» по поводу примирения царя с опальными вельможами, необходимыми для государственного служения. Это было очевидной апелляцией к общественному мнению о необходимости прощения «государственных преступников» нынешнего времени: в 1836 г. исполнилось десять лет со дня осуждения декабристов. Тема эта будет развита в путевом очерке П. «Путешествие в Арзрум», воскрешающем его впечатления от поездки на Кавказ в 1829 г.: целью ее была встреча с друзьями-декабристами, служившими в Кавказском корпусе, они впервые в русской литературе рисуются историческими героями, их потенциальную духовную мощь П. показывает в развернутой характеристике Грибоедова.

В журнале были напечатаны и критическая

статья Гоголя «О движении современной журнальной литературы в 1834 и 1835 годах», и граничные новости (в виде парижской «хроники русского» А. И. Тургенева), и стихотворения Жуковского и Вяземского, и повесть Гоголя «Коляска».

Тем не менее читательского успеха журнал не имел: к новому типу серьезного периодического издания, посвященного животрепещущим проблемам, трактуемым по необходимости намеками, русской публике предстояло еще привыкнуть. У журнала оказалось всего 600 подписчиков, что делало его разорительным для издателя, т. к. не покрывались ни типографские расходы, ни гонорары сотрудников. Два последних тома «Современника» П. более чем наполовину наполняет своими произведениями, по большей части анонимными, что до некоторой степени не позволяло читателям оценить, насколько могуч и разнообразен был литературный его талант, в равной степени и поэта, и прозаика, и критика, и публициста, и историка, и мемуариста.

В четвертом томе «Современника» был наконец напечатан роман «Капитанская дочка». В истории дворянина-пугачевца М. А. Шванвича П. искал реальные пути преодоления социального и духовного раскола нации. Шванвич, однако, не годился в герои такого романа потому, что был дворянином-отщепенцем, духовно чуждым тому социальному движению, к которому примкнул, спасая свою жизнь. Но в окончательной редакции произведения П. идея единства нации все же прослеживается. Оставшиеся в разных станах герои, Петр Гринев и Емельян Пугачев, нашли тем не менее общий язык, почувствовали коренное духовное родство при всей противоположности классовых интересов. Обстоятельства, определившие эту «странную дружбу», были, конечно, исключительными, но в них обнаружили — в повседневности отринутые — центропритягательные силы нации. При всей исторической точности повествования роман таит в себе подспудно черты народной волшебной сказки, своеобразной утопии.

Тем же устремлением к будущим поколениям вдохновлено и итоговое стихотворение П., написанное в соответствии с традицией, восходящей к Горацию, «Я памятник воздвиг себе нерукотворный...» (август 1836 г.).

Между тем уже назревал конфликт поэта с светской чернью. Внешне он сводился к случайному происшествию: наглому ухаживанию за женой поэта светского повесы француз Ж. Дантеса, принятого на службу в один из самых привилегированных полков русской гвардии благодаря высокому покровительству усыновившего его голландского посланника барона Л. Геккерена. Но грязная сплетня, марающая честь пушкинской семьи, с готовностью подхваченная в великодушских салонах, была концентрированным выражением всей враждебной атмосферы, в которой задышался поэт.

27 января, утром, за несколько часов до дуэли, П. был спокоен и деятелен. По обычному распорядку, от которого и в тот день он не собирался отступить, утренние часы были отданы творчеству, занятиям по изданию журнала. Последнее письмо, написанное П. писательнице А. О. Ишмовой с просьбой подготовить для «Современника» переводы отмеченных им английских пьес, может быть, ярче всего подчеркивает, что П. не собирался умирать, надеялся и сейчас выйти победителем враждебных обстоятельств. Ранение на дуэли, однако, было смертельным. Через два дня П. скончался.

Смерть П. стала национальной трагедией. «Солнце русской Поэзии закатилось», — скажет В. Ф. Одоевский в некрологе, получив за это выговор министра просвещения. Настойчиво и, как ему казалось, пока тщетно жаждивший восстановления контакта с читателем, умирающий П. узнал, что около его дома собираются постоянно тысячи людей, с тревогой и надеждой читающие написанные Жуковским и помещаемые на двери квартиры бюллетени о здоровье поэта. После гибели П. по Петербургу разошлось в списках стихотворение М. Ю. Лермонтова «На смерть поэта», обвинявшее двор и светскую чернь в травле гения. В несколько дней был распродан большой тираж нового издания «Евгения Онегина», и заключительные строки романа «Блажен, кто праздник жизни рано / Оставил...» теперь читались по-новому. Начиналось новое осмысление судьбы П. Жизнь его оборвалась, гений его принадлежал вечности.

Соч.: Полн. собр. соч.: В 16 т. М.: Л., 1937–1949. — Т. 17. Справочный. М., 1959; Полн. собр. соч.: В 10 т. / Под ред. Б. В. Томашевского. 4-е изд. — Л., 1977–1979; Собр. соч.: В 10 т. М., 1974–1978.

Лит.: Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина // Полн. собр. соч. М., 1955. — Т. VII; Аникин П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина. М., 1984; Бродский Н. Л. А. С. Пушкин: Биография. — М., 1937; Гроссман Л. П. Пушкин. — 3-е изд. — М., 1960; Мейлах Б. С. Жизнь Александра Пушкина. Л., 1974; Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина (1813–1826). — М., Л., 1950; Он же. Творческий путь Пушкина (1826–1830). — М., 1967; Томашевский Б. В. Пушкин. — М., Л., 1956; Ки. 1 (1813–1824); Он же. Пушкин. Ки. 2 // Материалы к монографии (1824–1837). М.: Л., 1961; Цылевский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. — М., 1951. — Т. 1; Пушкин в русской критике. Сб. ст. — 2-е изд. — М., 1953; Зельский Пушкин. Пушкинские места Советского Союза. Очерки. Л., 1963; Словарь языка Пушкина: В 4 т. М., 1956—1961; Смирнов-Сokolьский Н. П. Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. М., 1962; Пушкин. Итоги и проблемы изучения. М., 1966; Макогоненко Г. П. Творчество Пушкина в 1830-е годы (1830–1833). Л., 1974; Он же. Творчество Пушкина в 1830-е годы (1834–1836). — Л., 1982; Лотман Ю. М. Александр Сергеевич Пушкин. — Л., 1983; А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1985; Маймин Е. А. Пушкин: Жизнь и творчество. М., 1981; Кулешов В. И. Жизнь и творчество А. С. Пушкина. М., 1987; Скатов Н. Н. Русский гений. — М., 1987; Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. — 2-е изд. — Л., 1988; Пушкинские места. Путеводитель. — Ч. 1, 2; Добровольский Л. М., Лавров В. М. Библиография пушкинской библиографии. 1846–1950. М. — Л., 1951; Зайцева В. В. Пушкиниана 1961–1985 гг // Временник Пушкинской комиссии. Л., 1963–1989. Вып. 1–23. С. А. Фомина

ПУШКИН, Василий Львович [27.IV(8.V).1766, Москва — 20.VIII(1.IX).1830, там же] — поэт. Дядя А. С. Пушкина. Получил блестящее домашнее образование. В совершенстве владел французским языком, изучил английский, немецкий, итальянский и латинский языки. Прекрасно знал русскую, европейскую и античную литературу. Был страстным библиофилом и театралом; обладал талантом декламатора, участвовал в домашних спектаклях. В 1791—1797 гг. служил в Измайловском полку в Петербурге; вышел в отставку в чине поручика и поселился в Москве. В 1795 г. женился на К. М. Вышеславецкой; в 1806 г. развелся с ней и вступил в гражданский брак с московской купчихой А. Н. Ворожейкиной, от которой имел двух детей. В 1803—1804 гг. предпринял путешествия в Германию, Францию и Англию, где познакомился с известными европейскими писателями Делилем, Сен-Пьером, Фонтаном, знаменитым трагиком Тальма и др. актерами. В 1812 г. во время вступления в Москву французской армии поселился в Нижнем Новгороде. После изгнания неприятеля возвратился в родной город. Похоронен на кладбище Донского монастыря.

Первая публикация П. — стихотворение «К камину» («Санкт-Петербургский Меркурий», 1793), в котором воспевались прелести уединенной жизни с друзьями и книгами, высмеивались те, кто живет в кругу светской суеты. Оно имело успех. Затем стихотворения П. печатались в журналах «Вестник Европы», «Дамский журнал», «Московский телеграф», в «Литературной газете», в альманахах «Аониды», «Полярная звезда» и др. изданиях. В 1822 г. в Петербурге вышло собрание стихотворений П.

П. — последователь Карамзина и Дмитриева, противник Шишкова и его сторонников, активный участник литературной борьбы 10 гг. Его полемические по отношению к шишковистам послания «К В. А. Жуковскому» (1810) и «К Д. В. Дашкову» (1811) — первые манифесты карамзинской школы. П. утверждал новый поэтический стиль, выступал против архаических форм литературного языка, ратовал за просвещение: «Невежда может ли отечество любить? / Не тот к стране родной усердие питает, / Кто хвалит все свое, чужое презирает; / Кто слезы льет о том, что мы не в бородах, / И, бедный мыслями, печется о словах! / Но тот, кто, следуя похвальному внушенью, / Читт дарования, стремится к просвещенью» («К Д. В. Дашкову». // Соч. / Под ред. В. И. Санитова. — Спб., 1893. — С. 72). Современники ценили поэзию П. за чистоту и ясность слога, остроумие, безупречный вкус.

Шумную литературную славу П. принесла поэма «Опасный сосед» (1811). Она привлекала читателей живописностью жанровых сцен, точностью бытовых деталей, меткостью сатирических характеристик, остроумием изложения, злободневностью, связанной с литературными битвами

того времени. В забавное повествование о поездке с соседом Буяновым, предшественником гоголевского Ноздрева, в веселый дом к блудницам П. включил выпады против Шишкова, Шаховского, Ширинского-Шихматова. При жизни автора поэма из-за фривольного содержания в России не печаталась, но широко распространялась в списках. Впервые была напечатана в 1815 г. в Мюнхене литографским способом, положила начало русским литографическим изданиям. Затем издавалась в 1835 г. в Лейпциге, в 1859, 1871, 1876 гг. в Берлине. В России первое отдельное издание поэмы вышло в 1913 г.

Излюбленный жанр П. — басня. В баснях П. следовал за Дмитриевым, создавая изящные сценки, легко и непринужденно написанные, завершающиеся поучением. Читатели узнавали, что «тот счастлив, кто живет на свете острожно» («Лев больной и лисица», 1798), «в старости не ум, а сердце нужно нам» («Старый лев и звери», 1802), «в любви разлука нам опаснее всего» («Соловей и малиновка», 1807). Есть в баснях П. и сатира на нравы, однако, как правило, она лишена социальной остроты. (См. басни П. «Сурок и щегленок», 1808; «Молодая вдова», 1817; «Пророжий и река», 1819; «Преимущество дарований», 1817). П. писал также стихотворные сказки, дружеские послания, романсы, эпиграммы, мадригалы, буриме, был мастером стихов «на случай». «Записки в стихах Василья Львовича Пушкина», изданные в 1834 г. в Москве Шаликовым, — памятник литературного быта первой трети XIX в.

П. — переводчик многих европейских и древних авторов: Лафонтена, Беранже, Оссана, Катулла, Тибулла и др. Будучи в 1803 г. в Париже, П. перевел на французский язык несколько русских народных песен; четыре из них напечатал в „Mercure de France“. Перевел на французский язык стихотворение А. С. Пушкина «Черная шаль» („Bulletin du Nord“, 1828).

П. — член Вольного общества любителей словесности, наук и художеств, один из учредителей Общества любителей российской словесности при Московском университете, староста «Арзамаса».

Наделенный редким даром общения, необыкновенной доброжелательностью, П. был знаком и дружен со многими русскими литераторами. В его доме на Старой Басманной бывали Жуковский, Батюшков, Вяземский, Дельвиг, Дмитриев, А. Мицкевич и др. поэты, писатели и журналисты. Друзья нередко шутили над наивностью и смешным щегольством П., но искренне любили его за доброту и рыцарское служение поэзии. Ему адресованы стихотворения Дмитриева, Жуковского, Батюшкова, Вяземского, Баратынского, Шаликова и др. поэтов.

П. внимательно следил за творчеством племянника, отзывами о нем в печати, гордился его успехами: «Руслан, Кавказский Пленник твой, / Фонтан, Цыганы и Евгений / Прекрасных полны

вдохновений! / Они всегда передо мной, / И не для критики пустой / Я их твержу, для наслаждения» («К А. С. Пушкину». — С. 113).

Последнее стихотворение П. — послание «А. С. Пушкину» (1830), в котором он защищал поэта от несправедливых нападок журналистов, сулил ему счастье в предстоящем браке с Н. Н. Гончаровой.

А. С. Пушкин любил дядю, хотя иногда и подшучивал над ним. С П. связаны его детские впечатления, поездка в 1811 г. в Петербург, вступительные экзамены в лицей. Вернувшись из ссылки в Москву 8.IX.1826 г., А. С. Пушкин сразу же после встречи с Николаем I навестил П. Был у него и незадолго до его смерти.

П. посвящены стихотворения А. С. Пушкина «Христос воскрес, питолец Феба» (1816), «Дяде, назвавшему сочинителя братом» (1816), «Что восхитительней, живей» (1817); упоминания о нем — во многих произведениях и письмах.

П. — первый наставник А. С. Пушкина в поэзии, представитель той поэтической культуры, которая оказала влияние на формирование его литературных вкусов. Поэзия П. отразилась в творчестве А. С. Пушкина, в жанрах дружеского послания, эпиграммы, шутливой поэмы. В романе «Евгений Онегин» увековечен герой П. — Буянов. А. С. Пушкин видел в дяде «писателя нежного, тонкого, острого», высоко ценил его дар полемиста, считал его своим «парнасским отцом»: «Поэтов грешный лик / Умножил я собою. / И я glavой поник / Пред милою мечтою; / Мой дядюшка-поэт / На то мне дал совет / И с музами сосватал» (Пушкин и А. С. К Дельвигу («Послушай, муз невинных...») // Полн. собр. соч.: В 10 т. — Л., 1977. — Т. 1. — С. 125).

Соч.: Стихотворения. — Спб., 1822; Сочинения / Под ред. В. И. Сантова. — Спб., 1893; Стихотворения. Опасный сосед // Поэты-сатирики конца XVIII — начала XIX века / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Г. В. Ермаковой-Битнер. — Л., 1959; Стихотворения, поэмы // Поэты 1790—1810-х годов / Вступ. ст. и сост. Ю. М. Лотмана; Подгот. текста М. Г. Альшутлера; Вступ. заметки, биограф. справки и примеч. М. Г. Альшутлера и Ю. М. Лотмана. — Л., 1971; Письма В. Л. Пушкина к П. А. Вяземскому / Вступ. ст., публ. и коммент. Н. И. Михайловой // Пушкин. Исследования и материалы. — Л., 1983. — Т. XI; Стихи. Проза. Письма. — М., 1989.

Лит.: Гилельсон М. И. Молодой Пушкин и арзамасское братство. — Л., 1974; Михайлова Н. И. Парнасский мой отец. — М., 1983; Куни В. В. Василий Львович Пушкин // Друзья Пушкина. — М., 1984. — Т. 1. — С. 9—22.

Н. И. Михайлова

ПУШИН, Иван Иванович [4(15).V.1798, Москва — 3(15).IV.1859, с. Марьино Московской губ.] — мемуарист, автор «Записок о Пушкине». Декабрист. Родился в родовитой дворянской семье и получил хорошее воспитание и образование. В 1811 г. был определен в Царскосельский лицей. Там подружился с Пушкиным и др. лицеистами. Учился П. успешно, и преподаватели были им довольны. Особенно увлеклся русской и всеобщей историей, отменно рисовал, играл в школьных спектаклях и, конечно, занимался литерату-

рой. Его литературные способности были замечены уже в лицее, а впоследствии не однажды подтверждались такими ценителями искусства слова, как А. Пушкин и Н. Тургенев.

Вместе с другими лицеистами П. пережил глубокий патриотический подъем 1812 г. Отечественная война непосредственно коснулась его: старший брат Петр умер от раны.

Еще в лицее П. заразился свободолобием. Он вместе с Вольховским, Дельвигом, Кюхельбекером посещал Священную артель, а через нее был связан с первой декабристской организацией «Союз спасения». После окончания лицея поступил на военную службу и в октябре 1817 г. стал офицером гвардейской конной артиллерии.

Со своей войсковой частью П. совершил в 1821—1822 гг. поход в Польшу. В конце 1822 г. оставил военную службу из-за столкновения с братом царя Михаилом Павловичем, придравшимся к упущениям в форме. В знак протеста П. задумал перейти в полицию и занять должность квартального надзирателя, но ему пришлось уступить семье, умолявшей отказаться от такого намерения, и он избрал судебное ведомство. Летом 1823 г. П. приступил к исполнению обязанностей надворного судьи.

В том же году вместо распущенного «Союза благоденствия» образовалось Северное общество. П. поручили организовать московскую управу. Именно П. принял в общество Рыльева. Когда Рылеев вошел в Верховную думу, он устроился с П., что в случае важных событий тот сразу же приедет в Петербург.

В 1825 г. П. навестил сосланного в Михайловское Пушкина и привез ему комедию Грибоедова «Горе от ума». По словам П., он не принял Пушкина в общество, оберегая его гений.

Среди декабристов П. занимал особые позиции: он был сторонником революционного восстания, но противником царубийства, стоял за конституционное представительное правление и за частичное освобождение крестьян, персонально — дворовых людей. На П. была возложена обязанность, в случае успеха восстания, заставить сенат опубликовать манифест о новом образе правления. Он участвовал в разработке манифеста и распространении проекта конституции, который собирались предложить народным избранникам для окончательного утверждения. В декабре 1825 г. П. приехал в Петербург и оказался в самой гуще подготовки революционного выступления.

На Сенатской площади П. стоял около памятника Петру I. Он вел себя стойко, мужественно и, сказав солдатам, что служил в армии, принял над ними команду и всячески их ободрял. Он не убоился картечи и одним из последних ушел с площади, а вечером явился на квартиру Рыльева. П. арестовали 16 декабря. На допросах он вел себя мужественно и всячески пытался выгородить товарищей.

П. приговорили к смертной казни, замененной ссылкой «вечно на каторжные работы», а затем определили 20 лет каторги с последующим поселением в Сибири. Сначала он содержался в Шлиссельбургской крепости, потом отправлен в Читу. В 1830 г. П. перевели в Петровский завод, где в 1837 г. он узнал о гибели Пушкина, которая была воспринята им как личная и общественная трагедия. В Сибири П. стал отцом двух детей — сына и дочери (брак с их матерью-якуткой не был оформлен; впоследствии дети жили отдельно от отца). В 1843 г. П. разрешили переехать в Ялуторовск, где он окончательно обосновался. Здесь П. занимался просветительской деятельностью: учил на дому местных жителей, хлопотал об учителях и их положении, заботился о нуждающихся каторжниках, оказывал им сильную помощь. Через несколько лет, 26 августа 1856 г., вместе со всеми декабристами П. получил амнистию. Ему разрешили жить в Петербурге. Родные и друзья окружили П. вниманием и заботой. 22 мая он вступил в брак со вдовой декабриста Н. Д. Фонвизиной и переселился в подмосковное Марьино. Но жить оставалось меньше двух лет. Болезни одолевали его, и вскоре П. не стало.

П. оставил нам большое эпистолярное наследие и главный свой труд — «Записки о Пушкине», которые он написал в 1858 г. по настоянию Е. И. Якушкина. Непосредственным поводом послужил выход в 1855 г. «Материалов для биографии А. С. Пушкина» П. В. Анненкова, в которых политические взгляды Пушкина не были раскрыты достаточно полно и глубоко, а о связях Пушкина с декабристами умалчивалось. «Записки о Пушкине» восполняют этот пробел и принадлежат к важнейшим источникам для биографии поэта. Им присуща точность, правдивость, тонкое понимание особенностей характера поэта. П. подметил в Пушкине такие черточки (напр., склонность к самоанализу), мимо которых прошли другие мемуаристы.

Соч.: Записки И. И. Пушина о Пушкине / Вступ. ст. Е. И. Якушкина // Воспоминания об И. И. Пушкине. — М., 1907; А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. — М., 1974. — Т. 1; Записки о Пушкине. Письма / Вступ. ст. С. Я. Штрайха // Декабрист И. И. Пушин. — М., 1956; 2-е изд. — М., 1979.

Лит.: Г а с т ф р е й н д Н. А. Кюхельбекер и Пушин в день 14 декабря 1825 г. — СПб., 1901; Э й д е л ь м а н Н. Я. Большая Жанно. — М., 1982. В. И. Коровин

Р

РАДИН, Леонид Петрович [9(21).VIII.1860, г. Раненбург Рязанской губ. — 16(29).III.1900, Ялта] — пролетарский поэт. Ученый, революционер. Сын купца и владельца имения в Раненбургском у. В молодости потерял родителей, разорился, остался без средств. В 1888 г. окончил естест-

венное отделение Петербургского университета, один из талантливых учеников Д. И. Менделеева. Имел научные труды по технологии винокурения, бродильных процессов, а также изобретения. Не в силах бороться со злоупотреблениями около 1890 г. оставил государственную службу. Служил в акцизном ведомстве в Бессарабии. Тяготел к народничеству, наблюдая тяжелую жизнь крестьян. С 1892 г. в Москве. Становится учителем-пропагандистом в воскресных школах для рабочих, изучает условия их труда и быта. Сближается с кружком марксистов, организовавших в 1894 г. «Московский рабочий союз» (по типу Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»). Литераторам-марксистам, среди которых видную роль играл В. Д. Бонч-Бруевич, удалось возглавить издание «Народной библиотеки» П. К. Прянишникова. В этом издательстве в 1895 г. вышла известная книга Р. «Простое слово о мудреной науке. Начатки химии» под псевдонимом *Яков Пасынков* (под своим именем Р. печататься не мог, т. к. находился под надзором полиции). В. Д. Бонч-Бруевич позднее вспоминал: «Книга была написана в разговорной форме учителя с крестьянами, и Леонид Петрович постарался ввести туда возможно больше рассуждений на общественные темы. Это очень не нравилось цензору... он все время ворчал и говорил мне: «Вот странная химия — первый раз такую читаю». Эту книжку Радина мы всегда выпускали в рабочие кружки» (Бонч-Бруевич и ч В. Д. Избр. соч. — М., 1961. — Т. II. — С. 162). К книге был приложен «Список важнейших опечаток» и «Наставлений», как им пользоваться. «Опечатки» и список умышленно указывали на те страницы, где излагались материалистические марксистские взгляды, а также рассуждения об опасных условиях некоторых видов труда (напр., шахтеров) и губительные для здоровья быта (в рассказе «О горении» — о вреде в крестьянских избах топки «по черному»). Книга Р. была издана тиражом в 12 тысяч экземпляров и распространена среди рабочих Москвы и др. городов. Р. пропагандировал марксизм и в позднейшей работе «Объективизм в искусстве и критике» (написанной в ссылке). Полиция преследовала «Московский рабочий союз». После ряда арестов руководителей Р. взял на себя дело издания марксистской и пропагандистской литературы. В 1896 г. Р. сконструировал печатный станок (mimeограф) и организовал три подпольных типографии. Был опечатан «Коммунистический манифест» (тираж задержан полицией) и др. Сам Р. успел подготовить (но не выпустил) «Отчет кассы рабочего Союза», являвшийся и прокламацией. «Наш общий клич — вперед! Наша общая цель — низвергнуть современный порядок, основанный на рабстве и эксплуатации», — писал Р. в этом документе (цит. по кн.: М а р т ы н о в А. Для жизни новой. — М., 1963. — С. 69); он печатал также листовки, революцион-

ные песни (свои произведения не подписывал). В ноябре 1896 г. руководство рабочего Союза готовило забастовку московских железнодорожников. В этой обстановке (по другой версии — в Таганской тюрьме) была создана известная песня Р. «Смело, товарищи, в ногу!», ставшая «боевым маршем» рабочих. Песня сразу получила признание. Р. и его товарищи были арестованы и полтора года томились в тюрьмах в Москве, а в марте 1898 г. их выслали в Вятскую губ. Р. оказался в г. Яранске. Одинокое заключение в сырой холодной камере и ссылка губительно сказались на его здоровье — Р. был болен туберкулезом легких (от которого ранее погибли его мать и жена). Только отбыв ссылку, Р. получил возможность поехать в Ялту, где он скончался.

Известны также песни Р. «Снова я слышу родную «Лучину»...», «Смелей, друзья, идем вперед...» и несколько произведений, автором которых предположительно является Р.: «Первомайская песня» («Грянемте сомкнутым строем, / Грудью врагов отразим!»), «Кузнецы» («У нас в груди проринулась сила...»), «Песня кузнеца» («Не взирай на мрак и холод, / Поднимай-ка выше молот...»), «Просыпайся, край родной», «Здравствуйте, бодрые мыслью и духом!». Все эти стихи имели агитационное назначение. Они противостояли мотивам уныния и жертвенности в поздней народнической лирике и отвечали задачам нового периода освободительной борьбы, когда на авансцену истории выступают не героические одиночки, а массы трудящихся. Основная тональность стихов Р. — жизнеутверждение — обусловлена историческим оптимизмом, верой в неизбежность падения несправедливого социального строя.

Прежней «Лучине», песне «горя, страданий и слез», Р. противопоставил новый вариант (очевидно, изменив и мотив): «Зреет в народе могучая сила, / Край наш стоит на широком пути, / То, что страдала-мать выносила, / Сын-богатырь не захочет снести».

В стихотворении «По фабрикам душным, по тюрьмам холодным...» (авторство Р. предположительно) «задушенный стон» угнетенных переходит в негодующий протест: «Но скоро поймут угнетенные братья, / Что сила в народных руках! / И вместо молитв раздадутся проклятья, / И месть запыхает в очах».

«Боевой марш» Р. стал одной из любимых песен В. И. Ленина. Старый большевик П. Н. Лепешинский вспоминал: «Ильича хлебом не корми, а только подавай ему «Смело, товарищи, в ногу» или «Вихри враждебные...».

И сколько огня, сколько революционного пыла он вкладывает каждый раз все в те же незатейливые слова: «И водрузим над землею / Красное знамя труда!» (Л е п е ш и н с к и й П. Н. Владимир Ильич в тюрьме и изгнании. — М., 1934. — С. 12).

Соч.: Стихотворения // Революционная поэзия (1890—1917) / Подгот. текста, вступ. ст. и примеч. А. Л. Дымшица. 2-е изд. — Л., 1954; Стихи, предположительно написанные Р. // Мартынов А. Ф. Для жизни новой. — М., 1963. — С. 136—141.

Лит.: Мартынов А. Ф. Для жизни новой. О революционере-марксисте, ученом и поэте Л. П. Радине. — М., 1963; Келдыш В. А. Проблемы дооктябрьской пролетарской литературы. — М., 1964; Горький и русская революционная поэзия. — М., 1964; Осьмяков Н. В. Русская пролетарская поэзия. — М., 1890—1917. *Л. К. Швецова*

РАЁВСКИЙ, Владимир Федосеевич [28.III (8.IV).1795, с. Хворостянка Курской губ. — 8(20).VII.1872, д. Малышевка Иркутской губ.] — поэт, публицист. Декабрист. Он воспитывался в Московском университетском благородном пансионе, а затем во 2-м кадетском корпусе в Петербурге, участвовал в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии. За отвагу, проявленную в Бородинском сражении, был награжден золотой шпагой с надписью «За храбрость». Впечатления, полученные во время пребывания за границей, значительно повлияли на формирование его убеждений и последующий жизненный путь. Но еще большую роль сыграла атмосфера, в которой оказался двадцатилетний офицер после возвращения на родину. Разгул аракчеевщины, зверства крепостников — таковы были причины, которые, по словам Р., «заставили нас высказаться так решительно и безбоязненно: дело шло о будущности России, об оживлении, спасении в настоящем» (Русская старина. — № 3. — С. 599).

Традиция закрепила за Р. имя «первого декабриста». И действительно, среди тех, кого Герцен назвал «фалангой героев», «богатырями, кованными из чистой стали с головы до ног» (Собр. соч.: В 30 т. — М., 1959. — Т. XVI. — С. 171), видное место принадлежит Р. Он одним из первых ступил на путь революционной пропаганды, которой придал острую и бескомпромиссную форму. Он стал одной из первых жертв правительственных репрессий: двери темницы закрылись за ним почти за четыре года до восстания на Сенатской площади.

Свои первые стихи Р. пишет в годы войны. Его «Песнь воинов перед сражением» (между 1812 и 1821 гг.) проникнута патриотическим воодушевлением, готовностью умереть за свободу родной земли. Гражданская тема будет занимать значительное место в поэзии Р. на протяжении всего его творческого пути. Послания «Мое прости друзья» (1817 (?), «Путь к счастью» (1819), «Глас правды» (1814 или 1815), «Элегия I», «Элегия II» (2-я половина 10 г.), сатира «Смеюсь и плачу» (1821 или 1822) пронизаны революционной страстью, ненавистью к произволу и деспотизму. Те же чувства налицо в стихотворных посланиях к декабристу Г. С. Батенькову, с которым Р. связывала многолетняя дружба.

Элегии Р. принадлежат к первым и показательным для декабристской поэзии попыткам пре-

образовать элегический жанр, внести в него новое, гражданское содержание. Те антагонизмы, диссонансы действительности, которые представлялись предшественникам Р. исконно присущими бытию, осознаются им как следствие пороков окружающего общества. Романтическая скорбь объяснена реальными фактами, свидетелем которых был поэт. Темы обеих элегий, казалось бы, традиционны: безвременная смерть юноши, осень и грустные размышления, вызванные осенним пейзажем. Но трактовка их отнюдь не традиционна: Р. обличает «разврат, корысть, тиранство» тех, по чьей вине «несчастных жертв струится кровь рекою», убийцы находят под защитой правительства, а безвинных влекут на казнь. Он зовет «грозный день», когда «адские дела померкнут адской тьмою... / И в бездну упадет железной злобы трон!» (Соч.— С. 69—71). Не удивительно, что эти стихи позднее привлекли внимание Военно-судной комиссии, которая уловила их явный политический подтекст и потребовала у автора объяснений, которые, однако, не могли ее устроить.

Р. был членом «Союза благоденствия», руководителем его кишиневской группы. Сложившийся революционер, он вел систематическую и целенаправленную пропаганду в солдатской среде, используя для этого занятия по методу взаимного обучения. Он внушал солдатам свободолюбивые идеи, знакомил их с основами конституционного правления, с политической жизнью России и Европы. Созданные им статьи-воззвания «О рабстве крестьян» (1820), «О солдате» (1822) принадлежат к наиболее ярким образцам агитационной декабристской публицистики.

Сосланный в Бессарабию А. С. Пушкин сблизился с Р., сила духа и ум которого произвели на поэта большое впечатление. По воспоминаниям участника их кишиневских бесед, «Пушкин, как вспыльчив ни был, но часто выслушивал от Раевского под веселую руку обоих довольно резкие выражения — и далеко не обижался, а, напротив, казалось, искал выслушивать бойкую речь Раевского» (Пушкин в воспоминаниях и рассказах современников. — Л., 1936. — С. 206). Острые столкновения мнений, несомненно, обогащали обоих собеседников.

В 1822 г. Р. был арестован и заточен в Тираспольскую крепость. Пушкин, случайно узнав о готовящемся аресте, предупредил об этом своего друга и дал ему возможность уничтожить компрометирующие его материалы. В заключении Р. проявил исключительное мужество. Он имел право сказать, что свою «судьбу сурову» «С терпением мраморным сносию, / Нигде себе не изменил» (Соч. — С. 95). Стойкость и выдержка, проявленные Р., спасли от ареста его единомышленников, которые продолжали революционную деятельность.

В застенке им были написаны стихи «Певец в темнице» (1822) и «К друзьям в Кишинев»

(1822). В них Р. обращался к Пушкину, который в свою очередь адресовал поэту-декабристу стихотворные послания («Не тем горжусь я, мой певец», «Ты прав, мой друг, напрасно я презрел»). Этот поэтический диалог принадлежит к знаменательным страницам истории русской литературы. Р. обличает «черный трибунал», который не ищет «правды обнаженной», в глазах которого закон «есть дерзновенный звук и мертвый», видит в себе «жертву зверской власти», которая «терзает нас кровавой пыткой». Он скорбит о том, что «немой народ / Под игом дремлет в тайном страхе, / Над ним бичей кровавый род / И мысль и взор казнит на плахе». Он мечтает воскресить «священные времена» русской вольности, «когда гремело наше вече / И сокрушало издалече / Царей кичливых рамена» (Соч.— С. 92—95).

Свыше пяти лет Р. провел в одиночном заключении. Его переводили из крепости в крепость, подвергали все новым допросам. Не сумев сломить силу воли и убеждений нестгибаемого революционера, ему объявили царский приговор, он был лишен чинов и дворянского достоинства, было приказано «удалить его как вредного в обществе человека в Сибирь на поселение» (Русская старина. — 1873. — № 3. — С. 378).

Р. поселился в с. Олонки Иркутской губ., где прожил более сорока лет. Он сблизился с простым народом, женился на крестьянке, отдавал много сил хозяйственной и просветительской деятельности. Он завел мельницу, парники, работал от крестьянского общества по поставке чая и вина. Открыл школу, в которой обучались крестьянские дети. До конца жизни Р. сохранил жгучий интерес к политическим вопросам, на которые с присущей ему бескомпромиссностью откликался в письмах, и гордость своим декабристским прошлым.

Он продолжал писать стихи, среди которых особого внимания заслуживает одно из самых сильных, выношенных и выстраданных его произведений — стихотворение «Мой милый друг, твой час пробил», известное под названием «К дочери» (1848). Обращенное к старшей дочери поэта и приуроченное к ее замужеству, оно имеет и более широкий адрес. Это обращение к молодому поколению, которое должно правильно оценить сделанное отцами, сбереечь и продолжить их дело. Р. возвращается памятью к дням молодости, когда он «боролся долго» «с разъяренными волнами», к грозному часу, когда над ним «гром ударил в тишине». Он не признает справедливости обрушившейся на него кары. Он вновь обвиняет несправедливую, уродующую человека власть. Он зовет новых людей на святой подвиг, на то, чтобы «гореть к высокому любовью», идти по жизни «поросшею стезей»: бороться так же самоотверженно, как это делали отцы (Соч.— С. 114—117).

При жизни Р. было опубликовано лишь несколько его стихотворений. Только Октябрьская

революция сделала наследие поэта-декабриста достоянием широкого читателя.

Соч.: Соч. / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. П. С. Бейсова.— Ульяновск; 1961; Полн. собр. стихотв. / Вступ. ст. А. В. Архиповой и В. Г. Базанова.— М.; Л., 1967.
Лит.: Базанов В. Г. Владимир Федосеевич Раевский. Новые материалы.— Л.; М., 1949; Колесников А. Г. В. Ф. Раевский. Политическая и литературная деятельность.— Ростов, 1977; Раевский В. Ф. Материалы о жизни и революционной деятельности: В 2 т. / Изд. подгот. А. А. Брегман, Е. П. Федосеева.— Иркутск, 1980—1983. Л. Г. Фришман

РАЙЧ, Семен Егорович [IX.1792, с. Рай-Высокое Кромского у. Орловской губ.—28.X.(9.XI) 1855, Москва; похоронен на Пятницком кладбище] — поэт, переводчик, литературный критик. Происходил из многодетной семьи сельского священника Е. Н. Амфитеатрова; учился в Севской, Орловской духовных семинариях вместе с братом (в будущем Филарет, митрополит Киевский и Галицкий), сменил фамилию, вероятно, на материнскую. Не испытывая интереса к богословским наукам, Р. уходит из семинарии, служит канцеляристом в земском суде Рузы; в 1810 г. приезжает в Москву. После неудачной попытки вступить добровольцем в армию (1812) становится домашним учителем. Вольнослушателем прошел полный курс по этико-философскому отделению в Московском университете. По рекомендации Н. Н. Шереметьевой (урожденной Тютчевой) был приглашен наставником к Ф. И. Тютчеву. Со своим учеником посещает частные лекции А. Ф. Мерзлякова, углубленно занимается латинскими и итальянскими авторами, развивая антологические интересы молодого Тютчева. Духовную близость с Тютчевым Р. сохраняет на долгие годы, поддерживая переписку, печатая произведения поэта в редактируемых им изданиях. Тютчев посвятит Р. ряд стихотворений. В 1821 г. Р. завершает и издает перевод «Георгик» Вергилия, отмеченный серебряной медалью Российской Академии наук; становится членом Общества любителей российской словесности. В 1820—1822 гг. живет в доме Н. Н. Муравьева, основателя школы колонновожатых, как воспитатель его сына, А. Н. Муравьева; посещает заседания Общества любителей громкого смеха, где создавались пародии на литературных староверов, шуточные стихи. Вероятно, с поручительством А. Муравьева и Ф. Шаховского был принят в тайный «Союз благоденствия», печатался в «Полярной звезде». Активного участия в декабристском движении не принимал.

В 1822 г. Р. окончил словесное отделение Московского университета и успешно защитил магистерскую диссертацию «Рассуждения о дидактической поэзии», в которой опроверг утверждение Мерзляковым приоритет этого рода поэзии и обосновал «гармонию нравственного и изящного» как условие красоты дидактических поэм, сатир, посланий; приглашен в Общество любителей российской словесности при Московском уни-

верситете. Развивая «переводческую линию» в своей деятельности, Р. создает «Общество друзей», которое в 1822—1825 гг. посетили М. П. Погодин, А. И. Писарев, Ф. И. Тютчев, С. П. Шевырев, позднее — В. Ф. Одоевский, Д. В. и А. В. Веневитиновы, Д. П. Ознобишин, Н. А. Полевой и др. Произведения и переводы членов кружка Р. издает в альманахах «Новые Аониды» (1823) и «Северная лира» (1827, издавались совместно с Ознобишиным).

В 1827—1831 гг. Р. преподает в Московском благородном пансионе «практические упражнения в российской словесности». Живя в помещении пансионской библиотеки, по субботам собирает у себя воспитанников, разбирает их переводы и сочинения. Учениками Р. были В. М. Стромиллов, Л. А. Якубович и др., брала уроки у него Е. В. Сухово-Кобылина (Е. Тур). Имя Р. упомянуто в пансионской тетради М. Ю. Лермонтова в приписке к «Русской мелодии» (1829). В 1831 г. Р. заканчивает и издает перевод «Освобожденного Иерусалима» Т. Тассо и обращается к поэме Л. Ариосто «Неистовый Роланд». Совместно с Ознобишиным выпускает журнал «Галатея» (1829—1830, 1839—1840), по эстетическим установкам близкий философскому романтизму. Собственные произведения печатает в журналах «Уrania», «Атеней» и др. изданиях.

В 1829 г. Р. обзаводится семьей. Вместе с женой Терезой Андреевной Оливье и пятью сыновьями поселяется в небольшом домике за Сухаревой башней, купленном на средства Филарета. Главным богатством его была библиотека латинских и итальянских авторов. С годами Р. все больше отдается педагогической работе: он преподавал в Александровском институте, в Набильковском учебном заведении.

По воспоминаниям друзей, Р. был человеком в высшей степени благородным, бескорыстным, жил в мире поэзии «как в царстве снов» (Ф. Тютчев), соединял «солидность ученого с младенческим незлобием» (И. С. Аксаков), «литературу почитал средством к облагорожению души» (М. И. Дмитриев).

Эстетическая позиция Р. формировалась в связи с изучением латинского и итальянского языков и литературы. Античность Р. воспринимал как счастливую букволику и идеал гармонии. Переводы Вергилия обратили Р. к истории итальянского языка. В трактате «О происхождении итальянского языка» (1828) Р. приводит для того времени наиболее научно обоснованную концепцию, опираясь на труды итальянских филологов XV—XVII вв. Дидактическая поэзия вела Р. к поискам в области стиля и жанров филологической лирики. Благозвучие итальянского стиха он стремился соединить с ломоносовской монументальностью образов. Переводы Р. эпоса Тассо и Ариосто существенно расширили «итальянскую тему» в русском романтизме, предварив опыты В. А. Жуковского, А. С. Пушкина и др.

Поэтическое наследие Р. сохранилось только в журнальных публикациях. Р. не придавал ему особого значения, считая делом жизни только перевод «Освобожденного Иерусалима». Ранняя лирика близка русской анакреонтике. Наиболее известно стихотворение «Друзьям» (1826) более положено на музыку. Обращением к античности, Тассо, петрарковскими мотивами Р. близок К. Н. Батюшкову, которому он посвятил эпитафию «Цветок на могилу Батюшкова» (1855). Герой лирики Р. — поэт, отмеченный высоким даром, притворяющийся толпе: «Поэту» (1826), «Жалобы Сальватора Розы» (1831). Песнь одинокого жаворонка в небе — символ его вдохновения. Для передачи элегических настроений Р. использует песенные образы «перекати-поля», «амелы», экспериментирует в области ритмики. Для философской лирики характерно обращение к христианско-мифологическим и восточным символам: «У вод иорданских священное древо росло», «Вифлеемские пастыри» и др. Герой поздней поэмы «Арета» (опубл. в 1849 г.) — римлянин, язычник. Он проходит долгий путь духовных исканий и через странствия, страдания приобретает к христианству, обретая блаженство в простоте деревенской жизни. Преследования христиан, образ императорского Рима соотносимы с декабристскими аналогиями античной и русской жизни. Последняя поэма «Райская птичка» (не опубл.) — символическое воплощение одного из душевных состояний стареющего поэта.

Прижизненная критика числила Р. среди «второстепенных стихотворцев» (В. Г. Белинский), хотя и не отказывала его стихам в изяществе и «прелести» (Н. И. Надеждин). В истории русской поэзии имя Р. связано с итальянской и античной темами русского романтизма, с опытами в области поэтической формы. Мудрое наставничество Р. сыграло свою роль в духовном развитии «любомудров», Тютчева, Лермонтова.

Соч.: Поэты 1820—1830-х годов / Сост. В. С. Киселев-Сергенин. — Л., 1972. — Т. 2.: «Северная лира» на 1827 год. — М., 1984 / Подгот. Т. М. Гольц и А. Л. Гришуни.
Лит.: Муратова К. Д., Грум-Гржимайло А. Г., Сорокин В. В. Общество громкого суда // Декабристы в Москве. — М., 1963. — С. 146—149; Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. — М., 1977. — С. 40—42, 51, 410—411; Пигарев К. В. Тютчев и его время. — М., 1978. — С. 10—12; Николаев А. А. Судьба поэтического наследия Тютчева 1822—1836 годов и текстологические проблемы его изучения // Русская литература. — 1979. — № 1. — С. 130—135, 140—143; Морозов В. Д. Из истории журнальной критики 20—30-х годов XIX века (Журнал С. Е. Рача «Галатей») // Художественное, творчество и литературный процесс. — Томск, 1982. — Вып. 3. — С. 101—114.

Л. А. Ходанен

РЕМИЗОВ, Алексей Михайлович [24.VI(6.VII). 1877, Москва — 26.XI.1957, Париж] — прозаик. Родился в купеческой семье. После окончания коммерческого училища Р. поступил на физико-математический факультет Московского университета. В студенческие годы познакомился с ра-

ботами Герцена, Чернышевского, Михайловского, с марксистской литературой. В 1896 г. Р. был арестован за участие в студенческой демонстрации и выслан под гласный надзор полиции в Пензенскую губ. За попытку организации Пензенского рабочего союза был арестован вторично. В тюрьмах и ссылках провел 6 лет.

Первые опубликованные произведения Р. относятся к 1902 г. («Плач девушки перед замужеством», «Мгла», «Осенняя песня»). Одновременно Р. выступил как переводчик, совместно с С. П. Ремизовой перевел для театра В. С. Мейерхольда драму С. Пшибышевского «Снег». Став профессиональным писателем, Р. навсегда отошел от революционного движения. В ранний период творчество Р. противоречиво соединяет в себе различные идейно-художественные тенденции: ориентацию на реалистическую проблематику и модернистские приемы художественного изображения. Главным героем повестей и рассказов на темы современности: «Серебряные ложки», «Чертик» (оба — 1906), «Святой вечер» (1908), «Неумный бубен» (1909), «Крестовые сестры» (1910) — является представитель городских «низов»: мелкий чиновник, ремесленник, интеллигент-разночинец, жестоко уязвленный социальной несправедливостью. В рассказах о ссыльно-каторжных (во многом автобиографичных) — «В плену», «Эмалиоль» — Р. поражает читателя чудовищными картинами арестантского быта, страданий детей. В повести «Крестовые сестры», изображая жизнь петербургского доходного дома, Р. выводит целую галерею «калечных» человеческих судеб. Обитатели Буркова дома изображены как символ всего страдающего человечества. В этих произведениях Р. продолжает традиции гуманизма Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского. Однако принципы критического реализма пересмысливаются писателем; социальное зло трактуется как универсальный закон существования; человеческая жизнь представляется как бесконечная цепь страданий, причина которых «непонятна человеку»; окружающая действительность — как хаос злых сил, внушающих «мистический ужас». Характеры героев и фабула произведений Р. едва намечены; повествование складывается из эпизодов, не имеющих четкой логической связи, что создает ощущение «затерянности» в деталях, утраты душевного равновесия. Причудливо-сказовая манера повествования, его взволнованный тон, переплетение образов сна и яви, многочисленные повторы отдельных тем и образов способствуют тому, что реальная действительность предстает как навязчивое кошмарное видение. Стремлению писателя «углубить действительность до невероятного» подчинена поэтика его романов «Пруд», «Часы» (оба — 1908). Изображение повседневности насыщается фантастикой, «видениями», широко используются гипербола и гротеск. В романе «Пруд» выразился социальный пессимизм писателя, неверие

в возможность революционного изменения общества. Изображение революции как слепой стихии характерно и для рассказов «Святой вечер», «Крепость», «Петушок».

В поисках выхода из «жизненного кошмара» Р. обращается к идеализации старины, патриархальных начал, к религиозно-этической проблематике. В ряде произведений — «Пятая язва», «Покровенная» и др. — он создает образы праведников, добровольных страдальцев за «святое дело» в духе Н. С. Лескова. Вместе с тем, обращаясь к теме «святой Руси», Р. шел в русле идейных исканий символистов с их стремлением к мистической трактовке «национального духа». В его творчестве возникают циклы литературных переработок апокрифов, житий, легенд, сказок: «Лимонарь, сиречь: Луг духовный» (1907), «Докука и балагурье» (1914), «Николины притчи» (1917), «Странница» (1918). Суть этих произведений — в воссоздании атмосферы «далекого, несбыточного прошлого», в «зачарованности» миром легенд, сказок. Знаток и страстный любитель древнерусской литературы, Р. стремился возродить старинный «лад русской речи», «реставрировал» язык допетровской эпохи. При этом писатель подчеркивал, что на читателя действуют «не слова, а подсловья»: слово воспринималось как некий «магический знак», «ключ» к таинственному миру древности. Особое значение придавалось также написанию слова. В повторении приемов «буквенной архитектуры» славянского древнего письма писатель видел приобщение к духу старинной жизни. Интерес к старине определил характер драматургического творчества Р. Средневековые действия, «школьный театр» XVII в., «народный театр» получили своеобразное «продолжение» в его драмах: «Бесовское действо» (1907), «Трагедия об Иуде» (1908), «Действо о Георгии Храбром» (1910) и др. Особое место среди сборников Р. занимает книга сказок «Посолонь» (1907) — литературная обработка и переложение обрядов и игр русского календарного фольклора, детских игр и «считалок». Радостное мироощущение и яркий народный язык «Посолонья» были высоко оценены современниками Р. — М. Волошиным, А. Белым и др. В произведениях Р. возникает образ «чудака», «балагура», сказителя древности, населяющего действительность различными фантастическими созданиями. Стилизация, своеобразная «игра» с действительностью были не только особенностями художественной манеры Р., но и свойствами его личности. Враждебный, пугающий мир преобразовался, подчиняясь логике сказки. «Жития, притчи и сказки были нерушимым углом его веры, — писал впоследствии К. Федин. — В сказке он черпал свою эстетику, в притчах и житиях — свое исповедание» (Горький среди нас. — С. 111). Предметы старины в доме писателя, собранные им коллекции детских игрушек и кукол, занятия каллиграфией и рисованием, различ-

ные литературные мистификации в равной мере служили идее «жизнетворчества» Р. В 1908 г. он «учредил» шуточное литературное общество: «Обезьянью Великую и Вольную палату» (сокращенно — «Обезвельволпал»). «Кавалеры обезьяньего знака» получали особые грамоты, искусно расписанные писателем. Среди членов этой «палаты» были Вяч. Шишков, Евг. Замятин, П. Е. Щеголев и др.

В годы империалистической войны для творчества Р. свойственны националистические настроения. Официально-патриотическими призывами наполнены его рассказы и притчи, вошедшие в книги «За святую Русь» (1915) и «Укреп» (1916). Исторического значения Октября Р. не понял. В годы революции и гражданской войны писатель уходит от тревог времени в «маленький собственный мирок» (В. Шкловский), противопоставляя его суровому быту этих лет. В его произведениях звучит скорбь об ушедшей в далекое прошлое «святой Руси» («Слово о погибели земли Русской», 1918; «Царь Максимилиан»; 1920, и др.).

Летом 1921 г. Р. навсегда покинул Советскую Россию. В 1923 г. переехал из Берлина в Париж, где, постоянно нуждаясь в заработке, прожил до конца своих дней. За рубежом написал ряд автобиографических книг: «Взвихренная Русь» (1927), «По карнизам» (1929), «Подстриженными глазами» (1951), «В розовом блеске» (1952). Была подготовлена к публикации книга воспоминаний «Иверень», в которой Р. пытался осмыслить свое участие в социал-демократическом движении. Реалистическая тенденция в его творчестве, питающаяся богатыми впечатлениями прошлого, постепенно уступила место субъективистской тенденции. В книге «Огонь вещей. Сны и предсонья» (1954) попытался изложить свое новое понимание традиций русской литературной классики. Это была книга о Гоголе, Пушкине, Лермонтове, Тургеневе, Достоевском, своеобразное обоснование своего «сновидческого» метода письма. Р. обратился к пересказу своих снов («Мартын Задека. Сонник». — Париж, 1954) и вновь к литературной обработке легенд и древнерусских повестей («Легенды о царе Соломоне». — Париж, 1957; «Тристан и Изольда. Бова Королевич». — Париж, 1957, и др.). Писатель подчеркивал, что только в форме легенды и сказки можно объяснить сущность человека.

Р. был известен современникам не только как писатель, но и как мастер каллиграфии и оригинальный рисовальщик, получивший признание Пикассо. Творчество Р.-прозаика, его выразительный стиль оказали заметное влияние на прозу М. Пришвина, Евг. Замятина, Б. Пильняка, «Серapiroновых братьев».

В 1948 г. Р. пришел советское подданство. «Вся моя жизнь прошла с глазами на Россию», — признавался Р. (Кодрянская Н. Алексей Ремизов. — С. 113). До последних дней своей

жизни больной, потерявший зрение писатель не утрачивал интереса к книге, к памятникам русской письменности. После смерти Р. значительная часть его архива была передана в Институт русской литературы (Пушкинский дом).

Соч.: Соч.: В 8 т.— П., 1910—1912; Избранное / Сост., вступ. ст. и коммент. Ю. А. Андреева.— М., 1978.

Лит.: Чуковск и й К. Психологические мотивы в творчестве Алексея Ремизова // Чуковский К. Книга о современных писателях.— П., 1914; Кодрянская Н. Алексей Ремизов.— Париж, 1959; Эренбург И. Люди. Годы. Жизнь: В 3 кн. // Собр. соч.: В 9 т.— М., 1966.— Т. 8; Федин К. Горький среди нас.— М., 1977; Гречишкин С. С. Архив А. М. Ремизова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1975 г.— Л., 1977.

О. О. Милованова

РЕШЁТНИКОВ, Федор Михайлович [5(17). IX.1841, Екатеринбург — 9(21). III.1871, Петербург] — прозаик. Родился в семье разъездного почталона, в раннем детстве остался без матери, жил и воспитывался в семье дяди — В. В. Решетникова, чиновника почтовой конторы в Перми. Р. «почти со дня рождения суждено было испытать непрерывное влияние материальной бедности и великой нравственной заботности, запуганности окружающей его среды», — писал один из его первых биографов Г. Успенский (Успенский Г. И.— С. 632). Воспитание в основном заключалось в тычках и побоях, которыми живого любознательного мальчика награждали и родные, и соседи, а позже и учителя уездного училища, куда его отдали учиться. Чтобы как-то избавиться от школьных мучений, Р. через дядю бесплатно отправлял и получал письма и посылки учителей, «таскал» для них газеты и журналы с почты. Вскоре обнаружили пропажи и их тринадцатилетнего виновника отдали под суд. Дело тянулось два года, закончилось ссылкой Р. в Соликамский монастырь на три месяца на покаяние.

Монастырская жизнь поразила Р.: «... в Соликамске я в одну неделю познал нечестие монахов, как они пьют вино, ругаются, едят говядину, ходят по ночам, ломают ворота...» (Из дневника Ф. М. Решетникова // Повести и рассказы.— С. 295). Но вскоре он близко сошелся с монахами, поскольку «они не били его, не оскорбляли за прошлое, относились к нему, как к равному...» (Скабичевский А. М. История новейшей русской литературы.— С. 214). Возвратился из монастыря Р. сильно изменившимся: дневниковые записи тех лет проникнуты мистицизмом, религиозными рассуждениями; он пишет проповеди, читает много духовных книг, поет на клиросе. В феврале 1857 г. он даже обращается к иеромонаху Леониду с просьбой о послушничестве в Соликамском монастыре.

В 1859 г. Р. вместе с семьей дяди переезжает в Екатеринбург, где определяется на службу в уездный суд с жалованьем 3 рубля в месяц. Обстановка уездного суда, процветавшее там

взятничество произвели тяжкое впечатление на юношу: дневниковые записи тех лет перестают неслестными характеристиками сослуживцев. Р. начинает писать, пробуя себя в разных жанрах: известны поэма «Приговор», драма в стихах «Панич», пьесы «Черное озеро», «Деловые люди», повесть «Скрипач». В 1861 г. Р. переезжает в Пермь, где поступает на службу в канцелярию казенной палаты с шестирублевым жалованьем. К этому времени относятся первые опубликованные произведения Р.: несколько статей появляется в газете «Пермские губернские ведомости» (1862). Он близко знакомится с бытом и нравами горнозаводских рабочих, жизнь которых изображает в драме «Раскольник», которую посылает в журнал бр. Достоевских «Время» (редакция ее отклонила).

В августе 1863 г. Р. переезжает в Петербург, где определяется на службу в один из департаментов министерства финансов, одновременно он начинает писать за ничтожную плату небольшие очерки в газету «Северная пчела». Наибольший интерес из них представляют «Горнозаводские люди» (1863), где рассказывается о жизни рабочих горного Урала. В это же время Р. пишет повесть «Подлиповцы» о жизни бурлаков, задуманную еще в Перми. В 1864 г. по совету сослуживца В. Г. Комарова (брата Н. Г. Помяловского) Р. решает отнести повесть в редакцию «Современника». Он пишет Н. А. Некрасову, редактору журнала, представляя ему повесть: «Таких людей, как подлиповцы, в настоящее время очень много не только в Чердынском уезде Пермской губернии, местности самой глухой и дикой, но и в смежных с нею — Вятской, Вологодской и Архангельской. Зная хорошо жизнь этих бедняков, потому что я двадцать лет провел на берегу Камы, по которой весной мимо Перми плывут тысячи барок и десятки тысяч бурлаков, я задумал написать бурлацкую жизнь с целью хоть сколько-нибудь помочь этим бедным труженикам. Я не думаю, чтобы цензура нашла что-нибудь в этом очерке невозможное для пропуска, по-моему, написать все это иначе — значит говорить против совести, написать ложь...» (Переписка Н. А. Некрасова: В 2 т.— М., 1987.— Т. 2.— С. 79). Публикация повести в «Современнике» (1864.— № 3—5) принесла Р. известность. Он оставил службу и занялся литературным трудом.

История забытых, полудиких, нищих крестьян дер. Подлипной, их скитания в поисках лучшей доли поражали читателя. «Вышло нечто в русской литературе небывалое: не повесть, не рассказ, к каким публика привыкла, а в полном смысле протокол, хотя и слышались в каждой строке затаенные слезы» (Отечественные записки.— 1869.— № 12.— С. 17). Позднее М. Горький в очерке «Коновалов» покажет силу воздействия повести на читателя из народа; по словам главного героя, «книга <...> вроде как бы акт поли-

цейский» (Горький М. Полн. собр. соч.— М., 1969.— Т. 3.— С. 21). В этом первом крупном произведении Р. ярко проявился его главный творческий принцип: писать «голую» правду, опираясь на реальные факты. Это свойство Р. особенно подчеркнул Д. И. Писарев, полемизируя с критиком «Эпохи» Д. В. Аверкиевым, отрицавшим именно правдивость в сочинении Р. (Эпоха.— 1864, № 11.— С. 3—5): «...г. Решетников описывает только такие явления, которые он видел очень близко, изучил очень внимательно или даже испытал на собственной особе» (Писарев Д. И.— С. 302). Повесть «Подлиповцы» развивает традиции очерка. Ее подзаголовок — «Этнографические очерки (из жизни бурлаков)». Автор строго придерживается фактов, очень точно воспроизводит язык, быт, верования уральских крестьян. Но в то же время — это повесть, причем повесть трагическая, с развитым сюжетом.

Р. много пишет. В течение 1864 г. в «Современнике» появляется его повесть из семинарского быта «Ставленник» (№ 6—8), рассказ «Макся» (№ 10). В 1864—1865 гг. он публикует новую большую повесть «Между людьми», в которой рисует мир мелкого чиновничества, чья жизнь «между нищими и средними» была хорошо ему знакома с детства. Повесть во многом автобиографична, что позволяло многим биографам Р. ссылаться на нее как на своего рода документ. Известны письма его дяди, в которых он укоряет Р. за написанное, упрекает в неблагодарности. Но как ни напоминает повесть автобиографию Р., все же биографический материал использован им для художественного обобщения. Цель автора — показать, как дурное воспитание уродует человеческую личность. Герой повести — Петр Кузьмин — проходит все круги домашнего и служебного ада, какие выпали на долю и самому Р. Н. В. Шелгунов именно в этом герое видел «наиболее полную характеристику стремящейся личности, окруженной тупостью и всякими поехами» (Шелгунов Н. В.— С. 299).

Повесть предназначалась автором для «Современника», но редакция ее отклонила, и Р. передал ее в «Русское слово», где она выходила отдельными рассказами: «Воспоминания детства» (1864.— № 10—11), «Между людьми» (1865.— № 1—3). Третью часть редакция отклонила, и Р. пришлось переделывать ее в самостоятельное произведение, которое увидело свет под названием «Похождения бедного провинциала в столице» (Современник.— 1865.— № 11—12). Лишь в 1869 г. Р. вновь обращается к повести, радикально перерабатывает все три рассказа, сведя их в повесть «Между людьми» (под этим названием она появляется в его первом собрании сочинений).

В январе 1865 г. Р. вступает в брак с С. С. Каргополовой, его землячкой, окончившей Санкт-Петербургский повивальный институт, ко-

торая станет прототипом героини его последнего романа «Свой хлеб». Летом 1865 г. Р. отправляется на Урал с целью ближе узнать быт и жизнь горных рабочих. Он посещает Пермь, Чердын, Соликамск, Усолье, Екатеринбург, некоторое время работает на Мотовилихинском заводе. Был собран огромный материал, который стал основой серии романов и очерков.

Первый роман этого цикла «Горнорабочие» известен не полностью: лишь первая его часть была опубликована в «Современнике» (1866.— № 1—2) незадолго до закрытия журнала, остальные две части опубликовать не удалось. Роман описывал каторжный труд крепостных горных рабочих, их тяжкую бесправную жизнь, полуголодное существование. В центре повествования — трагическая история семьи Токменцовых, «непрерывных работников» семейства Граблевых.

Для следующего романа — «Глумовы» (Дело.— 1867) — Р. использовал не только новый материал, но и неопубликованные главы предыдущего романа. Он рисует жизнь казенных горнозаводских рабочих в период осуществления «великой реформы» 1861 г. В центре романа — образ Прасковьи Игнатьевны Глумовой, которая, пройдя через все унижения и страдания, сохраняет высокую человечность, чувство собственного достоинства. Р. также вводит в произведение и первые стихийные волнения обманутых реформой рабочих. Были опубликованы лишь две первые части романа, последнюю часть редакция «Дела» по цензурным соображениям отклонила. В 1867 г. по соглашению с Некрасовым Р. начинает писать новый роман о петербургских рабочих, используя материал неопубликованной третьей части «Глумовых». Роман писался в Петербурге и Брест-Литовске, где жила семья писателя (жена Р. служила в военном госпитале). Одновременно он написал целую серию очерков и рассказов для журналов «Искра», «Будильник», альманаха «Невский сборник».

Роман «Где лучше?» (Отечественные записки.— 1868.— № 6) описывает жизнь «освобожденных» реформой бывших казенных рабочих, которые в поисках лучшей доли скитаются по России. Бывшие рабочие Терентьевского горного завода побывали на соляных и золотых приисках, работали на заводе, на строительстве железной дороги — везде их ждали лишь тяжкий труд за гроши, вечные унижения и полуголодная жизнь. В образе Пелагеи Прохоровны Мокроносовой Р. создал «тип прелестнейшей русской женщины» (Салтыков-Щедрин М. Е.— С. 226), умеющей при всех обстоятельствах сохранять нравственную чистоту, самостоятельность. Не менее интересен образ нового рабочего — Игнатия Прокофича Петрова, чье увлечение работой, необычное, уважительное отношение к женщине резко выделяют его из среды.

Прекрасный сильный характер русской жен-

шины показан и в последнем романе Р. «Свой хлеб» (1870), героиня которого, дочь обедневшего чиновника Даша Яковлева, находит в себе силы пойти на конфликт с семьей, чтобы обрести самостоятельность и свободу. Р. предполагал также написать роман «Чужой хлеб», но ранняя смерть помешала осуществить этот замысел.

Романы и повести Р. тяготеют к очерковости, что отмечали многие критики. «Это просто ряд очерков, характеризующих быт нашего мастерового, заводского, трудящегося люда — быт нашего пролетариата...» (Ткачев П. Н.— С. 341). Критик считал, что в романах Р. отсутствуют главные черты этого жанра: развитый сюжет; индивидуализированные характеры; герои мало связаны между собой.

Тяготение к очерковости характерно для многих писателей-демократов 60 г., введших в художественную ткань фактический материал, статистические данные, не давших ярко очерченных героев. К творчеству Р. в значительной мере можно отнести слова Г. В. Плеханова о народнической беллетристике: она «рисует нам не индивидуальные характеры и не душевные движения *личностей*, а привычки, взгляды и, главное, общественный быт *массы*» (Плеханов Г. В. Литература и эстетика.— М., 1958.— Т. 2.— С. 225). Творчество Н. В. Успенского, А. И. Левитова, В. А. Слепцова, Г. И. Успенского, Н. И. Наумова, С. Каронина, Р. и др. характеризуется усиленным вниманием к мелким бытовым подробностям, максимально точным, в традициях «натуральной школы», воспроизведением местных диалектов, жаргонов тех или иных социальных групп, профессий. Это служило причиной обвинения в натурализме. Творчество Р., метко названное М. Горьким «мрачным», на общем фоне писателей-демократов выделялось, главным образом, внешней невыраженностью отношения автора к изображаемому. Такая манера изложения, напоминающая стенограмму, весьма порицалась критикой разных направлений. В. Г. Авеенко писал в связи с выходом двухтомного собрания сочинений Р.: «Литературная правда заключается... не в том, чтобы изображать действительность сырьем, отмечать без всякого выбора составляющие ее подробности и рассказывать человеческую жизнь с внешней точностью и внутренней беспорядочностью записной книжки» (Русский вестник.— 1875.— № 4.— С. 672). Подобные упреки делал и Н. К. Михайловский: «У Решетникова нет того умения группировать факты, которое составляет первый признак художественности, умения связывать эти факты путем органического соподчинения, а не механического сопоставления только. Его повести — это своего рода литературные панорамы. Это ряд картин одинакового содержания, но друг от друга независимых, не объясняющих и не дополняющих, а только повторяющих друг друга» (Отечественные записки.— 1880.— № 3.— С. 94). Как бы

предвосхищая подобные упреки, Р. записывает в дневнике: «...говорят, что я пишу, не обратывая, не забочусь о художественности. Это правда. Если бы я имел средства жить в отдельной комнате, не забирать вперед денег, я писал бы гораздо спокойнее и лучше, чем теперь» (Повести и рассказы.— С. 312—313).

В целом демократическая критика очень приветствовала то направление в русской литературе, которое представлял Р., и простила писателю эстетические недостатки. Многие программные выступления демократической критики (Салтыков-Щедрин М. Е. Напрасные опасения; Где лучше? // Отечественные записки.— 1868.— № 10; 1869.— № 4; Ткачев П. Н. Разбитые иллюзии // Дело.— 1868.— № 11—12; Шелгунов Н. В. Народный реализм в литературе // Дело.— 1871.— № 5; книга «Беллетристы-народники» А. М. Скабичевского.— Пб., 1888, и др.) в основном или в значительной мере опирались на творчество Р. Огромную поддержку он ощущал со стороны редакции «Современника». Роман «Где лучше?» редактировал Салтыков-Щедрин, считавший, что, хотя «неумением распорядиться своим материалом он положительно вредит самому себе», все же как писатель Р. «выше обыкновенного уровня» (Салтыков-Щедрин М. Е.— С. 213).

Пожалуй, одним из ярчайших и трагичнейших документов эпохи стал дневник Р., опубликованный (хотя и не полностью) после его смерти (1932). Бесконечные унижения, страдания, полуничтоженское существование — таков был путь Р. к литературной известности. Это не могло не сказаться на характере писателя: современники вспоминают его как очень угрюмого, недоверчивого, мнительного человека, который трудно сходился с окружающими, особенно с литераторами, с теми, в которых видел барство, пренебрежительное отношение к себе. Много таких, часто не всегда справедливых, замечаний в адрес В. С. Курочкина, А. Н. Пыпина, М. А. Антоновича, Г. Е. Благодетельского, Н. А. Некрасова и др. содержит его дневник. Р. умер от отека легких, похоронен на Волковом кладбище в Петербурге.

Дореволюционная цензура нередко стремилась воспрепятствовать изданию произведений Р. Так, в 1867 г. по требованию издателя С. В. Зварева в тексте отдельного издания «Поддиповцев» были сделаны сокращения с целью смягчить общую картину крестьянской жизни. В 1884 г. ряд произведений Р. был запрещен к выдаче из публичных библиотек и для чтения в общественных читальнях. Творчество Р. было одним из ранних симптомов появления той «партии народа в литературе», о которой мечтал Н. А. Добролюбов (Добролюбов Н. А.— С. 228).

Соч.: Соч.: В 2 т.— Спб., 1869; Собр. соч.: В 2 т./Ред. и вступ. ст. А. М. Скабичевского.— Спб., 1904; Полн. собр. соч.: В 6 т./Под ред. И. И. Векслера.— Свердловск, 1936—1948;

Избр. произв.: В 2 т. / Вступ. ст. и коммент. Н. И. Соколова.— М., 1956; Между людьми. Повести, рассказы и очерки / Сост. и вступ. ст. С. П. Залыгина; Примеч. Т. А. Полторацкой.— М., 1985; Повести и рассказы / Сост., вступ. ст. и примеч. С. Е. Шаталова.— М., 1986.

Лит.: Аверкиев Д. В. По поводу самопроникновения двух петербуржцев // Эпоха.— 1864.— № 11; [б. п.] (Авсеенко В. Г.). Сочинения Ф. Решетникова // Заря.— 1869.— № 9; А. (Авсеенко В. Г.). Реальная беллетристика. Соч. Ф. М. Решетникова. Изд. К. Т. Солдатенкова / С порт. авт. 2 т.— М., 1874 // Русский вестник.— 1875.— № 4; Скабичевский А. М. Что нужно добывать реальному поэту // Отечественные записки.— 1869.— № 12.— Отд. 11.— С. 231—255; Он же. История новейшей русской литературы (1848—1891).— СПб., 1891; Утин Е. И. Задача новейшей литературы // Вестник Европы.— 1869.— № 12.— С. 822—888; Щербрикова М. К. Летописец темного люда (Романы, повести и рассказы Ф. Решетникова) // Русские общественные вопросы. Сб. «Неделя».— Пб., 1872; Боборыкин П. Д. Ф. М. Решетников. «Подлиповчик». Спб., 1880 // Критическое обозрение.— 1880.— № 10; Михайловский Н. К. Новые книги. Ф. М. Решетников. «Подлиповчик». Спб., 1880; Он же. Ф. М. Решетников. «Глумовы». Роман. Спб., 1880 // Отечественные записки.— 1880.— № 3.— Отд. 11.— С. 94—98; Успенский Г. И. Федор Михайлович Решетников // Полн. собр. соч.— Л., 1949.— Т. 4; Салтыков—Щедрин М. Е. Напрасные опасения.— Где лучше? // Салтыков—Щедрин М. Е. Литературная критика.— М., 1982; Шелгунов Н. В. Народный реализм в литературе // Шелгунов Н. В. Литературная критика.— М., 1974; Писарев Д. И. Прогресс по садам российской словесности // Писарев Д. И. Литературная критика: В 3 т.— Л., 1981.— Т. 2; Кропоткин П. А. Идеалы и действительность в русской литературе // Собр. соч.— Спб., 1907.— Т. 5; Качев П. Н. Развитие иллюзии // Избр. соч. на социально-политические темы.— М., 1932.— Т. 1; Щегов М. П. Литературная борьба вокруг творчества Ф. М. Решетникова в 60—70-е годы XIX века // Уч. зап. Киевского ГУ. Кишинев, 1956.— Т. 22. Филология; Проза писателей-демократов шестидесятых годов XIX века.— М., 1962.— С. 207—250; Кауров А. Л. Развитие жанра очерка в творчестве Ф. М. Решетникова // Проблемы развития жанров в русской литературе XVIII—XX веков.— Днепрпетровск. 1985. М. Е. Савина

РОЗАНОВ, Василий Васильевич [20.IV.1856, Ветлуга Костромской губ.—5.II.1919, Сергиев Посад] — писатель, историк, философ, публицист. Детство прошло в Костроме. Неустойчивость материального положения семьи после смерти отца наложила тяжелый отпечаток не только на быт, но и на духовную атмосферу дома Розановых. Детские годы, проведенные со старшими братьями, с отчимом и больной, раздражительной, перегруженной работой матерью, оставили безотрадное впечатление. Погруженный в себя мальчик, с развитым воображением, питаемым античными и историческими сюжетами, с раннего детства начал ощущать свое одиночество в семье. Первые годы учебы прошли в Симбирской, последующие — в Нижегородской гимназии. Разделяя общее увлечение сверстников материализмом и позитивизмом, Р. во 2—3-м классах гимназии читал сочинения Г. Бокля, К. Фохта, Д. И. Писарева. Однако к концу учебы наступило разочарование в прежних идеалах. Произошли изменения и в жизни семьи — в 13 лет Р. потерял мать.

С ранней юности заметили две тенденции в развитии характера писателя: внутренняя свобода, позволявшая ему быть «коноводом» в гимназических выступлениях против начальства, и, одновременно, видимое безволие, апатичность к внешним событиям жизни. Так совершился выбор

профессии: Р. поступил вслед за старшим братом на историко-филологический факультет Московского университета и после его окончания стал преподавателем истории и географии. Университетские годы запомнились лекциями крупнейших русских ученых-филологов Ф. И. Булаева и Н. С. Тихонравова, а также Н. И. Стороженко, Ф. Е. Корша, историка В. И. Герье. Но многим в университетской жизни, прежде всего «упадком любознательности» у студентов, казенной и духом меркантильности в преподавательской среде, Р. удовлетворен не был.

С этим ему пришлось столкнуться и в дальнейшем, работая в течение 12 лет в гимназиях русских провинциальных городов (Брянск, Симбирск, Вязьма, Елец, Бельск). Проблема образовательной системы посвящены многочисленные выступления Р. 1893—1898 гг., собранные затем в книге с названием, выражающим авторскую оценку современной школы, «Сумерки просвещения» (1899). В дискуссиях 80—90 гг. между сторонниками и противниками классического образования Р. был на стороне последних. По его наблюдениям, «административная постановка» воспитания не давала возможности для духовного развития как учащихся, так и педагогов; программа обучения не была ориентирована на индивидуальный подход к ученику. Центральное место Р. отводил личным взаимоотношениям детей и учителя, считал необходимым повышение роли и ответственности педагога. Исходя из своего многолетнего опыта, Р. предлагал предоставить учителю большую самостоятельность в выборе материала, расширить программы по отечественной истории и словесности, предметов, необходимых для воспитания патриотизма и гражданственности у юного поколения. Недопустимым считал Р. отрыв школьного воспитания от воздействия семьи и церкви, приведший к тому, что система образования стала обезличивающей, «механической». Эта тема продолжала волновать Р. и после того, как он в 1893 г. отошел от преподавания. В 900 гг. он написал несколько работ, касающихся студенческой жизни, а в 1914—1916 г. опубликовал целый цикл статей в журнале «Вешние воды» — «Из жизни, исканий и наблюдений студенчества».

В 80 гг. Р. начал свою деятельность как философ. Премущественный интерес к философии проявился у него еще в университете и сохранился до конца жизни. Первый самостоятельный философский труд «О понимании» вышел в 1886 г. Задачей автора было наметить новые тенденции в подходе к науке и философии, позволившие бы объединить их в систему цельного миропонимания. В этой книге были сформулированы основные положения религиозно-идеалистической концепции Р. Книга прошла незамеченной и была прочитана только в 900 гг., когда автор стал известен как историк религии, публицист и писатель. Неудаче первой работы Р. приписывал в

чейка», не мог найти объяснения. С этого времени из книги в книгу повторялся его вопрос: «Что же случилось?»

В годы реакции Р. писал труды по истории религии и церкви, разрабатывая библейские и античные мотивы, возвращаясь к прежним консервативным позициям. В этом духе он воспринял первую мировую войну — как «очистительную бурю», уничтожившую политическое разногласие и потребовавшую единства общества, возрождения «народной и славянофильской России».

Предреволюционное время было связано для Р. с тяжелыми семейными переживаниями, окрашено раздумьями о смерти, о бренности земного. Личные события стали поводом для сближения Р. с православием. В 1917 г. он переехал в Сергиев Посад (Загорск), поселившись в доме священника и лишь изредка наезжая в Москву. Отношение к революционным событиям Р. пытался выразить в выпусках «Апокалипсиса нашего времени» (1917—1918), продолжая свою мысль о том, что революция — прежде всего отрицание старого, но теперь разрушение устоев воспринималось Р. как потрясение, всеобщая гибель.

Позиция Р. в общественной борьбе эпохи, при всех ее особенностях, была близка к русскому декадентству. Со «старшими» символистами ее объединяли субъективно-идеалистическая философская основа, принципиальный имморализм, индивидуалистическое решение вопросов эстетики. Р. понимал искусство как личностное преобразование действительности, запечатленное в слове, звуках и т. д. В обращенности к эмоциональному содержанию человека он видел основу выразительной универсальности и вечности произведений искусства. Не случайно «сухость сердца» стала главным его упреком поколению «шестидесятников», от наследства которых Р. отказался так же, как и «старшие» символисты. Р. призывал современных критиков анализировать «индивидуальный мир» художника. В нем был для Р. смысл всей литературы. «Глубочайшим аналитиком души» считал он Ф. М. Достоевского, посвятив развитию этой мысли книгу «Легенда о Великом Инквизиторе» (1891), вышедшую в нескольких изданиях и ставшую настольной для многих современников. Но содержание искусства Р. не считал всеобъемлющим, ставя над ним религию как высшее выражение чувств. С этих позиций он критиковал декадентов, создавших безжизненную поэзию «я», оторвавшихся от «великого материка» истории, религии, практической бытовой жизни («Декаденты», 1904). Внимание к последней вносило в работы Р. теоретические противоречия. Реальность входила в произведения Р. во множество мельчайших подробностей, «мгновений», «мигнетного». В стремлении уловить их его творчество сближается с символистским пониманием импрессионизма.

Такая форма, когда автор становится летописцем собственного самовыражения, преоблада-

ла у Р. в 10 гг. («Уединенное», 1912; «Опавшие листья», 1913—1915).

До последних лет жизни вопросы о божестве, бессмертии души, природе человека не переставали волновать Р. больше, нежели события вокруг него. Условия его жизни постоянно ухудшались, литературный заработок прекратился, но, по свидетельству современников, возрастал его интерес к новому. Последним его замыслом, оставшимся неосуществленным, было написание «апологии революции».

Соч.: О понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания.— М., 1886; Место христианства в истории.— М., 1890; Легенда о Великом Инквизиторе.— Спб., 1894; Сумерки просвещения. Сб. ст. по вопросам образования.— Спб., 1899; Религия и культура. Сб. ст.— Спб., 1899; Литературные очерки.— Спб., 1899; Природа и история. Сб. ст. по вопросам науки.— Спб., 1900; В мире неясного и нерешенного.— Спб., 1901; Семейный вопрос в России: В 2 т.— Спб., 1903; Декаденты.— Спб., 1904; Около церковных стен: В 2 т.— Спб., 1906; Итальянские впечатления.— Спб., 1909; Русская Церковь.— Спб., 1909; Когда начальство ушло... Очерк русских событий (1905—1906).— Спб., 1910; Темный лик. Метафизика христианства.— Спб., 1911; Л. Н. Толстой и русская Церковь.— Спб., 1912; Уединенное.— Спб., 1912; Люди лунного света. Метафизика христианства.— Спб., 1912; Литературные изгнанные.— Спб., 1913.— Т. 1; Война 1914 года и русское возрождение.— Пг., 1915; Опавшие листья.— Спб., 1913.— Т. 1; Короб. II.— Спб., 1915; Апокалипсис нашего времени.— Сергиев Посад, 1917—1918.— Вып. 1—10.

Лит.: Грифцов Б. Три мыслителя.— М., 1911; Абрамович Н. Я. «Новое время» и соблазненные младенцы.— Пг., 1916; Голдеребах Э. Ф. В. В. Розанов. Жизнь и творчество.— Пб., 1922; Иванова-Разумник К. И. Розанов // Иванов-Разумник. Творчество и критика.— Пб., 1922; Кувакин В. А. Религиозный идеализм в России.— М., 1980; Чуковский К. И. Открытое письмо В. В. Розанову // Чуковский К. И. Книга о современных писателях.— Спб., 1914; Шкловский В. В. Розанов // Шкловский В. Сюжет как явление стиля.— Пг., 1921.

Т. П. Буслакова

РОЗЕНГЕЙМ, Михаил Павлович [19(31).VII.1820, Петербург — 7(19).III.1887, там же] — поэт, публицист. Родился в семье служащего горного ведомства. Принадлежал к старинному дворянскому роду, основанию которому было положено в XVII в. эмигрантом-датчанином. Четырех лет лишился отца. Учился в 1-м Кадетском корпусе (1827—1838 гг.), о котором всю жизнь хранил самые теплые воспоминания. По окончании корпуса был назначен прапорщиком в полевую конную артиллерию, где и прослужил около двадцати лет (в том числе три года на Кавказе). В 1866 г. поступил в созданную в связи с военно-судебной реформой Военно-юридическую академию, по окончании которой был назначен судьей сначала Киевского (1868), а позднее Санкт-Петербургского военно-окружного суда. Как военный юрист Р. опубликовал монографическое исследование «О военно-судных учреждениях в России до кончины Петра Великого» (1878). Книга отличалась широким охватом архивного материала и являлась первым исследованием в этой области. Умер в чине генерал-майора, похоронен на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры.

Р. начал сочинять еще в кадетском корпусе, атмосфера которого в те годы способствовала выявлению гуманитарных способностей воспитанников. Героями его первых (по большей части шуточных) произведений были товарищи по корпусу и преподаватели. Одно из его стихотворений стало «Походной песней» кадетов, которую летом 1836 г. они пели на походе в Петергофский лагерь. В 1837 г. В. Т. Плаксин, преподаватель русской словесности, прочел несколько стихотворений Р. на литературном вечере, где они обратили на себя внимание Н. А. Полевого, издававшего в те годы журнал «Сын отечества». Он познакомился с молодым поэтом, и вскоре первое стихотворение Р. — «Памятник Петра Великого» — появилось в журнале (1838. — Кн. 4). Публикация обратила на себя внимание А. Ф. Воейкова и О. И. Сенковского, которые одобрительно отнеслись к творчеству молодого поэта. Несколько стихотворений Р. появились в 1840 г. в журнале «Библиотека для чтения» (кн. 6). Потом на долгое время (до конца 50 гг.) его имя исчезло со страниц журналов, поскольку служивший вдали от столицы и придававший мало значения своим литературным опытам Р. не передавал их в журналы. Молчание было обусловлено и тем, что еще в 1839—1840 гг. часть стихотворений была отклонена цензурой («Памятник», «Старый город»).

Но писал Р. много, и его стихотворения с помощью друзей распространялись в списках. К этому времени относятся два послания к М. Ю. Лермонтову, с которым Р. познакомился еще мальчиком в 1833—1834 гг. Преклоняясь перед талантом Лермонтова, он в конце 1840 г. написал ему восторженное письмо, в ответ на которое Лермонтов очень иронично выразил свое разочарование и в жизни, и в поэзии. Это побудило Р. написать «Послание к Лермонтову», где Р. пытается возбудить в адресате бодрость, внушить веру в жизнь и людей. Послание было передано поэту в начале 1841 г. В этом же году Р. пишет второе послание к Лермонтову, которое уже не застало Михаила Юрьевича в живых.

Стихотворения Р., ходившие в рукописных вариантах, нередко приписывались другим, более известным, поэтам: Лермонтову, Н. А. Некрасову, А. С. Хомякову, А. К. Толстому. Так, в первый посмертный сборник произведений Некрасова издатели включили «Последнюю элегию», посчитав ее за ранее не изданное произведение поэта; И. Арсеньев напечатал часть дум «На развалинах Севастополя», приписав ее Хомякову. Отрывок из стихотворения «Дума» в 1850 г. был напечатан И. И. Панаевым без подписи в журнале «Современник», в 1856 г. оно появилось в журнале «Русский вестник» как неизданное произведение Лермонтова — «Три неизданных стихотворения Лермонтова» (№ 14). Свое авторство Р. позже пришлось доказывать (см.: Литературное объяснение // Санкт-Петербургские

ведомости. — 1859. — № 54. — 11 марта). Эти недоразумения объяснялись не столько тем, что в списках часто не было имени автора, сколько тем, что Р. как поэт не имел ярко выраженного творческого лица. Играло роль здесь и то, что Р., прекрасный знаток русской поэзии, нередко невольно заимствовал темы, идеи, композицию своих произведений у наиболее почитаемых им поэтов.

С конца 50 гг. Р. вновь начинает выступать на литературном поприще. В 1857 г. без его ведома «Русский вестник» напечатал одну из его сатирических элегий «Что ты вздыхаешь, читая газету...», имевшую огромный успех. С этого времени стихотворения Р. начинают появляться на страницах журналов разных направлений — «Русского слова», «Отечественных записок», «Библиотеки для чтения», «Сына отечества» и др. и приносят ему популярность и репутацию поэта-обличителя. Ф. Н. Глинка так обращался в эти годы к Р.: «Дар поэта и пророка / Ты явил в своих стихах, / Став гонителем порока, / Обличителем в грехах...» (Послание к Розенгейму, 1858 // Розенгейм М. П. Стихотворения М. Розенгейма. — Спб., 1889). Из произведений этих лет выделяются его думы «На развалинах Севастополя», написанные под свежим впечатлением севастопольского разгрома: «Здесь лобное место, где край наш родной / За нас воспринял поруганье...» Горечь небывалого поражения сочетается с бичеванием общественных язв: «Да, горе стране, где нечестью почет, / Где правда и доблесть в загоне, / Где крепко над правом бесправия гнет, / Где кривда в суде и в законе!» В печати думы появились в усеченном варианте (была запрещена I песнь), но были хорошо известны в списках и имели громадный успех.

В 1858 г. Р. по настоянию друзей решается напечатать сборник своих произведений, преследуя, главным образом, цель восстановить свое авторство тех произведений, которые ходили в списках под чужим именем. Большая часть стихотворений сборника была отклонена цензурой, и он вышел в очень искаженном виде (Стихотворения М. Розенгейма. — Спб., 1858). Были запрещены даже многие ранее опубликованные произведения, некоторые попали в недоработанном (черновом) варианте, будучи включены туда по недоразумению другом поэта проф. Ф. Н. Шиллем, взявшим на себя хлопоты по изданию. Р. считал сборник неудачным. Но книга имела успех у широкой публики, тираж разошелся за год. Критика же отнеслась к сборнику крайне неодобрительно.

В «Современнике» Н. А. Добролюбов в статье «Стихотворения Михаила Розенгейма» (1858. — № 11) выступил с резкой критикой сборника. Эта одна из самых ярких, остроумных статей Добролюбова включает много стихотворных пародий, приписанных Конраду Лилиеншвагеру,

ставшему одной из частых масок критика. Фа-милия Лилленшвагер (в переводе с немецкого — шурин, деверь, зять лилии) образована по ана-логии с фамилией Розенгейм (дядя розы) (см. вступ. заметку М. К. Лемке // Первое полн. собр. соч. Н. А. Добролюбова: В 4 т. — Спб., 1911. — Т. 2. — Стлб. 597). В целом статья на-правлена против т. н. обличительства в русской литературе, типичнейшим представителем которо-го был Р. Мишенью критики стали недостатки поэзии Р.: невыразительность образов, натяну-тость рифм, бедность языка. Еще меньшую цен-ность, по мнению критика, имели мелочные, без-дарные обличения Р.

«Эстетическая критика» в лице А. В. Дружи-нина (Стихотворения Михаила Розенгейма // Библиотека для чтения. — 1858. — № 12) упрекала Р. в скудности поэтического дарования, много-словии, дидактичности произведений, заключая, что «ни временный успех, ни некоторая полез-ность издания еще не могут служить писателю поощрением к дальнейшей деятельности, когда в написанных им стихотворениях нет того, что и должно составлять их право на существование, т. е. поэзии» (С. 39).

В 1864 г. поэт решается на повторное издание своих произведений. Основательно переработан-ный, сборник включал лишь 30 из 76 стихотво-рений первого издания. Отзыв Д. Д. Минаева (М. Бурбонов. «Резервные стихотворцы. Заметки и размышления оставанного майора Бурбонов» // Русское слово. — 1864. — № 6) был неблагоприят-ен: упреки касались в основном характера поэ-зии Р., где обличение, по мнению критика, пере-ходило в призыв к смирению, послушанию, тер-пению.

Третий (последний прижизненный) сборник произведений Р. вышел в 1882 г. В него вошли ранее запрещенные произведения — полностью думы «На развалинах Севастополя», «Книга» и др. Отзыв критики был более благоприятным: «В Розенгейме, кроме замечательного лирика, мы видим еще выразителя тех дум, тех скорбей и тех стремлений, какие наше общество пережило в те-чение полувека...» (Век. — 1882. — Кн. 3. — отд. VII. — С. 27). Помимо поэзии, Р. много сил от-давал публицистике. В 60—80 гг. Р. выступает как публицист на страницах многих газет («Голос», «Северная пчела», «Санкт-Петербургские ведомости», «Наше время») и журналов («Заря», «Отечественные записки», «Русское слово» и др.) со статьями по различным вопросам общественной жизни. С ноября 1859 по конец 1860 г. «Отечественные записки» печатают ежемесячные юмористические обозрения Р. — «Заметки праздношатающегося». В 1860—1862 гг. Р. заведует редакцией «Журнала коннозаводства и охоты». В 1863—1865 гг. издает еженедельный юмористи-ческий журнал «Заноза», пользовавшийся боль-шим успехом и имевший около 6 тысяч под-писчиков. Материал журнала почти полностью

собирался и обрабатывался Р., имевшим столкно-вения с цензурой. В 70 гг. Р. в течение трех с половиной лет вел «внутреннее обозрение» в «Русском слове».

По политическим убеждениям Р. был славяно-филом, но довольно умеренного толка. Он прояв-лял большой интерес к народной поэзии, пере-кладывая на русский язык словацкие и украин-ские народные песни. На лирические стихи Р. писали музыку мало известные сейчас компози-торы (Г. Эрлангер, В. Главич, Р. Глиэр и др.), известны романсы на его стихотворения («Песня русского», «В глуши», «Не пытай у волны» и др.). Несколькое его стихотворений даже стали народ-ными песнями («Пастухи», «Не гляди так, де-вица», «Далеко, далеко степь за Волгу ушла...»).

В историю литературы Р. вошел все же не как поэт-лирик, а как поэт-обличитель, один из многих появившихся на литературном горизонте 60 гг. Его творчество представляет интерес боль-ше с исторической, нежели с поэтической точки зрения: многие его стихотворения грешат моно-тонностью и многословием. Их успех у широкой публики прежде всего объяснялся злободнев-ностью.

Соч.: Стихотворения. Спб., 1858; Стихотворения. Спб., 1864; Стихотворения: В 2 т. — 4-е изд., доп. Спб., 1889; Поэты 1860 годов. — Л., 1968. — С. 577—597.
Лит.: Без подписи. М. П. Розенгейм: Биографический очерк // Русская старина. — 1887. — № 9; Без подписи. М. П. Розенгейм: Некролог // Нива. 1887. — № 13; Без подписи. М. П. Розенгейм. Некролог // Колосъ. 1887. — № 4; [В. З.] М. П. Розенгейм: Некролог // Дело. 1887. — № 3; Гербель Н. В. М. П. Розенгейм // Гербель Н. В. Русские поэты в биографиях и образцах. — Спб., 1888; Без подписи. Стихотворения М. П. Розенгейма. — 4-е изд. Спб., 1889 // Правительственный вестник. 1889. — № 218. 6 окт.; Языков Д. Д. Обзор жизни и трудов покойных рус-ских писателей. М., 1892. — Вып. 7. — С. 78—80; М., 1900. Вып. 8. С. 152; М., 1905. Вып. 9. С. 101; Боро-дкин М. М. Памяти М. П. Розенгейма: Его личность и поэ-зия // Протокол торжественного общего собрания гг. членов Санкт-Петербургского славянского благотворительного обще-ства от 14 февраля 1897 г. — Спб., 1897. — С. 29—38; Старый биограф (Быков П. В.). М. П. Розенгейм // Пробуждение. 1907. — № 13; Николаев А. С. Задержание цензурой стихотворения М. П. Розенгейма и А. А. Голени-щева-Кутузова // Красный архив. — 1922. — Т. 1: Ямполь-ский И. Г. Сатирические и юмористические журналы 1860-х годов. — Л., 1973. — С. 65—80. М. Е. Савина

РОСТОПЧИНА, Евдокия Петровна, урожденная Сушкова [23.XII.1811(4.I.1812), Москва — 3(15). XII.1858, там же] — поэт, прозаик, драматург. Из дворянской семьи. Ее дядя Н. В. Сушков — драматург, бабушка М. В. Сушкова — поэтесса. В детстве Р. увлеклась литературой. «Книги заменяли ей воспитателей (...), Гете, Шиллер (...), Шекспир, Данте, Байрон (...), Жуковский, Пушкин (...)» все это любила, знала, ценила она, — писала впоследствии Р. о своей героине, Марине Ненской, наделенной чертами биографии и лич-ности автора (повесть «Счастливая женщина», 1851).

Воспитывалась в семье родственников Паш-

ковых. Маленькая «Додо», как называли ее близкие, начала писать стихи, согласно ее собственным воспоминаниям, в возрасте 13 или 14 лет.

В 1829 г., на одном из первых выездов в свет, Р. знакомится с создателем любимых ею произведений — Пушкиным (эта встреча отражена в стихотворении «Две встречи», 1838, 1839). Год спустя П. А. Вяземский, без ведома поэтессы, публикует ее стихотворение «Талисман» в альманахе «Северные цветы на 1831 год» (за подписью Д.....а). Появление нового поэта было отмечено посвященным Р. стихотворением «Додо» М. Ю. Лермонтова, познакомившегося с ней в нач. 30 гг.

28 мая 1833 г. Р. выходит замуж за богатого гр. А. Ф. Ростопчина, сына известного генерал-губернатора Москвы 1812 г. С ее стороны это был, видимо, брак по расчету (см.: Сушкова Е. А. Записки. 1812—1841.— Л., 1928.— С. 143—144, 230, 247 и др.), вызванный желанием освободиться от мелочной опеки родственников и упрочить положение в свете.

В 30 гг. лирика Р. становится широко известной. Поэтесса печатается, подписываясь А. Е. Р-на, в журналах «Библиотека для чтения», «Московский наблюдатель», «Современник» и др. Стихотворения распространяются и в рукописях (среди них «К страдальцам-изгнанникам», обращенное к декабристам и после их возвращения подаренное З. Г. Чернышеву и С. Г. Волконскому).

В 1836 г. Ростопчины переезжают в Петербург, где открывают литературный салон, который в 30—40 гг. посещают известные писатели, композиторы и артисты (В. А. Жуковский, П. А. Вяземский, В. Ф. Одоевский, В. А. Соллогуб, А. С. Даргомыжский, М. И. Глинка, Ф. Лист, П. Виардо и др.). У Ростопчиных бывает Пушкин.

В конце 30—нач. 40 гг. литературная слава Р. растет. П. А. Плетнев пишет: «Она без сомнения первый поэт теперь на Руси» (письмо к Я. К. Гроту, 10.XII.1840 // Цит. по кн.: Е. П. Ростопчина А. Талисман.— М., 1987.— С. 276). Во второй половине 30 гг. Р. дебютирует как прозаик (повесть «Чины и деньги» первоначально опубликована в журнале «Сын отечества и Северный архив», затем вместе с повестью «Поединок» в книге «Очерки большого света».— Спб., 1839, под псевдонимом *Ясновидящая*). Критик и писатель Н. А. Полевой в своем дневнике называет ее «нашей Жорж Занд» (Ростопчина Е. П. Соч.— Т. 1.— С. X). В феврале 1841 г. Р. близко знакомится с Лермонтовым, становясь поверенной его чувств и замыслов (вероятно, слова поэта в письме к А. И. Бибикову о «новой драме» намекают на его взаимоотношения с Р.— см.: Полн. собр. соч.— Т. 4.— С. 356). Тонкий психологический портрет Лермонтова, глубокая характеристика его стихотворений, их сравнение с пушкинскими даны в письме Р.— мемуарном рассказе о Лермонтове, адресованном

А. Дюма-отцу (см.: Лермонтов в воспоминаниях современников.— М., 1972.— С. 280—286). 8 марта 1841 г. она пишет стихотворение-заклинание «На дорогу! Михаилу Юрьевичу Лермонтову». В 1841 г. выходят «Стихотворения» Р., которые были положительно встречены критикой. А. В. Никитенко писал «о решительно лучших стихах из всех», созданных русскими писательницами (Сын отечества.— 1841.— Т. 11.— № 18.— С. 104). Рецензенты увидели оригинальность лирики Р. в простоте, тонком соединении чувств и рассуждений, в нестесненном, искреннем раскрытии мира женской души. Сдержанно, но положительно отзывался о книге В. Г. Белинский (см.: Полн. собр. соч.— Т. 5.— С. 456—461).

В 1845 г. семья Ростопчиных уезжает в Италию. В Италии соотечественники чувствуют поэтессу лавровым венком (см. стихотворение «На лавровый венец», 1846). В Риме Р. встречается с Н. В. Гоголем. По его совету она посылает в Россию стихотворение «Насильный брак» (опубл. в газете «Северная пчела».— 1846.— № 284), в аллегорической форме повествующее о притеснениях царизмом Польши. В 1847 г. Р. возвращается в Россию. Николай I не может ей простить «Насильного брака», тираж газеты уничтожается. Видимо, ей запретили проживать в столице (см.: Киселев В. Поэтесса и царь // Русская литература.— 1965.— № 1.— С. 144—156). Окруженная «ореолом мученичества» (Погодин Д. М. // Исторический вестник.— 1892.— № 4.— С. 52), Р. переезжает в Москву.

В 1849—1854 гг. она организует у себя литературные «субботы», которые посещают М. П. Погодин, Л. А. Мей, Л. Н. Толстой, Ф. И. Тютчев и др. Бывает у нее и А. Н. Островский, чьи комедии Р. высоко ценит и стремится способствовать его известности. Однако Островский относится к ее творчеству иронично.

Р. осознает себя продолжательницей поэтической традиции 30 гг. «Я (...) жила в короткости Пушкина, Крылова, Жуковского (...) Баратынского, Карамзина (...). Эти чистые славы наши любили, хвалили, благословляли меня на путь по следам их...» — писала она, явно преувеличивая свою «короткость» с Пушкиным и особенно с Карамзиным (Ростопчина Е. Стихотворения. Проза. Письма.— М., 1986.— С. 350). «Петербургская» литература (круг перешедшего в руки Н. А. Некрасова и И. И. Панаева «Современника») — это литература, имеющая целью не возвышать мысль и не воссламенять душу к служению высокому и прекрасному, а единственно выводить под самыми яркими красками все обыденное,— сетует Р. в авторском отступлении в повести «Счастливая женщина». Новому поколению она противопоставляет «поколение мечтательниц», «которое дало Татьяну Пушкина (...) благородный, прелестный тип девушки тогдашнего времени...» (Соч.— Спб., 1890.— Т. 2.— С. 325, 326).

Р. демонстративно отказывается от приверженности современным литературным и общественным «партиям». Автор стихотворения «Боярин» (1855), любовно описывающего старый русский уклад, и многих патристических стихотворений (в годы Крымской войны), она обвиняет славянофилов в узости и неискренности (Письма к А. В. Дружинину.— М., 1948.— С. 268—269), а их идеолога А. С. Хомякова в нелюбви к России: «Ответ некоторым безыменным стихотворцам» (1854). В западничестве Р. видит разрушительное начало и незрелость мысли: публицистика «Современника» задевает ее аристократические чувства (стихотворение «Простой обзор», 1857).

Критическая оценка современной общественной жизни дана в сатирической поэме Р. «Дом сумасшедших в Москве в 1858 году» (опубл. посмертно в 1885 г.) — «продолжении» поэмы А. Ф. Воейкова «Дом сумасшедших», а также в комедии «Возврат Чацкого в Москву, или Встреча знакомых лиц после двадцатипятилетней разлуки» (написана в 1856 г., опубл. посмертно в 1865 г.), литературным кодом (ключом) которой служит «Горе от ума» Грибоедова. В этой комедии предмет иронии Р. — обе партии (и западники, и славянофилы).

К концу жизни литературная известность Р. падает. Выход в свет собрания сочинений (Стихотворения: В 2 т.— Спб., 1856; т. 3 и 4 были изданы посмертно, в 1859 г.) не стал значительным литературным событием. Воспринимавшийся авторами рецензий 40 гг. позитивно или по меньшей мере нейтрально (Белинский) «светский» характер творчества ставится в моральную и «этическую» вину поэтессе. Оценка Р. как достойной преемницы Пушкина (Ш е в ы р е в С. П. // Москвитянин.— 1841.— № 7.— С. 182). становится предметом иронии (Чернышевский и Н. Г. Стихотворения гр. Ростопчиной // Полн. собр. соч.— Т. 3.— С. 453—468, журнальные обзоры Н. А. Некрасова). Архаичными, неактуальными по темам, эстетически совмещающими штампы уходящих в прошлое романтических повестей кажутся прозаические произведения писательницы. Роман «У пристани» (Спб., 1857) получает уничижительную оценку в «разносной» рецензии Н. А. Добролюбова (Собр. соч.— Т. 2.— С. 70—87). В кругу И. С. Тургенева, с обидой пишет Р., ее считают «самой пустой из светских писательниц и самым плохим поэтом между графинь» (Письма к А. В. Дружинину.— С. 271). Благожелательная рецензия на «Стихотворения» Р. А. В. Дружинина, видящего в Р. продолжательницу романтической традиции и предостерегающего ей долгую известность (Собр. соч.— Т. 7.— С. 160), была исключением.

Романтическое восприятие собственной личности, видение своей жизни сквозь призму литературы (в письмах Р. отождествляет себя с пушкинской Татьяной) предопределили особенности ее творчества. Лирика Р., как называла ее сама

поэтесса, — «исповедание» и «истинная повесть» (Стихотворения. Проза. Письма.— М., 1986.— С. 17). Ключевые мотивы ее — любовное признание и разрыв, размышления над судьбой женщины. Лирическая героиня Р., женщина света, стесненная условностями, но преданная его удовольствиям. Р. осознает себя выразительницей женской души. Творческий дар, любовь, увлечения равноценны в мире поэтессы. Подтекст произведений — события из жизни самой Р. Издавая стихотворения, поэтесса неизменно указывала дату и место написания, которые соотносили стихотворения с реалиями ее биографии: «Ссора», «Искушение», «Село Анна», «Двойные рамы», «Одиночество». Стихотворения Р. построены как свободное, нанизывающее словесные образы движение авторских сентенций и признаний. Осязаемые пейзажные зарисовки (туманы, стелющиеся «черной мглой»), окружающие предметы (окна с двойными рамами) приобретают символический оттенок, а стершимся образам «пустынь» и «степей» возвращен их прямой смысл (реальные степи, окружающие имение Р.). Традиционные поэтизмы становятся деталями легко представимых ситуаций (цветок в «Последнем цветке»), часто опадающие листья (в «Осенних листьях»). Образы не новы, но сочетание их неожиданно, нетривиально: «Вдали от городского шума / Здесь ропот сердца мне слышней», «В степи». Поэзия Р. внутренне диалогична, в ней слышны и голоса лирической героини, и ее возлюбленного. Значительное число стихотворений Р. — рефлексия над собственным творчеством.

Осознанию Р. своей роли хранительницы поэзии, ее «жрицы» («Моим критикам», 1856) способствовал литературный ореол, созданный посланиями к ней известных поэтов «Графине Е. П. Ростопчиной (в ответ на ее письмо)» и «Графине Ростопчиной» Ф. И. Тютчева, «В альбом» Л. А. Мея, «В наш город...» Л. Н. Майкова. Роль адресата посланий и писем, тонкой ценительницы поэзии романтично принималась самой поэтессой. Ей выпадает горькая участь оплакивать писателей («Прошальная песня русского лебедя», 1852, поэтическая эпитафия Жуковскому — вариация на мотивы его предсмертного стихотворения). Жуковский передал Р. оставшийся от Пушкина чистый альбом, вписав в него стихотворения и предлагая закончить его, она откликнется стихотворением «Черновая книга Пушкина» и принимает поэтическую эстафету. Ей дарит тетрадь со стихотворением «Графине Ростопчиной» Лермонтов, Р., уже после его смерти, отвечает «Пустым альбомом».

В лирике Р. ведется диалог с Пушкиным («К страдальцам-изгнанникам» — «Послание в Сибирь», «Ода поэзии», «Поэт к царям», «Моим критикам» — пушкинские стихи о предназначении поэта), Лермонтовым («Не скучно, а грустно» — «И скучно, и грустно», «Спор на небе» — «Тучки небесные», «Болезни века» — «Дума»).

Проза Р. («Счастливая женщина», «У пристани» и др.), поэмы («Бальная сцена. Отвержок из романа», 1843; «Неизвестный роман», 40 гг.; опубл. в 1856 г.; «Дневник девушки. Роман в стихах», 1842—1850, и др.) и драмы («Нелюди», 1849) лиризованы, их жанровые границы размыты. Они несут на себе отпечаток биографии писательницы. В основе сюжета — конфликт влюбленных, несчастливый брак, борьба чувства и супружеского долга, «незаконная» любовь, гонимая светом. Сюжеты повестей и поэм сохраняют связь с мотивами лирики Р.: несчастливая любовь и удаление в деревню, итальянская тема, вера в ирреальное, повторяются отдельные поэтические образы и детали одежды (напр., султан из белых перьев у возлюбленного героини — стихотворение «Вы вспомните меня», 1838; опубл. в 1856 г., и поэмы «Дневник девушки» и «Неизвестный роман»). Писательница наделяет героинь своим лирическим даром (Зинаида из «Дневника девушки» — «автор» стихотворений самой Р., среди них «Талисман»), своим выразительным обликом (Марина Ненская в «Счастливой женщине»). «Дневниковости» лирики соответствуют в прозе и поэмах формы стихотворного дневника и писем-признаний («Дневник девушки»), переписки («У пристани»), фрагмента («Бальная сцена»). Психологическое развитие и авторские отступления доминируют над сюжетным движением. Повести и поэмы Р. построены по принципу романтической поэтики. Литературен предмет их изображения («этикетная» жизнь света в «Дневнике девушки» и «Счастливой женщине», проникнутая духом искусства Италия в инкрустированной замечательными описаниями картин Ренессанса повесть «Палаццо Форли»). Литературна и вся художественная система прозы, поэм и драм (сюжет, система персонажей, язык и т. д.), которые построены как развернутые цитаты известных литературных произведений. «Дневник девушки», носящий подзаголовок «роман в стихах» — трансформация «Евгения Онегина», «Поединок» — «Княжны Миши» В. Одоевского и одновременно переосмысление коллизии «Выстрела» Пушкина.

Творчество Р. неравноценно. Проза и драматургия уступают по своим художественным достоинствам лирике. Лучшие стихотворения Р. не поблекли в ослепительном созвездии окружавших ее имен. Лирика Р. открыла новые возможности для женской поэзии и помогла ей осознать свое место в литературе.

Соч.: Стихотворения. — Спб., 1841; Стихотворения: В 4 т. — Спб., 1857. — Т. 1—2; Спб., 1860. — Т. 3—4; У пристани. Роман: В 9 ч. — Спб., 1857; Соч.: В 2 т. — Спб., 1890; Воейков А. Ф. Дом сумасшедших / Вступ. ст. и коммент. И. Розанова и Н. Сидорова. — М., 1911. — С. 75—92. [«Дом сумасшедших в Москве в 1858 г.»]; Поэты 1840—1850-х годов. — М.; Л., 1972; Стихотворения. Проза. Письма / Подгот. текста, сост. предисл. и примеч. Б. Н. Романова. — М., 1986; Росто́пчина Е. П. Талисман. Избранная лирика. Нелюди. Документы, письма, воспоминания / Подгот. текста, сост., вступ. ст. и примеч. В. Ф. Афанасьева. — М., 1987.
Лит.: Швейерев С. П. // Москвитянин. — 1841. — Ч. IV. —

№ 7. — С. 171—182; Никитенко А. В. // Сын отечества. — 1841. — Т. 11. — № 18. — С. 95—104; Белинский В. Г. Полн. собр. соч. — М., 1954. — Т. III. — С. 456—461; Дружинин А. В. Собр. соч. — М., 1867. — Т. VII. — С. 154—160; Чернышевский Н. Т. Полн. собр. соч. — М., 1947. — Т. 3. — С. 453—468, 611—615; Добролюбов Н. А. Собр. соч. — М., 1962. — Т. 2. — С. 70—87; Берг Н. В. Графиня Ростопчина в Москве // Исторический вестник. — 1893. — № 3; Росто́пчина Л. А. Семейная хроника. — М., 1912; Веселовский Ю. Поэзия графини Е. П. Ростопчиной // Веселовский Ю. Этюды по русской и иностранной литературе. — М., 1913. — Т. 1. — С. 5—22; Ходасевич В. Графиня Е. П. Ростопчина. Ее жизнь и лирика // Русская мысль. — 1916. — № 11. — Отд. 2. — С. 35—53; Киселев В. Поздняя и царь. (Страницы истории русской поэзии 40-х годов) // Русская литература. — 1965. — № 1. — С. 144—156; Лакшин В. Я. Александр Николаевич Островский. — М., 1976. — С. 106—112, 179—190; Лермонтовская энциклопедия. — М., 1981 (ст. М. И. Гиллельсона). А. М. Рачин

РЫЛЁВ, Кондратий Федорович [18(29).IX.1795, с. Батово Софийского у. Петербургской губ. — 13(25).VII.1826, Петербург] — поэт. Декабрист. С 1801 по 1814 г. Р. учился в 1-м кадетском корпусе в Петербурге. Здесь его застали вести о нападении Наполеона на Россию, о продвижении французов к Москве, о победе русских войск над грозным врагом. Как и многие его сверстники, Р. рвался на фронт. Патристическое воодушевление побуждает его взяться за перо, и он пишет оды «Любовь к отчизне» (1813) и «Князю Смоленскому» (1814), прозаическую «Победную песнь героям» (1813) и др. Несмотря на схематичность построения и в целом ученический характер этих произведений, в них предчувствуется будущий Р. Молодой поэт славит героя-патриота, жертвующего всем ради отчизны. Меняясь, обогащаясь, этот образ будет жить в стихах поэта-декабриста. «Владимир, Минин и Пожарский, Великий Петр и Задунайский», упоминавшиеся в оде «Любовь к отчизне», обретут место в творчестве зрелого Р. Владимиру и Петру он посвятит думы «Пожарский и Минин» и «Румянцев» будет фигурировать в его творческих планах, оставшихся несвершенными.

В 1814 г. Р. получил чин прапорщика и в составе резервной артиллерийской бригады принял участие в заграничных походах русской армии. Пребывание в Германии, Швейцарии и особенно во Франции не прошло бесследно для молодого офицера. Позднее он показал на следствии: «Свободомыслием... заразился я во время походов во Францию в 1814 и 1815 годах...» (Восстание декабристов. — М.; Л., 1925. — Т. 1. — С. 156). После возвращения в Россию Р. со своей ротой был направлен в Острогжский у. Воронежской губ., где провел несколько лет. Здесь произошло его знакомство с Н. М. Тевяшевой, которая вскоре стала его женой.

Как и другие передовые офицеры, Р. тяготился аракчеевскими порядками, господствовавшими в армии после окончания войны. «Для нынешней службы нужны подлецы, — писал он матери, — а я, к счастью, не могу им быть...» В 1818 г. Р. уходит в отставку и вскоре переезжает в Петербург. Он сближается со столичными литератора-

ми, в числе которых были будущие декабристы В. К. Кюхельбекер и Ф. Н. Глинка. Осенью 1820 г. в журнале «Невский зритель» была напечатана сатира «К временщику», потрясшая современников своей гражданской смелостью и мгновенно сделавшая знаменитым имя вчера еще мало кому ведомого поэта. В «надменном временщике, и подлом, и коварном», «неистовом тиране родной страны своей», лицемерно стремящемся «от взора общего причины зла укрыть», «подлеце», который «стеснил... свободу» народа, «налогом тяжелым довел до нищеты, / Селения лишил их прежней красоты», Россия узнала всеисильного царского фаворита А. А. Аракчеева (Полн. собр. стихотв.— С. 57—58). И этому-то чудовищу, перед которым, по позднейшим словам Герцена, трепетала вся страна, Р. пронес грозное пророчество — гибель от руки нового Брута или Катона и «разъяренного тиранствами» народа. Р. подписал сатиру своим полным именем, как бы подчеркивая готовность ответить за свое выступление. Но Аракчеев не решился публично узнать себя в отталкивающем образе, созданном Р., и это спасло смельчака. «Это был первый удар, нанесенный Рылевым самовластью», — писал Н. А. Бестужев. Сатира «К временщику» «научила и показала, что можно говорить истину, не опасаясь; можно судить о действиях власти и вызывать сильных на суд народный. С этого стихотворения началось политическое поприще Рылеева» (Писатели-декабристы в воспоминаниях современников.— М., 1980.— Т. II.— С. 66).

Стихи, написанные Р. в 20 гг., характеризуют его как поборника и певца гражданского мужества. Одну из своих од он так и назвал — «Гражданское мужество» (1823).

Высшая доблесть и заслуга перед народом в его глазах — это деятельность борца за освобождение собственной страны. Славен вождь, снижавший славу в боях с чужеземными ордами, «но подвиг воина гигантский / И стыд сраженных им врагов / В суде ума, в суде веков — / Ничто пред доблестью гражданской» (Полн. собр. стихотв.— С. 92).

Особое место в творчестве Р. занимает поэтический цикл «Думы», который создавался в 1821—1823 гг., а в 1825 г. был выпущен отдельной книгой. В предисловии к этой книге Р. объяснил происхождение и особенности жанра составляющих ее стихотворений и цель, которую он стремился достигнуть: «Напоминать юношеству о подвигах предков, знакомить его со светлейшими эпохами народной истории, сдружить любовь к отечеству с первыми впечатлениями памяти — вот верный способ для привития народу сильной привязанности к родине...» (Думы.— С. 7). С афористической точностью и глубиной сформулировал эту цель А. А. Бестужев, заявив в «Полярной звезде», что «Рылеев, сочинитель дум или гимнов исторических, пробил новую тропу в русском стихотворстве, избрав целью возбуждать

доблести сограждан подвигами предков» (Полярная звезда.— М.; Л., 1960.— С. 23).

Центральное место в думах занимают образы борцов за независимость родины и свободу народа, борцов против деспотизма и угнетения. Поэт восхищается мужеством Святослава, Мстислава Удалого, Дмитрия Донского, Ермака, Ивана Сусянина. Особенно дорог ему Волянский, воплощение «доблести гражданской», «отчизны верный сын», «заклятый враг Постыдного неправосудья». Нет сомнения, что мысли, которые высказывает Волянский: «Славна кончина за народ!.. За истинную святую / И казнь мне будет торжеством!», его готовность, «любовью к родине дыша», все для нее перенести, «исполнить долг святой», став «за страждущих — железной грудью» (Думы.— С. 84—87), — все это были убеждения самого Р. Свой идеал поэта, «правды верного жреца», «поклонника пламенного добра», «органа истины священной», который «выше всех на свете благ / Общественное благо ставил / И в огненных своих стихах / Святую добродетель славил», всегда оставался «гонимых обороной / И зла непримиримым врагом», Р. воплотил в думе «Державин» (Думы.— С. 91—95). Установка на поучение, на воспитание положительным примером помещала исторически верному изображению в думах событий и деятелей прошлого. Многочисленные анахронизмы, нашедшие себе место в этих стихотворениях, вызвали резкую критику Пушкина. Противоречия творческого метода Р. глубоко объяснил Н. П. Огарев: «В „Думах“ он поставил себе невозможную задачу сочетания исторического патриотизма с гражданскими понятиями своего времени; отсюда вышло ложное изображение исторических лиц ради постановки на первый план глубоко сжившейся с поэтом гражданской идеи» (Думы.— С. 129). Огромная популярность рылевских дум свидетельствовала о современности этих произведений и действительности средств, к которым обратился поэт. Считаясь с критикой, которой подверг думы Пушкин, и признавая под его влиянием слабости некоторых из них, Р. тем не менее оставался «убежден душевно, что „Ермак“, „Матвеев“, „Волянский“, „Годунов“ и им подобные хороши и могут быть полезны не для одних детей» (Соч.— С. 323).

Особое место в цикле занимает «Иван Сусянин», единственная дума Р., в центре которой стоит не царь, не князь, не вельможа, мнящий принести темным безмолвным массам свободу, просвещение, а человек из народа, который служит правому делу, как он его понимает, — спасает царя «для России». Сусянин, бесспорно, самый исторически правдивый характер из всех, которые мы видим в думах. Не случайно Пушкин не распространял свою критику на это стихотворение. Не случайно и то, что оно оказало значительное воздействие на позднейшие произведения литературы и искусства, в том числе и на М. И. Глинку. Эту думу любил А. И. Ульянов.

Показательна последующая судьба книги Р. В годы николаевской реакции «Думы», по свидетельству А. И. Герцена, «не выходили из рук», их можно было найти в руках молодых людей в самых отдаленных областях империи. Целое поколение подверглось влиянию «этой пылкой юношеской пропаганды». В 1860 г. после десятилетий «рабьего молчания», окружавшего имя и произведения Р., знаменитый сборник был переиздан в Вольной русской типографии в Лондоне. «Мы печатаем „Думы“ Рылеева,— писал тогда Огарев,— как исторический памятник, которому, не должно исчезнуть, памятник героического времени русской жизни» (Думы.— С. 126).

Со временем Р., очевидно, сам все более ощущал, что воссоздание исторической действительности в думах терпело ущерб из-за стремления сочетать ее с пропагандой гражданских идей своей эпохи, а пропаганда гражданских идей не укладывается в прокрустово ложе исторических сюжетов. Р. стал терять интерес к созданному им виду лирики. Обширный план, составленный им и включавший темы для двух десятков дум, остался нереализованным. Некоторые Р. начал писать, но не довел до конца, к работе над остальными даже не приступал.

В 1823 г. создается поэма «Войнаровский», которая знаменовала собой значительные сдвиги, происходившие в творческом методе Р. В «Войнаровском» уже нет того слияния автора с героем, в уста которого поэт вкладывает свои мысли и убеждения, которое было характерно для дум. Поэт и его герой по-разному смотрят на происходящее, по-разному оценивают его. Не декларации героя составляют истинное содержание поэмы, а повествование, ход событий, которым она посвящена. В ряду русских романтических поэм «Войнаровский» был едва ли не первой попыткой совмещения гражданской идеи с устремленностью к психологическому анализу. Прежде, чем кто-либо другой, своеобразие рылеевской поэмы отметил Пушкин. «Рылеева „Войнаровский“ несравненно лучше всех его „Дум“, — писал он, — слог его возмужал и становится истинно-повествовательным, чего у нас почти еще нет» (Пушкин А. С. Полн. собр. соч.— М.; Л., 1937.— Т. XIII.— С. 84—85). Пушкин высоко оценил стремление Р. овладеть широким материалом, делать масштабные обобщения, основанные на более глубоком, чем прежде, проникновении в характер человека. Творческие искания Р. велись в том направлении, которое, с точки зрения Пушкина, было самым важным и наиболее перспективным. Потому он и говорил, что «эта поэма нужна была для нашей словесности» (Там же.— С. 134). Она оказалась «нужна» и самому Пушкину: с размышлениями о «Войнаровском» связан замысел его поэмы «Полтава».

Ободренный высокой оценкой, которую получила у Пушкина первая поэма, Р. писал ему:

«Очень рад, что „Войнаровский“ понравился тебе. В этом роде я начал „Наливайку“...» (Соч.— С. 318). Поэму «Наливайко», посвященную борьбе украинского народа против польских угнетателей в XVI в., Р. не довелось завершить. Судя по сохранившимся отрывкам, большое место в ней должно было занять изображение картин народной жизни и быта, участия народных масс в национально-освободительной борьбе. В главном герое поэмы подчеркнута его близость к народу, готовность отдать жизнь борьбе за освобождение народа от иноземного ига.

Наливайко произносит слова, ставшие крылатыми: «Известно мне: погибель ждет / Того, кто первый восстает / На угнетителей народа, — / Судьба меня уж обрекла, / Но где, скажи, когда была / Без жертв искуплена свобода?» (Полн. собр. стихотв.— С. 233—234). Декабрист Н. А. Бестужев увидел в них указание на «будущий жребий» поэта, и Р. согласился с ним. «Верь мне,— сказал он,— что каждый день убеждает меня в необходимости моих действий, в будущей погибели, которую мы должны купить нашу первую попытку для свободы России» (Писатели-декабристы в воспоминаниях современников.— Т. II.— С. 62). Скорбные настроения, прозвучавшие в «Стансах» (1824) и некоторых других стихотворениях Р., не были данью романтической традиции: за ними стоят раздумья и о собственной участи, и о судьбе своего поколения.

Одной из самых значительных и своеобразных страниц декабристской поэзии были агитационные песни, которые Р. писал в соавторстве с А. А. Бестужевым. В них предпринята попытка преодолеть пропасть, которая отделяла дворянских революционеров от молчащей, лишь пробуждавшейся для борьбы крестьянской России, попытка выразить народное отношение к крепостническому режиму, думы и чаяния угнетенных на языке самого народа.

Обращение с революционной проповедью к народу было давним, выношенным намерением Р. По его собственному утверждению, он и думы собирался «распространить между простым народом нашим» (Думы.— С. 141). Но думы предсметривали наличие у читателей того культурного уровня, которого простой народ еще не достиг. Для обращения к нему требовались иные образы и стилистические средства, и они были найдены в агитационных песнях. Сохранились свидетельства популярности этих произведений в среде «простолюдинов, которые видели в них верное изображение своего настоящего положения и возможность улучшения в будущем» (Писатели-декабристы в воспоминаниях современников.— Т. II.— С. 79). Не случайно они вызывали особую злобу властей и в официальной «Росписи государственным преступникам» Р. особо вменялось в вину то, что он «сам сочинял и распространял возмутительные песни и стихи» (Декабристы.— М.; Л., 1926.— С. 442).

Незадолго до восстания Р. написал свое знаменитое стихотворение «Я ль буду в роковое время». Герцен и Огарев опубликовали его в «Полярной звезде» под названием «Гражданин», и название это за ним закрепилось. «Гражданин» — это политическая прокламация, стихотворение с открыто агитационной установкой. В нем Р. обратился с гневным укором к тем, кто, «в постыдной праздности влача свой век молодой», «не готовятся для будущей борьбы за угнетенную свободу человека» (Полн. собр. стихотв.— С. 97). Политическая актуальность проблемы, поставленной с большой обобщающей силой, страстность и взволнованность лирической интонации, высокое художественное мастерство сделали «Гражданина» самым популярным произведением Р. Его воздействие на русское освободительное движение давало себя знать на протяжении последующих десятилетий. Н. В. Шелгунов цитировал его в революционно-демократической прокламации «К молодому поколению». Стих «Позорить гражданина сан» был использован В. И. Лениным в работе «Что делать?».

Вступив в 1823 г. в Северное общество, Р. вскоре выдвинулся в число его руководителей. От умеренно конституционно-монархических позиций он эволюционировал к республиканским. В дни, предшествовавшие 14 декабря, квартира Р. и Бестужева стала штабом готовившегося восстания. Р. убеждал колеблющихся, настаивал на необходимости решительных действий. Арестованный и заключенный в Петропавловскую крепость, Р. в письме к царю взял всю вину на себя и старался, как мог, спасти своих товарищей. «Признаюсь чистосердечно, что я сам себя считаю главнейшим виновником происшествия 14 декабря, ибо... я мог остановить оное и не только того не подумал сделать, а напротив, еще преступною ревностию своею служил для других, особенно для своей отрасли гибельным примером». «Я виновнее из всех... — убеждал он царя. — Прощу тебя, государь, прости их... Казни меня одного...» (Восстание декабристов.— Т. 1.— С. 185).

Он был казнен 13 июля 1826 г.

«Я не знавал другого человека, который обладал бы такой притягательной силой, как Рылеев» (Писатели-декабристы в воспоминаниях современников.— Т. 2.— С. 43). Эти слова А. В. Никитенко выражают мысль, проходящую через большинство воспоминаний о поэте-декабристе, поэте-гражданине. На стихах Р. воспитывались последующие поколения борцов за свободу России. Иммя Р. было для них, по выражению Огарева, «доблестным заветом и путеводною звездой» (Думы.— С. 124).

Соч.: Полн. собр. соч. / Ред., вступ. ст. и коммент. А. Г. Цейтлина.— М.; Л., 1934; Полн. собр. стихотв. / Ред., предисл. и примеч. Ю. Г. Оксман; Вступ. ст. В. А. Гофмана.— Л., 1934; Полн. собр. стихотв. / Вступ. ст. В. Г. Базанова и А. В. Архиповой.— Л., 1971; Думы / Изд. подгот. Л. Г. Фризман.— М., 1975 (Литературные памятники); Соч. / Сост., вступ. ст. и коммент. С. А. Фомичева.— Л., 1987.

Лит.: Маслов В. И. Литературная деятельность К. Ф. Рылеева.— Киев, 1912; Пигарев К. В. Жизнь Рылеева.— М., 1947; Цейтлин А. Г. Творчество Рылеева.— М., 1955; Удолов Б. Т. К. Ф. Рылеев в Воронежском крае.— Воронеж, 1971; Афанасьев В. В. Рылеев. Жизнеописание.— М., 1982; Дальцева А. М. 3. Так затихает Везувий: Повесть о Кондратии Рылееве.— М., 1982; Муравьев В. Б. Звезда надежды: Повесть.— М., 1983. Л. Г. Фризман

С

САДОВСКОЙ (*Садовский*), Борис Александрович [10(22).II.1881, Ардатов Нижегородской губ. — 5.III.1952, Москва] — поэт, прозаик, критик, драматург. Сын историка А. Я. Садовского, председателя Нижегородской губернской архивной комиссии. Учился в Нижегородском дворянском Александровском институте и Нижегородской гимназии. С 10-летнего возраста начал писать стихи и прозу. Первое напечатанное стихотворение С. «Иоанн Грозный» появилось в газете «Волгарь» в январе 1901 г. В 1902 г. С. поступил на историко-филологический факультет Московского университета; через год познакомился с В. Я. Брюсовым и вскоре был приглашен сотрудничать в журнале «Весы». В 1909 г. вышел первый стихотворный сборник С. «Позднее утро»; тогда же С. взял себе литературное имя, изменив окончание своей фамилии на «ой» (по отцу он — Садовский). Под этим именем и псевдонимами — *В. Борисов*, *И. Голов*, *Глеб Лихутин*, *Мимоза*, *Риух*, *Саади* — С. печатался в «Весях», «Русской мысли», «Речи», «Биржевых ведомостях» и других периодических изданиях, альманахах и сборниках. Организационно примыкал к кругу символистов, связанный дружбой или близким знакомством с многими из них (А. Блоком, А. Белым, В. Брюсовым, С. Соловьевым), С. оставался внутренне чужд философии и эстетике символизма. Его «нешумное» творчество, четко ориентированное на образцы «золотого века» русской поэзии (в первую очередь на Пушкина и Фета), было оценено и поэтами первого ряда «века серебряного». Так, Блок, сравнивая стихи С. и С. М. Городецкого, писал в дневнике: «Городецкий, пытающийся пророчить о Руси какой-то <...>, все разучивается быть художником, ему все реже, увы, удается закрепить образ <...>. Напротив, Садовской, скромно остающийся стихослагателем, тем самым оказывается иногда больше самого себя» (Блок А. А. Собр. соч.: В 8 т.— М.; Л., 1963.— Т. 7.— С. 186). В своем творчестве С. оставался своеобразным «романтиком консерватизма», поэтизируя дворянскую усадьбу николаевской России 1-й половины XIX в. Самым известным поэтическим сборником С. стала книга «Самовар» (1914), где ампирный самовар на львиных лапках или же «медный, тульский, из

которого пили отец и прадед» — вырастает в символ провинциальной патриархальной домовитости и уюта; как живое, разумное существо, одаренное волей, он противопоставляется «скарредному буфетному подстаканнику с кружком лимона», а его пенье — гулу голосов в «городском европейском кафе». В 1910 г. вышла первая прозаическая книга С. — статьи о поэтах XVIII и XIX вв. «Русская Камена», высоко оцененная Блоком (см.: Там же. — Т. 8. — С. 321—322). Затем появился сборник исторических рассказов «Узор чугунный», за который С. заочно избрали в члены Нижегородской губернской архивной комиссии.

В прозе С. особенно удавались стилизации под подлинные документы ушедших эпох — дневники, переписку, мемуары. Характерны для его рассказов такие названия, как «Из бумаг князя Г.», «Две главы из неизданных записок», «Дневник генерала». Талантливо написанные, точно воспроизводящие языковые особенности описываемого времени, верные в деталях (вероятно, сказывалось влияние исторических и архивных языков отца С.), эти стилизации могли ввести в заблуждение даже знатоков, принимавших иногда их за подлинные старинные рукописи, опубликованные С. Одновременно, как любая стилизация, проза С. несла на себе оттенок искусственности, элементы пародии, сознательной «депсихологизации» героев, а также испытывала несомненное, хотя и опосредованное влияние готического «романа ужасов» и мистической фантастики Э.-Т.-А. Гофмана и Э. По. «Книжность» произведений С. подчеркивалась широким использованием эпиграфов, обилием скрытых цитат и литературных реминисценций, применением в оформлении книг старинных виньеток и эмблем. За «Узором чугунным» последовали повести «Лебедины клики» и «Двуглавый орел» (о князе Г. А. Потемкине), второй сборник рассказов «Адмиралтейская игла» (1915). От произведений на историческую тематику невыгодно отличался слабый в художественном отношении роман из современной жизни «Побеги жизни», печатавшийся в журнале «Северные записки». Сборники критических статей «Озимь» (1915) и «Ледоход» (1916) ознаменовали полный идейный разрыв С. с В. Брюсовым. Кроме того, в 1915—1916 гг. С. самостоятельно и совместно с В. Ф. Ходасевичем написал несколько инсценировок для театра миниатюр Н. Ф. Балиева «Летучая мышь», переделав для 15—20-минутного представления, как того требовала специфика балиевского театра, «Горе от ума» Грибоедова, «Бахчисарайский фонтан», «Вострел», «Граф Нулин» Пушкина, «Коляску», «Нос», сцены из «Мертвых душ» Гоголя и другие классические произведения.

С. получил также некоторую известность как собиратель и публикатор пушкинских автографов и один из первых биографов и исследователей творчества А. А. Фета. В 1918 г. под редакцией

С. и с его вступительной статьей был издан «Опасный сосед» В. Л. Пушкина.

В конце 1916 г. писателя постигло несчастье — в результате обострения давней болезни его разбил паралич.

Февральская и Октябрьская революции были восприняты С. как крушение и распад привычного мира. Оторванному от общественных и культурных центров (он жил тогда в Н. Новгороде) С. оказалось очень трудно найти свое место в новой жизни. Он продолжал цепляться за иллюзорные призраки прежних ценностей, но не мог найти в них опоры. «И долго буду я для многих ненавистен / Тем, что растерзанных знамен не опускал, / Что в век бесчисленных и лживых полустин / Единой истины искал», — писал он в 1917 г. в программном стихотворении «Памятник». В эти годы писатель временами был близок к отчаянию, есть сведения, что он покушался на самоубийство, но, опираясь на помощь и поддержку друзей, сумел выстоять. После революции у С. вышли всего две книги — сборник «рассказов в стихах и прозе» «Морозные узоры» (1922), напечатанный при содействии Г. П. Блока (двоюродного брата поэта), который заведовал редакцией кооперативного издательства «Время», и роман «Приключения Карла Вебера» (1928) — историко-фантастическое повествование о молодом великане, волею судеб попадающего с трупной бродячего театра в Россию начала XVIII в., знакомящегося с Петром Великим, участвующего в войнах и т. д. Об его издании хлопотал одноклассник С. по Александровскому институту, пушкинист М. А. Цявловский. Много других произведений С., в том числе и интересные «Записки», доведенные до 1916 г., остались неизданными.

Историческая проза С. являлась как бы переходным звеном от традиции русской дореволюционной исторической беллетристики (Г. П. Данилевский, граф Салиас, Е. П. Карнович) к лучшим образцам этого жанра в советской литературе («Петр Первый» А. Н. Толстого, произведения Л. П. Гроссмана, Ю. Н. Тынянова, О. Д. Форш).

В 1929 г. С. переезжает в Москву и поселяется в подвальчике под церковью Новодевичьего монастыря, напротив могилы Д. В. Давыдова, о котором писал когда-то в книге «Русская Камена». С. стал членом Союза писателей, получал мизерную пенсию, но почти совершенно не печатался, из-за своей болезни нигде не показывался и в результате был почти совершенно забыт и критикой и читателями. Многие даже были уверены, что С. давно умер. Однако он продолжал писать; некоторые произведения, написанные в 1920—1930 гг., были утрачены во время странствий по разным редакциям и пока не найдены: таковы романы «Современник» — о журнале Н. А. Некрасова и людях 60 гг., «Первое марта» — об убийстве народолюбцами Александра II, пьеса «Федор Кузьмич», основанная на известной легенде об уходе в старцы императора Александ-

ра I. Непубликованные произведения С. сосредоточены, в основном, в двух архивохранилищах — ЦГАЛИ и ОР ГБЛ; в последнем, в частности, хранится дневник С., интересный для историков литературы. За время вынужденной неподвижности С. пережил переворот в мировоззрении, результатом которого явилось переосмысление своего отношения к русской культуре XIX в., в частности, к Пушкину и Лермонтову, в творчестве которых С. увидел источник «соблазна», в конечном счете приведшего к эрзису официально-православия. Это переосмысление отразилось в эссе «Святая реакция» (1923) и романе о Лермонтове «Пшеница и плевелы» (1941), часть которого имитирует дневник убийцы поэта Мартьянова.

Соч.: Позднее утро. Стихотворения Бориса Садовского. 1904—1908.— М., 1909; Русская Камена.— М., 1910; Узор чугунный.— М., 1911; Пятьдесят лебедей.— Спб., 1913.— Косые лучи. Пять поэм.— М., 1914; Самовар.— М., 1914; Адмиралтейская игла.— М., 1915; Лебединые клики. Повести.— Пг., 1915; Озимь. Статьи о русской поэзии.— Пг., 1915; Полдень. Собрание стихов. 1905—1914.— Пг., 1915; Ледоход. Статьи и заметки.— Пг., 1916; Обитель смерти.— М.; Н. Новгород, 1917; Морозные узоры. Рассказы в стихах и прозе.— Пг., 1922; Приключения Карла Вебера. Роман.— М., 1928.
Лит.: Айхенвальд Ю. И. Б. Садовской // Айхенвальд Ю. И. Слова о словах.— Пг., 1916.— С. 97—102; Асмус В. Философия и эстетика русского символизма // Литературное наследство.— Т. 27—28.— М., 1937.— С. 1—53; Коршунова В. П. Переписка Блока с Б. А. Садовским // Литературное наследство.— М., 1981.— Т. 92.— Кн. 2.— С. 309—314; Шумихин С. В. Минный Блок? // Там же.— М., 1987.— Кн. 4.— С. 736—751; Он же. Ровесник «серебряного века» // Встречи с прошлым.— М., 1988.— Вып. 6; Бень Е. М. Письма В. Ф. Ходасевича Б. А. Садовскому // Вопросы литературы.— 1987.— № 9. С. В. Шумихин

СА́ЛОВ, Илья Александрович (6(18).IV.1834, Пенза — 24.XII.1902 (6.I.1903), Саратов) — прозаик, драматург. Детство С. прошло неподалеку от Пензы в родовом имении отца Никольском, расположенном в живописном уголке Поволжья. Мальчик рано полюбил природу, научился зорко вглядываться, чутко вслушиваться в краски и звуки окружающего мира. Начиная с первого рассказа 15-летнего С. «Забятая усадьба», картины природы, написанные точно и поэтично, станут неотъемлемой частью его произведений. Пяти лет С. лишился отца. В доме своего опекуна А. Тучкова он часто встречал Н. П. Огарева, к которому проникся симпатией и запомнил навсегда. Учился С. в Пензенской гимназии, где большое влияние на него оказал учитель словесности Е. К. Руммель, первым внушивший любовь к русской реалистической литературе, «научивший отличать хорошее от дурного» (Умчавшиеся годы // Русская мысль.— 1897.— № 7.— С. 17—18). После того как учитель прочитал на уроках произведения молодого И. С. Тургенева и «объяснил его красоты, мы как-то невольно сами собой отстали от Марлинского» (Там же). В С. рано пробудилась страсть к театру и литературе. Во время каникул он пропал в Пензенском театре и даже участвовал в массовых сценах. Уже в

5-м классе написал повесть «Дядюшка и племянник» и рассказ «Забятая усадьба». Однако закончить гимназию С. не пришлось. Летом 1850 г. страшный пожар уничтожил Никольское и привел семью к разорению. В поисках средств к жизни С. уехал в Москву, где ему удалось поступить на службу в канцелярию Московского губернатора И. В. Капниста. Служба была связана с многочисленными поездками по губернии, но занятия С. литературой продолжались. Следуя примеру товарищей по канцелярии, С. переводил модные французские пьесы. Мелодрама «Нишая» О. Анисе-Буржуа и М. Массона, переведенная совместно с С. Родиславским, в 1854 г. была поставлена на сцене Малого театра и имела шумный успех. В том же году С. написал и издал за свой счет две еще очень незрелые собственные пьесы «Битва под Ахалцихом» и «Харитон». В 1858—1859 гг. одно за другим печатаются произведения С.: повесть «Пушиловский регент» и рассказ «Забятая усадьба» («Русский вестник»), рассказы «Лесник» («Современник»), «Мертвое тело» («Отечественные записки»). Написанные под ощутимым влиянием тургеневских «Записок охотника», эти произведения проникнуты осуждением крепостнических отношений, искренним сочувствием к «маленьким людям» — жертвам социального гнета.

Уже в первых рассказах и повестях С. проявились характерные особенности его таланта: острая наблюдательность, сочное бытописание, достоверное, нередко фотографически точное, но не бесстрастное изображение характеров и событий. По признанию писателя, он сознательно стремился «списывать с природы», «не сочинять ни фабул, ни действующих лиц», рисовать только то, что «близко видел», предоставляя читателю делать выводы и обобщения (Умчавшиеся годы // Исторический вестник.— 1906.— № X.— С. 183). Подчас увлечение С. «зарисовками с природы» шло в ущерб глубине анализа. Трезвый реалист в изображении социальных конфликтов, он нередко мелодраматичен, рисуя личные, любовные отношения героев, играющие, впрочем, второстепенную роль в его сюжетах. Прекрасные гармоничные пейзажи в композиции произведений С.— не только фон действия, но также средство философского осмысления мира. Как правило, сразу после описания мрачных картин человеческой жизни С. спешит распахнуть перед читателем пронизанное солнцем и светом раздолье лесов и степей, вселить в него бодрость, напоить гармонией и красотой вольного мира.

В 1864 г. в журнале бр. Достоевских «Время» был напечатан большой роман С. «Бузузка», проникнутый пафосом осуждения недавнего крепостнического прошлого. Реалистически полно и подробно обрисован в романе образ старой барыни — Аксиньи Максимовны, в которой нежная любовь к животным и птицам, трогательная забота о бедном племяннике уживаются с звериной

жестокостью по отношению к крепостным. Произведения С. конца 50 — нач. 60 гг. органично вошли в русло демократической, антикрепостнической литературы.

После создания «Бутузки» в творчестве писателя наступил длительный перерыв. В середине 60 гг. он вышел в отставку, женился, два года прожил с женой за границей (в Германии, Франции и Италии). Возвратившись в Россию, навсегда поселился в Саратовской губ. В течение десяти лет исполняя должность сельского мирового судьи, затем земского начальника, С. находился в гуще событий, связанных с бурным наступлением капитализма: расслоением и обнищанием деревни, разорением «дворянских гнезд», наступлением буржуазных хищников.

Накопив огромный материал жизненных наблюдений, С. в середине 70 гг. вновь обратился к художественному творчеству. Рассказы, присланные им в «Отечественные записки», были с одобрением приняты редактором журнала М. Е. Салтыковым-Щедриным. Последний неоднократно обращался к С. с просьбой о присылке новых произведений. «...Редакция весьма ценит Ваше участие в журнале», — писал он С. в июне 1879 г. (Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. — М., 1976. — Т. 19. — Кн. I. — С. 104). Время сотрудничества в «Отечественных записках» — самый плодотворный период творчества писателя. С 1877 по 1883 г. на страницах журнала появились четырнадцать его рассказов и повестей, в том числе: «Мельница купца Чесалкина» (1877), «Грызуны» (1878), «Аспид» (1879), «Арендатор» (1879), «Паук» (1880), «Соловьятники», «Ольшанский молодой барин» (1881), «Николай Суетной» (1881), «Мелкие сошки» (1883). Их главная тема — буржуазные хищники и их жертвы: крестьяне, бедняки разночинцы, разоренные дворяне. Образы кулаков-мироедов, купцов, алчных кабатчиков, мельников, пауков-ростовщиков выхвачены писателем из жизни, показаны ярко и убедительно.

Современники не раз упрекали С. в подражании Салтыкову-Щедрину при изображении «мироедов». Возражая, С. с полным основанием утверждал, что его герои взяты из жизни, «списаны с натуры». По воспоминаниям С., его персонажи были настолько похожи на своих прототипов, что читатели-земляки тотчас их узнавали.

Тема унижения человеческого достоинства, произвола и беззакония, звучавшая в раннем творчестве писателя, была продолжена в его рассказах и повестях 70—90 гг. Однако теперь уже в роли самодуров чаще всего выступают купцы-толстосумы. Так, купец Лопашов (рассказ «Мелкие сошки»), «заваживший в кулак всю округу», велит выгнать из школы молодую учительницу Елену Петровну, а из больницы — ее жениха доктора Петрова лишь за то, что она отвергла его наглые притязания. В этом рассказе, как и в ряде других, подчеркнута забитость, рабская по-

корность крестьян, легко подписавших «жалобу» на любимого доктора, спасавшего их от холеры.

Иные энергичные крестьянские характеры (хотя герои и терпят жизненный крах) создал С. в рассказах «Николай Суетной», «Щуклинский Пирогов» (1883), «Иван Огородников» (1885). С болью и гневом писал С. о судьбе обездоленных детей в пореформенной России. В рассказе «Крапивники» (1879) описана горькая доля двух незаконнорожденных мальчиков — «крапивников», лишенных всех прав, в том числе и права наследства. Гибнет от чахотки их мать, а через несколько дней умирает от горячки малыш Ванятка на той самой печке, куда положили его после похорон матери. «Смерть его осталась бы, пожалуй, долго еще не замеченной, если бы проворные не понадобились сушившиеся на той же печке толстые шерстяные чулки» — такой пронзительной деталью заканчивается рассказ (Полн. собр. соч. — Т. 4. — С. 148).

Особое место в творчестве С. занимает повесть «Грачевский крокодил» (1879), оригинально построенная, написанная с использованием сатирических «щедринских» приемов и «эзопова языка». Главной темой повести является деятельность девушки-революционерки и «охота» властей на революционеров. Однако в силу цензурных условий история молодой революционерки «спрятана» в другой, анекдотический сюжет о появлении свирепого крокодила в саратовской реке Грачевке и охоте на чудовище. Несмотря на сжатость изложения, автору удалось создать в повести яркий, значительный, и при этом не идеализированный образ юной революционерки Мелитины Петровны — «тоненькой женщины лет двадцати с приятным веселым личиком и плутовскими глазками», на редкость находчивой и энергичной. Всего за несколько дней она сумела завоевать любовь и доверие крестьян, не только развернуть среди них пропаганду (она говорила об «угнетении труда капиталом», о подушных подачах, о «жалкой участи бабы в семье»), но даже защитить их интересы перед становым Дуботолковым. И очень скоро в окрестных деревнях появились запрещенные брошюры. В то же время некоторые поступки Мелитины Петровны уязвимы в моральном отношении: она проникает в дом помещицы Столбиковой под именем ее племянницы, а покидая его, увозит с собой деньги и драгоценности, нужные для побега и дальнейшей борьбы. Тем не менее сама потерпевшая помещица, прочитав прощальное письмо Мелитины Петровны, легко прощает «племянницу» и сожалеет об ее отъезде. С. одним из первых создал образ революционерки, чуждой народнических иллюзий, сознающей передовую роль рабочего класса: «Она выказывала любовь к заводскому делу и объясняла, что на заводах и фабриках народ гораздо развитее...» (Там же. — Т. 6. — С. 29). История пропагандистки-революционерки связывается в повести в один узел с сюжетом о появ-

лении в речке Грачевке крокодила и об охоте на него, устроенной с шумом и помпой в момент бегства Мелитины Петровны. Так образы хрупкой девушки и чудовища, повергшего в ужас всю округу, совмещаются. Изображая нелепую охоту, С. по-щедрински едко высмеял невежество и подозрительность обывателей, глупость и нерасторопность жандармов. Колоритные, живые характеры (особенно удачен образ лукавого священника, отца Ивана) сочетаются в повести с гротеском и аллегорией. Любопытна история создания «Грачевского крокодила». Вначале повесть, содержащая карикатурное изображение нигилиста Асклипиода, была отвергнута Салтыковым-Щедриным и напечатана в 1879 г. в «Русском вестнике». Однако впоследствии, видимо под влиянием щедринской критики, С. существенным образом ее доработал, придав большую глубину и привлекательность образу революционерки, дополнив повесть десятью новыми главами (XII—XXI). В окончательной редакции «Грачевский крокодил» был напечатан в 1884 г. в первом издании его сочинений.

В 80—90 гг. у С. «появился огромный круг читателей и поклонников», — свидетельствует его биограф П. В. Быков (Там же. — Т. 1. — С. 16). Рассказы С. стали выходить в переводах на иностранные языки. В 1894 г. рецензии на новый сборник рассказов С. появились в крупнейших русских журналах. Критики в один голос отмечали превосходное знание С. сельской жизни, глубокое сочувствие к деревенским людям, правдивое, лишенное идеализации изображение крестьян. А. М. Скабичевский охарактеризовал С. как писателя «тургеневской школы», одного из самых талантливых беллетристов «своего времени» (Скабичевский А. М. — С. 320). По мнению А. Н. Пылина, «некоторые из его деревенских героев могут считаться в ряду лучших народных типов», созданных русскими писателями (Пылин А. Н. — С. 884). В то же время правдивое, лишенное прикрас изображение С. народа не удовлетворило критика народнического «Русского богатства», без оснований обвинившего писателя в «безучастном отношении к изображаемому явлениям» (Русское богатство, с. 84).

Закрытие «Отечественных записок» было воспринято С. как тяжелый личный удар. «Я словно лишился пристанища и не знал, куда мне деться», — вспоминал писатель (Исторический вестник. — 1906. — № II. — С. 511). В дальнейшем свои произведения он печатал в журналах «Русская мысль», «Северный вестник», «Неделя», «Артист», «Нива» и др.

В апреле 1895 г. пожилой писатель, продолжавший служить и заниматься литературным трудом, тяжело заболел. Но даже разбитый параличом, он работал, диктуя свои произведения. В 90 гг. С. были написаны остро обличительный рассказ «Голодовка» (1892), роман «Уютный уголок» (1894), повесть «Практика жизни» (1895),

рассказы «Синий чулок» (1894), «Филемон и Бавкида» (1897) и др.

Менее известен С. как драматург, создатель пьес «Гусь лапчатый», «Золотая рыбка», «Степной богатырь» (1886), «Степь-матушка» (1885), «Дармоедка» (1888) и др. Некоторые из них с успехом шли на сценах столичных и провинциальных театров в конце XIX — нач. XX в.

Соч.: Повести и рассказы: В 2 кн. — Спб.: М., 1884; Полн. собр. соч.: В 15 т. / Биограф. очерк П. В. Быкова. — Пб., 1908—1910. — Т. I—VI; Повести и рассказы / Вступ. ст. и коммент. Е. И. Покусаева. — Саратов, 1956; Мельница купца Чесалкина. Грачевский крокодил. Крапивники // Русские повести XIX века 70—90 гг. / Вступ. ст. Б. С. Мейлаха. — М., 1957. — Т. 1. — С. 3—196; Грачевский крокодил. Повести и рассказы / Сост., коммент. В. В. Танакова; Вступ. ст. В. В. Танакова, Т. Н. Ковалевой. — М., 1984. *Лит.:* [Б. п.] // Дело. — 1884. — № 2. — Отд. II. — С. 29—45; Пылин А. Н. И. А. Салов. Суета мирская // Вестник Европы. 1894. — № 8. — С. 880—885; Русское богатство. — 1894. — № 9. — Отд. II. — С. 81—85; Скабичевский А. М. История новейшей русской литературы. — Спб., 1897. С. 325—326. В. З. Горнин

САЛТЫКОВ, Михаил Евграфович, псевдоним — *Н. Щедрин* [15(27).I.1826, с. Спас-Угол Калынинского у. Тверской губ. — 28.IV(10.V).1889, Петербург] — прозаик, публицист, критик. Принадлежал по отцу Евграфу Васильевичу к старинному дворянскому роду, по матери Ольге Михайловне Забелиной — к купеческому сословию. Детские годы С. прошли в богатой помещицкой вотчине, расположенной на границе Тверской и Ярославской губ., в одном из глухих углов т. н. Пошехонья.

В последнем своем романе «Пошехонская старина» (1887—1889) С. устами пошехонского дворянина Никанора Затрапезного поведал об атмосфере, в которой росли и формировались «дети» 30 гг.: «Детство и молодые годы мои были свидетелями самого разгара крепостного права. Оно проникало не только в отношения между помещиками и крестьянами, но и в отношения между помещиками и дворянством и подневольного массово... но и во все вообще формы общежития, одинаково втягивая все сословия (привилегированные и непривилегированные) в омут униженного бесправия, всевозможных изворотов лукавства и страха перед перспективою быть ежечасно раздавленными» (Собр. соч.: В 20 т. — М., 1975. — Т. 17. — С. 9; далее указываются том и страница).

На всю жизнь запомнилась С. безропотность слабохарактерного, набожного отца и крутая власть матери, ее расчетливость, суровый нрав, бесконечные угрозы и наказания, касавшиеся не только крепостных, но и собственных детей. Семейные отношения позднее найдут свое художественное преломление в романе «Господа Головлевы». Крепостное Пошехонье навсегда останется в памяти С., постоянно возвращая к мысли о разлагающем действии узаконенного рабства на человеческую психологию.

Среди сверстников С. выделяется живостью

характера и сильной впечатлительностью. С детских лет завязалась дружба с сыном соседей-помещиков С. А. Юрьевым, будущим известным литературно-общественным деятелем, редактором-издателем журналов «Русская мысль» и «Беседа». В результате домашнего образования С. к шести годам бойко говорил по-французски и по-немецки, а вскоре был обучен крепостным живописцем и сельским священником читать и писать по-русски. Пробуждается интерес к чтению. Сложные чувства вызвало знакомство с Евангелием, наталкивавшим на мысли о пропасти между книжным словом и реальным положением дел: в книге шла речь о равенстве и людском единении, жизнь же на каждом шагу напоминала о попраных человеческих правах, о растоптанной чести. Крепостное право, напишет вскоре С., основывается на «ошеломляющей силе силлогизма»: «Я человек, ты человек, следовательно, ты раб мой» (1, 334).

Полтора года, проведенные в Дворянском институте в Москве (1836—1838), а затем шесть лет в Царскосельском (с 1844 г. — Александровском) лицее определили первые литературные привязанности С. На каждом курсе лицея по традиции объявлялся очередной продолжатель Пушкина. В своем классе им стал С. Его стихи появились даже в журналах «Библиотека для чтения» и «Современник» (1841—1845). Первые, явно подражательные пробы пера не выделялись, однако, на фоне множества средних поэтических сочинений тех лет. По свидетельству современников, С. посещал известные в Петербурге собрания литераторов у М. А. Языкова, на которых часто бывал В. Г. Белинский. Будущий сатирик воспитывался на статьях Белинского. В 1846—1848 гг., уже после окончания лицея, С. поручается «писание рецензий» в журналах «Отечественные записки» и «Современник» (преимущественно отзывы на детские и учебные издания). Молодой автор восстает против рутинных методов обучения юношества: «Бедную память ребенка истязают, награждают кучею ненужных чисел, сонмищем безразличных, мелочных, нигде не ведущих и ничего не объясняющих фактов. Диво ли, что после такого ежедневного бичевания человек делается неспособным к принятию самой простой истины, как скоро только она переходит за пределы мертвой буквы» (1, 331). Влияние идей Белинского явственно ощущается в первых литературно-публицистических публикациях С.

С 1844 г. С. служит чиновником в канцелярии военного министерства. Служба тяготит его, отвлекая от литературной работы. С. сблизается с литературным критиком В. Н. Майковым, экономистом и публицистом В. А. Милютиним, примыкает к созданному М. В. Петрашевским кружку, состоявшему из молодых ученых, литераторов, военных. Петрашевцы увлечены философскими и социально-политическими идеями

Л. Фейербаха, Ш. Фурье, Сен-Симона, Р. Оуэна, их соединяют антикрепостнические настроения, поиски идеалов справедливого социального жизнестроительства. С. открывает радость идейного, дружеского общения. «Многолюбивым и незабвенным другом и учителем» назовет он Петрашевского: «Как легко жило в это время, какая глубокая вера в будущее, какое единодушие надежд и мысли оживляло всех нас!» (2, 228). Революция, будущее человечества, жизнь России и Запада — этим животрепещущим вопросам он отдается с увлечением. Натура С. жаждет такого социально значимого дела, которое не ограничилось бы одной книжностью, диспутами и разговорами.

Напряженные духовные искания запечатлелись в ранних повестях «Противоречия» (1847) и «Запутанное дело» (1848), опубликованных в «Отечественных записках». «Противоречия» откликнулись на философские споры, на проблемы, обсуждавшиеся в кругу единомышленников. Главный герой повести Нагибин ищет ответа на вопросы, волнующие самого автора: как преодолеть противоречия между благородными, возвышенными идеалами и этой «стоглавой гидрой, которая зовется действительностью» (1, 74). Нагибина не покидает состояние изматывающей душе рефлекси, приводящее к бездействию, к неспособности оказать серьезное сопротивление губящим и его, и близкого ему человека обстоятельствам. В повести различимы следы подражания Н. В. Гоголю, Жорж Санд, Ф. М. Достоевскому, А. И. Герцену. Устами героя С. призывает судить о человеке не только «по публичным его отношениям», но спустившись «в самую тесную сферу — на задний двор его жизни, где тянется она, бледная и вялая, час за часом...» (1, 77).

От беллетризованного логизирования в духе философских интересов петрашевцев, от книжнумозрительной декларативности «Противоречий» С. шел к поэтическому осознанию реальной жизни, обнаруживая все более глубокую и непосредственную связь с основными принципами «натуральной школы» Гоголя и Белинского. Герой «Запутанного дела» — Иван Самойлыч Мичулин — один из маленьких людей, доведенных нуждой и голодом до крайней степени отчаяния, в котором пробуждается ощущение общественной несправедливости: «Россия — государство обширное, обильное и богатое — да человек-то иной глуп, мрет себе с голоду в обильном государстве!» (1, 205). Мичулину снится горячий сон, в котором современное общество представляется в виде зловещей живой пирамиды, у самого основания которой Иван Самойлыч увидел себя. Уподобление человеческого общества сословной пирамиде не раз встречалось в сочинениях французского социалиста-утописта Сен-Симона и его последователей.

При всей зависимости от гоголевских мотивов и приемов (вплоть до напоминания о «старой

и вытертой шинельке» героя, «более похожей на капот, нежели на шинель», и до истории о краже шинели) в повествовании молодого С. уже угадываются будущие щедринские интонации, приметы гротеска, характерные фразеологизмы и т. д.

«Запутанное дело», в котором власти, напуганные февральской революцией 1848 г. во Франции, разглядели стремление к распространению потрясших Запад революционных идей, послужило основанием для ссылки начинающего литератора в Вятку. Ссылка длилась около 8 лет (1848—1855).

Первоначальные надежды на скорое освобождение не оправдались. С. предпринимал отчаянные попытки вырваться из «вятского плена», однако высочайший ответ неизменно оказывался предельно кратким и категоричным: «Рано». Начиная даже закрадываться мысль, не придется ли «остаться в Вятке на целую жизнь» (18—1, 111). В письме к брату Дмитрию Евграфовичу С. признается: «Эта перспектива до того ужасна, что у меня волосы дыбом становятся при одной мысли об ее осуществлении» (18—1, 111). Поначалу С. определили переписывать бумаги, через полгода из младшего чиновника перевели в чиновники особых поручений при вятском губернаторе, вменив в обязанность производить дознание о драках, мелких взятках и растратах, о злоупотреблениях в полиции, совершавшихся, в частности, при заготовке арестантской одежды.

Через полтора года ссылка над С. нависла угроза новой расправы: в 1849 г. в Петербурге Николай I учинил разгром общества Петрашевского; небывалая по размаху волна обысков и арестов прокатилась по столице. К допросу был призван и С. На предложенные вопросы о характере связи с Петрашевским он отвечал нарочито наивно, уходя в область отвлеченных рассуждений и замечая при этом, что обдуманного желания распространять «вред» у него не было. Новых наказаний не последовало.

Летом 1850 г. С. был назначен на должность советника в Вятском губернском правлении, что дало возможность часто бывать в длительных разъездах. Неумоимо принял С. за разоблачение вятчиков, лично ревизуя уездные учреждения. Производя следствия по делам раскольников, С. исколесил Вятскую, Пермскую, Казанскую, Нижегородскую, Ярославскую губ. В 1850 г. он становится устройтелем одной из самых больших в России Вятской сельскохозяйственной выставки. Впечатления этих лет окажут благотворное влияние на сатирическое творчество писателя. Конец ссылке был положен только после смерти Николая I в 1855 г. В январе 1856 г. С. возвращается в Петербург.

Вскоре, в августе 1856 г., в обстановке общественного подъема и всеобщего ожидания начала социальных перемен С. (под псевдонимом Н. Щедрин) начал публикацию «Губернских очерков». Весной 1856 г. с первыми щедринскими очерками

познакомился И. С. Тургенев. Острые социальные произведения, первоначально предзнаменовавшиеся для «Современника», ему не понравились. Отзыв Тургенева, а также цензурные опасения побудили Некрасова отказаться от помещения «Губернских очерков» в «Современнике». С. передал их журналу М. Н. Каткова «Русский вестник», тогда еще не порвавшего со своими либеральными увлечениями.

О С. заговорила вся читающая Россия. В нем увидели наследника Гоголя. Причина грандиозного успеха «Губернских очерков» — в их современности и злободневности, в резком неприятии крепостного права, в открытой поддержке народных интересов. Возвращавшийся из ссылки Т. Г. Шевченко записывал в дневнике: «Как хороши «Губернские очерки»... Я благоговею перед Салтыковым. О Гоголь, наш бессмертный Гоголь! Какую радость возрадовалась бы благородная душа твоя, увидя вокруг себя таких гениальных учеников своих. Други мои, искренние мои! Пишите, подайте голос за эту бедную, грязную, опаскуженную чернь! За этого поруганного, бесслесного смерда!» (Собр. соч.: В 5 т. — М., 1956. — Т. 5. — С. 120).

В восставшей ото сна стране исподволь назревали предпосылки первой в ее истории революционной ситуации. Одна из главных задач времени — разоблачение самого механизма крепостнических отношений. Природу этих отношений в сфере помещиц и чиновной С. знал превосходно. Свой символ веры он так определил во «Введении» к «Губернским очеркам»: «Много есть путей служить общему делу; но смею думать, что обнаружение зла, лжи и порока также не бесполезно, тем более что предполагает полное сочувствие к добру и истине» (2, 14).

Касаая мира хищных чиновничьих вожделей и плутней, пошлого быта провинциального общества, С. беспощаден, не скупится на злые сатирические краски. Авторский взгляд остаточно сатирически на характерах мошенников-купцов и чиновников-лихоимцев, и характеры эти отчетливо высвечивают общий тон несправедных социальных обстоятельств, антинародного «болота» общественных отношений, порождающего «чертей» российского крепостничества и бюрократии. В особый раздел собраны зарисовки т. н. «талантливых натур», или «провинциальных Печориных». Это вовсе не пародия на известных героев Лермонтова, Тургенева, Герцена. В 40 гг. «лишние люди» с их аналитическим умом, возвышенной душой, драматической судьбой стали воплощением беспокойной совести эпохи. С середины 50 гг., когда на арену общественной жизни вышло поколение разночинцев, «лишние люди» оказывались в большинстве своем силой несостоятельной: байбаки, принимавшие позу непонятых, гордых страдальцев, назойливые губернные злопыхатели, они с трудом восстанавливали в памяти былые увлечения молодости, пуская в ход

убаюкивающие совесть слова. Помещичий быт, развращающая праздность губят их окончательно. Такова участь шедринских героев Корепанова, Лузгина, Буеракина, Горехватова.

Глубоким лиризмом исполнены страницы, повествующие о русском народе, мужичьей доле, родной природе. Появляются мотивы искреннего сострадания и любви к славным и бедным труженикам, нравственно здоровым, но отягощенным вековой кабалой. Хотя кончаются «Губернские очерки» сценой похорон и печальная траурная процессия хоронит «прошлые времена» (символ прощания с былым диким беззаконием и самоуправством сильных мира), тем не менее оснований для безоговорочного оптимизма этот финал не дает: хоронят «прошлые времена» те же достойные сатирического негодования «превосходительства», те же городничие и заседатели, а позади всех по-прежнему бредет в одиночестве бедная странница Аринушка (2, 467). Исполненным пронзительной грусти аккордом завершает рассказчик очерки жизни провинциального Крутогорска.

В 1857 г. «Современник» дважды откликнулся на «Губернские очерки». Авторы статей Чернышевский и Добролюбов в суждениях о новой книге разошлись с либеральной критикой, которая увидела в шедринской сатире протест против взяточничества, против социальных зол и недостатков, не затрагивающий, однако, основ и «краеугольных камней» империи. Чернышевский и Добролюбов угадали в С. идейного союзника, восставшего против самой сути деспотических порядков. Возражая либерально-реформистской критике, Чернышевский путем многочисленных бытовых, литературных, политических, исторических аналогий подводил читателя к мысли о необходимости коренных перемен в общественном укладе.

Общностью идейно-художественных мотивов и образов связана с «Губернскими очерками» пьеса «Смерть Пазухина», опубликованная в октябре 1857 г. в «Русском вестнике». Красноречиво заключение цензуры, воспевавшей постановку на сцене комедии С.: «Лица, представленные в этой пьесе, доказывают совершенное нравственное разрушение общества» (4, 531). Не была напечатана при жизни С. пьеса «Тени», работа над которой относится к 1862 г.

Успех «Губернских очерков» окрылил С. Однако намерений отказаться от государственной службы писатель в эту пору не имел. Причины тому вполне житейские: материальные запросы после женитьбы в 1856 г. на Елизавете Аполлоновне Болтиной, дочери вятского вице-губернатора, сильно возросли; помочь матери, у которой строптивый сын попал в «постылые», значительно сокращается; положиться целиком на литературный заработок было трудно.

После возвращения из вятской ссылки С. с февраля 1856 по март 1858 г. служит в Петер-

бурге в министерстве внутренних дел. В 1858 г. его назначают вице-губернатором в Рязань, а с 1860 по 1862 г. он вице-губернатор Твери.

У многих русских людей в эти годы были сильны иллюзии относительно готовности царизма пойти на существенные уступки, касающиеся прежде всего судьбы крепостного крестьянства. Дело всех честных граждан, считал С., помочь правительству последовательно пресекать действия цепляющихся за свои права крепостников. Нужно интенсивно работать, в том числе на административном поприще, чтобы продвигать проекты хотя бы некоторых неотложных демократических реформ. С., насколько хватало сил и возможностей, протестовал против произвола уездных самодуров, организовывал специальные следствия по поводу помещичьих бесчинств, отстранял от службы погрязших в должностных преступлениях местных администраторов.

В Твери С. как представитель высшей губернской власти активно содействовал осуществлению реформы 1861 г. Он заявил хозяевам губернии: «Я не дам в обиду мужика! Будет с него, господа... Очень, слишком даже будет!» (М. Е. Салтыков-Шедрин в воспоминаниях современников. — М., 1975. — Т. 1. — С. 121). Вице-губернатор возбуждает несколько дел о жестоком обращении помещиков с крестьянами. Еще в Рязани местные помещики-остряки нарекли С. «вице-Робеспьером» и «домашним Герценом». В мае 1861 г. С. сообщает из Твери Е. И. Якушкину: «Крестьянское дело в Тверской губернии идет довольно плохо... уже сделано два распоряжения о вызове войск для экзекуции» (18—1, 239). Позднее этот мотив скорой расправы с бунтовщиками будет сатирически обыгран в «Истории одного города» (1869—1870).

В годы вице-губернаторской службы С. пишет и печатает (с 1860 г. преимущественно в «Современнике») рассказы и очерки, образовавшие «Невинные рассказы» (1857—1863), «Сатиры в прозе» (1859—1862), а также статьи по крестьянскому вопросу.

В 1862 г. С. оставляет службу, переезжает в Петербург, сближается с Н. А. Некрасовым и входит в редакцию опального журнала «Современник», один из руководителей которого — Н. А. Добролюбов — скончался в 1861 г., а другой — Н. Г. Чернышевский — в 1862 г. был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. С. принадлежит честь поддержания благородной репутации журнала в самое трудное в его истории время. Об идейной близости к Чернышевскому и о намерении продолжать его курс С. заявил с возможной в подцензурной печати определенностью.

С. публикует в «Современнике» первые очерки, составившие новый цикл «Помпадури» и «Помпадуриши», принимает участие в сатирическом приложении «Свисток». В 1863—1864 гг. появля-

ется серия проникнутых полемическим пафосом статей-обзоров «Наша общественная жизнь». Писатель-сатирик вселяет бодрость в молодое поколение России, в «мальчишек», дерзко рискнувших вступить в ожесточенный спор с «котлами». При этом С. сразу же дает понять, что не намерен лыбиться молодым. С присущей ему язвительностью он говорит о новых тенденциях в русском нигилизме, в частности о призыве Писарева к «скромному служению» естественным наукам. Так недолго дойти, с тревогой замечает С., и до смыкания с журналом М. Н. Каткова «Русский вестник», превратившимся к этой поре в оплот реакции. Подобный чрезвычайно суровый и незаслуженный упрек Писарев и его единовольцы по «Русскому слову» (Г. Е. Благосветлов, Варф. Зайцев) не перенесли и обрушились на С., человека в «Современнике» нового, «со стороны», стремящегося якобы рассуждать в привычном для него духе туманной либеральной благонамеренности.

В феврале 1864 г. в «Русском слове» Д. И. Писарев печатает статью «Цветы невинного юмора», в которой обвиняет С. в том, что тот «смеется ради пищеварения», «убаюкивает и располагает ко сну», создавая произведения, исполненные видного остроумия и туманных бессмыслиц (Соч.: В 4 т.— М., 1956.— Т. II.— С. 348, 341). Автор «Нашей общественной жизни» укоряет в свою очередь сторонников Писарева в репетиловщине, в сепаратизме, кружковой замкнутости и прямолинейности. Происходит известный в истории русского освободительного движения «раскол в нигилистах», бывший исторически закономерным проявлением кризиса революционно-демократической идеологии в новых социально-политических условиях после краха надежд на скорый и всеобщий крестьянский бунт.

Один из драматических эпизодов этой полемики — отзыв С. на роман Чернышевского «Что делать?». В «Нашей общественной жизни» С. высоко оценил новаторскую книгу о «новых людях». Сказав о главных и несомненных ее достоинствах, С. со свойственным ему прямодушием и скептицизмом отозвался о присущей роману «некоторой произвольной регламентации подробностей», для «изображения которых действительность не представляет еще достаточных данных» (6, 324). Имелась в виду прежде всего известные картины будущего из снов Веры Павловны. За эту и ей подобные оценки С. подвергся жесткой критике со стороны тех, кто почитал себя (подобно М. А. Антоновичу в «Современнике») правоверными последователями Чернышевского. унаследовавшими и дух, и букву его учения.

Полемика с «Русским словом», внутриредакционные трения осложнялись и острой дискуссией с «почвенническими» журналами бр. Достоевских. Ф. М. Достоевский настаивал на том, что после смерти Добролюбова и ареста Чернышевского «нетерпеливым» идеям революционного об-

новления русской жизни, которые и прежде не вызвали его сочувствия, реально угрожает мертвящее зло догматизма и мелкотравчатости. С. многократно, в самой резкой форме намекал на объективные сближения «почвенников» с консервативными силами государства.

Внутрижурнальные разногласия (и прежде всего расхождение с М. А. Антоновичем, а также с Г. З. Елисеевым и А. Н. Пыпиным по вопросам тактики общественной борьбы в новых условиях) послужили основанием для выхода С. из редакции «Современника». С ноября 1864 г. С. назначается председателем Пензенской казенной палаты, в ноябре 1866 г.— управляющим Тульской казенной палатой, а с октября 1867 г.— управляющим Рязанской казенной палатой. За свою работу в Пензе, Туле и Рязани он принимается на этот раз исключительно из-за материальных соображений. Новая работа С. (отчетность по приходу и расходу всех сумм в губернском и уездных казначействах и др.) находится в подчинении министерства финансов, которое возглавляет его лицейский товарищ М. Х. Рейтерн. Конфликты С. с губернаторами по принципиальным деловым вопросам служили поводом для новых переездов. Общение с «хозяевами» губерний помогало в работе над образами столпов административной власти. Современник вспоминает: «Не успеет С. где-нибудь прижиться, глядь, уже и поссорился с губернатором. Приезжает в Петербург — к Рейтерну. «Давай другую палату! не могу я с этим мерзавцем служить». Получает новую палату — и опять та же история. Так и переезжает с места на место — до полной отставки» (М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников.— Т. 1.— С. 133). Служба для писателя окончательно превратилась в несносную обузу. На основании доноса рязанского губернатора и по инициативе шефа жандармов гр. П. А. Шувалова было заключено, что С. «постоянно обращал на себя внимание высшего правительства как чиновник, проникнутый идеями, несогласными с видами государственной пользы и законного порядка», «всегда держал себя в оппозиции к представителям власти в губернии, не только порицая их, но даже противодействуя их мероприятиям» (М а к а ш и н С. А. Салтыков-Щедрин. Середина пути.— М., 1984.— С. 311).

14 июля 1868 г. в чине действительного статского советника С. ушел в отставку. Закончилась карьера одного из самых странных чиновников России. В 1882 г. в беседе с историком М. И. Семевским С. скажет: «...о времени моей службы я стараюсь забыть... Я — писатель, в этом мое призвание». На замечание Семевского, «что, если бы он не прошел всех стадий службы... тогда, быть может, он и не стал бы тем, что он теперь, т. е. не знал бы так Руси и всю ее бюрократию,— С. согласился с этим» (М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников.— Т. 1.— С. 184).

1 июля 1866 г. был запрещен «Современник». Осенью 1867 г. Некрасову удается арендовать у известного издателя А. А. Краевского «Отечественные записки», и С. (с сентября 1868 г.) становится членом редакции и активнейшим сотрудником радикально обновленного журнала. После смерти Некрасова в 1877 г. С. заменил его на посту ответственного редактора и вел журнальное дело, опираясь прежде всего на сотрудничество Г. З. Елисеева и Н. К. Михайловского. «Отечественные записки», наряду с собственным литературным творчеством, стали для С. главным делом жизни.

Огромной популярностью среди демократической публики журнал был обязан стихотворениям и поэмам Некрасова, сатирическим произведениям С., пьесам А. Н. Островского, публицистическим очерковым циклам Г. И. Успенского, сочинениям многих литераторов народнической ориентации (Н. К. Михайловского, П. Л. Лаврова, А. М. Скабичевского, П. И. Якушкина, С. В. Максимова, Г. З. Елисеева, Ф. М. Решетникова, В. А. Слепцова, С. Н. Кривенко, Н. Е. Каронина-Петропавловского, Н. Н. Златовратского, П. В. Засодимского, И. А. Салова и др.). С конца 70 — нач. 80 гг. в авторском активе журнала В. М. Гаршин, Д. Н. Мамин-Сибиряк, С. Я. Надсон. Л. Н. Толстой опубликовал здесь в сентябре 1874 г. статью «О народном образовании». Ф. М. Достоевский в 1875 г. отдал журналу роман «Подросток». Участие Л. Толстого и Достоевского в «Отечественных записках» — лишь эпизоды в истории журнала, однако они характеризуют одновременно и писателей, решивших выступить в печатном органе, наследовавшем революционно-демократические традиции «Современника», и руководителей журнала, их терпимость к инакомыслию, их организаторский дар и такт.

Теплые, дружеские отношения связывали С. с Некрасовым. Их сближали общие творческие установки, совместное журнальное дело, требовавшая большой самоотверженности непрерывная борьба с цензурой. В декабре 1874 г. С. серьезно заболел, простудившись на похоронах своей матери. 12 апреля 1875 г., вскоре после отъезда С. из Петербурга за границу для лечения, Некрасов писал П. В. Анненкову: «Журнальное дело у нас всегда было трудно, а теперь оно жестоко. С. нес его не только мужественно, но и доблестно, и мы тянули за ним, как могли. Не говорю уже о том, что я хорошо его узнал и привязался к нему...» Далее шли строки некрасовского стихотворения, посвященного С., «О нашей родине унылой...» (Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. — Л., 1982. — Т. 3. — С. 469—470).

С 1868 по 1884 г. все свои новые произведения С. печатает только на страницах «Отечественных записок». Вершина его сатирического искусства — «История одного города». Читате-

ли журнала знакомятся также с циклами сатирических рассказов и очерков С. «Помпадури и помпадуриши» (1863—1874), «Письма о провинции» (1868), «Признаки времени» (1868), «Господа ташкентцы» (1869—1872), «Дневник провинциала в Петербурге» (1872—1873), «Благонамеренные речи» (1872—1876), «В среде умеренности и аккуратности» (1874—1877), «Убежище Монрепо» (1878—1879), «Письма к тетеньке» (1881—1882), романами «Господа Головлёвы» (1875—1880) и «Современная идиллия» (1877—1883).

С. создал своего рода сатирическую энциклопедию русской жизни. Достойное место в ней отведено и отживающим век помпадурам, и бюрократам пореформенной выучки, один из которых, прибыв в присутственное место, «спросил книгу, подложил ее под себя и затем, бия себя в грудь, сказал предстоящим: «Я вам книга, милостивые государи! Я — книга, и больше никаких книг вам знать не нужно!» («Помпадуры и помпадуриши». — 8, 28).

В «Истории одного города» С. совершил открытие изумительной художнической дерзости и широты. Очертания Глупова при всей их дошлой конкретности размыты и изменчивы. За Глуповым проступают контуры государства Российского с его горестями и уродствами, с его удержу не знающими самодержавными правителями и оглоушенными деспотией обывателями. Казарменный идеал Угрюм-Бурчеева вбирает в себя наиболее яркие приметы реакционных политических режимов разных стран и эпох. Смех уступает место горечи и негодованию, когда заходит речь о бедственной судьбе глуповцев, страдающих под градоначальственным игом. Финальная сцена смерти и ее гневно-очистительный итог («История прекратила течение свое») сатирически многозначны. Велико желание С. увидеть народ пробудившимся, живы надежды на возможность перемен, но ошутимы и справедливо горький щедринский скепсис, трезвый, лишенный прекрасноты взгляд на реальность.

С. знакомит читателей с хищниками-усмирителями, лихими и ретивыми участниками диких политических обузданий, новых походов против демократической России («Господа ташкентцы»). Писатель осмысливает диалектику оподления души в порочной социальной среде. Отказываясь от ходовых сюжетов и обычных рамок семейного романа, от традиционных любовных интриг, он обосновывает идею создания нового общественного романа.

С. вводит в свои произведения литературных героев Фонвизина, Грибоедова, Гоголя, Тургенева, Гончарова. Сатирический цикл «В среде умеренности и аккуратности» раскрывает психологию новоявленных молчаливых, верных и послушных исполнителей любых начальственных предначертаний. Крупные злодеи, рассуждал С., мало в чем могли бы преуспеть, если б не

было у них под руками легионов молчалиных. Щедринские господа молчалины — собирательный тип большого социального диапазона. У молчалиных возникают острые конфликты с детьми, часто разрешающиеся драматически. Так, юный герой рассказа «Большое место» (из цикла «Сборник», 1878—1879) Степан Разумов, не находя сил ни порвать с родным отцом, ни примириться с его позорным прошлым палача, кончает жизнь самоубийством.

Одним из первых в русской литературе С. создал тип буржуа, набиравшего силы и лицемерно признававшего «священную только лично ему принадлежавшую собственность», «опоры и столпа» государственности (Дерунов из «Благонамеренных речей», Разуваев из «Убежища Монрепо»).

В недрах «Благонамеренных речей» складывался замысел романа «Господа Головлевы» — повествования о трагическом распаде семейных уз (первое отдельное издание в 1880 г.). Один за другим уходят из жизни помещики Головлевы: в беспомощном одиночестве умирает некогда всеильная Арина Петровна, погибают сыновья Порфирия Владимировича Володенька и Петенька, драматически складываются судьбы Степана и Павла, кончат самоубийством «племяннушка» Любинька. Иудушка остается один и словно бы захлебывается в своем привычном пустословии и праздномыслии. Много есть объяснений причин головлевского вымирания (тусклая атмосфера жизни, полнейшая бездуховность, глубоко вкоренившаяся в натуру Головлевых, пустословие), но самый главный беспощадный диагноз, поставленный автором, недвусмысленно отчетлив: их губит праздность, непригодность к какому бы то ни было делу, запой, отсутствие привычки жить собственным трудом. Головлевских господ губит сам господский склад жизни с его сытым бездельем и паразитизмом. Жизнь их — раз и навсегда заведенная комедия, лицедейство, где каждый «почти машинально» играет свою привычную роль.

Сложный и богатый по своим возможностям, но изуродованный самим жизненным укладом характер у Арины Петровны. Ее накопительство бессмысленно, хотя внешне всеми ее действиями руководят заботы об устройстве семейных дел. Говорит она про семью и материнский долг скорее по привычке, по традиции, а отчасти для самооправдания, чтобы злые языки не попрекнули. Неумная и жадная приобретаетая страсть способна, показывает С., до неузнаваемости исказить личность, ожесточить ее, заглушить истинно человеческое в человеке.

Порфирий Владимирович (Иудушка), больше всего на свете ценя и оберегая собственный покой, и не предполагал возможности иных принципов человеческих взаимоотношений, кроме тех, по которым строилась его жизнь, состоявшая из бездн мелочей и пустикаков. Иудушка — лице-

мер не по злomu корыстному расчету, но по самой своей натуре. Его лицемерие бессмысленно, бессознательно, без далеко ведущей цели.

Еще в 1876 г. С. получил письма от А. М. Жемчужникова и И. А. Гончарова, подвинувшие к новым раздумьям над исходом головлевской трагедии. Жемчужников писал С.: «...я в восторге от Вашего Иудушки. Он, по моему мнению, одно из самых лучших Ваших созданий. <...> В нем есть замечательное художественное соединение почти смехотворного комизма с глубоким трагизмом» (13, 670). И. А. Гончаров в письме к С. предположил, что Иудушка может «делаться все хуже и хуже: потеряет все найтвое, перейдет в курную избу, перенести все унижения и умереть на навозной куче, как выброшенная старая калоша, но внутренне восстать — нет, нет и нет! Катастрофа может его кончить, но сам он на себя руки не поднимет!» (13, 670). Не без внутренней полемики с Гончаровым С. избирает иной путь: Иудушку характеризует полное духовное окостенение, в этом разгадка приобретательского рвения щедринского героя, его хищного предательства, в этом и источник страшной для человека трагедии. Головлевский хозяин, потрясенный и измученный, растерзанный совестью, идет на сознательную смерть. Самая лютая на свете казнь — запоздалое пробуждение совести, когда ничего уже нельзя переменить, вернуть, когда человек оказывается обреченным на абсолютное духовное одиночество. С. напоминал людям об их ответственности за собственную судьбу. Писатель-сатирик, сила которого в отрицании зла, думал о цене человеческой жизни, о необратимых последствиях, к которым приводят человека глубокие нравственные изъяны.

По настоянию врачей С. в 1875—1876, 1880, 1881, 1885 гг. выезжал на лечение за границу (в Германию, Швейцарию, Францию). Впечатления от буржуазного Запада, неразлучные с мыслями о России, легли в основу очерков «За рубежом» (1880—1881). С. живописал коварство и скучное педанство прусских милитаристов, «прелести» лицемерно-буржуазной французской парламентской системы. Он вспоминал свою молодость, когда Франция Сен-Симона, Фурье и Жорж Санд была для него и его друзей светочем мысли. Оттого и делается обидно, что «этот светоч погиб. Да и зрелище неизящее выходит: все был светоч, а теперь на том месте, где он горел, сидят ожиревшие менялы и курлыкают» (14, 131). «Республикой без республиканцев, с сытими буржуа по главе», именует писатель современную ему Францию (14, 160). Не желает С. своей родине прогресса на западный манер: за внешне привлекательным фасадом европейской респектабельности он прозревает хищную буржуазную предпримчивость, а за ней неотвратимую угрозу бездуховности.

В искрометно-озорном разговоре «Мальчика в штанах и мальчика без штанов», включенном

в 1-й очерк цикла «За рубежом», выясняется, что, хотя сложившиеся в России и на Западе порядки непохожи друг на друга, в сущности своей они одинаково враждебны как нашему мужику, так и немецкому или французскому человеку труда. Последний уже ослеплен видимостью благополучия, комфортом, в то время как русский «мальчик без штанов» не знает еще истового поклонения собственности, «за грош душу черту» не продал и в силах рассчитывать со своими хозяевами: «Что Колупаев! С Колупаевым мы сочтемся... это верно!» (14, 41).

1 марта 1881 г. в Петербурге народовольцы приводят в исполнение смертный приговор Александру II. Россию захлестнула волна реакции, в нравственную атмосферу жизни проникли подозрительность и трусость. С. печатает в «Отечественных записках» «Письма к тетеньке». Новый очерковый цикл — сатира на послемартовскую реакцию, горячее слово в защиту русской интеллигенции, подвергшейся политическим гонениям. Тетенькой зэповски именуется «культурное» общество, которому адресует С. свои сатирические послания. В «переписке» с тетенькой велика амплитуда авторской интонации: от нескрываемого сарказма по поводу «повадливости» и идейной неустойчивости либералов до самой доверительной откровенности.

Мучительно, в борьбе с подступающей болезнью, в противоборстве с цензурным ведомством С. продолжает работу над романом «Современная идиллия», начатым еще в 1877—1878 гг. Трагикомическая история жизни двух героев, гонимых шкурным страхом, — Рассказчика и Глупова — история оподления и политического разращения малодушных интеллигентов, добровольно решающих встать на путь воинствующей «благонамеренности», стремящихся любой ценой амнистировать себя в глазах начальства за былые «предосудительные», крамольные речи и мысли. В финале романа шедринским героем является Стыд: неистребима совесть человеческая, хотя и до обидного мала и слаба бывает сфера ее деятельности. «Тяжело жить современному русскому человеку, — писал С., — и даже несколько стыдно. Впрочем, стыдно еще не многим, а большинство даже людей так называемой культуры просто без стыда живет. Пробуждение стыда есть самая в настоящее время благодатная тема для литературной разработки...» (19—1, 33).

После неоднократных предупреждений весной 1884 г. «Отечественные записки» были запрещены. В официальном сообщении, напечатанном в «Правительственном вестнике», говорилось, что журнал закрыт за вредное направление и за связь редакции с революционным подпольем. Глубокой болью отозвалась эта весть в душе С.: «...вижу, что связь моя с читателем порвана, а я, признаться, только и любил, что эту полуотвлеченную персону, которая называется «читателем» (20, 27—28).

Деятельная натура писателя не примирилась с этой бедой. С. решает печататься в «Вестнике Европы» и «Русских ведомостях», идет к «чужим людям», обращается в редакции умеренно-либеральных изданий.

В эту пору окончательно складывается бессмертный шедринский сказочный цикл, начатый еще в 1869 г. («Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил», «Пропала совесть», «Дикий помещик»). Сказки явились своеобразным итогом, синтезом идейно-творческих исканий сатирика. С фольклором они связаны не только наличием определенных устно-поэтических деталей и образов, существенно влиявших на повествовательный слог. В них обнаруживает себя истинно народное миропонимание, выраженное в авторских представлениях о добре и зле, нищете и богатстве, суде правом и неправом, о решительном преобладании враждебных народу сил и вместе с тем о неминуемом торжестве разума и справедливости. Даже там, где зло явно одерживает верх над беззащитностью, робостью, прекрасодушием, пассивностью («Карась-идеалист», «Самоотверженный заяц», «Добродетели и пороки», «Обманщик-газетчик и легковерный читатель» и др.), автор вершит над ним суд, давая понять, что вместе со злом осуждает всех его вольных и бессознательных потатчиков. С. не спешит изображать повергнутыми тех, кто сохранял командные высоты в жизни.

Большинство сказочных героев имеют свои отчетливые социально-классовые определения: мужики и господа, «судари» и «Ивашки». Ворона представляет сословие мужиков (16—1, 73). Коняга — «обыкновенный мужичий живот» (16—1, 171). Сквозь басенно- или легендарно-сюжетный ряд, сквозь цепь конкретно-исторических примет явственно просвечивает у С. большая общечеловеческая тема. Сказки для настоящего читателя-друга, каким в идеале представлял его себе писатель, были нравственным стимулом, заражали жаждой борьбы за преустройство несправедливого мира. Через все сказки проходят словалейтмотивы: ум, совесть, правда. Стойка шедринская вера в «восстановленный человеческий образ, просветленный и очищенный от тех посярмелений, которые наслонили на нем века подъяремной неволи» («Приключение с Крамольником» — 16—1, 200—201).

Свои надежды на непрерывное грядущее торжество правды С. связывал с Историей, «позывные» которой то и дело прорезают необычные сказочные повествования. История в шедринских сказках — это справедливое возмездие, наступающее злодейства, «бурбонов стерососовых», майоров Топтыгинных. В сказках История может ускорить течение свое («Орел-меценат» — 16—1, 79), но она его не прерывает, подобно тому как случилось это с историей города Глупова. Автор сказок убежден, что История — это настоящее, хранящее память о прошлом и обретающее в этом

силы для прозревания будущего. Опровергая пошлую житейскую мораль, возбуждая интерес к общественной жизни, сказки С. помогают читателю обрести непредвзятое отношение к действительности, чуткий исторический подход к ней. В сказках — надежда на молодого читателя с «незахлопнутой» душой, с неистребленной совестью. Жизнь лишится смысла, если этот юный, горячий сердцем, честный читатель не заявит о себе: «Умру за правду, а уж неправде не покорюсь!» — как торжественно клянется Сережа Русланцев, герой «Рождественской сказки» (16—1, 223).

Достойна жалости судьба «премудрых пескарей». Шаг за шагом прослеживая ход их умозаключений, С. возбуждает в читателе лукавую насмешку, ироническую реакцию, наконец, чувство брезгливости, а в финале даже сострадание к распространенной философии тихого, безгласного, умеренно-аккуратного существа («Премудрый пескарь»).

Вскоре после закрытия «Отечественных записок» в творчестве С. намечаются существенно новые идейно-художественные тенденции. Во второй половине 80 г., в обстановке политической реакции и одновременно в преддверии новой исторической эпохи в русской освободительной борьбе, которую В. И. Ленин определит как «движение самих масс» (Полн. собр. соч.— Т. 21.— С. 261), щедринские сатирические циклы очерков заметно видоизменяются. Чуткий к внутренним процессам жизни, С. делает центральными героями новых произведений уже не столько представителей дирижирующих сословий, сколько людей средних и низших слоев России.

Автор «Мелочей жизни» (1886—1887) с трагической грустью всматривается в лица разночинцев, подвизников-интеллигентов, городских ремесленников и полупролетариев. Рождается цепь драматических картин жизни и смерти бесправных, незащищенных людей, доведенных до предельного отчаянья страшными, бесчеловечными обстоятельствами. Каждая из этих картин и в «Мелочах жизни» («Черезовы, муж и жена», «Чудинов», «Сельская учительница», «Портной Гришка», «Счастливец», «Имярек»), и в «Пошехонской старине» («Мавруша-новоторка», «Ванька-Каин», «Бессчастная Матренка», «Сатирикситалец» и др. главы романа, особенно из портретной галереи «рабов») запечатлела потрясающие драмы в повседневном, обыденном течении жизни. С. проник в психологию измученных «мелочами жизни» людей, обращаясь и к грустно-современным сюжетам, и к драматическим историям далекого, но не канувшего в Лету, властно о себе напоминавшего Пошехонья, уродовавшего души и хозяев и рабов.

Бесстрашная, рыцарски благородная работа С. в литературе была на виду у всей честной, мыслящей России. В нем справедливо видели живую совесть страны. Когда С. в 1882 г. под

впечатлением недоброжелательных отзывов о себе в печати пессимистически оценил итоги своей жизни, Тургенев в письме к нему горячо возражал: «Кто возбуждает ненависть — тот возбуждает и любовь. Будь вы просто потомственный дворянин М. Е. Салтыков — ничего бы этого не было. Но Вы Салтыков-Щедрин, писатель, которому было суждено провести глубокий след в нашей литературе, — вот Вас и ненавидят, и любят, смотря кто. И в этом «результат Вашей жизни», о котором Вы говорите, — и Вы можете быть им довольны...» (М. Е. Салтыков-Щедрин в русской критике.— М., 1959.— С. 582).

К С. искренне тянулась революционная молодежь. Старшая сестра В. И. Ленина А. И. Ульянова-Елизарова вспоминала, как в 1885 и 1886 гг. большого писателя посетили студенческие делегации, и в их составе была она со старшим братом Александром. «Наш любимый писатель» — так А. И. Ульянова-Елизарова называет С. от имени передовой учащейся молодежи (М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников.— Т. 2.— С. 199).

Предчувствуя близкий конец, С. обратит к сыну трогательные, проникновенные слова: «Паче всего любви родную литературу, и звание литератора предпочитай всякому другому» (20, 477). Литература была для С. реальной животворящей силой: «вне литературы нет ни блага, ни наслаждения, ни самой жизни» (13, 461).

Художественный мир С. чрезвычайно своеобразен. Писатель большого поэтического диапазона, он блестяще владел разнообразными средствами реалистического письма, обращаясь и к глубокому, психологически сложному жизнеподобию (в «Господах Головлевых», «Мелочах жизни», «Пошехонской старине»), и к сатирической гиперболе и гротеску, фантастике, зэповскому иносказанию (в «Истории одного города», «Господах ташкентцах», «Современной идиллии», «Сказках» и др.). С. прежде всего занимали приметы социальной психологии, собирательное, коллективное или, как сам он любил говорить, «стадное», «гуртовое» начало в человеке. С. часто рассказывал о том, что и как люди могли бы говорить и делать, если развязать им языки и руки. Сатирик исследовал человеческие «готовности», до поры до времени сознательно или невольно маскируемые, и оказывалось, что иные головы начинены не мозговым веществом, а мясным фаршем или снабжены нехитрым музыкальным устройством, наигрывающим административные романсы-окрики «разорю!» и «не потерплю!». И выяснялось, что многие власть имущие страшны в своей безнаказанности, а безропотно и начальстволюбиво внимающие им обыватели обречены на жуткое в своей нелепости существование. Гротеск позволял обнаружить поистине фантастическое в самой жизни.

Гротескное совмещение временных и пространственных планов в художественном мире С.

становится возможным благодаря сложной фигуре центрального героя и одновременно объекта сатирического повествования — Рассказчика. Впервые заявив о себе в «Губернских очерках», Николай Иванович Щедрин, а затем и просто Рассказчик проходит почти через все очерковые циклы и другие произведения сатирика, представляясь простодушным и тут же выказывая озорное лукавство и даже ядовитый сарказм. Рассказчик — один из средних, пестрых, как говорил С., людей, один из сонма интеллигентов, подверженный всем типичным для русского «культурного человека» социальным недомоганиям; он скептик и идеалист, благонамеренный и фрондер одновременно; он то почти что вровень (в нравственном смысле) со своими многочисленными героями, то отчеркивает резкую дистанцию между собой и сатирическими персонажами. Принципиальная невыделенность (лексическая и синтаксическая) авторского слова, постоянные взаимопереходы голосов Рассказчика и Автора позволяют С. вести беседы с читателем и от своего собственного имени, и от третьего, вымышленного лица, «которого мнения суть выражение мнений толпы» (10, 607).

С. блестяще использовал богатейшую изобразительность и выразительность русской речи, затаенную в слове множественность смысловых рядов, оттенков, связей, полисемантику словесного образа. Эзопова манера помогла проводить сквозь цензуру невероятно «крамольные» мысли, которыми С. особенно дорожил.

В общественно-литературной жизни России С. участвовал и как журнальный критик. Его наиболее интенсивная литературно-критическая работа приходится на 1856—1869 гг. (особенно на период сотрудничества в «Современнике») и на 1868—1871, 1878 гг. Статьи и рецензии С. преимущественно посвящены массовой беллетристике. Критика занимал ответ на вопрос: «Какие литературные произведения больше всего теперь в ходу и имеют наибольший круг читателей?» (9, 269—270). С. последовательно восставал против пошлости и натурализма, отсутствия у рецензируемого автора самостоятельного мирозерцания, против бездарности и идейной бесхребетности. Он призывал отказаться от преднамеренного разделения героев на идеальных и негодяев, от нарочитого снижения, примитивного огрубления «отрицательных» персонажей.

Сравнительно редко С. в своих рецензиях писал о больших художниках России. В 1871 г. он отказался от романа Достоевского «Идиот» (в положительном отклике на роман И. Ф. Федорова-Омулевского «Шаг за шагом»). По точности и идейно-эстетической масштабности эта щедринская оценка творчества Достоевского приобрела самостоятельное значение. С. обращает внимание на поиски писателем нравственного идеала и на чрезвычайно смелую и оригинальную попытку его поэтического воссоздания (9, 412—413).

О положительной «подкладке» своих сатирических произведений С. писал ясно и недвусмысленно: «...единственно плодотворная почва для сатиры есть почва народная, ибо ее только и можно назвать общественной в истинном и действительном значении этого слова» (9, 246). С. вел речь о народе как «воплостителе идеи демократизма», носителе бунтарского духа. В русском народе, писал С., «воплощается безгранично великое», в нем «замыкается начало и конец всякой индивидуальной деятельности» (9, 425). Любовь к России народной нераздельна у С. с тревогой по поводу искажения общечеловеческих идеалов, по поводу распространенной и неистребимой привычки к безобразному.

Многие щедринские сатирические типы пережили свою эпоху и своего создателя; помпадур, ташкентцы, пенкосниматели, каплуны, чумазы, пустоплясы, глуповцы, пошехонцы и др. образы С. стали нарицательными, обозначая новые и одновременно имеющие свою давнюю родословную социальные явления русской и мировой жизни.

С. был одним из любимых писателей В. И. Ленина, сотни раз по злободневным общественно-политическим поводам обращавшегося к щедринскому сатирическому наследию. К Иудушке Голловлеву В. И. Ленин возводил позднейших буржуазных и дворянских ханжей, чиновных бюрократов, политических демагогов. Слова и дела «заядлых крепостников», откровенных черносотенцев, ярых реакционеров-монархистов часто сближались в ленинских работах с «поведением» дикого помещика. В связи с расплывчатостью и непоследовательностью позиций некоторых представителей русской и западноевропейской интеллигенции В. И. Ленин воскресал в памяти читателей щедринского премудрого пещаря. В. И. Ленин относится к С. как к надежному союзнику в революционном созидании, завещая «оживить полностью Щедрина для масс, ставших свободными и приступающих к строительству своей собственной социалистической культуры» (Цит. по кн.: Ольминский М. С. Статьи о Салтыкове-Щедрине. — М., 1959. — С. 111).

Соч.: Собр. соч. В 6 т. — М., Л., 1926—1928; Полн. собр. соч.: В 20 т. — М.; Л., 1933—1941; Собр. соч.: В 20 т. (в 24 кн.). — М., 1965—1977.

Лит.: Пыпин А. Н. М. Е. Салтыков. — Спб., 1899; Критическая литература о произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина / Сост. Н. Денсюк. — М., 1905. — Вып. 1—5; Арсеньев К. К. Салтыков-Щедрин. Литературно-общественная характеристика. — Спб., 1906; Кривенко С. Н. М. Е. Салтыков-Щедрин. Его жизнь и литературная деятельность. Биографический очерк. — Пг., 1914; Ольминский М. С. Статьи о Щедрине. — М., Л., 1930; Лит. наследство. — Т. 11—12: Щедрин. — Ч. 1. — М., 1933; Лит. наследство. — Т. 13—14: Щедрин. — Ч. 2. — М., 1934; Лаврецкий А. Щедрин — литературный критик. — М., 1935; Ольминский М. С. Щедринский словарь. — М., 1937; Добровольский Л. М., Лавров В. М. Салтыков-Щедрин в печати. — Л., 1949; Макашин С. Салтыков-Щедрин. Биография. — 2-е изд., доп. — М., 1951; Кирпотин В. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин: Жизнь и творчество. — М., 1955; Покусев Е. И. Салтыков-Щедрин в шестидесятые годы. — Сара-

тов, 1958; М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников / Предисл., подгот. текста и коммент. С. А. Макашина.— М., 1957; Жук А. Сатирический роман М. Е. Салтыкова-Щедрина «Современная идиллия».— Саратов, 1958; Яковлев Н. В. «Пошехонская старина» М. Е. Салтыкова-Щедрина: Из наблюдений над работой писателя.— М., 1958; Бушмин А. С. Сатира Салтыкова-Щедрина.— М.; Л., 1959; Ольминский М. Статьи о Салтыкове-Щедрине.— М., 1959; М. Е. Салтыков-Щедрин в русской критике.— М., 1959; Добровольский Л. М. Библиография литературы о М. Е. Салтыкове-Щедрине. 1848—1917.— М.; Л., 1961; Покусаев Е. И. Революционная сатира Салтыкова-Щедрина.— М., 1963; Он же. Господа Головлевы М. Е. Салтыкова-Щедрина.— М., 1963; Базанова В. «Сказки» М. Е. Салтыкова-Щедрина.— М.; Л., 1966; Мысляков В. А. Искусство сатирического повествования: Проблема рассказчика у Салтыкова-Щедрина.— Саратов, 1966; Библиография литературы о М. Е. Салтыкове-Щедрине. 1918—1965 / Сост. В. Н. Баскаков.— М.; Л., 1966; М. Е. Салтыков-Щедрин в портретах, иллюстрациях, документах / Сост. В. Н. Баскаков. Л., 1968; Макашин С. А. Салтыков-Щедрин на рубеже 1850—1860 годов. Биография.— М., 1972; Бушмин А. С. «Сказки» Салтыкова-Щедрина.— 2-е изд.— Л., 1976; Баскаков В. Н. Библиография литературы о М. Е. Салтыкове-Щедрине. 1965—1974 // Салтыков-Щедрин. 1826—1976: Статьи. Материалы. Библиография.— Л., 1976; М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников: В 2 т.— 2-е изд.— М., 1975; Николаев Д. П. Сатира Щедрина и реалистический гротеск.— М., 1977; Прозоров В. В. Произведения М. Е. Салтыкова-Щедрина в школьном изучении. Пособие для учителя.— Л., 1979; Турков А. М. Салтыков-Щедрин.— 3-е изд., доп.— М., 1981; Макашин С. Салтыков-Щедрин. Середина пути. 1860-е—1870-е годы. Биография.— М., 1984; Мысляков В. А. Салтыков-Щедрин и народническая демократия.— Л., 1984; Николаев Д. П. М. Е. Салтыков-Щедрин. Жизнь и творчество. Очерк.— М., 1985; Бушмин А. С. Художественный мир Салтыкова-Щедрина.— Л., 1987; Прозоров В. В. Салтыков-Щедрин.— М., 1988; Николаев Д. С. Смех Щедрина. Очерки сатирической поэтики.— М., 1988; Турков А. М. Ваш суровый друг. Повесть о Салтыкове-Щедрине.— М., 1988.

В. В. Прозоров

САМАРИН, Юрий Федорович [21.IV (3.V).1819, Петербург — 19(31).III.1876, Берлин; похоронен в Москве] — публицист, критик, историк. Общественный деятель. Из дворянской семьи. В 1826 г. Самарины переехали в Москву, где домашним учителем юного С. (наряду с французом Пако) стал 22-летний Н. И. Надеждин. С 1834 по 1838 г. С. — студент Московского университета (окончил историко-филологическое отделение философского факультета). В 1840 г. С. выдержал экзамен на степень магистра и начал работу над диссертацией. В 1841 г. С. с болью отозвался на известие о гибели М. Ю. Лермонтова (познакомились в 1838 г., сблизились в 1840—1841 гг.) — см. дневниковые записи С. за 31 июля 1841 г. и его письмо к И. С. Гагарину от 3 августа 1841 г. (М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников.— М., 1972.— С. 296—300). Видя в «Герое нашего времени» выражение эгоистической рефлексии, С. находил, что после публикации романа Лермонтов оказался в великом нравственном долгу перед современниками (Там же). Рассмотрение этой субъективной оценки в контексте духовных исканий С. позволяет увидеть в ней не столько осуждение (юный С. и сам в полной мере был захвачен запечатленными в романе болезнями века), сколько сожаление о том, что человек,

чье слово было не безразлично для многих (в том числе и для С.), ушел, не высказав себя до конца (см.: Ефимов А. М. Т. Юрий Самарин в его отношении к Лермонтову).

Весной 1843 г. С. вступил в один из самых сложных периодов своего духовного развития, период сомнений и глубокого внутреннего разлада. Кризис наступил осенью 1843—весной 1844 г., когда, увлеченный философской системой Гегеля, С. с присущей ему искренностью поставил вопрос об отношении религии к философии и сначала уверовал в приоритет философии и логического знания, но потом, после долгих и тягостных сомнений, пришел к признанию «живой истины» православия и необходимости «живого», т. е. религиозного ее постижения (Соч.— Т. XII.— С. 46, 98—100, 130—131, 241—244). Значительную роль в этом мучительном внутреннем перевороте сыграл А. С. Хомяков, занявший отныне место духовного наставника С. Сделанный С. выбор окончательно сблизил его с направлением, получившим название славянофильства. Это сближение было с горечью воспринято А. И. Герценом, на глазах которого разыгралась духовная драма С.: «...отдаление такого человека, как Вы, больно,— писал Герцен С. 27 февраля 1845 г.,— потому что нельзя мимо Вас пройти. Вот Вам мой комплимент» (Герцен А. И. Собр. соч.— М., 1961.— Т. XXII.— С. 230).

3 июня 1844 г. С. защитил магистерскую диссертацию «Стефан Яворский и Феофан Прокопович как проповедники» (третья часть фундаментального исследования «Стефан Яворский и Феофан Прокопович», в котором рассмотрены «явление и борьба католического и протестантского начала в православной Церкви, в России, в лице Стефана Яворского и Феофана Прокоповича», две первые части, где говорится о Яворском и Прокоповиче как о богословах и сановниках церкви, к защите допущены не были). Спустя два месяца, вопреки своему желанию посвятить жизнь научным занятиям, подчиняясь воле отца, С. отправился служить в Петербург. В столице он провел два года, состоя на службе в Министерстве юстиции, в Сенате и в Комитетах по устройству быта лифляндских крестьян (как чиновник Министерства внутренних дел). Впервые столкнувшись с крестьянским вопросом, горячо отстаивал необходимость принятия закона о праве лифляндских крестьян на землю (Т. II.— С. 433—438).

В 1845 г. в Петербурге С. написал свою первую литературно-критическую статью — рецензию на повесть «Тарантас» В. А. Соллогуба («Московский литературный и ученый сборник».— М., 1846, подпись М...З...К...). С. с одобрением отмечал, что в лице двух главных героев Соллогуб талантливо отразил «живой, действительный факт» (Т. I.— С. 3) — разрыв жизни и сознания в современном русском обществе: в одном герое критик видел абсолютную

отрешенность от всех сфер общественной деятельности (следствие петровской реформы), бессознательное погружение в действительность и отсутствие всякого стремления к ее осмыслению, в другом — безмерно развитое отвлеченное сознание (следствие неправильного воспитания), отрыв от народа и неспособность понять его. При этом С. не нашел в повести дорогой для него идеи примирения этих двух противоположных начал в высшем единстве, видя в заключительной главе лишь поверхностное решение проблемы — пародию на примирение, «смешной маскарад», «подделку под народность» (Т. I.—С. 26). О статье С. одобрительно отозвался Белинский, отметив, что она «замечательна умным содержанием и мастерским изложением...» (Белинский В. Г. Полн. собр. соч.— М., 1956.— Т. X.—С. 46).

В 1847 г., будучи в Риге (с 1846 г. состоял на службе в рижской ревизионной комиссии), С. написал статью «О мнениях «Современника» исторических и литературных» (Москвитинин.— 1847.— Ч. 2, подпись М.....З.....К.....). В этом полемическом сочинении, посвященном первой книжке обновленного «Современника» (1847.— Т. I.— № 1, официальным редактором журнала с этого года стал А. В. Никитенко, а фактическим его руководителем был Белинский), были рассмотрены три программные статьи журнала: «Взгляд на юридический быт древней России» К. Д. Кавелина, «О современном направлении русской литературы» Никитенко и «Взгляд на русскую литературу 1846 года» Белинского. Возражая Кавелину, который связывал исторические судьбы России с развитием личности (начавшимся, по его мнению, при Петре I), С. излагал взгляд на отечественную историю как на последовательную смену различных форм общинного начала, истолковывая само это начало как основополагающую и специфическую черту русской жизни (это отвечало исторической теории славянофилов).

В литературно-критической части статьи С. с позиций славянофильской эстетики подверг всесторонней критике «натуральную школу» и ее теоретического истолкователя Белинского. С. не без основания обратил внимание на некоторые расхождения в позициях Никитенко и Белинского, отметив, что первый преукает «натуральную школу» в односторонности, в исключительной сосредоточенности на недостатках и пороках общественного быта и нравов, тогда как второй в том же журнале поддерживает и оправдывает эту одностороннюю направленность. С. безоговорочно осудил стремление «натуральной школы» к изображению преимущественно негативных сторон русской жизни (эту преобладающую тенденцию он неправоммерно считал единственной в школе), обвиняя представителей нового направления в искажении действительности и даже клеветы на нее. Особенно резко отозвался С. о произведениях из простонародного быта, в частности, о «Дерев-

не» Д. В. Григоровича, разрушающей идеализированные представления о крестьянской общине. С. полагал, что своими сочинениями о деревне школа не пробуждает любви к народу, а следовательно, не вызывает желания сблизиться с ним. При этом он неоднократно пояснял, что не подвергает сомнению благородство самих намерений противной стороны.

С. подробно остановился на проблеме взаимоотношений Гоголя и «натуральной школы», отметив, что последняя позаимствовала у Гоголя лишь одну черту — внимание к пошлой стороне действительности. Признавая обличительную силу прозы Гоголя, С. подчеркнул, что обличение у Гоголя (в отличие от авторов школы) имеет глубоко нравственную основу: почувствовав в себе самом «слабости, пороки и пошлость» своих героев, Гоголь почувствовал в них «присутствие человеческого», «и только это одно могло дать право на обличение» (Т. I.—С. 83). Единство обличительного и жизнеутверждающего начал всегда было для С. главным в творчестве Гоголя, и впоследствии именно в разрушении этого единства (которое выразилось в попытке примирения с действительностью) С. усмотрел основную причину духовной драмы Гоголя (Т. XII.—С. 356—357).

Рассматривая поэтику «натуральной школы», С. с иронией писал о тщательных, доскональных описаниях материальной, бытовой стороны жизни («инвентарная опись».— Т. I.—С. 86), о принципах создания характеров («личностей <...> мы вовсе не находим».— Т. I.—С. 87), о построении интриги («всякий рассказ можно на любом месте прервать и также тянуть до бесконечности».— Т. I.—С. 87).

Статья С., ясная, стройная и последовательная (в 1844 г. Герцен недаром назвал С. «одной из самых логических натур в Москве» — Герцен А. И. Собр. соч.— М., 1961.— Т. XXII.—С. 183), безусловно, содержит ряд глубоких суждений. Одна из наиболее сильных идей статьи — основополагающая для С. идея единства, целостности любого явления (как жизненного, так и художественного). Именно в таком единстве видел он залог разумного развития общества (отсюда идея соединения живой жизни и сознания — см. рецензию на «Тарантас»), нравственного равновесия личности (по мнению С., невозможного вне гармонии аналитического и эмоционального начал.— Т. XII.—С. 241—245), объективного восприятия человека (в совокупности дурных и хороших сторон характера.— Т. XII.—С. 184—185) и, наконец, объективности художника (отсюда требование показать темные и светлые стороны простонародной жизни). Однако требуя от «натуральной школы» единства и целостности, С. сам не избежал односторонности, ибо рассматривал школу изолированно, вне историко-литературного процесса, что закрыло ему путь к пониманию закономерности возникновения школы и значимости ее как этапа литературного развития.

Ряд доводов С. был принят и самими его оппонентами, в частности идея об отличии Гоголя от «натуральной школы» (см. письмо Белинского Кавелину от 22 ноября 1847 г.— Белинский В. Г. Полн. собр. соч.— М., 1956.— Т. XII.— С. 432—433). В целом же историческая и литературная концепции С. были решительно и аргументированно оспорены — в «Ответе «Москвитянину» Белинского и «Ответе «Москвитянину» Кавелина (Современник.— 1847.— № 11 и 12).

Итогом служебной деятельности С. в Риге (выехал в Москву в июле 1848 г.) были два труда: официальный — «Общественное устройство города Риги...» и частный — «Письма из Риги» (направлен против немецкого засилья в Прибалтике). За распространение последнего в списках С. был на 12 дней (5—17 марта 1849 г.) заключен в Петропавловскую крепость, а затем направлен на службу в Симбирск и впоследствии в Киев (1849—1852). В феврале 1853 г. С. вышел в отставку. В течение последующих 12 лет (1853—1864) он — на стороне либерального дворянства — принимал самое деятельное участие в подготовке и проведении крестьянской реформы, считая дело освобождения крестьян главным делом своей жизни.

В 1856 г. С. выступил со статьей «Два слова о народности в науке» (открывшей первый номер славянофильского журнала «Русская беседа»), где отстаивал идею народности гуманитарных наук, толкуя народность как самобытное, национальное воззрение. Идея статьи была оспорена Чернышевским (Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.— М., 1947.— Т. III.— С. 650—661). В начале 1860-х гг. С. в последний раз выступил как критик — он написал статью «С. Т. Аксаков и его литературные произведения» (Т. I.— С. 261—265), которую огласил на публичном литературном вечере в Самаре. Говоря о сочувствии публики как необходимой предпосылке художественного творчества, С. подчеркнул, что расцвет «самородного, свежего таланта» С. Т. Аксакова неразрывно связан с возникновением и развитием сочувствующего этому таланту славянофильского направления. Последние 10 лет жизни С. посвятил своему любимому городу — Москве, занимаясь (как гласный городской думы и губернского земского собрания) многообразными проблемами городского самоуправления. Основные труды этого времени связаны с религиозно-философскими и национальными вопросами: «Иезуиты и их отношение к России. Письма к иезуиту Мартынову» (1865), «Предисловие к богословским сочинениям Хомякова» (1867), разбор сочинения К. Д. Кавелина «Задачи психологии» (1872—1875), «Окраины России» (1867—1876).

Будучи человеком неизблемых убеждений, до конца своего пути исповедующим религиозное, историческое и эстетическое кредо славянофильства, С. отличался терпимостью к противополож-

ным взглядам, что подтверждает его переписка 60—70 гг. с Кавелиным (Т. VI.— С. 373—395) и баронессой Э. Ф. Раден (М., 1893).

Среди многочисленных голосов, с болью откликнувшихся на известие о внезапной кончине С., прозвучал и проникновенный голос Ф. М. Достоевского: «А твердые и убежденные люди уходят: умер Юрий Самарин, даровитейший человек, с неколебавшимся убеждениями, полезнейший деятель. Есть люди, заставляющие всех уважать себя, даже не согласных с их убеждениями» (Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.— Л., 1981.— Т. XXII.— С. 102).

Соч.: Соч.: В 12 т. / Вступ. ст. Д. Самарина и др.— М., 1877—1911; Переписка Ю. Ф. Самарина с А. И. Герценом // Русь.— 1883.— № 1.— С. 30—42; № 2.— С. 23—30; Переписка Ю. Ф. Самарина с баронессой Э. Ф. Раден.— М., 1893; О мнении «Современника» исторических и литературных // Русская эстетика и критика 40—50-х годов XIX века / Подгот. текста, сост., вступ. ст. и примеч. В. К. Кантора и А. Л. Осповата.— М., 1982.— С. 151—191 (не полностью).

Лит.: Белинский В. Г. Ответ «Москвитянину» // Полн. собр. соч.— М., 1956.— Т. X.— С. 221—269; Герцен А. И. Письма к противнику // Собр. соч.— М., 1959.— Т. XVIII.— С. 274—296; Ефимова М. Т. Юрий Самарин в его отношении к Лермонтову // Пушкинский сборник.— Псков, 1968.— С. 40—47; Ефимова М. Т. Ю. Самарин о Гоголе.— Уч. зап. ЛПИ им. А. И. Герцена.— Т. 434; Пушкин и его современники.— Псков, 1970.— С. 135—147; Литературные взгляды и творчество славянофилов. 1830—1850 годы.— М., 1978; Кошелев В. А. Эстетические и литературные воззрения русских славянофилов (1840—1850 гг.).— Л., 1984.

И. А. Зайцева

СЕВЕРЯНИН, Игорь, настоящее имя — Лотарев Игорь Васильевич [4(16).V.1887, Петербург — 20.XII.1941, Таллин] — поэт. Среди литературных учителей С. называл К. Фофанова и М. Лохвицкую. Поэтический дебют — конец 900 гг. Как указывал сам поэт, всю жизнь тщательно вел учет своих публикаций, с 1905 по 1912 г. им в различных, преимущественно провинциальных, издательствах было выпущено 35 «сборников» брошюр объемом от 2 до 24 страниц, тираж каждого из них не превышал 100 экземпляров. Громкой славы автору они не принесли, но некоторое внимание критики, главным образом неодобрительное, привлекли. Связано это было с очевидной нарочитостью, манерностью авторского выражения мысли, с претензией на «роскошество» и «изящность», что проявилось уже в названиях сборников: «Зарницы мысли» (1908), «Интуитивные краски» (1909), «Колье принцессы» (1910), «Электрические стихи» (1911), «Эпиталама» (1911), «Ручьи в лилиях. Поэзы» (1911), «Качалка Грезерки» (1912).

В нач. 10 гг. С. совместно с К. Олиповым (К. К. Фофанов, сын поэта), Георгием Ивановым и Граалем Арельским (С. С. Петров) организовали литературную группу «эгофутуризм». Впервые этот термин встретился в названии сборника С. «Пролог. Эгофутуризм. Поэза грандос. Апофеозная тетрадь третьего тома» (1911). Эгофутуризм, как своеобразное течение в русской поэзии, просуществовал всего несколько месяцев (орган эгофутуризма — «Петербургский глаша-

тай» вышел лишь четырьмя номерами с марта 1912 г. и прекратил существование уже к ноябрю того же года); возник он как крайнее проявление субъективизма и авторского произвола в литературе в ряду других подобных явлений, «вставших в оппозицию символизму» (А. Блок). С собственно футуристами (кубофутуристами) эгофутуристов объединяло стремление к поиску новых языковых возможностей в поэтическом творчестве, однако в их рядах не было художников, равных по силе дарования В. Хлебникову и В. Маяковскому, да и цели их поэзии ограничивались прежде всего желанием успеха. К нач. 10 гг. С. становится весьма популярным поэтом, собиравшим на свои поэзоконцерты, часто по-футуристически скандальные, массы слушателей. С выходом сборника «Громокипящий кубок» (1913) к нему пришла настоящая слава, он выдвигается в число наиболее известных авторов. Книги его стихов («Громокипящий кубок», «Ананасы в шампанском», 1915; «Златолира», 1914; „Victoria Regia“, 1915) многократно переиздаются, турне по городам России проходят с большим успехом, а в 1917 г. в Москве при выборах «короля поэтов» он опережает самого Маяковского.

Прием запатажа широко использовался представителями всех модернистских школ. Футуристы, и среди них эго-, читали его на первых порах едва ли не главным в своем поэтическом арсенале. На гребне общей тенденции к обновлению языка, проявившейся в начале века, возникли явления, чужеродные природе языка, рожденные идеей новизны во что бы то ни стало. Одним из таких явлений было неумное словотворчество в поэтике футуризма. Если в творческой лаборатории Хлебникова поиск новых словоформ теснейшим образом слит с намерением качественно ощутимого воплощения категории времени (будущего и прошедшего), если Маяковский искал новых «революционных созвучий» для воплощения революционных по духу мыслей и чувств своего героя, то у др. участников движения (А. Крученых, напр.) создание новых слов часто имело самоценный характер, вне связи с законами языка, объективно способствовало его искажению и разрушению, что и вызывало справедливые насмешки и даже гнев критики. В большой степени это относится и к С. Сам себя считавший смелым и даже дерзким обновителем речи, на практике он использовал этот прием прежде всего как средство для привлечения внимания публики. Каждая из его «поэз» (так и не привившееся определение стихотворения) наполнена неологизмами, в появлении которых часто нет необходимости, они создают явно нежелательный автору комический эффект ясноносознания: «офиалчен, олилеен озерзамок», «обезвопросена душа», «юниться», «засосенить», «зальдаться», «изжелал желания», «молодость отмолодал» или «Берлинство, Лондонство, Нью-Йоркчество». Еще одной важной характеристикой языка С. стало обильное использова-

ние иноязычной лексики и географических названий. Этому чаще всего не было смыслового оправдания, но создавал ореол «экзотики» и мишурный блеск «шикарной» великосветской жизни: «буше», «крем-брюле», «вирел», «маркиза», «кокотка», «сюрпрезерка», «куртизанка», «шантан», «констебль», «фаэтон», «рододендрон», «грум» и т. д. Подобное словесное излишество, эгоцентризм стихов С. («Я гений Игорь Северянин, / Своей победой упоен: / Я повсегда оэкранен! / Я повсердно утвержден! / ...Я покорил литературу! / Взорлил, гремящий, на престол» — «Эпилог»; «Великого приветствует великий» — «Валерию Брюсову») создают своеобразный стиль его творчества, далеко не всеми принимавшийся, но возбуждающий всеобщий интерес. Сам поэт позже в стихотворении, названном им своим именем «Игорь Северянин», признавался, что «...он совсем не то, / Что думает о нем толпа пустая», уверял, что в смешении ананасов, авто, кинематографа и фокстротов должно различать его душу «простую, как день весны», и называл себя «иронизирующее дитя». Ирония действительно ощутима в стихах С. И там, где манерность и вычурность исчезали, перед читателем предстал совсем другой поэт — тонко чувствующий, с острой наблюдательностью, владеющий даром создания ритмической и звуковой выразительности стиха. Несомненность дарования С. признавали М. Горький, В. Брюсов, Н. Гумилев, О. Мандельштам. Брюсов, хотя и отмечал наличие ложной красоты и налета безвкусицы в стихах С., называл его лириком, тонко воспринимающим природу и весь мир, художником, чье мастерство заставляет читателя страдать и радоваться вместе с автором.

После Октября С. оказался в эмиграции. Но произошло это не в силу политических убеждений поэта, который всю жизнь стремился быть «вне политики», а благодаря стечению обстоятельств: местечко Эст-Тойла на берегу Балтийского моря, где постоянно летом жил С., находилось в Эстонии, получившей после революции государственную независимость. Первоначально почитатели таланта С. надеялись, что он не останется в рядах эмигрантов. Известный деятель Коммунистической партии А. М. Коллонтай, находясь с дипломатической миссией в Норвегии, писала ему из Христиании (Осло) в 1922 г.: «Жизнь за эти годы равняется геологическим сдвигам. Прошлое сметено... Я люблю Ваше творчество, но мне бы ужасно хотелось показать Вам еще одну грань жизни — свет и тени тех неизмеримых высот, того бега в будущее, куда революция — эта великая мятежница — завлекла человечество. Именно Вы — Поэт — не можете не полюбить ее властного, жуткого и все же величаво прекрасного, беспощадного, но мощного облика». К сожалению, этим пожеланиям не суждено было сбыться — С. остался в буржуазной Эстонии, хотя антисоветских настроений белой эмиграции никогда

не разделял. Более того, в стихотворениях и стихотворных романах 20—30 гг. он постоянно называет себя русским поэтом по национальной принадлежности, по любви к родине, а тема России становится одной из главных в его творчестве этих лет.

Находясь в эмиграции, С. продолжал активно писать и выпустил сборники: «Вервена» (1920), «Менестрель» (1921), «Фея Е. о. е.» (1922), «Падучая стремнина» — роман в стихах (1922), «Соловей» (1923), «Роса оранжевого часа» — поэма (1925), «Колокола собора чувств» — роман в стихах (1925), «Классические розы» (1931), «Адриатика» (1932). Поэтическая манера С. заметно изменилась: стих не потерял своей напевности, музыкальности, но язык стал проще, естественнее. Былой популярностью уже не было, русская эмиграция мало обращала внимание на лирические стихи, поэт бедствовал.

Короткий период после 1940 г., когда в Эстонии установилась Советская власть, наполнил поэта надеждами на плодотворное служение вновь обретенной родине; он посылает стихи в советские журналы, ведет переговоры о подготовке сборника своих произведений. Начавшаяся Великая Отечественная война не позволила осуществиться этим планам.

Соч.: Зарницы мысли. 1-й сборник стихотворений.— Спб., 1905; Злата.— Спб., 1908; Громкоплящий кубок. Поэзы / Предисл. Ф. Сологуба.— М., 1913; Златолира. Поэзы.— М., 1914; Ананасы в шампанском. Поэзы.— М., 1915; Victoria Regia.— М., 1915; Поззоантракт.— М., 1915 (на обложке — 1916 г.); Собрание позы: В 6 т.— М., 1916; За струнной изгородью лиры. Избр. поэзы.— М., 1918; Мирозлия. Новые поэзы.— Берлин, 1922; Соловей. Поэзы.— Берлин, 1923; Колокола собора чувств: Автобиографический роман: В 3 ч. Эдопия.— Юрьев (Тарту), 1925; Роса оранжевого часа. Поэма детства: В 3 ч.— Юрьев (Тарту), 1925; Классические розы.— Белград, 1931; Адриатика.— Нарва, 1932; Медальоны. Сопети и вариации о поэтах, писателях и композиторах.— Белград, 1934; Стихотворения / Вступ. ст. В. А. Рождественского.— Л., 1979. А. П. Авраменко

СЕМЕНОВ, Сергей Терентьевич [16. (28).III. 1868, дер. Андреевское Волоколамского у. Московской губ.— 3.XII.1922, там же] — прозаик. Родился в бедной крестьянской семье. Грамоте выучился самостоятельно. Образование получил «в людях», куда был отдан десятилетним мальчиком. Скитаясь по России в поисках заработка (Москва, Петербург, Полтава, Екатеринослав, Белгород), С. с детских лет испытал на себе всю тяжесть подневольного труда. Работал в мастерской у сапожника, на фабрике резиновых лент, в литографии, в водопроводной мастерской, был подручным у художника-любителя, продавцом в чайной, чтецом у слепого купца. В 1887 г. он окончательно бросает «обмертвляющую механическую городскую жизнь» (Двадцать пять лет в деревне.— С. 9) и навсегда возвращается к земледельческому труду. Деревня встретила С. враждебно. Нежелание жить по-старому, неприятие многих мирских законов и суеверий вызывали непонимание и ненависть со стороны «мироедов»

и невежественных односельчан. В 1902 г. по обвинению в «кошунстве» (за работу в поле в день религиозного праздника) С. привлекался к суду, в его доме учиняли обыски, за писателем был установлен полицейский надзор. В 1904 г. по приглашению В. Г. Черткова — друга Л. Н. Толстого — С. уезжает на полгода в Англию. Но вскоре по возвращении дважды подвергается арестам и отбывает наказание за активную общественную деятельность в Таганской и Бутырской тюрьмах. Участвует в тайных сходках, едет в Петербург для передачи крестьянского «приговора» в Государственную Думу, является членом Крестьянского союза. Ему грозила ссылка в Олонецкую губ., замененная разрешением покинуть пределы России. Два года вынужденного пребывания за границей (1906—1908) были посвящены изучению сельского хозяйства в странах Западной Европы (Швейцария, Италия, Англия, Германия). Свои впечатления об этом С. изложил в книге «По чужим землям (Как живут и хозяйствуют земледельцы за границей). Очерки и впечатления» (М., 1919). За границей С. познакомился с выдающимися русскими революционерами — семьей Ф. Э. Дзержинского, В. Д. Бонч-Бруевичем, дружеские отношения с которым сохранил на долгие годы. Он приветствовал Советскую власть и с энтузиазмом включился в дело создания новой жизни на селе. В 1922 г. был зверски убит кулаками.

Первое произведение — рассказ «Два брата», написанный под влиянием «Народных рассказов» Л. Н. Толстого, имело необычную судьбу. Юный полуграмотный автор отдал рукопись Л. Толстому, и рассказ был напечатан в издательстве «Посредник» (1887). В дальнейшем почти все свои литературные опыты С. представлял на суд великого мастера, и Л. Толстой всегда внимательно читал его сочинения, помогал ему советом и заботился об их публикации. Близость к Л. Толстому сыграла выдающуюся роль в жизни и творчестве С. О чем он написал в книге «Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом», куда вошел очерк о работе в Рязанской губ. (1892) по оказанию помощи голодающим крестьянам. С. был также членом организованного Л. Толстым в 1887 г. общества трезвости «Согласие против пьянства». С 1887 г. между Л. Толстым и С. завязалась оживленная переписка, продолжавшаяся полтора десятилетия. Но отношения Толстого и С. претерпели изменения, когда С. отошел от толстовских взглядов и активно включился в общественно-политическое движение в деревне.

В 1894 г. вышел первый сборник «Крестьянские рассказы» с предисловием Л. Толстого, где он называл главные достоинства С.: искренность, значительность содержания, простоту и серьезность формы и выразительность, образность народного языка. Л. Толстой ценил С. за глубокое знание крестьянской жизни и умение изобразить ее изнутри. «Мы все видим ее сверху, а здесь она

встает снизу» (Булгаков в В. Ф. Лев Толстой, его друзья и близкие.— С. 217). Насколько хорошо С. был знаком с процессами и настроениями деревни 80—900 гг., свидетельствует его книга автобиографических очерков «Двадцать пять лет в деревне», представляющая большой познавательный интерес и для современного читателя. Он также автор пьес для народного театра. Наиболее популярные из них отмечены премией Новороссийского университета (драма «Надежда Чигалдаева», комедия «Жених-москвич» и др.). Произведения С. публиковались в периодической печати («Образование», «Новое слово», «Журнал для всех», «Живое слово», «Юная Россия», «Неделя», «Детское чтение», «Вестник Европы», «Русские ведомости» и др.). В 90—900 гг. он постоянно печатался в «Посреднике». Некоторые его рассказы были настолько популярны, что переиздавались по многу раз (напр., «Немилая жена» — более 30 раз). Собрание сочинений С. в шести томах, вышедшее в «Посреднике» (1909—1913), было в 1912 г. удостоено премии Российской Академии наук.

В основе произведений С. лежат незамысловатые сюжеты, они несложны по композиции, действие развивается постепенно и последовательно, каждая подробность важна, художественная речь связана с фольклорной традицией. Писатель изображал то, что сам наблюдал и переживал, отсюда правдивость и особая доверительная интонация его повествования. Крестьянские работы, беды и скупые радости земледельца, деревенские обычаи, весь крестьянский быт — неотъемлемый фон рассказов и повестей. И все они складываются в панораму дореволюционной русской деревни с ее насущнейшим вопросом о земле, общинами, выгоняющим крестьянина в город, социальным расслоением. «Из овечьего стада еще волков не вышло, а из мужицкого уже появляются», — говорят крестьяне в повести «Односельцы», 1917 (Рассказы и повести.— С. 567). Во многих произведениях С. рисуется отталкивающие черты кулаков, «захвативших чужбинки», теряющих в богатстве человеческие качества («На мельнице», 1909; «Дедушка Илья», 1902). Еще страшнее представители темной крестьянской среды, готовые за полведра водки заложить совесть. Невежество писатель считал самым главным врагом простого народа. Образы его отрицательных персонажей сливаются в собирательный образ «брюханов», чей «бог — утроба» («Брюханы», 1905). Не идеализируя крестьянский «мир», автор показывает, как нелегко бывает в нем пробиться правде и добру. Нравственный мотив является ведущим в произведениях С. Особенно писателя волнует бесправное положение женщины («Солдатка», 1889; «Немилая жена», 1890; «Страшное дело», 1894, и др.) и горькая доля крестьянских детей («Шпитонок», 1893; «Отчего Парашка не выучилась грамоте», 1901; «Огнепклонники», 1916; повесть «Из жизни Ма-

карки», 1908). Детские рассказы С. не раз издавались в советское время. В 1959 г. они впервые были объединены в сборник, и С. предстал перед современным читателем как талантливый детский писатель. В 1962 г. вышла книга избранных рассказов С. «В родной деревне». Ее нравственное воздействие выражено в читательских отзывах: «Книга не зря написана. Самому сразу хочется быть лучше» (Литературная Россия.— 1963.— № 21.— 24 мая.— С. 8).

Творчество С. привлекало внимание А. П. Чехова, И. А. Бунина, В. Г. Короленко, вызвало сочувствие у М. Горького. «Летописью народной крестьянской жизни» назвал его наследие советский писатель С. П. Залыгин (Рассказы и повести.— С. 8). «Это еще не оцененный писатель...» — говорил о С. Лев Толстой (Булгаков в В. Л. Н. Толстой в последний год жизни.— М., 1960.— С. 158).

Соч.: Крестьянские рассказы: В 6 т. / Предисл. Л. Н. Толстого.— М., 1909—1913; Крестьянские пьесы для народного театра.— М., 1912; Из жизни Макарки. Рассказы / Вступ. ст. К. Н. Ломунова.— М., 1959; В родной деревне. Рассказы / Вступ. ст. К. Н. Ломунова.— М., 1962; Рассказы / Вступ. ст. К. Н. Ломунова.— М., 1970; Рассказы и повести / Сост. и вступ. ст. С. П. Залыгина.— М., 1983 (Из литературного наследия); Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом.— Спб., 1912; Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом.— Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников: В 2 т.— М., 1955.— Т. 1.— С. 339—360; О встречах с А. П. Чеховым // А. П. Чехов в воспоминаниях современников.— М., 1986.— С. 271—276; Двадцать пять лет в деревне.— Петроград, 1915.

Лит.: Зорин А. Мертвый схватил живого // Правда.— 1923.— 11 янв.; Царев в Пав. Самоучка писатель С. Т. Семенов: К пятой годовщине со дня смерти: Очерк жизни и деятельности.— Галич, 1927; Толстой Л. Н. Предисловие к «Крестьянским рассказам» С. Т. Семенова // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: Юбилейное издание.— М.; Л. 1928—1958.— Т. 29.— С. 213; Народный писатель Сергей Терентьевич Семенов: Библиографические и методические материалы / Сост. А. Пудалов.— М., 1968; Булгаков В. Ф. С. Т. Семенов // Булгаков В. Ф. Лев Толстой, его друзья и близкие.— Тула, 1970.— С. 213—221; Л. Н. Толстой. Переписка с русскими писателями: В 2 т.— М., 1978.— Т. 2.— С. 326—373; Никифорова Т. Г. Фонд С. Т. Семенова в архиве Толстого // Яснополянский сборник.— Тула, 1984.— С. 84—90; Залыгин С. О нашем наследии: О жизни и творчестве русского писателя Сергея Семенова // Литературная Россия.— 1985.— № 25.— 21 июня.— С. 18—19. Т. В. Романова

СЕНКОВСКИЙ, Осип (Юлиан) Иванович [19(31).III.1800, имение Антоколон близ Вильны — 4(16).III.1858, Петербург] — прозаик, журналист, ученый-востоковед. Родился в польской семье, принадлежавшей к старинному, но обедневшему дворянскому роду. Получил первоначально домашнее образование. Затем учился в Минском коллегии, Виленском университете. Во время учебы в университете состоял членом «Towarzystwa szubrawców» («Общества плутов»), деятельность которого преследовала нравственные цели; сотрудничал в газете «Wiadomości Brucowne» («Уличные ведомости») — публикации в ней носили характер злободневной сатиры на общественные пороки. Научные интересы С. — студента были связаны с изучением Востока. Окончив универси-

тет в 1819 г., С. на средства, собранные по подписке, предпринял путешествие в Турцию, Сирию, Египет, где собирал материалы по истории народов Востока, изучал географию, этнографию, древности, восточные языки. Впоследствии стал полиглотом. В 1821 г. прибыл в Петербург и был зачислен на службу переводчиком Коллегии иностранных дел. В 1822 г. назначен ординарным профессором Санкт-Петербургского университета, получив две кафедры — арабского и турецкого языка. К середине 20 гг. стал выдающимся ученым-ориенталистом, одним из основателей русского востоковедения. Блестящий преподаватель, С. увлекательно читал курсы лекций. В отставку вышел в 1847 г. Однако уже с середины 30 гг. пренебрегает преподавательскими обязанностями, отдавая все силы деятельности литератора и журналиста.

В 20 — нач. 30 гг. в журналах «Северный архив», «Сын отечества», альманахах «Полярная звезда», «Северные цветы», газете «Северная пчела» печатались восточные повести, переводы, научные статьи и рецензии С. Восточные повести С., в которых сказало его прекрасное знание литературы, истории и быта Востока, имели успех. 8 февраля 1824 г. Пушкин писал А. А. Бестужеву по поводу арабской сказки С. «Витязь буланого коня»: «Арабская сказка — прелесть; советую тебе держать за ворот этого Сенковского» (Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 17 т. — М.; Л. — Т. XIII. — С. 87). С. сблизился с Бестужевым, Ф. В. Булгариным, познакомился с др. литераторами. В декабре 1821 г. был принят в Санкт-Петербургское Общество любителей русской словесности. В 1828—1833 гг. занимал пост цензора. В 1830—1836 гг. сотрудничал в выходящей в Петербурге польской газете «*Wataput*»,

В 1833 г. отдельным изданием вышли «Фантастические путешествия барона Брамбеуса» С. Они пользовались большой популярностью, в 1835 г. были напечатаны вторым изданием. Научную полемику с известными французскими учеными зоологом Ж. Кювье и египтологом Ж.-Ф. Шамполионом С. облек в занимательную, остроумную форму. Так, Брамбеус читает на стенах пещеры повесть, начертанную иероглифами, расшифровывая их по системе Шамполиона, но потом оказывается, что это не иероглифы, а сталагмиты. Надворный советник барон Брамбеус, мистификатор и болтун, совершивший невероятное путешествие на Медвежий остров, провалившийся в Эту и попавший в центр земли, летавший верхом на камне, надолго стал излюбленным героем-рассказчиком С., его литературной маской.

Именем барона Брамбеуса были подписаны два фельетона С., напечатанные в 1833 г. в альманахе А. Ф. Смирдина «Новоселье», — «Незнакомка» и «Большой выход у Сатаны». Они имели скандальный успех. Используя сюжеты произведений Ж. Жанена и О. Бальзака, С. высмеивал состояние русской сатиры, всей русской литера-

туры, задевая, в частности, Пушкина, Н. А. Полевого, Булгарина. «Большой выход у Сатаны» выражал не только литературное, но и политическое кредо С.: один из героев фельетона — «черт старый, гадкий, оборванный, изувеченный, грязный, отвратительный, со всклокоченными волосами, с одним выдолбленным глазом, с одним сломанным рогом, с когтями как у гиены, с зубами без губ как у трупа и большим пластмассером, прилепленным сзади пониже хвоста»; это — «злой дух мятежей, бунтов, переворотов» Астарот, который докладывает Сатане об июльской революции 1830 г. во Франции, о восстании 1831 г. в Польше как о бессмысленных кровопролитиях «дураков-людей», рассказывает о том, как он затем удалился в Париж на свою главную квартиру и «от скуки написал учное рассуждение «О верховной власти сапожников, поденщиков, извозчиков, наборщиков, нищих, бродяг и проч.» (Сенковский О. И. Собр. соч. — Т. I. — С. 396, 399, 401—402). О своих политических взглядах С. печатно заявил именно в то время, когда готовил выход своего журнала.

В 1833 г. С. заключил договоренность со Смирдиным о совместном издании с 1834 г. «Библиотеки для чтения», стал редактором этого ежемесячного журнала. Журнал был основан на коммерческих началах, была введена устойчивая полустная оплата. Н. Г. Чернышевский высоко оценивал дарование С. — организатора журнального дела. С. редактировал все материалы, многие из них переписывал почти заново, отбирал статьи для переводов, писал статьи для всех отделов журнала. При разнообразии публикаций «Библиотека для чтения», будучи единоличным созданием С., сохраняла единство направления и стиля.

«Библиотека для чтения, журнал словесности, наук, художеств, новостей и мод» — первый русский толстый журнал энциклопедического типа, рассчитанный на широкого столичного, но прежде всего провинциального читателя. «Появление этого журнала — истинная эпоха в истории русской литературы. До него наша журналистика существовала только для немногих, только для избранных, только для любителей, но не для общества» (Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. — М., 1955. — Т. IX. — С. 244). В «Библиотеке для чтения» было семь разделов: «Русская словесность», «Иностранная словесность», «Науки и искусства», «Промышленность и сельское хозяйство», «Критика», «Литературная летопись», «Смесь». Большое место уделялось популяризации научных открытий.

В первые годы существования журнала С. сумел привлечь к участию в нем Пушкина, В. А. Жуковского, П. А. Вяземского, Д. В. Давыдова, Е. А. Баратынского, И. И. Козлова, В. Ф. Одоевского. Однако этим писателям был чужд литературный меркантилизм С., его установка на развлекательность, расчет на невзыскательные вкусы

массового читателя. В последующие годы в журнале стали печататься Н. В. Кукольник, В. Г. Бедиктов, А. В. Тимофеев, Рахманый (Н. Н. Вревкин) и др. любимцы читающей публики 30—40 гг. В соответствии с ее потребностями С. переделывал публикуемые произведения иностранных, преимущественно английских авторов.

С. выдвинул принцип вкусовой критики, считая ее «картиною личных ощущений». Он сравнивал Пушкина с Тимофеевым, Кукольника объявил русским Гете, «Героя нашего времени» М. Ю. Лермонтова назвал неудавшимся опытом юного писателя, «Мертвые души» Н. В. Гоголя приравнял к романам Поля де Кока. В своих оценках С. был и искренен, но часто они определялись коммерческими соображениями, были вызваны борьбой с конкурентами за рынок сбыта журнальной продукции. Показательна история отношения С. к Пушкину. В 1835—1836 гг. Пушкин напечатал в журнале С. «Пиковую даму», «Песни западных славян», «Сказку о рыбаке и рыбке», «Сказку о мертвой царевне и о семи богатырях», «Сказку о золотом петушке», «Кирджали», отрывки из «Медного всадника» и из «Истории Пугачева», несколько стихотворений. С. по достоинству оценил новаторство пушкинской прозы. «Вы создаете нечто новое, вы начинаете новую эпоху в литературе, которую уже прославили в другой отрасли,— писал С. Пушкину.— Вы положили начало новой прозе, можете в этом не сомневаться» (Письма к А. С. Полн. собр. соч.— Т. XV.— С. 322). Однако как только стало известно о том, что Пушкин будет издавать журнал «Современник», С. повел на него наступление как на будущего конкурента. В 1836 г. в «Библиотеке для чтения» появились оскорбительные для Пушкина публикации С. В повесть С. «Записки домового» было включено намекающее на Пушкина упоминание о том, как «человек тридцать приятелей» безуспешно пытаются поднять «одну упавшую репутацию»; в рецензии на перевод Е. П. Люценко поэмы К.-М. Виланда «Вастола» высмеивался Пушкин, выступивший в роли издателя «Востолы»; в отделе «Смесь» С. открыто пытался опорочить «Современник», называя его «бранно-периодическим альманахом», а Пушкина — «неосторожным гением», который с вершины Геликона, «нарвав там горсть колючих острот, бежит стремглав по скату горы» в «бездонное болото», наполненное черной грязью» — «журнальной полемикой». В XX томе «Библиотеки для чтения» за 1837 г. незадолго до смерти Пушкина С. напечатал без имени автора повесть М. Н. Заголкина «Московский европеец», являющуюся памфлетом на П. Я. Чаадаева и пародией на роман Пушкина «Евгений Онегин». После смерти Пушкина в XXI томе журнала С. поместил статью о нем Н. А. Полевого, который выражал скорбь по поводу безвременной кончины «первого поэта славной нашей Русской земли».

В С.-журналисте отразился противоречивый характер эпохи 30—40 гг. «Сенковский был очень остроумным писателем, большим труженником, но совершенно беспринципным человеком, если только не почтеть принципами глубокое презрение к людям и событиям, к убеждениям и теориям. В Сенковском нашел своего подлинного представителя тот духовный склад, который приняло общество с 1825 г., — блестящий, но холодный лоск, презрительная улыбка, нередкое скрывающаяся за собой угрызения совести, жажда наслаждений, усиливаемая неуверенностью каждого в собственной судьбе, насмешливый и все же невеселый материализм, принужденные шуточки человека, сидящего за тюремной решеткой. <...> Поднимая на смех все самое святое для человека, Сенковский невольно разрушал в умах идею монархии» (Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т.— М., 1956.— Т. VII.— С. 219—221).

Прозаические произведения С. отмечены несомненным талантом, их отличает своеобразное остроумие, сказывающееся в мистификациях, шутках, парадоксах, занимательность изложения, легкость стиля. Свободно владея различными прозаическими жанрами, С. явился одним из создателей фельетона. Чаще всего он выступал под именем Барона *Брамбеуса*. Другие его псевдонимы — *Тютюнджу Оглы*, *Карло Карлини*, *Женихсберг*, *П. Снегин*. В 1835 г. под именем *А. Белкина* С. напечатал в своем журнале «Потерянную для света повесть», в которой он, будучи пропагандистом светской повести, пародировал демократическую тематику, гуманистический пафос повести бытовой, полемизировал с М. П. Погодиным и Пушкиным — автором «Повестей Белкина». В 1836 г. в «Библиотеке для чтения» под именем *А. Белкина* были напечатаны повести С. «Турецкая цыганка» и в соавторстве с Тимофеевым — «Джулино». Они явились попыткой стилизации прозы Пушкина, неудавшимся опытом творческого соревнования с ним.

В 30 гг. «Библиотека для чтения» пользовалась огромной популярностью. С. успешно отражал ожесточенные нападки конкурентов: Булгарина, Н. И. Греча, Н. А. Полевого. В 1848 г. издание «Библиотеки для чтения» перешло к другому книгопродавцу; в качестве соредатора С. был приглашен А. В. Старчевский, который постепенно отстранил С. от руководства журналом. С. редактировал также «Энциклопедический лексикон», издаваемый А. Плюшаром с 1837 г.; в 1838—1840 гг. совместно с бароном Н. В. Медемом издавал «Военную библиотеку».

В последние годы жизни С. занимался гальванопластикой, фотографией, астрономией, изобретением музыкальных инструментов. В 1856 г. напечатал в «Сыне отечества» серию фельетонов «Листки барона Брамбеуса», которые имели большой успех; в нач. 1858 г. сотрудничал в журнале Плюшара «Весельчак», задумал вместе с А. А. Краевским издание политической газеты.

Личность С. неоднозначна. Наряду с цинизмом и практицизмом ему были присущи и романтические душевные порывы. Об этом свидетельствует история его женитьбы, которая нашла отражение в повести С. «Любовь и смерть»: будучи влюбленным в старшую замужнюю дочь разорившегося банкира барона Раль, он по ее желанию женился на ее младшей сестре. Человек незаурядных способностей, наделенный острым умом ученого, ярким дарованием литератора и журналиста, он вошел в историю русской литературы и журналистики как «Мefистфель николаевской эпохи» (А. И. Герцен). Свой талант, гигантскую работоспособность С. во многом растратил на литературные мелочи, поденную журнальную работу, под конец жизни страдал от внутренней пустоты, тоски и апатии.

Соч.: Собр. соч. Сенковского (Барона Брамбеуса): В 9 т. / Вступ. ст. П. Савельева. — СПб., 1858—1859; Бедуин (повесть). Витязь буланого коня (арабская кассида). Деревянная красавица (восточная повесть). Урок благодарным (восточная повесть). Истинное великодушие (восточная повесть) // Полярная звезда. — М.; Л., 1960; Ученое путешествие на Медвежий остров // Взгляд сквозь столетия. Русская фантастика XVIII и первой половины XIX в. / Сост. и коммент. В. Гуминского; Предисл. А. Казанцева. — М., 1977; Превращения голов в книги и книг в головы // Русская романтическая повесть / Вступ. ст. В. И. Сахарова. — М., 1980.

Лит.: Чернышевский Н. Г. Очерки гоголевского периода русской литературы // Полн. собр. соч.: В 15 т. — М., 1950. — Т. V; Ахматова Е. Н. О. И. Сенковский // Русская старина. — 1899. — № 5; 1890. — № 8; Старчевский А. В. Воспоминания старого литератора // Исторический вестник. — 1891. — № 8, 9; 1892. — № 11; Гинзбург Л. Я. «Библиотека для чтения» в 30-х годах. О. И. Сенковский // Очерки по истории русской журналистики и критики. — Л., 1950. — Т. I; Каверин В. А. Барон Брамбеус. — 2-е изд. — М., 1966; Михайлова Н. И. Болдинские повести Пушкина и пародии Сенковского // Болдинские чтения. — Горький, 1977; Львова Н. «Душевное, не имеющее духа...» (Подполье Достоевского и О. И. Сенковский) // Литературная учеба. — 1986. — № 4. Н. И. Михайлова

СЕРАФИМОВИЧ, Александр Серафимович, псевдоним, настоящая фамилия *Понов* [7(19). I.1863, станица Нижне-Курмоярская, ныне Цимлянского р. Ростовской обл. — 19.I.1949, Москва] — писатель, журналист. Происходил из казацкой военно-чиновничьей среды. Детство прошло на Дону, природа которого навсегда запечатлелась в душе ребенка. Семья неоднократно переезжает из города в город, пока окончательно в 1874 г. не обосновывается в станице Усть-Медведицкой (в 1933 г. она получает статус города и новое название — г. Серафимович). С. сначала учится дома, потом поступает в гимназию, не оставившую в нем ярких воспоминаний. Первое же, наиболее сильное впечатление детства — расправа с беглым казаком — отразится позже в рассказе «Этюд из детской жизни» (1898). Откровением станет для будущего писателя изображение к русской классике. О знакомстве с творчеством Л. Толстого, чья простота и искренность буквально поразили мальчика, он рассказывает в очерке «Первые странички». Впоследствии своим учителем С. назовет и Чехова, восторжен-

ное поклонение таланту которого он сохранит на всю жизнь.

Окончив гимназию в 1883 г., он продолжил образование в Петербургском университете на физико-математическом факультете. Одновременно начинаются и «революционные университеты» С. Он посещает кружок Д. Благоева, знакомится с А. Ульяновым. За сочинение и распространение листовки в его защиту С. арестовывают в 1887 г. и приговаривают к ссылке в Архангельскую губ.

В ссылке С. близко сошелся с революционером П. Моисеенко. В созданной поселенцами коммуне читалась революционная литература. «Изучение Маркса, — признавался писатель, — на всю жизнь определило направление моего писательского пути» (Собр. соч.: В 10 т. — М., 1948. — Т. 8. — С. 428). Знакомство с бытом и нравами поморов и народностей Севера подтолкнуло С. к написанию первого произведения — рассказа «На льдине», над которым он работал целый год. Рассказ был напечатан в «Русских ведомостях» (1889). С. в раннем творчестве опирается на традиции Г. Успенского, Помяловского, Решетникова, однако рассказ рождал в читателе не взрыв сочувствия и сострадания к человеку труда, а чувство гордости за него, бросающего вызов природе, до конца сопротивляющегося обстоятельствам. И др. рассказы 90 гг. — «В тундре», «На плотях», «Месть», «На лимане» — рисуют нечеловеческое напряжение сил, ярое несогласие человека с условиями существования, драматизм ежечасной борьбы за жизнь. Современная С. критика, видя в его произведениях подробное описание трудовых процессов, экономических неурядиц, поспешила зачислить писателя в ряды натуралистов. Она не пожелала заметить, что и за, казалось бы, частными конфликтами его рассказов проступают контуры общественных противоречий, социальные контрасты. При этом романтические краски в обрисовке пейзажа, стихий природы у С. действительно переплетались с натуралистическими подробностями быта.

В 1890 г. С. получает разрешение вернуться в родные места под надзор полиции. Он не оставляет революционную пропаганду, собирая вокруг себя молодежь. С. добывает себе средства на жизнь частными уроками, но продолжает и литературную деятельность — пишет серию автобиографических рассказов о детстве («Бегство в Америку», «Поход» и др.). И впоследствии события личной жизни часто становились основой многих его произведений — отсюда пристрастие С. к точности, документу.

С 1892 г. С. живет в Новочеркасске, устраивается работать в газету «Приазовский край», где выполняет обязанности и обозревателя (репортажи о мариупольской жизни), и очеркиста, и фельетониста. Остропа публикаций С., в которых содержались нападки на местные власти, на иностранных акционеров, заставила редакцию

расстаться с негодным сотрудником, и он переходит в либеральную «Донскую речь», где также публикует статьи и очерки в защиту обездоленных обитателей дна, осуждает самоуправство и произвол буржуазных воротил. В фельетонах, очерках все отчетливее звучала уверенность писателя в невозможность исцелить «незаживающие язвы» (название одного из очерков) общества увещеваниями и отдельными реформами. В художественных произведениях этого периода мысль о противоположности и непримиримости интересов пролетариата и буржуазии отчетливо выражена в рассказах «Стрелочник», «Под землей», «Маленький шахтер», «Семичура», «Инвалид», «Машинист», «На заводе». Рабочие обрисовываются им не только как страдальцы. Уже тогда С. начинал прозревать в них «великую силу» (Луначарский А. В. Статьи о литературе.— М., 1957.— С. 381).

В 1901 г. вышла первая книга С. «Рассказы и очерки». В 1902 г. по приглашению Л. Андреева, с которым у С. надолго установились дружественные отношения, писатель переезжает в Москву для работы в газете «Курьер». В «Курьере» он ведет постоянные рубрики «Заметки», «Обо всем», начинает большее внимание уделять вопросам искусства, выступает пропагандистом творчества писателей-реалистов. Вскоре он сближается с кругом демократически настроенных писателей — телешовской «Средой». Несколько позже становится активным «знаниевцем» (знакомство с М. Горьким состоялось в 1902 г.). Постепенно С. начинает овладевать «школой Горького», уроки которого скажутся в его произведениях периода первой русской революции, написанных по свежим впечатлениям от революционных боев: «Похоронный марш», «Мертвые на улицах», «На Пресне». По словам С., в эти дни он «увидел, как вырос... рабочий класс», оценил его «мужество и отвагу» (Собр. соч.— Т. 3.— С. 392). Внимание писателя привлекает прежде всего образ «собирающего деятеля» (В. Воровский) — массы, завоевывающей себе свободу. И если ранее стиль С. отличали безыскусственность, мягкость, юмор, то теперь на смену им приходит напряженный, подчеркнuto экспрессивный тон повествования, появляются символические детали (рождение ребенка в рассказе «Среди ночи»), особую роль начинает играть цветовая гамма, лирические авторские отступления. А прием многоголосия как нельзя более точно раскрывает процесс пробуждения народного сознания. Этот же мотив — приобретение человека из народа к социальной борьбе и изменение его психологии, но уже на примере индивидуальной судьбы дан С. в рассказе «Бомбы» (1906), героиню которого часто сопоставляют с горьковской Ниловной. Вера в конечном торжество новых идей, брожение в среде крестьянства воссоздаются им в рассказах «У обрыва», «Зарева».

В эти и последующие годы расширяется и те-

матический диапазон произведений С. В поле зрения писателя попадает и быт полупролетарской массы города, жизнь «мышинного царства» (см. одноименный рассказ) — рассадника мешанства. С. рисует проникновение «чумазого» в деревню, расслоение в среде крестьянства, вызревание хищнической психологии у честных тружеников («Отрезанный ломоть», «В винограднике»). Губительную власть собственности испытывают на себе герои «Вражьей земли» и «Родной земли». Искание естественных человеческих чувств под влиянием капиталистических отношений, «собственническое озверение» (А. Луначарский) запечатлены С. в рассказах «Заяц», «Ледоход», «На берегу». Значительным творческим достижением в этом направлении стали «Пески» (1908), очень понравившиеся Л. Толстому. Рассказ о жизни крестьянки, отдавшей красоту, молодость, любовь за возможность стать владелицей мельницы, перерастает в полное трагизма повествование о загубленной душе, о «песках» собственности, поглощающих всех вокруг. Лицемерие буржуазных болтунов, пекущихся о благе народа до тех пор, пока не возникает опасность для личного благополучия, разоблачается С. в рассказах «Погром», «Мать», «Утро», «Любовь», «Ночной дождь». Тонкий психологический рисунок образов отличает рассказы С. о положении женщины-крестьянки. Их героини — Матрена («Одинокий двор», 1910), Христя («Сухое море», 1914), Варвара («Две ночи», 1913), Малаша («Фетисов курень», 1916) — выделяются среди окружающих полнотой душевной жизни, поэтичностью устремлений. Но эти их качества остаются «невостребованными». И С. показывает, как зреют в их душах зерна протеста, приводящего в одних случаях к гибели, в других — к разрыву с миром порабощения. Мысль С. тревожат и взаимоотношения народа и интеллигенции, нелегкий путь к взаимопониманию («Две ночи», «Галина»).

После поражения революции писатель много ездит по югу России с лекциями о литературе. Основные темы его выступлений — развенчание антидемократической сущности модернистского искусства, защита искусства социального звучания. Особое внимание он уделяет нравственному облику писателя («Чехов перед публикой и сам»). Размышления С. по поводу места художника в общественной жизни найдут свое завершение в статье «Писатель и читатель» (1913).

В 1906 г. С. приступает к своему самому значительному произведению дореволюционного периода — роману «Город в степи» (напечатан в 1912 г. в журнале «Современный мир»), о котором Луначарский отозвался как о произведении, «достойном Бальзака» (Луначарский А. В. Собр. соч.: В 8 т.— Т. 2.— С. 531). К этому роману сходятся все линии раннего творчества С., он подытоживает его наблюдения над «ходом рабочего движения, его ростом, его значением» (Собр. соч.— Т. 4.— С. 490). История жизни

Захара Короедова, разбогатевшего на грабеже и насилии, прошедшего путь от мелкого приобретателя до крупного фабриканта, переплетается с историей жизни инженера Польшова, типичного либерального интеллигента, несмотря на внутреннее сопротивление и недовольство собой в конце концов капитулирующего перед властью Короедова. Так же поступает и его брат Петр, в прошлом революционер, бунтарь на час, расставшийся с иллюзиями молодости. Показывая набирающий силу русский капитализм, С. одновременно рисует и рост сопротивления рабочих, их тягу к объединению. И пусть это только «миги пробуждения классового самосознания» (Собр. соч.— Т. 5.— С. 352), перед читателем раскрываются перспективы исторического движения, неизбежность и непобедимость грядущей революции. Благодаря историзму романа создается представление об истинном соотношении классовых сил. Однако желание углубить социальную трактовку явлений, психологически мотивировать поведение персонажей в этом произведении частично обернулось у С. биологизацией социальных процессов. Чтобы доказать нравственное вырождение буржуазии, он использует такой сюжетный ход, как сожительство Короедова с собственной дочерью и рождение от этого союза нежизнеспособного наследника. А Польшова к ренегатству толкает патологическая ревность жены, невыносимая семейная обстановка.

В процессе работы над романом происходило обогащение художественной системы писателя. Предчувствие великих перемен, ранее облекавшееся в романтические одежды или подаваемое через публицистически заостренный тезис, приобретало конкретно-исторические контуры. В прозе С. 10 гг. все большее значение начинают иметь «вещная» деталь, звуки, музыкальная тема, краски, ритм движений и состояний. Возникает символический подтекст («Две ночи», «Сухое море»). Скрытая дискуссионность произведений апеллирует к активному созримению читателя. Экспрессивная декларативность стиля революционных лет уступает место эпически спокойному повествованию, вбирающему в себя и сложные душевные переживания героев, и широкий исторический фон, и мир природы.

Годы нового революционного подъема и первая мировая война вновь заставляют писателя окунуться в гущу жизни. Он опять возвращается к журналистской работе. По следам своего путешествия по Дону на мотоцикле, позволившем заглянуть в самые потаенные уголки жизни «степных людей», С. создает циклы очерков «По родным степям» (1912), «Скитания» (1913), «С сыном в горах» (1917). Он становится военным корреспондентом «Русских ведомостей», для чего ему пришлось записаться в военно-продовольственный отряд санитаром. Непосредственное соприкосновение с ужасами войны, общение с М. И. Ульяновой помогают окрепнуть мировоз-

зрению писателя, и он оказывается на стороне большевиков еще задолго до Октября. Его очерки «В Галиции», «На батарее», «Встреча» (1915) заметно выделялись на фоне ура-патриотических корреспонденций с театра военных действий. В этом же ключе написаны и военные рассказы писателя «Термометр», «Сердце согрето», «На побывке». С. показал, как копится ненависть народа к войне и тем слоям общества, которым она выгодна. И даже в этих незатейливых «снимках с натуры» он сумел раскрыть панораму народной жизни.

Через несколько месяцев после февральской революции С. войдет в число сотрудников «Известий Московского Совета рабочих депутатов», за что подвергнется ostrакизму со стороны бывших собратьев по перу, будет изгнан из «Среды». Создавшуюся ситуацию он проанализирует и даст ей социально-политическую характеристику в очерке «В капле» (1917), который многими своими положениями предвосхитит блоковскую статью «Интеллигенция и революция».

В период от Февраля до Октября С. пишет очерки, в которых дает принципиальную партийную оценку политической ситуации. Дальнейший путь художника после Октябрьской революции оказывается тесно связан со строительством советской литературы. Вся предшествующая литературно-общественная деятельность С. подготовила его к созданию классического произведения пролетарской литературы — роману «Железный поток» (1924), который, по определению Луначарского, «уже не только предсказывает, не только оценивает грядущие явления пролетарской революции, но и отражает ее самое» (Лу н а ч а р с к и й А. В. Собр. соч.: В 8 т.— Т. 2.— С. 527).

Соч.: Собр. соч.: В 10 т. / Ред. и коммент. Г. Нерадова.— М., 1940—1948; Собр. соч.: В 7 т.— М., 1959—1960; Собр. соч.: В 4 т.— М., 1987.

Лит.: Блок А. О реалистах // Собр. соч.: В 8 т.— М.; Л.— 1962.— Т. 5; А. С. Серафимович. Исследования. Воспоминания. Материалы. Письма.— М.; Л., 1950; Гладковская Л., Наумов Е. А. Серафимович. Д. Фурманов. Семинарий.— Л., 1957; А. С. Серафимович в воспоминаниях современников.— М., 1961; Волков А. А. Творческий путь А. С. Серафимовича.— М., 1963; Воспоминания современников об А. С. Серафимовиче.— М., 1977; Хигероич Р. Путь писателя.— М., 1981; Ершов Г. А. Серафимович. Страницы жизни, борьбы и творчества.— М., 1982; Чалмаев В. А. Серафимович. Неверов.— М., 1982; Михайлова М. Стилевое своеобразие социалистического реализма в творчестве А. С. Серафимовича 1910-х годов // Из истории русского реализма конца XIX — начала XX века.— М., 1986; Бобух Т. Особенности творческого метода в романе А. С. Серафимовича «Город в степи» // Научные доклады высшей школы.— Филологические науки. 1986.— № 2. М. В. Михайлова

СЕРГЕЕВ-ЦЕНСКИЙ (псевдоним, настоящая фамилия — *Сергеев*), Сергей Николаевич [18 (30).IX.1875, с. Бабино (Преображенское) Тамбовского у. Тамбовской губ.— 3.XII.1958, Алушты] — писатель. Академик АН СССР (с 1943 г.), лауреат Государственной премии. Отец — учитель

земской школы, военный в отставке, участник обороны Севастополя 1854—1855 гг. Мать — терская казачка. В 1884—1890 гг. учится в начальном, затем в уездном училище. После смерти родителей (в 1892 г.) учится на казенный счет в учительском институте в г. Глухове, который окончил в 1895 г. С 1895 г. отбывает воинскую повинность, в 1896 г. уволен в запас. В 1896—1904 гг. служит учителем в г. Каменец-Подольске, Павлограде, Тальсене. В 1904 г. призван в армию. Как офицер открыто демонстрировал свою гражданскую позицию, выступая с обличением организаторов черносотенных погромов. В 1905 г. уволен в запас, поселился в Алуште.

Печататься начал в 1898 г. (сказка «Коварный журавль»). В сентябре 1901 г. С.-Ц. выпускает свою первую книгу — поэтический сборник «Думы и грезы», большинство стихов в котором написано под воздействием модернистской поэзии. Влияние декадентского мироощущения сказалось и на ранней прозе писателя (рассказы «Гундра», 1903; «Маска», 1904; «Дифтерит», 1904; «Бред», 1905, и др. проникнуты мотивами фатальной предопределенности жизни человека, его трагического одиночества).

В годы первой русской революции С.-Ц. обращается к современным социальным темам, пишет о русской деревне повесть «Сад» (1905), рассказы «Батенька» (1905), «Убийство» (1905), «Молчальники» (1905). В них уже чувствовалась революционные веяния современности. В повести «Лесная топь» (1907), обращаясь к теме народа, пишет о смысле жизни, о праве человека на протест против существующего уклада.

Творчество начинающего писателя было предельно субъективированным, что определило стиль романа «Бабаев» (1907), одного из наиболее значительных произведений его дооктябрьского творчества. В основу романа легли действительные события, участником которых был автор. С.-Ц. пишет о кровавом подавлении революции, о царской военщине. Герой романа — поручик Бабаев, каратель, участник расправ над освободительным движением, подавления крестьянских волнений. Но С.-Ц. интересуется прежде всего не социальные аспекты русской жизни, не общественная позиция, а внутренний мир его героя. Эскизно даны зарисовки освободительного движения, но непосредственного представления о революционном движении эпохи роман не дает. Произведение характеризуется осложненным психологизмом. Внимание писателя сосредоточено на анализе противоречивой, изломанной психики героя.

Влияние модернистской поэтики сказалось и в таких произведениях писателя, как импрессионистический этюд «Береговое» (1908), пьеса «Смерть» (1908). В 1909 г. появляется повесть «Печаль полей», произведение, отличающееся простотой образного слова, опирающееся на фольклорные традиции. Обращаясь к теме роди-

ны, народа, С.-Ц. воплощает оптимистическое, действительное начало в образе крестьянского богатыря Никиты Дехтянского. Миру природы, крестьянской жизни противопоставлен вымирающий род дворян Ознобишиных. Повесть проникнута ощущением обреченности дворянского мира.

В 10 гг. происходит нарастание социального оптимизма в творчестве С.-Ц., что отчетливо проявилось в рассказах «Улыбки» (1909), «Недра», «Благая весть», «Медвежонок» (все — 1912). Особое внимание современников привлекла повесть «Движения» (1910). В ней автор воспевает красоту человеческого труда. Энергия, активность героя определяла общий тон произведения. В конце произведения писатель показывает крах, бесперспективность капиталистического накопительства.

Несмотря на негативное отношение писателя к буржуазному миру, прямые конфликтные ситуации редко встречаются в его произведениях дооктябрьского периода. Против общественного зла выступает одинокий правдоискатель, действующий, как правило, в целях духовного самоутверждения (повести «Пристав Дерябин», 1911; «Наклонная Елена», 1913).

В 1910 г. писатель начинает работать над романом «Преображение» (впервые полностью вышел под названием «Валя» в 1923 г., когда был значительно переработан автором). Роман стал образцом реалистического письма С.-Ц. Он назван по имени умершей жены одного из героев, инженера Дивеева. Образ ее постоянно присутствует в произведении, но в романе нет ничего мистического, он реалистичен по своей структуре. Писатель ставит проблему преображения человека (но не в социальном, а прежде всего в морально-этическом плане) и самосовершенствования передовой части русского общества — интеллигенции. В 1914 г. С.-Ц. призывается в армию, его литературная деятельность временно прекращается.

В годы революции и гражданской войны С.-Ц. находится в Крыму. Пишет мало. Произведения писателя появляются в 20 гг. (повести «Чудо», 1922; «Жестокость», 1926; «В грозу», 1927). Они отразили и некоторую растерянность писателя перед новыми явлениями жизни, и попытку творчески осмыслить их. Размышляя о судьбах родины и народа, С.-Ц. обращается к историческим темам, к образам русских писателей. Он пишет три пьесы о М. Ю. Лермонтове («Поэт и поэтесса», 1928; «Поэт и чернь», 1925; «Поэт и поэт», 1929), которые в 1939 г. издаются как роман в трех частях под названием «Мишель Лермонтов». Роман проникнут мотивами обреченности, трагичности судьбы поэта. В 1928 г. С.-Ц. пишет трагедию, а затем (в 1933 г.) повесть «Гоголь уходит в ночь» — о последних месяцах жизни писателя, сложном и трагическом периоде — крушении всех его идеалов. В конце 1933 г. С.-Ц.

пишет роман «Невеста Пушкина», в котором стремится раскрыть образ великого русского поэта.

В 30 гг. С.-Ц. создает произведения о современности, о жизни советского народа, о молодежи: повести «Счастливица» (1932), «Маяк в тумане» (1933), очерк «Харьковский тракторный» (1932), рассказы «Устный счет» (1932), «Воронята» (1934) и др. Роман «Искать, всегда искать!» (1935) посвящен формированию молодой советской технической интеллигенции. Роман вошел в многотомную эпопею «Преображение России» (первая часть — «Валя»). Над темой преобразования, изменения жизни в новой России С.-Ц. продолжает работать до конца своей жизни и создает 12 романов, 3 повести, 2 этюда.

В 30 гг. С.-Ц. подвергался нападкам со стороны критиков РАППа. Большое значение в творческой судьбе С.-Ц. имела переписка, дружеские отношения с М. Горьким, который считал писателя одним из лучших продолжателей русской классической литературы. В 1937—1939 гг. С.-Ц. публикует военно-историческую эпопею «Севастопольская страда» о Крымской войне 1853—1856 гг. (Государственная премия СССР за 1941 г.). В годы Великой Отечественной войны работает как публицист, выступая со статьями, рассказами, посвященными героическим традициям русского народа («Тебе, Москва!», «Севастополь», «Герои из русских моряков»). Тогда же пишет романы о первой мировой войне («Брусилловский прорыв», 1943; «Пушки выдвигают», 1944; «Пушки заговорили», 1944; опубл. в 1956 г.).

В послевоенные годы С.-Ц. издает произведения из цикла «Преображение России»: роман «Утренний взрыв» (1952), этюд «Ленин в августе 1914» (1957), роман «Преображение человека» (1955), повесть «Суд» (1955; 2-я часть романа «Преображение человека»), роман «Весна в Крыму», повесть «Свидание» (опубл. в 1959 г., не завершены).

С.-Ц.— автор статей и воспоминаний о М. Горьком («Моя переписка и знакомство с А. М. Горьким», 1940), И. Репине («Мое знакомство с И. Е. Репиным», 1946), А. Новикове-Прибое («Рождение Цусимы», 1952).

В его доме, в Алуште (с 1962 г.) открыт литературно-мемориальный музей.

Соч.: Думы и грезы.— Павлодар, 1901; Собр. соч.: В 5 т.— Спб., 1910; Собр. соч.: В 7 т.— Спб., 1910—1916; Собр. соч.: В 7 т.— М., 1913—1916; Собр. соч.: В 8 т. (Т. 1—3, 5—8)— Л., 1928; Собр. соч.: В 10 т.— М., 1955—1956; Собр. соч.: В 12 т.— М., 1967; Родная земля. Стихи.— М., 1958; Радость творчества. Статьи, воспоминания, письма.— Симферополь, 1969.

Лит.: Чуковский К. От Чехова до наших дней: Литературные портреты, характеристики.— Спб.; М., 1908; Амфиатов А. В. Заметки сердца.— М., 1909; Кранихфельд В. В мире идей и образов: В 3 т.— Спб., 1912.— Т. 2; Морозов М. В. Очерки новейшей литературы.— Спб., 1911; Философов Д. Старое и новое.— М., 1912; Львов-Рогачевский В. Новейшая русская литература.— М., 1927; Макаренко Г. С. С. Н. Сергеев-Ценский.— Сим-

ферополь, 1957; Шевцов И. Орел смотрит на солнце.— М., 1963; Плукш П. И. С. Н. Сергеев-Ценский — писатель, человек.— М., 1975.

СИНЕГУБ, Сергей Сильч [1851, с. Приволы (Белявское) Александровского у. Екатеринославской губ.— 19.X (2.XI). 1907, Томск] — поэт. Сын помещика. Образование получил в Петербурге. В конце 1871 г. сблизился с народниками, группировавшимися вокруг Н. В. Чайковского, затем стал активным участником кружка «чайковцев», пропагандировавших идеи утопического социализма. С., один из виднейших народников периода их «хождения в народ», прекрасный пропагандист и организатор, вел работу на петербургских и уральских заводах, в первой половине 1873 г. учительствовал (вместе с женой) в с. Губин Угол Тверской губ. Из народнических кружков начала 70 гг. вышли первые рабочие-революционеры, в частности, известный Петр Алексеев занимался в одном из кружков, организованных «чайковцами». С. был знаком с «Капиталом» Маркса, излагал рабочим положения теории прибавочной стоимости. Однако народническую «тягу» к рабочим не следует переоценивать: народников интересовали прежде всего рабочие, недавно ушедшие из деревни, не оставившие крестьянских забот (безземелье, подати, бесправие), предполагалось, в расчете на близкую крестьянскую революцию, подготовить из рабочих агитаторов для деревни.

В ноябре 1873 г. С. был арестован, суд («процесс 193-х»), состоявшийся через 4 года (конец 1877 — нач. 1878 г.), приговорил С. к лишению всех прав состояния и к каторжным работам на 9 лет. После окончания каторжного срока в Нижне-Карийской тюрьме С. как ссыльнопоселенец живет в Чите (с 1881 г.), в Благовещенске (с 1896 г.) и Томске.

Художественное творчество С. подчинено задачам распространения народнических идей. С., как и другие народники того времени, считал, что основы социалистического учения будут восприняты, если их излагать в доступных для неграмотных крестьян и рабочих фольклорных формах. В период активной пропагандистской деятельности (до осени 1873 г.) он пишет в условно-былинном стиле поэмы «Илья Муромец», «Атаман Сидорка», «Степан Разин». В первой поэме, опирающейся на былины «Исцеление Ильи», «Илья и Идолище», богатырь действует в пореформенной Руси, уничтожает барина-обжору и барских слуг, устанавливает в селе Карачарове вольную жизнь. «А и все б мужики во крешеной Руси / Так же жили бы вольно и весело, / Кабы от баргоспод слобонились» — таковы заключительные строки поэмы. Свообразная вольная республика во главе с атаманом Сидоркой показана во второй поэме. Сидорка — благодетель и защитник бедного люда, мститель за нанесенные ему обиды. В поэме использованы предание о встрече в Воронеже атамана Сидорки с Петром I, а также ряд

былинных мотивов, среди которых основную идейную нагрузку несет отрицание братоубийства (из былин «Данило Ловчанин»), не победенный царскими войсками, атаман сломлен, когда против него выступил брат-генерал: «Не видать мужику счастья светлого... / Пока брат на брата поднимается». В основе сюжета поэмы о Разине народные песни и предания, привлечена и легенда о чудесном спасении Разина и о его предстоящем возвращении: он явится тогда, когда весь народ поймет, «Что не ждать ему воли-матушки / От царя, от бар, от господ других, / Что самому ему добывать ее...»

Основное в поэтическом наследии С.— стихи. До ареста это стихотворения — призывы к борьбе («Гей, работники! несите / Топоры, ножи с собой»), о тяжелой доле трудящихся. Широко известной стала «Дума ткача», распространенная как народная песня во множестве вариантов. Среди народников С. получил признание как лучший тюремный поэт 70 гг. В стихах, написанных после ареста,— проклятия в адрес тюремщиков, обращенные к единомышленникам призывы к стойкости («Будьте тверды в своей вере!») и места за униженных и замученных в заключении товарищей («Отмстить за каждую могилу / Борца, убитого тюрьмой»). В ряде стихотворений звучат мотивы самопожертвования во имя революционного дела («Терн», «Перед смертью»). В стихотворении «Волчонок» (о В. С. Любатович) героиня согласна быть забытой после победы революции, только бы «народ угнетенный / Свободно вздохнул обновленный». В стихах последних лет лирические раздумья о скорбной доле революционера и несбывшихся надеждах, усталости перемежаются с радостными мотивами: на смену ушедшим идут новые поколения борцов: «Бодрой свежестью веет в стране, / Всюду новая жизнь пробудилась» («Вот и старость седая пришла»).

В сибирской ссылке С. пишет стихотворную «Сказку о мужике Егорке» — о мытарствах крестьянина, ушедшего из деревни на заработки и вернувшегося к разрушенному дому и погибшей семье. «Сказка» посвящена Л. Н. Толстому и полемична по отношению к его проповеди непротивления. Отшельник, которого встретил Егорка в конце пути, советует ему прочитать «о добром Ильесе» (т. е. одноименный рассказ Толстого) и «не противиться злему». Единственный путь непротивления, избранный Егоркой,— смерть: живой человек не может не протестовать, не бороться.

Поэмы С. читались в кружках, распространялись, как и стихи, в списках. Стихи печатались в граничных изданиях: «Сборник новых песен и стихов» (Женева, 1873), «Из-за решетки» (Женева, 1877, стихи С.— под псевдонимом *Вербовчанин*). Единственный авторский сборник С.— «Стихотворения. 1905 г.» (Ростов на / Д., 1906). Мемуары С. («Записки чайковца») печатались

в журналах «Былое» (1906) и «Русская мысль» (1907), в 1929 г. вышли отдельным изданием.

Соч.: Записки чайковца.— М.; Л., 1929; Неизвестные стихотворения Сергея Синегуба / Вступ. ст. В. Базанова; Публ. С. В. Синегуба и О. Алексеевой // Русская литература.— 1963.— № 4.— С. 160—174; Поэты-демократы 1870—1880-х годов.— Л., 1968.— С. 107—183.

Лит.: Лелевич Г. Лучший тюремный поэт 1870-х гг. // Каторга и ссылка.— 1930.— Кн. 8 / 9.— С. 131—138; Осьмаков Н. В. Поэзия революционного народничества.— М., 1961; Базанов В. Г. Илья Муромец — крестьянский революционер // Русская литература.— 1963.— № 1.— С. 158—172. Ф. М. Селиванов

СКАБИЧЁВСКИЙ, Александр Михайлович [15(27).IX.1838, Петербург — 29.XII.1910(11.I.1911), там же] — критик, историк литературы. Родился в семье мелкого чиновника, из дворян (предки со стороны отца — выходцы из Польши). Учился в Ларинской гимназии, потом на филологическом факультете Петербургского университета (1856—1861); среди однокурсников — Д. И. Писарев, Вс. В. Крестовский. В студенческие годы посещал салон Майковых (см.: «Литературные воспоминания»); увлекался «Колоколом», идеями женской эмансипации. В 1862 г. под влиянием врача А. М. Топорова впервые прочел многие статьи руководителей «Современника» и стал их горячим почитателем. Несмотря на окончание университета со званием кандидата, сильно бедствовал и брался за любую работу: служил несколько месяцев в канцелярии петербургского генерал-губернатора А. А. Суворова; редактировал в Ярославле в 1864 г. биржевую газету «Рыбинский листок»; преподавал (1864—1871) в ряде учебных заведений, в т. ч. в Ларинской гимназии; окончательно оставил педагогическую работу, отвлекавшую от «милой литературы» (Там же.— С. 252), в 1875 г.

Сочинять начал в гимназии, в 6-м классе снижал успех повестью «Пьяница», где подражал Гоголю. Дебют в печати — статья о «Записках охотника» в журнале «для взрослых девиц» «Рассвет» (1859). В «Отечественных записках» появляется его драма «Круглицкие» (1862). Интенсивно сотрудничает С. в дешевых иллюстрированных изданиях («Иллюстрация», «Воскресный досуг»). В 1865 г. в газете «Народная летопись», издававшейся при «Современнике», С. печатает статью о «Рудине» И. С. Тургенева, а в следующем году, по приглашению Н. А. Некрасова, начинает сотрудничать в журнале. Драматические события 1866 г. (покушение на Александра II) привели к закрытию «Современника», но в значительной мере усилили радикализм С. С 1868 г. и до закрытия «Отечественных записок» С.— постоянный сотрудник журнала (выступает как критик, редактирует беллетристику); печатается также в газете «Биржевые ведомости» («Молва») и др. органах. Опираясь прежде всего на социолого-экономические исследования и концепции Н. К. Михайловского, С. участвовал в формировании литературно-крити-

ческой позиции журнала. Будучи скептиком по натуре и в этом отношении сторонником О. Конта, С. не выдвигал в своей критике каких-либо радикальных социальных программ.

Он был хорошим популяризатором как социологической науки в ее народническом воплощении, так и литературного творчества. Закрытие «Отечественных записок» в 1884 г. тяжело отразилось на творческой судьбе С. Полгода ему вообще отказывали в каком-либо сотрудничестве или должности (а на его руках была семья из 5 человек). С обезоруживающей откровенностью С. признавался: «В дальнейшей моей деятельности я ни на шаг не продвинулся вперед от того, чем я был в начале 80 гг., так что, если бы я умер, скажем, в 1884 г., я имел бы полное право сказать при последнем издыхании: я все свое земное совершил» (Там же.— С. 237).

Репрессии и гонения со стороны правительства совпали с глубоким идеологическим кризисом народничества, в разработке литературно-эстетической доктрины которого С. принял живейшее участие. В этих условиях он придерживается своеобразной программы-минимум: сохранить русскую деревню, пусть даже путем правительственной дотации, от полного обнищания и разорения, а в сфере духовной жизни — не утратить общественного характера русской критики и литературы. В своих оценках писателей С. избавляется от крайности утилитаризма: стремится «к одинаковому беспристрастию и почетом отношению и к поэту-гражданину в лице Некрасова, и к жрецу чистого искусства в лице Пушкина» (Соч.— Пб., 1890.— Т. I.— С. 11). Новых течений, прежде всего символизма, в русской литературе С. не принял, а его провозвестника Д. С. Мережковского убедительно уличал в противоречиях («Заметки о текущей литературе», 1893).

В отличие от П. Л. Лаврова, П. Н. Ткачева, Н. К. Михайловского, С. был в большей мере литератором-критиком и ученым филологом, чем социологом-публицистом. Единственная его книга с подчеркнуто социологическим названием «Очерки прогрессивных идей в нашем обществе», печатавшаяся в 1870—1872 гг. в «Отечественных записках», насквозь филологична (впоследствии часть работы вышла под названием «Сорок лет русской критики»).

Наиболее ценную и значительную часть литературного наследия С. представляют работы, посвященные проблемам «народной литературы», точнее — творчеству «беллетристов-народников». Благодаря книге С. «Беллетристы-народники» (1888) это словосочетание закрепилось в истории нашей литературы. Над обозначившейся еще в 1869 г. проблематикой (статья «Живая струя (вопрос о народности в литературе)», опубл. в «Отечественных записках») С. работал до конца своих дней.

Опираясь на положения Добролюбова, С. раз-

вивает концепцию «народной литературы». Дворянской «восторженности и слезливой сентиментальности» в отношении к мужику, славянофильской его идеализации (Н. Кохановская) он противопоставляет столь же ущербную, по его мнению, литературу писателей-разночинцев 50—60 гг. Н. В. Успенского и В. А. Слепцова, впадающих, по его мнению, в комическую утрировку народных недостатков. Снимая с дворянской литературы обвинение в идеализации мужика, С. полемизирует со статьей Чернышевского «Не начало ли перемены?», где дана высокая оценка очеркам Н. Успенского.

Переходным явлением на пути к современному состоянию литературы С. считает творчество А. И. Левитова и Ф. М. Решетникова, вершина ее — произведение Гл. И. Успенского и Н. Н. Златовратского. Стремясь поднять «народную литературу» до уровня «большой», С. подчеркивает и значение «литературной отделки» жизненно правдивого материала, которой часто не видно в творчестве Левитова и Решетникова: «Художник же, пренебрегающий художественностью, этим самым пренебрегает своим гражданским долгом» (Там же.— С. 273). Для «народной литературы», по С., больше всего подходит жанр повести (свидетельствует об этом и неудача романов Д. В. Григоровича «Рыбаки» и «Переселенцы»). Персонаж в таких повестях должен представлять не индивидуальность, а группу мужиков. Высоко оценивает С. Гл. И. Успенского как писателя чрезвычайно правдивого, не боящегося пойти против устоявшихся мнений, «разрушителя иллюзий» (Успенский один из первых показал разложение, капитализацию крестьянской общины). Гл. Успенский, по С., в отличие от Ф. Решетникова, выбился из узкой «сословной» сферы, сумел схватить «общенародные» типы, хотя и не поднялся до уровня «первостатейных писателей», таких, как Тургенев, Григорович, Некрасов, Л. Толстой. В рассказе «Хорь и Калиныч» Тургенева С. видел «общечеловеческую» широту в изображении персонажей из народа, к чему звал и писателей народнического направления.

Оставшись в 1884 г. без постоянной журнальной трибуны, С. не выдвигает каких-либо новых концепций, хотя печатается очень часто. В «Русском богатстве» появляется ряд его статей о современной литературе (в 1880 г. здесь был напечатан его роман «Было-отжило» под заглавием «Маленькая трагедия в среде маленьких людей», не пропущенный цензурой).

Заметны коррективы С., внесенные им в «сквозные» литературно-критические концепции. Основной род его занятий теперь — история литературы. Ряд литературно-биографических очерков о Пушкине (1891), Лермонтове (1891), Грибоедове (1893), Добролюбова (1894), Писемском (1894), вышедших в серии Ф. Ф. Павленкова «Жизнь замечательных людей» и предназначенных для широкого читателя, как будто не отли-

чается особенной новизной. Но для С. это была не просто «смена жанра», но и смена позиций. Он как бы приотраивается к наиболее распространенным взглядам на творчество этих художников. Итогом историко-литературных изысканий С. была «История новейшей русской литературы (1848—1890)», вышедшая в 1891 г. и переизданная еще 6 раз при жизни автора. Этой книгой, систематизировавшей обширный материал, С. сделал современную литературную жизнь достойным университетской науки, что было его несомненной заслугой при всей несостоятельности философско-эстетических рассуждений автора, выявленной Г. В. Плехановым в его рецензии 1897 г. на книгу (см.: Плеханов Г. В. Литература и эстетика.— М., 1958.— Т. 1.— С. 586—594). Ценным обзором были также «Очерки по истории русской цензуры (1700—1763)» (Пб., 1892).

Лишенный «своего журнала», С. меньше выступает как литературный критик. Однако отзывы его на современные литературные явления в 80—90 гг. все же многочисленны и фактически составили объемный второй том его «Сочинений».

В одной из своих значительных критических работ — статье «Больные герои больной литературы» (1897) С., как бы подводя итоги уходящего века, в эпоху безвременья сетует по поводу утраты детьми идеалов отцов, видит в прежних «лишних людях» — Рудине, Бельтове, Райском — едва ли не богатырей в сравнении с героями теперешней литературы. Добрым словом поминуются их предшественники — Чацкий, Онегин, Печорин и последователи — Базаров, Лопухов, Кирсанов, Рахметов. Все они, по С., обладали недюжинными силами, были здоровыми, здоровымыслящими людьми, не в пример «жалко-посредственным и низко пресмыкающимся современникам их» (Соч.: В 2 т.— Спб., 1903.— Т. 2.— С. 581).

Рассмотрев в этой статье ряд персонажей современной литературы — Ф. К. Сологуба, А. И. Куприна, А. П. Чехова («Палата № 6», «Моя жизнь», «Черный монах» и «Дом с мезонином»), критик выражает опасение, как бы «будущие герои времени» не оказались пациентами «психиатрических больниц» (впоследствии С. пересмотрел свое отношение к Чехову). Как критик народнической ориентации С. не мог принять чеховских «Мужиков» с их «гнетущим и безотрадным» для него впечатлением. Это значило отречься от себя самого. Отсюда утверждение С., что Чехов имеет дело скорее с фактами, чем с обобщениями, намек, что может быть и другое осмысление проблемы. Не мог безоговорочно принять С. и впечатляющий образ народника-отступника из «Рассказа неизвестного человека», хотя он и высоко оценил художественный уровень отдельных эпизодов повести.

Противоречивым и загадочным казался С. М. Горький. Оценить по достоинству Горь-

кого С. считал задачей будущих критиков, отметил выход писателя за рамки босяцкой темы.

С. пытался выразить себя в «личных воспоминаниях», за которые он не раз принимался с нач. 90 гг. и до самой своей кончины, каждый раз доводя их до рокового 1884 г. В них в полной мере проявились живость его натуры, почти неисчерпаемый юмор и чувство стиля. Мемуары содержат живые зарисовки его детства, студенческих впечатлений (дополняющих, а частично спорящих со статьей Писарева «Наша университетская наука»), литературные портреты известных писателей и журналистов (Некрасова, Г. З. Елисеева, Слепцова, Решетникова, В. С. и Н. С. Курочкиных и др.).

Несмотря на значительное число не только написанных, но и изданных при жизни работ, С. умер в глубокой бедности, пережив свою известность и остро ощущая свою ненужность.

Соч.: Граф Л. Н. Толстой как художник и мыслитель. Критические очерки и заметки.— Спб., 1887; Беллетристы-народники (Ф. Решетников, А. Левитов, Гл. Успенский, Н. Златовратский).— Спб., 1888; Соч. Критические этюды, публицистические очерки, литературные характеристики: В 2 т.— Спб., 1903; Литературные воспоминания / Ред., вступ. ст. Б. Козьмина.— М.: JL, 1928.

Лит.: К о н о в а л о в В. Н. Народническая литература критика П. Л. Лавров, П. Н. Ткачев, Н. К. Михайловский, А. М. Скабичевский.— Казань, 1975; К а н т о р В. Безыдеальная критика (Литературно-эстетические взгляды и судьба А. М. Скабичевского) // Вопросы литературы.— 1986.— № 3.— С. 137—167. А. М. Гуморов

СКИТАЛЕЦ, псевдоним (настоящая фамилия — *Петров*), Степан Гаврилович [28.X(9.XI).1869, с. Обшаровка Самарской губ.— 25.VI.1941, Москва] — поэт, прозаик. Сын бывшего крепостного крестьянина, столяра и гуслера, человека, наделенного силой духа и жадной социальной справедливости, С. рано узнал нищету, горе и бесприютность. От отца он унаследовал мятующийся дух, философский склад ума, жажду знания, музыкальность и дар поэтического восприятия жизни.

Окончив начальную сельскую школу и сельское двухклассное училище, С. в 1885 г. поступил в Самарскую учительскую семинарию, но из последнего класса в 1887 г. был исключен за «политическую неблагонадежность»: С. был связан с кружком самообразования революционно настроенной молодежи, читал «Капитал» К. Маркса. В эти годы началась и литературная деятельность С. Он написал поэму «Кабала» о тяжком труде и горькой судьбе своего отца. Поэму одобрила редакция провинциальной газеты, но цензура запретила ее печатать, и поэма распространялась среди молодежи в рукописи. В 1888 г. 19-летним юношей С. подвергся первому аресту и тюремному заключению. 1893—1897 гг.— годы скитаний в поисках заработка и определения жизненного призвания. С. сменил множество профессий: служил писцом в окружном суде, обладая хорошим голосом, пел в церковных хорах, в качестве певца

и актера путешествовал с украинской бродячей труппой Кропивницкого по Украине, Крыму, Бессарабии. Исключив Россию, переходя из села в село, из города в город, С. пристально всматривается в жизнь обездоленного народа, наблюдает различные человеческие типы и судьбы. Вернувшись в Самару, он налаживает связи со студенческим революционным кружком, продолжает литературную работу. В 1897 г. относит в «Самарскую газету» без подписи свой стихотворный фельетон на злобу дня. На следующий день фельетон появляется на страницах газеты за подписью *Скиталец*. Так рождается литературный псевдоним, придуманный редакцией на основании содержания фельетона. С. становится постоянным сотрудником газеты, печатая в ней из номера в номер фельетоны, сказки, поэмы. Весной 1898 г. происходит знаменательное событие в жизни С.: он знакомится с М. Горьким, тогда уже известным писателем. Знакомство переходит в дружбу и оказывает решающее влияние на жизнь и литературную судьбу С. По настоянию и при содействии М. Горького была написана и опубликована в 10-й книжке журнала «Жизнь» первый серьезный рассказ С. «Октава», который и ввел его в большую литературу, обратил на себя внимание читателей. М. Горький помогает формированию политической позиции С., вовлекает его в более активную революционную, пропагандистскую работу. За пропаганду среди сормовских рабочих в апреле 1901 г. М. Горький и С. подвергаются аресту. Через три месяца тюремное заключение было заменено высылкой в с. Обшаровка под полицейский надзор, но по пути туда С. был снова арестован. Он подвергался арестам в 1902 и 1905 гг. Но эти аресты не сломили его дух и жажду просвещать, политически воспитывать народ. С. продолжает также много работать в литературе. Он примыкает к писателям демократического направления, сгруппировавшимся вокруг издательства «Знание», идейным руководителем которого был М. Горький. Входит в литературное объединение прогрессивных писателей-реалистов «Среда» (организатор его — Н. Д. Телешов). Здесь бывали А. Серафимович, В. В. Вересаев, А. И. Куприн и др. Посещал собрания «Среды» М. Горький. Приходили художники, певцы, артисты. С. не только читал на «Средах» свои произведения, но часто и пел свои песни.

В начале 900 гг. С. создает художественно наиболее значительные произведения: стихотворения «Колокол», «Кузнец», «Гуслия», «Я и меч» и др., проникнутые гражданственностью, «бунтарским романтизмом» (Телешов Н. Д. Записки писателя.— М., 1980.— С. 36), близкие к народному стику. Они широко ходили по всей России, их пели на вечерах, некоторые становились модными романсами, напр. «Хорошо в ночи бубенчики звенят...». Их любил Горький и часто читал вслух.

В это время написаны повести и рассказы

«Сквозь строй», «За тюремной стеной», «Миньона», «Квазимодо», «Композитор», «Любовь декоратора». В 1902 г. издательство «Знание» выпустило в свет первый том «Рассказов и песен» С., редактором книги был М. Горький. Она имела успех у демократического читателя. В. И. Ленин отметил в письме к матери, что читал ее «с очень большим интересом» (Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 37.— С. 270).

Произведения С. носят ярко выраженный автобиографический характер. В рассказе «Сквозь строй», напр., С. изобразил своего отца, человека сильного, талантливого самородка, наделенного острым чутьем всякой несправедливости. Именно с ним прошел С., еще подростком, «сквозь строй» жизненных испытаний и получил нравственную закалку. Рассказы С. этой поры наряду с реалистической точностью деталей проникнуты романтическим и глубоко сочувственным отношением к простому народу, болью за его трудную судьбу, восхищением его духовной силой, непогаасающей в нем творческой энергией, артистизмом, способностью к слиянию с природой, живущим в людях из народа чувством собственного достоинства. Герои произведений С. часто одаренные люди — певцы, художники, музыканты, артисты; люди, украшающие и облагораживающие жизнь, ненавидящие несправедливость и бунтующие против нее. Но они не только бунтуют против несправедливости, они страдают и глубоко задумываются над жизнью, тоскуют и находят равновесие, возвращаясь из города в деревню к простой привычной работе (таков, напр., Захарыч, герой рассказа «Октава»). Герои С. сильные, волевые люди, ощущающие себя подлинными хозяевами жизни: Федор Иванович, герой рассказа «Кузнец», говорит владельцам завода: «...Вы — хозяева? Вы — в ответе? Нет! Вы — хозяева завода, а я — хозяин дела, хозяин этих машин...» Они мучаются от невозможности утвердить справедливость на земле, и протест их нередко выражается в пьянстве, озорстве, в неприятии общепринятой морали, не поднимаясь до политической борьбы.

В период революционных событий 1905—1907 гг. С. создает свои политически самые острые произведения: «Полевой суд» и «Лес разгорелся» о революционном пробуждении деревни. Герои рассказа «Полевой суд» — крестьяне одного из поволжских сел еще верят, что могут получить землю «без бунта», но эта попытка кончается для них арестом. Крестьяне из рассказа «Лес разгорелся» уже понимают, что без борьбы землю не получить, и вооружаются «мечом освобождения». Разгорающийся лесной пожар символизирует собой рост революционных настроений среди крестьянства.

В 1906 г. опубликована одна из лучших повестей С.— «Огарки» (на ее материале в 1915 г. создана пьеса «Вольница») о незаурядных талантливых личностях из народа, выброшенных

жизнью на обочину, превратившихся в люмпенов (артист Илья Толстой, механик Михельсон, певец Северовосток, кузнец Сокол). Они пьют, поддразнивают друг друга, презирают труд, мечтают о «вольной земле», где не унижена человеческая личность, не погран талант. Но писатель не видит авангардной роли пролетариата, городской сумятице и жестокости он противопоставляет патриархальность деревни. Это привело к отступлению от горьковских традиций. В 1908 г. С. создает автобиографическую повесть «Этапы», в которой изображает сложный путь человека из народа, вошедшего в интеллигентную среду, — его оторванность от своего класса, невозможность слиться с городской интеллигенцией, мучительное чувство одиночества «плебея», его «розии ото всех» (Там же. — С. 161). В повести отсутствует широкий жизненный фон, социальная неустроенность понимается как фатальная неизбежность. Горький сурово критиковал повесть за пессимизм и потерю автором исторической перспективы.

С 1913 г. С. живет в Симбирске, увлекается собиранием народных песен, с успехом исполняет их на литературно-музыкальных вечерах, ездит с концертами по городам России. В 1921 г. С. уезжает в Харбин, возвращается оттуда на родину в 1934 г.

Соч.: Полн. собр. соч.: В 6 т. — Спб., 1902—(1912); Собр. соч.: В 7 т. — Пг., 1916—1918; Вольница: Пьеса в 4 д., М., 1923; Избранное / Вступ. ст. А. Трегубова. — М., 1977. Лит.: Блок А. О реалистах // Блок А. О литературе. — М., 1931; Телешов Н. Д. Записки писателя. — М., 1980. — С. 36—37; Волков А. М. Горький и литературное движение конца XIX и начала XX в. — М., 1951. Г. А. Петрова

СЛЕПУШКИН, Федор Никифорович [1783 (по другим источникам — 1787), дер. Малое Мочино Романовского у. Ярославской губ. — 13(25).VI.1848, с. Рыбацкое под Петербургом] — поэт-самоучка. Происходил из крепостных оброчных крестьян. Грамоте был обучен отцом. Оставшись сиротой в возрасте 9 лет, был увезен в Москву и определен сидельцем в лавку. Примерно через 6 лет возвращен в родное село, где некоторое время работал на мельнице. В 1803 г. уехал в Петербург на заработки. Через год обзавелся мелочной лавкой в немецкой (Ново-Саратовской) колонии, находившейся в 15 верстах от Петербурга. Довольно успешно торговал в ней до 1812 г., затем переехал в Рыбацкую слободу, расположенную поблизости, и здесь провел остальную часть жизни. В 1826 г. С. удалось с помощью влиятельных покровителей выкупиться из крепостной неволи и приписаться к 3-й гильдии петербургских купцов. Вскоре он стал владельцем кирпичного завода.

Сочинять стихи С. начал с 1821 г. (Вильчинский В. Подарок друзей // Вопросы литературы. — 1959. — № 4. — С. 256). Несколько ранее он самостоятельно выучился писать маслом портреты. О талантах крепостного крестьянина

узнал издатель «Отечественных записок» П. П. Свиньин и опубликовал в своем журнале три басни С. (1823. — Ч. XIII. — № 33. — С. 9—11). Первые опыты С. были очень слабы. В дальнейшем он крайне редко обращался к жанру басни, отдав предпочтение стихотворным описаниям крестьянского быта. Первая книга стихов С. — «Досуги сельского жителя» — была издана в 1826 г. О содержании ее достаточно красноречиво говорят названия стихотворений: «Изба», «Троицын день», «Женитьба поселянина», «Сенокос», «Жатва» и т. п. Не довольствуясь задачей этнографического описания деревни, С. стремился нарисовать свой идеал крестьянской жизни. Поселяне в сочинениях С. богобоязненны, преданны монарху, трудолюбивы, по большей части зажиточны, живут в полном согласии с добрым и мудрым помещиком и вполне довольны своей судьбой. Идеализация патриархальных начал и нравственных качеств крестьянства в духе философии смирения, а также пасторальность тона до некоторой степени сблизили С. с представителями сентиментальной поэзии. В то же время с салонной поэзией сентименталистов стихи С., которые Н. А. Полевой назвал «негладкими и грубыми» (Московский телеграф. — 1826. — Ч. VII. — № 2. — С. 175), имели мало общего. По своей идеологической направленности книга начинающего поэта вполне отвечала выдвинутой впоследствии гр. Уваровым формуле официальной народности. Охранительные тенденции в творчестве С. во многом объяснялись влиянием усиленно опекавших его литераторов консервативного лагеря (П. П. Свиньин, А. С. Шишков, Б. М. Федоров). Книга С. была широко разрекламирована его покровителями. Шишкову удалось привлечь к ней внимание Николая I. С. получил богатые подарки от царя и членов царской фамилии (кафтан с золотыми галунами и двое золотых часов), а также золотую медаль Российской Академии с надписью: «Приносящему пользу русскому слову». Все это не могло не привести к усилению верноподданнических настроений в творчестве С. Значительную часть второй книги «Досуги сельского жителя» (1828) занимают хвалебные посвящения царю и великоможам, вслед за царем оказывавшим С. всевозможные знаки внимания (из дневника С. известно, что в 1826 г. его посетили в общей сложности 136 сановников и аристократов).

Поэма «Четыре времени года русского поселянина» (1830) по тематике и стилю очень близка к первой книге «Досугов сельского жителя», отличаясь от нее широким введением картин сельской природы. В двух последних стихотворных сборниках («Новые досуги сельского жителя», 1834, и «Новые досуги», 1840) С. менее склонен к идеализации действительности, в отдельных его стихотворениях прослеживаются даже сатирические тенденции. Более широк в них и круг тем. С. неоднократно обращается к теме пороков купечества («Посадский Ермил», «Софрон Удальцов»,

«Беседа поселяня»), особенно осуждая его за циничное и беззастенчивое стяжательство в годы стихийных бедствий («Черный год», «Такого время долго ждали...»). В стихотворении «Раскладка оброка» С. обличает сельских богачей, притесняющих сирот и бедняков (впервые тема социального неравенства в его творчестве прозвучала в стихотворении «Мирская сходка», опублик. в «Досугах» 1826 г.). Однако и в поздних книгах С. представлены сельские идиллии и панегирики вельможам.

Стихи С. получили признание в широких читательских кругах. Как выходец из крепостных он был встречен в целом сочувственно передовой интеллигенцией. А. С. Пушкин писал о С. в письме к А. А. Дельвигу: «...у него истинный с о й талант» (Пушкин А. С. Полн. собр. соч.— Т. XIII.— С. 262—263). Дошедшие до нас довольно скудные сведения о взаимоотношениях великого поэта и поэта-самоучки позволяют сделать вывод, что Пушкин пытался направить дарование С. в русло народного творчества и удержать его от подражания книжной поэзии. Сюжет стихотворения С. «Конь и домовой» был подсказан ему Пушкиным (см.: Досуги сельского жителя.— Спб., 1828.— С. VIII). В. Г. Белинский «Новым досугам» 1840 г. посвятил рецензию, где С. охарактеризован как «умный, благородно мыслящий и образованный не по-крестьянски человек, которого нельзя не уважать,— но не поэт», а его стихи как «довольно плохая проза с полу-богатыми рифмами». Персонажи произведений С., по словам критика, похожи «на тех крестьян и крестьянок, которые пляшут в дивертисментах на сцене театра» (Белинский В. Г. Полн. собр. соч.— Т. IV.— С. 159—160).

Подавляющее большинство сочинений С. носит описательный или повествовательно-описательный характер; лирическое начало слабо выражено в его творчестве. Отдельные его описания не лишены реалистической конкретности (см. стихотворения «Изба», «Пир», «Сенокос», «Сельская масленица», поэму «Четыре времени года»). Некоторые стихотворения отличаются своеобразной живописностью и пластической выразительностью («Праздник пасхи», «Троицын день», «Посиделки», «Святоточные гадания», «Ярмонка»), порой обнаруживая общность с лубочными картинками. Помимо поэтов-сентименталистов на С. оказали влияние М. В. Ломоносов и Г. Р. Державин (особенно это сказывается в стихах одического характера, посвященных Николаю I и представителям высшего света, реже — в пейзажных зарисовках). Метрика С. довольно разнообразна; он пользуется и двусложными и трехсложными размерами, предпочитая двусложные; четырехстопный и шестистопный ямб и четырехстопный хорей. Характерен для его стихов прием аллитерации («Колосья в поле золотые / Как волны зыблются морские», «Пастух трубит в рожок, / Сбирая скот с собой», «Там, лоснятся атла-

сом ленты, / Сверкают газом позументы»). С. в своих стихах не всегда достигал профессионального уровня, но значительно превосходил и в искусстве версификации, и в творческой самостоятельности двух других поэтов-самоучек, вышедших из крестьян и в значительной мере бывших его последователями,— М. Д. Суханова и Е. И. Алипанова. В какой-то мере С. можно считать предшественником Кольцова, однако преемственность в данном случае исчерпывается кругом тем. В отличие от Кольцова С. в своей литературной практике ориентировался почти исключительно на книжные образцы, оставив лишь несколько стилизованных под фольклор стихотворений («Поселянка за прялкою», «Старая бэль», а также песенные фрагменты стихотворений «Пир» и «Парфен-порядовщик»).

С. пользовался большой популярностью в 20—40 гг. Одной из ее причин были, по-видимому, личные качества С. и некоторые факты его биографии (он немало сделал для распространения просвещения среди крестьян, имел склонность к благотворительности, отличался физической силой и смелостью, во время эпидемии холеры самоотверженно ухаживал за больными односельчанами, отчего и умер). Новая вспышка интереса к С. относится к пореформенному (отчасти — к предшествующему реформе) периоду. Стихи его к тому времени были уже забыты, но биография энергичного и удачливого выходца из низов многократно пересказывалась в издававшихся для народа журналах (Народное чтение.— 1859.— № 1.— С. 193—209; Грамотей.— 1869.— Кн. 6.— С. 43—76; Русский ремесленник.— 1866.— № 2.— С. 42—47; № 3.— С. 74—78, и др.) и книгах (4 издания книги И. Ремезова «Ярославский крестьянин-стихотворец Федор Никифорович Слепушкин».— Пб., 1866—1889, книга Е. Н. Александровой в серии «Люди труда и сильной воли» «Федор Никифорович Слепушкин».— Спб., 1885) в назидание крестьянам, получившим волю и ищущим применение своим силам в новой обстановке.

Соч.: Досуги сельского жителя: В 2 ч.— 2-е изд.— Спб., 1828; Четыре времени года русского поселянина.— Спб., 1830; Новые досуги сельского жителя.— Спб., 1834; Новые досуги.— Спб., 1840; Поэты-ярославцы.— Ярославль, 1944.— С. 32—43; Русские поэты XIX века. Хрестоматия / Сост. Н. М. Гайденков.— М., 1964.— С. 360—361; Песни и романсы русских поэтов.— М.; Л., 1965.— С. 404—405.
Лит.: Пушкин А. С. Отзывы в письмах И. Е. Великопольскому (11 марта 1826 г.) и А. А. Дельвигу (20 февраля 1826 г.) // Полн. собр. соч.— М., Л., 1949.— Т. XIII.— С. 268, 262—263; Белинский В. Г. Новые досуги Ф. Слепушкина.— Спб., 1840 // Полн. собр. соч.— М., 1954.— Т. IV.— С. 156—161; Добролюбов Н. А. А. В. Кольцов // Полн. собр. соч.— М., 1934.— Т. 1.— С. 120; Ремезов И. С. Крестьянин-стихотворец Ф. Н. Слепушкин.— Пб., 1866; Сакулин П. Н. Русская литература.— М., 1929.— Ч. 2.— С. 188—193; Орлов В. Н. Другие поэты двадцатых— тридцатых годов // История русской литературы.— М.; Л., 1953.— Т. VI.— С. 495—496; Жаркова В. И. Биографии Ф. Н. Слепушкина // Русская литература.— 1980.— № 2.— С. 146—155.

Г. Г. Григорьева

СЛЕПЦОВ, Василий Алексеевич [19(31).VII. 1836, Воронеж — 23.III(4.IV).1878, Сердобск Саратовской губ.] — прозаик, публицист. Принадлежал к древнему дворянскому роду: отец — драгунский офицер, мать (урожденная Вельбутович-Паплонская) происходила из родовитой польской шляхты. Учился в 1-й Московской гимназии, затем, с переездом родителей в свое имение в Саратовскую губ. (1849), — в Пензенском дворянском институте, но курса не кончил. Там впервые начал писать стихи, о которых позже не любил вспоминать. В ранней юности был глубоко религиозен: прислуживал в алтаре и даже носил вериги; позднее в его мировоззрении произошел резкий перелом, и он отошел от религии и церкви. Готовился к военной карьере, но изменил решение и поступил на медицинский факультет Московского университета (1853). Прочувившись около года, С. увлекся театром и уехал в Ярославль, где играл в сезон 1854/55 г. (актерский псевдоним — *Лукин*). Возвратившись в Москву, женился на кордебалетной танцовщице Е. А. Цукановой.

В 1857—1858 гг. С. жил в Москве, состоял на службе в канцелярии московского гражданского генерал-губернатора; тогда же начал посещать литературный салон графини Салиас-де-Турнемир (писавшей под псевдонимом *Евгения Тур*). Осенью 1860 г. по поручению этнографического отдела Географического общества (и по инициативе В. И. Даля) отправился в путешествие с целью сбора народных пословиц, песен и сказок. Дорожные впечатления послужили основой очеркового цикла «Владимирка и Клязьма»; в 1861 г. очерки печатались сначала в газете «Московский вестник» (№ 1, 2), затем — в газете «Русская речь» (издававшейся Евгенией Тур), а завершилась публикация в издании, объединившем обе названные газеты. Написанные в форме отрывков из записной книжки прохожего, очерки воссоздают жизнь и быт рабочих ткацких фабрик, строителей Московско-Нижегородской железной дороги; значительное место занимают рассказы о случайных встречах, беседах с жителями и т. д. В ранних произведениях С. ошутими традиции физиологического очерка с присущим этому жанру вниманием к бытовой стороне жизни. В то же время занимаемая С.-художником позиция объективного наблюдателя, бесстрастно фиксирующего свои впечатления, приближала их к своеобразным «прозаическим сценам», как определили этот жанр исследователи. В очерках «На железной дороге», «Уличные сцены», «Вечер» («Северная пчела», 1862) различные эпизоды, «наблюдаемые» автором, вводятся без внешних сюжетных мотивировок и не связаны между собой никакими переходами: «картинки» быстро мелькают, случайные персонажи обмениваются малозначительными репликами. Впоследствии С. очень часто вводил определение «сцены» в заглавия своих

произведений: «Сцены в больнице» (1863) и др., или же использовал его в подзаголовках («Деревенские сцены», «Подгородные сцены»); позднее он перешел к драматической форме «сцен» («Сцены в полиции», 1867, и др.).

Продав брату полученное в наследство имение, С. женился вторично — на Е. Н. Языковой (1858) и тут же уехал в Петербург. Там он сблизился с кружком «Современника» и стал деятельным сотрудником журнала. Редакция командировала С. в уездный город Осташков. «Письма об Осташкове» (1862.— № 5; 1863.— № 1—2, № 6), «Письмо в редакцию «Современника» (1863.— № 4), написанные в виде писем в редакции в привычной форме путевых заметок, призваны были показать несоответствие между обликом процветающего уездного города, возникавшим из многочисленных корреспонденций прессы, и реальным положением дел. Слепцовские «письма» написаны в русле т. н. «обличительной литературы», особенно популярной в пред- и первые пореформенные годы. М. Е. Салтыков-Щедрин не случайно отметил «Письма об Осташкове» в статье «Несколько полемических предположений» (Современник.— 1863.— № 3), особо подчеркивая вскрытое С. противоречие между «официальной приглашенностью и внутреннею неумытостью» жизни целого города (Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т.— М., 1966.— Т. 5.— С. 265). Близость очеркового цикла С. «Губернским очеркам» Щедрина несомненна.

В 1863 г. в «Современнике» (№ 7) появился рассказ С. «Питомка», обративший внимание Тургенева (см.: Полн. собр. соч.: В 28 т. Письма.— М.; Л., 1963.— Т. 5.— С. 159). Его сюжет — поиски материю-крестьянкой своего внебрачного ребенка, отданного на воспитание в неизвестную ей деревню, — воспринимался в перспективе «женского вопроса» (бесправное положение русской женщины в деревне), выдвинувшегося в 60 гг. в ряд ведущих тем демократической журналистики. Позднее Л. Н. Толстой назвал этот рассказ С. «превосходной вещью» и рекомендовал его для издания в «Посреднике» (Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.— М., 1937.— Т. 86.— С. 177). Вероятно, в героине С. Толстой увидел столь ценные им черты народного характера, смиренного и целомудренного. В том же году С. пробует свои силы в публицистике: в «Современнике» публикуются его статьи «Попытки народной журналистики» (№ 3), «Петербургские заметки» (№ 4); для десятой книжки журнала С. подготовил статью о «Доходном месте» А. Н. Островского, которая в печати не появилась: по одним источникам, ее отверг Н. А. Некрасов (Ж у к о в с к а я.— С. 185), по другим — запрещена цензурой (Ч у к о в с к и й К. И.— С. 18). Позднее С. опубликовал статью «Скромные упражнения» (1865.— № 9). Публицистика С. отражает идею новую позицию «Современника» тех лет: крити-

ка «слева» проводимых реформ, стремление убедить читателя, что либерализация общественной жизни — всего лишь тактический маневр правительства, призы́мы к борьбе за радикальное преобразование общественного строя. Необходимость преодоления цензурных препятствий вынуждала С. обращаться к «эзопову языку», понятному современникам, но труднодоступному сегодняшнему читателю.

Широкую известность С. приобрел как организатор и идейный вдохновитель коммуны, получившей название Знаменской (по улице в Петербурге, на которой размещалась) или Слепцовской. Коммуна просуществовала с сентября 1863 по июнь 1864 г. (Литературное наследство.— Т. 71.— С. 461); прообразом послужил популярный благодаря роману Н. Г. Чернышевского фаланстер. Состав ее был непостоянен; мемуаристы обычно называют шесть (помимо С.) человек: А. Ф. Головачев, В. Н. Языков (брат жены С.), Е. И. Ценина (впоследствии Жуковская), А. Г. Маркелова, М. А. Коптева и княжна Е. А. Макулова. О Знаменской коммуне написано множество воспоминаний, ее изобразили в своих романах Н. С. Лесков («Некуда»), Вс. В. Крестовский («Панургово стадо»), гр. Е. С. Салиас в рассказе «Двенадцать часов — воскресенье». В персонажах этих произведений современники без труда угадывали реальные прототипы. Мемуаристы, как правило, отрицают какую-либо политическую подоплеку коммуны: «Задумана она была на экономической подкладке,— писала А. Г. Маркелова,— с целью показать пример, как надо соединять свои средства небогатым людям, выгоднее и не давая себя эксплуатировать» (Там же.— С. 444; экономический характер коммуны подчеркивает и Е. И. Жуковская). Хотя за членами коммуны было установлено негласное наблюдение полиции, в донесении обер-полицейстера говорится лишь о «безнравственном и вредном направлении» кружка молодежи и указывается, что в нем «не видно теперь ничего политического» (Там же.— С. 449—450). Распалась коммуна по организационно-финансовым причинам.

С. был одним из энтузиастов «женского вопроса». Он принимал участие в организации переплетных мастерских и переводческих контор, призванных предоставить женщинам финансовую независимость; курсов общеобразовательных лекций и т. п. Активная деятельность С. способствовала его широкой популярности. «...Он искал популярности — она сама пришла к нему и была результатом той неутомимой деятельности, с которой он проводил в жизнь идеи шестидесяти годов и особенно идеи женской эмансипации» (Водовозова Е. Н. На заре жизни.— М., 1987.— Т. 2.— С. 436). С. обладал яркой внешностью и пользовался исключительным успехом у женщин. «Он производил поразительный эффект,— вспоминал В. И. Танеев.— Женщины были от него без ума и просто толпами

бежали его слушать и всячески старались <...> склонить его на любовь» (Литературное наследство.— Т. 71.— С. 522). Невольно он оказался в роли конфидента многих женщин: получал письма с просьбой о жизненном наставничестве (Водовозова Е. Н.— С. 444), многие приходили за советом лично (Литературное наследство.— Т. 71.— С. 525).

Литературная репутация С. связана прежде всего с повестью «Трудное время» (Современник.— 1865.— № 4, 5, 7, 8; заглавие переключается со строками из стихотворения Н. А. Некрасова «Рыцарь на час»: «Захватили вас трудное время / Неготовыми к трудовой борьбе»). Ее герои (Щетинин и Рязанов) воплощают два типа русской пореформенной интеллигенции: либерального землевладельца, пытающегося вести хозяйственную деятельность в новых экономических условиях и строить отношения с крестьянами на основе правовых норм, и «нигилиста», «блестящего представителя базаровского типа», по выражению Д. И. Писарева (Писарев Д. И. Литературная критика: В 3 т.— Л., 1978.— Т. 3.— С. 9), разночинца-радикала, убежденного в том, что социальные проблемы могут быть разрешены только путем революции и передачи помещичьей земли крестьянам. Последнему типу всецело принадлежат симпатии автора. Повесть вызвала широкий резонанс. Д. И. Писарев откликнулся на нее обширной статьей «Подрастающая гуманность» (Русское слово.— 1865.— № 12), в которой назвал повесть «замечательной». Основное внимание критик уделил развенчанию либеральной политической программы, обнаружившей в типе Щетинина, по мнению Писарева, свою историческую несостоятельность.

После успеха «Трудного времени» С. пишет мало; хотя он и полон творческих замыслов, их реализация оказывается ему не под силу. Когда в 1871 г. в журнале «Отечественные записки» появились первые главы давно ожидавшегося романа «Хороший человек» (№ 2), стало очевидно, что автора постигла неудача; роман остался незаконченным.

В 1866 г., после покушения Д. В. Каракозова, С. был арестован и провел в заключении более трех месяцев, 18 июня он был освобожден на поруки матери. С этого времени за ним было установлено негласное наблюдение. В нач. 70 гг. С. тяжело заболел и вынужден был уехать на Кавказ лечиться. Пришлось оставить должность секретаря журнала «Отечественные записки», служившую С. единственным источником существования. Долгое время финансовую поддержку ему оказывал Некрасов (см. письма С. Некрасову // Литературное наследство.— М., 1949.— Т. 51—52.— С. 497—498). Последние годы С. провел в бедности: в 1877 г. он сообщал Салтыкову-Щедрину, что «пролечил и прожил все средства, бывшие в его распоряжении»; хлопотами Щедрина ему было выдано пособие от

Литературного фонда в 300 рублей (см.: С а л т ы к о в-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т.— Т. 19.— С. 56). По временам болезнь отступала, и С. даже выступил на сцене в Тифлисе, исполнив роль в водевиле собственного сочинения (М а р к о в.— С. 971). В 1875—1876 гг. принял эпизодическое участие в «Ремесленной газете» (Москва). Тогда же С. познакомился с Л. Ф. Маклаковой — беллетристой, печатавшей свои произведения под псевдонимом *Нелидова*, ставшей его спутницей до последних дней. Ей принадлежит роман «На малой земле», в основу которого положен жизненный путь С. Роман создавался в течение долгого времени, но оказался художественно несостоятельным и потому не увидел света; однако он представляет интерес как источник биографии С. (ЦГАЛИ.— Ф. 331.— Оп. 1.— Е. хр. 12—15).

После смерти С. быстро оказался в числе «забытых» писателей: лишь повесть «Трудное время» долго привлекала внимание критики. В изменившейся общественной ситуации в либеральных кругах будущее России связывалось с типом культурного землевладельца, соответственно смешались и оценки героев повести. Роль таких людей, как Шетинин, — писал М. А. Протопопов, — «велика и плодотворна. <...> Добрые намерения Шетининых <...> переходят в добрые дела <...>. Надо это понимать и пора это оценить» (Северный вестник.— 1888.— № 5.— Отд. 2.— С. 8); обзор главных критических откликов на «Трудное время» см. в комментарии К. И. Чуковского к повести (С л е п ц о в В. А. Соч.— Т. 2.— С. 396—402). Кроме того, беспристрастность его художественной позиции была неприемлема для критиков народнической ориентации, упрекавших С. в искажении образа русского крестьянина (см.: С к а б и ч е в с к и й А. М. История новейшей русской литературы. 1848—1898 гг.— Спб., 1900.— С. 213). И все же творчество С. оказало заметное влияние на последующее движение русской литературы. Такие особенности слепцовской прозы, как «случайность» изображаемых событий, повышенное внимание к деталям и др., предвосхищали некоторые элементы поэтики А. П. Чехова (см.: Ч у д а к о в А. П. Мир Чехова: возникновение и утверждение.— М., 1986.— С. 97 и далее).

Соч.: Соч.: В 2 т.— Спб., 1866; Полн. собр. соч.— Спб., 1888; Соч.: В 2 т./Вступ. ст., подгот. текста, коммент. К. И. Чуковского.— М., 1957; Василий Слепцов. Незвестные страницы // Литературное наследство.— М., 1963.— Т. 71.
Лит.: Успенский Н. В. Из прошлого. Воспоминания.— М., 1889; Слепцова Ж. А. Василий Слепцов в воспоминаниях его матери // Русская старина.— 1890.— № 1; М а р к о в В. С. Василий Алексеевич Слепцов // Исторический вестник.— 1903.— № 3; Ж у к о в с к а я Е. И. Записки.— М., 1930; Г о р ь к и й М. О. Василий Слепцов // Собр. соч.: В 30 т.— М., 1953.— Т. 24; Ч у к о в с к и й К. И. Люди и книги шестидесятих годов.— Л., 1934; Он же. Люди и книги.— М., 1960. А. А. Носов

СЛУЧЁВСКИЙ, Константин Константинович [26.VII (7.VIII).1837, Петербург — 25.IX (8.X).

1904, там же] — поэт, прозаик. Родился в семье видного чиновника, сенатора. Родители предначали С. к военной службе. Окончив с отличием в 1855 г. 1-й Кадетский корпус, он служил в лейб-гвардии Семеновском полку. В 1859 г. поступил в Академию Генштаба. Но в сентябре 1860 г. внезапно вышел в отставку и уехал за границу. Изучал философию и естественные науки в университетах Парижа, Берлина, Лейпцига, Гейдельберга, где получил степень доктора философии. В 1866 г. вернулся в Россию, поступил на гражданскую службу в Главное управление по делам печати. В 1874 г. перешел в министерство государственных имуществ. По ступенькам иерархически-чиновной лестницы С. поднимался постепенно и спокойно. С 1891 по 1902 г. он — главный редактор официальной газеты «Правительственный вестник», в последние годы жизни — член Совета министра внутренних дел, член Ученого комитета министерства народного просвещения, гофмейстер двора.

Напрасно искать отзвуков этих биографических сведений в поэзии С. Правда, такое отсутствие видимой связи между социальным положением и творчеством характерно и для некоторых его современников — А. А. Фета, А. Н. Майкова, В. Г. Бенедиктова. Но там внешняя и внутренняя жизнь попросту не соприкасались, протекали независимо друг от друга. В С. поражает явное их различие, очевидное, контрастное противоречие. Образцовая служебная карьера и матерьяльное благополучие и напряженный трагизм стихов. Ранний литературный дебют (Общезнаменательный вестник.— 1857.— № 3, 9, 11, стихи и переводы из Дж. Г. Байрона, В. Гюго, О. Барбье) — и признание, пришедшее лишь к концу жизни. Первые публикации С. остались не замеченными ни критикой, ни публикой, как и стихи, напечатанные в 1859 г. в журнале «Иллюстрация». Решающим в его поэтической судьбе стал 1860 г., когда произошла встреча С. с А. А. Григорьевым. Стихи С. произвели на Григорьева сильное впечатление. Он передал их И. С. Тургеневу, а тот — Н. А. Некрасову, который и опубликовал их в журнале «Современник» (1860.— № 1). «Появиться в «Современнике» значило сразу стать знаменитостью, — вспоминал С. — Для юноши двадцати лет от роду ничего не могло быть приятнее, как попасть в подобные счастливицы, и я попал в них» (альманах «Денница».— Спб., 1900.— С. 200). Григорьев дал стихам С. восторженную оценку: «...Тут сразу является поэт, настоящий поэт, не похожий ни на кого поэт... а коли уж на кого похожий, так на Лермонтова» (Сын отечества.— 1860.— № 6.— С. 166). Тургенев писал, что ему в стихах С. «чудятся зародыши великого таланта» (Письма И. С. Тургенева к графине Е. Е. Ламберт.— М., 1915.— С. 78). Однако было и другое, прямо противоположное мнение о стихах С. Резко напали на

молодого поэта революционные демократы — литераторы, группировавшиеся вокруг журнала «Искра»: Н. А. Добролюбов, В. С. Курочкин, Н. Л. Гнут (Ломан). Его упрекали в том, что стихи лишены социального содержания, уводят читателя от общественных проблем, язвительно пародировали необычные, не поддающиеся логической расшифровке образы и непривычно смелые обороты, считавшиеся уместными скорее в прозе, чем в поэзии: «Ходит ветер избочась / Вдоль Невы широкой, / Снегом стелет калачи / Бабы кривококой...» («Ходит ветер избочась...»). Сейчас эти упреки нетрудно опровергнуть. Еще за три года до публикации в «Современнике» С. напечатал стихи «На смерть Беранже» — любимца революционной Франции. Да и выбор для переводов произведений Байрона, Гюго, Барбье свидетельствовал, что С. вовсе не равнодушен к общественным проблемам своего времени. А логическая затрудненность и прозаизация стиховой речи были ничем иным, как попыткой обновить язык поэзии, разрушить устоявшиеся, «окаменевшие» литературные нормы.

Поэзия С. стала не причиной, но поводом к полемике: столкнулись не две оценки стихов, а два полярных взгляда на поэзию вообще. Имя С. — новое имя в поэзии — волею случая оказалось в центре литературной борьбы. Такая роль была С. еще не по силам. Критика действовала на него обескураживающе: на некоторое время он совсем перестал писать, вышел в отставку и уехал за границу учиться. Можно сказать, что это был единственный случай, когда литература решительно вмешалась в его судьбу.

Стихи С. вновь стали появляться в печати лишь одиннадцать лет спустя, с 1871 г. В 80—90 гг. вышли четыре книжки «Стихотворений» С. и пять книг прозы, где наиболее интересны повести «Виртуозы» и «Око за око», обличающие развращенность нравов света, продажность чиновников и махинация дельцов, а также «Профессор бессмертия» — попытка в фантастическом сюжете художественно воплотить философскую идею бессмертия. Кроме этого вышли в свет три тома географо-этнографических очерков «По северу России» (1888), переработанных впоследствии в два тома «По северо-западу России» (1897), — результат путешествий, совершенных в 1884—1888 гг. в свите одного из великих князей.

В 1898 г. появилось шесть томов «Сочинений» С. (три тома стихотворений и поэм и три — беллетристики). Наконец, в 1902 г. издана была последняя книга стихов С. «Песни из Уголка» (так С. назвал свою усадьбу в курортном местечке Усть-Нарва на Балтийском побережье). Именно эти издания стали решающими в признании поэзии С. значительным явлением русской литературы и читателями, и критикой самых разных направлений. Оригинальность, «непохожесть» С. на его литературное окружение здесь явлены определенно и бесспорно. Поэтические

публикации двух последних лет жизни: большие циклы «Загробные песни» и «В том мире», уникальные в русской поэзии попытки описать и осмыслить «жизнь после смерти», печатавшиеся с 1902 г. из номера в номер в журнале «Русский вестник», и стихотворения, опубликованные в журналах «Книжки Недели», «Новый путь», альманахе «Северные цветы», в книги собраны не были и, за малым исключением, в посмертные издания не входили. Семья С. после гибели его сына Константина (писавшего стихи, печатавшиеся под псевдонимом *Лейтенант С.*, а в 1907 г. изданные А. С. Сувориным под полным именем автора, что из-за тождественности имен отца и сына иногда вызывает недоразумения) в 1905 г. в одном из морских сражений русско-японской войны выехала в Англию и вывезла архив поэта. По свидетельству С. К. Маковского, посещавшего в 50 гг. XX в. в Лондоне одну из дочерей С., в этом архиве хранится значительное количество неопубликованных его стихотворений.

Поэзия С. рождена неразрешимыми противоречиями между идеальным и материальным, верой и безверием, миром «незримого» и «грубой» действительностью, интеллектом и чувством: «...сердцем я мешать уму любил, / А сердцу жить мешал суровой правдой мысли» («О, не брани за то, что я бесцельно жил...»). Внутреннее раздвоение отчетливо выражено в программном стихотворении С. «Нас двое»: «Никогда нигде один я не хожу, / Двое нас живут среди людей: / Первый — это я, каким я стал на вид, — / А другой — то я мечты моей». Мотив этот, впоследствии получивший развитие и ставший одним из центральных в поэзии А. А. Блока, восходит к «Двойнику» Ф. М. Достоевского, идеи которого оказали на С. заметное влияние. Для С. Достоевский — писатель, воплотивший в своих сочинениях острейшие противоречия мира действительности и философской мысли. После смерти Достоевского С. писал: «...Из произведений покойного можно было бы выбрать огромное количество превосходнейших поэтических мыслей, образов, дум, настроений, чувств и страсти, вполне пригодных для целого цикла своеобразнейших стихотворений. Эти места, так сказать, почти готовые стихотворения в прозе» (Достоевский. Очерк жизни и деятельности. — Спб., 1889. — С. 35—36). Некоторые стихотворения С. — своего рода творческие отклики на идеи Достоевского и эпизоды из его произведений: «Меня в загробном мире знают...» и поэма «Элоа» несут отзвук споров Ивана Карамазова с Алейшей («Братья Карамазовы»), «После казни в Женеве» вызывает в памяти рассказ Ивана Карамазова о казни в Женеве Ришара и описание виденной князем Мышкиным казни в Лионе («Идиот»). Понимание и оценка С. исторической роли Достоевского в русской литературе выражена в стихотворении «После похорон Ф. М. Достоевского».

Диапазон творчества С. очень широк: философская поэзия и любовная лирика, исторические баллады и пейзажные стихи, стихотворные повести и драматические поэмы. Вслед за Ф. Н. Глинкой, Г. С. Батеньковым, Е. А. Баратынским С. обратился к теме Севера и Северо-Запада России, дал ей в своей поэзии оригинальную разработку (цикл «Мурманские отголоски», стихи о Заонежье): «Каким пророчествам тут сбыться, / Когда, решившись заглянуть, / Жизнь стонет раньше, чем родится, / И стоном пролагает путь?!» («В Заонежье»). А цикл «Черноземная полоса» близок некрасовской традиции в изображении сельской жизни и крестьянского труда: «Кто испытал огонь такого неба, / Тот без труда раз навсегда поймет, / За чем игру и шутку с крошкой хлеба / За тяжкий грех считает наш народ» («Полдневный час. Жара гнетет дыханье...»).

Противоречивость, двойственность отразились не только на тематике творчества С., но и на стиле, где импрессионистичность образов контрастирует с прозаическим строем речи. Прозаизмы С., бывавшие мишенью для критиков современников, — неотъемлемая черта его поэтики, их роль в его поэзии исключительно высока. Если у поэтов пушкинской поры прозаизм чаще всего — знак иронии, прием чисто интонационный, а у Некрасова — способ речевой характеристики персонажа или «бытовой» окраски стиха, то С. пользуется прозаизмами независимо от темы, все время, достигая разговорной простоты и непринужденности и словно подчеркивая, что рассуждает он о жизни не как философ или «жрец поэзии», а как обыкновенный человек. В естественном соединении прозаической речи — от разговорно-бытовой до канцелярской и специально-научной — с «высокими» и «отвлеченными» мотивами резко выражена индивидуальность творческой манеры С.

Рядом с поэтическим глаголом «озарил» — разговорное «вовсю» («По крутым по бокам вороного...»). Строка, настраивающая на романтический лад: «Мои мечты — что лес дремучий», — перебивается канцеляризмом: «Вне климатических преград...» («Мои мечты — что лес дремучий...»). Ироническое употребление традиционноромантического образа во множественном числе: «Я слышал много водопадов», — усиливается деловитым добавлением: «Различных сил и вышины...» («Я видел Рим, Париж и Лондон...»).

Мастерство С. прежде всего в том, что собранные вместе его стихи и поэмы точно отражают дисгармоничное, раздираемое противоречиями время его жизни — не только тематическим и жанровым разнообразием, но самим строем стиха, негладкого, напряженного, резкого. Его слова тяжелы и обыденны, ритмы внешне неэффектны, рифмы просты, почти бедны, но лучших и не надо, чтобы не отвлекали от заключенного в строках богатства мыслей.

В отрицании разделения тем на «поэтические» и «непоэтические», в стремлении пользоваться равноправно всеми пластами языка, наконец, в том, что острейшие противоречия века запечатлены не только в содержании, но и в форме его стихотворной речи, С. был первым поэтом нового времени. Не случайно у него в доме на еженедельных литературных «пятницах» бывали В. Я. Брюсов и И. А. Бунин, К. Д. Бальмонт и Ф. К. Сологуб, Э. Н. Гиппиус и Д. С. Мережковский. Не случайно и то, что отзвуки его поэзии, во многом предвосхитившей творческие поиски самых разных поэтов поколения, вступившего в литературу на рубеже XIX и XX вв., можно обнаружить и в изображениях тягостного кошмара повседневноности И. Ф. Анненского (циклы С. «Мефистофель» и «Из дневника одностороннего человека»), и в лирико-философских размышлениях Блока (ср.: «Я задумался — и одиноком остался...»), «Не трогают меня: ни блеск обычный дня...»), и в «научных» стихах Брюсова (ср. стихи из «Загробных песен»: «Знают, все знают, что солнечный спектр семицветный...», «Не существует «мнимых величин!»..., «Цифрам, бессмертным началам, дано воплощаться...»), и в позиции поэта по отношению к социальным схваткам М. А. Володина (ср.: «Я дом воздвиг в стране бездомной, / Решил задачу всех задач, — / Пускай ко мне, в мой угол скромный, / Идут и жертва и палач...»).

В то же время С. — последний поэт XIX в., «золотого века» русской поэзии, — и как бы связывает собою две эпохи. В его стихах слышатся осознанно введенные интонации и мотивы Г. Р. Державина: «Я богу пламенно молился, / Я бога страстно отрицал...» («Я видел Рим, Париж и Лондон...»); А. С. Пушкина: «Люблю я время увяданья...»; М. Ю. Лермонтова: «А все же холодно и пусто так кругом, / И жизнь свершается каким-то смутным сном...» («Да, нет сомненья в том, что жизнь идет вперед...»); Н. А. Некрасова: «Черноземная полоса»; Ф. И. Тютчева: «На мотив Микеланджело». Именно эта двойственность творческого облика С., его одновременная принадлежность к двум наиболее ярким поэтическим эпохам обеспечивает ему совершенно особенное место в истории русской литературы.

Соч.: Соч.: В 6 т. — Спб., 1898; Песни из Угюлка. — Спб., 1902; Стихотворения и поэмы / Вступ. ст. А. В. Федорова. — М.: Л., 1962; Стихотворения / Вступ. ст. В. Г. Перельмутер. — М., 1983; Стихотворения. Поэмы. Проза / Вступ. ст. Е. В. Ермиловой. — М., 1988.
Лит.: Корнифский А. А. Поэзия К. К. Случевского. — Спб., 1900; Брюсов В. Я. Поэт противоречий К. К. Случевский // Далекие и близкие. — М., 1912. В. Г. Перельмутер

СОЛЛОГУБ, Владимир Александрович [8(20). VIII.1813, Петербург — 5(17)VI.1882, Гамбург; похоронен в Москве] — прозаик, поэт, драматург, мемуарист. Родился в аристократической семье. Отец — тайный советник, церемониймейстер, ме-

ценат, театрал, был известен в петербургском свете (о нем говорится в черном варианте первой главы «Евгения Онегина»: «Гуляет вечный Соллогуб»). Мать, урожденная Архарова, была незаурядной личностью, с серьезными литературными интересами. Московский дом Архаровых славился своим гостеприимством, упоминается в «Войне и мире» (Т. 2.—Ч. 1.—Гл. XI; Ч. V.—Гл. X). Первоначальное образование С.—домашнее, учителем российской словесности был П. А. Плетнев. Вместе с родителями он посещал салон президента Академии художеств и директора императорской библиотеки А. Н. Оленина, где видел А. С. Пушкина, Н. И. Гнедича, И. А. Крылова, многих художников и музыкантов. С 1830 по 1834 г. С.—студент Дерптского ун-та. Занимался неровно, увлекался разными науками, участвовал в любительских спектаклях и усвоил тип поведения, подобающий настоящему «буршу». Ун-т С. окончил действительным студентом (вместо звания кандидата, обеспечивающего довольно высокий служебный чин). С. не стал профессиональным литератором, а сочетал творчество со службой. С 1835 г.—чиновник особых поручений при министерстве внутренних дел, служит в провинции (Смоленск, Витебск, Тверь). «Вот моя жизнь... большая дорога, по которой часто приходится ездить в тележке»,—писал он А. Н. Карамзину (А. С. Пушкин в письмах Карамзиных.—С. 61). Все же много времени он проводил в Петербурге. В 1839 г. пожалован в камер-юнкеры. В ноябре 1840 г. женится на Софье Михайловне Вильегорской, дочери гр. М. Ю. Вильегорского, занимавшего высокое положение при дворе, известного мецената. Бракосочетание совершилось в малой церкви Зимнего дворца, посаженным отцом невесты, фрейлины императрицы, был Николай I. После венчания на вечеру у Вильегорских присутствовал весь двор.

В 1842 г. С. переходит в чине коллежского асессора в Государственную канцелярию, в 1843—1844 гг. путешествует по Европе (Германия, Париж, Ницца). В 1849 г. С. оставил службу и в течение года прожил в своем имении (Никольское Симбирской губ.), а с 1850 г. продолжил службу по министерству внутренних дел при наместнике кавказском и генерал-губернаторе новороссийском М. С. Воронцове. В 1852 г. получил чин статского советника. Живя на Кавказе, занимался устройством русского театра, способствовал сближению русской и грузинской культуры, сотрудничал в газете «Кавказ» (печатал там очерки). С 1856 г.—чиновник особых поручений при министерстве двора (в частности, составляет описание коронации Александра II), получает звание камергера. По распоряжению мин-ва двора в 1857—1859 гг. находится в Париже для изучения парижских театров, принимал участие в музыкальных и театральных дискуссиях. По возвращении обосновался в Дерпте, в разных

должностях служил при остзейских генерал-губернаторах, часто бывал в Петербурге.

В 60 гг. сферой интересов С. становится тюремноеведение. В 1870 г. командирован во Францию для изучения тюремного дела, после чего получает назначение директора Московского попечительного совета по тюрьмам, становится автором специальных работ «Об организации в России тюремного труда» (М., 1866); «Тюрьмы и театры» (Москва.—1867.—№ 3, 9, 15). С 1875 г. С.—председатель комиссии по преобразованию тюрем в России, живет то в Москве, то в Германии или Франции. В 1877 г. во время русско-турецкой войны в качестве официального историографа находился в императорской штаб-квартире и в итоге опубликовал «Дневник высочайшего пребывания за Дунаем в 1877 г.» (СПб., 1878), выдержанный в официальном духе.

После смерти жены (с ней С. фактически давно разошелся) в 1878 г. женится на В. И. Аркудинской. Она была много его моложе и не аристократического происхождения, что вызвало неодобрение света. Последние годы жизни провел за границей.

Службу С. сочетал с творчеством, с активным участием в литературной жизни. С 15 лет начал сочинять стихи, шуточные и элегические, эпиграмы и послания (иногда на французском языке), романтическую поэму «Стан», в основном подражательные. В 1855 г. выпустил сборник «Тридцать четыре альбомных стихотворения» (Тифлис), открывавшийся стихотворением, где были строки: «Стихи не в моде уж давно, / Стихи плохие и подавно». Талант С. по-настоящему реализовался в прозе. Дебютировал в 1837 г. рассказами «Три жениха» (Современник.—1838.—№ 9) и «Сережа (Лоскуток из вседневной жизни)» (Литературные прибавления к «Русскому инвалиду».—1838.—№ 15). Эти произведения прошли незамеченными. Подлинная писательская биография начинается с появления в печати рассказа «История двух калаш» (Отечественные записки.—1839.—№ 1), принесшего ему признание. По свидетельству И. И. Панаева, «История двух калаш» «надела столько шуму, что она читалась даже теми, которые никогда ничего не читали... по крайней мере по-русски; в большом свете с неделю только говорили об этих «Калошах»... Соллогуб был в ходу» (Панаев И. И. Литературные воспоминания.—М., 1950.—С. 270). Драма любви бедного скрипача, униженного и оскорбленного великодушным обществом, здесь изображена на широком социальном фоне (ремесленники, отверженные художники); романтическая коллизия таланта и толпы здесь снижена, в рассказе много комизма. Впоследствии С. написал на него пародию (Литературная газета.—1845.—№ 1). В прозе С. преобладают произведения о высшем свете и его жертвах. Свет представлен как вместилище пороков, тщеславия, корысти, низменного расчета, где

нет места для истинной любви и искренних чувств (рассказы «Сережа...», «История двух кашош», «Воспитанница» и др.). Аристократический мир наиболее объемно освещен в повести «Большой свет» (Отечественные записки.— 1840.— № 3), в которой под именем Леонина выведен Лермонтов. «Светское его значение я изобразил под именем Леонина в моей повести «Большой свет», написанной по заказу великой княгини Марии Николаевны» (Воспоминания.— М.; Л., 1931.— С. 339). Прототипов имеют и др. действующие лица повести (кн. Щетинин — сам С., Сафьев — С. А. Соболевский, княгиня Ворытинская — графиня А. К. Воронцова-Дашкова, Надина — жена С.). В повести пародируется внешность Лермонтова, его неудачные попытки приобщиться к избранному кругу; порой образ Леонина принимает характер пасквиля (см.: Гернштейн Э. Судьба Лермонтова.— М., 1986.— Глава «За страницами «Большого света»). Повесть насыщена образами и идеями лирики Лермонтова, пародийно переданными; при этом и весь большой свет показан с отрицательной стороны, за внешним его блеском — тщеславие, бездушие, корысть. «Соллогуб часто касается в своих повестях большого света, — писал В. Г. Белинский, — но хоть он и сам принадлежит к этому свету, однако же повести его тем не менее — не хвалебные гимны, не апофеозы, а беспристрастно верные изображения и картины большого света». Белинский указал также на «отсутствие личного (...субъективного) элемента, сердечности и задушевности, как признаков горячих убеждений, глубоких верований» (Белинский В. Г. Собр. соч.— М., 1979.— Т. 5.— С. 212). Критика С. была все же поверхностной, касалась лишь внешней, обрядовой стороны большого света, не затрагивая его основ. Собственные аристократические пристрастия С. четко выражены в рассказе «Старушка» (Отечественные записки.— 1850.— № 4—5), где говорится о роли «дворянского сословия» в спасении России в эпоху беспорядка, эпоху безверия».

Светские повести С., с их однообразием материала, повтором коллизий, характеров, мотивов, заданностью финала, в художественном отношении слабее новелл, написанных на основании былей, услышанных от М. С. Щепкина и составивших цикл «Темневская ярмарка» (состоящий из рассказов «Собачка», «Воспитанница» сб. «Вчера и сегодня». — Спб., 1845.— Ч. 1—2). С. нарисовал выразительные жанровые сцены драматических судеб провинциальных актеров, нищих и подневольных. Новеллы проникнуты сочувствием к несчастной доле «маленьких людей». Удачей С. явились и произведения о студенческой жизни «Неоконченные повести» (в сб.: «На сон грядущий». — Спб., 1843.— Ч. II) и «Аптекарьша» (Русская беседа.— 1841.— № 2). «Лучшая повесть прошлого года, — заметил Белинский, — без всякого сомнения «Аптекарьша»... Соллогуб писатель

с замечательным дарованием, а «Аптекарьша» решительно выше всего, что он написал» (Белинский В. Г. Указ. соч.— Т. 4.— С. 33). К лучшим новеллам С. относится получившая пушкинское название — «Метель» (Ведомости Московской городской полиции.— 1849.— № 31—32), где в экстремальной ситуации сближаются люди разных сословий, пробуждается любовь у молодого столичного офицера и провинциалки.

Самое значительное произведение С., его главная книга, — повесть «Тарантас» (первые семь глав первоначально опублик. в «Отечественных записках», 1840, № 10; полностью повесть вышла отд. изд. в 1845 г.). Книга родилась из «путевых впечатлений», полученных от совместного путешествия по российской провинции с художником Г. Гагариним. Возникло повествование проблемное и масштабное, с широким и глубоким охватом современной действительности. С. создал яркую, правдивую живую картину существования «низов»: скромных чиновников, бедных станционных смотрителей, цыган, оборотистых купцов и др. Впервые в произведении С. главную роль играют персонажи-идеологи. Иван Васильевич, европеизированный славянофил, ищущий русскую самобытность и народность, и Василий Иванович, руководствующийся здравым смыслом, трезвыми представлениями о русской жизни, ее пороках, противоречиях. Их полемический диалог, касающийся актуальных вопросов о назначении дворянства, о роли сословий в государстве, об отношении патриархальной России к Западу, о месте литературы, составляет сюжет повести. Завершающая глава «Сон», в которой С. контурно обрисовал Россию будущего, свой утопический, аристократический, близкий к славянофильскому социальный идеал, свидетельствовала о его скептическом отношении к настоящему положению страны, желании ее возрождения. В «Тарантасе» наиболее зримо проявился литературный талант С., что сказалось в мастерстве характеров, красочности жанровых сцен, бытовых подробностях, в стиле.

В прозе С. оцутимо влияние и романтической традиции «натуральной школы», физиологического очерка. Метафора тарантаса, превратившегося в птицу, явно восходит к «Мертвым душам» Гоголя. «Тарантас» вызвал оживленную и разноречивую реакцию в литературных кругах. Белинский, назвав «Тарантас» «книгой умной, даровитой... дельной», обыграл сходство имени и отчества героя с именем и отчеством И. В. Киреевского с целью критики славянофильства (Белинский В. Г. Указ. соч.— Т. 7.— С. 341).

В 50 гг. начинается спад творческой активности С. Он пишет главным образом водевили, наиболее значимы комедии «Беда от нежного сердца» (Отечественные записки.— 1850.— № 3), «Сотрудники, или Чужим добром не наживешься» (Санкт-Петербургские ведомости.— 1850.— № 13—16), прототипами которой явились К. С. Акса-

ков и И. И. Панаев. Комедия «Чиновник», представлявшая собой попытку следовать обличительному направлению, имела театральный успех, но вызвала отрицательный отзыв Чернышевского, поддержавшего критическое выступление Н. Ф. Павлова против пьесы (Чернышевский и Н. Г. Литературная критика.— М., 1971.— Т. 1; Павлов Н. Ф. // Русский вестник.— 1856.— № 11, 14). «Искусственной» нашел ее и И. С. Тургенев (Письма.— Т. 11.— С. 338). В конце жизни С. работал над автобиографическим романом «Через край» (посмертно опубликован в журнале «Новь». — 1885.— № 7—18) и над мемуарами о своем прошлом, встречах со многими писателями. В Дерптском университете С. учился вместе с сыновьями Карамзина, затем стал частым посетителем дома историка и здесь познакомился с Вяземским, Жуковским, Пушкиным, Гоголем, Лермонтовым, связи с которыми не прерывались и после публикации «Большого света». Отношения С. с Пушкиным сперва негладкие, едва не закончившиеся дуэлью, затем стали дружескими. Пушкину посвящены очерк (Из воспоминаний // Русский архив.— 1865.— № 5—6) и в большой мере отдельный отгисск «Гоголь, Пушкин, Лермонтов» (М., 1866). Мемуары С., написанные с огромной любовью к поэту, точно и живо передают подробности преддуэльных дней и его душевное состояние. С осени 1844 г. С. открывает у себя салон, ставший центром музыкальной и литературной жизни, где бывали Тютчев, Некрасов, Григорович, Достоевский, М. И. Глинка. В кругу «Современника» С. недолюбливали из-за его неровного характера, аристократического высокомерия. «В светском обществе... кичился званием литератора, а в литературном — своим графством» (Панаев А. Я. Воспоминания.— М., 1972.— С. 90). А Гоголь заметил: «Я прочел «Тарантас» Соллогуба, который гораздо лучше его самого» (Гоголь Н. В. Собр. соч.— М., 1978.— Т. 7.— С. 270). Иное мнение о С. сложилось у Л. Н. Толстого, который был с ним знаком с 1850 г., встречался в Москве, переписывался. «Какой был необыкновенный, даровитый и блестящий человек» (Литературное наследство.— Т. 90.— Кн. 2.— С. 279). В 1866 г. С. заехал в Ясную Поляну и рассказал «о первых годах девятнадцатого века» (Слово.— 1909.— № 792.— 11 мая), интересовавших Толстого в связи с работой над «Войной и миром». В 60 гг. С. вместе с В. Ф. Одоевским, М. П. Погодиным, С. А. Соболевским, Вяземским составляют оппозиционное по отношению к новой, демократической словесности содружество, находящееся на периферии литературной жизни, хранящее традиции литературных салонов 30 гг. (чтение своих сочинений и их обсуждение). С. активно участвует в праздновании юбилея Вяземского (см. статью «Юбилей князя П. А. Вяземского» // Санкт-Петербургские ведомости.— 1861.— № 58),

посвящает ему статью «О значении князя П. А. Вяземского в русской словесности» (Там же.— 1867.— № 10), пишет мемуарный очерк «Воспоминания о князе В. Ф. Одоевском» (сб. «В память о князе В. Ф. Одоевском». — М., 1869), стремясь утвердить значение своего поколения. С нач. 70 гг. С. писал свои «Воспоминания» (СПб., 1887), дающие панораму жизни его эпохи.

Соч.: Соч.: В 5 т.— Пб., 1855—1856; Три повести / Примеч. А. Осовата.— М., 1978; Избранная проза / Вступ. ст. А. С. Немзера.— М., 1983; Тарантас / Ст. А. Немзера.— М., 1982; Из воспоминаний. Из «Пережитых дней» // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников.— М., 1974.— Т. 2. Лит.: Добролюбов Н. А. Соч. В. Соллогуба // Добролюбов Н. А. Собр. соч.: В 9 т. М., 1961.— Т. 1; Киреевский И. В. «На сон грядущий. Отрывки из вседневной жизни». Сочинение графа В. А. Соллогуба // Киреевский И. В. Критика и эстетика.— М., 1979; Грехнев В. А. Творчество В. А. Соллогуба в русской прозе конца 30-х — I половины XIX в.— Горький, 1967. С. А. Розанова

СОЛОВЬЁВ, Владимир Сергеевич [16(28).I. 1853, Москва — 31.VII(12.VIII). 1900, с. Узкое, под Москвой] — поэт, критик, публицист, философ. Сын историка С. М. Соловьева, по материнской линии состоял в дальнем родстве с украинским мыслителем Г. С. Сковородой. Старший брат — Всеволод Сергеевич — был писателем, а одна из сестер — Поликсена Сергеевна — поэтессой (псевдоним Allegro).

Уже юношеские годы С. отмечены активными поисками ответов на фундаментальные мировоззренческие вопросы, чему благоприятствовала атмосфера образованной семьи. Учеба в гимназии (1864—1869), а затем в Московском университете (1869—1873) — период становления его взглядов. Он увлекается естествознанием, в особенности биологией, серьезно интересуется атеизмом, в круг его чтения входят Б. Спиноза, В. Кузен, Л. Бюхнер, Э. Геккель, Ф. Лассаль, Л. Фейербах, Д. И. Писарев, Ж. Ренан, Ч. Дарвин, В. В. Берви-Флеровский. С. писал впоследствии: «Будучи с детства занят религиозными предметами, я в возрасте от 14 до 18 лет прошел через различные фазы теоретического и практического отрицания» (Соч.— Т. 7.— С. 356). Прочувшись три с лишним года на физико-математическом факультете, он подает прошение «об увольнении из студентства» (1873) и получает разрешение сдавать экзамены на степень кандидата по историко-филологическому факультету. Блестяще подготовленный, С. выдерживает их и летом 1873 г. получает искомую степень. К этому времени С. окончательно определяет свою жизненную задачу: активно способствовать преобразованию мира с помощью христианского учения, вносить «безусловную» истину христианства в сознание людей. По существу вся его многогранная деятельность будет посвящена осуществлению этого замысла, дальнейшая эволюция его взглядов, их уточнение, шлифовка

не выйдут за рамки намеченной в молодые годы жизненной программы. С целью углубления познаний в богословии и философии он некоторое время после окончания университета посещает лекции в Московской духовной академии. С апреля 1874 г. его официально оставляют при Московском университете «для приготовления к профессорскому званию по кафедре философии». Защита в ноябре 1874 г. в Петербургском университете магистерской диссертации «Кризис западной философии (против позитивистов)» стала событием в научной жизни, вызвавшим многочисленные отклики газет и журналов, принесшим С. известность. После защиты диссертации его избирают и утверждают доцентом кафедры философии Московского университета. В то же время (с 1875 г.) С. преподает философию и на Высших женских курсах в Москве по приглашению их основателя историка В. И. Герье. В 1875—1876 гг. он был в научной командировке в Лондоне, где изучал древнюю философию по первоисточникам. Будучи в командировке, С., как он позднее об этом напишет, совершил паломничество в Египет по таинственному внушению. В марте 1877 г. С. переезжает в Петербург. Здесь он становится членом Ученого комитета при министерстве народного просвещения, одновременно преподает философию (университет, Высшие женские курсы К. Н. Бестужева-Рюмина), с большим успехом читает публичные лекции. Цикл лекций о богочеловечестве он прочитал в пользу Красного Креста, внося свою лепту в освободительную борьбу славян против турецкого ига. В апреле 1880 г. С. защитил докторскую диссертацию «Критика отвлеченных начал». Не получив профессорской должности (кандидатуру С. не все поддерживали), продолжал читать лекции в качестве приват-доцента. Большой резонанс вызвала публичная лекция 28 марта 1881 г., в которой С. высказался против смертной казни народовольцев, убивших Александра II. Это была речь мыслителя-утописта, протестующего против любых форм насилия, в т. ч. и революционных, а также против иных проявлений «зла». С. было временно запрещено публично выступать. В конце 1881 г. он уходит в отставку, прочитав, однако, еще несколько лекций в университете и на курсах в нач. 1882 г. Начинается, как он сам его определяет, период «бродячей жизни». Не имея ни семьи (роман С. с С. П. Хитрово, племянницей С. А. Толстой — жены поэта А. К. Толстого, длился много лет, но к браку не привел), ни постоянного дома, равнодушный к бытовым условиям, С. попеременно живет в Москве, Петербурге, единенно, у своих друзей (в деревне у А. А. Фета, в имении вдовы А. К. Толстого С. А. Толстой), за границей (Загреб, Финляндия, Франция). Это период его активной теоретической деятельности. Наиболее значительные научные, публицистические сочинения: «Теорети-

ческая философия» (1897—1899), «Оправдание добра» (1897—1899), «Национальный вопрос в России» (1883—1891), «Духовные основы жизни» (1882—1884), «Русская идея» (1888), «Россия и Вселенская церковь» (1889), «История и будущее теократии» (Загреб, 1887), «Три разговора» (1899—1900). Он выступает также как литературный критик, переводит. С юношеских лет и до конца жизни пишет стихи. С 1891 г. редактирует философский отдел в Большом энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (для этого словаря он написал свыше 60 статей). В конце 90 гг., через семнадцать лет после выхода в отставку, возобновляются его публичные лекции, неизменно собиравшие большую аудиторию. Напряженная умственная деятельность, неустроенный быт подорвали здоровье С. Он умер на 48-м году жизни в имении С. Н. и Е. Н. Трубецких. Похоронен в Новодевичьем монастыре в Москве рядом со своим отцом.

Стержнем мировоззрения С. является идея целостности бытия, т. е. единства всего существующего, всех сфер жизни с богом. Без признания этого единства как смысла жизни и принципа развития, по С., человечеству не освободиться от пороков ни в настоящем, ни в будущем. «Все существующее имеет в божестве последнее или окончательное основание своего бытия, свою субстанцию» (Т. 9.—С. 23). С. исходит из того, что помимо наличной действительности существует сфера божественного, т. е. абсолютных, безусловных начал, оказывающих положительное влияние на человечество, а потому именуемых им субстанциальными. Вне связи с этой сферой действительности не может быть преобразована на принципах добра, истины и красоты. Наука и философия исходят из ложных, т. н. отвлеченных, начал, противоречащих друг другу и только притязающих на целостность охвата действительности и потому не могут, по С., быть носителями безусловной истины. За односторонность, абстрактность, догматизм, оторванность от материальных условий жизни мыслитель критикует и традиционное богословие. Предмет истины, по С., — безусловное, которое не может быть ни вещью, ни фактом, ни материей, ни системой понятий. Безусловное есть «сущее всеединое», или внутренняя связь всего (Т. 2.—С. IX).

В исходных методологических посылках С. выступает как объективный идеалист, фидеист. Специфика его идеализма в стремлении выразить языкком философских понятий принадлежность человека к двум мирам — материальному и идеальному, учесть всю полноту жизненного процесса, диалектику взаимовлияния материального и духовного факторов. При этом он не может обойтись без апелляции к т. н. сущему, богу. По существу он предпринимает попытку соединить непримиримое — материализм и идеализм, считая оба направления одинаково

односторонними, т. е. ложными (односторонность и ложность для С. синонимы). Идеалистическая философия С. ориентирована на поиск абсолютной достоверности истины, того, что он называет «софией». Эту истину философия, будучи системой рационального знания, при всем ее могуществе не может постичь, не протягивая руку религии: без мистического элемента ни рационализм, ни эмпиризм не в состоянии постигнуть изучаемое явление в его внутренних отношениях с нами и с богом, постигнуть истину всеединства. То же относится и к науке. Отсюда призыв к синтезу науки, философии и религии как форме организации цельного знания в «свободную теософию» (Т. 2.— С. 351), под которой он имеет в виду постижение божественного начала в любых проявлениях действительности. «Природа с красоты своей / Покрова снять не позволяет, / И ты машина не выудишь у ней, / Чего твой дух не угадает» (Стихотворения и шуточные пьесы.— С. 59). Цель человечества, высший смысл его существования С. видит в достижении положительного всеединства в практической жизни, теоретической деятельности и в художественном творчестве. Он призывает людей руководствоваться безусловными (христианскими) нормами добра, истины и красоты как критериями преобразования действительности. По С., добро, истина и красота — три ипостаси идеального бытия, важнейшие категории, совокупно выражающие его полноту, всеединство. Каждой из них С. хотел посвятить фундаментальный труд. Удалось написать лишь большую книгу, посвященную этике, — «Оправдание добра». Высшей ступенью в развитии общества, на которой преодолеваются все его пороки, С. считает церковь, или целостное бытие, воплощающее христианские принципы во всем.

Порожденное болью за несовершенство, зло мира, религиозно-нравственное учение С. противостояло официальному охранительству. В то же время оно несомненно с задачами революционно-освободительного движения. Несомненной заслугой С. была борьба с идеями национальной исключительности и религиозной нетерпимости, развиваемыми поздними славянофилами (И. С. Аксаков, Н. Я. Данилевский и др.). Его суждения о необходимости практической реализации вселенской церкви выходили за узкие рамки интересов «русской партии», у некоторых представителей которой он видел лишь «зародыш универсального понимания христианства» (Т. 6.— С. 427). В концепции исторического движения человечества к тому состоянию, когда оно будет жить по законам «высшей действительности», к вселенской теократии С. отводит особое место русскому народу. Он считает, что «племенной» характер русского народа, его история (по С., в России отрицательные результаты как восточной цивилизации — абсолютное подчинение человека одному верховному началу, подавление

его самостоятельности, так и западной — всеобщий эгоизм, анархия во всех сферах жизни — пока не стали преобладающими) делают его носителем божественного откровения, а потому способным привести человечество к целостному существованию. Свои рассуждения о религиозном призвании России С. не отождествлял со славянофильскими, о чем свидетельствуют его «замечания на лекцию П. Н. Милокова» (Т. 6.— С. 423—428). С. никогда целиком не разделял взглядов славянофилов, хотя и сотрудничал в 1881—1883 гг. в издававшейся И. С. Аксаковым газете «Русь». В частности, не принимал их противопоставления России Западу. Расхождение между С. и славянофилами намечены уже в его магистерской диссертации, постепенный же переход славянофилов на позиции псевдопатриотизма привел к окончательному разрыву, к полемике с ними, которую С. вел в основном со страниц либерального «Вестника Европы», будучи его постоянным автором с 1886 г. до конца своей жизни.

Рассматривая политику как искусство достижения нравственных целей в народных и международных делах и намечая пути строительства вселенского братства на принципах христианской нравственности, С. основное внимание в своей публицистике уделил национальному вопросу. Сначала (1883—1886) в его трактовке национальных проблем преобладали религиозно-церковные мотивы, призывы к христианизации внутренней и внешней политики, сопровождавшиеся требованиями освобождения церкви из-под гнета государственной власти, позднее (конец 80 — нач. 90 гг.) в его статьях четче обозначилась критика официального православия, защищавшего великорусский шовинизм, политики насильственного обращения в православие. Он пишет письмо Николаю II с требованием покончить с духовным закрепощением населения России, выступает за свободу вероисповедания (Начала.— 1921.— № 1.— С. 186—190). В период массового голода в России в нач. 90 гг. С. выступал с призывами о помощи народу. Далекий от революционного движения, он ушел из журнала «Северный вестник», где сотрудничал в нач. 90 гг. по приглашению его ведущего критика А. Л. Волынского, когда последний начал резкую критику народников.

В проекте переустройства всей жизни С. отводит большое место искусству, или свободной теургии, т. е. «осушествлению человеком божественных сил в самом реальном бытии природы» (Т. 2.— С. 352). Как и наука и философия, искусство, по С., выполняет свою миссию в союзе с религией. В соответствии с требованиями целостного охвата жизненного процесса С. выступал против «эстетического сепаратизма», концепции «искусства для искусства», в т. ч. и против такого религиозного искусства, которое, по его мнению, отрывает человека от земли,

потому что божественный элемент в нем поглощает земное. Он противник и утилитарного подхода к искусству. Подлинное искусство, по С., должно отличаться синтезом жизненно важного содержания и одухотворяющей его идеи необходимости пересоздания действительности таким образом, чтобы в ней органически сочетались божественный, человеческий и природный элементы. В создании вселенской духовной общности людей искусство выполняет свою часть общей задачи — быть средством чувственного выражения божественной идеи в материальном мире, служить объективной красоте, мыслимой С. в единстве с истиной и добром. С. определяет красоту как «ощутительную форму истины и добра» (Т. 9.— С. 325). В эстетике С. есть точки пересечения с некоторыми положениями Н. Г. Чернышевского, на которого он ссылался. Он соглашался с Чернышевским в том, что красота существует объективно, что «существующее искусство лишь слабый суррогат действительности» (Т. 7.— С. 77). Но диссертацию Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности» С. назвал лишь первым шагом к положительной эстетике, считая дальнейшую разработку эстетики возможной только на фундаменте мистической философии всеединства. (С. оставил небольшое литературное воспоминание о Чернышевском, которого высоко ценил как человека благородного, справедливого и мудрого.— Письма.— Т. 1.— С. 271—282.) У С. утверждение красоты — творческой, деятельной силы, направленной на преобразование материальной действительности, ее одухотворенности, — сопряжено с учением о ее абсолютном, внемировом существовании.

С. дал отрицательную оценку зарождавшемуся декадентству как направлению, исповедующему красоту в отрыве от добра и зла, истины и лжи, утверждавшему красоту, переходящую «в демонизм, сатанизм». В рецензиях, посвященных первым выпускам сборников «Русские символы» (Т. 7.— С. 159—170), С. высмеивал бессодержательный эстетизм поэтов, претендовавших на создание новой школы. Сам часто прибегавший к художественной символике, он в их «шершаво-декадентных виршах» не обнаружил глубокого символизма.

Предтечей нового искусства, вдохновленного религиозной идеей, С. считает Ф. М. Достоевского, в творчестве которого находил много созвучного своей философии. С. лично знал Достоевского, ездил с ним в 1878 г. в Оптину пустынь. Достоевский посещал его лекции. В «Трех речах в память Достоевского» (прочитаны в 1881—1883 гг.) С. высоко оценивает писателя прежде всего за то, что он «видел не только вокруг себя, но и далеко впереди себя» (Т. 3.— С. 191). В этом плане С. противопоставляет Достоевского И. А. Гончарову и Л. Н. Толстому, которые, по его мнению, делают

акцент на «готовых, твердых и ясных формах жизни» (Там же). У Достоевского же социальная ткань в движении, становлении. С. импонируют оценки писателем различных фаз общественного движения с точки зрения общественного идеала, близкого С. (церковь как воплощение вселенской истины, как способ решения конфликта между личностью и обществом). Для обоих общественный идеал, будучи внемировой реальностью, становится истинным, только воплотившись в человеке. Веру Достоевского в богочеловека С. называет его гуманизмом, и этой стороне его творчества придает огромное значение. Он принимает тезис Достоевского: «красота спасет мир», видя в нем созвучие своей идее целостности жизни, общественного идеала, отвергающего насилие как путь решения общественных проблем. Пророчество Достоевского относительно религиозного призвания России, ее потенциальной способности сказать «слово примирения для Востока и Запада в союзе вечной истины Божией и свободы человеческой» (Т. 3.— С. 218) совпадает с мыслями С. Однако в отличие от Достоевского С. считает народ-богосец не избранным, а лишь «посредником между человечеством и тем миром, свободным, сознательным орудием последнего» (Т. 1.— С. 238). С.— пророк вселенского богочеловечества. Россия, по С., может исполнить свой нравственный долг, лишь отрехшись от национального эгоизма и усвоив «те общечеловеческие формы жизни и знания, которые выработаны Западной Европой» (Т. 3.— С. 5).

В литературно-критических статьях С. обращается в основном к русской поэзии XIX в. Писал о Пушкине, Лермонтове, Тютчеве, А. К. Толстом, Я. П. Полонском, А. А. Фете, А. А. Голенищеве-Кутузове, К. К. Случевском. Для словаря Брокгауза и Ефрона написал краткие статьи об А. Н. Майкове, А. М. Жемчужникове, Козьме Пруткове, Я. П. Полонском. Главным предметом поэзии С. считает «нравственную и социальную жизнь человечества, бесконечно далекую от осуществления своего идеала» (Т. 6.— С. 89). По С., нет двух противоречащих друг другу истин — поэтической и научной. Художественный образ для него не просто отражение реальности, он должен нести в себе внутреннюю связь явлений, их смысл, конечно, воспринимаемый сквозь призму мировоззрения поэта.

Задачу критики С. видит в показе тех элементов истины всеединства, которые «захватили душу поэта и по преимуществу выражены им в художественных образах и звуках» (Т. 7.— С. 342). В оценке С. Пушкин предстает гениальным поэтом «чистой поэзии», т. е. воспевающим «чистую красоту и ничего больше» (Т. 9.— С. 325), избегающим какой-либо тенденции, определенной позиции, «претензии». Его поэзия — это открытость человеческой души, многоцветие

жизни. Ведь свобода творчества, по С., есть «свободное проникновение поэтических образов, звуков, мыслей в душу поэта, готовую их принять», при «пассивной, чистой потенциальности ума и воли» (Т. 9.— С. 306). Все это не означает для С. бессодержательности, бесхарактерности поэзии Пушкина. Ее пользу он видит в служении делу истины, добра и красоты. С. защищал Пушкина от нападок В. В. Розанова, Д. С. Мережковского, Н. М. Минского и др. литераторов журнала «Мир искусства», с которыми С. сотрудничал в первый год существования журнала (1899) и которые объявили Пушкина «бессодержательным, ненужным для нас» (Т. 9.— С. 278). Но это была защита «своего» Пушкина, созданного С. по своему образу и подобию. Подлинная поэзия, по С., не дело ума, а дело вдохновения, она зависит от «восприимчивости души из подсознательной области» (Т. 9.— С. 303). К ней он отнес далеко не все из написанного Пушкиным. Особое значение С. придавал пушкинскому «Пророку», в котором увидел «идеальный образ идеального поэта в его сущности и высшем призвании» (Т. 9.— С. 319). «Поэт не волен в своем творчестве» — так С. формулирует «первую эстетическую аксиому» (Т. 9.— С. 305). Иными словами, в творчестве проявляется не только свобода воли, но и необходимость подчиниться судьбе, или «провидению божиему». С точки зрения сознательного отношения к делу С. классифицирует русских поэтов XIX в. на три группы. К первой группе поэтов, у которых мысль органически относится к творчеству, он отнес только Пушкина. Важную особенность его творчества С. видит в отсутствии раздвоенности сознания, рефлексии по поводу красоты. У Пушкина, подчеркивает С., гораздо важнее то, что он в поэзии создает, а не то, что он говорит о поэзии (Т. 7.— С. 137).

М. Ю. Лермонтов и Е. А. Баратынский в схеме С. возглавляют вторую группу поэтов, творчество которых пронизывает рефлексия в качестве «постоянного элемента, разлагающего целостность воззрений» поэта и «подрывающего его художественную деятельность» (Т. 7.— С. 139). С. противопоставляет открытости Пушкина «эгоизм» Лермонтова. Хотя Лермонтов — гений, «поэт божией милостью», в нем сильно «нищестанство», т. е. «презрение к человеку, присвоение себе исключительного, сверхчеловеческого значения» (Т. 9.— С. 348). С. ценит способность Лермонтова «схватывать за пределами сторону жизни», пророчество. Однако сосредоточенность поэта на своем «я» ограничила, по С., масштабы пророчества: в конце концов Лермонтов пришел к фатализму как окончательному способу решения жизненных проблем. К третьей группе — поэтам «гармонической мысли» (Т. 7.— С. 140) С. относит в первую очередь Тютчева и А. Толстого. Поэзию Тютчева он считал самым драгоценным кладом в рус-

ской литературе. Его восхищает «созвучие его вдохновения с жизнью природы», сознательная вера в ее живую душу, раскрытие «поэтического смысла природы» (Т. 9.— С. 304) как важного элемента целостного бытия. С. находит, что у Тютчева и А. Толстого творчество красоты и рефлексия по этому поводу дополняют друг друга. Только у Тютчева С. находит больше созерцательности, а у А. Толстого — деятельной воли. Много схожего со своим мироощущением С. находил также в высоко почитаемой им поэзии Фета и Полонского. Критика С. предвосхитила некоторые принципы символистской критики (Мережковский, Вяч. И. Иванов и др.).

Вопросы, волновавшие С. всю жизнь, — основные и в его собственной поэзии. Философская проблематика объединяет различные тематические мотивы его лирики: эсхатологические настроения («Поллион» — четвертая эклога Вергилия); пророчества о судьбах России (Ex oriente lux — свет с Востока, «Панмонголизм»); размышления о соотношении духовного (возвышенного) и материального (низменного), их синтезе («Хоть мы навек незримины цепями...», «О, как в тебе лазури чистой много...»); красота как материализация божественной идеи («Вся в лазури сегодня явилась...», «Под чуждой властью знойной вьюги...»). В стихах С. часто прибегает к символике как средству передачи космического масштаба своих образов: «Милый друг, иль ты не видишь, / Что все видимое нами / Только отблеск, только тени / От незримого очами?» (Стихотворения.— С. 93). Или: «Смерть и Время царят на земле, / Ты владыками их не зови, / Все, кружась, исчезает во мгле, / Неподвижно лишь солнце любви» (Там же.— С. 79). Говоря словами А. А. Блока, его символика делает «дело освобождения пленной Царевны, Мировой души, страстно тоскующей в объятиях Хаоса и пребывающей в тайном союзе с Космическим умом» (Блок А. Собр. соч.— Т. 5.— С. 451). Выделяется в этом отношении поэма «Три свидания». В подзаголовке «Москва — Лондон — Египет. 1862—1875—1876» поэт указывает места своих встреч с «божеством расцветом», с «подругой вечной», являвшейся ему в «пурпуре небесного блистанья / Очами, полными лазурного огня» (Стихотворения.— С. 128, 130). Поэтическим выражением идеи всеединства служат символы «вечной женственности», «души мира», «золотистой лазури», «первого сияния всемирного и творческого дня», «неземного света», «созвучия вселенной» и др. Образы-символы С. оказали большое влияние на поэтов-«соловьевцев» нач. XX в., в первую очередь на Блока, А. Белого, С. М. Соловьева. В пейзажной лирике С. воспевает землю, пишет о единстве духовного и телесного, земного и небесного счастья, изображает природу как проявление особой, божественной сущности («Земля-владычица! К тебе чело склонил я...», «Бескрылый дух, землю колонен-

ний...», «В Альпах»). В любовной лирике С., по его словам, служит не «Афродите мирской», а «вечной женственности» (Там же.— С. 120, 121). Он определяет любовь как способность жить не только в себе, но и в другом. В его стихах земная любовь несет в себе элементы религиозного экстаза, часто окрашена «душою мира». Эгоизму земли противопоставляется любовь духовная, высшая, как часть мирового процесса одухотворения мира, как преодоление земной разьединенности, пространства, времени, смерти, как высшее проявление индивидуального. Пафос всего творчества С.—одухотворение земного в единстве с неземным. С.—поэт, органично вписывающийся в традиции русской философской лирики. Единственное его прозаическое произведение — рассказ «На заре туманной юности» (1892) о любовных переживаниях в отрочестве. Он написал немало шуточных и сатирических стихотворений, а также пародий — того, что «сочиняется умом с помощью формального стихотворческого искусства» (Т. 9.— С. 303). Д. Н. Овсяннико-Куликовский считал, что его шуточные стихи и пародии не уступают «творчеству» К. Пруткова, стиль которого С. нравился. Он написал три небольшие шуточные пьесы: «Альсим» (1876—1878), «Белая лилия, или Сон в ночь на Покрова» (1878—1880), «Дворянский бунт» (1891). Он был также переводчиком (Г. Гейне, Ф. Шиллер, Дж. Б. Строщи, Микеланджело, Фр. Петрарка, Гафиз, А. Мицкевич, П. Прерадович, А. Данте, Вергилий, Г. Лонгфелло, А. Теннисон, Э.-Т.-А. Гофман).

Творчество С.—заметная веха в развитии русской духовной культуры, одна из вершин русского идеализма. Его отличительная черта — устремленность к преодолению остро переживаемого им трагизма жизни: несоответствия между существовавшим в то время положением вещей и долженствующим. Это несоответствие он видел повсюду — в общественной жизни и ее духовном осмыслении. В пытаясь объять все сферы жизни, объединить их в одно целое, наполнить их нравственным содержанием, С. избрал свой путь исправления положения, путь апелляции к абсолютным, религиозным идеалам, требующим от человека нравственного подвига. Всегда внимательно следивший за ходом мировой истории, в конце жизни С. разочаровался в теократии как общественном идеале. В поисках «честного» общества с помощью вселенской истины он зашел в тупик. Его последние работы («Три разговора», «По поводу последних событий») полны пессимизма относительно будущего человечества — «большого старика», разочарования в предлагавшихся им средствах лечения «болезни». С. отчетливо осознал, что реальная история несравненно сложнее его религиозных построений. В повести об Антихристе (часть «Трех разговоров») он рисует апокалипсическую картину мира и второго пришествия Христа. Блок отмечал, что современ-

ники С. не могли ему простить измену «духу своего времени», клеймили его за то, что он занес «золотой меч» над своим веком (Блок А. Соч.— Т. 5.— С. 450). Наследие С. всегда вызывало много споров. Его сложное, противоречивое творчество ценно своей гуманистической окраской, поисками путей утверждения общечеловеческих идеалов.

Соч.: Собр. соч.: В 10 т. / Под ред. и с примеч. С. М. Соловьева, Э. Л. Радлова. — 2 изд. — Спб., 1911—1914; Письма: В 4 т. / Под ред. и с предисл. Э. Л. Радлова. — Спб.: Пг., 1908—1923; Стихотворения и шуточные пьесы / Вступ. ст., сост. и примеч. З. Г. Минц.— Л., 1974; На заре туманной юности // Проза русских поэтов XIX в.— М., 1982.
Лит.: Брюсов В. Вл. Соловьев. Смысл его поэзии // Русский архив.— 1900.— № 8; Брюсов В. Я. Далекие и близкие.— М., 1912; Саводник В. Ф. Поэзия Вл. С. Соловьева.— М., 1901; Величко В. Л. Вл. Соловьев. Жизнь и творения.— Пб., 1902; 2 изд.— Пб., 1903; Конн А. Ф. Вл. Соловьев // Конн А. Ф. Очерки и воспоминания.— Пб., 1906; Белый А. Вл. Соловьев. Из воспоминаний // Белый А. Арабески. Книга статей.— М., 1911; О Вл. С. Соловьеве.— Сборник первый.— М., 1911; Радлов Э. Л. Вл. Соловьев. Жизнь и учение.— Пб., 1913; Трубенкой Е. Н. Мирозозерцание Вл. Соловьева: В 2 т. М., 1913; Лукьянов С. М. О Вл. С. Соловьеве в его молодые годы. Материалы к биографии: В 3 кн.— П., 1916.— 1921; Блок А. Заметки о Владимире Соловьеве // Собр. соч.— М.; Л., 1962.— Т. 5; Он же. Владимир Соловьев и наши дни // Там же.— Т. 6; Асмус В. Ф. Борьба философских течений в Московском университете в 70-х годах XIX века // Асмус В. Ф. Избранные философские труды.— М., 1969.— Т. 1; Лосев А. Ф. Вл. Соловьев.— М., 1983; Асмус В. Ф. Вл. С. Соловьев: опыт философской биографии // Вопросы философии.— 1988.— № 6. В. А. Скиба

СОЛОВЬЕВ, Николай Яковлевич [1845, Рязань — 27.XI(9.XII). 1898, Юхнов, ныне Калужской обл.] — драматург. После окончания гимназии в Калуге (1861) преподавал здесь же, в гимназическом пансионе. С 1865 г. — вольнослушатель Московского университета; страстная любовь к театру побудила С. попробовать себя в драматургии, но первая попытка («Душевный человек») оказалась неудачной. Бедность и нужда забросили С. в г. Мосальск Калужской губ. (1869). Однообразие жизни глухого уездного городка, преподавательская деятельность в уездном училище и женской прогимназии не могли удовлетворить С., который, по его признанию, «среди всех бедствий и неудач» своих не оставил мечты «служить искренно» «делу театра» (Переписка.— С. 36). Переезд в Петербург (1873), а потом в Москву не оправдали надежд С. на благополучное устройство личной и творческой судьбы. Тяжелые нравственные переживания, вызванные разочарованием в жизни и в своем даровании, побудили С. сделаться послушником Николо-Угрешского монастыря (1874—1876). Однако уход от мирской суеты, учительство в монастырской школе не заглушили его тяготения к драматургическому творчеству: здесь были написаны пьесы «Разладница» (1874), «Кто ожидал?» (1875) (впоследствии «Женитьба Белугина») и др. драмы никому не известного автора. Заметивший литературную одаренность С.

К. Н. Леонтьев передал его пьесу «Кто ожидал?» на отзыв А. Н. Островскому, который проявил интерес к драме и предложил молодому литератору свое содействие в ее доработке (1876).

С этого и началось творческое содружество С. с автором «пьес жизни», ставшее для него не только «образовательной школой драматического писателя» (Переписка.— С. 48), но и важной вехой в творческой деятельности: с помощью Островского С. стал драматургом, пьесы которого занимали не последнее место в сценическом репертуаре 70—80 гг. В историю русского театра он вошел как автор пьес, написанных совместно с Островским: «Счастливейший день» (1877), «Женитьба Белугина» (1878), «Дикарка» (1880), «Светит, да не греет» (1881).

Островский, по достоинству оценивший талант начинающего автора, принял в его судьбе дружеское участие. Под влиянием великого драматурга С. оставил монастырь, поступил на службу, стал с большей ответственностью относиться к своему дарованию. Островский оказывал С. нравственную поддержку, продвигал его пьесы в печать и на сцену, помогал в денежных делах.

Опытный драматург, корректируя замыслы С. и ценя при этом самобытность его дарования, старался придать им законченную литературную форму, приблизить к требованиям сцены. В основной текст пьес, принадлежавший С., Островский советовал прежде всего вносить поправки, усиливающие их социальную значимость, связи с действительностью. Иногда он предлагал изменить состав и расстановку персонажей («Дикарка»), подобрать другие заглавия пьес, полнее выражающих их сущность («Разбитое счастье» — «На родине» — «Светит, да не греет»). С., гордясь сотрудничеством с Островским, благожелательно принимал его советы. Счастливой и долговечной оказалась сценическая судьба пьес С., созданных совместно с Островским; их премьеры с участием М. П. Садовского, Н. И. Музиля, М. Н. Ермоловой, М. Г. Савиной, В. Н. Давыдова с успехом прошли в Малом и Александринском театрах.

В 1879 г. С. самостоятельно создает ряд пьес: «Прославились» (незавершена), «Глушь» (не пропущена цензурой), «На пороге к делу». Последняя написана в жанре т. н. тенденциозной драмы, получившей распространение в 70—80 гг., характеризующейся злободневной проблематикой.

«Дело» героини пьесы Веры Лониной, девушки из интеллигентной семьи, приехавшей в далекую, глухую деревню, — учительство в земской школе. Убежденная в том, что только здесь она принесет настоящую пользу, Лонина готова преодолеть все трудности ради того, чтобы увидеть результат «дела». Но, столкнувшись с лишениями, невежеством окружающих, она теряет веру в себя, готова отступить.

Составляющий основу пьесы конфликт сель-

ской учительницы с косной провинциальной средней завершается, однако, благополучным финалом — браком героини, остановившейся «на пороге к делу», с богатым либеральным помещиком, намеревающимся открыть в своем имении школу. С. проявил себя как искусный бытописатель, мастер речевых характеристик персонажей, построения, конфликта. Большой успех у демократического зрителя имела М. Н. Ермолова, сыгравшая Лонины, трактовку роли которой она связала с идеалами народничества интеллигенции (Малый театр, 1879).

В конце 70 гг. С. под влиянием реакционной критики, пытавшейся противопоставить его Островскому, явно переоценив свои творческие возможности, отказывается от сотрудничества с драматургом. Однако его пьесы 80 гг. оказались малохудожественными и не удержались на сцене («Медовый месяц», 1881, и др.). Из них заметно выделяется драма «Ликвидация» (1883), в которой автор своеобразно продолжил свойственную литературе пореформенной поры тему упадка и вытеснения дворянства дельцами новой, капиталистической формации. Владельцы «дворянского гнезда» Баюкины, дряблые, безвольные, не способны предотвратить его «ликвидацию» — противостоять практицизму, хватке крестьянина-кулака Кулькова, который, купив у них лес, подбирается и к липовым аллеям сада, чтобы так же безжалостно вырубить их.

С., болезненно воспринявший смерть Островского, который не переставал заботиться о нем и после прекращения их совместной работы, на длительное время прекратил творческую деятельность. Последние его пьесы («Три предложения», «Наследники») на сцене поставлены не были. Скончался С. в г. Юхнове и похоронен на местном кладбище.

Соч.: Островский А. и Соловьев Н. Драматические сочинения.— Спб., 1887; Собрание драматических сочинений: В 2 т.— Спб., 1910; Переписка А. Н. Островского и Н. Я. Соловьева (1876—1886) // Литературный сборник. I.— Кострома, 1929; Островский А. Н. Полн. собр. соч.: В 12 т.— М., 1977.— Т. 8 (пьесы, написанные в соавторстве); На пороге к делу: Деревенские сцены в трех действиях // Русская драма эпохи А. Н. Островского / Ред., вступ. ст. А. И. Журавлевой.— М., 1984.
Лит.: Маслих В. А. А. Н. Островский и Н. Я. Соловьев: К истории создания «Женитьбы Белугина» // Островский А. Н. Женитьба Белугина.— М.: Л., 1949; Лотман Л. М. А. Н. Островский и русская драматургия его времени.— М.: Л., 1961.— С. 286—291; Данилова Л. С. В «академии» Островского // А. Н. Островский и литературно-театральное движение XIX—XX веков.— Л., 1974; Лакшин В. Я. А. Н. Островский. М., 1982.— С. 490—492; Журавлева А. И. Русская драма эпохи А. Н. Островского // Русская драма эпохи А. Н. Островского.— М., 1984.— С. 37—39; Некрасов В. Н. Н. Я. Соловьев // Там же.— С. 458—461. Л. В. Бродис

СОЛОВЬЕВ-АНДРЕЕВИЧ, Евгений Андреевич, псевдоним, настоящая фам.— Соловьев; другие псевдонимы — Ан., Анд., Андреевич, Мирский, Скриба, В. Смирнов [6(18).VIII.1867—25. VIII(7.IX).1905, Шувалово, под Петербур-

гом] — литературный критик, историк литературы, беллетрист. Учился в 3-й Петербургской гимназии. Окончил в 1888 г. историко-филологический факультет Петербургского университета. Еще в студенческие годы начал печататься в газете «Эхо». В идейном созревании С.-А. особую роль сыграли его «духовные» учителя — Д. И. Писарев и А. И. Герцен. Готовил себя к научной карьере, но пришлось учительствовать в Сибири. По возвращении в Петербург целиком отдался литературной работе: писал корреспонденции, делал обзоры художественных выставок, читал в университете лекции, редактировал иностранные переводы, подбирал рисунки для иллюстрированных журналов. По сибирским впечатлениям выпустил сборник рассказов «В раздумье» (1892). В 90 гг. много сделал для популяризации творчества Карамзина, Аксакова, Гончарова, Тургенева и др., написав для серии «Жизнь замечательных людей», издаваемой Ф. Павленковым (1891—1899), их биографии. На протяжении творческой деятельности печатался в «Жизни», «Русском богатстве», «Научном обозрении», «Журнале для всех», газетах «Новости», «Русская жизнь», «Русь», «Одесское обозрение». Самым счастливым временем считал работу в «Жизни», где сблизился с М. Горьким и воспринял учение Маркса. В последние годы намеревался написать «Историю пролетариата».

Литературная концепция С.-А. отражена в статьях, опубликованных в журнале «легальных марксистов» «Жизнь». В них критик продемонстрировал «сословный» (в его понимании — классовый) подход к литературе, хотя и ограничился общими рассуждениями о «рефлектирующих барах», «кающихся дворянах» и «разночинцах». С.-А. с уважением отозвался о наследстве 60 гг., но подчеркнул, что в 90 гг. ведущей силой в обществе становится пролетариат и на смену проповедуемой народничеством жертвенности приходит идея активной личности и бунт против мешанского миропорядка. Герой лит. оказывался у критика целиком сконструирован по образцу «новых людей» 60—70 гг. С.-А. сумел предвосхитить такие черты его, как бодрое чувство любви к жизни, непоколебимую веру в свои возможности, но оставил без внимания существо той борьбы, которой посвятит герой накопленные знания и силы. У него даже проскальзывало предложение объединить толстовского крестьянина, горьковского «босняка» и нарождающегося пролетария в один тип, для которого характерно презрение к мешанству и жажда свободы. Он выражал надежду, что произведение, отражающее жизнь народа и его стремления, появятся, когда окончательно «прояснится» сознание масс.

Ведущими писателями, отразившими новое отношение к личности, для С.-А. были А. П. Чехов и М. Горький. В творчестве Чехова в противовес народническим взглядам он обнаружил

«исторический» пессимизм, т. е. такой, который «может быть излечен» (Жизнь.— 1901.— № 3.— С. 229) при соответствующих переменах в общественной жизни. Ценным было указание критика на складывающуюся в творчестве Чехова из «мозаики случайных фактов», мелочей «грозную» (Там же.— № 2.— С. 364) картину действительности, перерастающую в обвинение всему общественному строю. При этом критик отметил также, что «случайности» Чехова — особого рода: за каждую угадывается неизбежность. Критик верно уловил ведущую особенность чеховского метода — мелочный, атомистический анализ жизненных противоречий.

Статьи, посвященные М. Горькому, объединены в цикл «Вольница». Отношение критика к писателю было восторженным. Он увидел в горьковских героях воплощение мятежного и непримиримого человеческого духа. С.-А. одним из первых обосновал мысль о романтизме молодого писателя, но придал ему слишком расширительный характер. На точно сформулированный вопрос: что же определяет поведение горьковских героев — «меланхолический темперамент... или искание подвига, призыв ли свободы или непримиримая ненависть к рабству, дерзость мысли или ее растерянность, борьба вольного чувства с устоями... жизни... или же осознание своей неприспособленности и неудачливости» (Там же.— 1900.— № 4.— С. 324) — С.-А. дал весьма уязвимый ответ, сведя все, по сути дела, мотивы поступков героев к тем же источникам, которые питали романтизм прошлого. Позже в своем обобщающем труде «Опыт философии русской литературы» (1905) он серьезно подправил свое положение о романтизме Горького и даже назвал его «пролетарским». «Босьяк,— заметит критик,—...лишь символ пробуждающегося, но не определившегося пролетарского самосознания». Эта мысль, так же как и утверждение, что в «Горьком... пролетариат впервые заявил о себе, о своем праве на жизнь и счастье...» (Опыт философии русской литературы.— С. 518, 520), были крупнейшим открытием марксистской критики, позволившим определить своеобразие Горького именно с точки зрения движущих сил пролетарского периода освободительного движения.

В творчестве позднего Толстого критик выше всего ценил «великую недосыгаемую правду изображения», критический реализм писателя, безжалостно срывающего «сто ризок с условностей нашей культурной, общественной жизни», оголяющего «ее ложь, прикрытую высокими словами» (Жизнь.— 1899.— № 12.— С. 353—354). От декадентства С.-А. отрешивался (и в этом скадалась его связь с народническими воззрениями) как от явления в известной мере случайного, порожденного людьми, «избалованными, капризными и в сущности жестоко испорченными» (Там же.— 1900.— № 10.— С. 318—319). Он провел резкую грань между «настоящим симво-

лизмом» М. Горького и символизмом «преисполненной претензиями, бескровной и бледной литературы» декадентов (Там же.— № 8.— С. 228).

Стремление отыскать господствующую идею времени и по отношению к ней распределить всех писателей и все литературные течения окончательно сформировалось в книге С.-А. «Опыт философии русской литературы». Идеей, объединившей все периоды развития русской литературы, критиком была объявлена «борьба за освобождение личности и личного начала» (Опыт философии русской литературы.— С. V). Такая формулировка сближает концепцию С.-А. с народнической трактовкой прогресса общества, измеряемого «борьбой за целую и неделимую личность» (Михайловский), так же как и утверждение, что развитие литературы в России носило абсолютно независимый от Запада характер. В общественной мысли С.-А. выделил два направления — «мещанский» и «пролетарский» индивидуализм, которые находят отражение в литературе. Первый — в декадентстве, религиозно-философских течениях, порабощающих, угнетающих, разобщающих личность, второй — вызревающий «в борьбе с мещанством и его хищным индивидуализмом» (Там же.— С. 457) — в художественной практике М. Горького. Критик стоит за гармонию общественных интересов с «полной свободой и полной независимостью» (Там же.— С. 534) человека в вопросах творчества и религии. Но все же апология личного начала в трудах С.-А. заслоняла для него необходимость «пролетарского коллективизма».

Противоречивость суждений критика — свидетельство трудности овладения методологией марксистского анализа литературы. Об эклектизме его литературной позиции говорят взаимоисключающие источники, которыми он пользовался при написании своих работ — от Михайловского до Волинского и Розанова (см.: Шулятиков В. Литературный хищник // Курьер.— 1902.— № 42). Однако направление развития С.-А. может быть охарактеризовано как движение к овладению марксистской методологией. В пользу такого определения говорит и предложение С.-А. выделить два акта литературной критики: первый — выяснение «исторических достоинств» произведения (по пехановской терминологии — социологического эквивалента) и второй — оценка художественного значения разбираемого произведения. В своих критических разборах С.-А. пытался придерживаться этой схемы, но в итоге его работы сложились все же не в историю литературы, а в исследование истории идей. Это позволило М. Горькому отозваться об «Опыте философии русской литературы» С.-А. как о «попытке мысли пролетария осветить рост идеи свободы в России», хотя задача и оказалась «крупнее автор-

ских сил» (Отзыв о рукописи книги из письма К. П. Пятницкому от 11 сент. 1904 г. // Горький М. Собр. соч.: В 30 т.— М., 1954.— Т. 28.— С. 320). Многими своими современниками С.-А. также воспринимался как критик, первым применивший «к явлениям литературы принципы экономического материализма» (см.: Чуковский К. // Театральная Россия.— 1905.— № 37.— С. 1112).

Марксистская методология С.-А. была неподходящей, он все время «соскальзывал» на рельсы других школ (биологический позитивизм, субъективная социология народничества, вульгарное социологизаторство). Однако при всех просчетах и ошибках С.-А. приближался к решению главной задачи марксистского литературоведения — раскрытию социальной обусловленности искусства и творческой психики художника через классовую борьбу, диалектику общественного развития.

Соч.: Н. М. Карамзин. Его жизнь и научно-литературная деятельность.— Спб., 1894; И. С. Тургенев. Его жизнь и литературная деятельность.— Спб., 1894; Писарев Д. И. Соч. // Полн. собр. соч.: В 6 т. С портр. авт. и критико-биограф. ст. Е. Соловьева.— Спб., 1894—1907; Аскаковы, их жизнь и литературная деятельность.— Спб., 1895; Жизнь и литературная деятельность Герцена в России и за границей.— Спб., 1897; Книга о М. Горьком и А. П. Чехове.— Спб., 1900; Очерки по истории русской литературы XIX века.— Спб., 1902; Л. Н. Толстой.— Спб., 1905.

Лит.: Пильский П. Критические статьи.— Спб., 1910.— Т. 1; Келдыш В. А. Новое в критическом реализме и его эстетике // Литературно-эстетические концепции в России конца XIX — начала XX в.— М., 1975. М. В. Михайлова

СОЛОГУБ (настоящая фамилия *Тетерников*), Федор Кузьмич [17.II(1.III).1863, Петербург — 5.XII.1927, Ленинград] — поэт, прозаик, драматург, переводчик, теоретик символизма. Родился в бедной семье. Отец — бывший крепостной, портной (скончался в 1867 г.), мать после смерти отца — прислуга в семье петербургской чиновницы Агаповой, в доме которой С. рос в двойственном положении воспитанника и сына прислуги. Учился в приходской школе, Петербургском уездном училище, в 1882 г. окончил Санкт-Петербургский учительский институт. 10 лет учительствовал в провинции. В 1893 г. переехал в Санкт-Петербург, где продолжал педагогическую деятельность вплоть до выхода в отставку в 1907 г.

Литературная деятельность С. началась еще в провинции. До переезда в Санкт-Петербург им опубликовано более 10 стихотворений. В 1883 г. начал роман «Тяжелые сны» (окончен в 1894 г.), с 1889 г. начал переводить Верлена. После переезда в Санкт-Петербург сблизился с редакцией журнала «Северный вестник», объединявшего вокруг себя первое поколение русских символистов (Л. Гуревич, А. Волинский, Н. Минский, З. Гиппиус, Д. Мережковский). В 1892—1897 гг. опубликовал в журнале ряд рассказов, стихотворений, рецензий, роман «Тяжелые сны».

В редакции был придуман псевдоним *Сологуб*. В 1895—1896 гг. выходят первые сборники С. («Стихи. Книга первая», 1895; «Тени. Рассказы и стихи», 1896). С конца 1899 г. С. сотрудничал в ряде петербургских журналов и газет, особенно активно — во всех символистских журналах и альманахах («Мир искусства», «Новый путь», «Вопросы жизни», «Весы», «Золотое руно», «Перевал», «Северные цветы», «Факелы» и т. д.). В годы революции 1905—1907 гг. С. публикует роман «Мелкий бес» (Вопросы жизни. — № 6—11; отд. изд. в 1907 г.), сотрудничает в сатирических журналах, публикуя в них политические стихотворения, а также пародии на духовенство и светскую власть. В 1906 г. выходит отдельным изданием «Политические сказочки» (Спб.), в которых сатирическое изображение русской государственности сочеталось с утверждением правоты революционного действия. Политические стихотворения этого времени составили сборник «Родине» (Спб., 1906). 1907 г. становится для С. переломным и биографически, и творчески. Поражение первой русской революции, тяжело пережитое писателем и укрепившее его социальный пессимизм, совпало с переменами в личной жизни. Служебная отставка способствовала активизации литературно-общественной деятельности С. Женильба в 1908 г. на писательнице и переводчице А. Н. Чеботаревской в корне изменила домашний и литературный быт С.: его дом становится модным, широко посещаемым салоном. Резко возрастает писательская популярность С. По свидетельству А. Белого, в 1908—1910 гг. он вошел в «четверку наиболее знаменитых писателей», наряду с М. Горьким, Л. Андреевым, А. Куприным (Белый А. Начало века. — М.; Л., 1933. — С. 446). Роман «Мелкий бес» выдерживает пять переизданий, его инсценировка с успехом идет на столичной и провинциальной сцене. Интенсивно развиваются все грани творчества С. Выходят книги стихов «Змий. Стихи. Книга шестая» (Спб., 1907), «Пламенный круг» (М., 1908), книги рассказов «Истлевающие личности» (М., 1907), «Книга разлук» (Спб., 1908), «Книга очарований» (Спб., 1909). Особенно активно в эти годы С. выступает как драматург. В 1906—1909 гг. появляются трагедии «Дар мудрых пчел» (1907), «Победа смерти» (1908), драма «Любовь» (1907), «шутовские» пьесы «Ванька ключник и паж Жан» (1908), «Ночные пляски» (1908), мистерия «Литургия Мне» (1907). С. публикует ряд программных теоретических статей, обобщающих его творческий опыт («Демоны поэтов», 1907; «Театр одной воли», 1908, и др.). В 1909—1912 гг. издательство «Шиповник» выпускает Собрание сочинений С. в 12 т., в 1913 г. издательство «Сирин» начинает выпуск двух Собраний сочинений в 12 и 20 т. (последнее не завершено). Росту известности С. способствовало совершенное им совместно с А. Н. Чеботаревской и И. Северяниным в 1913 г.

турне по 39 городам России с лекцией «Искусство наших дней» и чтением стихов.

Характер популярности С. был неоднозначен, подчас носил скандальный оттенок. Наряду с признанием общественной и художественной ценности романа «Мелкий бес» демократической и, в частности, марксистской критикой (о социальной типичности образа Передонова упоминал В. И. Ленин — см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 23. — С. 132; Т. 24. — С. 221), критика отмечала и пессимизм, самодовлеющий эстетизм и проповедь болезненной эротичности (см., напр.: Измайлов А. Литературный Олимп. — М., 1911. — С. 297—325; Воронский В. Ночь после битвы // О веяниях времени. — Спб., 1908). Резко полемизировал с сологубовской проповедью пессимизма М. Горький, охарактеризовав его апологию смерти как проявление «антиобщественной позиции» писателя (Горький М. Несобранные литературно-критические статьи. — М., 1941. — С. 431). В одной из «Русских сказок» (1912) М. Горький создал пародийный образ поэта Смерташкина, доводящего идеи С. до эпигонского опошления. Критики-символисты, напротив, подчеркивали как социальный, так и общечеловеческий смысл творчества. И. Анненский указывал на возможность многозначной интерпретации пессимизма С. в связи с его стихотворением «Мы — плененные звери...»: «Хотите — пусть это будут люди, хотите — поэты, хотите — мы перед революцией. Для меня это просто звери, и страданные звери» (Анненский И. О современном лиризме // Анненский И. Книги отражений. — М., 1979. — С. 351). «В современной литературе я не знаю ничего более цельного, чем творчество Сологуба», — писал А. Блок, определяя ведущую тему его произведений как отчуждение человека от мира (Блок А. А. Соч.: В 8 т. — М.; Л., 1962. — Т. 5. — С. 287).

В годы первой мировой войны С. занял урапатриотическую позицию, сотрудничал в газетах и журналах, имеющих откровенно шовинистическое направление. Художественная слабость и тенденциозная рассудочность стихов, вошедших в сборник «Война. Стихи» (Пг. 1915), были единодушно отмечены критикой.

Октябрьскую революцию С. не принял. Однако продолжал общественно-литературную деятельность, возглавил «литературную курию» в Союзе деятелей искусства, в марте 1918 г. был избран председателем Совета Союза деятелей художественной литературы. В 20 г. позиция С. по отношению к Советской власти становится более лояльной. С 1924 г. избирается почетным председателем секции переводчиков в Союзе Ленинградских писателей, с 1925 г. — председателем секции детской литературы, с 1926 г. — председателем правления Союза, вошел в редколлегия «Всемирной литературы». Выпустил ряд стихотворных сборников, в которых вернулся к преж-

ним символистским темам и мотивам: «Голубое небо» (1920), «Одна любовь», «Соборный благовест», «Фимиами» (все — 1921), «Костер дорожный», «Свирель», «Чародейная чаша» (все — 1922), «Великий благовест» (1923).

Прозаическое творчество С. эволюционировало от натурализма к символизму. В первом романе — «Тяжелые сны» — натуралистическое изображение провинциального быта и нравов сочетается с проповедью эстетизма и эротики, характерных для зарождающегося декадентства 90 гг. В вершинном романе С. — «Мелкий бес» реалистическое сатирическое изображение обывательской пошлости служит средством создания алогической, абсурдной и принципиально неизменяемой картины мира. Провинциальный учитель гимназии Передонов в романе — воплощение не просто социальных пороков, но и безумия человеческого существования как такового. Призрачно-фантастический образ Недотыкомки мотивирован двояко: он одновременно — порождение помрачающегося сознания Передонова и объективно существующий «овеществленный бред» человеческого бытия. Традиции социальной сатиры Н. В. Гоголя, М. Е. Салтыкова-Щедрина, А. П. Чехова (ср. образ «человека в футляре») получают у С. переосмысление в соответствии с философско-эстетическими принципами модернизма, видевшего выход из метафизически неизменного «ужаса бытия» лишь в эротике и культуре телесной красоты (образы Саши Пыльниковы и Людмилы Рутиловой).

В трилогии «Творимая легенда» («Творимая легенда», «Капли крови», «Королева Ортруда», впервые издана в литературно-художественном альманахе издательства «Шиповник» под общим названием «Навыи чары») С. пытался непосредственно воплотить декларируемую в предисловии концепцию творчества как «преобразования жизни»: «Беру кусок жизни грубой и бедной и творю из него сладостную легенду, ибо я — поэт. Косней во тьме, тусклая, бытовая, или бушуй яростным пожаром — над тобою, жизнь, я, поэт, воздвигну творимую мною легенду об очаровательном и прекрасном» (Соч. — СПб., 1913. — Т. XVIII. — С. 3). Однако уже современная С. критика оценила роман отрицательно, как попытку «соединить <...> несоединимое — отклик на злобу дня с самым откровенным фантазированием», как «странный роман, совмещающий краски кровавого кошмара недавнего дня с тонами мистики, с чистой фантастикой и лирикой» (Измайлов А. Литературный Олимп. — С. 309). Эклектичное сочетание разнородных жанровых приемов обусловило художественное поражение С. Роман резко критиковался марксистской критикой.

В критике, как и в заявлениях самого С., неоднократно подчеркивалась принципиальная неизменяемость его поэтического творчества, многократное варьирование одних и тех же сквозных

тем, сюжетов, мифов, верность одним и тем же художественным приемам. С. намеренно не датировал публикуемые стихи, соединял в сборники разновременные произведения. Однако его поэзия все же эволюционировала от постнароднических традиций к символизму. Темы и мотивы ранней лирики С.: неприятие социального зла, сознание бессилия, сломенности героя жизнью, склонность к абстрактному аллегоризму, — все это соответствует поэтике посленекрасовской школы. Но начиная с 90 гг. проблематика поэзии С. принимает характерный поворот: социальное зло абсолютизируется, воспринимается как выражение бессмысленного миропорядка, которому противопоставляется индивидуалистическая творческая свобода человеческой воли. Эта антиномия воплощается в создаваемых С. поэтических мифах: тема «злого начала» в мире реализуется в мифе о солнце-драконе, «змие, царящем над вселенной», тема смерти как желанного ухода от земного зла — в мифе о далекой обетованной «земле Ойле», куда человек попадает после смерти (цикл «Звезда Маир»). Двудинное начало поэтического творчества (Лирика и Ирония как одновременное «отрицание» и «утверждение» мира) воплощено в переосмысленном противопоставлении Альдонсы и Дульцины. Стиль зрелого С. отличается внешней простотой, доходящей до однообразия, строгостью, скупым употреблением поэтических тропов, «бедностью» словаря рифм в сочетании с изощренным мастерством варьирования повторяющихся слов и словосочетаний, изысканной ритмикой и строфикой стихотворений.

Начав переводить еще в юности, С. не прекращал этой деятельности до конца творческого пути. Переводил с немецкого, французского, украинского, венгерского, армянского и др. языков. Переводы С. отличаются высокой ритмической и стилистической точностью, стремлением максимально приблизиться к подлиннику. Особенно широкое признание получили его переводы из Верлена, вышедшие в 1908 г. отдельной книгой и снискавшие С. репутацию «иронического русского Верлена» (Блок А. А. Соч. — Т. 5. — С. 348). Переводы С., как и его лучшие стихи и роман «Мелкий бес», представляют не только историко-литературный интерес, но и непреходящую ценность для современного читателя.

Соч.: Соч.: В 12 т. — СПб., 1909—1912; Соч.: В 18 т. — СПб., 1913—1914; Стихотворения. — Л., 1939; Стихотворения. — Л., 1978; Мелкий бес. — М.: Л., 1933; Мелкий бес. — Кемерово, 1958.

Лит.: Русская литература конца XIX — начала XX в. 1908—1917. — М., 1972. С. 229—239; Старикова Е. Реализм и символизм // Развитие реализма в русской литературе. — М., 1974. — Т. 3; Дикман М. И. Поэтическое творчество Федора Сологуба // Ф. Сологуб. Стихотворения. — Л., 1978. — С. 5—47; Ерофеев В. На грани разрыва («Мелкий бес» Ф. Сологуба на фоне русской реалистической традиции) // Вопросы литературы. — 1985. — № 2. С. 140—158. Д. М. Магомедова

СОМОВ, Орест Михайлович, псевдонимы — *Порфирий Байский*, *Житель Галерной гавани* [10? (21?) XII.1793, Волчанск Слободско-Украинской губ. (ныне — Харьковской обл.) — 27.V. (8.VI).1833, Петербург] — поэт, прозаик, переводчик, литературный и театальный критик, очеркист. Родился в старинной, но обедневшей дворянской семье. В 1809 г. поступил в Харьковский университет, считавшийся крупным культурным центром. В университете преподавал, напр., И. С. Рижский, сподвижник Н. И. Новикова. В эти годы в Харькове издавались два журнала: «Харьковский Демокрит» и «Украинский вестник». В последнем в 1816 г. напечатал свои первые стихи С. Он свободно владел немецким, итальянским и французским языками. Благодаря воспитанию, С. избежал влияния архаического книжного стиля XVIII в., не оставили глубокого следа в его творчестве и карамзинисты. С. шел не столько от книги, сколько от жизни, стремясь сплавить в языке своих произведений народную речь с книжным стилем.

Так, в статье «Мысли о замечаниях г. Мих. Дмитриева на комедию «Горе от ума» и о характере Чацкого» он специально отмечал, что Грибоедов «соблюдал в стихах всю живость языка разговорного» (А. С. Грибоедов в русской критике. — М., 1958. — С. 27).

В конце 1817 г. С. переезжает в Петербург. В 1818 г. он становится членом Вольного общества любителей словесности, наук и художеств, спустя два года — действительным членом Вольного общества любителей российской словесности, сотрудничает почти во всех журналах этих Обществ — в «Благонамеренном» и в «Соревнователе просвещения и благоверения», «Невском зрителе», «Альционе», позже в «Полярной звезде» как поэт, прозаик и критик.

В 1819 г. С. совершает заграничное путешествие: он побывал в Польше, Австрии, Франции. После возвращения он сближается с кругом Измайлова, посещает салон С. Д. Пономаревой, в котором получает прозвище «Арфин». Через ее салон С. знакомится с будущими декабристами Н. А. Бестужевым, К. Ф. Рылевым, А. О. Корниловичем.

В 1820 г. он включается в полемику с В. А. Жуковским, пародируя в стихотворении «Сложное тесто» стихотворный перевод Жуковского из Гете «Рыбак», причем С. высмеивает «народный», «бытовой» язык Жуковского, его наклонность к приданию описанию обыденности. В 1821 г. С. подробно разбирает перевод Жуковского в статье «Письмо к г-ну Марлинскому» («Невский зритель». — 1821. — № 1. — Ч. 5) и предлагает пополнить этим стихотворением «литературную кунсткамеру», задуманную Бестужевым-Марлинским. Однако крайнее мнение С. оспорил даже сам Бестужев.

Поэтические опыты С. свидетельствуют, что на их автора несомненно подействовали идеи

будущих декабристов. С. выбирает для своих стихотворений героико-патриотические темы — «Песнь о Богдане Хмельницком — освободителе Малороссии» (1821), «Греция» (1821—1822).

В 1823 г. в «Соревнователе» С. печатает цикл статей «О романтической поэзии» (отд. изд. — Спб., 1823). Он выступает не столько защитником, сколько исследователем романтизма, направления тогда нового и во многом еще непонятого для читателя, воспитанного на произведениях Карамзина. Во второй статье С. опирается на книгу Ж. де Сталь «О Германии» (1810). Фрагменты из нее в переработанном виде он включил в собственный текст. Однако было бы несправедливо видеть в С. только переводчика и интерпретатора. Общие теоретические положения, высказанные французской писательницей, он применял к русской литературе. Опираясь на труд Ж. де Сталь, он утверждал собственную теорию. С. объясняет происхождение и основные черты романтических произведений, обращаясь непосредственно к чувственному восприятию читателей. Он отдает предпочтение «чистому восторгу», «духу поэзии», а не холодной симметрии правил: «Поэзия не архитектура, где строгий глазомер с точностью поверяет все совершенства или погрешности симметрии» (Литературная критика декабристов. — С. 235). С. стремится к синтезу «вкуса» и «воображения», элементов классицизма и романтизма. С такой точки зрения он критиковал оба эти направления. Развенчивая «ложное понятие о поэзии романтической», С. желал уберечь поэзию от «добровольного подчинения» «новым условиям» и «новым узам» (Там же. — С. 271—272).

Главные достоинства поэзии, по мнению С., «народность» и «местность». Он одним из первых заговорил о духовной связи писателя и народа, о том, что «словесность народа есть говорящая картина его нравов, обычаев и образа жизни» (Там же. — С. 264). С. выступает против заданности, тематической ограниченности поэзии. «Весь мир видимый и мечтательный есть собственность поэта, он... везде пьет жизнь и силу и в таинственном своем вдохновении являет... свет незримый и дивный» (Там же. — С. 269). В 1824 г., вероятно, с помощью Рылева С. поступает столоначальником в Российско-американскую компанию.

С. перевел «Записки полковника Вутье о нынешней войне греков» (Спб., 1824—1825), ставшие весьма популярными в среде декабристов, использовавшиеся ими для агитации, помещает в «Северной пчеле» одобрительную рецензию на «Полярную звезду» за 1825 г. (1825. — № 41. — 4. VI). Для альманаха «Звездочка» С. готовит «малороссийскую быль» «Гайдамак».

После разгрома декабристов он был арестован по подозрению в связи с восставшими. Хотя следствие и не подтвердило этого, С. лишился места в Российско-американской компа-

нии и вынужден был зарабатывать себе на жизнь исключительно литературной деятельностью.

Для С. наступило тяжелое время. Альманах «Звездочка» был конфискован и так и не увидел свет, «Соревнователь» к этому времени не выходил, та же участь грозила «Благонамеренному». С. вынужден был обратиться к Булгарину и Гречу, видя в них, вероятно, недавних друзей декабристов, и в «Северной пчеле» напечатал ряд критических статей и переводов.

В конце 1826 г. он знакомится с Дельвигом и становится постоянным сотрудником его изданий. В альманахе «Северные цветы» напечатана повесть С. «Юродивый», главы из «Гайдамака», многочисленные статьи. Как бы продолжая традицию А. Бестужева, С. в каждой книжке «Северных цветов» печатает годичное обозрение русской литературы. В обзоре за 1829 г. С. — единственный из критиков — поддержал молодого Н. В. Гоголя, рецензируя его поэму «Ганц Кюхельгартен». За первой неудачей С. разглядел «талант, обещающий в нем будущего поэта» («Северные цветы» — 1829. — С. 77—78).

В 1830 г. С. вместе с Дельвигом издает «Литературную газету», а в ноябре становится ее официальным редактором. Неожиданная смерть Дельвига 14. I. 1831 г. потрясла С., но он продолжал — уже один — это издание до июня месяца. По просьбе А. С. Пушкина С. готовит издание «Северных цветов» на 1832 г. Непривычный к коммерческой деятельности, он не сумел получить ожидаемую прибыль и был отстранен от издания, его отношения с Пушкиным, с друзьями Дельвига, недовольными неудачей, расстроились. Нужно заставить С. обратиться к недругам: к А. Ф. Воейкову — издателю «Литературных прибавлений к „Русскому инвалиду“», и вновь к Булгарину и Гречу.

Смерть С. остановила работу над изданием отдельного сборника его произведений. Постепенно его имя забывалось и даже такой принципиальный критик, как В. Г. Белинский, не признал новаторства С. и удивлялся его былой популярности: «Теперь смешно и вспоминать, как все были заинтересованы коротенькими отрывками из повести Байского «Гайдамаки», повести действительно недурной по рассказу, но тянувшейся несколько лет и оставшейся без конца и связи» (Т. 5. — С. 194). Отзыв Белинского был, вероятно, вызван тем, что он считал недостаточно серьезной фольклорную, романтическую фантастику С., как бы «уводящую» от современности, а его эстетическую концепцию излишне нормативной.

Между тем повести С. интересны и обращением автора к бытовой тематике, к фольклору, и этнографическими подробностями, и стилем, скорее суховатым, чем романтически приподнятым. С самого начала малороссийской повести «Гайдамак» читатель оказывается окружен потоком украинской жизни — шумит ярмарка, зве-

нят голоса купцов и покупателей. И все это для С. не фон, не колорит, необходимый для развертывания романтической интриги. С., верный своему теоретическому принципу, ставил в центр повествования не отдельную личность, а жизнь народа в целом. Повести С. одновременно с повестями В. Т. Нарезного воспитывали в читателе интерес к быту. В этом смысле Нарезный и С. предшествуют Гоголю. Даже фантастические и сказочные сюжеты тяготеют к бытовизму («Сказки о кладах», «Кикимора»), к характерологии; в «Русалке», «Киевских ведьмах» фантастические события как бы включаются в реальную действительность. В «Оборотне» романтическое двоемирие позволяет показать разные типы характеров, поведения людей, элемент сомнения в существовании чудесного и сверхъестественного не разрушает, однако, веру в необычное до конца. Особое место в прозе С. занимают рассказы о путешествиях (впечатления от поездок за границу в 1819—1820 гг.). В лучших из них — повестях «Почтовый дом в Шато-Тьерри» и «Вывеска» — история человека связывается с общим ходом истории, проводящей сквозь бури испытаний и отдельных людей, и целые народы. Нельзя не отметить влияния на поздние повести С. «Повестей Белкина» Пушкина, первой части гоголевских «Вечеров на хуторе близ Диканьки». В повести «Матушка и сынок» (1833) С. уже высмеивает «романтические странствия» и воспитанные чувства Валерия Терентьевича, воспитанного матушкой в селе Закурихино на рыцарских романах.

В последних произведениях С. заметна сильная ироническая струя. «Романтически-ироническое» (Ю. Манн) повествование подготавливало переход к новым формам и новым проблемам. У С. этот переход не завершился. Литература без него сделала новые шаги. Как предсказал сам С., «очарование новости исчезло, и холодный рассудок... лукаво замечает недостатки там, где воображение на первых порах нас обольстило и увлекло за собою» (Литературная критика декабристов. — С. 272). Ощущение незавершенности поисков и затрудило признание С. современниками.

Соч.: Стихотворения // Декабристы. Поэзия, драматургия, проза, публицистика, литературная критика / Сост. Вл. Орлов. — М.: Л., 1951. — С. 254—255; Стихотворения // Поэты 1820—1830 гг. / Вступ. ст. и общ. ред. Л. Я. Гинзбург. — Л., 1972. — Т. 1. — С. 212—227; Литературно-критические статьи // Литературно-критические работы декабристов / Сост., вступ. ст., подгот. текста и примеч. Л. Г. Фризмана. — М., 1978. — С. 223—273; Киевские ведьмы // Русская романтическая повесть / Сост., вступ. ст. и примеч. В. И. Сахарова. — М., 1980; Были и необычны / Сост., вступ. ст. и примеч. Н. Н. Петруниной. — М., 1981.

Лит.: Грен А. О. Сомов // Сев. цветок. — 1858. — № 4. — Отд. III; Белинский В. Г. Русская литература в 1842 году // Собр. соч.: В 9 т. — М., 1979. — Т. 5. — С. 193—194; Брайловский С. Н. Пушкин и О. М. Сомов // Пушкин и его современники. Материалы и исследования. — Пб., 1909. — Вып. XI; Кирилук З. В. О. М. Сомов (Из истории литературной борьбы 20-х годов XIX века) // Русская литература. — 1960. — № 1; Трубочков Б. А. Первый ли-

фест русского романтизма (статья О. М. Сомова «О романтической поэзии») // Уч. зап. Кишиневского ун-та.— Кишинев, 1960. Т. 51; Кириллюк З. В. Фольклор в творчестве Ореста Сомова // Науч. доклады высшей школы. Филологические науки. 1965.— № 4. В. П. Греков

СТАНКЕВИЧ, Николай Владимирович [27.IX (9.X).1813, с. Удережка Острогжского у. Воронежской губ.— 25.VI (7.VII).1840, Нови, Италия; в том же году прах перевезен в Россию] — эстетик, философ, поэт. Детство провел в имении отца, богатого и практичного помещика, впоследствии много помогавшего сыну. С. рос в большой семье (4 сестры — 5 братьев), в атмосфере доверия и любви. Окончил Острогжское уездное училище (1823—1825) и частный благородный пансион в Воронеже. Здесь в 1830 г. познакомился с А. В. Кольцовым и, оценив талант русского «самородка», содействовал его литературному дебюту в столице (1831), а в 1835 г. на собранные по инициативе С. средства вместе с В. Г. Белинским издал сборник стихов.

В историю русской литературы и культуры вошел как создатель «кружка Станкевича» (1831—1839). Два последних года кружок существовал без участия С., в августе 1837 г. уехавшего за границу из-за обострившейся чахотки и для углубленных занятий философией с известными профессорами-гегельянами Берлинского университета. Кружок сложился вскоре после поступления С. на словесное отделение Московского университета (1830, окончил в 1834): собрания происходили в доме университетского преподавателя физики М. Г. Павлова и на др. московских квартирах С. Среди участников кружка, объединявшего дворянскую просвещенную молодежь и выходцев из разночинной среды, в разное время были Я. М. Неверов (ближайший друг С., которого он ценил за твердость нравственных принципов и «величайшую доброту»), поэты И. П. Ключников и В. И. Красов, с 1833 г.— Белинский, К. С. Аксаков, А. П. Ефремов, А. А. Беер, П. Я. Петров, О. М. Бодянский, М. А. Бакунин (близкие отношения с ним как наиболее восприимчивым философским единомышленником установились в 1835 г., но к 1837 г. распались), позднее — В. П. Боткин, М. Н. Катков и др. Сохранившаяся переписка С. с членами кружка, с Т. Н. Грановским (друг С. с 1834 г. до конца жизни; с ним и Неверовым С. тесно общался за границей, в Берлине они жили в одном доме), И. С. Тургеневым (сблизившимся со С. в Риме и оставившим «Воспоминания о Станкевиче»), а также с заграничными друзьями, в особенности Е. П. Фроловой. — ценнейший памятник русской умственной жизни 30 гг. Это редкий человеческий документ, запечатлевший личность С. — разностороннюю, романтическую, погруженную в высокие материи и вместе с тем натуру цельную, естественную, простую в общении. «Тоску» С. по простоте, его сознательную «стигу к нормальности»

отмечали все современники. Переписка С. издана его племянником А. И. Станкевичем в 1914 г. (см. далее в ссылках: «Переписка»).

Кружок С. — кружок романтических идеалистов 30 гг. — означил собой новую эпоху интеллектуального и духовного состояния русского образованного общества. По непосредственной своей ориентации кружок был шеллингианским — в нем изучались и обсуждались философские системы Ф. Шеллинга, позднее Гегеля (частично И. Канта и И. Г. Фихте), но по существу в кружке формировалось во многих аспектах самостоятельное, «цельное», личностное мировоззрение. Потребность в единой общей идее, обнимающей весь мир и дающей смысл миру и человеку, его сознающему, ощущалась всеми членами кружка, она объединяла их независимо от склонности и способности кого-либо из его участников к философской рефлексии.

«Старые шаткие верования» отцов, не дававшие крепости духу (С. надеялся через некоторое время «упрочить веру умом» — Переписка. — С. 595), утрата после 1825 г. политических надежд, «совершенная потеря мысленного и душевного центра» (Григорьев А. Литературная критика. — М., 1967. — С. 238), нараставшие сомнения в цели жизни и назначении человека (следствие общего, по мнению С., «недуга — тоски и недоверчивости к жизни» (Избранное, — С. 132), охватывавшие все большее число развитых личностей из разных сословий, — вот те «свои» причины, почему учение Шеллинга о единстве мира, едином смысле законов бытия, природы и человеческого духа стало знаменем кружка С. Если в изучении Гегеля и пропаганде его системы С. принадлежит бесспорный приоритет, который с ним вскоре разделит Бакунин и на некоторое время Белинский, то учение Шеллинга было известно в России еще в 20 гг., им увлекались «любомудры» и московские профессора. Но именно в 30 гг. оно стало не философским интересом, а обетованной землей молодых русских идеалистов. Они нашли в этом учении «зарю утешения»: человек «не потерян» в бесконечности творения, «в нем действует разумная жизнь всей природы» (из статьи С. «Моя метафизика» // Стихотворения. Трагедия. Проза. — С. 149—151), опору в личном бытии и духовное спасение: «Грановский! веришь ли — оковы спали с души, когда я увидел, что вне одной всеобъемлющей идеи нет знания... и что все другое — призрак» (Избранное. — С. 149). Шеллинг, таким образом, явился катализатором для новых поисков смысла жизни: из его постулата о разумности всеобщей жизни С. выводит целое учение о назначении человека. Именно в человеке жизнь мира приходит к «самоуразумлению» («вся природа есть лестница, по которой я идет к полному разумению в человеке» — Переписка. — С. 585), и он должен быть достоин этой высокой миссии, постоянно самосовершен-

ствуя и сознавая себя. Воспитание, «преображение» души, а в будущем — целых народов, развитие ее разума, воли, чувства («и в философии, и в эстетике С. отстаивал права чувства, ему важно было узаконить все надежды сердца» — Анненков П. В. Н. В. Станкевич. Переписка и его биография. — М., 1857. — С. 9) были, по С., главным делом человеческой жизни. Философия же, «могущество ума, одушевленного добрым чувством» (Переписка. — С. 594), является вернейшим к этому средством, обещающим возрождение. Религия в современном мире не могла исполнить этого спасительного назначения, хотя одновременно С. (он был лично верующим человеком) признавал, что «бездну», неустранимую между бесконечностью и человеком, в состоянии «перешагнуть» только вера, как и наполнить «пустоту», всегда остающуюся в «человеческом знании» (письмо Белинскому от 30 окт. 1834 г. // Избранное. — С. 111—112).

Главным «духовным воспитателем», вместе с самосознанием, была любовь («зародыш всякого знания и всякой деятельности» — Переписка. — С. 592) и ее разновидность — дружба, культ которой ревностно поддерживался в кружке.

Все эти высшие ценности в период увлечения С. Гегелем, с 1835 г. и почти до конца жизни, обозначались как стремление к абсолюту или «жизнь в абсолюте» (при этом С. заслугу немецкого философа видел в том, что личность у него не поглощена абсолютом, не подавлена отвлеченным молохом исторических и природных закономерностей) и не только горячо обсуждались и исповедовались в кружке, но немедленно испытывались практикой. По ним «мерялись» личные и даже интимные отношения членов кружка (с сестрами Бееровыми, влюбленность Белинского, Боткина и самого С. в сестер Бакуниных, сложные отношения Бакунина с семьей), зачастую не свободные от «натянутой идеальности» и романтической экзальтации. С был влюблен в Любовь Бакунину, собирался жениться, но осознал «фальшивость» своего чувства, возникшего, по мнению С., из стремления восполнить через другого собственную душевную неполноту. Он считал себя неготовым к любви (разве могла любить «такая слабая убитая душа», — писал он сестре Любы — Варваре Бакуниной, в замужестве Дьяковой, — душа, искавшая жизни вне себя», ждавшая «счастья с неба и жаждавшая «чуда» — Избранное. — С. 179 — 180) и уехал за границу, не сказав тяжело больной невесте о своем охлаждении. С. продолжал писать до ее смерти в 1838 г. («Я не снимаю вины с себя, хотя слова: „тайна осталась тайною“ сняли половину горя с души», — писал С. Белинскому 1 нояб. 1838 г. — Там же. — С. 200). Частная жизнь, личные переживания, любовные драмы рассматривались в кружке в свете умозрительных и нравственных категорий, за ними признавалось значение всеобщности — ведь их носи-

телем был человек, «божественный сосуд» вселенной жизни и разума. Поэтому столь важна для нас переписка С. и его друзей (Белинского, Бакунина, Боткина, Грановского), во многом «спровоцированная» образом мыслей С., обширная, самоуглубленная, выносящая на суд единомышленников не только мысли о мире и должной жизни в «абсолюте», но и личные исповеди, и ожесточенные, хотя и дружеские, распри. Это была школа нравственной требовательности, в которой формировалось и оттачивалось искусство самоанализа, нередко беспощадного — черта, развитая в классическом русском романе XIX в. Здесь формировался и тип русского идеалиста, практического метафизика, повлиявшего впоследствии на всю русскую общественную жизнь (ср. знаменательный упрек Белинского в письме Бакунину 1 нояб. 1837 г.: ты еще «не перевел в жизнь свои убеждения, и Станкевич во время оно поделом на тебя бесился» — Собр. соч.: В 9 т. — М., 1982. — Т. 9. — С. 100).

Споры о последних тайнах бытия происходили в атмосфере доверия к высшим потенциям каждого участника кружка, свободного, непосредственного общения (по воспоминаниям К. Аксакова, «кружок этот был трезвый и по образу жизни, не любил ни вина, ни пирушек», «на вечерах Станкевича выпивалось страшное количество чая и съедалось страшное количество хлеба» — Аксаков К. Воспоминание студента. 1832—1835. — Спб., 1911. — С. 18, 28). Эта атмосфера поддерживалась С.: «Стройное существо его духа удерживало его друзей от того легкого рабского отрицания, к которому человек так охотно бежит от свободы, и когда Станкевич уехал за границу, — быстро развилась в друзьях его вся ложь односторонности» (Аксаков К. — С. 19). При том, что С. безотчетно притягивал к себе людей (во многом благодаря своей особенной деликатности) и впускал к себе «уважение, граничащее с благоговением» (Тургенев И. С. Полн. собр. соч. — М., 1963. — Т. 6. — С. 393), он «никогда и ни на кого не налагал авторитета, а всегда и для всех был авторитетом, потому что все добровольно и невольно признавали превосходство его природы над собою» (Белинский В. Г. Указ. собр. — Т. 9. — С. 219).

Кружок С. по своему духу, составу идей и устремлений не был однороден. С одной стороны, философский и мировоззренческий романтизм, выразившийся в «оразумлении» всякого факта действительности, заведомого признания за ним «вселенского» смысла; с этим связано и романтическое отсечение всего случайного и недолжного: для философствующего романтика случайное как бы не существовало вообще. Романтическим, конечно, было и само напряженное личное отношение к одушевляемому мирозданию (яркая иллюстрация — «Дума двенадцатая» Кольцова, бывавшего в кружке, написанная под влиянием воззрения С.: «Не может быть, чтобы

мои идеи / Влиянья не имели на природу...»). А с другой стороны, именно в этом кружке идеалистов-романтиков создавался новый взгляд на литературу — новая эстетика и критика, отрицавшая всякую ложную патетику, нападающая на «фразу» и «эффekt», в т. ч. романтические, независимо от ранга литературного имени, выступающая против «усилившейся фабрикации стихов, неискренности печатного лиризма» (Аксаков К. Указ. соч.— С. 18). С. первый заговорил о «естественности», «простоте» и цельности как эстетических критериях, определяющих ценность художественного произведения. Под этим знаком и велась борьба с литературными авторитетами, «литературным идолопоклонством». С этих позиций С. переоценивает В. Г. Бенедиктова, А. А. Бестужева-Марлинского, Н. В. Кукольника, В. А. Каратыгина и др. кумиров тогдашней литературной и театральной жизни (С. увлекался театром всю жизнь, начиная с Воронежа). В их творчестве он видел вычурность и ходульность или «яркие», «звучные» (напр., в стихах Бенедиктова), но «холодные» фразы. Он предугадал развитие таланта М. С. Шепкина и П. С. Мочалова. Все, составившее основные положения «Литературных мечтаний» (1834) и др. первых статей Белинского, первоначально было высказано С. в его переписке и в дружеском общении («Литературные мечтания» явились «первым публичным выражением философских идей кружка» — Манн Ю. В кружке Станкевича.— М., 1983.— С. 127). Степень влияния С. на молодого Белинского, видимо, навсегда по недостатку исходных материалов останется дискуссионной (один из исследователей назвал «Литературные мечтания» «манифестом критики Станкевича» — Корнилов А. А.— С. 117), однако несомненно, что, опираясь на апробированное мнение С. и его кружка, Белинский смог столь уверенно произвести смотр современному состоянию русской литературы (С. «первый объявил гонения претензиям, и в этом отношении я бесконечно обязан ему» — Белинский В. Г. Указ. собр. соч.— Т. 9.— С. 176).

В своих эстетических взглядах С. выступал против какого бы то ни было нормативного идеала в искусстве, абстрактного рационализма в подходе к нему; идеальное в искусстве он ставил не над ним, а сопрягал с живым процессом действительности, реальностью, опытом. Этим продиктован и необычайный интерес С. к Гоголю (многократно цитируемому в переписке), в сочинениях которого он видел «истинную поэзию действительной жизни» (Избранное.— С. 130) — формула, совпадающая с определением гоголевского пафоса Белинским. С. подчеркивал «простоту» поэтического выражения позднего Пушкина, в нач. 30 гг. им недооцененного. Предвосхищая реалистическую эстетику, С. признавал полноту изображения «прозы жизни» в искусстве настоящего и буду-

щего, ранее допускаемую в определенных дозах и в сатирическом контексте. Именно через «захват» искусством прозаического материала С. надеялся осмыслить и преобразовать несовершенную действительность и человека: «Мы не утратим человеческих чувств в абсолют, но перенесем идеал в жизнь и дадим жизнь идеалу» (письмо Бакунину от 2 нояб. 1835 г. // Переписка.— С. 576). С. высоко ценил талант Белинского («душа добрая, энергичная, ум светлый»), но не одобрял полемической резкости его критики (Избранное.— С. 125), советуя быть ему «посмирнее»; С. принадлежит определение «неистовый Виссарий» (Пыпин А. Н. Белинский. Его жизнь и переписка.— Спб., 1908.— Т. 1.— С. 107).

Как поэт С. не выделяется из общего литературного потока своего времени. Шестнадцатилетним юношей он написал пятистопным стихом трагедию «Василий Шуйский» — патристическое произведение, исполненное благородного негодования против «козней и крамолы» врагов отечества, которые «народ из низкой зависти и злобы развращают» (Стихотворения. Трагедия. Проза.— С. 128). В трагедию влечены мотивы идеальной любви, «покойной совести» — высшей ценности души, выражена надежда на провидение: «Луч благодати над Русью воссияет» (Там же.— С. 136). А. А. Дельвиг, анонимный рецензент первого сочинения С., хотя и отметил незрелость отдельных мыслей и погрешности в слоге, в целом отнесся к автору как к серьезному начинающему литератору. В 1831—1835 гг. С. помещает стихи в журналах «Телескоп», «Атеней», альманахе «Бабочка», «Литературной газете» и «Молве». В большинстве своем это романтические элегии о напрасных надеждах, современном угасании, одиночестве в «пустыне мира» с распространенными и потому стершимися эмоциональными формулами: «Взываю к небу и земле. / Земля и небо без ответа» («Два пути»); «Не сожалею — он не печален! / Увы! Он только одинок» («Не сожалею», 1832). Интереснее аллегорические стихи и «фантазии» С., главные «герои» которых — луна, звезды, вселенная, замогильное бытие. Мысли и приключения ночных духов, духов мира и брани, жизнь самого мироздания в бесконечном пространстве описаны живее и убедительнее, чем собственные сомнения и переживания («Ночные духи», 1831; «Избранный», 1830; «Филин», 1831, и др.). К удачам можно отнести стихотворения «Мгновение» (1832) — о просветлении созидающей «новый мир» души и «Подвиг жизни» (1833) — о подвиге причастности к «общей жизни», вплоть до отказа от «я»: «Тогда свершится подвиг трудный: / Перешагнешь предел земной — / И станешь жизнью повсюдной / И все наполнишь тобой». Однако очень скоро С. разочаровывается в своем призвании поэта, скупает и уничтожает экземпляры трагедии «Василий Шуйский»

и после 1834 г. пишет только немногочисленные эпиграммы и шуточные послания (С. умел видеть и комическую сторону жизни, в нем была «способность даже к фарсу» — Тургенев в И. С. Полн. собр. соч.— М.; Л., 1963.— Т. 6.— С. 393). Из художественной прозы С. известно лишь небольшая повесть «Несколько мгновений из жизни графа Т***» (опубл. в 1834 г. под псевдонимом Ф. Зарич), посвященная Неверову, прототипу друга главного героя. Повесть отражает этапы духовной биографии С.: поиски спасительной истины, сменившиеся философским скептицизмом, готовность к «святому подвигу», неудавшаяся попытка разумной практической деятельности (некоторое время после университета С. был почетным смотрителем Острогжского уездного училища, но вскоре, уже в 1835 г. вернулся в Москву) и, наконец, обращение к искусству, «представителям неба на земле» (Избранное.— С. 75), музыке как единственному пристанищу души (граф Т***, как и С., был ее знатоком и ценителем). Повесть оканчивается смертью героя, обретшего, однако, любовь, «обновившую жизнь юноши» (Там же.— С. 81); конец повести как бы предвосхищает конец жизни самого С., умершего на руках Варвары Бакуниной (и А. П. Ефремова), приехавшей незадолго до смерти к больному С. за границу. По замечанию Н. И. Надеждина, повесть «представляет избранный момент жизни как развитие идеи, как решение умозрительной задачи» (Надеждин Н. И. Литературная критика. Эстетика.— М., 1972.— С. 322); искренность, глубину сомнений и высоту помыслов героя С. не удалось художественно мотивировать: не живой характер, а философствующий мечтатель, комментируемый риторическими авторскими монологами, предстал на ее страницах, лучшие из которых — описание «диссонансов», нарастающих в душе героя и в импровизируемой им музыке, так и не разрешившихся гармонией, «примирением с самими собой» (Избранное.— С. 76).

Не только литературное, но и философское наследие С. очень невелико: помимо уже упоминавшейся статьи «Моя метафизика» (1840), он оставил несколько набросков, краткие отрывки из дневников и фрагмент «Об отношении философии к искусству» (1840), в котором, вопреки традиционной эстетике и не без влияния Гегеля (в 1835 г. С. поместил в «Телескопе» (№ 13—15) перевод «Опыта философии Гегеля» Г. Вильма со своими примечаниями), отрицал собственно эстетическую автономию искусства, развивал мысль не о связи, но «совпадении» его исторических этапов с «эпохами общего духовного развития человечества»: «искусство... получает мировое значение, оно является целым, которое живет с духом и из духа, переживает с ним все судьбы его» (Стихотворения. Трагедия. Проза.— С. 179). В дневнике С. затронул вопрос о народности: он считал, что лицо нации само, ес-

тественным путем, определится в процессе отбора и усвоения «общего» и чужеземного; народу «надобно стремиться к человеческому — *свое* будет поневоле» (запись от 25(13) сент. 1837 г. // Переписка.— С. 754).

Влияние личности С. на современников было огромно, оно признавалось Неверовым, Белинским, Бакуниным, К. Аксаковым, Грановским и др. членами кружка и при жизни, и после смерти С.: «он всегда будет показывать нам дорогу», «...что был каждый из нас до встречи с Станкевичем или с людьми, возрожденными его духом» (Письма Белинского к Бакунину от 1.XI.1837 г. и к Боткину от 5 сентября 1840 г.) (Белинский и В. Г.— Т. 9). По словам первого биографа С., П. В. Анненкова, С. был учителем в «доблестной науке сбережения души» (Анненков в П. В. Указ. соч.— С. 9); см. напр., письмо С. к Грановскому от 29.IX.1836 г. (Избранное) и огромное письмо Белинского к С. от 29.IX—8.X. 1839 г.— одна из итоговых исповедей критика. Облик С. нашел отражение в романе Тургенева «Рудин» — в лице Покорского (гл. VI) и в главном герое рассказа «Андрей Колосов» (отношение С. к любви). С. вошел в русскую культуру как лицо, по словам Анненкова, «замешанное во всех начинаниях эпохи, определившее воззрение и духовную деятельность ее творческих личностей», «образовавшее... нравственный характер их», который потом перешел в словесность и целое общество» (С. 6).

Соч.: Стихотворения. Трагедия. Проза.— М., 1890; Переписка Н. В. Станкевича. 1830—1840.— М., 1914; Поэты кружка Н. В. Станкевича / Вступ. ст. и подгот. текста С. И. Машинского.— М.; Л., 1964; Избранное / Вступ. ст., примеч. Г. Г. Елизветиной.— М., 1982.

Лит.: Неверов Я. М. Воспоминания. 1834—1856. Т. Н. Грановский // Русская старина.— Т. 27.— № 4; Гершензон М. О. Н. В. Станкевич // Гершензон М. О. История молодой России.— М., 1908.— Гл. 3; Корнилов А. А. Молодые годы Михаила Бакунина.— М., 1915.— Гл. 9 и др.; Гершен А. И. Былое и думы.— Ч. 4.— Гл. XXV; Манн Ю. В. Русская философская эстетика.— М., 1969.— Гл. 6; Он же. В кружке Станкевича.— М., 1983. Л. М. Щемелёва

СТАНЮКОВИЧ, Константин Михайлович [18(30).III.1843, Севастополь — 7(20).V.1903, Неаполь] — прозаик, публицист. Потомок старинного дворянского рода, переселившегося в Россию из Литвы в середине XVII в. Отец С. — потомственный моряк, служивший во флоте с 1802 г., к моменту рождения сына был командиром севастопольского порта и военным губернатором Севастополя в чине вице-адмирала. Впоследствии в повести С. «Грозный адмирал» он стал прототипом главного героя — жестокого, деспотичного и вместе с тем смелого и честного. Первоначальное образование С. получил дома под руководством ссыльного петрашевца И. Н. Дебу. В возрасте 11 лет С. стал свидетелем и даже участником героической обороны Севастополя, за что был награжден бронзовой и серебряной медалями на андреевской и георгиевской лентах.

В 1855 г. отец писателя был произведен в адмирала и назначен членом совета Адмиралтейства. Семья переехала в Петербург, и С. был определен в Пажеский корпус — его ждала карьера гвардейского «сухопутного» офицера. Однако в 1857 г. погибает старший брат С. — капитан-лейтенант, и по ходатайству отца, стремившегося «сохранить во флоте» фамилию Станюковичей, Константин был переведен из Пажеского в Морской кадетский корпус.

Учебное плавание летом 1860 г. на корабле «Орел» стоило С. с вопиющей жестокостью флотской службы — телесными наказаниями, зверской расправой с матросами. Эти впечатления, а также растущая увлеченность литературой пробудили в душе юноши стремление оставить Морской корпус и поступить в университет. В 1859—1860 гг. в малоизвестном журнале «Северный цветок» появляется ряд стихотворений С. подражательного характера, почти не имеющих эстетического значения. (Исключение составляет талантливый перевод из Т. Г. Шевченко «Садок вишневый».)

Осенью 1860 г. С. объявил отцу о своем решении перейти в университет. Ответом было решение «грозного адмирала» незамедлительно отправить непокорного сына на три года в кругосветное плавание, «чтобы выбить из головы дурь». В октябре 1860 г., за полгода до выпускных экзаменов в Морском корпусе, С. отправляется в плавание на винтовом корвете «Калева-ла» под командованием капитан-лейтенанта В. Ф. Давыдова, человека передовых взглядов (впоследствии запечатленного в повести «Вокруг света на «Коршуне» в образе командира «Коршуна»). Однако в середине 1861 г. плавание С. было неожиданно прервано — опасное заболевание (тропическая лихорадка) заставили командира корабля отправить юношу во владивостокский лазарет. В ноябре выздоровевший С. получил новое назначение — на винтовой транспорт «Японец». Находясь в плавании вдали от родных берегов, будущий писатель следит за новостями отечественной литературы — в письмах сестре он просит прислать ему комплекты журналов «Искра» и «Век» за 1861 г. и недостающие тома имеющегося у него собрания сочинений В. Г. Белинского (см.: Собр. соч.: В 6 т. — М., 1959. — Т. 6. — С. 738).

В 1862—1863 гг. С. состоит при командующем Тихоокеанской эскадрой контр-адмирале А. А. Попове и вместе с ним плавает на различных кораблях эскадры. Требовательный, подчас вспыльчивый и вместе с тем справедливый, деятельный и отважный флотоводец, ученик В. А. Корнилова и П. С. Нахимова, Попов послужил впоследствии прототипом персонажей ряда произведений С. («Беспокойный адмирал», «Непонятый сигнал», «Вокруг света на «Коршуне»). Как ранее В. Ф. Давыдов, Попов немало сделал для пополнения познаний С., поощрял

его занятия литературой. По рекомендации Попова, ряд статей и очерков С. были напечатаны в «Морском сборнике».

В августе 1863 г. командующий эскадрой направляет С. с экстренными депешами, адресованными морскому министру, в Петербург, куда он вернулся через Китай, Монголию и Сибирь. По возвращении С. был произведен в мичманы и назначен в Петербургский флотский экипаж. Сын видного флотоводца, способный офицер, любимец командира эскадры, он мог рассчитывать на блистательную карьеру. Однако его все более привлекает литература. В 1864 г. С. начинает сотрудничать в петербургских газетах и «тонких» журналах: «Будильнике», «Петербургском листке», «Голосе» и др. В том же году в журнале «Эпоха» (№ 9) появляется написанная им «Глава из очерков морской жизни», а в «Морском сборнике» (№ 12) — рассказ «Шторм» — первые его «морские» произведения.

В ноябре 1864 г. С. выходит в отставку «с награждением лейтенантского чина». (Выход в отставку становится причиной полного разрыва с отцом.) Год спустя, стремясь лучше узнать жизнь народа, он уезжает в с. Чадаево Муромского у. Владимирской губ. учителем начальной школы. Впоследствии С. вспоминал: «Адмиральский сын; только что оставивший службу, сулившую ему блестящую карьеру, несмотря на советы великого князя Константина Николаевича остаться моряком — хлопочет вслед за отставкой о назначении его в одну из школ министерства государственных имуществ... Тогдашний министр Зеленый, хорошо знакомый с отцом, пришел в большое изумление. На месте изумление было еще больше, когда сельские власти прознали мой уход об отставке, из которого узнали, что я — бывший паж, отставной лейтенант был три года в кругосветном плавании и послан из Сингапура курьером к генерал-адмиралу» (Там же. — С. 761—762).

Летом 1866 г. по окончании занятий в школе С. возвращается в Петербург. Он продолжает сотрудничать в «Будильнике», «Петербургском листке» и др. изданиях «малой прессы». Пребывание в деревне обогатило его впечатлениями, положенными в основу повести «Из воспоминаний сельского учителя» (Будильник, 1867). В том же году в Петербурге выходит в свет первая книга С. «Из кругосветного плавания (Очерки морского быта)».

Материальные затруднения, связанные с уходом в отставку, женитьба (летом 1867 г.) и рождение дочери заставляют С. поступить на службу и отдать ей семь лет жизни — сначала в управлении Курско-Харьковско-Азовской железной дороги (1869—1871), затем в Обществе взаимного поземельного кредита (1871—1874) и, наконец, в Волго-Донском пароходстве (1874—1876). Но все эти годы он продолжает писать. С 1875 г. он становится сотрудником журнала

«Дело»; в 70 гг. пишет комедию «На то и szuka в море, чтобы карась не дремал» (написана в 1870 г., разоблачает взяточников и казнокрадов, наживавшихся на строительстве железных дорог и грабеже рабочих), роман «Без исхода» (1873).

Только в 1877 г. С. получает возможность оставить службу. Начиная с апреля этого года он печатается в каждом номере журнала «Дело» — как прозаик и публицист. В 1880 г. после смерти издателя «Дела» Г. Е. Благосветлова С. становится одним из редакторов журнала, а в 1883 г. — его издателем.

В 1879—1880 гг., находясь в Швейцарии, где он лечился, С. сближается с русскими политическими эмигрантами (в т. ч. с С. М. Степняком-Кравчинским, П. Л. Лавровым, П. А. Кропоткиным, В. И. Засулиц, А. А. Тихомировым). Он привлекает их к сотрудничеству в журнале, в частности доверяет Кравчинскому перевод романа Р. Джованьоли «Спартак» и публикует его в 1881 г. в «Деле». Сочувствуя замыслам революционеров, С. поддерживает отношения с ними и по возвращении в Россию всячески помогает им (в частности, на его квартире в Петербурге скрывается от жандармов народолюбец Л. И. Мирский, в феврале 1879 г. стрелявший в генерал-адъютанта А. В. Дрентельна, бывшего тогда шефом жандармов). Писатель надеется, что после гибели Александра II, казненного народолюбцами, последует вооруженное восстание, и пишет воззвание к восставшим.

В апреле 1883 г. департамент полиции заводит на С. особое дело, а год спустя, по возвращении в апреле 1884 г. из-за границы, его арестовывают на пограничной станции и под конвоем отправляют в Петропавловскую крепость. После года заключения С. высылают в Сибирь на три года. Он живет с семьей в Томске, деятельно сотрудничает в «Сибирской газете», издаваемой местными прогрессивными деятелями при участии политических ссыльных.

Во время ссылки С. после многолетнего перерыва возвращается к давней теме — морским рассказам: в журналах «Вестник Европы» и «Северный вестник» в 1886 г. печатаются повесть «Василий Иванович» и рассказ «Беглец». В его памяти оживают юношеские впечатления, полученные четверть века назад в период службы на флоте. У читателей, следивших за творчеством С., но не помнивших его ранних морских рассказов и очерков, подобное изменение тематики произведений, бесспорно, вызвало удивление. Между тем все объяснялось просто — память писателя бережно хранила все эти годы юношеские впечатления, однако в Петербурге их неизменно заслоняли иные темы, более злободневные, чем изображение жизни моряков отошедшего в прошлое парусного флота.

В 1887—1888 гг. появляются новые морские рассказы С. «Матросский линч» (Дело.—

1887.— № 2) «Человек за бортом!» (Северный вестник.— 1887.— № 7), «На камнях» (Русская мысль.— 1888.— № 1). В 1888 г. в Петербурге выходит сборник «Морские рассказы», тепло встреченный критикой и читателями.

Летом 1888 г. подходит к концу трехлетняя ссылка, и С. вместе с семьей уезжает за границу. Он лечится в Париже от невралгии, затем несколько месяцев живет в рыбацкой деревушке на побережье Атлантического океана, где продолжает работу над морскими рассказами.

В феврале 1889 г. С. тепло встречает литературный Петербург. Его «Морские рассказы» высоко оценили Н. К. Михайловский и Г. И. Успенский. С. сотрудничает в журналах «Вестник Европы», «Русская мысль», «Мир божий», «Северный вестник», «Русское богатство», газете «Русские ведомости». В 1891 г. в Петербурге выходит сборник произведений С. «Моряки», объединивший его новые морские рассказы и повести. Вместе с тем он продолжает работать и над «неморскими» произведениями. С января 1892 г. С. становится одним из редакторов журнала «Русское богатство». Появляются в его творчестве и морские повести и рассказы, обращенные к юному читателю: «Маленькие моряки» (1893), «Вокруг света на «Коршуне» (1895), «Максимка» (1896), «Пожар на корабле» (1896) и др. Они печатаются в журналах «Русская школа», «Родник», «Всходы», «Детское чтение».

В декабре 1896 г. было торжественно отмечено 35-летие литературной деятельности С. Его поздравили В. Г. Короленко, Михайловский, Чехов, Д. В. Григорович, А. М. Скабичевский и др. писатели, а также адмиралы Н. А. Бирюлев и Ф. А. Геркен от имени читателей-моряков. Юбилею была присуждена золотая медаль (Петербургским комитетом грамотности) и объявлено о сооружении в его родном городе — Севастополе — народной читальни, носящей его имя. В письме организатору юбилея С. с присущей ему скромностью писал: «...Я... как писатель был и есть, выражаясь метафорически, одним из матросов, не боящихся бурь и штормов и не покидающих корабля в опасности, но ни капитаном, ни старшим офицером, ни даже рулевым литературным не был». В 1897—1898 гг. в Москве выходит Собрание сочинений С. в двенадцати томах (дополненное в 1901 г. еще одним томом). Живший лишь на литературный заработок и обремененный семьей, С. принужден был писать очень много в предельно сжатые сроки. Нередко только что написанная глава еще незавершенного произведения шла в очередной номер журнала, и автор сразу же приступал к работе над новой главой. В марте 1898 г. внезапно умирает единственный сын писателя, которому еще не исполнилось шестнадцати лет. Потрясенный его смертью, С. вынужден, превозмогая душевную боль, работать над повестью «Похождения одного матроса» для журнала «Родник».

Подобная напряженная творческая работа расшатала здоровье С. Осенью 1899 г. он уезжает в Крым лечиться от диабета, но, несмотря на резкое ухудшение здоровья, продолжает писать.

В 1901 г. С. становится лауреатом Пушкинской премии за «морские» произведения. Журналы и газеты отмечают 40-летие его литературной деятельности. В Петербурге выходят сборники — «Из жизни моряков» и «На „Чайке“ и другие морские рассказы». В 1902 г. (с января по ноябрь) в журнале «Юный читатель» печатается повесть С. «Севастопольский мальчик», в которой отразились его детские впечатления о героической обороне Севастополя.

Интенсивная работа вновь приводит к ухудшению здоровья, и по совету врачей в ноябре 1902 г. С. уезжает в Италию (Рим, Неаполь). Обострение болезни и полный упадок сил заставляют С. лечь в международный госпиталь в Неаполе, где он проводит около полутора месяцев. В русских газетах появляются ложные сообщения о кончине С. и их опровержение. Он получает большое число писем из России от читателей.

Умер С. вдали от родины и был похоронен на греческом кладбище Неаполя.

Творческая индивидуальность С. наиболее полно раскрылась в морских рассказах и повестях. В них отразилась вся его жизнь — мальчика, юноши, молодого человека, вплоть до расставания с флотом, преломленная через призму художественного воображения. В повести «Маленькие моряки» писатель изобразил свое детство, начало обороны Севастополя, годы учебы в Морском корпусе, ссору с отцом и отбытие в кругосветное плавание. Обстоятельства жизни в отцовском доме и разрыва с отцом отразились в повести «Грозный адмирал» (1891). Юношеские впечатления о заграничном плавании на корвете «Калевала» легли в основу повести «Вокруг света на «Коршуне» — недаром главный ее герой гардемарин Ашанин очень похож на юного С. Действие морских рассказов происходит преимущественно во время плавания героев в тех морях, где довелось плавать и их автору.

В своих произведениях С. изобразил жизнь на флоте на рубеже 50—60 гг. — в период падения крепостного права, ломки феодально-крепостнических отношений, коснувшихся и русского флота. В царствование Николая I военный флот был охвачен атмосферой деспотизма и произвола, когда «низших чинов» не считали за людей, а мгновения, выигранные при стремительной уборке парусов, стоили жизни сорвавшимся с высоты рей матросам. Почти каждое учение оканчивалось наказанием десятков человек, после которого многие умирали.

Военный флот давал широкий простор необузданному произволу офицеров (морскими офицерами могли быть лишь потомственные дворяне), которые с детства привыкли к жестокой расправе

с крепостными. Служба на флоте, где царил убеждение, что матросов можно выучить только при помощи телесных наказаний, уродовала зачастую сильные и честные натуры командиров всех рангов. Грозный адмирал Ветлугин вовсе не задумывается над тем, что за свою жизнь засек до смерти многих матросов, — он поступал «согласно понятиям времени» (повесть «Грозный адмирал»). Старый служака боцман Шукин, сам прошедший «школу» различных наказаний, во всем старается подражать капитану, некогда выбившему у него зубы («Матросский линч»). С. правдиво изобразил страшные картины порядков на флоте — недаром свою службу матросы называют «каторгой» (рассказы «Беглец», 1886; «Исайка», 1894; «Кириллыч», 1895; «Собака», 1902). Не удивительно, что официальный указ об отмене телесных наказаний, последовавший вскоре после падения крепостного права, многие матросы встречают недоверчиво и скептически (рассказ «Отмена телесных наказаний», 1891). Однако вольнолюбивые веяния 60 гг. коснулись и русского флота. «Генералам-арестантам», «палачам-мордобоям», превратившим корабли в «плавучие мертвые дома», С. противопоставил гуманных и честных людей.

Задолго до указа об отмене телесных наказаний запретил их на своем корабле капитан корвета «Коршун» Василий Федорович (повесть «Вокруг света на «Коршуне»). «Русский матрос — золото... Он смел, самоотвержен, вынослив и за малейшую любовь отплачивает сторицей», — говорит он офицерам, призывая их отказаться от наказания матросов.

Вспыльчив и порой даже страшен командующий эскадрой адмирал Корнев, прозванный офицерами «беспокойным» (повести «Беспокойный адмирал», 1894; «Вокруг света на «Коршуне»). Однако постепенно окружающим открываются иные черты его характера — доброта, гуманность, отзывчивость. Он сам занимается с молодыми гардемаринами, видя в них будущее флота, уделяя при этом большое внимание не только специальным морским дисциплинам, но и их общему образованию — читает им статьи «Современника» и «Русского слова», работы прогрессивных западных ученых и даже декламирует стихи А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. В. Кольцова.

Самые проникновенные страницы произведений С. посвящены рядовым матросам. Вчерашние крестьяне, часто до призыва на флот никогда не видевшие моря, постепенно становятся отважными моряками. В минуты опасности они рискуют жизнью, не рассчитывая на награду и даже не задумываясь о том, что совершают подвиги. Мешковатый матрос Жилин, пренебрежительно именуемый Прошкой, бросается за борт, чтобы спасти тонущего товарища (рассказ «Человек за бортом!»). Молодой паренек Кушин, служивший первый год на флоте, ласково прозванный «матросиком», ценой своей жизни спасает всю команду

(рассказ «Матросик», 1898). Оказавшийся свидетелем пожара на улице Сан-Франциско, матрос Чайкин становится героем дня, вынеся с пятого этажа горящего дома ребенка (повесть «Похождение одного матроса», 1899).

Находясь вдали от родных берегов, матросы с интересом наблюдают чужую жизнь, радушно относятся к людям иных национальностей и цвета кожи. Во время стоянки корабля у одного из островков Атлантического океана гостем и любимцем команды стал негритянский юноша Паоло (рассказ «Вдали от берегов», 1892). Подобранного в океане после крушения американского брига негритенка окружили лаской и вниманием: назвали русским именем, оставили юнгой на корабле и взяли с собой в Россию (рассказ «Максимка»).

Пройдя суровую школу испытаний, большинство матросов не ожесточились. Немолодой матрос Федос Чижик, неожиданно для себя назначенный «нянькой» к сыну командира корабля, обладающий чутким сердцем и живым умом, внушает своему воспитаннику — будущему морскому офицеру — уважение к матросу (рассказ «Нянька», 1895).

Одетые в матросские бушлаты вчерашние крестьяне сохраняют в глубине души любовь к «земле-кормилице». В рассказах «Вдали от берегов», «Васька» (1897), повести «Вокруг света на «Коршуне» С. показывает, как заботливо относятся матросы к «живому грузу» — быкам, баранам, свиньям, уткам и курам, взятым во время стоянки на борт корабля для пополнения скудного питания моряков во время плавания. «Присутствие скотины и птицы, напомнивших здесь, далеко от родины, деревенскую обстановку и запахи родного гнезда, действует оживляющим образом. Почти в каждом матросе, несмотря даже на долговую службу, пробуждается мужик, забывший деревню и чувствующий над собой власть земли» (Там же. — Т. I. — С. 377—378).

Плывущий в далеких морях под русским флагом корабль становится для членов команды частью отечества, с которой неразрывно связана их судьба. Решительно отказывается остаться на берегу во французском госпитале умирающий от чахотки матрос Артемьев, предпочитая и умереть на корабле между своими (рассказ «Между своими», 1890). Рискуя жизнью, бежит с американского брига на свой корвет обманом заманенный на чужой корабль марсовый Ковшиков (повесть «Вокруг света на «Коршуне»).

Удивительный и прекрасный мир открывается молодому человеку, впервые уходящему в плавание, помогает ему закалить характер, развивает решительность и отвагу, щедро дарит богатством новых впечатлений. Своеобразной художественной энциклопедией морской жизни стала замечательная повесть «Вокруг света на «Коршуне», обращенная непосредственно к юному читателю и дающая ему подробное представление о круго-

светном плавании парусного военного корабля, изображенное с достоверностью профессионального моряка и талантом большого художника.

С. не ограничивался изображением жизни парусного военного флота на рубеже 50—60 гг., к моменту создания морских рассказов и повестей (1886—1902) давно уже отошедшего в прошлое. Он с тревогой смотрел на моряков нового поколения, которые по вине высшего командования не столько плавали, сколько простаивали на якорях на мощных паровых броненосцах и крейсерах, пришедших на смену парусным корветам и клиперам. В рассказе «Отчаянный», созданном в 1900 г., за несколько лет до Порт-Артура и Цусимы, писатель с горечью писал о капитанах, которые не были готовы к началу военных действий — плавание даже по Финскому заливу и то представлялось им опасным. С явной симпатией изображает С. матроса нового типа — комендора Митюшина, пришедшего на флот из фабричных рабочих, выступающего против притеснения и требующего соблюдения законов от начальства, прозванного за свою смелость «Отчаянным».

Блистательный успех морских рассказов и повестей С. надолго заслонило от читателей последующих поколений другие его произведения. Между тем для своего времени они были заметным явлением.

Перу С. принадлежит более десяти романов, большое число рассказов и повестей, в которых правдиво изображена жизнь пореформенной России. Важнейшая тема — драматическое положение демократической интеллигенции, не находящей применения своим силам и способностям (романы «Первые шаги», 1891; «Жрецы», 1897; «Равнодушные», 1899; рассказ «Дурак», 1897). С. пишет и о новых «героях времени», не останавливающихся ни перед чем в своем стремлении к карьере, богатству (повести «Похождение одного благонамеренного молодого человека, рассказанные им самим», 1879; «Женитьба Пинегина», 1893; рассказ «Событие», 1902).

При несомненных достоинствах «неморских» произведений С. — актуальности и остроте содержания, живости и выразительности изложения, благодаря которым они читаются с большим интересом, им присуща некоторая стереотипность. Душевный мир героев недостаточно глубок, персонажи слишком явно разделены на положительных и отрицательных. Зачастую публицист берет верх над прозаиком.

Стремление С. откликнуться на актуальные вопросы времени, присущий ему блистательный талант полемиста сделали его видным публицистом. Циклы острых и злободневных фельетонов «Картинки общественной жизни» и «Письма знатного иностранца», подписанные псевдонимом *Откровенный писатель*, принесли их автору большую известность. По свидетельству современника, «Станюковича... как талантливую, умного и едкого публициста знала вся Россия» (Русская

мысль.—1903.— № 10.— С. 141). Поистине убийственной саркастической характеристикой А. С. Суворина, данная С. в фельетоне «Мир» (1879). Он разоблачает невежество и клевету реакционной прессы, направленную против работ К. Маркса и др. деятелей социалистического рабочего движения («Новая зра», 1880).

При всем многообразии творчества С. вошел в историю литературы прежде всего как автор морских рассказов и повестей. Прекрасно знавший море и моряков, он первым в русской литературе сумел достоверно и ярко изобразить жизнь «тружеников моря» во всех подробностях, раскрыть душу русского матроса. Его произведения оказали самое сильное воздействие на развитие морской темы в русской литературе.

Соч.: Полн. собр. соч.: В 12 т.— 2-е изд.— Спб., 1906—1907. Морские рассказы: В 7 кн.— М., 1940; Собр. соч.: В 10 т.— М., 1958—1959.

Лит.: Рыкачев в Н. Морские рассказы К. М. Станюковича // Кронштадтский вестник.— 1888.— № 123.— С. 3—4; Петрушков В. С. К. М. Станюкович— журналист.— Сталинабад, 1960; Вильчинский В. П. Константин Михайлович Станюкович. Жизнь и творчество.— М., Л., 1963. Он же. Арест и ссылка К. М. Станюковича // Русская литература.— 1963.— № 3.— С. 133—144; Петрушков В. С. Поэтика К. М. Станюковича— морянина (Особенности художественной изобразительности и стиля).— Душанбе, 1966; Он же. К. М. Станюкович (К вопросу о периодизации творчества).— Душанбе, 1966. А. В. Корнеев

СТРАХОВ, Николай Николаевич [16(28).X.1828, Белгород,—24.I(5.II).1896, Петербург] — литературный критик, философ, публицист. Сын протоиерея, профессора Белгородской семинарии, магистра богословия. После смерти отца С. в возрасте 6—7 лет был увезен матерью к ее брату, ректору семинарии в Каменец-Подольске, впоследствии переведенному в Кострому (на ту же должность). С 1840 по 1844 г. учился в Костромской семинарии (в классах риторики и философии).

С января 1845 г. С.—вольнослушатель камерального факультета Петербургского университета, а с августа 1845 г.— студент математического отделения. Из-за нехватки средств (вследствие ссоры с влиятельным дядей, по жалобе которого был лишен жилья и стипендии) С. перешел в январе 1848 г. на «казенный кошт» в Главный педагогический институт, который закончил по естественно-математическому разряду в августе 1851 г. В «биографических сведениях», переданных Б. В. Николаевскому и использованных в его очерке «Николай Николаевич Страхов» (Спб., 1896), С. объяснил свой растущий интерес к естественным наукам прежде всего необходимостью основательной полемики с многочисленными сторонниками «материализма и всяческого нигилизма», поскольку последние «выдавались за прямые выводы естествознания» (с. 12). По окончании института началась обязательная служба: сначала учителем физики и математики во II гимназии в Одессе, а с 1852 г. учителем только что введенного курса естественной истории во II гимназии в Петербурге. В 1854 г. в «Современнике» (№ 6) появля-

ется пародия С. на стихотворение А. Н. Майкова «Весенний бред» — предвестие будущих литературных увлечений. В 1857 г. С. защищает магистерскую диссертацию по зоологии «О костях запыстья млекопитающих» (опубликована в 1857 г. в «Журнале Министерства народного просвещения», № 9, и отдельным изданием). Не показав себя на диспуте по диссертации умелым полемистом, С. не стал добиваться кафедры в Петербургском университете (в Москве же ему предпочли другого кандидата, а приглашение в Казань он не принял.— См. Никольский Б. В.— С. 23). Естественнонаучные знания, которые С. продолжал пополнять (в частности, регулярно рецензируя специальную литературу), стали основой для философских обобщений в «Физиологических письмах» (газета «Русский мир», 1859, №№ 2, 22, 59), позднее под названием «Письма об органической жизни» вошедших в книгу «Мир как целое. Черты из науки и природы» (Спб., 1872). Философские занятия занимают прочное и постоянное место в деятельности С.; вскоре он выступает с большой статьей «Значение гегелевской философии в настоящее время» («Светоч», 1860, № 1).

«Физиологические письма» заинтересовали А. А. Григорьева, что положило начало в конце 1859 г. его дружбе со С. В письмах к С.— «моему всепонимающему философу», «милому Спинозе» — Григорьев возбуждает его к литературно-критической работе: «... кому же писать теперь, как не тебе?» (Григорьев А. А. Одиссея последнего романтика. М., 1988.— С. 433, 437, 434). С. считал Григорьева лучшим русским критиком, предожившим «единственный у нас общий взгляд на развитие нашей литературы» (Критические статьи.— С. 356), и стремился продолжать его метод «органической критики». После смерти Григорьева (1864) С. опубликовал воспоминания о нем («Эпоха», 1864, № 9), предпринял издание его сочинений (вышел лишь I том в 1876 г.).

Другое важнейшее событие в жизни С.— его сближение с Ф. М. Достоевским, с которым он познакомился в конце 1859 г. в кружке А. П. Милокова, в прошлом патрешца (милочковские вторники посещали также М. М. Достоевский, А. Н. Майков, Д. Д. Минаев, А. А. Чумиков, Вс. В. Крестовский и др.). Вместе с Григорьевым С. был приглашен к сотрудничеству в издаваемых братьями Достоевскими журналах «Время» (1861—63) и «Эпоха» (1864—65). С. был ведущим критиком и публицистом обоих журналов, ставших органами «почвенничества», и пользовался неизменной поддержкой Ф. М. Достоевского. К закрытию «Времени» привела статья С. «Роковой вопрос», за подписью: Русский (1863, № 4). В этой статье, посвященной положению в Польше после восстания 1863 г., содержался призыв к развитию «русской народной цивилизации», поскольку русские должны гордиться не только крепостью государства, но и более высо-

кой, чем у европеизированных поляков, духовной культурой, нравственностью. С обвинениями анонимного автора в полонифильстве выступили газеты «Московские ведомости» (издаваемые М. Н. Катковым) и «День» И. С. Аксакова; замять дело помогли письма С., разъясняющего свою позицию, в редакции этих газет (неопубликованные) и выступление Каткова («По поводу статьи «Роковой вопрос» // Русский вестник, 1863, № 5), подчеркнувшего, что мысль С. была «доброй», но неудачно выраженной.

Самоопределению «почвеннического» направления «Времени» и «Эпохи» способствовали многочисленные полемические статьи и заметки С., обычно под псевдонимом Н. Косица (чему предшествовали подписи: Н. К., Н. Ко., Н. Кос., Н. Коси..., Н. Косиц.), в напоминание о Феофилакте Косичкине А. С. Пушкина (Впоследствии С. их объединил в книге «Из истории литературного нигилизма». 1861—1865. Спб., 1890). Главным объектом нападений С. был «нигилизм», как он называл направление журналов «Современник», «Русское слово»; в «нигилизме» С. видел отвлеченное, противоречащее основам русской жизни отрицание ее сложившихся форм, под влиянием социалистических, атеистических и других «западных» теорий. В предисловии к книге «Из истории литературного нигилизма» С. называет нигилистическим целый период нашей литературы — «от Парижского мира до войны за Болгарию» (с. VIII), то есть период с 1856 г. по 1877 г., временем же «полного расцвета нигилизма, когда он еще вполне верил в силу своей проповеди и занимал в литературе наиболее значительное положение, почти господствовал» (с. IX), считает 1861—1865 гг. Разоблачению «нигилизма» как якобы оторванной от русской жизни теории посвящены и разборы С. романов «Отцы и дети» И. С. Тургенева («Отцы и дети». // «Время». — 1862, № 4), «Что делать?» Н. Г. Чернышевского («Счастливые люди» // «Библиотека для чтения». 1865. № 4). И в дальнейшем борьба с «нигилизмом», или «крайним западничеством» (Литературная критика. — С. 76) составляет стержень критики и публицистики С. (в особенности показательны три книги «исторических и критических очерков» под названием «Борьба с Западом в нашей литературе». Спб., 1882—1896). Он не без оснований считал себя наиболее сильным в разборе чужих теорий, а не в создании собственных. «Не имея почти вовсе творчества, я имею очень большую способность понимания», — писал С. Л. Н. Толстому 26 ноября 1873 г., прося его не смеяться над «похвалбой», в которой есть и «горечь»: «...все писанное Страховым прошло бесследно, так как это была только критика, только анализ, а положительного тут ничего не было, не было — проповеди» (Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым. — С. 36—38). В отличие от многих других критиков «нигилизма», то есть прежде всего революционно-демократической

идеологии, С. стремился внести в свою полемику «принцип понимания» мыслей противника (Из истории литературного нигилизма. — С. 42), его анализ отличается корректностью приемов и представляет интерес как зеркало некоторых уязвимых элементов разбираемых концепций, в особенности рационалистической концепции личности. Многие положения С. перекликаются со сквозными идейными мотивами творчества Достоевского, который, по свидетельству С., ценил в нем именно способность к теоретическому оформлению созвучных мыслей: «...когда в *основах* есть совпадение ... то художникам бывает очень приятна отвлеченная формулировка их идей и чувств» (Полн. собр. соч. Ф. М. Достоевского. — Т. I. Биография... — С. 238). В частности, С. и Достоевского объединяла неудовлетворенность популярной в кружке Милюкова теорией «среды», формирующей личность, хотя С. не сразу открылось «особенное настроение мыслей Федора Михайловича, стоящее выше этой физиологии...» (Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. М., 1964. — Т. I. С. 272).

В отношениях С. и Достоевского были периоды сближений и расхождений (см.: Долинин А. С. Последние романы Достоевского. — М.: Л., 1963. — С. 307—343), однако несомненно их сильное влияние друг на друга, в особенности в период издания «Времени» и «Эпохи», включающий более чем месячное совместное путешествие по Швейцарии и Италии летом 1862 г. (первая заграничная поездка С., побывавшего также в Германии и Франции). О «бесконечных» разговорах с Достоевским, в том числе на любимые им отвлеченные темы — «о сущности вещей и о пределах знания», С. вспоминал: «...это были лучшие разговоры, какие мне достались на долю в жизни» (Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. — Т. I. — С. 289). 18 мая 1871 г. Достоевский в ответ на содержащее мысли о смерти письмо С. пишет ему из Дрездена: «Вы один из людей, наисильнейше отразившихся в моей жизни /, и я Вас искренно люблю и Вам сочувствую» (Полн. собр. соч. в 30 тт. — Т. 29. — Кн. I. — Л., 1986. — С. 216). Достоевский — «страстный поклонник» критики С. (Там же. — С. 207), участвующий, в частности, при работе над «Подростком» его совет не «загромождать» своих произведений, «вместо двадцати образов и сотни сцен остановиться на одном образе и десятке сцен» (письмо Достоевскому от 12 апреля 1871 г. // Шестидесятые годы. — С. 271; см. также ответное письмо Достоевского от 23 апреля 1871 г. // Полн. собр. соч. — Т. 29. — Кн. I. — С. 208). «Преступлению и наказанию» посвящена одна из лучших критических статей С. («Отечественные записки». — 1867. — №№ 3, 4). После смерти писателя С. написал ценнейшие «Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском» (Полн. собр. соч. Ф. М. Достоевского. — Т. I. Биография...); глава из них, комментирующая речь Достоевского «Пушкин»,

вошла в книгу «Заметки о Пушкине и других поэтах» (Спб., 1883). Если эти публикации С. полны сочувствия к идеям и самой личности Достоевского, то частное письмо Л. Н. Толстому от 28 ноября 1883 г., напечатанное в 1913 г. («Современный мир», № 10) и вызвавшее гневный «Ответ Страхову» вдовы писателя (Достоевская А. Г. Воспоминания.— М., 1971), как и ироничнейшая характеристика С. Достоевским в его записной тетради за 1877 г. (Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в 30 т.— Т. 24.— С. 239—240), выявляют иной, затаенный пласт их сложных взаимоотношений.

По прекращении издания «Эпохи» С. зарабатывал на жизнь переводами (лучшие из них — «История новой философии» и «Бэкон Веруламский» К. Фишера, «Об уме и познании» И. Тэна, «История материализма» Ф. Ланге, «Жизнь птиц» А. Э. Брема и др.). С 1867 г. он возвращается к журналистике: по приглашению А. А. Краевского редактирует, после смерти С. С. Дудышкина, «Отечественные записки», в 1868 г. переходит в «Журнал Министерства народного просвещения» помощником редактора. С 1869 по 1872 г. редактирует журнал «Заря» (издаваемый В. В. Кашпиревым), где печатает статьи о «Войне и мире» Л. Н. Толстого (1869, №№ 1—3; 1870, № 1; в 1871 г. объединены в книге «Критический разбор «Войны и мира», Спб.), принесшие С. редкое у него удовлетворение от работы: «Лучшим своим делом я считаю все-таки мою критическую поэму в четырех песнях — критический разбор «Войны и мира» (Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым.— С. 38). Эта самооценка вполне соответствовала мнению Достоевского, который провел лестную для С. аналогию: «Каждый замечательный критик наш (Белинский, Григорьев), выходил на поприще, непременно как бы опираясь на передового писателя <...> У Вас бесконечная, непосредственная симпатия к Льву Толстому, с тех самых пор как я Вас знаю. Правда, прочтя статью Вашу в «Заре», я первым впечатлением моим ощутил, что она необходима и что Вам, чтоб по возможности высказаться, иначе и нельзя было начать как с Льва Толстого, то есть с его последнего сочинения <...>. Национальная, русская мысль заявлена почти обнаженно» (Полн. собр. соч.— Т. 29.— Кн. I.— С. 16—17). В «Войне и мире» С. увидел гениальное творение, подтверждающее, как ему казалось, правоту его любимых славянофильских идей; фоном, оттеняющим для С. самобытность Толстого, является западник и «подратель» Тургенев — автор романа «Дым» и многих последующих произведений. Цикл статей о Тургеневе («Дым» // «Отечественные записки».— 1867.— № 5; «Два письма Н. Косицы» // «Заря».— 1869.— №№ 9, 12; «Поминки по Тургеневу» // «Русь». 1 декабря 1883; и др.) С. впоследствии издал вместе с толстовским циклом («Критические статьи об И. С. Тургеневе и Л. Н. Толстом».— Спб., 1885),

подчеркнув через саму композицию книги и в предисловии к ней контраст этих художников.

В укреплении и развитии славянофильских взглядов С. огромную роль сыграла горячо пропагандируемая им книга Н. Я. Данилевского «Россия и Европа», Спб., 1871 (до этого публиковалась статьями в «Заре»), где обосновывалось существование не единой, а частных цивилизаций, различных культурно-исторических типов. «Славянский мир» во многом противопоставлялся «германо-романскому». Подчеркивая религиозность русского народа и успешное решение в России общественно-экономических задач (не путем политических революций), Данилевский высказывал панславистские идеи и предрекал «славянскому миру» огромное будущее. В своем предисловии к книге Данилевского С. назвал ее «катехизисом или кодексом славянофильства» (Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Спб., 1888.— С. XX), он защищал этот «кодекс» в полемике с Вл. С. Соловьевым (Борьба с Западом ... Кн. 2, 3). Познакомившись с Данилевским в 1868 г., С. стал его близким другом, неоднократно гостил в его имении на Южном берегу Крыма; после смерти друга (1885) С. издает сборник его работ.

В 1870 г. С. пишет письмо Л. Толстому (не сохранилось) с просьбой прислать что-нибудь для публикации в «Заре», а в августе 1871 г. по приглашению писателя приезжает в Ясную Поляну и с тех пор часто бывает в ней, называя ее: «моя Мекка» (Переписка...— С. 26). По просьбе Толстого С. читает корректуры его произведений, он вместе с Толстым в Оптиной пустыни в июле 1877 г., на лекции Соловьева «о Богочеловечестве» 10 марта 1878 г. Изданная «Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым» включает свыше 70 писем Толстого и около 200 писем С. «...у меня было два (кроме А. А. Толстой, это третья) лица, к которым я много написал писем, и, сколько я вспоминаю, интересных для тех, кому может быть интересна моя личность. Это: Страхов и кн. Сергей Семенович Урусов», — писал Толстой П. А. Сергеевко 13 февраля 1906 г. (Собр. соч. в 22-х тт. ТТ. XIX—XX.— М., 1984.— С. 596). В письме от 26...27 ноября 1877 г. Толстой называет С. своим «дорогим и единственным духовным другом» (Там же.— С. 815). Он с интересом следит за философскими работами С., радуясь, что его философия не «чисто умственная» (Там же.— С. 698), и, при своем отвращении к литературной критике, делает исключение для С.: «Боюсь и не люблю критик и еще больше похвал, но не ваших. Они приводят меня в восторг и поддерживают силы к работе» (Там же.— С. 802).

Дружеские отношения Толстого и С. поддерживаются до смерти С. Все же перелом в мировоззрении Толстого в конце 1870-х гг. резко обнаруживает различие их позиций, в особенности по отношению к общественно-политическому строю

России. Характерна критика Толстым страховских «Писем о нигилизме» («Русь», 1881.— №№ 23—25, 27), появившихся после «казни» Александра II: «Ваша точка зрения мне очень, очень знакома (она очень распространенная теперь и очень мне не сочувственна). Нигилисты — это название каких-то ужасных существ, имеющих только подобие человеческого <...> для того чтобы указать соблазны, вовлекшие революционеров в убийство, нечего далеко ходить. Переполненная Сибирь, тюрьмы, войны, виселицы, нищета народа, кощунство, жадность и жестокость властей — не отговорки, а настоящий источник соблазна» (Там же.— С. 893—894).

Отношение же С. к Толстому можно назвать преклонением. Не только гениальность художника и родственность многих мыслей, но цельность личности, энергически устремленной к добру, покорила его: «Я давно называл Вас самым цельным и последовательным писателем; но Вы сверх того самый цельный и последовательный человек. Я в этом убежден умом, убежден моей любовью к Вам; я буду за Вас держаться и надеюсь, что спасусь» (Переписка.— С. 244).

В августе 1873 г. С. поступает на службу: библиотекарем юридического отдела Императорской публичной библиотеки. Выходит в отставку в 1885 г. с чином действительного статского советника, после чего несколько месяцев еще служит в Комитете иностранной цензуры. С 1874 г. до конца жизни он член Ученого комитета Министерства народного просвещения, с 1889 г.— член-корреспондент Академии наук, с 1893 г.— почетный член Психологического общества, с 1894 г.— почетный член Славянского общества. В августе—сентябре 1881 г. С. совершил путешествие на Афон, которое описал в «Воспоминаниях и отрывках» (Спб., 1892).

По свидетельствам мемуаристов (Никольского, Д. И. Стахеева, жившего со С. в одной квартире с 1875 г. и написавшего о нем юмористический мемуарный очерк «Станислав первой степени и енотовая шуба» // «Исторический вестник».—1904.— № 2), С. вел тихую, холостяцкую, наполненную непрерывным чтением и писанием жизнь, «приобретение книг было единственным «светским удовольствием», спортом, охотой этого мирского монаха» (Никольский Б. В.— С. 7). Умер от мучительной болезни (рак языка).

Главные философские книги С. (в основном это сборники ранее опубликованных статей): «Мир как целое», «Об основных понятиях психологии и физиологии», Спб., 1886; «О вечных истинах (мой спор о спиритизме)», Спб., 1887; «Философские очерки», Спб., 1895. (В ряде работ о С. ему ошибочно приписаны книги другого Н. Н. Стрехова (родился в 1852 г.) — священника, преподавателя Харьковской семинарии: «Опыт систематического изложения начальных оснований философии. Вып. I. Философское учение о познании

и достоверности познаваемого, или начальные основания гносеологии».— М., 1888; «Учение о божестве по началам разума».— М., 1893. На последнюю книгу С. написал рецензию (О задачах истории философии. // Философские очерки). Фундамент мирозерцания С. составляет религия, хотя он не посвящает ей ни одной специальной работы; показателен эпиграф к книге «О вечных истинах»: «Философствовать есть не что иное как любить бога». Сквозной в философских сочинениях С. является мысль о границах рационального познания, поскольку наука при всем ее могуществе не удовлетворяет человека, дает механистическую, одностороннюю картину мира и не может «захватить сущность вещей» (О вечных истинах.— С. 127). Отсюда вытекает критика материализма и эмпиризма — учений, привлекающих «тех, кто избегает всякого подчинения, в котором не может дать себе полного отчета» (Философские очерки.— С. IX). Материализм С. рассматривает в качестве одной из самых ошибочных, механистических систем, не имеющих никакого отношения к философии, а эмпиризм — лишь подготовительным этапом к подлинной философии. Высшее познание — по существу мистическое, или чистая религия. Граница между рационализмом и мистикой определяется С. крайне нечетко, мыслится подвижной: «С успехами естественных наук мы все больше узнаем, что такое дух не есть» (О вечных истинах.— С. 127). Выводя духовную субстанцию за пределы научного познания, С. в то же время поборник «рационального естествознания»; в разграничении этих сфер — пафос его философских рассуждений и одновременно их неустрашимое противоречие. Центральное место в «мире как целом» занимает, по С., человек — «величайшая загадка и величайшее чудо мироздания» Мир как целое.— С. VIII. «Солнце со своими огненными дождями и извержениями, которые когда-то воспевал Ломоносов, не есть ли *простейшая* вещь в сравнении с тем, что совершается в человеке?» (Там же.— С. XI). В человеке он подчеркивает возможность самостоятельного развития (это положение, выдвинутое уже в «Физиологических письмах» — см. «Мир как целое», с. 164—165 — было созвучно мыслям Достоевского.) В последние годы жизни он четко обозначает мерло развития как отдельного человека, так и общества — «святость», или «полную чистоту души и полную преданность воле божьей» (Воспоминания и отрывки.— С. 211).

На формирование философских взглядов С. оказали влияние многие мыслители (Р. Декарт, И. Кант, И. Фихте), но в особенности Г. В. Ф. Гегель, метод которого он признавал «полным выражением научного духа», (Мир как целое.— С. VI), а позднее — А. Шопенгауэр, которого он высоко чтит за «понимание религиозной стороны человеческой жизни» (Философские очерки.— С. 430). Сочувственно воспринятый С. пессимизм

Шопенгауэра усиливал иррациональные мотивы его мировоззрения.

Большое место в работах С. занимает критический анализ различных учений, в том числе полемика. Он спорил со сторонниками спиритизма А. М. Бутлеровым, Н. П. Вагнером (О вечных истинах. Мой спор о спиритизме), полагая его в равной мере чуждым науке и религии. Веруя в существование сверхъестественных сил и утверждая, что на этой вере «держится жизнь главной массы человечества» (О вечных истинах.— С. 20), С. возражает против их механистического понимания и одновременно против релятивизации научных истин, законов и принципов науки. Защищая направленную против учения Ч. Дарвина книгу Данилевского («Дарвинизм», тт. 1—2, Спб., 1885—1889), С. видел в этом учении попытку познать непознаваемое — телеологию организмов, свести духовное к материальному, и противопоставлял ему теорию Ж. Кювье, ценность которой видел в признании бога как создателя всех организмов. (Борьба с Западом... кн. 2.). Учение Дарвина, по С., усиливает материализм, но не меняет его механистической природы. Данилевскому и С. возражал Тимирязев («Опровергнут ли дарвинизм?» // Тимирязев К. А. Избр. соч. В 4 тт. Т. 4. М., 1949). При всем том С. уловил некоторые слабости учения Дарвина: упрощенные представления об изменчивости организмов, преувеличение роли случайных изменений в них. Будучи последовательным идеалистом, пришедшим в конечном счете к «рациональному мистицизму» (Грот Н.— С. 30), С. не создал оригинальной философской системы, но его искания в этой области находили отклик у Толстого, Достоевского и других писателей. Восполнение рационализма, по С., находит человек и в искусстве, которое — как считал основатель «органической» критики и учитель С. Григорьев — нельзя обращать «в орудие готовой теории» (Григорьев А. А. Искусство и нравственность. М., 1986.— С. 35). Высшая похвала художнику в критике С. — утверждение, что в произведении отражена и господствует «жизнь», ее «общие силы» (а не какая-либо неизбежно односторонняя теория). Тургенев в «Отцах и детях» «показал нам, как воплощаются эти силы в Базарове, в том самом Базарове, который их отрицает» (Литературная критика.— С. 208). В изображении трагедии «разрыва с жизнью» (Там же.— С. 101), под влиянием нигилистической теории,— глубина «Преступления и наказания» Достоевского. В «Воине и мире» Толстого «вера в жизнь» — признание за жизнью большего смысла, чем тот, какой способен уловить наш разум,— разлита по всему произведению; и можно бы сказать, что на эту мысль написано все это произведение» (Там же.— С. 287). Отметив в «Что делать?» Чернышевского «напряжение вдохновения» и несомненную реальность изображенного нового типа, С. (совершенно не уловивший скрытого трагизма романа) об-

виняет автора в искажении «природы человека», в «простом, холодном, почти нечеловеческом отрицании страданий» (Из истории литературного нигилизма.— С. 315, 328, 338).

Апелляция к сложности, таинственности жизни вообще у С.— как и у Григорьева — сочетается с анализом конкретного, национально-исторического содержания произведений, прежде всего представленных в нем «типов», осмиваемых с позиций «почвеннической» идеологии критика. Именно «типы» заключают в себе главное содержание произведения, не уничтожаемое никакими публицистическими обрамлениями; так, вопреки западнической тенденции Тургенева в романе «Дым», четко заявленной в рассуждениях Потугина, сквозном мотиве «дыма» и др., сами характеры главных героев, в особенности Ирины, доказывают крепость русской жизни. Развивая григорьевскую антитезу «смирного» и «хищного» типов, С. находит прежде всего в Толстом продолжателя «белкинской» темы Пушкина. В «Воине и мире» критик ставит в особую заслугу Толстому «голос за простое и доброе против ложного и хищного», в частности доказательство «превосходства смирного героизма над героизмом деятельным, который повсюду оказывается не только побежденным, но и смешным, не только бессильным, но и вредным» (Литературная критика.— С. 333). Восхищаясь фигурами Каратаева, Пьера Безухова, Кузуова и др., С. считает, что «простота, добро и правда составляют высший идеал русского народа, которому должен подчиняться идеал сильных страстей и исключительно сильных личностей» (Там же.— С. 334), разойдясь в данном случае с Григорьевым, мечтавшим о русских типах, воплощающих протестующее «тревожное начало» (см. Григорьев А. А. Искусство и нравственность.— С. 274—276 и др.). Преломление русского нравственного идеала С. прослеживает в самом жанре «Воины и мира», который возводит прежде всего к «семейной хронике» пушкинской «Капитанской дочке». Утверждение «двойкой связи» — с семейством и государством, «неверие в страсти, то есть неверие в их продолжительность и прочность» (Литературная критика.— С. 318—319) — в этом, по С., глубокое внутреннее сходство произведений, приведшее к сходству внешнему. И в «Анне Карениной» С. увидел «изображение страсти во всей ее прелести и во всем ничтожестве...»; героиня «возбудит бесконечную жалость к себе, и всякому однако же будет ясно, что она виновата» (Переписка...— С. 57). Прочтения С. произведений созвучных ему писателей (прежде всего Толстого и Достоевского, в творчестве которых критик считал сквозной, любимой темой «покаявшегося нигилиста» — Литературная критика.— С. 179) ценны прежде всего их близостью к некоторым существенным моментам авторской концепции (не исчерпывая, конечно, их содержания).

«Почвенничество» (одно из отличий которого

от предшествующего славянофильства заключалось в признании положительной роли преобразований Петра I) четко прослеживается в историко-литературной концепции С. Всецело разделяя мысль Григорьева о знаменательности обращения Пушкина в последний период творчества к типу Белкина как коренному, русскому, С. указывает на подобный поворот во «всех значительных русских писателях: сперва они увлекаются отвлеченными мыслями, идеалами, занимающимися с Запада, потом возникает внутренняя борьба и разочарование и, наконец,— пробуждаются лишь на время подавленные чувства, любовь к родной святыне, к тому, чем жива и крепка русская земля» (Там же.— С. 179). Так, в пессимизме А. И. Герцена, проявившемся, в частности, в неразрешимости конфликтов его произведений (в романе «Кто виноват?» «все наказаны, и никто не виноват» — Там же.— С. 361), С. видит проявление его разочарования в западной цивилизации. Свидетельством крепнувшей русской самобытности для С. (как и для Достоевского, Данилевского) были прежде всего достижения русского искусства, в особенности творчество Пушкина, которое он считал «главным сокровищем нашей литературы» (Там же.— С. 81), Толстого.

С. принадлежит ряд ценных наблюдений над стилем, жанром разбираемых произведений: таковы суждения о «реалисте-психологе» Толстом (Там же.— С. 271), об «объективной манере» повествования, параллели: Раскольников — Свидригайлов в «Преступлении и наказании» (Там же.— С. 105—106), об искусстве «подражаний» и «пародий» Пушкина (Заметки о Пушкине и других поэтах) и др. В критических спорах об «Отцах и детях» (М. А. Антонович, Катков, Д. И. Писарев), о «Преступлении и наказании» (Писарев, Н. Д. Ахшарумов), о «Воине и мире» (П. В. Анненков, Н. В. Шелгунов, В. В. Берви, М. К. Цебрикова и др.) голос С. звучал уверенно и весомо.

Соч.: Критические статьи об И. С. Тургеневе и Л. Н. Толстом (1862—1885). Изд. 4-е. Т. I. Киев, 1901; Критические статьи (1861—1894). Т. 2. Киев, 1902; Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым. Пб., 1914; / Письма Ф. М. Достоевскому. 1863—1875/. Комм. А. С. Долинкина. // Шестидесять годов. М.—Л., 1870; Литературная критика. Сост. и вступ. статья Н. Н. Скатова. М., 1984.

Лит.: Грот Н. Я. Памяти Н. Н. Страхова. К характеристике его философского мировоззрения. М., 1896; Введенский А. И. Общий смысл философии Н. Н. Страхова. М., 1897; Гольцев В. А. Н. Н. Страхов как художественный критик. // Гольцев В. О художниках и критиках. М., 1899; Радлов Э. Несколько замечаний о философии Н. Н. Страхова. СПб., 1900; Розанов В. В. Н. Н. Страхов. Его личность и деятельность. // Розанов В. В. Литературные изгнанники. Т. I. СПб., 1913; Гуральник У. А. Н. Н. Страхов — литературный критик. // Вопросы литературы, 1972. № 7; Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время». 1861—1863. М., 1972 (по ук. имен); Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». 1864—1865. М., 1975 (по ук. имен); Будилова С. А. Л. Егоров Б. Ф. Библиография печатных трудов Н. Н. Страхова. Ученые записки Гартсбургского университета.—1966.— Вып. 184.

В. А. Скиби, Л. В. Чернец

СУВОРИН, Алексей Сергеевич [11(23).IX.1834. с. Коршево Бобровского у. Воронежской губ.— 11(24).VIII.1912, Петербург] — публицист, театральный критик, писатель, издатель. Начало литературной биографии С. типично для разночинца-демократа 60 гг. Внук крестьянина-однодворца, сын солдата, дослужившегося до штабс-капитана, и дочери протоиерея. Учился в 1845—1851 гг. в Воронежском кадетском корпусе, в 1853 г. окончил специальные классы Дворянского полка в Петербурге, но военным не стал. В годы учения много читал, увлекся идеей словаря замечательных людей (составил почти половину задуманного труда), мечтал об университете. По бедности в университет не поступил, служил учителем истории и географии в Бобровском уездном училище и двух женских пансионах, затем в Воронежском уездном училище, занимался репетиторством. Общественные симпатии С. 50 гг. отмечены дружбой с поэтом И. С. Никитиным, филологом и литературным критиком М. Ф. де Пуле, чтением статей В. Г. Белинского, А. И. Герцена. Учителем начал печататься — вначале как поэт (литературный дебют — перевод стихотворения Беранже «Узник», напечатанный в журнале «Мода».— 1858.— № 4.— 15 февр.), потом как журналист (с июля 1861 г. посылал «Письма из Воронежа» в московскую газету «Русская речь»). В 1861—1862 гг. жил в Москве, перейдя полностью на журнальную работу. Кроме «Русской речи», печатался в «Современнике» (1862.— № 2) («Солдат да солдатка»), «Отечественных записках» / 1863.— № 7—8 / («Аленка: Картины народной жизни»). Сблизился с Н. С. Лесковым, В. А. Слепцовым, А. И. Левитовым. Литературная известность пришла к С. с чтением его рассказа «Гарibaldi» актером П. М. Садовским в 1861 г.

В 1863 г. переехал в Петербург, сотрудничал в «Санкт-Петербургских ведомостях» (по 1874 г.) под псевдонимами *А. Бобровский*, *Незнакомец*, к которым прибегал и позже. Среди ранних выступлений в этой газете — статья «На Невских берегах (Летучие заметки и выдержки из дневника)», 1865. Популярность приобрел благодаря театральным рецензиям, а также «Недельным очеркам и картинкам», которые вошли частично в книгу С. «Очерки и картинки. Собрание рассказов, фельетонов и заметок» (Спб., 1875.— Кн. 1 и 2). Одновременно сотрудничал в «Русском инвалиде», «Вестнике Европы», «Биржевых ведомостях». В Петербурге общался с А. Н. Плещеевым, Л. Н. Толстым, Н. А. Некрасовым и др.

В «Санкт-Петербургских ведомостях» С.-публицист смело критиковал реакционную печать, зыательно писал о В. В. Крестовском, сменявшем «необыкновенный радикализм» на «враждебно-полицейское» отношение к движению 60 гг. в своих антигигиенических романах, о М. Н. Каткове, защищавшем в «Русском вестнике» «репрессию сверху», ополчался на беззакония «плу-

тократин» и т. д. В 1866 г. С. предстал перед судом за книгу «Всякие. Очерки современной жизни» (Спб.). Книгу составили, кроме текста, печатавшегося в «Санкт-Петербургских ведомостях» в 1865 г. под заглавием «Всякие. Нечто вроде повести», заново написанные главы, завершающие сюжет, и послесловие «Несколько слов к читателю». Газетное происхождение повести наложило отпечаток на ее жанр. «Это вовсе не повесть, — писал С., — а просто заметки, отрывки из дневника, писанные в разное время, под разными впечатлениями и на живую нитку связанных интригой, довольно неуксусной» (Всякие. Очерки современной жизни. — Спб., 1866. — С. 265). При бурно развивающейся интриге, с любовными конфликтами и неожиданными поворотами событий, весь фон действительности, изображенной в повести, состоит из реалий периода разгрома революционно-демократического движения: петербургские пожары 1864 г., толки о польском восстании, о «нигилистах», эмансипации женщин и организации швейных мастерских и т. д. Действующие лица «интриги» вымышлены, «фона» — реальные (Н. А. Добролюбов, М. Н. Катков, А. А. Краевский, Н. Г. Чернышевский и др. названы своими именами или имеют прозрачные псевдонимы). Главным герой повести Ильменев, друживший в прошлом с главой «нигилистов» Самарским (т. е. с Чернышевским), убеждается в обреченности нового движения и уезжает в конце повести в Америку. То, что революционные демократы не понимали истинного пути России, было мнением самого Суворина. Он писал в послесловии: «Закон и жизнь произнесли свой приговор над небольшим кружком людей, думавших применить к России такие теории, которые несовместны ни с духом нашего народа, ни с историческими преданиями» (Там же. — С. 266). Призывая к «примирению» разных политических течений и «разных сословий общества», С. обнаружил уже в этой книге половинчатый характер своей идейно-политической позиции. Тем не менее повесть, проходившая цензуру в день покушения Д. В. Каракозова на царя, вызвала переполох. Одним из поводов к запрету книги было сочувственное изображение Самарского — Чернышевского (впрочем, с точки зрения главного героя) и восторженного отношения к нему молодежи в момент гражданской казни. Тираж книги был приговорен к сожжению. Второе издание повести (Спб., 1907) С. снабдил цензурными документами о ее запрещении и отзывом III отделения о его «крайних убеждениях».

В последующей деятельности С. как издатель и редактор газеты «Новое время» (с 1876 г. до конца жизни) отошел от позиции «либерального и даже демократического журналиста» к национализму, к шовинизму, к беспардонному лакейству перед властью имущими» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 22. — С. 43—44). Первые годы «нового временского этапа» в деятельности С. были оз-

наменованы патриотическими выступлениями газеты в связи с русско-турецкой войной 1877—1878 гг., что обеспечило ему поддержку газеты со стороны правительства. Отречение от прежних взглядов С. пытался оправдать философией «жизни для жизни» (см.: Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма. — М., 1977. — Т. V. — С. 138). «То, что объективно было ренегатством, субъективно было самопознанием и самоусуствлением» (Соловьев И., Шитова В. А. С. Суворин: Портрет на фоне газеты. — С. 168). Но в глубине души С. не мог не чувствовать, что «выляет» перед властями, и в иные минуты досадовал «на себя, на свое холопство, которое нет возможности скинуть» (Суворин А. С. Дневник. — С. 82—83).

Незаурядная личность, живой остроумный собеседник, С. был дружен с Н. А. Некрасовым, Л. Н. Толстым, Ф. М. Достоевским, И. Н. Крамским, особенно с А. П. Чеховым, произведения которого печатались в «Новом времени» с 1886 до нач. 90 гг. С. и Чехов путешествовали вместе по Европе в 1891, 1894 гг. Письма Чехова к С. — может быть, самые содержательные во всей чеховской переписке (свои письма С. затребовал после смерти Чехова, и судьба их неизвестна).

Деятельность С. как главы реакционной газеты достигла апогея в связи с делом Дрейфуса (1898) и разгромом студенческих демонстраций полицией (1899, 1905). Передовая общественность резко осудила С., с «Открытым письмом к А. С. Суворину» выступил М. Горький (Жизнь. — 1899. — № 3). Прекратил свое общение с С. в конце 90 гг. Чехов, давно уже понимавший несостоятельность попыток С. отделить свою личную позицию от агрессивной позиции «Нового времени» по отношению к передовой мысли.

В последние годы жизни непосредственной авторской работы в «Новом времени» С. не вел. Тяжело заболев, ездил лечиться в Европу, последнее лето провел на даче в Царском Селе, где и умер.

С. сделал много полезного для отечественной культуры, прежде всего как издатель. Сочинения русских и иностранных классиков художественной литературы, ученых, философов, современных писателей, изданные С., продавались по всей стране в магазинах, железнодорожных киосках, принадлежавших «Контрагентству А. С. Суворина». Особенной популярностью пользовалась серия «Дешевая библиотека», основанная в 1879 г. В 1888 г. впервые после запрещения было напечатано в России «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. Начиная с издания «Русского календаря» (1872), С. занялся снабжением публики ежегодными справочниками: «Вся Россия», «Весь Петербург». Сохранили свою ценность и любовно изданные С. иллюстрированные книги — «Горе от ума» А. С. Грибоедова с вступительной статьей С., содержащей пересмотр прежних критических оценок пьесы (1886), сбор-

ник материалов «Иван Николаевич Крамской. Его жизнь, переписка и художественные статьи. 1837—1887» (1888) и др.

В 1880 г. вместе с историком С. Н. Шубинским С. основал журнал «Исторический вестник» и был его издателем до конца жизни. Среди публикаций журнала, имеющих историко-литературное значение,— воспоминания В. А. Соллогуба, А. Я. Головачевой (Панавой), Г. П. Данилевского, «Записки Ксен. А. Полевого», произведения Н. С. Лескова, Т. Г. Шевченко, П. Мериме, биографические материалы и статьи об А. С. Пушкине и др.

С. был сведущим человеком в вопросах, касающихся искусства, и проявлял в этой области природную чуткость. Главной страстью его был театр. Как театральный критик С. одним из первых оценил талант П. А. Стрепетовой, М. Г. Савиной, М. К. Заньковецкой. В сентябре 1895 г. спектаклем «Гроза» открыл сезон театр Литературно-художественного кружка (в обиходе — Петербургский Малый, или Суворинский), который и поставил здесь впервые пьесы: «Ганнел» Г. Гауптмана (1897), «Власть тьмы» Л. Н. Толстого (1895), «Царь Федор Иоаннович» А. К. Толстого (1898), «Дети Ванюшина» С. А. Найденова (1901). Но как и в других областях своей деятельности, в выборе репертуара для своего театра С. бывал разборчив: среди драматургов, привлечших его внимание, были и случайные драматурги, и шовинистически настроенные писатели.

Литературное творчество С. разнообразно и неравноценно. Начав писательский путь с переводов поэтических произведений, С. стихотворством в дальнейшем не занимался. Как прозаик С. формировался на демократической тематике. В его ранних рассказах легко найти атрибуты бытописания, характерные для крестьянского очерка: постоянный двор, спящая на печи Дунька, дворник Савельич, разговоры о рекрутстве, речь, пересыпанная народными словообразованиями («Алебардий», «тальянский», «нетальянский» короли — «Гарibaldi», 1861); скошенное сено, костер с кипящей кашей, крестьянин, рассказывающий в ожидании ужина историю своей любви к солдатке и легенду о поисках клада, реплики слушателей, звонкая песня девушек, возвращающихся с гребли («Солдат да солдатка», 1862).

Как вариант демократического очерка рассказ С. 60 гг. интересен, но художественной оригинальности в нем нет.

Тематика зрелой прозы С. была злободневной. Даже в произведениях на исторические темы звучали публицистические нотки. С., верный своему юношескому увлечению, испытывал непосредственный интерес к фигурам «русских замечательных людей» (под этим заглавием в 1866 г. вышла книга очерков о патриархе Никоне, Ермаке и боярине Артамоне Матвееве, убитом стрельцами). Политические взгляды С. вызывали не-

довольство цензуры, и очерк о Матвееве при первом издании был запрещен за «вредную для народа» идеею раскрепощения женщин и за осуждение автором донесов.

В то же время склонность С.-прозаика к острой интриге и занимательности повествования, проявившаяся уже в повести «Всякие...», отличала большинство его художественных произведений. Рассказ «Трагедия из-за пустяков» (1885), построенный исключительно на трагическом происшествии — таинственной гибели любовника в момент внезапного возвращения домой мужа, вызвал восхищение Н. С. Лескова (Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. М., 1958. — Т. 11. — С. 308). Но в целом для С. характерно сочетание развитой интриги с мотивами текущего момента. Личные конфликты героев в романе «В конце века. Любовь» (1893, переделан в пьесу «Вопрос», 1902) изображены на фоне явлений русской жизни конца века: влечения молодежи к темным, таинственным силам, к религии и спиритуализму, к «свободной» любви. Судьба главной героини, отсутствующей от принятых норм морали, остается неясной: на «вопрос» «ответа» нет. Возможно, такой финал подсказан примерами «бесфинальных» произведений Чехова, который, кстати, именно к С. обращал свою известную мысль о том, что художник должен не решать вопросы, а правильно их ставить (См. Чехов А. П. Письма.— Т. III.— С. 46).

Первая пьеса С.— «Татьяна Репина» (ранние варианты: «Охота на женщин», 1880, «Женщины и мужчины», 1887), была посвящена актуальному вопросу о положении актрисы в современном обществе. Для фабулы этой пьесы С. воспользовался действительным событием — нашумевшим самоубийством актрисы Е. П. Кадминой, принявшей яд на сцене (факт, уже раньше привлечший внимание И. С. Тургенева при создании повести «После смерти (Клара Милч)»). Главную роль в постановке Александринского театра (1888) играла М. Г. Савина, в постановке Малого театра (1889) — М. Н. Ермолова, но даже эта самая сценичная из пьес С. осталась в истории драматургии в основном благодаря одноименной «драме в одном действии» Чехова, написанной как своеобразное продолжение суворинской.

В пьесе «Честное слово» (1895), также из современной жизни, С. ставил чисто рациональный вопрос: нужно ли всегда держать «честное слово», и склонялся к тому, что не нужно. Успеха пьеса не имела.

Более органичным для таланта С.-писателя оказался публицистический жанр «Маленького письма» в «Новом времени». Написанные в форме свободного обращения редактора к читателю, «письма» были посвящены общественным и литературным темам. В ряде случаев С. удавалось в этой форме высказать интересные суждения,

особенно о художественной литературе (отзывы о рассказах И. Ф. Горбунова, о «Послесловии» Л. Н. Толстого к «Крейцеровой сонате», о подделке пушкинской «Русалки» П. Д. Зуевым, написавшим «продолжение» к ней, и др.). Но идейная непоследовательность С. при многолетней официальной поддержке полицейского режима сказалась и на «Маленьких письмах»: именно в них он одобрял избиение студентов, писал о деле Дрейфуса с реакционных позиций. Отсюда — впечатление демократического читателя конца века: «...его перо грязно, слог распушен, мысль изведена неискрыней эквилибристики...» (Короленко В. Г. Полн. собр. соч. Дневники. — Полтава, 1928. — Т. IV. — С. 172).

Из всего написанного С. наибольшую историко-литературную ценность представляет «Дневник» (записи 1893—1909 гг.) — форма, отвечающая его вкусу к документальности, к быто- и нравоописанию. Пафос дневника — тайное разоблачение лиц, стоящих у власти, которых в те же дни на страницах «Нового времени» С. восхвалял в качестве редактора газеты или автора «Маленьких писем». Продажность министров, ханжество и взяточничество церковнослужителей высокого сана, пронизательные строки о «серости» 25-летнего цесаревича, через год представшего перед страной под именем Николая II, — все это исполнено гнева и желчи, самобичевания и самооправдания. Драгоценны для историка записи о русских и европейских деятелях культуры. К истории русской литературы имеют отношение мемуарные страницы дневника: запись беседы с П. А. Ефремовым о дуэли Пушкина; воспоминания самого С. об умирающем Некрасове; рассказ Достоевского о замысле продолжения «Братьев Карамазовых», записанный С. по памяти; лирические строки о молодости самого С., когда он «был беден, полон жизни и надежд» (Дневник. — С. 84).

Мемуарные портреты русских писателей С. включал и в другие свои работы — в книгу «Очерки и картинки» (встречи с Л. Толстым, Тургеневым в нач. 60 гг.), в «Маленькие письма» (напр., в «Письмо» о Чехове, в котором приводятся сведения о незавершенных замыслах писателя).

Соч.: Очерки и картинки: Собр. рассказов, фельетонов и заметок. — СПб., 1875. — Кн. 1—2; В конце века. Любовь. — СПб., 1893; Татьяна Репина. — 4 изд. — СПб., 1911; Глянский Б. Б. А. С. Суворин: Биографический очерк // Исторический вестник. — 1912. — № 9. — С. 4—13; Письма А. С. Суворина к В. В. Розанову / Вступ. ст. В. В. Розанова. — СПб., 1913; Театральные очерки. — СПб., 1914; Дневник А. С. Суворина / Ред., предисл. и примеч. М. Кричевского. — П., М., 1923 (ошибки в тексте см.: Роскина Н. А. Об одной публикации // Вопросы литературы. — 1968. — № 6. — С. 250—253; Краснов Г. В. Из записок А. С. Суворина о Некрасове // Прометей. — М., 1969. — № 7. — С. 287—290); Маленькое письмо о Чехове // Новый мир. — 1980. — № 1. — С. 238—243; Литературные заметки (О Толстом) // Интервью и беседы с Львом Толстым / Вступ. ст. В. Я. Лакшина. — М., — С. 62—63; (Письма к Н. А. Некрасову) // Пе-

реписка Н. А. Некрасова. — М., 1987. — Т. 2. — С. 469—476. Лит.: Суворин и Чехов // Мережковский Д. С. Было и будет. Дневник 1910—1914 гг. — Пгр., 1915. — С. 237—253; Амфитеатров А. В. Антон Чехов и А. С. Суворин. Ответные мысли // Собр. соч. — Пгр., 1915. — Т. XXXV. — С. 191—219; Тынянов Ю. Н. Дневник А. С. Суворина (рецензия) // Русский современник. — 1924. — № 1. — С. 328—330; Письма русских писателей к А. С. Суворину. — Л., 1927 (письма Чехова полностью см.: Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма. — М., 1974—1983; Крамской И. Н. Письма. 1862—1875. — Л., 1937. — Т. 1—11); Репин И. Е. Письма к писателям и литературным деятелям. 1880—1929. — М., 1950; Рейфман П. С. Запрещенная книга А. С. Суворина: Из истории литературно-общественной борьбы 1860-х годов // Уч. зап. Тартуского государственного ун-та. Труды по русской и славянской филологии. — Тарту, 1970. — Вып. 257. — С. 350—356; Соловьева И., Шитова В. А. С. Суворин: Портрет на фоне газеты // Вопросы литературы. — 1977. — № 2. — С. 162—199; Драган Г. Н. Дневник А. С. Суворина как исторический источник // Вестник МГУ. Серия В. История. — 1983. — № 3. — С. 57—67; Динерштейн Е. А. А. П. Чехов и А. С. Суворин // Книга. Исследования и материалы. — М., 1987. — Сб. 55. — С. 114—138.

Э. А. Полоцкая

СҮРИКОВ, Иван Захарович [25.III(6.IV).1841, дер. Новоселово Угличского у. Ярославской губ. — 24.IV(6.V). 1880, Москва] — поэт. Родился в семье оброчных крестьян гр. Шереметева. До восьми лет жил в деревне под опекой заботливой бабушки и матери. О деревенском детстве С. сохранил самые светлые воспоминания. Ему посвящены чистые и бесхитростные стихи, до сих пор украшающие детские хрестоматии: «Вот моя деревня; / Вот мой дом родной; / Вот качусь я в санках / По горе крутой» — «Детство» (1865—1866), «В ночном» (1874), «Зима» (1880) и др. В гармонической стихии деревенской жизни С.-поэт находит неиссякаемый источник душевного умиротворения и красоты: «Весело текли вы, / Детские года! / Вас не омрачали / Горе и беда». В Новоселове окупился С. в животворную среду народного языка и крестьянской поэзии, явившихся колыбелью его дарования.

Весной 1849 г. С. вместе с матерью уехал в Москву к отцу, Захару Адриановичу, который завел на Ордынке собственную овощную лавочку. Здесь С. выучился грамоте у соседок-монахинь и пристрастился к чтению. Первотолчком к сочинению собственных стихов явилось случайное знакомство с русскими песнями А. Ф. Мерзлякова и Н. Г. Цыганова. Увлечение С. вызвало резкое сопротивление у отца, мечтавшего воспитать себе помощника по торговому делу: «Книжки нам не рука, в попы, в писаря тебе не идти, наши дела не такие! Купцу лишняя книжность дохода не даст, а в мотовство того и гляди введет». С. терпеливо выслушивал нарекания отца, но в свободные от службы минуты продолжал читать А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. В. Кольцова, И. С. Никитина, Н. А. Некрасова, А. Н. Майкова, А. А. Фета и по-прежнему сочинял стихи.

Во второй половине 50 гг. отец С. разорился и для поправления дел вернулся в деревню, оставив жену и сына на попечение старшего

брата С. определился на должность младшего приказчика в лавке дяди, который попрекал родственников «каждым куском» и держал их в нужде и постоянном унижении.

В 1859 г. отец С. вернулся в Москву и приобрел новую лавку для торговли железом и углем, опираясь на помощь сына во всех деловых предприятиях. К этому времени у С. собралась целая тетрадь оригинальных стихов, которые в 1860 г. высоко оценил А. Н. Плещеев, заметивший в них «черты самобытности, а главное задумчивость и глубокое чувство». Отзыв маститого поэта окрылил С., но занятия творчеством по-прежнему осложнились бытовой неустроенностью. В 1860 г. С. женился на бедной девушке-сироте Марии Николаевне Ермаковой, чуткой и самоотверженной, ставшей верным его другом. После смерти матери в 1864 г. и вторичной женитьбы отца положение С. в родительском доме стало невыносимым. Он вынужден перебраться на казенную квартиру и содержать семью случайными заработками: перепиской бумаг, трудом наборщика в типографии.

В конце 60 гг. С. знакомится с писателями-демократами А. И. Левитовым, Ф. Д. Нефедовым, его стихи появляются в журналах «Дело», «Отечественные записки», «Семья и школа», «Воспитание и обучение». В 1871 г. выходит первое собрание стихотворений С., затем издание повторяется в 1875 и 1877 гг. Стихи поэта встречены сочувственно в демократической критике, отмечающей в то же время их тематическую односторонность: «Бедность крестьянина, выдача девушки замуж за немилого, притеснения мачехи или мужниной родни, тоскливое недовольство своей долей, мучительные, но смутные и бесплодные порывы развернуть свои силы и найти «где лучше», жалобы на подневольное житье батрака...» (Дело. — 1875. — № 8. — С. 300).

В нач. 70 гг. С. становится организатором литературных сил, заводит переписку с поэтами русских окраин и в 1872 г. собирает и публикует сборник писателей-самоучек «Рассвет», куда включает стихи А. Я. Бакулина, С. Я. Дерунова, Д. Е. Жарова, М. А. Козырева, И. Д. Родионова. В 1875 г. после выхода в свет второго издания стихотворений С. по предложению Ф. И. Булаева, поддержанному Ф. Б. Миллером и Л. Н. Толстым, его принимают в Общество любителей российской словесности. Расширяется круг литературных и издательских знакомств, возникает замысел журнала, призванного объединить писателей из народа. Однако С. получает категорический запрет на это издание в полицейском управлении.

Годы житейских мытарств, неудач, полуголодного существования подрывают здоровье поэта: он заболевает туберкулезом. Предпринятые в 1878—1879 гг. попытки лечения не дают желаемых результатов, С. умирает в расцвете

творческого дарования, в сорокалетнем возрасте.

Поэтические мотивы лирики С., в сравнении с его предшественниками Кольцовым и Никитиным, исполнены внутреннего драматизма. Источник его и в тяжелых жизненных обстоятельствах, и в драматических процессах развития народно-крестьянской культуры, являвшейся первоисточником поэзии С. Кольцов и Никитин формировались на почве классического фольклора. С. жил в эпоху, когда устное народное творчество претерпевало необратимые и подчас разрушительные изменения. Глубокий знаток крестьянской культуры С. В. Максимов в конце XIX в. писал, что обрядовые песни «почти повсеместно выходят из употребления и молодежь к ним относится далеко без той серьезности, какая наблюдалась в старину. Теперь пение этих безыскусственных, полных ребяческой наивности песен... сплошь и рядом прерывается разухабистым фабричным мотивом, визгливыми звуками гармоньки...» (Максимов С. В. Литературные путешествия. — М., 1986. — С. 265).

С. не случайно явился создателем литературной формы «городского романса», который зародился в демократических слоях городского населения, в среде крестьян-отходников, мещан, ремесленников, мелких торговцев в середине XIX в. В лирике С. изображается жизнь портных, швеек, сапожников, рабочих, бездомных бродяг, наполненная драматической борьбой за существование в «душных городах» («У могилы матери», 1865; «Умиравшая швейка», 1875; «Тихо тощая лампадка...», 1864). Для этих стихов характерна грустная напевность, психологический надрыв, но С. не отдается изображению утонченных оттенков, нюансов душевных переживаний. В центре его романсов — сильные и цельные психические состояния, передающие коллективные настроения городских бедняков: тоску, горе, грусть, отчаяние. Это придает стихам С. песенный колорит: он и сочиняет их, напевая вслух, проверяя подлинность стихов пением.

Тот же песенный, обобщенно-эстетический подход наблюдается и в стихах, посвященных крестьянской жизни. Голос поэта в них не индивидуализирован, это голос многих, голос масс, лишь слегка окрашенный лирическим чувством. Фольклоризм С. не сводится к имитации, стилизации, к воспроизведению внешних форм устной народной поэзии. Он органичен, т. к. является частью художественного сознания поэта. Не случайно многие стихи С. стали народными песнями («Рябина», 1864; «В степи», 1865; «Сиротой я росла...», 1867).

С. начинает творческий путь с непосредственной обработки народных песен («В зеленом саду соловушка», 1863; «Могила», 1864) и с оригинальных стихов, написанных в подражание песням Кольцова («Песня», 1864; «Что ты жизнь мне дала?»; «Эх, брат Ваня, Ваня...», оба

1865). Но вскоре фольклорная и литературная стихии сливаются в органическое единство собственно суриковских песен («Песня бедняка»; «Песня», обе — 1867). От Кольцова их отличает тяготение к сюжетной картине, к жанрово-сценическим элементам, к более детализированным и конкретным образам: «Не твою ли хату / Ветер пошатнул, / С крыши ветхую солому / Разметал, раздул?» Появляются новации и в ритмике: наряду с колыбельным пятистопником с ударением на 3-м слоге («Песня-быль», 1879), большинство песен С. написано хореем с ударением на 3, 7, 11-м слогах.

В стихах, где лирическое начало подчинено повествовательному, С. близок Никитину. Это рассказы о жизненных драмах, житейские истории, пейзажные зарисовки («Горе», 1872; «Починник», 1875; «Утро»; «Нужда», оба — 1864; «Осень... Дождик ведром...», 1866; «Беззаботный», 1871). Но у С. отсутствует детальная аналитическая разработка сюжета, сохраняется тяготение к песенной обобщенности.

У Некрасова С. подхватывает тему подневольного, тяжелого труда («В поле», 1873), мажорные ноты в обращении к привольному деревенскому детству, изображение драматической судьбы каторжника («В остроге», 1875).

Связь песен С. с фольклором проявляется в использовании параллелизмов, постоянных эпитетов, застывших метафорических выражений («слезами умываюся»), дактилических окончаний и глагольных рифм, уменьшительно-ласкательных суффиксов («молодешенька, одинешенька»), гиперболизированных сравнений («лицо... красной зорькой разгорается»). Часто встречаются лирические обращения к природе («Что шумишь, качаясь, / Тонкая рябина?»), образы-символы, соединяющие события в природе с жизнью человека, олицетворения отвлеченных понятий «нужды», «горя», «доли». Но органичность освоения фольклорных элементов достигается там, где формулы фольклорной поэтики начинают определять художественную мысль произведения. Иногда все стихотворение строится как цикл взаимосвязанных образов-символов, восходящих к фольклору («Малороссийская песня», 1870), где судьба крестьянки последовательно соотносится со скошенной травой, срезанной пшеницей, сломанной калиной). Лирическая разработка фольклорных формул встречается в стихах «Жизнь» (1875), «Во тьме» (1875), «Где вы, песни светлой доли...» (1976), «Два образа» (1875) и мн. др.

Особым отделом поэтического творчества С. является исторический эпос: переложения былинных мотивов («Садко в Новгороде», 1871; «Садко у морского царя», 1872; «Богатырская жена», 1875), поэмы и баллады на сюжеты русской истории («Василько», 1876; «Казнь Степана Разина», 1877).

Стихи С. неоднократно привлекали внимание

русских композиторов: романсы А. Т. Гречанинова («В зареве огнистом», Ц. А. Кюи («Засветилась вдали, загорелась заря»), А. П. Бородина («Не грусти, что листья с дерева валяются»), Н. А. Римского-Корсакова и А. С. Даргомыжского («Лихорадушка», П. И. Чайковского («Я ли в поле не травушка была», «Солнце утомилось», «Ласточка», «Рассвет», «В огороде возле броду»). Многие песни С. стали народными, и среди них особенно популярны «Рябина», впервые записанная О. В. Ковалевой в 1938 г. от ивановских ткачих и музыкально обработанная А. В. Свешниковым, а также народная песня «Степь да степь кругом».

Соч.: Стихотворения.— М., 1871; Стихотворения / Вступ. ст. Н. А. Соловьева-Несмелова.— М., 1884; Песни. Былины. Лирика. Письма / Вступ. ст. Г. Д. Деева-Хомяковского.— М., 1927; Собр. стихов. / Вступ. ст. А. Дымшица.— Л., 1951; И. З. Суриков и поэты-суриковцы / Вступ. ст. Е. С. Калановского.— М., Л., 1966.

Лит.: Яцимирский А. И. Первый кружок писателей «из народа» // Исторический вестник.— 1910.— Кн. 4; Брус В. Поэты-крестьяне: Суриков и Дрожжин.— Пг., 1915; Друг народа.— 1916.— № 1 (статья о Сурикове); Еркин Е. В. Художественное мастерство И. З. Сурикова // Труды Кутаисского пед. ин-та. 1957.— Т. 17; Пряков А. Встречи моего современника // Писатели из народа.— Ярославль, 1958; Скатов Н. Поэты некрасовской школы.— Л., 1968; Лотман Л. М. Крестьянские поэты 60—70-х гг. // История русской поэзии: В 2 т.— Л., 1969.— Т. 2; Неженец Н. И. Поэзия И. З. Сурикова.— М., 1979.
Ю. В. Лебедев

СУХА́НОВ, Михаил Дмитриевич [1801 или 1802, дер. Славянская Княжеостровской волости Архангельской губ.— IV.1843, Новгород(?)] — поэт-самоучка. Происходил из государственных (экономических черносошных) крестьян. Уже в десятилетнем возрасте, будучи отдан в сидельцы в лавку к купцу-меняле, испытал нужду и лишения. Несколько позднее, оказавшись в более благоприятных обстоятельствах, самостоятельно выучился читать и начал усиленно заниматься самообразованием, а затем и писать стихи. Большое воздействие на молодого С. оказали биография и поэзия Ломоносова. По свидетельству одного из современников, С. в начале 20 гг. посылал свои стихи из Архангельска, где в то время жил и содержал небольшую лавку, полученную от отца, в петербургскую газету «Русский инвалид». Судьба этих литературных опытов С. неизвестна. С 1824 г. он поселился в Петербурге. Первым его покровителем на литературной стезе стал Ф. В. Булгарин, при содействии которого в журнале «Сын отечества» в 1826 г. было опубликовано стихотворение С. «Чувства русского крестьянина при священнойшем короновании государя императора Николая первого» (№ 20.— С. 349—352). Несмотря на откровенно монархический характер, это сочинение С. выделялось на фоне официальной литературы, т. к. в нем явно ощущались образы и ритмы северных народных причитаний (в первой части стихотворения описывалась смерть

Александра). В дальнейшей судьбе С. принимали участие А. С. Шишков и Б. М. Федоров. Начиная с 1826 г. С. довольно активно печатается в петербургских и московских журналах («Благонамеренный», «Славянин», «Отечественные записки», «Дамский журнал», «Атеней»). В 1828 г. вышла первая книга его стихов — «Басни, песни и разные стихотворения крестьянина Михайла Суханова», которая была награждена серебряной медалью Российской академии. Два других стихотворных сборника С. «Время не праздно» и «Мои сельские досуги» увидели свет в 1836 г.

В лирике С. заслуживают внимания прежде всего сочинения в жанре «русской песни», популярном в 20—30 гг. С. принадлежат около 35 песен. Среди них есть близкие народной традиции и свидетельствующие об органичном ее усвоении («Ах! кручина, ты, кручинушка!», «Зарастай, моя дороженька, травой!», «Любил молодец красну девицу», «Ах ты, матушка, мать быстра река»). Однако мотивы народной лирики нередко переосмыслились С. в духе сентиментальной поэзии, что привело к созданию слабых, манерных, чуждых образному строю фольклора произведений. Песенным складом отличается одно из лучших лирических стихотворений С. «Ласточка», в котором поэт в инсказательной форме рассказывает о своей житейской неустойчивости («Ах! К моей-то хижине / Заросла дороженька / Прегустой крапивою!.. / А у бедной хижини / Развалилась лесенка, / Подломилась горенка, / Пораскрылась кровелька» — «Мои сельские досуги». — С. 97). Тематически близки к «Ласточке» стихотворения «К другу», «Ожидания», «К Ш-ву», содержащие жалобы на бедность и жизненные невзгоды (эти мотивы автобиографичны) и выделяющиеся искренностью выраженного в них чувства («На ум пойдут ли песни, / Когда кусок / Полугнилого хлеба / Горючими слезами облит» — Там же. — С. 33) на фоне подражательной, повторяющей общие места сентиментальной и романтической поэзии, лирики С.

Значительную часть литературного наследия С. составляют басни. В этом жанре он не вышел за рамки литературного ученичества. В первой книге С. нравоучительные сентенции в манере М. М. Хераскова нередко иллюстрируются аллегориями, заимствованными у И. И. Дмитриева. Некоторые опыты С. в басенном жанре представляют собой рифмованное переложение прозаических басен датского писателя Л. Хольберга (были переведены Д. И. Фонвизиним). Из них представляют интерес лишь те, которые как-то соотносены с русской действительностью. В книге «Время не праздно» С. пытался подражать И. А. Крылову, но это выразилось в основном в заимствовании отдельных мотивов, оборотов речи и приемов оживления повествования. Начатки сатиры прослеживаются в очень

немногих баснях С. («Медведь», «Кот и Мыши», «Совет к счастью», «Черепашка»). Реалистические и сатирические тенденции нашли более удачное воплощение в ряде стихотворений («Сельская картина», «Пьянство», «Рассказы», «Муж и жена»), изображающих жизнь крестьянства и городского простолюдинья. Почти все они построены на живых разговорных интонациях и безусловно являются результатом непосредственных наблюдений автора.

Весьма характерно для С. обращение к темам литературной жизни и литературного творчества (в равной степени и в лирических стихах, и в баснях): он пишет о трудном пути поэта из народа, о достоинстве поэта («Поэту ль лезть унижаться? / Ужели он, как низкий раб — / Пред Крезом станет изгибаться?» — «Басни, песни и разные стихотворения». — С. 109), о вражде и соперничестве в литературных кругах, о пристрастности критики, о бездарных стихотворцах и т. д. («К другу», «Ободрение поэту», «Разговор в книжной лавке», «Совы», «Розовый куст и пустоцвет»).

Помимо С., в 20 гг. начали литературную деятельность поэты-самоучки Ф. Н. Слепушкин и Е. И. Алипанов, также выходцы из крестьян. В произведениях и в биографиях трех поэтов много общего. Общими были и их литературные наставники, стремившиеся направить творчество одаренных представителей народа в русло официальной народности. Из трех крестьянских поэтов С. выделялся умеренностью в изъяснении верноподданнических чувств. От Слепушкина и Алипанова его отличали также более глубокие связи с устным народным творчеством и до некоторой степени наметившаяся тенденция изображения быта крестьянской бедноты и городских низов в подлинном, неприкрашенном виде.

Литературная деятельность не принесла С. материального достатка. Большую часть жизни он провел в бедности, меняя разные профессии (поверенный по откупам, приказчик в книжной лавке и др.) и тяготаясь любой работой, отвлекавшей его от литературы. Стремясь стать профессиональным литератором, С. не только издавал книги своих стихов, но и выполнял заказы книгопродавцев, составляя песенники, сборники анекдотов, сонники и «оракулы». Среди этой литературной продукции, уровень которой очень низок, следует выделить сборник «Древние русские стихотворения, служашие в дополнение к Кирше Данилову» (СПб., 1840). Сборник содержит подлинные произведения устной народной поэзии (былины, баллады и исторические песни, записанные С. преимущественно в Архангельской обл. и в Пошехонье) и до сих пор сохраняет научный и художественный интерес, несмотря на небольшой объем. Рецензируя эту книгу С., В. Г. Белинский писал: «...ему удалось поймать немного, но превосходнейших жемчужин» (Полн. собр. соч. — Т. VI. — С. 381). Совсем иную,

язвительно-ироническую оценку Белинского получили два изданных С. песенника, в которых были представлены преимущественно литературные песни и романсы. Отрицательное отношение к С. со стороны Белинского, очевидно, было вызвано не только недостатком профессионализма и грамотности, но и причастностью С. к официальной народности.

Соч.: Басни, песни и разные стихотворения.— Спб., 1828; Время не праздно.— Спб., 1836; Мои сельские досуги.— Спб., 1836; Древние русские стихотворения, служащие в дополнение к Кирише Данилову.— Спб., 1840; Песни русских поэтов (XVIII — первая половина XIX века).— Л., 1936.— С. 297—304; Басни и песни.— Архангельск, 1963.

Лит.: Белинский В. Г. Карманный песенник. Издан М. С.— СПб., 1838 // Полн. собр. соч.— М., 1953.— Т. III.— С. 39—40; Он же. Древние русские стихотворения..., собранные М. Сухановым.— Спб., 1840 // Там же.— Т. IV.— С. 380—381; Он же. Песни народные, собранные из уст простого народа. Изданы М. Сухановым.— Спб., 1840 // Там же.— Т. XIII.— С. 83—84; Иванов А. Архангельский Кольцов.— Архангельск, 1916; Гроссман Л. Поэты крепостной поры.— М., 1926.— С. 34—50; Цейтлин А. Г. Русская литература первой половины XIX века.— М., 1940.— С. 271—272; Орлов В. Н. Другие поэты двадцатых—тридцатых годов // История русской литературы.— М.; Л., 1953.— Т. VI.— С. 495—496. Г. Г. Григорьева.

СУХОВО-КОБЫЛИН, Александр Васильевич (17 (29).IX.1817, Москва — 11(24).III.1903, Больё, Франция) — драматург. Принадлежал к старинному дворянскому роду. В 1834—1838 гг. учился на физико-математическом отделении философского факультета Московского университета и в этот период дружил с А. И. Герценом, Н. П. Огаревым, К. С. Аксаковым, затем занимался философией в германских университетах (1838—1840), где навсегда стал поклонником Г. В. Ф. Гегеля (до конца жизни работал над переводами его произведений, пытался создать собственную философскую систему — рукописи не опубликованы). В 1850 г. был обвинен в убийстве своей гражданской жены француженки Луизы Симон-Деманш, уголовное дело С.-К. тянулось семь лет, дважды его заключали в тюрьму, но испытал на себе всю тяжесть чиновничьего произвола и лихоимства. Несмотря на прекращение дела, общественное мнение великосветских кругов, к которым принадлежал С.-К., приписывало ему это преступление (невинность С.-К. была установлена только советскими исследователями в результате архивных разысканий).

С.-К. стал классиком русской драматургии как автор трех пьес (определения жанров принадлежат автору): комедии «Свадьба Кречинского» (1854), драмы «Дело» (1861) и комедии-шутки «Смерть Тарелкина» (1869 — во всех случаях указаны даты написания). Драматические памфлеты «Квартет» и «Торжественное соглашение батюшки с миром» не публиковались, хотя «Квартет» С.-К. первоначально думал присоединить к тексту «Дела» (то в виде пролога, то в качестве эпилога).

С.-К. по своему мировоззрению был весьма далек от передовых общественных кругов, однако

его драматическая личная судьба раскрыла перед ним всю бездну социальных пороков современного общества, поставила его в непримиримую оппозицию к нему. С.-К. смотрел на свое писательство не как на дилетантское занятие дворянского интеллигента и не как на ремесло профессионального литератора, а как на обязанность человека сказать слово правды, дать живое свидетельство о преступности безжалостной государственной машины, смертельно опасной для частного человека. В обращении «К публике», предпосланным пьесе «Дело», он пишет: «Предлагаемая здесь публике пьеса «Дело» не есть, как некогда говорилось, Плод Досуга, ниже, как ныне делается Поделка литературного Ремесла, а есть в полной действительности сущее, из самой реальной жизни с кровью вырванное дело». С.-К. был приверженцем патриархальных форм дворянско-поместной жизни. Но острый ум, чуждый всяких иллюзий, дал ему ясное представление о полном и безвозвратном крушении этого патриархального мира. В 1871 г. он писал в своем дневнике: «Этот мир весь рушится, или лучше уже разрушился — и меня качает. Я этой качки выносить не могу и в то же время сам не знаю, куда идти...» (Ежегодник института истории искусств. 1955. Театр.— М., 1955.— С. 290). С.-К. стоял в стороне от литературной жизни эпохи, приобретшей в середине века чуждые ему черты профессионализации. Он был знаком с Н. В. Гоголем. В связи с публикацией «Свадьбы Кречинского» в журнале «Современник» бывал у Н. А. Некрасова и сообщал в письме, что тот познакомил его с литераторами П. В. Анненковым, Л. Н. Толстым и А. В. Дружининым. Но после первой пьесы он не печатался в журналах. В мемуарах П. Д. Боборыкина отмечается, что С.-К. был «для писателей и того времени, и позднейших десятилетий как бы невидимкой, некоторым иксом» (Боборыкин П. Д. Воспоминания: В 2 т.— М., 1965.— Т. I.— С. 287). Таким образом, острый критицизм С.-К. сочетался у него с идеологическим одиночеством, что окрасило его правдивую сатиру в тона безысходной мрачности, да и в целом не могло не отразиться на общественном самочувствии писателя. Благодаря выдающемуся актеру В. Н. Давыдова, с которым он был дружен, за присланным к 80-летию телеграмму от труппы Александринского театра, С.-К. писал: «В моей странной судьбе — это капитальное событие в тот момент, как литературный ареопаг предал имя мое остракизму, исключив даже мое имя из истории русской литературы» (Ежегодник Института истории искусств.— С. 289). В 1902 г. С.-К. был избран почетным академиком по разряду изящной словесности.

В 1869 г. С.-К. издал свои пьесы под общим названием «Картины прошедшего», и, хотя демонстративное отнесение описанной в них жизни к прошлому было очевидной уступкой цензурным

требованиям, этот акт оказался творчески важным: автор им объединил пьесы в трилогию, как бы задним числом осмыслил и закрепил их внутреннее единство. Правомерность такого объединения была подвергнута сомнению в прижизненной критике, отметившей «внешний» характер сюжетной связи (лишь несколько персонажей оказываются общими) и слишком большие различия в художественном языке и тоне пьес. Так, рецензент журнала «Театр и искусство» писал: «Нет триединства построения, нет и трилогии, Расплюев, Варравин, упоминание о Муромском только внешним образом сближает эти три пьесы взаимным родством. А точки соприкосновения замыслов не создают той художественной связи, которая порождается единством настроения, плавным развитием того, что можно назвать артистическим темпом» (Театр и искусство.— 1909.— № 39. «Расплюевские веселые дни»). Однако авторское понимание пьес как цикла победило и закрепилось в истории литературы.

Все три пьесы — своеобразное драматургическое исследование современного состояния общества и русской жизни в целом. С.-К. берет в качестве материала анализа возникновение, развитие и закономерный итог одного «дела». Это разрастание искусственно состряпанного «дела» и мотивирует постепенное сгущение сатирических красок и углубление мрачных тонов от пьесы к пьесе. Есть своя логика и внутренняя художественная правда в том, что трилогия начинается вполне традиционной и в целом достаточно веселой, смешной комедией «Свадьба Кречинского». В формальном построении пьесы чувствуется влияние прекрасно знакомого С.-К. французского театра (изобретательное построение занимательной интриги, применение некоторых традиционных сюжетных мотивов, использование системы ампула, блестящие диалоги). Однако эта «форма» заполняется полнокровно реалистическими картинками современной писателю русской жизни, особенно благодаря образам отрицательных персонажей. Положительные герои в этой пьесе еще вполне исчерпываются театральными ампула, типичными для легких комедий и водевилей: героиня-инженю, комическая старуха, благородный отец, второй любовник — Лидия, Атуева, Муромский, Нелькин этими театральными ампула определяются, так сказать, без остатка. Но главный герой Кречинский, вполне соответствуя театральному ампула фата, оказывается вместе с тем и жизненно правдивым, психологически достоверным и социально острым типом светского авантюриста, как бы воплотившим в себе деградацию дворянских прожигателей жизни, ищущих «бешеных денег» (как впоследствии выразится Островский). Герой С.-К. стоит на границе светского общества и городского дна, о чем недвусмысленно свидетельствует его «темь» — прихлебатель и шулер, циничный пройдоха Расплюев (имя Расплюева, подхваченное

М. Е. Салтыковым-Щедриным в цикле «Письма к тетеньке», стало нарицательным). Простодушная и порядочная провинциальная барышня Лидия Муромская становится жертвой Кречинского. Но в еще большей степени — и именно благодаря ее порядочности — ей и ее семье предстоит стать жертвой грабительского чиновничьего сутяжничества. Об этом и написана следующая пьеса, драма «Дело», завязкой которой становится благородный поступок Лидии в финале комедии «Свадьба Кречинского».

«Колеса, шкивы и шестерни» ужасной бюрократической машины затягивают и перемалывают свою жертву — семью Муромских, разоряя и приводя к смерти отца Лидии. Гибель героя-жертвы заставляет автора назвать «Дело» драмой, хотя главная идейно-художественная задача пьесы — разоблачение чиновничьей машины — решается средствами сатирической комедии. Финал «Дела» — присвоение всех денег Муромского наиболее ловким участником «охоты» на него Варравиним — оказывается завязкой последней пьесы «Смерть Тарелкина». Авторское определение жанра — комедия-шутка — звучит саркастически. В «Смерти Тарелкина» объектом обличения С.-К. становится полиция. Совершенно бесчестный человек, подонок общества Расплюев, давший ложные показания против Лидии в пьесе «Дело», становится блюстителем порядка — квартальным надзирателем. В последней части трилогии полностью отсутствуют герои, способные вызвать хоть какое-то сочувствие. Рисуя борьбу хищников между собой, С.-К. обращается к сатирической символике, формам гротескной фантастики, знаменующим исчезновение, уничтожение личности в процессе ожесточенной борьбы за золото. Трагикомическая эксцентриада, развернутая автором в последней части трилогии, вызвала упреки в отходе от реализма, являющиеся, однако, следствием ограниченного понимания пределов и возможностей реалистического сатирического гротеска.

Трилогия С.-К. дает обобщающий сатирический образ современной автору русской жизни в трех ее разных аспектах и на трех логически связанных этапах: нравственное падение дворянства, вымирание правосудия, гибель личности, одержимой жаждой наживы и мести.

Замечание А. А. Блока, что С.-К. соединил в себе Островского с Лермонтовым, чрезвычайно точно передает неповторимо своеобразную черту трилогии. В ней реалистическая полнота социально-бытовой картины жизни, сплетение комического и драматических ситуаций, напоминающие Островского («Свадьба Кречинского», «Дело»), сочетаются с отрицанием, исполненным отчаяния, характерным для романтического максимализма лермонтовских инвектив. Однако драматургический стиль театра С.-К. в целом скорее представляет собой развитие гоголевской традиции «общественной комедии» с ее гиперболичес-

кой типизацией, символическими потенциями сатирического образа.

Сценическая судьба трилогии была осложнена цензурными мытарствами, выпавшими на долю «Дела» и «Смерти Тарелкина». «Дело» было запрещено ставить на сцене более двадцати лет. В 1882 г. в Малом театре шел сокращенный вариант под названием «Отжитое время», полностью пьеса была поставлена только после революции. «Смерть Тарелкина» была запрещена более тридцати лет и с искажениями под названием «Расплюевские веселые дни» шла в 1900 г. в Суворовском театре. В 1917 г. В. Э. Мейерхольд поставил все три пьесы именно как трилогию в Александринском театре. Необычность драматургической формы двух последних пьес, особенно «Смерти Тарелкина», и теперь еще вызывает затруднения театров. «Свадьба Кречинского» сразу заняла почетное место в театральном репертуаре и до сих пор остается наиболее репертуарной пьесой С.-К.

Соч.: Трилогия / Ред. и вступ. ст. Л. Гроссмана, послесл. В. Сахаровского. — М.: Л., 1927; Трилогия / Вступ. ст. и коммент. И. Гликмана. — М., 1955; Трилогия / Вступ. ст. и коммент. К. Рудницкого. — М., 1966.

Лит.: Григорьев А. А. И. С. Тургенев и его деятельность // Григорьев А. П. Литературная критика. — М., 1967; Писарев Д. И. Московские мыслители // Собр. соч.: В 4 т. — М., 1955. — Т. 1. — С. 286; Гроссман Л. П. Театр Сухова-Кобылина. — М.: Л., 1940; Милонов Н. А. Драматургия А. В. Сухова-Кобылина. — Тула, 1956; Абрамкин В. М., Кононов Н. П. Жизнь и творчество А. В. Сухова-Кобылина. — Л., 1956; Быкова О. Е. Творчество А. В. Сухова-Кобылина. — Черновцы, 1957; Рудницкий К. Л. А. В. Сухова-Кобылин: Очерк жизни и творчества. — М., 1957; Лотман Л. М. А. Н. Островский и русская драматургия его времени. — М.: Л., 1961; Медведьва И. Три драматурга // А. Грибоедов. Горе от ума. А. Сухова-Кобылин. Пьесы. А. Островский. Пьесы. — М., 1974; Горелов А. Угрюмый талант // Горелов А. Е. Три судьбы Ф. Тютчев, А. Сухова-Кобылин, И. Бунин. — Л., 1976.

А. И. Журавлева

Т

ТАРАСОВ, Евгений Михайлович [24.II(8.III). 1882, Баку — 10.III.1944, Чкалов] — революционный поэт. Отец Т. из обедневших дворян, работал бухгалтером. В 1898 г. Т. закончил реальное училище в г. Скопине Рязанской губ. и в августе того же года поступил в Петербургский технологический институт. Вскоре (20 марта 1899 г.) его исключили из института за участие в студенческих беспорядках. Осенью 1899 г. Т. поступил в Петербургский технологический институт. Но в марте 1901 г. он был отчислен за участие в демонстрации у Казанского собора, а 1 августа 1901 г. арестован по делу о группе пропагандистов «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». После предварительного заключения (в течение более полугода) Т. в феврале 1902 г. был выслан в Рязань под надзор полиции. Летом 1901 г. он бежал за границу, в Париж.

Там в начале 1903 г. он встретился с В. И. Лениным (о чем рассказал в неопубликованных автобиографических заметках). В апреле 1903 г. вернулся в Россию с паспортом на имя румынского подданного, но 25 мая вновь был арестован (при обыске у Т. нашли печати «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», революционные издания, черновики прокламаций, воззваний и т. п.). После полугодового заключения в одиночных камерах петербургских тюрем Т. осенью 1904 г. отправили в ссылку на 8 лет в глухой тогда Печорский край. Освободившись по амнистии осенью 1905 г., Т. приехал в Москву накануне вооруженного восстания. По заданию Московского комитета партии большевиков Т. ведет пропаганду среди рабочих, входит во время восстания в десятку дружинников, участвует в баррикадном бою, но не на Пресне, как ранее считалось, а на углу Садового кольца и Божedomского переулка. В 1906 г. Т. выпустил первую книгу «Стихи. 1903—1905» (Спб., 1906). Ранняя лирика Т. автобиографична. В открывающем книгу цикле «Из-под замка» представлены стихи, навеянные долгим тюремным заключением. Они проникнуты грустью, унынием (в духе Надсона и поздних народников). Стихотворению «Греза» предпослан эпиграф из Надсона (автора поэмы «Грезы»). Характерны стихи «В склепе», «Печалью не сытый...», «Долгие дни», «Не помню...» и др. Но герой произведений Т. все же не одинок, он находит утешение в творчестве и не теряет веры в будущее: «Мой плен — не навеки: минует — / И вновь брошу вызов судьбе. / Так что же бесценно волнует / Меня только мысль о себе? / Ведь если уж сердце поэта / Устало отсчитывать дни: / Те — без надежды, без света — / Как же они?» Поэт пытается сделать стих более выразительным за счет разностиности строк, но эпитеты его не оригинальны (дума — *тоскливая*, путь — *томительный* и т. п.). Второй цикл — «Изгнание» — посвящен пребыванию Т. в ссылке на Севере. Поэт тяготится непривычной суровостью природы («День как обиженный хмурится, / Солнце погасло во мгле» — «В июле»), видом «угрюмых болот» и «мертвых песков», бездельностью, мечтает снова «упиться борьбой». Здесь уже больше конкретных деталей, зарисовок (но встречается и внешнее подражание декадентам: «Я все тот же, что некогда, / Я влюблен в безнадежное, / Я хочу безысходной тоски» — «Осень»). Совершенно иная тональность окрашивает раздел «Город», в него вошли стихи, созданные в период революции 1905 г., когда автор оказался в гуще событий: «Привет товарищам» и «Дерзости слава», опубликованное на первой странице московской социал-демократической газеты «Борьба» 7 декабря 1905 г.: «Жить в потемках мы устали. / Мы проснулись, мы восстали — / Слишком долго боя ждали, / Жаждем жизни молодой». Стихотворение звучало боевым призывом, оно упростило за Т.

славу поэта Декабрьского вооруженного восстания. В большевистском сборнике «Текущий момент» появился цикл из 10 стихотворений Т. под названием «Декабрь». Сюда вошли — «Руки прочь!», «Око за око», «Клянитесь!», «В участке», «Братьям», «Город нескончаемый...» и др. Особенно широкий отклик получили «Вечерние гимны», рекем по погибшим во время восстания борцам: «Смогли залпы запоздалые, / Смолк орудий гром. / Чуть дымятся лужи алые. / Спят кругом борцы усталые — / Спят нездешним сном». Поэт выражал уверенность в том, что поражение было временным, что победа революции неизбежна: «Спите, братья и товарищи! / Близок судный час — / На неслыханном пожарище / Мы помянем вас!» Это стихотворение положено на музыку Д. Д. Шостаковичем.

На книгу Т. положительно откликнулись многие журналы: большевистский «Вестник жизни», «Русское богатство», символистские «Весы» (№ 6 и 9 за 1906 г.), где выступил В. Брюсов. Он находил у Т. «прекрасные строки», «молниеносные вспышки поэзии», хотя отмечал неровность его творчества. Известность получили тогда и строки Т.: «Мы не поэты, мы — предтечи / Пред тем, кого покамест нет. / Но он придет — и будет свет...» Новый поэт, по мысли Т., должен прийти из рабочей среды — из тех, кто «тяжким молотом кует», «кто раздувает в горне пламя». Первую книгу Т. уничтожила цензура, но стихи его читались с эстрады, распространялись в списках. В 1906 г. 7 стихотворений было опубликовано в XII и XIII сб. «Знание» (выходили под ред. М. Горького). Т. учился разнообразию ритмики, инструментовке стиха у символистов, что видно из его стихотворения «К Бальмонту» («Тебя зовут шутом и — гением. / А я скажу, что ты — поэт...»). Однако вторая книга Т. «Земные дали» (СПб., 1908) не имела успеха. В ней также звучали гражданские мотивы, социальная тема, но не столь ярко. Было больше конкретных зарисовок — в цикле «Равнины» (о русской деревне), «Думах пролетария» («Если встречу угрюмых и бледных детей...»), в стихотворениях «Черный суд» (о казни революционерки), «Песня о свинце» (о труде наборщиков). Поэт скорбел о поражении революции (цикл «На мертвых песках»), критиковал декадентов («Замкнувшись в башню»). В стихотворении «Недосказанная поэма» Т. говорил о себе как о сыне своей страны и своего времени — тяжелой эпохи реакции: «Я рожден своей страной, / Вместе с ней в потемки кинут / Победенною волной...» Он верил, что поэма будет досказана самой жизнью: «С солнцем встанет к светлым песням, / К жизни призванный поэт». Однако этой мечте не суждено было сбыться. Вторая книга Т. встретила незаслуженно резкую критику. Особенно огорчительным был отзыв А. А. Блока в статье «Литературные итоги 1907 года» (Золотое руно. — 1907. — № 11—12). К. Чуковский озаглавил

свою рецензию «Третий сорт» (Весы. — 1908. — № 1). И хотя Т. продолжал еще некоторое время печататься, творческая активность его резко упала уже весной 1908 г. От революционной деятельности он также отошел. Закончив Петровскую сельскохозяйственную академию, работал инженером-механизатором, а позднее — экономистом. В апреле 1917 г. написал сильное стихотворение «Памяти Руже де Лилля». В конце жизни Т. готовил полный сборник стихов, но он не вышел.

Соч.: Стихотворения. — Пг., 1919; Пролетарские поэты. 1895—1910 / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. А. Л. Дымшица. — М., 1935. — Т. 1; Революционная поэзия / Вступ. ст. и примеч. А. Л. Дымшица. — М., 1954; Горький и поэты «Знания» / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. С. В. Касторского; Недосказанная поэма. Стихотворения / Вступ. ст., сост. и примеч. Н. А. Трифонова. — М., 1985.

Лит.: Трифонов Н. А. Недосказанная поэма: Жизнь и творчество Евгения Тарасова в свете новых данных // Русская литература. — 1982. — № 4; О сь м а к о в Н. В. Русская пролетарская поэзия. — М., 1968. Л. К. Швецова

ТЕЛЕШОВ, Николай Дмитриевич [29.X(10.XI). 1867, Москва — 14.III.1957, там же] — писатель, литературный и общественный деятель. Родился в купеческой семье; предки его были крепостными крестьянами Владимирской губ., но выкуплись, и дед Т. был уже свободным человеком, поселился в Москве. Коренной москвич, Т. унаследовал лучшие черты типичного московского жителя — гостеприимство, радушие, простоту в обращении, душевную открытость, склонность к благотворительной деятельности. В 1884 г. Т. окончил Московскую коммерческую академию, но это не имело для него практического значения. Всю свою жизнь он посвятил литературе. Начал Т. со стихов; первое напечатанное стихотворение называлось «Покинутая» (журнал «Радуга», 1884), автору тогда было 17 лет. Однако стихи Т. писал недолго, вскоре перешел на рассказы, преимущественно бытовые (Автобиография // Писатели: Автобиографии современных русских прозаиков / Под ред. В. Г. Лидина. — М., 1926. — С. 297). Творчество Т. складывалось в сложную для истории России и русской литературы эпоху 80—90 гг. Еще работали великие реалисты Л. Толстой, Островский, Салтыков-Щедрин, Короленко, в нач. 90 гг. заявил о себе М. Горький. Однако широко распространились мелкотемные, с уклоном в натурализм произведения Боборыкина, Баранцевича, Альбова и др. Появились первые произведения символистов. Т. сразу встал в ряд писателей, следующих заповедям критического реализма с его вниманием к общественной проблематике, к судьбе «маленького человека», с болью за его социальную обездоленность, нужду и бесправие. Т. отмечает в автобиографии: «...Может быть, от предков <...> жива во мне уверенность, что без свободы нет ни настоящего счастья, ни настоящей жизни ни для человека, ни для человечества» (Автобиография. — С. 297). Первые рассказы Т. — «Петух», «Ответ», «Мещанская

драма» и др. — печатались в мелких периодических изданиях 80 — нач. 90 гг. (журналы «Радуга», «Россия», «Артист», «Детское чтение» и др.). В них ясно ощущается влияние Чехова, с которым Т. познакомился в 1888 г. и любовь к нему сохранил на всю жизнь. Это сходство — в круге проблем и тем, в обличении косности и пошлости мещанской жизни, мелочности интересов и эгоизма обывателя, его жадности накопления. В мире мещанства люди гуманные и совестливые чувствуют себя неуютно, неустроенно и незащищенно. Уже в ранних рассказах Т. с осуждением изображает представителей той интеллигенции, которая отказалась от своих прежних высоких идеалов, от готовности пожертвовать собой ради блага народа, устремилась к собственному благополучию («Перемена», «Подруга» и др.). Несмотря на безусловное общественное звучание, рассказы Т. 80 гг. лишены крупных социальных обобщений, их герои не встают против основ российской действительности, они протестуют против частных недостатков общественного устройства, осуждают жестокость и безнравственность отдельных людей, не связывая это с социальной несправедливостью жизни, с безнаказанностью ее хозяев. Рассказы, несмотря на реалистичность изображения людей и обстоятельств, несколько описательны, эскизные, в них есть увлечение бытовизмом. Но они подкупают гуманностью и искренностью интонации. Гораздо более значительны в идейном и эстетическом отношении произведения Т. 90 — нач. 900 гг. В 1894 г. Т. по совету Чехова поехать и «перешагнуть границу Европы» предпринял длительное путешествие по Сибири, чтобы на месте, воочию познакомиться с нечеловеческими условиями жизни русских крестьян-переселенцев, изгнанных нуждой и голодом из родных мест. Под впечатлением этих тяжелых наблюдений Т. написал цикл рассказов и очерков «На тройках» (1895), составивших потом циклы «По Сибири» и «Переселенцы». С этого момента началась широкая литературная известность Т. «Переселенческие» рассказы обратили на себя внимание критики, читателей и издателей. Выходят сборники «Повести и рассказы» (1896) и «За Урал» (1897). В рассказах писатель, пораженный впечатлениями народных бедствий, показал безмерность народного горя и страданий, его полное бесправие и незащищенность (рассказы «Самоходы», «Домой», «Нужда» и др.). С беспощадной правдой изображена обездоленность крестьян, голод, холод, эпидемии в переселенческих бараках, поборы чиновников, доводящие людей до полной нищеты и отчаяния. Т. сумел разглядеть, что жестокость жизни и страдания не лишили народ человечности, совестливости («Елка Митрича», «Домой», «Хлеб-соль»). В доведенных до крайности людях зреет и растет чувство протеста против своих угнетателей, просыпается способность постоять за себя

(«Против течения»). Рассказы о переселенцах написаны в лучших традициях русской реалистической прозы: неприкрашенность правды, лаконизм и точность языка, выразительность деталей. Рассказы проникнуты душевной болью за судьбу трудового народа, верой в его жизнестойкость и мудрость, его духовность и одаренность. Суровый реализм сочетается в них с лирической интонацией, они наполнены тонкими описаниями природы. Именно за эти рассказы Чехов поставил Т. в один ряд с лучшими писателями того времени. Высоко оценил рассказы и М. Горький, оказавший большое влияние на все последующее творчество Т. Горьковский романтизм, определенность и четкость социальных оценок, его любовь к изображению сильных, стремящихся к преобразованию жизни личностей, обращение к форме легенд как иносказанию отразились в произведениях Т. 900 гг. Накануне и в период первой русской революции 1905—1907 гг. Т. создает рассказы, насыщенные пафосом отрицания социальных уродств жизни, мыслью о необходимости борьбы народа с самодержавием. Обращается писатель и к новому для себя жанру — сказкам и легендам («Белая цапля», 1900; «О трех юношах», 1901), герои которых готовы отдать жизнь во имя счастья людей. Социальной направленностью, верой в духовное богатство и талантливость русского народа, глубокими размышлениями над его судьбой отличаются рассказы «Между двух берегов» (1903) и «Черной ночью» (1904). А. В. Луначарский назвал последний из них «умной вещью». Особой четкости социальных оценок и идейной завершенности Т. достигает в рассказах «Петля» (1905) и «Крамолла» (1906). В годы реакции, последовавшей за поражением революции, Т. не отходит от своих прежних позиций («Проклятое поле», «Цветок папоротника»). В годы первой мировой войны он выступает против бессмысленного кровопролития, пишет антивоенные рассказы: «Мина», «Во тьме», «Дни за днями».

Велика роль Т. в сплочении прогрессивных русских писателей. Его гостеприимный дом часто собирал молодых литераторов, которые на телешовских вечерах читали и обсуждали свои новые произведения. Собрания эти происходили чаще всего по средам, и вскоре образовался на их почве литературно-художественный кружок, который и получил название «Среды» (1899). Просуществовал этот кружок более 15 лет, сплотив вокруг себя все лучшее, что было в литературе того времени. Его членами были, кроме Телешова, бр. Бунины, поэты-самоучки Слюзов и Белоусов, Скиталец, Серафимович, Л. Андреев, Б. Зайцев. «Среды» посещали Чехов, Мамин-Сибиряк, Короленко, М. Горький; гостями были художники и артисты Васнецов, Левитан, Рахманинов, Шаляпин. У участников кружка не было единой общественной и эстетической платформы. И в 1905—1907 гг. эти расхождения ста-

ли особенно очевидные, но всех их объединял дух подлинного демократизма, веры в общественный прогресс, заинтересованность в судьбе простого трудового человека. Т. участвовал в издании сборников товарищества «Знание», возникшего по инициативе М. Горького; являлся одним из организаторов «Книгоиздательства писателей» в Москве (1912), в годы империалистической войны издавал сборники в пользу раненых воинов; был председателем кассы взаимопомощи литераторов и ученых. В 1908 г. по его инициативе в Малаховке под Москвой создается первая загородная гимназия для детей рабочих, крестьян и железнодорожников. После Октябрьской революции, которую Т. принял сразу и безоговорочно, главным литературным трудом Т. становится книга воспоминаний «Записки писателя», в которой сказались лучшие черты личности и дарования Т.: его скромность, дружелюбная наблюдательность, любовь к литературе и собратям по перу. Подводя итог своей жизни, Т. с гордостью сказал: «...быть русским писателем, несмотря ни на что, — есть великое счастье в жизни» (Автобиография. — С. 298, 299).

Соч.: Повести и рассказы. — М., 1899; Рассказы: В 2 т. Пб., 1903—1908; [Рассказы]: В 4 т. — М., 1915—1918; На тройках: Очерки и рассказы. — М., 1895; За Урал: Из скитаний по Западной Сибири. Очерки. — М., 1897; Рассказы и сказки для юных читателей. — Пб., 1911; Избранное: В 3 т. / Вступ. ст. В. Борисовой. — М., 1956; Избр. произ. / Вступ. ст. К. Пантелеевой. — М., 1985; Рассказы. Повести. Легенды / Вступ. ст. А. Л. Трегубова. — М., 1983; Автобиография // Писатели; Записки писателя. Рассказы / Вступ. ст. К. Пантелеевой. — М., 1928; 2-е изд., доп. и испр. — М., 1987; Лит.: Луначарский А. В. Критические этюды. — М., 1925; Кранихфельд В. // Мир божий. — 1906. — № 4; Державин А. // Телешов Н. Д. Избранные рассказы. — М., 1935; История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: Аннотированный указатель книг и публикаций в журналах. — М., 1986. — Т. 4. — Ч. 4. Т. А. Петрова

ТЕРПИГÓРЕВ, Сергей Николаевич, псевдоним — *Атава* [12 (24), V. Нильское Тамбовской губ. — 13 (25), VI. 1895, Петербург] — прозаик. Отец Т. родовитый, но обедневший помещик (род Терпигоревых восходит к концу XVII в.), получил образование в Петербургском университетском пансионе, выписывал книги и журналы, имел в имени обширную библиотеку. В 13 лет Т. смог прочесть «Пушкина, Лермонтова, Грибоедова <...> в журналах даже новейших в то время писателей» (Соч. — Т. 6. — С. 426). Гувернеры обучили его французскому и немецкому языкам, а местный становой пристав подготовил в 3-й класс Тамбовской гимназии, по окончании которой (1860) он намеревался поступить на историко-филологический факультет Петербургского университета, куда «страшно тянула тогда любовь к истории и литературе» (Там же. — С. 475). Однако родственник Т. Ф. И. Рахманинов, ссылаясь на близкую судебную реформу, убедил поступить на юридический. Рахманинов работал в цензурном комитете (в частности, цен-

зуровал журнал «Современник») и был знаком с многими ведущими литераторами и журналистами: в его доме Т. познакомился с Н. Г. Чернышевским, И. И. Панаевым, Н. А. Некрасовым, а также с А. С. Гиероглифовым — издателем газет «Русский мир» и «Гудок». На страницах последней состоялся литературный дебют Т. — очерк «Черствая доля» (1862. — № 100), который положил начало сотрудничеству писателя в названных изданиях.

Во время студенческих волнений осенью 1861 г. Т. подал прошение о выходе из университета; согласно его воспоминаниям, хотя он и не поддерживал действий студентов, но был возмущен той жестокостью, с которой эти действия подавлялись властями. Т. было приказано немедленно покинуть столицу, но стараниями Рахманинова отъезд в имение удалось оттянуть до весны. Все это время Т. печатал в «Гудке» корреспонденции из Тамбовской губ., составленные на основе регулярных сообщений, получаемых от друзей, сатирические очерки, обличающие обывательские нравы и призывол местного начальства. Накануне отъезда из столицы рукопись Т. «Из записок удавшегося чиновника» была принята редакцией журнала «Русское слово» (1863. — № 2, 4).

С 1867 г. Т. начинает посылать А. А. Краевскому (с которым познакомился еще в университете) корреспонденции в газету «Голос»; в одной из них разоблачался злоупотребления могущественных железнодорожных concessionеров Держвица и Мекка в деле отправки хлеба голодающим. Публикация вызвала судебный процесс по обвинению газеты и автора в диффамации, который благодаря усилиям Т. был по существу проигран истцами. Сблизившись в ходе процесса с Краевским, Т. переехал в столицу и некоторое время сотрудничал в газетах «Голос» и «Биржевые ведомости». Первое выступление Т. в «толстом» литературном журнале состоялось в 1869 г., когда журнал «Отечественные записки» поместил его очерк «В степи» (№ 12; окончание — 1870. — № 4) и комедию «Сияние» (1870. — № 7). Здесь впервые Т. использовал псевдоним *Атава*. По свидетельству современника, источником псевдонима послужил разговор Т. с Некрасовым: когда в ответ на предложение поэта написать историю оскудения Т. сослался на свой возраст, Н. А. Некрасов сказал: «и по скопленному лугу атава иногда хорошо растет» (Фаресов А. С. Н. Терпигорев (*Атава*). (Вместо некролога) // Новое слово. — 1895. — № 9. С. 103). («Атава, или атава — трава, вырастающая весной из-под прошлогодней травы». — См.: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. — Спб., 1881. — Т. 2. — С. 733.)

Вскоре имя Т. почти на 10 лет исчезает с печатных страниц: об этом периоде жизни писателя мало что известно. Позднее П. Н. Полевой вспоминал, что Т. «никогда, ни единым словом не проговаривался о своем прошлом <...> и вообще

о чем бы то ни было, лично его касавшемся и выходявшим за пределы его литературной деятельности» (П о л е в о й П. Н.— Стб. 757). Со слов И. И. Ясинского известно лишь, что Т. «нажил громадные деньги на разделении электричества», но потом «прогорел на каком-то каменном подряде» (Исторический вестник.—1905.— № 1.— С. 86).

С января 1880 г. «Отечественные записки» приступили к публикации цикла очерков под общим заглавием «Оскудение. Очерки, заметки и размышления тамбовского помещика» (отд. изд.— Спб., 1881), принесшего писателю широкую известность. Темой очерков стала жизнь мелкопоместного дворянства в порожденных освобождением крестьян социальных условиях. Т. разворачивает картину быта и нравов разоряющихся помещичьих усадеб, показывающую читателю материально-финансовое, нравственное и духовное «оскудение» их хозяев. Писатель особо подчеркивает неспособность дворянства к хозяйственной и культурной деятельности, тем самым убеждая читателя в исторической обреченности этого ведущего в прошлом сословия.

Цикл Т. обнаруживал известную тематическую общность с произведениями М. Е. Салтыкова-Щедрина; писатель порой приближается к щедринской манере повествования (использование элементов сказа и прямого обращения к читателю, сатирическая заостренность образов, живой юмор). Это обстоятельство сразу же обратило внимание критиков, неоднократно сравнивавших очерки Т. с произведениями Щедрина (Русские ведомости.—1880.— № 69.—16 марта; № 106.—26 апр., и др.). Сравнения, поначалу лестные для Т., впоследствии причинили ему немалые страдания: публикация очерков еще не завершилась, как начал распространяться слух о том, что их автором является Щедрин. Другая версия утверждала, что очерки были сильно отредактированы Щедриным (см.: Л и б р о в и ч С. Ф. На книжном посту.— П.; М., 1916.— С. 105). Хотя последний очерк названного цикла был, по совету Н. К. Михайловского, подписан настоящей фамилией, журнал «Будильник» (1881— № 36) поместил на своей обложке шарж на Щедрина, где на одной из книг, окружающих сатирика, легко прочитывалась: «Оскудение». Эта история мучила Т. до конца его дней, и свое последнее выступление в печати он посвятил подробному опровержению редкой «по смелости, по наглости и (...) по глупости сплетне» (Умерший писатель // Новое время.— 1895.— 19 февр.).

Успех книги привлек к автору внимание издателей. В конце 1880 г. Салтыков-Щедрин рекомендовал Т. в качестве постоянного сотрудника для замышлявшейся М. М. Стасюлевичем газеты «Порядок» (см. письмо П. В. Анненкову от 18 окт. 1880 г. // Собр. соч.: В 20 т.— Т. 19 (I).— С. 180), где он в 1881 г. поместил ряд фельетонов. Однако вскоре Т. прервал сотрудничество и пе-

решел в газету «Новое время». Инцидент носил характер журнального скандала, поскольку «Порядок» являлся в отношении издания Суворина идеологическим антагонистом и вел с ним непрекращающуюся полемику, а одну из задач Т. в газете Стасюлевича Щедрин видел в том, чтобы «остепенить Суворина» (Там же).

Все же политические платформы изданий, в которых участвовал Т., не оказывали сильного влияния на его творчество: писатель продолжал разрабатывать принесшую ему успех тему. 24 мая 1881 г. в «Новом времени» начал печататься цикл очерков под заглавием «Пять глупых дев. Очерки, заметки и размышления тамбовского помещика» (окончен 31 дек. 1881 г.), составивший вторую часть «Оскудения» (отд. изд.— Спб., 1882.— Т. 1 (2-е изд.), т. 2). Вторая часть заметно расширила, но не углубила панораму повествования. В предисловии к изданию Т. подчеркивает «нелитературность» своего труда: «Я просто рассказываю, что я видел. (...) Мне дороже всего, чтобы мои картинки были как можно более верны действительности». Установка на «достоверность», стремление к объективности привели к определенной фотографичности изображаемой в произведениях Т. действительности, что отмечала уже современная Т. критика: «...автор силен только умением фотографировать отдельные сцены»,— писал рецензент журнала «Русская мысль» (1882.— № 10.— С. 129). Уделяя основное внимание бытовой, часто комической стороне помещичьей жизни, Т. не затрагивал в своих произведениях важнейших социальных проблем пореформенного развития России: крестьянского общинного самоуправления, земской деятельности интеллигенции, мировых судов и судов присяжных и т. д. В «Новом времени» он вел постоянный воскресный фельетон (так назывался материал, помещавшийся в «подвале»), представляющий собой очерк из жизни провинции и деревни, заметки, обличающие аферы чиновников и дельцов, зарисовки быта городских окраин и др. Т. прибегал к различным способам подачи материала, облекая свои корреспонденции в форму письма из деревни, беседы со случайным собеседником и т. д. Фельетоны Т. имели широкую популярность и, по утверждению современника, в немалой степени способствовали успеху суворинской газеты (П о л е в о й П. Н.— Стб. 763). Работа в «Новом времени» продолжалась около 14 лет, в течение которых Т. опубликовал приблизительно 600 фельетонов. Согласно воспоминаниям И. И. Ясинского, именно Т. обратил внимание Суворина на талант молодого А. П. Чехова (Ясинский И. И. Роман моей жизни.— М.; Л., 1926.— С. 264).

Сотрудничество в газете: необходимость регулярной сдачи материала, жестко ограниченная площадь газетного «подвала» — заставляло многих писателей (в т. ч. и Чехова) обращаться к жанру короткого рассказа. Успешно работал в

этом жанре и Т.: многие его рассказы тематически примыкают к «Оскудению». В них — знакомые картины «помещичьего разоренья». Таковы среди прочих рассказы, составившие сборник «Желтая книга. Сказание о новых княгинях и старых князьях» (Спб., 1885; первоначально в «Новом времени» под заглавием «Три княгини»). Если в своей художественной манере Т. близок многим писателям «восьмидесятникам» (фотографичность, эскизность в обрисовке характеров и т. д.), то в циклизации небольших по объему очерков в единое художественное целое он следует традиции, сложившейся в 70 гг. (Щедрин, Г. И. Успенский, Н. Н. Златовратский и др.).

И все же переход Т. в «Новое время» был воспринят в либеральных и демократических кругах как своеобразное ренегатство.

В 80 гг. повести, рассказы, очерки Т. появлялись в журналах «Русское богатство», «Северный вестник», «Артист», «Природа и охота», «Сельский хозяин», «Труд», «Новь», «Игрушечка», «Живописное обозрение» и др. С 1887 г. он активно участвует в «Историческом вестнике», где, наряду с рассказами исторического содержания, опубликовал цикл «Потревоженные тени», служивший дополнением к «Оскудению» (отд. изд.— Спб., 1888—1890.— Т. 1—2). Критика встретила его в общем сдержанно (см.: Русская мысль.— 1888.— № 12; 1890.— № 1; Северный вестник.— 1890.— № 12). В нем Т. возвращается к временам крепостного права, эпохе, предшествовавшей освобождению крестьян (знаменательно, что чуть раньше Щедрин в «Пошехонской старине» обратился к этому же времени). Т. сходится с редактором «Исторического вестника» С. Н. Шубинским и группировавшимися вокруг него литераторами, завязывает тесную дружбу с Н. С. Лесковым, с которым познакомился еще в нач. 80 гг. Поселившись за городом, на даче у Строганова моста, Т. регулярно устраивал у себя собрания литераторов и общественных деятелей, славившихся широким хлебосольством и обильными возлияниями (колоритное описание одного из таких обедов см.: Л е с к о в А. Н. Жизнь Николая Лескова.— М., 1984.— Т. 2.— С 316—318). Эти собрания служили своеобразным литературным салоном» и были заметны на фоне художественной жизни нач. 90 гг. Центральным пунктом обедов служили обязательные рассказы Т., которыми хозяин «угощал» своих гостей. Современники единодушно отмечают особый дар к устному рассказу у Т.

Незадолго до своей смерти Т., страдавший грудной жабой (стенокардией), вынужден был прекратить сотрудничество в «Новом времени».

Соч.: Соч.: В 6 т. / Вступ. ст. П. В. Быкова.— Спб., 1899; Оскудение: В 2 т. / Вступ. ст. и примеч. Н. И. Соколова.— М., 1958; Потревоженные тени / Подгот. текста и примеч. Н. И. Соколова и Н. И. Тотубалина.— М., 1959; Потревоженные тени / Вступ. ст. и примеч. Ю. Л. Болдарева.— М., 1988.

Лит.: Полевой П. Н. Воспоминания о С. Н. Терпигоре-

ве // Ежемесячные литературные... приложения к журналу «Нива» на 1899 г.— № 12; Ясинский И. И. Из воспоминаний о С. Н. Терпигореве // Исторический вестник.— 1905.— № 10; Андреева Г. Т. Творчество С. Н. Терпигорева 1860—1870-х гг. // Вестник ЛГУ.— 1974.— № 20.

А. А. Носов

ТИМКОВСКИЙ Николай Иванович [15(27). IV. 1863—18.II.1922, Москва] — прозаик, драматург, публицист. Родился в семье небогатого чиновника. Окончил 1-ю Московскую гимназию и историко-филологический факультет Московского университета. В нач. 80 гг. увлекся религиозно-моралистическим учением Л. Н. Толстого. Принял деятельное участие в переписи московской бедноты, в издании книжек для народа. Толстому Т. послал свои первые произведения: лирико-философскую поэму «Вопросы жизни» и рассказ для «народного чтения» «Вьюга». Толстой сочувственно оценил дебют молодого писателя, встречался и переписывался с Т.

В 90 гг. Т. пересматривает свое отношение к «толстовству», но зависимость от идей и художественных принципов Толстого в его творчестве не исчезает. Первые рассказы Т. («Сон», «Старая гувернантка» и др.) были опубликованы в 1892—1894 гг. в журналах «Русская мысль» и «Северный вестник». Внимание читателей и критики привлекла повесть Т. «Сергей Шумов» (1896), в которой прозвучала резкая критика гимназического воспитания и буржуазной семьи, продолжены толстовские традиции в изображении психологии ребенка.

Т. был одним из основателей и активных участников московского литературно-художественного кружка «Среда». В 1899 г. познакомился и на короткое время сблизился с М. Горьким, высоко оценившим пьесу Т. «Сильные и слабые» (1899). Способствовал сближению Горького с участниками «Среды». Но в дальнейшем личные и творческие отношения между Т. и М. Горьким осложнились, и Т. оказался одним из немногих писателей «Среды», кто не печатался в горьковских сборниках «Знания».

В 1890—1910 гг. Т. опубликовал повести «Приват-доцент», «Среди людей», «Звезды», «Золотой бор», «Вдвоем», «В дворянской берлоге», роман «Монахи», множество рассказов и очерков. Т.— автор «проблемных» пьес «В борьбе за жизнь», «Два лагеря» и др., юмористических одноактных пьес «Шашки» и «Гувернантка». Выступал со статьями по вопросам педагогики, морали, искусства. В 1913 г. Т. опубликовал воспоминания о встречах с Толстым. Печатался в журналах «Русская мысль», «Русское богатство», «Журнал для всех», «Жизнь», «Образование», «Артист», «Рампа и жизнь», в газетях «Курьер» и «Русские ведомости», в благотворительных сборниках, в 10 гг.— в сборниках «Слово».

Т. считал долгом истинного писателя рассказывать о «суровой правде жизни», давать совре-

менникам уроки нравственности. Идеалом такого писателя для Т. был Толстой. Т. стремился в прозе и драматургии ставить злободневные вопросы жизни современной ему городской интеллигенции и небогатого дворянства, писал об уходе людей в «раковину» привычного, будничного существования, о недостатке любви и милосердия. Главный порок современного общества, по Т., — самоизоляция человека, порожденная его безводем, нравственной глухотой.

Во многих произведениях Т. конца 90—900 гг. звучат чеховские мотивы. Однако, в отличие от Чехова, Т. нередко прибегает к открытому морализированию, что М. Горький определил как любовь «рассуждать от философии». В пьесах «Сильные и слабые», «В борьбе за жизнь» Т. утверждает приоритет «сильных», волевых натур, способных выйти из «тины» будней и зажечь «слабых», отчаявшихся. Но порывы «сильных» бесцельны, они оказываются «героями на час». И в пьесах, и в повестях «Среди людей» (1899), «Звезды» (1901), и в рассказе-аллегории «Маленький человек и большой человек» (1902) Т. с горечью констатирует крушение иллюзий «сильных», которые вынуждены смириться с давлением «среды».

Постепенно Т. пришел к пессимистической концепции человека. В лирико-философской поэме «Над землей» (1904—1905) в противовес горьковскому пониманию личности утверждается фатальная неизбежность крушения человека в его схватке со злом. В человеческом существовании Т. склонен видеть лишь «борьбу за жизнь», отчаянное, но бесплодное сопротивление «среды», «специализации жизни». Т. не жалеет красок, изображая социальное зло, использует иронию, сатиру, а иногда и шарж в своем стремлении разоблачить носителей этого зла. Но его герои-«бунтари» не могут перешагнуть через свой социальный статус, оказываются личностями мнимыми. Недооценив возможности личности в ее противостоянии среде, Т. в рассказах «Признание», «Таинственная», «Самозванцев», в повестях «Золотой бор» и «Вдвоем» подверг сомнению общественную и моральную ценность протеста. В произведениях 900—10 гг. он пытается убедить читателей в ценности лишь простого сочувствия к людям. Способность к сопереживанию становится для Т. главным критерием оценки нравственных возможностей человека, его духовности, свидетельством его «выделенности» из равнодушного и бездуховного мира.

В последнее десятилетие творческой деятельности Т. возвращается в круг тем, которые разрабатывались им с 90 гг. Он пишет об оскудении и одиночии «дворянских гнезд» («В дворянской берлоге»), о жизни мелких чиновников и городской интеллигенции, о проблемах буржуазной семьи.

Отсутствие идейной глубины, бесцветность стиля большинства произведений Т., а более

всего приверженность писателя натуралистическому пониманию взаимоотношений личности и среды не позволили ему занять видное место среди русских писателей начала XX в. Художественное кредо Т. отделяет его не только от крупнейших писателей круга горьковского «Знания» (И. А. Буннина, А. И. Куприна, Л. Н. Андреева), но и от других, менее ярких реалистов литературного кружка «Среда».

Соч.: Соч.: Т. I—III, VI—XIII.— М., 1914—1919; Пьесы: В 2 т.— М., 1908; Душа Л. Н. Толстого.— М., 1913; Сергей Шумов // Русские повести XIX в.: В 2 т.— М., 1957.— Т. 2. Лит.: Потанов А. Действительность без «героев» // Пьесы и рассказы Н. Тимковского // Образование.— 1901.— № 9.— Отд. II.— С. 29—47; Луначарский А. В. Критические этюды (Русская литература).— Л., 1925.— С. 401—405; Вересаев В. Тучка и зорька // Вересаев В. Воспоминания.— М., 1946.— С. 477—487. В. Е. Красовский

ТКАЧЁВ, Петр Никитич [29. VI (11. VII). 1844, с. Сивово Великолуцкого у. Псковской губ.— 23. XII. 1885 (4. I. 1886), Париж] — публицист, критик. Революционный народник. Из небогатой дворянской семьи. В 1851 г. после смерти отца семья Ткачевых переехала в Петербург, где в середине 50 г. Т. определили во 2-ю Петербургскую гимназию. В гимназии он начал писать стихи.

В 1861 г., не закончив гимназического курса, Т. поступает на юридический факультет Петербургского университета, где сразу становится активным участником студенческих волнений, за что был в числе других арестован и провел два месяца в заключении (сначала в Петропавловской, а затем в Кронштадтской крепости). Там окончательно сформировались его революционные убеждения. После освобождения Т. постоянно находится под негласным надзором полиции, практически ежегодно подвергается арестам. Лишенный возможности учиться в университете, он интенсивно занимается самообразованием и одновременно участвует в деятельности подпольных организаций: «Молодая Россия» Л. Ольшевского, организация Н. А. Ишутина и И. А. Худякова, «Рублевое общество» Г. А. Лопатина, «Сморгонская коммуна». С 1868 г. Т. вместе с С. Г. Нечаевым становится во главе левого крыла революционного подполья, провозгласившего своей непосредственной задачей подготовку народного восстания с целью свержения самодержавия.

С 1862 по 1865 г. Т. сотрудничает в ряде журналов («Время», «Эпоха», «Библиотека для чтения», «Журнал Министерства юстиции», «Юридический вестник»), пишет в основном ради заработка, главным образом, статьи на юридические темы. Только в 1865 г. он как публицист нашел себя, став постоянным сотрудником «Русского слова». С 1866 г. и до конца своей творческой деятельности он печатается в журнале «Дело».

Ко времени знакомства с Нечаевым Т. был уже авторитетным публицистом революционно-демок-

ратического лагеря. Предполагается, что он является автором или соавтором основного документа нечаевцев «Программа революционных действий», близкого по своему содержанию к статье Т. 70 гг.

26 марта 1869 г. в разгар новой волны студенческого движения Т. написал воззвание «К обществу» в защиту студентов, подвергшихся массовым репрессиям, и отпечатал его тайно в типографии своей невесты А. Дементьевой. Воззвание было разослано в редакции газет и журналов и разбросано в учебных заведениях. Через пять дней Т. был арестован и после продолжительного следствия в июле 1871 г. осужден на 1 год 4 месяца тюремного заключения с последующей пожизненной ссылкой.

К деятельности нечаевской организации «Народная расправа», или «Общество топора», возникшей в сентябре 1869 г. после встречи Нецаева с М. А. Бакуниним и распавшейся после убийства студента И. И. Иванова, Т. не мог быть причастен, поскольку в это время уже находился под арестом. Однако, защищая в своей статье «Люди будущего и герои мешанства» (Дело.— 1868.— № 4—5) и др. тезис «цель оправдывает средства», он, по сути дела, теоретически оправдывал подобные действия. Т., по-видимому, был покорен нечаевским фанатизмом и принимал его за истинную революционность. Деспотичный, невежественный Нецаев оказался парадоксальным образом близок Т., которого отличали, по воспоминаниям современников, прекрасное образование, оригинальный ум, деликатность, скромность и доброта. По мнению Б. П. Козьмина, «теоретическим взглядом Ткачева соответствовала практическая деятельность Нецаева» (Козьмин Б. П.— С. 95).

Однако Т. не полностью принимал и оправдывал «нечаевщину». Свое неоднозначное отношение к ней он косвенно выразил в статье «Больные люди» (1873), посвященной роману Ф. М. Достоевского «Бесы», в котором критик увидел не только «антинигилистическую» тенденцию и памфлет, но и отражение подлинной трагедии революционной молодежи. Достоевский, силу таланта которого Т., вслед за Н. А. Добролюбовым, видел в способности проникать во внутренний мир «забитых» и «больных» людей, показал в своем произведении, как невозможность практического осуществления приводит самые благородные идеи к «вырождению», превращает их в бред безумца. Таким образом, «нечаевщину» Т. трактует как умопомрачение на почве неосуществимости революционных идеалов.

В 1873 г. группа «чайковцев» (самой крупной революционной организации 70 гг.), недовольная деятельностью редактора их заграничного органа «Вперед!» П. Л. Лаврова, желая изменить направление журнала, приглашает Т. войти в его редакцию и организует его побег в Цюрих. Однако прийти к соглашению с Лавровым не удалось,

и вскоре Т. вышел из состава редакции, изложив суть разногласий в брошюре «Задачи революционной пропаганды в России» (письмо к редактору журнала «Вперед», 1874).

Революционная интеллигенция в большинстве своем приняла сторону Лаврова, и Т. оказывается почти в полной изоляции. Тем не менее ему удается собрать небольшую группу единомышленников, русских и польских эмигрантов из т. н. «Славянского кружка», и он с 1875 г. издает в Женеве, а с 1879 г. в Лондоне журнал «Набат».

Как и все народники, Т. видит в крестьянской общине «зародыш коммунизма», который необходимо спасти от разрушительного воздействия буржуазного прогресса. Своеобразие программы «Набата» проявляется в его постоянной полемике с журналом «Вперед!», с одной стороны, и с органами анархистов — с другой. Т. отвергает тезис Лаврова об обусловленности успеха революционных преобразований уровнем народного самосознания и о необходимости длительной пропагандистской и культурно-просветительской работы в народе; он «признает народ всегда готовым к революции» (Собр. соч.— Т. 2.— С. 19). По данным пунктам его программа близка к Бакунину и была подвергнута критике Ф. Энгельсом.

Однако Т. критиковал и анархизм, решительно отвергал бакунинскую абсолютизацию стихийного начала, его ставку на «общинный идеал», якобы сохраняемый в народе, а также отказ от политической организации и революционной диктатуры. Т. убежден, что сам народ не способен ни совершить революцию, ни тем более создать принципиально новый социально-политический уклад — обе эти задачи должны выполнять революционное меньшинство («Накануне и на другой день революции», 1876).

Т. называл себя «реалистом» и выступал за строго «научный подход» к решению общественно-политических вопросов. «Реальные знания», по Т., отличаются строгая объективностью, подтвержденная опытной проверкой, и приложимость к решению конкретных жизненных задач. Априорные построения, не имеющие выхода к практике, Т. называет «метафизикой», в рядя которой зачислял всю философию от И. Канта и Г. В. Ф. Гегеля до О. Конта и Г. Спенсера, этику и эстетику. Данное разграничение лежит в основе подхода Т. к литературе. «Эстетической» критике он противопоставляет «реальную», т. е. подлиннонаучную. «Эстетическая» критика (куда Т. относит не только явных эстетиков, но даже Д. И. Писарева) оценивает художественное произведение с точки зрения тех или иных изначально заданных идеалов. Начало реальной критике положил Добролюбов; его принципы, с точки зрения Т., нуждаются в дальнейшем уточнении и развитии. В художественном произведении Т. различает «факт воспроизведения данного явления и факт воспроизведенного явления» («Люди будущего и герои мешанства». — С. 53). Добро-

любов, с точки зрения Т., анализирует исключительно «воспроизведенное явление», игнорируя «факт воспроизведения» и тем самым стирая грань между литературой и жизнью. Т. пытается преодолеть, дополнить добролюбовскую критику анализом «умственных сил» писателя. При этом оказывается, что все русские писатели способны живописать лишь внутренний мир «лишнего человека», «вечный разлад с самим собой» (Избр. соч.— Т. III.— С. 14). За пределами этого традиционного для русской литературы типа они могут выступать в лучшем случае как добросовестные копировщики, практикующие почти лишенные творческой фантазии. К разряду копировщиков причисляются не только такие писатели, как Ф. М. Решетников и Г. И. Успенский, но и Достоевский, которого Т. ставит выше других. Этот приговор всей русской литературе оправдывает весьма вольное обращение Т. с произведениями: его образы-копии используются для доказательства положений критика. Так, напр., образ Соломина в романе Тургенева «Новь» («Уравновешенные души» // Там же.— Т. IV), по мнению Т., представляет тип «деятеля», покупающего душевное равновесие ценой компромисса с существующим злом, самообмана и даже просто лицемерия.

В своих литературно-критических статьях Т. разрабатывает волнующие его вопросы революционной борьбы, но в личностном аспекте. В связи с проблемой народного героя рассматривается позиция революционера по отношению к массам. Правдивое изображение «кнецилизированной толпы» Т. находит в творчестве Решетникова («Разбитые иллюзии», 1868). Решетников сумел избежать как грубой насмешки над крестьянами, якобы недостойными сочувствия, так и их идеализации, выдвигая социальную обусловленность характеров: «На всех их мыслях и поступках отражается давящий гнет печальных условий их существования» («Люди будущего...».— С. 117). Эти условия развивают в них, с одной стороны, озлобленность, ожесточение, с другой — узкий эгоизм, ограниченность, тупую покорность, делающие их неспособными к сознательному протесту. Отсюда делается вывод: народ сам себе помочь не может, он нуждается в поддержке извне.

Правдивое изображение народа у Решетникова, по мнению критика, замечательно тем, что оно разрушает вредную иллюзию — веру в революционные возможности народа и заставляет интеллигенцию искать силы для борьбы «в самой себе, в своем сознании, в своем более высоком умственном развитии, в своих нравственных и интеллектуальных условиях, в которых она живет и действует» (Там же.— С. 204).

Проблема революционной этики рассматривается Т. в связи с романом Ф. Шпильгагена «Один в поле не воин», где показано, что без опоры на массы нельзя добиться успеха («Люди будущего и герои мешанства»). Опираясь на образы ро-

мана, Т. проводит идею, противоречащую его заглавию и смыслу. Безрассудные одиночки, потерпевшие полный крах, в его интерпретации предстают как подлинные революционеры, «люди будущего», в то время как резонеров, выражающих позицию автора, он охарактеризовал как филистеров, усвоивших хорошие идеи. «Люди будущего», в понимании Т., отличаются своей беззаветной преданностью революционной идее, которая учит действовать, не считаясь ни с кем и ни с чем, и тем самым ставит их как бы над обществом.

Однако Т. не мог не заметить, что действительность далеко не всегда соответствует этому идеалу. В статье «Недодуманные думы» (1872) он сетовал на то, что поколению, вступившему на путь революционной борьбы, как правило, не хватает воли и энергии для того, чтобы действовать вопреки обстоятельствам. Воображаемые «люди будущего» в действительности превращаются в некое подобие «лишнего человека».

Но эта слабость является не чьей-то индивидуальной чертой, она присуща целому поколению разночинцев и коренится в условиях его жизни и воспитания, губительное воздействие которых на личность должно быть уничтожено путем революционных преобразований. Так мысль Т. описывает порочный круг, из которого она выйти не в состоянии.

Весной 1880 г. для Т., казалось, открывается возможность непосредственного активного участия в борьбе с самодержавием. Он горячо приветствует «новый фазис революционного движения», видит в деятельности «Народной воли» торжество своих собственных идей. Он ведет, правда, безуспешно, переговоры с ее исполнительным комитетом, собирается нелегально ехать в Петербург. Но планам этим не суждено было сбыться. В день похорон Луи Блана 8 декабря 1882 г. Т. попадает в клинику для душевнобольных, где и умирает через три года.

Соч.: Избр. соч. на социально-политические темы: В 6 т. / Ред., вступ. ст. и коммент. Б. П. Козьмина.— М., 1932—1937; Соч.: В 2 т.— М., 1975; Люди будущего и герои мешанства / Сост., вступ. ст. и коммент. С. Б. Михайловой.— М., 1986.

Лит.: Энгельс Ф. Эмигрантская литература // К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия.— М., 1978: Ямпольский И. Г. П. Н. Ткачев как литературный критик // Литература.— Л., 1931.— № 1; Бельчиков Н. Стихотворные опыты П. Н. Ткачева // Русская литература.— 1958.— № 4; Плеханов Г. В. Ткачев // Плеханов Г. В. Избранные философские произведения.— М., 1956.— Т. 1; Козьмин Б. П. П. Н. Ткачев и революционное движение 1860-х годов.— М., 1922; Шахматов Б. М. П. Н. Ткачев. Этюды к творческому портрету.— М., 1981; Коновалов В. Н. Литературная критика народничества.— Казань, 1978. А. Б. Кирьян

ТОЛСТОЙ, Алексей Константинович [24.VIII (5.IX).1817, Петербург — 28.IX (10.X).1875, имение Красный Рог Черниговской губ.] — поэт, драматург, прозаик. Сын гр. К. П. Толстого и А. А. Перовской, которая разошлась с мужем

сразу после рождения ребенка. Троюродный брат Л. Н. Толстого. Воспитывался дядей А. А. Перовским, известным писателем, печатавшимся под псевдонимом *Антоний Погорельский*. Детство провел в имениях матери, затем дяди на Северной Украине, получил хорошее домашнее образование. С шести лет «начал марать бумагу и писать стихи» (автобиографическое письмо к А. Губернату от 20.II(4.III).1874 // Собр. соч.— М., 1963—1964.— Т. 4.— С. 424). У дяди встречал многих писателей. С 10-летнего возраста мальчика возили за границу, путешествие по Италии 1831 г. он описал в дневнике. Т. принадлежал к детскому окружению наследника престола, будущего Александра II.

В 1834 г. зачислен «студентом» в московский архив министерства иностранных дел, где мог ознакомиться с историческими документами, в 1835 г. выдержал при Московском университете экзамен на чин. В нач. 1837 г. назначен в русскую миссию при германском сейме во Франкфуртена-Майне, но вскоре получил отпуск и проводил время в новых поездках в России и за границей. В декабре 1840 г. перешел во 2-е отделение собственной е. и. в. канцелярии, где прослужил без особого рвения много лет, был также делопроизводителем комитета о раскольниках. В 1843 г. стал камер-юнкером, в 1851 г.— церемониймейстером двора. В 1850 г. полгода участвовал в ревизии Калужской губ., где в доме жены губернатора А. О. Смирновой (урожденной Руссет, хорошо знавшей А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя) познакомился с Гоголем. Впоследствии поддерживал дружеские или приятельские отношения с И. С. Тургеневым, Я. П. Полонским, И. А. Гончаровым, К. К. Павловой, А. А. Фетом, Б. М. Марквичем, М. М. Стасюлевичем, историком Н. И. Костомаровым.

Светский человек, Т. в молодости часто влюблялся, танцевал на балах; он и его двоюродные бр. Алексей и Владимир Жемчужниковы были известны в Петербурге своими шалостями и розыгрышами. Т. был страстным охотником, обладал огромной физической силой и один ходил на медведя. Он особо отмечал влияние на него природы (Там же.— С. 423).

Зимой 1850/51 г. Т. полюбил жену полковника конной гвардии Софью Андреевну Миллер. Они сблизились, но их брак был оформлен лишь в 1863 г. из-за препятствий со стороны властной матери Т. и Л. Ф. Миллера (мужа С. А. Миллер).

Во время Крымской войны Т. вступил в армию майором, но не воевал, заболел под Одессой тифом. Александр II в день своей коронации назначил его флигель-адъютантом; Т. отказывался и впоследствии открыто выражал нежелание дежурить во дворце. Во второй половине 50 гг. стал егермейстером, заведующим егерями царской охоты. Только в 1859 г. Т. добился бессрочного отпуска и в 1861 г. отставки: «...служба, какова бы она ни была, глубоко противна моей натуре...

Служба и искусство несовместимы...» — писал он царю в августе или сентябре 1861 г. (Там же.— С. 139, 140). Свою близость ко двору поэт использовал, чтобы «говорить во что бы то ни стало правду» (Там же.— С. 140). В середине 50 гг. он хлопотал о возвращении из ссылки Т. Г. Шевченко, в 60 гг. вступался за И. С. Аксакова, которому запретили редактировать газету «День», И. С. Тургенева, привлеченного к делу о лицах, связанных с А. И. Герценом и Н. П. Огаревым; несмотря на свое резкое неприятие революционной демократии, зимой 1864—1865 гг. заявил Александру II, что «русская литература надела траур по поводу несправедливого осуждения Чернышевского», вызвав недовольство императора (Захарьин (Якунин) И. Гр. А. А. Толстая // Вестник Европы.— 1905.— № 4.— С. 634—635).

После отставки Т. жил по преимуществу в своих имениях Пустынька под Петербургом и Красный Рог в Черниговской губ., гуманно относился к крестьянам, хозяйством не занимался совсем и постепенно разорился. С середины 60 гг. социальная изоляция, разорение, усиливающиеся болезни угнетающе действовали на душевное состояние поэта. Ежегодное лечение за границей помогало незначительно. Умер Т. 58 лет от большой дозы морфия.

Творчество Т. многожанрово. Он начал печататься как прозаик, разрабатывающий мистико-фантастическую тематику, издав в 1841 г. под псевдонимом *Краснорогский* (от названия имения Красный Рог) повесть «Упырь». Повесть сложна по сюжету, действие развивается в современной России и ретроспективно в Италии; таинственная атмосфера повести не развеяна до конца реальными психологическими мотивировками. Дарование автора признал В. Г. Белинский. Тогда же, в конце 30 — нач. 40 гг., Т. написал на французском языке неопубликованную им диологию («Семья вурдалака» и «Встреча через триста лет»), наполненную в первой части южнославянскими фольклорными, а во второй — традиционно романтическими ужасами. Совмещение временных пластов, острые эффекты есть и в повести 1846 г. «Амена», где появляется тема раннего христианства и отступничества, необычная для Т., но имеющая вторичный характер, что отметил Белинский (Т. 9.— С. 587). Вместе с тем Т. напечатал два охотничьих очерка (1842—1843) и рассказ «Артемий Семенович Бервенковский» (1845) о чудеке-помещике в духе «натуральной школы», но с большой долей юмора в изображении не массового, а исключительного, курьезного в жизни.

В 1843 г. Т. опубликовал одно стихотворение — «Бор сосновый в стране одинокой стоит...». В 40 гг. написаны также стихотворения и баллады, напечатанные позднее: «Колокольчики мои...», «Ты знаешь край, где все обильем дышит...», «Шумит на дворе непогода...», «Василий

Шибанов» и др., начат исторический роман «Князь Серебряный» (опубл. в 1862 г.). Систематически Т. стал печатать лирику с 1854 г. и «баллады, былины, притчи» с 1856 г. в «Современнике» и «Русском вестнике», тогда умеренно-либеральном, а в 60 гг. резко поправившем. Продолжая и тогда сотрудничать в этом журнале, Т. одновременно печатался в либеральном «Вестнике Европы», а также в «Русской беседе» и изредка в нек. др. изданиях. В 1857 г. вышел единственный прижизненный сборник Т. «Стихотворения». При участии автора было подготовлено Полн. собр. стихотворений, вышедшее в двух томах (1876).

Воспитанный на романтических теориях, бредивший искусством, Т. считал его выражением вневременных сущностей, далекого, незримого мира, который внезапно являет себя «пророку», одаренному особым душевным зрением и слухом и восстанавливающему в своих творениях то, что ему открылось («Поэт», 40 гг.; «Тщетно, художник, ты мнишь, что творений своих ты создатель!..», 1856). Это не отвлекает от окружающего, но заставляет видеть за ним нечто более высокое («И. С. Аксакову», 1859). Высшее духовное начало для Т. — не только красота, но и любовь, которая частично, «раздробленной» присутствует в обычной жизни («Слеза дрожит в твоём ревнивном взоре...», 1858). Лирика Т. пронизана томлением, тоской по прекрасному и бесконечному, что разлит во всей природе: «И ничего в природе нет, / Что бы любовью не дышало» («Меня, во мраке и в пыли...», 1851—1852?). Вместе с тем у Т. есть лермонтовские мотивы неповторимой ценности земного, проходящего, реальной человеческой любви: «В стране лучей, незримой нашим взорам...» (1856), «Ты знаешь, я люблю там, за лазурным сводом...», «Горними тихо летела душа небесами...» (оба — 1858).

Собственно любовная лирика Т., начиная с 1851 г. («Средь шумного бала, случайно...», «Слушая повесть твою, полюю я тебя, моя радость!..»), посвященная С. А. Миллер, уравновешена по тону, но почти всегда пронизана грустью: эта любовь неотрывна от условий существования любящих, от временных состояний духа. «Приливы любви и отливы» («Колышется море, волна за волной...», 1856) у Т. — одно из проявлений большей или меньшей полноты и насыщенности жизни. В ряде стихотворений внутреннее состояние поэта, его борьба с невзгодами и судьбой напрямую соотносятся с состоянием обновляющейся природы, причем примерно с 1858 г. господствовавший в предыдущие два десятилетия минорный тон потесняется более светлым и жизне-радостным: «Звонче жаворонка пенье...», «Я вас узнал, святые убежденья...» (оба — 1858), «Вздываются волны как горы...» (1866), «То было раннюю весной...» (1871) и др. Утверждается действительность отчасти вопреки овладевавшему поэтом мрачному настроению: «И с каждой

новой весной, / Былое счастье вспоминая, / Грустней я делался...» («Во дни минувшие бывало...», до 1866 г.).

В разных отношениях с внешними условиями оказывается, по Т., и творческое вдохновение. Сначала оно сопротивляется им, потом приводит к вынужденным инсозданиям, наконец констатируется поражение творчества под грубым давлением жизни («Б. М. Маркевичу», 1856; «Как сельянин, когда грозят...», 1858; «Исполать тебе, жизнь — баба старая...», 1859). Некоторые размышления о жизни стилизованы под фольклорные песни: «Уж ты, мать-тоска, горе-гореваньице!..» (1856), «Не божим громом горе ударило...» (1857) и др. Образ «доброего молодца», олицетворение горя, обращение «братцы» и др., имитация старинного песенного ритма используются для раскрытия общечеловеческой проблематики. Отдельные стороны собственно народной жизни Т.-лирик показывал лишь иногда («По гребле неровной и тряской...», 40 гг.; «Колодники, первая половина 50 гг.). Социальная проблематика первоначально, в 40 гг., затрагивается только в воспоминаниях о родовых судьбах, вызывающих как исторические, так и сугубо личные ассоциации («Ты знаешь край, где все обильем дышит...», «Ты помнишь ли, Мария...»). Запустение усадеб славных предков связывается с социальной и моральной деградацией наследников («Шумит на дворе непогода...», «Пустой дом»). Впоследствии Т. как противник всяких раздоров занял утопическую позицию независимого человека, человека чести, стоящего между враждующими лагерями, готового поддержать «врага» в случае «пристрастной ревности друзей» («Двух станом не боец, а только гость случайный...», 1858). Реакционность правительственного лагеря, наиболее очевидные крайности консерваторов он отвергал так же, как революционные, радикально-демократические, а иногда и либеральные средства борьбы с ними («Пусть тот, чья честь не без укора...», 1859; «Против течения», 1867). В результате поэт подвергался самой резкой критике и справа, и слева.

В 1854 г. он вместе со своими двоюродными бр. Жемчужниковыми создал комическую литературную маску Козьмы Пруткова. Юмор Т. легко переходит в сатиру, иногда близкую к дружескому шаржу (напр., «Стасюлевич и Маркевич...», 1869), но чаще весьма едкую и явно не подцензурную. Если «Послание к М. Н. Лонгинову о дарвинизме» (1872) направлено против цензурного мракобесия и преследования науки, а «Сон Попова» (1873) — против иерархически-чиновничьей психологии, то «История государства Российского от Гостомысла до Тимашева» (один из вариантов заглавия, 1868) — против всех нелепостей отечественной истории, которыми оборачивалось понимание сменявшимися монархами «порядка» для России. В последнем стихотворении поэт в нескольких словах остроумно и не-

редко очень точно определяет личные качества каждого князя или царя и суть их политики. В стихотворении же «Страшусь людей передовых...» (1873), в огнесенных к балладам и притчам «Пантелее-целителе» (1866), «Порой веселой мая...» (1871), нескольких строфах «Потока-богатыря» (1871) высмеиваются материалисты-нигилисты, «синие чулки», демагоги-народолюбцы (Т. явно не дифференцирует истинных и мнимых защитников народа) и даже следствие проводимых сверху реформ — суд присяжных, оправдывающий убийцу. В балладе «Богатырь» (1849?) высказана глубокая тревога по поводу пьянства в России, ставшего позднее, в пореформенный период, национальным бедствием.

Т. воспринимал современность как прямое продолжение позорного «московского периода» истории. Славянофильской идеализации старинной русской самобытности он противопоставлял особое патриотическое западничество. По его убеждению, в древности Русь — и Киевское великое княжество и Новгородская республика — была близка к рыцарской и рыцарственной Западной Европе и воплощала высший тип культуры, разумного общественного устройства и свободного проявления достойной личности, но эти прекрасные национальные и одновременно международные качества погубило монгольское иго. Подход Т. к истории — не социально-политический, а этический и даже эстетический. В письме к Б. М. Маркевичу от 26 апреля 1869 г. он грустит о настоящем при мысли «о красоте нашего языка... о красоте нашей истории до проклятых монголов и до проклятой Москвы, еще более позорной, чем самые монголы...» (Т. 4.— С. 281). Уничтожение народного веча — по Т., гарантии личной свободы и чести для всех, — сопровождалось моральным распадом нации, который продолжает оставаться непреодоленным. Наиболее непосредственно эта концепция воплощена в былинах «Чужое горе» (1866), «Змей Тугарин» (1867), «Поток-богатырь».

По контрасту Т. живописует преимущественно высшую и низшую точки осмысленного таким образом исторического процесса: эпоху древних Киева и Новгорода, с одной стороны, и эпоху Ивана Грозного и его преемников — с другой. В ранних балладах он в духе Н. М. Карамзина показывает злодейства Ивана Грозного, не анализируя их причины («Василий Шибанов», «Князь Михайло Репнин», обе — 40 гг., «Старицкий воевода», 1858). Но он уделяет им большое внимание в последующих произведениях крупных жанров: романе «Князь Серебряный», трагедии «Смерть Иоанна Грозного» (1866) и продолжающих ее — «Царь Федор Иоаннович» (1868), «Царь Борис» (1870), а также в «Проектах постановки на сцену...» двух первых частей трилогии (1866, 1868). Т. не разделял ни морализаторской концепции Карамзина, объяснявшего историю личными, природными качествами самодержцев,

ни позиций «государственной» школы (К. Д. Кавелин, С. М. Соловьев и др.) с ее критерием государственного интереса. Показывая исторические несчастья страны, Т. не винит только характер Ивана, Федора или Бориса, только институт самодержавной царской власти и общественное устройство. Ибо все это, как и представленные в романе и трилогии обстоятельства в целом, является для автора неизбежным порождением эпохи, составной частью общенационального кризиса — наряду с падением нравов, утратой людьми чувства чести, законности, забвением традиций славного прошлого.

Будучи в своей жизненной практике выразителем аристократической оппозиции правительству и официальной идеологии, Т. в исторических произведениях не прославлял московское боярство — противников неограниченного самодержавия, заявляя, что лишь немногие бояре сохранили лучшие качества предков во всей полноте. В «Смерти Иоанна Грозного» сатирически изображены амбиции бояр. Простой народ, особенно в «Князе Серебряном», рисуется с большей симпатией, даже разбойники там в значительной мере обладают чувством долга, справедливости и совестью, особенно по сравнению с опричниками, гораздо более похожими на разбойников. В романе широко использован фольклор, элементы чудесного (волхование, сбывающиеся предсказания как знак фатальной обреченности героев). По типу сюжета это «вальтер-скоттовский» роман с преобладанием вымышленных коллизий, вымышленными, романтизированными главными героями, домислом (напр., образ Максима, высокоположительного сына Малюты Скурятова), сознательными анахронизмами для компактности действия. Красочное описание старинного быта верхушки общества было расценено М. Е. Салтыковым-Щедриным как «обжорное московское великолепие» (Салтыков-Щедрин М. Е. О литературе.— С. 161), а весь роман — как возрождение забытой манеры М. Н. Загоскина и И. И. Лажечникова. Несмотря на его архаичность для 60 гг., на резкие отзывы демократической критики, роман был принят широкой публикой и быстро перешел в разряд классического детского чтения.

Высшее художественное достижение Т. — стихотворная драматическая трилогия, особенно ее вторая часть. Вместе с «Псковитянкой» Л. А. Мея и хрониками А. Н. Островского она стала центральным событием в исторической драматургии, получившей в 60 гг. широкое распространение. Трагизм русской истории у Т. предстает как объективно неизбежный при любом носителе власти: деспотичном Иване с его беспредельным произволом, глубоко человеческом, нравственно великом, но слабом Федоре, умном и тонком политике Борисе, совершившем не только из честолюбия, но и во имя блага России чудовищные преступления. Даже идеализированный предок

Романовых Захарьин-Юрьев в финале первой трагедии признает всеобщую вину: «Вот распавшиеся нашего исхода!» А во второй части трагедии благороднейший носитель феодальной чести Иван Петрович Шуйский оказывается в заговоре против защищавшего его Федора, обрекая на гибель себя и других прекрасных людей. «В этой трагедии,— комментировал автор,— все виноваты и все наказаны, не какую-нибудь властью, но силою вещей, результатом, истекающим с логической необходимостью из образа действий каждого...» (Собр. соч.— М., 1963—1964.— Т. 3.— С. 455).

Объединяет все три трагедии не только хронологическая последовательность событий, но и детально разработанная фигура Годунова. Вместе с тем последняя часть трилогии, названная его именем, наиболее многогеройна, здесь больше всего персонажей из низших социальных слоев, в том числе разбойник Митька, образ, перенесенный из «Князя Серебряного», и беглые монахи Мисанл Повадин и Григорий Отрепьев (этой парой Т. как бы сюжетно соединяет своего «Бориса» с пушкинским и в то же время отвергает тождество Дмитрия Самозванца и Отрепьева).

Трагедии Т. отрицательно оценили критики демократической ориентации: рецензент «Современника» (1866.— № 2, возможно, Г. З. Елисеев), А. М. Скабичевский и др., сдержанно — П. В. Анненков, более доброжелательно — А. В. Никитенко, А. С. Суворин. Со второй половины 70 гг. утверждается положительная оценка трилогии (статьи В. Г. Авсеенко, И. Н. Павлова и др.), а затем и всего творчества Т. В XX в. «Царь Федор Иоаннович» прочно вошел в классический театральный репертуар, в главной роли выступали И. М. Москвин, Н. П. Хмелев, И. М. Смоктуновский и др.

Последние произведения Т. о прошлом посвящены домогольскому периоду и выдержаны преимущественно в бодром, мажорном тоне («Змей Тугарин», «Песня о Геральде и Ярославне», «Гакон Слепой», «Боривой», «Три побоища», «Канун», «Роман Галицкий»).

Непосредственно рисуя свой идеал, Т. совершенно не затонул об исторической достоверности, прибегал к самому свободному домыслу, психологию средневековых героев представлял не в исторических, а в абстрактно-общечеловеческих чертах. Это не столько картины истории, сколько красочные поэтические легенды. Наряду с реально существовавшими лицами в былинах и балладах выступают герои преданий и собственно фольклорных былин: Илья Муромец, Алеша Попович, Поток (Потык), Садко, Чурила и др. Все персонажи обрисованы по одному принципу, границы между историей и фольклором намеренно стерты.

Более строгий историзм проводится Т. в неоконченной драме «Посадник» (1870—1871). Взятая ситуация, невозможная в сюжете из эпохи Ивана Грозного: честь достойного человека,

единственное, чего не мог погрязнуть московский государь, приносит в жертву ради господина Великого Новгорода. Но перед самим собой и высшей справедливостью посадник Глеб остается чистым, более того, совершает подвиг, выдавая себя за изменника, чтобы уберечь оклеветанного воеводу, в чьих руках спасение Новгорода от суздальского порабощения.

Проявившийся еще в ранней прозе интерес к чудесному, сверхъестественному сказался у Т. и в крупных поэтических произведениях. В драматической поэме «Дон Жуан» (1859—1860, опубликована в 1862 г.) сверхъестественное — сюжетная обложка философского содержания. Мировой образ здесь — персонификация фаустовского поиска смысла жизни; как и в лирике, любовь осознается неким сущностным началом, одухотворяющим бытие. Важная сопутствующая проблема — свобода воли человека, степень его зависимости от предначертанного, ответственность за принятые решения. Поэма «Грешница» (1857?) утверждает чисто религиозное озарение и покаяние, но в незаконченной поэме «Алхимик» (1867) не меньшее потрясение героя вызывает красота женщины. Иоанн Дамаскин в одноименной поэме (1858?) весьма далек от своего исторического прототипа, византийского богослова, это вдохновенный «певец», открытый всему богатству окружающей действительности, который не в силах оставаться при дворе в Дамаске и вырывается на волю. Автобиографизм и автопсихологизм этого образа позднее находят соответствие в былинах «Илья Муромец» (1871), «Садко» (1871—1872), балладе «Слепой» (1873).

Воспоминания детства отразились в поэме «Портрет» (1872—1873), написанной в русле литературной традиции сюжетов об оживающем изображении. Поэма в терцинах «Дракон. Рассказ XII века (С итальянского)» (1875) — искусная стилизация старинного текста при полностью вымышленном сюжете: ужасное чудовище выступает воплощением небесной кары за междоусобную войну гвельфов и гибеллинов, поддержанных германцами (характерное для поэта неприятие вражды). Т. перевел по нескольким близким ему стихотворениям Дж. Байрона, А. Шенье, И. В. Гете, Г. Гейне.

Стиль Т. отличается легкостью и ясностью, пластичностью образов (напр., «вальдшнеп падает на землю колесом» — «На тяге», 1871). Выступавший в письмах теоретиком стиха, Т. культивировал неточную рифму, использовал раешник, народный песенный ритм, гекзаметр, полиметрию, сочетание стиха и прозы, писал октавами и др. строфами, но предпочитал неброские традиционные формы. Благодаря мелодичности лирических стихов Т. более половины их положено на музыку, многие неоднократно (романсы Н. А. Римского-Корсакова, М. П. Мусоргского, П. И. Чайковского, Ц. А. Кюи, А. Г. Рубинштейна, С. И. Танеева, С. В. Рахманинова и др.).

Соч.: Собр. соч.: В 4 т. / Вступ. ст. И. Г. Ямпольского.— М., 1963—1964; Собр. соч.: В 4 т. / Вступ. ст. И. Г. Ямпольского.— М., 1980; Полн. собр. стихотворений: В 2 т. / Вступ. ст. Л. И. Емельянова.— Л., 1984.

Лит.: Белинский В. Г.: «Улырь». Сочинение Красногорского // Полн. собр. соч.— М., 1954.— Т. V.— С. 473—474; Шедрин Н. (Салтыков М. Е.). «Князь Серебряный». Повесть времен Иоанна Грозного. Соч. гр. А. К. Толстого // Салтыков-Шедрин М. Е. О литературе.— М., 1952.— С. 149—161; Анненков П. В. Чаев и гр. А. К. Толстой в 1866 г.: Последнее слово русской исторической драмы («Царь Федор Иванович», трагедия графа А. К. Толстого) // Анненков П. В. Воспоминания и критические очерки.— Спб., 1879.— Отд. 2.— С. 323—341, 387—404; Никитенко А. В. «Смерть Иоанн Грозного», трагедия в пяти действиях. Графа Толстого // Никитенко А. Три литературно-критические очерка.— Спб., 1866.— С. 41—81; Скабичевский А. М. Поэзия графа А. Толстого, как тип чужденного творчества // Соч.: В 2 т.— Спб., 1890.— Т. 2.— Стб. 225—259; Левенстим А. Граф А. К. Толстой. Его жизнь и произведения // Вестник Европы.— 1906.— № 10.— С. 487—520; Денисюк Н. Ф. Гр. Алексей Константинович Толстой. Его время, жизнь и сочинения.— М., 1907; Критическая литература о произведениях гр. А. К. Толстого / Сост. Н. Ф. Денисюк.— М., 1907.— Вып. 1—2; Котляревский Н. А. Гр. А. К. Толстой // Котляревский Н. Старинные портреты.— Спб., 1907.— С. 273—416; Кондратьев А. А. Граф А. К. Толстой. Материалы для истории жизни и творчества.— Спб., 1912 (Библиографический указатель.— С. 117—118); Аникст А. А. Теория драмы в России от Пушкина до Чехова.— М., 1972.— С. 363—396; Кормилов С. И. Иван Грозный и его эпоха в творчестве М. Ю. Лермонтова и А. К. Толстого // Вестник Московского университета. Филология.— 1977.— № 4.— С. 25—36; Жуков Д. А. Алексей Константинович Толстой.— М., 1982.

С. И. Кормилов

ТОЛСТОЙ, Алексей Николаевич [29.XII.1882 (10.I.1883), Николаевск Самарской губ.— 23.II.1945, Москва] — прозаик, драматург, публицист. Классик советской литературы, общественный деятель, академик (с 1939 г.). С предшественниками-однофамильцами Л. Н. Толстым и А. К. Толстым у него общий пращур — сподвижник Петра I граф П. А. Толстой. Отец писателя Николай Александрович Толстой, предводитель самарского дворянства, не участвовал в воспитании сына, рождение которого совпало с семейной драмой. Мать Т. Александра Леонтьевна, урожденная Тургенева, двоюродная внучка декабриста Н. И. Тургенева, женщина образованная и писательница, ушла от мужа, не выдержав его тяжелого характера и бездуховности тогдашнего самарского окружения. Она соединила судьбу с Алексеем Аполлоновичем Бостромом, небогатым помещиком, интеллигентом передовых убеждений, который заменил Т. отца.

Детство будущего писателя до поступления в реальное училище прошло в имении отчима, на хуторе Сосновка. Мальчик получил хорошее домашнее воспитание. Он рос в обстановке семейного согласия, литературных интересов, демократических идей. Рано познакомился с русской классической литературой. Зимними вечерами, вспоминал он, «вотчим обычно читал вслух Некрасова, Льва Толстого, Тургенева», а лет с десяти Т. сам «начал много читать — все тех же классиков» (Полн. собр. соч.— Т. 1.— С. 80, 81). Игры с деревенскими детьми, участие в хозяйст-

венных делах взрослых, а главное — повседневное общение, слияние с миром природы питали душу ребенка незабываемыми впечатлениями. Писатель потом не раз скажет о воспоминаниях детства как о важном источнике творчества. Подробности жизни в Сосновке, когда закладывались нравственные основы личности Т., его мировоззрения, он воссоздаст в одной из лучших своих книг — повести «Детство Никиты» (1922).

В годы первой русской революции Т. — студент Петербургского Технологического института. Тут он столкнулся с напряженной общественной жизнью, был захвачен революционными настроениями молодежи, участвовал в студенческих сходках, демонстрациях, хотя в политике разбирался слабо. Столица давала ему много культурных впечатлений. Он устанавливает знакомства с литераторами, людьми искусства, открывает для себя театр Чехова и Горького (первая в жизни рецензия), интересуется живописью, углубляется в поэзию символизма. Две поездки в Европу (Германию и Италию) расширяют горизонт его гуманитарной образованности. Все сильнее сказывается влечение к литературе, и ко времени окончания института выясняется, что призвание его не инженерное дело, а писательство.

Т. начинал в литературе как поэт. В 1907 г. вышла его первая книга стихов «Лирика», которой уже год спустя он стыдился, а впоследствии называл «подрожательной, наивной и плохой» (Т. 1.— С. 84). Удачнее была вторая книга «За синими реками» (1911, отдельные стихотворения публиковались в 1909 г.). «От нее я не отказываюсь и по сей день» — писал 60-летний Т. — «...это результат моего первого знакомства с русским фольклором» (Т. 1.— С. 84). В книге опозитированы старинные представления народа о природе, языческие верования, развернуты образы русского поля, реки, леса, с их влекущей красотой и пугающей таинственностью — русалками, ведьмами, лешими и иной нежитью. Пейзажи образуют календарь времен года и суточный круг времени, почти в каждом стихотворении — образ сияющего над землей солнца как основы жизни. Сказочное переплетается с реальным. В традициях демократической русской поэзии изображены картины сельскохозяйственных работ: сенокос, жатва, пахота, молотба — или деревенских досугов, русской праздничности: обрядовые песни, хороводы, гадания девушек. Здесь и первые проявления интереса Т. к истории — стихотворения с древнерусскими сюжетами. В подборке стихов о Хлое и Дафнисе отдана дань символизму. Молодого поэта одобрили в символистской среде, его поддержал в печати В. Брюсов. Но к поэзии Т. больше не вернулся.

Первыми опытами прозы, по собственному признанию Т., были «Сорочьи сказки» (1910; отд. публ. в 1909 г.) — сборник, включавший четыре десятка прозаических миниатюр. Полови-

на из них — стилизации под волшебные сказки, обработка тех же, что и в стихах, народно-поэтических образов: «Русалка», «Водяной», «Кикимора», «Дикий кур», «Полевик». В остальном — сказки о животных и отчасти бытовые. Рядом с бесхитростными примитивами для детского чтения встречаются сказки басенного, притчевого характера, где отношения животных или мира вещей очеловечены и заключают моралистический подтекст. «Сорочьи сказки» были для Т. своего рода студией, где он прицеливался к народному слову, пробовал меру и ритмику фразы, учился диалогу. Здесь уже явно проступает характерное свойство его таланта — юмор. Отсюда пролегает путь в будущее, когда зрелый Т. обратится к обработке русских народных сказок и созданию свода русского фольклора.

В 1910 г. появилась первая книга прозы Т. «Повести и рассказы», в нее вошли «Заволжье» («Мишука Нальмов»), «Неделя в Туренева» («Петушок»), «Аггей Коровин» («Мечтатель»), «Два друга» («Актриса»), «Сватовство». При переизданиях автор изменил некоторые заглавия и назвал сборник «Заволжье», а в советское время — «Под старыми липами», притом состав его тоже менялся, из дополнений наиболее характерна повесть «Приключения Растегина» (1913). Это был цикл произведений одной темы — о жизни заволжских помещиков, запустении родовых дворянских усадеб и упадке нравов некогда могущественного класса. Цикл написан на основе рассказов матери, семейных преданий, впечатлений автора от поездок к родным в Самару и Симбирскую губ. Многие идет здесь от прототипов. Книга — значительное художественное обобщение в духе критического реализма, умело воссозданная трагикомедия ухода целого мира, где все обесценено — имения, судьбы, словесные традиции.

Повествование подкупает словесной свежестью, неожиданностью штрихов, в нем говорит каждая деталь. Возникают гротескного значения образы, как, напр., старинная библиотека, превращенная в ссыпку для зерна, в зерне и книгах хозяйничают мыши — парадокс, знаменующий полную утрату интереса и уважения к культуре. Извращены оберегавшиеся в поколениях понятия дворянской чести: дуэль оборачивается пьяным безобразием в гостиничном номере, кавалерский культ почитания женщины — наглостью, какая бы то ни было порядочность — бесстыдством. Попытки хозяйствовать по-новому оканчиваются неудачей, конфузом. Пути возрождения для этих людей нет. Давно нарушено главное — отношения помещика с мужиком: от покорности былых времен в мужике не осталось и следа, он ни во что не ставит барина, дерзко бунтует. Не обнадеживает и юное поколение: в характерах детей (герои «Недели в Туренева», «Сватовства») царит безволие, распушенность. Сказываются признаки физического вырождения.

«Заволжье» принесло Т. признание и известность. На него с похвалой отзывалась демократическая критика. М. Горький сразу заметил Т., высоко оценил его талант и без колебаний предсказал начинающему писателю большое будущее. «В литературе нашей восходит новая сила», — писал он Е. П. Пешковой, — «очень вероятно, что это будет первоклассный писатель, равный по таланту своему однокласснику. Я горю об Алексее Толстом» (цит. по кн.: А. Н. Толстой. Материалы и исследования. — С. 142). Известны другие подобные его суждения, относящиеся к тому же 1910 г. В частности, в письме слушателя Высшей социал-демократической школы рабочих в Болонье он определил суть творчества «нового Толстого, Алексея» — писателя несомненно крупного, сильного и с жестокой правдивостью изображающего психическое и экономическое разложение дворянства, и опять назвал его «новой силой литературы» (Горький М. Собр. соч.: В 30 т. — М., 1955. — Т. 29. — С. 142). М. Горький ценил в первой книге Т. не только острое общественное содержание, но и меру таланта, многообещающую индивидуальность.

С «Заволжья» началась интенсивная творческая работа писателя. Он пробует силы в крупной повествовательной форме, ранних романах «Чудаки» (1911) и «Хромой барин» (1912). Они выросли в основном из того же материала, что и «Заволжье», но в отличие от повестей и рассказов, лишь в совокупности дающих разносторонность, здесь изображаются не отдельные характеры и эпизоды, а целостная картина жизни с ее протяженностью, необходимо широким кругом лиц, их отношений, позволяющая полнее выразить в ней свое представление о мире.

В романе «Чудаки» (первоначальное название «Две жизни», затем — «Земные сокровища») показаны два поколения. Это был опыт реалистического повествования в традициях семейно-бытовой хроники, с чертами юмористического гротеска и памфлетности. «Хромой барин» интересен стремлением автора художественно сформулировать свою нравственную концепцию. Характер героя, чьим прозвищем озаглавлен роман, не вызывает симпатии, разве что сострадание. Перед нами еще одно свидетельство дворянского вырождения в ряду уже описанных Т. в «Заволжье» и романе «Чудаки». Потомок царственных Юриковичей кн. Краснопольский ничтожен как личность: игрушка страстей, он опустошен и унижен, притом упивается собственным унижением. Лишь принесет искупительные жертвы, побывав на дне жизни, пережив бродяжничество, он находит счастье во всепрощающей любви своей покинутой жены Катеньки. Образ Катеньки Волковой — чистой, сострадательной души — воплощение всеисцеляющей силы любви, по убеждению автора, самой могущественной и светлой силы жизни. Апология любви составляет главную идею романа, и она развернута в других харак-

терах. Значительностью чувств подобна дворянской дочери Катеньке женщина из простонародья Саша, готовая к самоотречению и жертвам ради близкого человека. Любовь озаряет беспросветную жизнь и делает способным на подвиг еще одного героя — сельского доктора Заботкина. С образом этого интеллигента-разночинца входит в роман социальная тема деревни, тягот крестьянского существования, которое он осмысливает как близко причастный. Его преследуют думы о судьбе народа, о необходимости вступить в политическую борьбу за него, но все остается только порывами совести. Т. пытался вывести героев к революционному действию. В эпилоге романа сообщалось, что кн. Краснопольский был на баррикадах 1905 г. и казнен, а Катенька решила последовать его делу. Но, понимая немотивированность таких превращений, Т. снял эпилог при переиздании.

Поиск идеала у Т. пока был ограничен нравственной областью, индивидуальной судьбой, достижением личного счастья, хотя лучшие его герои видят вопиющие несовершенства общественной жизни. Из духовных ценностей на первый план выдвигается возвышающая человека любовь. Узость такой нравственной программы очевидна при соотнесении с грядущими через пять лет социальными потрясениями, которых сам Т. станет летописцем. Но гуманистическая идея любви, несущей обновление, радость жизни, была ценна на фоне декадентского отрицания морали, безверия и уныния, распространившихся в интеллигентской среде.

Идея торжествующей любви, возведенная в ранг нравственного постулата, одухотворила и дооктябрьскую драматургию Т. До революции на московских сценах игрались семь его пьес. Большинство их он опубликовал затем под общим заглавием «Комедии о любви». Первую — «Насильники» в 1913 г. поставил Малый театр. Лучшей была «Касатка» (1915), шедшая с большим успехом и удостоенная Грибоедовской премии. Тогдашние пьесы Т. рождались главным образом из сюжетов и характеров прозы завожского цикла; так, для «Насильников» он переработал ситуацию рассказа «Аггей Коровин», а для «Касатки» — повести «Неделя в Турене-ве». Этим исчерпывалась тема оскудевающего дворянства. Т. вплотную приблизился к современности, но писать о ней не мог из-за незнания подлинной жизни страны и народа. «Повести и рассказы о современности, — по собственному приговору его, — были неудачны» (Т. 1. — С. 84), назревал творческий кризис.

Первая мировая война привела Т. к новому жанру — публицистике. Он сделался военным корреспондентом «Русских ведомостей». Результатом поездок в действующую армию стали циклы очерков 1914—1915 гг. «По Волыни», «По Галиции», «На Кавказе». Войну Т. принял как трагедию народа, как историческое потрясение, в ко-

тором надо выстоять. Т. стремился показать войну без романтизации, сдержанно, ориентируясь на правду жизни. При обилии местных и военных впечатлений его более всего влекли люди. В русском солдате он увидел патриотизм, умение ради долга отрешиться от привычного, молчаливое терпение раненых, сочувствие пленным — способность понимать чужую судьбу как свою. В то же время он нигде не касается классовых противоречий, а отношения рядовых и офицеров рисует как боевое братство. Обобщения ведутся в рамках нравственных категорий. Такова мысль о духовном возвышении интеллигента в испытаниях войны, кроме очерков, выраженная в рассказах «Обыкновенный человек», «На горе», «Под водой». Война стала для Т. школой жизни и писательства. Опыт работы военного корреспондента в немалой мере подготовлен будущий успех Т. — выдающегося публициста Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.

В мировоззрении Т. произошли перемены: «...я увидел подлинную жизнь, я принял в ней участие, содрал с себя наглухо застегнутый, черный шюрток символизма. Я увидел русский народ» (Т. 1. — С. 85). Ему открылись общественные противоречия и прежде всего несовместимость эстетской литературы, но без влияния которой он вызревал как писатель, с реалистической сущностью его таланта. В 1915 г. Т. пишет рассказы, направленные против декадентства: «В гавани», «Ночные видения» и особенно — «На вернисаже» и «Егор Абовов» — отрывки неоконченного (опубл. посмертно) романа «Егор Абовов», содержащие критику буржуазного искусства, нравов модернистских литературных салонов. Он утверждал себя в лагере сторонников реализма. И это закономерно: с самого начала он следовал традициям классической русской литературы — Гоголя, Гончарова, Тургенева, которые, по словам критика Е. Колтоновской, «перепелись у гр. А. Толстого в очень богатом и своеобразном зоре» (цит. по кн.: А. Н. Толстой. Материалы и исследования. — С. 144).

Литературную позицию Т. в 1914 г. определила дооктябрьская «Правда». В статье «Возрождение реализма» его имя названо рядом с именами М. Горького, Бунина и др. писателей, которые «рисуют в своих произведениях не «сказочные дали, не таинственных «таитян», а подлинную жизнь, со всеми ее ужасами, повседневной быденщиной». Разъясняя остроту противостояния литературы реалистического направления и декадентства, «Правда» отмечала, что именно теперь художники-реалисты приобрели и приобретают большое общественное значение. Хотя многие из них, подобно Т., чужды рабочему движению, «своим творчеством, своими исканиями и сомнениями они выражают новый сдвиг общественных сил, возврат демократических кругов общества к жизни» (Дооктябрьская «Правда» об искусстве и литературе. — М., 1937. — С. 15—16).

Февральскую революцию Т. принял радостно. Поворот к Октябрю породил у него тревоги и сомнения. Настроения его тех месяцев выразились в «Рассказе проезжего человека», финал которого все же окрашен историческим оптимизмом, верой в великое будущее России. Т. обращается к русской истории, углубляется в материалы Петровской эпохи, делает важные для себя открытия в языке художественной литературы, работает над очерком «Первые террористы», рассказами «Наваждение», «День Петра», они появятся уже в 1918 г. Затем последовала эмиграция, время потерянной и обретенной Родины, трудный путь писателя-патриота, который, наконец, обретет право сказать: «Октябрьская революция дала мне все» (Т. 13.— С. 492).

Творчество Т. 1907—1917 гг.— самобытное и содержательное явление литературы. В сложном литературном процессе предоктябрьского десятилетия, где взаимодействовали разнообразные направления и школы, вместе с творчеством ряда писателей, таких, как М. Пришвин, С. Сергеев-Ценский, В. Шишков и др., оно знаменовало рождение новых сил реализма, связанных с классической традицией и устремленных в будущее.

Соч.: Полн. собр. соч.: В 15 т. / Вступ. ст. В. Р. Шербины.— М., 1946—1953; Собр. соч.: В 10 т. / Вступ. ст. В. Р. Шербины.— М., 1958—1961; Собр. соч.: В 8 т. / Вступ. ст. В. Р. Шербины.— М., 1972; Собр. соч.: В 10 т. / Вступ. ст. В. И. Баранова.— М., 1982—1987.

Лит.: Шербина В. А. Н. Толстой: Творческий путь.— М., 1956; Крестинский Ю. А. А. Н. Толстой: Жизнь и творчество. Краткий очерк.— М., 1960; Поляк Л. М. Алексей Толстой — художник. Проза.— М., 1964; Скобелев В. П. В поисках гармонии: Художественное развитие А. Н. Толстого. 1907—1922 гг.— Куйбышев, 1982; Алексей Толстой и Самара: Из архива писателя / Сост. М. П. Лямарова, Л. А. Соловьева.— Куйбышев, 1982; А. Н. Толстой: Материалы и исследования / Отв. ред. А. М. Крюкова.— М., 1985. А. И. Пауткин

ТОЛСТОЙ, Лев Николаевич [28.VIII(9.IX). 1828, усадьба Ясная Поляна Тульской обл.— 7(20).XI.1910, станция Астапово (ныне станция Лев Толстой) Рязано-Уральской жел. дор.; похоронен в Ясной Поляне] — прозаик, драматург, критик, общественный деятель. «По рождению и воспитанию Толстой принадлежал к высшей помещицкой знати в России...» (Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 20.— С. 39—40). Среди предков писателя по отцовской линии — сподвижник Петра I — П. А. Толстой, одним из первых в России получивший графский титул. Участником Отечественной войны 1812 г. был отец писателя гр. Н. И. Толстой. По материнской линии Т. принадлежал к старинному роду князей Волконских, связанных родством с князьями Трубецкими, Голицынами, Одоевскими, Лыковыми и др. знатыми семьями. По матери Толстой был родственником А. С. Пушкина. Их общий предок — видный соратник Петра I боярин И. М. Головин. Одна из его дочерей — прабабка поэта, а другая — прабабка матери Т. Писатель находился также в родстве с некоторыми из

декабристов, в т. ч. — кн. С. П. Трубецким и кн. С. Г. Волконским.

Живя в старинной родовой усадьбе, Т. еще в детстве услышал семейные были и предания о «грозе двенадцатого года» (Пушкин) и совсем недавно по времени восстания декабристов. Уже в детские и отроческие годы зарождался у Т. глубокий интерес к отечественной истории. «Без своей Ясной Поляны, — признавался он позднее, — я трудно могу себе представить Россию и свое отношение к ней» (Полн. собр. соч.: В 90 т.— М., 1931.— Т. 5.— С. 262).

В Ясной Поляне Т. близко увидел, как протекала жизнь трудового народа, ставшего его «самой юной любовью». Здесь еще до того, как он познакомился со стихами Пушкина, Т. услышал много народных сказок, песен, былин. Когда Т. шел девятый год, отец впервые повез его в Москву, впечатления от встречи с которой живо переданы будущим писателем в детском сочинении «Кремль». Москва здесь названа «величайшим и многолюднейшим городом Европы», стены которого «видели стыд и поражение непобедимых полков Наполеоновых» (90, 101). Первый период московской жизни юного Т. продолжался менее четырех лет. Он рано осиротел, потеряв сначала мать, а затем и отца. С сестрой и тремя братьями юный Т. переезжает в Казань. Здесь жила одна из отцовских сестер, ставшая их опекуншей.

Живя в Казани, Т. два с половиной года готовился к поступлению в университет, где учился с 1844 г. сначала на восточном, а затем на юридическом факультете. Готовивший его к экзаменам по турецкому и татарскому языкам известный тюрколог профессор Казембек был удивлен лингвистическими способностями юного Т. В зрелую пору жизни Т. свободно владел английским, французским и немецким языками; читал на итальянском, польском, чешском и сербском; знал греческий, латинский, украинский, татарский, церковнославянский; изучал древнееврейский, турецкий, голландский, болгарский и др. языки. Не считая себя полиглотом, Т., тем не менее, имел возможность знакомиться с произведениями многих зарубежных писателей в подлинниках.

Т. шел девятнадцатый год, когда он начал вести дневник, который продолжал до конца дней (в Полном собрании сочинений дневник занимает тринадцать томов).

Занятия по казенным программам и учебникам тяготили Т.-студента. Он увлекся самостоятельной работой над исторической темой и, оставив университет, уехал из Казани в Ясную Поляну, полученную им по разделу отцовского наследства. Затем он отправился в Москву, где в конце 1850 г. началась его писательская деятельность: незаконченная повесть из цыганского быта (рукопись не сохранилась) и описание одного прожитого дня («История вчерашнего дня». — Т. 1.— С. 279—295). Тогда же была начата повесть

«Детство». Вскоре Т. решил поехать на Кавказ, где его старший брат, Николай Николаевич, офицер-артиллерист, служил в действующей армии. Молодому Т. хотелось увидеть войну своими глазами и проверить, храбрый ли он человек. Поступив в армию юнкером, он потом сдал экзамен на младший офицерский чин. Эпизоды Кавказской войны Т. описал в рассказах «Набег» (1853), «Рубка леса» (1855), «Разжалованный» (1856), в повести «Казак» (1850—1863). На Кавказе была завершена повесть «Детство», в 1852 г. напечатанная в журнале «Современник».

Когда началась Крымская война, Т. перевелся с Кавказа в Дунайскую армию, действовавшую против турок, а затем в Севастополь, осажденный объединенными силами Англии, Франции и Турции. Командуя батареей на 4-м бастионе, Т. проявил редкое бесстрашие. Был награжден орденом Анны с надписью «За храбрость» и медалями «За защиту Севастополя» и «В память войны 1853—1856 гг.». Не раз Т. представляли к награде боевым Георгиевским крестом, но у высшего начальства он находился на плохом счету и «Георгия» не получил. Военное ведомство отвергло разработанные им проекты (о реформировании артиллерийских батарей и создании штуцерных (*штуцера* — нарезные ружья) батальонов). Кроме того, Т. пишет проект о реформировании всей русской армии (остался незаконченным), где подчеркивает тяжелые условия солдатской службы. Вместе с группой передовых офицеров Крымской армии Т. намеревался выпускать журнал «Солдатский вестник» («Военный листок»), но его издание не было разрешено императором Николаем I.

Осенью 1856 г. вышел в отставку («Военная карьера — не моя...») — пишет он в дневнике в марте 1855 г.) и вскоре отправился в полугодовое заграничное путешествие, посетив Францию, Швейцарию, Италию и Германию. В 1859 г. Т. открыл в Ясной Поляне школу для крестьянских детей, а затем помог открыть более 20 школ в окрестных деревнях. Чтобы направить их деятельность по верному, с его точки зрения, пути, он издавал педагогический журнал «Ясная Поляна» (1862). С целью изучить постановку школьного дела в зарубежных странах писатель в 1860 г. вторично отправился за границу.

Когда был объявлен царский манифест об освобождении крестьян от крепостной зависимости, Т. вошел в число мировых посредников первого призыва, стремившихся помочь крестьянам решать их споры с помещиками о земле. Дворяне Крапивенского у., где Т. был мировым посредником, посылали на него жалобы начальству, обвиняя его в том, что все спорные дела о земле он решал в пользу крестьян, — и ему пришлось уйти в отставку.

Вскоре в Ясной Поляне, когда Т. находился в отъезде, жандармы произвели обыск, уверен-

ные в том, что найдут тайную типографию, которую писатель якобы завел после того, как много дней обшарил в Лондоне с А. И. Герценом. Т. пришлось закрыть школу и прекратить издание педагогического журнала. Перу Т. принадлежат одиннадцать статей о школе и педагогике («О народном образовании», «Воспитание и образование», «Об общественной деятельности на попрание народного образования» и др.). В них он подробно описал опыт своей работы с учениками («Яснополянская школа за ноябрь и декабрь месяцы», «О методах обучения грамоте», «Кому у кого учиться писать, крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят» и др.). Педагогические идеи Т. вызывали долгие и острые споры. Однако они, как писала Н. К. Крупская, наложили «неизгладимую печать на русскую педагогическую мысль». Пусть Т. «неправильно решал тот или иной вопрос, но он ставил его не как узкий специалист, а как «гражданин земли родной», мучительно искал ответа на него и заставлял искать и читателя» (Крупская Н. К. Пед. соч.: В 10 т. — М., 1957. — Т. 1. — С. 197). Т.-педагог требовал сближения школы с жизнью, стремился поставить ее на службу запросам народа, а для этого активизировать процессы обучения и воспитания, развивать творческие способности детей. Глубоко любя родину, Т. заботился о патриотическом воспитании школьников — знакомил их с историей Отечественной войны 1812 г., с событиями Кавказской и Крымской войн. Общаясь с «маленькими людьми», как он называл школьников, писатель следовал принципу, заявленному им в рассказе «Севастополь в мае»: «Герой же моей повести, которого я люблю всеми силами души, которого старался воспроизвести во всей красоте его и который всегда был, есть и будет прекрасен, — правда» (4, 59).

По поводу рукописи этого рассказа Некрасов писал Тургеневу: «...Эта статья исполнена такой трезвой и глубокой правды, что нечего и думать ее печатать» (Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем. — М., 1952. — Т. X. — С. 236). Однако со многими цензурными изъятиями, с искажениями в тексте «Севастополь в мае» все же появился в журнале «Современник» (1855. — № 9), правда — с измененным заглавием и без указания имени автора. Увидев, как цензура изуродовала его рассказ, Т. понял, что он «сильно на примете у синих» (у жандармов. — К. Л.). «Желаю, — записал Т. в дневнике, — чтобы всегда Россия имела таких нравственных писателей; но сладеньким уж я никак не могу быть, и тоже писать из пустого в порожнее — без мысли и, главное, без цели» (47, 60). Уже в начале творческого пути Т. становится поднадзорным писателем. Официальная Россия рано почувствовала в нем опасного противника, а Россия прогрессивная, передовая увидела в молодом Т. «великую надежду русской литературы»

(Некрасов Н. А.— Т. X.— С. 291). Первые же произведения Т.— повести «Детство» и «Отрочество», кавказские и севастопольские военные рассказы, «Утро помещика» — свидетельствовали, что в русскую литературу пришел новый большой художник. Читатели и критики поверили в это раньше, чем сам Т., подписывавшийся Л. Н. и Л. Н. Т. Н. Г. Чернышевский подчеркнул стремительное расширение тематики его творчества: «Почти в каждом новом произведении он брал содержание своего рассказа из новой сферы жизни» (Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.— М., 1948.— Т. IV.— С. 681).

По замыслу автора, «Детство» и «Отрочество» и «Юность», а также повесть «Молодость», которая, однако, не была написана, должны были составить роман «Четыре эпохи развития». Показывая ступень за ступенью становление характера Николая Иртеньева, художник-реалист тщательно исследует, как воздействовала на его героя среда — сначала узкий семейный мирок, а затем все более широкий круг его новых знакомых, сверстников, друзей, соперников. В первом же завершенном произведении, посвященном ранней и, как утверждал Т., лучшей, самой поэтической поре человеческой жизни — детству, он с глубокой грустью пишет о том, что между людьми воздвигнуты жесткие преграды, разъединяющие их на множество групп, разрядов, кругов и кружков. У читателя не остается сомнений, что юному герою Т. будет не легко найти место и дело в мире, живущем по законам отчуждения и социального неравенства. Дальнейший ход повествования подтверждает это предположение. Особенно трудной порой для Иртеньева оказалась отрочество. Рисуя эту «эпоху» в жизни героя, писатель решил «показать дурное влияние» на Иртеньева «тщеславия воспитателей и столкновения интересов семейства» (2, 243). В сценах университетской жизни Иртеньева из повести «Юность» с симпатией обрисованы его новые знакомые и друзья — студенты-разночинцы, подчеркнута их умственное и нравственное превосходство над героем-аристократом, исповедовавшим кодекс человека *comme il faut* (светского человека — франц.).

Искреннее стремление молодого Нехлюдова, выступающего главным героем в рассказе «Утро помещика», облагодетельствовать своих крепостных крестьян выглядит наивной мечтой недоучившегося студента, который впервые в жизни увидел, как тяжело живет его «крещеная собственность». Высоко оценив трезвый реализм «Утра помещика», Чернышевский писал: «...Граф Толстой с замечательным мастерством воспроизводит не только внешнюю обстановку быта поселения, но, что гораздо важнее, их взгляд на вещи. Он умеет переселяться в душу поселенца, — его мужик чрезвычайно верен своей натуре, — в речах его мужика нет прикрас, нет риторики, понятия крестьян передаются у графа Толстого

с такой же правдивостью и рельефностью, как характеры наших солдат... В крестьянской избе он так же дома, как в походной палатке кавказского солдата» (Чернышевский Н. Г.— Т. IV.— С. 682).

В самом начале писательского пути Т. в его творчество властно вторгается тема разобщения людей. В трилогии «Детство», «Отрочество», «Юность» отчетливо выявлена этическая несостоятельность идеалов светского человека, аристократа «по наследству». Кавказские военные рассказы писателя («Набег», «Рубка леса», «Разжалованный») и рассказы о Севастопольской обороне поразили читателей не только суровой правдой о войне, но и смелым обличением офицеров-аристократов, явившихся в действующую армию за чинами, рублями и наградами. В «Утре помещика» и «Поликушке» трагедия русской дореформенной деревни показана с такой силой, что для честных людей становилась еще более очевидной безнравственность крепостничества.

Севастопольские рассказы утверждают в толстовском творчестве народно-героическую тему. В них Т. выступил глубоким психологом, тонким мастером изображения «диалектики души» человека, что было отмечено Чернышевским (Чернышевский Н. Г.— Т. III.— С. 423). Изображая душевные переживания своих героев в трудные или даже опасные моменты их жизни, писатель раскрывал весь психологический процесс, с переходами одного чувства в другое, с быстрой и порою бессвязной переменой и путаницей мыслей. Так построены, напр., внутренние монологи офицера Праскухина в рассказе «Севастополь в мае».

Оценивая раннее творчество Т., нередко приходится прибегать к слову «впервые». Так, в повести «Два гусара» писатель впервые в своей литературной деятельности дал чудесно написанный женский портрет. Героиня повести, юная Лиза, привлекает своей способностью «радоваться жизни», чистой совестью, деятельным характером. В «Двух гусарах» речь идет о той поре, «когда не было еще ни железных дорог, ни газового, ни стеаринового света», о «времени 1800-х годов». Работая над этой повестью, писатель впервые обратился к эпохе «Войны и мира».

Повесть «Казачи» (1863), завершившая первое десятилетие литературной деятельности Т., обратила на себя внимание свежестью и яркостью красок, особой приподнятостью и звучностью тона. Картины жизни ее героев, их цельные характеры писатель связал с особенностями истории гребенского казачества, не знавшего тягот крепостного строя. «Казачи» воспринимаются как эпическое повествование о трудной, но вольной народной жизни. В этом произведении писатель сделал попытку соединить форму романа с эпопеей, поместив типичного толстовского героя, рефлектирующего, недовольного собой мо-

лodge дворянина Оленина, в народную среду, жившую полнокровной, самобытной, близкой к природе жизнью. Казачья станица отвергает Оленина как чуждого и чуждого ей человека. Его роман с молодой казачкой — красавицей Марьяной — оборвался в самом начале. Сложным является отношение к казачьей жизни и у Оленина.

Критики недооценили повесть «Казачки», увидев в ней лишь повторение сюжетных мотивов поэмы Пушкина «Цыганы» и романа Лермонтова «Герой нашего времени». Но «Казачки» явились для автора этапным произведением, вплотную приведшим его к созданию большого эпического полотна о судьбах родины и народа в эпоху наполеоновских войн.

К этому времени на долгие годы устанавливается порядок жизни Т., его быт. В 1862 г. он женился на дочери московского врача Софье Андреевне Берс.

В одном из незавершенных предисловий к «Войне и миру» (1863—1869) Т. говорит: «Мы, русские, вообще не умеем писать романов в том смысле, в котором понимается этот род сочинений в (Англии) Европе. Я не знаю ни одного художественного русского романа, ежели не называть такими подражания иностранным. Русская (литература) художественная мысль не укладывается в эту рамку и ищет для себя новой. Предлагаемое сочинение, ежели имеет какие-нибудь достоинства, то так же, как и другие подобные сочинения, не подходит по своему содержанию ни под понятие повести, ни еще менее под понятие романа» (13, 55). Мысль о жанровой новизне своего произведения Т. подробно обосновал в статье «Несколько слов по поводу книги «Война и мир» (1868). Он говорит здесь: «История русской литературы со времени Пушкина не только представляет много примеров такого отступления от европейской формы, но не дает даже ни одного примера противного. Начиная от «Мертвых душ» Гоголя и до «Мертвого дома» Достоевского, в новом периоде русской литературы нет ни одного художественного прозаического произведения, немного выходящего из посредственности, которое бы вполне укладывалось в форму романа, поэмы или повести» (16, 7). Среди современников Т. одним из первых, кто смог верно оценить значение «Войны и мира» и определить ее художественное своеобразие, был Тургенев. Рекомендуя «Войну и мир» зарубежным читателям, Тургенев писал: «...Это — великое произведение великого писателя, — и это подлинная Россия» (Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. Соч.— М.; Л., 1967.— Т. XV.— С. 188). В предисловии к переводу раннего толстовского рассказа «Два гусара» на французский язык Тургенев назвал «Войну и мир» произведением и оригинальным и обширным, соединяющим в себе вместе эпопею, исторический роман и очерк нравов» (Там же.— Т. XV.— С. 107). На страницах «Войны и мира» объединяется

громадный и разноликий материал. Здесь сопрягаются, образуя органическое единство, картины исторической и семейно-бытовой, общей и частной жизни. Перед глазами читателя проходят, не заслоняя друг друга, более шестисот персонажей. Действие романа длится свыше пятнадцати лет. Для успеха работы над произведением, подчеркивал Т., необходимо, чтобы художник любил в нем главную мысль. В «Войне и мире», по признанию писателя, он «любил мысль народную» (Дневники С. А. Толстой: В 2 т.— М., 1978.— Т. 1.— С. 502). А в ранних рукописях эпилога романа есть такое признание автора: «Я старался писать историю народа» (15, 241). «Мысль народная» положена Т. в основу характеристики и оценки героев произведения, исторических событий и исторических деятелей. Выражая мнение народное, писатель страстно осуждает несправедливые, захватнические войны и славит героев священной, освободительной войны, ведя которую народ отстаивает национальную независимость своей родины.

Отвергая трактовку Отечественной войны 1812 г. как войны Наполеона I и Александра I, Т. указывал, что, кроме узвзленных самолюбий двух императоров, были «миллионы миллионов других причин» (11, 7). Среди них были большие и мелкие, общие и частные, государственные и личные. И только по неизвестному людям закону совпадения причин происходят великие события, связанные «со всем ходом истории» (11, 7). Эти утверждения о некоем фатальном «зако-не», определяющем судьбы отдельных людей и народов, автор в сущности сводит на нет, показывая, как «дубина народной войны», действовавшая с «простотой и целесообразностью», привела к победе над наполеоновским нашествием. Против фаталистического объяснения хода событий направлялись сцены, где показаны героизм и мужество Кутузова и его соратников, ясно осознавших цели борьбы с полчищами Наполеона и твердо добивавшихся их полного осуществления.

Главное, что противостоит в романе некоторым суждениям Т. о предопределенности исторических событий, — это утверждение писателем народа как творца истории. В одном из писем поры завершения «Войны и мира» Толстой говорит о главных героях романа: «Я бы хотел, чтобы вы полюбили моих этих детей. Там есть славные люди. Я их очень люблю» (61, 70).

Однако отечески любя Андрея Болконского, Пьера Безухова, Наташу Ростову, писатель их не идеализировал. Достаточно напомнить о сословных предрассудках князя Андрея, которых он так и не смог преодолеть до конца. Герои толстовского романа привлекательны прежде всего тем, что устремлены к деятельному участию в общей жизни, смело идут навстречу тяжелым испытаниям, пытаются ставить и решать вопросы, касающиеся не только их личной жизни и жизни своего народа, но и всего человечества.

И полковой командир Андрей Болконский, и капитаны Тушин и Тимохин, и фельдмаршал Кутузов смотрят на войну как «на страшную необходимость». Они принимают в ней участие, зная, что от ее исхода зависит «вопрос жизни и смерти отечества». «Для русских людей,— говорит автор «Войны и мира»,— не могло быть вопроса: хорошо ли или дурно будет под управлением французов в Москве. Под управлением французов нельзя было быть: это было хуже всего». Глубокий патриотизм русских людей Т. показывает как черту, соприродную русскому национальному характеру. «Сознание того, что это так будет и всегда так будет,— утверждает автор «Войны и мира»,— лежало и лежит в душе русского человека».

Прославляя подвиг народа в войне справедливой, оборонительной, Т. резко осуждает войны захватнические, грабительские. Агрессивная, несправедливая война осуждается писателем как «противное человеческому разуму и всей человеческой природе событие» (14, 4). Воодушевляя народы на священную освободительную борьбу, книга Т. зовет к борьбе за сохранение мира. Она проникнута надеждой на то, что «придет время, когда не будет больше войны» (10, 122).

В романе Т. царит атмосфера высокой нравственной требовательности. По верному слову А. В. Луначарского, здесь звучит «протест против человеческого эгоизма, тщеславия, суеверия, стремление поднять человека до общечеловеческих интересов, до расширения своих симпатий, возвысить свою сердечную жизнь» (Луначарский А. В. Русская литература.— М., 1947.— С. 265).

Со страниц «Войны и мира» звучит страстный призыв к единению всех людей доброй воли: «...Все мысли, которые имеют огромные последствия — всегда просты,— говорит один из главных героев романа.— Вся моя мысль в том, что ежели люди порочные связаны между собой и составляют силу, то людям честным надо сделать только то же самое. Ведь как просто» (12, 293—294).

Возвысившись до постановки проблем общечеловеческого значения, главные герои «Войны и мира» остаются людьми своего времени, своей среды, ищут и находят конкретные пути служения деятельному добру. В этом их коренное отличие от предшествовавших им героев русской литературы, известных под именем «лишних людей».

В отличие от героинь Пушкина, Тургенева, идущих по пути самоотречения (Татьяна Ларина, Лиза Калитина), Наташа Ростова живет деятельной и счастливой жизнью. Т. поставил эту героиню не только в центр важнейших сюжетно-фабульных «узлов» романа, но и, прозревая ее будущее, указал в эпилоге произведения на то, что Наташа уготована судьба жены сосланного декабриста, каким предстоит стать Пьеру Безухову (по замыслу).

На страницах «Войны и мира» живут, вступающая между собой в сложные взаимоотношения, лица «совершенно вымышленные», как их называл сам Т., а также лица исторические. И каждого из них автор проверяет эпохой 1812 г., выясняя их отношение к общенародному, общенациональному делу спасения родины от иноземных захватчиков. Кроме этого — главного — критерия оценки персонажей, здесь проступает сложная шкала нравственных ценностей, в соответствии с которой Наполеон вызывает к себе отрицательное отношение. В критической литературе о романе до сих пор бытует мнение, что его образ «не соответствует» историческому Наполеону. Напр., Эрнест Хемингуэй и Морис Дрюон полагают, что образ французского императора на страницах «Войны и мира» написан не Толстым-художником, а Толстым — офицером русской армии (Литературное наследство.— М., 1965.— Т. 75.— С. 158—159, 178). Однако освещение Наполеона у Т. опирается на традицию, сложившуюся в русской литературе задолго до «Войны и мира». К наполеоновской теме обращались Пушкин и Гоголь, Лермонтов и Герцен. «Системы у него не было никакой,— писал о Наполеоне Герцен,— добра людям он не желал и не обещал. Он добра желал себе одному, а под добром разумел власть» (Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т.— М., 1956.— Т. XI.— С. 121—122 и др.). В этой характеристике легко увидеть черты толстовского образа Наполеона. Интересно, что в Германне из «Пиковой дамы» Пушкина и в Чичикове из «Мертвых душ» Гоголя отмечено своеобразное сходство с Бонапартом.

Недовольство толстовским «разоблачением» Наполеона в «Войне и мире» было высказано не только критиками и писателями, но и историками. Но Т. убежденно и смело шел в открытое наступление против того раболепного отношения к Наполеону, с которым он встретился в книгах французских историков-бонапартистов (А. Тьер и др.) и русских официальных историков, писавших сочинения об Отечественной войне 1812 г. «по высочайшему повелению» (М. Богданович и др.).

Характеризуя свою работу над «Войной и миром», Т. указывал, что он собирал и изучал исторические материалы «с рвением ученого», подчеркивая при этом, что историк и художник используют эти материалы по-разному. Он утверждал, что существуют «история-наука» и «история-искусство» и что они имеют свои четко различающиеся задачи. История-наука, как полагал Т., уделяет главное внимание частностям, подробностям событий и ограничивается их внешним описанием, в то время как история-искусство схватывает общий ход событий, проникая в глубины их внутреннего смысла. В свете Отечественной войны 1812 г., которую русский народ вел как войну освободительную, контрастные характеристики Наполеона как агрессора и «па-

лача народов» и Кутузова как «представителя народной войны», «представителя русского народа» не выглядят неожиданными. Лишь в Кутузове видит Т. истинное величие: «...он один, в противность мнению всех, мог угадать так верно значение народного смысла события, что ни разу во всю свою деятельность не изменил ему» (12, 185). Сила Кутузова заключалась «в том народном чувстве, которое он носил в себе во всей чистоте и силе его» (Там же). Положенная в основу «Войны и мира» «мысль народная» дала Т. ключ для верной оценки великого русского полководца и его соратников.

Уже в ранних критических отзывах о «Войне и мире» (первые отд. изд. появились в 1867—1869 гг.) высказывались самые разные мнения относительно ее художественной формы, прежде всего жанровой природы. «Что же это такое? — спрашивал, напр., критик Н. Д. Ахшарумов. — К какому разряду литературных произведений отнести его? <...> Что же это все? Вымысел, чистое творчество или действительность?» (Голос.— 1865.— № 93). Позднее тот же критик писал, что «Война и мир» это не хроника и не исторический роман, а «очерк русского общества» (Всемирный труд.— 1867.— № 6). «Эпопеей в современных формах искусства» назвал «Войну и мир» Н. Н. Страхов. В то же время, наоборот, он отнес произведение Т. к жанру «семейной хроники» (Страхов Н. Н. Критические статьи об И. С. Тургеневе и Л. Н. Толстом.— Спб., 1896.— С. 290, 346, 348, 361). Т. отверг это определение в статье «Несколько слов по поводу книги «Война и мир». Много позднее М. Горький записал отзыв Т. о его «книге»: «Это как «Илиада» (Горький М. Собр. соч.: В 30 т.— М., 1951.— Т. 14.— С. 284).

Изучение рукописей произведения (их сохранилось свыше пяти тысяч листов) показало, что с самого начала в основе «Войны и мира» лежал большой исторический замысел. Книга была задумана не как цикл из нескольких семейных хроник, а как художественная «история народа» (15, 4). Придав историческому роману масштабы эпоса, автор «Войны и мира» поднял на новый уровень искусство русской и мировой романистики. По прочтении книги И. А. Гончаров писал Тургеневу: «Он, т. е. граф, сделался настоящим лвром литературы» (И. А. Гончаров и И. С. Тургенев.— П., 1923.— С. 62). В свою очередь Тургенев так оценил значение романа: «...нельзя не сознаться, что с появлением «Войны и мира» Толстой стал на первое место между всеми нашими современными писателями» (Полн. собр. соч. и писем. Письма.— М., 1964.— Т. 7.— С. 76). Восторженно отзывались о «Войне и мире» Ф. Флобер, Ги де Мопассан, Дж. Голсуорси и др. зарубежные писатели. М. Горький видел в «Войне и мире» «величайшее произведение мировой литературы в XIX веке» (История русской литературы.— М., 1939.— С. 292). А по сло-

вам современного колумбийского писателя Габриэля Гарсиа Маркеса, «Война и мир» — самый великий роман, который был написан во все века» (Известия.— 1979.— 22 авг.). Книга Т. по праву вошла в число «вечных книг» человечества.

Завершив «Войну и мир», Т. несколько лет изучал материалы о Петре I и его времени. Петровская эпоха, как он думал, заключала в себе «узел» всей дальнейшей русской жизни с ее противоречиями. Написав несколько глав «петровского» романа, Т. отказался от своего замысла. В нач. 70 гг. писателя вновь увлекла педагогика. Много труда вложил он в создание «Азбуки», а затем и «Новой азбуки». Тогда же он составил «Книги для чтения», включив в них много своих рассказов.

Весной 1873 г. Т. начал и через четыре года закончил работу над большим романом о современности, назвав его по имени главной героини — «Анна Каренина». В этом произведении, как вспоминала жена писателя, он любил «мысль семейную» (Толстая С. А. Дневники: В 2 т.— Т. 1.— С. 502). Драматически складывающейся семейной жизни Анны Карениной противопоставлено в романе супружеское счастье Константина Левина. Однако история счастливой семьи Левина не идиллична: чувство тревоги за будущее не только своей семьи, а и всей страны не покидает Левина, не раз доходившего до полного отчаяния. Левин несет в себе черты типичного толстовского героя-правдоискателя, человека совестливого, честного, не боящегося ставить самые болезненные вопросы времени. Он мучительно ищет выход из тупика, в какой зашла русская пореформенная жизнь. «...У нас теперь, — решает он, — когда все это (т. е. старый, дореформенный строй жизни.— К. Л.) перевернулось и только укладывается, вопрос о том, как уложатся эти условия, есть только один важный вопрос в России...» (18, 346). Приведя эти слова в статью «Л. Н. Толстой и его эпоха», Ленин заметил: «Устами К. Левина в «Анне Карениной» Л. Толстой чрезвычайно ярко выразил, в чем состоял перевал русской истории за эти полвека» (Ленин и В. И. Полн. собр. соч.— Т. 20.— С. 100).

Толстовский герой мечтает о «бескровной революции», которая, как он предполагает, произойдет сначала у него в имении, затем в его уезде, потом в губернии и, наконец, во всей России и далеко за ее пределами. Эта революция, по мысли Левина, не «обидит» ни мужика, ни барина. Но еще молодой князь Нехлюдов из рассказа Т. «Утро помещика» столкнулся с непреодолимым недоверием крепостных крестьян к его проектам об улучшении их положения. С еще большим недоверием отнеслись крестьяне к планам Левина о совместном с ними владении землей, об «артельном» хозяйстве.

Видя, что его интересы помещика «не только чужды и непонятны, но фатально противоположны их самым справедливым интересам» (18,

340), Левин в то же время признает «простоту, чистоту и законность этой жизни» людей труда (18, 291). Он полагает, что найдет утешение для себя и оправдание многовековой вины дворянства перед народом, если будет жить, как старый крестьянин Фоканыч, о котором мужики говорят, что он «для души живет, бога помнит». Подобный финал исканий свидетельствовал о глубоком кризисе в мировоззрении не только героя романа, но и самого писателя. Левин один из самых близких ему героев. «...Рефлексии Левина, его падения, ошибки, все новые и новые искания,— писал В. Г. Короленко,— это — свое, родное, органически присущее душе самого Толстого» (Короленко В. Г. О литературе.— М., 1957.— С. 151). Левин испытывает искреннее сочувствие к Анне Карениной, видя в ней глубоко оскорбленного и страдающего человека, посмеявшегося не посчитаться с правилами «светского этикета», заменяющими в ее среде общечеловеческие нормы морали. Если отношения Левина с его окружением складываются порой драматично, то для Анны Карениной они — трагичны. Брак Анны с Карениным был «устроен» ее теткой и был браком по расчету. Анна стала женой человека, который «всю жизнь свою... прожил и проработал в сферах служебных, имеющих дело с отражениями жизни». Решающая черта характера Каренина заключалась в том, что «каждый раз, когда он сталкивался с самою жизнью, он отстранялся от нее» (18, 151). Далеко от интересов подлинной жизни и Вронский с его искусственным «сводом правил» светского человека. Не напрасно Левин испытывает тревогу за Анну, боясь, что «Вронский не вполне понимает ее». И уже первые встречи Анны и Вронского полны предчувствия неминуемой для них беды. Чуткая ко всякой фальши Долли называет семью Анны и Вронского «неправильной», возникшей ценой разрушения каренинской семьи. Пострадал не только Каренин, но и сын Сережа, о сиротстве которого не может забыть Анна. После тайного свидания с Сережей, жившим в доме отца, Анна поняла, что «в нем уже боролись мысли, чувства: он понимал, он любил, он судил ее, думала она, вспоминая его слова и взгляды. И она навсегда не только физически, но духовно была раздвинута с ним, и поправить этого нельзя было» (19, 110). В одной из глав пятой части романа есть поразительная сцена: фотографией Вронского Анна вытаскивает из альбома фотографию сына (19, 111). Анна любит и Сережу и Вронского, но соединить их в одну семью она не может — это не в ее силах. И в этом — главный источник ее страданий.

Потрясающая сцена встречи Анны с Сережей в день его рождения несет в себе общечеловеческий смысл, ставит «вечный» вопрос об ответственности родителей за счастье детей, о нравственных обязанностях взрослых перед теми, кто только начинает жить. И не случайно Горький

относил «Анну Каренину» к числу «общечеловеческих книг», помогающих людям «видеть всю многогранность каждого явления жизни» (Литературное наследство.— М., 1963.— Т. 7С.— С. 630).

Не только ретроградная, но и радикальная критика 70 гг. не увидела глубочайших связей нового романа Т. с современностью. Это побудило Ф. М. Достоевского посвятить «Анне Карениной» цикл статей в «Дневнике писателя». «Книга эта,— писал он,— прямо приняла в глазах моих размер того факта, который мы могли бы указать Европе. <...> «Анна Каренина» есть совершенство как художественное произведение <...>, с которым ничто подобное из европейских литератур в настоящую эпоху не может сравниться...» (Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т.— Л., 1983.— Т. 25.— С. 199—200). Отвергая домыслы критиков о несовременности содержания «Анны Карениной», Достоевский утверждал, что роман Т. отвечает самой острой «злобе дня». Защищая роман от нападков критиков, Достоевский близко подошел к той характеристике типа толстовского романа, которая много лет спустя прозвучала в предисловии Томаса Манна к американскому изданию «Анны Карениной»: «Я без колебания назвал «Анну Каренину» величайшим социальным романом во всей мировой литературе». Вслед за Достоевским Томас Манн отвел попытку критиков огнестрельное произведение Т. к типу «великосветского романа»: «...Этот роман из жизни светского общества направлен против него,— об этом читателя предупреждает его библиейский эпиграф: «Мне отищение и аз воздам». Моральным побуждением, заставившим Толстого взяться за перо, было, несомненно, желание обличить общество, которое с холодной жестокостью изгоняет из своей среды гордую и благородную по натуре женщину, не сумевшую совладать со своею страстью...» (Манн Т. Собр. соч.: В 10 т.— М., 1961.— Т. 10.— С. 264). В том же предисловии Томас Манн, назвав «Анну Каренину» «великой книгой», отнес ее к эпосу, к той разновидности эпоса, которая нашла выражение в «гомеровской стихии», имеющей «непреходящее здоровое начало, непреходящий реализм».

И Достоевский и Томас Манн были не удовлетворены эволюцией характера Левина, каким он стал в эпилоге романа. Верно уловив всю шаткость левинских решений социально-этических проблем, выдвинутых временем, они, однако, не увидели, что позиция Левина — это крупный шаг на пути положительного толстовского героя к полному разрыву с его классом и к переходу на сторону трудового народа.

Духовный кризис, пережитый Т. в конце 70 — нач. 80 гг., завершился переломом в его мировоззрении. В «Исповеди» (1879—1882) писатель говорит о перевороте в своих взглядах, смысл которого он видел в разрыве с левинской дворян-

ского класса и переходе на сторону «простого трудового народа» (23, 47).

В нач. 80 гг. Т. переехал с семьей из Ясной Поляны в Москву, заботясь о том, чтобы дать образование своим подраставшим детям. В 1882 г. проходила перепись московского населения, в которой Т. принял участие. Он близко увидел обитателей городских трущоб и описал их страшную жизнь в статье о переписи и в трактате «Так что же нам делать?» (1882—1886). В них писатель подверг анализу экономическое и политическое устройство буржуазно-дворянского общества, его мораль и нравственность и сделал вывод: «...Так нельзя жить, нельзя так жить, нельзя!» (25, 191). «Исповедь» и «Так что же нам делать?» представляли собой произведения, в которых Т. выступал одновременно и как художник и как публицист, как глубокий психолог и смелый социолог-аналитик. Позднее этот род произведений — по жанру публицистических, но включающих в себя художественные сцены и картины, насыщенные элементами образности, — займет большое место в его творчестве.

В эти и последующие годы Т. пишет также религиозно-философские сочинения: «Критика догматического богословия», «В чем моя вера?», «Соединение, перевод и исследование четырех Евангелий», «Царство божие внутри вас». В них писатель не только показал перемену в своих религиозно-нравственных воззрениях, но и подверг критическому пересмотру главные догматы и принципы учения официальной церкви. Ленин, высоко оценив толстовскую критику казенной церкви и догматического богословия, указал в то же время на то, что она соединялась у писателя с проповедью новой, очищенной религии, наносившей прямой вред делу освободительной борьбы.

В середине 80 гг. Т. и его единомышленники создали в Москве издательство «Посредник», печатавшее для народа книги и картины, вытеснявшие с книжного рынка примитивные лубочные издания. Первым из произведений Т., напечатанным для «простого» народа, был рассказ «Чем люди живы». В нем, как и во многих других произведениях этого цикла, писатель широко воспользовался не только фольклорными сюжетами, но и выразительными средствами устного творчества. По поводу рассказа «Чем люди живы» В. В. Стасов писал Т.: «...Язык выработался у вас до такой степени простоты, правды и совершенства, какую я находил еще только в лучших созданиях Гоголя» (Лев Толстой и В. В. Стасов. Переписка, 1878—1906.— М., 1929.— С. 61). С народными рассказами Т. тематически и стилистически связаны его пьесы для народных театров и, более всего, драма «Власть тьмы», написанная в 1886 г. «Я раньше объявил, что буду писать для народа, — заявил Толстой, — и «Власть тьмы» я писал для народа» (Русанов А. Г. Воспоминания о Л. Н. Толстом. — Воронеж, 1937.— С. 162). Во «Власти тьмы»

запечатлена трагедия пореформенной деревни, где под «властью денег» рушились вековые патриархальные порядки.

Т. добивался, чтобы его народные рассказы и пьесы были не только общедоступными по форме, но и заключали в себе «доброе» содержание, соответствовавшее вероучению писателя. Отсюда — глубочайшие противоречия, заложенные в самой их основе. Суровое обличение гнета, насилия, общественной лжи и фальши нередко соединяется в них с призывами к незлобию, всепрощению. Правдивые картины жизни бедноты, обличение богатых сочетаются с проповедью покорности судьбе и христианской любви.

В 80 гг. появились повести Т. «Смерть Ивана Ильича» и «Холстомер» («История лошади»). Они поразили читателей соединением глубочайшего психологизма с обличительным пафосом, направленным против мира имущих. «Смерть Ивана Ильича» потрясла читателей изображением внутреннего мира ничем не примечательного человека, средней руки чиновника, полагавшего, что он устроил свою жизнь «приятно и прилично», что она «одобряема обществом» и начальством. Неизлечимая болезнь и страх перед близким концом заставляют его прозреть и понять, что «приличная, веселая, приятная жизнь», которую он вел, ужасна своей пустотой, фальшью, полной бездуховностью. В «Холстомере», «Смерти Ивана Ильича» Т. употребил художественный прием своеобразной ретроспекции: сначала в них рассказывается о финале жизненной судьбы главных героев, а уже затем, в свете конца изображается вся их предшествующая жизнь. Этот прием используется писателем и в повести «Крейцера соната» (1887—1889). В ней, а также в рассказе «Дьявол» (1889—1890) и повести «Отец Сергей» (1890—1898) остро ставятся проблемы любви и брака, чистоты семейных отношений.

На основе социального и психологического контраста строится повесть Т. «Хозяин и работник» (1895), связанная стилистически с циклом его народных рассказов, написанных в 80 гг. Пятью годами ранее Т. написал для «домашнего спектакля» комедию «Плоды просвещения», которую Горький ценил столь же высоко, как «Горе от ума» Грибоедова и «Ревизора» Гоголя. В ней также показаны «хозяева» и «работники»: живущие в городе дворяне-землевладельцы и приехавшие из голодной деревни, лишенные земли крестьяне. Образы первых даны сатирически, вторых автор изображает как людей разумных и положительных, но в некоторых сценах и их «подает» в ироническом свете.

Комедия «Плоды просвещения», остропроблемные повести и рассказы 80—90 гг., а также статьи и трактаты «позднего» Т., посвященные самым большим вопросам современности, объединены мыслью о неминувшей и близкой по времени

«развязке» социальных противоречий, о замене изжившего себя общественного «порядка». «Какая будет развязка, не знаю,— писал Т. в 1892 г.,— но что дело подходит к ней и что так продолжаться, в таких формах, жизнь не может,— я уверен». Этой идеей одухотворено крупнейшее произведение всего творчества «позднего» Т.— роман «Воскресение» (1889—1899).

Менее десяти лет отделяют «Анну Каренину» от «Войны и мира». «Воскресение» отделено от «Анны Карениной» двумя десятилетиями. И хотя многое отличает третий роман Т. от двух предыдущих, их объединяет истинно эпический размах в изображении жизни, редкое умение «сопрягать» в повествовании отдельные человеческие судьбы с судьбой народной. Т. сам указывал на единство, существующее между его романами: он говорил, что «Воскресение» написано в «старой манере», имея, прежде всего, в виду эпическую «манеру», в которой были написаны «Война и мир» и «Анна Каренина».

Эпичность «Войны и мира» (судьба народа и родины как главный предмет изображения) и романная форма «Анны Карениной» (судьба главной героини в основе сюжета произведения) соединились в «Воскресении», образовав оригинальную художественную форму романа «большого захвата», «большого дыхания», как называет ее Т. в письмах и дневниковых записях. Сближает эти произведения и сходство их главных героев. Пьер Безухов и Андрей Болконский, Константин Левин и Дмитрий Нехлюдов — главный герой «Воскресения» — наиболее близки автору из всех действующих в его романах лиц. Т. нередко «поручает» им высказать свои взгляды на те или иные события, оценить мысли и чувства, слова и поступки современников. Каждому из них присущи важнейшие качества толстовского положительного героя: богатство внутреннего мира, высокий уровень нравственных требований к себе и другим, стремление на деле осуществить принципы деятельного добра, поиски путей к сближению с народом, в ком они видят решающую силу исторического развития и перед кем считают себя в неоплатном долгу за привилегии, которыми пользовался их дворянский класс в течение многих столетий. Сохраняя в себе эти черты, кн. Дмитрий Иванович Нехлюдов в то же время выступает как типичный герой «позднего» творчества Т. с присущими ему особенно резкими, глубокими колебаниями во взглядах и поступках. Долго работая над архитектурой «Воскресения», писатель создал панорамную композицию, позволившую ему показать все «этажи» пореформенного русского общества, ввести своего наблюдательного героя в разные сферы бюрократического государства. Встречаясь с высокими особами из чиновничьей, военной, церковной, полицейской касты, Нехлюдов приходит к выводу, что они составляют единую корпорацию «людоедов», совершенно глухих, «непромокаемых», бес-

чувственных по отношению к бедам и нуждам людей из народа. Таковы все «хозяева жизни», начиная от царских сановников, обер-прокурора Синода, сенаторов, министров, губернаторов и кончая тюремными начальниками. Считая себя «слугами закона», они в каждом «простом» человеке видят потенциального закононарушителя.

Многолик и красочен показанный в «Воскресении» народный мир. Каменщики, плотники, строители, рабочие на торфяных разработках, поденщики, мастеровые, прачки, прислуга обриваны Т. как оторванный от земли и вынужденный искать работу в городе крестьянский люд. Картины ужасающей нищеты и разорения, голодовок и вымирания пореформенной деревни поражают в «Воскресении» своим суровым реализмом, бесстрашием правдивого художника. «— Какая наша жизнь! Самая плохая наша жизнь»,— говорит старик крестьянин из деревни Паново, отвечая на вопрос Нехлюдова. Подобно тому как в 90 гг. Т., помогая голодавшим крестьянам, делал подворные обходы в деревнях, пострадавших от неурожая, Нехлюдов идет из одной избы в другую и убеждается в том, что бедствия народа стали переносимыми.

Если Константин Левин только пытается понять, откуда возникло непримиримо-враждебное отношение народа к помещикам, то Нехлюдов ясно видит его причины. Левин искал и не нашел путей примирения интересов землевладельца и крестьянина. Нехлюдов решает передать свою «родовую» землю крестьянам на таких выгодных для них условиях, чтобы они получили «возможность быть независимыми от землевладельцев вообще» (32, 199). Левин только мечтал о женитьбе на крестьянке и о переселении из усадьбы в крестьянскую общину. Нехлюдов отказывается жениться на девушке из аристократического общества, хочет связать свою судьбу с Катюшей Масловой и жить вне дворянской среды.

Однако автор романа ни в малейшей степени не идеализирует своего героя. Более десяти лет какая-то «страшная завеса» скрывала от сознания Нехлюдова и преступность совершенного им обмана Катюши, и преступность всего его образа жизни. Он «в глубине своей души... чувствовал всю жестокость, подлость, низость не только этого своего поступка, но всей своей праздной, развратной, жестокой и самодовольной жизни...» (32, 78). Пройдет немало времени, прежде чем он, все более убеждаясь в безнравственности своего образа жизни, решится на полный разрыв отношений с людьми, которых считал близкими и равными себе по положению в обществе. Размышляя над противоречиями натуры своего героя, Т. записал в дневнике 1895 г.: «...Думал о двойственности Нехлюдова. Надо это яснее выразить». В романе это выражено с полной ясностью не только в рассуждениях о том, что в душе Нехлюдова жили два человека — духовный и животный, но и в глубоком анализе борьбы между ними.

В нем, «как и во всех людях, было два чело- века», — утверждает Т. «Люди как реки: вода во всех одинаковая и везде одна и та же, но каж- дая река бывает то узкая, то быстрая, то широ- кая, то тихая, то чистая, то холодная, то мутная, то теплая. Так и люди» (32, 194). Однако из суждений писателя о «текучести» человека вовсе не следует, что он отказывался от четкой нрав- ственной оценки изображаемых людей. Пафос этих суждений направлен против прирож- денной преступности, которая в то время, когда разворачивается действие романа, принималась «за последнее слово научной мудрости». Расска- зывая историю жизни главной героини романа, писатель говорит, что это была самая обыкно- венная история. Точно так же, как Катюша Масло- ва, гибли сотни других девушек, принадлежавших к «низам» общества. Судьбу Катюши определили два пережитых ею «душевных переворота»: один был вызван подлым поступком Нехлюдова, отбро- сившим ее на самое «дно» жизни, а другой про- изойдет с нею тогда, когда по дороге на катор- гу она встретит людей, которым поверит и кото- рые помогут ее духовному возрождению. В тюрь- ме и по дороге в Сибирь Катюша с глубокой болью и горечью воспринимала жестокое отноше- ние начальства к арестантам. На вопрос Нехлю- дова — что она думает о положении народа? — Катюша отвечает: «Я думаю, обижен простой народ... очень уж обижен простой народ». Ее симпатии привлекли к себе политические ссыль- ные: «Она очень легко и без усилий поняла мотивы, руководившие этими людьми, и, как чело- век из народа, вполне сочувствовала им. Она поняла, что люди эти шли за народ против гос- под...» Общение с ними «открыло ей такие ин- тересы в жизни, о которых она не имела никако- го представления» (32, 367). Под благотворным влиянием этих, по ее словам, «чужесынных людей» Катюша вновь обретает веру в жизнь и добро, в возможность счастья. Подобно автору «Воскре- сения», кн. Нехлюдов проникся чувством уваже- ния к «политическим», когда познакомился с ними и убедился в том, что «среди них считались обя- зательными не только воздержание, суровость жизни, правдивость, бескорыстие, но и готовность жертвовать всем, даже своею жизнью, ради обще- го дела» (32, 375). Известно, что автор «Воскре- сения» не был сторонником революционного метода общественного переустройства, но, как верно говорит М. Горький, писателю «пришлось признать и почти оправдать в «Воскресении» ак- тивную борьбу» (История русской литературы. — С. 4). В четвертой и особенно в пятой редак- циях «Воскресения» (всего их было шесть) автор романа открыто указывал на причины, застав- лявшие революционеров-народовольцев прибег- нуть к крайним способам борьбы с самодержав- ием. «Если они убивали, — писал Т., — то они де- лали необходимое дело», как солдаты на войне, однако у них «мотивы были выше — благо наро-

да» (33, 243). И в окончательной редакции «Вос- кресения» писатель говорит о них как о людях очень высокой нравственности, посвятивших себя делу освобождения народа. «Человек из народа» Катюша Маслова выходит замуж за революцио- нера Симонсона. Этим событием определено все ее будущее. Из эпилога романа ничего нельзя узнать о будущем Нехлюдова. Однако Т. как бы пообещал читателям написать продолжение романа: «Чем кончится этот новый период его жизни, покажет будущее» (32, 445).

Т. надеялся, что его роман найдет путь к мил- лионам читателей. «Я все пишу свое совокупное — многим — письмом — «Воскресении», — сообщил он друзьям в декабре 1898 г., когда работа над ро- маном заканчивалась (71, 515). Самым близким его сердцу было тогда «желание иметь своим читателем большую публику, рабочего, трудяще- гося человека и подвергнуть свои мысли его решающему суду». Этот читатель, говорил Т., «составляет везде $\frac{9}{10}$ всего человечества» (72, 473). Роман «Воскресение», став одним из наиболее выдающихся произведений русской и мировой литературы на рубеже двух веков, упо- чил всесветную славу его автора.

Прогрессивная критика быстро и точно опре- делила значение последнего романа Т. А. А. Блок увидел в нем «завещание уходящего столетия новому» (Блок А. А. Записные книжки. — М., 1965. — С. 114). Р. Роллан назвал «Воскресе- ние» «одной из прекраснейших поэм о челове- ческом сострадании» (Роллан Р. Собр. соч. — Л., 1933. — Т. XIV. — С. 290), а А. В. Луначар- ский — «социально-гениальнейшим романом» (Литературное наследство. — М., 1961. — Т. 69. — С. 418).

В нач. 900 гг. в жизни Т. произошло событие, о котором писала печать всего мира: Святей- ший Синод отлучил его от православной церкви, прибавив его имя к перечню «еретиков», вероот- ступников, «служителей дьявола». Но «отлучение» от церкви не произвело на Т. особого впечатления: когда петербургский митрополит Антоний пытал- ся найти пути для примирения писателя с офи- циальной церковью, Т. ответил: «О примирении речи быть не может».

В последнее десятилетие жизни писатель за- нимался, как и всегда, напряженным творчес- ким трудом. С исключительным увлечением он работал над повестью «Хаджи-Мурат» (1896— 1904), в которой стремился сопоставить «два полюса властного абсолютизма» — европейский, олицетворяемый Николаем I, и азиатский, олицетворяемый Шамилем. Оба эти властителя, а также их ставленники, используя любые средства, разжигали национальную рознь и ненависть. Т. называет «двумя главными противниками той эпохи» не народы — русских и горцев, а «Ша- миля и Николая». От войны страдали и горцы разоренных аулов, и простой, незлобивый чело- век — русский солдат Петр Авдеев. Жер. вол. се

становится и главный герой повести, который дорог автору тем, что «отстаивает жизнь до последнего». В это же время Т. создает одну из лучших своих пьес — «Живой труп». Ее герой — добрейшей души, мягкий, совестливый Федя Протасов уходит из семьи, рвет отношения с привычной ему средой, попадает на «дно» и в здании суда, не вынеся лжи, притворства, фарисейства «добропорядочных» людей, выстрелом в себя из пистолета сводит счеты с жизнью. Как крик души писателя прозвучала написанная в 1908 г. статья «Не могу молчать», в которой он протестовал против зверских расправ царизма с участниками первой русской революции. Глубокой болью за поругание человеческого достоинства, за невинно погубленных людей трогает читателя поздние рассказы писателя «После бала», «За что?» и др.

Тяготясь барским укладом жизни в Ясной Поляне, Т. не раз собирался и долго не решался ее покинуть. Но жить по принципу «вместе-врозь» уже не мог и в ночь на 28 октября (10 ноября) тайно покинул Ясную Поляну. По дороге он заболел воспалением легких и вынужден был сделать остановку на маленькой станции Астапово (ныне Лев Толстой), где и провел свои последние несколько дней. 10(23) ноября 1910 г. Т. похоронили в Ясной Поляне, в лесу, на краю оврага, где в детстве он вместе с братом искал «зеленую палочку», хранившую «секрет», как сделать всех людей счастливыми.

Известие о кончине великого русского писателя быстро облетело весь мир, вызвав чувство скорби у миллионов его читателей. С годами интерес к наследию Т. не только не уменьшается, но все более растет. Общеизвестно его громадное влияние на мировой литературный процесс. Еще в 1911 г. А. Франс говорил: «Толстой — это великий урок. Своим творчеством он учит нас, что красота возникает живою и совершенно из правды, подобно Афродите, выходящей из глубин морских. Своей жизнью он провозглашает искренность, прямоту, целеустремленность, твердость, спокойный и постоянный героизм, он учит, что надо быть правдивым и надо быть сильным... Именно потому, что он был полон силы, он был всегда правдив!» (Литературное наследство. Толстой и зарубежный мир. — М., 1965. — Т. 75. — Кн. 1. — С. 126). Подчеркивая мысль о всемирном значении творчества Т., К. А. Федин утверждал: «Лев Толстой — мировая школа литературного искусства. Это русская литературная школа, вызвавшая небывало широкое течение художественной мысли на земном шаре» (Федин К. Писатель. Искусство. Время. — М., 1957. — С. 23).

Громадную роль для верного понимания значения Т. в истории развития русской общественной мысли и литературы, в духовной жизни современного человечества сыграли и продолжают играть статьи Ленина, посвященные наследию великого писателя. В ленинском восприя-

тии Т. всегда оставался гениальным художником, который «дал ряд самых замечательных произведений, ставших его в число великих писателей всего мира». Утверждая, что они «принадлежат к лучшим произведениям мировой литературы», Ленин видел в творчестве Толстого «шаг вперед в художественном развитии всего человечества» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 20. — С. 19). Всемирное значение наследия писателя Ленин усматривал в том, что в его произведениях, как в зеркале, отразилась громадная эпоха 1861—1905 гг., эпоха подготовки первой русской революции, со всеми ее сильными и слабыми сторонами, обусловившими противоречия в мировоззрении и творчестве Т. Называя Т. «зеркалом русской революции», Ленин четко разграничивает в наследии писателя то, что ушло в прошлое, и то, что в нем принадлежало будущему. Ленинские слова «это наследство берет и над этим наследством работает российский пролетариат» (Там же. — С. 23) служат величайшим признанием живого, современного значения созданного великим разумом Т. — художника и мыслителя. Бессмертие Т. Ленин связывал с победами сил прогресса, демократии и социализма, утверждая, что его «художественные произведения <...> всегда будут ценными и читаемы массами, когда они создадут себе человеческие условия жизни» (Там же. — С. 20).

Соч.: Полн. собр. соч. Юбилейное издание: В 90 т. — М., 1928—1958; Указатели к Полн. собр. соч. Л. Н. Толстого. — М., 1964; Собр. соч.: В 22 т. — М., 1978—1985.

Лит.: Русская критическая литература о произведениях Л. Н. Толстого: В 8 ч. / Сост. В. А. Зелинский. — 2 изд. — М., 1898—1912; Бирюков П. И. Биография Льва Николаевича Толстого. — 2 изд., доп. и испр. — М.; Пг., 1923; Гусев Н. Н. Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1828 по 1855 год. — М., 1954; То же. С 1856 по 1869 год. — М., 1957; То же. С 1870 по 1881 год. — М., 1963; Оульсфельд Л. Д. Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1886 по 1892 год. — М., 1979; Гусев Н. Н. Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого. 1828—1890. — М., 1958; То же. 1891—1910. — М., 1960; Гудзий Н. К. Лев Толстой. — 3 изд., доп. и испр. — М., 1960; Эйхенбаум Б. М. Лев Толстой. Семидесяте годы. — Л., 1960; Шкловский В. Б. Лев Толстой. — М., 1963; Ломоносов К. Н. Лев Толстой: Очерк жизни и творчества. — 2 изд., доп. — М., 1984; Мотылева Т. Л. О мировом значении Л. Н. Толстого. — М., 1957; Бидинкис Я. С. О творчестве Л. Н. Толстого. Очерки. — Л., 1959; Бурсов В. И. Лев Толстой и русский роман. — М.; Л., 1963; Бочаров С. Г. Роман Л. Н. Толстого «Война и мир». — М., 1963; Зайденштерн Э. Е. «Война и мир» Л. Н. Толстого: Создание великой книги. — М., 1966; Асмус В. Ф. Мировоззрение Толстого // Асмус В. Ф. Избр. философские труды. — Т. 1. — М., 1969; Жданов В. А. От «Анны Карениной» к «Воскресению». — М., 1971; Ломоносов К. Н. Эстетика Льва Толстого. — М., 1972; Храпченко М. Б. Лев Толстой как художник. — 4 изд. — М., 1975; Ломоносов К. Н. Лев Толстой в Современном мире. — М., 1975; Бабеева Э. Г. Лев Толстой и русская журналистика его эпохи. — М., 1978; Полякова Е. И. Театр Л. Н. Толстого. — М., 1978; В мире Толстого. Сб. ст. / Сост. С. Машинский. — М., 1978; Камянов В. Поэтический мир эпоса. О романе Л. Толстого «Война и мир». — М., 1978; Мотылева Т. Л. «Война и мир» за рубежом: Переводы. Критика. Влияние. — М., 1978; Анинский Л. Лев Толстой и кинематограф. — М., 1980; Ломоносов К. Н. Ленин читает Толстого. — 3 изд., доп. — М., 1980; Фортунатов Н. М. Творческая лаборатория Л. Толстого: Наблюдения и раздумья. — М., 1983; Халилов В. Е., Корнилов С. И. Роман Л. Н. Толстого «Война и мир». —

М., 1983; Ищук, Г. И. Лев Толстой. Диалог с читателем. — М., 1984; Диевров В. Искусство человековедения: Из художественного опыта Льва Толстого. — Л., 1985; Опульска и Л. Д. Роман-эпопея Л. Н. Толстого «Война и мир». — М., 1987; Библиография литературы о Л. Н. Толстом. 1917—1968. — М., 1960 (и последующие тома, подготовленные Госмузеем Л. Н. Толстого). К. Н. Ломунов

ТРЕНЁВ, Константин Андреевич, псевдоним — *К. Харьковский* [21.V(2.VI).1876, хутор Ромашово Харьковской губ. — 19.V.1945, Москва] — прозаик, драматург, публицист. Родился в семье бывшего крепостного крестьянина. В нач. 80 гг. нужда заставляет семью переселиться на Дон, где Т. посещает церковноприходскую школу, Каменское окружное уездное училище, а затем Дергачевское земледельческое училище. В 1896—1897 гг. он слушатель духовной семинарии в Новочеркасске, а впоследствии одновременно учится в Петербургской духовной академии и Петербургском археологическом институте. С 1904 г. Т. приступает к обязанностям преподавателя учительской семинарии в Новочеркасске, в дальнейшем ведет преподавательскую деятельность в Волчанске и Симферополе.

Т. признавался, что годы юности были для него «самыми мрачными годами беспомощных метаний» (Автобиография // Избр. произв. — М., 1949. — Т. 1. — С. 72). Он увлекался толстовством, идеями Писарева, мечтал о монашестве. Т. писать начал рано, но уверенности в своих силах не было, хотя еще в годы учебы он посылал свои рассказы и очерки в «Донскую речь» (первая публикация — рассказ «На ярмарку» в 1898 г.). Важной вехой на творческом пути Т. стало знакомство с В. Миролюбовым, который напечатал в 1903 г. его рассказы в своем «Журнале для всех». Хорошей школой мастерства для Т. явилась журналистика, несмотря на то что он сам не придавал большого значения своей журналистской работе. В очерках, корреспонденциях, фельетонах ему удавалось подняться над конкретными фактами неполадок и неурядиц в различных областях жизни и вскрыть общегосударственный механизм подкупа и подлогов, коррупции и стяжательства, составлявший основу уклада Российской империи. Публикации Т. своими своим критическим зарядом, он опирается на традиции М. Горького и М. Е. Салтыкова-Щедрина, но в методах исправления склоняется к морализаторской программе. В годы революции и начале 10 гг. он постоянный автор «Донской жизни», а с 1915 г. приглашается в «Русское слово». Возможно, что работа в газетах определила творческое кредо писателя: «Изображаю только то, что хорошо знаю» (Автобиография. — С. 76).

В ранней прозе Т. (до 10 гг.) главный герой — крестьянство, хотя встречаются и фигуры чиновников, купцов, городских бедняков («Гравосеянье», «На извозчике», «Человек»). В ней порой прослеживается ученическая зависимость от Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, писателей-

шестидесятников, А. П. Чехова, который остался его любимейшим писателем на всю жизнь. В первых рассказах Т. деревенская обстановка зачастую является только фоном, на котором разыгрывается анекдотическая ситуация («На ярмарку»). Жанровая природа их однородна — это сценки, эскизы, наброски, картинки с натуры («Помирились», «Соседи», «Вор», «Из принципа»). Их своеобразие — в точности наблюдений, меткости языка, но есть и сентиментальная чувствительность, нотки прекраснотуши («Омелько-пастух», «Олеся», «Сватанье»). Особенностью повествования является предельное сближение автора и рассказчика. Но в конце 900 гг. на страницах его произведений появляются крестьяне, изнемогающие под гнетом предрассудков, бремени налогов, подвергающиеся притеснению со стороны помещиков и деревенских богатеев, возникает трезвый анализ деревенской жизни, яркие, самобытные характеры. Созреванию Т. как художника в эти годы во многом способствовал М. Горький, к которому он обратился за творческой помощью. Письма М. Горького к Т. пестрят замечаниями, поправками, советами. Он считал, что во имя творчества Т. следует как можно быстрее «извлечь из педагогики» (Горький М. Собр. соч.: В 30 т. — М., 1955. — Т. 29. — С. 208).

Любимыми персонажами писателя 10 гг. становятся мечтатели, бесребреники, люди, живущие в мире иллюзий, такие, как Ганна, Чекалка («Мокрая балка», 1913), Олена («Вихри», 1916—1917), Лисавета («Батраки», 1916). Им противопоставляются забытые до отупения, забывшие обо всем человеческом в себе Качка, Серега («Мокрая балка»), Праця («Вихри»). Если же в душах крестьян зарождаются гнев, возмущение, ненависть, то они выливаются в стихийный протест, проявление которого чаще всего дико, случайно (поджог усадьбы в «Затерянной кринице», 1909, нелепое убийство своего же брата-крестьянина в «Батраках»). Т. рисует уродующее человеческую психику влияние социальных условий, извечную зависимость крестьянина от природы. Вся крестьянская жизнь проникнута вековой мечтой о земле и глубоко вневшимся пониманием того, что все, исходящее от господ, несет горе — будь то барская благодетельность («На ярмарке», 1913) или полнейшая безучастность («По тихой воде», 1915). Повествование становится более динамичным, приобретает очертания классовый конфликт.

Но подлинное знакомство читающей публики с Т.-прозаиком началось с повести «Владыка» (1912), получившей многочисленные отклики прессы. Столкновение «двух правд» — божеской правды канонических установлений и священных текстов, воплощенной в образе религиозного фанатика архиерея Иннокентия, и человеческой правды, заключенной в образе семинариста Паши Разумова, — составляет ее конфликт, раз-

решающийся самоубийством мальчика и сумасшествием владыки, осознавшим бесчеловечность божьих постулатов. Конфликт повести осложняется еще и тем, что архиерей Иннокентий объективно чище и благороднее всех тех служителей культа, которые, как о. Серафим, тшедушный Иеремия, не гнушающийся мирских радостей иеродиакон Савватий, сделали из религии способ достижения почестей и благ. Их скарденность, тупость, обращенность к житейскому выгодно оттеняют истинное служение богу Владыки, которое тем не менее оказывается лишенным какой бы то ни было цены рядом с ценностью человеческой жизни. Главная идея повести — религия несовместима с принципами гуманизма — раскрыта была Т. в психологически точно обрисованных и сатирически заостренных характерах.

Особое место в творчестве Т. занимает сатирическая линия. По его собственному признанию, в нем «прочно засели сатирик и публицист». Тонкий, поэтический юмор, напоминающий короленковский, используемый Т. при описании бедняцкой жизни, сменяется сарказмом при обращении к образам кулаков, купцов, попов. А убого-мстительный Самсон Глечик («Самсон Глечик», 1914) заставляет вспомнить Беликова и Передонова. При этом он выступает не просто как воплощение окостеневшей бюрократии и казенщины, он — «политический деятель» эпохи реакции: доносчик, провокатор, черносотенец.

Одновременно с работой над прозаическими произведениями крепнет интерес Т. к драматургии, что находит свое выражение в театральных рецензиях и драматургических опытах. Из текущего репертуара Т. выделял пьесы Чехова, Чирикова, Найденова, М. Горького, хотя последние и казались ему недостаточно «сценичными». Уже в ранней прозе писателя ведущую роль играл выразительный диалог, а речь автора напоминала ремарки. Чувство юмора диктует Т. жанровую форму его первых произведений для театра — водевилей «Проезжающие» (1907) и «Руки вверх!» (1908), которые, однако, не выходят за рамки средней драматургической продукции тех лет. Ориентация на М. Горького-драматурга помогла создать Т. крупное драматическое произведение — пьесу «Отчего порвались струны?» (1910), впоследствии переименованную в «Дорожных» (1912). В «Дорожных» исследуются судьбы буржуазной интеллигенции, представители которой становились «революционерами на час», а потом горько раскаивались в своих заблуждениях. В основу пьесы положен идеологический конфликт: классовая сущность Дорогина подвергается неблагоприятному суду его жены Ольги, не приемлющей политического двурушничества мужа. Однако Т. интересуется столкновением классового и человеческого в личности. И он показывает Дорогина как человека, запутавшегося «в паутине истории» и поэтому

достойного сострадания, а его жену — женщиной, способной не только осуждать, но и любить. Положительным героем пьесы, воплощающим силы нового, по замыслу драматурга, должен был стать Алеша, но его образ остался непроявленным и невыразительным. В следующей пьесе «Папа» (1916), сурово раскритикованной М. Горьким, на первый план выдвинулся мелодраматический сюжет: терзания отца сирот, вынужденного ради их благополучия идти на сделку с совестью. Исследование поведения честного человека в среде дельцов и циников могло стать основой глубокого нравственного конфликта, однако мелодраматические эффекты затмили его суть. Итоговое же бунтарство и смерть героя не снимали с него вины: он предпочел бороться с сильными мира сего, используя их же методы. Однако даже драматургические просчеты Т. доказывают его стремление обнаружить не конкретных носителей зла, а доиспытывая до общих причин, порождающих это зло. Сходный мотив — победители и побежденные стоят друг друга с моральной точки зрения — распространен и в прозе Т. («Заблудились»). Первые драматургические опыты писателя свидетельствуют о попытках автора связать судьбы героев с социальными отношениями эпохи и о трудностях воплощения этой связи.

В предреволюционные годы Т. обращается к теме империалистической войны, рисуя возвращающегося домой, чтобы умереть, солдата («Святки»), безрадостную долю солдатки («Ганна»), поиски отцом безвестно сгнувшего сына («По тихой воде»). Рассказ «Письма» произвел глубокое впечатление на Л. Андреева: «реву, как белуга», — писал он (Телешов в Н. Записки писателя. — М., 1987. — С. 131). Израненную бедствиями войны, не понимающую ее целей и задач деревню описал Т. в очерках «На Украине», которые высоко оценил М. Горький. Характеристику, данную им этим очеркам, можно распространить на лучшие произведения писателя дореволюционной поры: «...хорошо написано! Легко, плавно, с такой острой улыбкой и такой славной грустью...» (Горький М. Собр. соч.: В 30 т. — Т. 29. — С. 364).

Соч.: Избр. произв.: В 1 т. / Под ред. Е. Д. Суркова и В. К. Тренина. — М., 1951; Избр. произв.: В 2 т. / Вступ. ст. и примеч. В. А. Днева. — М., 1955; Повести и рассказы / Сост. и предисл. М. О. Чудаковой. — М., 1977.
Лит.: Тальников Д. Литературные заметки // Современный мир. — 1915. — № 8. — Отд. II. — С. 184—192; Дерман А. Художник-портретист // Русское богатство. — 1917. — № 6—7. — С. 260—269; Сурков Е. Д. К. А. Тренин. — М., 1955; Файнберг Р. И. К. А. Тренин. — М.; Л., 1962.

М. В. Михайлова

ТРЕФОЛЕВ, Леонид Николаевич [9(21).IX.1839, Любим Ярославской губ. — 28.XI(10.XII).1905, Ярославль] — поэт. Родился в небогатой помещицкой семье. После окончания в 1856 г. Ярославской гимназии, не имея материальной возможности получить университетское образо-

вание, поступил на службу помощником редактора «Ярославских губернских ведомостей», где начал впервые печататься (с 1857 г.). Учительствовал в воскресной школе. В 1864 г. начал службу в строительном отделении при Ярославском губернском правлении, совмещая ее с 1866 г. с работой редактора неофициальной части «Ярославских губернских ведомостей». Работая в газете, Т. довел ее «до высшей степени порядочности, так что и столичные газеты не раз высказывали этот отзыв» (Достоевский А. М. Воспоминания.— Л., 1930.— С. 344). Образованность и независимость Т. приводили к частым столкновениям его с тогдашним ярославским вице-губернатором Н. А. Тройницким, вследствие чего Т. вынужден был уйти в 1870 г. из строительного отделения, а в 1871 г. был вообще уволен с государственной службы по причинам неблагонадежности. С 1872 г. Т. служил в земстве, одновременно редактировал «Вестник ярославского земства» (в течение более 25 лет). Т. принадлежал к тем прогрессивным земским деятелям, которые стремились превратить земства в «пятое колесо в телеге русского государственного управления» (Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 5.— С. 35). Т. не был свободен от либеральных иллюзий, но в лучших своих произведениях он подвергал резкой критике либеральное пустословие, напр. в сатирическом стихотворении «Буйное вече» (1881), которым восхищался Салтыков-Щедрин, называвший Т. «певцом буйных земцев» (Круглов А. В.— С. 91).

С 1864 г. Т. печатался в журналах «Дело», «Искра», «Отечественные записки», «Вестник Европы», «Будильник», «Осколки» и др. Сотрудничая в «Осколках», переписывался и был лично знаком с А. П. Чеховым, который ценил Т. как поэта и человека, сохраняя постоянный интерес к его личности (см.: Чехов М. П. Вокруг Чехова.— М., 1964.— С. 276). Самым крупным прижизненным изданием поэта явился сборник «Стихотворения Л. Н. Трефолева (1864—1893)», выпущенный в Москве в 1894 г. Т. почти всю жизнь прожил в Ярославле, выезжая чаще всего в Москву. В 1876 г. был за границей (в Германии и Франции); в 1884 г. путешествовал по Крыму и Закавказью.

Как поэт Т. принадлежит к некрасовской школе. Н. А. Некрасов высоко отзывался о Т.: «Стихи Трефолева бьют по сердцу. Это мастер, а не подмастерье». А на замечание собеседника о том, что Т. ученик Некрасова, последний ответил: «Скорее — последователь. Но если ученик, то такой, которым может гордиться учитель. Но у него свой костюм» (Круглов А. В.— С. 91).

Т. использовал достижения некрасовского стиля, в т. ч. ритм стиха, простонародную лексику, фольклорные элементы и т. д. Но родство

поэзии Т. с поэзией Некрасова обуславливается не столько внешним сходством, сколько глубинными, внутренними причинами — близостью взглядов на крепостническую и пореформенную Россию, положение крестьянства, судьбу русской женщины, на смысл и задачи поэзии. Основные мотивы творчества Т.— бедственное положение народа, горячее сочувствие его страданиям («Семинарнопут», 1864; «Что я умею нарисовать?», 1870; «На бедного Макара все шишки валяются», 1872; «Таинственный ящик», 1883, и др.); обличение жестокости правящих классов, их лживости, безнравственности («Стрелок», 1864; «Филантропу», 1877; «Добряк, душа человек», 1891, и др.); вера в силы народа и его грядущее освобождение («К России», 1877; «Нянины сказки», 1878; «Песня о Дреме и Ереме», 1882; «Макар», 1884; «Под осенним дождем», 1885; «Кровавый поток», 1899, и др.). Благодаря простоте языка, напевности стало популярной народной песней стихотворение «Дубинушка» (1865). Созданное в один год с одноименным стихотворением В. И. Богданова, ставшим впоследствии известной песней, оно было исполнено гнева «на злодейку судьбу, / Что вступила с народом в борьбу / И велела ему под ярмом, за гроши / Добывать для других барыши». Широко распространялась в народе песня «Когда я на почте служил ямщиком...» (1868; перевод стихотворения В. Сырокомли «Почтальон»). Наибольшую известность принесла Т. «Песня о камаринском мужике» (1867), в которой представлена судьба бедняка Касьяна, загулявшего до смерти в день своих именин. Используемый здесь народный фольклорный ритм передает широту и удаля Касьяна и одновременно подчеркивает трагическую участь его.

Как поэт-демократ Т. отрицательно относился к «чистому искусству». В программном стихотворении «Три поэта» (1891) Т. определяет предназначение поэта: «Утешать погибающих, слабых, больных, / В павшем брате не видеть злодея — / Вот в чем истина, вот в чем идея / Для смиренных людей, для поэтов земных!» К числу таких честных, благородных певцов горя и страдания людского Т. относил народного поэта И. З. Сурикова. Ему он посвятил стихотворение «Памяти Ивана Захаровича Сурикова» (1880), которое можно поставить в ряд лучших поэтических некрологов. В нем не только боль о потере близкого друга, но и горе народа об утрате благородного сына, надежда на будущую обновленную жизнь, когда «новая песня с чудесными звуками / Будет услышана нашими внуками».

Поэзии Т. свойственна не только гражданственность и публицистичность. Некоторые его стихи отличаются повышенной версификаторской изощренностью. Таково, напр., стихотворение «Набат» (1898), написанное секстихами: 36 стихов имеют лишь две рифмы, причем те слова, которые являются рифмами в первом шес-

стихии, проходят во всех шестя строках. К подобной изысканной и трудной форме поэты обращались редко (ср. секстину Л. А. Мея «Опять, опять звучит...»). Интересно в этом плане и стихотворение «В глухом саду» (1894), где каждая последующая строфа начинается с предпоследней строки предшествующей.

Мировоззрение Т. нельзя определить однозначно. Его стихам в целом не был свойствен революционный пафос Некрасова, он умился религиозным чувствам крестьян, призывал народ к терпению. Но вместе с тем у Т. есть остро-сатирические выпады против царя, царского дома, попов, одного из вдохновителей реакции К. П. Победоносцева; в эпиграмме на М. Н. Каткова Т. называл его «литературным жандармом». Подобные произведения поэт не надеялся опубликовать. Они хранились в его архивах вместе с теми многочисленными стихотворениями, которые не были пропущены цензурой. В эпоху реакции 80 гг. Т. оставался верным освободительным идеалам 60 гг. Он понимал, что с отменой крепостного права страдания народа не кончатся. Начало подлинного освобождения России он предчувствовал в нарастающем революционном движении на рубеже веков и приветствовал его в стихотворении «К свободе» (последние годы жизни): «Незримая для русского народа, / Ты медленно, таинственно идешь. / Пароль мой: «Труд, желанная Свобода!» / А лозунг твой: «Бодрее, молодежь!»

В автобиографии Т. признавался, что, кроме поэзии, страстно любил историю своего края. На протяжении всей жизни он увлекался изучением архивных материалов. Написанные в разное время, исторические статьи и очерки Т. разбросаны по различным периодическим изданиям. Впервые наиболее значительные из них вышли сборником в Ярославле в 1940 г. под названием «Ярославская старина»: «Ярославль при императрице Елизавете Петровне» (в очерке, в частности, впервые появились новые материалы о Ф. Г. Волкове), «Плещеевский бунт», «Монтионовские премии в российском вкусе» и др. Т. не умиляла патриархальная старина — он заостряет внимание на случаях вопиющего произвола, тяжких притеснений народа со стороны помещиков, военачальников, судей. Воссоздавая эти факты в живых историко-беллетристических рассказах, Т. художественно обрабатывает материалы исторических хроник, документов. Их бесстрастный язык сочетается в рассказах с авторским комментарием. Так, в рассказе «Меланхолик» в основе сюжета — зверское преступление помещика Бакунина, прибывшего поленом свою крепостную, видимо, за то, что честная женщина отвергла домогательства своего барина. Когда злодейство раскрылось и из земли вырыли обезображенный труп, Бакунин «придумал заявить себя человеком больным, страдающим меланхолией». Авторская оценка происходящего

весьма недвусмысленна — Т. по существу оправдывает народный бунт, считая, что при дальнейшем распространении пугачевщина обрела бы и в Ярославской губ. своих сторонников.

Т. известен также как переводчик западноевропейской (Г. Гейне, П.-Ж. Беранже, П. Дюпон), а также сербской, украинской, польской поэзии. Наиболее значительны его переводы из В. Сырокомли (Л. Кондратовича).

Соч.: Собр. стихотворений / Ред., примеч. и вступ. ст. А. Е. Ефремина. — М.; Л., 1931; Неизданные стихи и автобиография / Предисл. и примеч. А. Е. Ефремова // Литературное наследие. — М., 1932. — Т. 3; Ярославская старина. — Ярославль, 1940; Избранное. Стихи и краеведческие очерки. — Ярославль, 1955; Стихотворения / Вступ. ст. И. Я. Айзенштока. — Л., 1958.

Лит.: Круглов А. В. Десять поэтов: Портреты, биографии, характеристики // Бесплатное приложение к журналу «Свечок» и «Дневник писателя» на 1910 г. — С. 87—93; Айзеншток И. Я. Поэт-демократ Леонид Николаевич Трефолев. 1839—1905. — Ярославль, 1954. К. И. Нестерова

ТУМАНСКИЙ, Василий Иванович [28.II(2.III). 1800, с. Чарториги Глуховского у. Черниговской губ. — 23.III(4.IV). 1860, с. Аланасовка Гадячского у. Полтавской губ.] — поэт. Происходил из родовитой дворянской семьи. Семейство Туманских оказалось богато литературными дарованиями, в истории русской литературы нач. XIX в. известны имена еще трех Туманских: Ф. О. Туманского, дяди поэта, ученого, историко-графа, автора первой научной биографии Петра I, издателя журналов «Зеркало света», «Российский магазин», «Лекарство от скуки и забот», и двух его двоюродных братьев — А. А. Туманского, автора медитативных элегий, и Ф. А. Туманского, которому А. С. Пушкин посвятил стихотворение «Нет, не церкешенка она...». Т. родился и провел детство в усадьбе деда, генерального писаря Малороссии: Глубоко обострила его чувствительность и впечатлительность ранняя смерть матери. «От первой юности к печальным думам склонен», — скажет он о себе впоследствии (Брайловский С. В. И. Туманский. — С. 5). «Московский вестник», в котором активно сотрудничал поэт, назовет его музу «мечтательной» (1828. — Ч. 8. — С. 200). И. В. Киреевский также отметит элегическую направленность его творчества: «Туманский отличается нежностью чувства и музыкальностью стиха» (Киреевский И. В. Обзорение русской словесности за 1829 г. // Альманах «Денница». — 1830. — С. IX).

Т. получил хорошее домашнее образование, рано пробудились и его литературные интересы. После окончания Харьковской гимназии он учится в петербургском Петропавловском училище (1816—1818). В 1817 г. в журнале «Сын отечества» появляется его первое стихотворение — «Поле Бородинского сражения». В 1818 г. он принимается в действительные члены Вольного

общества любителей словесности, наук и художеств и начинает активно сотрудничать в главном органе Общества журнале «Благонамеренный». Ранние стихи его выдержаны в духе традиционно-романтических элегий, в них ощутимо подражание французским и немецким романтикам (Э. Парни, Ш. Мильвуа). В 1819 г. Т. едет в Париж для завершения образования и поступает вольнослушателем в учебное заведение, где слушает лекции известных профессоров того времени (Кузена, Араго и др.). Будучи во Франции, он не прерывает своих петербургских литературных связей, регулярно посылая корреспонденции в журнал «Благонамеренный». В Париже состоялось его знакомство с В. К. Кюхельбекером, который немало способствовал формированию его вольнолюбивых взглядов. Кюхельбекер не раз упоминает о Т. в своих дневниках, посвящает Т. известное стихотворение «К Ахетесу» (в одной из редакций — «К Туманскому»), образец гражданской лирики 20 гг.

В 1821 г. возвращается в Петербург, где целиком посвящает себя литературной деятельности. Петербургский период (1821—1823) — наиболее плодотворный в его творчестве. В это время происходит его творческая переориентация: связи его с «Михайловским (по месту собрания в Михайловском замке) обществом» слабеют и обрываются, и в 1821 г. он становится членом более либерального Вольного общества любителей российской словесности. Творчество Т. типично для поэтики русской элегической школы, сложившейся в 20 гг. XIX в. Ее отличительные черты — устойчивый, замкнутый условно-поэтический стиль гармонических норм, не допускающий эстетически необработанного бытового слова: «Пустынной жизнью изуренный / Не увядал бы в цвете я: / Кружился б образ незабвенный / И днем и ночью вкруг меня» — «Песнь любви» (1826) (см.: Г н и з б у р г Л. Я. О лирике. — Л., 1974. — С. 19—51). Однако традиционная элегия 20 гг. насыщается у Т. гражданским звучанием, тираноборческими мотивами, что во многом объясняется атмосферой, царящей в Обществе. Возглавлявший Общество Ф. Н. Глинка рассматривал его как одну из периферийных декабристских организаций, как поле пропаганды декабристских идей. Вольное общество любителей российской словесности сгруппировало вокруг себя всю передовую молодежь, его членами состояли К. Ф. Рылеев, А. А. и Н. А. Бестужевы, В. К. Кюхельбекер, А. С. Грибоедов, А. А. Дельвиг. Т. принимает активное участие в деятельности Общества, принимая к его левому крылу. Мирозрение его формируется в обстановке идей политического и философского радикализма. В 1823 г. в Обществе разгорается полемика между декабристски настроенной группой и правым крылом, возглавляемым фольклористом Н. А. Цертелевым. Т. принимает живейшее участие в поле-

мике с Н. А. Цертелевым и Б. М. Федоровым, выступив с программным стихотворением «Послание к кн. Н. А. Цертелеву» (1823), где он подверг резкой критике эпигонов классицизма и сентиментализма. В творчестве Т. усиливаются героические мотивы: «Гимн богу» (1822), «Век Елисаветы и век Екатерины (Отрывок из послания к Державину)» (1823). Лирика этих лет создается на типично декабристские темы, характерные для вольнолюбивой поэзии 20 гг.: это национально-освободительная борьба греческого народа — «Греческая ода (Песнь греческого воина)» (1823), Байрон как глашатай свободы — «Смотри как Байрон...» (1823). Такие стихи Т., как «Видение» (1822) и «Черная речка» (1823), отмеченные сильным влиянием В. А. Жуковского, своей усложненной метафоричностью вызывают резкие критические нападки со стороны журнала «Благонамеренный». Однако в целом по своей стилистической ориентации Т. остается характерным представителем элегической линии поэзии 20 гг.

С 1823 г. начинается продолжительный период служебной деятельности поэта. Он назначается в канцелярию губернатора Новороссийской губ. и наместника Бессарабии М. С. Воронцова и переезжает на жительство в Одессу. По обязанностям службы он много ездит по Бессарабии и Крыму. Пушкин, отбывавший в то время южную ссылку, шуточно пишет о нем: «Туманский, Фебу и Фемиде полезно посвящая дни, / Дозором ездит по Тавриде и проповсудет Парни». Он продолжает активно печататься в «Сыне отечества», «Соревнователе просвещения и благотворения», «Новостях литературы», «Литературных прибавлениях к «Русскому инвалиду», «Северных цветах», «Полярной звезде», «Невском альманахе», «Современнике». Стихи его появляются также в отдельных сборниках. Поэт становится одной из наиболее заметных фигур в одесском обществе и литературных салонах. В 1827 г. он принимает участие в издании «Одесского вестника», деятельно сотрудничает в «Московском вестнике», издаваемом М. П. Погодиным при ближайшем участии Пушкина, который рекомендовал поэта издателю. Пушкин с вниманием относится к его творчеству. «Сделай милость, не забывай своего таланта, боюсь, чтоб проза жизни твоей не одолела поэзии души», — пишет он Т. (Полн. собр. соч. — Т. 13. — С. 206). Несмотря на несколько ироничное отношение Пушкина к условно-поэтическому языку Т., которое он выразил в 10-й главе «Евгения Онегина» («Одессу звучными стихами / Наш друг Туманский описал...»), их литературные позиции во многом совпадают. Свидетельство тому — совместное письмо Пушкина и Т. Кюхельбекеру от 11 декабря 1823 г., в котором они предостерегают его от увлечения новоярханскими тенденциями. Кюхельбекер, Рылеев, А. А. Бестужев поддерживают связи с

Т. не только на литературной почве, но и на почве политического единомыслия, ввергая его пожеланиям А. Мицкевича, направлявшегося в Одессу: «Полюби Мицкевича... по чувствам и образу мыслей они уже друзья», — пишет ему Рылеев (Туманский и Мицкевич // Киевская старина. — 1899. — Март. — С. 30).

Стихи одесского периода, лучшие из которых «Одесса» (1823), «Девушка влюбленному поэту» (1824), два сонета «Греция» (1825), сонет «На кончину Ризнич (посвящается А. С. Пушкину)» (1825), в целом развивают элегическую традицию, варьируя устойчивые поэтизмы элегической школы. Т. добивается высокой степени ее гармонизации, оттачивая мелодику звуковой формы. Пушкин отмечает в его стихах «гармонию и точность слога». После 1825 г. в элегический стиль Т. начинает проникать романтический идеализм, завоевавший позиции в последекабристской России. Романтические опыты 30 гг.: «В память Веневитинова» (1827), «Судьба» (1830), в которых выражено понимание искусства как высшей духовной деятельности, порывы в бесконечное и абсолютное, осуществляются стилистическими средствами Жуковского, к поэтике которого он вновь обращается, развивая романтические мотивы. С 1825 г. Т. состоит переводчиком в государственной коллегии иностранных дел. В 1828 г. он откомандирован дипломатическим секретарем к управителю Молдавии и Валахии гр. Палену, деятельно участвует в редактировании Андрианпольского мирного договора (1831). В 1835 г. он назначается вторым секретарем русского посланника в Константинополе — А. П. Бутенева. В 1839 г. оставляет дипломатическую службу и переходит в Государственный совет помощником статс-секретаря по департаменту экономики. В течение нескольких лет он работает над трудом «Опыт истории Государственного совета в России с 1769 по 1820 г.». В 1841 г. первая часть труда была представлена Николаю I, и автор получает чин действительного статского советника. В 1844 г. на место прежнего государственного секретаря барона М. А. Корфа приходит новый секретарь Н. И. Бахтин, с которым у Т. происходит ряд столкновений, и в 1846 г., не дослужив двух лет до 25-летнего юбилея, он подает прошение об отставке и поселяется в своем родовом имении Апанасовка, где занимается устройством дел и воспитанием детей сестры, избирается попечителем Полтавской гимназии. Накануне подготовки крестьянской реформы Т. единогласно избирается председателем Полтавской комиссии по улучшению быта крестьян и депутатом в Петербург для представления проекта Положения. В архиве его сохранилась одна из последних его записей: «Считаю себя истинно счастливым, что дожил до этого радостного дня» (Брайловский С. — С. 9). Пишет Т. в эти годы мало, но стихи 30—40 гг. — лучшая часть его поэти-

ческого наследия. Элегическая традиция претерпевает у него существенную эволюцию. В серии таких лирических пейзажей, как «Мысль о юге» (1830), «Мысль о севере» (1830), «Дом на Босфоре» (1836), «Strand-Weg» (1833), усиливается объективное, предметно-эпическое начало, образный мир его стихов расширяется и конкретизируется. Вслед за Пушкиным он сближает элегию с антологической лирикой: «Стансы» (1830), «Отроковице» (1832). В стихотворениях «Размолвка» (1833), «Песня» (1843) он использует ритмико-интонационное строение романса, превосходящая романсную лирику Я. П. Полонского и А. А. Фета. В целом же как поэт Т. относится к т. н. младшему поколению пушкинской плеяды, которому «наиболее других поэтов-современников приличествует титул «последователя и подражателя Пушкину» (Брайловский С. — С. 38). Стихотворение его «Моя любовь» (1824) было дважды перепечатано («Северные цветы», 1835, «Современник», 1856) под именем Пушкина (см.: Гербель Н. В. Русские поэты в биографиях и образцах. — Спб., 1880. — С. 270).

Соч.: Стихотворения. 1817—1839 / Биограф. очерк Г. А. Милорадовича. — Пб., 1881; Письма В. И. Туманского и незаданные стихотворения. — Чернигов, 1801; Опыт истории Государственного совета в России. — Чернигов, 1903; Стихотворения и письма / Ред., биограф. очерк и примеч. С. Н. Брайловского. — Пб., 1912; Поэты 1820—1830-х гг. / Вступ. ст. Л. Я. Гинзбург; Сост. и примеч. В. Э. Вацууро. — Л., 1972. — Т. 1. — С. 252—310.

Лит.: Брайловский С. Н. Василий Иванович Туманский / С приложением незаданных произведений поэта. — Спб., 1890; Базанов В. Г. Ученая республика. — М.; Л., 1964. Т. Н. Очирова

ТУР, Евгения, псевдоним, настоящее имя *Салиас-де-Турнемир Елизавета Васильевна*, урожденная Сухово-Кобылина [12(24).VIII.1815, Москва — 15(27).III.1892, Варшава] — прозаик, критик. Сестра драматурга А. В. Сухово-Кобылина и мать исторического романиста Е. А. Салиаса. Родилась в старинной дворянской семье. Отец — генерал, участник Отечественной войны 1812 г., уездный предводитель дворянства в Подольске. Получила хорошее домашнее образование, среди ее учителей были С. Е. Раич, М. П. Погодин, Н. И. Надеждин. С Надеждиным Т. хотела связать свою жизнь, однако семья резко воспротивилась браку с «поповичем». Разрыв с Надеждиным Т. переживала тяжело, и ее увезли за границу. Впоследствии она вышла замуж за французского гр. А. Салиаса-де-Турнемира. По возвращении на родину Т. живет в Москве. Увлекаясь с юности литературой, она устраивает салон, который в разное время посещают А. И. Тургенев, Н. П. Огарев, Т. Н. Грановский, Н. Х. Кетчер, В. П. Боткин, И. С. Тургенев, А. И. Левитов, В. А. Слепцов, Н. С. Лесков. По свидетельству современников, Лесков воплотил некоторые черты хозяйки салона в образе маркизы де Бараль

в романе «Некуда» (Феоктистов Е. М.— С. 362—367). Замужество Т. оказалось неудачным. Гр. Салиас-де-Турнемир вскоре покидает Россию (из-за банкротства и участия в дуэли), и Т. остается одна с тремя детьми почти без средств к существованию. Тогда и приходит к ней мысль обеспечить семью литературным трудом (ранее она занималась переводами с французского языка).

Как вспоминает ее сын, «ради заработка являлась в русской литературе Евгения Тур и неустанно затем работала, не выпуская пера в продолжение 43 лет» (Салиас Е. А.— С. 90).

Первая повесть Т. «Ошибка» (Современник.— 1849.— № 10) получила положительные отзывы литераторов, в т. ч. А. Н. Островского, приветствовавшего рождение «нового самобытного таланта» (Островский А. Н.— С. 143). Он признал, что «повесть написана живо и чистым русским языком», что «характеры большею частью мастерами нарисованы и верны действительности»; указал и на «единственный недостаток» — избыточность длинных описаний и рассуждений (Там же).

Старый сюжет о разрушенной любви юноши из богатого дворянского рода и простой девушки позволил Т., по мнению драматурга, дать глубокий и точный социально-психологический портрет главного героя (Елагин — прямое порождение своего круга, оттого по-своему несчастный человек, не умеющий любить никого и ничего, кроме себя). Последующие произведения Т. также рисовали хорошо знакомую ей среду; возрастала склонность автора к рассуждениям, подменяющим живые образы. В историю русской литературы повести и романы Т. вошли в значительной мере благодаря критическим статьям о них, принадлежащим крупнейшим писателям и критикам, ставившим на материале ее творчества общие проблемы.

На роман «Племянница» (1850) отзывались А. А. Григорьев и Тургенев. По Григорьеву, писательница как «мыслящая и живо чувствующая женская натура» сумела ярко и темпераментно дать картину «запутанных в блестящих и холодных рамках большого света человеческих отношений» (Григорьев А. А.— С. 132). Вместе с тем критик отметил неубедительность положительного героя Ильменева — «ходячей абстракции» и задался вопросом, «способен ли автор подняться до сознания идеалов более широких и живых» (Там же.— С. 138). С. отдельной, внешне благожелательной, но по сути ироничной рецензией выступил Тургенев. Он определил талант Т. как «лирический, от нее нераздельный, столько же способный передавать малейшие движения души автора, ее собственный жизненный опыт, сколько неспособный создавать самостоятельные характеры и типы» (Тургенев И. С.— С. 135); кроме того, отметил эстетические просчеты.

В 1854 г. выходит роман «Три поры жизни», в котором повторяются излюбленные Т. сюжетные интриги, любовные коллизии. При этом усиливается доля назидательности и морализаторства, звучат мотивы необходимости отказа от земного счастья. О романе резко отозвался Н. Г. Чернышевский, увидев в нем «избитость сюжета», «ложную аффектацию», «чрезмерные длинноты» и главное — «неизмеримую пустоту содержания». Критик пояснил, что «Три поры жизни» привлекли его внимание как произведение, «число которых размножилось в последнее время очень заметно», именно оттого оно должно «подвергнуться рассмотрению» (Чернышевский Н. Г.— С. 231, 258). Последующие сочинения Т.— «Старушка» (1856), «На рубеже» (1857) и др.— успеха практически не имели.

В нач. 60 гг. в жизни Т. происходят значительные перемены. В студенческих волнениях 1861 г. принял участие ее сын Е. А. Салиас. Сама Т., хотя и придерживалась умеренно-либеральных позиций, не скрывала своего сочувствия молодежи. Глубоко волновал ее «польский вопрос», поскольку в это время она находилась под сильным воздействием идей польского профессора Г. Вызинского, часто бывавшего в ее салоне. За Т. был установлен негласный полицейский надзор. В ноябре 1861 г. она вынуждена была уехать во Францию, где жила в течение десяти лет. Здесь она сближается с представителями польской аристократии, интересуется вопросами религии, главным образом католицизма, что во многом определило эволюцию ее творчества. Она обращается к истории религии и пишет на эти темы многочисленные повести и романы для детей и юношества: «Катакомбы» (1866), «Последние дни Помпеи» (1882), «Священная история Ветхого завета» (1888), «Сергей Бор-Раменский» (1888) и др. Книги эти пользовались огромной популярностью и многократно переиздавались.

Т. занималась и литературной критикой, труднилась в «Отечественных записках», «Русском вестнике» и др. органах. Ей принадлежат статьи о Ж. Санд, Е. Фрей, Тургеневе, Ф. М. Достоевском, Л. Н. Толстом, в них сказывается характерная для Т. оценка общественных и литературных явлений в духе идей христианского гуманизма. В 1861—1862 гг. Т. издавала газету «Русская речь».

Соч.: Повести и рассказы: В 4 т.— М., 1859; Семейство Шалонских. Из семейной хроники.— Пб., 1880; Мученики Коллея.— Калуга, 1884; Священная история Ветхого завета.— М., 1888; Сергей Бор-Раменский.— М., 1888; Княжна Дубровина.— М., 1898, и др.
Лит.: Островский А. Н. «Ошибка», повесть г-жи Тур // Полн. собр. соч.— М., 1952.— Т. 13; Григорьев А. А. Русская литература в 1851 г. // Полн. собр. соч. и писем.— Пг., 1918.— Т. 1; Тургенев И. С. «Племянница». Роман. Сочинение Е. Тур. Чч. I—IV.— М., 1851 // Собр. соч.— М., 1956.— Т. 11; Чернышевский Н. Г. «Три поры жизни». Роман Е. Тур. Чч. I—III.— М., 1854.— Об искренности в критике // Полн. собр. соч.— М., 1949.— Т. 2;

Салиас Е. А. Семь арестов // Исторический вестник.— 1898.— № 3; Белецкий А. И. Тургенев и русские писательницы 30—60-х годов // Творческий путь Тургенева. Сб. ст.— Пг., 1923; Феокистов Е. М. За кулисами политики и литературы. 1848—1896. Воспоминания.— Л., 1929.

О. В. Николаева

ТУРГЕНЕВ, Андрей Иванович [1(12).X.1781, Москва — 8(20).VII.1803, Петербург] — поэт, переводчик. Отец, Иван Петрович Тургенев, член «типографической компании» Н. И. Новикова, после ее разгрома в 1792 г. был выслан с семьей в Симбирскую губ., где в родовом имении прошло детство Т. Первоначальное образование он получил дома; воспитателем Т. и его младшего брата Александра был женевец Георг Кристоф Гоблер, родственник известного в то время швейцарского писателя И.-К. Лафатера, знаток немецкой литературы, лично знакомый с И. В. Гете. Под его руководством юноши занимались литературными переводами, пробовали силы в самостоятельных сочинениях. В возрасте 14 лет Т. написал самое раннее, дошедшее до нас стихотворение «Надежда кротками лучами освещает...».

В 1796 г. после смерти Екатерины II И. П. Тургенев с семьей возвратился в Москву и был назначен директором Московского университета. Тургеневы поселились на казенной квартире при университете на Моховой. Т. поступил в Московский университет, Александр — в университетский пансион. В доме бывали друзья отца — М. М. Херасков, И. И. Дмитриев, Н. М. Карамзин. Товарищем Александра по пансиону и другом обоих братьев стал будущий поэт В. А. Жуковский.

Первые переводы Т. появились в печати, когда он еще был студентом университета: «Библейская нравоучительная книжка», соч. Фердесена (М., 1795); «Отрывок из записок Франклиновых» (М., 1799); «Советы молодой женщине» (с французского) (М., 1799). В 1798 г. выходит целый ряд его статей и переводов в журнале «Полезное и приятное препровождение времени»: «История вкуса в изящных искусствах» (Т. XVII), «Объяснение, разделение и начало изящных искусств из Баттё» (Т. XIX), «Что есть хороший вкус?» (Т. XIX), «Письмо к другу» из романа Гете «Страдания молодого Вертера» (Т. XIX).

После окончания университета (1799) Т. поступил на службу в архив Государственной коллегии иностранных дел, затем (ноябрь 1801 г.) служил в Петербурге в Комиссии составления законов, в 1802 г. был прикомандирован к русской миссии в Вене. Однако занятия литературой Т. не оставлял никогда. Его интересы очень разнообразны. Он перевел драмы А. Коцебу «Клеветники» и «Негры в неволе», собирался переводить драму Ф. Шиллера «Коварство и любовь» и «Песнь к радости», увлекался Гете, переводил трагедию У. Шекспира «Макбет», начал работать над переводом «Анналов британской истории» И.-В. Архенгольца. Эпоха пан-

ловской реакции была для Т. временем обострения интереса к политике. Отказ Карамзина от общественной борьбы, его обращение к интимно-лирическим темам в поэзии Т. не принял: «...пусть бы русские продолжали писать хуже и не так интересно, только бы занимались они важнейшими предметами, писали бы оригинальнее, важнее...» (Литературное наследство.— Т. 60.— Кн. 1.— С. 333). Интерес к народному творчеству, тесно связанный с возраставшим национальным самосознанием, определил увлечение Т. народными песнями. В фольклоре Т. пытался найти корни самобытности русской литературы: «Теперь только в одних сказках и песнях находим мы остатки русской литературы, в сих-то драгоценных остатках, а особливо в песнях, находим мы и чувствуем еще характер нашего народа. Они так сильны, так выразительны в веселом ли то или в печальном роде, что над всяким непременно должны произвести свое действие» (Там же).

В поэтическом творчестве Т. прослеживаются настроения предромантизма: философское осмысление связи человека с природой, внимание к внутренней душевной жизни, требование предельной искренности. Т. разделял мнение, что в одиночестве невозможно воспитание нравственной личности — отсюда потребность в друге, сердечной привязанности, душевном общении. Этим целям должно было служить Дружеское Литературное общество, устав которого 12 января 1801 г. подписали бр. Тургеневы, А. Ф. Мерзляков, А. Ф. Воейков, Жуковский, С. Е. Родзянко, А. С. и М. С. Кайсаровы: «Образовать в себе бесценный талант трогать и убеждать словесностью: да будет же сие образование в честь и славу добродетели и истины» (Веселовский А. Н.— С. 57). Общество, заседания которого происходили раз в неделю, просуществовало всего десять месяцев, но атмосфера этой литературной организации во многом определила развитие взглядов Т. На заседаниях кружка, соединившего людей, связанных тесной дружбой, разгорались страстные споры. Жуковский, М. С. Кайсаров и Александр Тургенев проявляли интерес к субъективно-идеалистической философии, говорили о покорности провидению, о важности интимно-лирических тем в поэзии. Напротив, Мерзляков, А. С. Кайсаров и Т. считали, что цель их объединения не только литературная, но и общественно-воспитательная, видели в литературе средство пропаганды гражданственных, патриотических целей.

Патриотический пафос Т. в нач. 1800 гг. приобрел свободололюбивую окраску. 7 апреля 1801 г. на первом торжественном заседании Дружеского Литературного общества Т. произнес речь «О любви к Отечеству»: «Цари хотят, чтоб пред ними пресмыкались во прахе рабы; пусть же ползают пред ними лстыцы с мертвою душою, здесь пред тобою стоят сыны твои! Благослови

все предприятия их! Внимай нашим священным клятвам! Мы будем жить для твоего блага» (Литературное наследство.— Т. 60.— Кн. 1.— С. 336). Т. считал, что благоденствие страны не может быть построено на несчастьи и рабстве большинства ее граждан, выступал против крепостного права. «Священный энтузиазм» речей Т. роднит их с публицистическими выступлениями декабристов и с русской волюнтаристской лирикой 1800 гг. Одним из ярких образцов гражданской лирики было стихотворение Т. «К Отчеству» (Вестник Европы.— 1802.— № 4; в 1806 г. издано отдельной листовкой): «Сыны Отечества кланутся! / И небо слышит клятву их! / О, как сердца в них сильно бьются! / Не кровь течет, но пламя в них. / Тебя, Отечество святое, / Тебя любить, тебе служить — / Вот наше звание прямое! / Мы жизнью своей купить / Твое готовы благоденствие. / Погибель за тебя — блаженство, / И смерть — бессмертие для нас!» (Поэты...— С. 238).

Собирая материалы для задуманного им романа в письмах, Т. внимательно относился к собственной переписке, стремясь и в письмах и в дневниковых записях к поэтической точности, вырабатывая новый язык для описания внутренней жизни духа и сердца. Дневник Т. начал вести с юных лет. Этот документ, уникальный в русской культуре конца XVIII — нач. XIX в., по богатству содержания, искренности самоанализа исключительно одухотворенной личности является ярким образцом русской «психологической» прозы.

Поэтическое наследие Т. невелико, и центральное место среди его стихотворений занимает «Элегия»: «Угрюмой осени мертвящая рука / Уныние и мрак повсюду разливают...» Холодный ветер, ревущая река, туманы, колокол, отбивающий полночь, напоминают поэту о течении времени, о смерти, о невосполнимых утратах: «Здесь бурной осенью Природа обнажена / Разделит с нежностью грудь сердца твоего...» Сугубо личные переживания лирического героя (разлука, смерть возлюбленной) приводят его к мысли о невозможности счастья в мире, устроенном несправедливо: «Пусть с доброю душой для счастья ты рожден, / Но, быв несчастными от восторгу окружен, / На бедствий ближнего со всех сторон свидетель — / Не будет для тебя блаженством добродетель! / Как часто доброму отрада лишь в слезах, / Спокойствие в земле, а счастье в небесах!» (Там же.— С. 243—244). «Элегия» была напечатана в «Вестнике Европы» (1802.— № 13) с подписью «-ев» и со словами Карамзина в примечании: «Это сочинение молодого человека с удовольствием помещаю в «Вестнике». Он имеет вкус и знает, что такое поэтический слог. Некоторые стихи прекрасны, как то увидят читатели. Со временем любезный сочинитель будет конечно оригинальнее в мыслях и в оборотах; со временем о самых обыкновен-

ных предметах он найдет способ говорить посвоему. Это бывает действием таланта, возрастающего с летами...» (Там же.— С. 826). «Элегия» Т. оказала большое влияние на поэтов пушкинского поколения. В. К. Кюхельбекер в крепости писал: «Еще в лице любил я это стихотворение, и тогда даже больше „Сельского кладбища“, хотя и был тогда энтузиастом Жуковского. Окончание Тургенева элегии бесподобно» (Там же).

Т. прожил всего 23 года. Он скончался скоропостижно (от «горячки с пятнами»). Он написал немного, еще меньше произведений при его жизни было напечатано, но его духовное влияние было огромно. После его смерти Жуковский пытался собрать все его сочинения, дневники, письма и издать их в память друга, однако это намерение осуществить не удалось. Жуковский писал: «Дружба его, как она ни была коротка и как я ни был ничтожен в то время, когда его знал, оставила что-то неизгладимое в душе моей: весь энтузиазм, все благородное, что имею, все, все лучшее во мне должно принадлежать ему» (Письма В. А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу.— М., 1895.— С. 17).

Соч.: Поэты 1790—1810-х годов / Вступ. ст., сост. Ю. М. Лотмана.— Л., 1971.— С. 231—246; Вацуро В. А., Виролов Я. и др. М. Н. Письма Андрея Тургенева к Жуковскому // Жуковский и русская культура.— Л., 1987.

Лит.: Истрин В. М. Дружеское литературное общество 1801 г. (По материалам архива братьев Тургеневых) // Журнал Министерства народного просвещения.— 1910.— № 8.— С. 272—307; Там же.— 1913.— № 3.— С. 1—15; Фомин А. А. Андрей Иванович Тургенев и Андрей Сергеевич Кайсаров // Русский библиофил.— 1912.— № 1; Веселовский А. Н. В. А. Жуковский. Поэзия чувства и сердечного воображения.— Пг., 1918.— С. 43—91; Лотман Ю. М. Стихотворение Андрея Тургенева «К Отчеству» и его речь в Дружеском Литературном обществе // Литературное наследство.— М., 1956.— Т. 60.— Кн. 1.— С. 323—338; Он же. А. С. Кайсаров и литературно-общественная борьба его времени // Уч. зап. Тартуского государственного ун-та.— Тарту, 1958.— Вып. 63; Марченко Н. А. Бумаги Андрея Ивановича Тургенева. Из истории русской и советской литературы. Новое и забытое // Сб. научных трудов Государственного Литературного музея.— М., 1980.— С. 7—31; Топоров В. Н. «Дневник» Андрея Ивановича Тургенева — бесценный памятник русской культуры // Литературный процесс и развитие русской культуры XVIII—XX вв.— Таллинн, 1985.— С. 86—91. Н. А. Марченко

ТУРГЕНЕВ, Иван Сергеевич [28.X(9.XI).1818, Орел — 22.VIII(3.IX).1883, Буживаль, близ Парижа; похоронен на Волковом кладбище в Петербурге] — прозаик, поэт, драматург, критик, публицист, мемуарист, переводчик. Родился в семье Сергея Николаевича и Варвары Петровны Тургеневых. Отец, отставной кавалерийский офицер, происходил из старинного дворянского рода, мать — из малородовитой, но богатой помещицкой семьи Лутовиновых. Детство Т. прошло в родительском имении Спасском-Лутовинове, близ г. Мценска Орловской губ.; первым его учителем был крепостной секретарь его матери Федор Лобанов. В 1827 г. Т. переехал с семьей в Москву, где продолжил свое образование сначала в частных пансионах, затем под руко-

водством московских педагогов П. Н. Погорельского, Д. Н. Дубенского и И. П. Ключникова, позднее известного поэта. К четырнадцати годам Т. свободно говорил на трех иностранных языках и успел познакомиться с лучшими произведениями европейской и русской литературы. В 1833 г. он поступил в Московский университет, а в 1834 г. перевелся в Петербургский, где окончил в 1837 г. словесное отделение философского факультета.

В студенческие годы Т. начал писать. Его первыми поэтическими опытами были переводы, небольшие поэмы, лирические стихотворения и драма «Стено» (1834), написанные в модном тогда романтическом духе. Среди университетских профессоров Т. выделялся П. А. Плетнев, один из близких друзей А. С. Пушкина, «наставник старого века... не ученый, но по-своему — мудрый» (Тургенев И. С. Полн. собр. соч.: В 28 т. — Т. XI. — С. 18). Познакомившись с первыми сочинениями Т., Плетнев объяснил юному студенту их незрелость, но выделил и напечатал два наиболее удачных стихотворения, побуждая ученика продолжать занятия литературой.

Однако интересы Т. еще не были сосредоточены на литературном творчестве. Он считал недостаточным полученное им университетское образование и был прав: уровень преподавания филологических и философских дисциплин в Петербургском университете резко отставал тогда от достигнутого европейской наукой. Весной 1838 г. Т. уехал за границу, его привлек Берлинский университет, который был в то время центром изучения философии Гегеля. В Берлине Т. слушал лекции по классической филологии, философии и истории. Но гораздо важнее было для него общение с дружеским кружком русских студентов, так же как и он, отправившихся на поиски последнего слова западной мысли. В это время Т. сблизился с молодым поэтом и мыслителем Н. В. Станкевичем и М. А. Бакунинным, впоследствии знаменитым революционером. Продолжилось и знакомство Т. с будущим историком Т. Н. Грановским, начавшееся еще в Петербурге. Т. попал в атмосферу напряженных умственных исканий и постоянных философских споров. Грандиозная система Гегеля увлекала Станкевича и его друзей возможностью ясных ответов на вечные вопросы бытия. Но отвлеченная мысль интересовала русскую молодежь не сама по себе, а тем, что открывала пути, ведущие к новому идеалу человека, и позволяла выработать программу нравственного самоусовершенствования. За всем этим уже вырисовывалась мечта о переустройстве жизни, о совершенствовании общества. Проникнутый такими настроениями, овладев самыми свежими выводами современной философской науки, Т. в 1841 г. возвращается в Россию.

Первые два года на родине посвящены поискам будущего поприща. Сначала Т. мечтает о преподавании философии и сдает магистерские

экзамены, дававшие право на защиту диссертации и получение кафедры. Но путь к преподавательской деятельности оказывается закрытым в самом начале: надежды на восстановление кафедры философии в Московском университете, где Т. намеревался служить, нет. В конце 1842 г. Т. хлопочет о поступлении на службу в Министерство внутренних дел, занимавшееся тогда изучением вопроса о возможности освобождения крестьян. Готовясь к будущей должности, он составляет записку «Несколько замечаний о русском хозяйстве и о русском крестьянине», в которой пишет о необходимости серьезных перемен в хозяйственном и правовом положении крестьянского сословия. В 1843 г. Т. был зачислен в канцелярию министра, но вскоре разуверился в своих надеждах, потерял всякий интерес к службе и через два года вышел в отставку.

В том же году публикуется поэма Т. «Параша», а чуть позже — сочувственный отзыв о ней В. Г. Белинского. Эти события решили судьбу Т.: отныне литература становится для него главным делом жизни.

Влияние В. Г. Белинского во многом определило становление общественной и творческой позиции Т., Белинский помог ему встать на путь реализма. Но путь этот поначалу оказывается трудным. Молодой Т. пробует себя в самых разных жанрах: лирические стихотворения чередуются с критическими статьями, вслед за «Парашей» появляются стихотворные поэмы «Разговор» (1844), «Андрей» (1845), «Помещик» (1845), но вслед за ними, почти с такой же регулярностью, пишутся прозаические повести и рассказы — «Андрей Колосов» (1844), «Три портрета» (1845), «Бретер» (1846), «Петушков» (1847). Кроме того, Т. пишет еще и пьесы — драматический очерк «Неосторожность» (1843) и комедию «Безденежье» (1846). Начинающий писатель ищет свой путь. В нем виден ученик Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, но ученик, близкий к творческой зрелости. Используя лирические мотивы и типические характеры, введенные в литературу первыми русскими реалистами, Т. стремится переосмыслить их в духе трезво-аналитического, социального реализма 40 гг., выдвигающего на первый план изображение общественной среды и ее воздействия на человека. И все-таки он еще не может обрести подлинной самостоятельности, все его поиски сориентированы на эстетические каноны «натуральной школы» и свойственное ей отношение к действительности. Усвоенный им в 40 гг. круг идей Т. позднее охарактеризовал понятием «западничество», подразумевая при этом прежде всего оппозиционность крепостническому строю и признание благотворности европейского пути развития. Однако в сознании молодого Т. «западничество» приобрело особый колорит: оно окрашивалось скептическим отношением к большинству явлений русской общественной жизни и культуры. Т.

изображал уродливость помещичьих и мещанских нравов, рисовал торжество пошлости над лучшими стремлениями и задатками личности, развенчивал романтизм в литературе и в жизни, развивал мысль о душевной раздвоенности и нравственной несостоятельности целого поколения. Почти во всех жанрах Т. использовал типичный для «натуральной школы» очерковый подход к материалу, позволявший автору занимать позицию объективного стороннего исследователя изображаемой жизни. Позиция эта была естественной для Т., но полностью удовлетворить его она не могла. Ему было трудно соединить с ней лирическое восприятие мира, увлеченность красотой природы и поэзией человеческих чувств, а между тем они тоже были органичны для него и не раз проявлялись в раннем его творчестве, особенно в лирике и в поэмах. Отношение Т. к действительности оказалось слишком противоречивым, чтобы сразу же обрести целостную форму. Он искал большую, важную тему, которая создала бы возможность гармоничного проявления всех сторон его дарования. Но такая тема не находилась, и Т. всерьез подумывал о том, чтобы оставить литературу.

Тем временем в его жизни происходил глубокий перелом. Еще в 1843 г. Т. познакомился с гастролировавшей в Петербурге знаменитой французской певицей Полиной Виардо и полюбил ее. В 1845 г. он на время последовал за нею во Францию, а в начале 1847 г. уехал за границу уже надолго. Почти три года прожил он сначала в Германии, потом в Париже и в Куртавнеле, поместье семьи Виардо. Отъезд вырвал Т. из привычной литературной и светской среды, новые условия жизни побудили его углубиться в себя и многое в себе переоценить. Он достигает настоящего профессионализма в своей писательской работе, его взгляды на искусство становятся более простыми и строгими. Французская революция 1848 г., очевидцем которой Т. оказывается вместе с приехавшим в Париж А. И. Герценом (их знакомство началось еще в Петербурге), писателя не увлекла. Уважение и сострадание к простым людям, участником революционной борьбы, не переросло в сочувствие целям этой борьбы. В разлуке с родиной крепла любовь Т. к ней, усиливался его интерес к светлым сторонам русской жизни, самая вражда к крепостному праву становилась у него глубже и принципиальнее. В заграничном уединении пробуждались давние впечатления, сохранившиеся от детства или накопленные во время поездок на охоту в Спасское (летом и осенью 1846 г. Т. исходил с ружьем Орловскую, Курскую и Тульскую губ.). В памяти возникали картины деревенской и усадебной жизни, русские пейзажи, разговоры, встречи, бытовые сценки. Так зарождались «Записки охотника», которые принесли Т. широкую известность.

Еще перед отъездом за границу писатель

передал в журнал «Современник» очерк «Хорь и Калиныч». Неожиданный успех очерка, опубликованного в начале 1847 г., навел Т. на мысль написать целый ряд других таких же. На протяжении пяти лет они появляются друг за другом на страницах «Современника», а в 1852 г. автор выпускает их отдельным изданием. Первые рассказы «Записок охотника» композиционно и стилистически еще очень близки к «физиологиям» «натуральной школы» — бессюжетным описательным характеристикам общественных нравов, воспроизводившим ту или иную жизненную сферу со всеми присущими ей бытовыми, языковыми и этнографическими особенностями. Но чем дальше, тем чаще очерковое повествование Т. включает в себя элементы психологической новеллы, лирические этюды, пейзажи, философские размышления. Рассеянные по разным частям цикла зарисовки, сценки, ситуации связываются переключками и повторами. Этнографические картины на глазах превращаются в своеобразную эпопею о народной жизни.

Все изображаемое увидено Т. в общенациональном масштабе. Изображению катастрофических последствий крепостного права для крестьянского хозяйства вторит тема оскудения и упадка хозяйства помещичьего. Эпизоды, изображающие помещичьи бесчинства в отношении крепостных, переключаются с рассказами о дворянских междоусобицах, об издевательствах богатых и знатных бар над мелкопоместными или разорившимися дворянами. Разоблачение деспотизма и самодурство господ, Т. показывает развращающее влияние произвола на психологию народа, привыкающего считать нормой противоестественный порядок вещей. В конце концов крепостнический строй предстает у Т. злом, пагубным для всех сословий русского общества.

Не менее важен найденный Т. принцип изображения народа. Т. одним из первых пытается без прикрас изобразить противоречивость народного характера. Но именно он впервые показал тот же самый народ достойным восхищения, преклонения и любви. В зависимости, социально униженным русском крестьянстве Т. увидел главное средоточие живых сил нации, ее нравственного и творческого потенциала. Жизнь крестьянина впервые была понята как источник высших духовных ценностей. Поэтому протест против крепостного права приобретает у Т. особый характер: положение крестьянства воспринимается как состояние, противоестественное и несоместимое с национальным достоинством России. К тому же черты, родственные лучшим свойствам русского крестьянина, Т. открывает во многих представителях дворянской среды. Устремленность к справедливому, свободному, гармоничному бытию обнаружена и у тех, и у других. Россия предстает нацией молодой, внутренне не установившейся, исполненной многих еще не раскрытых возможностей.

«Записки охотника» сыграли переломную роль в творчестве Т. Обратившись к народной жизни, он нашел, наконец, ту тему, которая дала ему возможность быть одновременно наблюдателем фактов и универсальным мыслителем, аналитиком и лириком, беспощадным критиком действительности и творцом ее поэтической «апофеозы». В «Записках охотника» Т. впервые становится художником цельным, непротиворечивым, ничего не боящимся, ничего в себе не подавляющим. Выдающейся была роль книги Т. и в развитии всей русской литературы. Ею были проложены пути, ведущие к «Войне и миру», романам Ф. М. Достоевского, поэмам Н. А. Некрасова, сатирическому эпосу М. Е. Салтыкова-Щедрина. И в меньшей степени — к тем формам общественного сознания, которые породили демократические движения второй половины XIX в.

В 1850 г. автор «Записок охотника» возвращается в Россию. Происходит его тесное сближение с Некрасовым и кругом «Современника», постепенно превращавшегося в своеобразный центр русской литературной жизни. Т. сотрудничает в «Современнике» и как литературный критик: печатаются его рецензии и статьи о произведениях В. И. Дала, А. Н. Островского, Евг. Тур, Ф. И. Тютчева. Однако в скором времени на Т. обрушивается неожиданный удар.

В 1852 г. он был арестован за опубликование — в обход цензурных правил — статьи, посвященной памяти Гоголя. У Т. были основания полагать, что настоящей причиной ареста послужило недовольство, которое вызвали в правительственных кругах его дружеские отношения с русскими революционерами-эмигрантами (прежде всего с Герценом и Бакуниним) и вся его предшествующая литературная деятельность. После месячного ареста Т. по распоряжению императора Николая I был сослан в свое имение без права выезда за пределы Орловской губ. В 1853 г. мера наказания была несколько смягчена разрешением приезжать в Петербург, но право выезда за границу было возвращено Т. только в 1856 г.

Время ареста и пребывания в Спасском (владельцем которого Т. стал еще в 1850 г. после смерти матери) дало новый толчок творческим поискам писателя. Т. подводит первые итоги уже довольно значительной работы и убеждается в необходимости найти для себя принципиально новую художественную манеру. Его перестают удовлетворять очерковость повествования и эскизность характеров, еще вполне уместные в «Записках охотника».

Поискам новых форм способствовал опыт драматургии, которой Т. отдал немало сил в предшествующие годы. Параллельно с народными рассказами он написал целый ряд пьес: «Где тонко — там и рвется» (1847), «Нахлебник» (1848), «Холостяк» (1849), «Завтрак у предводителя» (1849), «Месяц в деревне» (1850), «Провинциалка» (1850), «Вечер в Сорренте» (1852).

В области драматургии Т. долго сохранял уже преодоленные им в прозе привычки экспериментатора — пробовал самые разные формы, то и дело изменяя направление поисков. «Нахлебник» — пьеса, тяготеющая к социальной мелодраме в духе распространенного тогда «сентиментального натурализма». «Завтрак у предводителя» — веселая комедия, не лишенная сатирической остроты. «Где тонко — там и рвется», «Провинциалка», «Вечер в Сорренте» — типичные салонные пьесы, построенные на остроумном, полном намеков и недомолвок диалоге. «Месяц в деревне» — серьезная и по-своему глубокая психологическая драма. Некоторые пьесы Т. имели успех, тем не менее после 1852 г. он навсегда прекращает работу для театра. Драматургия оказалась для Т. лишь творческой лабораторией, в которой сформировался один из важных для него принципов искусства. В рецензии на пьесу А. Н. Островского «Бедная невеста» (1852) Т. писал: «...психолог должен исчезнуть в художнике, как исчезает от глаз скелет под живым и теплым телом, которому он служит прочной, но невидимой опорой...» (V, 391). Драматургические опыты как раз и помогли Т. овладеть «невидимым» психологизмом и всей вытекающей из него стилистикой. Работая над пьесами, он учился обходиться без прямого авторского анализа и прямых авторских оценок, раскрывать характеры действующих лиц через их поступки, слова, взаимоотношения, находить конфликтные ситуации, побуждающие персонажей к словесному и действенному самораскрытию. Так прокладывался путь к особой форме эпической объективности. Принцип изображения был найден — оставалось его применить.

В период ареста и ссылки Т. предпринимает попытку перейти к новым формам изображения народного быта: пишет повести «Муму» (1852) и «Постоялый двор» (1852), где «простые, ясные линии» объективной манеры приходят на смену прежней тургеневской стилистике. Здесь более драматично, чем раньше, звучит тема несправедливости и безнравственности помещичьего гнета, а в контрасте с ней достигают почти символической мощи темы русского богатства и русской праведности, воплощенные в образах крепостных крестьян. Но по сравнению с «Записками охотника» усиливается тревожная мысль о том, что века крепостного рабства и длительное господство патриархальных отношений обернулись гражданской неразвитостью народа. Еще более отчетливо прозвучала та же мысль в переписке Т. с идеологами славянофильского движения К. С. и И. С. Аксаковыми. Аксаковы восторженно оценивали «Муму» и «Постоялый двор», усматривая в этих повестях наглядные подтверждения своих теорий. «Русский человек остался чистым и святым и тем самым... смирил гордых, исправил злых и спасет общество», — писал, напр., И. С. Аксаков (Русское

обозрение. — 1894. — № 9. — С. 27). «Я вижу трагическую судьбу племени, великую общественную драму там, где Вы находите успокоение и прибежище эпоса», — возражал славянофилам Т. (Письма. II, 72). Т., открывший в русском крестьянине праведность и крепость, волю и ум, мягкость и доброту, чувствительность и поэтичность, все яснее понимает, что этих качеств еще недостаточно для преобразования общества. Он начинает искать источники и силы исторического обновления внутри «образованного класса» и пишет ряд повестей о людях, «выломившихся» из социальной среды, к которой они принадлежат по своему происхождению и воспитанию. Этой теме посвящены «Дневник лишнего человека» (1850), «Два приятеля» (1853), «Затишье» (1854), «Переписка» (1854), «Яков Пасынков» (1856). В каждой из перечисленных повестей появлялась фигура героя, терпевшего неудачу в своих попытках заняться полезной деятельностью или найти личное счастье. Героя такого типа отличала возвышенность идеалов, отчужденность от официальной жизни общества, от обывательского быта. И в то же время — практическая беспомощность и несостоятельность, постоянный разлад между словом и делом. Причиной драмы «лишнего человека» (тургеневская формула впоследствии стала общепринятой) Т. считал столкновение его духовных интересов и стремлений с российским общественным укладом, диким, косным, отсталым. Но это объяснение не отменяло вины самого героя. Критический анализ Т. часто беспощаден: типичными чертами «лишнего человека» оказываются эгоцентризм, обостренное самолюбие и обычные следствия этих качеств — скептицизм, безволие и т. п. Типу «лишнего человека» иногда противопоставлен образ романтика-энтузиаста: такой герой, напротив, изображается человеком, не знающим себялюбия, всегда готовым к жертвам, скромным, кротким и добрым. Т. всматривается в черты обоих типов, пытается разглядеть в них хотя бы намек на появление исторического деятеля, способного пробудить русское общество, но долго не находит никаких оснований для надежды.

Перелом намечается в первом тургеневском романе «Рудин» (1855), написанном в разгар проигранной Крымской войны, на пороге больших исторических перемен. Т. пытается осмыслить завершившуюся эпоху, выделив самое важное в ней, и самой важной из общественных проблем недавнего прошлого становится для него именно проблема «лишнего человека». Но увидена она теперь по-новому: «лишний человек» оказывается предметом дискуссии, в ходе которой сталкиваются различные точки зрения. Возникает образ противоречивый и многозначный. В жизнь других действующих лиц романа Рудин входит как пророк; ореолом пророческой исключительности окружены идеи и сами человеческие

качества героя. Бросается в глаза облагораживающее воздействие речей Рудина на окружающих людей. Но очень скоро становится заметно, что Рудину не чужды рисовка, тщеславие и кокетство. Потом будет прямо сказано о его суетности, мелочности, деспотизме, а рядом сразу же зазвучит тема человеческой ущербности героя. Выясняется, что он не способен любить, сделать счастливым другого человека, страдать обычными человеческими муками, не способен к настоящим усилиям, к повседневному труду, к творческим радостям и свершениям. И чем дальше, тем отчетливее вырисовывается взаимная внутренняя связь этих различных свойств. Очевидно, что пророческий пафос Рудина и вообще все качества, составляющие его исключительность, неотделимы от его слабостей и недостатков. Характер Рудина предстает своеобразной загадкой русской общественной жизни — явлением удивительным и странным, ускользающим от любых окончательных суждений о нем.

Однако в эпилоге романа способ и масштаб изображения героя резко меняются. Все мелкое, тривиальное, эгоистическое в Рудине отходит на второй план как нечто несущественное. Открывается глубинная — подвижническая — сущность его жизненной позиции: перед читателем — трагический герой, который стремится служить истине и добру, но именно в этом стремлении своим сталкивается со всем общественным порядком современной ему России. Герой вновь и вновь терпит неизбежные в его положении неудачи, но не хочет и не может приспособиться или отступить. В эпилоге достоверно общенациональное, а в конце концов и общечеловеческое, значение рудинских исканий и рудинской судьбы. В образе Рудина соединяются приметы общественно-психологических типов, ранее противопоставлявшихся Т.: узнаваемые черты «лишнего человека» переплетаются с чертами пылкого романтика-энтузиаста, сливаются характерные свойства дворянина и разночинца, и, наконец, все это сложное сочетание включает в себя ассоциации, ведущие к образам народных правдоискателей — странников и юродивых из «Записок охотника». По мере приближения романа к финалу фигура Рудина все определеннее становится воплощением родовых черт русской интеллигенции в целом и все определеннее утверждается мысль о высшем назначении лучших ее представителей. Т. понимает и признает, что их воздействие на основную массу людей, на окружающие обстоятельства несоразмерно их высокой цели. С узкопрактической точки зрения их жизнь может считаться даже бесплодной. Но значение русской интеллигенции Т. видит в другом: для него важна ее способность выдвинуть высокие, общезначимые идеалы, способность утвердить эти идеалы ценой героического самопожертвования.

В «Рудине» складывается своеобразная форма тургеневского романа, оказавшаяся впоследствии

очень устойчивой. Концентрируя развитие сюжета вокруг одной напряженной коллизии, ограничивая пространственно-временную сферу и круг действующих лиц, заменяя развернутый психологический анализ лаконичным отбором характерных деталей, различными формами объективного самораскрытия героев, Т. в то же время укрупнял сюжет масштабностью возникавших в романе мировоззренческих споров и лирико-философской «концентрацией» повествования, знаменующей приближение сюжета к вечным вопросам бытия.

А ситуация в России между тем быстро изменялась. В конце 1857 г. правительство объявило о своем намерении освободить крестьян от крепостной зависимости. В следующем году началась подготовка реформы, вызывая споры и порождая многочисленные планы предстоящего переустройства. Волнения и надежды сторонников преобразований захватили Т.: после почти двухлетней поездки по Западной Европе он летом 1858 г. возвратился в Россию и сразу окупился в атмосферу общественного оживления. Писатель становится негласным сотрудником Герцена, посылая обличительный материал в издававшийся за границей журнал «Колокол». Активно сотрудничает он и в «Современнике», собиравшем вокруг себя главные силы передовой литературы и публицистики. Постоянными сотрудниками «Современника» стали в это время Л. Н. Толстой, И. А. Гончаров, А. Н. Островский, Д. В. Григорович. Одновременно в редакции возрастало влияние Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова. На первых порах литераторы разных направлений выступали единым фронтом, но очень скоро появились первые признаки разлада. В 1858 г. повесть Т. «Ася» послужила поводом для полемики между Чернышевским и П. В. Анненковым, высказывавшими диаметрально противоположные оценки либеральной дворянской интеллигенции и ее роли в русской общественной жизни.

Эпоха начинавшегося подъема приносила не только отрадные впечатления. Признаки либерализации правительственной политики соседствовали с открыто реакционными действиями власти, создавалось ощущение ненадежности первых и еще очень скромных достижений прогресса. Оживление общественного движения привело к острому идеологическим конфликтам между различными направлениями и группировками. Обстановка становилась все более напряженной и, как представлялось, опасной для политики реформ. Всю большую остроту приобретали и нравственно-философские проблемы, еще недавно многим казавшиеся отвлеченными. Начинался пересмотр вековых основ морали, утрачивали былую силу ее религиозные основания, патриархальные традиции и нормы жизни. Уже в близком будущем представлялась возможной небывалая ранее активность как отдельных личностей, так и целых сословий.

Возникала необходимость заново, прямо и непосредственно, соотносить человеческую судьбу с мирозданием, свести личность с универсальными силами бытия и самыми общими законами человеческого существования. Только такая точка зрения могла обеспечить надежные ориентиры в изменчивом и противоречивом движении современной общественной жизни.

Весь этот круг проблем отразился в лирико-философских повестях Т.: «Фауст» (1856), «Поездка в Полесье» (1853—1857), «Ася», «Первая любовь» (1860). Создается своеобразнейшая форма элегия в прозе, которая помогает Т. уяснить некоторые важные особенности общественно-исторической ситуации середины XIX в. Одной из главных примет времени является для Т. процесс внутреннего освобождения личности, выходящей из своей прежней бессознательной слитности с обществом. Человек, убеждается Т., ищет для себя новой опоры и находит ее в природе, открывая возможность пережить в единении с нею гармонические состояния души. Но такая связь оказывается недолговечной и ограниченной, узкой: она бессильна поддержать личность в противоречиво-сложном переломлении человеческих отношений, в неизбежно увлекающем ее потоке истории. Со временем человек обнаруживает в своих взаимоотношениях с природой глубоко трагический смысл. Его жизнь находится во власти бездушной, безликой, безучастной силы. Само существование человечества не имеет для нее никакого значения, тем более очевидно ее безразличие к отдельному человеку, «существованию единого дня, вчера рожденному и уже сегодня обреченному смерти» (VII, 51). Человек с ужасом чувствует «свое одиночество, свою слабость, свою случайность» (VII, 51). Слепой, безликой, часто губительной оказывается и живущая в нем самой грозной стихией страсти, всегда способная превратиться в отчужденную от личности, неуправляемую силу. Но эти мысли и ощущения не означают у Т. разочарования в жизни. Напротив, они оборачиваются романтически страстной любовью к бытию, жаждой свободы и счастья, жадной бессмертия для неповторимой человеческой индивидуальности и сотворенной человеком красоты. Столь же важны поиски нравственной опоры, позволяющей противостоять пессимизму и отчаянию. Т. считает, что оторгнутое от целого, обособленное и ограниченное человеческое «я» должно искупить трагическую вину своего обособления, обрести новую, нетрадиционную связь с обществом. В лирико-философских повестях 50 гг. созревает мысль о спасительности «цепей долга», мысль о самоотречении как наиболее надежной нравственной позиции перед лицом неподвластных человеку сил и законов бытия. Мысль эта получает широкое социально-историческое обоснование в романе «Дворянское гнездо» (1858).

Приступая к работе, Т. стремился ответить

на ближайшие запросы времени, но сделанное им переросло рамки сиюминутных потребностей. Роман изображает не просто судьбы отдельных людей, речь идет об исторической судьбе всего дворянского сословия, на протяжении почти полутора столетий обладавшего политической и духовной гегемонией в русском обществе. Воссоздавая родословную семьи Лаврецких, Т. показывает, как после указа о «вольности дворянства» от поколения к поколению нарастали культурный разрыв и социальные противоречия между дворянством и народом. Оторванность правящего сословия от родной почвы представляется Т. грозной опасностью, особенно серьезной ввиду предстоящих России преобразований. Поэтому он пытается найти в дворянской среде обнадеживающие признаки нравственного обновления. И такие признаки находятся: Т. вводит в свой роман героев нового типа — прямодушных, честных, свободных от эгоизма, амбиций, рефлексии и других исторических пороков «лишних людей». Эти люди живо и непосредственно связаны с коренными стихиями народной жизни: опытом и традициями народного сознания во многом определяются их идеалы и нравственные принципы. Угадывается и возможность деятельного проявления их духовных сил. В споре с поверхностным, самодовольным бюрократом-западником Паншиным герой романа Федор Лаврецкий формулирует программу, по видимости скромную, но способную выдержать проверку самыми высокими идеальными критериями: «Пахать землю... и стараться как можно лучше ее пахать» (VII, 233). Избрана цель абсолютно чистая, бесспорная, исключающая любые нравственные сомнения, способная превратить «лишнего человека» (а на эту роль прежде были обречены лучшие представители дворянской интеллигенции) в человека, нужного всем. Пафос дела впервые соединяется у Т. с высокой поэзией любви. Любовь Лаврецкого к Лизе Калитиной преобразует его душу, становится возможным гармонический идеал, объединяющий в себе «честный, строгий труд», счастье «на всю жизнь», непоколебимые нравственные принципы и веру в высший смысл человеческого существования.

Лаврецкий как будто бы не хочет и не ждет ничего невозможного. Какое-то время читатель может надеяться, что воссоединение «образованного меньшинства» с «почвенной» основой народной жизни приведет к благополучному разрешению проблем, терзающих современное общество и современного человека. Однако резкий поворот сюжета обнаруживает, что путь воссоединения интеллигенции с народом, если пройти его серьезно и ответственно, ведет не к счастью, а к необходимости самоотречения. Счастье оказывается несовместимым с требованиями долга. На фоне страданий, унижений и бедствий народа, на фоне неискупленных грехов целых сословий оно воспринимается как нечто не-

простительное и незаконное. Т. стремится показать, что в сложившихся условиях русской общественной жизни только путь самоотречения может привести человека к действительной вере в идеал, к народной правде и к возможности остаться «порядочным человеком до конца» (VII, 293). Т. видит, что обретенные таким образом возможности оплачиваются ценой страданий и внутренних потерь. Но высокая объективная ценность самоотречения для него тем не менее несомненна. В духовной жизни поколения, представленного Лаврецким и Лизой, происходит, по мысли Т., знаменательный исторический перелом. Лучшая часть «образованного меньшинства» обретает нравственное достоинство и независимость мысли; возникает прямая связь между работой сознания и всей практической жизнью человека. Т. показывает, что в новых исторических условиях дворянская культура сближается с народно-крестьянской нравственной традицией и обретает общенациональное содержание. Но в эпилоге «Дворянского гнезда» совершенно очевидно, что причастность к этой возвышенной духовной культуре как бы отрезает героя от будущего, от надвинувшихся задач переустройства страны. Лаврецкий отделен от следующего поколения непреодолимой нравственно-психологической дистанцией. А для них, преемников, как бы не существует все пережитое им, и ситуация у Т. такова, что все ценности предшественников действительно не нужны «новым людям». Ни тех, ни других Т. не винит. За разобщенностью двух поколений писатель улавливает действие общего закона российской истории: однажды обретенная ею система ценностей не наследуется и не передается от эпохи к эпохе. Но грусть, вызываемая этой мыслью в сознании героя и автора романа, пока еще светла. Лаврецкий не питает никаких темных чувств к молодому поколению, его благословение адресуется им — преемникам, не ставшим наследниками. Столь же благожелательно отношении к будущим русским деятелям самого Т.: ведь именно им предстоит «дело делать, работать» (VII, 293).

Не случайно роман был встречен единодушным одобрением критики (особо выделялись отзывы П. В. Анненкова, Ап. Григорьева, Д. И. Писарева) и общим восторгом читателей: благородный нравственный пафос и светлая поэзия «Дворянского гнезда» привлекали всех. Год появления романа был временем наибольшей популярности Т., но слава и всеобщее одобрение не стали для него причиной самоуспокоенности. Через пять месяцев после выхода в свет «Дворянского гнезда» писатель начинает работу над романом «Накануне». В январе 1860 г. роман был опубликован и, в отличие от «Дворянского гнезда», вызвал бурную, разноречивую реакцию.

Героиню своего романа Т. поставил перед выбором, сразу же получившим в глазах читателей символический смысл. Елена Стахова

олицетворяла молодую Россию, охваченную жадной перемен. На место ее избранника претендовали ученый, художник, честный чиновник и революционер. И когда Елена отдавала свое сердце революционеру Инсарову, это воспринималось как ответ на возникавший у читателя вопрос: какой тип деятеля наиболее привлекателен для современной русской молодежи? Взгляды автора были во многом близки к симпатиям героини — по собственному признанию Т., он развил в романе «мысль о необходимости сознательно-героических натур... — для того, чтобы дело продвинулось вперед» (Письма. III, 368). Разностороннюю характеристику людей такого типа заключала в себе статья «Гамлет и Дон Кихот», которую Т. писал параллельно с работой над романом. Новый герой найден Т. за пределами близкой и понятной ему дворянской среды, но это не мешает писателю воздать «бродаге, разночинцу» полную дань уважения. Инсаров предстает человеком, который все личное подчинил общим целям. Он наделен приметами того скромного, не сознающего себя героизма, который Т. ценил превыше всего: «сосредоточенная обдуманность единой и давней страсти» переходит в «непреклонность воли», в способность действовать вопреки любым враждебным обстоятельствам. Эти свойства героя подвергаются в романе многообразной проверке, и все испытания Инсаров выдерживает с честью. Однако представление Т. о «сознательно-героических натурах» и его отношение к ним оказались все-таки непростыми и неоднозначными. Т. улавливает в поведении и психологии Инсарова упрямство, ограниченность, прямолинейность. Все это оказывается оборотной стороной или даже непременной предпосылкой его нерассуждающего героизма. Не уходит герой и героиня нового романа и от тех трагических проблем, с которыми сталкивались Лаврецкий и Лиза Калитина. Великое дело освобождения целой страны соизмеряется с горестями отдельных людей и оказывается его причиной. Встает вопрос о цене, которой оплачивается великая цель. И опять обнаруживается несовместимость долга, общего дела и счастья: болезнь и смерть Инсарова Елена воспринимает как возмездие за испытанные ими радости любви. Наконец, очень важно то, что Инсаров — болгарин, а не русский и, как сказано в романе, «не мог быть русским» (VIII, 82). Его появление не разрешает противоречия, возникающие в движении русской жизни: такое разрешение, убеждает читателей Т., не может быть найдено вне родной почвы. В то же время фигура болгарина Инсарова воплощает в себе своеобразный упрек, адресованный русским общественным деятелям. Читатель-современник не мог не отметить слов Инсарова: «...последний мужик, последний нищий в Болгарии и я — мы желаем одного и того же. У всех у нас одна цель. Поймите, какую это дает уверенность и крепость!»

(VIII, 68). Т. явно хотел того, чтобы все прогрессивные общественные силы России, невзирая на сословные различия и несходство политических убеждений, объединились бы в таком же гармоническом, братском согласии. Однако в реальности такого согласия Т., видимо, не был уверен. На вопрос, будут ли в России люди, подобные Инсарову, концовка романа не давала определенного ответа.

Все это не могло не взволновать современников Т., к какому бы лагерю они ни принадлежали. Передовая молодежь горячо приветствовала роман, находя в нем верное отражение своих стремлений, надежд и первых разочарований. Консервативная критика (Н. Ф. Павлов, М. И. Дараган), напротив, обрушилась на Елену Стахову, причем претензии к Т. высказывались в крайне резкой форме. Сочувственно отнеслась к образам героя и героини революционно-демократическая критика, но заключенный в романе политический урок оказался для нее совершенно неприемлемым. В статье «Когда же придет настоящий день?» Добролюбов решительно отверг идею гражданского мира и сотрудничества сословий в общем деле преобразования России. Программе национального единения критик противопоставил иное понимание задач, стоящих перед «русскими Инсаровыми». Речь шла о предстоящей борьбе с «внутренними турками», а в число последних попадали у Добролюбова не только крепостники-реакционеры, но и сторонники либеральных реформ. Это было вызовом главнейшим убеждениям и верованиям Т. Он пытался воспрепятствовать опубликованию статьи Добролюбова в «Современнике», но, натолкнувшись на сопротивление Некрасова, бесповоротно порвал с журналом. Это событие стало кульминационным пунктом размежевания революционного и либерального направлений в русской культуре.

Конфликт с редакцией «Современника» неприятно поразил Т. И все же он еще не терял надежды на объединение антикрепостнических сил. Летом 1860 г. Т. составил проект программы «Общества для распространения грамотности и первоначального образования», адресуя его всем просвещенным людям России, с призывом «свести в это благое дело могущество единодушных дружных усилий и светосознательной мысли» (XV, 245). Призыв Т. не получил отклика в общественных кругах, охваченных непримиримой борьбой вокруг начинавшейся реформы. Не встретил поддержки и более ранний проект Т. — записка об основании журнала «Хозяйственный указатель», призванного стать единой трибуной общественного мнения по крестьянскому вопросу. Но неудачи и огорчения не ослабили творческой активности писателя. Напротив, опыт пережитого способствовал рождению грандиозного нового замысла. В течение года Т. пишет, а в феврале 1862 г. печатает роман «Отцы и дети».

Т. попытался показать русскому обществу трагический характер нарастающих конфликтов. Читателю открываются хозяйственные неурядицы, косность и бессилие администрации, обнищание народа, разложение традиционного быта, разрушение вековых связей крестьянина с землей, общиной, семьей, устоями патриархальной морали. Бестолковость и беспомощность всех сословий перед лицом социального кризиса угрожает перерасти в раздор и хаос. На этом фоне разворачивается спор о путях спасения России, который ведут герои, представляющие две основные партии русской интеллигенции. Программа либералов, главным защитником которой выступает Павел Петрович Кирсанов, основана на идеалах, по-своему высоких и благородных. Идеи достоинства и прав личности, самоуважения, чести, свободы объединяются в ней с мыслью о великом значении земледельческой общины и патриархальной семьи, с утверждением необходимости смирения перед народной верой и народной правдой. И все это осенено идеей прогресса, искренним уважением к таким понятиям, как «человечество» и «логика истории»: речь идет о превращении России в подлинно цивилизованную страну. Люди, которые пытаются уверовать в эту программу и в меру своих сил ее осуществлять, предстают у Т. честными и не лишенными некоторых достоинств. Но очевидна их ограниченность, их неспособность справиться с водоворотом захлестнувших общество перемен. Идеалы этих людей безнадежно далеки от реальности, предпринимаемые ими половинчатые «преобразования» бессильны преодолеть разлад между помещиками и крестьянами, а к поискам неизведанных путей и смелых решений эти люди не готовы, — не им спасти страну от катастрофы, на грани которой она находится. Такой вывод отчетливо просматривается в романе.

Либералам противопоставлен «нигилист» Базаров, в котором читатель без труда узнавал выразителей идей и настроений революционной молодежи. Базаров выражает эти идеи и настроения в самой крайней форме. Он провозглашает идею «полного и беспощадного отрицания», не признавая никаких пределов, способных ограничить ее осуществление. Существующий мир должен быть разрушен до основания — иначе Россия никогда не выйдет из порочного круга механических перемен, которые лишь внешним образом перестраивают ее жизнь, не обновляя и не улучшая ее. Такова логика Базарова, поэтому вместе с «постановлениями» отжившего крепостнического строя и либеральным реформаторством он так же категорично отрицает любовь, поэзию, музыку, красоту природы, философское мышление, семейные связи, альтруистические чувства, такие нравственные категории, как долг, право, обязанность. Базаров выступает сознательным и беспощадным противником традиционного гуманизма: в глазах «нигилиста» гуманистическая

культура оказывается прибежищем для слабых и робких, создавая иллюзии, способные стать их оправданием, придать человеческой слабости или пассивности возвышенный нравственный смысл. Гуманистическим идеалам просвещенной элиты и верованиям или предрассудкам невежественных масс «нигилист» одинаково противопоставляет истины естествознания, утверждающие жесткую логику жизни-борьбы. Базаров стремится начать историю заново, на голом месте, отбросив весь имеющийся опыт человечества, не считаясь ни с объективной логикой истории, ни с «мнением народным». И все это не только идеи — перед читателем человек действительно новой формации, дерзкий, сильный, органически не способный к иллюзиям и компромиссам, достигший полной внутренней свободы, готовый идти к своей цели, ни с чем не считаясь, сокрушая или ненавидя все, что ему противится.

В спорах с Павлом Петровичем Базаров легко побеждает. На его стороне не только преимущество смелости и новизны его идейной позиции. Т. видит, что «нигилизм» глубоко связан с общественным неустойчивым и народным недовольством, что это естественное выражение духа времени, когда в России все переоценивается и переворачивается. Т. признает, что роль «передового класса» переходит от дворянской интеллигенции к разночинцам. Но все это лишь часть истины, открываемой читателю в «Отцах и детях». Т. проводит Базарова по кругам жизненных испытаний, они-то и обнаруживают с настоящей полнотой и объективностью меру правоты и неправоты героя. «Полное и беспощадное отрицание» оказывается оправданным как единственная в современных условиях серьезная попытка действительно изменить мир, покончив с противоречиями, которые не могут разрешить ни усилия общественных партий, ни влияние вековых идеалов гуманистической культуры. Становится понятным и враждебный базаровский полемизм, направленный против классических традиций этой культуры: Т. готов признать, что пафос традиционного гуманизма многократно оборачивался применением с несовершенством и несправедливостью мира. Однако для Т. бесспорно и то, что внутренняя логика «нигилизма» неизбежно ведет к свободе без обязательств, к действию без любви, к поискам без веры. Т. не находит в «нигилизме» созидающей творческой силы: те изменения, которые «нигилист» предусматривает для реально существующих людей, по сути дела, равносильны уничтожению этих людей. «Нигилизм», по мысли Т., бросает вызов непреходящим ценностям духа и естественным основам жизни. В этом усматривается трагическая вина героя, причина его неизбежной гибели.

Трагической представляется Т. вся современная общественно-историческая ситуация в целом. Т. видит, что столкновение общественных партий

оборачивается нарушением нормальной преемственности поколений: дети отказываются от наследия отцов, теряя связь с прошлым, с корнями своего бытия, отцы утрачивают естественную для их роли любовь к идущим на смену, старость и молодость перестают уравниваться друг друга в общем течении жизни. Тема разобщенности поколений, намеченная Т. в «Дворянском гнезде», приобретает в «Отцах и детях» небывалую глубину — рождается мысль о возможном разрыве «связи времен», о разрушительном проникновении общественных противоречий в основание самой жизни. Противоречие обнаруживается, наконец, и в самой натуре героя. Базаров, переживший любовь, страдания и своеобразную «мировую скорбь», уже не может быть цельным и последовательным разрушителем, безжалостным, непоколебимо самоуверенным, ломающим других просто по праву сильного. Но смириться, подчинив свою жизнь идее самоотречения, или искать утешения в искусстве, в чувстве исполненного долга, в самозабвенной любви к женщине Базаров тоже не может — для этого он слишком зол, слишком горд, слишком необузданно, по-дикому свободен. Единственным возможным разрешением этого противоречия оказывается смерть.

Лишь последние строки романа заключают в себе намек на возможность иного разрешения непримиримых для современного сознания жизненных противоречий. На фоне эпохи, в ее пределах, жизнь Базарова должна быть признана бесплодной, но такому выводу противостоит лирическое напоминание о «вечном примирении и о жизни бесконечной» (VIII, 402). Автор как будто бы хочет сказать о том, что драма Базарова входит в мировую гармонию как ее необходимая составная часть. Речь идет о значении, которое может раскрыться лишь в масштабе вечности, — значении непреходящем, таинственном и грандиозном. Так на новом витке своего развития мысль Т. возвращается к финалу «Рудина» — к идее о высшем назначении героя-максималиста, о высокой судьбе и мировой роли русской интеллигенции.

Идеал национального единства ради спасительного обновления России продолжал оставаться для Т. главным ориентиром и в пору работы над «Отцами и детьми». Роман был проникнут тайной надеждой писателя на то, что созданная им картина, полно и беспристрастно изображающая трагическое состояние русского общества, сможет преобразить сознание читателей-современников, побудив их к сплочению. Но Т. вновь, и теперь уже более жестоко, ошибся. Вместо ожидаемого читательского прозрения разразился громкий литературный скандал. Т. был обескуражен и кричащим разноречием отзывов, и субъективной односторонностью большинства из них. Некоторые представители либеральной и консервативной критики (напр. М. Н. Катков) укоряли

Т. за то, что он незаслуженно осмелел «отцов» и так же незаслуженно идеализировал радикально настроенную молодежь. В демократической критике (в статьях М. А. Антоновича, Ю. Г. Жуковского и Н. Г. Чернышевского) преобладала другая точка зрения: в романе усматривали апологию «отцов» и злую сатиру на молодое поколение. Читатели тоже разделились на два лагеря, тяготея к той или иной односторонней оценке. Верные суждения Д. И. Писарева, критика радикально-демократического журнала «Русское слово», и Н. Н. Страхова, напечатавшего статью об «Отцах и детях» в почвенническом журнале «Время», не могли существенно изменить ситуацию. Оба критика, каждый по-своему, почувствовали глубину социально-философской проблематики романа и указали на объективное отношение автора к герою. Однако накал общественной борьбы исключал возможность широкого понимания писательской позиции, возвышавшейся «над схваткой». В сущности, произошел разрыв между Т. и основной массой его читателей.

Обиженный и разочарованный, Т. вновь уехал за границу и на протяжении нескольких лет почти не писал. В первой половине 60 гг. он опубликовал лишь небольшую повесть «Призраки» (1864) и лирико-философский этюд «Довольно» (1865), где звучали грустные мысли об эфемерности всех человеческих ценностей. Как и в повестях 50 гг., такие мысли приписывались героям, выступающим в роли повествователей, однако подлинный автор теперь уже не противопоставлял их безотрадному взгляду на мир никакой положительной альтернативы. Накапливалась усталость, перспективы дальнейшего творчества казались закрытыми, очерком «Довольно» Т. предполагал проститься с читателями навсегда.

Но отказаться от активного участия в литературной и общественной жизни Т. не смог. В Баден-Бадене и в Париже, где он провел большую часть последних двадцати лет жизни, его по-прежнему волновали перипетии кипевшей на родине политической борьбы, последствия освобождения крестьян в 1861 г., вопрос о современном состоянии и будущем России. В 1862—1863 гг. развернулась полемика Т. с Герценом, Н. П. Огаревым и Бакунным. Т. опаривал основное положение укреплявшегося тогда народнического социализма — веру в крестьянскую общину и в социалистические инстинкты русского мужика. Т. точно подметил распад общинных связей в русской деревне и одним из первых указал на процесс обезземеливания беднейшего крестьянства, на быстрый рост и обогащение кулачества — «буржуазии в дубленом тулупе». В переписке Т. ощущается разочарование в правительственной политике, недовольство робостью предпринятых реформ и репрессивными мерами, направленными против демократического движе-

ния. Но все наблюдения и выводы Т. в такой же мере усиливали его скептическое отношение к революционным идеям и настроениям. Опыт послереформенных лет лишь укрепил в нем мысль о том, что постепенные преобразования являются единственным плодотворным путем общественного развития, а творческие силы истории следует искать не в народе, но в «меньшинстве образованного класса» (Письма. V, 49). Эти размышления и споры способствовали новому подъему творческой активности писателя: в 1867 г. Т. завершает работу над романом «Дым».

В «Дыме» Т. резко отошел от привычной для него жанровой структуры, сконцентрированной вокруг главного героя и героини. Сюжет нового романа разветвляется на несколько почти самостоятельных линий, связанных между собой главным образом смысловыми перекличками. Роман наполняется сатирическими и публицистическими мотивами, ранее мало свойственными манере Т. Главным объединяющим началом становится символично-философский образ «дыма», вовлекающий в поле своего тяготения все ключевые эпизоды и детали. Т. стремится воссоздать состояние общества в целом, воплотив кризисный характер современной ситуации в самом образном строе повествования.

Перед читателем — жизнь, потерявшая внутреннюю связь и ясную цель. Люди беспорядочно мечутся и сталкиваются в напрасных поисках пути, теряя нравственную устойчивость и уверенность в себе, озлобляясь, пустея, мельчая. В лихорадочной суетолоке идей, сменяющих друг друга в общественном сознании, Т. не видит ни одной по-настоящему плодотворной. Однако появляются признаки того, что взгляд Т. на русскую историю начинает меняться. Прежде всего, концепция писателя уже не трагична: в неустойчивости современных общественных явлений, в неопределенности исторических перспектив он усматривает возможность надежды. А надежды свои автор «Дыма» возлагает на «повседневных строителей жизни», скромных и бескорыстных вершителей «малых дел». Их достоинства и заслуги далеки от идеалов Т., но он готов поверить в то, что скромные практики переходной эпохи исподволь готовят почву для будущего возрождения. В нач. 70 гг. Т. пишет: «Народная жизнь переживает воспитательный период внутреннего, хорового развития, разложения и сложения; ей нужны помощники — не вожаки, и лишь только тогда, когда этот период кончится, снова появятся крупные, оригинальные личности» (Письма. X, 296).

После выхода романа в свет Т. еще раз пришлось столкнуться с обидной для него реакцией критики. В критических суждениях о «Дыме» преобладала резко отрицательная оценка. Представители консервативного (М. П. Погодин), демократического (Г. Е. Благосветлов), либерального (А. М. Скабичевский) направле-

ний с разных сторон обвиняли Т. в непонимании современной русской жизни. Среди крайне немногочисленных положительных отзывов выделялась лишь статья П. В. Анненкова, содержавшая объективный и глубокий анализ романа.

И вновь неудача не обескураживает Т. Он с живым интересом встречает общественный подъем 70 гг., связанный с героическими попытками народников найти революционный выход из переживаемого страной кризиса. Т. сближается с одним из вдохновителей «хождения в народ» П. Л. Лавровым, не раз выражает свои дружеские чувства видным участникам движения — Г. Н. Лопатину, П. А. Кропоткину, С. М. Степняку-Кравчинскому, оказывает материальную помощь в издании народнического сборника «Вперед». Разочарование писателя в своих былых надеждах на правительство и либеральное дворянство все усиливается, соответственно усиливаются его симпатии к революционерам.

Вновь проявляется в эти годы и давний интерес Т. к народной теме, отошедшей на второй план в предшествующие десятилетия. Т. возвращается к «Запискам охотника» и дополняет книгу несколькими новыми рассказами. Продолжением попыток создать русский эпос явилась работа Т. над повестями «Бригадир» (1866), «Несчастная» (1869), «Странная история» (1870), «Степной король Лир» (1870), «Стук... стук... стук!..» (1871), «Пунин и Бабурин» (1874), «Часы» (1875) и др. На первый взгляд, Т. воскрешает здесь поэтику «натуральной школы», подчинившей изображение людей и событий задачам социальной типизации. Однако плотность и конкретность социально-бытовых характеристик, детальное изображение окружающей героев среды (как и постоянной их связи с нею) вступают в новое, плодотворное сопряжение с универсально-философским осмыслением характеров и ситуаций. Т. рисует типы, воплощающие коренные черты национального характера, типы в основе своей неподвластные меняющимся веяниям времени, иногда непосредственно сопоставимые с «вечными образами» мирового искусства. Предпринимая своеобразное художественное исследование этих типов, писатель стремится приблизиться к тайнам русской «сути», разгадать скрытый в ней социальный и нравственный потенциал. Ему открываются глубокие противоречия национальной психологии. Рядом с протестом и жадной возмездия Т. обнаруживает побуждения, ведущие к всепрощению и смиренности. Он видит, что бескомпромиссные поиски нравственной правды, страстные порывы к самоотречению и самопожертвованию могут причудливо совмещаться в массовом сознании с изуверством и фанатизмом, что в ужасающей темноте стихийного народного мироощущения всепоглощающие, самозабвенные чувства могут служить злу. В то же время Т. замечает, как широко распространилось в русском народе сознание несправдлив-

вести и непрочности современного порядка вещей, как возникающее повсюду предчувствие близкой гибели мира оборачивается потребностью немедленного и радикального действия, безудержным утопизмом, «отчаянной» готовностью к риску или даже к гибели ради торжества правды. Наблюдения писателя концентрируются в ощущении огромной, но иррациональной энергии, которая с кризисной напряженностью накапливается в недрах народной жизни, готовая вырваться наружу в каких-то непредсказуемых проявлениях. Это ощущение и заставляет Т. вновь и вновь приглядываться к «страннст...м» психологии и судьбы русского человека.

Не менее настойчив интерес Т. к скрытым ресурсам человеческой природы вообще. Стремление познать их воплотилось в целой группе «таинственных повестей»: «Собака» (1870), «Сон» (1877), «Песнь торжествующей любви» (1881), «Клара Милич» (1883). Т. изображает явления человеческой психики, которые считались тогда непостижимо загадочными: его привлекают странные совпадения в желаниях и поступках разных людей, тайны наследственности, загадки психологии сна, примеры непонятной власти умерших над чувствами и волей живых, гипнотические внушения, галлюцинации, необъяснимые предчувствия и т. п. Поэтика «таинственных повестей» напоминала о традициях фантастической прозы романтиков (Э. По, В. Ф. Одоевского и др.). Но приемы романтического повествования были подчинены новым творческим принципам: соотношение сознательного и бессознательного в психике человека Т. изображал с учетом новейших идей позитивистского естествознания и вместе с тем с ясным пониманием недостаточности любых рациональных объяснений тайны. В итоге создавалась картина строго объективная, читателю открывался целый мир еще непознанных, но вполне реальных и, по-видимому, безграничных возможностей.

Интерес к масштабному, обобщающему осмыслению жизни по-иному выразился в обращении Т. к мемуарному жанру. На протяжении 70 гг. складывался и неоднократно пополнялся цикл мемуарно-автобиографических очерков «Литературные и житейские воспоминания», где писатель стремился связать собственную судьбу с историческими судьбами своего поколения, России и Запада. Все это живо занимало Т., но все-таки в центре его внимания опять оказалась сиюминутные настроения и действия передовой интеллигенции. В начале 1877 г. Т. опубликовал роман «Новь», в котором изображалось «хождение в народ», предпринятое революционной молодежью.

Новая политическая тема способствовала дальнейшей структурной перестройке тургеневского романа. Т. создал композицию, включавшую в себя истории многих почти равноправных героев, характеристики различных жизненных

укладов, групповые портреты, изображение целого общественного движения. В романе показана закономерность «хождения в народ», его связь с углублением общественного кризиса, с бедственным положением русского крестьянства после реформ 60 гг. Отчетливо раскрывается и закономерность неудачи, которую потерпели революционеры: писатель видит, как революционные призывы наталкиваются на глухую стену непонимания, обусловленного темнотой и гражданской неразвитостью крестьянской массы. «Безымянная Русь» не готова к революции и, вероятнее всего, не нуждается в ней — к такому заключению стремится привести читателя автор «Нови». Т., однако, не осуждает революционеров: мысль о практической несостоятельности их действий и целей совмещается в «Нови» с признанием нравственной силы революционных борцов. Более того, Т. убежден, что проблемы, поставленные на повестку дня народническим движением, должны быть разрешены. Он не согласен лишь с революционными методами переустройства России и противопоставляет им свою программу, развивающую финальный мотив «Дыма». Истинно полезными деятелями русского прогресса Т. стремится представить «постепеновцев», которые обновляют страну неспешной, но упорной и последовательной просветительно-реформаторской работой. Только теперь, отказавшись от последних надежд на либеральное дворянство, писатель ожидает появления «постепеновцев снизу», отводя решающую роль просветителям-демократам, вышедшим непосредственно из народной среды.

«Новь» не удовлетворила большинство участников изображенного в романе движения. Однако даже неблагоприятные отзывы идеологов народничества Н. К. Михайловского и П. Н. Ткачева не помешали постепенному преодолению недоразумения, возникшего между Т. и демократической молодежью еще в 60 гг., после «Отцов и детей». То, что Т. сочувствует стремлениям молодого поколения, становилось все более очевидным, а «постепеновская» программа писателя не противоречила идеям и планам той части народников, которая на рубеже 70—80 гг. уже не делала ставку на заговоры или террор. Настроения этого круга нашли отражение в относительно благоприятном отзыве о «Нови» П. Л. Лаврова. Наконец, сама устойчивость независимой и честной позиции Т., неизменное благородство его творческих целей с течением времени восторжествовали над предубежденным отношением к нему. Очередной приезд Т. в Россию в феврале 1879 г. неожиданно стал поводом для бурных чувствований, которыми встретили писателя самые широкие круги русской общности. В то же время достигает апогея и мировая слава Т. Для писателей Запада он становится главным представителем русской культуры и одним из корифеев европейского реализма.

Множатся переводы Т. на иностранные языки, видные западные писатели начинают ощущать его влияние на себе. Все большее значение приобретает переводческая деятельность самого Т., на протяжении ряда десятилетий являвшегося одним из главных пропагандистов русской литературы на Западе. В 1878 г. Т. вместе с В. Гюго руководит международным литературным конгрессом в Париже.

Весной 1882 г. обнаружилась первая признаки тяжелой болезни, которая оказалась для Т. смертельной. Но в моменты временного облегчения страданий писатель продолжал работать и за несколько месяцев до смерти издал первую часть «Стихотворений в прозе». Этот цикл лирических миниатюр явился своеобразным прощанием Т. с жизнью, родиной и искусством. Последняя книга Т. собрала в себе главные темы и мотивы его творчества. Здесь выразилось преклонение перед силой самоотверженной любви и нравственным величием подвига, увлечение пылким идеализмом молодости, тончайшее чувство природы, поэзии и красоты, а рядом с этим — ощущение разочарования и одиночества, ужас перед ничтожеством человека и всемогуществом разрушительных сил смерти, усталое отвращение к лжи, пошлости и глупости, к их неизбывному присутствию в человеческой жизни. И все это многообразие тем обрело эстетическую завершенность благодаря глубоко символическому обрамлению цикла. Книгу открывало стихотворение в прозе «Деревня» («...на тысячу верст кругом Россия — родной край» — XIII, 143), а завершал ее «Русский язык», лирический гимн, исполненный веры Т. в великое предназначение своей страны: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!» (XIII, 198).

Соч.: Собр. соч.: В 12 т. / Редкол.: М. А. Алексеев, Г. А. Бялый и др. — М., 1975—1979; Полн. собр. соч. и писем; В 28 т. / Под ред. М. П. Алексеева и др. — М.: Л., 1960—1968; Полн. собр. соч.: В 30 т. — 2-е изд. — М., 1978—1986. — Т. 1—12.

Лит.: Белянский В. Г. Взгляд на русскую литературу 1847 г. // Полн. собр. соч.: В 13 т. — М., 1956. — Т. X; Чернышевский Н. Г. Русский человек на rendez-vous. Размышления по прочтению повести Тургенева «Ася» // Полн. собр. соч. — М., 1950. — Т. 5; Григорьев А. А. И. С. Тургенев и его деятельность. По поводу романа «Дворянское гнездо» // Григорьев Аполлон. Литературная критика. — М., 1967; Анненков П. В. «Дворянское гнездо». Роман И. С. Тургенева // Анненков П. В. Воспоминания и критические очерки. — СПб., 1879. — Т. 2; Добролюбов Н. А. Когда же придет настоящий день? // Собр. соч.: В 9 т. — М., 1963. — Т. 6; Герцен А. И. Новая фаза в русской литературе // Собр. соч.: В 30 т. — М., 1959. — Т. 18; Писарев Д. И. Базаров // Соч.: В 4 т. — М., 1955. — Т. 2; Страхов Н. Н. «Отцы и дети» // Страхов Н. Н. Литературная критика. — М., 1984; Салтыков-Щедрин М. Е. И. С. Тургенев // Полн. собр. соч.: В 20 т. — М., 1940. — Т. 15; Михайловский Н. К. О Тургеневе // Михайловский Н. К. Литературно-критические статьи. —

М., 1957; Лавров П. Л. И. С. Тургенев и развитие русского общества // Литературное наследство. — М., 1967. — Т. 76; Воронский В. В. И. С. Тургенев как общественный деятель // Соч.: В 3 т. — М., 1931. — Т. 2; Луначарский А. В. Лекции о Тургеневе. — М., 1918; Овсяннико-Куликовский Д. Н. И. С. Тургенев // Собр. соч.: В 9 т. — 5-е изд. — М.; Пгр., 1923. — Т. 2; Клеман М. К. Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева. — Л., 1934; Он же. И. С. Тургенев. Очерк жизни и творчества. — Л., 1936; Бялый Г. А. Тургенев и русский реализм. — М.: Л., 1962; Богословский Н. В. Тургенев. — 3-е изд. — М., 1964; Библиография литературы об И. С. Тургеневе. 1918—1967. — Л., 1970; Батюго А. Тургенев-романист. — Л., 1972; Курляндская Г. Б. Художественный метод Тургенева-романиста. — Тула, 1972; И. С. Тургенев в русской критике / Сост. К. И. Бонцкий. — М., 1953; Маркович В. М. Человек в романах И. С. Тургенева. — Л., 1975; Петров С. М. И. С. Тургенев. Творческий путь. — 2-е изд. — М., 1979; Шаталов С. Е. Художественный мир И. С. Тургенева. — М., 1979; Пустовойт П. Г. И. С. Тургенев — художник слова. — М., 1980; Лебедев Ю. В. Роман И. С. Тургенева «Отцы и дети». — М., 1982; И. С. Тургенев в воспоминаниях современников: В 2 т. — 2-е изд. — М., 1983; Муратов А. Б. Тургенев-новеллист (1870—1880-е годы). — Л., 1985; Роман И. С. Тургенева «Отцы и дети» в русской критике: Сб. / Сост. И. Н. Сухих. — Л., 1986.

В. М. Маркович

ТЭФФИ (псевдоним, урожденная *Лохвицкая*, по мужу — *Бучинская*), Надежда Александровна [9(21).V.1872, имение в Волынской губ.—6.X.1952, Париж] — прозаик, поэт, драматург. Родилась в семье с давними культурными традициями. Прадед, Кондратий Лохвицкий, масон эпохи Александра I, автор мистических стихотворений. Отец — профессор права, старшая сестра — известная поэтесса Мирра Лохвицкая. В первых же творческих опытах Т. проявились существенные черты ее дарования. Писательница вспоминала, что в них «преобладал элемент наблюдательности над фантазией» и что она «любила рисовать карикатуры и писать сатирические стихотворения» (Первые литературные шаги. Автобиография современных русских писателей. — М., 1911. — С. 204). Первая публикация — стихотворение «Мне снился сон, безумный и прекрасный...» (еженедельник «Север». — 1902. — 2 сент.; подпись — *Н. Лохвицкая*), написанное «под влиянием Чехова» (Первые литературные шаги. — С. 204). Впоследствии избрала псевдоним, заимствованный из сказки Р. Киплинга «Как было написано первое письмо».

В годы революции (1905—1907) активно сотрудничала в радикальных сатирических журналах и газетах («Сигнал», «Зарницы», «Красный смех», «Вперед» и др.), печатая стихотворения, фельетоны, юмористические рассказы. Входила в число беспартийных сотрудников первой легальной большевистской газеты «Новая жизнь» (1905). Опубликовано на ее страницах стихотворение «Печелки», по воспоминаниям Т., было отменено В. И. Лениным (Новое русское слово. — Париж. — 1949. — 9 янв.), а затем неоднократно перепечатывалось в антологиях и сборниках политического сатиры, читалось с эстрады. Однако радикализм Т. не шел дальше общелиберального осуждения уродливых край-

ностей российской действительности, полицейского режима. Поэтому ее сотрудничество с большевистской прессой оказалось весьма кратковременным.

В 1908 г. становится постоянным сотрудником вновь организованного журнала «Сатирикон» (вместе с А. Аверченко, С. Черным, О. Дымовым, художниками Ре-Ми, А. Радаковым). Вместе с ростом популярности журнала возрастала и известность Т. у массового читателя. Кроме «Сатирикона», была постоянным сотрудником газет «Биржевые ведомости» и «Русское слово», печаталась в «Руси», «Ниве», «Театре и искусстве», большевистской «Звезде» (1911).

В 1910 г. вышел первый поэтический сборник Т. «Семь огней» (Спб.). В Брюсов отозвался о книге резко критически, отметив вторичность тематики и стиля: «Стихи г-жи Тэффи — ряд общих мест модернизма. Если угодно, в стихах г-жи Тэффи много красивого, красочного, эффектного; но это — красота дорогих косметик, красочность десятой копии, эффекты ловкого режиссера. У всех поэтов, от Гейне до Блока, от Леконта де Лиля до Бальмонта, позаимствованы г-жей Тэффи образы, эпитеты и приемы и не без искусства слажены в строфы и новые стихотворения» (Брюсов В. Далекие и близкие // Соч. — М., 1975. — Т. VI. — С. 320).

Иначе были приняты читателями и критикой два тома «Юмористических рассказов» (Кн. I. — Спб., 1910; Кн. 2. — Спб., 1911). Критика отмечала «наблюдательность, веселость и литературный язык» рассказов (Кузмин М. // «Аполлон». — 1910. — № 9), «живой и зажигательный юмор» (Кр(а)н(и)х(ф)ельд В. // Современный мир, 1910. — № 9). А. А. Измайлов писал о постепенном отходе Т. «от злобы дня и в особенности от политики, которая еще так недавно кормила русских юмористов». По его мнению, в рассказах Т. преобладает «комизм характеров, юмористика подлинных житейских мелочей» (Биржевые ведомости. — 1910. — 12 июля. — Вечерний выпуск). Первая книга в течение 1910 г. выдержала 3 издания, до 1917 г. обе книги «Юмористических рассказов» были переизданы более 10 раз. Неоднократно переиздавались и последующие сборники юмористических рассказов Т.: «И стало так» (Спб., 1912; 7-е изд. — Спб., 1916), «Дым без огня» (Спб., 1914; 9-е изд. — Пг., 1918), «Карусель» (Пб., 1913; 4-е изд. — Пг., 1918).

Пережив в 1905–1907 гг. краткий период увлечения политической сатирой («Корсиканец», «Новые партии», «Взамен политики»), Т. в дальнейшем сосредоточивается на бытовой юмористике. Высмеивая торжествующую пошлость, Т. во 2-й книге «Юмористических рассказов» создает образ «человекообразного», символизирующий различные воплощения мещанства. В фантастическом рассказе «Когда рак свистнул» «человекообразный» преподносится «рождественский подарок»: рак, исполняющий наиболее сильные

желания. Побеждают только злые желания — «люди гибли как мухи», а добрые оказываются «слишком вялыми и холодными». Однако фантастический гротеск встречается в рассказах Т. редко. Главная ее тема — нелепость повседневности, обычных бытовых ситуаций («Легенда и жизнь», «Юбилей», «Новогодние поздравления», «Пасхальные советы молодым хозяйкам», «Знакомые», «Дураки»). Заграничная поездка, целиком посвященная поискам оторванной от перчатки пуговицы и закончившаяся потерей самой перчатки («Пуговица»), посетительница ресторанов, заказывающая неизменную телячью почку («À la Сарданапал»), мучающие друг друга визитеры («Визитерка») — таковы типичные сюжеты юмористических миниатюр Т.

Лучший дореволюционный сборник рассказов Т. — «Неживой зверь», написанный в значительной степени под влиянием рассказов Ф. Сологуба, — знаменует поворот писательницы к психологической прозе. Предупредив читателя в предисловии: «В этой книге много невеселого» («Неживой зверь». — Спб., 1916. — С. 4), Т. выбирает главной темой сборника трагическое одиночество детства и старости.

После Октября, по воспоминаниям Т., она переехала из Петрограда в Москву, затем отправилась в Киев «на самый короткий срок, чтобы прочесть на вечере свой рассказ (...)». Киев. Петлюра. Обьски. Путь на север отрезан. Катимся ниже, ниже...» (Тэффи и Н. А. Тихий спутник // газета «Возрождение». — Париж. — 1927. — № 859). С 1920 г. — в эмиграции. Живя в Париже, сотрудничала в газетах «Последние новости», «Возрождение», издала ряд сборников рассказов и стихов («Passifloga». Берлин, 1923; «Черный ирис». Стокгольм, 1921; «Сокровища земли». Берлин, 1921; «Тихая заводь». Париж, 1921; «Ведьма». Париж, 1935; «Все о любви». Париж, 1946, и др.). В 1920 г. два фельетона Т. под рубрикой «Наши за границей» были перепечатаны в «Правде». Как свидетельствует С. Виноградская, это было сделано по предложению В. И. Ленина (Виноградская С. «Если подойдет...» // Огонек. — 1962. — № 18. — С. 7–8). Особую популярность в Москве 20 гг. приобрел фельетон «Ке-фер», рисующий растерянность в кругах русской эмиграции.

Т. сохраняла неизменную лояльную позицию по отношению к СССР. Однако вернуться на родину не удалось вследствие тяжелой болезни, приведшей к нужде и одиночеству.

Соч.: Юмористические рассказы: В 2 кн. — Спб., 1910–1911; 10-е изд. — Пг., 1916–1917; И стало так. — Пг., 1912; 7-е изд. — 1916; Неживой зверь. — Пг., 1916; Танго смерти. — М.; Л., 1927; Рассказы. — М., 1971; Поэты «Сатирикона». — М.; Л., 1966.

Лит.: Евстигнеева Л. А. Журнал «Сатирикон» и поэты-сатириканы. — М., 1968; Зошенко М. Тэффи / Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома. — 1972. — Л., 1974; Спиридонова Л. А. (Евстигнеева). Русская сатирическая литература начала XX века. — М., 1977.

Д. М. Магомедова

ТЮТЧЕВ, Федор Иванович [23.XI (5.XII).1803, усадьба Овстуг Брянского у. Орловской губ.— 15(27).VII.1873, Царское Село; похоронен в Петербурге на кладбище Новодевичьего монастыря] — поэт. Родился в культурной стародворянской семье среднего достатка, где сильны были патриархальные начала. Детство провел в Овстуге, Москве и подмосковном имении Троицком. Отец Т., Иван Николаевич Тютчев, не стремившийся к служебной карьере, был радушным, гостеприимным и добросердечным хозяином-помещиком. С четырехлетнего возраста Т. находился под присмотром «дядьки», Н. А. Хлопова, отпущенного на волю крепостного, нежно привязанного к своему питомцу. Испытал сильное влияние матери, Екатерины Львовны (урожденной Толстой), женщины умной, нервной и впечатлительной.

Рано обнаружил необыкновенные дарования и способности к учению. Получил хорошее домашнее образование, которым с 1813 г. руководил С. Е. Раич, поэт-переводчик, знаток классической древности и итальянской литературы, также оказавший заметное и благотворное воздействие на Т. Под влиянием учителя Т. рано приобщился к литературному творчеству и уже в 12 лет успешно переводил Горация. Одно из его подражаний — ода «На новый 1816 год» — было прочитано А. Ф. Мерзляковым в Обществе любителей российской словесности (1818), и Т. был удостоен звания «сотрудника». В 1819 г. в «Трудах» Общества опубликовано вольное переложение «Послания Горация к Меценату» — первое выступление Т. в печати.

Осенью 1819 г. Т. поступает на словесное отделение Московского университета, слушает лекции профессора А. Ф. Мерзлякова: по теории словесности и истории русской литературы, М. Т. Каченовского: по археологии и истории изящных искусств. Его университетским товарищем был М. П. Погодин, впоследствии известный историк. По своим литературным симпатиям и вкусам Т. в это время близок участникам будущего кружка Раича: С. П. Шевыреву, В. Ф. Одоевскому, А. Н. Муравьеву и др. Всем им не чуждо умеренное политическое вольномыслие, но преобладают интересы художественные, эстетические, философские. Показателен отзыв юного Т. (1820?) на пушкинскую оду «Вольность»: приветствуя ее антииранический пафос, автор советует Пушкину смягчать, а не тревожить сердца сограждан. И в последующие годы Т. остается противником революционных выступлений (стихотворение «14 декабря 1825», 1826). Постепенно в его творчестве усливаются монархические настроения, оформляется идея всеславянского единства («Как дочь родную на закланье...», 1831). В студенческие годы Т. много читает, участвует в литературной жизни университета. Очевиден ученический характер его ранних опытов: они рассудочны, выдержаны в духе поэзии

XVIII в.— классицизма и отчасти сентиментализма.

Окончив в конце 1821 г. университет кандидатом, Т. едет в Петербург, поступает на службу в Коллегию иностранных дел и вскоре — усилиями своего богатого и влиятельного родственника А. И. Остермана-Толстого — получает место сверхштатного чиновника русской дипломатической миссии в Баварии. В июле 1822 г. он отправляется в Мюнхен. За границей Т. предстоит провести 22 года.

В Мюнхене, который с середины 20 гг. становится крупным центром европейской культуры, круг жизненных и умственных впечатлений Т. быстро расширяется. Т. входит в придворно-аристократические и дипломатические сферы, знакомится с учеными, литераторами, художниками, погружается в изучение немецкой романтической философии и поэзии. Он сближается со знаменитым философом Ф. Шеллингом, дружески сходится с Г. Гейне, которые высоко ценят его как превосходного человека и увлекательного собеседника. Первым берется Т. за перевод на русский язык стихотворений Гейне, переводит также Ф. Шиллера, И. В. Гете, др. европейских поэтов, и это помогает ему обрести свой голос в поэзии, выработать особый, неповторимый стиль.

Как поэт Т. сложился к концу 20 гг. Еще ранее его стихи начинают появляться в печати — главным образом в издаваемых Раичем альманахе «Северная лира» (1827) и в журнале «Галатея», однако ни читатели, ни критики не обратили на них внимания. Значительным событием в литературной судьбе Т. стала публикация большой подборки его стихов в пушкинском «Современнике» (1836.— № 3 и 4) под заголовком «Стихи, присланные из Германии» и за подписью Ф. Т. Инициатор публикации И. С. Гагарин, друг и сослуживец Т., передал копии его стихов П. А. Вяземскому, который в свою очередь ознакомил с ними В. А. Жуковского. Оба маститых поэта высоко оценили стихи Т. и рекомендовали их Пушкину. Вопрос же об отношении к ним самого Пушкина остается спорным и по сей день. С одной стороны, сам факт публикации сразу 24 стихотворений свидетельствует как будто о безусловном одобрении и даже «благословении» таланта Т. С другой стороны, Гагарин, извещая Т. об успехе затеянного им дела, весьма сдержанно говорит о реакции Пушкина. Показательно также, что в пушкинскую подборку не попали наиболее характерные, самые «тютчевские» стихи, даже такой бесспорный шедевр, как «Тени сизые смешались...». После публикации в «Современнике» (еще несколько стихотворений были напечатаны в последующих номерах журнала) на Т. обратили внимание в литературных кругах, но читателям его имя по-прежнему оставалось неизвестным.

Мюнхенский период — пора светских успехов и сердечных увлечений Т. Он пережил пылкое

увлечение Амалией Лерхенфельд (в замужестве баронесса Крюденер), к которой обращено стихотворение «Я помню время золотое...» (1836) и другое, позднее — «Я встретил вас — и все было...» (1870), ставшее популярным романсом. В 1826 г. Т. вступает в брак с вдовой русского дипломата Элеонорой Петерсон, урожденной графиней Ботмер. С годами его семейство увеличивается, но он по-прежнему занимает незначительную дипломатическую должность, испытывает материальные затруднения. В 1833 г. начинается роман Т. с красавицей Эрнестиной Дёрнберг (урожденной баронессой Пфеффель), вскоре овдовевшей. Во избежание скандала Т. переводят на дипломатическую службу в Турин, где он получает пост старшего секретаря русской миссии и даже замещает временно отсутствующего посланника.

В 1838 г. умирает жена поэта Э. Ф. Тютчева: сказалось сильное физическое и нервное потрясение, испытанное ею во время пожара на пароходе «Николай I», которым она с тремя дочерьми возвращалась из России. Т. тяжело пережил утрату, поседел за одну ночь, но горе не остудило его страсти. Самовольно выехавший в Швейцарию, чтобы обвенчаться с любимой женщиной, Т. вынужден был распротиться со службой и был лишен придворного звания камергера. Он возвращается в Мюнхен, где проводит еще 5 лет, не имея никакого официального положения, и это побуждает его искать возможностей возвращения в Россию. Летом 1843 г. Т. приезжает на четыре месяца в Москву и Петербург, ведет переговоры с вице-канцлером К. В. Несельроде и А. Х. Бенкендорфом.

В лирическом творчестве Т. возникает долгая, почти десятилетняя пауза, но именно в это время кристаллизуется его политическое мировоззрение. Поездка в Прагу (1841) и встреча с видным деятелем чешского национального движения В. Ганкой окончательно оформили его панславистские воззрения. В 1843—1850 гг. Т. выступает с политическими статьями «Россия и Германия», «Россия и Революция», «Папство и римский вопрос», задумывает книгу «Россия и Запад». Еще в 1830 г., потрясенный июльскими событиями во Франции, он предрекал начало новой, революционной эры и предчувствовал приближение грандиозных социальных катаклизмов — первого акта всемирной катастрофы. Революцию 1848 г. поэт воспринял как осуществление своего пророчества, начало неизбежной гибели, всеобщего разрушения европейской культуры и цивилизации. Единственной серьезной силой, противостоящей революционной стихии, считал Т. Россию (в аллегорической форме эта мысль выражена в стихотворении «Море и утес», 1848). Именно противостояние России и Революции, исход неминуемого поединка между ними, полагал он, и определит судьбу человечества. Воспроизводя основные идеи славянофильской

доктрины, Т. говорит о необходимости противопоставить Западной Европе Европу Восточную — союз славянских земель во главе с Россией — некий особый мир, развивающийся по иным, отличным от Запада историческим законам. Он обосновывает исключительную (в сущности, мессианскую) всемирно-историческую роль России соображениями религиозно-нравственного характера, в т. ч. такими свойствами русского народа, как смирение, готовность к самопожертвованию и самоотвержению, которые полярно противостоят «гордости», самоутверждению личности — характерным чертам западного мира. Однако апология смирения и кротости не мешает Т. проповедовать необходимость религиозно-государственного подчинения Запада России, мечтать о расширении пределов «царства русского» «от Нила до Невы, от Эльбы до Китая» и считать тремя «заветными столицами» грядущей всемирной империи Москву, Рим и Константинополь («Русская география», 1848 или 1849).

Осенью 1844 г. Т. наконец вернулся на родину. Одобрение Николаем I его политической публицистики облегчило ему восстановление на службе. Он вновь причислен к ведомству министерства иностранных дел, ему возвращено звание камергера. В 1848 г. Т. получает должность старшего цензора при министерстве, а в 1858 г. назначается председателем «комитета цензуры иностранной». В его обязанности входит рассмотрение иностранных книг на предмет разрешения или запрещения их ввоза в Россию. Стремление поэта ослабить цензурный гнет и запретительную политику правительства не раз навлекало на него неудовольствие высших чиновников.

В Петербурге Т. сразу же завоевывает репутацию блестящего собеседника, любимца салонов, тонкого остроумца. Его замечания, словечки, шутки — у всех на устах. Собрание его эпиграмм, острот, изречений, афоризмов, подготовленное внуками поэта, было впоследствии издано отдельной брошюрой («Тютчевiana». — М., 1922). Талант Т.-рассказчика, Т.-собеседника ярко проявляется и в письмах (большинство из них написано по-французски), важных для понимания его личности, интересов и взглядов, ряда обстоятельств его жизни. Порой письма Т. переключаются с его лирикой, а некоторые их странички имеют самостоятельное художественное значение.

С конца 40 гг. начинается новый подъем лирического творчества Т. Однако его имя все еще почти неведомо русскому читателю, а сам он не принимает участия в литературной жизни. Начало его поэтической известности положила статья Н. А. Некрасова «Русские второстепенные поэты» (Современник. — 1850. — № 1). Напомнив читателям о «Современнике» пушкинской поры, Некрасов рассказывает о печатавшемся там в 1836—1840 гг. поэте необыкновен-

ного таланта, вовсе не замеченном критикой. Полностью воспроизведя 24 стихотворения, Некрасов в Н. А. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т.— М., 1952.— Т. IX.— С. 205) и без обиняков поставил никому не известного Ф. Т. в один ряд с Пушкиным и Лермонтовым. Уточняя смысл заглавия статьи, он решительно относит Т. «к русским первостепенным поэтическим талантам» (Там же.— С. 220). Статья завершалась пожеланием издать собрание стихотворений Т. отдельной книгой. Осуществилось это издание только в 1854 г. по инициативе и под наблюдением И. С. Тургенева. Новейшие разыскания позволяют предположить участие в подготовке сборника И. И. Панаева и Н. А. Некрасова. Выходу книги предшествовала публикация 92 стихотворений Т. в виде приложения к третьему номеру «Современника» и большой подборки его стихотворений в пятом номере журнала. А в четвертом номере была помещена статья И. С. Тургенева «Несколько слов о стихотворениях Ф. И. Тютчева», содержащая пророчество: Т. «создал речи, которым не суждено умереть» (Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т.— М.; Л., 1963.— Т. V.— С. 427). В дальнейшем высокая оценка поэзии Т. будет высказана писателями и критиками самых разных литературных группировок и направлений: Н. Г. Чернышевским и Н. А. Добролюбовым, Л. Н. Толстым и А. А. Фетом, А. В. Дружининым, К. С. Аксаковым и А. А. Григорьевым. Все это означало, что к Т. пришла поздняя, но подлинная слава. Всеобщее литературное признание совпало в судьбе поэта с потрясениями общественными и личными.

Серьезным испытанием для Т. и его политических концепций стала неудача России в Крымской войне (1853—1856), в итоге которой, поначалу казалось ему, должна была возникнуть «Великая греко-российская Восточная империя». Он надеялся, что революционные силы на Западе изнутри подорвут мощь европейских держав, сплотившихся против России. Вскоре, однако, наступило отрезвление: Т. разочаровался в жизнеспособности русского государства, убедился в бездарности, ничтожестве, глупости его руководителей и самого царя: «Ты был не царь, а лицедей!» («Н(иколаю) П(авловичу)», 1855). Но основы его мировоззрения не были поколеблены: как и др. славянофилы, Т. видит теперь ближайшую практическую задачу славянства не в политическом, а в духовном объединении. Впрочем, славянофильство Т. всегда было особого толка, носило отвлеченно-теоретический, умственный характер. Европеец до мозга костей, равнодушный к обрядовой стороне православия, он тяготился пребыванием в русской деревне, не мог жить без общества, без новых книг, газет, политических новостей. Проповедник смирения, выступавший против поклонения человеческой

личности как ложного и чуждого русскому народу принципа, он с болезненной остротой ощущал в себе индивидуалистическое начало и безоглядно предавался «буйной слепоте страстей».

В 1850 г. начинается сближение Т. с Е. А. Денисьевой — 24-летней девушкой, племянницей и воспитанницей А. Д. Денисьевой, инспектрисы Смольного института, где воспитывались две дочери поэта. Натура живая, пылкая, впечатлительная, Денисьева глубоко и самоотверженно полюбила Т., и он ответил ей длительной, страстной привязанностью. В глазах высшего петербургского общества их открытая 14-летняя связь (за это время у них родилось трое детей) была вызывающе скандальной, причем вся тяжесть осуждения и отвержения пала на плечи Денисьевой. От нее отрекся отец, тетка вынуждена была оставить Смольный, на ее детях лежало клеймо «незаконности», перед ней самой закрылись двери светских гостиных. Драматизм ситуации усугублялся тем, что Т. сохранил привязанность и к «законной» семье, к детям, к жене, которую он назвал своим «земным провидением». Под влиянием двусмысленного положения в свете в Денисьевой развились раздражительность, вспыльчивость, нередко разрешавшиеся бурными сценами. Все это ускорило ход ее болезни (чахотка) и смерть (август 1864 г.). Пережитая поэтом драма запечатлелась в т. н. «денисьевском цикле», одним из вершинных достижений любовно-психологической лирики в русской и мировой литературе.

Потрясенный смертью Денисьевой, виновником которой он считал себя, Т. уезжает за границу к находившейся там семье. Осень и зиму он проводит в Женеве и Ницце, но не может обрести успокоения. Весной 1865 г. возвращается в Петербург, где его ожидают новые удары: смерть двоих детей (сына и дочери Денисьевой) и матери. Позднее ему придется пережить потерю сына Дмитрия, единственного брата Николая, дочери Марии, а также многих сверстников и знакомых. С чувством «все возрастающего ужаса» следит он за тем, как быстро редет круг близких ему людей: «Дни сочтены, утраст не перечеть, / Живая жизнь давно уж позади...» («Брат, столько лет сопутствовавший мне...», 1870). Явно позади и пик прижизненной славы Т. Вышедший в 1868 г. второй сборник его стихотворений не вызвал уже столь живого отклика в русском обществе и расходился с трудом. Жизнь поэта все больше клонится к закату. В конце 1872 г. его здоровье резко ухудшилось; через несколько месяцев Т. не стало.

Второе «воскрешение» Т. (вновь обострившийся интерес читателей, критиков, издателей) началось на рубеже XIX—XX вв., когда утверждавшаяся школа русских символистов провозгласила его своим предшественником. Эпоха символизма закрепила восприятие Т. как классика русской литературы.

Художественная судьба Т. необычна: это судьба последнего русского романтика, творившего в эпоху торжества реализма и все-таки сохранившего верность заветам романтического искусства. Романтизм Т. сказывается прежде всего в понимании и изображении природы. Преобладающие пейзажи — одна из примет его лирики. Правильнее, однако, назвать ее пейзажно-философской: картины природы воплощают глубокие, напряженные, трагические раздумья поэта о жизни и смерти, о человеке, человечестве и мироздании. При этом изображение природы и мысль о природе сплавлены у Т. воедино; его пейзажи получают символически-философский смысл, а мысль обретает выразительность, живую, образную плоть.

Природа у Т. изменчива, динамична. Не знающая покоя, она вся в борьбе противоборствующих сил, столкновении стихий, непрерывной смене дня и ночи, круговороте времен года, она многолика, насыщена звуками, красками, запахами. «На бесконечном, на вольном просторе / Блеск и движение, грохот и гром...» — восхищается поэт картиной ночного моря («Как хорошо ты, о море ночное...», 1865). То же пиришествво звуков и красок в хрестоматийных строках «Весенней грозы» (1828 — нач. 50 гг.). Лирика Т. проникнута восторгом перед величиной и красотой, бесконечностью и многообразием природного царства. Характерны начала его стихотворений: «Как хорошо ты, о море ночное...»; «Есть в осени первоначальной / Короткая, но дивная пора...», 1857; «Как весел грохот летних бурь...», 1851; «Люблю грозу в начале мая...». Поражает диапазон художнического видения поэта — от тонкого волоса паутины, что «блестит на праздной борозде», до океана вселенной, объемлющего «шар земной». Неожиданно, непредсказуемы тютчевские эпитеты и метафоры, передающие столкновение и свободную игру природных сил. Солнечный полдень поэт называет «мгlistым», пышность древесного убора — «ветхой», сияние ночного моря — «тусклым». «Воздушная арка» радуги «полнеба обхватила и в высоте изнемогла».

Особенно привлекают Т. переходные, промежуточные моменты жизни природы. Он изображает осенний день, напоминающий о недавнем лете («Есть в осени первоначальной...»), или же осенний вечер — предвестие зимы («Осенний вечер», 1830). Он воспевает не грозу в разгар лета, а «весенний первый гром» «в начале мая». Он рисует первое пробуждение природы, перелом от зимы к весне («Еще земли печален вид, / А воздух уж весной дышит...», 1836).

Природа в стихах Т. очеловечена, одухотворена. Она внутренне близка и понятна человеку, родственна ему. «В ней есть душа, в ней есть свобода, / В ней есть любовь, в ней есть язык...» — убежден поэт («Не то, что мните вы, природа...», 1836). Слово живое, мыслящее существо, она

чувствует, дышит, радуется и грустит. Весенний гром грохочет в небе, «как бы резвяся и играя». Вешние воды «бегут и будят сонный брег». Уступая дорогу весне, зима «злитяся», «хлопочет», «ворчит», «бесится». «Лазурь небесная смеется», «полураздетый лес грустит», с небес глядят «чуткие звезды». Само по себе одушевление природы довольно обычно в поэзии. Но для Т. это не просто олицетворения, не просто метафоры: живую красоту природы он «принимал и понимал не как свою фантазию, а как истину...» (Соловьев в В. С. Собр. соч.: В 10 т. — 2-е изд. — Спб., 1912. — Т. 7. — С. 118).

Творчески усвоивший философско-эстетические идеи немецких романтиков, учение Шеллинга о единой «мировой душе», поэт был убежден, что она находит свое выражение как в природе, так и во внутренней жизни человека. Природа и человек образуют в лирике Т. глубинное единство, граница между ними подвижна, проницаема: «Дума за думой, волна за волной — / Два проявлянья стихии одной» («Волна и дума», 1851). С этой точки зрения постижение природы есть созерцание самого себя в природе. Вот почему полна глубокого смысла двухчастная композиция многих стихотворений Т., построенных на параллелизме между жизнью природы и жизнью души человеческой («Осенний вечер», «Поток стужился и тускнеет...», 30 г.; «Еще земли печален вид...», 1836; «Как неожиданно и ярко...», 1865). Но композиция такого двухчастного стихотворения может быть и обратной: определенное душевное состояние раскрывается в нем сначала (как в стихотворении «Когда в кругу убийственных забот...», 1849), а затем следует соответствующая ему картина природы. И такая обратимость сопоставлений еще усиливает уподобление природы человеку, а человека природе. Более того, в некоторых стихах («Листья», 1830; «Что ты клонишь над водами...», 1835) второй, «человеческий» план присутствует лишь в подтексте, только угадывается.

Бесконечно богатая, изменчивая, природа в стихах Т. предстает как гигантское целое, как единый организм, живущий своей особенной жизнью, возвышенной и загадочной: «Как бы таинственное дело / Решалось там — на высоте...» («Ночное небо так угрюмо...», 1865). В «Летнем вечере» (1828) природа уподоблена колоссальному телу, огромному живому существу. Пейзажи Т. проникнуты типично романтическим чувством «вселенской жизни», ощущением целостности мирового бытия. В сущности, это не картины, не описания природы, а живые сценки, драматические эпизоды некоего сплошного действия, непрерывной всемирной мистерии («Весенние воды», 1830; «Зима недаром злится...», 1836; «Как весел грохот летних бурь...», «Чародейкою Зимою...», 1852). Способность «узреть» «под оболочкой зримой» сокровенную суть природы, сопричастность ее тайнам, глубоко лич-

ностное, интимно-родственное переживание «жизни божески-всемирной» — все это придает лирике Т. неповторимый колорит и философскую значительность.

С обобщенно-целостным взглядом на природу связано отсутствие в пейзажах Т. «местных» красок, буднично-прозаических подробностей. Его поэзия устремлена к величественному, бесконечному, ее преимущественная сфера — жизнь стихий. Отсюда — тяготение Т. к одической традиции XVIII в., к архаизированной, торжественно-величавой речи. Однако эта традиция выступает у него в романтически преображенном виде, своеобразно скрепляется с характерной для немецкой романтической лирики формой фрагмента. Острота столкновения столь различных жанровых традиций во многом определила своеобразие поэзии Т., воплотившей противоречивое сознание современного человека, многомерность и сложность бытия. На малом пространстве фрагмента черты архаичной поэтики выступали особенно заметно. Помимо обращения к собственно архаизмам («мысль изреченная», «оний час», «святылище небес», «сосуд скудельный» и т. д.), впечатление приподнятости, торжественности достигается также обилием в поэтическом слове Т. удлинненных, многосложных слов («широколиственно», «благовонный», «виноградными», «неразгаданная»), слов необычных, экзотически звучащих («киммерийской», «кипарисной», «мусийский»), т. н. составных эпитетов («пасмурно-багровый», «родственно-легко», «громокнящий», «молниевидный», «мглисто-лилейно»). Одическая традиция скрывается в тяготении поэта к ораторским, дидактическим, полемическим интонациям, в его страсти к витийственно-пророческому пафосу («Цицерон», 1830; «Я лютеран люблю богослуженье...», 1834; «Не то, что мните вы, природа...»; «Смотри, как на речном просторе...», 1851). С другой стороны, сам жанр фрагмента с его подчеркнутой нелитературностью, «сиюминутностью», «случайностью», внезапностью зачинов («Итак, опять увиделся я с вами...», «Нет, моего к тебе приставлять...», «И чувства нет в твоих очах...») придавал лирике Т. невиданную свободу, импровизационность, непосредственность и естественность выражения, столь характерные для романтической поэзии, насыщая романтическим содержанием архаизированные элементы его стиля.

Возвышенный мир природы, родственный душе человека, выступает у Т. как антипод человеческой деятельности. Обычное для романтиков противопоставление природы и цивилизации доведено у него, кажется, до последних пределов. Поэту чуждо не только современное общество («*Silentium!*», 1830; «Душа моя, Элизум теней...», нач. 30 гг.), глубоко трагичной представляется ему и судьба человечества в целом. История, культура, цивилизация — все кажется ему

зыбким, призрачным, обреченным на уничтожение и гибель. Контраст между вечной природой и бесследно исчезающими в ее «всепоглощающей и миротворной бездне» поколениями людей с большой силой выражен в стихотворении «От жизни той, что бушевала здесь...» (1871).

Так рождается тягучевское неприятие самоутверждения и своеволия личности, столь свойственное многим течениям романтической литературы. Ее мнимое величие — всего лишь «нашей мысли оболщенье». Ведь индивидуальное существование для поэта совсем уже непрочно и эфемерно. Человек для него — «греза природы», «ничтожная пыль», «мыслящий тростник», «злак земной». С удивительной легкостью исчезает он с лица земли, точно льдина растворяясь в мировом океане («Смотри, как на речном просторе...»). «Наша жизнь», земное существование — даже не дым, а только «тень, бегущая от дыма» («Как дымный столп светлеет в вышине!», 1848—1849).

Между тем гипертрофия собственного «я» — проклятие нового времени — приводит к отпадению личности от мирового целого, к нарушению гармонии между нею и природой; индивидуализм и безверие, полагает поэт, болезнь современного человека, источник его душевных страданий и нравственных недугов («Наш век», 1851; «Певучесть есть в морских волнах...», 1865). И поэтому единение с природой, растворение в ней — высшее блаженство, которое можно пережить на земле («Тени сизы смешались...», 1835; «Весна», 1838). Вообще, острота личностного самосознания, подвластного разрушительным индивидуалистическим страстям, сталкивается в лирике Т. с готовностью их укрощения, смирения во имя высших, сверхличных начал: «Пускай страдальческую грудь / Волнуют страсти роковые — / Душа готова, как Мария, / К ногам Христа навек прильнуть» («О вещая душа моя...», 1855). Недостигаемым образцом христианского смирения и «долготерпенья» выступает в его творчестве полная страданий жизнь русского народа («Эти бедные селенья...», 1855; «Умом Россию не понять...», 1866).

Не только цивилизация, но и природа в ее нынешних формах, вечная по сравнению с человеком и человечеством, выглядит у Т. чем-то неустойчивым, непрочным, обреченным на гибель. В глубине ее, полагает поэт, скрыт «хаос» — некая первозданная темная стихия; а все сущее, видимое — лишь всплеск, временное порождение этой хаотической бездны. Неизбежна поэтому катастрофа, «когда пробьет последний час природы» («Последний катаклизм», 1829). Ни у кого из русских романтиков трагическое мирозерцание не принимало еще столь грандиозных, вселенских масштабов. Хаос, темная первооснова всего сущего, есть, в представлении Т., величайшая тайна, наедине с которой человек обострится лишь ночью. Именно в эти минуты он особенно остро чувствует себя на краю бездны («День и

ночь», 1839; «Святая ночь на небосклон взошла...», 1848—1850). Непосредственно ощущая дыхание стихийных сил, он особенно напряженно переживает трагедию своего существования. «Ночная» тема — из числа важнейших у Т. — «самой ночной души русской поэзии» (Блок к А. Собр. соч.: В 8 т. — М.; Л., 1962. — Т. 5. — С. 25).

Стихийная катастрофичность жизни не просто ужасает поэта, но и притягивает его, представляется ему возвышенно-прекрасной, позволяющей личности раскрыть заложенные в ней неисчислимыe внутренние возможности, проявить могущество своего духа, тоже в чем-то родственного этим стихийным силам. Поэтому так влекут человека видимые проявления хаоса — ночь, буря, ветер, гроза, созвучные его жажде беспредельности («О чем ты воешь, ветр ночной?..», 1835).

Человек в поэзии Т. двуедин: он слаб и величествен одновременно. Хрупкий, как тростник, обреченный на смерть, немощный перед лицом судьбы, он велик своей тягой к беспредельному. Вот почему невыносимо для поэта спокойное, бесцветно-томительное существование «в однообразье нестерпимом». Его «сердце, полное тревоги», привлекают «грозовые» моменты жизни: игра страстей, предельная острота переживаний, полное напряжение душевных сил. Для него несомненно величие человека, оказавшегося участником или хотя бы свидетелем решающих исторических свершений: «Счастливы, кто посетил сей мир / В его минуты роковые» («Цицерон»). Он мечтает о мгновенной, пусть гибельной, и краткой, вспышке страстей («Как над горячею золой...», 1830).

Одной из центральных в зрелой лирике Т. стала тема любви. Любовь для поэта — «и блаженство, и безнадежность», напряженное, трагическое чувство, несущее человеку страдание и счастье, «поединок роковой» двух сердец. С особым драматизмом тема любви раскрывается в стихах, посвященных Е. А. Денисьевой: «О, как убийственно мы любим...» (1851), «Я очи знал, — о, эти очи!..» (1852), «Последняя любовь» (1851—1854), «Есть и в моем страдальческом застое...» (1865), «Накануне годовщины 4 августа 1864 г.» (1865) и др. Это стихи, пронизанные мукой и болью, тоской и отчаянием, воспоминаниями о большом счастье, непрочном, как и все на земле, но тем не менее единственно доступном человеку. «Блаженно-роковое» чувство, требующее высшего напряжения душевных сил, любовь стала для поэта прообразом, символом человеческого существования вообще.

С течением времени лирика Т. насыщается все большей изобразительной и психологической конкретностью, а стихотворения «денисьевского цикла» образуют даже своеобразный лирический сюжет — историю «борьбы неравной двух сердец». Опыт русского реализма не прошел для Т. бесследно. Но все эти изменения не затронули

глубинных основ его романтического мирозерцания.

Завершитель русского романтизма, Т. выходит уже за его пределы. Ощущение катастрофичности бытия, не позволяющее искать спасения в сфере идеала и даже мечтать о преобразовании жизни, делает его творчество предвестием художественных течений рубежа XIX—XX вв. и прежде всего — символизма.

Соч.: Полн. собр. соч. / Вступ. ст. Б. Я. Бухштаба. — Л., 1957; Стихотворения. Письма / Вступ. ст. К. В. Пигарева. — М., 1957; Стихотворения / Вступ. ст. Н. Я. Берковского. — М.; Л., 1962; Лирика: В 2 т. / Изд. подгот. К. В. Пигарев. — М., 1965; Соч.: В 2 т. / Вступ. ст. и общ. ред. К. В. Пигарева; Сост. и подгот. текста А. А. Николаева. — М., 1980; Стихотворения. Письма. Воспоминания современников / Сост. вступ. ст., коммент. Л. Н. Кузиной и К. В. Пигарева. — М., 1988. Лит.: Аксаков И. С. Биография Федора Ивановича Тютчева. — М., 1886; Чулков Г. Летопись жизни и творчества Ф. И. Тютчева. — М.; Л., 1933; Благой Д. Гениальный русский лирик (Ф. И. Тютчев) // Благой Д. Литература и действительность. — М., 1959; Пигарев К. В. Жизнь и творчество Ф. И. Тютчева. — М., 1962; Гиппиус В. В. Ф. И. Тютчев // Гиппиус В. В. От Пушкина до Блока. — М.; Л., 1966; Королева Н. В. Ф. И. Тютчев // История русской поэзии: В 2 т. — Л., 1969. — Т. 2; Тынянов Ю. Н. Пушкин и Тютчев // Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. — М., 1969; Брюсов В. Я. Ф. И. Тютчев. Смысл его творчества // Собр. соч.: В 7 т. — М., 1975. — Т. 6; Озеров Лев. Поэзия Тютчева. — М., 1975; Чичерин А. В. Стиль лирики Тютчева // Контекст. 1974. Литературно-теоретические исследования. — М., 1975; Маймин Е. А. Русская философская поэзия. — М., 1976. — С. 143—184; Долгополов Л. К. На рубеже веков. — Л., 1977. — С. 123—157; Тынянов Ю. Н. Вопрос о Тютчеве // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История. Литература. Кино. — М., 1977; Ф. И. Тютчев: Библиографический указатель произведений и лирические о жизни и деятельности. 1818—1973 / Сост. И. А. Королева, А. А. Николаев; Под ред. К. В. Пигарева. — М., 1978; Гуревич А. М. Романтизм в русской литературе. Пособие для учащихся. — М., 1980. — С. 93—98; Осповат А. Л. «Как слово наше отзовется...». — М., 1980; Аксаков И. С. Федор Иванович Тютчев // К. С. Аксаков, И. С. Аксаков. Литературная критика. — М., 1981.

А. М. Гуревич

У

УСПЕНСКИЙ, Глеб Иванович [13(25).X.1843, Тула — 24.III(5.IV).1902, Петербург] — прозаик, публицист. Родился в семье чиновника (секретаря палаты государственных имуществ), сына сельского дьячка. В детстве У. окружала спокойная, добросердечная атмосфера. Бабушка занимала сказками и рассказами по картинкам. С дедом, знатоком крестьянского быта, консультировался Л. Н. Толстой. Родственники со стороны матери тяготели к искусству и литературе. Книжки небольшой отцовской библиотеки стали первым и очень ранним чтением. Особенно У. полюбил сказки Пушкина, которые декламировал с большим чувством, читал Карамзина, хорошо знал стихотворения Лермонтова. Кроткий, ласко-

вый мальчик пользовался всеобщей любовью, приятели звали его Глебушкой. В 1853 г. он поступил в Тульскую гимназию, где до 4-го класса прилежно и очень успешно учился. Затем отца перевели в Черниговскую палату государственных имуществ, и мальчик тяжело пережил перемену обстановки: стал болеть, хуже учиться, часто плакать. Успехи отмечались лишь по русской словесности. К последнему гимназическому году относятся первые литературные опыты. Склонность к литературе поддерживал старший двоюродный брат Н. В. Успенский, в ту пору печатавшийся в «Современнике». Первые беллетристические наброски У. не сохранились, но можно предположить, что они отражали его ранние впечатления от городской чиновничьей жизни. Перед глазами У. проходили судьбы многих сослуживцев отца и крестьян, посещавших отца в канцелярии и дома.

По окончании гимназии У. поступает на юридический факультет Петербургского университета (1861). Становится свидетелем правительственных репрессий. Присутствует на похоронах Н. А. Добролюбова, где слышит смелые речи Н. А. Некрасова и Н. Г. Чернышевского, объявивших великого критика жертвой правящего режима. Переводится в 1862 г. в Московский университет, но учится здесь всего год, будучи отчислен за неуплату полагавшихся взносов. Работал корректором в типографии газеты «Московские ведомости», а в 1864 г. У. познал голод и бесприютность: умер отец и пришлось заботиться о четырех сестрах и трех братьях.

В 1862 г. начинается литературная деятельность. Первые рассказы печатаются в журнале «Зритель» («Идиллия») и в журнале Л. Н. Толстого «Ясная поляна» («Михалыч»). По приезде в Петербург У. становится очевидцем «гражданской казни» Чернышевского.

Содержанием ранних рассказов и очерков (1862—1866) становится жизнь трущобного люда, полупьяной и нищей мастеровщины, чиновников. Его очерковая манера повествования несомненно испытала в ту пору влияние художественного опыта Н. В. Успенского, поддержанного Чернышевским в статье «Не начало ли перемены?». Важную и плодотворную для русской литературы перемену в изображении народа Чернышевский обозначил формулой «правда без всяких прикрас», которая стала для У., как и для А. И. Левитова, И. А. Куцевского, Ф. М. Решетникова, М. А. Воронова и др., принципиальной литературной позицией. Демократическая направленность творчества У. нашла поддержку в журнале «Русское слово», а затем в «Современнике». Знакомство с Н. А. Некрасовым (редактором «Современника») в 1865 г. благотворно отразилось на судьбе молодого писателя. В «Современнике» за 1866 г. появились очерки, составившие цикл «Нравы Растеряевой улицы», принесшие автору широкую известность. В связи с закрытием журнала продолжение печаталось

в «Женском вестнике» в 1867 г. под названием «Очерки провинциальных нравов». В очерках дано глубоко реалистическое изображение первых послереформенных лет, принесших народу вместо обещанного освобождения и обновления повсеместную нищету и разорение. «Растеряевский человек» (чиновники, мещане, гарнизонные солдаты, мастеровой народ, обыватели) погряз в пьянстве и драках. Власть алкоголя породила нужду, неподвижность, бестолковину, «честному разумному счастью,— замечает автор-повествователь,— здесь места не было». «Растеряевские нравы», «растеряевская правда», «растеряевщина» — авторские обобщения, достигающие значительного социального обличения. «Растеряевская жизнь» знала не только жертвы власти алкоголя, но и тех порожденных временем «умных людей», которые ловко умели эту власть обратить себе на пользу. Таков Прохор Порфирыч, побочный сын отставного полицейского чиновника, прошедший суровую школу нищей мастеровой жизни. Он молод, предприимчив. Свой «первый шаг» он сделал после смерти отца, приберя к рукам его имущество. В доме он устроил мастерскую и, наняв безответного подмастерья Кривоногова, изготавливал на продажу пистолеты, на которых ставил непонятное, но увеличивающее прибыль слово «patent». Хищнические аппетиты, поддерживаемые мыслями о «благородном происхождении», привели Прохора к идее обирания «чужакого мастерового народа». Народ пьянствует и пусть пьянствует, рассуждает он, «лучше же я его в полоумстве захвачу, потому полоумство это мне расчет составляет». Он задумывает устроить около фабрики кабаки, и скоро это питейное заведение рисовалось в его воображении «какою-то разверстою пастью», безостановочно глотающей «черные фигуры мастеровых». Художественное открытие пореформенного типа приобретателя, действующего в той же среде трудового люда, из которой вышел сам, явилось главной заслугой молодого автора.

После запрещения «Современника» в 1866 г. для У. вновь наступили черные дни. Некрасов даже обращался в Литературный фонд, чтобы хоть как-то поддержать его. Лишь с переходом к Некрасову (при соредакторстве М. Е. Салтыкова-Щедрина и Г. З. Елисеева) «Отечественных записок» (1868) У. получил постоянную работу и его творчество вступило в более зрелый этап, отмеченный углубленными размышлениями над русской жизнью 60—70 гг.

Первым его произведением, опубликованным в «Отечественных записках», был очерк «Будка» (1868). Современники сразу же придали очерку обобщающий смысл. Имя будочника Мырцова, мастера таскания за шнурот, становится нарицательным, олицетворяя всю тогдашнюю охранительную систему в целом. В очерковом цикле «Разоренье» (1869—1871) прослеживаются судьбы чиновников Птицыных и Черемухиных, которые

прежде процветали, беря взятки, а теперь разорились, не умея приспособиться к новой жизни. Зато выбился из крепостных Трифонов — в лавочники, а в кулаки — Евсей. Прежде «заморенная прислуга», Арина занялась ростовщичеством и задумала даже купить старый барский дом, но не из-за «хетектуры», а чтобы из добротного кирпича строить кабаки. «Разбойничайте, чаю там! запрету не будет!» — говорит бывший рабочий Михаил Иваныч Арине, и эти слова главного героя очерков можно выставить эпитафией ко всем произведениям У. 60 гг. Мир грабительства, давнишний трудящегося человека при крепостном праве, рабочий Михаил Иваныч называется «прижимкой» и «обдеркой». И он не только резко обличает «прошлые времена», но и проницательно рассказывает «по части торжества прижимки, исходящей уже из среды людей простого звания». Автор «Разоренья», как и в «Нравах Растеряевой улицы», обнажает именно эту горькую истину пореформенной жизни. «Правда без всяких прикрас» (Чернышевский) сказала также и в изображении «строптивого, непокорного» рабочего. Протест Михаил Иваныча звучит одиноко, он совершенно безрезультатен. Более того, местные купцы ловко используют правдонскательство наивного поборника справедливости: они снабжают его деньгами и отправляют в столицу с тем, чтобы своими обличениями он подорвал престиж заводчика, у которого купцы задумали отнять право владения предприятием. Трезвый, беспристрастный реализм, глубина проникновения в социальные явления первого пореформенного десятилетия заметно выделяли писателя из ряда других авторов-демократов, ограничивавшихся обличительным бытописанием.

В 1870 г. У. женился на А. В. Бараевой (в 1877 г. в ее переводе вышли «Очерки и рассказы из народной жизни» Л. Кладеля с предисловием И. С. Тургенева). По свидетельствам мемуаристов, брак был удачным, но в материальном отношении жизнь складывалась неустойчивой.

В I половине 70 гг. У. предпринимает две поездки за границу (Париж, Лондон). Сильнейшими впечатлениями были увиденные им в 1872 г. следы расстрела коммунаров в Париже и «Венера Милосская» в Лувре (о ее воздействии на зрителя будет сказано потом в очерке «Выпрямила», 1885). За границей У. сближается с революционером Г. А. Лопатиным, виднейшим идеологом народничества П. Л. Лавровым и др. политическими эмигрантами. Завязывается дружба с И. С. Тургеневым.

Заграничные впечатления составили содержание ряда произведений 70 гг.: «Большая совесть», «Из памятной книжки», «Заграничный дневник провинциала», «Письма из Сербии». В капиталистической Европе писатель ощутил разлагающий запах денег, всевластная власть «прижимки» господствовала и здесь безраздельно. В очердном очерковом цикле «Новые времена, новые за-

боты» (1873—1878) с тревогой прослежены результаты проникновения в русскую жизнь капиталистического предпринимательства, убивающего душу и превращающего людей в «полтинники». В очерке «Книжка чеков» (1876) рассказано, что на фабрике Мясникова «даже самые маленькие мальчики и девчонки могли зарабатывать по гривеннику в день, занимаясь шипаньем корпии, которую доставляли из больниц в гною и крови и которая шла на бумажный завод». В хозяйской чековой книжке — горькие судьбы людей, у которых отняли будущее.

В конце 70 гг. в творчестве У. наступает новый поворот, связанный с дальнейшими размышлениями по поводу глубинных причин безудержного господства власти «прижимки» и алкоголя. Необходимо было, по словам писателя, выявить «источник всей этой хитроумной механики народной жизни», и «подлинная правда жизни» повлекла его «к источнику, то есть к мужику». У. «идет в народ», поселившись в Новгородской губ. Изучение быта и сознания крестьян привело его к выводу о великой «власти земли». Мысли об этом изложены в очерковых циклах «Из деревенского дневника» (1877—1880), «Крестьянин и крестьянский труд» (1880), «Власть земли» (1882). По глубокому убеждению автора, крестьянство «до тех пор сохраняет свой могучий и кроткий тип, покуда над ним царит *власть земли*, покуда в самом корне его существования лежит невозможность послушаться ее *повелений*, покуда они властвуют над его умом, совестью, покуда они наполняют все его существование» («Власть земли»). На примере Ивана Петровича Босых показано, как, оторвавшись от земли, крестьянин тут же попадает под власть «прижимки» или алкоголя. Последовательный реалист, У. отразил процесс экономического и социального расслоения «общинного» крестьянства. Попавший в беду Иван Босых (от болезни пали обе коровы) терпит беды не от купца или фабриканта, а от своего же родственника-крестьянина, сумевшего скопить деньги. Суровая правдивость и точность изображения процессов возникновения «деревенских пролетариев» и «кулаков» объективно вскрывали иллюзорность народнических представлений об общине как ячейке будущих социалистических преобразований. Народническая беллетристика того времени (напр., Н. И. Наумов, Н. Н. Златовратский, П. В. Засодимский) часто не могла преодолеть идеализации народного быта и крестьянской психологии. «Очень меткой» назвал В. И. Ленин характеристику произведений У. в книге экономиста И. А. Гурвича «Экономическое положение русской деревни»: «Глеб Успенский одиноко стоял со своим скептицизмом, отвечая иронической улыбкой на общую иллюзию. Со своим превосходным знанием крестьянства и со своим громадным артистическим талантом, проникавшим до самой сути явлений, он не мог не видеть, что индивидуализм сделался основой экономичес-

ких отношений не только между ростовщиком и должником, но между крестьянами вообще» (Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 1.— С. 262—263).

Сочинения У. неоднократно вызывали резкие критические отклики как в либеральной прессе, так и в народнической среде. В редакции «Отечественных записок», возглавляемой после смерти Некрасова (1877) Салтыковым-Щедриным вплоть до запрещения журнала в 1884 г., творчество У. высоко ценилось: «...сколько бы для Вас ни потребовалось места — будет» (из письма Салтыкова-Щедрина к У. в декабре 1880 г. // Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т.— М., 1976.— Т. 19.— Кн. I.— С. 189). Это не исключало некоторых разногласий: именно в связи с увлечением У. идеей «власти земли» Щедрин пишет ему: «Я до крайности уважаю Вашу литературную деятельность, и мне крайне прискорбно, что могут существовать недоумения» (Там же.— С. 184).

Тем не менее У. остается, как пишет Щедрин Н. К. Михайловскому 11 (23) сентября 1881 г., «самым для нас необходимым писателем...» (Там же.— Т. 19.— Кн. II.— С. 37). Издание в 1883—1886 гг. первого «Собрания сочинений» в восьми томах принесло У. чрезвычайную популярность и успех в широких кругах читающей России, и особенно России молодой. Критики того времени ставили его имя рядом с именами Л. Толстого и Щедрина.

В своих художественных исследованиях социальных процессов эпохи 80 гг. У. сосредоточился на изображении явления, которое тогдашнее народничество стремилось представить как случайное, временное, не характерное для России — усиление капитализации страны. Сам писатель некоторое время также склонен был считать последствия капитализации чем-то непрочным, неясным. Он писал во «Власти земли»: «Иван Петров принадлежит к тому ненужному, непонятному, даже прямо постыдному для такой земли, как Россия, классу деревенских людей — классу, народившемуся в последние двадцать лет, — который волей-неволей приходится назвать «деревенским пролетариатом». Однако глубоко постигая суть происходящего, У. ярко отобразил в своем творчестве капитализм как явление не только страшное, «постыдное», но и прочно укоренившееся. В письме к В. М. Соболевскому в октябре 1887 г. он делился своими новыми творческими замыслами: «...Подобно власти земли — то есть условий трудовой народной жизни, ее зла и благообразия, — мне теперь хочется до страсти писать ряд очерков «Власть капитала». Замысел не получил завершения, но и написанного на тему «власти капитала» оказывается достаточным для вывода о вкладе писателя в художественную разработку этой проблемы. «Убывает власть земли, растет власть денег», — писал В. И. Ленин, находивший в творчестве У. богатый материал для характеристики русского пореформенного сельского

хозяйства (Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 17.— С. 61).

В произведении, объединенных автором под заглавием «Живые цифры» (опубл. в 1888 г. в журнале «Северный вестник»), читателю предлагалось за цифрами официальной статистики, порою поражающими бессмысленностью (напр., «четверть лошади» на одну ревизскую душу), увидеть живые картины повседневной жизни — непосильный труд, сиротство, бедность, полную беззащитность перед «властью капитала». Ряд очерков писатель собирался назвать «Проступками господина Купона». У. зримо передал безжалостное наступление капитала на труженика (очерки «На Кавказе», «Трудами рук своих», «Живые цифры»).

Осознавая прочность занятых капитализмом позиций и нанося изображениями «власти капитала» серьезные удары по народнической идеологии, У. тем не менее всех народнических заблуждений не преодолел. В год смерти У. ленинская «Искра» писала, что «Г. Успенский был и остался народником в том смысле, что для него не было типа человека лучше, желаннее крестьянина, живущего при натуральном хозяйстве», что он, «глубоко правдивый художник и мыслитель», показал в то же время «всю невозможность революционной программы, приуроченной к этому типу». «Для самого Г. Успенского, — отмечалось в статье, — эти противоречия были безысходно трагическими. Но для многих из его читателей они расчищали путь к принятию нового революционного мировоззрения, указавшего выход» (Искра.— 1902.— № 20). По свидетельству Н. К. Крупской, В. И. Ленин повторил призыв Г. В. Плеханова изучать сочинения У. «так же внимательно, как статистические данные», как «говорящие факты живой действительности» (В. И. Ленин о литературе и искусстве.— М., 1986.— С. 441).

Словами «говорящие факты живой действительности» Г. В. Плеханов (в работе «Наши беллетристы-народники») определил своеобразие художественного мастерства У. Писатель как бы и не сочинял вовсе, не прибегал к вымыслу. На первый взгляд казалось, что он просто переносит на бумагу увиденное и услышанное. В действительности эта кажущаяся легкость требовала от автора громадного творческого напряжения и мастерства. И демократический читатель, на которого прежде всего ориентировался У., отвечал ему пониманием и высокой оценкой.

Особенностью произведений У. является присутствие в них автора в качестве полноправного действующего лица, не только наблюдателя, но и исследователя. У. пишет, напр., в «Живых цифрах»: «В этой цифровой загадке есть еще много чего-то, что надобно непременно разузнать и расследовать». Присутствующее в том же произведении самопризнание — «строго «научный метод», которому я старался следовать в моих наблюде-

ниях» — является характерным, глубоко продуманным приемом общения писателя с читателем. «Расследуя» заинтересовавшие его факты действительности, У. как бы избавляет читателя от обобщений и заключений по поводу прочитанного — они даются самим автором в виде строго обдуманных формул. «Растеряевщина», «шиворотная пропаганда», «разорение», «прижимка», «власть земли», «власть капитала», «живые цифры», «господин Купон» — эти изобретенные художником слова-понятия не случайно стали емкими и образными обозначениями характернейших черт современной У. эпохи. Точный, меткий, образный, истинно народный язык прозы У. передавал его кровную заинтересованность в судьбе своего народа.

Задачам, которые ставил перед собой У., более всего соответствовал жанр очерка, ведущий в его творчестве; очерки объединялись в циклы. В этом отношении У. близок к Салтыкову-Щедрину, а также А. И. Левитову, Н. И. Наумову, С. Каролину и др. художникам — исследователям народной жизни. Сознательное присутствие автора в тексте делало прозу У. публицистичной. В сочетании художественности и публицистичности — своеобразии таланта У., что справедливо подчеркивала прижизненная критика (Н. К. Михайловский, Н. С. Лесков и др.). Повествование у У. часто окрашено юмором, хотя речь может идти об истинно драматических ситуациях. В «Нравах Растеряевой улицы» грубая открытость Прошки вызывает страх, но от сознания, что, по словам его собеседника, «этот Прошка — значительная язва будет в скором времени», становится мрачно и жутко. Комичные наивные протесты Михаила Иваныча в «Разореньи», но за ними открывается полная безысходность и непоправимая жизненная драма. Шутливые интонации возникают в очерке «Живые цифры», но обыгрываемая на разные лады смешная нелепость статистических подсчетов оборачивается человеческой бедой. По верному замечанию Н. К. Михайловского, чуткого критика и биографа У., «на дне каждого рассказа или очерка У. лежит глубокая драма».

В творчестве У. есть не только анализ настоящего, он развивает и тему будущего, причем отдаленного. В очерке «Выпрямила» выражена мечта о «выпрямлении» человека, его гармоничном развитии под влиянием высоких идей, которые несут с собою люди честного труда, люди особого, революционного склада и люди искусства, способные на создание мировых шедевров, подобных Венере Милосской. Образ революционерки имел прототипом В. Н. Фигнер, в которой писатель видел «великое сердце». В свою очередь В. Н. Фигнер отмечала в У. редкую способность чувствовать чужую боль. Когда ей в зале суда объявили приговор о пожизненном заключении в крепости, осужденной передала записку: «Как я Вам завидую. Г. Успенский».

Личность У. вполне выразилась в его сочинениях. Мемуаристы характеризуют его как человека поразительно чуткого, впечатлительного, глубоко искреннего, деликатного, любящего детей (их у него было пятеро), очень доброго. Свойственное ему безразличие к внешним условиям жизни, излишняя доверчивость порою заставляли считать его «человеком не от мира сего». Он не терпел фальши, всякого рода «кривулек», по его выражению, людская пошлость приносила ему страдания. Его не переставая мучила русская неурядица, нескладница общей жизни. Особенно тяжело давалась ему постоянная изнуряющая борьба с цензурой, всегда придирчивой к его сочинениям. В обстановке всеобщей реакции 80 гг. он все чаще жаловался на «холод в душе». В 1892 г. его нервная система, время от времени сдававшая, не выдержала и писатель попал в психиатрическую клинику. Он прожил еще десять лет, но уже вне безраздельно любимой им литературы.

В письме по поводу его избрания в Общество любителей российской словесности У. с удовлетворением отметил, что к книге уже тянется рабочий человек, и свое благодарственное послание писатель закончил «радостным указанием на эти массы нового грядущего читателя». Такой читатель пришел, и У. занял в ряду его чтений одно из постоянных и почетных мест.

Соч.: Соч.: В 3 т. — Спб., 1889—1891; Полн. собр. соч.: В 14 т. — М.; Л., 1940—1954; Собр. соч.: В 9 т. — М., 1955—1957.

Лит.: Плеханов Г. В. Наши беллетристы-народники. Статья 1. Г. И. Успенский // Плеханов Г. В. Литература и эстетика. — М., 1958. — Т. 2; Луначарский А. В. Ленин и литературоведение // Собр. соч. — М., 1967. — Т. 8; Чешин И. Ветринский В. Г. И. Успенский. — М., 1929; Смирнов В. Б. Г. Успенский и Салтыков-Щедрин. — Саратов, 1964; Соколов Н. И. Г. И. Успенский. Жизнь и творчество. — Л., 1968; Глеб Успенский в жизни (по воспоминаниям, переписке и документам). — М.; Л., 1935; Пруцков Н. И. Глеб Успенский. — Л., 1971. А. А. Демченко

УСПЕНСКИЙ, Николай Васильевич [май 1837, с. Ступино Ефремовского у. Тульской губ. (по другим источникам — 1834, с. Большое Скуратово Чернского у.) — 21.X(2.XI).1889, Москва] — прозаик, мемуарист. Двоюродный брат Г. И. Успенского. Родившись в семье деревенского священника, У., как и его братья, учился в Тульской духовной семинарии (1848—1856), бурсацкий дух которой и мертвящая система обучения неблагоприятно сказались на нравственном облике и поведении будущего писателя, хотя уже тогда проявились его литературные наклонности. Не кончив семинарского курса, У. едет в Петербург, где поступает в Медико-хирургическую академию и одновременно приобретает за литературной жизни столицы. В 1857 г. на страницах еженедельного журнала «Сын отчества» появляются его рассказы «Старуха» и «Крестины». В январе 1858 г. знакомится с Н. А. Некрасовым и становится постоянным автором «Современника», публикуя там рассказы «Поросенок», «Хорошее житье»

(февраль), «Сцены из сельского праздника», «Грушка» (май), «Змей» (август). В этом же году уходит из Медико-хирургической академии и при поддержке Некрасова поступает на историко-филологический факультет Петербургского университета, где тоже, впрочем, учится недолго, продолжая активное сотрудничество с «Современником» (рассказы «Ночь под светлый день», «Сельская аптека», «Бобыль», «Обед у приказчика», «Дорожные сцены» — все 1859, «Деревенская газета», «Вечер», «Обоз», «Брусилор» — все 1860).

Имя У., выступившего в печати раньше других писателей-разночинцев, быстро приобретает известность, и Н. А. Добролюбов уже в 1860 г. рекомендует пополнить хрестоматию для юношества произведениями молодого автора «очерков народного быта» (Современник. — 1860. — № 4. — С. 404). Сам же У., подготовив к изданию первую книгу рассказов, в январе 1861 г. по совету и при содействии Некрасова уезжает за границу, путешествует по Италии и Швейцарии, живет в Париже, сближается с В. П. Боткиным, К. К. Случевским, кружком русских художников, вынашивает масштабные литературные замыслы. «...Вы не знаете, какой у меня план для романа, — пишет он, в частности, Случевскому из Парижа. — Фу! Где вам знать! Какой-нибудь Дюма написал бы 30 частей (томов) на этот сюжет» (переписка У. со Случевским опубли. в приложении к книге К. И. Чуковского «Люди и книги шестидесятых годов». — Л., 1934. — С. 273—295).

Этому и многим другим замыслам не суждено было осуществиться. Вернувшись в августе 1861 г. в Россию, У. разрывает отношения с журналом, только что (1861. — № 11) поместившим обширную, программной значимости статью Н. Г. Чернышевского «Не начало ли перемены?» о выпущенном Некрасовым сборнике «Рассказы Н. В. Успенского».

Разрыв с «Современником», а в итоге и вообще с кругом радикально-демократической творческой интеллигенции сыграл роковую роль в жизни и литературной судьбе У. Получив диплом учителя русского языка, он некоторое время преподает в Яснополянской школе, затем, расставшись с Л. Н. Толстым, поселяется в тургеневском имении Спасское, но спустя несколько месяцев вступает в тяжбу и с И. С. Тургеневым. В 1864—1875 гг. работает учителем в Чернском и Балховском уездных училищах, петербургском детском приюте имени принца Ольденбургского, оренбургской Неплюевской и 1-й Московской военных гимназиях, снова в Яснополянской школе, но нигде не задерживается надолго ввиду неподсидности и неуживчивого характера. Произведения У. все реже и реже публикуются в «Отечественных записках», «Вестнике Европы», а также в «Искре», «Русском вестнике», «Гражданине», «Ремесленной газете», «Сиянии», «Новом времени», «Ниве» и т. д. Книги, собрания сочи-

ний У. (1871, 1872, 1875, 1883) почти не расходятся и либо не привлекают внимания критики, либо подвергаются сокрушительному разгрому. Единственным исключением является сравнительно сочувственная по отношению к «забытому писателю» статья Н. К. Михайловского «Сочинения Н. В. Успенского» (Отечественные записки. — 1877. — № 2).

Нужда и пьянство, неудачная женитьба окончательно выбивают У. из колеи, и начиная с 1884 г. вся его жизнь проходит в бездомных скитаниях. Вместе с малолетней дочерью У. бродяжничают, играют на гармонике и за деньги рассказывает в трактирах и ночлежных домах биографии знаменитых русских писателей. В 1888 г. на страницах еженедельного юмористического журнала «Развлечение», а затем отдельным изданием появляются его скандальные воспоминания о Л. Толстом, Некрасове, Тургеневе, Слепцове, Левитове, Григоровиче, Помяловском, Глебе Успенском, вызвавшие единодушный протест литературной общности.

В ночь на 21 октября 1889 г. У. перерезал себе горло перочинным ножом близ Смоленского рынка в Москве. Похоронен на Ваганьковском кладбище. Литературные журналы никак не откликнулись на трагическую кончину писателя, а издания помельче проводили его в последний путь риторическим вопросом: «Многие ли из современной публики, не говорим уже, читали, но хотя бы слышали об этом писателе?» (Новости. — 1889. № 295). И действительно, произведения У. на протяжении нескольких десятилетий (вплоть до 1931 г.) практически не переиздавались.

Между тем сопоставление поздних произведений писателя с теми, что были высоко оценены Чернышевским и, с другой стороны, Ф. М. Достоевским (Время. — 1861. — № 12), свидетельствует о безусловной устойчивости как демократических убеждений У., так и его эстетической позиции. У. остался в истории русской литературы как писатель, который, явившись «после Островского, Тургенева, Писемского и Толстого», едва ли не первым выразил не «сознательно новую мысль высших классов общества о народе» (Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. и писем. Т. 19. — С. 178—179), а точку зрения самих народных масс, первым рассказал «о народе правду без всяких прикрас» (Чернышевский Н. Г. Литературная критика. — Т. 2. — С. 214).

Эта правда о забитом, притерпевшемся к своим несчастьям, бездельном и бездуховном простонародье была в годы назревания революционной ситуации в стране воспринята радикальными демократами, и прежде всего Чернышевским, как доказательство того, что крестьянство доведено уже до крайнего отчаяния и нужно лишь поднести зажженный фитиль, чтобы рванули пороховые погреба слежавшейся за века классовой ненависти. За мнимым бесстрашием, с которым У. воспроизводил картины ужасаю-

шего деревенского быта, живописал невежество, социальную апатию и косность крестьянской и разночинной массы, Чернышевский пронизательно разглядел высокий уровень нравственной требовательности писателя, его боль за поруганное достоинство русского народа.

Столь «резко говорить о недостатках известного человека или класса, находящегося в дурном положении, можно только тогда, когда дурное положение представляется продолжающимся только по его собственной вине и для своего улучшения нуждается только в его собственном желании изменить свою судьбу», — подчеркнул Чернышевский, утверждая, что «в этом смысле надобно назвать очень отрадным явлением рассказы г. Успенского, в содержании которых нет ничего отрадного» (Там же. — С. 248—249).

С иных позиций «Рассказы» 1861 г. оценил Достоевский. Но и он, указывая на «дагерротипичность» писательской манеры У., вместе с тем отмечал в его творчестве «зачаток мысли, широкой и плодотворной», свидетельствуя, что «г-н Успенский, во-первых, любит народ, но не за то-то и потому-то, а любит его как он есть... С виду его рассказ как будто бесстрастен: г-н Успенский никого не хвалит, видно, что и не хочет хвалить; не выставляет на вид хороших сторон народа и не меряет их на известные, общепринятые и выжитые цивилизацией мерочки доброделтели. Он не бранит за зло, даже как будто и не сердится, не возмущается. Сознательный вывод он предлагает сделать самому читателю. А между тем есть следы, что бесстрастие это вовсе не от равнодушия и внутреннего спокойствия» (Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. и писем. — Т. 19. — С. 182—183).

Спор в критике о «бесстрастии» как о главном отличительном свойстве прозы У. приобрел особую остроту и специфичность в новых исторических условиях, когда после реформы 1861 г. даже наиболее последовательным радикалам стала очевидной иллюзорность надежд на скорое и победоносное революционное потрясение и в обществе начался интенсивный поиск и утверждение альтернативных (прежде всего либерально-народнических) идеологических решений.

Разорвав отношения с редакцией «Современника», У. продолжал активно работать, и его повести, рассказы, очерки второй половины 60—нач. 80 гг. дают широкую панораму пореформенной действительности, свидетельствуют и о верности писателя реалистическим традициям, и о его новаторском подходе ко многим острым социальным и духовно-нравственным проблемам современности. У., в частности, написал и опубликовал в «Отечественных записках» (1866. — № 6) повесть «Федор Петрович», едва ли не первым в русской литературе обнаружив, что на смену сдающим социальные позиции помещикам приходят кулаки, кабатчики, сельские «капиталисты» и они-то все последовательно прибирают деревню к своим рукам. У. с сатирической мет-

костью обрисовал в повести «Издали и вблизи» (Отечественные записки. — 1870. — № 1—3) типичные образы русских дворян, потерявших в пореформенную эпоху жизненные ориентиры и занимающихся разного рода социальным прожектерством — от толстовства до попыток перестроить хозяйство на «рациональный» лад. У. рассказал в повести «Егорка-пастух» (Вестник Европы. — 1871. — № 2) трогательную историю двух любящих крестьянских сердец, показав, как идиллия, пройдя испытание фарсом, обернулась в итоге — из-за чиновничьего равнодушия и косности крестьянского «мира» — подлинной трагедией, «но ответом писателю во всех этих и других случаях было либо почти полное общественное безразличие, либо подозрение в намерении оклеветать простых людей. «В его рассказах, — писал, излагая утвердившуюся в народнической критике точку зрения, А. М. Скабичевский, — народ представляется в невообразимо безобразном виде: каждый мужик непременно или вор, или пьяница, или такой дурак, каких и свет не производил; каждая баба такая идиотка, что ума помрачение... Забитость, тупоумие, отсутствие всякого человеческого образа и подобия в героях Николая Успенского одурают вас, когда вы читаете его очерки» (Скабичевский А. М. История новейшей русской литературы. — П., 1909. — С. 219).

Трезвый реализм У. в исследовании и оценке народной жизни, кажущееся бесстрастие, неясность авторской позиции, небоязнь, наконец, «цинических», «бесстыдных» деталей и сюжетов действительно выглядели исключением на фоне тенденциозной, лстящей «мужику» народнической литературы. И только в советскую эпоху было доказано, что художественный опыт У. до известной степени предвосхитил «деревенскую прозу» А. П. Чехова («Мужики», «В овраге», «По делам службы», «Новая дача») и в особенности И. А. Бунина, который, кстати, немало сил отдал в молодости сбору и публикации материалов к биографии автора «очерков народного быта». Традиции У. прослеживаются и в советской литературе — от «сказовой прозы» 20 гг. (творчество М. М. Зощенко, П. С. Романова и др.) до современной «деревенской прозы» (творчество В. М. Шукшина, Б. А. Можяева и др.).

Соч.: Рассказы: В 2 ч. — Спб., 1861; Повести, рассказы и очерки: В 4 т. — М., 1883; Из прошлого. — М., 1889; Соч. / Подгот. текста, ст. и коммент. К. И. Чуковского. — М.: Л., 1933. — Т. 1; Повести, рассказы и очерки / Вступ. ст. Е. Покусаева; Подгот. текста и примеч. М. Блиневской. — М., 1957; Повести и рассказы / Предисл., послесл. и примеч. В. С. Лысенко. — Тула, 1986; Издали и вблизи / Вступ. ст. и примеч. С. И. Чупринина. — М., 1986.

Лит.: Чернышевский Н. Г. Не начало ли перемены? // Чернышевский Н. Г. Литературная критика. — М., 1981. — Т. 2. — С. 212—255; Достоевский Ф. М. Рассказы Н. В. Успенского // Полн. собр. соч. — Л., 1979. — Т. XIX. — С. 178—186; Михайловский Н. К. Сочинения Н. В. Успенского // Полн. собр. соч. — П., 1913. — Т. X. — С. 797—808; Бунин И. А. К будущей биографии Н. В. Успенского // Собр. соч. — М., 1967. — Т. 9. — С. 496—501; Лотман Л. М.

Н. Успенский // История русской литературы.— М.: Л.— Т. VIII.— Ч. I.— С. 562—578; Чуковский К. И. Николай Успенский, его жизнь и творчество // Чуковский К. И. Люди и книги.— М., 1958.— С. 117—181; Богданов В. А. Чернышевский — критик Н. Успенского // Научные доклады высшей школы. Филологические науки.— 1967.— № 1.

С. И. Чупринин

Ф

ФЕТ (настоящая фамилия *Шеншин*), Афанасий Афанасьевич [23.XI(5.XII).1820, с. Новоселки Орловской губ.— 21.XI(3.XII).1892, Москва] — поэт, прозаик, публицист, переводчик. Жизненный путь Ф. начался с сурового испытания. Мать Ф., Каролина Шарлотта Фёт, в 1820 г. уехала из Германии с А. Н. Шеншиным. Вскоре родился Афанасий, которого А. Н. Шеншин усыновляет. Отец Шарлотты Карл Беккер пишет гневное письмо Шеншину, из которого ясно, что отец будущего поэта не Шеншин, а Иоганн Фёт — чиновник, служивший в суде Дармштадта (Григорьев и Ч. А. К биографии А. А. Фета (Шеншина).— Спб., 1904.— С. 167). Все это впоследствии признает и сам Ф. и в несколько мифологизированном виде (отец представил ученым и адвокатом) изложит в письме к своей невесте М. П. Боткиной, которая затем в 1857 г. станет его женой. По этим причинам в январе 1835 г. Орловская духовная консистория отлучила будущего поэта от рода Шеншиных. Отнята была и фамилия. В 14 лет он становится гессен-дармштадтским подданным и получает фамилию настоящего отца. Все случившееся Ф. пережил как трагедию. Он ставит цель вернуться в дворянское лоно Шеншиных и с фанатическим упорством добивается ее: с 1873 г. Ф. по разрешению Александра II становится Шеншиным.

Ф. получил хорошее образование. С 1835 по 1837 г. он учился в немецком пансионе Крюммера в г. Верро. Ф. увлеченно занимается классической филологией и начинает писать стихи, скрывая, правда, свои поэтические опыты. Увлечение филологией приводит Ф. на словесное отделение философского факультета Московского университета, который он окончил в июне 1844 г. В университетские годы Ф. изучает историю мировой литературы, штудирует трактаты Шеллинга и Гегеля и продолжает писать стихи. Теперь он не только не скрывает свою поэтическую увлеченность, но, наоборот, всячески стремится обрести литературную известность и популярность. В ноябре 1840 г. выходит его первая книга «Лирический пантеон», а с 1842 г. стихи Ф. регулярно появляются на страницах журналов «Москвитянин» и «Отечественные записки». Творческий дебют оказался успешным. Профессор С. П. Шевырев, редактор «Москвитянина», часто принимает Ф. у себя дома, добрыми советами поддерживая молодого поэта. С большой симпатией к даро-

ванию Ф. отнесся М. П. Погодин, в пансионе которого Ф. пробыл весь 1838 г. Затем следует знакомство с критиком В. П. Боткиным, который содействовал публикации стихотворений Ф. в «Отечественных записках». Н. В. Гоголь и В. Г. Белинский одобрительно отзываются о стихах Ф. С 1838 г. начинается дружба с Ап. Григорьевым, в доме родителей которого Ф. жил в студенческие годы. Как философ и поэт Григорьев сильно повлиял на Ф. Романское начало в лирике Ф. формируется под воздействием романтической поэзии Григорьева.

У Ф. появляется великолепная возможность для литературного самоутверждения, но он предпочитает поступить на военную службу, чтобы вернуть дворянское звание. По данным «Летописи жизни А. А. Фета», составленной Г. П. Блоком, Ф. начинает службу унтер-офицером в кирасирском полку (1845), находившемся в Херсонской губ. Поэт с трудом входит в армейскую среду, но ради своей цели он готов выдержать любое испытание. Военную службу он подчиняет тренировке воли и выработке непоколебимого упорства «к мгновенному достижению цели кратчайшим путем» (Фет А. Воспоминания.— М., 1983.— С. 228). Это соответствует жизненной философии Ф., где главное — забота о будущем: «Я всегда держался убеждения, что надо разметать путь перед собою, а не за собою, и поэтому в жизни всегда заботило меня будущее, а не прошедшее, которого изменить нельзя» (Там же.— С. 181). Прошлое, в котором цель не достигнута, для Ф. не существует. Григорьев в повести «Человек будущего», посвященной Ф., заставляет своего героя произнести фетовские слова: «И с этих пор я живу одною ненавистью к прошедшему, одною любовью к будущему» (Григорьев Ап. Воспоминания.— Л., 1980.— С. 102).

Движение к цели по «размеченному» пути потребовало от Ф. еще одной жертвы. Полюбив Марию Лазич (они встретились осенью 1848 г.), Ф., однако, решает расстаться с возлюбленной. Он испугался житейских трудностей: Мария — бесприданница, а сам он был весьма стеснен в средствах. В браке он видит и существенное препятствие в продвижении по службе. Как раз в это время Ф., уже офицер, добивается самых значительных успехов. Живя для будущего, поэт еще раз приносит в жертву настоящее. Ф. не подозревает, что после смерти Марии при загадочных обстоятельствах (1850), когда он достигнет всех высот благополучия (дворянин, камергер, крупный помещик), произойдет непредвиденное: он станет рваться из счастливого настоящего в прошлое, в котором навсегда осталась его возлюбленная. Преодолевая эту мучительную раздвоенность, Ф. создает цикл исповедальных стихотворений, посвященных Марии, куда уже традиционно относят такие стихи разных лет: «В душе, измученной годами...», «Ты отстрадала, я еще страдаю...», «Не вижу ни красоты души твоей нетлен-

ной...», «Солнца луч промеж лип был и жгуч и высок...», «Долго снились мне вопли рыданий твоих...». Сюда же примыкает исповедальный фрагмент поэмы «Сон поручика Лосева» (1856), где поэт признается в самом сокровенном: «Ты, дней моих минувших благодать, / Тень, пред которой я благоговею». Определяющая тональность цикла — трагическая. Не избежал Ф. и сурового самоосуждения: он изображает себя «палачом», убившим Марию и свое собственное счастье. В раннем цикле «К Офелии» (1842—1847), хотя здесь другой женский прототип, Ф. как бы предвосхитил все то, что произойдет с ним и Марией. «Офелия гибла и пела» — это символизирует трагическую судьбу Марии; другая же метафора («И многое с песнями канет / Мне в душу на темное дно») становится прологом духовной драмы Ф.

Трагизм стихотворений о Марии усиливается еще и влиянием «денисьевского» цикла Тютчева, поэзию которого Ф. воспринимал как высшее откровение творческого духа (см. статью Ф. «О стихотворениях Ф. Тютчева» и его лирические послания Тютчеву). Ф. искал пути сближения со своим поэтическим божеством и нашел: их духовно породнило страдание. Ф. был один из немногих, кто видел Тютчева в дни скорби, когда тот оплакивал смерть Елены Денисьевой. Как только Ф. увидел «изнемогающее лицо» Тютчева (Воспоминания. — С. 385), то сразу ощутил: страдающая Тютчева — это и его страдания. Автобиографизм Ф. органично слился в цикле с духовной биографией Тютчева.

Встреча с Марией отразилась в поэзии Ф., а вот армейский быт прошел стороной, хотя он продолжал служить вплоть до 1858 г. В 1853 г. он добивается перевода в Петербург в уланский полк. Часто бывая в Петербурге, Ф. вновь возвращается в литературный мир; сближается с литературным кружком «Современника». Его поддерживает И. С. Тургенев, а Н. А. Некрасов включает в число постоянных авторов «Современника». Но в 1859 г. Ф. перестает сотрудничать в некрасовском журнале. К этому времени определилась общественная и эстетическая позиция Ф., которая противоречила революционно-демократической идеологии. Ф. сознательно уходит от борьбы и всех «гражданских» вопросов. В этом отношении он был категоричен, как, напр., в предисловии к «Вечерним огням»: «...мы, если припомним, постоянно искали в поэзии единственного убежища от всяческих житейских скорбей, в том числе и гражданских» (Фет А. А. Полн. собр. стихотворений. — Спб., 1901. — Т. 2. — С. 489). Заняться больше об устройстве собственной жизни, Ф. покупает имение Степановка в Мценском у. Орловской губ. (1860) и начинает создавать помещичье хозяйство. Революционно-демократическая критика осуждает его за чрезмерное проявление социального эгоизма. Особенно настойчив был в этом отношении М. Е. Сал-

тыков-Щедрин, писавший в хронике «Наша общественная жизнь» в апреле 1863 г.: «Вместе с людьми, спрятавшимися в земные расседины, и г. Фет скрылся в деревню. Там, на досуге, он отчасти пишет романы, отчасти челоуеконенавистничает; сперва напишет роман, потом челоуеконенавистничает, потом опять напишет роман и опять челоуеконенавистничает» (Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. — М., 1968. — Т. 6. — С. 59—60). Столь же резкими были выпады против Ф. Д. И. Писарева и В. А. Зайцева, а Д. Д. Минаев создает его сатирический образ как прижимистого помещика: «Во время оно / Мы не знавали этих бед / И на работника Семена / Тогда не жаловался Фет» (Поэты «Искры». — Л., 1955. — Т. 2. — С. 427). Но даже суровая критика не может остановить Ф. Он продолжает укрупнять свое хозяйство, переехав в 1877 г. в купленное им имение Воробьевка, которое находилось в Щигровском у. Курской губ. Почти безвыездно живет в Воробьевке до 1881 г., а затем, приобретя дом в Москве, проводит там весну и лето. Круг замкнулся: Ф. достиг всего того, о чем мечтал в молодые годы.

Прагматизм Ф. имел и другую направленность. Его творчество знаменует новый этап в развитии русской романтической поэзии. На этом этапе поэтическая возвышенность в сочетании с откровенным прагматизмом является характерным проявлением романтического жизнетворчества. Прагматизм Ф. был обусловлен не только заботой о себе самом, но и о своей музе. К нему рано пришло понимание того, что романтический поэт беззащитен перед миром. Поэт должен сам разумно сотворить свою судьбу. По мысли Ф., велик тот поэт, который ради свободного общения со своей музой нашел прочную защиту от мира. Он убежден, что создание своего прочного мира (это было сделано им в Степановке и Воробьевке) — тоже творческая задача: «Насколько в деле свободных искусств я мало ценю разум в сравнении с бессознательным инстинктом (вдохновением), пружины которого для нас скрыты... настолько в практической жизни требую разумных оснований, подкрепляемых опытом» (Воспоминания. — С. 269). Только так поэт-романтик может завоевать творческую свободу. Ф. признавался, что его упорный прагматизм давал возможность «хотя бы на мгновение вздохнуть чистым и свободным воздухом поэзии» (Фет А. А. Полн. собр. стихотв. — Спб., 1901. — Т. 2. — С. 487). Не случайно во всех стихотворениях Ф., посвященных музе, декларируется идея независимости поэта. Ф. даже решает сравнить свое поэтическое слово с «божественной властью» («Муза», 1887). Фетовский дуализм (поэт-прагматик) — это и есть проявление романтической свободы. У Ф., как у всякого поэта-романтика, жизнь и творчество неразрывно связаны.

Ф. поразителен тем, что его духовные силы всегда распределялись поровну: их ему всегда

хватало на житейский прагматизм и на художественное творчество. Поэтому у Ф. жизненные успехи всегда сопутствуют поэтическим успехам. Период выпусков сборников «Вечерние огни» (1883—1891) — это ведь период необычайного творческого взлета Ф., но как раз теперь он достиг абсолютной материальной независимости. Довольно быстрое продвижение по службе (Ф. был исполнительным офицером), как радостное эхо, отозвалось в его поэтической деятельности: с 1850 по 1856 г. он выпускает две книги стихов. В это время активно формируется романтическая поэтика Ф. В основе этой поэтики — фетовская натурфилософия, выражающая зримые и незримые связи человека и природы. Стремясь охватить их во всем многообразии, Ф. создает целые циклы стихотворений: то, что не удавалось полностью воплотить в одном, тут же переходило в другое стихотворение. Развитие одной темы — главное организующее начало фетовских циклов и прежде всего таких, как «Весна», «Лето», «Осень», «Снега», «Гадания», «Вечера и ночи», «Море». Пантеистические пейзажи Ф. за счет циклизации сливаются вместе, образуя единый символический пейзаж, который выражает уже состояние человеческой души.

Это состояние характеризуется тем, что романтический герой Ф. стремится слиться с запредельным. Только жизнь в запредельном дает возможность ему пережить состояние абсолютной свободы. Но в это запредельное человека ведет природа. Растворяясь в природном мире, погружаясь в самые таинственные его глубины, герой Ф. обретает способность видеть прекрасную душу природы. Самый счастливый миг для него — ощущение полного духовного слияния с природой: «Целый день спят ночные цветы, / Но лишь солнце за рошу зайдет, / Раскрываются тихо листы, / И я слышу, как сердце цветет» (1885). Цветение сердца — символ духовного соединения с природой (причем такого соединения, которое происходит как эстетическое переживание). Эстетизм становится определяющим признаком психологизма Ф., входит в романтическую коллизию его лирики. Он первопричина отчуждения героя от реального мира: чем сильнее захватывает его эстетическое переживание природы, тем дальше он уходит от реальности. Такое раздвоение и есть художественное проявление романтического «двомирия». И в его описательной, повествовательной лирике очень важна атмосфера эстетического переживания, когда человек начинает говорить на прекрасном языке природы: «Вся эта ночь у ног твоих / Воскреснет в звуках песнопения» («Как ярко полная луна...», 1859); «Но безмолвствует, пышно чиста, / Молодая владычица сада: / Только песне нужна красота, / Красоте же и песен не надо» («Только встречу улыбку твою...», 1873). Прав был В. Ф. Лазурский, когда эту атмосферу эстетического переживания назвал «сладостной» (Л-й В. А. А. Фет

(Шеншин) как поэт, переводчик и мыслитель // Русская мысль. — 1894. — № 2. — С. 33). Соприкосновение с душой природы составляет герою Ф. высшее эстетическое наслаждение, как это происходит, напр., в стихотворении 1858 г. «Цветы»: «Сестра цветов, подруга розы, / Очами в очи мне взгляни, / Навей живительные грезы / И в сердце песню зарони». Последний стих как нельзя лучше подчеркивает эстетизм в восприятии природы: переживание как песня. Таким обращениям к природе в лирике Ф. нет конца. «Распахни мне объятия твои, / Густолистный, развесистый лес!» — призывно восклицает поэт в стихотворении «Солнце нижег лучами в отвес...» (1863). Возникает все тот же лейтмотив: ему хочется соединиться в объятии с лесом для того, чтобы «сладко вздохнуть». Раньше Ф. (1857) показал, что «сонмы звезд» могут вызвать у человека ощущение райского блаженства: «Земля, как смутный сон немая, / Безвестно уносились прочь, / И я, как перья жителя рая, / Один в лицо увидел ночь» («На стоге сена ночью южной...»).

Характерное состояние героя Ф. — это состояние эстетической восторженности. Читатель как бы постепенно вовлекается в процесс переживаний, а затем и сам становится участником эстетического действия: «Как нежно содрогнулась грудь / Над этой тенью золотой! / Как к этим призракам прильнуть / Хочу мгновенною душой!» («Тихонько движется мой конь...», 1862). Восторженная привязанность к природе уводит героя Ф. в мир красоты, что и предопределяет его романтическое отчуждение от земного бытия. Такой же властью над героем Ф. обладает и женская красота. Для него созерцание лица любимой женщины сродни бесконечному любованию природой: это вызывает не меньший (если не больший) эстетический восторг. В поэтике Ф. символ такой «всеполюсной красоты» — Венера Милосская. Ее красота — небесная: «Как много неги горделивой / В небесном лике разлилось!» («Венера Милосская», 1856). Подобное же впечатление у Ф. и от «Сикстинской Мадонны»: «...подняв глаза, я уже ни на минуту не мог оторвать их от небесного видения» (Фет А. Из-за границы. Путевые впечатления // Современник. — 1856. — № 11. — С. 101—102). Всюду, где Ф. говорит о высшем проявлении женской красоты (в стихах, путевой стихопрозе), появляется символический эпитет «небесный», выполняющий одну смысловую функцию: женская красота подобна прекрасной душе природы. Наиболее впечатляюще фетовская философия женской красоты воплощена в стихотворении «Anruf an die Geliebte» Бетховена, где небесный мотив синонимически заменяется божественным: «Пойми хоть раз тоскливое признание, / Хоть раз услышь души молящий стон! / Я пред тобой, прекрасное создание, / Безвестных сил дыханьем окрылен... / Ее пою, во прах упасть готовый. / Ты предо мной стоишь как божество — / И я блажен; я в каждой муке новой /

Твоей красы провижу торжество» (1857). С опорой на эту философию красоты Ф. создает в разные годы целый цикл лирических посланий, адресованных женщинам: А. Л. Бржевской, С. А. Толстой, жене Л. Толстого, А. А. Олсуфьевой, Е. С. Хомутовой, Н. М. Соллогуб, Л. И. Офросимовой, М. Н. Коншиной, М. Ф. Ваняльской. Главное связующее звено цикла — натурфилософские мотивы, позволяющие Ф. природу сделать символом женской красоты.

В 60 гг. Ф. стихов пишет мало. Но зато не прекращается становление фетовского художественного мира в целом, включая прозу и публицистику. Как раз в это время в творчестве Ф. проза потеснила стихи, что существенно повлияло на дальнейшее развитие его романтической лирики.

С 1862 по 1871 г. в журнале «Русский вестник», «Литературная библиотека», «Заря» были опубликованы два самых крупных прозаических цикла Ф.: «Из деревни» и «Записки о вольнонаемном труде». Определяющее начало в циклах — публицистика, но вместе с тем это самая настоящая «деревенская» проза: циклы состоят из очерков, рассказов и даже новелл. Активное общение с писателями круга «Современника», часто выступавших в журнале, не прошло для Ф. даром. Это сказалось на художественно умелом построении циклов. Особенно важен был для Ф. художественный опыт Тургенева как автора «Записок охотника», с которым поэт связывала многолетняя творческая дружба (Ф. даже доверил Тургеневу редактировать свой третий сборник стихотворений). Циклизация объединяет поэзию и прозу Ф., но во всем остальном они расходятся по разным полюсам. Поэзия и проза Ф. — художественные антиподы. Сам Ф. их настойчиво разграничивал, полагая, что проза — язык жизни обывденной, а поэзия выражает жизнь человеческой души. Все то, что отвергалось поэзией Ф. (мутный поток жизни), без напряжения принималось его прозой. Романтический дуализм предопределил и раздвоенность его поэтики: в поэзии Ф. следует романтической традиции, а в прозе — реалистической с опорой на «натуральную школу». Поэтому в повести Ф. «Семейство Гольц» (1870) печальная история семьи спившегося ветеринарного врача Гольца представлена как бытовая драма.

Сугубая социальность и публицистичность характерны и для деревенских циклов (социальность питает публицистический пафос Ф.). Публицистика имеет двойную направленность: это экономическая защита своего помещичьего хозяйства и утверждение мысли о преимуществе вольнонаемного труда. В первом случае Ф. декларируется знакомая мысль: материальная независимость дает и творческую независимость, что было сделано им не без публицистического заострения и в послании «Тургеневу» (1864). Дом — это его крепость, где он спасается от суетного и враждебного мира: «Свершилось! Дом

укрыл меня от непогод, / Луна и солнце в окна блещет, / И, зеленью шума, деревья хордов / Ликует жизнью и трепещет. / Ни резкий крик глупцов, ни подлый их разгул / Сюда не досягнут. Я слышу лишь из сада / Лихого табуна сближающийся гул / Да крик козы, бегущей к стаду».

В публицистических циклах Ф. создает своего рода охранную грамоту своему дому, но одновременно его волнуют и всеобщие проблемы, в частности вольнонаемный труд. По мысли Ф., такой труд есть идеал трудовой деятельности человека: «Такой труд, где рабочий напрягает свои силы чисто и единственно для себя, есть идеал вольного труда, идеал естественного отношения человека к труду» (Ф. ет А. Записки о вольнонаемном труде // Русский вестник. — 1862. — № 3. — С. 376). Вольнонаемный труд создает такие условия, когда в человеческий мир вернется утерянная «стройность». «При вольном труде стройность еще впереди», — подчеркивал Ф., не забывая напомнить при этом, что «стройность» может возникнуть в результате свободного развития. Романтический образ свободы проникает в публицистику Ф., выступающего против чрезмерной регламентации человеческого поведения: «Нередко вся мудрость воспитателя состоит в умении воздержаться от уничтожения временного безобразия воспитанника. Обрубите у молодой хвойки ее корявые, низменные сучья. Лишив дерево необходимого питания воздухом, вы убьете его. Подождите лет 40 и увидите стройный, могучий ствол с небольшой, зеленой короной наверху» (Ф. ет А. Из деревни // Заря. — 1871. — № 6. — С. 9—10).

Идею «стройности» Ф. переносил и на нравственное воспитание человека. На ее основе Ф. создает свою концепцию морального просветительства, согласно которой человек обретает «стройность» жизненного поведения только тогда, когда дорожит своей честью и национальной культурой, о чем он пишет в статье «Два письма о значении древних языков в нашем воспитании», тематически примыкающей к деревенским циклам: «Честь — достояние высшего круга понятий, понятия о человеке. Бесчестный человек есть в то же время и бесчестный русский человек. Но русский, в душе француз, англичанин или швейцарец, — явление уродливое. Он — ничто — мертвец; океан русской жизни должен выкинуть его вон, как море выбрасывает свою мертвечину» (Литературная библиотека. — 1865. — № 5. — Кн. 1. — С. 299). В конечном итоге Ф. настаивает на том, чтобы «стройность» была как в душе человека, так и в окружающем его мире. Это и есть, по Ф., идеал общественного бытия, который можно достигнуть честным трудом и неустанным моральным просветительством.

Многообразная публицистическая проза Ф. во многом подготовила заключительный этап его поэтического творчества (1870—1892). Образ мира, возникший как отражение идеи «строй-

ности», соединившись с пессимистической доктриной А. Шопенгауэра, составит философскую основу поздней лирики Ф. Вся лирика периода «Вечерних огней» пронизана ощущением того, что человеческий мир, потеряв «стройность», неудержимо распадается на части. Отсюда и эволюция лирики Ф.: если его поэзия 40—50 гг. развивалась в полном согласии с гармонией, то с конца 1860 г. она художественно породнилась с дисгармонией. Даже любовная лирика Ф. теряет привычную мажорность. Все больше тревоги, смутения и боли появляется в любовных стихах Ф. В известном смысле в этом повинен Л. Толстой, который с нач. 70 гг. больше всех влияет на творчество Ф. Частые встречи, философские беседы, жадное чтение новых произведений друга — все это способствует подчинению поэтического сознания Ф. воле Толстого. В письме от 9 марта 1877 г. он признается Толстому: «Вы, без всякого преувеличения, единственно для меня интересный человек и собеседник». Духовный диалог с Толстым — одно из самых важных событий последних двух десятилетий творческой жизни Ф. В общении с Толстым для Ф. все было важно, но особенно выделял он для себя роман «Анна Каренина» (о которой написал статью). «Прекрасно влюбился в Каренину», — признавался Ф., а потом еще более важное признание: «Но невозможно, чтобы Каренина вышла замуж за Вронского и благодушествовала» (письмо Л. Толстому от 12 марта 1877 г.). Направление мысли Ф. понятно: в любви не может быть душевного спокойствия и благополучия, что совпадало еще и с теми философскими обобщениями, которые он нашел у Шопенгауэра. Здесь Ф. столкнулся с трагическим пониманием любви, т. к. Шопенгауэр в своей «Метафизике любви» сравнивает любовную страсть с «демоном». Не меньшее влияние в этом отношении оказал и В. С. Соловьев, с которым Ф. сблизился в 80 гг. Ф. как истину воспринял утверждение Соловьева: любовь — это трагическое противоречие между «божественным» и «земным», т. е. «духовным» и «телесным» (Собр. соч. — СПб., 1901—1907. — Т. 8. — С. 281—290). Но лирика любви Ф. — не производное от философии любви. Все отмеченные идеи органично сливались с фетовским умонастроением. В результате любовь в изображении Ф. — олицетворение всех печалей, невзгод и треволнений, которыми преисполнено человеческое бытие. Поэтому преобладающая тональность любовной лирики Ф. — трагическая: «Давно в любви отрады мало, / Без отзыва вздоху, без радости слезы; / Что было сладко — горько стало, / Осыпавшись розы, рассеялись грезы» (1891). Осыпавшаяся роза — определяющий символ в поздней лирике Ф., а этому символу сопутствуют символы угасания и умирания: закатное солнце, вечерняя заря, угасающий луч, гаснущий день, черная мгла. У Ф. уже нет такого стихотворения на тему любви, где бы не заявил о себе какой-нибудь из этих

символов. Подобным образом все обстоит и в лирике пейзажной. Резко обозначается цветовая символика: изображение человеческой жизни окрашено в темные тона, а небесная жизнь воссоздается в ослепительно ярком цветовом насыщении. Небо у Ф. всегда пламенеет, оно озарено «нетленным закатом» («В вечер такой золотистый и ясный...», 1886). По контрасту с этим представлена земная жизнь как «тоскливый сон» («Одним толчком согнать ладью живую...», 1887).

Романтическая концепция жизни в поздней лирике Ф. получает окончательное художественное завершение. Любовь умирает, а без любви человеческий мир становится чужим, враждебным и страшным. Героя Ф. еще больше угнетает тоска по иному миру, и поэт дает возможность ему жить в этом мире. Так в поэзии Ф. возникает мотив полета, а на его смысловой основе создается символический образ небесного мира: «Как нежишь ты, серебряная ночь, / В душе расцвет немой и тайной силы! / О, окрыли — и дай мне превозмочь / Весь этот тлен, бездушный и унылый!.. / Мой дух, о ночь, как падший серафим, / Признал родство с нетленной жизнью звездной / И, окрылен дыханием твоим, / Готов лететь над этой тайной бездной».

Два противоположных мира у Ф. всегда сопряжены, в результате чего возникает трагическая коллизия: земная жизнь олицетворяет смерть, небесная — жизнь. Эту коллизию Ф. полностью воплотил в фантазмагории «Никогда» (1879), где художественной доминантой проходит образ мертвой земли: «А ты, застывший труп земли, лети, / Неся мой труп по вечному пути». Нагнетение трагических мотивов приводит еще к одной метаморфозе. Если раньше Ф. в своей поэзии находил душевное успокоение и уладу, то теперь она его тревожит и мучит. Ф. пишет трагические стихи, но одновременно старается избавиться от них, уходя в стихию ранней лирики, как это представлено в стихотворении «Ночь лазурная смотрит на скошенный луг...» (1892). Выбрал Ф. и другой путь спасения: чтение стихов поэтов, которые по своей манере сближаются с первыми этапами его творческого пути. В знак благодарности за спасение он пишет исповедальное стихотворение «Поэтам» (1890): «В ваших чертогах мой дух окрылился, / Правду провидит он с вышей творенья; / Этот листок, что иссох и свалился, / Золотом вечным горит в песнопенье... / Только у вас мимолетные грезы / Старыми в душу глядятся друзьями, / Только у вас благовонные розы / Вечно восторга блистают слезами».

Поэзию Ф. отличают музыкальность, разнообразие ритмов и звуков. Он извлек из силлаботонической системы все возможные ритмические потенциалы, совершенствуя ее метрические формы. Это совершенствование осуществилось за счет поразительной согласованности метра и поэтического синтаксиса, когда почти каждая стопа имеет свой синтаксический аналог. В синтаксисе

появляются свои ритмические доли, создающие дополнительный музыкальный эффект. В результате возникает особая, именно фетовская музыкальность, когда музыкальная интонация, порожденная поэтическим словом, обретает способность жить вне этого слова (особенно это характерно для цикла «Мелодии»). Отсюда и определение стиля Ф. как «напевного стиля» (Б. М. Эйхенбаум). Обращался Ф. и к античной системе стихосложения, выразительно воссоздавая гекзаметры. Представлена у него в фольклорных стихах и тоническая система стихосложения, что надо воспринимать как важный эксперимент в области акцентного стиха (цикл «Гадания»). Точные рифмы и самая разнообразная звукопись (от звукоподражания до звуковых оппозиций в трагических стихах) делают мир Ф. именно звучащим миром. В поздней лирике Ф. трагические интонации разрушают мелодический рисунок стиха. Возникают довольно частые перебои в ритме, что находится в полном соответствии с повышенным драматизмом лирики Ф.

Значительна переводческая деятельность Ф. Ее диапазон очень широк: стихи античных и восточных поэтов, Гете, Шиллера, Гейне, Байрона, Шенье, Беранже, Мицкевича, трагедии Шекспира. В переводах он стремился к точности и максимальному приближению к содержанию текста. «Конечно, перевожу буквально», — пишет Ф. В. С. Соловьеву (14 апр. 1883 г.) в пору работы над стихами Горация. И так Ф. мог бы сказать о всех своих переводах. Причем он переводил только тех авторов, творчество которых ему было близко. Особенно самоотверженно трудился Ф. над переводом трагедии Гете «Фауст», которую он воспринимал как отражение собственной духовной биографии.

Многосторонняя поэтическая деятельность Ф. постепенно обрела прочность и значение определенной литературной традиции. В конце XIX — начале XX в. к этой традиции сильно тяготели поэты-символисты (В. С. Соловьев, В. Я. Брюсов, А. А. Блок, А. Белый), а впоследствии — многие советские поэты (С. А. Есенин, Б. Л. Пастернак, Н. М. Рубцов). Фетовская традиция до сих пор не потеряла сферы своего влияния, что свидетельствует об одном: художественные открытия Ф. — выдающийся вклад в русскую поэтическую культуру.

Соч.: Лирический пантеон. — М., 1840; Стихотворения: В 2 ч. — М., 1863; Вечерние огни. — М., 1883—1889. — Вып. 11; Полн. собр. стихотворений: В 3 т. — СПб., 1901; Полн. собр. стихотворений. — Л., 1959; Вечерние огни. — М., 1979; Соч.: В 2 т. — М., 1982; Воспоминания. — М., 1983.

Лит.: Боткин В. П. Стихотворения А. А. Фета // Литературная критика, публицистика, письма. — М., 1984; Дружинин А. В. Стихотворения А. А. Фета // Литературная критика. — М., 1983; Афанасий Афанасьевич Фет (Шеншин). Его жизнь и сочинения. Сб. ст. — М., 1911; Дарский Д. О Фете // Русская мысль. — 1915. — № 8; Блок Г. П. Летопись жизни А. А. Фета // Публ. Б. Я. Бухштаба // А. А. Фет. Традиции и проблемы изучения. — Курск, 1985; Эйхенбаум Б. М. Мелодика русского лирического стиха // О поэзии. — М., 1969; Озеров Л. А. Фет. О мастерстве поэ-

та. — М., 1970; Бухштаб Б. Я. А. А. Фет. Очерк жизни и творчества. — Л., 1974; Благой Д. Д. Мир как красота. О «Вечерних огнях» А. Фета. — М., 1975; Кожинов В. Фет и «эстетство» // Вопросы литературы. — 1975. — № 9; Скотов Н. Н. Лирика Афанасия Фета (Истоки, метод, эволюция) // Далекое и близкое. — М., 1981; Чичерин А. В. Движение мысли в лирике Фета // Сила поэтического слова. — М., 1985. А. П. Аур

ФИГНЕР, Вера Николаевна [25.VI (7.VII).1852, Мамадышский у. Казанской губ. — 15.VI.1942, Москва] — поэтесса, мемуаристка и историк революционного движения. Революционерка-народница. Родилась в родовитой дворянской семье. Из шестерых детей три сестры (Евгения, Лидия и Вера) стали революционерками. Образование получила сначала дома, а затем в Казанском Родионовском институте (1863—1869). Огромное влияние на формирование взглядов Ф. оказало чтение русской литературы. Особенно сильное впечатление на Ф. произвела поэма Н. А. Некрасова «Саша». В 1872—1875 гг. училась на медицинском факультете Цюрихского университета, где сблизилась с С. И. Бардиной, сестрами О. С. и В. С. Любатович и др. студентками, ставшими позднее известными революционерками. Вместе с ними Ф. изучала политэкономии, историю социалистических учений и революционных движений в Европе. Не окончив университета, Ф. в 1875 г. возвращается в Россию и включается в революционную борьбу. «И с 24 лет моя жизнь связана исключительно с судьбами русской революционной партии», — писала она позднее в своей книге «Запечатленный труд» (М., 1964. — Т. 1. — С. 136). В 1877—1879 гг. работала фельдшерницей в селах Саратовской и Самарской губ., занималась просветительской деятельностью и пропагандой социалистических учений среди крестьян. Принимала участие в Воронежском съезде землевладельцев (1879). После раскола «Земли и воли» вошла в состав Исполнительного комитета «Народной воли», объединявшей сторонников террористической тактики революционной борьбы. Принимала деятельное участие в подготовке покушений на Александра II в 1880—1881 гг. После 1 марта, когда по приговору «Народной воли» был казнен Александр II, Ф. оказалась единственным членом Исполнительного комитета, оставшимся на воле, и пыталась восстановить обескровленную арестами и казнями организацию. Ф. пользовалась громадным авторитетом среди своих товарищей-революционеров и в среде демократически настроенных слоев русского общества. Н. К. Михайловский, близко знавший Ф., так объяснял ее исключительное влияние на окружающих: «В чем состояла эта сила, это обаяние, которым она пользовалась, трудно сказать... Захватывала она своей цельностью, сквозившей в каждом ее слове, в каждом ее жесте: для нее не было колебаний и сомнений. Не было, однако, в ней и той аскетической суровости, которая часто бывает свойственна людям этого типа» (Михайловский Н. К. Воспоминания. — Берлин,

1906.— С. 12—13). В феврале 1883 г. по доносу предателя С. П. Дегаева Ф. была арестована. Узнав об этом, Александр III сказал: «Слава богу, эта ужасная женщина арестована!» После 20 месяцев предварительного заключения в Петропавловской крепости судилась по «процессу 14-ти» и была приговорена к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. 20 лет провела в Шлиссельбургской крепости. Выпущена из тюрьмы по амнистии в 1904 г. и отправлена в ссылку сначала в Архангельскую, а затем в Казанскую губ. и Нижний Новгород. После революции 1905 г. уехала за границу, где прожила несколько лет (1906—1915). После Октябрьской революции занималась литературной и культурно-просветительской деятельностью, участвовала в работе Общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев.

Первые стихи Ф. написала в Шлиссельбургской крепости («Лопатину», «Тук-тук», «Памяти Баранникова»). В центре лирики Ф. — революционер, томящийся в неволе, но не сломленный испытаниями и страстно мечтающий о свободе, о продолжении борьбы. Настроение уверенности в торжестве революционного дела, убежденность в том, что принесенные жертвы не напрасны, переплетались в произведениях Ф. с мотивами грусти, страдания и жертвенности («Когда в неудачах смолкает борьба», «Весна», «Пали все лучшие...»). Позднее (1906) она писала П. Ф. Якубовичу о своих стихах: «Чего-чего не было за это время! И настроение христианской мученицы, готовой все снести с кротостью агнца... и ярость пантеры, заключенной в клетку и грудою и когтями бьющейся в ней в порыве неутоимого желания свободы... и бесконечная пелена, когда все застыло, все успокоилось и началось существование «без настроения», без острого страдания, без мук от сознания своих сил и своего бессилия...» (Поли. собр. соч. — М., 1932. — Т. 4. — С. 242). В тюрьме была задумана написанная после освобождения книга воспоминаний Ф. «Запечатленный труд» (1913—1927), ставшая важнейшим документом истории революционного движения в России второй половины XIX в. Это самое значительное произведение Ф. В нем отразилась широкая панорама русской жизни середины прошлого века, запечатлены картины революционных событий 70—80 гг., нарисованы выразительные портреты выдающихся деятелей народнического движения (А. И. Желябова, Н. И. Кибальчича, А. Д. Михайлова, С. А. Перовской и др.). Но прежде всего Ф. стремилась показать путь передовой русской молодежи в революцию и ее героическую борьбу против самодержавия. Книга «Запечатленный труд» принесла Ф. всемирную известность. Она была переведена на многие иностранные языки. Перу Ф. принадлежат «Очерки автобиографические» («Родословная», «Дедушка», «Отец», «Мать» и др.), «Очерки биографические», посвященные выдающимся землевольцам («Александр

Соловьев», «А. И. Иванчин-Писарев») и народовольцам («Александр Дмитриевич Михайлов», «Евгения Николаевна Фигнер», «Портреты народо-вольцев» и др.), а также ряд статей по истории революционного движения в России («Из политической жизни 80-х годов», «Жены декабристов» и др.).

Соч.: Стихотворения. — СПб., 1906; Поли. собр. соч.: В 7 т. 2-е изд. М., 1932; Стихи // Поэты-демократы 1870—1880-х гг. Вступ. ст. А. М. Бихтера. М.: Л., 1962; Запечатленный труд. Воспоминания: В 2 т. М., 1964; Стихи // Поэты-демократы 1870—1880-х гг. / Вступ. ст. Б. Л. Бессонова. Л., 1968.

Лит.: Матвеева И. Вера Фигнер. М., 1961; Осемьяков Н. В. Поэзия революционного народничества. М., 1961; Павлюченко Э. А. Вера Фигнер. — М., 1963; Вальченко И. А. Г. Успенский и В. Фигнер (К истории идейных и творческих связей) // Русская классическая литература и идеологическая борьба. Ставрополь, 1985. С. 124—134. И. И. Якубович

ФОФАНОВ, Константин Михайлович [18(30).V.1862, Петербург — 17(29).V.1911, там же] поэт. Отец — выходец из крестьянской семьи, купец в первом поколении, мать — крестьянка. Ф. не получил систематического образования, хотя начинал учиться в частных пансионах Эме и Кестнера, а также в городском училище Петербурга, но учебу оставил, не закончив 2-го класса. Творческая биография Ф. складывалась как бы вопреки господствующему литературному этикету. Первое его стихотворение было напечатано в газете «Русский еврей» (1881. 8 июля), затем благодаря поддержке П. И. Вейнберга он публиковался в «Литературном обозрении», имевшем либеральную репутацию. В конце же 80 гг. он становится постоянным сотрудником газеты «Новое время», издаваемой А. С. Суворинным, от которой с 1888 г. получал постоянное жалованье и др. финансовую поддержку. Но связь с этим изданием на протяжении всей жизни не мешала Ф. печататься в журналах различной ориентации: «Век», «Живописное обозрение», «Всемирная иллюстрация», «Устои», «Игрушечка», «Родник», «Новь», «Звезда», «Восход», «Север», «Наблюдатель», позднее — «Северный вестник», «Московская газета», «Наше время», «Русское богатство», а также во многих иллюстрированных изданиях. Почти все сборники стихов Ф., кроме первого — «Стихотворения» (1887) и третьего — «Тени и тайны» (1892), были изданы у Суворина: «Стихотворения» (1889), «Иллюзии» (1900), а также вышедшее в 1896 г. собрание стихотворений в пяти частях (Ч. 1 — «Маленькие поэмы»; Ч. 2 — «Этюды в рифмах»; Ч. 3 — «Снегурочка»; Ч. 4 — «Майский шум»; Ч. 5 — «Монологи»).

Жизнь Ф., несмотря на постоянную поддержку высоко ценивших его талант деятелей культуры (И. Е. Репина, К. К. Случевского, А. К. Шеллер-Михайлова, А. С. Суворина), протекала в бедности и нищете. Ф. являлся единственным кормильцем большой семьи, где было 9 детей, и при этом страдал хроническим алкоголизмом. В конце 80 гг. перенес на этой почве галлюци-

наторное помешательство, окончательно подорвавшее его здоровье. Современникам Ф. запомнился в образе «глубоко несчастного, приращенного жизнью, надорванного человека — образ, так странно контрастирующий с впечатлением от его лучших вечно-юных стихов» (М е р ц о в П. П. Литературные воспоминания. — М.; Л., 1933. — С. 189). Умер Ф. в полном одиночестве.

«Поэт милостью божией» — эти слова чаще всего использовали для характеристики Ф. Но в них следует видеть не только восхищение природной одаренностью, но и признание очевидного факта, что всем лучшим в своих стихах Ф. был обязан исключительно природному дару: ни образования, ни широкого кругозора, ни способности к саморазвитию у поэта не было. Все поклонники Ф. видели в нем не только осуществленные, но и погибающие возможности. Напр., А. Н. Майков, назвав Ф. «самым лучшим, самым талантливым, самым крупным поэтом, приближающимся к Пушкину», посетовал: «В нем сидит необычайное дарование, удивительное чутье, и, будь он начитан и образован, это была бы гордость русской литературы» (Наша старина. — 1916. № 6. — С. 517).

Ф. редкий для конца XIX в. поэт города по преимуществу, где протекала большая часть его жизни. Но его урбанизм не имеет нарочитого и программного характера. Приметы городской жизни: «газовые рожки», «общественные кареты», «сумрак неосвещенных лестниц» — влезаются в его стихи наряду с грезами, соловьями и розами. Не эти реалии сами по себе определяют целостный смысл стихотворений Ф., главное в которых — богатая и причудливая фантазия поэта, способная преобразить самую прозаическую обстановку: «Не правда ль, все дышало прозой, / Когда сходились мы с тобой? / Нам соловьи, пленившись розой, / Не пели гимны в тьме ночной... / А посмотри — в какие речи, / В какие краски и облек / И наши будничные встречи, / И наш укромный уголок!» («Не правда ль, все дышало прозой...», 1885). В свойственном стихам Ф. свободном соединении возвышенной действительности и прозаических реалий современники видели дисгармонию. Критики возмущались прозаизмами в стихотворении «Дачная прогулка» (1881), где сказано: «Верно, давно поджидает нас дома / Чай золотистый со свежеею булкой... / Глуное счастье, а редким знаком!» «Поэзией резких и мучительных диссонансов» назвал стихи Ф. Д. Мережковский (О причинах упадка и о новых течениях современной русской поэзии. — СПб., 1893. — С. 87). Но поэт, во многом предвосхитивший блоковскую тему «мещанского жития» блоковских стихов о городе, не ощущает дисгармонии, в его стихах, исполненных подчас самых прозаических подробностей, слышится «все тот же безумно-вдохновенный, юношески-восторженный тон» (Гриневич П. Ф. — С. 308). Даже известный призыв Ф. уйти «от пыток будничных

минут» «в лазоревые гроты фантазий и причуд» (стихотворение «Блуждая в мире лжи и прозы...», 1887) для самого поэта не содержит трагического противопоставления мечты и действительности, поскольку в его воображении они свободно соединяются. По тонкому наблюдению Ивана Коневского, в поэзии Ф. «горят самые жгучие терзания сердца и бьют ключом страстные ликования в каком-то необычайном и внутренне уравновешенном кипении» («Северные цветы» на 1901 год. — М., 1901. — С. 186—187). Внутренняя уравновешенность мировосприятия Ф. как бы снимала антитезы, примиряла дисгармонию отдельных образов.

Лирика Ф. чужда проповедничеству, чем резко отличается от поэзии С. Я. Надсона. «Ф. не принес с собой в литературу какой-нибудь идеи, которую он мог бы или должен был проповедовать, отстаивать, защищать» (К р а н и х ф е л ь д В. В мире идей и образов. — СПб., 1912. — Т. 2. — С. 188). У Ф. нет высказываний программного характера, он никогда не пытался систематизировать и изложить свои взгляды. Исключением следует назвать отрывок из письма А. Кауфману (опубл. после смерти Ф.), где поэт излагает свое кредо: «Мы, живущие в больших городах, бегущие в погоне за призраками благополучия, мы часто теряем свою нравственность, душу свою, как теряют зонтики и галоши в швейцарских при большом съезде гостей... Народ и его простой, доверчивый труд всегда служит и служил маяком нашему обществу» (Вестник литературы. — 1921. — № 8 (32). — С. 5).

С. А. Венгеров писал, что творчество Ф. «почти отрешено от условий места и времени. Он живет в своем особом мире неясных видений и смутных настроений и отдается песнопению почти бессознательно...» (В е н г е р о в С. А. — С. 141). В. Я. Брюсов включил статью о Ф. в раздел «Поэты-импрессионисты» сборника «Далекое и близкое» рядом со статьями об А. А. Блоке и И. Ф. Анненском, хотя сам Ф. о существовании импрессионизма вряд ли подозревал. Прихотливые образы в стихах Ф. связываются единством настроения, поэт мало заботит достоверность подробностей; критика неоднократно иронизировала над его образом «луны двурогий диск», появившемуся задолго до брюсовского «всходит месяц обнаженный при лазоревом луне...» («Тень несозданных созданий...»). «Как вам нравится определение сказок — «задумчиво-чудные»? — писал П. Ф. Якубович о стихотворении Ф. «Звезды ясные, звезды прекрасные...» (1885). — Не все ли это равно, что, например, сказать: «твердогрустные» или «желто-холодные»?» (Г р и н е в и ч П. Ф. — С. 303). Лирическая зыбкость образной структуры, мелодичный и легкий стих, а также любовь к снам, фантазиям, сказочным образам, ко всему, где содержалась некая недосказанность, делало поэзию Ф. близкой импрессионизму. Но наряду с этим у Ф. было немало

стихов сюжетных, повествовательных, каковы рассказы в стихах «Барон Класк» (1892) и «Необыкновенный роман» (1900); поэмы «Старый дуб» (1887), «Волки» (1889), «Ревнивый муж» (1892), сказки «Каменотес» (1885) и «Очарованный принц» (1900).

Литературной репутации Ф. очень вредило многописание, это был один из плодovitейших поэтов, оставивший почти полторы тысячи произведений. При этом Ф. был вынужден ради заработка печатать почти все, что писал. Поэтому его творчество, взятое в целом, очень неравнозначно, наряду с замечательными стихами есть слабые и банальные. Но в избранных стихах Ф. предстает как поэт большой, оказавший заметное влияние на современников. П. Перцов даже называл «фофановским» целый период развития русской поэзии, начиная от смерти Надсона (1887) и до появления первых характерных произведений символистов (1895), подчеркивая этим определяющее воздействие Ф. на современников.

Несмотря на то что Ф. принадлежит обличительное стихотворение «Декадентам» (1900), где звучит грозная инвектива в адрес символистов, он оказал существенное влияние на творчество модернистов разных поколений. Брюсов печатал его стихи в символистском альманахе «Северные цветы» и называл в числе предтеч и учителей. Культ Ф. создали эгофутуристы, посвятив ему ряд стихов и специальный сборник: «Оранжевая урна. Альманах памяти Фофанова» (Пб., 1912). Ревностным поклонником Ф. был Игорь Северянин, чьи первые шаги в литературу совершались при поддержке Ф., а также сын Ф. Константин, печатавшийся под псевдонимом Константин Олимпов.

В истории поэзии творчество Ф. наряду с творчеством К. К. Случевского стало соединительным мостом между классической русской поэзией, традицией, идущей от А. А. Фета, и лирикой русского модернизма.

Соч.: Стихотворения / Вступ. ст. М. Клемана.— М., 1939; Поэты 1880—1890-х годов / Вступ. ст. Г. А. Бялого.— М., Л., 1964; Стихотворения / Вступ. ст. Г. Цурикова.— М.; Л., 1962.

Лит.: Брюсов В. Я. К. М. Фофанов // Собр. соч.: В 6 т.— М., 1975.— Т. 6; Венгеров С. А. Очерки по истории русской литературы.— Спб., 1907.— С. 139—143; Гриневич П. Ф. (П. Ф. Якубович). Очерки русской поэзии.— Спб., 1911.— С. 300—308. *Е. В. Иванова*

Х

ХВОСТОВ, Дмитрий Иванович [19(31).VII.1757, Петербург — 22.X(3.XI).1835, там же] — поэт, переводчик. Потомок старинного дворянского рода, известного в России с XIII в. Получил хорошее образование — вначале дома, затем в частном пансионе и Московском университете.

С 1772 г. Х. служил в лейб-гвардии Преображенском полку, но, как позднее писал сам, «редко садился на коня, кроме Пегаса» (Русская старина.— 1892.— № 6.— С. 573). В 1779 г. перешел на гражданскую службу, с 1782 г. служил при генерал-прокуроре кн. А. А. Вяземском, для которого перевел «Трактат о финансах» французского министра финансов Ж. Неккера.

В 1789 г. Х. женился на княжне А. И. Горчаковой — племяннице А. В. Суворова, по ходатайству которого стал подполковником Черниговского пехотного полка с повелением «состоять при Суворове». «Сему великому мужу обязан я счастьем моим,— писал Х. впоследствии.— Могу хвалиться не только чинами и отличиями, кои приобрел, может быть, не столько по заслугам моим, сколько по его благоволению. Он принял меня в особливую милость свою и удостоил неограниченную доверенность. Нет тайны, которой бы он мне не вверял» (Русская старина.— 1892.— № 6.— С. 573).

Х. был одним из близких друзей Суворова. Сохранилось около 90 писем полководца, адресованных Х. (см.: Суворов А. В. Письма.— М., 1986). В доме Х. в Петербурге жили сестра Суворова и до замужества — его дочь. В 1799 г. по просьбе полководца король Сардинии пожаловал Х. титул графа. В доме Х. прошли последние дни Суворова.

В 1797 г. Х. был назначен обер-прокурором Сената, в 1799 г. — обер-прокурором Синода. В 1807 г. он стал сенатором, в 1818 г. — членом Государственного совета. Уделял много внимания служебным обязанностям, пользовался репутацией неподкупного сановника. Вышел в отставку в 1831 г. в чине действительного тайного советника.

С детских лет Х. окружала литературная атмосфера. В доме его родителей бывали А. П. Сумароков, В. И. Майков, А. Г. Карин, бывшие в родстве с Хвостовыми. Примерно в 19 лет Х. стал сочинять стихи. В печати выступил впервые в 1777 г. с комедией «Легковерный», поставленной тогда же на сцене придворного театра. На всем протяжении литературной деятельности Х. был убежденным и последовательным сторонником классицизма. Литературные вкусы диктовали выбор произведений для перевода: трагедия «Андромаха» Ж. Расина (1794), «Поэтическое искусство» Н. Буало под названием «Наука о стихотворстве» (1808). Эти переводы Х. неоднократно переиздавались. В 1791 г. он был избран членом Российской Академии. С возникновением «Беседы любителей русского слова» (1811) он становится одним из деятельных ее участников.

Страстно и бескорыстно влюбленный в поэзию, отдавший ей шесть десятилетий своей жизни, Х. приобрел печальную славу бесталанного стихотворца. Согласно преданию, Суворов на смертном одре упрашивал его не писать более стихов, поскольку сочинительство лишь компрометирова-

ло имя Х. Своего рода жизненное кредо Х. передано в строке: «Люблю писать стихи и отдавать в печать» (из послания к И. И. Дмитриеву, 1810), ставшей позднее эпиграфом ко второму тому собрания его сочинений (1817—1818). Непокоримым убежденным, что обладает поэтическим талантом, Х. писал почти во всех жанрах: оды, послания, сатиры, басни, эпиграммы, элегии, мадригалы, эпитафии. Его произведения неоригинальны и страдают многословием, злоупотреблением аллюзиями, риторическими приемами, шаблонностью образов, тяжеловесностью слога (множество инверсий и пр.) и стиха. В концентрированном виде заключающиеся в себе классицистические штампы, стихотворения Х. стали, можно сказать, идеальной мишенью для пародистов.

Так как издатели избегали печатать сочинения Х., он издавал их на свой счет (в виде отдельных брошюр, в составе сборников). Трижды выпускал Х. собрание своих сочинений, скупая перед этим все нераспроданные экземпляры предыдущего издания. Он щедро дарил свои сочинения русским и европейским университетам, академиям, гимназиям, кадетским корпусам, знаменитым писателям, ученым, государственным деятелям и др. Направляясь из Петербурга в свое имение в Новгородской губ., Х. оставлял свои сочинения на каждой почтовой станции, чтобы их могли читать проезжающие.

Поистине роковую роль в литературной репутации Х. сыграла его книга «Избранные притчи из лучших сочинителей российскими стихами» (1802). По воле автора с персонажами притч происходили самые невероятные превращения: попавший в сеть голубь разгрызал ее зубами («Два голубя»); осел взбирался на рябину («Осел и рябина»); ворона роняла сыр из пасти («Ворона и сыр»). Подобные превращения Х. объяснял в примечаниях не менее курьезных, чем сами притчи: «Многие критиковали слово *пасть*, свойственное только зверям, а не птицам. Автор знает, что у птиц рот называется *клювом*; несмотря на то, он заменил сие речение употребляемым в переносном смысле, ибо говорится и о человеке: «Он разинул пасть» (Словарь Российской Академии)». Притчи Х. становятся объектом неизменных насмешек участников литературного общества «Арзамас». «Эта книга была нашею настольною и потешною книгою в «Арзамасе», — вспоминал П. А. Вяземский (Русский архив.— 1866.— № 3.— С. 484). Свою речь при вступлении в «Арзамас» В. А. Жуковский посвятил Х. и персонажам его притч («Арзамас» и арзамасские протоколы.— Л., 1933.— С. 107—109).

Х. становится героем многочисленных эпиграмм, их писали И. И. Дмитриев, Жуковский, Вяземский, А. А. Дельвиг, А. Ф. Воейков, Н. М. Языков, А. Е. Измайлов, в которых он именуется «Хлыстов», «Свистов», «Графов», «Рифмин», «Рифмодей» и пр. В сатире К. Н. Батюш-

кова «Певец в Беседе любителей русского слова», представляющей собой «перепев» «Певца во стане русских воинов» Жуковского, образ Х. пародийно соответствует образу знаменитого казачьего атамана М. И. Платова: «Хвала, читателей тиран, / Хвостов неистощимый! / Стихи твои — наш барабан, / Для слуха нестерпимый».

А. С. Пушкин в «Оде его сиятельству графу Дм. Ив. Хвостову» пародирует его высокопарные оды, в частности пристрасти к многочисленным примечаниям (порой превышающим по объему стихотворный текст). Посвященная Х., пародия одновременно предостерегала от увлечения архаизмами, аллегориями и прочими приметами одического стиля В. К. Кюхельбекера, К. Ф. Рылеeva и др. Внимание Пушкина привлекает также пространное, насыщенное мифологическими аллегориями стихотворение Х. «Послание к NN. О наводнении Петрополя, бывшем 1824 года 7 ноября» («Невский альманах на 1825 год»); об этом сочинении Пушкин иронически упоминает в поэме «Медный всадник»: «Граф Хвостов, / Поэт, любимый небесами, / Уж пел бессмертными стихами / Несчастье невских берегов».

Незлопамятный и добродушный, Х. сточически переносил насмешки. Отдавая должное его преданности литературе, Н. М. Карамзин писал в 1824 г. И. И. Дмитриеву: «Я смотрю с умилением на графа Хвостова... за его постоянную любовь к стихотворству... Вот любовь, достойная таланта! Он заслуживает иметь его, если и не имеет» (Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву.— Спб., 1865.— С. 379).

Много сил и внимания уделил Х. составлению биографического словаря русских писателей, собирая для него материалы, однако не успев завершить начатую работу.

Х. вошел в историю литературы прежде всего как герой многочисленных пародий, как, по выражению Ю. Н. Тынянова, «пародическая личность» (Тынянов Ю. Н. О пародии.— С. 303—307). К. Н. Батюшков писал, что он «своим беславием славен будет в позднейшем потомстве» (Батюшков К. Н. Соч.— Спб., 1887.— Т. 3.— С. 215).

Соч.: Полн. собр. стихотворений графа Хвостова: В 7 т.— 3-е изд.— Спб., 1828—1834; Поэты 1790—1810 годов.— Л., 1971.— С. 424—446; «Издревле сладостный союз». Антология поэзии пушкинской поры.— М., 1984.— Кн. II.— С. 140—150. Лит.: Колбасин Е. Певец Кубры, или Граф Д. И. Хвостов // Время.— 1862.— № 6.— Отд. I.— С. 139—181; Морозов П. О. Граф Д. И. Хвостов // Русская старина.— 1892.— № 6—8; Орлов В. Н. Граф Хвостов // Эпиграмма и сатира.— М.; Л., 1931.— Т. I.— С. 153—159; Запавов А. В. Пушкин и Хвостов.— И. Хвостов и его «Записки» // Литературный архив.— М.; Л., 1938.— Т. I.— С. 265—270, 359—364; Тынянов Ю. Н. О пародии // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино.— М., 1977.— С. 303—307.

А. В. Корнеев

ХВОЩИНСКАЯ (в замужестве *Зайончковская*), Надежда Дмитриевна, псевдоним — *В. Крестовский* [20.V(1.VI).1824, Пронский у. Рязанской

губ.— 8(20).VI.1889, Петергоф] — прозаик, критик. Родилась в имении своего отца в Рязанской губ. Отец Х., в прошлом офицер, служил в одном из гражданских ведомств. Вскоре после рождения дочери был несправедливо обвинен в растрате казенных денег, лишился места. Семья переселилась в Рязань. Здесь Х. почти безвыездно прожила до 1884 г., когда переехала в Петербург.

Получила домашнее воспитание, посещала занятия в частном пансионе. Была художественно одаренной натурой, рисовала, рано проявила литературные наклонности. В детстве вместе с братом и сестрами (впоследствии две ее сестры — Софья и Прасковья — также стали писательницами, первая печаталась под псевдонимом *И. Веселыев*, вторая — *С. Зимарова*) сочиняла исторические романы, составляла журнал «Звездочка». Увлекалась В. Шекспиром, Ф. Шиллером, А. Данте, но особенно — В. Гюго. Русскую литературу знала меньше.

Жизнь Х. сложилась нелегко, на ее долю выпало немало невзгод и испытаний: материальная нужда, ранняя смерть отца, а затем и самого близкого ей человека — сестры Софьи. В 1865 г. она выходит замуж за сыльного врача И. И. Зайонковского, в 1872 г. он после длительной болезни умирает. Тяготила ее и атмосфера провинциальной жизни. Единственным прибежищем для талантливой, ищущей личности становится творчество. До конца своих дней Х. продолжала работать, очень серьезно и ответственно относясь к писательскому труду. Дебютировала Х. стихами, в которых высказалась тоска одинокой души в однообразии и скуке провинциального существования. С 1847 г. она стала печататься в «Литературной газете», журнале «Отечественные записки» и др. изданиях. На выход ее первой книги — повести в стихах «Деревенский случай» (1853) откликнулся Н. А. Некрасов. Отметив в повести «верно и тонко выраженные мысли», он в целом не увидел у автора «собственно поэтического таланта». Считая, что Х. «пошла по ложной дороге», он советовал ей обратиться к прозе (Некрасов Н. А. Собр. соч. — Т. 9. — С. 671—673).

Первое прозаическое произведение Х. — повесть «Анна Михайловна» появилась в 1850 г. в журнале «Отечественные записки» под псевдонимом *В. Крестовский*. По свидетельству современницы, писательница взяла фамилию первого встретившегося ей на улице мальчика (Щебриков а М. К. — С. 1—40). Позднее, когда стало известным имя романиста Вс. В. Крестовского, Х. выступала в печати как «В. Крестовский-псевдоним».

Излюбленные герои ранних романов и повестей Х. — молодые люди, судьбы которых складываются драматично на фоне общего застоя, бездушия и бездуховности провинциального быта. Это бессильные неокрепших душ перед миром стяжа-

тельства, пошлости, лжи, самодовольного скудоумия нашло у Х. столь искреннее воплощение, что позволило А. А. Григорьеву заметить о произведениях Крестовского: «...не рассудочным отрицанием, но болезненными опытами сердца добыты мысли, лежащие в основе его повестей» (Моквитянин. — 1855. — № 15—16. — Кн. 1—2. — С. 204).

Быстро выявился круг преимущественного внимания и интересов писательницы — семейно-бытовые и любовные отношения. Трилогия «Провинция в старые годы» («Свободное время», «Кто же остался доволен», «Последнее действие комедии»), 1850—1856, романы «Деревенская история» (1855), «Баритон» (1857) и др. повествуют о неумолимости процесса внутреннего разложения провинциальной дворянско-помещичьей семьи, о разрушении патриархальных традиций, живности семейной морали.

Наиболее глубоко тема эта решена в повести «Братец» (1858). В основе ее противостояние двух неравных сил живущая в глухом захолустье семья (ослепленная любовью к сыну мать, угасающие в одиночестве сестры) и «братец», преуспевающий столичный чиновник Сергей Андреевич Чиркин. Писательница точно рисует портрет безжалостного и равнодушного дельца. Повесть получила признание критики, высоко оценил ее Д. И. Писарев, особо отметив тонкий психологизм и художественное мастерство (Писарев Д. И. Собр. соч. Т. 1. С. 26).

60—70 гг. нашли своеобразное преломление в творчестве Х., привнеся новые идеи и образы. Как и для многих ее современников, одной из важнейших становится для писательницы проблема освобождения женщины. Героини повести «Пансионерка» (1861), романа «Большая Медведица» (1871) — уже не просто выразительницы пассивного протеста: стремясь к деятельной жизни, они отваживаются на разрыв со своей средой. «Работа, знание и свобода» — их девиз. Х. настойчиво утверждает благотворность и спасительную силу самостоятельного труда для воспитания молодого поколения. Целые натуры, внутренне готовые к самопожертвованию ради блага других, героини Х. во многом близки тургеневским женщинам.

Решение больших вопросов времени, в т. ч. и женской эмансипации, Х. видела в изменении состояния общества в целом, пути же достижения этой цели оставались ей неясны, и оттого большинство ее повестей и романов окрашено в грустные тона.

Писательница призналась, что не умеет писать о том, чего не видела и не знает (Щебрикова М. К. — С. 13). Стремясь к достоверности, Х. тщательно, до малейших деталей, обдумывала замысел: составляла хронологические таблицы с датами рождения героев, чертила планы домов и т. д. (Винницкая А. А. Воспоминания о Н. Д. Хвошинской // Исторический вестник. — 1890. — № 1—3. — С. 149). Скрупулез-

ность и строгость в изображении внешней стороны событий сочетались у нее с ярко выраженной субъективностью в понимании внутренней сути явлений. Отсюда — лиризм и эмоциональность ее прозы.

Духовно сформировавшись в 50 гг., Х. на эпоху 60-х смотрела все же несколько со стороны, потому действие большинства ее произведений происходит в обстановке дореформенной России. Это отмечалось многими критиками, в т. ч. Н. К. Михайловским, Н. В. Шелгуновым, А. М. Скабичевским, который именно «отстаиваем от времени» объяснял факт падения популярности Х. в 60 гг., а также невнимание к ней со стороны революционно-демократической критики (Скабичевский А. М. Соч. — Т. 1. — С. 655–656).

В 1869 г. появляется повесть Х. «Первая борьба», которая вновь вызывает интерес к ее творчеству. Построенная в форме рассказа героя о своей жизни, повесть по сути есть саморазоблачение человека «новой формации», уютно чувствующего себя в атмосфере пореформенной поры и с иронией относящегося к идеалам поколения шестидесятников. О социальной значимости и злободневности повести писали П. Н. Ткачев и Михайловский. Последний признал, что это «вообще лучшее произведение писательницы» и «одно из выдающихся во всей русской литературе» (Михайловский Н. К. Полн. собр. соч. Т. VI. С. 655).

Тема отношения к революционно-демократическим традициям доминирует в произведениях Х. 70–80 гг. В них проходят судьбы представителей разных поколений «отступников»: людей, сохранивших верность, но сломленных; тех, кто развивал идеи общественной борьбы. С болью пишет Х. об одиночестве «верных» в толпе «отступников», как старших, так и младших. «Были времена хуже — подлее не бывало!» — это выражение из ее рассказа «Счастливые люди» (1874) становится широко известно. Неслучайно его использует Некрасов в поэме «Современники» (Некрасов Н. А. Собр. соч. — Т. 3. — С. 91). К числу наиболее художественно зрелых сочинений Х. относится цикл «Альбом. Группы и портреты» (1879), где эта тема звучит особенно остро. Попытка дать образы недавних, т. е. народнической интеллигенции 70 гг., была сделана и в романе «Бьюе» (1878). Однако он остался незавершенным из-за вмешательства цензуры. Последствиям разгрома революционного народничества посвящен ряд рассказов 80 гг. (напр., «После потоп», 1881; «Вьюга», 1889).

Пережив несколько эпох исторического развития России, Х. сумела подробно и художественно достоверно зафиксировать различные состояния в жизни русской провинции. Отсюда обращение к ее произведениям крупнейших представителей прогрессивной русской критики, нередко находивших в них повод для постановки и осмысления самых насущных общественных вопросов.

Оценивая значение ее «большого и своеобразного литературного наследия», Михайловский подчеркнул и ее «высокое положение в литературе», блистающей именами Щедрина, Тургенева, Л. Толстого и др.: «Она не утонула в лучах этих звезд первой величины и в продолжение почти сорока лет светила своим собственным тихим и ровным светом, никогда себе не изменяя» (Михайловский Н. К. — С. 652).

Х. выступала и как критик (под псевдонимами *В. Поречников*, *Н. Воздвиженский*). В своих эстетических суждениях опиралась на идеи В. Белинского, которого считала духовным учителем. Публиковала в «Русских ведомостях», «Отечественных записках», «Живописном обозрении» статьи о русских писателях (И. А. Гончарове, А. К. Толстом, М. Е. Салтыкове-Щедрине и др.) и художниках (особенно ценила А. А. Иванова и И. Н. Крамского). Среди ее наиболее значительных критических работ «Провинциальные письма о нашей литературе» (1861).

Соч.: Романы и повести В. Крестовского. Собр. соч.: В 8 т. — Спб., 1859–1866; Повести В. Крестовского: В 4 т. — Спб., 1881; Крестовский В. Полн. собр. соч. — Спб., 1892; Повести и рассказы. — М., 1963; Повести и рассказы. — М., 1984; Свидание // Свидание. Проза русских писательниц 60–80-х годов XIX века. — М., 1987.

Лит.: Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем. — М., 1950. — Т. 9; Шелгунов Н. В. Женское бездушие (по поводу сочинений В. Крестовского-псевдоним) // Дело. — 1870. — № 9; Арсеньев К. А. Критические этюды по русской литературе. Пб., 1888. Т. 1; Семевский В. П. Д. Хвоицкая-Зайончковская (Крестовский-псевдоним) // Русская мысль. — 1890. — № 10–12; Церицкова М. К. Очерк жизни Н. Д. Хвоицкой-Зайончковской (В. Крестовского-псевдонима) // Мир божий. — 1897. — № 12; Скабичевский А. М. Сочинения. Пб., 1903. — Т. 1; Михайловский Н. К. Полн. собр. соч. — Пб., 1909–1913. — Т. 6. О. В. Николаева

ХЛЁБНИКОВ, Велимир (Виктор Владимирович) [28.X(9.XI).1885, Малодербетовский улус б. Астраханской губ. (ныне с. Малые Дербеты Калм. АССР) — 28.VI.1922, дер. Санталов б. Новгородской губ.] — поэт, ведущий теоретик футуризма. Родился в семье ученого-естественника, орнитолога и лесовода. С 1903 г. — студент Казанского, в 1908–1911 гг. — Петербургского университета (не окончил). В Петербурге посещал литературные «среды» в «башне» Вяч. Иванова и «Академии стиха» при журнале «Аполлон». С поздним символизмом Х. сближал интерес к философии, мифологии, русской истории, славянскому фольклору (славянским именем *Велимир* поэт был «наречен» именно в «башне»). Однако, несмотря на внешнее ученически-истовое следование «заветам символизма», Х. был внутренне чужд этому течению, равно как и нарождающемуся акмеизму. Расхождение основывалось на коренном различии взглядов на природу Слова (языка) и Времени. Символисты и акмеисты стремились выявить в отвлеченном слове закодированные «вечные сущности» и перемещали современность в контекст предшествую-

шей культуры, уводили настоящее к «первозданной ясности прошлого» («кларизм» Вяч. Иванова, «адаммизм» С. Городецкого и Н. Гумилева). Философско-эстетическая ориентация Х. была принципиально иной. Поэт отсчитывал начало своего творчества с необычайно мощного по социальному заряду 1905 г.: «Мы бросились в будущее... от 1905 года» (хотя некоторые свои литературные опыты он посылал М. Горькому еще в 1904 г.). Остро переживая позорное поражение на Востоке и удушение первой русской революции, напряженно размышляя над ходом истории, Х. предпринял утопическую попытку найти некие универсальные числовые законы Времени, так или иначе влияющие на судьбы России и всего человечества. Прошлое, настоящее и будущее в его утопической системе представлялись лишь фрагментами единого непрерывного Времени, эластичного и циклично повторяющегося в своем круговом развитии. Настоящее, являясь вместе с прошлым частью целокупного времени, получало таким образом возможность перемещения в «научно предсказуемое» будущее. Х. подходит к данному вопросу как ученый-исследователь, но, будучи поэтом по своей природной сути, он постигает Время сквозь мифопоэтическую призму и превращает предмет исследования в свою главную и пожизненную тему наряду с другим постоянным героем своей поэзии — Словом, языком. Слово в его философско-поэтической системе переставало быть только средством передачи культурной традиции в ее смысловых и эстетических значениях, а становилось собственно-значимой и самоценной чувственной данностью, вещью и, следовательно, частью пространства. Именно таким образом, через Время (прошлое, равно как и настоящее), зафиксированное Словом (овеществленным, материализованным) и превращенное в пространственный фрагмент, осуществлялось искомое философское единство «пространства-времени». Единство, допускающее возможность его переоформления в слове и, значит, поддающееся активному регулированию по воле речетворца. Создавалась внешне логически-ясная концепция преодоления физического времени как пространства за счет реставрации (в прошлом) и реконструкции (в настоящем и будущем) слов-вещей и пересоздания на этой основе всей застывшей в пространстве и времени системы узаконенных художественных форм и социальных институтов. Открывалась как бы единая «книга бытия», книга Природы — утопическая мечта Х., поэтическому воплощению которой он посвятил всю свою жизнь.

Искания Х. вполне согласовывались с общим путем устремленного в будущее футуризма, относившего смыслы, в противовес символистским, потусторонним отвлеченностям, к чувственным данностям. Это происходило и в живописи, также искавшей единство «пространства-времени» и насыщавшей пространственную изобразитель-

ность «четвертым измерением», т. е. временем. Не случайно поэтому после знакомства с В. Каменским, способствовавшим первой публикации поэта (Искушение грешника // Весна. — 1908. — № 10), и сближения с группой поэтов и художников (Д. и Н. Бурлюки, Е. Гуро, М. Матюшин) Х. становится «невидимой», но главной «осью вращения» футуризма.

В 1910 г. вышел совместный сборник группы футуристов — «будетлян» в придуманной Х. славянской огласке — «Садок судей». Позже к ним присоединились А. Крученых, Б. Лившиц и В. Маяковский. Другой сборник «будетлян» «Пощечина общественному вкусу» (1912) почти наполовину состоял из произведений Х.: поэма «И и Э», «Гонимый — кем, почему я знаю?..», знаменитые «экспериментальные» «Кузнечик» и «Бобэоби пелись губы...». На последней странице сборника была напечатана исчисленная поэтом таблица с датами великих исторических потрясений. Последней датой был 1917 г. (ср. с порожденным Х. пророчеством в поэме В. Маяковского «Облако в штанах»: «...в терновом венке революции грядет шестнадцатый год»). Подобные расчеты Х., называвший себя «художником числа вечной головы вселенной», проводил постоянно, проверяя свою теорию кругового Времени и стараясь «разумно обосновать право на провидение» (см. его кн.: «Учитель и ученик», 1912; «Битвы 1915—1917 гг. Новое учение о войне», 1915; «Время мера мира», 1916; «Доски судьбы», 1922; статья «Спор о первенстве» и «Закон поколений», 1914. Некоторые идеи Х. о «жизненных ритмах» подтверждаются современной хронобиологией).

В 10 гг. выходят книги Х. «Ряв!», «Творения 1906—1908», «Изборник стихов. 1907—1914», получают развитие разработанные им ранее «первобытные» славяно-языческие утопии: «Змей поезда», 1910; «Лесная дева», 1911; «И и Э», 1912; «Шаман и Венера», «Вила и леший», 1912; «Дети Выдры», 1913; «Труба марсиан», 1916; «Лебедня будущего», 1918. В них поэтически формулировалась мечта Х. о всесветном единении «творян» и «изобретателей» (их антиподы — «дворяне» и «приобретатели») в лоне единой и всевременной матери-Природы, одухотворенной человеческим трудом. Х. предлагал: «Исчислить каждый труд ударами сердца — денежной единицей будущего, коей равно богат каждый живущий» (V, 157). (Раскрытие важной для Х. темы труда см.: «Мы, Труд, Первый и прочее и прочая...», «Ладомир» и др.) Верховным представителем «творян», по мысли Х., является поэт, а искусство становится проектом жизни (идея жизнестроительного искусства). Поэтические утопии и жизненное поведение странствия Х. по России как выражение особого «внебытового» существования творца.

К 1917 г. понимание искусства как программы жизни трансформируется в обобщенно анар-

хическую утопию о мессианской роли поэтов — тайновидцев и пророков, которые вместе с другими деятелями культуры должны создать международное общество Председателей Земного Шара из 317 членов (317 — одно из выведенных Х. «магических» чисел Времени). «Председатели» призваны осуществлять программу мировой гармонии в «надгосударстве звезды» («Воззвание Председателей Земного Шара», 1917).

Одновременно с созданием «первобытных» и космо-мифологических утопий Х. выступает и как мятежный автор антибуржуазных и антитехнократических гротескных пророчеств о «бунте вещей», который, по мнению поэта, неизбежен в урбанизированном будущем, если его распорядителем станет сообщество «приобретателей» и «дворян» (поэма «Журавль», 1909; пьеса «Маркиза Дзезес», 1909—1911, и др.).

В годы первой мировой войны социальная активность Х. значительно возросла, отчетливо выявился его интерес к теме современности (в 1916—1917 гг. поэт служил рядовым в армии). Эта тенденция усилилась в годы революции и гражданской войны. Х., смыкаясь в гуманистическом пафосе с Маяковским, не приемлет империалистическую бойню (поэмы «Война в мышеловке», 1915—1922; «Берег невольников», 1921), но в дерзком восстании «колондиков земли» он, подобно А. Блоку, видит справедливость исторического возмездия и по-славянски былинный размах переустройства Вселенной на новых научно-трудовых человеческих основах («Каменная баба», 1919; «Ночь в окопе», «Ладомир», 1920; «Ночь перед Советами», «Настоящее», «Ночной обсык», «Малиновая шашка», 1921). Х. активно сотрудничает с Советской властью, работает в бакинском и пятигорском отделениях РОСТА, во многих газетах, в Политпросвете Волжско-Каспийской флотилии.

Однако и в эти годы поэт остается утопистом-мечтателем. Главную силу, способную преодолеть «земной хаос» и объединить «творян» всего мира, Х. по-прежнему видел (наряду с овладением «числовыми» законами Времени) в заново созданном, изобретенном им «звездном» языке, пригодном для всей «звезды»-Земли. Именно этим, а не только однозначно нигилистическим эпатажем футуристов, отвергавших весь комплекс культуры прошлого (в т. ч. и язык), объясняются обширные поэтико-лингвистические эксперименты Х., сопутствующие всему его творчеству и казавшиеся многим современникам единственной самоцелью и сущностью хлебниковской поэзии. Х. предпринял реформу поэтического языка во всем его объеме. Звук в его поэтической системе несет в себе самоочное значение, способное насытить произведения художественным смыслом (см. статью «Наша основа», 1919). Истоки смыслоносущих фонем Х. находил в народных заклинаньях и заговорах (см. поэму «Ночь в Галиции», 1913), бывших, по определе-

нию поэта, «как бы заумным языком в народном слове» (V, 225), — отсюда термин «заумь», «заумный язык». Слова, разложённые на «первоначальные» фонетические значения, Х. собирает на основе созвучий заново, стремясь сформировать гнезда неологизмов одного корня (этот процесс он называл сначала «сопряжением» корней, а позднее — «скорнением»). По такой методике строились «экспериментальные» произведения: «Заклятие смехом», «Любох» и др. Эксперимент распространялся и на синтаксис (вплоть до отказа от знаков препинания), порождая особую ассоциативную структуру стиха на внешней основе примитивистской техники и подчеркнутого инфантилизма поэтики: раешник, лубок, анахронизм, «графоманство» и т. п. «Ребенок и дикарь», — писал Ю. Тынянов о Х., — были новым поэтическим лицом, вдруг смешавшим твердые «нормы» метра и слова» (Вступ. ст., I, 23). Антиэстетическое «дикарство» и «инфантилизм» Х. действительно были формой футуристического эпатажа по отношению к застывшему в общепринятых «нормах» старому буржуазному миру. Однако целостная суть поэтико-лингвистических экспериментов была шире и включала в себя не только разрушающий, но и созидательный пафос. С уходом в послеоктябрьском творчестве Х. нигилистического начала поэт отказывается от многих крайностей своих экспериментов в сфере «заумной» поэтики. В то же время он продолжает поиски методов обновления жанровой структуры лирики, эпоса и драмы на пути создания единого «синтетического» жанрообразования. Сюда следует отнести неудачные хлебниковские попытки создания «сверхпоэзий» («Царапина по небу», 1920; «Зангези», 1922), замысленных как своеобразная «книга судеб», содержащая универсальные ключи к овладению «новыми» знаниями и законами жизнетворчества.

Оставаясь в русле утопических идеалистических концепций, Х. в условиях нового времени объективно не мог объединить вокруг своего философско-поэтического учения продолжительно действующее художественное направление. Однако его художественный вклад в теорию и практику советской поэзии чрезвычайно значителен (словотворчество и рифмотворчество, разработка интонационного стиха, многоголосие ритмов, философская проблематика, гуманистический пафос, жанровые новообразования и др.). Маяковский, считавший стихи Х. образцом «инженерной», «изобретательской» поэзии, понимал «только семерым товарищам-футуристам», говорил, однако, что стихи эти «заряжали многочисленных поэтов». Действие хлебниковского «заряда», в силовое поле которого попали Маяковский, Н. Асеев, Б. Пастернак, О. Мандельштам, М. Цветаева, Н. Заболоцкий и мн. др., распространяется и на современную советскую поэзию (В. Высоцкий, А. Вознесенский, Е. Евтушенко, представители т. н. «рок-поэзии» и др.).

Соч.: Стихи.— М., 1923; Собр. произв. Велимира Хлебникова: В 5 т.— Л., 1928—1933; Избр. стихотв.— М., 1936; Стихотворения.— Л., 1940; Стихотворения и поэмы.— Л., 1960; Стихотворения. Поэмы. Драмы. Проза.— М., 1986; Творения.— М., 1986.
Лит.: Степанов Н. Велимир Хлебников: Жизнь и творчество.— М., 1975; Григорьев В. П. Грамматика индивидуальности: В. Хлебников.— М., 1983. С. Н. Тяпков

ХМЕЛЬНИЦКИЙ, Николай Иванович [11 (22). VIII.1789 (по другим данным — 1791), Петербург — 8 (20). IX.1845, там же] — драматург. Сын писателя Ивана Парфеновича Х. Первоначальное образование получил под руководством дяди, писателя Н. Ф. Эмина. Окончил Горный кадетский корпус (1804), затем служил в Коллегии иностранных дел. Уже в 1806 г. Х. перевел трагедию П.-Л. Беллуа «Зельмира», поставленную в 1814 г. Во время Отечественной войны 1812 г. был некоторое время адъютантом М. И. Кутузова, участвовал в кампаниях 1813—1814 гг., дошел до Парижа. В чине статского советника стал правителем канцелярии петербургского военного генерал-губернатора гр. Милорадовича. В те же годы Х. становится известным драматургом. В 1824 г. он разработал и провел проект об обращении невостребованных сумм в капитал для призрения гражданских чиновников. В 1829 г. получил назначение губернатором в Смоленск и прервал свою писательскую карьеру. Как администратор Х. в своей деятельности стремился воплотить идеалы гуманизма и просветительства: либеральная позиция в конфликтах крестьян и помещиков, терпимость к раскольникам, поощрение благотворительности, учреждение Смоленской публичной библиотеки (Х. разослал письма виднейшим литераторам с просьбой прислать экземпляры их сочинений — см. в переписке А. С. Пушкина письмо Х. от 11.II.1831 г. и ответ ему Пушкина 6.III). Однако хозяйственные дела в губернии были запущены. В 1837 г. открылись большие растраты в строительстве Смоленско-Московской дороги. Х. сначала был переведен в Архангельск, а затем арестован и заключен в Петропавловскую крепость (1838—1839). В 1843 г., видимо, по расследованию был признан невиновным, но, по свидетельству лично знавшего его К. Бороздина, «стал неузнаваем» (Исторический вестник. — 1890. — Т. 39. — С. 238).

В 1844 г. Х. отправляется за границу («Что оставалось делать мне в Петербурге? Писать стихи и комедии в нынешнем вкусе как-то совестно...») — Соч. — Т. I. — С. 443). Но он все же написал несколько исторических комедий: «Царское слово, или Сватовство Румянцев», «Зиновий Богданович Хмельницкий, или Присоединение Малороссии», «Русский Фауст, или Брюсов кабинет», «Обер-кухмейстер Фельтен». Все они стали известны лишь после смерти Х., последние две появились на сцене, но не имели успеха. Х. был драматургом-дилетантом, как многие блестящие молодые люди той эпохи. Его аристократизм и галантность (даже и в период губернаторства)

отмечаются всеми современниками. До конца жизни особый интерес проявлял он к наследию европейского маньеризма и барокко (см. в «Письмах из-за границы» о посещении им Венской картинной галереи), к формам светской жизни. Остро чувствуя «светское общество», Х. ориентировался на него и его вкусы. При этом он писал пьесы непосредственно для постановки, мало заботясь об их издании. Показательно, что Х. ориентировался в своих переводах и переложках на второстепенных французских драматургов. В 1812 г. Х. начал сотрудничать в журнале «Санкт-Петербургский вестник», где появились его театральные рецензии. Успех к Х. пришел с постановкой «Говоруна» (Спб., 1817; перевод комедии Л. Буасси). Сократив пятиактную комедию до одного действия и наполнив ее «петербургскими» реалиями, Х. создал одну из самых изящных «салонных» комедий. С эстетикой салонной культуры была связана и переложка комедии Реньяра «Шалости влюбленных» (1817). Х. оказывается в центре театральной жизни Петербурга, сближается с Шаховским, Грибоедовым, пишет вместе с ними комедию «Своя семья, или Замужняя невеста» (Спб., 1818). Следующая «светская» комедия — «Воздушные замки» (Спб., 1818) — вольная переложка комедии Коллена д'Арлевиля. Она вводит в русскую литературу мотив сломавшейся коляски (использованный позже Пушкиным в «Графе Нулине» и еще раз самим Х. в опере-водевиле «Суженого конем не объедешь», 1822) и образ мечтателя. Переводная опера-водевиль «Бабушкины попугаи» (1819) связана с поэтикой парафразы и духом светской фривольности (попугаями называют мужчин). Перевод «Школы женщин» Мольера был выполнен по тем временам точно и явился определенной вехой в переводческой практике XIX в.; в 1826—1828 гг. Х. перевел еще и «Тартюфа», но этот перевод появился на сцене лишь в нач. 40 гг. «Нерешительный» (1820; переложка комедии Коллена д'Арлевиля) и оригинальные оперы-водевили «Карантин» (1820), «Актеры между собой, или Дебют актрисы Троепольской» (1821), «Новая шалость, или Театральное сражение» (1822) были, по мнению современников, самыми удачными попытками «русского водевиля» и противостояли тому варианту жанра, который предлагал Шаховской. Жанр «светской» комедии развивался Х. в оригинальных комедиях «Светский случай» (1826), где самоуверенный Столицин невольно устраивает счастье своей невесты и своего «скромного» соперника, и «Взаимные испытания» (1829; переложка комедии Н. Форжо). Во II половине 20 гг. Х. начал писать комедию из жизни провинциального чиновничества «Арзамасские гуси», связанную, видимо, с сюжетом о ревизоре. Интерес представляют прозаические наброски Х. «Мой мячик», раскрывающие его принципы подхода к слову: «...играю им как мячиком, бросаю его во все

стороны, во все фразы, перифразы и даже антифразы» (Соч.— Т. 2.). Своими комедиями, эстетизировавшими «светскость», Х. оказал заметное влияние на русскую драматургию и прозу 20—30 гг. Он играл значительную роль в культуре той эпохи, вызывая восхищение современников, в том числе Пушкина.

Соч.: Театр Николая Хмельницкого: В 2 т.— Спб., 1829—1830; Соч. // Полн. собр. соч. рус. авторов: В 3 т.— Спб., 1849; Стихотворная комедия конца XVIII—начала XIX в. / Вступ. ст. и примеч. М. О. Янковского.— М.; Л., 1964. Лит.: Добровольский Н. А. Н. И. Хмельницкий // Исторический вестник.— 1889.— Т. 38; Жихарев С. П. Записки современника.— М.; Л., 1955; Коробкина Н. И. Н. И. Хмельницкий // Ежегодник Императорских театров. Сезон 1895—1896 гг.— Спб., 1896.— Кн. I; История русского драматического театра: В 7 т.— М., 1977.— Т. 2—3.

К. Ю. Погос

ХОДАСЕВИЧ, Владислав Фелицианович [16 (28).V.1886, Москва — 14.VI.1939, Париж] — поэт. В отличие от большинства поэтов-современников Х. вошел в литературу спокойно — без программных деклараций, попыток заявить и обозначить новое, собственное направление либо примкнуть к одному из уже утвердившихся. Он не принадлежал ни к каким группам и школам, сторонился всяческих «измов», которыми изобиловала литературная жизнь России начала века. Его поэзия не вызвала полемики, не сразу попала в поле зрения критики, особенно в ту пору чуткой ко всякого рода «новизне». Однако последовательное стремление к классической ясности стиха, чистоте языка, точности в передаче мысли, совершенное отсутствие столь характерной для молодых литераторов боязни прослыть несовременным постепенно выдвинули имя Х. из потока новых поэтических имен и определили ему особое место в русской поэзии XX в.

Свое призвание Х. почувствовал очень рано и на удивление безошибочно. С детства литература стала для него самым интересным занятием, главным содержанием жизни. Первые стихи он сочинил шести лет от роду.

В 1904 г. Х. окончил гимназию и поступил — по примеру старшего брата, Михаила Фелициановича, — на юридический факультет Московского университета, но вскоре перешел на историко-филологический. В следующем году состоялся его дебют в печати. С этого времени Х. всецело посвятил себя поэзии, критике, истории литературы.

С 1905 по 1907 г. Х. опубликовал около двух десятков критико-библиографических заметок и пять стихотворных подборок. А в 1908 г. вышла первая книга его стихов — «Молодость». Несколько лет спустя Х. писал об одном из молодых поэтов: «В первой его книге внимательный читатель различит следы упорного труда, желанья во что бы то ни стало подчинить себе стих, заставить слова выразить именно то, что надо» (Альциона. — М., 1914. — Кн. 1. — С. 211). Это вполне приложимо и к первой, и ко второй (Счастли-

вый домик.— М., 1914) книгам самого Х. Оба их поэт считал юношескими, стихов из них в более поздних изданиях не помещал, не придавая никакого значения тому, что эти книги — особенно вторая — были сочувственно встречены и читателями, и критикой. Пушкинское: «Ты сам своей высший суд», — изначально было для Х. нормой творческого поведения.

Не знаящая поблажек строгость к себе, к собственной поэтической работе давала Х. моральное право в критике быть беспощадно требовательным ко всякому, кто имеет смелость и честь работать в литературе, давшей миру Пушкина и Державина, Толстого и Достоевского. Авторитет Х.-критика рос стремительно — и к середине 10 гг. с его мнением всерьез считались В. Брюсов и Ф. Сологуб, Андрей Белый и А. Блок, Вяч. Иванов и Н. Гумилев, не говоря о поэтах немногим младше Х., но относившихся как бы к следующему литературному поколению.

В 1914 г. появилась первая работа Х. о Пушкине («Первый шаг Пушкина» (1814—4-го июля — 1914) // Русские ведомости.— 4.VII), положившая начало почти четвертьвековой Пушкиниане Х., завершившейся книгой «О Пушкине» (Берлин, 1937). С некоторой долей условности здесь можно выделить три направления: биографическое («Аглая Давыдова и ее дочери», 1935; «Дуэльные истории», 1937, и др.), текстологическое («Петербургские повести Пушкина», 1915; «Русалка». Предположения и факты», 1924, и др.) и статьи-толкования, где Х. выступает как пристальный, «медленный» читатель Пушкина, раскрывающий смысл и содержание той или иной поэтической мысли в контексте всего пушкинского творчества («О чтении Пушкина», 1924; «Глуповатость поэзии», 1927, и др.). Отзвуком сорокалетней давности речей Тургенева и Достоевского на открытии памятника Пушкину в Москве (1880) прозвучало на Пушкинских днях 1921 г. в Петербурге — вместе с поэтическим завещанием Блока «О назначении поэта» — выступление Х. «Колеблемый треножник». «Как мы, так и наши потомки, — говорил он, — не перестанут ходить по земле, унаследованной от Пушкина, потому что с нее нам уйти некуда... Отодвинутый в «дым столетий», Пушкин восстанет там гигантским образом. Национальная гордость им выльется в несокрушимые, медные формы...» (Пушкин. Достоевский.— Пб., 1921.— С. 44).

Публикации в периодике, многочисленные публичные выступления Х. во второй половине 10 гг. подготовили эффект, вызванный появлением в 1920 г. третьей книги его стихов — «Путем зерна». Эта совсем тоненькая с виду книжка (всего 35 стихотворений) оказалась в глазах публики «томом премногих тяжелей», разом выдвинула автора в ряд наиболее значительных поэтов своего времени. Если прежде почти неизменно отмечалась некоторая «холодность»

стиха Х., то теперь отношение к его поэзии можно было бы выразить словами самого Х., сказанными некогда о Гумилеве: «Он уже не холоден, но лишь сдержан, и под этой сдержанностью угадывается крепкий поэтический темперамент» (Альциона.— М., 1914.— Кн. 1.— С. 205). Глубоко созвучие этих прозрачных и чеканных стихов с трагическими событиями эпохи никого не оставило равнодушным. «И ты, моя страна, и ты, ее народ, / Умрешь и оживешь, пройдя сквозь этот год, — / Затем, что мудрость нам единая дана: / Всему живущему идти путем зерна» (Собрание стихов.— Париж, 1927.— С. 9), — писал Х. в заглавном стихотворении книги, датированном 1917 г. И словно эхо пушкинского «упоения <...> бездны мрачной на краю», возникает под его пером: «Да, хорошо ты, время. Хорошо / Вдохнуть от твоего ужасного простора. / К чему таяться? Сердце человецье / Играет, как проснувшийся младенец, / Когда война, иль мор, или мятеж / Вдруг налетят и землю сотрясают; / Тут разверзаются, как небо, времена — / И человек душой неутоленной / Бросается в желанную пучину» («Дом», 1919—1920 // Собрание стихов.— С. 53—54).

Лирика Х. явственно автобиографична, перед нами как будто страницы дневника. А высокое мастерство поэта явлено тем, что оно невидимо читателю, прозрачно растворено в ткани стиха, написанного, кажется, без малейшего усилия и «следа работы»...

М. Горький назвал Х. лучшим поэтом «северного века». «Рембрантова правда наших дней» озаглавил свою статью о поэзии Х. А. Белый, особо отметивший «виртуозную скупость слов» в стихе Х. (Записки мечтателей.— 1922.— № 5.— С. 136—139).

Четвертая книга стихов Х. «Тяжелая лира» (1922) стала последней, изданной в России. Центральная ее тема — поиск внутренних, духовных опор, чтобы устоять, сохранить цельность, остаться человеком в роковых противоречиях времени. «В том честном подвиге, в том счастье песнопений, / Которому служу я каждый миг, / Учитель мой — твой чудотворный гений, / И поприще — волшебный твой язык. / И пред твоими слабыми сынами / Еще порой гордиться я могу, / Что сей язык, завещанный веками, / Любовней и ревнивней берегу...» — писал Х. (Собрание стихов.— С. 69). И в дальнейшем не раз возвращался к этой мысли, варьируя и углубляя ее.

В 1922 г. Х. уехал в Берлин. Годом позже перебрался в Прагу. Затем побывал в Италии, Франции, Англии, Ирландии. В октябре 1924 г. по приглашению М. Горького (с которым Х. связывали отношения и дружеские, и деловые, в частности, совместное редактирование в 1923—1925 г. журнала «Беседа») поселился у него в Сорренто, откуда в апреле 1925 г. перебрался в Париж — до конца жизни. Здесь в 1927 г.

он издал «Собрание стихов», куда, кроме «Путем зерна» и «Тяжелой лиры», вошел большой цикл «Европейская ночь», в стихах которого — предчувствие надвигающейся на мир катастрофы, предостережения об угрозах, несомых человеку урбанизацией, технизацией жизни, пронзительное чувство одиночества: «Да, меня не пантера прыжками / На парижский чердак загнала. / И Вергилия нет за плечами, — / Только есть одиночество в раме / Говорящего правду стекла» («Перед зеркалом», 1924 // Собрание стихов.— С. 58).

Парижский период жизни был тяжким для Х. — он с трудом сводил концы с концами, много болел, тем не менее работал очень напряженно и плодотворно. Стихов после 1926 г. Х. писал мало (и вообще его поэтическое наследие по объему, но вовсе не по весомости, пожалуй, скромнее, чем у любого другого значительного русского поэта XX в.). Он выпустил три книги историко-литературной и мемуарной прозы: «Державин. Биография» (Париж, 1931), «О Пушкине» и «Некрополь. Воспоминания» (Брюссель, 1939), и публиковал в газетах и журналах (преимущественно в газ. «Возрождение» и журн. «Современные записки») более четырехсот рецензий, статей, очерков о выдающихся писателях-современниках, с которыми свела его судьба (о М. Горьком, Блоке, Сологубе, Белом и др.), а также о литераторах куда менее заметных, но, по мнению Х., заслуживающих быть упомянутыми в истории русской литературы XX в.

Творческое наследие Х. по сию пору собрано далеко не полностью, в значительной мере рассеяно по многочисленным и подчас труднодоступным периодическим изданиям и архивам, серьезное его изучение, по существу, только только началось. Ключ к этому изучению дал сам Х., который, подводя итог прожитой в литературе жизни, сказал со спокойной достоинством: «Во мне конец, во мне начало. / Мной совершенное так мало! / Но все ж я прочное звено: / Мне это счастье дано...» (Собрание стихов. 1913—1939.— Мюнхен, 1961.— С. 180).

Соч.: Молодость. Первая книга стихов.— М., 1908; Счастливый домик. Вторая книга стихов.— М., 1914; Путем зерна. Третья книга стихов.— М., 1920; Статьи о русской поэзии.— Пб., 1922; Тяжелая лира. Четвертая книга стихов.— М., Пг., 1922; Собрание стихов.— Париж, 1927; О Пушкине. Берлин, 1937; Некрополь. Воспоминания.— Брюссель, 1939; Литературные статьи и воспоминания.— Нью-Йорк, 1954; Собрание стихов. 1913—1939.— Мюнхен, 1961; Державин Роман / Вступ. ст. А. Зорина // Нева.— 1988. № 6-8; Державин: Биография. М., 1988; Стихотворения.— Л., 1989; Лит.: Белый Андрей. Рембрантова правда наших дней // «Записки мечтателей». — 1922. — № 5. С. 136-139; Он же. Тяжелая лира и русская лирика // «Современные Записки». — 1923. — Кн. 15. — С. 371-388; Берберова Н. Памяти Ходасевича // «Современные Записки». — 1939. Кн. 69. — С. 256-261; Набоков В. (Сирий). О Ходасевиче // «Современные Записки». — 1939. — Кн. 69. — С. 262-264; Вейдле В. Ходасевич издал — вблизи // О поэтах и поэзии.— Париж, 1973.— С. 34—52; Берберова Н. Курсив мой // «Вопросы литературы». — 1988. — № 9-11. «Октябрь». — 1988. — № 10-12. В. Перельмутер

ХОМЯКОВ, Алексей Степанович [1(13).V.1804, Москва — 23.IX(5.X).1860, с. Ивановское, ныне Данковского р-на Липецкой обл.; похоронен в Москве] — поэт, философ, публицист. Родился в старинной дворянской семье, где получил блестящее домашнее образование (русскую словесность одно время преподавал ему А. А. Жандр, известный писатель и друг А. С. Грибоедова). В 1821 г. Х. держит при Московском университете экзамен на степень кандидата математических наук. Он сближается с бр. Веневитиновыми и входит в созданный ими кружок университетской молодежи, тяготеющей к немецкой идеалистической философии (кружок «любомудров»). В это же время у Х. возникают и литературные интересы: он пишет стихи, работает над исторической поэмой «Вадим», оставшейся незавершенной, переводит античных авторов (Вергилия, Горация и др.). В 1821 г. впервые выступил в печати, опубликовав в «Трудах Общества любителей российской словесности» перевод сочинения Тацита «О нравах и положении Германии».

В 1822 г. Х. определяется на военную службу в Астраханский кирасирский полк, через год переводится в конную гвардию в Петербург, где устанавливает знакомства с литераторами-декабристами и даже печатает в «Полярной звезде» К. Ф. Рылеева и А. А. Бестужева стихотворения «Бессмертие вождя» (1824) и «Желание покоя» (1825). Политические идеи декабризма оказались ему, однако, чуждыми. В 1825 г. он оставляет службу и уезжает за границу, где занимается живописью и пишет историческую драму «Ермак» (прочитана Х. по возвращении в Москву в доме Веневитиновых в 1826 г., поставлена на сцене в 1829 г., отд. изд. в 1832 г.). Х. принимает участие в русско-турецкой войне (1828—1829), после окончания которой выходит в отставку и занимается хозяйством в своих имениях. Литературная деятельность Х. в эти годы не прекращается. Он активно сотрудничает в «Московском вестнике», «Телескопе», «Московском наблюдателе» и др. журналах. Его стихи отметил в предисловии к «Путешествию в Арзрум» А. С. Пушкин (Полн. собр. соч. — М., 1957. — Т. VI. — С. 639). В 1832 г. Х. завершает историческую драму «Дмитрий Самозванец» (опубл. в 1833 г.), сочувственно встреченную критикой.

В конце 30 гг. политическая активность Х. падает. Он начинает выступать с пропагандой славянофильских идей, которые, впрочем, были заметны уже в некоторых ранних его стихотворениях («Орел», 1832; «Мечта», 1834, и др.). Основные положения славянофильской доктрины впервые были изложены Х. в статье «О старом и новом» (1839), не предназначавшейся для печати и прочитанной на одном из вечеров И. В. Киреевского. С тех пор в журнале «Москвитянин», «Московских сборниках», позднее в

«Русской беседе», а также в салонах А. П. Елагиной, Свербеевых и Аксаковых Х. с неутомимой энергией отстаивает свои взгляды и получает широкую известность как блестящий поемист и оратор. В эти годы он усиленно занимается самообразованием, изучает санскрит, греческий, еврейский и нек. др. языки. Круг его научных интересов расширяется. В 1838 г. он приступает к своему основному историческому сочинению — «Записка о всемирной истории» (ч. 1—2; опубл. в 1871—1873 гг.). Этот обширный труд, представляющий собой обзор всей мировой истории с точки зрения славянофильского учения, остался незаконченным. В нач. 50 гг. Х. все больше начинает интересоваться вопросами религии. В трех брошюрах, изданных за границей под общим названием «Несколько слов православного христианина о западных верованиях» (1853—1858), он выступает ярким защитником православия, в котором только и сохранился, по его мнению, истинный христианский дух. Публицистическая и научная деятельность Х., начавшаяся в 40 гг., наложила свой отпечаток и на его поэтическую практику, которая свелась в основном к пропаганде все тех же славянофильских идей. И когда в 1844 г. вышел первый и единственный его прижизненный сборник «24 стихотворения», В. Г. Белинский выступил с резкой рецензией, отметив у автора лишь способность «слагать громкие слова в фразистые стопы» (Полн. собр. соч. — М., 1955. — Т. VIII. — С. 473).

При несомненной цельности мировоззрения Х. его общественно-политические взгляды отличались известной противоречивостью. Сторонник самодержавной власти, он выступил за созыв Земского собора и проведение ряда либеральных реформ (свободное выражение общественного мнения, отмена смертной казни, учреждение открытого суда с участием присяжных заседателей и т. п.). Х. требовал уничтожения крепостного права, но в то же время предлагал сохранить основы дворянского землевладения. Исторические построения Х. были непосредственно связаны с его политической программой. Основываясь на учении Шеллинга о «народном духе», он развивал мысль о противоположности коренных начал России и Западной Европы. Русская община представлялась ему союзом людей, основанном на православии, на «внутреннем законе», т. е. взаимном согласии между государством и народом, отсутствию классового антагонизма и насильственной вражды. Западноевропейские государства, с их «кровавыми переворотами», т. е. революциями, основаны, по мнению Х., на «внешнем законе», т. е. на насилии, рационализме, подчинении церкви государству. С социально-политическими идеями были тесно связаны философские концепции Х. В своих сочинениях «По поводу отрывков, найденных в бумагах И. В. Киреевского» (1857),

«О современных явлениях в области философии» (1859) и «Второе философское письмо к Ю. Ф. Самарину» (1860) Х. писал о кризисе европейской философии, выросшей на основе рационалистических верований католицизма и протестантизма. Истинная философия, по мнению Х., может быть создана лишь на основе православия. Путь к постижению истины открывает не разум, а вера, в которой Х. усматривал силу развития всего человечества.

Основная проблема критики Х.— «восстановление наших частных умственных сил» путем оживления традиции, соединения с стародавнему и все-таки нам современному русскою жизнью» («О возможности русской художественной школы», 1847). Отмечая в современной ему литературе преобладание «отрицательного» отношения к действительности, Х. видел причину этого явления в отрыве литературы от народной почвы, в преклонении перед жизнью и культурой Западной Европы. Основоположителем «положительного» направления он считал С. Т. Аксакова. Х. отрицательно относился к теории «чистого искусства», характеризуя ее как «одностороннее явление германской эстетики».

Первые поэтические опыты Х. были выдержаны в романтическом стиле. Основная тема его ранней лирики, во многом близкой лирике Д. В. Веневитинова и С. П. Шевырева,— постижение поэтом внутреннего единства природы и духа, стремление к пантеистическому слиянию с миром («К заре», «Молодость», 1827; «Вдохновение», 1828; «Стансы», 1829, и др.). Одна из значительных тем ранней лирики Х.— тема о сущности и назначении поэзии. Поэт в стихах Х. выступает посредником между человеком и природой. Человек стремится понять «тайный глас природы» и слиться духом с мировой душой («Сон», 1826). Философская по своему содержанию, ранняя лирика Х. лишена гражданского, обличительного пафоса.

С 30 гг. в поэзии Х. начинают преобладать историко-публицистические мотивы, трактуемые в духе славянофильства. В ряде стихотворений он выступает за сближение славянских народов под эгидой русского самодержавия («Прощание с Адрианополем», 1830; «Орел», нач. 30 гг.; «Гордись!», 1839, и др.). В лирике Х. 30—40 гг. отразилась и оппозиционность славянофилов существующему строю, их критика цензурно-полицейского гнета. Он прославляет свободу слова и духа («Навуходоносор», 1849), обличает рабство и угнетение. В этом отношении особенно характерно его стихотворение «России» (1854), имевшее большой успех в прогрессивных кругах общества и распространявшееся в многочисленных списках. Х. стремился преодолеть стиховые каноны легкой, салонной поэзии. Его лирике, насыщенной философским содержанием, свойственна декламационная патетика, тяготеющая к архаическому словарю.

Соч.: 24 стихотворения.— М., 1844; Полн. собр. соч.: В 8 т.— М., 1900—1904; Стихотворения.— Прага, 1934; Стихотворения и драмы / Вступ. ст. Б. Ф. Егорова.— Л., 1969; О возможности русской художественной школы // Русская эстетика и критика 40—50-х годов XIX века.— М., 1982. Лит.: Белинский В. Г. Русская литература в 1844 году // Полн. собр. соч.— М., 1955.— Т. VIII.— С. 461—474. Он же. Совет «Москвитянину» // Там же.— Т. IX.— С. 306—307; Лясковский В. Н. А. С. Хомяков: Его биография и его учение.— М., 1897; Бердяев Н. А. А. С. Хомяков.— М., 1912; Языков Д. Д. А. С. Хомяков: Его жизнь и литературная деятельность.— М., 1904; Бухштаб Б. Я. Поэты сороковых годов // История русской литературы.— М.; Л., 1955.— Т. VII.— С. 682—687; Гукровский Г. А. Пушкин и проблемы реалистического стиля.— М., 1957.— С. 68—70; Маймин Е. А. Хомяков как поэт // Пушкинский сборник.— Псков, 1968.— С. 69—114; Кулешов В. И. Славянофилы и русская литература.— М., 1976; Литературные взгляды и творчество славянофилов.— М., 1978; Янковский Ю. Патриархально-дворянская утопия.— М., 1981; Кошелев В. А. Эстетические и литературные воззрения русских славянофилов (1840—1850-е годы).— Л., 1984. А. И. Баландин

Ц

ЦВЕТАЕВА, Марина Ивановна [26.IX (8.X).1892. Москва — 31.VIII.1941, Елабуга] — поэтесса. Родилась в семье профессора Московского университета Ивана Владимировича Цветаева, директора Румянцевского музея и основателя Музея изящных искусств (ныне Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина). Мать, Мария Александровна Мейн, одаренная пианистка, с детства привила дочери любовь к музыке. Болезнь матери была причиной поездок за границу, где Ц. продолжала образование в пансионах Лозанны и Фейбурга. Позже, в 1909 г. 16-тилетняя Ц. самостоятельно совершает поездку в Париж, где в Сорбонне слушает курс истории французской литературы. Летом 1910 г. вместе с отцом Марина и ее младшая сестра Ася едут в Германию. В Вайсер Хирш под Дрезденом они живут в семье пастора, в то время как Иван Владимирович работает в музеях Дрездена и Берлина, собирая материалы для будущего музея на Волхонке (Москва).

В октябре 1910 г. Ц., еще ученица гимназии, на собственные деньги отдает в печать свой первый сборник стихов «Вечерний альбом». Книга получила сочувственные отзывы М. Волошина (Утро России.— М., 1910.— № 323.— 11 дек.), В. Брюсова (Русская мысль — 1911.— № 2), Н. Гумилева (Аполлон — 1911.— № 5). В 1912 г. появляется вторая книга Ц.— «Волшебный фонарь», а затем в 1913 г.— избранное «Из двух книг», куда вошли лучшие стихотворения начинающей поэтессы.

Темы и образы двух первых книг Ц. объединяет «детскость» — условная ориентация на романтическое видение мира глазами ребенка. Это подчеркивает и название вымышленного издательства «Оле-Лукойе», по имени героя андерсеновской сказки, навевающего детям сказочные

сны. Детская влюбленность, непосредственность, бездумное любование жизнью по-новому преломляя мотивы Брюсова, Бальмонта, А. А. Блока, освобождая их от идеологических элементов символизма. Поэтический язык этих сборников универсален и включает традиционный набор символов литературы первого десятилетия XX в.

Импрессионистическая способность «закреплять текущий миг» и автобиографичность стихотворений придают им дневниковую направленность. Установку на прочтение «Вечернего альбома» как лирического дневника можно видеть в открывающем сборник посвящении «...памяти Марии Башкирцевой»: дневником этой русской художницы, рано умершей в Париже, зачитывалось поколение 900 гг. В предисловии к сборнику «Из двух книг» Ц. уже открыто декларирует дневниковость: «Все это было. Мои стихи — дневник, моя поэзия — поэзия собственных имен».

Композиционная структура первых книг Ц., их исповедальность целиком реализуют представление о символистском сборнике. Вся архитектура книг: название разделов, эпиграфы, служажая ключом к их содержанию, заголовки стихотворений — раскрывает последовательность этапов пути героини от безмятежного счастья детства к утрате изначальной цельности. В таком строении сборников угадывается один из традиционных мифов символистов — миф о потерянном рае.

Дружба с Эллисом (Л. Л. Кобылинским), поэтом и критиком журнала «Весы», во многом определила поэтические пристрастия молодой Ц. Его отношение к Брюсову как к метру символизма оказало воздействие и на раннюю лирику поэтессы. В «Вечернем альбоме» переключки с Брюсовым очевидны. Это мотивы встречи, экзотики, чародейства, городской тема, стихотворения, образцом для которых послужили брюсовские баллады. Как и многие начинавшие тогда поэты, Ц. училась у Брюсова мастерству владения стихом, инструментровке, композиции. В 1910 г. Ц. пишет небольшую статью «Волшебство в стихах Брюсова» (День поэзии. 1979.— Л., 1979.— С. 33—34), в которой пытается защитить поэта от упреков критики в рационализме и умственности его поэзии, в отсутствии музыкальности стиха. Позже, в очерке «Герой труда» (1925) Ц. делает парадоксальное признание: «В Брюсове я ухитрилась любить самое небрюсовское, то, чего он был так до дна, до дла лишен — песню, песенное начало».

В первых сборниках Ц. критика отметила «хорошую школу стиха», его музыкальность и изящество. Модная тогда напевная декламация отразилась в звукописи и синтаксисе стихотворений: приемы синтаксического параллелизма, лексические повторы, восклицания. В основе композиции большинства стихотворений лежат строфические повторы и кольцевое строение.

Знакомство с Максимилианом Волошиным в конце 1910 г. значительно расширяет круг литературных интересов Ц. Сказываются это и на стихотворениях «Волшебного фонаря». Они менее подражательны, хотя и продолжают избранную вначале тему «детскости». Однако во второй книге на фоне пристрастия поэтессы к поэтизации героического, обреченного проступает ироническое отношение к быту. Именно иронию как основное качество поэзии Ц. отмечает Михаил Кузмин, сопоставляя ахматовский «Вечер» и цветаевский «Волшебный фонарь».

Сдержанность, с которой критика приняла «Волшебный фонарь», заставляет Ц. серьезно задуматься над своей поэтической индивидуальностью. Появление книг таких разных поэтесс, как А. Ахматова, Л. Столица, Е. Кузьмина-Караваева, М. Шагинян и др., свидетельствовало о новой волне в русской поэзии — расцвете «женской» лирики. Поиск своего нового поэтического «я» отражает и поэзия Ц. 1913—1915 гг., объединенная в сборнике «Юношеские стихотворения» (не опубликован). Сохраняя дневниковую последовательность, характерную для первых книг, ее творчество «переходит» от условности к вполне жизненной откровенности. Именно здесь ощутима роль детали, бытовой подробности, которую Ц. декларировала еще в 1913 г. в предисловии к избранному «Из двух книг»: «Закрепляйте каждое мгновение, каждый жест, каждый вздох! Но не только жест — и форму руки, его кинувшей; не только вздох — и вырез губ, с которых он, легкий, слетел. Не презирайте внешнего!..»

Цветаевская героиня «Юношеских стихотворений» своевольна и изыщна. Ее дерзость сохраняет черты непосредственности и необузданности. Противоречивость ее натуры опирается на сознательный отказ от чопорности и серости повседневного мещанского быта.

Изменение сути поэтического образа повлекло и формальную перестройку стиха. Преображается цветаевское понимание «музыки стиха». Ощущая потребность логически выделить слово, Ц. использует шрифт и знак ударения. Функционально важным становится перенос, в употреблении которого виден эксперимент. Свободное обращение с паузой, графически выраженной тире, используется не только для усиления экспрессивности стиха, но и для семантического контраста, для создания особого интонационного жеста стихотворения.

Ц. печатается в «Альманахе муз», в журнале «Северные записки», выступает на поэтических вечерах. В 1916 г. «Северные записки» опубликовали ее перевод романа Анны Ноайль «Новое упование». События первой мировой войны вносят новый пафос в русскую поэзию. В лирике Ц., как и у многих поэтов, намечается новый этап. Предреволюционные годы в ее творчестве отмечены появлением русских фольклорных мо-

тивов, использованием традиций городского «жесточкого» романа, частушек, заклятий. В стихотворениях 1916 г., впоследствии вошедших в «Версты», обретают жизнь такие исконно цветавские темы, как Россия, поэзия, любовь.

Ни Февральскую, ни Октябрьскую революцию Ц. близко не восприняла. Постоянное сознательное отдаление себя от политики обратилось непониманием происходившего. Однако истинный голос поэта начинает звучать именно в этот период. Конец 10 — начало 20 гг. — время интенсивной творческой работы, оно сопряжено и с трудностями в личной жизни. Только в 1921 г. в издательстве «Костры» выходит книга стихов «Версты», а затем в 1922 г. в Государственном издательстве — «Версты. Стихи. Вып. 1», по воле случая изданный позже второй частью.

С увлечением Ц. пробует себя в драматургии. Для театра-студии МХТ ею написано 6 пьес: «Червонный валет» (1918), «Метель» (1918), «Фортуна» (1919), «Приключение» (1919), «Каменный ангел» (1919), «Феникс» (1919). В 1922 г. выходит одна из них — «Конец Казановы» («Феникс»). Отдельным изданием была напечатана в 1922 г. поэма-сказка «Царь-девица» (1920). В это же время создается поэма «На красном коне» (1921), фрагменты из поэмы «Егорушка» (1922).

В мае 1922 г. Ц. с 10-летней дочерью Алей уезжает за границу, сначала в Берлин, затем в Прагу, где ее муж, Сергей Яковлевич Эфрон, бывший белогвардейский офицер, после разрыва с белым движением стал студентом Пражского университета. Семья поселяется в предместьях Праги. Здесь рождаются и воплощаются замыслы новаторских поэм Ц.: «Поэмы горы» (1924) и «Поэмы конца» (1924).

В 1923 г. в Берлине, где обосновалось русское книгоиздательство «Геликон», выходит книга стихотворений Ц., написанных в последний год перед эмиграцией (апр. 1921 — апр. 1922 г.), «Ремесло», получившая высокую оценку критики.

В 1925 г. с рождением сына Георгия семья переезжает в Париж. Здесь Ц. завершает начатую еще в Чехии поэму «Крысолов», работает над поэмами «С моря» (1926), «Попытка комнаты» (1926), «Поэма лестницы» (1926), «Новогоднее» (1927), «Поэма воздуха» (1927), «Красный бычок» (1928), «Перекоп» (1929), «Автобус» (1934—1936), создает отдельные главы поэм «Сибирь» (1930) и «Певница» (1935). Из задуманной еще в 1923 г. драматической трилогии «Гнев Афродиты» Ц. осуществляет лишь две части: «Ариадна» (1924), напечатанная в 1927 г. под названием «Тезей», и «Федра» (1927).

Экспрессивность и философская глубина, психологизм и мифотворчество, трагедия разномыслия и острота одиночества становятся отличительными чертами поэзии Ц. этих лет. Большинство из созданного так и осталось неопуб-

ликованным. Последний прижизненный авторский сборник Ц. «После России» выходит в Париже весной 1928 г. В него вошли почти все стихотворения, написанные с лета 1922 по 1925 г. Эта книга Ц., хронологически продолжающая «Ремесло», по праву считается вершиной лирики поэтессы.

В первые годы эмиграции Ц. активно участвует в русской культурной жизни. Но год от года по разным причинам оказывается все в большей изоляции. Новаторство ее поэзии не получило должной оценки эмигрантской критики. Более охотно издатели брали ее прозу. Ц. публикует небольшие рассказы (как на русском, так и на французском языке), воспоминания о поэтах-современниках (Волошине, Брюсове, Бальмонте, Кузmine, Маяковском, Пастернаке), литературно-критические статьи.

В 1939 г. вслед за мужем и дочерью Ц. с сыном возвратилась в Советский Союз. Начавшаяся война, эвакуация забросили ее в Елабугу, где 31 авг. 1941 г. она покончила с собой.

В истории русской поэзии имя Ц. стоит рядом с именами таких поэтов, как Маяковский, Ахматова, Пастернак, Мандельштам. Ее произведения переведены на все европейские языки.

Соч.: Вечерний альбом. Стихи.— М., 1910; Волшебный фонарь. Вторая книга стихов.— М., 1912; Из двух книг. Стихотворения.— М., 1913; Версты. Стихи.— М., 1921; Версты. Стихи.— М., 1922.— Вып. 1; Царь-девица. Поэма-сказка.— М., 1922; Конец Казановы. Драматический этюд.— М., 1922; Стихи к Блоку.— Берлин, 1922; Разлука. Книга стихов.— М.; Берлин, 1922; Психея. Романтика. Берлин, 1923; Ремесло. Книга стихов.— М.; Берлин, 1923; Молодец Сказка.— Прага, 1924; После России. 1922—1925. Париж, 1928; Избранное / Предисл., сост. и подгот. текста В. Орлова.— М., 1961; Избр. проза. / Вступ. ст. В. Орлова; Подгот. текста и коммент. А. Эфрон и А. Саакянц.— М., 1965; Соч.: В 2 т. / Вступ. ст. В. Рождественского; Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц.— М., 1980; Письма к Тесковой. Прага, 1969; Повесть о Сонечке / Публ. и коммент. А. Саакянц // Новый мир.— 1976.— № 3.— С. 170—206; Письма Марины Цветаевой Максимилиану Волошину (1910—1912) / Публ., вступ. ст. и примеч. И. Кудровой // Новый мир.— 1977.— № 2.— С. 231—246; Повесть о Сонечке / Публ. и коммент. А. Саакянц // Новый мир.— 1979.— № 12.— С. 68—118; Мой Пушкин: Сб. / Вступ. ст. В. Орлова; Подгот. текста и коммент. А. Эфрон и А. Саакянц.— 3-е изд., доп.— М., 1981; Флорентийские ночи / Публ. и предисл. А. Саакянц // Новый мир.— 1985.— № 8.— С. 155—170; Дыхание лирики: Из переписки Р.-М. Рильке, М. Цветаевой и Б. Пастернака в 1926 году / Публ. и коммент. К. А. Азадовского, Е. В. Пастернак и Е. Б. Пастернака // Дружба народов.— 1987.— № 6.— С. 245—262; № 7.— С. 246—262; № 8.— С. 247—268. Лит.: Эфрон А. С. Самофракийская победа // Литературная Армения.— 1967.— № 8.— С. 80—84; Эфрон А. С. Страницы воспоминаний // Звезда.— 1973.— № 3; 1975.— № 5. Орлов В. Н. Марина Цветаева. Судьба. Характер. Поэзия // Орлов В. Н. Перепутья. Из истории русской поэзии XX века.— М., 1976.— С. 255—312; Кудрова И. В. Лирическая проза Марины Цветаевой // Звезда.— 1982.— № 10.— С. 172—183; Цветаева А. И. Воспоминания.— 3-е изд., доп.— М., 1983; Саакянц А. А. Марина Цветаева. Страницы жизни и творчества. 1910—1922.— М., 1986; Саакянц А. А. Тайный жар. Очерки о М. Цветаевой.— М., 1986; Кудрова И. В. Горький воздух чужбины // Север.— 1986.— № 1.— С. 99—107; Соколов А. Г. История русской литературы конца XIX — начала XX века.— М., 1984.— С. 315—318. Т. Л. Михеева

ЦЕБРИКОВА, Мария Константиновна, псевдонимы — *Н. Р.*, *М. Артемьева*, *М. К. Николаева* и др. [1835, Кронштадт -- 20.III(2.IV).1917, Крым] критик, публицист, прозаик, переводчик. Родилась в семье генерал-лейтенанта Константина Романовича Цебрикова, которому, по ее словам, «обязана своим нравственным закалом» (Русский человек. Из воспоминаний // Современник. — 1911. — № 7. — С. 152). Однако в формировании мировоззрения Ц. сказалось не столько влияние отца, сколько дяди — Николая Романовича Цебрикова, декабриста, корреспондента А. И. Герцена (с его именем связаны некоторые псевдонимы писательницы). В одной из автобиографий она писала: «Училась я самоучкой. Дядя-декабрист дал политическое образование» (Могилянский А. П. Новые данные о М. К. Цебриковой -- С. 104). Начало литературной деятельности Ц. относится к 1860 г., когда в «Русском вестнике» (№ 5--6) была напечатана под криптонимом *Н. Р.* ее повесть «Ошибка за ошибкой». Повести, рассказы, очерки, мемуары она публиковала и в дальнейшем: «Который лучше?» (Отечественные записки. — 1863. — № 8), «Записки гувернантки» (Спб., 1875), «Деревня в старину» (1891), «Мой отец» (М., 1911) и др., но предпочтение отдавала критике и публицистике.

С 1886 г. Ц. помещала педагогические статьи в журнале «Детский сад», который впоследствии сама же редактировала (под названием «Воспитание и обучение»); с 1868 г. — она деятельный сотрудник некрасовских «Отечественных записок», где печатаются ее переводы западноевропейских авторов, а также литературные портреты и критические этюды. Лучшие из них — «Наши бабушки» (по поводу женских характеров в романе «Война и мир») (1868. — № 6), «Псевдонимная героиня» (о романе И. А. Гончарова «Обрыв») (1870. — № 5), «Героини молодой Германии» (о романах Ф. Шпильгагена «Один в поле не воин», «Молот и наковальня») (1870. — № 6--8). Они напоминали читателям «тон покойного «Современника» и манеру Д. И. Писарева (Теплинский М. В. — С. 216). Ц. анализировала также творчество А. Ф. Писемского (Гуманный защитник женских прав. По поводу романа А. Ф. Писемского «Люди сороковых годов» // Отечественные записки. — 1870. — № 2, и др.), М. В. Авдеева (Из огня да в полымя // Вестник Европы. — 1871. — № 6), Ф. М. Решетникова (Летописец темного люда (Романы и повести и рассказы Ф. Решетникова) // Русские общественные вопросы. Сб. «Недели». — Пб., 1872), Н. Н. Златовратского (Народ в литературных эскизах. Повести и рассказы Златовратского // Дело. — 1882. — № 8), П. В. Засодимского (Беллетрист-народник. Собр. соч. П. Засодимского // Русская мысль. — 1896. — № 2), Н. Д. Хвощинской (Художник-психолог (Романы и повести В. Крестовского — псевдоним) // Образование —

1900. — № 1--2) и др. писателей. В своих литературно-критических статьях она решала не столько литературные, сколько публицистические задачи. Анализ произведений для нее зачастую лишь повод, чтобы высказать свое представление о задачах критики, новом герое, миссии писателя-гражданина. Ее она противопоставляла той, что отстаивали приверженцы «чистого искусства»: «Наше время — время борьбы; оно говорит: кто не за меня, тот против меня; оно требует от писателя служения жизни» (Отечественные записки. — 1870. — № 6. — С. 200). Так, анализ женских характеров в «Войне и мире» Л. Н. Толстого всецело подчинен мысли о замкнутости и односторонности жизни «наших бабушек», проходившей в основном в «мире гостиной и в мире семьи». «Внучки», от лица которых как бы выступает Ц., хотя жить иначе, чем «бабушки» и «матери»: «Мы рано из их собственной жизни поняли всю бедность этого наследства, все развращающее влияние вечной зависимости на женщину и создали наши права на то, чтобы жизнь наша была в наших руках, а не зависела от благосклонного взгляда мужчины или прихоти самодура, наши права на свое место в обществе, которое не он дает нам, а сами мы возьмем своими силами, на свою собственную жизнь, жизнь трудную и свободной деятельности, настоящую жизнь. Сильные этим сознанием, мы вступаем на новый путь» (Там же. — 1868. — № 6. — С. 192).

Будучи деятельной участницей женского движения, Ц. постоянно проводила идею равноправия женщин, ратуя за то, чтобы каждая из них могла стать «воспитательницей, которая даст нам граждан... и сама будет гражданкой, работающей по мере сил на пользу общества» (К вопросу о любви и ее морали. — Спб., 1884. — С. 46).

Очень скоро статьи Ц. привлекли к ней повышенное внимание охранительных ведомств. Один из агентов III отделения доносил в 1872 г.: «Цебрикова занимает влиятельное положение в среде молодежи как писательница в нигилистическом направлении» (Цит. по кн.: Теплинский М. В. — С. 215). С «нигилистами» ее связывали идейные и личные симпатии. В бытность в Швейцарии, где она в том же 1872 г. училась на медицинских курсах, Ц. познакомилась с некоторыми представителями революционной эмиграции и, согласно полицейским источникам, участвовала в создании русской библиотеки и женского социал.-демократического общества. Еще раньше она сблизилась с прогрессивным публицистом и социологом В. В. Берви-Флеровским, а через него — с членами петербургского народного кружка «чайковцев», которые в 1873 г. издали и в дальнейшем активно использовали в пропагандистских целях ее рассказ «Дедушка Егор».

Однако, примыкая к народникам по своей идеологии, Ц. никогда не одобряла насильственных методов их борьбы, в которой Россия,

по ее мнению, теряла лучшую и наиболее талантливую часть молодежи. В то же время она не могла оставаться пассивным свидетелем производства, особенно ошущимого в удушливой обстановке реакции 80 гг., и после безуспешных попыток организовать коллективный протест писателей решила сама «раскрыть глаза» царю на все происходящее. Написанное в 1889 г. резко обличительное «Письмо к императору Александру III», которое писательница считала своим главным произведением, представляет собой замечательный образец русской демократической публицистики. Предъявив адресату достаточно умеренные требования — встать на путь реформ и искоренения административного произвола, за что ее впоследствии критиковали в революционных кругах (см., напр.: Плеханов Г. В. Соч. — М.; П., 1923. — Т. 3. — С. 242—246), Ц. нарисовала при этом впечатляющую картину разного рода гонений и злоупотреблений, фактически обосновав неизбежность гибели царизма. Одновременно она подготовила статью «Каторга и ссылка», содержание которой составили «исповеди замученных душ» — письма политссыльных Сибири, переданные ей деятельницами подпольного Красного Креста.

И «Письмо», и статья были изданы тогда же за границей при непосредственном участии автора, она же по возвращении на родину вплоть до своего ареста (17 февр. 1890 г.) занималась их рассылкой. (Оба произведения получили широкий резонанс и позднее распространялись в России нелегально; легальные издания появились в 1906—1907 гг.) Высланная без суда в Вологодскую губ. (сначала в Яренск, а затем в Сольвечгодск), Ц. с достоинством перенесла выпавшие на ее долю испытания. В 1892 г. ей было разрешено переселиться под надзор полиции в Краснинский у. Смоленской губ., в усадьбу Воробьево, принадлежавшую прогрессивной издательнице О. Н. Поповой, где она продолжала заниматься литературной деятельностью, публикуя свои произведения под различными псевдонимами. С 1906 г. Ц. жила в Смоленске, а последние несколько лет, по совету врачей, провела в Крыму, у двоюродного брата Н. Н. Титушкина, жившего в Корезе. Здесь незадолго до смерти до нее дошла весть о свержении самодержавия.

Ц. не принадлежала к главным литературным силам эпохи и сама называла себя «рядовой работницей», но ее творческая деятельность неизменно вызывала уважение современников, в сознании которых она утвердилась как первая русская женщина — критик и публицист, автор смелого протеста против деспотизма и своеволия, до конца оставшаяся верной своим убеждениям.

Соч.: Детские рассказы. — Спб., 1875; Мысль и труд. — Спб., 1883; Записки бабушки. — Спб., 1902; Письмо к Александру III. С приложением написанных для настоящего изд. воспоминаний автора. — Спб., 1906; Каторга и ссылка. — Спб., 1907; М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке / Под

ред. М. К. Лемке. — Спб., 1913. — Т. V. — С. 150—159; Который лучше? Охотничьи очерки // Свидание. Проза русских писательниц 60—80-х годов XIX века / Сост., вступ. ст., примеч. В. Ученовой. — М., 1987. — С. 235—280.

Лит.: Мануйлов В. А. М. К. Цебрикова и ее воспоминания // Звезда. — 1935. — № 6. — С. 176—189; Теллинский и М. В. «Отчетственные записки», 1868—1884. — Южно-Сахалинск, 1966. — С. 214—227; Могилянск А. П. Новые данные о М. К. Цебриковой // Русская литература. 1971. — № 1. — С. 102—111; Ильин В. В. М. К. Цебрикова на Смоленщине (по архивным материалам) // Русская литература. — 1978. — № 4. — С. 140—144; Кайдаш С. Победить безвременье! // Кайдаш С. Сильные бедствия земного. Очерки о женщинах русской истории. — М., 1983. — С. 129—162; Ефремов А. Н. П. М. К. Цебрикова — деятель революционной демократии // Вопросы истории. — 1986. — № 2. — С. 114—121; Кулиш Ж. В. М. К. Цебрикова. — Воронеж, 1988.

Е. И. Меламед

ЦЫГАНОВ, Николай Григорьевич [4(16).XII. 1800—1833, Москва] — поэт. В биографии Ц. много невыясненного. Свидетельства первых его биографов, писавших о нем много лет спустя после его смерти, во многом противоречат друг другу. Большинство исследователей творчества Ц. вслед за М. Лонгиновым (Московские ведомости. — 1857. — 30 мая. — № 65. — С. 298—299) основывались на следующих фактах его биографии. Ц. родился в Петербурге в семье вольноотпущенного крестьянина. Отец Ц. после получения вольной выполнял торговые поручения известного в волжском крае хлебного помещика Злобина. Детство Ц. провел в разъездах с отцом по России. Учился урывками. В 1816 г. поступил в Саратовскую театральную труппу и вместе с ней гастролировал по разным городам. В Симбирске был замечен М. Н. Загоскиным, служившим тогда в театральной инспекции, и при содействии последнего стал актером Московского Малого театра. По другой версии (Гербель Н. В. Русские поэты в биографиях и образцах. — Спб., 1880. — С. 406—408), Ц. родился в Москве в мешанском семействе, был помещен в театральное училище на одиннадцатом году и закончил его примерно через 8 лет, получив звание артиста императорских театров. На основании документальных данных (надписи на могильной плите Ц., программы театральных спектаклей с его участием и печатных рецензий на эти спектакли) можно считать установленными лишь даты рождения и смерти Ц. (последняя — приблизительно) и время его службы в московских театрах (начало 1828 — конец 1832) — в Малом и Большом, где он исполнял драматические роли (преимущественно плутов, слуг и комических стариков) и некоторые оперные партии. Отдельные сведения о личности Ц., свойственной ему манере исполнения своих произведений, его деятельности по собиранию фольклора, его окружению (он был другом великого трагика П. С. Мочалова), содержащиеся в двух вариантах его биографии, подтверждаются прямо или косвенно высказываниями близко знавших его современников.

Почти все произведения Ц. (около 50) принадлежат к одному жанру, который современники

называли «русской песней». Создавая свои песни, Ц. ориентировался прежде всего на образцы устной народной лирики. По свидетельству Ф. А. Кони, Ц. был великолепным знатоком фольклора, «исходил почти всю Россию, чтоб послушать родные звуки у русского человека в скорбный и веселый час», и собрал богатую коллекцию волжских разбойничьих песен, которую не успел опубликовать (Пантеон русского и всех европейских театров.— 1840.— Ч. I.— С. 130). Ц. мало заботился о публикации песен, но любил исполнять их, сопровождая себя на гитаре. По-видимому, довольно часто Ц. пел в домах актрисы М. Д. Львовой-Синецкой и драматурга А. А. Шаховского, где постоянно собирались писатели и актеры (в доме Львовой-Синецкой бывал композитор А. Е. Варламов, написавший ряд романсов на стихи Ц.).

Характерные для лирики Ц. темы: несчастная любовь молодца или девицы, неудачный брак, женская обездоленность, неволя, смерть на чужбине. Песни имеют чаще всего форму лирической исповеди или эмоционального рассказа, обычно перемежающегося монологами и диалогами персонажей, с жалобами на разлуку, измену, ревнивого мужа, сиротство, одиночество и т. п. Ц. лучше своих современников, работавших в жанре «русской песни», владел многообразием приемов народной лирики. Типичен для его песен прием образного параллелизма («Ясну соколу быть поинману, / Обескрылну / Во неволе... / Добру молодцу быть в солдатухах / Обезглавлену / В ратном поле»— «Песни и романсы русских поэтов».— М.; Л., 1965.— С. 422). Чрезвычайно органично вписаны в лучшие песни Ц. отрицательные сравнения («Не успели цветики / Распуститься, / Уж их злая засуха / Поедает... / Не успела я с дружкой / Обручиться, / Уж он меня, бедную, / Покидает»— Там же.— С. 420), риторические обращения к природе («Что ты рано, травушка, пожелтела?»— Там же.— С. 420; «Ты подуй, подуй, / Тихий тепленький / Ветерочик»— Там же.— С. 435), постоянные эпитеты («русы кудри», «резвы ноженьки», «змея лютая», «под косящетым окошечком», «Окол садика зеленого, / Близко терема высокого»— «Песни русских поэтов».— Л., 1936.— С. 226—227), парные синонимические словосочетания («журит, бранит», «по уму, по разуму», «в тоске-кручине»), слова с уменьшительными суффиксами («лебедушка», «голубнички», «сердечушко», «зоренька»). Нотных записей напевов, которые сочинял (или подбирал к своим текстам из народного репертуара) Ц., не сохранилось, поэтому выяснение музыкально-ритмической основы его песен невозможно. Активное использование Ц. рифмы и других звуковых повторов (внутренней рифмы и консонансов) в значительной мере было отражением новых тенденций в устном народном творчестве и лишь отчасти может быть объяснено непосредственным воздействием книжных образцов.

Большая часть песен Ц. имеет элегическую окраску. В его лирике, как и в лирике других поэтов его времени, тяготеющих к стилизации фольклора (А. А. Дельвиг, А. Ф. Мерзляков, Ф. Н. Глинка), ощутимы мотивы сентиментальной и романтической поэзии. Это сказывается в выборе тем (см. выше), в сюжетных ситуациях отдельных песен (гибель одного из влюбленных или их обоих, оплакивание погибшего: «Лежит в поле дороженька», «Не туманами, не мглой солнышко затмилось» и др.; мрачные и трагические картины вешего сна, соперничества жены и любовницы разбойника: «Рассудите мне, люди добрые», «У соловушки одна песенка»), в образной системе («И как льдинка от лучей на песочке таю»— «Песни и романсы русских поэтов».— М.; Л., 1965.— С. 424; «Бурным вихрем умчалась / Младость — красная пора»— «Песни русских поэтов».— Л., 1936.— С. 251), в лексике («слезы горькие», «вздохи тяжкие», «как безумная заметалась»). Заметнее всего влияние книжной поэзии в тех сочинениях Ц., которые отличаются скорее романсовым, нежели песенным складом («Русская элегия», «Каркнул ворон на березе»).

Ц. был непосредственным предшественником А. В. Кольцова. Отличаясь от Кольцова камерностью своего дарования, уступая ему в социальной значимости и широте тематики, Ц. в то же время в лучших своих песнях в большей степени приблизился к традиционной народной лирике.

Ц. опубликовал при жизни очень незначительное количество текстов (Комета.— 1830.— С. 99—102, 216; «Молва» от 15 марта и 2 мая 1832 г.— С. 97, 161). Первый поэтический сборник Ц., включивший большую часть его песен, вышел лишь в 1834 г. Однако уже при жизни Ц. песни его расходились в списках по всей России. Многие из них попали в популярные песенники. Наибольшую популярность приобрел романс «Не шей ты мне, матушка, красный сарафан», музыку к которому написал А. Е. Варламов. К наследию поэта обращались также А. Н. Верстовский («При долинушке береза белая стояла»), П. И. Чайковский («Без поры да без времени сохнет в поле муравушка», «Не кукушка во сыром бору жалобнехонько вскуковала»), С. В. Рахманинов («Что ты, соловышко, корму не клюешь?») и др. Ряд песен Ц. получил широкое распространение в народной среде. Вплоть до настоящего времени собиратели фольклора постоянно фиксировали в народном репертуаре варианты песен «Ах спасибо же тебе, синему кувшину», «Течет речка по песочку», «Каркнул ворон на березе», «Я посею, молоденька, цветиков маленько» и др.

Соч.: Русские песни Н. Цыганова.— М., 1834; Песни русских поэтов (XVIII—первая половина XIX века).— Л., 1936.— С. 52—59; Песни и романсы русских поэтов.— М.; Л., 1965.— С. 417—459.

Лит.: Лонгинов М. Николай Григорьевич Цыганов // Мос-

ковские ведомости.— 1857.— № 65.— 30 мая.— С. 298—299; Гербель Н. В. Русские поэты в биографиях и образах.— СПб., 1880.— С. 407—408; Русские песни Мерзлякова и Цыганова. С очерком жизни обоих поэтов.— СПб., 1886.— С. 33—39; Московский Некрополь.— СПб., 1908.— Т. 3.— С. 299; Острогорский В. Этюды о русских писателях. Художник русской песни А. В. Кольцов.— СПб., 1911.— Т. IV.— С. 22—26; Сидельникова А. В. Песни Н. Г. Цыганова и их народные варианты // Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. Вопросы русской литературы.— М., 1970. Т. 389.— С. 135—147; Н. Г. Цыганов и его песенное творчество // Там же. М., 1971. Т. 455.— С. 143—159; Совалин В. С. Ритмическая организация песен Н. Г. Цыганова // Традиции и новаторство в русской литературе. Сб. трудов МОПИ им. Н. К. Крупской.— М., 1977.— С. 61—101. Г. Г. Григорьева

Ч

ЧААДАЕВ, Петр Яковлевич [27.V(7.VI).1794, Москва — 14(26).IV.1856, там же] — мыслитель и публицист. Из дворян (мать — дочь известного историка кн. М. М. Щербатова). Учился в Московском университете (1808—1811), где сблизился с А. С. Грибоедовым, И. Д. Якушкиным, Н. И. Тургеневым. Участвовал в Отечественной войне 1812 г. и в заграничном антинаполеоновском походе 1812—1814 гг. В 1814 г. в Кракове принял в масонскую ложу. В 1821 г. прервал блестящую военную карьеру, вышел в отставку и дал согласие вступить в тайное общество декабристов. В 1823—1826 гг. путешествовал по Англии, Франции, Италии, Швейцарии, Германии, где познакомился с Ф. В. Шеллингом, представителями ряда религиозных сект, приверженцами католического социализма. Близкое знакомство с культурным и социальным укладом европейских стран и творческое освоение идей видных западных теологов, философов, писателей, ученых завершили длительный духовный кризис Ч., его переход от деистических представлений к христианскому «модернизму», заключавшемуся в синкретическом единстве религии, философии, истории, социологии, естествознания, искусства, литературы. После возвращения из Европы написал в 1828—1830 гг. 8 «Философических писем», в которых выразилось его новое мировоззрение.

Согласно этому мировоззрению, Ч. постоянно разрабатывал религиозное обоснование общественного процесса. Построение «совершенного строя на земле» возможно, по его мнению, лишь при прямом и постоянном воздействии «христианской истины», которая через непрерывное взаимовлияние сознаний разных поколений образует канву социально-исторического движения, основу «всемирно-исторической традиции», способствующей «воспитанию всего человеческого рода». Именно в католичестве, считал Ч., «развилась и формулировалась социальная идея христианства», определившая ту сферу, «в которой живут европейцы и в которой одной под влиянием религии человеческий род может исполнить свое

конечное предназначение» (Статьи и письма.— М., 1987.— С. 45). Европейские успехи в области культуры, науки, права, материального благополучия составляли, по логике «Философических писем», прямые и косвенные плоды католицизма, социально активной политической религии, и оценивались как зародыши и элементы высшего синтеза. Толкование Ч. христианства как исторически прогрессирующего социального развития и разветвляемого на этом фундаменте последовательность его размышлений послужили основой для критики современного ему положения России и приведшей к этому положению ее истории в первом «Философическом письме», опубликованном в журнале «Телескоп» (1836. Т. 34. № 15). В России Ч. не находил ни «элементов», ни «зародышей» европейского прогресса. Причину этого Ч. видел в том, что, обособившись от католического Запада, «мы ошиблись насчет настоящего духа религии», не восприняли «чисто историческую сторону», социально-преобразовательное начало как внутреннее свойство христианства и потому «не собрали всех ее плодов, хотя и подчинились ее закону», т. е. плодов науки, культуры, цивилизации, благоустроенной жизни.

Для того чтобы достичь успехов европейского общества на всех его уровнях и участвовать в мировом прогрессе, Ч. считал необходимым для России не просто слепо и поверхностно перенять западные формы, но, впитав в кровь и плоть социальную идею католицизма, от начала повторить все этапы европейской истории.

Столь однозначные выводы единственной начатой при жизни Ч. крупной работы вызвали аргументированную критику со стороны В. Ф. Одоевского, В. А. Жуковского, Е. А. Баратынского, П. А. Вяземского, А. С. Пушкина, др. русских писателей и общественных деятелей. Под влиянием этой критики и в результате собственного внутреннего развития Ч. признавал несомненные достоинства в традициях православного христианства, благотворно сказавшихся, по его мнению, на формировании духовных и душевных качеств русского человека. Более того, он был готов видеть призвание России, во многом превосходящая мессианскую идею русской всечеловечности Ф. М. Достоевского, в том, чтобы «дать в свое время разрешение всем вопросам, возбуждающим споры в Европе»: «...провидение... поручило нам интересы человечества... в этом наше будущее, в этом наш прогресс...» (Статьи и письма.— С. 220).

Хотя чаадаевская мысль претерпевала существенные изменения (причем все положительные знаки менялись на противоположные), она тем не менее постоянно обращалась к мотивам первого «Философического письма», не линейно эволюционировала, а поступательно-возвратно пульсировала. Сама постановка Ч. проблем, связанных с разгадкой «сфинкса русской жизни»

(А. И. Герцен), принимала характер незавершенного сокровенного диспута.

Публикация в «Телескопе», за которую Ч. был «высочайше» объявлен сумасшедшим, а также его выступления в московских литературных салонах 30—50 гг. заставляли философов, писателей, ученых ставить и исследовать принципиально важные, но систематически не разрабатывавшиеся проблемы, способствовали уточнению и углублению концепций исторического развития России, оказали значительное воздействие на формирование славянофильского и западнического направлений в русской литературе. Сам Ч. находил общий язык с выразителями обоих направлений, хотя критиковал и западников и славянофилов. В разное время его приглашали сотрудничать стоявшие на разных позициях печатные органы — несостоявшийся журнал Герцена и Н. П. Огарева, «Московский наблюдатель», «Москвитянин».

Философско-исторические идеи Ч. стимулировали творчество таких разных представителей русской культуры (с большинством из них он был хорошо знаком), как А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, К. С. Аксаков, Ю. Ф. Самарин, А. А. Григорьев, М. А. Бакунин, В. Г. Белинский, Т. Н. Грановский, А. И. Герцен, Н. И. Надеждин, М. П. Погодин, С. П. Шевырев, Б. Н. Чичерин, К. Д. Кавелин, Н. Г. Чернышевский, К. Н. Леонтьев, С. М. Соловьев, В. С. Соловьев. Особенности личности и деятельности Ч. своеобразно запечатлелись в крупнейших образах русской классики (Чацкий, Онегин, Печорин), а в памфлетном и пародийном виде — в «Современной песне» Д. В. Давыдова, в пьесе М. Н. Загоскина «Недовольные», в стихах Н. М. Языкова «К не нашим», в эпиграммах малоизвестного литератора С. А. Неелова. Чаадаевские мотивы ошутимы в «Думе» и «Родине» М. Ю. Лермонтова, в «Мертвых душах» Н. В. Гоголя, в стихах Ф. Н. Глинки, Е. П. Ростопчиной, в романах И. С. Тургенева, в статьях Ф. И. Тютчева. Имя Ч. не раз встречается в подготовительных материалах к главным произведениям Достоевского, в его замысле «Жития великого грешника».

Особую страницу в истории русской литературы занимает дружба Ч. с А. С. Пушкиным. По признанию поэта, Ч. знал его сердце «в цвете юных дней», воспламенял в нем «к высокому любовь», учил ценить «жажду размышлений» и «вниманье долгих дум». Их продолжительные беседы, «пророческие споры», как писал в одном из трех стихотворных посланий к Ч. Пушкин, вдохновляли поэта. Постоянное присутствие «единственного друга» в сознании Пушкина отразилось не только в его известных стихах, но и в «Маленьких трагедиях», «Медном всаднике», «Капитанской дочке», в исторических заметках, критически переосмысливающих ряд положений «Философических писем». Так, в неотправленном письме к Ч. от 19 октября 1836 г. Пушкин раскры-

вает богатое драматическое содержание русской истории, хотя и соглашается с другом в критике современного положения вещей.

В свою очередь Ч. одним из первых оценил по достоинству «грациозный гений» Пушкина, который должен принести «бесконечное благо» России. Внимательно следил за развитием творческого пути «нашего Данта», как он называл поэта; одобрял решение писать историю Петра I; отмечал в «Капитанской дочке» простоту и утонченность вкуса — качества редкие «в наш блудный век».

Эстетические суждения Ч. отражают воздействие его «одной мысли», подчинены нравственному идеалу. Красота в искусстве для него неотделима от истины и добра, а художник в своем творчестве является как бы проводником людей на пути к бесконечному совершенствованию, прозревающим сквозь поверхностную сиюминутную значимость важные достижения и препятствия на этом пути. С точки зрения единства эстетического и этического начал Ч. осуждал античное искусство, которое, по его мнению, не укоренено в «недрах морального мира» и ведет к «хаотическому смещению всех нравственных элементов». (В сходном отношении к этому искусству Л. Н. Толстой опирался, в частности, на авторитет Ч.) Напротив, готика является «чем-то священным, небесным», служит выражением «нравственных нужд человека», заставляет «поднять взор к небу».

Эстетические размышления Ч., в которых актуальное рассматривается сквозь призму вечно-го, социально-историческое поверяется высшим началом, а чисто художественные элементы органично соединены с нравственными, распространяются и на область литературы. Миссию одухотворяющего творческого воздействия несоборны выполнить т. н. новинки — «шум в письменном виде». Подлинная литература, по Ч., должна быть исторически и нравственно объемной, т. е. должна видеть в современных явлениях не только злобу дня, но и влияние традиций, ростки будущего, соответствие или несоответствие высоким целям совершенствования человеческого бытия.

Такой подход обусловил, напр., оценку Ч. «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина («Как здраво, как толково любил он свое отечество») и «Выбранных мест из переписки с друзьями» Гоголя, в которых «при слабых и даже грешных страницах есть страницы красоты изумительной, полные правды беспредельной». Но не только при рассмотрении заметных явлений общественно-литературной жизни, но и при суждении о менее крупных произведениях, напр. повести И. Т. Кокорева «Саввушка», Ч. был верен своим эстетическим принципам. В талантливой повести, описывающей быт московской городской бедноты, он отказывался видеть простой физиологический очерк и за живописными карти-

нами московских окраин находил истинно художественную верность в изображении нравственного перерождения главного героя. «Умеренность, терпимость и любовь ко всему доброму, умно, хорошему, в каком бы цвете оно ни явилось» (Статьи и письма.— С. 292) — таково было нравственно-эстетическое кредо Ч., определявшее его значение в истории русской литературы.

Соч.: Соч. и письма: В 2 т.— М., 1913—1914; Статьи и письма.— М., 1987.

Лит.: Лемке М. К. Чаадаев и Надеждин // Мир божий.— 1905.— № 9—12; Гершензон М. О. П. Я. Чаадаев: Жизнь и мышление.— Спб., 1908; Богучарский В. Я. Три западника сороковых годов. П. Я. Чаадаев, В. Г. Белинский и А. И. Герцен. Историко-литературные очерки.— Пб.— ч. 2. 1919; Спекторский Е. В. К характеристике Чаадаева // Сборник русского института в Праге.— Прага, 1929; Шаховской Д. Якушкин и Чаадаев // Декабристы и их время.— М., 1932.— Т. II; Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т.— М., 1956.— Т. 9; Берелевич Ф. И. П. Я. Чаадаев и декабристы // Уч. зап. Тюменского пед. ин-та.— Тюмень, 1958.— Т. V.— Вып. 2; Усакина Т. Г. Pamфлет М. Н. Загоскина на П. Я. Чаадаева и М. Ф. Орлова // Декабристы в Москве.— М., 1963; Лебедев А. А. Чаадаев.— М., 1965; Формозов А. А. Пушкин, Чаадаев и Гулянов // Вопросы истории.— 1966.— № 8; Пугачев В. В. Пушкин и Чаадаев // Искусство слова.— М., 1973; Скаковский И. Г. Пушкин и Чаадаев: К вопросу о датировке и трактовке послания Пушкина «К Чаадаеву» // Пушкин. Исследования и материалы.— Л., 1978; Каталог библиотеки П. Я. Чаадаева.— М., 1980; Макаровская Г. В. «Философические письма» Чаадаева в оценке Пушкина // Освободительное движение в России.— Саратов, 1986.— Вып. II; Тарасов Б. Н. Чаадаев.— М., 1986. *Б. Н. Тарасов*

ЧАРСКАЯ, Лидия Алексеевна (настоящая фамилия — *Чурилова*) [1875 — 1937, Ленинград, по другим источникам — пос. Чкаловское, Адлеровский р-н Краснодарского края] — одна из самых популярных писательниц в детской литературе нач. XX в. Критики отмечали «небывалый, стихийный» успех ее книг. Маленькие читатели ставили имя Ч. рядом с именами А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя, книги ее пользовались большим спросом, чем сочинения Жюль Верна, и в то же время большинство критиков единодушно выступали против чтения произведений писательницы.

В 1893 г. Ч. окончила Павловский женский институт в Петербурге. С 1898 по 1924 г. играла в Александринском театре в амплу характерной актрисы. Первая книга Ч. вышла в 1901 г. Всего она написала около 80 книг, среди них более 20 романов и повестей, множество рассказов и стихов. Ч. в основном печаталась в еженедельном журнале «Задушевное слово» издательства Вольфа (продукцию которого называли гостиновдорской литературой). По свидетельству одного из современников, Ч. была «пречудесная женщина, добрая, шедрая, хорошо воспитанная», и «Вольф нещадно эксплуатировал ее, платил гроши» (Борисов Л. Б. Родители. Наставники. Поэты.— С. 61).

Наследие Ч. огромно и далеко не однозначно и в художественном отношении, и по идейному содержанию. В своем большинстве книги писа-

тельницы — это литературные поделки невысокого качества. К ним можно отнести примитивные, проникнутые духом монархизма, религиозности «исторические» произведения: «Смелая жизнь» — о Надежде Дуровой, «Один за всех» — о Сергии Радонежском, многочисленные умильные книги из жизни царей: «Желанный царь», «Так велела царица» и др.

Наиболее интересны и любимы детьми были сборники кавказских преданий, полные романтических приключений, — «Вечера княжны Джавахи», «Джаваховское гнездо» и увлекательная история войны с Шамилем — «Газават. Тридцать лет борьбы горцев за свободу». Самые удачные произведения Ч. — книги для малышей: «Дом шалунов», «Лесовичка», «Сибирочка». Их отличает занимательность, четкость сюжетной линии, неожиданность развязки. Герои убегают из дома, попадают к разбойникам, на них обрушиваются ураганы, нападают дикие звери, им угрожает смертельная опасность. Они, как правило, не имеют родителей, одиноки и много страдают. В книгах Ч. обычно счастливый конец. Настрадавшись и выдержав все испытания, герой благополучно находит своих родителей или приобретает друга и перестает быть одиноким. Ч. заставляет маленьких читателей плакать над судьбой героев и сопереживать им, но сопереживать недолго. Плохое быстро сменяется хорошим, неприятности и огорчения тут же устраняются. Критики сравнивали книги Ч. с плохим кинематографом, где смена зрительных и слуховых ощущений настолько быстра, что не остается времени для анализа и раздумий (Новости детской литературы.— 1915.— № 8—9.— С. 29).

Несмотря на однообразность и сентиментальность, эти книги писательницы вызывают добрые чувства у ребенка, учат отзывчивости, чуткости, заставляют пожалеть сироту, увидеть страдания калеки, помочь бедному, поделиться с голодным, в любой ситуации оставаться честным.

Но Ч. прославилась не столько книгами для малышей, сколько повестями и романами о жизни девочек в закрытых учебных заведениях — «Гимназистки», «Записки маленькой гимназистки», «Записки институтки», «Записки сиротки», «Приютки» и др., изображающими одну и ту же среду и часто объединенными общими героинями, главные из которых Нина Джавахи и Люда Власовская. Пока девочки зачитывались этими историями и бредили институтами, критики практически единодушно выступали против произведений писательницы. К. Чуковский считал, что институт в изображении Ч. «есть гнездилище мерзости, застенок для калеченья детской души» (Чуковский К. Лидия Чарская.— С. 159). Писательницу упрекали главным образом не за то, что она изображает, а за пафос ее книг — «подробно рисуя все ужасы этого мрачного места, она ни на миг не усомнилась, что рисует умирительно-трогательное» (Там же).

Действительно, эти книги лишены какой-либо литературной задачи, в них отсутствует четкая авторская позиция, как только описываемое выходит за рамки эмоциональной реакции на добро и зло, нравственные критерии заменяются обывательскими представлениями. В них нет ни высоких идеалов и стремлений, ни идейных исканий. Пределом мечтаний героинь является если не счастливая любовь и удачное замужество, то собственная белошвейная мастерская. Мир в книгах писательницы предельно сужен, не выходит за стены института, воспитание будущей женщины происходит на уровне микропереживаний. Но не только содержание книг, но и их язык и форма были далеко не безупречными. Несмотря на занимательность сюжета, сюжетная линия, отдельные образы и ситуации достаточно однообразны. Произведения Ч. как бы построены по определенному трафарету: приключения и страдания одинокого героя, вмешательство какого-нибудь благородного и знатного лица, счастливый конец. В повести «Проданный талант» бедный и способный художник Алеша работает на злого и бездарного Марина, создает ему славу, а сам прозябает в безызвестности.

Обман раскрывает богатый князь, Марин посрамлен, все счастливо. Чуковский сравнивал процесс творчества Ч. с работой заводного механизма с дюжиной кнопочек, на которых написано: «Ужас», «Обморок», «Болезнь», «Злодейство», «Истерика», «Геройство» и т. д. (Там же.— С. 155).

Анализируя страстное увлечение детей книгами Ч., критики приходили к выводу о неблагоприятности общества в целом: «Обожание книг Ч.— только симптом, только грозный признак того, что мы на распутьи...» (Фриденберг В. За что дети любят и обожают Ч.— С. 6). После революции писательницу стали называть «вредной» и боролись с ее произведениями, как с «инородным телом в чреве советского школьника» (Данько Е. О читателях Ч.— С. 125). Творчество Ч. не однозначно по своей ценности. Наиболее удачно талант Ч. соответствовал целям и уровню «малышовой» литературы.

Соч.: Княжна Джаваха.— Спб.: М.,— 1908; Газават. Тридцать лет борьбы горцев за свободу.— Спб.: М., 1906; Дом шалунов.— Спб.: М., 1912; Лесовичка.— Спб.: М., 1912; За что? Моя повесть о самой себе.— Спб.: М., 1910; Как любят женщины. Рассказы.— Спб., 1904.
Лит.: Воровский В. В. Цыпочка // Эстетика. Литература. Искусство.— М., 1975.— С. 155—157; Фриденберг В. За что дети любят и обожают Чарскую? // Новости детской литературы.— 1911 1912.— № 6; Масловская Э. Наши дети и наши педагоги в произведениях Чарской // Русская школа.— 1911.— № 9.— С. 102—125; Данько Е. О читателях Чарской.— 1934.— № 3; Чуковский К. Лидия Чарская // Соч.— М., 1969.— Т. 6.— С. 150—162; Борисов Л. И. Родители. Наставники. / Поэты.— М., 1972; О читателях Чарской // Зорская Н. На рубеже столетий.— М., 1976.— С. 179—182. *И. И. Казакова*

ЧАПЫГИН, Алексей Павлович [5(17).X.1870, дер. Закумixinская Каргопольского у. Олонецкой губ.—21.X.1937, Ленинград] — прозаик. Родился в крестьянской семье. Мать будущего писателя рано умерла. Благотворное влияние на формирование его таланта оказало народно-поэтическое творчество северного края — былины, сказания, легенды; рассказы деда писателя — старого николаевского солдата, участника Крымской кампании. Закончил земскую начальную школу. Зимой 1883 г. отец Ч., служивший дворником в столице, вызвал сына в Петербург, где тот провел долгие годы в среде мелких ремесленников. Больше десяти лет Ч. обучался в живоисномалярных мастерских Петербурга, получил диплом живописца-ремесленника. Много занимался самообразованием, познакомился с русской и мировой классикой. Решение стать писателем созрело после встречи в 1895 г. с Д. В. Григоровичем, которому Ч. показал свои первые прозаические зарисовки. В 1902 г. входит в демократическую литературную среду, знакомится с В. Г. Короленко и Н. К. Михайловским. В журнале «Новая иллюстрация» (приложение к газете «Биржевые ведомости») в 1903 г. был опубликован очерк «Зрячие», который Ч. считал началом своего писательского пути.

Формирование идейно-эстетических взглядов Ч. проходило под влиянием демократической литературы XIX — нач. XX в. Реалистическое по своей природе, раннее творчество Ч. отразило и кратковременные увлечения эстетическими поисками петербургского символизма. Ч. посещал некоторое время собрания религиозно-философского общества, бывал в кружке Вяч. Иванова, встречался с А. Блоком и Ф. Сологубом. Герои ранних произведений Ч., составившие его первый сборник рассказов «Нелюдимые» (1912), — разнообразные типы петербургских низов: кровельщики, дворники, прачки, проститутки, босяки. В центре внимания писателя, как правило, — одинокий человек, раздавленный страшным бытом, бесчеловечной эксплуатацией, стихией пьяного угара и агрессивного невежества. Лишь изредка мелькнет в его сознании мысль о красоте, радости труда, вспомнится пригрезившийся светлый сон, и снова потянутся грубые, безрадостные будни. Концовки большинства рассказов трагичны, проникнуты духом безысходности и человеческого бессилия («Последний путь», 1906; «Барыни», 1907; «Миного», 1910, и др.). По характеру отбора материала и изобразительным особенностям «петербургские» рассказы Ч. восходят к традициям «шестидесятников» — писателей-разночинцев Н. Успенского, Ф. Решетникова, Н. Помяловского. Колорит произведений Ч. мрачен, их «крайний реализм» проявляется в использовании натуралистических деталей. Человек в ранней прозе Ч. одинок, безжалостен к окружающим. Отталкиваясь от sentimentalного народолюбия либеральной журналистики 90—

900 гг., Ч. сумел трезво сказать о темных сторонах народного сознания, о распаде народной нравственности в среде босячества.

В некоторых произведениях Ч., написанных в период послереволюционной реакции 1908—1910 гг., разрабатывались характерные для декадентства мотивы религиозных исканий, появились персонажи, наделенные болезненной психикой («Смертный зов», 1908; «Прозрение», 1909). Однако не эти тенденции определили творческую эволюцию писателя. Летом 1911 г. Ч. уехал из Петербурга на родину. Воображение писателя все чаще обращается к миру северной деревни. На деревенском материале написаны рассказы «Послуга» (1914), «Бегун» (1916), «Лесной пестун» (1911), которые составили вместе с более поздними произведениями сборник охотничьих рассказов «По звериной тропе» (1918). В этих произведениях Ч. открывает неизвестный русской литературе мир северной деревни. Человек и природа, патриархальный быт и новые, капиталистические отношения, «зов тайги» и народная нравственность — вот основные аспекты проблематики его нового цикла. Ч. мастерски передает колорит северного быта, волнующую красоту таежных уголков, своеобразную поэзию охотничьего промысла. Творческое сознание Ч. обогащается историзмом: сам северный материал с его столкновением древней патриархальности и нового, капиталистического уклада заставлял писателя обращаться к истокам народных верований и обычаев, разбираться в причинах раскола, ставить вопрос об исторической судьбе не знавшего крепостного права края. Именно в охотничьих рассказах, где впервые появились образы раскольников, «потаенных людей», Ч. подступал к исторической теме, которая станет главной в его творчестве советского периода. Произведения дооктябрьского периода — зерно его будущих полотен «Разин Степан» и «Гулящие люди».

В 10 гг. Ч. создает крупнейшие произведения дооктябрьского периода. Драматичны события повести «Белый скит» (1913): противостояние крестьянского заступника, богатыря-отшельника Афоньки Креня с купцом-лесопромышленником Артамоном Вороной осложнено столкновением братьев Афанасия и Ивана. В основе повести — мелодраматический сюжет, напряженность которого усиливается мотивами зоологической жестокости персонажей, убийств, сумасшествий. Главный герой повести Афоня — олицетворение скрытой народной мощи, стихийного бунтарства. Его характер дан писателем в сплетении острых противоречий. Герои-правдоискатели Ч. редко поднимаются до раздумий о сложности русской истории, но суровый реализм освещения жизни, колористическая сочность зарисовок, стремление автора выявить социально-психологические истоки событий — все это делает «Белый скит» книгой о судьбах всей предреволюционной России. «После бунинской

«Деревни», — писал В. Полонский, — повесть эта — самое сильное, что сказала о деревне наша беллетристика» (Летопись. — 1916. — № 3. — С. 255). Повесть «На Лебяжьих озерах» (1916) отразила возросшее художественное мастерство писателя. Примыкая по материалу к повести «Белый скит», она в еще большей степени насыщена раздумьями о России, пронизана авторским лиризмом. Свойственный прежним произведениям Ч. налет этнографизма и натуралистичности в этой повести художественно преодолен. Лексическое богатство произведения превосходит красочное «узурочье» языка будущих исторических полотен Ч. К началу советской эпохи Ч. подошел как сложившийся писатель-реалист. Пытливый интерес к историческому развитию России, колористическое мастерство, живописность языка — все эти особенности проявились в крупнейших произведениях Ч. советского периода — романах «Разин Степан» (1926—1927) и «Гулящие люди» (1935—1937).

Соч.: Собр. соч.: В 7 т. / Предисл. В. А. Десницкого. М.: Л., 1928; Собр. соч.: В 5 т. / Подгот. текста и примеч. Н. Емельянова; Вступ. ст. Н. Тотубалина. Л., 1967—1969
Лит.: Полонский В. Заметки о молодых // Летопись. 1916. — № 3. — С. 255—257; Семенов В. С. Алексей Чапгин. М., 1974; Чалмаев В. А. Северное сияние таланта // Чапгин А. П. Белый скит: Рассказы и повести. — М. 1985. — С. 5—18. А. В. Леденев

ЧЁРНЫЙ, Саша, псевдоним (настоящее имя — Гликберг Александр Михайлович) [1(13).X.1880, Одесса — 5.VIII.1932, Прованс, Франция] — поэт, прозаик, переводчик, детский писатель. Раннее детство провел в г. Белая Церковь. Отец был агентом крупной химической лаборатории. Отменяемая современниками замкнутость и нелюдимость Ч. во многом сформировалась под влиянием тяжелой обстановки в семье (деспотический отец и больная истеричная мать). Ч. учился во 2-й Житомирской гимназии. В 15 лет бежал из дома, учился в гимназии в Петербурге, однако был отчислен за неуспеваемость. К этому времени лишился родительской помощи. Мальчик бедствовал, пока история не получила огласку (Яблоновский А. А. Срезался по алгебре // Сын отечества. — № 249. — 8 сент.), после чего в 1898 г. его взял на воспитание председатель крестьянского присутствия в Житомире К. К. Роше. Из Житомирской гимназии Ч. был вновь исключен «без права поступления» за столкновение с директором (Шнейдерман Э. Новое о Саше Черном. — С. 169; Иванов А. С. «Не упрекай за то, что я такой...» — С. 385—386). В 1902—1905 гг. служил в Новоселицкой таможне в 1-м «Обществе подъездных путей» (Автобиография, РО ИРЛИ. — Ф. 377. — № 911) Начал печататься с 1904 г. в житомирской газете «Волянский вестник» (статьи, театральные рецензии, стихи под псевдонимами *Сам по себе* и *Мечтатель*).

В 1905 г. переехал в Петербург. Начал сотрудничать в сатирическом журнале «Зритель»,

имевшем антиправительственную направленность. 27 ноября 1905 г. в № 23 дебютировал стихотворением «Чепуха» (под псевдонимом *Саши Черный*), в котором сатирически изображалась правящая верхушка, включая царскую фамилию. Этот номер был конфискован, а журнал вскоре был закрыт. После этого Ч. печатался в ряде оппозиционных сатирических изданий («Молот», «Альманах», «Маски», «Леший», «Скоморох»), а также в революционных сборниках «Вольница», «В борьбе», «Песни борьбы» и др.

В 1906 г. выпустил первый сборник стихов «Разные мотивы», в который вошли гражданские, сатирические стихи, а также автобиографические произведения. Сборник был арестован, автор привлечен к суду за политическую сатиру, однако судебное разбирательство состоялось лишь в 1908 г., т. к. Ч. в 1906 г. выехал за границу (см.: *Е в с т и г н е е в а* Л. Журнал «Сатирикон» и поэты-сатириконцы.— С. 166—167).

В 1906—1907 гг. слушал лекции в Гейдельбергском университете, написал стихотворный цикл «У немцев», в котором сатирически изображался немецкий филистер.

В 1908 г. возвратился в Россию, где началась политическая реакция, связанная с поражением первой русской революции. Ч. вошел в число сотрудников нового журнала «Сатирикон» (вместе с А. Т. Аверченко, П. П. Потемкиным, Н. А. Тэффи, А. Буховым), продолжившего традиции радикальной сатирической журналистики 1905—1906 гг. и, в более далекой перспективе, журнала «Искра» 60 гг. XIX в. Ч. стал бесспорным поэтическим лидером «Сатирикона» в 1908—1911 гг., завоевав всероссийскую известность; сравните его характеристику в журнале «Золотое руно» как «короля поэтов «Сатирикона» (1909.— № 7/8.— С. 145). Как вспоминает К. И. Чуковский, «получив свежий номер журнала, читатель прежде всего искал в нем стихов Саши Черного. Не было такой курсистки, такого студента, такого врача, адвоката, учителя, инженера, которые не знали бы их наизусть» (*Ч у к о в с к и й* К. Саша Черный.— С. 373). Наряду с сатирическим обличением разнообразных проявлений политической реакции (столыпинских репрессий — «Успокоение», 1910; «третьеиюньской» конституции, ренегатства кадетских лидеров — «Невольное признание», 1909; политики III Думы — «Пьяный вопрос», 1908), Ч. высмеивает и нравственное банкротство и пошлость интеллигентного обывателя, растерявшего политический радикализм после поражения революции («Интеллигент», «Отбой», «Желтый дом», «Культурная работа», «Зеркало», «Крейцеров соната» и др.).

В 1910 г. вышла книга стихов «Сатиры», объединившая произведения, печатавшиеся в «Сатириконе» и др. журналах. В 1911 г.— сборник «Сатиры и лирика». Обе книги выдержали пять переизданий до 1917 г.

В 1911 г. у Ч. обостряется конфликт с редакцией «Сатирикона», который терял острую политическую направленность и из сатирического журнала превращался в развлекательный юмористический. В апреле 1911 г. произошел разрыв Ч. с «Сатириконом». Затем он сотрудничал в газете «Новый день», печатался в журналах «Современный мир», «Солнце России», альманахе «Шиповник».

В 1912 г. Ч. провел лето в Италии на Капри, в гостях у М. Горького, высоко оценившего его дарование: «Он гораздо интересней и талантливее своих двух книжек и кажется мне способным написать превосходные вещи» (Архив М. Горького.— М., 1959.— Т. VII.— С. 111). В конце 1912 — нач. 1913 г. Ч. принял участие в журнале «Современник», реорганизованном М. Горьким (вместе с ним Ч. вышел из состава сотрудников в мае 1913 г.). В 1912 г. Ч. привлек М. Горького к участию в сборнике для детей «Голубая книжка».

В 1912—1914 гг. Ч. пробует себя в разнообразных новых жанрах: переводит Гейне (в 1913 г. под его редакцией выходит учебное пособие «Генрих Гейне. Книга песен. Избранные стихотворения»), пишет рассказы, активно выступает как детский писатель. Принимал участие в альманахе «Жар-птица» под редакцией К. И. Чуковского, совместно с художником В. Фалилеевым выпустил книгу стихов «Тук-тук» (М., 1913) и «Живую азбуку» (Спб., 1914).

В августе 1914 г. ушел на фронт. В качестве вольноопределяющегося был зачислен в 13-й полевой госпиталь в Варшаве. В 1917 г. служил в Пскове, где после февральской революции был назначен заместителем народного комиссара. Однако Октябрьской революции не принял. В 1918—1920 гг. жил в Вильно и Каунасе, затем эмигрировал в Берлин. В эмиграции выступал по преимуществу как детский писатель. В ряде стихотворений, вошедших в сборник «Жажда» (Берлин, 1923), звучат ностальгические мотивы идеализации старой России. Судьбы русских эмигрантов становились темами его рассказов. Военные впечатления отразились в стилизованных «Солдатских сказках», вошедших в последнюю книгу Ч. «Несерьезные рассказы» (Париж, 1928).

В 1932 г. Ч. поселился в Провансе, на юге Франции. «5 августа, возвращаясь домой от соседа, поэт услышал крик «Пожар!» и сразу же устремился к месту несчастья. С его помощью пожар быстро потушили, но дома он почувствовал себя плохо и через несколько часов, после сильного сердечного приступа, скончался» (*Е в с т и г н е е в а* Л. А. Журнал «Сатирикон» и поэты-сатириконцы.— С. 208).

Для политической и бытовой сатиры Ч. характерны жанры, развиваемые в творчестве поэтов-искровцев в 60 гг. XIX в. (А. К. Толстой и бр. Жемчужниковы — Козьма Прутков, Д. Минаев,

В. Курочкин): стихотворный фельетон («В редакции толстого журнала», «Смех сквозь слезы»), эпиграммы («Критику»), пародии («Пробуждение весны»), «рассказ в стихах» («Любовь не картошка», «Городская сказка»). Обличая современного «интеллигентного» обывателя, Ч. широко использовал прием сатирической речевой маски. «Отстранение» автора от пошлого персонажа-субъекта декларировано в стихотворении, открывающем первую книгу «Сатиры» («Здесь «я» не понимаю, конечно, прямо — / Что, мол, под дамою скрывается поэт. / Я истину тебе по дружески открою: / Поэт — мужчина. Даже с бородой»). Этот прием обусловливал фамильяризацию стихотворного языка, ироническое, пародийное сопоставление традиционной поэтической фразеологии (вплоть до цитат) с интеллигентским жаргоном, газетными штампами, низкой вульгарной лексикой («Я — волдырь на сиденье прекрасной российской словесности — «Стилизованный осел; «Отречемся от старого мира... / И полезем гуськом под кровать» — «Отбой»). Демократизация стихотворного языка, тенденция к снижению традиционных поэтических тем в творчестве Ч. оказали определенное воздействие на поэтику раннего В. В. Маяковского (см. автобиографию «Я сам»: «Поэт почитаемый — Саша Черный. Радовал его антиэстетизм»).

Соч.: Сатиры.— Спб., 1910; 5-е изд.— Пг., 1917; Сатиры и лирика.— Спб., 1911; 3-е изд.— Пг., 1917; Стихотворения / Вступ. ст. и общ. ред. К. Чуковского; Подгот. текста и примеч. Л. А. Евстигнеевой.— Л., 1960 (Библиотека поэта. Большая серия); Стихотворения / Вступ. ст. и подгот. текста К. Чуковского; Примеч. Л. А. Евстигнеевой.— М.: Л., 1962. Лит.: Чуковский К. И. Саша Черный // Собр. соч.: В 6 т.— М., 1965.— Т. 2.— С. 372—394; Шнейдерман Э. Новое о Саше Черном // Русская литература.— 1966.— № 3. Евстигнеева Л. А. Журнал «Сатирикон» и поэты-сатириконы.— М., 1968; Спиридонова Л. А. (Евстигнеева). Русская сатирическая литература начала XX века.— М., 1977; Тренин В. Харджиев Н. И. Маяковский и «сатириконская» поэзия // Харджиев Н., Тренин В. В. Поэтическая культура Маяковского.— М., 1970; Иванов А. С. «Не упрекай за то, что я такой» // Панорама искусств. 10.— М., 1987.

ЧЕРНЫШЕВСКИЙ, Николай Гаврилович [12(24).VII.1828, Саратов — 17(29).X.1889, там же] — экономист, философ, публицист, литературный критик, прозаик. Революционный демократ. Родился в семье священника. До 12 лет воспитывался и учился дома, под руководством отца, отличавшегося многосторонней образованностью, и в тесном общении с родственной семьей Пыпиных (двоюродный брат Ч.— А. Н. Пыпин — стал известным историком литературы). По собственному признанию, «сделался библиофогом, пожирателем книг очень рано...» (Полн. собр. соч.— Т. 1.— С. 632; далее указываются том и страница). В 1842—1845 гг. Ч. учился в Саратовской семинарии, где ему прочили блестящую духовную карьеру (сочинения Ч. хранились в семинарской библиотеке). Изучал многие языки, в т. ч. восточные (под наблюдением профессора Г. С. Саблукова написал «Обзор топографи-

ческих названий в Саратовской губернии татарского происхождения»). Однако духовное поприще не влекло Ч., и, не закончив семинарию, он поступил в 1846 г. на отделение общей словесности философского факультета Петербургского университета, где занимался славянской филологией у профессора И. И. Срезневского (составил «Опыт словаря из Ипатьевской летописи»); теорией словесности — у профессора А. В. Никитенко (написал диссертацию «О «Бригадире» Фонвизина»); всеобщей историей; физикой (долго работал над проектом вечного двигателя) и др. Но академические занятия составляли лишь часть интересов Ч., все более склонявшихся в сторону политики (он пристально следил за революционными событиями в Западной Европе 1848—1849 гг.), философских и экономических учений (А. Сен-Симон, Ш. Фурье, Л. Фейербах и др.). После ареста петрашевцев в 1849 г. он отметил в дневнике, что «сам никогда бы не усомнился бы вмешаться в их общество и со временем, конечно, вмешался бы» (1, 274). В круг друзей Ч. входили М. Л. Михайлов, петрашвец А. В. Ханьков, И. И. Введенский (педагог и переводчик, на вечерах у которого собиралась радикально настроенная молодежь). За годы учебы в университете (1846—1850) были выработаны основы мировоззрения. Сложившееся в 1850 г. убеждение в необходимости революции в России сочеталось с трезвостью исторического мышления: «Вот мой образ мысли о России: неодолимо ожидание близкой революции и жажда ее, хоть я и знаю, что долго, может быть, весьма долго, из этого ничего не выйдет хорошего, что, может быть, надолго только увеличатся угнетения и т. д.— что нужно? <... > мирное, тихое развитие невозможно» (1, 356). С 1850 г. в дневнике появляются записи, свидетельствующие об атеизме. Форму борьбы за улучшение человеческой жизни видел Ч. и в художественной литературе, особенно высоко ценя Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова, В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Жорж Санд, Ч. Диккенса. Он пробовал свои силы в прозе (рассказ о Лили и Гете, повесть о Жозефине, «Теория и практика», «Отрезанный ломоть»). Выйдя из университета кандидатом, Ч., после кратковременной работы репетитором во 2-м кадетском корпусе в Петербурге, служил старшим учителем словесности в Саратовской гимназии (1851—1853), где говорил в классе «такие вещи, которые пахнут каторгой» (1, 418). К этому периоду относится его сближение с сосланным в Саратов историком Н. И. Костомаровым (их объединяло признание огромной роли народа в истории, хотя Костомаров был далек от революционных выводов). В апреле 1853 г. Ч. женился на Ольге Сократовне Васильевой, дочери саратовского врача, предупредив ее о грозящей ему, вследствие его образа мыслей, опасности: «...у нас будет скоро бунт, а если он будет, я буду непременно участвовать в нем» (1, 418). Чувства Ч. к невесте, его мысли

о семейной жизни запечатлены в «Дневнике моих отношений с той, которая теперь составляет мое счастье». Впоследствии Ч. посвятил жене романы «Что делать?» и «Пролог».

Вернувшись в мае 1853 г. в Петербург, Ч. преподавал во втором кадетском корпусе, одновременно готовясь к экзаменам на степень магистра и работая над диссертацией «Эстетические отношения искусства к действительности». Диспут по представленной еще осенью 1853 г. профессору Никитенко диссертации состоялся 10 мая 1855 г. и явился манифестацией материалистических идей в эстетике, вызвав раздражение университетского начальства. Диссертация была официально утверждена лишь в январе 1859 г. Параллельно шла журнальная работа, начатая летом 1853 г. рецензиями в журнале «Отечественные записки», издаваемом А. А. Краевским. Решающее значение для всей дальнейшей судьбы Ч. имело его знакомство осенью 1853 г. с Н. А. Некрасовым и окончательный выбор — весной 1855 г. — между «Современником» и «Отечественными записками» в пользу некрасовского журнала. С этого времени Ч., вышедший в отставку, занимался почти исключительно журнальной работой для «Современника» (в 1858 г. редактировал и «Военный сборник»).

Сотрудничество Ч. в «Современнике» (1854—1862), где его роль быстро стала ведущей (Некрасов в августе 1856 г., уезжая почти на год за границу, передал редакторские полномочия Ч.), пришлось на период общественного подъема, связанного с подготовкой крестьянской реформы, и революционной ситуации (1859—1861). Под руководством Ч. и Некрасова, а с 1857 г. и Добролюбова определилось революционно-демократическое направление журнала. Изменялся состав его сотрудников: постепенно уходили критики и писатели либерально-дворянской ориентации (А. В. Дружинин, В. П. Боткин, П. В. Анненков, Л. Н. Толстой, А. Н. Майков, А. А. Фет, И. С. Тургенев, Д. В. Григорович и др.), уступая место единомышленникам его руководителей (М. Л. Михайлову, Н. В. Шелгунову, М. А. Антоновичу, Г. З. Елисееву и др.), по преимуществу из разночинцев. В тематике статей журнала возрастала роль политических, экономических вопросов: с июня 1858 г. появляется особая рубрика «Устройство быта помещичьих крестьян», в 1859 г. журнал становится «литературным и политическим». Направление и тактику «Современника» не полностью принимали издававшие в Лондоне газету «Колокол» Герцен и Н. П. Огарев, питавшие в период подготовки крестьянской реформы определенные иллюзии относительно политики Александра II. В июне 1859 г. Ч. ездил в Лондон объясняться с Герценом по поводу его статьи «Very dangerous!!!» (в переводе с англ. «Очень опасно!!!») в «Колоколе» (№ 44), содержащей резкие выпады в адрес «Современника» в связи с ироническим освещением в журнале «обличительной»

литературы (материалы сатирического отдела «Свисток», статья «Литературные мелочи прошлого года» Н. А. Добролюбова). Следствием поездки было примирительное выступление Герцена в «Колоколе» (№ 49), однако полностью разногласия искоренены не были; надежды Герцена на правительское окончательное будут убиты лишь пореформенной реакцией (см.: Козьмин Б. П. Поездка Н. Г. Чернышевского в Лондон в 1859 году и его переговоры с А. И. Герценом // Козьмин Б. П. Литература и история.— М., 1982).

С 1854 г. Ч. вел в «Современнике» отдел критики и библиографии. В конце 1857 г. он передал его Добролюбову. Встреча и многочасовая беседа Ч. с Добролюбовым в апреле 1856 г. завершилась приглашением Добролюбова в постоянные сотрудники «Современника» и положила начало дружбе, очень много значившей для обоих. Ч. полностью полагался на Добролюбова как соредатора, заботился о его бытовых, денежных делах. Он очень тяжело пережил его раннюю смерть в ноябре 1861 г. «Я тоже полезный человек, но лучше бы я умер, чем он... Лучшего своего защитника потерял в нем русский народ», — писал Ч. о Добролюбове (14, 449). Ч. собрал и уже в 1862 г. частично опубликовал «Материалы к биографии Н. А. Добролюбова», подготовил первое собрание его сочинений (Добролюбов Н. А. Соч.: В 4 т.— Пб., 1862).

С приходом Добролюбова в «Современник» Ч. сосредоточился преимущественно на политической (в 1859—1862 гг. он вел ежемесячные политические обозрения), экономической, философской темах. В серии статей, посвященных классовой борьбе во Франции с ее революционными кульминациями 1830 и 1848 гг.: «Кавеньяк» (Современник.— 1859.— № 1, 3); «Борьба партий во Франции при Людовике XVIII и Карле X» (1858.— № 8, 9); «Франция при Людовике Наполеоне» (не пропущено цензурой, 1859); «Июльская монархия» (1860) и др., Ч., широко привлекая материалы западных историков (Ф. Гизо, Л. Блана и др.), интерпретировал события в свете интересов «рабочников». Он подчеркивал бесплодность борьбы за политические преобразования, если они не приводят к улучшению материальных условий рабочих, лицемерие либералов («умеренных республиканцев»), в решительные моменты предающих интересы народа. Считая общественный строй Западной Европы выше русских феодально-крепостнических порядков, Ч. в то же время отмечал формальный характер свободы западного «рабочника» — «на факте — раба нищеты» (5, 301). Он подверг критике развиваемый многими буржуазными экономистами принцип невмешательства государства в частное предпринимательство, свободной конкуренции: «Тюрго» (1858.— № 9), «Экономическая деятельность и законодательство» (1859.— № 2). В противовес «теории капиталистов» (оправдывающей получе-

ние прибыли, в т. ч. земельной ренты, собственниками, не участвующими в производительном труде) Ч. развивает, опираясь на некоторые положения классиков английской политической экономии (А. Смита, Д. Рикардо), «теорию трудящихся», согласно которой необходимо «полное соединение качеств собственника и работника в одном и том же лице» (7, 43, 20). При этом Ч., вслед за Фурье, Р. Оуэном, подчеркивает преимущества крупного производства, объединения работников — «товарищества» — как формы, наилучшим образом удовлетворяющей потребностям личности; в апелляции к потребностям и ограничению их «разумными» проявлялся антропологизм, просветительский рационализм Ч. («Капитал и труд», 1860. — № 1). Наиболее полно свои экономические воззрения Ч. изложил в примечаниях к переведенным им «Основаниям политической экономии» Дж.-Ст. Милля (1860. — № 2—4, 6—8, 11) и в «Очерках из политической экономии (по Миллю)» (1861. — № 6—10, 12). Он вскрыл тщетность усилий Милля сочетать интересы капиталистов и рабочих, несостоятельность учения Т. Мальтуса о превосходящем возможности производства росте народонаселения, обосновал проект социалистического общественного устройства. К. Маркс писал в послесловии ко второму изданию «Капитала» о книге Милля: «Это — банкротство «буржуазной» политической экономии, что мастерски показал уже в своих «Очерках политической экономии (по Миллю)» великий русский ученый и критик Н. Чернышевский» (К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве. — Т. 1. — С. 524).

Применяя разрабатываемую экономическую теорию к специфическим условиям России, Ч. подчеркивал важность сохранения — после отмены крепостного права — крестьянской общины как естественной основы «товариществ», считал возможным благодаря общине избежать для России мучительной капиталистической ступени развития («Критика философских предубеждений против общинного владения». 1858. — № 12; «Экономическая деятельность и законодательство». 1859. — № 2; «Суеверие и права логики». 1859. — № 10). Такой взгляд, характеризующий Ч. как крестьянского, утопического социалиста, отличался в то же время от славянофильского преклонения перед общиной (для Ч. она признак отсталости страны), от антитезы молодой России и старого Запада: «Запад, далеко опередивший нас, далеко еще не исчерпал своих сил...» (7, 618). Убежденность в прогрессе, несмотря на драматизм многих эпох, — источник исторического оптимизма Ч. («Апология сумасшедшего»; не пропущена цензурой, 1861; «О причинах падения Рима», 1861. — № 5).

Наиболее системное выражение взгляды Ч. на природу, общество, человека получили в его главной философской работе «Антропологический принцип в философии» (1860. — № 4—5). Твор-

чески развивая антропологическую теорию Фейербаха, Ч. вносит в нее классовые мотивы, тем самым преодолевая антропологизм и устанавливая иерархию «эгоизмов»: «...общечеловеческий интерес стоит выше выгод отдельной нации, общий интерес целой нации стоит выше выгод отдельного сословия, интерес многочисленного сословия выше выгод малочисленного» (7, 286). В целом статьи Ч. своей неизменно сильной стороной имеют защиту интересов самого многочисленного сословия — русских крестьян, французских рабочих, «простолюдинов». Отмечая утопический характер социализма Ч., В. И. Ленин подчеркивал, что он «был также революционным демократом, он умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя — через препоны и рогатки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей. «Крестьянскую реформу» 61-го года, которую либералы сначала подкрашивали, а потом даже прославляли, он назвал мерзостью, ибо он ясно видел ее крепостнический характер, ясно видел, что крестьяне обдирают гг. либеральные освободители, как липку» (Ленин и В. И. Ленин. Полн. собр. соч. — Т. 20. С. 175).

Отношение Ч. к правительственной кампании по крестьянскому вопросу менялось по мере того, как прояснялась суть реформы. Начиная с 1857 г. Ч. регулярно освещал экономические и политические аспекты темы, доказывая необходимость освобождения крестьян с землей, без выкупа или с минимальным выкупом, сохранения общины, установления крестьянского местного самоуправления и др. («О новых условиях сельского быта». 1858. — № 2—4; полемика с противниками крестьянской общины, выступавшими в «Экономическом указателе» И. В. Вернадского; ведение с июня 1857 г. рубрики «Устройство быта помещичьих крестьян» и др.). Убедившись же в грабительском характере готовящейся реформы, Ч. бойкотировал предреформенный ажиотаж; по обнародовании манифеста 19 февраля 1861 г. «Современник» прямо не отозвался на него. В «Письме без адреса», написанном после реформы и адресованных фактически Александру II (опубл. за границей в 1874 г.), Ч. обвинил самодержавно-бюрократический режим в ограблении крестьян, имеющем одно положительное следствие — рост политического самосознания народа: «Когда люди дойдут до мысли «ни от кого другого не могу я ждать пользы для своих дел», они непременно и скоро делают вывод, что им самим надобно взяться за ведение своих дел» (10, 92). Рассчитывая на крестьянскую революцию, круг «Современника» во главе с Ч. в 1861 г. прибегал к нелегальным формам борьбы. Ч. написал революционную прокламацию «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон». Вместе с возвращением «К молодому поколению» Шелгунова (при возможном участии Михайлова), «Русским солда-

там от их доброжелателей поклон» и «Русским солдатам» Шелгунова прокламация Ч. была осуществлением плана обращения к различным слоям населения. По воспоминаниям членов «Земли и воли» (А. А. Слепцова, Л. Ф. Пантелеева), Ч. был причастен к этой подпольной организации, созданной с целью руководства крестьянским восстанием, ожидаемым к весне 1863 г. (по окончании «временно-обязанного состояния крестьян», т. е. их работы на помещиков).

В обстановке растущей пореформенной реакции (расстрел крестьян в с. Бездна Казанской губ., репрессии против студентов и закрытие Петербургского университета, арест Михайлова, В. А. Обручева и др.) внимание III отделения все более привлекает деятельность Ч. С осени 1861 г. за ним была установлена полицейская слежка (использовались и такие средства, как подкуп прислуги). Но Ч. был умелым конспиратором, в его бумагах не находили ничего подозрительного. В июне 1862 г. было запрещено на восемь месяцев издание «Современника» и «Русского слова».

7 июля 1862 г. Ч. был арестован у себя на квартире (жена с двумя сыновьями гостила в Саратове). Поводом для ареста послужило перехваченное на границе письмо Герцена и Огарева к Н. А. Серно-Соловьевичу, в котором предлагалось издавать «Современник» в Лондоне или в Женеве. В тот же день Ч. стал узником Алексеевского рavelина Петропавловской крепости, где пробыл до вынесения приговора — гражданской казни, состоявшейся 19 мая 1864 г. на Мытнинской прощадн. Он был лишен всех прав состояния и присужден к 14 годам каторжной работы в рудниках, с последующим поселением в Сибири; Александр II сократил срок каторги до 7 лет. Судебный процесс по делу Ч. тянулся очень долго из-за отсутствия прямых улик; роковую роль в нем, как и в делах Михайлова и арестованного позднее Шелгунова, сыграли написанные Вс. Д. Костомаровым (участвовавшим в напечатании прокламаций) фальшивые бумаги. В вину Ч. вменялись, помимо написания «Барским крестьянам...», также его подцензурные статьи в «Современнике»; Ч. и его друзья тщательно боролись с полным отсутствием законности (см.: Дело Чернышевского: Сб. документов / Вводн. ст. и коммент. И. В. Пороха; Общ. ред. Н. М. Чернышевской. — Саратов, 1968).

В крепости Ч. обратился к художественному творчеству. Здесь, с 14 декабря 1862 г. по 4 апреля 1863 г., был написан роман «Что делать? Из рассказов о новых людях». За ним последовали оставшиеся незаконченными повесть «Алферьев» (1863) и роман «Повести в повести» (1863), «Мелкие рассказы» (1864). Увидел свет по недосмотру цензуры — лишь роман «Что делать?» (Современник. — 1863. — № 3—5).

20 мая 1864 г. Ч. под конвоем отправили в Сибирь, где он находился сначала на руднике

Кадае Нерчинского округа (месте каторги и скорой смерти Михайлова), а с сентября 1865 г. — в тюрьме Александровского завода. По официальному разрешению в Кадаю в августе 1865 г. приезжала на несколько дней О. С. Чернышевская с сыном Михаилом. Круг общения Ч. на каторге составляли политические заключенные (С. Г. Стахевич, П. Ф. Николаев и др.), впоследствии вспоминавшие о читках Ч. не дошедших до нас художественных произведений, в особенности сожалевшие о пропаже отосланного в Петербург Пыпину романа «Старина», вобравшего в себя обширный автобиографический материал. Его продолжением был «Пролог. Роман из начала шестидесятых годов» (написан в 1867—1870 гг.; первая часть — «Пролог пролога» — опублик. в Лондоне в 1877 г.; в России роман был издан полностью в 1906 г.). Сохранились также пьесы «Драма без развязки», «Мастерица варить кашу», повесть «История одной девушки», рассказы «Кормило кормчему», «Знамение на кровле» и др.; почти все они были задуманы как части неосуществленных полностью больших циклов.

Каторга, срок которой истек в 1871 г., оказалась преддверием к худшему испытанию — поселению в Якутии, в городе (а в сущности в глухом поселке, где тюрьма была лучшим зданием) Вилюйске, отличавшемся губительным климатом. Здесь Ч. был единственным ссыльным и мог общаться только с жандармами и местным, якутским населением; переписка была затруднена, а часто специально задерживалась. Все же Ч. узнал в 1877 г. о смертельной болезни Некрасова и успел передать ему — в письме к Пыпину — слова любви и прощания (15, 86—88). Т. к. бумаги Ч. отбирались при обысках, он писал и сам уничтожал написанное (из созданного в Вилюйске сохранились две части романа «Отблески сияния»). Только в 1883 г., при Александре III, под давлением требований «Народной воли» Ч. было разрешено переселиться в Астрахань. Резкая перемена климата очень повредила его здоровью.

Годы крепости, каторги и ссылки (1862—1883) не привели к забвению имени и сочинений Ч. — его слава мыслителя и революционера росла, вдохновляя на смелые планы его освобождения (ему пытались устроить побег Г. А. Лопатин в 1871 г., И. Н. Мышкин в 1875 г., оба были арестованы; были и другие попытки). Сам Ч. никогда не просил о смягчении своей участи, в частности, летом 1875 г. отказался от подачи прошения, к которому его пытались склонить власти. «А что касается лично до меня, — писал он жене в 1871 г., — я сам не умею разобратъ, согласился ли б я вычеркнуть из моей судьбы этот переворот, который повергнул тебя на целые десять лет в огорчения и лишения. За тебя я жалею, что было так. За себя самого совершенно доволен. А думая о других, — об этих десятках миллионов нищих, я радуюсь тому, что без моей

воли и заслуги придано больше прежнего силы и авторитетности моему голосу, который зазвучит же когда-нибудь в защиту их» (14, 504).

По приезде в Астрахань Ч. надеялся вернуться к активной литературной деятельности, однако публикации его работ, хотя и под псевдонимом, были затруднительны. Основным источником заработка, в котором крайне нуждалась семья Ч., стали переводы, тяготившие Ч. тем более, что его глубоко не удовлетворяли субъективно-идеалистические воззрения авторов переводимых книг («Энергия в природе» В. Карпентера, многотомная «Всеобщая история» Г. Вебера и др.). Используя приемы работы с Миллем, Ч. снабжал переводы вступительными статьями, послесловиями, нередко выбрасываемыми при издании. Все же Ч. удалось опубликовать некоторые собственные философские работы: «Характер человеческого знания» (Русские ведомости.— 1885.— № 63—64, под псевдонимом *Андрея*), «Происхождение теории благотворности борьбы за жизнь» (Русская мысль.— 1886.— № 9, за подписью *Старый трансформист*). Вместе с написанным в 1888 г. предисловием к предполагаемому 3-му изданию «Эстетических отношений...» (состоявшему лишь в 1906 г.) эти работы Ч. заключают в себе резкую критику неокантианства, агностицизма («иллюзионизма»), характерного для многих философов и естественников тех лет. Комментируя предисловие к «Эстетическим отношениям...», Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» писал: «Чернышевский — единственный действительно великий русский писатель, который сумел с 50 гг. вплоть до 88 г. остаться на уровне цельного философского материализма...» (Ленин и В. И. Полн. собр. соч.— Т. 18.— С. 384). Из художественных сочинений Ч. опубликовал «Гимн Деве неба» (Русская мысль.— 1885.— № 7, под псевдонимом *Андрея*). Писал повесть «Вечера у княгини Старобельской». Получив спасенные Антоновичем после ареста Ч. «Материалы к биографии Н. А. Добролюбова», готовил их к изданию и успел опубликовать первый раздел (Русская мысль.— 1889.— № 1—2). Первый том вышел в 1890 г., после смерти Ч.

При всей интенсивности работы Ч. самые дорогие для него замыслы — в частности, создание давно задуманных популярных энциклопедий по разным отраслям знаний — осуществить не удалось. В июне 1889 г. Ч. получил разрешение вернуться на родину, в Саратов. Он строил большие планы несмотря на резко ухудшившееся здоровье. Умер от кровоизлияния в мозг, похоронен на Воскресенском кладбище в Саратове.

В разностороннем наследии Ч. важное место занимают работы по эстетике, литературная критика, художественное творчество. Во всех этих областях он выступил новатором, возбуждающим по сей день споры; к Ч. применимы его собственные слова о Гоголе как писателе из числа тех,

«любовь к которым требует одинакового с ними настроения души, потому что их деятельность есть служение определенному направлению нравственных стремлений» (3, 21).

Эстетическая теория Ч., изложенная в его диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности» (Спб., 1855), а также в авторецензии (Современник.— 1855.— № 6) и ряде работ 1854 г. (из них в особенности важна статья «О поэзии. Сочинение Аристотеля» // Отечественные записки.— 1854.— № 9), знаменовала перелом в истории эстетики, разрыв с ее идеалистической традицией. Концепции искусства как создания идеала в эстетике Г. В. Ф. Гегеля (и его популяризатора Ф. Фишера, часто цитируемого в диссертации) Ч. противопоставил материалистическую формулу прекрасного: «прекрасное есть жизнь»; «прекрасно то существо, в котором видим мы жизнь такую, какова должна быть она по нашим понятиям; прекрасен тот предмет, который выказывает в себе жизнь или напоминает нам о жизни...» (2, 10). Объективным критерием прекрасного выступает у Ч. происхождение предмета над другими в данном роде (при существенной оговорке, что не все роды прекрасны). В субъективном же критерии прекрасного — «наших понятиях» — Ч. подчеркнул социальную обусловленность эстетических вкусов (разных в крестьянской среде и у аристократии), отказывая многим из них в истинности (например, романтическому «увлечению бледною, болезненною красотою» — 2, 11). Так антропологическая, фейербаховская посылка об общечеловеческих потребностях осложняется указанием на социальную почву эстетического идеала. Считая, что потребности (не болезненно-фантастические) человека в прекрасном вполне удовлетворяются действительностью, Ч. пересматривает вопрос о содержании искусства, расширяя его границы до «общеинтересного в жизни» (2, 82), и о его задачах. Первая из них — воспроизведение жизни — была намечена, по Ч., еще в античной эстетике (Платон, Аристотель), полагавшей сущность искусства в подражании человеческой жизни (Ч. отмечает искажение этой мысли классицистами, говорившими о подражании природе в искусстве: «подражание природе чуждо истинному поэту, главный предмет которого — человек» — 2, 278). Однако воспроизведение жизни, хотя и требует активности художника — «способности отличать существенные черты от несущественных» (2, 80), составляет лишь формальное начало искусства. Две другие задачи искусства — объяснение жизни и вынесение приговора ее явлениям; они особенно полно могут быть осуществлены в литературе («поэзии»), которая «представляет полнейшую возможность выразить определенную мысль. Тогда художник становится мыслителем, и произведение искусства, оставаясь в области искусства, приобретает значение научное» (2, 86). В содержании искусства — «учебника жизни» —

подчеркивается общее с наукой и нравственной деятельностью человека.

Манифест материалистической эстетики Ч. не свободен от противоречий. Блестяще показав жизненную основу прекрасного и типического и призвав в то же время художников к овладению передовым мировоззрением, Ч. недостаточно связал субъективную сторону содержания искусства (объяснение жизни и вынесение приговора) с творческим, в т. ч. формотворческим, процессом и ограничил роль фантазии. В результате положение о том, что «жизнь не думает объяснять нам своих явлений», в то время как «в произведениях науки и искусства это сделано» (2, 87), осталось в значительной мере декларативным, поскольку не была до конца прослежена специфика объяснения жизни на «языке искусства». Недооценка Ч. творческой типизации, особенно заметная на фоне гегелевского учения об идеализации в искусстве, отчасти была полемической издержкой «апологии действительности сравнительно с фантазией» (2, 89). Уязвимым было и отрицание закономерности трагического, сведение его к «ужасному в человеческой жизни» (2, 30). Впоследствии Ч. показал огромную роль творческой типизации, на службе у которой и состоит фантазия, вымысел. Так в творчестве Пушкина им подчеркнута огромная роль долго обдумываемого плана, предшествующего исполнению: «Прояснить в своем уме основную мысль романа или драмы, вникнуть в сущность характеров, которые будут ее проявлять своими действиями, сообразить положения лиц, развитие сцен — вот что важно...» (2, 452).

Диссертация Ч., большинству читателей известная по авторцензии, вызвала острые дискуссии. Ее не приняли многие ведущие писатели и критики (Тургенев, Л. Толстой, Анненков, Дружинин и др.), упрекавшие автора в умалении искусства. Эстетика была областью, где раньше всего обнаружился расхождение между либералами и демократами; присутствовавший на защите диссертации Шелгунов отметил, что «умственное направление шестидесятых годов <...> в первый раз в своем зачаточном виде было провозглашено в 1855 г. на публичном диспуте в Петербургском университете» (Шелгунов в Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л. Воспоминания: В 2 т.— М., 1967.— Т. 1.— С. 164).

Литературная критика Ч., опирающаяся на его эстетическую теорию, в то же время понималась им как публицистическая деятельность, для которой важны тесная связь с читателем и понимание его интересов: «Отвлеченные истины могут быть уместны в ученом трактате, но слова публициста должны прежде всего сообразоваться с живыми потребностями известного общества в данную минуту» (5, 648). Такими Ч. считал «слова» Г. Э. Лессинга, Белинского. Собственно критике, ее истории и теории, посвящены программные статьи: «Об искренности в критике»

(1854.— № 7); цикл «Очерки гоголевского периода русской литературы» (1856.— № 12; 1856.— № 1—2, 4, 7, 9—12), к ним примыкает цикл «Лессинг, его время, его жизнь и деятельность» (1856.— № 10—12; 1857.— № 1—4, 6), где деятельность немецкого просветителя осмысливается в свете сходной русской общественно-литературной ситуации.

В соответствии с выдвинутыми в диссертации задачами искусства Ч. считает (в статье «Об искренности в критике») важнейшим критерием оценки произведения истинность его общей идеи, «мысли». Ее фальшивость оправдывает резкость тона критика, менее всего щадящего признанные авторитеты: «...жар нападения должен быть соразмерен степени вреда для вкуса публики, степени опасности, силе влияния, на которые вы нападаете» (2, 257). Поэтому «превосходная в художественном отношении, но приторная» поэма Гете «Герман и Доротея» заслуживает более строгого суда, чем какая-нибудь другая идиллическая поэма какого-нибудь посредственного писателя» (2, 257). С нелицеприятной критикой выступил сам Ч. в своих первых рецензиях на произведения популярных писателей: «Роман и повести М. Авдеева» (1854.— № 2), «Три поры жизни. Роман Евгении Тур» (1854.— № 5), выявляя их подражательность, пустоту содержания, ложный пафос. За «ошибочное направление» (2, 240) — идеализацию патриархального купеческого быта — он осудил пьесы «Не в свои сани не садись» и «Бедность не порок» А. Н. Островского: «Бедность не порок. Комедия А. Островского» (1854.— № 5), резко разойдясь в оценках с «органическим» критиком А. А. Григорьевым. На примере этих не свободных от славянофильских мотивов пьес Ч. доказывал, что «ложные по своей основной мысли произведения бывают слабы даже и в чисто художественном отношении» (2, 240). Последующая оценка этих пьес Добролюбовым в статье «Темное царство», в соответствии с принципами «реальной критики», будет значительно мягче.

В «Очерках...» Ч. охарактеризовал, через их отношение к Гоголю и гоголевскому, до сих пор «единственному сильному и плодотворному направлению» (3, 6), деятельность ведущих критиков, журналистов 30—40 гг.: Н. А. Полевого, О. И. Сенковского, С. П. Шевырева, круга пушкинского «Современника», Н. И. Надеждина, Белинского (имя которого, по цензурным условиям, было названо лишь в пятой статье цикла). Подчеркнуты некоторые общие условия эффективности критики: наличие системы убеждений; забота о распространении своих мнений в публике (чуждая критикам пушкинского круга — почитателям Гоголя); эстетический вкус; умение «говорить о том, что нужно нашей публике в наше время» (3, 225), отличающее Белинского. Как «образователя» Белинского Ч. выделяет Надеждина, привившего русской критике начала эстети-

ки Ф. Шеллинга: «От него узнали у нас, что поэзия есть воплощение идеи <...>; что красота формы состоит в соответствии ее с идеею» (3, 163—164). Но первое проявление самостоятельности русской мысли Ч. видит в Белинском и его сподвижниках, последовательно развивших и применивших к русской действительности диалектику Гегеля. Белинского Ч. считает и первым историком русской литературы, определившим исторические заслуги многих писателей до Пушкина (М. В. Ломоносова, Г. Р. Державина, Н. М. Карамзина и др.) и тем самым положившим «границы отрицанию» (3, 193), которое у противников классицизма (Полевой) и романтизма (Надеждин) было абсолютным. В деятельности Белинского Ч. в особенности выделяет 40 гг., когда критик преодолевает идущий от гегелевской системы «квие-тизм» и проникается передовыми стремлениями времени (важнейшие из них — «гуманность и забота об улучшении человеческой жизни» — 3, 302). Осюда и горячая защита Белинским Гоголя, «натуральной школы», и полемика с апологетами «чистого искусства» (а по существу принципа «эпикуреизма»). Ч. подчеркнул возрастающую публицистичность критики Белинского, статьи которого за 1846—1848 гг. изобилуют рассуждениями об отраженных в произведении общественных вопросах: «...в восьмой и девятой статьях, заключающих разбор «Онегина», эпизоды подобного рода занимают уже наибольшее число страниц» (3, 275).

Акценты, расставленные Ч. в его разборе критики Белинского (предпочтение последнего периода, оправдание публицистических отступлений и др.), как и интерпретация творчества Пушкина и Гоголя, расходились с мнениями «эстетической» критики. Борьба между либералами и демократами в середине 50 гг. нередко формулировалась ее участниками как защита «пушкинского» или «гоголевского» направления в литературе, чему способствовали издания сочинений обоих писателей, осуществленные Анненковым и П. А. Кулишем. Наиболее развернутым ответом на «Очерки...» Ч. со стороны «эстетической» критики была статья Дружинина «Критика гоголевского периода и наши к ней отношения» (Библиотека для чтения.— 1856.— № 11), где Пушкин интерпретировался как поэт «чистого искусства», противопоставляемого «дидактике». Ч. откликнулся на издания Пушкина — еще до «Очерков...» («Сочинения А. С. Пушкина» // Там же.— 1855.— № 2—3, 7—8) и Гоголя («Сочинения и письма Н. В. Гоголя» // Там же.— 1857.— № 8), подчеркивая, что при огромности заслуг Пушкина как первого русского поэта-художника (здесь Ч. опирался на суждения Белинского) творчество Гоголя гораздо больше связано с современной русской действительностью: он «первый научил нас знать наши недостатки и гнущаться ими» (4, 665). За анализом Ч. трагических заблуждений Гоголя и их истоков (этой

цели служила отчасти и статья об одном из духовных учителей Гоголя: «Сочинения В. Жуковского» // Там же.— 1857.— № 5) проступал идеал критика — гармония между мировоззрением и творчеством писателя.

Сложность проблемы соотношения мировоззрения и творчества, в особенности реалистического, с которой столкнулся Ч. прежде всего при анализе наследия Гоголя, стимулировала эволюцию его критического метода. Предвосхищая обоснованные позднее Добролюбовым в статье «Темное царство» (1859) принципы «реальной критики», он высоко оценивает некоторые произведения за реализм отражения жизни, даже при уязвимости их авторской тенденции. Так, у А. Ф. Писемского, воззрение которого на крестьянский быт «не подготовлено наукой» (4, 571), Ч. находит социальное обличение, вытекающее из самой достоверности изображения («Очерки из крестьянского быта А. Ф. Писемского».— 1857.— № 4) Не оспаривая прямо тургеневскую мысль о стихийности чувства, выразившуюся в повести «Ася» («Русский человек на rendez-vous» // Атеней.— 1858.— № 18), Ч. подчеркивает зависимость характера героя, господина N (к которому свойственна эта стихийность) от условий его формирования: «Лучше не развиваться человеку, нежели развиваться без влияния мысли об общественных делах, без влияния чувств, пробуждаемых участием в них» (5, 169). Разбор любовного сюжета повести перерастает в суд над дворянским либерализмом, не подготовленным к «решительной минуте», под которой имеется в виду прежде всего освобождение крестьян. Важнейшим открытием Ч., сделанным также на базе «реального» метода, было определение особенностей таланта молодого Л. Толстого: его формы психологизма (изображения «диалектики души»), находящейся в прямой связи с пафосом писателя — «чистой нравственной чувств» («Детство и отрочество. Сочинения графа Л. Н. Толстого. Военные рассказы Л. Н. Толстого». 1856.— № 12). Некоторая избирательность анализа, выявляющего прежде всего сильные, реалистические моменты содержания, была в то же время продуманной тактикой Ч. по отношению к писателям либерально-дворянской ориентации.

Однако критический метод Ч. видоизменялся в зависимости от свойств произведений: последовательная демократическая авторская тенденция всегда поддерживалась Ч. (хотя и не заменяла для него таланта: «...тенденция может быть хороша, а талант слаб...» — 14, 322). К анализу тенденции в особенности располагала лирика. Любимейшим поэтом Ч. был Некрасов; не имея возможности писать о поэзии соредатора «Современника», Ч. в 1856 г. (когда Некрасов был за границей) поместил в журнале (№ 11), по выходу «Стихотворений» Некрасова, столь выразительную подборку его произведений («Поэт и гражданин», «Забятая деревня», «Отрывки из пу-

тевых записок графа Гаранского»), что она повлекла за собой цензурное предостережение журналу. Ч. предсказал долгую жизнь поэзии Огарева («Стихотворения Н. Огарева» // Там же.— 1850.— № 9), утверждающей счастье «жить для других» (3, 565) и напоминающей о Герцене (имя которого было под запретом), высоко ценил А. В. Кольцова («Стихотворения Кольцова») и др. В прозе он приветствует «Губернские очерки» М. Е. Салтыкова-Щедрина («Губернские очерки» // Там же.— 1857.— № 6), обнаружившие в авторе более высокого, по сравнению с Гоголевским, уровень теоретического обобщения: «Теперь, например, Щедрин вовсе не так инстинктивно смотрит на взяточничество — прочтите его рассказы «Неумелые» и «Озорники», и вы убедитесь, что он очень хорошо понимает, откуда возникает взяточничество, какими фактами оно поддерживается, какими фактами оно могло бы быть истреблено. У Гоголя вы не найдете ничего подобного мыслям, проникающим эти рассказы» (4, 633). Противопоставленные «обличительной» кампании, нападающей на отдельные злоупотребления (комедия В. А. Соллогуба «Чиновник» и др.). «Губернские очерки» подробно комментируются Ч. для доказательства наивности надежд на силу нравственного примера, якобы способного «устранить действие закона причинности, по которому нравы народа сообразуются с обстановкою народной жизни» (4, 289).

Отрадный симптом «значительной перемены в обстоятельствах» (7, 884) видит Ч. («Не начало ли перемены?».— 1861.— № 11) в рассказах П. В. Успенского, пишущего «о народе правду без всяки прикрас» (7, 856). По Ч., в рассказах Успенского преодолевается традиция «идеализации» народа («Шинель» Гоголя, Григорович, Тургенев), которому нельзя было помочь ничем, кроме сострадания. В этом последнем большом критическом разборе Ч. чувствуется ожидание ближайшей народной революции: подчеркивая силу «рутины», обычая в жизни массы, критик отмечает возможность «минут одушевления» и ставит сложную проблему руководства стихийным движением. Литературная критика Ч.— органичная часть его революционной публицистики.

Художественное творчество Ч. не было только вынужденной в условиях изоляции формой работы: о склонности к беллетристике свидетельствуют и пробы пера в студенческие годы, и психологическая детализация в дневниках (1847—1853); кроме того, он имел богатый опыт литературного критика. Как художник Ч. более всего связан с традицией философской просветительской прозы (Лессинг, Д. Дидро, Вольтер, А. Н. Радищев, Герцен), выступая в то же время новатором, в особенности в разработке политической темы. В контексте русской литературы 60 гг. созданный Ч. тип «разумного эгоиста», просветляющего разумом стихию чувств, противостоит различным формам противоречи-

вого сознания, свойственного героям Тургенева, Л. Толстого, Ф. М. Достоевского и др. Не свободная от просветительских иллюзий, утверждаемая Ч. концепция гармоничной личности, встающей на путь революционной борьбы без пафоса жертвенности, выростала прежде всего на почве исторической реальности. Герои Ч. были типичны и в своем рационализме и в своем героизме, что обусловило огромный резонанс «Что делать?» и реализовало последующих произведений, имеющих менее счастливую читательскую судьбу. Среди ценителей и пропагандистов художественного творчества Ч. были Ленин, которого роман «Что делать?», по его словам, приволимым Н. Валентиновым (Н. В. Вольским), «все-го глубоко перепахал» (Ленин и В. И. О литературе и искусстве.— С. 454), и А. В. Луначарский, отметивший, помимо интеллектуальных богатств произведений, их художественные достоинства (недооцененные дореволюционной критикой).

В «Что делать?» Из рассказов о новых людях» Ч. продолжил открытую Тургеневым в «Отцах и детях» тему нового общественного деятеля, в основном из разночинцев, сменившего тип «лишнего человека». По отношению к тургеневскому роману произведение Ч. полемично: «нигилизму» Базарова противостоят позитивные взгляды «новых людей», его одиночеству и трагической смерти — их сплоченность и стойкость («Отцы и дети» как необходимый фон восприятия подчеркнуты фамилиями Кирсанова и Лопухова; последняя напоминает о словах Базарова: «...а из меня лопух расти будет...» — Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т.— М., 1981.— Т. 7.— С. 121).

Несмотря на «эзопов язык», используемый в борьбе с цензурой (названия глав, акцентирующие любовно-семейный сюжет, авантюрино-интригующее начало, загнанный в глубь повествования сюжет об «особенном человеке» — революционере, система перифраз, аллегорий, цитат и пр.), мировоззрение Ч. нашло в романе четкое выражение, чему способствовала активность автора-повествователя как интерпретатора событий. Через голову «проницательного читателя» автор многократно обращается к части публики, способной стать «новыми людьми», разъясняя ей конкретную программу действий. Это роман художественно-публицистический.

Действительность предстает в «Что делать?» в трех временных измерениях: прошлое — «старый порядок», идейно изживший себя, хотя и господствующий; настоящее (деятельность «новых людей»); будущее (его абрис в духе идей утопического социализма дан в «Четвертом сне Веры Павловны»). Через все произведение проходит антитеза старых и «новых людей», поступки которых кажутся странными обывателям (Марья Алексевна, «проницательному читателю»); их удивление, непонимание — источник ко-

мических ситуаций. Отношение к представителям прошлого дифференцировано: жизнь праздная (Сторешниковы, Серж) на аллегорическом языке романа — «фантастическая грязь»; трудовая, в заботах о куске хлеба, вырабатывает «злые», но делные характеры (Марья Алексевна) — это «реальная грязь», из которой «родится пшеница» («Второй сон Веры Павловны»).

Романтический пафос произведения — в устремленности к социалистическому идеалу, будущему, когда тип «нового человека» станет «общеею натурою всех людей» (Что делать? — С. 149; далее указываются стр.). Прообразом будущего выступают и личные отношения «новых людей», разрешающих конфликты на основе гуманной теории «расчета выгод» (новая мораль оттенена традиционностью сюжетного мотива любовного треугольника: Вера Павловна — Лопухов — Кирсанов), и их трудовая деятельность (организация швейных мастерских, учеба Веры Павловны на врача и др.). Эти подробно освещенные сферы жизни «новых людей» соотнесены с потаенным, «эзоповым» сюжетом, главным героем которого выступает профессиональный революционер Рахметов. Но он не одинок: упоминается о «восьми образцах этой породы»; несомненно участие в нелегальной борьбе Лопухова — Бьюмонта после его ухода «со сцены», мужа «дамы в трауре» и др. Темы любви, труда, революции органично связаны в романе, герои которого исповедуют «разумный эгоизм», стимулирующий нравственное развитие личности: «О, сколько наслаждений развитому человеку! Даже то, что другой чувствует как жертву, горе, он чувствует как удовлетворение себе, как наслаждение, а для радостей так открыто его сердце, и как много их у него!» (С. 233). На высшей ступени этой лестницы развития стоит «особенный человек» Рахметов, сын богатого помещика, ушедший в революцию, «ригорист», живущий только интересами «дела». В ссылке на «натуру», разную у «обыкновенных порядочных» и «особенных» людей, сказался антропологизм Ч. Реалистический принцип типизации последовательнее выдержан в Рахметове, суровое мужество которого продиктовано условиями революционной борьбы нач. 60 гг. Призыв к светлоте и прекрасному будущему, исторический оптимизм Ч., мажорный финал сочетаются в романе с осознанием трагической судьбы его «новых людей»: «...еще немного лет, быть может и не лет, а месяцев, и станут их проклинать, и они будут согнаны со сцены, ошканные, страшные» (С. 49).

Публикация романа вызвала целую бурю в критике (см.: П и н а е в М. Т. Чернышевский. — С. 105—119). На фоне многочисленных обвинений Ч. в безнравственности, отсутствии художественности и пр., остроумно высмеянных в сатирических стихах В. С. Курочкина в «Искре» («Молодая жена! Ты «Что делать?» взяла?»;

«Нет, положительно, роман «Что делать?» нехорош!», 1863), выделяется серьезностью разбора статья Н. Н. Стрехова «Счастливые люди» (Библиотека для чтения. — 1865. — № 4). Признав жизненную основу и «напряжение вдохновения» автора, «органический» критик оспорил рационализм и оптимизм «новых людей» (скрытого трагизма романа он не увидел) и отсутствие между ними глубоких конфликтов. М. Е. Салтыков-Щедрин («Наша общественная жизнь» // Современник. — 1864. — № 1, 3), выразив сочувствие общей идее романа, отметил, что в ее воплощении автор «не мог избежать некоторой произвольной регламентации подробностей...» (Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. — М., 1968. — Т. 6. — С. 324). Горячим пропагандистом романа стал Д. И. Писарев, выступивший с подробным анализом его содержания («Новый тип» // Русское слово. — 1865. — № 10; впоследствии статья была названа «Мыслящий пролетариат»).

Исключительное место в русской литературе занимает «Что делать?» по силе воздействия на общественную жизнь: под его влиянием устранялись мастерские, коммуны, в частности «коммуна» В. А. Слепцова (см.: Ч у к о в с к и й К. И. История слепцовской коммуны // Чуковский К. И. Люди и книги шестидесятых годов. — Л., 1934). Герои Ч. и в особенности Рахметов повлияли на формирование характера многих деятелей освободительного движения. Роман стимулировал нравственные и художественные искания русских писателей: как последователей Ч. («Степан Рулев» Н. Ф. Бажина, «Андрей Кожухов» С. М. Степняка-Кравчинского, «На жизнь и смерть» В. В. Берви-Флеровского и др.), так и оспаривающих его взгляды, концепцию личности («Записки из подполья», «Преступление и наказание» Достоевского, «Некуда» Н. С. Лескова, «Живой труп» Л. Толстого и др.).

К «Что делать?» тематически близки написанные в крепости повесть «Алферьев», роман «Повести в повести», цикл «Мелкие рассказы». Здесь также противопоставлены «новые» и старые люди и утверждается странная в глазах обывателя — не своекорыстная и свободная от лицемерных условностей — новая мораль. Однако решение образа автора здесь иное: он скрыт за системой рассказчиков. Стремление к «объективным» способам изображения характерно и для последующих произведений («История одной девушки», «Отблески сияния», пьесы и др.), включая «Пролог. Роман из начала шестидесятих годов».

В «Прологе» (предназначавшемся для публикации за рубежом) политическая тема непосредственно отражена в сюжете, в особенности в первой части («Пролог пролога»), где воссоздана на широкой прототипической основе борьба демократов с либералами и консерваторами в связи с начатой в Петербурге предреформен-

ной кампанией (действие происходит в 1857 г.). Вождем демократов выступает журналист Волгин, в котором узнаются многие черты самого Ч. Незаконченность второй части («Из дневника Левицкого за 1857 год»), посвященной в основном жизни Левицкого (его прототип — Добролюбов) в деревне, не позволяет в полном объеме судить о деятельности этого героя, революционная направленность которой подчеркнута тщательной конспирацией. В изображении «новых людей» Ч. отходит от принципа группового портрета, используемого в «Что делать?» (характеристики Лопухова и Кирсанова). Герои существенно расходятся в понимании перспектив общественного развития, спорят по тактическим вопросам (политический реализм и «апатия» Волгина противостоят нетерпению Левицкого, некоторым либеральным иллюзиям Соколовского и в особенности Нивельзина). Оценивая в конце 60 гг. (в условиях спада крестьянского движения, эволюции либерализма, развития народничества) предреформенную «весну», Ч. в гораздо большей степени, чем в «Что делать?», обнажает трудности, стоящие перед «мужичками» демократами в связи с неподготовленностью масс к революции. Слова Волгина, объясняющие его отказ от обсуждения реформы: «Жалкая нация, жалкая нация! Нация рабов,— снизу доверху, все сплошь рабы...» (13, 197), Ленин оценил как «слова настоящей любви к родине, любви, тоскующей вследствие отсутствия революционности в массах великорусского населения» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 26. — С. 107). Трезвый анализ Волгина общественно-политической ситуации, его революционная тактика — не только ретроспекция Ч., но и, вероятно, предостережение народникам (с которыми он тесно общался в Александровском заводе).

В юмористическом ключе изображены в романе либералы-«прогрессисты» (Рязанцев и его почитатели), в гротескно-сатирическом — правительственные чиновники — деятели реформы (Савелов, Чаплин). Их беспринципность проявляется не только в политике, но и в личных отношениях (история Савеловой). Своеобразной параллелью к трудностям политического руководства массами выступает в романе тема помощи отдельной личности. В ошибочных первоначальных прогнозах Волгина относительно Савеловой, Левицкого относительно Анюты, Настеньки, в его тщетной попытке воздействовать на Мери ощутима автополемика с «Что делать?» (история Настеньки Крюковой и др.). Однако автополемические мотивы «Пролога» не следствие пересмотра концепции личности и теории «расчета выгод»; рассуждая, извлекая уроки из заблуждений, главные герои проходят школу самовоспитания, учатся быть руководителями. Факты повседневности осмысливаются как симптомы тенденций, которые нужно учитывать в поли-

тике (случай с Чекаловым). В целом «Пролог» свидетельствует о развитии революционной мысли Ч. в пореформенный период.

Соч.: Полн. собр. соч.: В 15 т. / Под общ. ред. Б. П. Козьмина и др. — М., 1939—1953. Т. 16 (дополнит.); Что делать? Из рассказов о новых людях / Изд. подгот. Т. И. Орнатская и С. А. Рейсер. — Л., 1975; Пролог / Подгот. текста А. П. Скафтымова и Н. М. Чернышевской-Быстровой; Комментар. А. П. Скафтымова; Ст. Н. В. Водовозова. — М., Л., 1936.

Лит.: Писарев Д. И. Разрушение эстетики // Соч.: В 4 т. — М., 1956. — Т. 3; Он же. Мыслящий пролетарят // Там же. — Т. 4; Шелгунов Н. В. Русские идеалы, герои и типы. — Ч. II // Шестидесятые годы / Вступ. ст. и коммент. А. Шилова. — М., Л., 1940; Плеханов Г. В. Эстетическая теория Н. Г. Чернышевского // Литературные взгляды Н. Г. Чернышевского // Плеханов Г. В. Литература и эстетика: В 2 т. — М., 1958. — Т. 1; Он же. О романе Чернышевского «Что делать?» // Там же. — Т. 2; Луначарский А. В. К юбилею Н. Г. Чернышевского. — Н. Чернышевский и Л. Толстой. — Чернышевский как писатель. — Романы Н. Г. Чернышевского // Собр. соч.: В 8 т. — М., 1963. — Т. 1; Он же. Этика и эстетика Чернышевского перед судом современности // Там же. — Т. 7; Чернышевская Н. М. Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского. — М., 1953; Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников / Сост. Е. И. Покусаев, А. А. Демченко. — М., 1982; Демченко А. А. Н. Г. Чернышевский. Научная биография. — Саратов, 1978—1984. — Ч. 1—2. Евгеньев-Максимов В. Е. «Современник» при Чернышевском и Добролюбе. — Л., 1936; Володин А. И., Карякин Ю. Ф., Плимак Е. Г. Чернышевский или Нецаев? О подлинной и мнимой революционности в освободительном движении России 50—60-х годов XIX века. — М., 1976; Травушкин Н. С. Чернышевский в годы каторги и ссылки. — М., 1978; Новикова Н. Н., Клосс Б. М. Н. Г. Чернышевский на главе русских революционеров 1861 года. Некоторые итоги и перспективы исследования. — М., 1981; Лаврецкий А. Белинский, Чернышевский, Добролюбов в борьбе за реализм. — 2-е изд. — М., 1968; Соловьев Г. А. Эстетические воззрения Чернышевского. — 2-е изд. — М., 1978; Скафтымов А. П. Художественные произведения Чернышевского, написанные в Петропавловской крепости. — Чернышевский и Жорж Санд. — Сибирская беллетристика Н. Г. Чернышевского // Скафтымов А. П. Статьи о русской литературе. — Саратов, 1958; Бродский Н. Л., Сидоров Н. П. Комментарий к роману Н. Г. Чернышевского «Что делать?». — М., 1933; Пинаев М. Т. Комментарий к роману Н. Г. Чернышевского «Что делать?». — М., 1963; Смолицкий В. Г. Из равелина. О судьбе романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?». — 2-е изд. — М., 1977; Лебедев А. А. Герои Чернышевского. — М., 1962; Николаев М. П. Н. Г. Чернышевский и его современники. — Тула, 1974; Наумова Н. Н. Роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?». — Л., 1974; Покусаев Е. И. Н. Г. Чернышевский. Очерк жизни и творчества. — 5-е изд. — М., 1976; Тамарченко Г. Е. Чернышевский-романист. — Л., 1976; Плимак Е. Г. Испытание временем // Вопросы литературы. — 1978. — № 2; Руденко Ю. К. Роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?». Эстетическое своеобразие и художественный метод. — Л., 1979; Гуралиник У. А. Наследие Н. Г. Чернышевского-писателя и советского литературоведение: Итоги, задачи, перспективы изучения. — М., 1980; Егоров Б. Ф. Эволюция эстетических идей Н. Г. Чернышевского // Егоров Б. Ф. Борьба эстетических идей в России середины XIX века. — Л., 1982; Вердеровская Н. А. Роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?». — М., 1982; Чернец Л. В. Экспериментальная поэтика Н. Г. Чернышевского // Чернец Л. В. Литературные жанры (проблемы типологии и поэтики). — М., 1982; Ляничков А. Л. Н. Г. Чернышевский. — М., 1982; Николаев П. А. Универсальная литературно-эстетическая система Н. Г. Чернышевского. — Развитие литературно-критической мысли Н. Г. Чернышевского. — Революционный роман. — «Пролог» в художественной системе Н. Г. Чернышевского // Николаев П. А. Историзм в художественном творчестве и в литературоведении. — М., 1983; Пинаев М. Т. Н. Г. Чернышевский. Художественное творчество. — М., 1984;

Николай Гаврилович Чернышевский. Рек. указатель литературы / Сост. Р. Н. Крендель, М. К. Готовская, М. Е. Киреева, Н. Н. Соловьева. — М., 1953; Н. Г. Чернышевский. Указатель литературы. 1960—1970 / Сост. П. А. Сулоцкий, А. Я. Ильина. — Саратов, 1976. *Л. В. Чернец*

ЧЕХОВ, Александр Павлович [10(22).VIII.1855, слобода Крепкая под Таганрогом — 17(29).V.1913, Петербург] — прозаик, публицист, мемуарист. Старший брат А. П. Чехова. Окончив гимназию в Таганроге, Ч. поступает на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета. Уже в студенческие годы начинает публиковаться в юмористических журналах и др. печатных органах («Зритель», «Мирской толк», «Москва», «Будильник», «Московский листок»), чем во многом способствует приобщению к миру столичной журналистики юного Антона Чехова, вскоре пошедшего по стопам брата. По выходе из университета, с 1882 по 1886 г., Ч. служит чиновником поочередно в таганрогской, петербургской и новороссийской таможнях. С 1886 г. Ч. — профессиональный газетчик и беллетрист, штатный сотрудник газеты «Новое время». Печтается также в «Петербургской газете», «Осколках», «Историческом вестнике», «Кавказе», «Смоленском вестнике» и в целом ряде других журналов и газет. Некоторое время был редактором специальных изданий «Слепец», «Пожарный», «Вестник Российского общества покровительства животным». Писал под псевдонимами *Агафопод Единицын*, *Алоэ*, *Гусев*, *Пан Халаявский*, с 1886 г. — *А. Седой*.

Ч. — автор множества репортерских заметок, очерков, публицистических и научно-популярных статей невероятного широкого тематического диапазона: от пожарного дела и фотографии до вопросов лечения алкоголизма и призерения душевнобольных. В 1897 г. вместе с психиатром В. В. Ольдерогге Ч. совершил поездку по островам Финского залива в поисках места для изоляционной колонии больных-алкоголиков.

Как писатель сложился в 80 гг., отразив в своем творчестве настроения эпохи «безвременья»: интерес к «малым делам» и повседневным проблемам обычного «среднего» человека. Излюбленный жанр Ч. — рассказ или маленькая повесть, основной герой которых, в полном соответствии с литературной тенденцией эпохи, — мелкий чиновник или служащий, погруженный в бытовые заботы, чаще всего внутрисемейного характера. Наиболее распространенный мотив в прозе Ч. — невозможность для героя вырваться из «цепей» нелепого, неудачного брака («Цепи», 1895; «Бабыня история», 1904), где царит полное взаимопонимание между супругами, чреватое драматическим конфликтом («Раскол», 1904). Произведения Ч. отличает повышенное авторское сочувствие своим героям с их прозаическими судьбами и маленькими житейскими драмами («На сылке», 1887; «Птицы бездомные», 1895; «Скарать», 1904), однако искренний пафос непро-

тивления ударам судьбы, готовности мириться с ними как с неизбежностью далеко не всегда рождается у Ч. из самой плоти произведений и нередко напоминает своеобразную «благостную» тенденциозность, что, в свою очередь, находит выражение в примиряющей концовке, обычно малобудительной и не отвечающей глубине затрагиваемых проблем («Педагогический скандал», 1895; «Средние люди», 1904). В значительной мере эти черты творчества Ч. сказались в большой известности из студенческой жизни «Хорошо жить на свете!» (1904). Известно, что Антон Чехов еще в 1883 г. призывал брата «отречься от благоприобретенной субъективности» и неоправданного художнического «благодушия» (Чехов в А. П. Полн. собр. соч. и писем. Письма. — Т. 1. — С. 55).

Другая группа рассказов Ч. написана в традициях юмористической журнальной прозы и т. н. «святочных рассказов», ежегодно появлявшихся в газетно-журнальной печати накануне рождественских праздников. Все они носят преимущественно развлекательный характер; в основе их лежит либо анекдотический случай («Атавизм», «Разлучница», «Бабыня горе» — сб. «Княжеские бриллианты», 1904), либо загадочно-мистическая история, «тайна» которой в финале непременно объясняется вполне обыденными причинами («Тришкина душа», «Сочельник в снежном заносе», «Художник и черт» — сб. «Святочные рассказы», 1895).

В начале 900 гг. в «Ведомостях Санкт-Петербургского градоначальства и столичной полиции», в целях заработка и сознательно ориентируясь на вкусы читателей газеты, Ч. напечатал несколько исторических романов («За правого — бог», 1903; «На высотах Кавказа», 1904, и др.). Откровенная художественная слабость которых признавалась самим автором, уничтожительно отзывавшимся о них в письме к Антону Чехову (см.: Письма А. П. Чехову его брата Александра Чехова. — С. 412). Более интересны популярные исторические очерки Ч. о казачьем генерале Бакланове («Богатырь-казак») и об одном из эпизодов крестьянского партизанского движения времен войны с Наполеоном («Партизаны 1812 года»), опубликованные в 1912 г. в «Читальне народной школы».

В последние годы жизни в «Вестнике Европы», «Русском богатстве», «Ниве» Ч. печатает воспоминания о детстве и отрочестве Антона Чехова. Обстоятельства и атмосферу жизни в Таганроге он описывает, исходя из чеховской фразы «В детстве у меня не было детства», воспринятой как толчок для всех имеющихся в воспоминаниях характеристик и обобщений. Несмотря на очевидную увлекательность и информативность воспоминаний, они, по мнению более молодых членов семьи Чеховых, изобилуют неточностями и недостаточно объективны.

Сохранилась большая часть обширной переписки бр. Чеховых, в течение всего времени (1875—1904) носившей интимно-дружеский и юмористи-

ческий характер. В письмах 70 гг. Ч. выступает как первый редактор присылаемых из Таганрога литературных опытов брата-гимназиста, но вскоре роли меняются, и беспристрастным критиком произведений старшего брата становится Антон Чехов. В целом он достаточно резко отзывался о беллетристических произведениях Ч., которым противопоставлял его письма, считая их «чертовски... художественными» (Чехов в А. П. Полн. собр. соч. и писем. Письма.— Т. I.— С. 194) и свидетельствующими о незаурядном природном таланте автора. Помимо «уроков творчества» Антон Чехов в письмах брату давал уроки практической этики и эстетики. На фоне стремительного духовного роста Антона Чехова особенно зримыми становились как писательские, так и жизненные неудачи Ч., повторившего общую судьбу большинства составивших «чеховскую артель» писателей-восьмидесятников, чье многообещающее начало оборачивалось, как правило, человеческой и творческой разбросанностью и несамостоятельностью.

Соч. Исторический очерк пожарного дела в России. Спб., 1892; Птицы бездомные. Спб., 1895; Святочные рассказы.— Спб., 1895; Хорошо жить на свете! — Спб., 1904; Княжеские бриллианты.— Спб., 1904; Из детства Антона Павловича Чехова. Спб., 1912; В гости у дедушки и бабушки. Спб., 1912; Письма А. П. Чехова его брата Александра Чехова.— М., 1939; Писатели чеховской поры. М., 1982. Т. I.— С. 76—107; Слушники Чехова.— М., 1982.— С. 112—120.
Лит. Е. жов И. С. Александр Павлович Чехов и его переписка с братом Антоном Павловичем // Письма А. П. Чехова его брату Александру Чехова.— М., 1939.— С. 3—27; Чехов М. П. Вокруг Чехова.— М., 1964.— С. 45—46; Чехов А. П. Из далекого прошлого.— М., 1960; Чухов А. П. Антон Павлович Чехов. Биография писателя.— М., 1987.— С. 15—18, 72—73. С. В. Тихомиров

ЧЕХОВ, Антон Павлович [17(29).I.1860, Таганрог—2(15).VII.1904, Баденвейлер, Южная Германия; похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище] — прозаик, драматург. Дед Ч. по отцу, крепостной из Воронежской губ., выкупил себя с семьей на волю и в конце жизни служил управляющим имением (отдельные его черты отражены в образе Фирса из «Вишневого сада»); детские впечатления Ч. от поездки к деду через приазовскую степь отразились в рассказах «Красавицы», «Счастье», повести «Степь». Отец Ч. владел в Таганроге небольшой бакалейной лавкой. В его натуре соединились стремление «выйти в люди» с непрактичностью и неумением вести дела, художественная одаренность — с властью и деспотичностью по отношению к домашним. У Ч. было четыре брата и сестра. Сыновья должны были помогать отцу в торговле, а также петь в организованном им церковном хоре. Наказания розгой, семейный деспотизм рано выработали в Ч. отвращение к несправедливости и насилию, обостренное чувство достоинства, стремление к независимости. Мать Ч., также внучка выкупившегося на волю крестьянина-крепостного, вносила в семью начала мягкости и человечности. «Талант в нас со стороны отца, а душа — со

стороны матери», — говорил впоследствии Ч. Из радостей детства ему навсегда запомнились купание в море, рыбалка, ранняя весна на Дону, ловля щеголов. Яркая способность к импровизации и подражаниям проявлялась в сценках, домашних представлениях, которые Ч. сочинял и разыгрывал с братьями. Учение вначале в греческой школе, а затем в классической гимназии особого интереса у Ч. не вызывало; дух казенщины и формализма, царивший в гимназии, впоследствии отражен в ряде его произведений, особенно в «Человеке в футляре». Гораздо большее влияние на его духовное становление оказали театр и библиотека. Завсегдаем галерки Таганрогского театра Ч. становится с тринадцатилетнего возраста; в исполнении местных трупп и заезжих знаменитостей он имел возможность увидеть на сцене русский классический репертуар, пьесы Шекспира, современные водевили и мелодрамы. В обширный круг чтения юного Ч. вошли Сервантес, Гюго, Тургенев, Гончаров, естественспытатель Гумбольдт, философ Бокль и наряду с ними разнообразные юмористические журналы и сборники. В 1876 г. отец Ч., окончательно разорившись, бежал от долговой тюрьмы в Москву, туда же уехала мать с младшими детьми. Антон остался в Таганроге и должен был зарабатывать уроками средства на жизнь и учение и еще высылать небольшие денежные переводы семье. К этим годам относятся известные нам лишь по названиям литературные опыты Ч. Гимназистом он выпускает рукописный журнал с карикатурами «Занка», какие-то юморески посылает под псевдонимами в столичные журналы (печататься Ч. начал, очевидно, не позже 1878 г.), пишет несохранившиеся комедии «Нашла коса на камень» и «Недаром курица пела» и создает большую драму «Безотцовщина».

В 1879 г. Ч. поступает на медицинский факультет Московского университета. Сразу по приезде в Москву Ч. принимает на себя заботу о родителях и младших; почти единственным средством существования семьи становятся его литературные заработки. Занятия в университете Ч. соединяет с разнообразной и непрерывной литературной работой.

Серьезные надежды Ч. связывал с привезенной в Москву (и, возможно, здесь переработанной) своей большой драмой. Сохранился единственный список этой пьесы, без титульного листа; в наши дни в разных изданиях и постановках она получала заглавия «Платонов» (по имени главного героя), «Пьеса без названия», «Безотцовщина». Первая пьеса Ч. построена как проблемное произведение о современном человеке. Главный ее персонаж, провинциальный учитель, наделен нравственной неустойчивостью и одновременно потребностью осознать свое назначение. В своих монологах Платонов вершит суд над собой и окружающими. В пьесе много разговоров о проблемах и событиях эпохи, она чрез-

вычайно велика по объему и наполнена внешними эффектами, но в ней уже угадываются многие мотивы, прошедшие потом через все творчество Ч. Посланная ведущей актрисе Малого театра М. Н. Ермоловой, пьеса была возвращена, очевидно, непригодной; после этого Ч. предал ее забвению, и при его жизни она оставалась никому не известной. Попытка войти в русскую литературу с серьезным, проблемным произведением оказалась неудачной. Но изначальные особенности таланта Ч. — юмор и наблюдательность — позволили ему не отступить, а пойти иным путем, завоевав вначале юмористические журналы и газеты.

Первые известные опубликованные произведения Ч. «Письмо к ученому соседу» и «Что чаще всего встречается в романах, повестях и т. п.?» (Стрекоза. — 1880. — № 10. — 9 марта) — пародии, излюбленный жанр юмористических журналов. Пародии составляют приблизительно половину первого сборника произведений Ч. «Шалость», подготовленного им к печати в середине 1882 г., но не увидевшего свет. Выбирая свою позицию в литературе, нащупывая свою тему, молодой Ч. пробует себя одновременно и в «серьезных» и в юмористических жанрах. Опытом психологического повествования стали повести «Живой товар» и «Цветы запоздалые» (герой последней доктор Топорков, интеллигент-приобретатель, дальний предшественник Ионыча). Ч. откликается на «деревенскую тему», одну из главных в русской литературе 80 гг. (рассказ «За яблочки», связанный с традициями еще антикрепостнической сатиры; в ином социально-психологическом ключе — рассказ «Барыня»), задумывает цикл «Сельские картинки» (рассказ «Суд»). Особенно интересует Ч. мир артистов: шесть рассказов на эту тему составили его сборник «Сказки Мельпомены» (1884); и здесь комическая и серьезная установки распределяются приблизительно поровну. Два наиболее крупных по объему произведения Ч. первых лет повесть «Ненужная победа» (1882) и «уголовный» роман «Драма на охоте» (1885), имея внешние признаки пародий, перерастают чисто пародийную задачу, содержат начатки психологизма, жанровых и пейзажных описаний. Но при всем стилевом разнообразии ранних произведений Ч. в них преобладает стихия юмора. В рассказе «Марья Ивановна» (1884), своего рода автокомментарии к раннему творчеству, Ч. относит себя к числу «литературных поденщиков», «завсегдаев юмористических журналов», «пишущих по смешливой части». Все эти произведения печатаются под псевдонимами *Антоша Чехонте*, *Человек без селезенки*, *Брат моего брата* и др. — всего известно свыше 50 чеховских псевдонимов.

Количественно самое большое место в юмористике Ч. занимают шуточные афоризмы, подписки к рисункам, пародийные календари, отчеты, словари, руководства, объявления — все, что под-

ходит под широкую жанровую рубрику юмористической «мелочишки» («Контора объявлений Антоши Ч.», «И то, и сё», «Задачи сумасшедшего математика», «Календарь «Будильника» на 1882 год», «Философские определения жизни», «Пеперутанное объяснение», «Краткая анатомия человека», «Несообразные мысли» и мн. др.). Задолго до начала сотрудничества Ч. в «Стрекозе», «Зрителе», «Будильнике» сложились каноны этого жанра, которые он быстро освоил и превзошел, создав такие шедевры юморески, как «Письмо к ученому соседу», «Жалобная книга», «Жизнь прекрасна! (Покушающим на самоубийство)» и др. С конца 1882 г. Ч. начинает сотрудничать в петербургском журнале «Осколки», который под руководством Н. А. Лейкина завоевал ведущее положение в юмористической прессе. «Осколки» в первые годы своего существования, до закрытия в 1884 г. шедринских «Отечественных записок», стремились играть роль своего рода сатирического спутника при главном печатном органе демократии, продолжать традиции сатирической журналистики 60 гг. Ч., как и другие авторы «Осколков», во многих юморесках отклоняется на злободневные политические, социальные вопросы, пишет об умонастроениях русского общества в первые годы наступившей реакции, высмеивает охранительно-полицейские меры, не бывающее распространение шпионства и доносов, усиление цензурного произвола («Мысли читателя газет и журналов», «Вопросы и ответы», «3000 иностранных слов, вошедших в употребление русского языка» и др.). В отдельных произведениях Ч. использует шедринские темы, образы, словарь. Прибегая в жанре «мелочишки», адресованной массовому читателю, к некоторой стилизации «под Шедрина», Ч. добивался особой выразительности сатирических выпадов.

Усвоение традиций классической литературы одновременно с решительным переосмыслением многих из них станет определяющей чертой литературной позиции Ч. Так, в раннем чеховском творчестве была переосмыслена ситуация, восходящая еще к гоголевской «Шинели»: маленький чиновник в столкновении с «начальством», «значительным лицом». Серию рассказов на эту тему: «Двое в одном», «На гвозде», «Рассказ, которому трудно подобрать название», «Депутат, или Повесть о том, как у Дездемонова 25 рублей пропало», «Сушая правда» — Ч. завершил «Смертью чиновника» и «Толстым и тонким». В первой редакции рассказа «Толстый и тонкий» (1883) мотивировка поведения «тонкого» была традиционной: он раболепствовал и унижался, так как «толстый» оказывался его прямым начальником и распекал за опоздание на службу. Включая рассказ в 1886 г. в сборник «Пестрые рассказы», Ч. переработал его, сняв подобную мотивировку. Теперь «толстый» изображен нейтрально, главным объектом осмеяния стал маленький чиновник, который подличает и пресмы-

кается, когда его к этому никто не вынуждает. Показывая, как сам объект унижения становится его глашатаяем, Ч. утверждал более трезвый взгляд на природу рабской психологии.

«Толстый и тонкий» написан в жанре «сценки»; основные достижения Ч.— юмориста и сатирика относятся именно к этому жанру. Сценка — короткий юмористический рассказ, картинка с натуры, комизм которого состоит в передаче разговора персонажей,— восходит к традициям Гоголя, Островского, Н. Успенского, Слепцова. Приобретая к началу 80 гг. под пером Лейкина черты жанровой завершенности, сценка стала главенствовать в «Осколках». Ч. виртуозно овладел техникой «осколочной» сценки и поднял ее до уровня большой литературы. В духе поэтики сценки у Ч.— особые приемы краткости, сводящие к минимуму описания и пояснения; заглавия — простые и незатейливые, называющие место действия, или действующих лиц, или предмет, вокруг которого строится действие («В Москве на Трубной площади», «В бане», «Справка», «Налим», «Жених и папенька», «Гость», «Утопленник»), реже — иронические или пародийные заглавия («Злоумышленник», «Хамелеон», «Дипломат», «Счастличик», «Сирена», «Интеллигентное бревно», говорящие и забавные фамилии (дьячки Вонмигласов и Отлукавин, мастер Хрюкин, полицейский надзиратель Очумелов, городской Елдырин, авторша драмы Мурашкина, француз Шампунь, староста Шельма, генералы Булдеев и Запупырин, купцы Ескимосов и Пятрылов, актеры Унылов и Дикобразов и т. п.). Главное в сценке — речь персонажей, одновременно правдоподобно-бытовая и смешная. Установка сценки — писать непременно смешно и непременно коротко — ограничивала Ч., но и позволяла ему пройти школу краткости и особой выразительности деталей. Значительно расширились традиционные представления о возможных источниках тем и сюжетов литературных произведений.

В основе юмора чеховских сенок лежит не просто наблюдательность, меткость деталей, живость языка и т. п. Искра смешного высекается, когда в густонаселенном мире Ч. сталкивается несовместимое — разные представления, заставшие формы поведения, системы понятий, правил, мнений. Уже в юмористических сценках и рассказах присутствуют темы поздних произведений Ч. Он смеется над несуразностями мышления и поведения, пустыми претензиями, безуспешными попытками подогнать под какой-нибудь шаблон непредвиденную сложность жизни («Хирургия», «Канитель», «Экзамен на чин», «Хороший конец»). Герои чеховских сенок не в силах безошибочно ориентироваться в иерархическом мире разных чинов, званий, орденов, состояний, и социальная пестрота и неравенство то и дело ведут к столкновениям и недоразумениям («Орден», «Свадьба с генералом», «Винт», «В бане», «Маска»). Чехов-юморист пишет о бесконечном мно-

жестве и разнообразии путей жизненного поведения, о непонимании друг друга («Антрепренер под диваном», «Конь и трететная лань», «Контрабас и флейта», «Иван Матвейч»). Теплый юмор рассказов Ч. о детях также основан на столкновении разных типов сознания. В детском восприятии и мышлении мир как бы увиден заново, сопоставлен с неожиданной шкалой мер и ценностей; то, что привычно и узаконено во взрослом мире, обнаруживает свою относительность в детском («Гриша», «Кухарка женится», «Детвора», «Событие»).

Использование Ч. отдельных особенностей поэтики «осколочной» сценки сопровождалось постепенным выходом за пределы задач и возможностей жанра. Под давлением свирепшей цензуры редактор «Осколков» Лейкин предложил «сократиться», избегая сколько-нибудь серьезных тем, «осколочная» юмористика лишалась общественного и литературного значения. С 1885 г. Ч., продолжая сотрудничать в «Осколках», начинает печататься в разделе «летучие заметки» «Петербургской газеты», где поместил такие произведения, как «Лошадина фамилия», «Егерь», «Унтер Пришибеев», «Тоска», «Ванька», «Беглец», «Мальчики» и др. Среди них есть типично «осколочные» рассказы, однако в большинстве из них трактовка действительности перестает быть исключительно юмористической. В произведениях Ч. намечается чрезвычайное разнообразие тональности. Юмор не исчезнет никогда из творчества Ч., но приобретет новые оттенки, соединится с иным пафосом. «На деревню дедушке» («Ванька») — такой адрес нелеп, а потому смешно уже сам по себе. Но столкновение иллюзии, ложного представления с живой болью, страданием полуграмотному Ваньке Жукову расчитано на более сложную читательскую реакцию. Ионе Потапову, схоронившему сына («Тоска»), некому поведать печаль свою среди толп большого города. Сам он, как это станет обычным для героев Ч., не в силах правильно понять причины своей тоски, и единственным слушателем его оказывается лошаденка. Но авторская усмешка по поводу ложности представлений или несуразности поведения героя растворяется в сочувствии к нему — обыкновенному, заурядному человеку. Рождается тот эффект «теплоты», о котором в эти годы не раз пишет Ч.

Свои юмористические произведения Ч. объединил в сборники «Пестрые рассказы» (1886) и «Невинные речи» (1887). Критика, признав талантливость Ч., увидела в его рассказах лишь внешний комизм, сочла его «безыдейным, легкомысленно равнодушным к серьезным вопросам жизни» автором «эфемерных шаржей» (А. М. Сабичевский). Но наиболее чутким читателям уже стала ясна значительность творчества Ч. Большая надежда на него возлагает Н. С. Лесков. «Переворотом в литературе» называет рассказы Ч. Д. В. Григорович. Его письмо к Ч. в марте

1886 г. сыграло для писателя важную роль, заставив его поверить в себя. С 1886 г. пишет он рассказы для «субботников» — беллетристического раздела газеты «Новое время», подписывая их уже своим настоящим именем. Впоследствии, в 90 гг., Ч. порвет с «Новым временем», от большинства его реакционных и беспринципных авторов он отделит себя с самого начала, но сотрудничество в самой большой общерусской газете дало Ч. возможность впервые обратиться к широкому кругу новых для себя читателей, интересующихся в беллетристике не просто легким чтением, но размышлениями о жизни, психологией персонажей. Рассказы, помещенные Ч. в «Новом времени»: «Ведьма», «Агафья», «Тайный советник», «Учитель», «Враги», «Верочка», «Счастье», «Поцелуй» и др. Созревший художественный и человеческий талант Ч. обусловил переход его от насмешки — к анализу, от характеров смешных — к сложным, противоречивым, к изучению и воспроизведению жизни во всей ее полноте.

Жизненный опыт Ч. в эти годы значительно расширился. По окончании университета в 1884 г. он работает врачом в Воскресенске, Звенигороде; там он не только лечит больных, но и ездит на вскрытия, выступает экспертом в суде и т. д. Много наблюдений продолжает давать ему работа постоянного московского корреспондента «Осколков» (фельетоны «Осколки московской жизни»). Летние месяцы с семьей он проводит в подмосковной усадьбе Бабкино; расширились знакомства Ч. среди молодых художников, литераторов; окрепла его дружба с И. И. Левитаном. Определяющую роль в творческом развитии Ч. сыграл дух эпохи «мысли и разума» (В. И. Ленин), новые тенденции в развитии русской литературы, та научная школа, которую Ч. прошел в стенах Московского университета.

С середины 1884 г., времени окончания университета, до выхода повести «Степь» в начале 1888 г. Ч. создал более 350 произведений. Это период «многописания». Значительная их часть относится к жанру, который сам Ч., в отличие от «мелочишки» и «сценки», называл «серьезным этюдом». В газетных рассказах окончательно складывались поэтика и стилистика чеховского художественного мира. Исследование жизни в рассказах-этюдах ведется в разных направлениях. В некоторых из них Ч. решает задачу описания разнообразных жизненных положений, бытовых явлений, психологических состояний. Тут в большинстве случаев сами названия говорят о себе: «Его первая любовь (Волода)», «Страхи», «Сильные ощущения», «Тиф», «Скука жизни», «Горе», «Свадьба», «Старость», «Поцелуй». Другую группу составляют исследования разнообразных характеров, темпераментов, психологических типов («Отец», «Почта», «Задача», «Холодная кровь», «Необыкновенный», «Обыватели»). Нередко такие зарисовки разновидностей и оттен-

ков человеческой психологии Ч. выполняет в юмористическом, «осколочном» ключе («Сирена», «Длинный язык», «Тсссс!», «Мыслитель», «Розовый чулок»), в других случаях отношение автора к героям объективно-исследовательское («Тайный советник», «Тина», «Учитель»). Еще один круг рассказов-этюдов посвящен изучению тех или иных социальных групп, сословий, слоев населения. В первую очередь это рассказы, где главные действующие лица — крестьяне: «Егерь», «Злоумышленник», «Свирель», «Счастье», «Ты и вы», «Темнота», «Мечты». Разнообразные типы людей из народа, коллективная народная психология, колоритная речь — все это передано Ч. со всесторонней осведомленностью и тонкой проникновенностью. Особые группы рассказов этого типа составляют рассказы об актерах и художниках («Первый любовник», «Юбилей», «Талант», «Критик», «Актёрская гибель»), рассказы о детях («Мальчики», «Беглец»).

Критика не понимала своеобразия и новаторства этих рассказов. Н. К. Михайловский утверждал, что Ч., подобно фотографическому аппарату, делает случайные, хотя и талантливые, снимки с жизни, лишенные внутреннего смысла. Между тем рассказы-этюды, как и сценки Ч. дают чрезвычайно широкую картину жизни России в 80 гг., представленную в поразительном разнообразии аспектов и лиц.

Ч. не «специализируется» на изображении какой-либо социальной группы или психологического типа; в этом он видит свое отличие от Гаршина, Короленко и др. литературных сверстников и современников. В рассказах Ч. 1885—1887 гг. окончательно определяется тип чеховского героя, а также основной объект изображения. Это «средний человек» и повседневная, быденная жизнь. В творчестве Ч. своеобразно отразился поворот, прорванный всей русской литературой в 80 гг. Л. Толстой, Салтыков-Щедрин в произведениях этих лет ищут о самых обыкновенных людях, их быте и психологии. Литературные спутники Ч. этих лет И. Потапенко, К. Баранцевич, И. Ясинский, И. Леонтьев-Щеглов (которых Ч. назвал «артелью восьмидесятников», не отделяя себя от них) также изображали «среднего человека» и обыденную жизнь. «Средний человек» — у Ч. это инженер, врач, учитель, адвокат, студент, офицер, статистик, землец (а также и помещик, и крестьянин, и чиновник, и священник, но показанные иначе, чем в литературе предшествующих десятилетий) понимается теперь как представитель массы, как всякий человек. В нем отсутствует какая-нибудь необычность, незаурядность, главное в нем обыкновенность, распространенность. Такое понимание Ч. разделяет с писателями своей эпохи. Русская литература откликнулась на глубинные сдвиги, происходившие в традиционной сословно-классовой структуре русского общества, делала важные шаги на пути дальнейшей демократи-

зации. Таким образом, не само по себе обращение к обыкновенному человеку и его повседневной жизни составляет суть чеховского новаторства, а стремление рассмотреть людей разных сословий и состояний под единым углом зрения, найти закономерности, характеристики сознания «среднего человека».

Объединяющим началом произведений Ч. становится новый тип события, связанный с интересом писателя к сознанию героя, его попыткам «ориентироваться в жизни». Новую трактовку события Ч. предлагает в рассказах середины 80 гг. («Тапер», «Переполюх», «Знакомый мужчина», «Кошмар», «Следователь», «Хористка», «Житейская мелочь» и др.). Главное событие в них — сдвиг в сознании героя, открытие им для себя жизни с новой, неожиданной стороны, осознание враждебности жизни, невозможности разобраться в ней. А описанные в них происшествия — скандал на купеческой свадьбе, неожиданный визит жены к любовнице мужа, смерть от отравления и т. п. — лишь повод к этому открытию. В результате создается иллюзия «бессобытийности» в чеховских произведениях, тогда как изменился сам характер события: не столько какое-то «происшествие», «случай», сколько его восприятие, переживание и осмысление героем, переход от «казалось» к «оказалось». В отличие от героев Достоевского, Толстого, среди героев Ч. почти нет идеологов, философов, носителей стройных систем знаний и убеждений. Чаще всего Ч. изучает работу самого заурядного, обыкновенного сознания, наблюдает характерные для него ошибки, ловушки, обманы. Это позволяет увидеть общие основы тех перемен, которые происходили в массовом сознании эпохи.

В эти годы Ч. вырабатывает и своеобразные способы исследования сознания, психики своих героев. Ч. — первый крупный русский писатель, мировосприятие и творческие принципы которого сложились под решающим воздействием естественных наук. Позже в автобиографии он напишет о серьезном влиянии на его литературную деятельность занятий медициной: «они значительно раздвинули область моих наблюдений... они имели также и направляющее влияние». Труды Дарвина, научная школа, которую Ч. прошел в университете под руководством таких выдающихся медиков, как С. С. Корсаков, А. И. Бабухин, Ф. Ф. Эрисман, Г. А. Захарьин (Захарьина в медицине Ч. ставил наравне с Толстым в литературе), врачебная практика вырабатывали умение «мыслить по-медицински», подсказывали направление анализа. Ч. не раз упоминает в письмах и рассказах о методе «индивидуализации отдельного случая»: всякая болезнь, учил своих слушателей Захарьин, интересна прежде всего своими осложнениями; не существует болезни «вообще», есть конкретные болезни. Особое внимание в школе Захарьина уделялось распросу больного о его положении и состоянии.

Подобный метод индивидуализации Ч. стремился распространить и на исследование жизненных ситуаций, психических процессов, человеческого сознания в литературе. В своих рассказах-этюдах он прослеживает, как соотносятся повседневный быт, окружающий человек, и формы его сознания, какое выражение психические и мыслительные процессы находят в речи и поведении. Мелочи, штрихи, внешние случайные черты обстановки Ч. вводит в описания, чтобы показать многообразие факторов, обуславливающих настроение и поступки человека («Рассказ без конца», «Задача», «Его первая любовь», «Мечты», «Верочка», «Поцелуй»).

Среди слагаемых картин жизни в произведениях Ч. этого времени непременно присутствует красота в разнообразных ее проявлениях. Красота свободной, ничего не боящейся страсти («Агафья») и красота творчества безвестного поэта-монаха («Святою ночью»), женская красота («Ведьма», «Красавицы») и та «тонкая, едва любимая красота человеческого горя, которую можно еще научиться понимать и описывать и которую умеет передавать, кажется, одна только музыка» («Враги»). Постоянно для Ч. вопрос о месте красоты в сознании и поведении людей. Чаще всего это гибнущая, пропадающая (как в «Ведьме», «Панихиде»), преследуемая, несущая наказание (в «Агафье») или не замечаемая людьми красота («Святою ночью», «Припадок»). Правда и красота неразрывны в произведениях Ч.

Опробованный в прозе единый идейно-философский угол рассмотрения действительности Ч. переносит и в драматургию. Осенью 1887 г. он пишет комедию «Иванов» — первую увидевшую свет рампы. Поставленная в Московском театре Корша, пьеса возбудила «всеобщее аплодисменто-шканье» и вызвала разноречивые отзывы критики. В «Иванове», как и в юношеской драме, в центре пока один главный герой. но по характеру события, сюжета эта пьеса содержала уже черты нового театра. Основные события здесь происходят в сфере сознания героев. Событие, определившее судьбу Иванова, невидимо, но вполне определено: это переход его из одного мировоззренческого состояния в другое. Иванов разлюбил жену, запутался в хозяйстве, устал от собственных затей и реформ, «стал брюзгой». Прежняя система ориентации и поведения, в правильность которой еще за год до начала действия Иванов верил, теперь кажется ему ложной, он «готов уже отрицать» все, что вчера утверждал. В письмах Ч. указывал, что он стремился охватить единым осмыслением самые различные виды перемен убеждений и настроений. В «Иванове» Ч. откликается на ситуацию, прямо подсказанную эпохой 80 гг. Как герой его пьесы, Ч. считал, что все русское интеллигентное общество от «возбуждения» двух предшествующих десятилетий пришло в 80 гг. к «утомлению», утрате преж-

них верований. Через год Ч. переработал «Иванова» для постановки в Петербургском Александринском театре и дал пьесе, кончающейся самоубийством героя, подзаголовок «драма». Вступил в действие еще один, типично чеховский, принцип художественного мышления: то комическая, то драматическая трактовка одних и тех же явлений, единая основа комического и драматического.

Вслед за «Ивановым» Ч. пишет водевиле «Гамлет, принц Датский» (не окончен, сохранился лишь план), «Медведь», «Предложение» (оба — 1888). В этих водевилях, как и в более поздних: «Свадьба» (1890) и «Юбилей» (1891), тот же тип события, что и во многих рассказах Ч.: столкновение носителей разных взглядов и типов жизненного поведения, при этом форма такого столкновения — «скандал и общий кавардак». Яркий комизм, неподдельная веселость обеспечивали чеховским водевилям неизменный успех при постановках на столичных и провинциальных сценах.

1887 год — последний год чеховского «многотворчества». В этом году он написал 65 рассказов, в 1888 г. — только 9. В декабре 1887 г. Ч. прекращает постоянное сотрудничество в «Осколках», в следующем году — в «Петербургской газете». В 1887 г. в письмах Ч. появляются упоминания о его работе над романом; замысел романа остался незавершенным, написанные главы, видимо, в переработанном виде вошли в поздние произведения. В 1887 г. выходит сборник рассказов Ч. «В сумерках», за который Академия наук присуждает ему половинную Пушкинскую премию. В ближайшие годы выходят сборники «Рассказы» (1888), «Хмурые люди» (1890). Завязываются и расширяются связи Ч. с А. Н. Плещеевым, Н. К. Михайловским, Г. И. Успенским, В. Г. Короленко, П. И. Чайковским. В марте 1888 г. повестью «Степь» Ч. дебютировал в «толстом» журнале «Северный вестник». «Степь» явилась своего рода итогом раннего творчества Ч.: в ней соединились юмор, лиризм, мастерство бытовой зарисовки и пейзажа. Задачу своей повести Ч. видел в том, чтобы показать, «какое богатство, какие залежи красоты остаются еще не тронутыми и как еще не тесно русскому художнику». В «Степи» есть новое качество, которое будет отличать многие поздние произведения писателя: картина жизни вырастает в ней до обобщения, до символа. В поэтическом описании поездки через степь мальчика Егорушки Князева встал образ «суровой и прекрасной Родины». Ч. собрался писать продолжение «Степи» и формулировал основную мысль, которую думал положить в основу этого неосуществленного замысла: «Русская жизнь бьет русского человека так, что мокрого места не остается, бьет на манер тысяченудового камня... Простора так много, что маленькому человеку нет сил ориентироваться». Этой концепцией русской жизни объединены произведе-

ния Ч. конца 80 гг. Герои «Степи» и написанных вслед за нею повести «Огни», рассказов «Неприятность», «Припадок» пытаются «решить вопрос», найти ориентиры для понимания жизни, и у каждого «нет сил ориентироваться»; все они чувствуют себя беспомощными в «чужом, непонятном мире».

К концу 80 гг. складывается особый чеховский тип авторской позиции: в письмах этого времени Ч. формулирует принцип объективности творчества. Повествование в рассказе или повести, считает Ч., необходимо «строить в тоне и духе» героя; мир предстает в произведении не «вообще», а преломленный в конкретном воспринимающем сознании. Описание природы, обстановки приобретает, таким образом, особую компактность: оно и включает в себя картину мира, и характеризует воспринимающего героя, и воплощает его эмоциональное отношение к миру. Так описываются гроза в «Степи», первый снег в «Припадке», компания гостей в «Именинах» и т. д. В тех случаях, когда герои в своих спорах, размышлениях касаются мировоззренческих, этических проблем, Ч. не предлагает непреложного авторского их решения: «Художник должен быть не судьей своих персонажей и того, о чем говорят они, а только беспристрастным свидетелем», задача художника не решение, а «правильная постановка» вопроса. Ч. отказывается от традиционного выражения авторской точки зрения («стами героя»), от авторских деклараций, от проповеди. Ложность, непоследовательность или иллюзорность взгляда героя раскрываются через логику его судьбы, объективную иронию действительности — так создается впечатление, что в произведении говорит сама жизнь, не скованная авторской предвзятостью. Дело было не в отказе Ч. от определенной авторской позиции, как предполагала критика, а в коренном ее изменении. Читатель чеховских произведений приходит к выводу без подсказки автора, но лишь благодаря тому, что проведена четкая граница между правильной и ложной постановкой вопросов.

Крупное проблемное произведение повесть «Скучная история» (1889). Ч. создал в месяцы, следовавшие за смертью его брата — художника Николая. Горечь первой семейной утраты, раздумья над исканиями русской интеллигенции, над важными проблемами человеческого бытия отразились в повести. Ее герой, старый профессор-медик, переживает душевную драму, во многом сходную с той, которую переживал герой «Иванова». Не в силах решить множество жизненных вопросов, нахлынувших на него в последние месяцы, герой приходит к выводу о том, что ему недостает «общей идеи». Ч. предупреждал, что в мнениях, которые высказывает профессор, нельзя искать его, чеховских мнений. Но читатель «Скучной истории» чувствовал заинтересованность автора раздумьями персонажа. Авторская позиция в «Скучной истории» включает не-

возможность удовлетворяться всеми известными «общими идеями» и одновременно жажду жизни осмысленной и одухотворенной. Главным героем пьесы «Леший» (1889) помещик и врач Хрущев в отличие от героя «Иванова» — «человек ненужный», увлеченный живым делом, спасением и насаждением лесов. Но вновь речь идет о вреде, который вносит в человеческие отношения привычка судить друг о друге предвзято, наклеивать ярлыки, выносить безапелляционные приговоры. Среди всех чеховских пьес «Леший» выделяется своим светлым, умиротворенным концом, герою ее приходит к конечному выводу о ценности жизни, любви, человечности. Поставленный в частном московском театре, «Леший» успеха не имел и впоследствии был переработан в пьесу «Дядя Ваня».

В 1888 г., откликаясь на смерть путешественника Н. М. Пржевальского, Ч. написал короткую статью о «людях подвига, веры и ясно осознанной цели», в которой говорил о «громдном воспитательном значении» деятельности таких людей и о том, что «подвижники нужны как солнце». Подвигом самого Ч. стала его поездка на Сахалин в 1890 г. Ч. решил ехать на Сахалин как раз тогда, когда к нему пришел прочный читательский успех и он был признан самым талантливым среди нового поколения русских писателей. Но роль популярного беллетриста, произведения которого нравятся публике, уже не могла его удовлетворить. Как художник и гражданин, он созрел для того, чтобы говорить современникам суровые истины о действительности, бросить вызов иллюзиям, разделяемым всеми в «образованном обществе». Для этого он решил взвалить на себя «непрерывный полугодовой труд, физический и умственный», взглянуть на Россию с ее каторжной окраины, на места «невynosимых страданий, на какие только бывает способен человек вольный и подневольный». Ч. преодолевает нелегкий путь через всю Россию, на Сахалине за три месяца проводит огромную работу по переписи и обследованию каторжного населения, заполняет около 10 тысяч статистических карточек. Поездка на Сахалин обострила туберкулезный процесс, первые признаки которого дали о себе знать еще в студенческие годы. Обратный путь Ч. проделал на пароходе через Индийский океан, остров Цейлон, Красное море. В следующем, 1891 г., Ч. получил возможность еще раз взглянуть на русскую жизнь со стороны: во время поездки в Европу он посещает Вену, города Италии и Франции. Зимой 1891/92 гг. Ч. участвует в помощи голодающим крестьянам Воронежской губ. Общественной деятельностью Ч. занимается с первых месяцев его жизни в небольшом подмосковном имении Мелихово, где он поселился с родителями весной 1892 г. В мелиховский период Ч. лечит крестьян, в холерные 1892 и 1893 гг. заведует врачебным участком, открывает медицинский пункт, строит несколько школ, пишет.

Сахалинская поездка углубила принципы, уже утвердившиеся в творчестве Ч. к концу 80 гг. Еще во время подготовки к путешествию Ч. пришел к выводу, что русское общество убаюкивает себя ложными представлениями, считая, что всю вину за Сахалин можно возложить на «тюремных красносных смотрителей»: нет, утверждал Ч., «виноваты не смотрители, а все мы». Книга «Остров Сахалин» (1894) внешне спокойна, почти академична, но проникнута пафосом опровержения всеобщих иллюзий. Книга о Сахалине разоблачала не только ужасы каторжного острова, но и ложь о нем, распространяющуюся как официальной пропагандой, так и поверхностной «обличительной» литературой. Число произведений Ч., действие которых так или иначе связано с каторгой и ссылкой, невелико: «Гусев», «Бабы», «В ссылке», «Рассказ неизвестного человека», «Убийство». Но отныне в творчестве Ч., по его словам, «все просахалинено».

В повести «Дуэль» (1891), по месту действия совсем далекой от Сахалина, основной конфликт строится вокруг проблемы правильных оценок человеческого поведения — проблемы, занимавшей Ч. в прежних произведениях, но обретшей особое значение после поездки на каторгу. Герой повести — зоолог, социал-дарвинист фон Корен, выступающий как прокурор нравственного закона, в запальчивости готов физически уничтожить безвольного, изолгавшегося чиновника Лаевского. Каковы основания для справедливой оценки человека? Можно ли на основе чувства ненависти или какой-либо «общей теории» (в данном случае — социал-дарвинизма) окончательно осудить человека? На этот вопрос Ч. ответил отрицательно самим сюжетом повести, ее развязкой, где автор заставляет бывших противников пожать друг другу руки и сказать: «никто не знает настоящей правды».

В пору самых безрадостных раздумий писателя написана повесть «Палата № 6» (1892). История двух жителей провинциального городка Рагина и Громова, врача и пациента, которые неизбежно, хотя и совершенно разными путями, попадают в палату для умалишенных, откуда им уже не выбраться, воспринималась современниками как символическое обобщение русской жизни. По словам Н. С. Лескова, «в «Палате № 6» в миниатюре изображены общие наши порядки и характеры. Всюду — палата № 6. Это — Россия...». Повесть Ч. перешла в либеральный журнал «Русская мысль»; отныне все крупные произведения его будут печататься в этом журнале, а небольшие рассказы — в основном в газете «Русские ведомости».

В послесахалинские годы Ч. освобождается от того влияния, которое имела на него моральная проповедь Л. Толстого. Повесть Толстого «Крейцера соната», до поездки на Сахалин восхитившая Ч., в нач. 90 гг. вызывает полемику в его произведениях, связанных с проблемами любви,

брака, семейных отношений: «Дуэль», «Жена» (1892), «Три года», «Супруга», «Ариадна» (все — 1895). Восхищаясь художественным гением Толстого, поддерживая толстовскую критику современного общества, Ч. не соглашался с догматичностью и доктринерством толстовской проповеди. Там, где Толстой генерализировал, провозглашал общеобязательные истины, Ч. предпочитал «индивидуализировать», показывая, что жизнь в ее реальной сложности может вести к непредсказуемым поворотам в человеческих судьбах («Дуэль», «Жена», «Три года»). Толстовской «простой истине», общей для всех, Ч. противопоставляет множество случаев и обстоятельств, осложняющих эту истину, делающих ее не универсальной и не абсолютной. Сам Толстой ценил талант Ч.-прозаика, считая, что тот создал «новые, совершенно новые для всего мира формы письма», любил его (личное знакомство между ними состоялось в 1895 г.), но не принимал чеховского отказа от морального учительства.

Основная тема рассказов, повестей, пьес, написанных Ч. в 90 гг. — жизнь обыкновенных русских людей, современников писателя. Чаще всего Ч. пишет об иллюзиях, заблуждениях, неадекватности поступков и несостоятельности жизненных программ («Попрыгунья», 1892; «Скрипка Ротшильда», 1894; «Учитель словесности», 1894; «Убийство», 1895; «Чайка», 1895; «Дядя Ваня», 1896). О ложных представлениях, овладевающих людьми и определяющих их судьбы, повествует каждый из рассказов «маленькой трилогии» (1898). Герои ее связаны скрытой общностью: гимназический учитель Беликов, который свел свою жизнь к следованию инструкциям и правилам, с его девизом «как бы чего не вышло» («Человек в футляре»), чиновник Чимша-Гималайский, который подчинил всю жизнь покупке именина с крыжовником («Крыжовник»), помещик Алехин, который, будучи влюблен, позволил сдерживающим соображениям настолько овладеть собою, что погибла сама любовь («О любви»). — каждый из них пытается подчинить жизнь какой-либо узкой программе, заключить ее в некий футляр. В первом рассказе трилогии футляр носит явно социально-политическую окраску: в «Человеке в футляре» Ч. дает краткую, точную, сатирическую, порой гротескную характеристику жизни всей русской интеллигенции и вообще России в только что закончившееся царствование Александра III. Но Ч. видит сковывающую силу «футляра» и там, где, казалось бы, каждый человек свободен, сам выбирает программу собственной жизни. В последней главке рассказа «Июныч» (1898) изображена еще одна разновидность «футляра», когда главной и единственной целью бытия становится приобретательство. Ч. не предлагает читателю никаких утешений, спасительных рецептов, счастливых развязок. Писатель показывает иллюзорность, непрочность и таких, казалось бы, бесспорных и общепризнанных жиз-

ненных программ, как труд, семья, приобщение к искусству. Культура, интеллигентность — ни одна из них не служит в художественном мире Ч. спасением или окончательным прибежищем героя, не обладает абсолютной ценностью. Ни здоровье, ни работа, ни влюбленность, ни презрение к обывателям не оказались достаточным противодействием против превращения Дмитрия Старцева в Июныча. Немного стоит, показывая Ч., и словесный протест, не способный поколебать зло и кончающийся плачевно для самого протестующего («Гусев», «Палата № 6»). Такая авторская позиция, беспощадно правдивая и чуждая утешительству, вызвала неприятие критиков и протест части читателей, требовавших от Ч. «мажорных аккордов», «более жизнерадостных вещей». Но, как писал о Ч. в статье «По поводу нового рассказа А. П. Чехова «В овраге» (1901) М. Горький, «страшная сила его таланта именно в том, что он никогда ничего не выдумывает от себя, не изображает того, «чего нет на свете», но что может быть и хорошо, может быть и желательно».

Авторская позиция определила и характер конфликта в произведениях Ч. Врагами чеховских героев нередко оказываются пошлость, царящие вокруг них обывательские нравы и порядки. Но, считая конфликты героя со средой («среда заела») или благородного героя с негодными безнадёжно устаревшими, Ч. предпочитает строить столкновения и сопоставления своих героев на иной основе. Среда, окружение играют в чеховских произведениях роль лишь усугубляющих факторов, основная же причина несчастья героев — в них самих, в характере их взаимоотношений. В рассказах и повестях, в которых друг другу противостоят два персонажа («Враги», «Именины», «Дуэль»), наиболее распространенный вид антагонизма — непонимание людьми друг друга в силу поглощенности каждого своим «вопросом», своей «правдой» или своим «ложным представлением». И это позволяет Ч. указать на сходство между противостоящими друг другу персонажами, увидеть общее там, где другим виделась бы лишь непримиримость и противоположность. В «Палате № 6» Рагин и Громов противоположны только до известного предела, за которым начинаются их разительное сходство и общая судьба. Герои «Черного монаха» (1894) совершают ошибки, ломая судьбу друг друга и обвиняя в своей жизненной трагедии другого, и здесь герои уравнины скрытой общностью, одинаковой страдательной зависимостью от враждебной им жизни. Особенно наглядно новизна конфликта проявилась в чеховских пьесах. В «Чайке» то же равнораспределенное построение конфликта, персонажи, казалось бы, полярно разведенные в своем отношении к любви и искусству, на деле обнаруживают скрытую общность. Это ведет к тому, что авторские представления о жизни раскрывает не один централь-

ный герой пьесы, а в равной степени несколько или сразу все действующие лица. Внимательных читателей «Чайки» поражали «скрытые драмы и трагедии в каждой фигуре пьесы» (Вл. Немирович-Данченко).

Помимо разоблачения иллюзий, не менее важна другая сторона чеховского мира: постоянные поиски его героями «правды». Пытающиеся «разобраться», «решить вопрос» герои произведений конца 80 — нач. 90 гг. («Неприятность», «Припадок», «В ссылке») сродни неудовлетворенным, взбудораженным, устремленным от настоящего к будущему мечтателям из поздних произведений писателя — Ярцеву («Три года»), художнику («Дом с мезонином»), Ивану-Иванычу («Крыжовник»), Тузенбаху и Вершинину («Три сестры»), Саше («Невеста»), Пете Трофимову («Вишневый сад»). Объединяют людей в чеховском мире не только иллюзии и заблуждения, но и постоянное стремление к «настоящей правде». Отсюда — двойное освещение фигур таких героев, когда ирония сочетается с пониманием неизбежности и обоснованности их позиции.

Не ставя задачей поучать читателя, давать общие рецепты, Ч., тем не менее, всегда позволяет почувствовать критерии «настоящей правды», условия, которым должна, по его убеждению, удовлетворять «правильная постановка вопросов» о жизни. Часто такую функцию выполняет мотив красоты. В «Палате № 6», где символ действительности — тюрьма, утыканный гвоздями забор и сумасшедший дом и где нет места ни одному светлomu пятну, вдруг в конце, в предсмертном видении Рагина проносится «стадо оленей, обыкновенно красивых и грациозных». В «Скрипке Ротшильда» возникает тема бессмертного искусства, объединяющего людей, разделенных национальной рознью. Красота и единство человеческой культуры выражены в предании об апостоле Петре («Студент», 1894), в образе прекрасного сада («Черный монах»), в безмолвной красоте кладбища под лунным светом («Ионыч»). В пьесах, где описания отсутствуют, Ч. использует реалистическую символику, вводя такие многозначные образы, как чайка, вишневый сад и др.

Критерии «настоящей правды» в произведениях Ч. менялись, эволюционировали. В 90 гг. в творчестве писателя появляются новые точки отсчета. Переход от эпохи «мысли и разума» к эпохе кануна революции оставил глубокий след в самом характере постановки Ч. вопроса о «настоящей правде». Критерии, с которыми соотносятся попытки героев «сориентироваться», «понять», теперь нередко имеют отчетливо социальную окраску («Бабы царство», 1893; «Моя жизнь», «Дом с мезонином», оба — 1896; «В родном углу», 1897; «Случай из практики», 1898). Социальная несправедливость, классовые противоречия капитализирующейся России стали для Ч. в 90 гг. мерилом правильности постановки вопросов, решаемых его героями.

Огромный читательский резонанс, острую критическую и общественную полемику вызвала повесть «Мужики» (1897). Жизнь в Мелихове дала Ч. запас самых безотрадных впечатлений о русской деревне, отразившихся, кроме «Мужиков», в повестях «Моя жизнь», «Дом с мезонином», «В овраге» (1900), рассказе «Новая дача» (1899). Рисуя жизнь мужиков беспросветной, страшной, говоря не о преимуществах, а о слабостях крестьянского сознания, показывая пропасть, разделяющую народ и интеллигенцию, Ч. бил по народническим и либеральным иллюзиям. Повесть «В овраге» показывала, какие новые беды нес русской деревне внедрившийся в нее капитализм. Повестью восхищался Л. Толстой, М. Горький посвятил ей статью — одну из наиболее пронизательных в прижизненной Ч. критике.

Непрерывный, напряженный писательский труд, многогранные общественные дела (кроме мелиховских, много времени отнимали заботы о родном Таганроге — его благоустройстве, расширении библиотеки, позже — установке памятника Петру I и т. д.), провал «Чайки», непонятый театром и публикой, на первом представлении на Александринской сцене в октябре 1896 г. — все это ускорило давно назревавшую катастрофу со здоровьем. В марте 1897 г. у Ч. хлынула горлом кровь, он попал в туберкулезную клинику. Осень и зиму 1897/98 гг. он проводит на юге Франции, в Ницце. Живя за границей, Ч. оказывается свидетелем дела Дрейфуса — Золя, потрясшего Францию и весь мир. В крайне сложной расстановке сил вокруг дела Дрейфуса Ч. безошибочно выбрал позицию рядом с Э. Золя и передовыми людьми Франции и Европы, решительно разойдясь с реакционным и националистическим лагерем «Нового времени» и его редактором Сувориним. Начиная с 1898 г. в чеховских произведениях усиливается мотив ожидания «новых форм жизни» («У знакомых»), меняется общая тональность произведений.

В 1898 г. состоялась встреча Ч. с вновь созданным К. С. Станиславским и Вл. Немировичем-Данченко Московским Художественным театром. «Чайка» — единственная современная пьеса, захватывающая меня как режиссера, а ты — единственный современный писатель, который представляет большой интерес для театра с образцовым репертуаром», — писал Немирович-Данченко Ч. После триумфального успеха «Чайки» в декабре 1898 г. Художественный театр поставит в 1899 г. «Дядю Ваню» и придет со своими спектаклями к Ч. в Ялту, где он жил с матерью после смерти отца и продажи Мелихова. Приезд «художественников» побудил Ч. вернуться к драматургии. Две последние его пьесы — «Три сестры» (1901) и «Вишневый сад» (1903) написаны специально для Художественного театра. Еще на первых репетициях в этом театре Ч. встретился с

актрисой О. Л. Книппер, ставшей в 1901 г. его женой. В ноябре 1898 г. начинается переписка Ч. с Горьким, который одним из первых увидел в «Чайке» и «Дяде Ване» «новый род драматического искусства» и приветствовал «могучий талант» Ч. С Горьким связано одно из немногих выступлений Ч. с прямым заявлением своей общественной позиции. В 1900 г. Ч. был избран почетным академиком Пушкинского отделения Российской Академии наук. В 1902 г., когда по указанию царя было аннулировано избрание Горького в почетные академики, Ч., как и В. Г. Короленко, демонстративно отказался от этого звания.

В последние годы Ч. занят подготовкой своего собрания сочинений, вышедшего двумя изданиями (1899—1902 и 1903 гг.) в издательстве А. Ф. Маркса. Проявив исключительную требовательность к отбору своих сочинений, Ч. включил в собрание менее половины напечатанного при его жизни. Новые произведения Ч., созданные им в последние годы, хранят прочную связь с родовыми чертами его уже сложившегося художественного мира писателя. Ч. до конца не изменил принципу объективного анализа идей и мнений героев, в том числе и тех, которые говорят о необходимости «перескочить через ров» («Крыжовник»), «перевернуть» свою жизнь («Невеста»), «насадить новый сад» («Вишневый сад»). В этом проявились трезвость писателя, «знающего цену слов, цену мечтаний» (Горький), его огромная ответственность перед будущим. Символом высших, конечных целей «переворота», ведущего к новой жизни, символом красоты этой новой жизни стал образ Нади, героини рассказа «Невеста» (1903). Надя и герои других последних чеховских произведений («Случай из практики», «У знакомых», «Архиерей», «Вишневый сад») уходят от изживших себя, ложных форм бытия.

В последних пьесах Ч. воплотились его уже сложившиеся драматургические принципы. В «Трех сестрах» (1901) основная чеховская тема «ориентирования» человека в жизни звучит отчетливо на протяжении всей пьесы, повторяется почти каждым героем — в размышлениях, спорах или поступках.

Внешним сюжетом пьесы «Вишневый сад» (1903), которую Ч. писал, уже преодолевая смертельный недуг, служит продажа за долги имения Раневской, конец сложившегося жизненного уклада. Ситуация из жизни отдельных людей внутренне соотносена в пьесе с ситуацией в жизни страны — так уже было у Ч. в «Степи», «Палате № 6». Прекрасный сад, на фоне которого показаны герои, не понимающие хода вещей или понимающие его ограниченно, связан с судьбами нескольких поколений — прошлых, настоящих и будущих. Многогранно символическое наполнение этого образа: красота, прошлая культура, наконец, вся Россия. Гибнущий сад и несостоявшаяся, даже не замеченная любовь — две сквозные, внутренне связанные темы — придают пьесе

грустно-поэтический характер. Однако Ч. настаивал на том, что создал «не драму, а комедию, местами даже фарс». Комичны в пьесе не отдельные персонажи, такие, как Шарлотта, Епиходов, Варя. Взаимоотношения, диалоги буквально всех героев обнаруживают непонимание друг друга, разнородный мисий, аллюзии умозаключений, реплики и ответы невольно, комические повторы и перипетии — все эти несовершенства мышления и поведения дают возможность комического представления. Пьесу, рассчитанную на квалифицированного, искушенного зрителя, способного уловить ее лирический, символический подтекст, Ч. наполнил приемами площадного театра, балагана — падениями с лестницы, обжорством, ударами палкой по голове, фокусами и т. д. После патетических взволнованных монологов, которые есть практически у всех персонажей пьесы от Раневской, Лопахина, Трофимова до Пищика, Дуняши, Фирса, сразу следует фарсовое снижение, затем вновь возникает лирическая нота, позволяющая понять субъективную убежденность, взволнованность героев, и опять его самопоглощенность оборачивается намешкой над ними.

Ч. умер на немецком курорте Баденвейлере, куда он был вынужден выехать для лечения, не успев осуществить многих творческих замыслов. Сразу после смерти Ч. о значении его для русской и мировой литературы сказал Л. Толстой: «Это был несравненный художник... Художник жизни... И достоинство его творчества то, что оно понятно и родно не только всякому русскому, но и всякому человеку вообще... А это главное». Горький, протестуя против складывавшейся на страницах разных мемуаров и статей о Ч. легенды о нем как о писателе-пессимисте, «сумеречном художнике», выступил в 1905 г. со своими острополюемичными воспоминаниями. Ч. для Горького в первую очередь «жестокый и строгий судья» пошлости, враг обывательщины и духовного рабства, человек «высоких требований к жизни». В разное время восторженно высказывались о Ч. крупнейшие поэты и прозаики начала века А. А. Блок, В. В. Маяковский, И. А. Бунин, А. И. Куприн, а в наши дни — ведущие советские прозаики и драматурги.

Всемирная слава Ч. началась в 20 гг. нашего столетия. О своем восхищении талантом Ч., о влиянии, оказанном им на их собственное творчество, говорили крупнейшие художники XX в. Дж. Голсуорси, Б. Шоу, Э. Хемингуэй, У. Фолкнер, Т. Манн. Особенно велико воздействие пьес Ч. на мировую драматургию: «Ч. несет ответственность за развитие всей мировой драмы в XX веке» (Э. Олби). Пьесы Ч. идут на сценах всех континентов, прочно став неотъемлемой частью духовной культуры всего человечества.

Соч.: Полн. собр. соч.: В 23 т. Пб., 1903—1916; Полн. собр. соч.: В 20 т. М., 1944—1951; Полн. собр. соч. и инсерт. Соч. В 18 т.; Письма: В 12 т. М., 1974—1983.
Лит.: М. Горький и А. Чехов. Сб. материалов. М., 1951;

Воровский В. В. Лишние люди. А. П. Чехов // Литературно-критические статьи. М., 1956; Станиславский К. С. А. П. Чехов в Художественном театре // Собр. соч. М., 1953. — Т. 1; Дерман А. В. О мастерстве Чехова. — М., 1959; Роскин А. А. П. Чехов. Статьи и очерки. — М., 1959; Литературное наследство. — М., 1960. — Т. 68; Чехов и театр. — М., 1961; Шах-Азизова Т. К. Чехов и западно-европейская драма его времени. — М., 1966; Чуковский К. И. О Чехове. — М., 1967; Громов М. П. Антон Чехов: первая публикация, первая книга // Прометей. Историко-биографический альманах. — М., 1967. — Т. 2; Гурвич И. А. Проза Чехова. Человек и действительность. — М., 1970; Чудаков А. П. Поэтика Чехова. — М., 1971; Скафтымов А. П. О повестях Чехова «Палата № 6» и «Моя жизнь». К вопросу о принципах построения пьес А. П. Чехова. О единстве формы и содержания в «Вишневом саде» А. П. Чехова // Нравственные искания русских писателей. — М., 1972; Чеховские чтения в Ялте. — М., 1973—1988; В творческой лаборатории Чехова. — М., 1974; Бердников Г. П. Чехов. М., 1974; Он же: А. П. Чехов. Идеи и творческие искания. — 3-е изд., доработ. — М., 1984; Лакшин В. Толстой и Чехов. 2-е изд., испр. — М., 1975; Семанова М. Л. Чехов-художник. — М., 1976; Паперный З. Записные книжки Чехова. — М., 1976; Он же. Вопреки всем правилам... Пьесы и водевили Чехова. — М., 1982; Чехов и его время. — М., 1977; Катаев В. Б. Проза Чехова: Проблемы интерпретации. — М., 1979; Полоцкая Э. А. А. П. Чехов. Движение художественной мысли. — М., 1979; Он же. Пути чеховских героев. Книга для учащихся. — М., 1983; Чехов и Тев Толстой. — М., 1980; Бялый Г. А. Чехов и русский реализм. Л., 1981; Линков в В. Я. Художественный мир прозы А. П. Чехова. М., 1982; Спунтник Чехова. — М., 1982; Писатели чеховской поры: В 2 т. — М., 1982. Переписка Чехова. В 2 т. М., 1984; Кулешов В. И. Жизнь и творчество А. П. Чехова. Очерк. 2-е изд. М., 1986; Чудаков А. П. Мир Чехова: Становление и утверждение. — М., 1986; Катаев В. Б. Литературные связи Чехова. — М., 1989. *В. Б. Катаев*

ЧЕХОВ, Михаил Павлович [6(18).X.1865, Таганрог — 14.XI.1936, Ялта] — мемуарист, прозаик. Брат и первый биограф А. П. Чехова. Был младшим, шестым ребенком в семье. Ч. уже почти не застал тех проявлений отцовского деспотизма, которые омрачили детские воспоминания его братьев. Этим объясняется известное противоречие между тем, как изображается детство бр. Чеховых в его мемуарах и в переписке и в воспоминаниях старших братьев. В 11-летнем возрасте Ч. попадает из Таганрога в Москву, куда бежал от кредиторов его разорившийся отец. Чтобы избежать участи «мальчишка» в купеческом амбаре, Михаил «сам себя определил» в гимназию, а после ее окончания (в 1883 г.) по примеру старших братьев поступил учиться в Московский университет, избрав юридический факультет.

С ранних лет Ч. испытывает сильное нравственное влияние брата Антона. В одном из писем 19-летний Антон советует 13-летнему Михаилу: «Не нравится мне одно: зачем ты величаешь себе свою «ничтожным и незаметным братишкой»... Среди людей нужно сознавать свое достоинство» (Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма. — Т. 1. — С. 29). Стремясь повлиять на круг чтения младшего брата, Антон советует ему оставить sentimentальные сочинения Бичер-Стоу и обратиться к книгам Сервантеса, И. С. Тургенева, И. А. Гончарова. Писать Ч. начал еще в гимназии. В печати выступил в

студенческие годы, опубликовав несколько очерков и рассказов в журналах «Детский отдых», «Друг детей», «Родник», «Детское чтение» под псевдонимом *М. Богемский* (согласно семейной легенде, предком Чеховых был чех, бежавший из Богемии в Россию из-за религиозных притеснений). Кроме литературного дарования, у Ч. рано проявились и задатки художника: он занимался росписью тарелок, любительским рисованием (представляют ценность его зарисовки чеховских мест: Таганрога, Бабкина, дома на Садовой-Кудринской). Основательно изучил английский, французский языки и позднее итальянский, что позволило заняться переводами (публиковать их начал с 1891 г., в дальнейшем переводил сочинения Дж. Лондона, С. Льюиса и др.).

После окончания университета в 1889 г. Ч. 11 лет служит чиновником министерства финансов в провинции: вначале податным инспектором в уездных городах Тульской губ. Ефремове и Алексине, а с 1892 г. — в Серпухове. Часто бывает в Мелихове, куда переехала семья Чеховых, налаживает там хозяйство, обобщает свой сельскохозяйственный и домоводческий опыт в словаре «Закром» (1894; 2-е изд. под заглавием «Полная чаша», 1907). В 1894 г. переведен в Углич; тяготясь службой в уездной глуши, организует там самостоятельную театральную труппу, пишет для нее пьесы, в частности водевиль «За двадцать минут до звонка». В 1898 г. переведен в Ярославль в должности начальника отделения казенной палаты. Не оставляя литературной деятельности, пишет рассказы, статьи и театральные рецензии. В 1901 г. уходит с государственной службы, переезжает в Петербург, заведует книжной торговлей «Контрагентства А. С. Суворина» на железных дорогах, печатает ряд рассказов в газете «Новое время». Познакомившись ближе с суворинской газетой («Зверинцем»), Ч. постепенно отходит от нее. Пытается издавать свой журнал «Европейская библиотека» из переводных произведений, однако из-за недостатка средств вынужден был прекратить издание на первых номерах.

В 1904 г. выходит первое издание сборника Ч. «Очерки и рассказы» (2-е изд., 1907), по представлению почетного академика А. Ф. Кони удостоено Российской Академией наук почетного звания им. А. С. Пушкина. В 1904 г. отдельным изданием выходит повесть Ч. «Синий чулок», в 1905 г. — повесть «Сироты», в 1910 г. — сборник рассказов «Свирель». С 1907 г. издает и редактирует в Петербурге журнал «Золотое детство», в котором под различными псевдонимами поместил несколько сот рассказов, повестей, очерков и стихотворений.

После смерти А. П. Чехова публикует много материалов о жизни и творчестве старшего брата. Первые мемуарные произведения Ч. были опубликованы в 1905—1907 гг.; его вступительные очерки к томам чеховских писем (т. 1—6,

1912—1916) стали первым жизнеописанием А. П. Чехова. Прототипам, творческой истории чеховских произведений посвящены книги «Антон Чехов и его сюжеты» (1923), «Антон Чехов, театр, актеры и «Татьяна Репина» (1924). Главная книга воспоминаний Ч.— «Вокруг Чехова» (1933; 6-е изд., 1985), своего рода «чеховская энциклопедия». Написанная как серия жанровых картинок и портретных характеристик, книга вобрала материалы об А. П. Чехове и его эпохе, родных и знакомых, его обширных связях с представителями русской литературы и искусства. В 20 гг. Ч. вновь выступает как детский писатель (под псевдонимами *К. Треплев* и *С. Вершинин*), как переводчик с английского и французского. С 1926 г. живет в Ялте, где вместе с сестрой М. П. Чеховой активно участвует в организации Дома-музея А. П. Чехова, создает совместно с М. П. Чеховой мемориальный каталог «Дом-музей А. П. Чехова в Ялте» (1937; 7-е изд., 1963).

Некоторые рассказы и повести Ч. основаны на мелховских наблюдениях («Беда», «Единая жена», «Анюта»), отражают отдельные события и ход жизни в чеховской семье («Неприятность», «Осень», «Наследство»). В произведениях Ч. порой заметно влияние А. П. Чехова, вплоть до повторов отдельных фраз: «Ему захотелось вдруг, чтобы его профессия заменилась для него каким-нибудь тяжким, невыносимым трудом, чтобы ему пилить, строгать, бить камни...» («Стена»); «Прощай, мое сокровище!» («Единая жена»); «На чердаке действительно кто-то ходил: туп-туп-туп» («Сироты») и т. д. Влияние творчества старшего брата чувствуется в сюжетах и отдельных эпизодах, в жанре короткого рассказа и небольшой повести, в стиле. Вместе с тем в произведениях Ч. отразились разнообразие и меткие наблюдения над жизнью провинциального чиновничества, интеллигенции, офицеров («Генералыша», «Синий чулок», «Реверс»), уездным бытом и нравами («Месть», «Сироты», «От скуки»), судьбами сельских священников («Стерпится — слюбится», «Единая жена»). Нищета, суровые нравы русской деревни отражены в рассказах «Грех», «Анюта», «Гришка», проникнутых сочувствием к крестьянам, особенно к крестьянским детям. Некоторые произведения Ч. подсказаны сложными случаями из судебной практики («Стена», «На барже»). В отличие от старшего брата Ч. часто прибегает в своих произведениях к публицистическим высказываниям, лирическим отступлениям, прямою формулированию авторской позиции.

Соч.: Свирель. Повести, рассказы, очерки / Примеч. С. М. Чехова.— М., 1969; 2-е изд.— М., 1986.
Лит.: Чехов С. М. О семье Чеховых. М. П. Чехов в Ярославле.— Ярославль, 1970; Балабанович Е. З. Книга «Вокруг Чехова» и ее автор // Вокруг Чехова.— М., 1964; Чехова Е. М. Сестра и брат писателя // Чеховские чтения в Ялте.— М., 1973

В. Б. Катаев

ЧИРИКОВ, Евгений Николаевич [24.VII(5.VIII). 1864, Казань — 18.I.1932, Прага] — прозаик, драматург, публицист. Один из писателей-реалистов конца XIX — нач. XX в. Выходец из семьи безземельных симбирских дворян. Детство Ч. прошло в разных уездах Казанской и Симбирской губ., где его отец — в прошлом армейский офицер — служил становым приставом и помощником исправника. В возрасте 11 лет поступил в гимназию, а в 1883 г. — в Казанский университет. Еще будучи гимназистом, увлекся народническими идеями, в университете сразу примкнул к революционно настроенной части студенчества. В 1887 г. вошел в состав одного из первых марксистских кружков, организованного в Казани Н. Е. Федосеевым.

За участие в студенческих волнениях, вызванных репрессиями царского правительства против передовой молодежи, Ч. в декабре 1887 г. был исключен из университета, арестован и выслан в Нижний Новгород. Подвергался аресту еще дважды — в январе 1888 г. за сочинение и публичное исполнение антимонархической «Оды» и в 1892 г. за причастность к группе молодых последователей «Народной воли» во главе с М. В. Сабунаевым. Положение политически неблагонадежного вынуждало Ч. часто менять местожительство, переезжать из города в город. В 1886 г. в Царицыне он встретился с М. Горьким, а через несколько месяцев, оказавшись по предписанию властей в Астрахани, познакомился с Н. Г. Чернышевским. Годы, прожитые под надзором полиции, когда только сознание неразрывной связи с единомышленниками помогало переносить трудности и лишения, оказались самыми яркими в биографии писателя.

Ч. начал печататься с 1885 г., его первые статьи появились в казанской газете «Волжский вестник». В январе 1886 г. в той же газете был опубликован его первый рассказ «Рыжий». До 1894 г. сотрудничал лишь в провинциальной прессе. По рекомендации Н. К. Михайловского журнал «Русское богатство» (1894.— № 7) опубликовал его рассказ «Gaudemus igitur». Поддержка «Русского богатства» проложила Ч. дорогу и в другие популярные толстые журналы — «Мир божий», «Северный вестник», «Вестник Европы». Важную роль в идейно-творческой эволюции писателя сыграло его пребывание в Самаре в середине 90 гг., где под влиянием марксистски настроенных кругов местной интеллигенции он подверг критической переоценке свои прежние народнические взгляды. Правда, его соприкосновение с марксизмом было весьма поверхностным — ни тогда, ни позже, в годы сотрудничества в журналах «Новое слово» и «Жизнь» в горьковском «Знании», он не стал революционным марксистом, оставаясь на общедемократических позициях.

В 1890 г. уже обозначились характерные особенности творчества Ч. как бытописателя об-

шественных нравов. В рассказах о деревне («В лесу», 1896; «Хлеб везут», 1897, и др.), где правдиво изображалась жизнь крестьянства, задавленного беспросветной нуждой, выражалось глубокое сочувствие страдающему люду, он выступил продолжателем демократических и реалистических традиций писателей-шестидесятников — Н. Успенского, Ф. Решетникова, А. Левитова. В другом цикле рассказов Ч. 90 — нач. 900 гг. («Студенты приехали», 1890; «Gaudeamus igitur», «Фауст», 1900, и др.), а также в его первых пьесах 1902 г. «На дворе во флигеле» и «Друзья гласности» воспроизводились тусклые, однообразные будни обывателей, обличалось провинциальное мешанское болото, засасывающее человека, губящее благородные душевные порывы. Для Ч. — беллетриста и драматурга — органичным в те годы оказалось воздействие чеховских художественных принципов, хотя ему далеко не всегда удавалось избежать натуралистической эмпирики и возвыситься над впечатлениями, доступными лишь обыденному сознанию.

Не ограничиваясь изображением отрицательных сторон жизни, Ч. стремился показать героев, противостоящих миру обывательщины, вступающих в борьбу с косностью и произволом. Опальные, отчужденные от «нормальной» мешанской среды протестанты-одиночки — герои таких рассказов, как «Блудный сын» (1899), «Роман в клетке» (1902), «На поруках» (1904), — казались ему единственным «лучом света» во мраке окружающей пошлости, хотя он и осознавал трагическое бессилие их попыток изменить жизнь в лучшую сторону. В повести «Инвалиды» (1897) и «Чужестранцы» (1899) Ч., опираясь на собственный жизненный опыт, отразил крах народнических иллюзий, убедительно показал идейное превосходство интеллигентов марксистской ориентации над «инвалидами» уже исчерпавшего себя общественного движения. Встреченные народнической критикой (Н. К. Михайловским, А. М. Скабичевским) с явным неодобрением, повести эти послужили причиной разрыва писателя с «Русским богатством».

Плодотворными для Ч. были годы его сотрудничества с журналом «Жизнь». Начавшись в 1899 г., оно совпало по времени с самым интенсивным периодом жизни журнала, когда на его страницах печатались работы В. И. Ленина, произведения М. Горького, шла острая полемика между легальными и революционными марксистами. «Недурной журнал! Беллетристика хороша и даже лучше всех!» (Ленин и В. И. Полн. собр. соч. — Т. 46. — С. 25) — эта ленинская оценка литературной продукции журнала «Жизнь» отослалась и к Ч., опубликованному в нем «Чужестранцев», многие рассказы.

Дальнейшая творческая судьба Ч. складывалась в значительной мере под воздействием и при активном участии М. Горького. После закрытия в 1901 г. журнала «Жизнь» М. Горький

привлек его в числе других видных писателей демократического направления к работе в издательстве «Знание», выпустившем в 1901—1908 гг. собрание его сочинений. В годы первой русской революции Ч. печатал свои новые произведения преимущественно в литературно-художественных сборниках «Знание».

Духом надвигающейся революционной бури была проникнута социально-публицистическая драма Ч. «Евреи» (1903), направленная против национального угнетения и репрессий самодержавного строя. Ценность этой пьесы, заслужившей похвалу М. Горького, определялась не столько художественными качествами, сколько актуальностью ее проблематики. Публицистическая острота, четкое социальное размежевание персонажей, прогрессивность авторских идейных воззрений — все это указывало на определенную близость «Евреев» по своему пафосу к драматургии М. Горького. Пьеса была запрещена к постановке на русской сцене, но широко ставилась за рубежом (в Германии, Австрии, Франции и др. странах).

Ориентация Ч. на новый тип драмы своеобразно отразилась и в написанной годом позже пьесе «Иван Мироныч» (1904, V сб. «Знание»). Варьировавшая чеховскую тему «человека в футляре», повторявшая многие приемы чеховского театра в разработке драматического конфликта, основных образов, в создании лирического подтекста, даже в системе частных изобразительных средств, эта пьеса вместе с тем содержала в себе элементы горьковского художественного стиля, которые проявлялись в активизации социально-обличительных мотивов, усилении сатирической струи, подчеркнута публицистическом звучании ряда эпизодов. Ставя «Ивана Мироныча» в разгар бурных событий января 1905 г., Московский Художественный театр стремился выделить именно эти новые стилевые тенденции, углубить критический пафос, отвечавший духу современности. Из дневниковых записей К. С. Станиславского во время репетиций (Собр. соч.: В 8 т. — М., 1958. — Т. 5. — С. 211—257) явствует, что его усилия как режиссера были направлены в первую очередь на то, чтобы сделать более «выпуклым» политическое содержание спектакля.

О значительном идейном и творческом росте Ч. в годы первой русской революции свидетельствовало обращение писателя к насущным социально-политическим проблемам времени. В повести «Мятежники» (1905), драме «Мужики» (1905, VIII сб. «Знание»), рассказе «Товарищ» (1906, XII сб. «Знание») ему удалось правдиво запечатлеть повсеместное нарастание революционной борьбы, смятение властей под натиском мощного народного движения. Обличая помещичий произвол и либерально-народнический филантропизм, Ч. в «Мужиках» показал, как крестьяне, побуждаемые безысходной нуждой, голодом, ка-

бальной зависимостью от своих господ, переходили к вооруженному бунту и разгрому барских усадеб.

В дальнейшем Ч. не смог удержаться на позициях революционного периода: отрицательно сказались идейные колебания писателя, его отчужденность от пролетариата как авангарда революции, эклектизм художественных принципов. Покинув в годы реакции «Знание», Ч. стал сотрудничать в альманахе «Шиповник», сборниках «Земля», др. изданиях, популярных в пору упадка революционных настроений. Этот его шаг был расценен М. Горьким, А. Луначарским, В. Воровским как идеологическое ренегатство. Отход писателя от реалистических традиций проявился в символично-аллегорических драмах «Красные огни» и «Легенда старого замка» (обе — 1907), написанных под сильным влиянием экспрессионистской драматургии Л. Андреева, в цикле рассказов на религиозные сюжеты («Искушение», «Девьи горы» и др.), в пьесе-сказке «Лесные тайны» (1911), стилизованной в духе «мистерийных действ» А. Ремизова.

Правда, Ч. не отказывался от попыток реализма, изображая в ряде своих произведений конца 900—10 гг. известную ему повседневную, будничную действительность русской провинции, а подчас возвращался и к социально значимым событиям в жизни страны, к опыту минувшей революции. Свообразным «документом эпохи», имевшим несомненную познавательную ценность, можно назвать автобиографическую трилогию Ч. «Жизнь Тарханова» (1911—1914), в состав которой вошли романы «Юность», «Изгнание», «Возвращение» (позже, в годы эмиграции, была написана четвертая часть — «Семья»). Созданная по воспоминаниям о юношеских годах, книга эта воспроизводила эпизоды из жизни передовой русской интеллигенции последних десятилетий прошлого века: студенческие волнения, первые схватки народников с марксистами, пребывание народнической интеллигенции в ссылке и т. д. Однако ни «Жизнь Тарханова», ни комедии «Марья Ивановна» и «Царь природы» (обе — 1909), высмеивавшие анекдотические формы «протеста» уездных интеллигентов против косного мешанского быта, ни драмы социального плана «Белая ворона» и «Дом Кочергиных» (обе — 1910), где разрабатывалась старая, уже утратившая актуальность общественно-политическая тематика, не внесли ничего нового в творческий метод писателя. Постигание конкретно-исторических противоречий современной действительности подменялось в этих произведениях эмпирическим, поверхностно-иллюстративным изображением частных явлений социальной или бытовой жизни.

С начала первой мировой войны Ч. примкнул к сторонникам «защиты отечества», поддался шовинистическому угару, определившему пафос его сборника рассказов «Эхо войны» (1916).

Октябрьская социалистическая революция обозначила полный разрыв Ч. с былыми демократическими симпатиями. В 1920 г. он эмигрировал в Болгарию, проживал в Софии, а в 1921 г. переехал в Прагу. За рубежом Ч. издал ряд романов, повестей, рассказов, некоторые из которых («Зверь из бездны», «Мой роман») отличались антисоветской направленностью и содержали выпады против революции. Однако в целом творчество Ч. периода эмиграции было проникнуто ностальгией: главенствующее место в нем принадлежало, как и раньше, теме старой, дореволюционной России.

Соч.: Собр. соч.: В 8 т. — Сиб., 1901—1909; Собр. соч.: В 17 т. М., 1910—1916; Повести и рассказы / Подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Е. Сахаровой — М., 1961; Иван Миронович Пьеса в 4 д. Мужики. Картина деревенской жизни: Пьеса в 4 д. // Драматургия «Знания»: Сб. пьес. М., 1964. Лит.: Колтоновская Е. Критические этюды. Сиб., 1912; Кулова Т. Новая правда о человеке: М. Горький и дооктябрьская драматургия // Театр. 1968. — № 3. — С. 29—36. Б. С. Бидров

ЧУЛКОВ, Георгий Иванович [20.1(1.11).1879, Москва — 1.1.1939, там же] — поэт-символист, теоретик символизма, драматург, прозаик, критик. Печататься начал в 1899 г. В 1897 г. Ч. поступил на медицинский факультет Московского университета, мечтая пройти и курс философского факультета. Однако в конце 1901 г. за участие в студенческом движении (размножение прокламаций, призывающих студентов не рассчитывать в борьбе за свои права на помощь буржуазии; речь о необходимости введения конституции в России на банкете памяти Добролюбова в гостинице «Континенталь» 18.11.1901 г. и т. п.) Ч. был арестован и весной 1902 г. выслан на жительство в Якутскую обл., в селение Амга, где за несколько лет до Ч. жил в ссылке В. Г. Короленко.

К 1903 г. был амнистирован, но оставлен под гласным надзором полиции. Поселившись в Нижнем Новгороде, где жили тогда высланные из столиц писатели, стал сотрудничать в газете «Нижегородский листок», был автором нескольких прокламаций.

В конце 1903 г. приехавший в Нижний Новгород издатель В. Саблин забрал у Ч. рукопись первого его стихотворного сборника «Кремнистый путь» и издал в Москве (1904). Автор впоследствии сожалел «о появлении на свет этого литературного младенца», исполненного декадентского «томления духа». Однако эта книга, положительно отрецензированная в петербургском религиозно-философском журнале «Новый путь», помогла Ч. свести знакомство с его руководителями — Д. Мережковским и З. Гиппиус. Молодой писатель с момента получения разрешения на проживание в столице и до 1904 г., когда прекратилось издание «Нового пути», исполнял обязанности литературного секретаря журнала. На развалинах «Нового пути» возник было жур-

нал «Вопросы жизни», в котором Ч. заведовал «отделами беллетристики, поэзии и критики», по вскоре после первой революции издание и этого журнала прекратилось.

В 1906 г. в одном из своих выступлений выдвинул идею т. н. «мистического анархизма», желая синтезировать символизм и разного рода радикальные политические устремления. В том же году он издал брошюру «О мистическом анархизме» с сочувственной вступительной статьей Вяч. Иванова. Стремясь убедить писателей разных художественных направлений на этой «идейной основе», Ч. выступил в качестве редактора-издателя альманахов «Факелы» (1906—1908. № 1—3) и «Белые ночи» (1907).

В 1909—1912 гг. издательство «Шиповник» выпустило Собрание сочинений Ч. в шести томах (4 тома рассказов, том критических статей и том стихов и драм), подводившее итоги его творчества. Вот, напр., заключительные строки программного стихотворения «Пастух», где речь идет об общественно-религиозной миссии поэта-символиста по отношению к рядовым согражданам в кризисную, революционную эпоху: «Но вот Горящий Куст: пробил желанный час... / Услышал голос я Иеговы Веленья. / За мной, мой стада! Веду на жертву вас. / Мы кровью искупим смиренных томленья».

С 1909 г. Ч. подолгу жил в Италии, Франции, приобщаясь к европейской культуре; продолжительное время лечился от туберкулеза в Швейцарии. Лишь в 1915 г., после многих путешествий, связанных с первой мировой войной, писателю удалось вернуться в Россию. С 1916 г. он занял довольно активную оборонческую позицию. Февральскую революцию Ч. встретил на фронте, замещая уполномоченного Первого передового сибирского отряда.

Весь этот период (до 1917 г.) Ч. в основном пишет психологическую прозу. К ней следует отнести книгу рассказов «Люди в тумане» (1916), романы «Сережа Нестроев» (1916), «Метель» (1917) и «Сатана» (1915; 2-е изд. 1917). Последний вызвал ожесточенную полемику в прессе. «Иные критики, — как вспоминал об этом сам Ч., — упрекали меня за подражание Достоевскому, но никто не догадался, что в этом романе были элементы не столько подражания, сколько пародийности, и что самая тематика романа сознательно противопоставлена тематике «Бесов» Достоевского» (Годы странствий. — С. 268).

Послереволюционная действительность почти не отразилась в творчестве Ч., хотя Октябрьскую революцию он встретил сочувственно. В 20 гг. Ч. пишет в разных жанрах на исторические темы (повесть «Salto-mortale, или Повесть о молодом вольнодумце Пьере Волховском», 1930, и др.). В последние годы жизни Ч. много занимается изучением жизни и творчества Ф. И. Тютчева, издает книгу о Ф. М. Достоевском.

Но, пожалуй, самая ценная из всех после-

революционных работ Ч. — книга воспоминаний «Годы странствий» (1930), представляющая чрезвычайно большой интерес как для историка предреволюционной эпохи, так и для исследователя русского искусства и литературы нач. XX в.

Соч.: Соч.: В 6 т. — П., 1909—1912; Вчера и сегодня. Очерки. — М., 1916; Последние любовь Тютчева (Е. А. Денисова). — М.; Л., 1928; Годы странствий. Из книги воспоминаний. — М., 1930; Как работал Достоевский. — М., 1939. Лит.: Аврелий (Брюсов В. Я.). Факелы («О мистическом анархизме») // Весы. — 1906. — № 5. — С. 54—58; Блок А. А. О драме («Тайга») // Собр. соч. — М.; Л., 1962. — Т. V. — С. 181—182; Короленко В. Г. (О драме «Тайга») // Собр. соч. — М., 1955. — Т. VIII. — С. 330—333.

В. И. Шмырев

Ш

ШАЛИКОВ, Петр Иванович [1768 (по некоторым источникам — 1767) — 16(28).II.1852, Серпуховской у. Московской губ.] — поэт, прозаик, журналист. Родился в семье небогатого грузинского князя. Получил домашнее образование. Поступил на военную службу. Участвовал в турецкой войне, взятии Очакова, польской войне. В 1799 г., будучи премьер-майором гусарского полка, вышел в отставку и поселился в Москве. Познакомился с Н. М. Карамзиным и И. И. Дмитриевым, избрал их своими литературными учителями.

Первая публикация Ш. — стихотворение «Истинное великодушие» в журнале «Приятное и полезное препровождение времени» за 1796 г. Затем печатался в альманахе «Аониды», журналах «Иппокрена», «Московский Меркурий», «Патриот», «Вестник Европы», «Сын отечества», «Благонамеренный», «Современник», «Москвитянин», «Трудах Общества любителей российской словесности». Отдельными изданиями вышли его сборники «Плод свободных чувствований» (ч. 1—3, 1798—1799), «Цветы граций» (1802). В 1803 и 1804 гг. Ш. ездил в Малороссию; издал «Путешествие в Малороссию» (1803) и «Другое путешествие в Малороссию» (1804). В 1812 г. из-за отсутствия средств не мог выехать из Москвы, занятой наполеоновской армией. Его личные впечатления отразились в «Историческом известии о пребывании в Москве французов» (1813). В 1815 г. отдельным изданием вышло его прозаическое сочинение «Мысли, характеры и портреты», в 1816 г. — «Послания в стихах князя Шаликова». В 1818 г. в его переводе были напечатаны «Новые повести графини Жанлис». В 1819 г. увидел свет «Повести князя Шаликова», «Сочинения князя Шаликова» (ч. 1—2), в 1822 г. — сборник «Последняя жертва музам». В 1834 г. Ш. издал адресованные ему «Записки в стихах Василья Львовича Пушкина», включив в это издание и свои стихотворные ответы

В. Л. Пушкину, который был одним из его близких друзей.

Чувствительные стихи и проза Ш. представляют карамзинскую школу в ее эпигонском проявлении. Тематика произведений Ш. отражена в стихотворной надписи к его портрету, написанной И. И. Дмитриевым: «Янтарная заря, румяный неба цвет; / Тень рощи; в ночь поток, сверкающий в долине; / Над печкой соловей, три грации в картине — / Вот все его добро... и счастья! он поэт!» (Д м и т р и е в И. И. Соч.— М., 1986.— С. 230). Ш.— салонный стихотворец, ориентирующийся на дамские вкусы, автор дружеских посланий, литературных мелочей, стихов на случай, творец альбомной культуры. В альбоме Ш., хранящемся в ИРЛИ АН СССР,—его стихотворные надписи к портретам Н. М. Карамзина, И. И. Дмитриева, Д. В. Давыдова, эпиграмма на М. Н. Загоскина, мадригал актрисе Е. С. Семеновой, стихотворение «К памятнику собачки, принадлежавшей Катерине Владимировне Апраксиной», «Эпитафия коту И. И. Дмитриева».

Ш. издавал журналы «Московский зритель» (1806), «Аглая» (1808—1812), «Дамский журнал» (1823—1833). В 1813—1838 гг. был редактором «Московских ведомостей». В своих изданиях Ш. утверждал культ Н. М. Карамзина и его школы. В объявлении об издании «Московского зрителя» он писал: «Хороший вкус и чистота слога, тонкая разборчивость литераторов и нежное чувство женщин будут одним из главных предметов моего внимания». Нежная чувствительность задавала тон в «Аглае» и «Дамском журнале», сказывалась в критических и хроникальных статьях «Московских ведомостей». Вместе с тем на страницах своих журналов Ш. нередко выступал с грубой критикой, объектом которой являлись преимущественно его конкуренты на рынке сбита журнальной продукции — Н. А. Полевой, издатель «Московского телеграфа», и С. Е. Раич, издатель «Галатеи». Человек крайне самолюбивый и неуживчивый, Ш. легко наживал себе врагов. Так, в 1827 г. в «Дамском журнале» была напечатана оскорбительная для Д. В. Давыдова эпиграмма Ш. В ответ на нее появилась эпиграмма на Ш. «Грузинский князь, газетчик русский, / Героя трусом называл...», автором которой был, вероятнее всего, Е. А. Баратынский.

Ш. отличала своеобразная внешность: он был небольшого роста, худощав; его смуглое лицо украшал огромный нос и густые бакенбарды. Он вычурно одевался: модный фрак, пестрый жилет, галстук, завязанный бантом, непрменный цветок в петлице, в руке — золотой лорнет. Манеры его были эксцентричны, говорил витневатю. До старости лет оставался поклонником прекрасных дам, вдохновенным поэтом. Был своего рода достопримечательностью Москвы. «Мне сказывал Загоскин, что во время малолетства случилось ему с родителями гулять на Тверском бульваре.

Он помнит толпу, с любопытством, в почтительном расстройении идущую за небольшим человеком, который то широко шел, то останавливался, вынимал бумажку и на ней что-то писал, а потом опять пускался бежать. «Вот Шаликов,— говорили шепотом, указывая на него,— и вот минуты его вдохновения» (В и г е л ь Ф. Ф. Записки.— М., 1928.— Т. 1.— С. 344).

Личность Ш., его творения и литературные вкусы были предметом постоянных насмешек. Ш. называли Вралевым, Вдыхаловым, писателем Нуликовым, кондитером литературы. Ш.— адресат многих эпиграмм. Среди их авторов — П. А. Вяземский, В. И. Туманский, М. Ю. Лермонтов. Ш. высмеивал К. Н. Батюшков в сатире «Видение на брегах Леты», иронически упоминал А. И. Полежаев в стихотворении «Автор и читатель». А. С. Пушкин совместно с Е. А. Баратынским сочинил эпиграмму «Князь Шаликов, газетчик наш печальный...». Однако оценка личности Ш., его произведений и литературной деятельности, отношение к нему современников не были однозначными. Н. М. Карамзин, признавая отсутствие таланта у Ш., отдавал должное добрым свойствам его природы, всю жизнь оказывал ему покровительство (Ш. был обременен большим семейством и постоянно нуждался). В. К. Кюхельбекер, не раз отмечавший «великолепную ахиною» «плохого писаки» Ш., признавался, что не мог читать «Историческое известие о пребывании в Москве французов» Ш. «без того, чтобы не зашевелилось в сердце». «Таковы еще его известия о бедных,— писал В. К. Кюхельбекер,— тут всякий раз видно, что он принимает в них искреннее участие» (К ю х е л ь б е к е р В. К. Путешествие. Дневник. Статьи.— Л., 1979.— С. 204). А. С. Пушкин в первое издание «Разговора книгопродавца с поэтом» включил, по его собственному признанию, «мадригал кн. Шаликову» — поэт, отказываясь воспевать «милых дам», говорит книгопродавцу: «Пускай их Шаликов поет, / Любезный баловень природы» (П у ш к и н А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т.— Л., 1977.— Т. 2.— С. 177, 372; далее указываются том и страница). В письме к П. А. Вяземскому от 19 февр. 1825 г. А. С. Пушкин писал о Ш.: «Он милый поэт, человек, достойный уважения, и надеюсь, что искренняя и полная похвала с моей стороны не будет ему неприятна. Он именно поэт прекрасного пола» (X, 99). Откликом Ш. на «Разговор книгопродавца с поэтом» явилось стихотворение «К Александру Сергеевичу Пушкину на его отречение петъ женщине», завершающееся такими стихами: «И ты не им, а нам отныне / Желаеть лирою златой / (Подобно как средь змей в пустыне!) / И петъ, и нравиться?.. Ах, нет! / И пой, и нравься лишь харитам, / Тобой пленяемым, поэт! / И будь подобен сибаритам / Вовеки неугою стихов! / И олимпийских будут вечно / Они веселием пиров! / Хор женщин слышу: «Будут вечно!» (Дамский журнал.— № 8.—

Ч. 10.— С. 68). Ш., познакомившись с А. С. Пушкиным, по-видимому, осенью 1826 г., относился к нему с неизменным уважением и восхищением. В изданиях Ш. печатались комплиментарные отзывы о произведениях А. С. Пушкина, восторженные стихотворения, ему посвященные. В мае 1836 г. в письме к А. С. Пушкину Ш. выражал свое сожаление по поводу того, что А. С. Пушкин не застал его дома и он не мог принять «бесценного гостя», предлагал свои стихи о Н. М. Карамзине для «Современника». Они не были напечатаны, но в вышедшем уже после смерти А. С. Пушкина шестом томе «Современника» были опубликованы стихи Ш. «К И. И. Дмитриеву».

Соч.: Соч.: В 2 ч.— М., 1819; Стихотворения // Поэты 1790—1810-х годов / Вступ. ст. и сост. Ю. М. Лотмана; Подгот. текста М. Г. Альтшуллера; Вступ. заметки, биограф. справки и примеч. М. Г. Альтшуллера и Ю. М. Лотмана.— Л., 1971.— С. 632—650.

Лит.: Бурнашев В. П. Московский граф Хвостов-князь Петр Иванович Шаликов (из «Воспоминаний 1827 года» // Биржевые ведомости.— 1873.— № 281; Пухов В. В. П. И. Шаликов и русские писатели его времени (по архивным материалам) // Русская литература.— 1973.— № 2; Русская элиграмма второй половины XVIII—начала XX в. / Вступ. ст. Л. Ф. Ершова; Сост., подгот. текста и примеч. В. Е. Васильева, М. И. Галлельсона и Н. Г. Захаренко.— Л., 1975; Дмитриев в М. А. Мозолевский из записки моей памяти // Дмитриев М. А. Московские элегии / Сост., предисл. и примеч. Вл. Б. Муравьева.— М., 1985. Н. И. Михайлова

ШАХОВСКОЙ, Александр Александрович [24. IV (6.V).1777, поместье Беззаботы Смоленской губ.— 22. I (3.II) 1846, Москва] — драматург. Литературная и театральная деятельность Ш. продолжалась пятьдесят лет, наследие его огромно, а эволюция взглядов тесно связана с движением литературной мысли того времени. Ш. воспитывался в пансионе при Московском университете, а с 1797 г. был на действительной службе в Преображенском полку в Петербурге, где сблизился со многими офицерами-литераторами (С. Марин, Ф. Толстой). Это недолгий период увлечения светским образом жизни и салонной поэзией (участвует в поэтическом кружке гр. Г. И. Чернышова „Academie der bagatelles“). Светская галантность и фривольность были, видимо, определяющими в первой комедии Ш. «Женская шутка» (1795), позже уничтоженной. В 1798 г. Ш. познакомился с гр. Кс. де Местром, сардинским офицером, литератором и художником. Под его влиянием Ш. меняет свое отношение к свету и вскоре подает в отставку, чтобы посвятить себя литературе и театру. В чине надворного советника поступив в Дирекцию императорских театров, Ш. в 1801 г. направляется в Париж набирать актеров для Петербургской французской труппы. Там на Ш. повлияли идеи «нового обращения к античности», драматургия Дюси и предромантический интерес к национальным литературным традициям. Это предопределило по возвращении сближение с кружком А. Н. Оленина и восторженное отношение к трагедиям

В. А. Озерова. Кроме того, Ш. общался в Париже с критиком Жоффруа, продолжавшим антипросветительские традиции Фрерона: светскость, вольнодумство («вольтерьянство») и Просвещение Ш. отождествляет, критикуя их с этических и религиозных позиций. Шумный успех имела его комедия «Новый Стерн» (1805), осознававшаяся как выпад против Карамзина, в действительности же пародировавшая сентиментализм как литературное направление и тип отношения к действительности — тема, волновавшая Ш. до 20 гг. Пользуясь сатирическими моделями, Ш. противопоставляет сентиментальность как нелепое, наносное новшество разумному и традиционному. Став репертуарным членом Дирекции театров, Ш. пишет пьесы, большинство из которых не рассматривает как литературные произведения. Это диктовалось репертуарной системой, а образцом служило творчество Мольера, в котором классицисты признавали лишь «высокие» комедии. Важная для Ш. комедия «Домашний театр, или Полубарские затен» (1808) задумана как приложение к русской действительности коллизии «Мещанина во дворянстве». У Мольера Ш. заимствует лишь основной пафос и некоторые комические приемы. В 1806—1808 гг. Ш. посещает державинские вечера, где собираются будущие деятели «Беседы любителей русского слова». Здесь возник план издания журнала «Драматический вестник» (1808), поддержанный сначала Олениным. Но отношения его с Ш. вскоре ухудшились, т. к. Ш. охладел к драматургии Озерова, а по мнению Оленина, даже препятствовал постановке его «Поликсены». Трагедия Ш. «Дедора, или Торжество веры» (1810; написана совместно с Л. Н. Неваховичем), как и трагедия Державина, была полемика с Озеровым: нет здесь озеровского лиризма, введены хоры (С. Марин писал, что трагедия эта похожа на обедню), содержание — из Библии, а не из греческой мифологии, любовная интрига отодвинута. По предложению Державина в 1810 г. Ш. избран в Российскую Академию, активно участвовал он в учреждении и деятельности «Беседы...». В 1812 г. Ш. командовал дружиной Тверского ополчения и одним из первых вошел в оставленную французами Москву (описано им в поэме «Москва и Париж в 1812 и 1814 гг.». Спб., 1830). Его «Казак-стихотворец» был первым русским водевилем: Ш. связал этот новый жанр с традицией русской комической оперы. Свой большой успех в этом жанре Ш. хотел закрепить двумя аналогичными водевилями: «Крестьяне, или Встреча незваных» и «Ломоносов, или Рекрут-стихотворец» (1814) — содержанием всякий раз служит исторический анекдот. В эти же годы Ш. воспитал «молодую труппу» для русского театра. В 1815 г. поставлена комедия «Урок кокеткам, или Липецкие воды», в которой Ш. пытался дать картину современного общества. Важнейшим для него яв-

ляется противопоставление «свое-чужое», поэтому разумные, положительные герои оказываются и патриотами, а приверженцы иностранного, модного, нового — лицемерами и злословами. Рассчитывая на сильный театралный эффект, Ш. вводит в проходных ролях известных современников (В. А. Жуковского, С. С. Уварова, В. Л. Пушкина). Скандал вокруг комедии привел к образованию «Арзамаса», который, борясь с Ш., преподал ей довольно одностороннее восприятие его позиций (активно участвовали в борьбе Д. Н. Блудов, П. А. Вяземский, А. С. Пушкин). Предпочитая высокую комедию нравов, Ш. также осваивал опыт светской комедии и развивал его, по-своему решив проблему разговорного языка: в комедии «Не люблю — не слушаю, а лгать не мешай» (1818) впервые использован вольный ямб (до «Горя от ума» на сцене появились также комедии Ш. в вольных стихах «Тетушка, или Она не так глупа», 1821, и «Урок жена-тым», 1823). Комедия «Какаду, или Следствие урока кокеткам» (1820) синтезировала поэтику светской комедии и задачи комедии нравов, что не раз подчеркивал сам Ш. Новаторскими были взгляды Ш. на комедию как на исторически конкретную картину нравов. Вершиной мировой комедиографии он считал не Мольера, как теоретики классицизма, а Аристофана, комедии которого непосредственно влияли на общественную жизнь Афин, а для потомков явились исторически точной картиной афинского быта и нравов. Свои взгляды по этому поводу Ш. развил в «исторической комедии» «Аристофан, или Представление комедии «Всадники» (1825) и предисловии к ней (Спб., 1828). Восприятие Ш. современниками как «русского Аристофана» было инспирировано им самим. Однако противники, напротив, видели в Аристофане «зоила», гонителя Сократа и Эврипида. Для описания нравов Ш. широко использовал сатирический монолог, произносимый часто отрицательным персонажем: темы злословия, «злого ума» и ситуации Мизантропа волновали Ш. постоянно и отражали его негативное отношение к либеральной критике. Глубоко религиозный и консервативный, Ш. считал истинным просвещением распространение и укоренение православия, противопоставляя его «умствованьям» французских философов и всему историческому пути Запада. Закономерно поэтому его сближение в 10 гг. с А. С. Шишковым, а в 30—40 гг. — с некоторыми славянофилами. В то же время Н. Тургенев приглашал Ш. участвовать в политическом обществе «19-го года и XIX века», а «Аристофан...» был высоко оценен К. Ф. Рылеевым и В. К. Кюхельбекером. Одним из центров театральной и литературной жизни Петербурга второй половины 10 гг. была его квартира («черлак Ш.»). Здесь бывал А. С. Пушкин, постоянно посещали его Катенин, Грибоедов, связанные с Ш. общими театральными интересами. Результат споров о трагедии — сов-

местный с П. А. Катениным, А. А. Жандром и А. И. Чепеговым перевод «Горацев» (1817) и попытки Ш. воссоздать античную форму трагедии («Фин» и «Керим-Гирей» по эпизодам поэм Пушкина). Здесь же, видимо, сформировались во многом взгляды А. С. Грибоедова на комедию. В 1818 г. Ш. подает в отставку, но вскоре, при новом директоре Императорских театров, снова приглашается в Дирекцию, а в 1825 г. — в особый театралный комитет. Однако в изменившейся обстановке 1826 г. Ш. получает окончательную отставку и переезжает в Москву. В 20 гг. в его творчестве заметно влияние романтизма. Пьесы Ш. изобилуют постановочными эффектами, он переделывает В. Скотта («Иванов...», 1821; «Таинственный Карло», 1822; «Судьба Ниджеля», 1824) и Шекспира («Буря», 1821; «Фальстаф», 1825). В «Соколе кн. Ярослава Тверского. Русская историческая быль» (1823) Ш. пытался воспроизвести старину. Однако романтические тенденции у Ш. имеют довольно внешний характер; ср. мнение Грибоедова: «...у Ш. прежние погрешки, только имя новое, он вообразил себе, что перешел в романтики» (Соч. М.; Л., 1959. — С. 552). Действительно, Ш. близка устремленность романтизма к постижению духа народа, отсюда — историческая тематика: переделки для сцены романов М. Н. Загоскина (1830, 1832), драма «Смольяне в 1611 г.» и др. В конце 20—30 гг. Ш. вел активную полемику с Ф. В. Булгариным (в связи с этим некоторое сближение с Пушкиным и Жуковским), а в Москве — борьбу против Н. А. Полевого. Все это отразилось в пьесах Ш. «Меркурий на часах» (1827), «Романный маскарад» (1829), «Каламбурист и журналист» (1832). В конце жизни Ш. почти не пишет для театра, он работает над романом «в духе В. Скотта» «Жизнь Александра Пронского», циклом повестей «Русский Декамерон» (некоторые переделаны в пьесы), печатает автобиографический рассказ «Три женитбы вопреки рассудку», повесть «Маруся, Малороссийская Сафо», кроме того — стихи и статьи по истории и теории театра. В наследии Ш. более 110 пьес, переводы Буало, Юнга, Т. Тассо, ироническая поэма «Расхищенные шубы» и мн. др. В последние годы он переводил «Слово о Всеобщей истории» Боссюэ — факт, отражающий его религиозные и историко-философские взгляды, но этот перевод, как и мн. др., утрачен с его архивом. Наибольшее значение для истории русской литературы имела его концепция комедии нравов, подготовившая появление «Горя от ума», наметившая, так сказать, постклассицистский период развития русской комедии.

Соч.: Соч. Спб., 1898; Комедии, стихотворения / Подгот. примеч. и вступ. ст. А. А. Голешуда. — Л., 1961.
Лит.: Ярцев А. А. Кн. А. А. Шаховской // Ежегодник императорских театров, 1894 — 1895. — Спб., 1896. — Кн. 2. А. Г. Аршин и Е. М. Один из забытых писателей // Исторический вестник. 1883. — Т. VII. Каратыгин П. А. Занский Л. 1970; Голешуда А. А. Вальтер Скотт и романтические

ШЕВЫРЁВ, Степан Петрович [18(30).X.1806, Саратов — 8(20).V.1864, Париж] поэт, переводчик, критик, филолог. Из дворян. Учился в Московском университетском благородном пансионе (1818—1822), где началась его литературная деятельность — переводил из древнегреческой литературы, из немецких романтиков. Поступил на службу в Московский архив Коллегии иностранных дел (1823). С этого же времени стал членом литературного кружка С. Е. Рачина и частым посетителем кружка «любомудров», увлекся шеллингианством. Пишет стихи, изучает грамматику церковнославянского языка. В 1827 г. участвует в издании журнала «Московский вестник». С 1829 по 1832 г. живет за границей: в Италии изучает историю западноевропейской культуры, работает над первой в России монографией о Данте, пробует конструировать русские варианты итальянской силлабической октавы. Вернувшись в Москву, преподает словесность в университете, становится крупным славистом, а также критиком и историком русской литературы. Публикуется в журналах «Московский наблюдатель», «Москвитянин», возвращается в основном в славянофильских кругах. С 1852 г. академик. В 1857 г. вынужден оставить университет после шумного скандала. Навсегда уезжает из России, живет и работает во Флоренции, в Париже.

В начале своего литературного пути Ш. выступает как смелый новатор, в особенности в конце 20 — нач. 30 гг., о чем свидетельствует публикация прозаического перевода поэмы А. Мицкевича «Конрад Валленродт», попытки организовать в поэзии новое направление (т. е. «поэзию мысли», отвергающую привычные для пушкинской эпохи идеал гармонии, традиционную гладкость во имя углубленной идейности и неопробованных форм), дерзкие по тому времени версификационные эксперименты с давно вышедшим из употребления силлабическим стихом. Наиболее авторитетными образцами «поэзии мысли» для Ш. стали стихи В. Г. Бенедиктова, А. С. Хомякова, Н. М. Языкова.

Со второй половины 30 гг. Ш., удостоившийся к тому времени сочувственных отзывов А. С. Пушкина (Пушкин и А. С. «История поэзии» С. П. Шевырева // Полн. собр. соч.: В 10 т. М., 1951. — Т. VII), перешел на откровенно националистические и реакционные позиции, чем вызвал к себе отрицательное и прямо враждебное отношение В. Г. Белинского (а позже Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова). Важным событием в жизни Ш. стала дружба с П. В. Гоголем: Ш. — один из адресатов «Выбранных мест из переписки с друзьями», он

писал о Гоголе как доброжелательный критик (статьи в «Москвитянин» о первом томе «Мертвых душ», 1842) и был высоко ценим им как переводчик-дантолог. Симпатии обоих склонялись к славянофильству — Ш. по существу смыкался с теорией «официальной народности». Он противопоставлял Восток (т. е. Россию и родственные ей славянские страны) «загнивающему» Западу с его «ядовитой» цивилизацией. При этом «здоровые начала», которые Запад должен был «занять» у Востока, заключались, по Ш., в духе христианской веры и смиренности. Эта концепция Ш. лежала в основе его ученых размышлений, наиболее откровенно она высказана в статье «Взгляд русского на образование Европы» (1841); о ней резко-иронически отзывался Чернышевский («Очерки гоголевского периода...»).

Как ученый-филолог Ш. в 20 гг. (совместно с М. П. Погодиным) перевел с латинского церковнославянскую грамматику, написанную И. Добровским (ч. 2—3, 1834). С 1834 по 1837 г. Ш. — секретарь Общества истории и древностей российских при Московском университете. С 1838 по 1840 г. изучает в Риме славянские рукописи Ватиканской библиотеки (статья его об этих рукописях опубликована в «Журнале Министерства народного просвещения» за 1839 г., № 5). Эти и другие аналогичные работы Ш. сделали его имя настолько известным в западославянских землях, что в 1848 г. он был избран почетным доктором Пражского университета. Основоположник русской научной дантологии, Ш. много занимался историей и теорией литературы, поэзии, опираясь при этом на обширный славянский и западноевропейский материал. Интересуясь древностями, он использовал любой случай прикоснуться к современной культуре, и к недавнему прошлому. В его книге «Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь» (ч. 1—2, 1850) рассказано, как он по пути, в Вологде, посетил душевнобольного К. Н. Батюшкова. Влечение к старинным памятникам отечественной культуры было характерно не только для Ш. — ученого, но и поэта (стихотворение «Соловецкая обитель», 1854).

Для поэзии Ш. самое любопытное и характерное — даже не «мысль», о которой он более всего заботился как теоретик литературы и практик стиха, а стиль, противостоящий «гладкописи» эпигонов пушкинской школы, преодолевающий всевозможные экспериментальные барьеры, намеренно нарушающий законы благозвучия. В этом отношении он очень близок к Бенедиктову — не избежал и того, что впоследствии стало принято называть «бенедиктовщиной», имея в виду кричащую стилевую безвкусицу: соответствующим образом реагировал Белинский на стихотворение Ш. «Чтение Данта» («Что в море купаться, то Данта читать...») (1829). В переводах Ш. наиболее интересны запатрировавшие тогдаш-

него читателя ритмические сбои, не допускающие правилами силлабо-тоники. Так, в переводе из Тассо: «Ливень, ветер, гроза одним порывом / В очи франкам неистовые бьют» (1831) — вместо ожидаемых пятистопных ямбов. Однако Ш. часто отступал от такой стилистики — и тогда сливался с общим фоном, не выделяясь на нем ничем оригинальным.

Испорченная еще при жизни литературная репутация Ш. сменилась прочным посмертным забвением: его отъезд из России и смерть на чужбине прошли незамеченными, он на много лет пережил свою известность. Вспомнили о нем и отдали ему должное лишь в советское время. В 30 гг. XX в. собраны и изданы его стихи. Оценка его литературной деятельности и поэзии восходила к тому неприязненному отчуждению, с каким к Ш. еще при его жизни подходила критика революционной демократии (Белинский, Чернышевский, Добролюбов). Некоторые советские критики несколько приподняли фигуру Ш.: не так давно его включили в т. н. «тютчевскую плеяду» — в «семизвездие» поэтов, сменивших растаявшую еще в 30 гг. «пушкинскую плеяду»: Ф. И. Тютчев, поздний П. А. Вяземский, поздний Ф. Н. Глинка, А. С. Хомяков, Ш., Л. Я. Якубович, Бенедиктов (см.: «Поэты тютчевской плеяды»). Из названных поэтов у Ш. было действительно духовное родство с Бенедиктовым и Хомяковым. Большое оснований было бы включить его в круг поэтов-славянофилов, равно как и представить его в связи со славянофильской критикой и публицистикой. Основное же его место в истории русской поэзии определяется термином «поэзия мысли», он был видным теоретиком, организатором и вдохновителем этого направления поэзии.

Соч.: История поэзии: В 2 т. — М.: Пб, 1835—1892; Теория поэзии в историческом развитии у древних и новых народов. — М., 1836; История русской словесности, преимущественно древней: В 4 т. — М., 1846—1860; Стихотворения / Вступ. ст., ред. и примеч. М. Аронсона. — Л., 1939; Мастер русского стихотворного перевода / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Е. Г. Эткнда. — Л., 1968. — С. 281—289; Поэты тютчевской плеяды / Вступ. ст. В. Кожнинова; Ст. о поэтах и примеч. Е. Кузнецовой. — М., 1982.
Лит.: Белинский В. Г. О критике и литературных мнениях «Московского наблюдателя» // Полн. собр. соч. — М., 1938. — Т. II; Он же. Литературные и журнальные заметки // Там же. — Т. VII; Гоголь Н. В. О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году // Полн. собр. соч. — М.; Л., 1952. — Т. VIII; Киреевский И. В. Публичные лекции профессора Шевырева об истории русской словесности, преимущественно древней // Полн. собр. соч. — М., 1911. — Т. II; Чернышевский Н. Г. Очерки гоголевского периода русской литературы // Полн. собр. соч. — М., 1947. — Т. III; Добролюбов Н. А. История русской словесности. Лекции профессора С. Шевырева // Собр. соч. — М.; Л., 1962. — Т. IV; Соколов Ю. М. Мирозерцание Шевырева. Доклад в обществе истории литературы // Беседы. — М., 1915. — Т. I; Манн Ю. В. Молодой Шевырев // Манн Ю. В. Русская философская эстетика. — М., 1969. А. А. Илюшин

ШЕЛГУНОВ, Николай Васильевич [22.XI(4.XII). 1824, Петербург — 12(24).IV.1891, там же] — публицист, литературный критик, лесовод. Из

дворян. Сын небогатого чиновника, умершего, когда Ш. было 3 года; мать, урожденная фон Поль, — немка (см. некролог Ш. // Северный вестник. — 1891. — № 6. — С. 210).

С 4 лет Ш. воспитывался в Александровском малолетнем кадетском корпусе, затем закончил по первому разряду Лесной институт (1833—1841). Система воспитания и обучения, при некоторых светлых сторонах, не могла дать, по словам Ш., никакого «направления», идейных убеждений (Воспоминания... — С. 63). Формированию личности более всего способствовало раннее увлечение литературой, любимым журналом была «Библиотека для чтения»: «...установилась известная умственная складка, в особенности под влиянием холодной, насмешливой, отрицающей иронии Сенковского» (Там же. — С. 58). По окончании дополнительного, офицерского класса (1843) Ш. около двадцати лет служит, пройдя путь от лесного таксатора до начальника отделения Лесного департамента министерства государственных имуществ (с 1857 г.), профессора Лесного института. Автор ряда книг и многих статей по лесоводству («Лесная технология» (совместно с Вс. Греве). — Спб., 1856; «История русского лесного законодательства». — Спб., 1857, и др.), в 1858 г. редактировал еженедельник «Газета лесоводства и охоты». Служба была сопряжена с частыми поездками по стране, длительной жизнью в провинции (Симбирская губ., Самара), заграничными командировками, давшими огромный запас впечатлений. В 1850 г. Ш. женился на Людмиле Петровне Михаэлис (своей двоюродной племяннице); письма Ш. к ней, охватывающие период с 1849 по 1890 г., включают богатый биографический материал (опубл. в воспоминаниях Л. П. Шелгуновой «Из далекого прошлого»).

Несмотря на достигнутые служебные успехи, Ш. тяготился обязанностями чиновника (в особенности под началом назначенного в 1857 г. министра М. Н. Муравьева), а также узкая научная специализация. В своих лекциях в Лесном институте он стремился прежде всего показать, «как должен создаваться лесничий, чтобы быть человеком и гражданином...» (Шелгунов в Л. П. — С. 113). В марте 1862 г. Ш. выходит в отставку в чине полковника корпуса лесничих.

Анализируя на склоне лет свою жизнь, Ш. считал ее главной вехой приобщение к идеалам 60 гг., идейный перелом, переживаемый с 1856 г. (чему способствовала первая поездка за границу, явившаяся «первым наглядным уроком общественной гуманности и порядочности просто-го, будничного обихода») (Воспоминания... — С. 81). Ш. тесно сближается с М. Л. Михайловым, ставшим его ближайшим другом, с Н. Г. Чернышевским (присутствует на защите его диссертации 10 мая 1855 г.), Н. А. и А. А. Серно-Соловьевичами, С. И. Сераковским, Н. А. Добролю-

бовым. В свою вторую «Заграничную поездку вместе с Михайловым навещает А. И. Герцена и Н. П. Огарева (1859). В 1861 г. знакомится с Д. И. Писаревым, горячим почитателем которого станет впоследствии.

Характеризуя своих друзей — деятелей «блестящего, но короткого момента шестидесятых годов», Ш. писал в мемуарах: «Если у меня, старика, у которого уже нет будущего, бывают еще теплые и светлые минуты в жизни, то только в воспоминаниях о них» (Там же. — С. 94).

С 1859 г. Ш. обращается к публицистике, сотрудничая в журналах «Русское слово», «Современник», «Век» и др. В 1861 г. участвует в нелегальной пропаганде, которую развернул круг Чернышевского в расчете на крестьянскую революцию вследствие неудовлетворенности результатами крестьянской реформы. В соответствии с общим планом обращения к разным группам населения Ш. пишет революционные прокламации «К молодому поколению», при вероятном участии Михайлова (напечатана в Вольной русской типографии в Лондоне, для чего Ш. и Михайлов снова выезжали за границу, и распространялась в Петербурге 3 и 4 сент. 1861 г.); «Русским солдатам от их доброжелателей поклон» (не распространялась). Эти прокламации, вместе с воззванием Чернышевского «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон», послужили причиной ареста сначала Михайлова (14 сент. 1861 г.), а затем использовались как обвинение против Чернышевского и Ш.; всех предал поэтапно Вс. Д. Костомаров (участвующий в печатании текстов и арестованный по доносу своего брата Н. Д. Костомарова). Уже после ареста Михайлова Ш. написал сокращенный вариант своей второй прокламации — «Русским солдатам» (была напечатана в Петербурге в небольшом количестве экземпляров и распространялась в петербургском гарнизоне). После приговора к каторге Михайлова, взявшего на себя в целях спасения друзей авторство всех прокламаций, Ш. и его жена решают ехать вслед за ним в Нерчинский округ (Иркутская губ.), что и было непосредственным поводом оставления Ш. службы. Л. П. Шелгунова и Михайлов любили друг друга, у них был сын; с Ш. они оставались друзьями. Поездка к Михайлову (длившаяся почти три месяца), с которым они поселились вместе на Казаковском промысле, завершилась арестом Ш. 28 сентября 1862 г. и последующим заключением (с 15 апр. 1863 г.) более чем на полтора года в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости. Ш. был лишен права на пенсию и ношение мундира и выслан 2 декабря 1864 г. в Вологодскую губ. (Михайлов же умер на каторге в 1865 г.) Поведение Ш. на следствии высоко оценил Чернышевский: «Честнейший и благороднейший человек Николай Васильевич, такие люди редки. Прекрасно держал себя в моем деле» (Н. Г. Чернышевский в воспомина-

ниях современников. — Саратов, 1959. — Т. 2. — С. 268—269).

С декабря 1864 г. по 1877 г. Ш. жил в ссылке (Вологда, Тотма, Великий Устюг, Никольск, Кадников, снова Вологда, Калуга, Новгород, Выборг); свои перемещения, приближавшие к любимому Петербургу, шутивно сравнивал с «повышением его в чинах» (Шелгунова Л. П. — С. 217). В Вологде (1868—1869) встречался со ссыльными В. В. Берви, П. Л. Лавровым, познакомился с П. В. Засодимским. Главным содержанием жизни ссыльного Ш. стала работа для журнала «Русское слово», а после его запрещения в 1866 г. — его преемника «Дело», где стал ведущим сотрудником. Он часто подписывался псевдонимами (Н. Р., Н. Радюкин, Н. Языков и др.).

Вернувшись в Петербург и редактируя после смерти Г. Е. Благодетельского (1880) журнал «Дело» (1881—1883), Ш. сближается с деятелями народничества (Н. К. Михайловским, Н. С. Рунановым и др.). С декабря 1882 г. по июль 1883 г. он снова в ссылке (Выборг, затем Царское Село) за присланную ему речь Михайловского на вечеру в Технологическом институте в декабре (где присутствовал и Ш.), Михайловский также был выслан. В июне 1884 г. подвергается аресту и обвиняется в связях с политическими эмигрантами (Л. А. Тихомировым — в то время членом Исполнительного комитета «Народной воли», С. М. Кравчинским, В. А. Зайцевым, В. И. Засулич и др.), печатавшимся в «Деле». Высылается на пять лет в Смоленскую губ., где живет в с. Воробьево у своих друзей А. Н. и О. Н. Поповых. В 1885 г. печатается в основном в журнале «Русская мысль». В Петербург возвращается незадолго перед смертью, тяжело больным (рак почек). Похороны Ш. 15 апреля 1891 г. (похоронен на Волковом кладбище) вылились в политическую демонстрацию, на одном из венков была надпись: «Н. В. Шелгунову — указателю пути к равенству и свободе от петербургских рабочих». Прослеживая в 1905 г. в статье «Первые уроки» этапы рабочего движения в России, В. И. Ленин отметил «участие петербургских рабочих в демонстрации на похоронах Шелгунова...» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 9. — С. 250).

Вспоминая Ш., соратники восхищались его идейной стойкостью. По словам Михайловского, ближайшего друга Ш. в последнее десятилетие его жизни, «ни годы, ни невзгоды не победили Шелгунова, житейский опыт не состарил его души...» (Соч. — Т. 1. — С. LVII). Мемуаристы подчеркивают обаяние личности Ш., свойственное ему сочетание душевной деликатности и внешней ироничности. Русанову он напоминал «Мефистофеля доброго, проникнутого любовью к людям» (Из воспоминаний об Н. В. Шелгунове. — С. 353).

Литературная критика — лишь часть обшир-

ного и многогранного (экономика, философия, история, педагогика, естествознание, лесоводство, мемуары и др.) наследия Ш., далеко не собранного в изданиях его сочинений. Сам он считал себя наиболее подготовленным к занятиям «экономической статистикой России» (Шелгунова Л. П. — С. 201). Но как публицист, стремившийся расширить круг читателей, отдавал много сил популяризации знаний в разных областях: так, после беседы с одним из судивших его в 1863 г. офицеров (как полковник в отставке Ш. подлежал военному суду), не слышавшим о Степане Разине, написал статью «Россия до Петра I» (Воспоминания... — С. 196). Все же экономико-статистический анализ был сильнейшим аргументом в его революционной публицистике. Большой заслугой Ш. был анализ рабочего вопроса, противоречий между трудом и капиталом как в Западной Европе (в 1861 г. он публикует в «Современнике», № 9—11, большую статью «Рабочий пролетариат в Англии и во Франции», в большей части которой пропагандирует и излагает работу Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии»), так и в пореформенной России. Общие вопросы обезземливания крестьян, их пролетаризации, эксплуатации и др. он часто ставил на «подручном» материале: ведении лесного хозяйства («Одна из административных каст» // Русское слово. 1860. — № 2); изучения края во время поездки к Михайлову («Сибирь по большой дороге» и «Гражданские элементы Иркутского края» // Русское слово. — 1863. — № 1—3 и 9—10); наблюдений ссыльного («Вологодские кружевницы» // Дело. — 1867. № 11) и др. Вел разделы «Домашняя летопись» (в «Русском слове»), «Внутреннее обозрение» (в «Деле»). Огромный успех имели его «Очерки русской жизни» («Русская мысль», 1886—1891).

Идейно сформировавшись как революционный демократ в 60 гг. (их яркая хроника дана в мемуарах «Из прошлого и настоящего», не полностью опубл. в «Русской мысли» в 1885—1886 гг., и др.), Ш. пронес через всю жизнь верность социалистическому идеалу и исторический оптимизм. Понимая исторический процесс в целом по-просветительски («...время есть созревшая мысль». — Воспоминания... — С. 54), часто указывая на «убыточность незнания» (как названа одна из его статей 1863 г.), Ш. в то же время подчеркивал огромное значение экономики (показательна в этом плане статья «Социально-экономический фатализм» // Дело. — 1868. № 9). В период господства народнической идеологии отмечал быстрое развитие пролетариата в России (этого «песчастья» ему казалось возможным избежать в 1861 г., когда он в своих прокламациях указывал на путь к социализму через крестьянскую общину). Приветствуя «Исторические письма» Лаврова («Историческая сила критической личности» // Дело. 1870.

№ 11), предостерегал против насильственной «вербовки» сторонников нового учения. Ш. считал важнейшим условием прогресса коллективные действия и резко критиковал авантюризм П. Н. Ткачева. В 80 гг. (в «Очерках русской жизни») доказывал несостоятельность толстовства и теории «малых дел».

На поприще литературной критики Ш. активно выступает с конца 60 гг. до середины 70 гг.; последующие обращения к ней эпизодичны. Критика Ш. подчеркнуто публицистична, подчинена стремлению «сделать литературу орудием общественного развития» (Соч. Т. I. С. 379); принципы ее он возводит к статьям В. Г. Белинского 40 гг. Публицистическую критику Ш. противопоставляет «эстетической», отражающей литературу от жизни, оспаривая вслед за Писаревым и М. Е. Салтыковым-Щедриным направленную против эстетики Чернышевского теорию Н. И. Соловьева («Двоедушие эстетического консерватизма» // Дело. 1870. № 10). Неприемлемой для Ш. была и «органическая» критика А. Г. Григорьева, с ее культом интуиции и недоверием к теории, с ее противопоставлением неизменному нравственного идеала и исторического воззрения. Откликаясь на выход в свет изданного Н. Н. Страховым первого тома «Сочинений Аполлона Григорьева» (Сиб., 1876), Ш. в статье «Пророк славянофильского идеализма» (Дело. — 1876. — № 9) оспаривает слова издателя об особой трудности понимания мыслей критика, в частности, его глубокого взгляда на народность: «Аполлон Григорьев, выставляя свои знамя народности, ни разу и ни в чем не дал ее осязательно, и читатель, чувствуя всю ширь григорьевского размаха, все-таки до сих пор не понял из его сочинений, что такое народность и в чем она заключается. Григорьевская народность вышла вроде фотографии духов теперешних спиритов» (Литературная критика. — С. 351—352). Публицистическую же критику Ш. ценил выше самого искусства по степени влияния на общество. Эти преимущества он связывает и с популярной формой критики («Из двух родов деятельности критики-публицистики и беллетристики, следует отдать безусловное предпочтение первому по его определенности и ясности»), и с ее более широким содержанием (в отличие от беллетристики — по преимуществу психолога, критик «не с отдельным человеком <...> имеет дело, а с обществом, с причинами, создающими известные явления и известные типы». Дело. 1870. — № 4. Современное обозрение. С. 9, 5). В особенности возрастает, по Ш., роль такой критики в 60 гг. — с упрочением воззрения на человека не как на «свободно действующее я», но как на «продукт общественный» (Дело. 1871. — № 4. Современное обозрение. С. 11). Образцы критики Ш. видит в статьях Чернышевского, Добролюбова и в особенности Писарева, направление и приемы которого находил наибо-

лее соответствующими пореформенному времени: «Добролюбов пишет иногда, точно пришла пора действовать; Писарев знает, что действовать нечего, и поэтому популяризирует. <...> Добролюбов возится больше с обществом, Писарев с лицом» (Литературная критика. С. 262). После смерти Добролюбова Ш. считал Писарева ведущим критиком, полагал, что без его участия «Русское слово» немислимо» (Ш е л г у н о в а Л. П. С. 195), и был крайне огорчен его уходом из этого журнала. Статьей «Сочинения Д. И. Писарева» (написанной в 1870 г., но не пропущенной цензурой) Ш. был удовлетворен: «...первая статья, после которой я могу сказать, что могу писать. Я бросил перчатку молодому поколению за Писарева» (Там же. — С. 229). Критика самого Ш. (ее боевой, полемический задор, отступления популяризаторского характера и др.), несомненно, испытала сильное воздействие писаревской; возможно, ироничности тона способствовало и раннее увлечение О. И. Сенковским. Влияние Писарева сказывается и в недооценке Пушкина («Русские идеалы, герои и типы» // Дело. — 1868. — № 6—7) и Щедрина («Горький смех — не легкий смех» // Дело. 1876. № 10); в конце жизни точка зрения Ш. на их творчество изменилась («Очерки русской жизни»).

Апология публицистической критики у Ш. оборачивалась игнорированием специфики искусства, к которому он подходит, по сути дела, как к иллюстрации общественно-политических взглядов писателя: «Не силой поэтического творчества определяется размер таланта, а силой воодушевляющей его мысли, силой ее социальной, прогрессивной полезности» (Литературная критика. С. 217). Поэтому Ш. непримирим к проявлению ложной, с его точки зрения, авторской тенденции в произведениях И. А. Гончарова, Л. Н. Толстого, А. Н. Островского, Н. С. Тургенева, А. Ф. Писемского и др. писателей, содержание которых очень обеднено в его разборах. Суровые приговоры, которые критик выносит лучшим русским писателям, подчеркнуты самими заглавиями статей: «Талантливая бесталанность» (Дело. 1869. — № 8) о романе «Обрыв» Гончарова; «Философия застоя» (Дело. 1870. № 1) — о «Воине и мире» Толстого; «Грязная утрата» (Дело. — 1870. — № 2) о романе «Дым» Тургенева, появление которого расценено как конец литературной деятельности писателя; «Бессилье творческой мысли» (Дело. 1875. № 2, 4) о пьесах Островского. В подходе к этим писателям Ш. объективно расходился со своими предшественниками (Добролюбовым и даже Писаревым). Так, восхищаясь статьей Добролюбова «Темное царство» — «целым поворотом общественного сознания на новый путь понятий», Ш. считал само творчество Островского «бессознательным» (Воспоминания. — С. 199).

Критический метод Ш., отличающийся от «реальной критики» Добролюбова (с ее вниманием к результатам реалистического творчества), в то же время отражает и общую эволюцию демократической критики в пореформенный период, имеющую свое историческое обоснование и, наряду с потерями, свои приобретения. Акцентирование внимания на идейной тенденции автора объяснялось прежде всего усилением борьбы идейных течений, что проявилось, в частности, в обострении противоречий в мировоззрении и творчестве писателей либерально-дворянской ориентации. И Ш. учил видеть в произведениях идейное направление автора, справедливо полагая его неотъемлемым свойством искусства: «Подборами сцен, характеров, обстоятельств талант выразит непременно себя, выкажет свою душу, постарается передать вам свои симпатии и антипатии, поставит вас на свою точку зрения, и это-то будет идеей его труда, его произведения. Поэтому чисто объективное, поэтическое творчество, в котором бы не высказался писатель, как человек, как член общества, совершенно немислимо» (Литературная критика. — С. 216—217). Идейная полемика при этом диктовала Ш. жесткий отбор материала для анализа: его подход к произведению был крайне избирателен, но метко выявлял уязвимую с революционно-демократических позиций тенденцию автора. Положительно, но вскользь оценив в «Воине и мире» Толстого «демократическую струйку, которую он пытается провести во всем своем романе» (Избранные литературно-критические статьи. — С. 86), Ш. делает мишенью своей критики образ Платона Каратаева и его отношения с Пьером Безуховым. Ш. интерпретирует «каратаевщину» как философию застоя, безропотности, идеализацию патриархальности: «Автор выдает за конечный результат то, в основе чего заключается исключительно некультивированная, сырая сила человека, практически развивавшегося в первобытном быту» (Там же. — С. 83). Такая оценка резко контрастировала с восторгом, который вызвал Каратаев у критика-«почвенника» Н. Н. Страхова, увидевшего в этом образе прекрасное воплощение русского «смирного» типа: «Душевная красота Каратаева паразитерна, выше всякой похвалы» (Страхов о Н. Н. Литературная критика. — М., 1984. — С. 325). В «Обрыве» Ш. по преимуществу анализирует образ Марка Волохова, двойственность, непоследовательность характера Веры и развязку романа; в «Бешеных деньгах» Островского — противоречивый образ Василькова. Критик оспаривает тенденцию автора, находя ее проявления как в общем движении сюжета, так и в отдельных деталях. Напр., портрет Марка Волохова в «Обрыве» комментируется следующим образом: «...вплоть от автора зависело обозвать Марка львом, тигром, крокодилом, змеей, свиньей, кошкой, смотря по тому, какое представление

требовалось возбудить в уме читателя. Автор нашел, что лучше и пристойнее всего сравнить Марка с собакой, несмотря на то, что грива, большая лоб и смелые серые глаза давали ему некоторое и, как кажется, немалое право на сходство со львом. <...> Отделяется ли талант от идеи? Сознательно или бессознательно подбираются сравнения?» (Литературная критика.— С. 223). Ироническая, раскованная лексика, характерная для полемических статей Ш., была немаловажным приемом в арсенале критика. Разбор произведения, выявляющий авторскую тенденцию, сопровождался многочисленными публицистическими отступлениями, где по возможности (для легальной прессы) четко раскрывалось направление самого Ш. Характерны последние строки статьи об «Обрыве», инкриминирующие Гончарову сам выбор темы: писатель «поет нам, голодным людям, про обманутую любовь, поучает нас в теории срочной и бессрочной любви, точно это для нас вопрос первой важности» (Там же.— С. 252).

Сопоставляя публицистическую критику и беллетристику, Ш. считал возможным и полезным для писателя приближение к публицисту путем популяризации в произведении «новых идей и программы нового уклада жизни» (Дело.— 1871.— № 4. Современное обозрение.— С. 5). Он высоко оценивает роман Чернышевского «Что делать?» во II части не пропущенной цензурой статьи «Русские идеалы, герои и типы» (опубл. с коммент. А. Шилова в кн.: Шестидесятые годы.— М.; Л., 1940). Но критик ставит в вину автору некоторые черты его героев: эпикуризм и излишнюю заботу о личном счастье Веры Павловны, исключительность и отсутствие цельности в Рахметове — человеке «принципа». Считая необходимым массовый, повседневный героизм (статья писалась в 1868 г.), Ш. видит «новых людей» «не в Вере Павловне и Лопухове, а в упрощенном Рахметове» (Шестидесятые годы.— С. 185). Замечание Ш. о Рахметове по сути близко к автополюемике Чернышевского в «Прологе», где Волгин и Левицкий даны без какой-либо романтизации.

Подобно Салтыкову-Щедрину («Наша опасность», 1868) и др., сочувственно и с надеждой встретил Ш. произведения Ф. М. Решетникова («Народный реализм в литературе» // Дело.— 1871.— № 5), прощая автору «Подлиповцев» и «Где лучше?» эстетические недостатки за «новую правду», которую «следует назвать народно-реальным направлением в нашей литературе, в отличие его от старого — аристократического или идеально-реального» (Литературная критика.— С. 289). В творчестве Решетникова Ш. видел отражение «нового умственного движения, вызванного освобождением крестьян», которое, как идущее «снизу вверх», казалось ему перспективнее «реализма» (понимаемого по-писаревски как тип мировоззрения) Базарова из «Отцов и

детей» Тургенева. В прбтивовес индивидуализму Базарова Ш. подчеркивает коллективную психологию и трудовую солидарность многочисленных персонажей Решетникова, которая формируется в условиях тяжелого экономического гнета: «Вот что и соединяет людей — общая судьба, общее горе. Тут не нужно рудиновских размышлений и распутивания заоблачных вопросов, чтобы понять простую сущность подобного простого положения. Общий враг — нужда скоро связывает людей, особенно если они терпят вместе от тех же подрядчиков, маклаков и кулаков». (Литературная критика.— С. 315, 292, 322). В творчестве Решетникова Ш. как бы видел подтверждение своих социально-экономических воззрений.

Откликаясь в основном на текущий русский литературный процесс, Ш. обращался и к творчеству иностранных писателей: Э. По, Ф. Шпильгагена, Л. Берне, Г. Гейне и др. Особенно любил Гейне, которому посвятил статью «Гений молодой Германии» (Дело.— 1870.— № 10). Углублялся и в историю русской литературы. Очерк ее развития с нач. 40 гг. дан в большой статье «Люди сороковых и шестидесятых годов» (Дело.— 1869.— № 9—12), где анализ глубоко удовлетворившего Ш. романа Писемского «Люди сороковых годов» послужил поводом для характеристики этапов развития русского общества. Во взгляде на 40 гг. «как на момент русской рефлексии, как на момент пробуждения русской мысли, как на момент теоретической жизни без возможности соответственной практики» (Литературная критика.— С. 109) Ш. опирался на концепцию, наиболее полно разработанную Добролюбовым, на произведение Герцена, Дружинина («Полнышка Сакс»), Тургенева. Ш. подчеркнул западничество «передовиков» 40 гг. (сказавшееся и в их «жоржзандизме» — отношении к женскому вопросу) и их связь с людьми 60 гг.: «Тут преемственность мысли, преемственность прогресса» (Там же.— С. 60). В целом же Ш., отдавая должное исторической ценности реалистических произведений прошлого, не считал их содержание актуальным для нового времени, т. к. их «прогрессивная идея» уже воплотилась «в современных реформах» (Там же.— С. 162). Это акцентирование злобы дня и авторского направления в проблематике произведений вытекало из всей литературной политики Ш. — последовательного в своих принципах критика-публициста.

Соч.: Соч. В 3 т. — 3-е изд. — Сиб., [1904]; Избранные литературно-критические статьи / Ред. вступ. ст. и примеч. Н. Новича.— М.; Л., 1928. Воспоминания. Прокламации // Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л. Воспоминания: В 2 т. / Вступ. ст. Э. Виленской и Л. Ройтберг. М., 1967.— Т. 1; Литературная критика / Вступ. ст., сост. и примеч. Н. Соколова. Л., 1974.

Лит.: Плеханов Г. В. Предисловие к брошюре «Первое мая 1891 г.» // Литературное наследие Г. В. Плеханова. Сб. 2. М., 1934. Ст. 5 кий А. С. Мировоззрение

Н. В. Шелгунова. — Харьков, 1969 (это библиография работ Шелгунова и о Шелгунове); Из воспоминаний об Н. В. Шелгунове // Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л. Воспоминания. — М., 1967. — Т. 1; Шелгунова Л. П. Из далекого прошлого // Там же. — Т. 2; Есин Б. И. Н. В. Шелгунов. — М., 1977; Пеунова М. Н. Этика Н. В. Шелгунова. — М., 1978. Л. В. Чернец

ШЕЛЛЕР, Александр Константинович, псевдоним — А. Михайлов [30.VII (11.VIII). 1838, Петербург — 21.XI (4.XII). 1900, там же] — прозаик, поэт. Отец — родом из эстонских крестьян, был театральным оркестрантом, затем придворным служителем. Мать — из обедневшего аристократического рода. Получил первоначальное домашнее образование, научившись свободно говорить по-немецки, Ш. окончил немецкую школу в Петербурге. С 1857 по 1861 г. состоял вольнослушателем историко-филологического факультета Петербургского университета. Участвовал в студенческих волнениях. Прекратил учебу после временного закрытия университета осенью 1861 г. и, определившись домашним секретарем к гр. Апраксину, отправился с его семьей за границу.

По возвращении в Россию Ш. основал школу для бедных, по субботам устраивал доступные лекции для взрослых (школа просуществовала до 1863 г. и в связи с финансовыми затруднениями Ш. была закрыта). После университета Ш. продолжал усиленно заниматься самообразованием, увлекался педагогикой. Умеренно-демократическое мироощущение Ш., лишенное программной внятности и определенности, складывалось в годы первой революционной ситуации в России и последовавшего за ней спада революционно-демократического движения. Человек по натуре своей мягкий, добрый и отзывчивый, он вел преимущественно кабинетный образ жизни и отличался постоянством этических и эстетических привязанностей и предпочтений, выработанных еще в молодые годы.

Литературная работа Ш. началась в 1859 г., когда в журнале «Весельчак» стали периодически помещаться фельетоны за подписью А. Редеш, в которых высмеивались поверхностные обличители, беспринципные газетчики, падкие до скандальных сюжетов и сенсаций, и т. п. Как поэт Ш. дебютировал в журнале «Современник» (1863). В стихах отчетливо ощущимо сильное влияние некраесовской поэзии: преобладают знакомые, подчас отмеченные печатью вторичности, мотивы гражданской скорби, гордого терпения, всепожелающей и преодолевающей жизненные пороки любви к труду, душевной бодрости и света («Пролог», 1864; «Школа», 1873; «Листки из записной книги», 1863—1870; «Самоучка», 1873; «Моя судьба», 1875; «Пророк», 1875; «Из прошлого», 1879, и др.).

В № 2 и 3 «Современника» за 1864 г. Ш. напечатал первый свой роман «Гнилые болота». В 1865 г. вышел в свет роман «Жизнь Шупова,

его родных и знакомых» (Современник. — № 2, 3, 6—8). Оба романа имеют автобиографический характер. Сознательно отвергая штампы занимательного сюжетосложения, Ш. предлагает читателю неторопливые, бесхитростные, лирически взволнованные повествования о том, как в борьбе с тлетворным влиянием жизненных обстоятельств, окружающей среды формируются молодые, честные труженики — «чернорабочие жизни» (Полн. собр. соч. — 2-е изд. — Спб., 1904. — Т. 1. — С. 146; далее указываются только том и страница). Ш. стремится внушить читателю доброе, уважительное отношение к обыкновенным, скромным и самоотверженным людям, лишенным сословной фанаберии: «Хороших, простых людей много, умеете только их искать; сами о себе они не кричат: это тихие, но гордые люди. Дурные делают больше шума...» (Т. 1. — С. 27).

В 1863—1866 гг. Ш. активно сотрудничает в «Русском слове», в 1866—1877 гг. — в «Женском вестнике», с конца 1877 г. — в журнале «Дело». Ш. публиковался также в «Неделе» (1868), с 1877 г. редактировал стоявший «вне направлений» еженедельник «Живописное обозрение», с 1893 г. — газету «Сын отечества».

Ш. — создатель многочисленных произведений разных жанров. Большой известностью и симпатией у демократической молодежи 60—70 гг. пользовались его романы и повести: «Засоренные дороги» (1866—1867), «Господа Обносковы» (1868), «В разброд» (1869), «Лес рубят — щепки летят» (1871), «Старые гнезда» (1875), «Хлеба и зрелищ» (1875), «Беспечальное житье» (1877), «Голь» (1882), «Непрошенный гость» (1883), «И молотом и золотом» (1884), «Победители» (1889), «Ртищев» (1890), «Загубленная жизнь» (1891) и др.

Ш. известен и как автор социологических и политических этюдов и исследований о положении пролетариата в Европе: «Очерки из истории рабочего сословия во Франции» (1868), «Жилища рабочих» (1870), «Производительные ассоциации» (1871) и др. Переводил стихи Ш. Петефи, Ф. Фрейлиграта, А. Шамиссо, Б. Корнуэля, Э. По и др.

Романы Ш. популяризировали идеи и образы «новых людей» 60 гг. Внимание широкого демократического читателя, на которого сознательно ориентировался Ш., привлекали характеры простых и честных людей, стремящихся принести посильную пользу ближним, проповедующих постепенное совершенствование жизни на началах добра и справедливости. Повествование у Ш. часто обрывается на начальном периоде возмужания героя, только еще вступающего на арену общественного служения. Новые педагогические идеи шестидесятников отстаивают герои романов Ш. — учителя-«развиватели», подобные Носовичу из «Жизни Шапова...». На пути молодых героев встречается немало сложных препятствий: им приходится вступать в борьбу с охранителями

консервативных традиций и привычек, прожига-телями жизни, вроде «выживших из ума старых обюсков человечества» («Господа Обносковы»), людьми рутинной, казенной благочестия («Гнилые болота») и т. д.

На страницах романов Ш. возникает и образ молодого «нигилиста», мечтающего наладить ровные и спокойные отношения с «отцами». Либеральные тенденции заметны во всех произведениях Ш. о «новых людях».

Ш. часто изображение жизни подчинял умозрительным схемам, отчего его романы и повести (особенно поздние) носили отпечаток надуманности, страдали шаблонностью. Традиционные типы у Ш. — деспот-крепостник, разлучающий влюбленных дворян, злодейка бабушка или тетушка, чиновник-взяточник, петербургская кумушка и т. п. Всем им противостоят «безусловно идеальные» герои, сторонники добропорядочного «скромного дела» с отчетливо явленной умеренностью политической программы.

Общедемократические идеалы утверждались и в публицистических очерках Ш. Торжество «нового духа» в истории Ш. видел, напр., в постепенном развитии рабочих ассоциаций во Франции, уповая вместе с тем на особую «миссию интеллигенции», которая, по его мысли, должна стать государственной силой.

Внимательно следя за творчеством Ш. и отключаясь на роман «Засоренные дороги», М. Е. Салтыков-Щедрин в 1868 г. отмечал, что «г. Михайлов написал довольно много, но все вновь написанное оказывается повторением «Гнилых болот», и, к сожалению, повторением довольно слабым. Сфера наблюдения нимало не расширилась, а тот горячий лиризм, который примирял читателя «Гнилых болот» с недостаточностью действительного содержания, утратил свою первоначальную свежесть и приобрел какие-то фальшивые тоны» (Собр. соч. — М., 1970. — Т. 9. — С. 262). Язвительно характеризуя в 1878 г. роман «Беспечальное житье», Салтыков-Щедрин прибегал уже к таким определениям, как «либеральное резонерство», «мелкость и рутинность тенденций», «изыток наивности», «безукоризненная ровность автора» и т. п. (Т. 9. — С. 443—447).

Ш. вошел в историю русской литературы как достаточно скромный в своих идейно-эстетических возможностях труженик-литератор, публицист-публицист, пользовавшийся тем не менее горячей симпатией и признательностью современного ему массового демократического читателя России. Декларативность, книжность, схематизм, откровенное морализаторство предопределили резкое снижение интереса к романам и повестям Ш. в XX в.

Сочл.: Сочл.: В 6 т. Пб., 1873—1875; Полн. собр. соч.: В 15 т. — Пб., 1894—1895; Полн. собр. соч.: В 16 т. — 2-е изд. / Ред. и критико-биографический очерк А. М. Скабицкого — СПб., 1904—1905; Стихотворения // Поэты-демократы 1870—1880 гг. / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Б. Л. Бессонова. — Л., 1968.

Лит.: Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. М., 1970. — Т. 9. — С. 261—268, 359—364, 443—447; Михайлов О. Ф. А. К. Шедлер (Михайлов). СПб., 1889; Фарсцов А. И. Александр Константинович Шедлер. Биография и мои о нем воспоминания. СПб., 1901; Ткачев П. П. Тенденциозный роман // Шедлер А. К. Избр. соч. на социально-политические темы. М., 1932. Т. 2: Бялый Г. А. Проза шестидесятых годов // История русской литературы. М.: JL, 1956. Т. 8. — Ч. 1: Кокovina Н. З. А. К. Шедлер-Михайлов в читательской ситуации 1860-х годов // Литературное произведение и читательское восприятие. Калинин, 1982; Кокovina Н. З. А. К. Шедлер-Михайлов в демократических изданиях 60—70-х годов XIX в. // Филологические науки. — 1983. № 4. — С. 80—84. В. В. Прохоров

ШЕРШЕНЕВИЧ, Вадим Габриэлевич [25.1(6.2). 1883, Казань — 18.5.1942, Барнаул] — поэт, переводчик.

Окончил физико-математический факультет Московского университета. Первые стихотворения Ш. (сб. «Весенние проталинки», 1911) представляют собой подражание поэзии символистов, прежде всего поэзии К. Бальмонта, В. Брюсова. Стихотворения второго сб., «Саргипа» (1914), также подражательные, ориентированы на принципы поэзии А. Блока, которому посвящен сборник. Не углубляясь в философско-эстетические корни символизма, Ш. разрабатывает его ведущие темы и мотивы: «прозрение» высших начал в явлениях реальной жизни, экстатическое поклонение божеству и т. д. В сб. «Романтическая пудра» (1913), «Экстравагантные флаконы» (1913) Ш. ненадолго усваивает камерную салонность и эстетство в духе И. Северянина. С появлением в России футуризма Ш. примкнул к этому литературному течению, став одним из его теоретиков и возглавив кружок «Мезонин поэзии», в котором участвовали К. Большаков, Б. Лавренев, Хрисанф (Л. Зак) и др., издавались сборники футуристов «Вернисаж», «Пир во время чумы», «Крематорий здравомыслия». Теоретические взгляды на поэзию футуризма Ш. изложил в работах «Футуризм без маски» (1913), «Зеленая улица» (1916). В предисловии к своему сб. «Автомобильная поступь» (1916) Ш. заявил об отказе от содержания в поэзии, от следования предшествующим литературным традициям («Поэзия покинула Парнас; все «поэтическое» и «красивое» захватано руками прошлых веков»). Ориентируясь на программу футуризма, Ш. обращается к изображению мира современной цивилизации с ее «небоскребами», «автомобилями», «аэропланами», ритмами большого города. В ряде стихотворений («Мы поехали с вами в автомобиль сумасшедшем...» и др.) Ш. приветствует наступление века техники, «красоту быстроты». Однако основное настроение сборника — ощущение тревоги, взволнованности. Это настроение усиливается в последующих произведениях — поемах «Быстрь», «Вечный жид» (1916), в центре которых образ одинокого поэта, ниспровергателя основ старой жизни. В отличие от ранней лирики В. Маяковского, где образ одинокого поэта-

бунтаря приобретает социальное звучание, в поэзии Ш. бунт героя внешне социален и внешнеостранно-анархический, лишенный четкой гуманистической направленности. Поэтика произведений этого периода строится в соответствии с общими декларациями футуризма, настаивающего на дестетизации изображаемого, значительно упрощении лирического «я», на принципе «смещения» предметов видимого мира, на приравнивании искусства «приему», «технике стиха». Для стихотворений Ш. характерны необычные комбинации образов, «изломанный» синтаксис, перебивка ритма, диссонансы, нарочито яркая метафоризация, основанная на сравнении отдаленных предметов: «Летнее небо похоже на кожу мулатки, / Солнце, как красная ссадина на щеке. / С грохотом рушатся витрины и палатки, / И дома, провалившись, тонут в реке». Поэтическая система Ш. допускает переносы слов из одной строки в другую при помощи тире, механическое соединение строк, не связанных ни логически, ни психологически, поскольку каждая строка, по мысли Ш., представляет собой законченное целое.

К концу 1910-х гг. Ш. возглавил группу поэтов-имажинистов (И. Грузинов, С. Есенин, Р. Иванов, А. Мариненгоф, А. Кусиков). При его активном участии вышли сб. поэтов-имажинистов «Плавильня слов», «Коробейники счастья» и др., были организованы издательства «Имажинисты», «Чихи-Пихи», выходил журнал «Гостиница для путешественников в прекрасном». За время существования группы имажинистов (1919—1927) Ш. опубликовал поэму «Крематорий» (1919), сборники стихов «Лошадь как лошадь» (1920), «Кооперативы веселья» (1921), «И так итог» (1926). Продолжая оставаться на крайне формалистических позициях в художественном творчестве, Ш. определил задачу поэзии имажинизма как воссоздание первоначального образа, заложенного в слове, путем освобождения его от культурных контекстов предшествующих эпох. В теоретических работах «2X2=5: Листы имажиниста» (1920), «Кому я жму руку» (1924) Ш. утверждает «самоценность» образа, освобожденного от содержания, полемизирует с С. Есениным, справедливо настаивающим на необходимости для образа органически выражать смысл. Теоретические работы Ш. периода имажинизма не лишены интересных рассуждений по некоторым частным вопросам стиховедения, как, например, о природе свободного стиха; в целом же изложенная в них идея создания «универсальной поэзии», стоящей «над» жизнью, сводится к формалистическим экспериментам в области грамматики и синтаксиса.

В последующие годы Ш. работал преимущественно для театра и кино. В творческом наследии Ш. значительное место занимают переводы В. Шекспира, П. Корнеля, Б. Брехта, Ш. Бод-

лера, Ф. Вийона, Т. Готье, Ж. Лафорга, А. Рембо, Ф. Маринетти.

Соч.: Автомобилья поступь.— М., 1916; Быстры: Монологическая драма.— М., 1916; Футуризм без маски. М., 1913; 2X2=5: Листы имажиниста.— М., 1920; Кому я жму руку.— М., 1924.

Лит.: Пастернак Б. Л. Вассерманова реакция // «Русский». М., 1914; Чуковский К. И. Собр. соч.: т. 6. — М., 1969. Т. 6. Л. А. Юркина

ШИРЬНСКИЙ-ШИХМАТОВ, Сергей Александрович [1783, с. Дерново Смоленской губ.— 7(19).VI.1837, Афины] — поэт. Первоначальное образование получил дома, где обучался русскому, французскому, немецкому языкам. Набожные родители приучили его с детства участвовать в церковных службах; он рано познакомился со славянским языком и полюбил его. С 1795 по 1800 г. учился в Морском кадетском корпусе, затем получил назначение в Морской ученый комитет при Адмиралтействе, председателем которого был А. С. Шишков. В звании мичмана плавал по Балтийскому, Северному и Немецкому морям. В 1804 г. Ш.-Ш. получил чин поручика и был назначен воспитателем Морского кадетского корпуса, где прослужил до 1827 г. Его воспитанники, в частности будущие декабристы Д. И. Завалишин и бр. А. П. и П. П. Беляевы, вспоминали впоследствии его ученость и доброту; он никогда не прибегал к телесным наказаниям. В 1827 г. Ш.-Ш. выходит в отставку, освобождает своих крестьян от крепостной зависимости, превратив их в вольных (свободных) хлебопашцев, и отправляется путешествовать по старинным монастырям России. С 1828 г. поселяется в Новгородском Юрьевском монастыре, где в марте 1830 г. принимает пострижение под именем Анникиты и вскоре становится иеромонахом. К этому времени относится его издание с архимандритом Фотием, известным извергом и мракобесом. В 1834—1836 гг. путешествует по святым местам. Он побывал в Иерусалиме, Константинополе и на Афоне. В апреле 1836 г. стал архимандритом при русской посольской церкви в Афинах, где и скончался.

Первым опубликованным произведением Ш.-Ш. был перевод с английского «Опыта о критике» А. Попа (1806). В 1807 г. публикует оригинальное произведение — поэму «Пожарский, Минин, Гермоген, или Спасенная Россия». Затем выходят «Песнь российскому слову» (1809), «Петр Великий. Лирическое песнопение» (1810), «Ночь на гробах, подражание Юнгу» (1812), «Песнь Россу» (1812), принесшие ему известность и почет. Он избирается членом Российской Академии в 1809 г. С 1812 г. ему назначается царем пенсия в 1500 руб. за то, что, по словам соответствующего высочайшего указа, он «трудами и прилежанием к наукам, усовершенствовав природные дарования к стихотворству, обратил оные в сочинения своих на пользу словесности и благонравия». Когда в 1811 г.

была создана «Беседа любителей русского слова» во главе с А. С. Шишковым, Ш.-Ш. становится ее членом первого разряда. Со второй половины 10 гг. XIX столетия в его поэзии усиливаются религиозные мотивы. Он пишет «Песнь сотворившему вся» (1817), «Иисус в Ветхом и Новом завете, или Ночи у креста» (1824).

Творчество Ш.-Ш. развивалось под сильным влиянием Шишкова, подобно которому он широко использовал в своих произведениях славянизмы и архаизмы, не ограничивая употребление торжественной лексики определенными «высокими» жанрами и распространяя ее на все виды поэзии. Его излюбленный жанр — эпическая поэма; однако он вносил в нее значительный лирический элемент. Будучи одним из ревностных членов «Беседы», Ш.-Ш. наряду с Шишковым являлся постоянным объектом сатирических выпадов карамзинистов и членов «Арзамаса», в частности молодого А. С. Пушкина.

Современники поэта отмечали его версификационное мастерство, позволявшее ему вовсе обходиться без глагольных рифм.

Соч.: Поэмы 1790—1810-х годов / Вступ. ст. и сост. Ю. М. Лотмана; Подгот. текстов М. Г. Алтышуллера.— Л., 1971. В. Г. Смолцкий

ШИРЯЕВЕЦ (псевдоним, настоящая фамилия — *Абрамов*), Александр Васильевич [2(14).IV.1887, с. Ширяево Сыранского у. Симбирской губ. (ныне Куйбышевская обл.) 15.V.1924, Москва] — поэт. Родился в крестьянской семье. В автобиографии Ш. писал: «Мать неграмотна, отец выучился грамоте самоучкой, кое-как. Был приказчиком по полевым работам... лесным объездчиком, одно время торговал камнем» (3 а в о л о к и н П. Я. Современные рабоче-крестьянские поэты. В образцах и автобиографиях с портретами.— Иваново-Вознесенск, 1925.— С. 203): «Дед крепостной... Служил усердно барам, / Был лесником, пыхтел в глуши лесной. / А я торгую песенным товаром, / А я у песен тоже крепостной» («Дед и я»). Ш. окончил церковноприходскую школу, два года занимался в Самарском городском училище, но умер отец, и ему пришлось пойти работать. Стихи начал писать с 7—8 лет. Влияние оказали песни волжских бурлаков и грузчиков, а также русская классическая и современная ему литература. В 1905 г. уехал в Туркестан, где до 1922 г. служил в почво-телеграфном ведомстве, но переписывался с родными и часто навещался в с. Ширяево. Печтаться начал в 1908 г. В 1911 г. в Ташкенте в сборнике трех поэтов опубликовал цикл «Ранние сумерки. Стихи и песни», предпослав ему эпиграф из К. Фофанова. Стихи в основном подражательные, ученические, чувствуется влияние разных поэтов: Некрасова, Кольцова, Бунина, Надсона, Городецкого, символистов. Песни написаны под влиянием устного народного поэтического творчества.

С первого же стихотворения автор предсказывает краткость своего жизненного пути: «И свою судьбу я знаю,— / Будет путь недолог мой, / Белой пеной я растаю / И навек сольюсь с волной...» («Лдына»). Лирический герой сродни есенинскому поэту из его стихов 1910—1913 гг.: он страдает от тяжести жизни, его охватывает «злая грусть», «тоска неясная», потому что над ним «Жизнь насмехается, жизнь издевается», «счастья нет», «Рвется сердце на простор», и поэту хочется «В мир иной уйти от этой / Жизни, счастьем не согретой» («Омут»). О настроенных поэта и его героя говорят и названия др. стихов этого сборника: «В тюрьме», «Смерть», «Похороны», «На кладбище», «Последний путь», «Элегия» и т. п. В 1913—1916 гг. Ш. печатается в петербургских журналах «Весь мир», «Ежемесячный журнал», в поэтических сборниках и альманахах. В декабре 1914 г. заочно стал членом «Суриковского литературно-музыкального кружка» в Москве, а с января 1915 г. начинается его переписка и дружба с Есениным, который в письме Ш. сообщал: «...я Вас полюбил с первого же мной прочитанного стихотворения...»

Очень рад за Вас, что Вашу душу девушка-царевна вывела из плена городского. Вы там вдалеке так сказочны и прекрасны...

Со стихами моими Вы еще познакомитесь. Они тоже близки Вашего духа и Клычкова» (VI, 54—55). Есенин сразу же заметил фольклорно-крестьянский и антигородской характер поэзии Ш. В 1916 г. в Ташкенте выходит первый сборник стихов Ш. «Запевка». Его лирический герой — удалый молодец из народной песни, «разбойник», ненавистник всякого угнетения и произвола. Основной мотив книги — любовь к русской земле, к ее народу. Есть в сборнике стихи, посвященные Клюеву, Городецкому, Бунину, прогрессивному издателю В. С. Миролюбову. Возникает здесь, как у многих крестьянских поэтов, и образ легендарного Китежа. В отличие от «Ранних сумерек» в «Запевке» преобладает мажорный тон, поэт, избегая стилизации, следует жанровым образцам устного народного поэтического творчества — песне, частушке, сказу. Пишет Ш. и антивоенный цикл стихов «Песни о войне». Поэт радостно встречает Октябрьскую революцию. В 1917 г. выходят две книги Ш.: в Ташкенте — «О музыке, о любви. Лирика», в Петрограде — Москва — «Алые маки. Песни последних дней. Весна». В них он развивает мотивы предыдущего сборника. «Русь, вставай! Довольно муки! / Нет ни тюрем, ни оков! / Слышишь радостные звуки / Вечевых колоколов!» («Родине»). Наряду с темой России большое место в поэтическом мире Ш. занимает образ ее главной реки — Волги, Жигулей, народной волиницы. После революции в его поэзии разрастается тема Востока (сб. «Край солнца и чимбета (Туркестанские мотивы)». — Ташкент, 1919).

Не все равноценно в стихах Ш. Об этом в 1920 г. в письме к нему прямо писал Есенин: «Пишешь ты очень много зрящего, особенно не нравятся мне твои стихи о Востоке. Разве ты настолько уж осартился или мало чувствуешь в себе притока своих родных почвенных сил?» (VI, 97). Есенин критикует также архаические образы и мотивы в лирике Ш.: «Потом брось ты петь эту стилизованную ключевскую Русь с ее несуществующим Китежем и глупыми старухами. Жизнь, настоящая жизнь Руси куда лучше застывшего рисунка старообрядчества» (Там же). Поводом для этой резкой критики послужила посвященная Есенину сказка в 3 действиях, 5 картинах «Об Иване, крестьянском сыне, ненаглядной красоте и Кошее бессмертном» (Ташкент, 1919).

В 1922 г. Ш. переезжает в Москву, где выводит несколько его книг.

Соч.: Ранние сумерки. Стихи и песни // Прошин Л., Ширяевец А. и др. Стихи.— Ташкент, 1911; Запевка. Песни и стихи.— Ташкент, 1916; Волжские песни. Стихотворения.— М., 1928; Избранное (Стихи и поэмы «Мужикослов» и «Палач»).— Куйбышев, 1961; Песня о Волге. Стихи и поэмы.— Куйбышев, 1980.

Лит.: Львов-Рогачевский В. Александр Васильевич Ширяевец (Александр Васильевич Абрамов). Критико-биографический очерк // Ширяевец А. Волжские песни. Стихотворения.— М., 1928.— С. 5—22; Красильников В. А. Певец Волги. Поэзия Александра Ширяевца // Ширяевец Александр. Избранное.— Куйбышев, 1961.— С. 3—34. А. Н. Захаров

ШИШКОВ, Александр Ардалионович [1799, Москва — 28.IX (10.X).1832, Тверь] — поэт, переводчик, прозаик, племянник А. С. Шишкова.

Многие стороны биографии Ш. еще не прояснены. Вокруг его имени сложилось много легенд, но достоверных фактов, объясняющих многочисленные повороты его жизни, недостаточно. Литературное творчество Ш. незаслуженно было забыто, и исследователям конца XIX века пришлось заново открывать его. Между тем Ш., несомненно, повлиял на развитие русской романтической поэзии и прозы.

Первоначальное воспитание и образование Ш. получил в доме своего дяди, адмирала А. С. Шишкова, возглавившего «Беседу любителей русского слова». Однако пристрастия и литературные вкусы дяди не передались Ш. Он рано увлекся сентиментальной, а затем и романтической литературой. Правда, первое его стихотворение — «Преложение двенадцатого псалма...» (1811), сделанное по классическим образцам, обрадовало дядю, но известности сочинителю, конечно, не принесло и было скорее ученическим опытом, данью традициям дяди, чем самобытным творчеством.

В 1815 г., захваченный общим патриотическим подъемом 1812 г., Ш., преодолевая сопротивление дяди, поступает на военную службу, участвует в заграничном походе русской армии. Вместе с житейским опытом он вынес из похода и радикальные идеи, сильно огорчившие его воспи-

тателя. «Он возвратился назад и вскоре из мыслей и поступков его стало оказываться, что он не уцелел от тех вредных примеров, которые по несчастью врезаются иногда скоро в неопытное сердце и остаются в нем тверже всех долгих наставлений. Все мои предостережения и увещания бесполезны», — жаловался дядя А. Е. Ермолову, направляя юношу служить на Кавказ в 1818 г. «для исправления» (В. Шадури.— С. 40).

Из Москвы и Петербурга молодой офицер попадает в Грузию, под начало генерала Ермолова. Путешествие отразилось в его работе «Перечень писем из Грузии», очень похожей на позднейшие физиологические очерки подробностями и точностью бытописания, свежестью взгляда на «полуденную Сибирь» (Соч.— Вып. I.— С. 111), стремлением заинтересовать читателя жизнью и бытом незнакомых племен. Он пишет «описательную поэму» «Лонской», из которой до нас дошел только отрывок. В ней Ш. воспевает свободу: «Исчезла буйная свобода // Кавказа дерзостных детей, // Как исчезает непогода // При блеске солнечных лучей» (Соч.— С. 87).

Подражательна поэма «Дагестанская узница».

В 1821 г. Ш. поссорился с генералом Ермоловым. Результатом этой размолвки стало удаление поэта из Грузии и перевод на Украину, в Одесский пехотный полк. В 1824 г. он женится на дочери отставного поручика Твердовского. Женитьбе предшествовала громкая и скандальная история, связанная с похищением невесты из дома родителей, не желавших этого брака.

Военная служба не только позволила Ш. лучше узнать Россию, побывать в разных местах ее, но и подружила с творческими и прогрессивными мыслящими людьми, в том числе с А. С. Грибоедовым, Ф. Н. Глинкой, А. С. Пушкиным, В. К. Кюхельбекером (с двумя последними Ш. познакомился в Царском Селе, где был расквартирован Гренадерский полк, в котором он тогда служил). Пушкин посвятил Ш. дружеское послание «Шалун, увенчанный Эратой и Венерой...» (1816), в котором высоко отозвался о стихах Ш. и отдавал ему первенство. Обращаясь к товарищу, Пушкин писал: «Веселье резвое и нимфы Геликона твою счастливую качали колыбель» (Пушкин А. С. Полн. собр. соч.— Т. 1.— С. 204). О серьезном отношении Пушкина к Ш. свидетельствует то, что он работал над этим лицейским стихотворением и в сборнике 1826 г. поместил вторую его редакцию, в которой, однако, сохранил высокий отзыв о стихах Ш.

По уверению Пушкина, Ш. пел «сердца юного кипящее желанье», «блаженства быстрые часы» (Там же.— С. 418). Это действительно так. Многие стихотворения Ш. посвящены мотивам любви, неги, праздника жизни и дружбы. Они написаны живо, с чувством, в русле романтической поэзии. Самобытность автора с трудом

улавливается за обычными романтическими образами и штампами.

Более интересны его политические стихотворения — «К Метеллию» (1824), «К Емилию» (1824). В них Ш. выступает противником крепостного права, поборником свободы. Многие понятия и образы стихотворений Ш. оказываются знаками, что характерно для политической лексики декабристов. Среди этих понятий — свобода, справедливость, отечество и т. д. В отрывке «К Емилию» Ш. пишет: «Помещик справедливый // Для зайца сельские не разорает нивы, // У вверенных ему не отнимает сна // И податями своих не тяготит владений...» Стихи Ш. близки по лексике и образной системе к таким стихотворениям А. С. Пушкина, как «Деревня», «Лицинию» и т. д. В стихотворении «К Метеллию» он описывает «алчность вечную несытого владельца», готового присвоить («пожрать», по выражению Ш.) «надежду, труд и счастье земледельца», поскольку «закон глас молчит» (Соч.— Вып. 2.— С. 65).

Используя готовые элементы, в известной мере штампы политической лирики, Ш., однако, преобразует их в элементы вольнолюбивых лозунгов декабристов, при этом, по наблюдению В. Гофмана, «язык политики» как бы «возвышался», становился в один уровень с «поэтическим языком». И для сторонников, и для противников декабристской идеологии употребление таких «лозунгов» было не просто понятно, но представляло собой «улику», причем независимо от текста, в котором они встречались (см. Гофман В. А. Литературное дело Рылеева // Рылеев К. Полн. собр. стихотворений / Ред., предисл. и примеч. Ю. Г. Оксана. Вступ. статья В. Гофмана.— Л., 1934.— С. 41—42).

После восстания декабристов Ш. в 1826 г. был привлечен к следствию, но, поскольку доказательств его причастности к заговору не обнаружилось, он был вскоре освобожден. Однако он пишет «возмутительные» стихи — послание «К Ротчеву» (1827), эпиграмму на Николая I «Зачем мятежные народы...» (одно время приписывавшуюся Пушкину). Послание «К Ротчеву» показывает эволюцию взглядов Ш., его отличие от Пушкина. Начиная стихотворение, подобно пушкинскому «К Чаадаеву», он уже не испытывает надежды на возможное изменение ситуации. Вначале он пишет: «Души возвышенной порывы // Сильнее власти роковой. // Высоких дум хранитель молчаливый, // Он не поет пред мертвою толпой...» (Поэты 1820—1830 гг.— Т. 1.— С. 407). Поэт видит вокруг лишь рабов: «рабы страстей», «рабы вельмож», «рабы царей» (Там же). Они вряд ли способны воскреснуть и пробудиться: «Рабов воздвигнуть ото сна // Труба Тиртеева нужна, // А не свирель Анакреона» (Там же).

Стихи Ш. стали известны властям, и в 1827 г. он вновь был арестован. По распоряжению III

отделения 7 октября 1827 г. Ш. переводят в Динабург, под строгий надзор начальства, с запрещением командовать ротой (на что Ш. имел право по своему чину). В Динабурге Ш. много пишет и переводит, переписывается с Кюхельбекером. Благодаря знакомству с М. П. Погодиным и С. Т. Аксаковым становится близок к кругу «Московского вестника», полемизирует с «Московским телеграфом». В то же время необходимость заставляет его сотрудничать с А. Ф. Вейковым, редактором «Литературных прибавлений к «Русскому инвалиду». Однако как бы ни бедствовала семья Ш., сам он не менял образа жизни и не прекращал литературной работы.

Итогом его творчества стал новый сборник стихотворений — «Опыты», выпущенный в 1828 г. В нем следует выделить ряд стихотворных посланий, в которых Ш. раскрывает свое понимание гражданина и его обязанностей по отношению к отечеству («Щербинскому», «Х...у» и др.). В стихотворении «Бард на поле битвы» привлекает трагическая тема «тризны по павшим» (декабристам). Интересны в этом сборнике также стихотворения «Глас страдальца», «Родина», «Жизнь», «Другу-учителю». Для них характерно появление новой темы — изгнания и личной трагедии.

Ш. пытается создать большие вещи поэму «Лонской», «Дагестанская узница» (подражание южным поэмам А. С. Пушкина), роман «Кетевана, или Грузия в 1812 году», драматическую поэму «Лжедмитрий». Популярный в начале XIX века сюжет о смутном времени, о воцарении Лжедмитрия Ш. трактует в романтической манере. Его Лжедмитрий — герой байронический. Он заявляет: «Я не рожден с ничтожною душой», «Я свеще мести и любви людей» (Соч.— Вып. 2.— С. 2). Вместе с тем в этой поэме появляется один очень важный мотив, который сам автор еще не вполне понял и который реализован в трагедии Пушкина «Борис Годунов»: Крестьяне говорят: «Дмитрий ли, Борис ли нами правит, нам все равно» (Соч.— Вып. 2.— С. 35). Это безразличие народа, эта неотличимость «законного» Бориса от «незаконного» Дмитрия означает, в сущности, остановку в развитии, в самой жизни. Проблема по-настоящему была понята только Пушкиным, и заключается она в необходимости для нового царя не только сохранить прежний порядок вещей, но и внести в него нечто новое, одушевить свое правление некоей новой, современной идеей, встать на уровень века. Разумеется, сам Ш. не осознавал в полной мере этой проблемы.

В романе «Кетевана, или Грузия в 1812 г.», который он начал писать в конце 20-х годов (первые его главы печатались в 1830—1831 годах в период холерных бунтов), он описывает «кахетинский бунт», связанный с эпидемией чумы. Ш. сочувственно относится к грузинам, считает их право на самобытное развитие. Собственно,

проблема народной самобытности оказывается одной из центральных в романе. Но оборотной стороной этой проблемы становится другая — уважение со стороны русского народа: «Дух народа тогда только самобытен и тверд, когда каждый уверен в жизни своей и имуществе; (...) но мог ли назвать что-нибудь своим грузин, равно подверженный хищничеству внешних врагов и алчному феодализму князей?» (Соч.— Вып. 3.— С. 60). Особенной заслугой грузин и Грузин Ш. считает сохранение веры и народных обычаев и у простого народа, и у князей.

В 1829 г. за нарушение по службе Ш. отдан под суд и уволен в отставку как человек «вовсе неблагонадежный к службе». Поскольку ему было запрещено проживание в столицах, он поселяется в Твери. Ш. много переводит: «Пикколомини», «Смерть Валленштейна», «Марию Стюарт» Шиллера; «Атилу» и «24 февраля» З. Вернера, «Князей Хованских» Раупаха и «Тони» Кернера, повести Л. Тика: «Фортунат», «Эльфы», «Белокурый Экберт», «Рунеберг» и др. Перевод повести Тика «Чары любви» повлиял на позднейшую редакцию повести Н. В. Гоголя «Вечер накануне Ивана Купала».

В 1831 г. Ш. выпускает четыре тома «Избранного немецкого театра». Его литературное окружение в это время — Ф. Н. Глинка, И. И. Лажечников, кн. И. Козловский.

Ш. трагически погиб в 1832 г. в Твери. Он был убит неким А. П. Черновым при обстоятельствах, до конца не выясненных.

При поддержке Пушкина вдова Ш. подготовила посмертные «Сочинения» мужа, изданные в 1834—1835 гг.

Соч. [Стхотворения] // Поэты 1820—1830-х годов. Л., 1972. Т. 1. С. 401—427; Избранный немецкий театр: В 4 т.— М., 1830, Шишков А. А. Восточная люба. М., 1824; Шишков А. А. Опыты.— М., 1828; Сочинения и переводы капитана Шишкова: В 4 ч.— Спб., 1831—1835. Лит.: Аксаков С. Т. Воспоминания об Александре Семеновиче Шишкове // Собр. соч.: В 3 т.— М., 1986. Т. 2. С. 243—286; Вацуров В. З. А. А. Шишков. Биографическая справка // Поэты 1820—1830 гг.— Л., 1972. С. 398—401; Гилзбург Л. Русская поэзия 1820—1830 годов // Поэты 1820—1830 годов.— Л., 1972. С. 5—72; Дериер Н. Заметки о Пушкине (Из неопубликованных) // Пушкин и его современники.— Вып. XVI. Пб., 1913.— С. 56—58; Мальцев М. И. А. А. Шишков и А. С. Пушкин // Ученые записки Саратовского государственного университета. Серия филологических наук.— 1948.— Т. 20. С. 92; Мальцев М. И. А. А. Шишков и декабристы // Труды Томского государственного университета: Серия филологических наук. 1950. Т. 112.— С. 311; Полевой П. Опыты Ал. Шишкова... (рецензия) // Московский телеграф. 1828. Ч. XXI. № 11. С. 374—377; Пушкин А. С. Шишкову? Полн. собр. соч.: В 10 т. Л., 1977. Т. 1. С. 204, 418; Письмо А. А. Шишкову // Там же. Т. X. С. 59; Шадрин В. Друг Пушкина А. А. Шишков и его роман о Грузии. Тбилиси, 1951; Шевырев С. Опыты А. А. Шишкова... (Рецензия) // Московский вестник. 1828. № 16. С. 372—373. В. Н. Греков

ШИШКОВ, Александр Семенович [9(20).III.1754, Петербург — 9(21).IV.1841, там же] прозаик, поэт, критик, государственный деятель. Обучался в Морском кадетском корпусе, в 1771 г. направлен в Архангельск. В 1772 г. произведен

в мичманы. В 1776 г. на фрегате «Северный Орел» сопровождал русские суда из Кронштадта через Средиземное море и Дарданеллы в Черное море; во время трехлетнего путешествия посетил Италию, Грецию, Турцию. В 1779 г. назначен преподавателем тактики в Морском кадетском корпусе. В 1790 г. участвовал в войне со Швецией, в чине капитана второго ранга командовал фрегатом «Николай» под началом адмирала Чичагова, награжден золотым оружием с надписью «За храбрость». При вступлении на престол Павла I произведен в капитаны первого ранга, эскадр-майоры, генерал-адъютанты. В 1796 г. избран членом Российской Академии. В 1798 г. произведен в вице-адмиралы, назначен членом адмиралтейской коллегии, но оказался в опале и был удален от двора. В 1812 г. назначен государственным секретарем вместо Сперанского. По поручению Александра I писал правительственные манифесты, указы по армиям, рескрипты — они являются памятниками ораторского искусства 1812 г.

«Нынешний день, ознаменованный Полтавскою победою, да послужит вам примером! Память победоносных предков наших да возбудит к славнейшим подвигам!» — говорилось в приказе Александра I по армиям от 27 июня 1812 г. («Московские ведомости». — 1812. — № 55. — С. 1442).

«Да встретит он (неприятель — Н. М.) в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном Палицына, в каждом гражданине Минина», — было сказано в Манифесте от 6 июля 1812 г. («Московские ведомости». — 1812. — № 57. — С. 1481).

«...хотя великолепную Столицу Нашу пожарал ненасытный огонь; но огонь сей будет в роды родов освещать лютость врагов и Нашу славу. В нем сгорело чудовищное намерение бессветного обладания, приключившее только бедствий всему роду человеческому и приготавливавшее столько же зол предбудущим родам. Россия вредом своим купила свое спокойствие и славу быть спасительницею Европы», — говорилось в рескрипте Александра I на имя главнокомандующего Москвы графа Ф. В. Растищина от 11 ноября 1812 г. («Московские ведомости». — 1812. — № 71—94. — С. 1756).

Эти и другие слова ораторских текстов Ш. вселяли мужество в защитников Отечества, воодушевляли их на ратные подвиги. По свидетельству С. Т. Аксакова, «...писанные им (Ш.—Н. М.) манифесты действовали электрически на целую Русь. Несмотря на книжные, иногда несколько напыщенные выражения, русское чувство, которым они были проникнуты, сильно отзывалось в сердцах русских людей» (Аксаков С. Т. Собр. соч.: В 4 т.— М., 1955.— Т. 2.— С. 306—307). Ораторская проза Ш. оказала влияние на русскую литературу 1812—1814 гг., сказались в твор-

честве Пушкина. С деятельностью Ш. в 1812 г. связаны строки Пушкина из «Второго послания к цензору» 1824 г.: «Сей старец дорог нам: друг чести, друг народа, / Он славен славою двенадцатого года» (Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т.— М., 1974.— Т. 1.— С. 260). В 1813 г. сопровождал армию в заграничном походе. В 1813—1841 гг. Ш.— президент Российской Академии. С 1814 г.— член Государственного совета. В 1824—1828 гг. Ш.— министр народного просвещения и главноуправляющий делами иностранных исповеданий. В 1826 г. Ш. был представлен на утверждение Николаю I новый цензурный устав, названный современниками «чугунным» — он действовал до 1828 г. В 1826 г. Ш. был назначен членом верховного суда над декабристами. Будучи убежденным приверженцем монархического государства, ни в коей мере не разделяя идей декабристов, Ш., однако, добивался смягчения их участи.

Начало литературных занятий Ш. относится ко времени его преподавания в Морском кадетском корпусе. Он перевел французскую книгу «Морское искусство», составил трехязычный морской словарь, перевел французскую мелодраму «Благодеяния приобретают сердца» и немецкую «Детскую библиотеку» Кампе, которая в переводе Ш. пользовалась большой популярностью в России и неоднократно переиздавалась до середины XIX в. В 1780 г. написал пьесу «Невольничество», в которой прославлялась Екатерина II, пожертвовавшая большой суммой на выкуп в Алжире христианских невольников. В 1784 г. в «Собеседнике любителей русского слова» напечатал стихотворение «Старое и новое время», в котором идеализировалась допетровская эпоха. В 1801 г. посвятил оду вступившему на престол Александру I. Писал стихотворения на разные случаи, переложенные псалмов, переводил итальянских поэтов. В 1805 г. перевел «Слово о полку Игореве», снабдив его пространным комментарием; специальное внимание уделил фольклорным элементам памятника. В 1806 г. издал «Собрание детских повестей».

Изучение церковнославянского языка привело Ш. к созданию лингвистической и литературной теории, изложенной в книгах «Рассуждение о старом и новом слоге русского языка» (1803), «Прибавление к рассуждению о старом и новом слоге русского языка» (1804), «Рассуждение о красноречии Священного писания» (1810) и других сочинениях. Ш. полагал, что русский язык произошел от церковнославянского, поэтому русский литературный язык должен широко включать церковнославянскую лексику. Заимствования из иностранных слов недопустимы: «Всякое иностранное слово есть помешательство процветать собственному, и потому чем больше число их, тем больше от них вреда языку» (Собр. соч. и переводов.— Ч. 5.— С. 13). Ш. принципиально исключил иностранные слова из 6-томного «Сло-

варя Академии Российской» (1789—1794). По его мнению, церковнославянский язык открывает широкие возможности для словообразования; Ш. пытался внедрить в русский язык неологизмы, произведенные от русских корней, — они должны были заменить иноземные слова: вместо *анатомия* — *трупоразъятие*, вместо *оратор* — *краснослов*, вместо *аристократия* — *вельможедержавие*, вместо *антипатия* — *противуаустрастие* и др. Развивая учение Ломоносова о трех стилях, Ш. делит литературную речь на слог: высокий, средний, простой, не допуская их смешения. Источником высокого слога Ш. считал священные книги, простого — народные стихотворения и летописи.

Выступления Ш. были направлены против Карамзина и его последователей, культивировавших средний стиль, сближавших литературный язык с разговорным языком образованного общества, широко вводящих в литературный язык иностранные, прежде всего французские, слова, а также слова, образованные по типу французских: «Старые писатели сказали бы: в этом городе, или стране, повсюду наблюдается порядок и спокойствие, а нынешние говорят: все, что вы в этом городе видите, носит на себе (как будто какое платье) отпечаток порядка и спокойствия. Выражение сие переведено с французского *porter l'empreinte*» (Собр. соч. и переводов.— Ч. 12.— С. 193—194). Ш. боролся с украшенным стилем карамзинистов; приятности и правильности карамзинского слога противопоставлял простоту и ясность. В отличие от карамзинистов, разрабатывающих малые литературные формы, жанры дружеского послания, элегии, Ш. и его сторонники утверждали, с одной стороны, большие формы, высокие литературные жанры, оду, с другой — басню, в которую обильно включалось просторечие.

В литературном споре с Карамзиным Ш. использовал политические аргументы, обвиняя своих противников в отсутствии патриотизма, преклонении перед иноземным, безверии. Ш. стремился противодействовать воздействию на русское общество просветительских идей западноевропейской культуры. В противовес европеизму Карамзин выдвинул принцип русского начала, народности.

«Рассуждение о старом и новом слоге русского языка» вызвало полемические отклики сторонников Карамзина — Макарова и Дашкова. В последующем Ш. и его единомышленники — Ширинский-Шихматов, Шаховской и др. явились адресатами эпиграмм, объектами пародийных стихотворений Батюшкова, Воейкова, А. Измайлова, Вяземского, В. Пушкина и др. поэтов. Полемика между шишковистами и карамзинистами обострилась после создания литературных обществ «Беседа любителей русского слова» (1811—1816) и «Арзамас» (1815—1818). Возглавляемая Ш. «Беседа» объединила как эпи-

гоном классицизма (Хвостов и др.), так и первоклассных писателей (Державин, Крылов). Члены «Арзамаса» (Жуковский, Батюшков, В. Пушкин и др.) защищали карамзинскую реформу литературного языка, завоевания карамзинской школы писателей.

Полемика по вопросам языка и литературы, открытая сочинениями Ш., имела большое значение для становления русского литературного языка, национального самоопределения русской литературы и культуры. Теоретические суждения Ш. нашли отражение и дальнейшее развитие в теоретических выступлениях и художественной практике Катенина, Кюхельбекера, Грибоедова. С поисками национально-самобытных форм связаны «русские баллады» Катенина и Кюхельбекера, написанные простонародным слогом. Кюхельбекер пропагандировал оду, избыточную архаизмами. Грибоедов выступал против эстетизма карамзинской школы. Пушкин, будучи членом «Арзамаса», неоднократно выступал против Ш. и писателей его круга: «Угрюмых тройка есть певцов — / Шишматов, Шаховской, Шишков. / Уму есть тройка супостатов — / Шишков наш, Шаховской, Шишматов, / Но кто глупей из тройки злой? / Шишков, Шишматов, Шаховской!» (1815) (С. 382. См. также «К Жуковскому», 1816.— С. 423—426). Впоследствии Пушкин учел некоторые положения его теории, борясь против украшенного карамзинского стиля за «нагую простоту», просторечие.

Ш., по свидетельству близкого к нему К. С. Сербиновича, «в Пушкине признавал... истинный талант. Он ему нравился более Жуковского — за особенную чистоту языка и всегдашнюю ясность» («Русская старина». — 1896. — № 9. — С. 577). 3 декабря 1832 г. Ш. выступил с предложением избрать Пушкина в действительные члены Российской Академии. 13 января 1833 г. Пушкину был выдан диплом члена Академии за подписью Ш. В письме в Академию от 16 декабря 1833 г. Ш. обратился с просьбой к Пушкину принять вместе с В. А. Поленовым, В. И. Панаевым и П. И. Соколовым попечительство над изданием его «Сочинений и переводов» в 16 т., которое предназначалось для обеспечения оставшейся круглой сиротой внучки Ш. — С. А. Шишковой. Пушкин ответил согласием; в 1834 г. в числе «попечителей малолетней девицы Софьи Шишковой» объявил о продаже этого издания («Северная пчела». — 1834. — № 66. — 23 марта).

Соч.: Собр. соч. и переводов: В 17 ч. — Спб., 1818—1839; Записки, мнения и переписка адмирала Шишкова: В 2 т. — Берлин; Прага, 1870; Стихотворения // Поэты 1790—1810-х годов / Вступ. ст. и сост. Ю. М. Лотмана; Подгот. текста М. Г. Альтшуллера; Вступ. заметки, биограф. справки и примеч. М. Г. Альтшуллера. — Л., 1971. — С. 355—364. *Лит.*: Аксаков С. Т. Воспоминание об Александре Семеновиче Шишкове // Аксаков С. Т. Собр. соч.: В 4 т. — М., 1955. — Т. 2. — С. 266—313; Тьян и нов Ю. Н. Арханглы и Пушкин // Пушкин и его современники. — М., 1968. — С. 23—121; Куприянова Е. Н. Основные направления

и течения русской литературно-общественной мысли первой четверти XIX в. // История русской литературы. — Л., 1981. — Т. II. — С. 20—25; Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX веков. — 3-е изд. — М., 1982. *Н. И. Михайлова*

ШИШКОВ, Вячеслав Яковлевич [21.IX(3.X). 1873, Бежецк Тверской губ. — 6.III.1945, Москва] — прозаик. Родился в купеческой семье. Учился в частном пансионе, городском 6-классном училище, затем в Вышневолоцком техническом училище, готовившем кондукторов путей сообщения. После его окончания проходил производственную практику в Новгородской и Вологодской губ. В 1894—1915 гг. жил и работал в Сибири. Был техником, а затем инженером в Томском округе путей сообщения. Возглавлял ряд экспедиций по изучению рек Сибири и Горного Алтая, разрабатывал проекты постройки трактов, дорог, каналов. Путешествия с изыскательскими партиями обогатили Ш. знаниями об условиях жизни сибирского крестьянства, национальных меньшинств края, позволили собрать обширный этнографический материал. Первая публикация — символическая сказка «Кедр» (1908), появившаяся в томской газете «Сибирская жизнь». В периодике в 1908—1911 гг. печатались путевые очерки и рассказы Ш., созданные на сибирском материале. В них запечатлен быт простых людей, поставлены злободневные социальные проблемы. С 1912 г. произведения Ш. публикуются в столичных журналах и альманахах.

Творчество Ш. предоктябрьского периода вливается в общее русло реалистической литературы 10 гг., в которой особое место занимают темы жизни российских окраин, быта провинции. Ш. примыкал к общедемократическому крылу русского реализма. Отражая в своих рассказах острые социальные конфликты деревни, Ш. стремился осмыслить крестьянскую жизнь как в ее первозданности, природной естественности, так и в нарастающих исторических переменах. Бытопись рассказов Ш. сочеталась с тяготением к широкому обобщению, чему служили использование реалистической символики, аллегории, авторский лиризм. Разнообразны и колоритны персонажи ранних произведений писателя: угрюмые бродяги, обаятельные наивные тунгусы, бывалые охотники, наживающиеся на народном горе купцы (рассказы «Помолились», «Холодный край», «Суд скорый», «Краля», «Ванька Хлюст» и др.). Уже в этих произведениях, составивших первый сборник рассказов «Сибирский сказ» (1916), начинающего писателя отличали чуткость к первозданному народному слову, языковое мастерство, богатство фольклорно-этнографического материала.

В 1915 г. Ш. переезжает из Томска в Петербург, где работает в Министерстве путей сообщения. Больше времени он уделяет творческой литературному творчеству, сближается с М. Горьким

и писателями его окружения. Наиболее полно реализм раннего Ш. проявился в повести «Тайга», опубликованной М. Горьким в журнале «Летопись» (1916). Характеры обитателей таежной деревушки Кедровки и села Назимова, под пером Ш. становящихся символом всей крестьянской России, средни природной стихии. В сложном сплетении доброты и ненависти, безудержного правдоискательства и патриархальных иллюзий, зоологической жестокости и подлинной духовности предстает в повести многолюдная крестьянская масса. Главные герои произведения — «самосильный» крестьянин Пров, его красавица дочь Анна, политический ссыльный Андрей — олицетворяют здоровые, зреющие в недрах народной стихии силы страны. Беспощадно и трезво рассказано в повести о вопиющем социальном неравенстве, о дикости и косности таежной жизни, но историческая судьба деревни, по мысли автора, определяется другим — исподволь пробивающимися зачатками новых отношений между людьми, рождающейся в муках мечтой о правде и подлинной духовной жизни. Это стремление воспроизвести жизнь в ее исторической перспективе позднее, уже в советскую эпоху, приведет Ш. к созданию крупных исторических полотен. Характерные для творчества Ш. авантюрно-романтические сюжетные элементы (они будут использоваться и в романе «Угрюм-река», написанном в 1932 г.) не снижают интенсивности авторской мысли: вставные эпизоды и внесюжетные новеллы, многочисленные лирические вкрапления и колоритные массовые сцены обогащают содержание повести, придают ей эпический размах. Многослойна проблематика «Тайги»: это размышления о соотношении стихийных и разумных начал в крестьянстве, о социальной природе народных бедствий, о духовной силе и социальной слабости носителей христианской нравственности. Людские страсти в Кедровке и Назимове раскрываются в повести на фоне суровой и своеобразной сибирской тайги. Пейзаж в повести Ш., реалистически точный по краскам, наполнен в то же время лирико-философским смыслом, возвышен до символического звучания. Сочная народная речь, богатство эмоционального звучания повести: то сурового, то лукавого, то нежного, то величаво-торжественного — все это свидетельствовало о росте художественного мастерства писателя.

Октябрьскую революцию Ш. встретил сочувственно. С 1917 г. он целиком посвятил себя литературной деятельности. Крупнейшими произведениями советского периода его творчества стали роман «Ватага» (1923) и повесть «Пейзаж у озера» (1924), посвященные событиям гражданской войны, роман «Угрюм-река» и историческая эпопея «Емельян Пугачев» (1938—1945).

Соч.: Полн. собр. соч.: В 12 т. — М.: Л., 1926—1929; Собр. соч.: В 8 т. / Сост. В. Бахметьев; Примеч. В. Борисовой. М., 1960—1962; Собр. соч.: В 10 т. — М., 1974.

Лит.: Чалмаев В. А., Дрицлав Ш. Шиков: Критико-биографический очерк. М., 1969; Воспоминания о В. Шикове. М., 1979; Еселев Н. Х. Шиков. 2-е изд., доп. — М., 1976; Яковский Н. Н. Вячеслав Шиков. Очерк творчества. М., 1984. А. В. Телеша

ШКУЛЁВ, Филипп Степанович [4(16).XI.1868, дер. Печатники под Москвой — 16.XI.1930, там же; похоронен в Москве на Ваганьковском кладбище] — пролетарский поэт, самоучка. Ш. родился в бедной крестьянской семье, отец его умер от холеры до рождения сына. Мать, оставшаяся с двумя детьми, зарабатывала на жизнь поденной работой. В 11 лет Ш. поступил в церковноприходскую школу, но через два месяца учебы пришлось прервать — из-за крайней бедности. Ш. начал работать на текстильной фабрике, находившейся в нескольких верстах от деревни. Фабрика оказалась мальчику «адам»: «Шум, визг, грохот, дым, пар вскружили, затуманили мне голову, — вспоминал позднее поэт, — вставал я на работу в 3 часа утра и кончал в 9 вечера» (У истоков русской пролетарской поэзии. — М.: Л., 1965. — С. 175); зарабатывал же подросток от 2 р. 50 к. до 4 р. в месяц. Вскоре Ш. попал правой рукой в машину и навсегда остался калекой. С 13 до 22 лет работал подручным «за харчи» в овощной лавке в Москве, где тайком от хозяина много читал, увлекался стихами Некрасова, Никитина, Кольцова, Надсона, Сурикова; с 15 лет начал писать стихи.

С начала 90 гг. Ш. сблизился с писателями-«суриковцами» и выступал в их коллективных сборниках. Впервые опубликовал в сборнике «Наша хата» (1891) поэму «В ночь под Ивана Купала». Одновременно Ш. печатался в периодике в Москве и в провинции. Первая книга стихотворений Ш. — «Думы пахаря» (1894); за ней последовали сборники рассказов и стихов «Не всем счастье» (1902), «Кто виноват?» (1903). В книге «Думы пахаря» звучат религиозные и верноподданнические мотивы, преобладают зарисовки природы в духе поэзии «суриковцев». Но в начале 900 гг. Ш. создает и образы рабочих, используя внешние признаки той или иной профессии (стихи «Я плотник», «В кузнице», «Каменщик» и др.). Поэт не сразу освободился от примиренческих иллюзий (характерны такие заглавия его ранних сборников рассказов и стихотворений, как «За обиженных бог», «По-божьему», «Бог спас», «Христос воскрес!» и т. п.). Многие стихи назидательны. Ш. был еще далек от пролетарского мировоззрения. Шагом вперед стал его «Гимн труду» (1904), призывавший труженников «разрушить оковы судьбы роковой». Перелом во взглядах поэта произошел под влиянием роста рабочего движения и революции 1905 г., в которой он принимал участие. В октябре 1905 г. Ш. и М. Леонов открыли в Москве магазин и издательство «Искра», выпустили несколько социалистических книг (В. Либкнехта и др.), сборники революционных песен и стихов

«Под красным знаменем». В них наряду с «Интернационалом», «Марсельезой» появилось и стихотворение Ш. «Красное знамя». Во время Декабрьского вооруженного восстания на Пресне Ш. участвовал в создании тайника с оружием для дружинников. Большое впечатление произвела на поэта опубликованная в декабре 1905 г. статья В. И. Ленина «Партийная организация и партийная литература». Тогда же, на пресненских баррикадах, было создано известное стихотворение Ш. «Кузнецы», позднее ставшее массовой песней (воспоминания Ф. Киселева о Ш. см. в «Лит. газете» от 15 ноября 1955 г.). Стихи Ш. этого периода: «Я — раскаленное железо!», «Порвались ржавые цепи...», «Патронов не жалеть!», «На баррикадах», «Как волны бурливые моря...» и др. — воплотили ненависть трудовых масс к угнетателям, их волю к борьбе и победе. В поэзии Ш. формируется новый публицистический стиль, меняется ее лексика, энергичнее становятся ритмы. В дальнейшем, в годы нового общественного подъема, Ш. закономерно приходит в большевистскую печать. В «Невской звезде» (за 1912, № 8) появилось стихотворение «Кузнецы» (без заглавия). 10 апреля того же года «Звезда» опубликовала стихотворение «Гуди, набат!»: «Гуди, набат, сильней над Русью, / Смелей, настойчивей, гуди / И всех, кто спит в родной отчизне, / На дело общее буди». Всего в «Звезде» было опубликовано восемь стихотворений Ш. В годы реакции Ш. активно занимался издательской деятельностью (совместно с П. Травиным и М. Праскуниным). Эта группа в 1907 г. издавала под разными названиями прогрессивные еженедельники. Ш. был редактором еженедельника «Новая пашня». В 1908 г. ему удалось выпустить 8 номеров газеты «Крестьянская правда». В этих изданиях, преследовавшихся цензурой, публиковались и революционные стихи Ш.: «Воля», «Новая пашня», «Свобода» и др. Поражение революции Ш. рассматривал как временное отступление. Он не предавался унынию и с надеждой смотрел в будущее. В стихотворении «Свобода» Ш. писал: «Она не умерла, / Она еще живет! / Она в простых сердцах таится, / И страшным гневом разразится, / И все позорное сметет». В период с 1907 по 1917 г. Ш. часто выступал как сатирик. Он был редактором сатирических журналов «Гроза» (1908), «Народный рожок» (1910), «Мой рожок» (1911), печатался также и в других изданиях писателей из народа — «Удаль», «Остряк», «Балагур». Сатира этих писателей обличала плутократов-буржуа, деревенских мироедов, попов, взяточников, чиновников. Ш. бичевал также черносотенцев («Поэт и редактор»). Сатира его была политически окрашена, о чем свидетельствовало привлечение Ш. к суду в связи с запрещением журнала «Народный рожок». Поэт отбыл в Москве несколько месяцев тюремного заключения (в 1912 — нач. 1913 г.), а затем

находился под надзором полиции. В начале мировой войны Ш. уехал в Архангельск к М. Леонову, печатался в его газете. Наиболее полный прижизненный сборник Ш. — «Гимн труду» (М., 1922).

Соч.: Мы кузнецы. Избранные стихи / Подгот. текста и вступ. ст. А. Л. Трегубова. — М., 1962; Стихотворения / Подгот. текста и вступ. ст. А. Л. Трегубова. — М., 1973; У истоков русской пролетарской поэзии: Е. Е. Нечаев, Ф. С. Шулев, А. М. Гмырев / Вступ. ст. А. М. Бихтера; Биограф. справки, подгот. текста и примеч. Р. А. Шацевой и О. Е. Афонинной. — М.: Л., 1965.

Лит.: Келдыш В. А. Проблемы дооктябрьской пролетарской литературы. Горький и русская революционная поэзия. — М., 1964; Осьмаков Н. В. Русская пролетарская поэзия. 1890—1917. — М., 1968. *Л. К. Шацева*

ШМЕЛЁВ, Иван Сергеевич [21.IX(3.X).1873, Москва — 24.VI.1950, Париж] — прозаик. Видный представитель реалистического направления в литературе начала XX в. Родился в патриархальной купеческой семье, рано осиротел. Образование получил в гимназии и Московском университете, юридический факультет которого окончил в 1898 г. Отбыв воинскую повинность, полтора года отдал адвокатской деятельности, открыто таясь ею. Затем определился чиновником казенной палаты и около восьми лет служил в провинции, в основном во Владимирской губ. С середины 1908 г. полностью сосредоточился на литературном труде.

Детство Ш. прошло в близком общении с трудовым людом, постоянно заполнявшим двор отца, занятого строительными подрядами. Это общение корректировало идеалы христианского благочестия, которые внушались домашним воспитанием. От ремесленников, выходящих из разных уголков России, будущий писатель получил и уроки народной нравственности, и незабываемые уроки народного языка. Здесь он впервые уловил ноты социального протеста, проникся уважением к человеку из народа. Годы службы в провинции расширили рамки жизненных наблюдений писателя: «Я знал столицу, мелкий ремесленный люд, уклад купеческой жизни. Теперь я узнал деревню, провинциальное чиновничество, фабричные районы, мелкопоместное дворянство» (Русская литература. — 1973. — № 4. — С. 145). Многогранное знание жизни России послужило основой его творчества.

Стремление к писательству Ш. обнаружил рано, в гимназические годы. В 1895 г. дебютировал в журнале «Русское обозрение» рассказом из народной жизни «У мельницы». Первая книга Ш. — путевые очерки «На скалах Валаама» (1897) — была изуродована цензурой и успеха не принесла. Писатель замолкает на целое десятилетие. Возвращение к творчеству происходит под влиянием революционных событий 1905—1907 гг., всливших веру в возможное обновление жизни на гуманных и справедливых началах. «Новое забрело передо мной, — признавался Ш. в автобиографии, от-

крыло выход давящей тоске и заполнило образовавшуюся в душе пустоту» (Там же). Изначально присущий писателю стихийный демократизм, искреннее сочувствие простому человеку-труженику обогащается в эти годы остротой переживания и оценки явлений имущественно-правового неравенства, убеждением в необходимости перемен уклада общественной жизни.

Произведения Ш. 1906—1910 гг., посвященные бурным событиям современности, исполнены глубокой симпатией к революционерам, хотя писатель, далекий от непосредственного участия в освободительном движении, не дает прямого и развернутого изображения их деятельности. Предмет его внимания иной: исторически и психологически достоверно Ш. раскрывает процесс духовно-нравственного обновления рядового человека, прежде социально индифферентного и без сомнений принимавшего, казалось бы, раз и навсегда установленный порядок жизни, а теперь под влиянием революционных потрясений переоценивающий и этот порядок, и свое место в нем («Вахмистр», 1906; «Иван Кузьмич», 1907, и др.). Одно из наиболее значительных сочинений Ш. на эту тему — повесть «Гражданин Уклейкин» (1908). Герой повести, полунищий сапожник, пьяными выходками мстящий обществу сытых за обиды и унижения, круто меняется, охваченный атмосферой общественного подъема. Пробудившееся чувство человеческого достоинства, гражданская активность возмущают нравственное самочувствие, облагораживают образ жизни Уклейкина. Трезво оценивая итоги первой революции, Ш. показывает неизбежное крушение смутных, но страстных и радостных упований героя на скорую перемену несправедливого строя жизни, разоблачает лживую игру правящих верхов в демократию. Этой повестью Ш. на материале современной ему действительности талантливо продолжил одну из коренных тем русской литературы, идущую от А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, — тему «маленького человека».

В период вторжения в литературу декадентских и модернистских тенденций Ш. сохранил верность принципам реалистического искусства. Его творческие поиски были поддержаны М. Горьким и В. Г. Короленко. Ряд советов и замечаний М. Горького Ш. учел в работе над повестью «Человек из ресторана», опубликованной в XXXVI сб. «Знание» (1911) и принесшей автору славу. «Человек из ресторана», как и «Гражданин Уклейкин», — повесть о «маленьком человеке», пробуждении его социального сознания. Мастерски пользуясь приемом сказа, писатель ведет повествование от лица Якова Скороходова, официанта в роскошном московском ресторане. С художественным тактом выдержаны лексика, интонация, склад речи и мысли, строй чувств персонажа. Перед его взором изо-

дня в день, из года в год протекает жизнь богатых и знатных. Бесхитрый рассказ официанта оборачивается острой социальной критикой, нравственным приговором сильному миру сего. Яков Скороходов морально превосходит процветающих хозяев жизни: он — лакей по профессии, они лакействуют по призванию, из «высших соображений». В повести, написанной в годы реакции, жива память о недавнем прошлом. Революция не обошла стороной судьбу тихого официанта, верой и правдой служащего господам. Революционером становится его сын Николай. Скороходов-отец сердцем чувствует правоту сына, однако для себя нравственную опору обретает не в правде революции, а в христианской морали. Как и в прежних произведениях, писатель судит события современности с общедемократических позиций, предпочитая анализу их классовой сути категории общечеловеческой этики.

В произведениях Ш., созданных после «Человека из ресторана», все более заметно тяготение к сфере общечеловеческих ценностей, будь то повесть о неспешном прощении с жизнью старика купца Лаврухина («Ростани», 1913) или выдержанное в приподнято-житийном тоне повествование о судьбе талантливого крепостного художника, утверждающего нетленность подлинного искусства («Неупиваемая чаша», 1919). Отчетливость социально-бытового рисунка сохраняется в прозе Ш., однако острота общественной проблематики сглаживается, что дает о себе знать даже в рассказе «Забавное приключение» (1917), раскрывающем шаткость положения новых хозяев жизни — преуспевающих дельцов, наживающихся на войне, и непреодолимую отъединенность их от народа. В восприятии и оценке первой мировой войны Ш. разделил эволюцию многих своих современников, представителей художественной интеллигенции. Прямой и честный взгляд на трагические события разрушил возникшую было иллюзию общенационального, всеносовного единения перед лицом врага. Уже в рассказах 1915—1916 гг. писатель выразил резкое осуждение «мясной вахханалии» («Лик скрытый»), глубоко чуждой реальным интересам страны, ее народа, обреченного властью имущими на бессмысленные жертвы.

В произведениях 10 гг. изменяется стилистика манера писателя. На смену сказовым формам ранней прозы, обнаруживающим связь с традициями Достоевского и Лескова, приходит более строгая, близкая чеховской, форма объективного повествования. Ш. проявляет себя как мастер словесного пейзажа, создав ряд вдохновенных изображений родной природы. Оптимистическое звучание творчества Ш. определялось верой писателя в силу народной нравственности, в разум человека. Он умел и стремился находить красоту и поэзию в будничном, бытовом течении жизни. Не случайно М. Горький писал Ш.:

А. Н. МАЙКОВ

Г. А. МАЧЕТ

Л. А. МЕЙ

А. Ф. МЕРЗЛЯКОВ

М. В. МИЛОНОВ

Д. Д. МИНАЕВ

М. Л. МИХАЙЛОВ

Н. К. МИХАЙЛОВСКИЙ

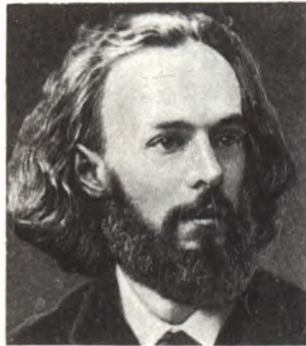
Д. Л. МОРДОВЦЕВ

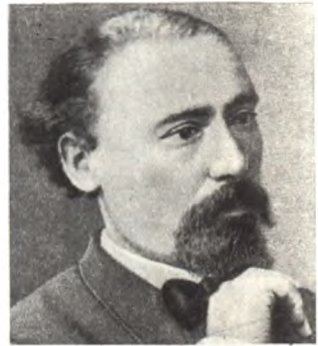
Н. А. МОРОЗОВ

И. П. МЯТЛЕВ

С. Я. НАДСОН

Н. А. НЕКРАСОВ

**ВАС. НЕМИРОВИЧ-ДАН-
ЧЕНКО**

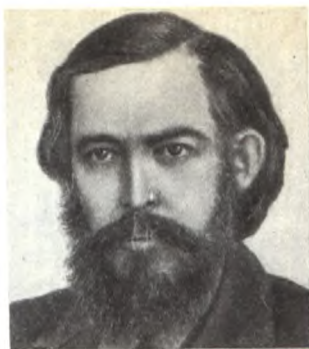
И. С. НИКИТИН

Н. П. ОГАРЕВ

А. И. ОДОЕВСКИЙ -

И. В. ОМУЛЕВСКИЙ

А. Н. ОСТРОВСКИЙ

Н. Ф. ПАВЛОВ

К. К. ПАВЛОВА

А. И. ПАЛЬМИН

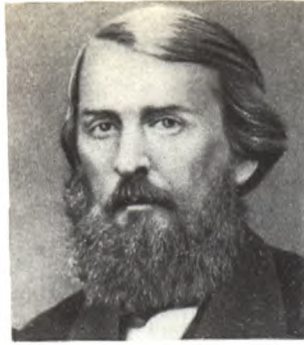
И. И. ПАНАЕВ

Д. И. ПИСАРЕВ

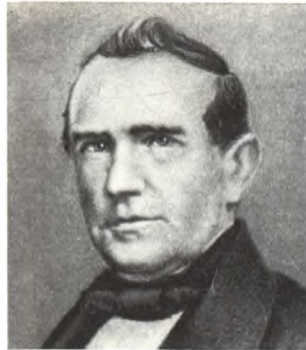
П. А. ПЛЕТНЕВ

А. Н. ПЛЕЩЕЕВ

М. П. ПОГОДИН

А. И. ПОДОЛИНСКИЙ

Н. А. ПОЛЕВОЙ

Я. П. ПОЛОНСКИЙ

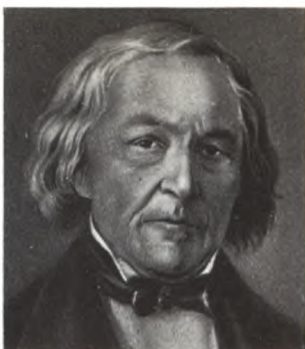
КОЗЬМА ПРУТКОВ

А. С. ПУШКИН

В. Л. ПУШКИН

С. Е. РАИЧ

М. П. РОЗЕНГЕЙМ

К. Ф. РЫЛЕЕВ

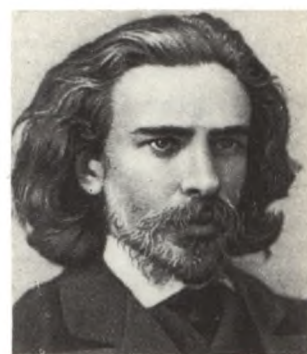
В. А. СЛЕПЦОВ

Ф. Н. СЛЕПУШКИН

К. К. СЛУЧЕВСКИЙ

В. С. СОЛОВЬЕВ

Ф. СОЛОГУБ

И. З. СУРИКОВ

А. К. ТОЛСТОЙ

А. Н. ТРЕФОЛЕВ

В. И. ТУМАНСКИЙ

И. С. ТУРГЕНЕВ

Ф. И. ТЮТЧЕВ

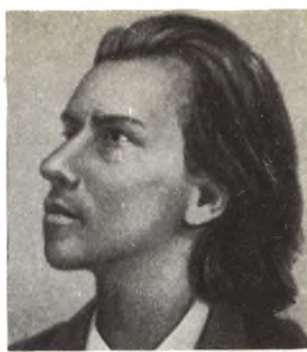
Г. И. УСПЕНСКИЙ

А. А. ФЕТ

В. Н. ФИГНЕР

К. М. ФОФАНОВ

Н. Д. ХВОЩИНСКАЯ

В. В. ХЛЕБНИКОВ

А. С. ХОМЯКОВ

П. Я. ЧААДАЕВ

П. И. ШАЛИКОВ

П. В. ШУМАХЕР

Н. Ф. ЩЕРБИНА

П. Ф. ЯКУБОВИЧ

«...Вы способны спеть прекрасные, тихие, но бодрые песни, — в них, в бодрых песнях нуждается Русь» (Собр. соч.: В 30 т.— М., 1955.— Т. 29.— С. 111). Своеобразным итогом дореволюционного творчества Ш. явилось 8-томное собрание сочинений, изданное в 1910—1917 гг.

1917 г. стал переломным в судьбе Ш. Он восторженно встретил Февральскую революцию. Однако непонимание классовой природы совершающихся в России событий, прочно утвердившиеся в сознании Ш. надежды на нравственное совершенствование людей как главный фактор переустройства общества скрыли от него правду пролетарской революции. Трагически переживая гибель единственного сына, офицера, видимо, послужила толчком для рокового решения: в 1922 г. Ш. покинул родину. Став эмигрантом, он отдал дань антисоветским настроениям, начиная с пронизанных духом неприятия Октября рассказов-памфлетов 20 гг. («Солнце мертвых», 1923, и др.) и кончая выступлениями на страницах прогерманских изданий периода второй мировой войны. Художественно убедительного результата Ш. достигал порой при разработке тем, далеких от политической злободневности («История любовная», 1927). В произведениях социальной направленности прежний опыт писателя-реалиста приходил в столкновение с жесткой идейной заданностью, обусловленной приверженностью автора «белой идее», что вело к разрушению художественной целостности. Так, глубокое противоречие между тенденциозной установкой Ш. на идеализацию русского офицерства и реалистической основой его мировосприятия обнаружилось в работе над романом о событиях первой мировой войны «Солдаты» (1930). В советской печати отмечалось, что, «несмотря на явную тенденциозность отдельных страниц романа, в нем правдиво передана атмосфера враждебности либеральной интеллигенции и народных масс к армии насилия и угнетения, стоящей на страже обреченной истории общественного и государственного строя» (Судьбы русского реализма начала XX века.— С. 262). Видимо, ощутив «сопротивление материала» авторскому замыслу, Ш. отказался от продолжения работы над романом. В иных, лучших произведениях, созданных за рубежом, Ш. устремляется памятью к годам детства, любовно воскрешает навсегда ушедший быт и своеобразную речь патриархального Замоскворечья. Таковы автобиографические рассказы из книг «Родное» (1931), «Лето Господне. Праздники» (1933), «Богомолье» (1935), частично опубликованные в нашей стране. Несмотря на откровенную идеализацию прошлого, эти проникнутые ностальгическим лиризмом рассказы интересны и в познавательном отношении, и в эстетическом: выразительной точностью бытового рисунка, самобытным языковым мастерством автора.

Жизнь в отрыве от родины, враждебная

отъединенность от исторической судьбы своего народа оказались губительными для таланта Ш., так ярко заявившего о себе в дореволюционные годы. Лучшее же из созданного писателем входит в активный фонд отечественной литературы XX в.

Соч.: Человек из ресторана / Предисл. Б. Михайловского.— М., 1957; Повести и рассказы / Предисл. и примеч. О. Михайлова.— М., 1960; Повести и рассказы / Вступ. ст. О. Михайлова.— М., 1966; Повести и рассказы / Сост., вступ. ст. и коммент. О. Михайлова.— М., 1983.

Лит.: Горбов Д. Десять лет литературы за рубежом // Горбов Д. У нас и за рубежом.— М., 1928; А н д р е е в Ю. Революция и литература.— Л., 1969; Судьбы русского реализма начала XX века / Под ред. К. Д. Муратовой.— Л., 1972; Дунаев М. М. Творчество И. С. Шмелева периода первой русской революции // Русская литература.— 1976.— № 1; Дунаев М. М. Своеобразие творчества И. С. Шмелева. (К проблеме «бытовизма» в произведениях писателя) // Русская литература.— 1978.— № 1; Дунаев М. Достоевский и Шмелев // Достоевский: Материалы и исследования.— Л., 1978.— Вып. 3. Ю. Н. Борисов

ШПАЖИНСКИЙ, Ипполит Васильевич [1(13).IV.1848, имение в Воронежской губ.— 2(15).II.1917, Москва] — драматург. Родился в дворянской семье. Учился в Воронежском кадетском корпусе, где впервые познакомился с театром, и в Александровском военном училище в Москве; год служил офицером, затем вольнослушателем окончил юридический факультет Московского университета. В отрочестве писал стихи и прозу; в печати дебютировал в 1876 г. в журнале «Развлечение» рассказами и небольшими повестями (псевдоним — *Ив. Везовский*). Одновременно занялся драматургией. С середины 90 гг. и до конца жизни был председателем Общества русских драматических писателей и оперных композиторов.

Первые комедии Ш. («Вопрос жизни», 1876; «Лакомый кусочек», «Упреки прошлого», 1877) и драма «Дочь ростовщика» (1878) не вызвали читательского и зрительского интереса, но были замечены А. Ф. Писемским и Д. В. Аверкиевым. Известность Ш. принесла постановка драмы «Майорша» (1878; посвящена А. Ф. Писемскому) в Александринском театре: эффектная мелодрама изображала историю роковой соблазнительницы, убитой безнадежно влюбленным молодым мельником, мужем кроткой страдальницы, но еще до гибели «вампирическая» красавица была наказана собственным безответной любовью к проезжему художнику.

В последующих пьесах Ш. настойчиво эксплуатировал сюжетные приемы и комплекс характеров, впервые заявленные в «Майорше»: противоборствовали «огненная» и смиренная героиня, иногда им сопутствовали коварные интриганки; мужчины выступали как самодуры, неврастеники, безвольные идеалисты, изредка — рыцари. Сравнительно постоянной была и событийная схема семейно-любовной мелодрамы с «рездельными» страстями, бурными монологами, резкими и алогичными действиями с частыми самоубий-

ствами, грубовато-наглядной расстановкой конфликтующих сил. Этому штампу полностью соответствовала, напр., одна из поздних драм Ш. «Грех попутал» (1896).

Драмы Ш. затрагивали широкий круг актуальных в конце века вопросов (что обусловило их систематическую публикацию в журнале «Дело»): разорение крестьянства («Прахом пошло», 1883), моральное осуждение дворянства от конца XVIII в. («Книгиня Курагина», 1882) до сравнительно недавних 40 гг. («В старые годы», 1888), горькая судьба «маленького человека» («Кручина», 1881; «Жертва», 1892) и др. В 90 гг. Ш. обратился к описанию мрачных сторон современности, к острой социальной проблематике: дельцы-интриганы, связанные с уголовным миром, представлены в драме «Темная сила» (1895); изображение «отверженных» — обитателей больницы и ночлежек, развратников, спившегося актера, обнищавшего князя — в драме «Две судьбы» (1898; удостоена Грибодовской премии) предвосхищает «На дне» М. Горького. Но серьезные темы слабо различимы за «роковыми страстями», выпендренными крикливыми монологами, пышными мизансценами. «Об идеологии Ш. серьезно говорить не приходится: ее-то в сущности и нет. Есть поверхностная тенденция, поверхностная злободневность, заимствованная из... сегодняшних и вчерашних газет, есть и некоторый налет легкого морализирования» (Г. А. Бялый).

Обычно в пьесах Ш. разворачивались маловероятные, но яркие частные случаи, основой действия становились чувства и поступки отдельного человека, «особи». Этот принцип, в целом свойственный русской литературе 80 гг., у Ш. воплотился в крайнем варианте, в полном отсутствии в пьесах авторского начала и претензий на какое бы то ни было обобщение. В то же время предельно высокая однотипность конфликтов и постоянство психологических амплуа персонажей создавали легко узнаваемый зрителями «мир Ш.», тем более что сопровождался разнообразием материала, зрелищностью, расчетливым обращением к незыскательному вкусу массового зрителя, а также умелым использованием опыта русской классики. Изображение среды и характеров у Ш. обрело объемность лишь на фоне воспоминаний публики об А. Н. Островском, Ф. М. Достоевском, И. С. Тургеневе («В забытой усадьбе», 1880, и др.).

Ш. начинал пьесами «в духе Островского», уже в «Майорше» отчетлива память и о «горячих сердцах», и о терпеливых мучениках, и о нравах средних сословий (мещанства, купечества), и о Бальзаминове; в комедиях «Легкие средства» (1879) и «Фофан» (1880) продолжена идея «бешеных денег», дополненная темами Дульчина («Последняя жертва») и Кречинского. Однако «материал Островского был... нарочито упрощен и огрублен... Ш. выступил не как простой эпигон Островского, а скорее как его конкурент, свобод-

но пользующийся средствами своего предшественника» (Г. А. Бялый). Начинаящий драматург отбирал лишь выигрышные приемы, осваивал «литературную технику» и добавлял водевильные, скандальные и пикантные сцены, гарантирующие массовый успех зрелища.

Столь же деловитым и «технологичным» было обращение Ш. к опыту Достоевского. Одна из его лучших драм — «Кручина» — появилась как моментальный отклик на смерть романиста, воплотив (опять же огрубленно) тип «человека с надрывом», человека изломанной судьбы и искоруженной души. Купец Недыхляев надеется забыть свое грязное бесчестное прошлое в браке по любви, но жена нагло обманывает его, а он, страдающий и измученный, заискивает перед женой и ее любовником, лебезит, унижается — и производит высокопарно-жалостливые речи. Роль Недыхляева стала выигрышной для многих крупных актеров — А. П. Ленского, В. Н. Андреева-Бурлака, М. Т. Иванова-Козельского и др. Наиболее интересный образ создал В. Н. Андреев-Бурлак, подчеркнувший «нечистоплотность и хищническую активность» героя; «Недыхляев у Бурлака был одновременно жалок и омерзитель» (С. С. Данилов, М. Г. Португалова).

В духе Достоевского выдержаны образы падшей ангелоподобной Поленки («Кручина»), неожиданно оказавшегося способным к нравственному возрождению барина-разбойника Рахманова («В старые годы»), героя драмы «Жертва» — идеалиста, «чистой души», доведенного до самоубийства преступной женой, особенно озлобленной деликатным отношением мужа к ее похождениям. В этой пьесе убедительно «мотивирована взаимная отчужденность людей, которые готовы пойти навстречу друг другу, но никак не могут этого сделать» (Г. А. Бялый).

Отдельную группу пьес Ш. составляют драмы в стихах, построенные на легендах из русской истории и выдержанные «в духе А. К. Толстого», — «Чародейка. Нижегородское предание» (1884; впоследствии основа либретто оперы П. И. Чайковского), «Вольная волюшка» (1891) — сказ из времен Ивана Грозного, «Самозванка (Княжна Тараканова)» (1904). Снова опыт авторитетного предшественника расценивался как уроки и советы мастера, усвоенные сообразительным подмастерьем.

Ш. не скрывал литературных источников своего творчества, но не был подражателем, ибо его целью было не литературное произведение, а театральное зрелище. Он писал «нечто вроде конспектов для того, чтобы дать актерам полную свободу создавать роли по их усмотрению»; в драмах Ш. критик отметил «полное отсутствие художественной обработки, независимой от сценических условий и требований» (Северный вестник. — 1886. — № 4). Сознательная ориентация на спектакль как на окончательную форму пьесы объясняет оригинальность и специфику творчества

Ш. — изготовителя театрального полуфабриката, предпринимателя, хорошо знающего требования к драматическому «товару» и честно выполняющего принятые на себя обязательства. «Фирма» поставляла широкий ассортимент «продукции», от социальных драм до упрощенных, но ярко окрашенных исторических сказаний, предоставляла «совладельцам»-актерам простор для самовыражения и разнообразных трактовок материала, а также удовлетворяла стремление потребителя к переживанию отвлеченных от реальности сильных чувств — жалости, сострадания, возмущения, омерзения. «Черствеющая в мелких житейских нуждах и корыстных расчетах обывательская душа» хотела, «чтоб иногда охватывало ее до замирения высокое благородное чувство, одушевляющее трагика на сцене» (А. Н. Островский). При этом, в отличие от большинства современников, Ш. отдавал себе отчет в своей принадлежности не литературе, а театру; этот честный профессионализм в немалой степени способствовал постоянной репертуарности и громкому успеху пьес мастеровитого драматурга.

С конца 90 гг. популярность Ш. снижается, а в XX в. сходит на нет. В 10 гг. Ш. создает в основном непритязательные и незаметные комедии на злободневные темы («Заблудшая», 1911; «Мемуары», 1914); последние его пьесы — комедия «Ярмо» (о «немецком засилье» в России) и драма «Мертвый узел» — написаны и поставлены в 1916 г., незадолго до смерти.

Ш. принадлежал к наиболее даровитым и известным драматургам конца XIX в., но, выбрав путь «творческого предпринимательства», воплотил в своей литературной судьбе тип честного, но ограниченного профессионала, фигуры, вторичной и в литературе и в театре. «Талантливый эпитон... драматург без новаторских устремлений и возможностей, Ш. дал русской театральной публике, что мог, и получил от нее, что заслужил: быстрый успех и быстрое забвение» (Г. А. Бялый).

Соч.: Драматические сочинения: В 4 т. — Спб., 1886—1900; Самозванка (Княжна Тараканова) — Спб., 1904.
Лит.: Лотман Л. М. Драматургия 70—80-х годов // История русской литературы. — М.; Л., 1956. — Т. 9. — Ч. 1; Хализе в В. Е. Русская драматургия накануне «Иванова» и «Чайки» // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. — М., 1959. — № 1; Бялый Г. А. Русский реализм конца XIX века. — Л., 1973 («Драматургия И. В. Шпжинского»); Данилов С. С., Португалова М. Г. Русский драматический театр XIX века. Вторая половина XIX века. — Л., 1974. — Т. 2; Петровская И. Ф. Театр и зритель провинциальной России. Вторая половина XIX века. — Л., 1979. П. И. Овчарова

ШУЛЯТИКОВ, Владимир Михайлович (псевдонимы литературные — *Б-ич*, *В. Ш.*, *Д.*, *Д-в*, *-ич*, *М. М.*, *Ш.*, *Ерато*, *Donnerwetter*, псевдоним партийный — *Донат*) [30.IX (12.X).1872, Москва — 26.III (8.IV).1912, там же] — литературный критик, журналист, публицист, литературовед, переводчик. Партийный деятель. Член РСДРП с сере-

дины 90 гг. После окончания с серебряной медалью 1-й Московской гимназии в 1892 г. поступил на историко-филологический факультет Московского университета. В университете был одним из организаторов Кружка любителей западноевропейской литературы, в котором сблизился с В. Брюсовым, В. Фриче, П. Коганом. По свидетельству друзей, один из первых, кто в начале 90 гг. принес в университет «свежий воздух революции и учение Карла Маркса» (Архив АН СССР. — Ф. 643. — Оп. 1. — Д. 92) и «до конца оставался верен социал-демократическому знамени» (Звезда. 1912. — № 24).

Уже во время обучения и сразу после окончания курса в 1896 г. Ш. пробует свои силы в качестве переводчика, в журнале «Театрал» публикуется его перевод пьесы испанского драматурга Хосе Эчегарайи (1896. — № 55—90). Впоследствии в печати появляются его переводы стихотворений Ады Негри, романов Бласко Ибаньеса, пьес Б. Шоу. Обычно для перевода Ш. выбирал произведения ярко выраженного социального звучания. Имеются данные, что он знал 26 языков.

Одновременно он выступает как критик (рецензия на пьесу В. Сарду — Театрал. — 1895. — № 48) и литературовед (статья «Два благородных родственника», спорный вопрос шекспировской критики) — Театрал. — 1896. — № 86, 88). В этих работах Ш. показал себя последователем культурно-исторической школы литературоведения. В 1898—1899 гг. его рецензии и заметки появляются в библиографическом отделе «Русских ведомостей», а с 1900 по 1903 г. он публикует «Критические этюды» в газете «Курьер» и является ее ответственным секретарем. В эти годы Ш. ведет борьбу за марксистскую методологию литературоведческого анализа, вырабатывает принципы социально-генетического подхода к искусству, отвергает оценочную эстетику идеалистов, критикует механистичность последователей И. Тэна, демонстрирует «недостаточность» народнических взглядов на литературный процесс, восстает против поверхностно усвоенного марксизма Е. Соловьева-Андреевича. Работу в газете прерывают арест и ссылка — сначала в Тверь (1902), затем в Архангельскую губ. (1904—1905). Амнистия 1905 г. позволила Ш. вернуться к партийной работе. Он становится членом литературно-лекторской группы при МК РСДРП, пишет листовки, выступает с докладами в рабочих аудиториях. В годы революции и реакции он сотрудничал большевистских изданий: «Борьба» (1905, 1907), «Светоч» (1906), «Рабочее знамя» (1908), «Вестник труда», «Рабочее дело», «Пролетарий» (1909), «Голос жизни», «Наш путь» (1910), «Наше время» (1911), в которых публикует статьи, посвященные профсоюзному движению, борьбе с оппортунистами всех мастей. Последний раз Ш. был арестован в 1910 г. Умер от рака желудка.

По признанию соратника, был «трогательнейшей фигурой... в нашей партии» (Скворцов

Степанов И. И. Из воспоминаний // На заре рабочего движения в Москве. — М., 1919. — С. 112). За страстность в отстаивании марксистских взглядов получил прозвище «философ-ортодокс» (Курская А. С. Пережитое. — М., 1965. — С. 86).

Перезидая в 1918 г. стихотворения Ады Негри, переведенные Ш., В. Фриче писал, что необходимо восстановить в памяти «нимя товарища, всего себя отдавшего бескорыстному и мужественному делу пролетарской революции» (Негри Ада. Стихи. — М., 1918. — С. XXV). И, может быть, частично и себя имел в виду критик, когда переводил следующие строчки итальянской поэтессы: «И будешь ты биться пером и примером / За дальнего счастья грядущие дни, / И миру укажешь ты в сумраке сером / Зари нарожденной огни».

Ш. был лично знаком с В. И. Лениным. В 1909 г. принял участие в совещании расширенной редакции газеты «Пролетарий», проходившем в Париже под руководством Ленина и осудившем «Каприйскую школу», возглавляемую А. Богдановым. На этом совещании Ш. занял ленинскую платформу, вынес отрицательное суждение об отзовистской деятельности Богданова, отмежевался от идей богостроительства.

Однако на определенном этапе (1905—1910) находился под влиянием философии Богданова, что отрицательным образом сказалось на его взглядах, получивших наиболее полное воплощение в книге «Оправдание капитализма в западноевропейской философии» (М., 1908), сурово раскритикованной Лениным (Полн. собр. соч. — Т. 29. — С. 459—474). В ней Ш., отстаивая классовый подход к идеологии, доказывал, что вся буржуазная философия на протяжении всей истории была занята защитой эгоистических интересов господствующих классов, а «все представление буржуазии о мире и человеке» строилось «по образу и подобию ее промышленных организаций» (Оправдание капитализма в западноевропейской философии. — С. 150). Ш. проигнорировал участие других классов в создании надстройкой. Та или иная философская система у Ш. оказывалась слепком с «внутренней стороны капиталистического предприятия», вследствие чего все философские понятия трактовались им как «антитеза организующих «верхов» и исполнительных «низов» (Там же. — С. 7), а история философии строилась как параллель к развитию мануфактурного производства.

«Опошление материализма», на которое указал В. И. Ленин (Полн. собр. соч. — Т. 29. — С. 474), безмерное упрощительство отозвались и в литературно-критических статьях, написанных в эти годы: «Новая сцена и новая драма» (Кризис театра. — М., 1908) и «Неаристократическая аристократия» (Литературный распад. — Пб., 1909. — Кн. 2). В обеих статьях Ш. отнесся к произведению как набору символов, требующих рас-

шифровки, чему должно способствовать возведение «к общему «материальному» источнику» (Неаристократическая аристократия. — С. 243). Обнаружив у модернистов постоянное варьирование мотивов смерти, разрушения, тьмы и сумасшествия, критик сделал вывод о проповеди «сокращения» жизни, своеобразном неомальтузианстве Андреева, Арцыбашева, Сологуба и Гиппиус. Эти теории вызваны, на его взгляд, тенденцией современного капиталистического производства к увольнению рабочих, изгнанию массы «необученного» пролетариата из технически оснащенных цехов. Этим же объясняет Ш. и появление условного театра: требования экономики диктуют режиссеру уничтожение декораций, сведение реквизита к минимуму, уменьшение количества рабочих сцены.

Этот взгляд резкой критике подверг А. Луначарский, увидев в нем не классовый метод в исследовании культуры, а «своеобразную мизантропию, желающую во всех высоких мотивах видеть обман», «радостно вскрывающую за «показным идеализмом» — низменную правду», «корыстные» интересы господствующих классов (Луначарский А. В. Собр. соч.: В 8 т. — М., 1967. — Т. 7. — С. 187). Возникший же в модернистской литературе «культ личности», презрение к «толпе», гипертрофия «я» — это не что иное, как замаскированное требование высокой квалификации для рабочего, которая может помочь ему занять достойное место в обществе, построенном на конкуренции. Идея «культы талантов» прозвучала у Ш. уже в статье о А. П. Чехове — «Теоретик талантливой жизни» (Правда. — 1905. — № 1), в которой отрицание писателем мешанского прозябания, ненависть к пошлости трактовались как возвеличивание «профессиональных способностей интеллигентного пролетариата», жаждущего обстановки, способствующей развитию его природных способностей. Мироззрение писателя, по Ш., оказывалось целиком замкнуто на производственных интересах той социальной группы, которую он представляет. В результате Чехов был причислен к «лагерю современных идеалистов». Такой вывод был сделан Ш. потому, что к этому времени он все современное искусство начал воспринимать как продукцию «обанкротившихся интеллигентных ячеек» (Восстановление разрушенной эстетики // Очерки реалистического мироззрения. — М., 1904), оказавшихся «несостоятельными» в социальном смысле, неспособными к созданию собственной культуры и вынужденными поэтому обращаться к ранее использованным художественным приемам, в частности к романтизму. Реализм при таком подходе оставался детищем прошлого — эпохи разночинцев, впрямую участвовавших в жизни, в «борьбе за существование» и не прибегавших к «возвышающим обманам», к «выдумкам», чтобы облегчить себе столкновение с жестокой «правдой жизни» и «скрасить мгнове-

ние неизбежного конца» (Там же.— С. 90). Все современное искусство в интерпретации Ш. оборачивалось «искусством-игрой» (Там же.— С. 654). Таким образом, уже к моменту написания работы «Восстановление разрушенной эстетики» Ш. отказался от многих своих ценных наблюдений над художественными произведениями и литературным процессом в целом, которые были сделаны им в первый период деятельности (1899—1903), когда он предлагал «отыскивать и выснять до бесконечности сложные звенья, связующие художественные образы и психологию писателя с многообразными общественными ячейками» (Курьер.— 1902.— № 42).

Он не считал возможным все события духовной жизни XIX века выводить из «бурных событий 1789—1815 гг.», как это делали многие его современники. Ш. подчеркивал, что литературные явления возникают в силу «различных исторических причин» и при определении их происхождения нельзя игнорировать «целый ряд посредствующих звеньев как интеллектуального, так и социального порядка» (Русские ведомости.— 1899.— № 295). (Позже им оказалось пропущено как раз «психологическое звено», а исследование «условия существования общественных ячеек» он подменил изучением технологии и способа производства.) Именно тщательное «отыскивание» связующих «звеньев» помогло ему не обмануться «отражением» общественно-экономических отношений в «идейных» романах Боборыкина и Вербицкой. Он сопротивлялся распространению в критике мнения, что на рубеже веков русская литература переживает упадок. Показателем подлинной идейной мощи русской литературы служили ему произведения Короленко, Вересаева, Серафимовича. Отличительной чертой «нового реализма» рубежа веков (Курьер.— 1901.— № 145) он считал усиление лирического начала, эмоциональное, а не нравоучительное воздействие на читателя, углубление психологического анализа. Ш. указал на особую роль времени в пьесах Чехова, подчеркнул значение обстановки, приобретающей символический характер (Курьер.— 1901.— № 65, 70). В творчестве М. Горького Ш. услышал «гимн... строительству жизни» и «истинным строителем» назвал Данко (Курьер.— 1901.— № 236), отметив, однако, что ни на какую планомерную созидательную работу босяки не способны, они ограничиваются только словесными выпадами в адрес мешан.

Пolemически заострена против народнической теории «героя и толпы» ст. Ш. о Добролюбове (Курьер. 1901. № 320) Сопоставляя идеи Добролюбова и Писарева, он отмечал, что Писарев огрубил идеи Добролюбова, выдвинув на первый план «сильную личность». Вероятнее всего с опровержением некоторых положений эстетической теории Писарева связана и обшир-

ная работа Ш. «Восстановление разрушенной эстетики».

Хотя прямым «виновником» рождения «нового искусства» Ш. объявил «современное машинное производство и современную железнодорожную промышленность» (Курьер.— 1900.— № 322), борьба с декадентством шла у него по линии выявления социальных корней этого явления. Во власти пессимистических настроений оказались те общественные группы, которые находятся «вне... прогрессивного общественного развития» (Курьер.— 1900.— № 336). Одним из первых Ш. сумел распознать идеалистический «крен» бывших соратников по марксизму — Н. Бердяева и С. Булгакова. В их обращении к религии он увидел отказ от материалистического понимания законов исторического развития. Почувствовав нарастание интереса к Достоевскому в их среде (Назад к Достоевскому // Курьер.— 1903.— № 287), он противопоставил идеалистической интерпретации его творчества социально-генетическое обоснование противоречий мировоззрения писателя. Говоря о Мережковском и Гиппиус, он предостерег против упреков символизма в «злой мистификации», показав, что их колебания и двойственность миропонимания являются следствием занимаемого ими общественного положения — «между адом „мешанского“ застоя... и раем прогрессирующей „живой“ жизни» (Курьер.— 1903.— № 273). В отличие от некоторых критиков марксистской ориентации Ш. не поддавался широковетательным призывам Ницше о рождении сверхчеловека будущего, и, хотя отметил антибуржуазный характер ницшеанской философии, сделал вывод о ее реакционности: антибуржуазный пафос Ницше перерастает в антидемократизм, презрение к массе. Правда, в своей критической практике Ш. использовал взятый из ницшеанской философии термин «культ страдания», который, однако, у него оказывался тождественным понятию эксплуатации и притеснения народа. «Неудержимое влечение к жизни, «вера в светлое будущее человечества» (Ада Негри. Стихотворения.— С. VII), отмеченные им в поэзии итальянской поэтессы, явились, по его справедливому наблюдению, свидетельством роста классового сознания пролетария, но источник его — «культ страдания», который и вырабатывает сильные и жизнестойких людей. Тем же мотивом «страдания» объединил он творчество Надсона, Мережковского, Минского, Бунина в исследовании «Этапы новейшей лирики» («Из истории новейшей русской литературы».— М., 1910), рассматриваемом Ш. как подготовительный этюд к «безличной» истории литературы» (С. 199), которая будет служить «идеологической иллюстрацией процесса сложения буржуазного общества» (С. 294) и о создании которой он мечтал.

В самом конце жизни Ш. вступил на путь преодоления «вульгарного социологизаторства», начал осознавать значение писателя не только как

выразителя классовых и групповых интересов, но и как художника, ценность которого не уменьшается несмотря на «минусы» его «социальных символов веры» (Б л а с к о И б а н ь е с. Полн. собр. соч. (Вторжение) / Предисл. В. М. Шулятикова.— М., 1911.— Т. 1.— С. 7). Противоречия литературно-критической деятельности Ш. отразили сложность становления социально-генетического метода в литературоведении на том этапе, когда отставание общественной функции произведений литературы происходило в борьбе с концепциями имманентных закономерностей художественной специфики, когда указание на роль классов в происхождении литературы обобщалось приравниванием содержания произведения к настроениям той или иной социальной группы. В последнее время намечился пересмотр однозначно отрицательного отношения к философскому наследию Ш. Было предложено даже отказаться от бытовавшего долгое время термина «шулятиковщина» (См. «Философские науки». — 1985. — № 1)

Соч.: Ада Негри. Стихотворения / Пер. с итал. и предисл. В. Шулятикова.— М., 1900; Избр. лит.-критич. статьи / Ред. и примеч. В. Гебель; Вступ. ст. В. Совсуна.— М.; Л., 1929. Лит.: Добрынин М. К. В. М. Шулятиков // Литература и марксизм.— 1930.— Кн. 6; Плеханов Г. В. Избр. философ. произв.— М., 1957.— Т. 3; Горелов И. Е. Большевики в период реакции (1907—1910).— М., 1975; Воспитанники Московского университета — большевики ленинского поколения.— М., 1982; Соратники.— М., 1985; Горелов И. Партийный псевдоним — Донат // Аргументы и факты.— 1987.— № 36; Степанов В. Н. Адресовано в Москву.— М., 1987; Михайлова М. В. Н. А. Добролюбов в марксистской критике начала XX века // «Стезю правды и добра». 150 лет со дня рождения Н. А. Добролюбова. Материалы Добролюбовских чтений и памятных дней на родине Н. А. Добролюбова.— Горький, 1987. М. В. Михайлова

ШУМАХЕР, Петр Васильевич [6(18).VIII.1817, Нарва — 11(23).V.1891, Москва] — поэт. Предки Ш. в XVII в. переселились в Россию из Дании. Его прадед был владельцем аптеки в Москве, отец — адъютантом генерал-интендант Е. Ф. Канкина в Отечественную войну 1812 г., сопроваждавшим будущего министра финансов в зарубежных походах русской армии в 1813—1814 гг.

Учился Ш. в иезуитском закрытом учебном заведении в Орше и Петербургском коммерческом училище, по окончании которого служил в военном министерстве и министерстве финансов. По делам службы он много ездил по России. Особенно понравилась ему Сибирь, и, выйдя в 1838 г. в отставку, Ш. поступил на частную службу — управляющим золотыми присками крупных сибирских золотопромышленников. Во время поездок по прискам он встречался с ссыльными декабристами (И. И. Пушкиным, И. Д. Якушкиным и др.).

В Сибири Ш. провел десять лет. В нач. 50 гг. он переехал в Петербург, затем несколько лет путешествовал за границей, побывал во Франции,

Италии и Германии. Иностранная жизнь интересовала Ш., но он тосковал по России и русскому быту. Вернувшись из-за границы, поселился в Нижнем Новгороде. Здесь проявились его способности как поэта, артиста и чтеца-декламатора. В феврале 1858 г. Ш. встретился с возвращавшимся из ссылки Т. Г. Шевченко, с которым встречался ранее в Петербурге, и подарил ему несколько номеров «Колокола» (для Шевченко это было первое знакомство с газетой А. И. Герцена и Н. П. Огарева).

Неутомимая, страстная натура Ш. не могла долго оставаться без дела. В нач. 60 гг. он снова уехал в Сибирь и поступил на службу чиновником особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири Н. Н. Муравьеве-Амурском. Составляя описание неизвестных земель, Ш. объехал огромный край, нередко рискуя собственной жизнью, плавал по Ангаре и Амуру. Сибирские впечатления дали ему богатый материал, использованный позднее при написании исторических очерков: «Оборона Камчатки и Восточного побережья против англо-французов в 1854—1855 гг.» и «Первые русские поселения на Сибирском Востоке» и др. («Русский архив», 1878—1879).

Писать стихи Ш. начал еще в 40 гг., однако они мало чем выделялись тогда из многочисленных произведений запоздалых эпигонов романтизма и только изредка появлялись на страницах журнала «Репертуар и пантеон». Общественно-политический подъем конца 50 — нач. 60 гг. сблизил поэта с революционными демократами. Теперь его стихи печатались во многих журналах и газетах. На протяжении десяти лет он деятельно сотрудничал в журнале «Искра», редактор которого — В. С. Курочкин — высоко ценил его талант.

Позднее он называл М. «замечательным поэтом-сатириком». «Стихотворения его, всегда оригинальные по форме, иногда исполнены глубокого юмора, многие из них имеют в высшей степени серьезное общественное значение как резкие сатиры» («Биржевые ведомости». — 1875. — № 59).

В 1872 г. Ш. переехал в Петербург, избрав отныне литературу своей профессией. Он пытался издать сборник стихотворений «Для всякого употребления», но цензура запретила книгу. Уже отпечатанный тираж был полностью уничтожен (чуждом уцелел только один экземпляр), а против автора возбуждено судебное преследование.

При содействии И. С. Тургенева поэту удалось издать за границей два сборника своих стихотворений под общим названием «Моим землякам» (Берлин, 1873 и 1880).

Бедность и неустроенность заставили Ш. переселиться в Москву. Его стихи в мастерском чтении автора имели большой успех на вечерах Московского Артистического кружка, но расстроенное здоровье делало такие выступления редкими. В 1879 г. поэту удалось издать небольшую

кижку «Шутки последних лет» — единственный прижизненный сборник стихотворений, вышедший в России. Лишь помощь друзей помогла Ш. избежать полной нищеты. Последние годы жизни он провел в странноприимном доме гр. Шереметева, находившемся на Сухаревской площади, в котором находили приют бездомные бедняки. Похоронен был поэт по его завещанию в Кусковском парке, под рябиной со скворечником. Незадолго до смерти Ш. подготовил к изданию собрание своих стихотворений, которое было издано лишь в 1902 г.

Ш. обладал способностью мгновенно откликаться на события общественно-политической жизни — недаром современники сравнивали его с П.-Ж. Беранже. Яркие и острые сатирические стихотворения Ш. направлены против самодержавия, полицейского произвола, крепостничества. Широко распространялось в рукописных списках стихотворение «Сказка про белого царя» (1859), обличавшее деспотизм Николая I.

Поэт резко обнажает социальные противоречия жизни Российской империи: «Образ правления — холопства и барства — Изображенье Российского царства» (Стихотворение «Изображение Российского царства», 1861, при жизни не печаталось). Сатирические «герои» стихотворений Ш. — яркий крепостник накануне отмены крепостного права («Последний из могокан», 1860); отправившийся в заграничный вояж барин, с пренебрежением наблюдающий иностранную жизнь и не устающий твердить: «И черт занес меня в Европу, / В России лучше не в пример» («Российский турист», 1861); обыватель, равнодушно слушающий восторженный рассказ вернувшегося из-за границы знакомого о прогрессе и культуре европейских стран и интересующийся только одним: «А водка какова там?» («Малоярославецкие политики», 1869).

Полемизируя с А. Н. Майковым, слащаво и фальшиво изобразившим радость, с которой будто бы встретили крестьяне весть об отмене крепостного права (стихотворение «Картинка») после манифеста 19 февраля 1861 г., Ш. правдиво показал, что мужики восприняли реформу настороженно и боязливо, ожидая подвоха и обмана («Кто она?», 1862). «Тягька! Эвон что народу/ собралось у кабака / Ждут каку-то все слободу: / Тягька, кто она така?» / — «Цыц! Нишкни! Пушай гуторют, / Наше дело — сторона... / Как возьмут тебя, да вспорют, / Так узнаешь, кто она!»

Усиление реакции заметно притупило остроту политической сатиры Ш. Поэту казалось, что он может находиться в стороне от борьбы. Одиночество и растерянность заметны в его стихотворениях этого времени «Крики разносчиков» (1872), «Какой я, Машенька, поэт?» (1880). Но и в годы разгула реакции Ш. пишет: «Моя ославленная

лира / не для лакеев и шутов... / Где трон, корона и порфира / Там нет поэзии цветов» (Стихотворение «Я не певец в придворном хоре», 1883, при жизни не печаталось). И хотя его взгляды становятся более умеренными, поэт мечтает о явно неосуществимом в тогдашней жизни: «Когда крестьянин незабитый / Придет веселый от сохи / И, обеспеченный и сытый, / Заглянет в Пушкина стихи...» (стихотворение «Когда?», 1883).

Многие стихотворения Ш. были запрещены цензурой (напечатаны только после Октябрьской революции). Сознывая это, он с горечью писал: «Поэта мир — весь божий свет, / А русской музе тракту нет, / Везде заставы да границы» («Какой я, Машенька, поэт?»).

Поэзию Ш. отличает легкость стиха, искусственность рифмовки. Многие его стихотворения представляют собой своеобразные сценки, монологи персонажей, имеют форму куплетов с рефреном.

Соч.: Стихи и песни. — М., 1902; Стихотворения и сатиры / Вступ. ст. Н. Ф. Бельчикова. — М.; Л., 1937; Поэты 1860-х годов. — Л., 1968; Поэты-демократы 1870—1880-х годов. — Л., 1968.

Лит.: Белов А. М. Забытый поэт-сатирик // Исторический вестник. — 1910. — № 2; Смирнов-Сокольский Н. П. Для всякого употребления // Смирнов-Сокольский Н. П. Рассказы о книгах. — М., 1977. А. В. Корнеев

Щ

ЩЕГЛОВ, Иван Леонтьевич (настоящая фамилия — *Леонтьев*) [6(18).I.1856, Петербург — 4(17).IV.1911, Кисловодск] — прозаик, драматург. Родился в дворянской семье. С трех лет «по бедности родителей» воспитывался в семье деда, барона В. К. Клодта фон Юргенсбурга (генерал от артиллерии, брат скульптора П. К. Клодта). В 1866—1874 гг. учился во 2-й Петербургской военной гимназии и в 1-м Павловском военном училище. В 1874 г. произведен в офицеры, служил в артиллерийских частях в Крыму и Бессарабии, принимал участие в русско-турецкой войне (в Закавказье); в 1878—1883 гг. служил в Петербурге, в Главном артиллерийском управлении. В 1883 г. вышел в отставку и занялся исключительно литературным трудом.

В отрочестве писал стихи. В печати дебютировал заметкой о землетрясении в Севастополе (Санкт-Петербургские Ведомости. — 1875. — 20 июля, подпись «И. Неволин»). Первая крупная публикация — одноактная комедия «Граждане» (Театральная библиотека. — 1879. — № 2) о гласных городской Думы, разыскивающих автора анонимной критической заметки в столичной газете, написана «под непосредственным влиянием «Ревизора» (Автобиография. — С. 97). Сам Ш. считал началом своего литературного пути одноактную шутку «Влюбленный майор», «наброшенную в походной палатке осенью 1877 года» (Наив-

ные вопросы.— С. 183). Чуткость к актуальной проблематике, глубокое знание армейского быта определили успех военных очерков Щ., опубликованных в 1881 г. в «толстых» журналах, в том числе в «Отечественных записках»: герои рассказов, молодые офицеры, осознавали бесчеловечную сущность войны («Первое сражение»), тяготились бессмысленным существованием, старались облегчить участь «нижних чинов», организуя школу для солдат («Поручик Поспелов») или солдатские спектакли («Неудачный герой»). Первые же публикации вызвали поощрительные отзывы критики; через несколько лет рецензенты сборника военных рассказов Щ. отмечали правдивость, искренность, «задушевную улыбку» автора, указывали на продолжение традиций Л. Н. Толстого и В. М. Гаршина, на внимание к «простым людям, просто и бесхитростно наслаждающимся сколько-нибудь светлым моментом своей серенькой, однообразной жизни» (Арсеньев в К. К. Беллетристика последнего времени // Вестник Европы.—1887.—№ 12), подчеркивали типичность характеров просветительски настроенной офицерской интеллигенции.

Точное, остроумное, изящное воспроизведение быта и нравов — самое ценное качество прозы Щ. Ради этого читатели прощали мелодраmatизм, недостаточную мотивированность конфликтов, иллюстративность и морализирование, свойственные, напр., роману «Гордиев узел» (1887): офицер влюбился в горничную, решил жениться, но, отвергнутый родней невесты (лакей, швейцар, кухарка) и усомнившийся в ее любви, покончил с собой. А. П. Чехов, считая роман Щ. «трудом капитальным», обратил внимание именно на мастерское изображение среды (Чехов в А. П. Письма.— Т. II.— С. 204). Роман интересен и как вариант центральной для 80 гг. проблемы «интеллигенция и народ»: было представлено необычное «опрошение» интеллигента, в понятии «народ» выявлен особый социальный слой — прислуга; возникшая было идиллия разрушалась «снизу», неверием «народа» в добрые намерения «интеллигенции».

В конце 80—нач. 90 гг. Щ. часто обращается к теме гибели чуткой души или таланта под натиском грубой реальности. Застрелился, не захотев возвращаться в безысходно-серую повседневность, герой рассказа «Миньона» (1887) — офицер захолустного гарнизона, потрясенный концертом известной певицы. В повести «Корделия» (1889) изложена история постепенного превращения молодой талантливой актрисы в заурядную певичку кафешантана; умирает герой рассказа «Кожаный актер» (1889) — небесталанный бедняк, смирившийся с нищетой, и с презрительным равнодушием «сытых» — антрепренеров, коллег, зрителей (рассказ переключается с новеллой А. П. Чехова «Барон»). Самоубийством завершается и попытка «известного фельетониста» осмыслить собственную жизнь (повесть

«Убыль души», 1892). Энергичный просветитель — герой ранних рассказов Щ. — сменяется расслабленным тоскующим одиночкой, в меру образованным обывателем, мечтающим о простых житейских радостях, которые в силу обстоятельств оказываются недостижимыми; при этом «счастье» понимается как полное благополучие, как идиллия. Называя Щ. «мещанским писателем», Чехов в 1888 г. уточняет: «Вы, как и Помяловский, тяготеете к идеализации серенькой мещанской среды и ее счастья» (Чехов в А. П. Письма.— Т. II.— С. 204); через много лет Щ. определит своего главного героя как «человека, так сказать, средней сытости, того благообразного среднего интеллигента, который желает жить тихо и скромно, пользуясь не только газовым и электрическим освещением, но и еще кое-чем, что необходимо для его мирного и безобидного существования, т. е. дышать, обедать, читать, гулять, изредка пользоваться обществом таких же, как он, мирных и просвещенных граждан» (Наивные вопросы.— С. 47). В конце века такой психологический тип воспринимался как знак болезненного состояния души, ее «омертвления», как симптом духовной вторичности, «свечения отраженным светом» (Н. Ладожский).

С конца 80 гг. Щ., как и его герои, пытается преодолеть духовный кризис, найти идейную опору, но при этом остаться независимым, «внепартийным» писателем. В начале 90 гг. он предпринял несколько поездок по «святым местам», посетил «духовных пастырей» («Оптинский старец о Амвросий».— М., 1892; «У отца Иоанна Кронштадтского. Рассказ очевидца».— М., 1894), однако суровое самоотречение оказалось чуждым жизнерадостному «добродушному юмористу». В романе «Миллион терзаний» (1896) писатель попытался связать надежды на светлое будущее России с «истинно русскими» началами, противопоставленными «разлагающему» влиянию западного прогресса. Идеиные поиски сопровождались и бестактностями. Сблизившись с издателем «Посредник», Щ. шаржированно (вплоть до пассивля) изображает массовое «толстовство» в «дикой, изуверской» (А. П. Чехов) повести «Около истины» (1892); пьеса из жизни русских литераторов «Затерянный мудрец» (1897), «фальшивая и проникнутая идейно-ненавистническим духом» (А. П. Чехов), была отвергнута Литературно-театральным комитетом, что вызвало злобные и клеветнические выступления Щ. в газете «Новое время» (1897, 31 окт., 10 дек.). Отчаянное самоутверждение пронизывает и книгу «Новое о Пушкине. Дорожные впечатления и кабинетные заметки» (СПб., 1902): увлеченные рассказы о путешествии по пушкинским местам и о встречах с людьми, знавшими поэта, соседствуют с высокомерно-презрительным описанием «пушкинских дней в провинции» и с бездоказательным утверждением о том, что Е. А. Баратынский был прототипом Сальери. А. Г. Горнфельд

справедливо отмечал недостаточное знакомство Щ. с трудами пушкинистов, в связи с чем Щ. «весьма склонен переоценивать свое и пренебрежительно относиться к чужому» (Русское богатство.—1901.—№ 12.—С. 61). Сравнительно эффективным способом обретения душевного равновесия стал для Щ. жанр мемуаров: об артисте П. М. Свободине и поэте А. Н. Плещееве, А. П. Чеховс, М. Е. Салтыкове-Щедрине, К. Д. Кавелине, С. Я. Надсоне, наконец, серия театральных воспоминаний.

Наиболее продуктивный период творчества Щ.—80 гг., наиболее ценная часть его литературного наследия — проза. Но Щ. считал беллетристику едва ли не развлечением и видел свое истинное призвание в драматургии. Первые его пьесы имели значительный успех: надолго стала репертуарной комедия «В горах Кавказа. Картинки минеральных нравов» (1884), изображавшая «разношерстную толпу, объединенную лишь равнолегкомысленными взглядами на все дела мира» (Русское обозрение.—1895.—№ 1.—С. 393); всеобщее признание получила комедия «Дачный муж» (1886; первоначально — цикл юморесок) — близкая к фарсу комедия характеров, повествующая о петербургском чиновнике, замученном и службой, и житейскими дрязгами, и вздорными капризами жены. Пьеса провалилась в Москве в театре Ф. А. Корша (30 сент. 1888 г.), но была восторженно принята в Петербурге и в провинции; понятие «дачный муж» стало нарицательным, а Щ. называли даже «первооткрывателем сей особи рода человеческого» (Север.—1897.—№ 3.—С. 91). По мнению А. П. Чехова, «пьеса написана небрежно... «Дачный муж» хочет и смешить, и трагедией пахнуть, и возводить турнир на высоту серьезного вопроса» (Чехов в А. П. Письма.—Т. III.—С. 8—9). Излюбленной драматургической формой для Щ. были одно-двухактные «шутки» водевильного типа, высмеивавшие закусилье («Театральный воробей», 1887; «Господа театралы», 1889; «Автора в театре нет», 1891, и др.), а также разнообразные житейские неурядицы («Мышеловка», 1889; «Турусы на колесах», 1890; «Мамаево нашествие», 1890; «Комик по натуре», 1892; «Доктор принимает», 1893; «Женская чепуха», 1893, и др.) — всего более 30 произведений. Большинство пьес Щ. свойственны самоценная развлекаемость и упрощенное морализаторство, но лучшие из них остроумны и наблюдательны. Щ. принадлежат также переводы драмы Бальзака «Мачеха» (1893) и комедии Э. Пальерона «Супружеская идиллия» (перделка, 1893).

Тяга Щ. к театру была, однако, не капризом, а попыткой воплотить юношеские мечты: как и герои его ранних рассказов, Щ. хотел создать «народный театр» — и как «театр для народа», и как театр любительский. В 80 гг. писатель составил пособия для самодеятельных кружков («Натуральная школа сценического искусства.

Практическое руководство для любителей сцены», 1885; «Литературный чтец. Художественный сборник стихотворений для чтения на литературных вечерах, драматических курсах, в концертах и театральных дивертисментах», 1887); в 90 гг. опубликовал исследование «О народном театре» (М., 1895) и «Народный театр в очерках и картинках» (СПб., 1898); в 900 гг.— «В защиту народного театра. Заметки и впечатления» (СПб., 1903); эпитафией фанатику идеи «народного театра» стала вышедшая посмертно книга «Народ и театр» (СПб., 1911).

С середины 90 гг. творческий потенциал Щ. снижается: писатель изредка выступает с жанровыми и нравоописательными зарисовками, составляет сборники своих произведений, в 1906 г. недолго работает редактором литературного отдела газеты «Слово», с 1908 г. сотрудничает в «Ежегоднике императорских театров». В 1903 г. Чехов замечает: «Щеглов (автор военных рассказов)... забыт» (Чехов А. П. Письма.—Т. XI.—С. 303). Творческий спад сопровождается житейскими невзгодами и подорванным здоровьем. Тем не менее Щ. старается «служить литературе» хотя бы напоминаниями о ней: собирает воспоминания о Гоголе и Пушкине, разыскивает памятные места, обращается к изучению творчества Гоголя.

Литературная судьба Щ. типична для «среднего» писателя мелкобуржуазного склада, характерна совмещением самоутверждения с зависимостью от вкусов «толпы». Разнообразие возможностей и широта интересов, в которых Чехов в 1888 г. видел «симптом... внутреннего богатства» (Чехов А. П. Письма.—Т. II.—С. 205), обернулись растерянностью и неловкой реализацией способностей.

Один из самых талантливых членов «артели» писателей-восьмидесятников, Щ. последовательно воплотил в своем творчестве принципы субъективного натурализма. Тонкий наблюдатель и остроумный комментатор конкретных жизненных ситуаций, он всегда тяготел к однозначности нравственного вывода, к исчерпанности сюжета, максимальной наглядности. Особенностью его творческой манеры была психологическая солидарность автора и героя, повествование часто оформлено субъективистски, в виде дневников, писем, рассказа от первого лица. Эти особенности объясняют отмеченную Чеховым «способность находиться под постоянным влиянием отдельных явлений и лиц», «неумение или нежелание обобщать и глядеть на вещи объективно» (Чехов А. П. Письма.—Т. II.—С. 188); точное изображение обычно сочетается с необязательной или несправедливой оценкой явлений, а критика оказывается поверхностной. Наиболее ценны в творческом наследии Щ. правдивые зарисовки с натуры, продолжающие традиции физиологического очерка 40 гг. и документально-психологической литературы середины XIX в.

Соч.: Первое сражение [и другие рассказы].— Спб., 1887; Русский мыслитель. Избранные мысли и отрывки из сочинений Гоголя, его писем и воспоминаний о нем.— Спб., 1887; Корделия [и другие рассказы].— Спб., 1891; Сквозь дымку смеха. Десять рассказов.— М., 1894; Веселый театр.— Спб., 1897; 2-е изд.— Спб., 1901; Новые пьесы.— Спб., 1900; 2-е изд. («Красный цветок»).— Спб., 1907; Добродушные рассказы.— Спб., 1901; Юмористические очерки.— Спб., 1902; 2-е изд.— Спб., 1903; Навяные вопросы.— Спб., 1903 (Автобиографическая заметка. — С. 181—183); Подвижники слова. Новые материалы (о Гоголе).— Спб., 1909; Смех жизни. Новые юмористические рассказы.— Спб., 1910; Рассказы.— Спб., 1910; Жизнь вверх ногами. Новые веселые рассказы. Юмористические очерки и пародии.— Спб., 1911; Автобиография // Ф и д л е р Ф. Ф. Первые литературные шаги. Автобиографии современных русских писателей.— М., 1911.— С. 95—102; А. П. Чехов в воспоминаниях современников.— М., 1947; 1952, 1954, 1986; Из дневника И. Л. Щеглова (Леонтьева) // Лит. наследство.— М., 1960.— Т. 68; М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников.— 2-е изд.— М., 1975; Писатели чеховской поры. Избранные произведения писателей 80—90-х годов / Сост. С. В. Букин.— М., 1982.— Т. 1; Спутники Чехова / Сост. В. Б. Катаев.— М., 1982.

Лит.: Арсеньев К. К. Критические этюды по русской литературе.— Спб., 1888.— Т. 2; Шах-Паронианц Л. М. Чествование 25-летия литературной деятельности И. Л. Щеглова.— Кронштадт, 1902; Глинский Д. Б. Среди литераторов и ученых.— Спб., 1914; Дризен Н. В. Памяти незлобиво поэта // Ежегодник императорских театров.— 1912.— № 3.— С. 46—59; Модзалевский Б. Л. (И. Л. Леонтьев-Щеглов) // Чехов А. Новые письма.— Пб., 1922.— С. 11—16; Громов Л. П. Чехов и «артель» восьмидесятников // А. П. Чехов. Сб. ст. и материалов.— Ростов / Д., 1959; Тиме Г. А. «Массовая» драматургия 1880—1890-х годов // История русской драматургии. Вторая половина XIX—начало XX в.— Л., 1987.— С. 380—386; Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т.— М., 1974—1983. *П. И. Овчарова*

ЩЕПКИНА-КУПЕРНИК, Татьяна Львовна [12(24)]. I. 1874, Москва — 27.VII. 1952, там же) — прозаик, поэт, драматург, переводчик.

Правнучка знаменитого актера М. С. Щепкина, дочь киевского адвоката Л. А. Куперника, знатока и любителя литературы и театра, Щ.-К. выросла в артистической среде. С ранних лет почувствовала склонность к литературе. Автору исполнилось двенадцать лет, когда в газете «Киевское слово» было опубликовано первое стихотворение, написанное на юбилей М. С. Щепкина. В 1891 г. Щ.-К. окончила киевскую гимназию и переехала к матери в Москву, где поступила на сцену Московского частного драматического театра Ф. А. Корша. С этого времени Щ.-К. оказалась в центре театральной, литературной и художественной жизни Москвы. Она познакомилась со многими выдающимися людьми того времени: М. Н. Ермоловой, Ф. И. Шаляпиным, И. Е. Репиным, А. М. Горьким и многими другими. Щ.-К. вошла в круг московских писателей и журналистов, некоторые из них оказали на начинающего автора большое влияние, например В. А. Гольцев, редактор журнала «Русская мысль», М. А. Саблин, редактор «Русских ведомостей», и особенно А. П. Чехов, с которым ее связала многолетняя дружба. В 1892 г. Щ.-К. написала первое драматическое произведение — одноактную пьесу «Летняя картинка», поставленную в Малом театре и имевшую большой успех. Оставив сцену, Щ.-К. начала заниматься только литературным

трудом. Сотрудничала в «Артисте», «Русских ведомостях», «Русской мысли», «Северном курьере» и других изданиях. Литературная судьба молодого автора складывалась удачно, ее охотно печатали журналы, пьесы с успехом шли в театрах, книги нашли своего читателя. На рубеже веков вышли отдельными изданиями повесть «Счастье» (1897) и сборник рассказов «Страницки жизни» (1898), «Незаметные люди» (1900), «Ничтожные мира сего» (1900), «Трудящиеся и обремененные» (1903). В них писательница продолжила гуманистические и демократические традиции русской литературы. Герои рассказов — люди различного социального положения: богатые и бедные, но обязательно страдающие и одинокие. Это и мальчик-сапожник, вынужденный зарабатывать кусок хлеба, и богатый чиновник, одинокий и непонятый в семье, и несчастная женщина, страдающая от деспотизма мужа. Автор пытался вызвать у читателя сопереживание и сочувствие к их судьбе, пробуждала добрые чувства. Она рассказывала об их участии легко, с сердечной теплотой, с мягким, добрым юмором. Несмотря на то что писательница в основном изображала «трудящихся», «незаметных», «ничтожных», социальная проблематика часто уступала место морализированию. Многие рассказы Щ.-К. отличают дидактизм, некоторая сентиментальность, а также филантропические мотивы. Писательница признавала, что испытывала большое влияние Диккенса, главным образом в начале творческого пути.

Часть рассказов (например, «Яма») и особенно повесть «Счастье» дали повод критике упрекать автора в феминизме, обвинять в «бурном походе против мужского рода» (Русское богатство.— 1900.— № 11.— С. 67). П. Краснов назвал ее «проповедницей и художником русского феминизма» (Неделя.— 1900.— № 11.— С. 211). Во многих произведениях Щ.-К. настойчиво отстаивала независимость женщины, для которой главным в жизни является не любовь, а свобода, самостоятельность, труд, материнство. Писательница не только изображала таких женщин, но и в жизни причисляла себя и себе подобных, т. е. «живущих своим трудом и самостоятельно», к «первым ласточкам раскрепощения женщины» (Литературный путь // Разрозненные страницы.— С. 14).

В 1903 г. вышел сборник рассказов «Около кулис», посвященный хорошо знакомой писательнице жизни актеров; в 1906 г.— сборник «Неотправленные письма», состоящий из «писем неотправленных», написанных в порыве искренних чувств, и «писем отправленных», разумных и официальных. Первое письмо, от имени 10-летней девочки, страдающей в семье мачехи, было переведено на многие языки и дало толчок подражаниям.

Во время революции Щ.-К. напечатала сборник «Это было вчера» (1907), который за «оскорбление властей» был конфискован и уничтожен. После поражения революции, когда в условиях реакции обострился интерес к «философии пола» и на книжный рынок потоком хлынула «саннинская» литература, Щ.-К. издала сборник «Сказания о любви» (1910) — переложение старинных легенд. В рецензии на него критик «Русской мысли» писал, что книга «дорога, как одно из напоминаний о забытой божественной красоте и таинственности природы любви» (Русская мысль.— 1910.— № 5.— С. 128). Книга получила почетный отзыв имени А. С. Пушкина от Академии наук.

В 1912—1913 гг. вышла книга «Разрозненные страницы», в которой писательница развивала темы первых сборников; 2-й том «Писем из далека» (1-й т.— 1903 г.) — результат путешествия по Европе. В это же время она продолжала публиковать книги для детей: «Рассказы для детей» (1903), «Жизнь открывается» (1905), «Из детства Литы» (1914).

Щ.-К. выступала не только как прозаик, но и как поэт. Она выпустила сборник стихов «Из женских писем» (1898), «Мои стихи» (1901), «Облака» (1912), «Отзвуки войны» (1915) и др., в которых главным образом продолжала традиции некрасовской школы, развивая гражданские мотивы. Критика отмечала, что «общий тон ее музы сохраняет характер проповеди и воззваний к лучшим чувствам читателей» (Мир Божий.— 1901.— № 11.— С. 74). В 1904 г. она получила почетный отзыв за стихотворения. Наибольшую популярность завоевала стихотворение «От павших твердынь Порт-Артура», написанное под влиянием событий 9-го января и ставшее народной песней.

Начиная с 1892 г. Щ.-К. писала для театра, в основном одноактные пьесы, которые шли в Малом и Александринском театрах, театре Ф. А. Корша. Они, как правило, имели успех не только благодаря таланту автора, знанию законов сцены, умению создавать благодарные для исполнения роли, но и благодаря игре замечательных актеров: В. Комиссаржевской, В. И. Качалова, и особенно актеров Малого театра. С 1907 г. Щ.-К. написала несколько больших пьес: «Одна из многих», «Барышня с фиалками» (1913). За драму «Счастливая женщина» (1911) о матери студента-революционера она получила Грибоедовскую премию, которая выдавалась лучшей пьесе сезона.

В историю советской литературы и театра Щ.-К. вошла и как переводчик драматических произведений. Еще в 1894 г. она перевела пьесу Э. Ростана «Романтики», затем его же «Принцессу Грезу» для бенефиса Л. Б. Яворской, «Орленка», «Сирано де Бержерака», которая до настоящего времени не сходит со сцены. В 1903 г. Щ.-К. издала «Переводы Метерлинка», в 1910—

1914 гг.— «Драматические переводы» (в 3 т.). Ее внимание привлекли Софокл, Мольер, Шекспир. Критика неоднократно писала о высоком качестве переводов, А. П. Чехов в письме к сестре говорил об «изяществе» языка, с похвалой отзывался о них М. Горький.

В советское время Щ.-К. занималась главным образом переводами Шекспира, Лопе де Вега, Кальдерона, Бомарше, Гюго и других, стихотворений Петrarки, Бернса, Байрона и других, а также оставила несколько книг-мемуаров.

Соч.: Дни моей жизни: Театр, литература, общественная жизнь.— М., 1928; Избранное.— М., 1954; Из воспоминаний / Вступ. ст. И. Эвентов.— М., 1959; Разрозненные страницы.— М., 1966.

Лит.: Андреевич (Соловьев Е. А.) Очерки текущей литературы // Жизнь.— 1900.— № 1.— С. 238—240; Краснов П. Миниатюры женских типов // Неделя.— 1900.— № 11.— С. 211—214; Чехов А. П. Письма Т. Л. Щ.-К. // Чехов А. П. Полн. собр. соч.— М., 1949.— Т. 16—18, (см. именную указатель); Мокульский С. С. Мастер драматического перевода // Щ.-К. Избранные переводы.— М., 1957.— Т. 1.— С. 5—14. И. И. Казакова

ЩЕРБИНА, Николай Федорович [2(14).XII.1821, близ Таганрога — 10(22).IV.1869, Петербург] — поэт. Родился в семье обедневшего донского помещика. Детство провел в имении родителей близ Таганрога. Огромное влияние на формирование духовного мира Щ. оказала мать, связанная родством с пелопонесскими греками. Она привила сыну глубокую любовь к древнегреческой культуре и языку. В десятилетнем возрасте он уже читал «Илиаду» Гомера в подлиннике. В 1829 г., совершенно разорившись, семья Щ. переехала в Таганрог, где он начал учиться сначала в приходском и уездном училищах, а затем в гимназии. Поэтическая одаренность Щ. проявилась рано. В гимназические годы он пробует силы в высокой поэзии (пишет поэму «Сафо», которая не сохранилась, драмы «Осада Инсары», «Ксанфо» и др.), а также приобретает известность среди сверстников своими остроумиями, шутками. Обе эти тенденции, отразившие особенности его поэтической индивидуальности, получили развитие и в зрелом творчестве. В 1838 г. произошло событие, чрезвычайно знаменательное для начинающего поэта: его сонет «К морю» был напечатан в журнале «Сын отечества». Ранний успех определил дальнейшую судьбу Щ. В 1839 г., не закончив полного курса гимназии, он уехал из Таганрога, чтобы поступить в Московский университет. Но надежды его не оправдались. Оставшись в чужом городе без средств и поддержки, Щ. попал в тяжелое положение, ему пришлось столкнуться с нуждой, перебиваться случайными заработками. Но в то же время в Москве ему удалось завязать знакомства с писателями А. Ф. Вельтманом, М. Н. Загоскиным, этнографом В. В. Пассеком — товарищем А. И. Герцена, которые приняли участие в судьбе молодого человека. Впоследствии Щ. тепло вспоминал это нелегкое для него время.

Осенью 1839 г. Щ. по совету своих новых московских друзей переехал в Харьков, где прожил до 1849 г. Материальное положение его оставалось крайне тяжелым. В автобиографии он писал, что поступил в Харьковский университет на юридический факультет, но оставил учебу из-за недостатка средств. Документы же этого факта не подтверждают. Известно, что Щ. сдал экзамены на звание домашнего учителя и в течение нескольких лет скитался по Украине, зарабатывая на жизнь уроками детям помещиков, работая преподавателем в женских пансионах. Однако он не теряет веры в свои силы и упорно идет избранной дорогой: сближается с кругом образованной молодежи, увлекающейся искусством и литературой, особенно греческой, глубоко изучает античность, много читает. Большое влияние оказали на него статьи В. Г. Белинского, где Щ. нашел импонирующую ему концепцию античности. Печатается он в эти годы не часто. Так, в «Отечественных записках» появилось его стихотворение «Клефты» (1841), посвященное греческим борцам за свободу, в журнале «Маяк» — статья о новогреческих песнях с переводом некоторых из них (1844), в альманахе «Молодик» — довольно много его стихотворений, подписанных в большинстве своем псевдонимами (1843—1844), в журнале «Москвитянин» — стихотворения «Эллада», «Ночь в Венеции» (1845). Харьковское десятилетие стало для Щ. периодом интенсивного духовного роста и формирования характера, на который отложились отпечаток беспросветная нужда и лишения, унижения и оскорбления, связанные с бедностью, а также отвергнутая любовь. Скрытность и недоверчивость, мнительность и желчность сочтались в нем с крайней ранимостью, чуткостью к человеческому горю, мечтательностью и обостренной жаждой счастья и красоты. В эти годы он обращается к гражданской поэзии, делает первые шаги в области сатиры, создает значительные произведения в антологическом жанре, заняв совершенно особое место среди поэтов, развивавших эту традицию. Интерес к античности в русской поэзии имел глубокие корни. В творчестве М. В. Ломоносова, Н. И. Гнедича, К. Н. Батюшкова, А. А. Дельвига, А. С. Пушкина есть прекрасные образцы антологических стихотворений. В 40 гг. жанр получил развитие в творчестве Я. П. Полонского, А. А. Фета, А. Н. Майкова, Щ. и др., их увлечение античностью, символизирующей непреходящую красоту, стало осознаваться демократической критикой как движение в сторону идеологии «чистого искусства». Во II половине 40 гг., когда сложилась школа «чистых» эстетиков, борющихся против «гоголевского направления» (А. В. Дружинин, С. С. Дудышкин и др.), антологические произведения Щ. и Майкова были подняты ими на шит как воплощение эстетических концепций этой школы. Отдельные стихотворения Щ. позднее стали объектом пародий

Козьмы Пруткова, которые были направлены не столько против поэта, сколько против «искусства для искусства» в целом.

Но именно антологические стихотворения принесли Щ. настоящий и громкий успех. Это произошло после его переезда в 1849 г. в Одессу, где он сблизился с Я. П. Полонским, Г. П. Данилевским, одесским писателем О. А. Рабиновичем, стал бывать в доме Л. С. Пушкина, познакомился с П. А. Вяземским. Здесь ему удалось издать свою первую книгу стихов под названием «Греческие стихотворения» (1850). Успех сборника превзошел все ожидания. В «Отечественных записках», «Москвитянине», «Сыне отечества», «Библиотеке для чтения» были напечатаны одобрительные рецензии. Дружинин писал в «Современнике»: «Мы смело причисляем Шербину к числу замечательных русских поэтов и даем ему одно из первых мест между теми из них, которые еще пишут в наше время» (1850.— № 6). В 1850—1851 гг. Щ. становится одним из самых популярных поэтов. Его наперебой приглашают сотрудничать журналы самых различных направлений, для него наконец открылись двери лучших литературных салонов. Секрет успеха «Греческих стихотворений» определялся принципиально новым подходом поэта к античной теме. В послесловии к книге сам автор попытался раскрыть сущность своего новаторства. В стихотворениях, по словам поэта, отразились «мысли и чувства, которые может внушить греческий мир человеку нашего времени» (С. 98). Античный мир в стихотворениях Щ. впервые стал не предметом изображения, а фоном для раскрытия чувств и мыслей лирического героя. Не уход от жизни, а, напротив, сближение с ней, обращение к духовному миру своего современника — вот что определило огромный интерес к книге. Но несмотря на это за Щ. на долгие годы прочно утвердилась слава поэта «чистого искусства».

В 1850 г. окрыленный успехом Щ. переехал в Москву, где получил место помощника редактора газеты «Московские губернские ведомости». Государственная служба и частные уроки избавили его от постоянной нужды, дали возможность погрузиться в творчество. Щ. много работает, печатается. В 1851 г. вышла еще одна книга его стихов — «Новые греческие стихотворения». Живя в Москве и активно сотрудничая в «Современнике», «Москвитянине», а также в «Отечественных записках», он не сблизился ни с одним из них. Щ. высказывал острую неприязнь к западникам, резко критиковал славянофилов, называя их «кликушами», которые «бредят «татарской стариной». Особенно несправедливыми были его выпады против А. Н. Островского. Проявляя подчеркнутое равнодушие к общественным группировкам и литературной жизни Москвы, Щ. занял позицию одинокого правдоискателя. Выступая как гуманист, поборник гармонии и кра-

соты, он утверждал непреходящую ценность личности, мира души в противовес «мелочности» окружающей жизни. Эта концепция сложилась у Щ. под влиянием тяжелых обстоятельств, когда ему приходилось искать убежища от невзгод только в самом себе. Абстрактность и умозрительность идеалов в сочетании с распыленностью социальных и политических ориентиров проявились в крайне неустойчивой общественной позиции Щ. в дальнейшем. И в то же время проблемы современной жизни глубоко его волновали. Щ. возмущала несправедливость, глумление над правдой и узаконенная ложь николаевского режима. Эти настроения нашли отражение в его гражданской поэзии и сатире.

В 1855 г., сразу после смерти Николая I, вызвавшей в обществе надежды на улучшение общественно-политической обстановки, Щ. переехал в Петербург. Здесь он некоторое время занимал место чиновника особых поручений в министерстве народного просвещения при товарище министра П. А. Вяземском, состоял рецензентом Академии наук для разбора сочинений на соискание Уваровской премии, потом служил в министерстве внутренних дел, где составлял обзоры русской периодики.

В 1857 г. опубликовал двухтомник стихотворений, который подвел итоги его творческой работы за 15 лет. В него были включены не только антологические, но и «гражданские» стихотворения, объединенные в особый цикл под названием «Ямбы и элегии». Хотя в него вошли стихотворения разных лет, цикл воспринимается как единый ансамбль, проникнутый общим настроением, общей идеей. Поэта прежде всего волнует вопрос о Человеке: о смысле его существования, месте в обществе, праве на счастье, на творчество. Своеобразие цикла определялось гаммой настроений: мотивы душевной усталости, апатии, скорбь и шемящее отчаяние звучат в стихах Щ. Такие стихотворения, как «Ямб», «Песня века», «Признание пророка», знала наизусть вся читающая Россия. «Я гляжу, — и мне подумать стыдно, / Что живем мы в варварское время, / Что поруган человек обидно, / Что гниет напрасно духа семья...» («Битва», 1856) — вот один из характерных фрагментов, отражающий эмоциональный настрой всего цикла.

Публикация привлекла внимание общественности. На нее откликнулся Н. Г. Чернышевский статьей «Стихотворения Николая Щербины» (Современник. — 1857. — № 3). Он писал: «Развитие человека в поэте составляет великое преимущество г. Щербины перед многими: он не может не быть гуманен, не может не сочувствовать живым вопросам современности». В то же время, отмечая несомненный поэтический талант Щ. Чернышевский критикует его за рассудочность и отвлеченность идей, за абстрактность образов.

В 1861 г. Щ. отправился в путешествие по

странам Западной Европы, о котором мечтал с юности. Приехав в Париж, он пытался встретиться с Герценом, вступил с ним в переписку, встречался с др. политическими эмигрантами. Но, вопреки ожиданиям, полгода, проведенные за рубежом, вызвали у него глубокое разочарование. Последний лирический цикл Щ., написанный под впечатлением от увиденного («Русские песни на чужбине», 1861), проникнут мучительными ностальгическими настроениями поэта, отразившими его неприятие европейской жизни и крушение надежд на духовное обновление.

Вернувшись на родину, Щ. отказывается от своих прежних политических взглядов и симпатий. Если раньше он яростно критиковал славянофилов, то теперь становится столь же яростным их сторонником. Он порвал с «Современником», стал выступать с резкими нападениями на Чернышевского и весь передовой лагерь. Переориентация Щ. в эти годы была связана с растерянностью и страхом перед стремительно нараставшими общественными катаклизмами, а неустойчивость политических ориентиров привела его в конечном итоге в лагерь противников освободительного движения. Резкую оценку этой новой позиции Щ. дал Н. К. Михайловский. В статье «Из литературных и журнальных заметок 1874 года» он писал: «Он (Щ. — Т. С.) вдруг круто оборвался и полетел вниз (<...> В нем не осталось ничего, кроме злобного, узкого, бессмысленно на все стороны огрызающегося я...» (М и х а й л о в с к и й Н. К. Литературно-критические статьи. — С. 55).

В последний период жизни Щ. чрезвычайно ярко раскрылась еще одна сторона его дарования — талант юмориста и эпиграмматиста. Сатирические стихи Щ., претендовавшего на роль «бича общественного», отличались остротой и меткостью. Многие из них проникнуты критическим отношением к правительству, царским сановникам, напр. эпиграмма на Николая I: «Он меж холопьями считался мудрецом / За то, что мысль давить была его отрада; / Он был фельдфебелем под царственным венцом / И балетмейстером военного парада». В то же время его сатирическое творчество не было последовательным: он нападал то на правительство, обвиняя его в «либерализме», то на лагерь демократов. Многие эпиграммы, как признавал он сам, были написаны под впечатлением момента и носили слишком субъективный характер.

Сатирические произведения Щ. составили два больших цикла: «Альбом ипохондрика. Собрание эпиграмм, ксений и ямбов и всякого сатирического школьничества», куда вошли произведения 1841—1860 гг., и «Сатирическая летопись. Ямбы, ксении, эпиграммы», состоящие из произведений 1861—1869 гг. Кроме того, его сатирические произведения в прозе также составили два цикла: «Сонник современной русской литературы, расположенный в алфавитном порядке и служащий

необходимым дополнением к известному «Сонику Мартына Задеки» (1857) и «Доморощенные наброски русского ленивца и ипохондрика» (1857—1867). Все эти произведения появились в печати только после смерти Щ.

В 50—60 гг. Щ. неоднократно выступал как литературный критик. В 1865 г. он подготовил к печати много раз перенздававшийся сборник «для народного чтения» под названием «Пчела», который заслужил одобрение правительственных кругов своей «благонамеренностью». В нем были собраны отрывки из произведений славянских писателей, в которых утверждалась мысль о прогрессивной роли культурной и политической гегемонии самодержавной России в славянском мире.

Умер Щ. неожиданно от удущья, вызванного полипом в горле. Похоронен в Александро-Невской лавре в Петербурге.

Соч.: Греческие стихотворения.—Одесса, 1850; Новые греческие стихотворения Н. Ф. Щербины (1850—1851).—М., 1851; Стихотворения: В 2 т.—Спб., 1857; Полн. собр. соч.—Спб., 1873; Из неизданных стихотворений Н. Ф. Щербины.—Спб., 1907; Альбом ипохондрика / Ред. и примеч. Р. В. Иванова-Разумника.—Л., 1929; Стихотворения / Вступ. ст., ред. и примеч. И. Айзенштока.—М.: Л., 1937; Поэты 1840—1850-х годов / Вступ. ст. и общ. ред. Б. Я. Бухштаба; Библиограф. справоч. примеч. В. С. Киселева.—М.: Л., 1962; Избр. произв. / Вступ. ст. И. Д. Гликина; Сост., подгот. текста и примеч. Г. Я. Гагагана.—Л., 1970.

Лит.: Чернышевский Н. Г. Стихотворения Н. Щербины // Полн. собр. соч.—М., 1948.—Т. IV; Бельский Л. Поэзия и жизнь Щербины // Почин. Сб. Общества любителей русской словесности на 1896 г.—М., 1896; Юнге Э. Ф. Воспоминания (1843—1863).—М., 1914; Бухштаб Б. Я. Эстетизм в поэзии 40—50-х годов и пародии Козьмы Пруткова // Труды Отдела новой русской литературы.—1948.—Т. 1; Литературное наследство.—М., 1955.—Т. 62; Магина Р. Г. Стихотворный цикл «Ямбы и элегии» Н. Ф. Щербины // Уч. зап. МГПИ.—М., 1968.—Т. 256.—Ч. 2; Михайловский Н. К. Из литературных и журнальных заметок 1875 года // Михайловский Н. К. Литературно-критические статьи.—М., 1975.

Т. В. Савченко

Э

ЭЛЛИС, настоящее имя — *Кобылинский, Лев Львович* [1879, Москва — 17.XI.1947, Локарно, Швейцария] — поэт-символист, теоретик символизма, критик, переводчик. В 1902 г. окончил юридический факультет Московского университета, намеревался писать диссертацию по экономике, но вскоре, по выражению близко знавшего Э. в ту пору мемуариста, «диссертация полетела к черту; и молодой ученый перемягнулся в поэзию» (Белый И. А. Начало века.—С. 31).

С 1903 г. Э. стал играть одну из ведущих ролей в кружке «Аргонавты» (название придумано Э.), где наряду с литераторами-символистами (А. Белый, С. Соловьев) участвовали и далекие от литературы «аргонавты», объединенные

желанием обрести «золотое руно» некоей новой «преображенной» действительности. Члены кружка представляли себе это преображение по-разному, но все они понимали «аргонавтизм» прежде всего как «революционное» современное мировоззрение, совместное овладение которым является необходимым этапом на пути в будущее. Э., который был «душою кружка — толкачом-агитатором, пропагандистом» (Белый И. А. Воспоминания о Блоке // Эпопея.— № 1.— С. 178), актуализировал сюжет древнегреческого мифа о походе эллинских героев за золотым руном, т. е. попросту перенес его в российскую действительность нач. XX в. и проецировал на среду своих единомышленников. В дальнейшем Э. активно способствовал развитию этого мифа, обогащая его различными заимствованиями, в первую очередь из творчества А. Белого и А. Блока, считавшихся «своими» в среде «аргонавтов». На практике все это приводило к уравниванию в правах «дара жить» и «дара писать», смешивало жизненную реальность (вплоть до быта) и литературное мифотворчество, превращало кружковую атмосферу в своеобразную игру, к которой «аргонавты» тем не менее относились совершенно серьезно. Именно в этой атмосфере Э., еще в студенческие годы ставший восторженным почитателем Ш. Бодлера и Ф. Ницше, первоначально сформировался как литератор-символист.

В 1904 г., поссорившись с семьей и поселившись в «Дону» (меблированные комнаты в районе Арбата), Э. становится одним из ближайших и активнейших сотрудников журнала московских символистов «Весы» (1904—1909).

В качестве литературного критика он ведет постоянную и ожесточенную полемику на два фронта. Во-первых, его нападкам подвергается вся современная ему литература критического реализма и особенно творчество писателей группы «Знание» (М. Горький, А. Куприн, В. Вересаев, Е. Чириков, И. Шмелев и др.). Критический реализм Э. не приемлет как метод, поскольку видит в нем лишь «лениво-скупное, квази-художественное построение — только простое средство, притом отделимое без труда от задней мысли» (Еще о соколах и ужах // Весы.— 1908.— № 7.— С. 56). Такая позиция обуславливается в первую очередь тем, что Э.—фанатичный сторонник концепции «чистого искусства». Истинный художник, по мнению Э., может лишь запятнать себя и свое творчество обращением к общественным проблемам. «Разве существование,— пишет он,— то, что буржуазия делает из искусства забаву в миллионы, а демократия — в двугривенный; что буржуазия требует гимнов своей радости, а демократия — своим горестям; что буржуа дает угодливному художнику 1 чек в миллион, а демократия «потрафляющему» ей скомороху — миллионы медяков; что буржуазия доводит Бодлера до сумасшествия и нищеты, Э. По — до алкоголизма и смерти под забором,

Нерваля — до повешения на фонаре, Уайльда — до каторги, а демократия открыто заявляет о ненужности и бесценности Пушкина, даже более того, вообще, о неважности и бесцельности «чистого искусства», аплодируя квази-обличительным пошlostям О. Мирбо, без отвращения смакуя бурсацкие, сиволопные вирши Скитальца...» (Там же. — С. 57—58). Во-вторых, занимая позицию крайнего индивидуализма, Э. ведет борьбу с теми представителями символистского лагеря, которые более или менее последовательно и декларативно стремились преодолеть индивидуалистические тенденции раннего символизма. В этом отношении для Э. совершенно неприемлемо, напр., то направление в символизме, видным представителем и теоретиком которого являлся Вяч. Иванов, ратовавший за перерастание символа, созданного отдельным художником, в миф (в пределе — общенародный), призывавший к созданию новой, соборной (в пределе — общенародной) религии средствами искусства. Э. понимает суть символизма совсем по-другому: цель художника-символиста — выявить свою, индивидуальную систему соответствий между предметами и явлениями видимого и невидимого мира. Э. остался верен этому пониманию символизма на протяжении всей своей творческой деятельности.

Поэтическое наследие Э. составляют два сборника стихов. Первый из них «Арго» (вышел в 1914 г.) «благоевовой» посвящен памяти Вл. Соловьева, которого Э. причислял к своим учителям. Его составили стихи, писавшиеся с 1905 по 1913 г., в основном прославляющие «рай» утраченного детства, возвращение к которому, по мнению поэта, возможно лишь на религиозном пути «нищеты духовной, чистоты и смирения» (Арго. Предисловие. — С. XI). Другой сборник стихов Э., куда вошла лирика 900 гг., посвящен большей частью средневековой тематике. Религиозная направленность поэзии Э. приобретает во втором его сборнике более конкретные очертания, нежели в первом. Почти в любом стихотворении на первый план выступает та «интимная» связь со священной символикой католицизма...» (Stigmata. — С. 3), которая открыто декларируется в предисловии. Оценивая в целом поэзию Э., приходится констатировать, что она до крайности подражательна. В ней явственно слышатся отголоски поэзии Вл. Соловьева, К. Бальмонта, А. Белого и др., но главный образец для Э. — В. Брюсов. К числу достоинств поэзии Э. следует отнести довольно высокий версификационный уровень, свободное владение такими формами, как сонет, терцины.

Как теоретик символизма, Э. всегда последовательно отстаивал свой главный тезис: сущность символизма религиозна. Причем, согласно Э., эстетический индивидуализм, свойственный «старшим» символистам или декадентам, есть не что иное, как религиозность «наизнанку» (клас-

сический пример этого типа художника — Ш. Бодлер). И этот индивидуализм рано или поздно у учителя либо у ученика превратится в открытую форму религии. Скорее и естественнее всего, по мнению Э., в католицизм. Так, не случайно в своем главном теоретическом труде «Русские символисты» (1910) он выстраивает своеобразную триаду: сначала идет очерк о К. Бальмонте (безбожный эстет-конкистадор, для которого «Новый Свет есть Рай»), затем — о В. Брюсове (чужд христианству, но «интимно близок» древним культам), а потом — об А. Белом (истинный символист, «символ всех символов», истинный христианин). Философский трактат «Vigilemus!» (1914) развивает идеи, намеченные в «Русских символистах», причем здесь Э. стремится обогатить уже впрямую проповедуемый католицизм «научным окултизмом и антропософией в лице Фабра д'Олива, Дюпреля, Мида или Рудольфа Штейнера» (Vigilemus! Предисловие. — С. VI). Несмотря на свойственный ему в высшей степени схематизм и субъективизм в трактовке творчества отдельных писателей, Э. как теоретик символизма, несомненно, видная фигура символистского лагеря.

В 10 гг. он сотрудничал в позднесимволистском журнале «Труды и дни» (1912—1913) и был одним из основателей издательства «Мусaget» (1910—1914). С 1913 г. Э. поселился в Швейцарии, где написал ряд книг и статей о русских писателях XIX в. на немецком языке, интерпретируя их творчество в русле своих религиозно-философских идей.

Э. много переводил (П. Верлена, М. Метерлинка, Л. Стекетти, Д. Леопарди, Данте и др.), активно пропагандировал в статье и рецензиях творчество Ф. Ницше, Ж. Роденбаха, С. Пшибышевского и др. западноевропейских писателей конца XIX — нач. XX в. До настоящего времени сохранили свою художественную ценность многие из его переводов Ш. Бодлера.

Соч.: Арго. Две книги стихов и поэма. — М., 1914; Русские символисты. — М., 1910.
Лит.: Белый А. Начало века. Воспоминания. — М.: Л., 1933; Он же. Между двух революций. — Л., 1934; Грецишкин С., Лавров А. Эллис — поэт-символист, теоретик и критик // Герценовские чтения. Литературоведение. — Л., 1972. — Т. 25; Лавров А. Мифотворчество аргонавтов // Миф. Фольклор. Литература. — Л., 1978. В. Шарьяев

ЭРТЕЛЬ, Александр Иванович [7(19).VII. 1855, дер. Ксизово Задонского у. Воронежской губ. — 17(29).II.1908, Москва] — прозаик. В его незавершенной автобиографии сказано: «Дед мой, Людвиг Эртель, из зажиточной, но впоследствии разорившейся берлинской бюргерской семьи, попал в 1811 г. 16-летним мальчуганом в армию Наполеона и в сражении под Смоленском попал в плен» (Письма. — М., 1909. — С. 3). Некий русский офицер привез пленника в свою воронеж-

скую деревню, решив записать его в крепостные. Родные отговорили офицера от этого намерения, он вернулся в армию, а Людвиг остался в деревне, став впоследствии управляющим сначала на водяных мельницах, а затем в помещичьих имениях. Позднее Людвиг перешел в православную веру. Отец Э. 20 лет управлял имением в Ксизове Задонского у., принадлежавшем помещику Савельеву. Мать Э. была «незаконной» дочерью помещика и крепостной. Переехав в другой уезд Воронежской губ., отец решил приучить сына к занятиям хозяйством и подготовить его к должности управляющего. Школы поблизости не было, и мать сама научила маленького Сашу читать и писать. Вспоминая о своем детстве, Э. пишет: «Я был свой человек в застольной, в конюшнях, в деревне «на улице», на посиделках, на свадьбах, везде, где собирался молодой деревенский народ. Я был в их глазах «Шаша» и «Сашка», отнюдь не сын управителя и не Александр Ив-ч» (Там же.— С. 12).

Э. был рад, когда строгий отец отпустил его в конторщики в другое имение, находившееся близ Усмани. Он стал частым посетителем городской библиотеки, которой управляла дочь богатого купца М. И. Федотова. «Это была,— писал Э.,— первая моя встреча и первое знакомство с женщиной образованного круга» (Там же.— С. 13). Став в доме Федотова своим человеком, Э. женился на его дочери.

Неудачи преследовали молодого Э. Потеряв место конторщика, он попытался стать арендатором земли и «вконец» разорился. «Приходилось жить бедно и в долг,— пишет он,— продавать и закладывать вещи, принимать помощь от моего отца» (Там же.— С. 15).

В доме тестя молодой Э. в 1876 г. познакомился с известным писателем-народником П. В. Засодимским, приезжавшим в Усмань по семейным делам. «С первого нашего свидания, можно сказать с первых же слов — он внушил мне доверие к себе, и я близко познакомился с ним», — рассказывал петербургский гость (Засодимский П. В. Из воспоминаний.— М., 1908.— С. 348). Общение с П. В. Засодимским побудило Э. испытать свои силы на писательском поприще — написать свой «первый рассказик» «Переселенцы» и вслед за ним очерк «Письмо из Усманского уезда». При содействии Засодимского они были напечатаны в столичных журналах. С 1879 г. Э. начинает работать над книгой «Записки Степняка», печатая составляющие ее рассказы и очерки в журналах «Вестник Европы», «Дело», «Русское богатство».

В 1879 г. молодой автор переезжает из Усмани в Петербург и по предложению Засодимского становится заведующим библиотекой, служившей местом встреч писателей и общественных деятелей. Э. близко сходитсся с Г. И. Успенским, В. М. Гаршиным, Н. Н. Златовратским, С. Н. Кривенко, Н. Ф. Бажиним, Н. И. Наумовым, знакомится

с И. С. Тургеневым и др. известными литераторами. Весной 1880 г. тяжелая болезнь (чахотка) заставила его уехать из столицы в родные места, в Усмань и затем к матери на хутор, стоявший на речке Грязнуша. Три года он провел в провинции, восстанавливая здоровье и неспешно продолжая работу над новыми рассказами и очерками для «Записок Степняка». В 1883 г. произведение было издано в двух томах. Эта книга принесла Э. имя в литературе.

В. Г. Короленко писал о ней: «Рассказы сразу обратили внимание своей живостью, прекрасными описаниями природы и юмором. В них был колорит. Веяло действительностью. Мне передавали, что Глеб Успенский очень хвалил эти очерки...» (Эртель А. И. Рассказы. Очерки. Повесть. Письма.— Воронеж, 1984.— С. 13).

В «Записках Степняка», следуя композиционным и стилевым традициям тургеневских «Записок охотника», Э. запечатлел судьбу русской пореформенной деревни, отданной во власть буржуазных дельцов, купцов, кулаков, кабатчиков: разрушение давних устоев общинной мирской жизни, быстрое расслоение крестьянской среды. В книге Э. остро поставлен вопрос о судьбе прогрессивной дворянской и разночинной интеллигенции, о ее взаимоотношениях с народом.

Весной 1884 г. Э. был арестован по обвинению в связях с участниками революционного движения и заключен в Петропавловскую крепость, откуда через четыре месяца был выпущен из-за резкого ухудшения здоровья и выслан в Тверь. В пору четырехлетней административной ссылки Э. пережил недолгое увлечение этическим учением Л. Н. Толстого, вступив с ним в переписку. Под влиянием толстовских народных рассказов Э. была создана повесть «Жадный мужик», выпущенная в свет издательством «Посредник» в 1884 г. В Твери вокруг Э. сплотился кружок передовой интеллигенции (куда входили Т. А. Мачтет, П. А. Бакунин). По окончании ссылки (1880) он поселился опять на родине: на хуторе (на речке Грязнуша), перешедшем к нему по наследству. Весной 1890 г. Э. едет с семьей в Крым, чтобы приостановить легочный процесс. По возвращении он арендовал имение Емпелево в Воронежской губ., где прожил шесть лет. В 1891 г. он принял, вслед за Л. Толстым, Чеховым, Короленко, живое участие в сборе средств для помощи голодающим. Выстроил в с. Макарьеве школу, в которой обучалось 120 детей.

Крупнейшим и самым значительным произведением Эртеля явился роман «Гарденины, их дворян, приверженцы и враги», печатавшийся сначала в журнале «Русская мысль», а в 1890 г. вышедший отдельным изданием. «Мне хотелось,— писал автор о замысле «Гардениных»,— изобразить в романе тот период общественного сознания, когда перерождаются понятия, видоизменяются верования, когда новые формы общест-

венности могущественно двигают рост критического отношения к жизни, когда пускает ростки новое мировоззрение, почти противоположное первоначальному. И рядом с этим мне хотелось изобразить свободное и независимое от внешних форм обществённости течение мысли, providенциальное тяготение человека к свету...» (Письмо к В. А. Гольцеву от 15 окт. 1889 г. // Письма.— С. 172—173).

В «Гардениных» автор стремился запечатлеть разные слои русского общества и происходившие в них перемены, вызванные переходным характером эпохи. Он писал в дневнике за 1881 г.: «...Роман непременно должен быть политический. Он должен иметь значение. И для этого в нем должны изображаться судьбы нашей интеллигенции» (Русская мысль.— 1911.— № 9.— С. 51—52). Один из центральных персонажей романа — Николай Рахманный — «это <...> «не герой», вернее — «герой безгеройного времени», в котором отразились черты интеллигенции, не связанной с революционным народничеством, «культурнической» и одновременно демократической по убеждениям» (История русского романа: В 2 т.— М.; Л., 1964.— Т. 2.— С. 494). Николай Рахманный не нашел в себе силы для твердого отпора отцу — властному крепостнику — и ограничился земской деятельностью, проводя ее на «законных основаниях».

К «Гардениным» близко примыкает — и тематически и проблемно — другой большой эртелевский роман «Смена», напечатанный в 1891 г. в журнале «Русская мысль». Объясняя его замысел, автор писал: «...Под «сменой» разумеется та культурно-общественная метаморфоза, силой которой сходят со сцены интеллигентные люди барских привычек, барского воспитания, с их нравами, традициями, чувствами и отчасти идеями, уступая свое место иным, далеко не столь утонченным, но гораздо более приспособленным к борьбе — в хорошем значении слова — людям» (Памяти Виктора Александровича Гольцева.— М., 1910.— С. 230). В главном герое романа Андрее Мансурове писатель видел «жалкую апофеозу вымирающего культурного слоя» (Там же.— С. 231). Таких, как он, теснят предприниматели Прытковы и Колодкины, финансист Лейзенсон, сын купца Алферов — энергичные, наглые, не проявляющие ни малейшей жалости к разоряемым ими людям. В «Смене» Э. по-своему предвосхитил одну из главных идей пьесы А. П. Чехова «Вишневый сад».

Критикой и читателями хорошо были встречены повести Э. «Волхонская барышня» (1883), «Две пары» (1887). Во второй половине 90 гг. Э. написал повесть «Карьера Струкова». Она была опубликована в журнале «Северный вестник» (1895—1896). Рисуя карьеру главного героя, писатель показывает, что каждая ее ступень становилась ступенью его нравственного прозрения. «Карьера Струкова» — последнее художествен-

ное произведение Э. Трудные обстоятельства его жизни заставили писателя отказаться от литературной деятельности (с 1896 г. он служил управляющим). Об этом искренне сожалели Лев Толстой, написавший предисловие к роману «Гарденины», А. П. Чехов, А. М. Горький, И. А. Бунин и др. современники Э.

В 1929 году И. А. Бунин писал об Эртеле: «Он теперь почти забыт, а для большинства и совсем неизвестен. Удивительна была его жизнь; удивительно и это забвение. Кто забыл его друзей и современников — Гаршина, Успенского, Короленко, Чехова? А ведь, в общем, он был не меньше их, за исключением, конечно, Чехова, а в некоторых отношениях даже больше.

Двадцать лет тому назад, в Москве, в чудесный морозный день, я сидел в его кабинете, в залитой солнцем квартире на Воздвиженке, и, как всегда при встречах с ним, думал:

«Какая умница, какой талант в каждом слове, в каждой усмешке! Какая смесь мужественности и мягкости, твердости и деликатности, породистого англичанина и воронежского прасола в нем и вокруг него <...> Как поверить, что этот самый человек в юности двух слов не умел связать в самом невзыскательном уездном обществе, плохо знал, как обращаться с салфеткой, писал с нелепейшими орфографическими ошибками?» Бунина поражала в Эртеле «кипячая внутренняя и внешняя деятельность», направлявшаяся «свободой и ясностью ума и широтой сердца» (Б а б о р е к о А. Бунин и Эртель.— «Русская литература».— 1961.— № 4.— С. 151).

Как и Бунин, «даровитым писателем» называл Эртеля Лев Толстой. В предисловии к роману «Гарденины» Толстой подчеркнул, что его автор прекрасно знает народную жизнь и виртуозно владеет подлинно народным языком. «...Для того, кто любит народ, — писал Толстой, — чтение Эртеля большое удовольствие» (Полн. собр. соч.: В 90 т.— М., 1956.— Т. 37.— С. 244).

Соч.: Собр. соч.: В 7 т.— М., 1909; Письма / Под ред. и с предисл. М. О. Гершензона.— М., 1909; Собр. соч.: В 2 т.— М., 1918; Гарденины, их дворня, приверженцы и враги: В 2 т. / Вступ. ст. Н. Л. Бродского.— М., 1933; Записки Стеньки. Очерки и рассказы / Подгот. текста, вступ. ст. и коммент. А. Лежнева.— М., 1958; Волхонская барышня. Смена. Карьера Струкова / Послед. Г. А. Терентьева.— М.; Л., 1959; Волхонская барышня. Повести/Сост., вступ. ст. и примеч. К. Н. Ломунова.— М., 1984; Рассказы. Очерки. Повесть. Письма/Вступ. ст. В. И. Кузнецова.— Воронеж, 1984; Гарденины... / Вступ. ст. В. Кузнецова.— М., 1985; Гарденины... / Послед. К. Н. Ломунова.— М., 1987. Лит.: Засодимский П. В. Из воспоминаний.— М., 1908; Костин Г. А. И. Эртель. Жизнь и творчество.— Воронеж, 1955; Толстой Л. Н. Переписка с русскими писателями.— М., 1978.— Т. 2 (см. указатель); Козлова М. И. А. И. Эртель в «Посреднике» // Яснополянский сборник, 1984. К. Н. Ломунов

ЮШКЕВИЧ, Семен Соломонович [25.XI(7.XII). 1868, Одесса — 12.II.1927, Париж] — прозаик, драматург. Один из представителей реалистического направления в литературе начала XX в. В возрасте 13 лет с документом об окончании четвертого класса гимназии был определен отцом в ученики к местному аптекарию. В 1893 г. уехал в Париж для получения медицинского образования. По воспоминаниям самого Ю., за время пребывания в Париже, где он находился до 1902 г., у него в значительной мере под влиянием зарождавшегося марксизма «сложилось вполне определенное отношение к жизни».

Еще в 1891 г. Ю. послал один из своих очерков народническому критику А. М. Скабичевскому и получил от него благожелательный отзыв. Как беллетрист, он дебютировал позднее, когда в августовской книжке журнала «Русское богатство» за 1897 г. был напечатан его рассказ «Портной». Выход в 1902 г. повестей «Распад» и «Ита Гайне», посвященных жизни еврейской бедноты, принес Ю. широкую известность и репутацию поборника прав угнетенных народных масс. Сблизившись в начале 900 гг. со «Средой», Ю. по предложению М. Горького стал активно сотрудничать в издательстве «Знание». На протяжении 1903—1908 гг. «Знание» выпустило сочинения Ю. в пяти томах.

Правдивый и честный бытописатель еврейских низов в т. н. черте оседлости, Ю. показывал нарастающий процесс классового расслоения среди еврейского населения, резко обличал еврейскую буржуазию, сочувствовал бесправному положению бедняков. Героями его многочисленных повестей и рассказов выступали обычно ремесленники, мелкие торговцы, рабочие — люди немощие, приниженные жизнью, изнемогающие под бременем непосильного труда, забот, нищеты, никогда не уверенные в завтрашнем дне. Раскрывались и различные формы реакции людей на действие подавляющих их сил: одни становились одиальными, безропотными рабами (персонажи рассказа «Невинные», 1901), другие (напр., старик сторож Сем из драмы «Голод», 1905) проповедовали непротавление злу, культ страдания, третьи же искали более активных способов противостояния жизненным невзгодам, пытались любой ценой «выбиться в люди». Именно такой путь избирает для себя юноша Нахман — герой повести Ю. «Евреи», во многом навеянной романом М. Горького «Трое» (была опубликована с большими цензурными купюрами во II сб. «Знания» за 1904 г.). Посвященная Горькому, повесть эта явилась одной из наиболее значительных в раннем творчестве Ю. Подобно горьковскому Илье Луневу, Нахман пробует обрести независимость путем предпринимательства, но разоряется, терпит полный крах во всех своих начина-

ниях. Оказываются безуспешными и его попытки сблизиться с кругами революционно настроенных рабочих, ибо он уже отравлен ядом собственной психологии. Повесть завершалась гибелью героя во время еврейского погрома, организованного властями.

Созданные Ю. картины жизни еврейского трудового населения отличались реалистической достоверностью, демократическим пафосом. Стремясь как можно более впечатляюще раскрыть страшную социальную драму обездоленного люда, передать атмосферу отчаяния и бесконечных человеческих мытарств, Ю. не жалел черных красок для изображения этой «земной грязи». Бытовая повседневность с ее мрачным, гнетущим колоритом приобретала под пером Ю. подчеркнuto трагедийный характер. Однако в нагнетании ужасов, в нагромождении сцен и эпизодов, рисующих мучения, страдания, смерть, он терял чувство меры. Лавина такого рода картин не могла возместить отсутствие глубоких реалистических обобщений, четкой социальной типизации изображаемых «фактов жизни». Влиянием натуралистических тенденций объяснялась и нарочитость стилизованных манеры Ю.: обильная авторская лирика зачастую оборачивалась напыщенной декламационностью, риторичностью. Хотя само по себе тяготение к экспрессивному, предельно драматизированному воссозданию жизни в ее обыденных, будничных проявлениях обновляло накопленный опыт очерково-бытописательной литературы.

В период первой русской революции Ю., подобно другим писателям-«знаниемцам», испытал притягательное (хотя недостаточное глубоко) воздействие социал-демократической идеологии, что проявилось прежде всего в усилившемся интересе к революционной борьбе рабочего класса, в утверждении идей интернационализма, объединения еврейской бедноты с русским пролетариатом против общего классового врага. Во время своего путешествия в первой половине 1906 г. по Австрии, Германии и Швейцарии Ю. имел возможность наглядно убедиться в том, с каким неослабным вниманием еврейский пролетариат следит за ходом героической схватки русских рабочих с силами самодержавной реакции. И в его творчество революционных лет органично вошла тема классовой солидарности рабочих разных национальностей. Эта тема была разработана в драме «Король», составившей вместе с ранее написанными пьесами «Голод» (1905) и «В городе» (1906) своеобразную драматургическую трилогию.

Сам автор в одном из интервью обратил внимание на связующие нити между тремя драмами: в «Голоде», подчеркнул он, показано «угнетающее действие голода», в пьесе «В городе» «роль угнетающего элемента являет сам большой город», наконец, «Король» изображает «гнет, испытываемый от капитала» (Театр.— 1907.—

№ 91.— С. 5). Но если в первых двух драмах Ю. не пошел дальше изображения жертв капиталистической цивилизации, способных в лучшем случае лишь на анархическое бунтарство, то в «Короле», нарисовав социально обобщенный портрет рабочего коллектива, он правдиво отразил массовые выступления революционного пролетариата против капиталистов.

«Король» не случайно был опубликован под одной обложкой с горьковскими «Врагами» в XIV сб. «Знания» за 1906 г.— обеим пьесам была присуща несомненная идейно-жанровая и тематическая близость. В образе «короля» — фабриканта Гросмана Ю. с большой резкостью разоблачил цинизм, внутреннюю опустошенность, безнравственность капиталистического мира, царящую в нем власть золота. Фигуре Гросмана противостоит лагерь рабочих, вступающих в непримиримый классовый конфликт с могущественным хозяином. Однако в трактовке революционных возможностей пролетариата Ю. исходил из меньшевистских позиций, что сказалось в финале драмы, лишенном исторической перспективы, проникнутом пессимистическими настроениями.

Верность реалистическим художественным принципам проявилась в «Короле» не только в социально точной «расстановке» противоборствующих сил эпохи, но и в том, что именно конфликт между этими силами составил сюжетный стержень пьесы, определил нарастание драматического действия. В этом отношении «Король» примыкал к жанру публицистически заостренной общественно-политической драмы, образцом которой были горьковские «Враги». Запрещенная к постановке на сцене сразу же после публикации, драма Ю. находилась под запретом до 1908 г.

Годы реакции принесли Ю. жестокое разочарование в революционных идеалах, побудившее его к разрыву с Горьким и «Знанием». Его драма «Miserère» (1909) стала своеобразным рекевием по минувшей революции: в скорбных, лирически окрашенных сценах она воспроизводила атмосферу безнадежности и отчаяния, охватившую широкие общественные круги после поражения революции, рисовала картину идейного и морального распада недавнего общедемократического движения. Ее герои — молодые рабочие-забастовщики, вчерашние революционеры, — представляли побежденных, отрехшимися от любых свободолобивых устремлений.

В. Воровский усматривал существенные недостатки драмы Ю. в чрезмерной «сгушенности красок», в «неправильной перспективе», в том, что «в поле зрения автора не вошло самое главное, именно — живущие и не перестававшие жить и верить элементы» (Соч.— М., 1931.— Т. 2.— С. 303). С натуралистической детализацией обнажив социальные язвы в жизни городской еврейской бедноты, автор искал истоки драматических конфликтов не в них, а в тех противоречиях,

которые подстерегали героев в таинственных «лабиринтах» любви. Отрицательно сказалась на художественных качествах пьесы ее стиливая эклектичность: задуманная как лирическая драма чеховского типа, «Miserère» вместе с тем впитала в себя немало от эстетических принципов символистского театра.

Оказавшись в 10 гг. под перекрестным огнем самых различных идейно-художественных веяний, Ю. все же делал безуспешные попытки возвращения к мотивам и образам своего раннего творчества, создавал произведения, в которых, хотя и на суженной основе, оставался верным реалистическим традициям. Большевистская печать положительно оценила его пьесу «Комедия брака» (1910), в которой автор выступил с сатирическим обличением уродств буржуазного общества, нравственного распада буржуазной семьи. Острыми обличительными мотивами был проникнут и его роман «Леон Дрей» (1911), написанный под сильным влиянием «Милого друга» Мопассана. Сатира Ю. была направлена главным образом против преуспевающих мещан, готовых на лицемерную услужливость, мошенничество, даже на преступление, чтобы пробиться в высшие слои буржуазии. Именно так действует герой романа Леон — карточный шулер, беспринципный и расчетливый эгоист, обуреваемый лишь карьеристскими целями.

В пьесах «Драма в доме» (1913), «Мендель Спивак» (1914), «Человек воздуха» (1915), «Повесть о господине Соськине» (1916) Ю., как и прежде, с сочувствием изображал безрадостные будни бедноты, полные лишений и горя. Их типичный герой — «маленький» человек, придавленный постоянными жизненными неудачами, но не утративший своей неизменной душевной теплоты, сердечности и чуткого отношения к людям. Однако увлечение жанрово-бытовыми картинками «с натур», деталями и частностями ослабляло социальную значимость этих пьес.

Значения Октябрьской социалистической революции Ю. не понял и в 1920 г. эмигрировал во Францию. За рубежом он выпустил сборник рассказов «Автомобиль» (Париж, 1922), «Голубиное царство» (Берлин, 1923), повесть «Дудка» (Берлин, 1922). В 1923 г. в Берлине был издан его роман «Эпизоды» о событиях гражданской войны на юге России. Находясь в эмиграции, Ю. держался в стороне от реакционных антисоветских кругов, а незадолго до смерти высказал желание вернуться на родину. В некрологе, посвященном памяти скончавшегося писателя, «Правда» отмечала, что «в дореволюционное время Ю. был одним из видных писателей, изображателем еврейской городской бедноты и мещанства, талантливым сатириком...» (1927.— 15 февр.— С. 3).

Соч.: Собр. соч.: В 5 т.— Спб., 1903—1908; Полн. собр. соч.: В 14 т.— П., 1914—1918; Король. Пьеса в 4 д. // Драматургия «Знания». Сб. пьес.— М., 1964.

Лит.: Пильский П. Социал-романтик // Театр и искусство.— 1906.— № 49; Коган П. Очерки по истории новейшей русской литературы.— М., 1910.— Т. III.— Вып. 1; Швейцер В. С. Юшкевич и его тень // Диалог с прошлым.— М., 1976.

Б. С. Бугров

Я

ЯЗЫКОВ, Николай Михайлович [4(16).III.1803, Симбирская губ.—26.XII.1846 (7.I.1847), Москва] — поэт. Родился в богатой помещицкой семье. Состояние, оставленное отцом, позволило ему получить хорошее образование и вести независимый образ жизни. Сначала Я. учился в Петербурге в Горном кадетском корпусе (1814—1819), а затем в Институте инженеров путей сообщения (до 1820 г.). Курса в обоих учебных заведениях не окончил и осенью 1822 г. уехал в Дерпт, где поступил в университет на философский факультет и провел семь лет, но экзамена за университет не сдавал и покинул его «свободно-бездипломным».

Еще до Дерпта Я. почуствовал свое призвание поэта. Завязавшийся в последний год пребывания в Петербурге театральные и литературные знакомства в Дерпте не теряются, а упрочиваются. Я. знакомится с А. Ф. Воейковым, через него с Жуковским, во время наездов в Петербург — с Дельвигом, К. Ф. Рылевым, а в 1826 г. — с А. С. Пушкиным. Он устанавливает связи с журналистами, и его печатают «Славянин», «Новости литературы», «Сын отечества», «Благонамеренный», «Невский альманах», «Соревнователь» и др. издания. Среди студенческой молодежи он находит понимающую его аудиторию, которой свойственны оппозиционные настроения. В Дерпте Я. много читает и тем пополняет свое образование. Он приобретает широкие и глубокие познания в мировой и русской истории, в совершенстве овладевает немецким языком, и ему открывается немецкая литература предромантизма и романтизма, он успешно изучает латинский и греческий языки, его интересуют статистика, государственное право, политэкономия. Рядом с именами Байрона, Шиллера, Тика стоят для него имена Н. М. Карамзина, И. А. Крылова, А. С. Грибоедова. На этом фоне формируется вольнолюбие Я., его несомненная общественная оппозиционность, которая сближает поэта с декабристами. Однако в отличие от декабристов у Я. не было каких-либо прочных и продуманных политических убеждений. Они носили скорее чисто эмоциональный характер и выражались в протесте против самодержавного произвола, аракчеевщины, всяких форм угнетения, сковывавших духовную свободу. Отсюда и пафос языковской поэзии — «стремление к душевному простору», как определил его И. В. Ки-

реевский («О стихотворениях г. Языкова» // Телескоп.— 1834.— Ч. 19.— № 3, 4).

Поэтическое дарование Я. исключительно лирическое. Хотя он писал поэмы («Сержант Сурмин», 1829; опубл. в 1845 г.; «Липы», 1846; опубл. в 1859 г.), сказки («Сказка о пастухе и диком вепре», 1835), драматические произведения («Жар-птица. Драматическая сказка», 1836—1838; опубл. в 1857 г.; «Встреча Нового года», 1840; «Странный случай», 1841), однако не достиг в них заметных успехов.

В творчестве Я. отчетливо выделяются два периода: 20 — нач. 30 гг. (примерно до 1833 г.) и вторая половина 30 гг. (с 1834 г.) — 1846 г.

Лучшие произведения Я. в большинстве своем созданы в нач. 20 — сер. 30 гг. Как и другие поэты пушкинской поры, Я. сформировался в преддверии восстания декабристов, в период подъема общественного движения. Это наложило отпечаток на всю его лирику. Радостное чувство свободы, охватившее современников поэта и его самого, непосредственно повлияло на строй чувств Я.

Находившийся в начале 20 гг. в Дерпте, Я. внимательно следил за умонастроением общества. В литературе в это время спор классиков с романтиками явно клонится к победе новых форм над старыми. Уже вышли первые романтические поэмы Пушкина, уже романтизм торжествовал в жанрах элегии и баллады. Постепенно началась размежевание внутри романтизма. Юный Я. воспринял романтизм как свободу личных чувств и свободу от правил классицизма. Ему не чужды гражданские симпатии, но главное — простор души, простор чувств и мыслей, ощущение абсолютной раскованности.

Опору своим чувствам он находит в древности, в русской истории, осмысляя свои личные порывы, с одной стороны, как присущие поэту, а с другой — русскому душой. Так возникают стихотворения, написанные в жанре песен, пропетых баянами или бардами и воскрешающих вдохновенных певцов за свободу. Эти жанры отчасти напоминали думы Рылеева с их пламенными призывами к свободе, образами борцов против тирании, высокими патриотическими чувствами и громкими, одическими словами.

Так, в «Песне барда во время владычества татар в России» Я. начинает лирическую речь взволнованным вопросом и увенчивает горьким восклицанием. Однако обращение к тягостным временам рабства не вносит оттенков отчаяния. Напротив, речь Я. полна патриотического витийства, бодрости. Картина порабощения непосредственно должна была напомнить читателю о современном рабстве, о самодержавной тирании и возбудить его к подвигу. Вся обстановка выдержана в духе песен Оссиана, а герои предстают мужественными воинами.

В этих песнях не нужно искать исторической верности — суть не в ней. Я., опираясь на тради-

цию, создает высокий жанр и пользуется целой системой поэтических средств, чтобы взволновать читателя живым современным содержанием. Отсюда характерные для гражданской поэзии слова-сигналы («вольность», «сыны снегов», «слава», «цепи», «меч», «тиранство», «раб»), риторические вопросы и восклицания. Все это придает речи торжественный, ораторский характер. Но это уже не прежняя холодно-риторическая торжественность оды. Она отличается не усложненностью и затрудненностью стиля, не нарочитой архаизированностью языка, а иными средствами — звуковыми (аллитерациями) и стиховыми (убыстренностью темпа, особой расстановкой ударений). При этом она не утрачивает ни громозвучности, ни эффектности.

Подобно декабристской поэзии, лирика Я. наполнена образами древности. Города Новгород и Псков выступают у него символами желанной политической свободы. Патриотические и гражданские мотивы проникают и в другие жанры.

Главные достижения Я. связаны со студенческими песнями (циклы 1823 и 1829 гг.), с элегиями и посланиями. В них и возникает тот образ мыслящего студента, который предпочитает свободу чувств и вольное поведение принятым в деспотическом обществе официальным нормам морали, отдающим казенщиной, и религиозным запретам. Разгульное молодечество, кипение юных сил, «студентский» задор, смелая шутка, избыток и буйство чувств — все это было, конечно, открытым вызовом обществу, которое крепко опутало личность целой системой условных правил.

«Студент» Я. испытывает подлинный восторг перед богатством жизни, перед собственными способностями и возможностями, вдруг открывшимися ему. Отсюда так естественны в его речи торжественные слова, восклицательные интонации, громкие призывы. Вольные намеки постепенно приобретают все большую остроту, поясняющую истинный смысл бурсацкого разгула. Оказывается, он противник «светских забот», внутренне независим и счастлив этим. Ему присущи рыцарские чувства — честь, благородство. Он жаждет славы, но исключает лесть («Чинов мы ищем не ползком!»). Ему свойственны искреннее вольнолюбие, гражданская доблесть («Сердца — на жертвенник свободы!»), равноправие, отвращение к тираннии («Наш ум — не раб чужих умов»), презрение к атрибутам царской власти и к самому ее принципу («Наш Август смотрит сентябрем — / Нам до него какое дело?»). Веселье в «Песнях» идет от руки с одушевляющей их свободой. Я. буйствует, богатырствует в избытке переполняющих его жизнерадостных чувств. В этом «студентском» упоении жизнью, в громкой похвальбе, в богатырском размахе чувств ощущалась не бездумное веселье, а искреннее наслаждение молодостью, здоровьем, свободой.

Человек в лирике Я. предстал сам собой, каков он есть по своей природе, без чинов и званий, отличий и титулов, в целомном единстве его чувств и мыслей. Ему были доступны и переживания любви, природы, искусства, и высокие гражданские чувства. Эта неразъемность внутреннего мира личности, радостно устремленной навстречу жизни, испытывающей подлинный восторг перед ее богатством, придает оригинальность поэзии Я. Вольнолюбие, одушевлявшее поэзию Я., не помешало ему, однако, увидеть рабскую покорность народа. В двух элегиях («Свободы гордой вдохновенье!» и «Еще молчит гроза народа...»), написанных уже в то время, когда революционные и освободительные движения в Европе были подавлены, Я. глубоко скорбит о рабстве, нависшем над Россией. Он сетует на недостаток революционного чувства в народе («Тебя не слушает народ...»), но самую свободу понимает как «святое мшенье». В стихотворениях возникают мрачные картины. «Я видел рабскую Россию: // Перед святыней алтаря. // Гремя цепями, склонивши выю, // Она молилась за царя» // и горькие пророчества // «Столетья грозно протекут, — и не прорудит Россия!». Но даже и тогда в поэте живет вера в свободу: «Еще молчит гроза народа. // Еще скован русский ум, // И угнетенная свобода // Таит порывы смелых дум». Она не исчезает и после поражения восстания декабристов. Стихотворение «Пловец» («Нелюдимо наше море...»), созданное в 1829 г., полно мужества и бодрости. Слово «нелюдимо», вероятно, было связано у Я. с казнью и ссылкой декабристов. О том же напоминают строки о море («В роковом его просторе // Много бед погребено»). Образ роковой, изменчивой и превратной морской стихии, как и образы бури, ветра, туч, грозных в своем своенравии, типичны для романтической лирики — и вместе с тем навеяны воспоминаниями о недавних трагических событиях русской истории. Силе стихии романтик противопоставляет силу души, твердость духа, личную волю мужественных людей, спорящих со стихией // «Смело, братья! Ветром полный // Парус мой направил я: // Полетит на скользящих волнах // Быстрокрылая ладья!» // В зримой картине Я. видится отдаленная цель // «Там, за далью непогоды, // Есть блаженная страна...» // Но Я. только приоткрывает идеальный мир. Пафос его — укрепление воли человека посреди роковой непогоды, стремление поддержать дух и заразить человека порывом к свободе.

Вследствие содержательной новизны жанры поэзии Я. преобразуются. Элегия, например, включает разнообразные мотивы — гражданские, личные; разнообразные интонации — грустную, ироническую, торжественную; разнообразные стилевые пласты — от высоких слов до разговорных и просторечных. Политическая тема становится глубоко личной, воплощаясь в элегиче-

ском раздумье, но стиль элегии создается не с помощью одного лишь унылого или меланхолического словаря. Поэтическая речь легко вбирает в себя и устаревшие обороты, и одическую лексику. Это означает, что между темой и жанром, жанром и стилем нарушена жесткая зависимость. Удалое молодечество с исключительной силой проявилось в поэтической речи, люющей раздольно, широко. Я. смел и неистощим в оживлении поэтического словаря, в создании необычных поэтических формул, высоких и иронических одновременно. В стихотворениях Я. встречаем: «ночного неба президент» (о луне), «очам возмутительным», «с природою пылкою», «с дешевой красой», «откровенное вино». Вводя в поэтическую речь славянизмы и архаизмы («Лобзать твои уста и очи»), Я. часто оттягивает их новообразованиями («Истаивать в твоей любви!»), просторечием или бытовым сравнением. Ему по душе устаревшие синтаксические конструкции («Могуч восстать до идеала», «Минувших лет во глубине / Следим великие державы...»). Для усиления чувств, для передачи волнующих его переживаний он нагнетает сравнения, используя анафорические обороты, повторяя поэтические формы внутри стиха («Ты вся мила, ты вся прекрасна!»). Гоголь писал о Я.: «Имя *Языков* пришлось ему недаром: владеет он языком, как араб диким конем своим, и еще как бы хвастается своею властью. Откуда ни начнет период, с головы ли, с хвоста ли, он выведет его картинно, заключит и замкнет так, что остановишься пораженный. Все, что выражает силу молодости, не расслабленной, но могучей, полной будущего, стало вдруг предметом стихов его. Так и брызжет юношеская свежесть от всего, к чему он ни прикоснется».

Я. широко раздвинул границы поэтического словоупотребления и расширил устойчивость стилей гражданской и элегической поэзии. Новаторство Я. в области поэтического языка идет об руку со стиховым. Поэт в совершенстве владеет строфой и синтаксическим периодом и совершает в русской поэзии переход от строфически упорядоченной речи к свободно люющемуся стиху.

Летом 1826 г. в жизни Я. произошло важное событие: по приглашению Пушкина он приехал в Михайловское и встретил исключительно радужный прием. Духовная атмосфера, породившая Пушкина и Я., отлилась в замечательных стихотворениях, в которых воспеты Михайловское, Тригорское и их обитатели («Тригорское», «Вечер», два послания «К П. А. Осиповой»). Я. испытал на себе глубокое личное обаяние Пушкина и его поэзии. Пушкин также был тронут дружбой Я. и высоко ценил свободу его письма, самовластное владение языком и периодом.

В 1829 г., тяжело заболев, Я. покинул Дерпт и переехал в Москву, где вошел в круг Елагиных — Киреевских, Аксаковых, Погодина, Барынского, Каролины Павловой.

После разгрома восстания декабристов, подавления Июльской революции во Франции и польских событий Я. постепенно, хотя и не сразу, меняет свои позиции. Чисто эмоциональное вольнолюбие не могло искупить неясности общественных взглядов и отсутствия продуманных, зрелых и глубоких убеждений. Хотя ряд произведений конца 20 — нач. 30 гг. свидетельствовал о неугасших творческих силах (напр., «Пловец» и др.), в целом лирика Я. теряет боевой задор и протестующий пафос.

В 1831 г. Я. поступил на службу в Межевую канцелярию, но в 1833 г. вышел в отставку. Тогда же, в 1833 г., вышел и первый сборник стихов Я., сильно пострадавший от цензуры и не отразивший всей полноты созданного им. После ухода со службы (1839) Я. на пять лет уехал в Симбирскую губ. Здоровье его резко ухудшилось. По совету врачей поэт отправился (1838) на лечение за границу, жил в курортных городах Германии, Франции, посетил Италию, где подружился с Гоголем. В 1843 г., почувствовав себя лучше, приехал в Россию и поселился в Москве.

Во второй половине 30 гг. и особенно в 40 гг. Я. умиляется патриархальностью, воскрешает библейские и религиозные мотивы, но не в их вольнолюбивом, а в абстрактно-моралистическом содержании. Поэтому многие его стихотворения, прежде всего послания, холодны, риторичны, вялы и даже небрежны по языку. Роскошь слога, торжественность, звучность речи теперь обернулись напыщенностью, безвкусицей. Декларативность, дидактизм все чаще проникают в лирику Я. Все это не означает, однако, что талант Я. померк.

В последние годы в творчестве Я. встречаются подлинные шедевры («Буря», «Морское купанье» и др.). В них особенно отчетливо видна возросшая крепость его стиля, их отличают продуманный лаконизм композиции, гармоническая стройность и чистота языка. Я. сохраняет стремительность лирической речи, щедрость живописи и энергичную динамичность. К сожалению, таких высоких поэтических образцов у позднего Я. немного.

Не последнюю роль в поправении Я. сыграли славянофилы, с которыми поэт очень сблизился после возвращения из-за границы. Вместе с ними Я. ринулся в бой с западниками и разразился резкими стихотворениями в адрес демократов, которые, по его мнению, предательски и в «преступных словах» («К не нашим», «К Чаадаеву», 1844) развращали народ европейскими идеями, рабски им подражая. В таких произведениях верх берут не патриотические, а националистические мотивы, что тогда же осудили Белинский, Герцен и Некрасов.

Незадолго до смерти Я. в свет вышли два его поэтических сборника — «56 стихотворений Н. Языкова» (1844) и «Новые стихотворения» (1845).

Ими был подведен итог его творческой деятельности.

Поэт обогатил русскую поэзию и тем, что, по выражению Белинского, «смелыми и резкими словами и оборотами своими... много способствовал расторжению пуританских оков, лежавших на языке и фразеологии» (Т. V.—С. 561), и тем, что придал стихотворному языку крепость, мужественность, силу, овладел стихотворным периодом, и тем, что в его лирике ярко запечатлеласьвольная душа русского человека, жаждавшая простора, цельная, смелая, удалая и готовая развернуться во всю свою ширь.

Соч.: Стихотворения.— Спб., 1833; 56 стихотворений.— М., 1844; Новые стихотворения.— М., 1845; Полн. собр. стихотв. / Вступ. ст. М. К. Азадовского.— М.; Л., 1934; Собр. стихотв. / Вступ. ст. М. К. Азадовского.— М.; Л., 1948; Стихотворения. Сказки. Поэмы. Драматические сцены. Письма / Вступ. ст. И. Д. Гликиана.— М.; Л., 1959; Полн. собр. стихотв. / Вступ. ст. К. К. Бухмейер.— М.; Л., 1964.
Лит.: Белинский В. Г. Русская литература в 1841 году // Полн. собр. соч.— М., 1954.— Т. V.— С. 521—588; Белинский В. Г. Русская литература в 1844 году // Там же.— Т. VIII.— С. 430—483; Гоголь Н. В. В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность // Полн. собр. соч.— М., 1952.— Т. VIII.— С. 369—409; Киреевский И. В. О стихотворениях г. Языкова // Киреевский И. В. Критика и эстетика.— М., 1979.— С. 132—142; Азадовский М. Судьба литературного наследия Н. М. Языкова // Литературное наследство.— М., 1935.— Т. 19—21.— С. 346—370; Семенов И. Языков // Поэты пушкинской поры.— М., 1970.— С. 181—220; Коровин В. И. Языков — «поэт радости и хмеля» // Коровин В. И. Поэты пушкинской поры.— М., 1980.— С. 73—97; Рассадин Ст. Драма Николая Языкова // Рассадин Ст. Спутники.— М., 1983.— С. 59—128.
В. И. Коровин

ЯКУБОВИЧ, Петр Филиппович, псевдонимы — П. Я., Матвей Рамшев, Гриневич, Л. Мельшин и др. [22.X(3.XI).1860, с. Исаево Новгородской губ. — 17(30).III.1911, Петербург] — поэт, прозаик, переводчик и литературный критик. Революционер-народник. Родился в небогатой дворянской семье. Окончил Новгородскую гимназию (1878) и филологический факультет Петербургского университета (1882). Принимал деятельное участие в студенческом движении. Печататься начал в 1878 г. Стихи Я. (под псевдонимом П. Я.) публиковались в столичных журналах «Дело», «Слово», «Устои», «Отечественные записки» и др. По инициативе Я. в 1881 г. был издан в пользу нуждающихся студентов сборник «Отклик», в котором приняли участие многие известные писатели, поэты и публицисты (Н. Н. Златовратский, А. Н. Плещеев, Я. П. Полонский, М. А. Антонович и др.). Там же были опубликованы несколько стихотворений Я. («Разлад», «К свету», «Под снегом», «Призыв»). Начиная с 1881 г. Я. активно сотрудничает в журнале «Русское богатство», а в 1882 г. становится одним из его руководителей, намереваясь превратить журнал в легальный орган революционного подполья. На его страницах Я. выступал как поэт, прозаик и литературный критик. В год окончания университета вступил в революционную организацию «Народная

воля» и предпринял героические усилия для того, чтобы оживить ее деятельность, ослабленную гибелью и арестами многих ее членов. Я. возглавил «Молодую партию» «Народной воли», организовал в Дерпте тайную типографию, готовил и редактировал материалы для подпольных газет «Народная воля» и «Вестник «Народной воли», там же поместил свои стихотворения «Я пою для тех, чьи души юны...», «Друзья, в тяжелый миг сомненья...», «О, подлое, чудовищное время...» и др. В ноябре 1884 г. был арестован и через три года судился по «процессу 21-го» вместе с Г. А. Лопатиным, Н. М. Саловой и др., приговорен к смертной казни, замененной 18 годами каторжных работ. Тогда же (1887) в Петербурге вышел первый сборник Я. «Стихотворения» (под псевдонимом Матвей Рамшев). Каторгу отбывал на Каре, Акатуе и Кадаинском руднике. Об этих страшных годах Я. рассказал в автобиографической книге «В мире отверженных. Записки бывшего каторжника», напечатанной под псевдонимом Л. Мельшина в журнале «Русское богатство» (1895—1898). После каторги с 1895 г. жил под надзором полиции в Кургане. В Петербург вернулся в 1903 г. и вошел в редакцию «Русского богатства». Во время революционных событий 1905 г. вновь подвергся аресту и был заключен в тюрьму, откуда вышел тяжело больным.

Первые стихи Я. были написаны в разгар героической борьбы народолюбцев против самодержавия. В них отразились настроения и думы передовой русской молодежи, посвятившей себя служению народу. В центре ранней лирики Я. — овеянный романтикой образ бесстрашного борца, готового на подвиг и любые жертвы во имя торжества великого дела преобразования жизни на справедливых началах и в то же время осознающего свою оторванность от народа. Стихи молодого поэта отличались предельной искренностью и страстной взволнованностью.

Для стихов Я., написанных в Трубецком бастоне Петропавловской крепости и составивших цикл «В крепости», характерно оптимистическое настроение. Поэт мало думает о том, что будет с ним, его больше волнует судьба общего дела, тревожит участь товарищей, оставшихся на воле. К ним он обращается с призывом не падать духом и продолжать борьбу («Товарищи, братья, друзья!»). Особенностью «тюремной» лирики Я. является разнообразие мотивов и настроений, сочетание обличительных интонаций в стихах, адресованных врагам («Вы говорите, не нужны...»), с глубоко задушевными, звучащими в последних к близким, матери и сестре («Орлица», «Сестре»), друзьям («Другу юности»).

На каторге Я. пережил духовный кризис, вызванный сомнениями в правильности политической программы и тактики революционной борьбы народолюбцев. В творчестве Я. намечилось стремление преодолеть ограниченность субъективного самовыражения. Его стихи стали приобретать

характер философских раздумий, связанных с попыткой осмыслить роль личности и народа в истории, размышлений о цели и смысле жизни, о долге человека перед своей родиной и народом («Наш полдень бил...», «Сегодня я всю ночь не мог очей сомкнуть...»). Важнейшим мотивом лирики Я. становятся страдания народа, его борьба против угнетения, мечта о родине, свободной от произвола и насилия («В голодный год», «Ни застенков, ни криков, ни слез...»). Поэт приходит к выводу, что не героические одиночки, а народ является главной и реальной силой общественного прогресса («Песня бурильщиков», «Кузнецы», «Песня труда»). Эти мысли и настроения характерны для произведений Я., написанных после каторги и ссылки. На события первой русской революции поэт откликнулся стихами «Красный снег», «Чуть утро, шелестом разбужен я газет...», «Дни, полные скорби и стыда...», «Земля» и др.

Поэзия Я. развивалась в рамках традиций русской гражданской лирики. В его стихах чувствуется благотворное влияние поэтических традиций Лермонтова и Некрасова. Лирика Я. была теснейшим образом связана с поэзией революционного народничества, отразив все ее наиболее характерные черты и особенности: романтический пафос, страстную взволнованность, агитационную целенаправленность. Вместе с тем Я. в отличие от других поэтов-народников обладал более глубоким историческим мышлением и способностью к обобщениям, и это позволило ему в целом ряде произведений запечатлеть сложные общественные процессы современной действительности.

Важное место в литературном наследии Я. занимают его переводы произведений французских поэтов, и в первую очередь Ш. Бодлера. Эти переводы были порою далеки от первоисточника, но в них своеобразно отразились настроения русской интеллигенции, духовный мир человека, стремящегося к борьбе, но с горечью осознающего свое бессилие.

Перу Я. принадлежит и несколько прозаических произведений (напр., сборник рассказов «Пасынки жизни», 1901). Огромным успехом у читателей пользовалась написанная на каторге книга Я. «В мире отверженных», главная мысль которой заключалась в стремлении пробудить гуманное отношение к «отверженным» и показать, что «не столько природа создает преступников, сколько сами современные общества, условия наших социальных, правовых, экономических, религиозных и кастовых отношений...» (Якубович П. Ф. В мире отверженных.— М.: Л., 1964.— Т. II.— С. 397).

Книга Я.— произведение автобиографическое, написанное в форме «записок бывшего каторжника». В ней показаны страшные условия, в которых содержались каторжники, бесчеловечное обращение с ними царских охранников. Автор выступает не только как правдивый бытописатель

и страстный обвинитель порядков, царящих в каторжных тюрьмах, но и как человек, глубоко обеспокоенный судьбами народа и родины. Он размышляет о русских людях, которые сумели в нечеловеческих условиях сохранить лучшие черты национального характера, и о тех, кто оказался сломленным и изуродованным каторгой, о богатых возможностях Сибири, практичности сибирского крестьянина, о мужестве и стойкости политических заключенных.

Выступал Я. и как литературный критик, посвятивший несколько статей творчеству Некрасова и современных поэтов. Они вошли в сборник «Очерки русской поэзии» (1904). Известен Я. и как издатель и пропагандист русской литературы, в первую очередь поэзии. Составленная им художественно-историческая хрестоматия «Русская муза» (1904), пользовавшаяся большой популярностью, выдержала несколько изданий.

Соч.: Стихотворения: В 2 т.— Спб., 1898—1901; Стихотворения / Вступ. ст. и примеч. Б. Н. Двинянинова.— Л., 1960; В мире отверженных. Записки бывшего каторжника: В 2 т. / Вступ. ст. Б. Н. Двинянинова.— М.: Л., 1964.

Лит.: Попов И. И. П. Ф. Якубович.— М., 1930; Бах А. Н. Записки народовольца.— Л., 1931; Осьмаков Н. В. Поэзия революционного народничества.— М., 1961; Якубович И. Д. П. Ф. Якубович.— Л., 1967; Двинянинов Б. Н. Меч и лира.— М., 1969; Славина Н. Г. П. Ф. Якубович на царской каторге // Труды Иркутского ун-та. Серия «Литературоведение и критика», 1969.— Т. 69.— Вып. 6; Она же. П. Ф. Якубович в сибирской прессе // Там же; Она же. Уник Акатуя // Сибирь.— 1971.— № 5; Двинянинов Б. Н. А. Чехов и П. Якубович // Творчество А. П. Чехова: Сб. ст.— Ростов н/Д., 1976.— Вып. 2.— С. 36—45. Н. И. Якушин

ЯКУШКИН, Павел Иванович [14(26).I.1822, с. Сабурово Малоархангельского у. Орловской губ.— 8(20).I.1872, Самара] — фольклорист, этнограф, очеркист. Сын помещика и крепостной девушки. Брак родителей был оформлен после его рождения, а потому он прав на наследство не имел. В 1840 г. Я. окончил Орловскую гимназию и поступил на физико-математическое отделение философского факультета Московского университета. Знакомство в годы обучения в университете с П. В. Киреевским и М. П. Погодиным, пробудившими в Я. интерес к народной поэзии, определило его дальнейшую судьбу. С 1843 г. он систематически собирает фольклор. Первые фольклорные экспедиции были проведены Я. в летние каникулы 1843 и 1844 гг. в родном Малоархангельском у. В декабре 1844 г. в журнале «Москвитянин» (№ 12.— С. 25—41) появилась первая публикация собирателя «Народные сказания о кладах, разбойниках, колдунах и их действиях, записанные в Малоархангельском уезде». Тексты были представлены здесь в беллетризованном виде; в манере подачи материала ощущалось влияние гоголевских «Вечеров на хуторе близ Диканьки». В следующие свои собирательские экспедиции Я. в целях максимального сближения с народом отправлялся под видом

торговца мелочным товаром (офени или коробейника), а позднее стал ходить по деревням в крестьянской одежде. С этим костюмом — поддевкой, косовороткой и сапогами — он почти не расставался и в городе.

Увлечшись собирательской деятельностью, Я. бросил учебу незадолго до окончания университетского курса. С 1846 по 1849 г. он по заданию Киреевского обошел пешком, записывая фольклор, множество сел и деревень Центральной России (Рязанской, Тамбовской, Орловской, Тверской, Тульской губ.). Хотя часть записей Я. была впоследствии утеряна, его вклад в собрание Киреевского — около 2000 текстов (лирические и исторические песни, баллады, духовные стихи) — оказался самым значительным. Сказки же и посылки из своей коллекции Я. передал А. Н. Афанасьеву и В. И. Далю.

В 1849 г. Я. вынужден был прекратить профессиональную собирательскую работу из-за недостатка средств и вплоть до весны 1856 г. преподавал историю и географию в уездных училищах Харьковской губ. В мае 1856 г. он вышел в отставку в чине губернского секретаря и вернулся в Сабурово. Осенью того же года скончался Киреевский, завещав Я. подготовку своего песенного собрания к печати. За год чрезвычайно продуктивной работы над собранием Я. составил опись всего материала, разработал принципы классификации текстов и почти полностью подготовил к изданию большой сборник былин и исторических песен. Однако в результате осложнения отношений с родственниками Киреевского он был отстранен от издания в февр. 1858 г., что было для него тяжелым ударом. Два года спустя собрание было передано слависту П. А. Бессонову, мало знакомому с русским фольклором в его живом бытовании, который, воспользовавшись трудами Я., сумел довольно быстро издать значительную часть текстов, но изданные им сборники оказались несостоятельными в научном отношении («Песни, собранные П. В. Киреевским». — М., 1860—1874. Первые 5 выпусков увидели свет с 1860 по 1863 г.). В статье «Кое-что об издании Бессоновым народных стихов и песен» (Библиотека для чтения. — 1863. — № 10. — С. 462—480) Я. подверг критике работу Бессонова, обосновав при этом ряд принципов научной публикации текстов, не утрачивших значения до настоящего времени (необходимость точного воспроизведения текстов и их точного комментирования, понятие варианта и др.).

Приехав в Сабурово в мае 1858 г., Я. возвращается к собирательской работе. Несколько позднее заново создающуюся коллекцию дополнили своими записями писатели и ученые, с которыми Я. связывали дружеские отношения. В 1860 и 1865 гг. Я. издает сборники песен (Русские народные песни, собранные П. И. Якушкиным. — М., 1860; Народные русские песни из собрания П. Якушкина. — Спб., 1865), где помимо его за-

писей представлены записи этнографа С. В. Максимова, поэта и критика А. А. Григорьева и др. собирателей (единичные тексты переданы А. Н. Островским и художником П. М. Боклевским).

Значение Я. в истории фольклористики определяется тем, что он был первым профессионалом в области экспедиционной фольклористической работы. Я. последовательно проводил выдвинутые П. В. Киреевским принципы записи песен с голоса и их паспортизации и внес немало нового в методику собирания фольклора (фонетически точная запись текстов, выявление фольклорного репертуара целых населенных пунктов, а не только отдельных исполнителей, ведение собирательского дневника). Новым в собирательской практике был и отказ Я. от редактирования и отбора фольклорных произведений в соответствии со вкусами образованной части общества, стремление зафиксировать со всей полнотой то, что пели и рассказывали ему крестьяне, сохранить народную речь в ее подлинном виде, с просторечием, грубыми словами, особенностями диалекта. Трудности, выпавшие на долю Я. как первопроходца, усугублялись условиями жизни нижегородского крестьянства, обрекавшими собирателя на чрезвычайно аскетический, почти подвижнический образ жизни. Я. часто приходилось голодать, оставаться без ночлега, попадать в опасные ситуации.

В 1858 г. Я. в качестве корреспондента журнала «Русская беседа» отправляется в Новгородскую губ. Результатом этой поездки были «Путевые письма из Новгородской губернии» (1859. — Кн. 4. — С. 1—76), содержащие наблюдения над жизнью и бытом крестьянства. Вторая поездка по заданию «Русской беседы» — в Псковскую губ. — принесла Я. громкую известность. Писатель рассказал на страницах журнала о том, как был арестован и на несколько дней задержан псковской полицией за ношение крестьянской одежды, не соответствующей его званию губернского секретаря (1859. — Кн. 5. — С. 109—122). Выступление против полицейского призола в печати, недавно освоенной еще от гнета николаевской цензуры, имело огромный общественный резонанс. В 1860—1861 гг. Я. продолжал свое путешествие по России. Его корреспонденции из Орловской, Черниговской и Курской губ. публиковались в журналах «Современник», «Основа» и в газете «Северная пчела».

С 1858 по 1865 г. основным местом жительства Я. в промежутках между его скитаниями по России был Петербург. Я. довольно близко сходилась с Н. А. Некрасовым, охотно помещавшим его произведения в «Современнике», а затем в обновленных «Отечественных записках».

Уже в 1859 г. Я. стал объектом внимания полицейских властей, постоянно подозревавших его в революционной агитации среди народа. Доказательством неблагонадежности Я. в глазах

полицейского III отделения было и его поведение в день гражданской казни Н. Г. Чернышевского 19 мая 1864 г.: Я. пытался прорваться сквозь строй жандармов, чтобы проститься с осужденным, а затем усиленно хлопотал об освобождении из-под ареста М. П. Михаэлис, бросившей к ногам Чернышевского цветы. В том же году агенты III отделения обнаружили у Я. черновики письма к А. И. Герцену. Вскоре он был арестован и взят под гласный полицейский надзор. С этого времени Я. путешествовал только в сопровождении жандармов. В апр. 1865 г. он был выслан в Сабурово, а три года спустя переведен в Астраханскую губ. Последние его «Путевые письма» были посланы в «Отечественные записки» из города Красный Яр Астраханской губ. В них Я. пересказал предания о Разине и Пугачеве, бытующие среди донских казаков. Замечательны были не только предания, но и описанная Я. обстановка их исполнения: Я. сумел подключить к собиранию фольклорной информации о вождях народных восстаний сопровождавших его жандармов. В Красном Яре Я. пытается продолжать свои наблюдения над жизнью социальных низов. Однако постоянные материальные затруднения и непривычные климатические условия губительным образом сказываются на его здоровье, подорванном еще до ссылки. Стремление установить тесные контакты с народом нередко заводило Я. не только в крестьянскую избу, но и в кабаки. С годами возникшая на этой почве наклонность к употреблению спиртного все более разрушала его организм и заметно отражалась на работоспособности. Осенью 1871 г. он был переведен в Самару уже тяжелобольным и последние месяцы жизни провел в местной больнице.

Необычность поведения Я., свойственные ему пренебрежение к условностям и отсутствие почтения к властям способствовали тому, что его имя обросло легендами и анекдотами (Н. С. Лесков однажды наблюдал, как в Париже, в Пале-Рояле шла торговля фотографией Я., в крестьянской одежде и в очках, на которой значилась надпись «Пугачев» во французской транскрипции). Это привело к некоторому искажению его облика в ряде мемуарных источников. Однако большая часть мемуарной литературы о Я. говорит о том, что его жизнь была для современников образом бескорыстного и преданного служения народу.

Незаурядная личность Я. привлекла внимание крупнейших писателей. Некоторые факты его биографии и отдельные черты характера нашли отражение в образах Павлуши Веретенникова («Кому на Руси жить хорошо» Н. А. Некрасова), Василия Богословского («Овцебык» Н. С. Лескова), господина Ялушкина (вставной рассказ в горьковском романе «Дело Артамоновых»).

«Путевые письма» (1859—1861, 1868) Я. начали появляться в печати в период подготовки

крестьянской реформы, когда в образованных слоях общества интерес к жизни народа и желание получить о нем как можно более достоверную информацию были очень велики. Корреспонденции Я. в полной мере отвечали требованиям времени. В «Путевых письмах» в достаточной степени ошутимо традиционное для ученого-путешественника внимание к этнографии и истории края. Я. описывает быт крестьянства, сельскохозяйственные работы и промыслы, церкви и монастыри, вспоминает исторические события, цитирует народные предания и песни. Однако в центре его внимания — народная жизнь в ее современных проявлениях. Рецепт изготовления пустых серых шей и нередкие упоминания об отсутствии хлеба в крестьянских домах приводится, конечно, не ради полноты этнографической картины. Точно так же в работе рыбаков для Я. важны не традиционные орудия лова, а своеобразные отношения внутри сложившегося на производственной основе коллектива, глава которого должен строго соблюдать интересы каждого из его членов и не позволять себе никаких привилегий.

Путешествия Я. протекали в постоянном общении с крестьянами. Он знакомится с ними на проселочных дорогах, много времени проводит в их избах, наблюдает за их работой. Писатель неизменно интересуется степенью их материального благосостояния, их отношением к барам, чиновникам, военной службе, к меняющимся — в связи с реформой — условиям жизни.

Особая роль в «Путевых письмах» и близких к ним тематически очерках «Мужицкий год» и «Небывальщина» (опубл. в «Искре» в 1864 г.) отведена фольклору. Народных песен здесь немного. Зрелищной стороне обрядов, в рамках которых исполняются песни, писатель уделяет мало внимания: Я. чужда традиция, начало которой положили И. П. Сахаров (Сказания русского народа о семейной жизни своих предков: В 3 ч. — СПб., 1836—1837) и И. М. Снегирев (Русские простонародные праздники и суеверные обряды. — М., 1837—1839. — Вып. 1—4), в чьих книгах описания многочисленных обрядов и праздников совершенно заслонили тяжелые стороны крестьянского быта. Гораздо чаще обращается Я. к прозаическим жанрам фольклора. Предания и легенды об Иване Грозном, о Разине и Пугачеве, о разбойниках, защищающих крестьян от барского произвола (о Тришке Сибиряке, о Сироте), давали возможность показать отношение народа к власти, его мечты о социальной справедливости, о возмездии за угнетение и жестокость. В то же время Я. всегда верен задаче объективного отражения народной жизни, социальных воззрений и мирозерцания народа. Поэтому он вводит в «Путевые письма» религиозные легенды, а также произведения, свидетельствующие о наивности представлений народа (поверья о нечистой силе, стерегущей клады, о летающей гадюке и т. п.).

Рассмотрение фольклорного материала в контексте современности, существующих или только что отошедших в прошлое социальных отношений характерно и для очерка «Прежняя рекрутчина и солдатская жизнь. По песням» (Прибавления к «Русскому инвалиду». — 1864. — № 8). Тексты песен, приводимых Я., и его комментарий к ним говорят о том, какой трагедией для крестьянской семьи, отдававшей в солдаты сына или мужа, была двадцатипятилетняя армейская служба, как сильна была в народе ненависть к солдатине.

С 1863 по 1868 г. Я. были написаны очерки «Велик бог земли русской!», «Бунты на Руси», «Чисти зубы, а то мужиком назовут!» (публ. в «Современнике» и «Отечественных записках»), отличавшиеся от более ранних его произведений ярко выраженным публицистическим характером. В них картины русской жизни обобщены, представлены в тщательно отобранных ситуациях. Основная тема очерков: осуществление крестьянской реформы и те ее последствия, которые выявились в первые пореформенные годы. В очерках даны язвительно-иронические характеристики помещиков, не желающих расставаться со своими привилегиями, мировых посредников, для которых «власть имеющие всегда правы» (Соч. — 1986. — С. 412), местных начальников, рапортующих об усмирении бунтов, которых не было, в надежде на получение награды, наконец, мужиков, вышедших в начальство и, следуя примеру полицейских и чиновников, быстро овладевших наукой «чистки зубов» (мордобоя) и взяточничества. В лучшем из очерков «Велик бог земли русской!» объектом осмеяния становится вся система социальных отношений в России, где ни один из классов не оказался подготовленным к реформе, носившей весьма компромиссный характер.

Собирательный образ народа, встающий со страниц «Путевых писем» и публицистических очерков Я., достоверен и выразителен. Именно в народе видит писатель носителя высоких нравственных начал, лучших черт национального характера. Безграничная доброта, гостеприимство, бескорыстие, готовность к самопожертвованию и взаимовыручке характерны для многих его персонажей из народных низов. Вместе с тем Я. далек от идеализации крестьянства. Он не скрывает того, что расхищение леса и поправа чужих посевов — обычное явление в деревенском быту, отмечает рабскую покорность крестьян, заставляющую их без сопротивления ложиться под плети (уже в пореформенное время большая группа мужиков по первому требованию самодура-чиновника бросает полевые работы и едет «сечья»), невежество, следствием которого является полная неспособность усвоить правовые нормы (крестьяне не могут разобраться в тексте манифеста и ждут, когда придут три «воли» от трех царей; боясь нарушить царскую волю, отказываются работать на

помещичьей земле на выгодных условиях или, наоборот, выполняют лишнюю работу на барина и не принимают вознаграждения). Растерянность крестьян в связи с установлением новых порядков вместе с их недоверием к образованным толкователям манифеста («Мужик решительно не верит ни во что, что выдуманно образованными...» — Соч. — 1986. — С. 504) постоянно вовлекает их в комические и трагикомические ситуации, толкает на нелепые (хотя отнюдь не злонамеренные) поступки, карающиеся поркой, штрафами, заключением в острог.

Одно из главных достоинств очерков Я. — правдивость воспроизведения русской действительности. Я. отказывается от искусственных сюжетных ходов, никогда не жертвует достоверностью изображаемого ради беллетристической занимательности. Для Я.-очеркиста характерно полное отсутствие морализаторства, скупость эмоциональных оценок, за исключением тех, которые относятся к области комического. К юмору (если речь идет о крестьянах), иронии и сарказму (в адрес представителей привилегированных классов) писатель прибегает довольно часто. На общем фоне прозы Я. выделяется эмоциональностью повествования и исповедальным тоном небольшой, ведущийся от имени одного из народных персонажей, рассказ о покинутой женом девушке (включен в очерк «Небывальщина»), где писателю удалось создать исполненный обаяния и нравственной силы образ русской крестьянки. Рассказ был высоко оценен В. Г. Короленко (Короленко В. Г. О литературе. — М., 1957. — С. 564). В центре единственной пьесы Я. — «Жалостливая комедия о том, как пить до дна — не видать добра» (написана в 1867 г., при жизни автора не публиковалась) — также незаурядный женский характер. Все произведения Я. отличаются предельной простотой слога. Будучи блестящим знатоком народного языка и воспроизводя его с большим мастерством, он никогда не перегружает высказываний своих персонажей диалектными словами и затейливыми речениями. Неприкрашенное изображение жизни социальных низов, очерковая форма сближают Я. с Н. И. и Г. И. Успенскими, А. И. Левитовым, Ф. М. Решетниковым, В. А. Слепцовым и др. представителями демократической литературы 60 гг.

Из очерков Я. и из воспоминаний о нем современников (и те, и другие писались с учетом цензуры) нельзя составить четкое представление о его политических взглядах.

Очевидно лишь то, что в отличие от революционеров-демократов он не видел в крестьянстве силы, способной к революционному преобразованию России, а воззрения славянофилов разделял только отчасти (Я. вполне сознавал невозможность возрождения патриархального уклада, но, по-видимому, возлагал надежды на

развитие некоторых форм самоуправления, сложившихся в народной среде).

Соч.: Сочинения П. И. Якушкина с портретом автора, его биографией С. В. Максимова и товарищескими о нем воспоминаниями...— Спб., 1884; Письма к Н. А. Некрасову // Литературное наследство.— М., 1949.— Т. 51—52; Соч.— М., 1986; Собрание народных песен П. В. Киреевского. Записки П. И. Якушкина: В 2 т.— Л., 1983, 1986.
Лит.: Ш [елгунов] Н. Народник Якушкин // Дело.— 1883.— № 12; Скабичевский А. М. История новейшей русской литературы. 1848—1908.— СПб., 1909.— С. 226—231; Базанов В. Павел Иванович Якушкин.— Орел, 1950; Баладин А. И. П. И. Якушкин. Из истории русской фольклористики.— М., 1969. Г. Г. Григорьева

ЯСИНСКИЙ, Иероним Иеронимович, псевдонимы — *Максим Белинский*, *Независимый*, *М. Чусов* [18(30).IV.1850, Харьков — 31.XII.1931, Ленинград] — прозаик, поэт, критик, публицист. Родился в семье обрусевшего польского дворянина. В детстве находился под сильным влиянием матери, Ольги Максимовны, дочери полковника М. С. Белинского, героя Бородинской битвы, имя которого стало одним из постоянных литературных псевдонимов Я. С одиннадцати лет Я. начал писать стихи, которые с восторгом принимались участниками литературно-музыкальных вечеров, устраиваемых в доме Ясинских. В автобиографических романах «Жар-птица» (1904), «Крепостники» (1916) и в книге воспоминаний «Роман моей жизни» (1926) детские годы оценивались Я. противоречиво: с одной стороны, быт поместной усадьбы идеализировался и крепостные наставники принимали явно стилизованный облик (няня Агафья в «Жар-птице»), а с другой — семейным раздором давались социальные и политические объяснения. Домашнее образование было продолжено в Черниговской гимназии, а затем — на естественном факультете Киевского университета (1868—1871). Заклучив в апреле 1871 г. брак с В. П. Ивановой, увлеченной идеями женской эмансипации, Я. вынужден был бросить университетский курс. Но «калейдоскоп научных фактов, теорий, профессорских анекдотов, опытов» (Роман моей жизни.— С. 69) позднее стал для него одним из источников художественного творчества. Возникшие в 1871 г. материальные затруднения ему не удалось преодолеть ни в результате переезда в Петербург (1872), ни земской службой в Чернигове (1873—1878), ни многолетним сотрудничеством в журналах «Будильник», «Развлечение», «Пчела», газете «Киевский телеграф».

Первый очерк Я. «Разрушение сословных перегородок» был опубликован в сентябре 1870 г. в еженедельнике «Киевский вестник», там же и в газете «Киевский телеграф» до 1878 г. появились его фельетоны о нравах помещанского сословия, стихи, короткие научные заметки. Многие наблюдения тех лет нашли отражение в сборнике Я. «Киевские рассказы» (1885). Однако творческие позиции и политические симпатии Я. определились лишь к началу 80 гг. С 1878 по 1880 г. он вел науч-

ные обзоры в журнале «Слово», разделяя в целом радикально-народнические идеалы редакции. Его талантливые популярные заметки об учении Ч. Дарвина составили цикл «Теория развития в ее борьбе за существование» (1878—1880). Рассказ «Начистоту» (1880) о нигилисте Сергееве, преданном «делу» некоей партии, послужил поводом для цензурной приостановки журнала. В 1881—1885 гг. психологические этюды и повести Я. часто публиковались в журналах «Отечественные записки», «Новое обозрение», «Вестник Европы», «Устои». В них читателей привлекали динамизм сюжета, элементы социальной критики, живая наблюдательность автора. Исповедь молодого человека в новелле «Ночь» (1880), «томящегося никчемностью» (Автобиография.— С. 200), близкого по мироощущению герою одноименного произведения В. М. Гаршина, и рассказ «Наташка» (1881), с протокольной точностью воспроизводящий трагедию нищей девочки, вынужденной торговать собой, закрепили за Я. репутацию писателя демократической ориентации. М. Е. Салтыков-Щедрин отнес Я. к новому литературному поколению, «похвальный листом» (Роман моей жизни.— С. 167) отметил повесть «Спящая красавица» (1883). Но радикальные убеждения Я. как показал его последующий путь, не были ни глубокими, ни последовательными.

Уже в первых сборниках Я. «Шесть рассказов» (1881), «Повести и рассказы» (1882), в романах и повестях «Бунт Ивана Ивановича» (1882), «Всходы» (1882), «Искра Божия» (1882), принесших ему широкую известность, проявились «склонность к фотографированию взамен творчества» (М и х а й л о в с к и й Н. К. Полн. собр. соч.— Т. VI.— С. 531) и повышенный интерес к аффектным состояниям грезы, болезни, страсти, сочетающийся со стремлением любые темы сделать легким чтением, подчинить их проблемам частной жизни, свести к столкновению совести и бунтующего «естества» («Бунт Ивана Ивановича»), долга и страсти (рассказы «Наташка», «Спящая красавица» и др.). В то же время Я. касался самых разных вопросов: о положении крестьян («Искра Божия»), о нищенстве чиновников («Киевские рассказы»), о росте проституции («Повести и рассказы»), о духовном растлении интеллигенции («Всходы», «Бунт Ивана Ивановича»). Но все эти темы он использовал для поддержания собственной популярности, часто меняя свои взгляды и эстетические ориентиры. Отдавая должное «бойкому» перу Я., Чехов писал о нем: «...Это или добросовестный мусорщик, или же умный пройдоха» (Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем. Письма.— М., 1975.— Т. II.— С. 230). В 1896 г. Я. был с теми, кто приветствовал провал премьеры чеховской «Чайки» (Там же.— Т. VI.— С. 251). Среди произведений Я. Чехов выделял рассказ «Пожар» (1888), в котором, несомненно, удачен подбор, казалось бы, незначительных реплик и деталей, точны

многие психологические характеристики. Приветствуя попытку Я. отыскать причины отчуждения людей друг от друга в обыденной жизни, превращающей смерть героя и пожар принадлежащего ему сена в события равновеликие, он назвал «Пожар» «превосходной вещью» (Там же.— Т. II.— С. 189).

Во второй половине 80 гг. Я. пытался обосновать неопределенность своей литературно-общественной позиции концепцией «чистого искусства», понятой весьма упрощенно. Поэтический ее вариант («Стихотворения», 1888) был, по словам Н. К. Михайловского, «нагромождением слов и фраз» (Полн. собр. соч.— Т. VI.— С. 606). В одном из критических очерков, ставшем его эстетическим манифестом (Заря.— 1884.— № 179.— 11 авг.), Я. писал: «Роман должен быть выше ходячих научных и общественных мнений». В действительности же романы Я. после 1884 г. имели явно тенденциозный характер. Не отказываясь от бытописательства в духе французских натуралистов и П. Д. Боборыкина, Я. создал ряд охранительных произведений, определивших содержание его дооктябрьского творчества: «Иринарх Плутархов» (1886), «Старый друг» (1887), «Великий человек» (1888), «Первое марта» (1900), «Под плащом Сатаны» (1909) и др. Будучи плодотворным автором, он очень скоро достиг той материальной независимости, о которой мечтал. К 1889 г. Я. выпустил два собрания повестей и романов. Произошли изменения в личной жизни: Я. вступил в гражданский брак с М. И. Астрономовой-Дубровиной, незаурядной переводчицей. Свою жизнь Я. противопоставлял быту революционеров, изображая его памфлетно. Радикал Петя Крохобор, одержимый манией величия Плутархов («Иринарх Плутархов»), разочаровавшийся в народничестве художник Божинский («Великий человек»), новые «бесы» Твердов и Алоизов («Под плащом Сатаны») в совокупности составили карикатурный портрет русской интеллигенции. М. Горький, называя Я. «грязным, злым старикашкой» (Горький М. Собр. соч. Письма.— М., 1955.— Т. XXIX.— С. 193), вслед за Михайловским отмечал пассивный тон его романов. «Мне кажется,— писал он автору по поводу романа «Под плащом Сатаны»,— что Вы писали эту повесть, не имея точного представления о среде, в коей происходит действие, а также о людях, Вами изображаемых» (Горький М. Собр. соч. Письма.— Т. XXIX.— С. 210).

Закономерно, что начиная с 90 гг. Я. сотрудничал исключительно в консервативной печати. Редактируя газету «Биржевые ведомости» (1898—1902) и литературное приложение к ней «Новое слово» (1908—1914), журналы «Ежемесячные сочинения» (1900—1903), «Почталъон» (1903—1909), «Беседа» (1903—1907), публиковал

под псевдонимом «Независимый» нравоучительные очерки, предназначенные для провинциального читателя, о вреде суеверий, спиритизма, пьянства, казнокрадства и о пользе просвещения. С 1903 г. «Собрания бесед Независимого» выходили отдельными изданиями и представляли собой своеобразное дополнение к неопозитивистскому, наивно религиозному трактату Я. «Этика обыденной жизни» (1898), оправдывающему идеалы бытового благополучия. Поверхностностью суждений отличались и критические статьи М. Чуносова (1904) о бытовом поведении Гоголя, о «Фоме Гордееве» Горького, рассказах Л. Н. Андреева, поэзии Д. С. Мережковского и др.

Проза 90—900 гг. отражала стремление Я. создать своеобразную энциклопедию психологических типов русского интеллигента, охватив разные стороны литературного, научного и артистического быта («Ординарный профессор», «Трагики» и др.). Бесплодной оказалась попытка Я. соединить натурализм и модернистскую поэтику. Скабрзность повествования, банальность любовных историй в «Людах и нелюдах» (1904), дополненных кладбищенской мистикой в повестях «Нечистая сила» (1896), «Убийство на постоялом дворе» (1897) и др., привели к тому, что произведения Я. оказались на периферии литературного процесса.

Свою позицию после Октября Я. обозначал как «внезапный большевизм» (Роман моей жизни.— С. 334). Однако сочиненная им в 1919 г. «революционная» трагедия «Последний бой» по существу оказалась фарсом «с треском пулеметов, неразделенной любовью и маршами. С 1918 г. Я. сотрудничал в Пролеткульте: редактировал журналы «Красный огонек» (1918), «Пламя» (1919), писал научно-фантастические рассказы для детей, перевел поэму Ф. Энгельса «Вечер» (1923). Вышедшие в 1919 г. сборники стихотворений Я. «На земле», «Воскреснувшие сны», «Книга любви и скорби» были сдержанно встречены критикой: в них, как отмечал рецензент сборника «Воскреснувшие сны», «безграмотный стихотворный вздор выдается за историческую философию Маркса», «воскреснувшие давнишние сны поэта» — за новую поэзию (А н г а р с к и й Н. Заметки о поэзии и поэтах.— С. 22—23). Но мемуары Я. «Роман моей жизни», повествовавшие о парадоксах судьбы «восьмидесятника» в эпоху реакции и революции и составившие, по словам автора, небольшую часть общей «истории развития личности среднего русского человека» (Роман моей жизни.— С. 3), бесспорно, имеют историко-литературное значение: в очерках, посвященных М. Е. Салтыкову-Щедрину, В. М. Гаршину, Н. А. Лейкину, А. П. Чехову, отражены многие важные подробности литературного быта 80—90 гг.

Соч.: Полн. собр. повестей и рассказов.— Спб., 1888.— Т. I—IV; Собр. романов.— Спб., 1888—1889.— Т. I—3; Автобиография // Первые литературные шаги. Автобиографии современных русских писателей / Сост. Ф. Ф. Фидлер.— М., 1911.— С. 198—203; Шесть рассказов.— Спб., 1881; Киевские рассказы.— Киев, 1885; Семидесятые годы. Повести и рассказы. 1879—1886.— 2 изд.— Спб., 1901; Люди и не люди. Рассказы.— Спб., 1904; На земле. Стихотворения (1870—1919).— Спб., 1919; Этика обыденной жизни.— Спб., 1898; Собрание бесед Независимого.— Спб., 1903.— Т. I—4; Критические статьи.— Спб., 1904; Ординарный профессор.— Спб., 1897; Жар-птица.— Спб., 1904; Под плащом Сатаны.— Спб., 1911; Крепостники.— М., 1916; Роман моей жизни. Книга воспоминаний.— М; Л., 1926; Втуенко. Граф. Гриша Горбачев // Писатели чеховской поры. Избр. произв. писателей 80—90-х годов: В 2 т. / Вступ. ст., сост. и коммент. С. В. Букчина.— М., 1982.— Т. I.— С. 342—397; Пожар // Спутники Чехова / Собр. текстов, ст. и коммент. В. Б. Катаева.— М., 1982.— С. 200—213.

Лит.: Михайловский Н. К. Дневник читателя // Полн. собр. соч.— 2-е изд.— Пб., 1909.— Т. VI.— С. 528—531, 593—617; Измайлов А. И. И. Ясинский // Литературный Олимп. Характеристики, встречи, портреты, автографы.— М., 1911.— С. 397—414; Г. Л. И. (Глиниский Б. Б.). Торжественное чествование И. И. Ясинского. По случаю 40-летия его литературной деятельности // Исторический вестник.— 1911.— № 2.— С. 624—709; Ангарский Н. (Клестов Н. С.). Заметки о поэзии и поэтах // Творчество.— 1919.— № 1—3.— С. 22—23; Громов Л. П. Чехов и «картель» восьмидесятников // А. П. Чехов. Сб. ст. и материалов.— Ростов н/Д, 1959.— Вып. 1.— С. 144—150; Башкеева В. В. Беллетристика И. И. Ясинского и основные тенденции прозы «Отечественных записок» // Вестник Московского университета.— 1983.— Сер. 9.— № 5.— С. 65—71; Муратов А. Б. Проза 1880-х годов // История русской литературы. Литература конца XIX—начала XX века (1881—1917).— Л., 1983.— Т. 4.— С. 34—36; Русская повесть XIX века. История и проблематика жанра / Под ред. Б. С. Мейлаха.— Л., 1973.— С. 495—496.
Ю. Г. Милюков

Русские писатели. Биобиблиогр. слов. [В 2 ч.] Ч. 2. М — Я/
Р89 Редкол.: Б. Ф. Егоров и др.; Под ред. П. А. Николаева.—
М.: Просвещение, 1990.—448 с., 4 л. ил.— ISBN 5-09-001172-9

Книга, выходящая в двух частях, включает более 300 статей о жизни и творчестве русских писателей и литературных критиков XIX — начала XX века (до 1917 года). В каждой статье освещаются основные факты биографии писателя и дается общая характеристика его творчества. При этом для специального анализа выделены наиболее важные (в особенности включенные в школьную программу) произведения и критические статьи. Раскрываются связи писателя с эпохой и значение его литературного наследия. Акцентируется внимание на воспитательном аспекте творчества и личности писателя. Все статьи снабжены библиографией.

Главный адресат книги — учитель литературы. Словарь может быть полезен старшеклассникам, студентам-филологам, библиотекарям, журналам и всем интересующимся историей русской литературы.

Учебное издание
Под редакцией
НИКОЛАЕВА
ПЕТРА АЛЕКСЕЕВИЧА
РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ
Библиографический словарь
В ДВУХ ЧАСТЯХ
Часть вторая
М—Я

Зав. редакцией *В. П. Журавлев*
Редактор *Т. П. Казымова*
Переплет художника *М. К. Шевцова*
Художественный редактор *Н. М. Ременникова*
Технический редактор *С. С. Якушкина*
Корректор *Е. В. Чамаева*

ИБ № 13969

Сдано в набор 24.05.89. Подписано к печати 20.04.90. А 06369. Формат 70×90¹/₁₆. Бум. офс. № 2. Гарнитура литературная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 32,96+0,58 вкл.+0,29 форз. Усл. кр.-отт. 34,22. Уч.-изд. л. 62,81+0,37 вкл.+0,48 форз. Тираж 350 000 экз. (1-й завод 1—100 000 экз.). Заказ № 2840. Цена в переплете № 5 — 3 р. 40 к., в переплете № 7 — 3 р. 50 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Просвещение» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 129846, Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Набрано на Саратовском ордена Трудового Красного Знамени полиграфическом комбинате Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 410004, Саратов, ул. Чернышевского, 59.

Отпечатано на Калининском ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР Госкомиздата РСФСР. 170040, Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

«...КОГДА
В ЛИТЕРАТУРЕ
ЕСТЬ ТОЛСТОЙ,
ТО ЛЕГКО И ПРИЯТНО
·БЫТЬ ЛИТЕРАТОРОМ;
ДАЖЕ СОЗНАВАТЬ,
ЧТО НИЧЕГО
НЕ СДЕЛАЛ
И НЕ ДЕЛАЕШЬ,
НЕ ТАК СТРАШНО,
ТАК КАК ТОЛСТОЙ
ДЕЛАЕТ ЗА ВСЕХ.
ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
СЛУЖИТ ОПРАВДАНИЕМ
ТЕХ УПОВАНИЙ
И ЧАЯНИЙ,
КАКИЕ НА ЛИТЕРАТУРУ
ВОЗЛАГАЮТСЯ».

А. П. Чехов

«МАКСИМ ГОРЬКИЙ
ИГРАЕТ В ИСТОРИИ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИСКЛЮЧИТЕЛЬНУЮ РОЛЬ
НЕ ТОЛЬКО ПО СВОЕМУ
ПЕРВОКЛАССНОМУ ТАЛАНТУ,
ПО ВЫСОКОХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ФОРМЕ
И ЗНАЧИТЕЛЬНОМУ СОДЕРЖАНИЮ
СВОИХ МНОГОЧИСЛЕННЫХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ,
НО И КАК ПЕРВЫЙ
МОГУЧИЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ
ЭПОХИ
ПРОЛЕТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ».

А. В. Луначарский

3 р. 50 к.

